СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ
6353

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

73

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

36

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1903 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

БИБЛІОТЕКА ... ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

СТРАН.

Л. Н. Майковъ. Матеріалы для біографіи кн. А. Д. Кантемира. Съ введеніемъ и примѣчаніями проф. В. Н. Александренко..... № 1. XIII и 1—344

Тринадцатое присужденіе премій имени А. С. Пушкина 1899 года. Отчетъ и рецензіи I—V. ..... № 2. II и 1—159

Отчетъ о первомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ присужденіи премій митрополита Макарія..... № 3. 1—102

С. М. Кульбакинъ. Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка. I. Фонетика сважендзскаго говора. II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ ..... № 4. VIII и 1—224

Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ. Выпускъ VIII..... № 5. IV и 1—246

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIII, № 1.

Л. Н. Майковъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

БІОГРАФІИ КН. А. Д. КАНТЕМИРА.

СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

ПРОФ. **В. Н. Александренко.**

Пров. 50

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1903 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Переписка кн. А. Д. Кантемира въ иностранныхъ и русскихъ архивахъ.

Въ ноябрѣ 1888 года Л. Н. Майковъ узнавъ о моемъ намѣреніи совершить поѣздку въ Англію для дальнѣйшихъ занятій въ архивахъ Лондона обратился ко мнѣ съ просьбою навести справки въ Оксфордѣ, дѣйствительно ли существуютъ тамъ письма кн. Кантемира, какъ на это указывала небольшая замѣтка, появившаяся въ Моск. Вѣд. 1878 г. (въ № 258)[1]. Леонидъ Николаевичъ интересовался тогда не столько дипломатической дѣятельностью кн. Кантемира, сколько главнымъ образомъ частной его жизнью, заграничной средой и обстановкой перваго русскаго сатирика, его научными и литературными связями. Л. Н. стремился къ отысканію новыхъ данныхъ, болѣе освѣщающихъ личность кн. Кантемира, какъ «человѣка замѣчательно образованнаго[2]) по своему времени». Такова была основная идея, руководившая нами при изученіи и изданіи этой переписки кн. Кантемира. Остановимся на ея составѣ. Въ Оксфордѣ въ Бодлеевой библіотекѣ, въ отдѣленіи

---

[1]) Замѣтка очевидно составлена на основаніи свѣдѣній обнародованныхъ въ журналѣ The Athenaeum отъ 25 мая 1878 № 2639. Подробнѣе см. мои письма изъ Лондона къ Л. Н. (бывш. тогда редакторомъ Жур. М. Н. Пр.) въ Жур. Мин. Нар. Просв. авг. сент. 1889.

[2]) Пис. Л. Н. изъ Петербурга отъ 24 іюля 1889 г.

рукописей, когда то пожертвованныхъ Роулинсономъ, найдены письма кн. Кантемира къ его другу Замбони. Въ Лондонскомъ [1]) Госуд. Архивѣ (Public Record office) хранится его оффиціальная переписка (ноты, записки, письма) съ англійскими министрами по поводу текущихъ вопросовъ внѣшней политики. Но особенно богатъ отдѣлъ писемъ и бумагъ кн. Кантемира въ Московскомъ [2]) Архивѣ мин. ин. дѣлъ. Въ немъ хранятся: 1) рескрипты, грамоты, которыя посылались къ кн. Кантемиру сначала въ Лондонъ (1732 — 1738), затѣмъ въ Парижъ (1738 — 1744) его отечественнымъ правительствомъ; 2) оффиціальныя донесенія кн. Кантемира къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Аннѣ Леопольдовнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ и въ коллегію ин. д. (разныхъ родовъ реляціи и письма); 3) отпуски таковыхъ, важные, между прочимъ, для установленія особенностей языка, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ записывались кн. Кантемиромъ собственноручно, тогда какъ реляціи (особенно важнѣйшія) посылались шифрованными, и затѣмъ расшифрованныя переписывались чиновниками иностранной коллегіи; 4) отпуски писемъ и подлинныя письма кн. Кантемира къ русскимъ дипломатическимъ представителямъ, аккредитованнымъ при иностранныхъ дворахъ; 5) отпуски писемъ къ частнымъ лицамъ; 6) письма разныхъ лицъ къ князю Кантемиру (въ отд. Лондонской и Парижской миссіи) [3]). Данныя, извлеченныя нами изъ названныхъ архивовъ, напечатаны на стр. 1 — 210, съ 211 и до 291 идутъ письма, доставленныя Леопиду Николаевичу другими лицами, но редакція текста какъ тѣхъ, такъ и другихъ уста-

---

[1]) Въ Лондонскомъ Гос. арх. и въ Парижскомъ Архивѣ мин. ин. д. хранятся его кредитивныя грамоты. Въ Архивѣ Бастиліи (Bibl. de l'Arsénal № 10287 и 10288) нами были отысканы и списаны копіи донесеній агентовъ тайной полиціи, наблюдавшихъ иногда за кн. Кантемиромъ, но къ сожалѣнію послѣ смерти Л. Н. еще не удалось отыскать этихъ копій. О нихъ см. Жур. Юр. Общ. при С.-Пет. Унив. 1896 янв. стр. 47—48; Рус. дипл. агенты въ Лондонѣ, т. I, стр. 368—372.

[2]) Нѣсколько копій было списано въ С.-Петербургскомъ Госуд. Архивѣ (письма къ Бирону, Лестоку и др.) и въ Арх. Акад. Наукъ.

[3]) Въ Библіотекѣ Моск. же Архива м. и. д. находятся списки частью извѣстныхъ и нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ сочиненій кн. А. Д. Кантемира и его отца кн. Димитрія Кантемира.

новлена лично Леонидомъ Николаевичемъ послѣ тщательнаго и продолжительнаго ихъ изученія.

Трудолюбивый и талантливый изслѣдователь хотѣлъ еще присоединить къ этому изданію свои примѣчанія и введеніе, но многосложныя занятія и другіе литературные труды отвлекли его вниманіе въ сторону, и смерть унесла его въ могилу, прежде чѣмъ удалось ему осуществить свое намѣреніе.

В. Александренко.

ВВЕДЕНІЕ.

Дипломатическая служба кн. А. Д. Кантемира въ Лондонѣ и Парижѣ.

Въ концѣ 1731 года возобновлены были дипломатическія сношенія Россіи съ Англіей[1]) и русскимъ резидентомъ въ Лондонѣ былъ аккредитованъ сынъ бывшаго молдавскаго господаря князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ. Это былъ молодой еще человѣкъ (род. 8 сентября 1708 года), но уже съ раннихъ лѣтъ обращавшій на себя вниманіе своими способностями и своими познаніями. Первоначальное воспитаніе кн. Кантемиръ получилъ въ домѣ своего отца кн. Димитрія Кантемира, избравшаго наставниками для своихъ дѣтей своего секретаря Ильинскаго и православнаго монаха Кондоиди, дальнѣйшее же свое образованіе князь Антіохъ закончилъ въ Петербургѣ подъ руководствомъ нашихъ первыхъ академиковъ[2]). Давно уже кн. Кантемиръ стремился въ Европу[3]) и только теперь состоявшееся назначеніе (дек. 24, 1731) переносило его изъ Москвы въ Лондонъ, этотъ центръ европейской учености въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Въ теченіе своего пребыванія въ Англіи (1732 — 1738) кн. Кантемиръ является прежде всего оффиціальнымъ представите-

---

[1]) Подробности см. въ моемъ введеніи къ Реляціямъ кн. А. Д. Кантемира. Москва 1892, стр. III — VII.

[2]) Байера, Бернулли, Бильфингера, Х. Гросса и Мейера. Пекарскій, Ист. Ак. н. т. II, стр. 15; Мат. для ист. Ак. н. т. IV, 442—443; VI, 61; Байеръ, Исторія о жизни и дѣлахъ кн. Константина Кантемира (Москва 1783) стр. 333—334.

[3]) См. его челобитную императору Петру Великому отъ 24 мая 1724; и указъ кол. ин. д. 8 сентября 1729, коимъ опредѣлено было взять въ коллегію кн. А. Кантемира и отправить его «для наукъ» въ иностранныя государства и сперва во Францію къ гр. А. Г. Головкину. (Изъ арх. Лонд. мис. т. г.).

лемъ внѣшней политики и интересовъ отечественнаго правительства. Онъ настаивалъ на признаніи Англіей императорскаго титула, стремился, хотя и тщетно, къ заключенію политическаго союза, и добился все таки отправленія со стороны Англіи посла въ Петербургъ (лорда Форбеса)[1]), и удаленія изъ Константинополя[2]) интриговавшаго тамъ противъ Россіи англійскаго посла лорда Кинуля. Послѣ заключенія торговаго трактата[3]) (2 дек. 1734 года) кн. Кантемиръ первый изъ русскихъ дипломатическихъ представителей высказалъ мысль объ учрежденіи русскаго консульства въ Лондонѣ и рекомендовалъ на этотъ постъ русскому правительству своего друга Замбони, съ которымъ поддерживалъ оживленную переписку. Не всѣ, однако, виды русскаго правительства соотвѣтствовали личнымъ взглядамъ и симпатіямъ князя Кантемира. Инструкція (п. 13) предписывала князю Кантемиру поддерживать дружественныя сношенія съ представителями Австріи и Пруссіи, но съ ними у него не сложилось близкихъ отношеній, не завязалъ онъ связей и съ англійскими лордами, какъ это было впослѣдствіи съ гр. С. Р. Воронцовымъ. Съ дѣтства вращавшійся среди первыхъ сановниковъ русской имперіи, видѣвшій въ домѣ отца своего иностранныхъ принцевъ и дипломатовъ—кн. Кантемиръ никогда не тяготѣлъ къ сильнымъ міра сего[4]) и потому и въ Лондонѣ онъ сблизился съ второстепенными членами дипломатическаго корпуса, людьми мало замѣтными по своему положенію, но интересовавшимися вопросами науки, литературы и искусства. Преимущественно это были итальянцы[5]) (Замбони, Пучи, Озоріо

---

[1]) О немъ въ реляціяхъ т. I, стр. 42, 146; въ Москов. Арх. м. ин. д. анг. д. 1733 св. 36 № 11; Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 76.

[2]) См. прим. 17 къ письму отъ 18 мая 1735 (№ 34).

[3]) Мартенсъ, Собр. трактатовъ т. IX стр. 73 — 90.

[4]) Пис. къ Монконсель стр. 29, 1737 стр. 83: j'ai appris par expérience qu'il vaut mieux d'être moins poli avec les gros seigneurs. *Ne les chercher pas quand on n'en a pas besoin, est le meilleur moyen de s'en faire rechercher.*

[5]) По словамъ Байера кн. Кантемиръ отличался «пріятнымъ обхожденіемъ» (стр. 338), что привлекало къ нему людей даже мало его знавшихъ. Упоминаемый интимный кружокъ его знакомыхъ состоялъ изъ 7 лицъ (nous sommes sept confrères, стр. 108).

и др.), и въ ихъ средѣ князь Кантемиръ проводилъ часы своего досуга, подъ ихъ вліяніемъ онъ изучилъ новѣйшіе языки, познакомился съ сочиненіями Аріосто, Тассо, Альгаротти, Ролли и съ переводами классиковъ на итальянскій языкъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ принимается за изученіе англійской литературы (произведеній Локка, Мильтона, Попа и Рочестера), а работами Свифта интересуется до послѣднихъ дней жизни. Не смотря на кратковременное пребываніе въ чужой странѣ, на кн. Кантемира, какъ и на его великихъ современниковъ (Бюффона, Вольтера, Монтескье), Англія имѣла большое культурно-воспитательное вліяніе. Эта страна поражала его свободою своихъ правовъ[1]), блескомъ своей цивилизаціи, тѣмъ почетнымъ положеніемъ, какое пріобрѣли себѣ тамъ люди науки и литературы. Подъ вліяніемъ Англіи и у русскаго сатирика крѣпнетъ вѣра въ науку, и въ ея обновляющее дѣйствіе на русское общество. Воспитанный реформой Петра Великаго, онъ благоговѣйно чтитъ память Преобразователя[2]) Россіи, желаетъ распространенія просвѣщенія въ своемъ отечествѣ путемъ культурнаго общенія съ западомъ и въ теченіе многихъ лѣтъ (какъ въ Лондонѣ, такъ и въ Парижѣ) является дѣятельнымъ посредникомъ между западно-европейскими и русскими учеными.

Въ эпоху кн. Кантемира политическій строй Англіи въ особенности обращалъ на себя вниманіе выдающихся мыслителей Европы. Имъ восторгался Вольтеръ, предъ нимъ преклонялся и геній Монтескье. Въ отличіе отъ этихъ философовъ кн. Кантемиръ не углублялся въ изученіе государственныхъ учрежденій Англіи; лучи его математическаго ума направлялись въ другую сторону — на внутренній міръ человѣка, а не на анализъ его отношеній къ обществу и государству. Только впослѣдствіи во Франціи, когда онъ ближе познакомился съ исторіей этой страны, и ея режимомъ — сравненіе напрашивалось само собой и особен-

---

[1]) Пис. 9 янв. 1738, стр. 95.

[2]) Янв. 21, 1737 къ м. Монконсель, стр. 71—72.

ности государственнаго строя Англіи выросли передъ нимъ въ всемъ ихъ величіи. Апрѣля 18, 1738 года князь Кантемиръ былъ пожалованъ званіемъ камергера и велѣно было ему ѣхать въ характерѣ полномочнаго министра [1]) къ французскому двору. 2/13 сентября князь Кантемиръ выѣхалъ изъ Лондона и 8/19 прибылъ въ Парижъ, съ которымъ познакомился еще въ 1736 году [2]). Служба при новомъ дворѣ представляла непреодолимыя затрудненія. Кн. Кантемиру приходилось отстаивать политику Россіи, враждебно дѣйствовавшей по отношенію къ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ (Швеціи, Польшѣ и Турціи), тогда какъ эти державы своей солидарностью [3]) составляли восточный оплотъ [4]) Франціи, были ея исконными союзниками въ борьбѣ съ традиціоннымъ врагомъ Франціи — Австріей, съ которой Россія же заключила оборонительный и наступательный союзъ (6 авг. 1726 г.). «Ваше Величество (писалъ князь Кантемиръ въ іюлѣ 1740 года) легко судить изволитъ, что отъ здѣшняго двора никакой пользы себѣ ожидать не можетъ», и таковъ основной топъ его донесеній изъ Парижа. Съ своей стороны и французское правительство не было расположено къ князю Кантемиру. Король и королева выказывали ему холодность, Флери и Амело относились къ нему съ недовѣріемъ, его считали англоманомъ и въ то время когда Шетарди усиленно интриговалъ въ Петербургѣ — за княземъ

---

[1]) Въ Англіи въ званіе полномочнаго министра кн. К — ъ возведенъ былъ рескриптомъ 17 іюля 1733 года. Кредитивныя грамоты кн. К — у на званіе полномочнаго министра (апр. 18, 1738), чрезвычайнаго посла (дек. 11, 1738) и снова полномочнаго министра (сентября 24, 1742) хранятся въ Париж. Арх. м. и. д. Russie № 30, 31 и 41. Выписка объ опредѣленіи кн. Кантемира въ Парижъ д. фр. въ Моск. Арх. м. и. д. 1738 св. 43; инструкція въ Пам. нов. рус. ист. т. III (СП. 1873) 119 — 126, реляціи 127 — 255 и у Стоюнина, Кн. А. Кантемиръ въ Парижѣ, Вѣстн. Евр. 1880 авг. и сент.

[2]) Кн. Кантемиръ прибылъ въ Парижъ 6/17 августа 1736 г. и 5 сентября вернулся опять въ Англію. Во время этой поѣздки кн. Кантемиръ познакомился съ докторомъ Жандрономъ и маркизой Монконсель.

[3]) 19 іюля 1740 года, благодаря Вильневу, былъ заключенъ въ Константинополѣ союзъ между Турціей и Швеціей.

[4]) Barrière de l'Est; о немъ у Rambaud, Rec. des Instructions, Russie. Paris 1890, XXI — XXXIX.

Кантемиромъ (осенью 1741 года) тайно наблюдали въ Парижѣ [1]) и даже хотѣли его удаленія изъ Франціи [2]). Какъ и въ Англіи, въ Парижѣ общество кн. Кантемира ограничивалось небольшимъ числомъ друзей, преимущественно ученыхъ. Въ Парижѣ кн. Кантемиръ сблизился съ извѣстнымъ въ свое время математикомъ — философомъ, другомъ Фридриха Великаго, Мопертюи, и черезъ посредство кн. Кантемира Мопертюи былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Петербурской Академіи Наукъ. Во Франціи кн. Кантемиръ завязалъ сношенія съ Вольтеромъ и ученымъ аббатомъ Гваско, другомъ Монтескье, написавшимъ впослѣдствіи его біографію [3]), но все же привязаться къ этой

---

[1]) Данныя тайнаго надзора за кн. Кантемиромъ, хранящіяся въ Архивѣ Бастиліи (Bibl. de l'Arsénal № 10287 и 10288) такъ рисуютъ жизнь кн. Кантемира въ Парижѣ: князь вставалъ довольно рано и иногда въ 10 часовъ утра уже уходилъ изъ дому; обѣдалъ около 3 часовъ, около 10 часовъ ложился спать. По свойственной ему осторожности прислугу бралъ къ себѣ въ домъ надежную, по рекомендаціи, что затрудняло наблюденіе за нимъ. Иногда выходилъ изъ дому съ книгою и гулялъ въ саду Тюльери, но бывали дни (дон. отъ 9 сентября и 13 октября 1741), когда князь цѣлый день не выходилъ со двора и только вечеромъ уѣзжалъ въ театръ. По улицамъ ходилъ такъ быстро, что агенты не успѣвалъ слѣдовать за нимъ (дон. 3 дек.: il a pris la rue du Bacq et allant trop vite on l'a perdu de vue).

[2]) Амело къ Шетарди янв. 21, 1742: je ne dois point vous laisser ignorer que de tous les ministrs étrangers qui sont ici il n'y a point, qui soit si anglais et si autrichien que le prince de Cantemir. Согласно депешѣ и Шетарди къ Амело (отъ 24 февр. 1742. Сб. И. Р. И. О. т. 86, стр. 86) онъ хотѣлъ поднять вопросъ объ отозваніи кн. Кантемира, но не рѣшался, зная, что ему покровительствуетъ кн. А. М. Черкасскій.

[3]) Въ русской литературѣ, благодаря В. Я. Стоюнину, и до сихъ поръ существуетъ заблужденіе, будто бы біографію кн. Кантемира написалъ аббатъ Венути. См. Сочиненія кн. Кантемира С. Петербургъ 1867 т. I вв. стр. XVI; Вѣст. Евр. 1867 мартъ стр. 227; И. И. Шимко, Нов. данныя къ біогр. кн. Кантемира, С.-П. 1891, стр. 19, 146 и др. Между тѣмъ во французской литературѣ Дасье (M. Dacier) въ своей Eloge de M. l'abbé de Guasco (Hist. de l'Academie des Inscr. et. B.-L. t. 45 p. 186—195) прямо говоритъ: son premier essai en Français fut la traduction des Satyres Russes du Prince Cantemir, Ambassadeur de Russie à la cour de France, également recommandable comme Ministre et comme homme de ettres et dont il est devenu l'ami. Il ne publia cette traduction que plusieurs années après la mort du Prince dont il écrivit alors la vie qu'il a mise à la tête des Satyres. Точно также Бантышъ-Каменскій (Слов. достопам. людей, ч. III, 33, Москва 1836), митрополитъ Евгеній (Слов. рус. свѣт. писателей т. I, 269—271, Москва

странѣ онъ не могъ, — она не удовлетворила его духовнымъ запросамъ. Повидимому и въ самомъ характерѣ кн. Кантемира совершилась перемѣна послѣ переѣзда изъ Англіи. Попавъ въ городъ, гдѣ удовольствія представлялись на каждомъ шагу, гдѣ дворъ былъ особенно блестящъ—кн. Кантемиръ тяготится свѣтской жизнью, и живетъ почти отшельникомъ. Положительныя науки здѣсь менѣе его интересуютъ, его главный интересъ со средоточивается на вопросахъ философіи, этики, и въ особенности религіи.

Не смотря на свою воздержную, скромную жизнь, въ 1740 году кн. Кантемиръ сталъ ощущать болѣзненные припадки въ желудкѣ и почкахъ. Въ 1741 году онъ пользовался Ахенскими источниками, лѣтомъ 1743—Пломбіерскими, но и отъ послѣднихъ здоровье его не улучшалось. Въ прошеніи на Высочайшее имя (отъ 5/16 января 1744) кн. Кантемиръ писалъ къ Императрицѣ: «всенижайше именемъ Божіимъ и со слезами в. и в. прошу, чтобъ всемилостивѣйше мнѣ пожаловали позволеніе ѣхать прямо въ Италію и великодушное денежное награжденіе указать на ту поѣздку». Вечеромъ 6 февраля, когда прошеніе кн. Кантемира было доложено Императрицѣ вицеканцлеромъ гр. А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, нерасположеннымъ къ кн. Кантемиру[1]) — Императрица выразила свое удивленіе по поводу ходатайства Кантемира о пособіи. Ему ставили въ упрекъ, что онъ жалуется на свою нужду, получая, будучи полномочнымъ министромъ, 15 тыс. р. въ годъ, но при этомъ забывали, что его предшественникъ гр. А. Г. Головкинъ получалъ 48 тысячъ р. Въ отвѣтномъ рескриптѣ отъ 14 февраля[2]), въ которомъ сказалась злоба вицеканцлера — кн. Кантемиру разрѣшено было отправиться въ Италію на 4 мѣсяца, но безъ пособія и лишь съ правомъ получать причитающееся ему за эти мѣсяцы содержаніе.

1845), въ Англіи Musgrave въ надписи, сдѣланной имъ 23 іюля 1790 г. на экземплярѣ сатиръ кн. Кантемира (Satyres du Prince Cantemir à Londres MDCCL), единогласно свидѣтельствуютъ, что біографъ русскаго сатирика—аббатъ Гваско.

[1]) Арх. кн. Воронцова, кн. I, стр. 356—405; VI, 30—33.

[2]) Моск. Арх. м. и. д. фр. д. 1744 св. 69.

Князь Кантемиръ не успѣлъ воспользоваться даннымъ разрѣшеніемъ и когда рескриптъ былъ полученъ въ Парижѣ — онъ уже думалъ о скорой разлукѣ съ этимъ міромъ. Подобно Свифту онъ составилъ передъ смертью свое духовное завѣщаніе, 10/21 марта подписалъ его собственноручно[1]), а 23 марта (2 апрѣля) около часу по полудни завѣщаніе прочитано было ему въ переводѣ на французскомъ языкѣ нотаріусами Пултіеромъ и Жирольтомъ, каковое онъ также скрѣпилъ своею подписью. Марта 31 въ субботу на святой недѣлѣ Кантемиръ почувствовалъ приближающуюся свою кончину и «призывая имя Божіе крестнымъ знаменіемъ, скончался». Воспитанный въ греческой семьѣ Кантемиръ умеръ вѣрнымъ сыномъ своей церкви вопреки надеждамъ, когда то лелѣяннымъ Жюбе, и увѣщаніямъ аббата Гваско, постигшаго слабыя стороны религіозныхъ вѣрованій своего друга.

Письмомъ отъ 11 апрѣля (31 марта) Гроссъ[2]) сообщилъ оффиціально французскому правительству о смерти русскаго полномочнаго министра, а на другой день (1/12 апрѣля) послалъ и въ Россію реляцію къ Высочайшему двору съ извѣщеніемъ о кончинѣ его дипломатическаго представителя. Въ отвѣтномъ письмѣ на нотификацію Гросса французскій министръ иностранныхъ дѣлъ — Амело въ обычныхъ терминахъ выражалъ свое соболѣзнованіе. По словамъ Гросса онъ «много распространялся въ похвалахъ покойнаго князя, только какъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ, такъ и при свиданіи ни словомъ не отозвался со стороны

---

[1]) Написанное на рус. яз. завѣщаніе хранится въ Москов. Арх. м. и. д. Фр. д. 1744 св. 69; на франц. за подписью Girault и Poultier. ibid. св. 68.

[2]) Письмо Гросса и отвѣтъ къ нему Амело напечатаны въ нашей брошюрѣ Къ біографіи кн. Кантемира. Варшава 1896, стр. 5, прим. 2 и стр. 6 прим. 1. Тамъ же приведена опись его оффиціальныхъ и частныхъ бумагъ (§ 3), рукописей и книгъ, оставшихся въ его библіотекѣ (847 названій, стр. 15 — 46). О другихъ бумагахъ покойнаго князя см. Арх. князя Воронцова по росписи (Москва 1897) стр. 143 b. v.; и у И. И. Шимко, Новыя данныя къ біографіи кн. А. Д. Кантемира стр. 8 и слѣд. (указаны неизвѣстные до сихъ поръ документы, хранящіеся въ Моск. Арх. мин. юстиціи въ 15 св.).

королевской и король ни разу не прислалъ кого либо навѣстить князя Кантемира во время болѣзни». Даже и тогда, когда смерть закрыла глаза навѣки кн. Кантемиру, французское правительство не могло подавить своего къ нему нерасположенія. Въ депешѣ къ Шетарди въ Петербургъ отъ 13 апрѣля того же 1744 года Амело настаивалъ, чтобы Шетарди обратилъ особенное вниманіе на выборъ преемника кн. Кантемиру, ибо послѣдній, какъ англоманъ, постоянно стремился поддерживать въ Россіи непріязнь къ Франціи[1]). Не такъ отнеслось къ смерти представителя Россіи французское общество. «Ваше Величество (писалъ Гроссъ въ своей реляціи отъ 1/12 апрѣля) подлинно въ немъ изволили потерять вѣрнаго раба и весьма искуснаго и ученаго министра. Здѣсь такимъ всѣ вообще его почитали.... въ городѣ и при дворѣ сожалѣютъ о его преждевременной смерти». По просьбѣ герцогини Эгійонъ[2]), глубоко чтившей память русскаго сатирика и дипломата, аббатъ Гваско взялся за составленіе біографіи покойнаго князя. Это былъ первый литературный трудъ ученаго итальянца, вышедшій на французскомъ языкѣ, но не во Франціи, въ странѣ, которую особенно любилъ Гваско, а въ Лондонѣ, гдѣ князь Кантемиръ провелъ, можетъ быть, лучшіе дни своей жизни, и пользовался литературной извѣстностью. Въ 1746 году, когда Гваско хотѣлъ издать сатиры кн. Кантемира въ Парижѣ и просилъ по этому поводу совѣта у Монтескье, послѣдній ему отвѣтилъ, что для сатиръ

---

[1]) Пар. Арх. м. и. д. Russie № 44 f. 300: Il (т. е. кн. Кантемиръ) est plus à regretter pour la douceur de son caractère et les qualités de l'esparit que par rapport à son amitié pour nous, car *il étoit plus Anglois* que s'il fut né à Londres et il n'a jamais cherché qu'à donner en Russie les plus mauvaises impressions contre la France.

[2]) D'Aiguillon урожд. Anne Charlotte de Crussol Florensac, вышла замужъ авг. 12, 1718 за герцога d'Эгійонъ (Arm. Louis de Wignerod, marquis de Richelieu duc d'Aiguillon р. 1683 ум. 1750). Ей, вѣроятно, посвящены кн. Кантемиромъ 11 писемъ «О природѣ и человѣкѣ» (Сочиненія, т. II, 21 — 96). Lettres familières de M. Le President de Montesquieu à Florence 1767, p. 63, note: Elle (т. е. герцогиня Эгійонъ) était fort liée avec le prince de Cantemir et que c'est à sa requisition que l'on avait fait la traduction française de ses Satyres.

легко найти издателя, и онѣ будутъ имѣть сбытъ, чего нельзя сказать объ ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя плохо расходятся въ публикѣ [1]). Вашъ другъ умеръ, писалъ Монтескье, но я «утѣшаю себя тѣмъ, что авторъ еще живетъ».

В. Александренко.

---

[1]) Lettres familières de M. le President de Montesquieu à Florence 1767, p. 43. Вслѣдствіе указанныхъ соображеній Гваско издалъ біографію и сатиры кн. Кантемира двумя изданіями въ 1749 и 1750 году.

Переписка князя А. Д. Кантемира.

1732.

1. — Января 10-го. С.-Петербургъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. Ю. Юрьеву.

Государь мой Иванъ Юрьевичъ! На третій день по прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ, то-есть, 9 числа сего мѣсяца, получилъ я отъ г. Синявича посланный ко мнѣ изъ государственной иностранныхъ дѣлъ коллегіи прибавокъ къ моей инструкціи, также и указъ къ господину агенту Эртману объ отдачѣ студента Спѣшнева. Того для васъ, моего государя, чрезъ первую почту увѣдомить не преминулъ, а въ государственную коллегію чрезъ реляцію изъ Данцига о томъ же всеподданнѣйше донести не оставлю. Впрочемъ препоручая себя благопріятству вашему, пребываю вамъ, государю моему, покорный и готовѣйшій слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

2. — Марта 31-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой! Вчерашняго числа прибывъ въ Лондонъ, въ первую должность я себѣ почитаю чрезъ сіе письмо покорно благодарить сіятельству вашему за всю показанную ко мнѣ вашего сіятельства милость. Памяти обязательствъ, которыя я вамъ имѣю, николи изъ ума моего стереться не возмогутъ, и для того если я сіятельство ваше сими

малыми строками отвлекаю на малъ часъ отъ всякихъ дѣлъ, въ которыхъ неусыпно сіятельство ваше упражняется къ пользѣ нашего отечества, надѣюся получить отъ вашего великодушія милостиваго извиненія, потому что лучше желаю зваться скучливымъ, нежели неблагодарнымъ. Обстоятельства тѣ изъ день въ день умножаться будутъ, если сіятельство ваше сонзволитъ (что̀ я всепокорно прошу) продолжить мнѣ свою протекцію и благопріятство, и если укажете мнѣ въ чемъ вамъ по возможности моей служить, что̀ я всеохотно отправлять потщуся. Что же здѣшнихъ дѣлъ касается, не могу теперь сіятельству вашему представить въ извѣстіе, для того что еще ни съ кѣмъ не вдался за неисправленіемъ моего экипажа, а надѣюся, что въ предбудущій понедѣльникъ буду требовать свою у короля аудіенцію и потомъ не премину свою должность исправлять по сламъ ума моего, которыя желалъ бы чтобъ соотвѣтствовали волѣ сердца моего. Одно теперь донести имѣю сіятельству вашему, что здѣсь заподлинно говорятъ, что король къ концу мая мѣсяца поѣдетъ въ Гановеръ, и для того смѣлость пріемлю всепокорно просить сіятельство ваше, если мнѣ указано будетъ за его величествомъ слѣдовать, чтобъ на мой проѣздъ нескудное опредѣлить иждивеніе, понеже, какъ вашему сіятельству извѣстно, такія дорò̀ги (а наипаче съ характеромъ и которые носятъ по милости своихъ государей честнаго рожденія имя) весьма дò̀роги становятся, и въ томъ благонадеженъ полагаюся на ваше милостивое разсужденіе. При семъ смѣлость пріемлю рекомендовать сіятельству вашему дѣло мое въ кабинетѣ о дачѣ деревень, уже намъ именнымъ указомъ пожалованныхъ; извѣстно вашему сіятельству, сколь справедлива въ томъ претензія наша, и что только несчастіе моей фамиліи тому препятствуетъ, которое однакожь все исправиться можетъ заступленіемъ сіятельства вашего. И за симъ, препоручая себя неотмѣнной вашего сіятельства милости, остаюся вашего сіятельства и пр.

3. — Марта 31-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ герцогу І. Э. Бирону.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой! Естли бы и должности моей не было, обязательство одно, которое я имѣю сіятельству вашему, довольно можетъ извинить мою смѣлость, что тружу васъ симъ письмомъ. Благодѣянія, которыя я, живучи въ Москвѣ, ощутилъ отъ великодушія сіятельства вашего, понуждаютъ меня явить себя благодарнымъ, а чинъ, который ходатайствомъ вашимъ имѣю, побуждаетъ извѣстить сіятельство ваше о моемъ прибытіи въ Лондонъ вчерашняго числа. Одно и другое чрезъ сіи малыя строки чиню, прося сіятельство ваше, чтобъ впредь въ моемъ отдаленіи не былъ оставленъ въ вашей высокой милости, которая всегда неисходна будетъ изъ памяти моей, и понеже отслужить силъ мнѣ недостаетъ, не престану Бога молить за ваше благополучное здравіе. При семъ смѣлость пріемлю просить сіятельство ваше, естли меня угодна въ чемъ признаете къ услугамъ вашимъ, приказать мнѣ, а я вседушно стараться буду исправить приказъ вашъ и за велико щастье почту себѣ, чтобъ могъ хотя тѣмъ показать свое благодарство. Уповаю къ тому, что сіятельство ваше не запомните просьбы моей о дѣлѣ моемъ, которое въ кабинетѣ не вершено осталося, и для того о томъ ничего не упоминаю, но препоручаю себя во всемъ вашего сіятельства высокой милости. Съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорный и нижайшій слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

(Гос. архивъ, разр. XI, № 277).

4. — Марта 31-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головкину.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой! Вчерашняго числа прибылъ я сюды благополучно и тотчасъ въ первую должность себѣ поставилъ чрезъ сіе благодарить сіятельству вашему за всю показанную ко мнѣ при проѣздѣ моемъ въ Гагѣ милость и благопріятство и впредь продолжить всепокорно прошу,

представляя здѣсь мои во всемъ услуги, естли удостоить меня приказомъ вашимъ изволите.

При семъ доношу сіятельству вашему, что по пріѣздѣ моемъ, слѣдуя благоразсудительнымъ совѣтомъ вашимъ, былъ я у графа Кинскаго, и между протчимъ разговоромъ (о которомъ пространнѣе вамъ извѣщу въ предбудущую почту) сказалъ онъ мнѣ, что король самъ о присылкѣ знатнаго министра къ нашему двору такими словами отказался: «Я де удивляюся, что дворъ россійскій требуетъ у меня присылку знатнаго министра, когда самъ никакого къ тому повода дать не хочетъ. Я для показанія моей склонности къ возобновленію дружбы съ Россіею и чтобъ слѣдовать намѣреніямъ императора, сдѣлалъ разъ и послалъ первый къ русскому двору министра, кой резонъ потому русской дворъ имѣетъ, чтобъ я еще и въ другорядь первый же послалъ знатнѣйшаго министра. Правда, что русской дворъ взапмно ко мнѣ посылаетъ министра, да онъ равного характера съ присланнымъ отъ меня министромъ. Естли императрица желаетъ отъ меня знатнѣйшаго министра, то пусть она напервы присылкою своею мнѣ малое благодѣяніе покажетъ, какъ я учинилъ сначала присылкою резидента». Таково разсужденіе королевское о первомъ почти пунктѣ моей инструкціи; однакожъ, о томъ я еще къ двору своему ничего не пишу, пока самъ тотъ отвѣтъ не получу, а напаче, что графъ Кинскій не какъ министръ, но какъ другъ, то мнѣ представилъ, обѣщался еще вмѣстѣ со мною о томъ постараться; между тѣмъ я съ того худыя аугуріи пріемлю въ моихъ дѣлахъ и добрыя къ вашему покою, такъ что пріятна и непріятна мнѣ вѣдомость сія. Протчее все отлагая до предбудущаго понедѣльника, остаюся вашего сіятельства и пр.

P. S. Отъѣздъ королевской въ Гановеръ къ концу маія мѣсяца заподлинно здѣсь имѣется, и какъ мнѣ сказывалъ графъ Кинскій, министры чужестранные почти всѣ слѣдовать дворъ будутъ, и о томъ я сегодня въ коллегію пишу, требуя указу, какъ мнѣ о томъ поступить.

5. — Марта 31-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу П. И. Ягужинскому.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государьмой! При благодареніи сіятельству вашему за всю вашу ко мнѣ милость, такъ въ Москвѣ, какъ и въ Берлинѣ показанную, доношу сіятельству вашему, что вчерашняго числа (то есть, марта 30-го) прибылъ я сюды благополучно и вскорѣ намѣренъ требовать свою у короля аудіенцію, которую, какъ получу и въ препорученныя мнѣ дѣла вступлю, не оставлю по данной мнѣ инструкціи о теченіи здѣшнихъ дѣлъ сообщать сіятельству вашему извѣстіе, уповая отъ благопріятства вашего, что вы не оставите взаимно снабдевать меня благоразсудительными совѣтами вашими чрезъ пріятнѣйшую мнѣ вашу корреспонденцію. Впротчемъ препоручая себя вашей высокой милости, прошу, естли въ чемъ меня къ услугамъ вашимъ угодна признаете, приказывать какъ сущему вашего сіятельства и пр.

6. — Апрѣля 25-го. Лондонъ. — Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

Милостивый государь мой! Почтеннѣйшее вашей свѣтлости писаніе отъ 31-го марта изъ Лондона получилъ я на послѣдней почтѣ исправно, изъ котораго съ особливымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ о счастливомъ вашемъ прибытіи въ Англію, которымъ покорно поздравляю, и надѣюся вскорѣ получить отъ васъ обстоятельное извѣстіе о тамошнемъ вамъ учиненномъ пріемѣ.

Я не могу по имѣющей моей къ вашей свѣтлости вѣрной преданности оставить вамъ донесть, коимъ образомъ имѣется здѣсь извѣстіе, что при нѣкоторомъ случаѣ въ Берлинѣ будто происходили нѣкакіе поступки, которые иные осуждать причину имѣли, а именно при столѣ королевскомъ. И для того васъ, милостиваго государя моего, прошу привыкать къ тамошнему деликатному обхожденію и тщиться ко всякимъ осторожнымъ честнымъ поступкамъ, какъ я отъ васъ всегда ожидать причину

имѣлъ. Сіе мое доброжелательное представленіе надѣюсь, что изволите принять за знакъ вѣрной моей къ вамъ дружбы и усердного намѣренія, яко жъ я неотмѣнно есть и со всякимъ почтеніемъ пребуду вашей свѣтлости всепокорный слуга А. Остерманъ.

Которая вамъ отъ его сіятельства графа Александра Гавриловича Головкина дана коммиссія о провѣдованіи объ аглинскихъ искусныхъ морскихъ командирахъ, оную я вашей свѣтлости наилучше рекомендую, понеже ея императорскому величеству то весьма угодно и потребно.

7.—Мая 4-го. Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ графу Г. И. Головкину.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой! По должности своей покорно доношу вашему сіятельству, что 30-го числа прошедшаго мѣсяца прибылъ я въ Лондонъ благополучно и однакожъ по сіе число у короля аудіенціи не получилъ за причинами, которыя въ реляціи моей въ коллегію пространно показаны. По обязательствамъ же, которыя я имѣю сіятельству вашему, всенижайше благодарствуя за показанныя ко мнѣ въ Москвѣ и при отъѣздѣ моемъ благодѣянія, прося сіятельство ваше, чтобъ и впредь содержать меня въ высокой своей милости и не оставить меня въ моихъ нуждахъ, что̀ благонадежно уповаю отъ великодушія вашего сіятельства и въ той надеждѣ, препоручая себя вашей протекціи, остаюся и пр.

8.— Мая 16-го. С.-Петербургъ.— Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

Предъ недавнымъ временемъ въ нѣкоторой аглинской печатной газетѣ, называемой «Evening Post», отъ 6-го апрѣля нынѣшняго года, экстрактъ изъ одного секретного изъ Берлина письма съ зловымышленною и весьма предосудительною вѣдомостію о нѣкоторой чрезъ господъ графовъ фонъ-Левенвольдовъ и Ягужинского въ Берлинѣ будто веденной негоціаціи внесенъ, при чемъ и противъ здѣшняго министерства и всего государства непристойныя

и продерзостныя экспрессіи употреблены. Я не могъ оставить къ вашей свѣтлости о томъ писать, чтобъ вы по важности дѣла всякимъ возможнымъ образомъ, хотя въ потребномъ случаѣ и денежнымъ пждивеніемъ стараться изволили у автора помянутой газеты подлинно вывѣдать, откуды онъ такую ложную вѣдомость взялъ, съ крѣпкимъ увѣщеваніемъ, чтобъ онъ впредь отъ разглашенія такихъ предосудительныхъ о здѣшнемъ дворѣ и государствѣ вымышленій удерживался. Также ваша свѣтлость безъ того по содержанію своей инструкціи всегда прилежно смотрѣть и престерегать будете, дабы никакія фальшивыя до насъ касающіяся вѣдомости въ газетахъ печатаны не были, и ежели какія явятся, тѣ немедленно публично же надлежащимъ образомъ опровержены были, и потому жъ опроверженіе помянутого фальшиво вымышленного экстракта въ той же газетѣ «Evening Post» напечатано быть можетъ. Вашей свѣтлости пріятное писаніе я впротчемъ исправно получилъ и съ особливою охотою всякимъ случаемъ пользоваться буду свою къ услугамъ вашимъ истинную готовность, сколько отъ меня зависитъ, по вашему желанію вамъ дѣйствительно показывать. Только не знаю, можно ли будетъ какъ скоро оное дѣло исходатайствовать, и для успѣванія въ томъ, по моему мнѣнію, потребно будетъ, чтобъ ваша свѣтлость при своей присылаемой реляціи прошеніе о томъ учинили. Я свое стараніе по возможности прилагать не премину и со всякою истиною навсегда пребываю, и пр.

9.—Мая 16-го. Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ графу К.-Г. Левенвольде въ Варшаву.

J'ai reçu hier avec beaucoup de plaisir et de satisfaction la lettre dont il vous a plu m'honorer le 10-me de may. Vous m'en obligez trop pour ne vous en rendre grâce (comme je le fais) par la première occasion, et je prends la liberté de vous prier que si je puis vous être utile en quelque chose dans le pays où je me trouve, de vouloir bien me donner par vos ordres l'occasion à vous témoigner l'estime que je fais de votre personne et de votre

amitié. Quant à la nouvelle dont vous avez la bonté de me faire part, en vérité, elle n'est que trop importante si elle est véritable. Il y a quatre raisons qui m'obligent à la croire fausse. Premièrement, l'Angleterre depuis quatre années a toujours fort souhaité et cherché par tous les moyens possibles le renouvellement de l'ancienne amitié entre elle et la Russie; ce qu'elle n'aurait pas fait, si elle avait voulu diminuer les forces de notre souveraine, puisque selon toutes raisons on a quelque droit de nuire à son ennemi, et il n'est que trop honteux de trahir un ami. En second lieu, la cour d'Angleterre prépare, selon mes représentations, une ambassade pour la notre: on n'attend pour cela que la réponse de notre cour touchant le jour de la nomination de deux ministres, puisque l'impératrice, nôtre souveraine, doit répondre à l'ambassade anglaise par une des siennes. En troisième lieu, l'Angleterre, comme vous savez, monsieur, est en alliance avec l'empereur Romain, et elle en a grand besoin principalement à présent que l'Espagne arme de toutes parts sans qu'on puisse pénétrer contre qui, quoique on s'en doute fort que ce soit contre l'Afrique, comme on le débite. Il se peut bien que Gibraltar et Port-Mahon soient le but de l'esquadre espagnole, et en ce cas-là le secours de l'empereur est bien nécessaire à l'Angleterre. Or, l'empereur est le plus intime de nos alliés, et la cour d'Angleterre est bien informée de nos traités défensifs. En quatrième lieu, le commerce de la Russie est trop avantageux à la nation anglaise pour qu'elle puisse le négliger pour de vaines espérances. Si même le roi souhaitait de nous faire quelque mal, je crois que le parlement s'y opposerait, sachant que cette affaire demande de grandes dépenses et ne leur portera jamais aucun profit, puisque nous sommes bien éloignés pour qu'on puisse faire des conquêtes, et ils ne sont pas d'humeur d'enrichir une autre puissance à leurs dépens. Voilà, monsieur, les raisons qui me font croire qu'il n'y a rien à craindre pour nous de la cour où je me trouve, et j'espère que vous trouverez ces raisons assez fortes pour en pouvoir douter. Cependant, monsieur, je vous suis infiniment

obligé de l'intérêt que vous prenez à mes négociations et je ne manquerai point de faire usage de vos conseils, en m'informant au plus juste des intentions de cette cour, et j'aurai l'honneur de vous en faire rapport le plutôt qu'il me sera possible. Pour la paix de Perse notre cour m'a déjà informé et j'eus l'honneur de la notifier au roi il y a quelques semaines. J'en suis bien aise que la Porte Ottomane est tranquille envers nous à ce que vous avez la bonté de me marquer.

Quant aux nouvelles d'ici, la principale est qu'on est fort inquiété dans la ville de l'armement d'Espagne, et, à ce qu'on dit, le parlement ne se conclura avant que d'avoir reçu une sûre nouvelle du départ de la flotte espagnole, quoique le secrétaire d'état (duc de Neufcastel) assurât il y a quelques jours que l'Angleterre n'en doit rien craindre. Le départ du roi pour Hanovre est très certain, mais le jour n'en est pas fixé, et cela dépend de la clôture du parlement. On a beaucoup parlé ici d'un mariage entre le prince de Galles et la princesse royale de Danemark, et d'un autre entre le prince d'Orange (qui est actuellement en Hollande) et la princesse royale, mais cela demande confirmation. La France, la Hollande et la cour d'ici (à ce que l'envoyé de Prusse m'a dit) font leur possible pour exclure son roi de l'héritage des deux duchés de Juliers et de Berg, ce qui pourra avoir de mauvaises suites.

Du reste, monsieur, en obéissant à vos ordres j'écris la présente en français et je ferai la même chose pour l'avenir, votre correspondance m'étant très chère; mais je vous prie d'excuser les fautes, puisque je ne suis pas fort dans cette langue, et principalement dans une si longue lettre que celle-ci, laquelle néanmoins je n'eusse pas pu faire plus courte, voulant soumettre à votre jugement mes raisonnements sur l'affaire en question et vous [faire] savoir tout ce qui se fait de plus important dans cette capitale. Vous m'obligerez beaucoup, monsieur, de m'en donner part à ce qui se fait chez vous, aussi bien que de vos nouvelles, et de vouloir bien être assuré que j'ai l'honneur, etc.

10. — Іюня 2-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головкину.

Доношу сіятельству вашему, что вчерашняго числа король, бывъ въ парламентѣ, заключилъ оной и при заключеніи объявилъ, что послѣ себя оставляетъ здѣсь королеву управительницею до своего изъ Ганновера возвращенія, куда его величество имѣетъ утрешняго числа по полудни отсюда путь свой воспріять.

Оригинальное письмо короля Карла Второго съ актомъ парламентскимъ, которое мнѣ отъ вашего сіятельства вручено, отдалъ я нынѣшняго числа миледи Делаваръ, которая ѣдетъ къ вамъ въ Гагу, о полученіи котораго покорно прошу сіятельство ваше милостиво приказать меня увѣдомить, а при семъ благодарствую вашему сіятельству и госпожѣ графинѣ за рекомендацію къ оной миледи, которая, такъ какъ и самъ милордъ, весьма благопріятно меня приняли, и весьма сожалѣлъ бы, что отсюду отъѣзжаютъ, естли бъ не вѣдалъ, что и вашему сіятельству пріѣздъ ихъ будетъ пріятенъ. За симъ препоручая себя и пр.

P. S. Вѣдая, что ваше сіятельство съ г. Браклеромъ корреспонденціи не имѣете, чрезъ сіе вамъ доношу, что письмомъ его превосходительства отъ 27-го маія увѣдомленъ я, что 26-го числа того жъ мѣсяца старательствомъ его г. Браклера и его цесарского министра Секендорфа заключенъ между императорскимъ величествомъ Римскимъ, нашей всемилостивѣйшей государыней и королемъ Датскимъ трактатъ вѣчной дружбы и алліанціи. Партикуляритеты того трактата мнѣ г. Врангеръ не сообщилъ, но отъ датскаго здѣсь посланника слыша, что онымъ трактатомъ поставлена взаимная гварантія, то есть, цесарю въ его наслѣдствѣ, намъ въ завоеванныхъ провинціяхъ, а Датскому королю владѣнія дукатства Слезвійского по заплатѣ дюку Голштинскому одного милліона талеровъ, и потому уже о семъ послѣднемъ дѣлѣ я при семъ дворѣ ничего болѣе предлагать не имѣю. А при томъ симъ новымъ нашему двору авантажемъ васъ, моего государя, поздравляю.

11. — Іюня 9-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Почтеннѣйшее вашего сіятельства писаніе отъ 16 маія сего числа исправно я получилъ, за которое сіятельству вашему всепокорно благодарствую, признавая за знакъ неотмѣнной вашей къ себѣ высокой милости благоразсудительное увѣщаніе и отеческое наставленіе, которыми оно исполнено. На оное вашему сіятельству въ отвѣтъ всепокорно доношу, что по вашему приказу не оставлю съ крайнимъ стараніемъ вывѣдать о письмѣ берлинскомъ и, освѣдомився о издателѣ листа подъ титуломъ «Evening Post», всѣ способы возможные употребляю для сего и для пресѣченія впредь такихъ вѣдомостей, столь пашему высочайшему двору предосудительныхъ.

Сего жъ часу послалъ я оный листъ сыскать, понеже оный доселѣ не видалъ, что̀ ваше сіятельство удивляти не должно, потому что, кромѣ того, что онъ изданъ пять дней по моемъ сюда пріѣздѣ (въ которое такъ краткое время я о немъ вѣдать не могъ), трудно знать все то, что̀ въ семъ городѣ повседневно печатается. Ко мнѣ что̀ день приносятъ пять листовъ, а еще столько жъ, какъ слышу, другихъ, что̀ дневно выходитъ, кромѣ безчисленныхъ печатныхъ писемъ и брошюръ, которыя мнѣ одному высматривать не возможно, паипаче что весьма мало поаглицки разумѣю и человѣка къ тому способнаго при себѣ не имѣю. Однакожъ, по силѣ и по возможности стану искать способъ, чтобъ хотя о артикулахъ, предосудительно двора нашего касающихся, впредь лучше былъ я увѣдомленъ, понеже уже указъ вашего сіятельства имѣю таковыя вѣдомости опровергать, что̀ доселѣ я чинить не смѣлъ, не имѣя о томъ никакого приказу. Да и то, сіятельнѣйшій графъ, (прошу прощенія смѣлости моей) дерзаю сказать, что не весьма легко то будетъ учинить можно, и не знаю, будетъ ли гораздо полезно, потому что здѣшній народъ воленъ, и правомъ своимъ убѣждаются болѣе о томъ говорить, что̀ говорить запрещено. Сіе только для извѣстія пишу сіятельству вашему, впрот-

чемъ вашей волѣ повиноваться не оставлю. Затѣмъ прошу ваше сіятельство продолжать мнѣ вашего сіятельства неотмѣнную милость и пр.

12. — Іюня 20-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

По приказу вашего сіятельства старался я вывѣдать о авторѣ берлинскаго письма, напечатаннаго въ «Evening Post» отъ 6-го апрѣля, и за тѣмъ призывалъ я къ себѣ той газеты издателя и спрашивалъ его о томъ письмѣ. Онъ мнѣ сказалъ, что письмо то онъ напечаталъ съ другой печатной газеты, что̀ подлинно то такъ есть, понеже то письмо находится въ «Daily Post Boy» отъ 5-го апрѣля, и потому я уже не медлилъ издать въ печать въ той же «Evening Post» отъ 17-го іюня той вѣдомости опроверженіе, которое какъ могъ осторожнѣе написалъ, не вѣдая намѣренія вашего сіятельства, къ чему то опроверженіе болѣе клонить имѣю, а между тѣмъ стараюся отъ издателя «Daily Post Boy» вывѣдать о авторѣ, а издателю «Evening» почти съ угроженіемъ заказалъ, чтобъ впредь такихъ вѣдомостей въ народъ издавать не дерзалъ, и онъ въ томъ остороженъ впредь быть обѣщался. А я если что̀ со временемъ о семъ вывѣдаю, вашему сіятельству донести не оставлю. При семъ доношу вашему сіятельству, что о морскихъ командирахъ я, прилежнѣе вывѣдавъ, слышу, что адмиралъ Норрисъ (которой съ аглинскою эскадрою былъ подъ Кронштатомъ въ 1715 году) гораздо въ немилости у двора, а потому надѣюся, что онъ напаче намъ будетъ удобенъ, нежели Барклей: перво для того, что Барклей милордъ, кавалеръ жаретьеры, боленъ всегда подагрою и гораздо богатъ . . . .[1]); а другое, что Норрисъ, не великого будучи достоинства и богатства, если не для жалованья, то для генерала-адмирала имени Англію оставить, можетъ быть, не пожалѣетъ. Впрочемъ смѣлость пріемлю вашему сіятельству представить, что если мы его въ нашу службу подговаривать станемъ, то по-

1) Не разобрано.

длинно ожидать надлежитъ законные выговоры отъ здѣшняго двора, и имѣетъ то быть королю весьма противно, понеже и флотъ нашъ не желаютъ здѣсь видѣть въ добромъ состояніи, и благотворить тому, которой королю не правенъ, его величество себѣ въ обиду поставитъ. За симъ препоручаю себя и пр.

12. — Іюля 11-го. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

По приказу вашего сіятельства старался я вывѣдать о авторѣ берлинскаго письма (о которомъ уже и прежде вашему сіятельству доносилъ), напечатаннаго въ «Evening Post», но токмо никакими мѣрами не могъ отъ издателя оныхъ вѣдомостей того оригинальнаго письма получить видѣть, которой отговаривается, представляя, что онъ не знаетъ, гдѣ подѣлъ то письмо, только помнитъ, что оно было безъ подписанія имени, отъ кого писано, а принудить его къ тому, чтобъ оное показалъ, никакъ не возможно. При семъ покорнѣйше прошу ваше сіятельство милостивѣйше приказать меня увѣдомить, учинена ли въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ какая ни есть резолюція на посланныя отсюда при моей реляціи отъ 18-го апрѣля подъ № 7 двѣ челобитныя Андрея Третьякова да Ивана Афонасьева, которые, по вся дни ко мнѣ приходя, скучаютъ и плачутся, что отъ скудости голодною смертію помираютъ и желаютъ вѣдать, будетъ ли имъ какое ни есть императорское милосердіе, или отказано будетъ, и пр.

13. — Августа 29-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головкину.

Милостивое вашего сіятельства писаніе отъ 15-го августа я получилъ въ надлежащее время и за оное вашему сіятельству всепокорно благодарствую. Что жъ на оное до сихъ поръ отвѣтъ отложилъ, прощенія прошу, понеже не имѣлъ чего достойнаго доносить вашему сіятельству. Нынѣ же дюкъ Нюкастль матерію мнѣ далъ, которая мнѣ, яко нашему двору не весьма авантажна, — непріятна; пріятно же, что по вашему желанію

пресѣчетъ вашему сіятельству путь въ Англію. Нетрудно ваше сіятельство догадаться можетъ, что онъ, господинъ дюкъ, именемъ королевскимъ мнѣ представилъ, что его величество мнѣ по представленіямъ нашего двора министровъ и нѣкоторыхъ придворныхъ (какъ о томъ королевскому величеству доносилъ г. Рондо, его при дворѣ резидентъ) намѣренія по возвращеніи своемъ въ Англію отправить къ ея императорскому величеству министра въ характерѣ чрезвычайнаго посланника, и что подобнаго отъ ея императорскаго величества ожидать имѣетъ, на что и я съ нимъ согласился по присланному ко мнѣ ея императорскаго величества указу, что̀ причину мнѣ подаетъ покорно проспть сіятельство ваше, чтобъ изволили воспринять трудъ милостиво меня рекомендовать у вашего батюшки, чтобъ присланіемъ другаго въ томъ посланническомъ характерѣ не оставить меня въ позорѣ здѣшнему двору. Признаю, что ни по заслугамъ, ни по моему искуству такого скораго возвышенія требовать я бы не могъ, но вашему сіятельству довольно извѣстно, что, пося имя честной фамиліи, и вѣчно быть резидентомъ знакъ есть у европейскихъ дворовъ или великаго гнѣва, или великаго недостоинства, и потому я уповаю, что вашего сіятельства милостивымъ заступленіемъ хотя то мнѣ исходатайствовано будетъ, чтобъ меня въ то жъ время отъ здѣшняго двора отозвать, когда другой въ высшемъ характерѣ присланъ будетъ, о чемъ повторно покорно прошу ваше сіятельство, пребывая и пр.

14. — Сентября 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ герцогу І. Э. Бирону.

По пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ имѣлъ я честь чрезъ покорнѣйшее мое письмо нижайше благодарить вашему высокографскому сіятельству за всю такъ при пребываніи моемъ въ Москвѣ, какъ и при отправленіи моемъ къ здѣшнему двору показанную ко мнѣ вашего высокографскаго сіятельства милость, а потомъ, вѣдая, что ваше сіятельство и безъ меня довольно докуки имѣетъ,

намѣрился было не трудить васъ моими письмами; но понеже нынѣ почти соглашенось между ея императорскимъ величествомъ и его величествомъ аглицкимъ, чтобъ отъ одного къ другому двору взаимные отправлены были министры въ характерѣ чрезвычайнаго посланника, смѣлость пріемлю притекать къ сіятельству вашему и просить вашего высокографскаго сіятельства милостиваго заступленія, чтобъ я въ оный посланническій характеръ былъ удостоенъ.

Вашему высокографскому сіятельству извѣстно, что я никакой помощи ни откуду не имѣю, и что чинъ, въ которомъ теперь нахожусь, вашего сіятельства милостію получилъ; для того надѣюся, что и теперь покорное мое прошеніе ваше сіятельство не презритъ, но воспріиметъ трудъ прилежное обо мнѣ у ея императорскаго величества приложить заступленіе, а ея императорскаго величества монаршее великодушіе довольно есть наградить всѣ мои недостатки и недостоинства, понеже я самъ признаю, что, кромѣ моей вѣрности и ревности во всемъ томъ, что̀ службы ея императорскаго величества касается, никакихъ иныхъ заслугъ не имѣю. Впротчемъ на вашего сіятельства высокую милость благонадеженъ неотмѣнно пребываю, и пр.

(Госуд. архивъ, разр. XI, № 277).

15. — Декабря 9-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

При продолжающихся съ стороны аглинскаго двора затрудненіяхъ въ отправленіи сюды министра перваго ранга я не могу обойтись съ вашимъ сіятельствомъ о семъ дѣлѣ партикулярно изъясниться и свое о томъ мнѣніе вамъ сообщить. Такія нечаянныя затрудненія къ особливому здѣсь удивленію толь напвящую причину подавать имѣютъ, понеже въ началѣ возобновленной между обоими дворами негоціаціи аглинской собственною охотою къ такому взаимного посольства отправленію въ разсужденіи и для поспѣшествованія вознамѣренного чрезъ то совершенного доброй дружбы возстановленія себя весьма готова представлялъ.

И хотя безъ сумнѣнія, что пребывающей здѣсь резидентъ Рондо своими тамошнему двору учиненными неосновательными отсюду доношеніями и представленіями къ такимъ нынѣшнимъ замедленіямъ и трудностямъ наивящую и единую, яко же вашему сіятельству то отъ статского секретаря прямо объявлено, причину подавалъ въ такомъ чаятельно намѣреніи, чтобъ, при сопзволяемомъ тогда назначеніи чрезвычайного посланника вмѣсто посла, онъ самъ такимъ характеромъ удостоенъ быть и свое счастіе тѣмъ вяще производить могъ,—то однакоже мы весьма обнадежены, что ваше сіятельство въ томъ примѣру г. Рондоя слѣдовать не будете толь напменьше, понеже такой поступокъ ваше сіятельство сами по зрѣлому своему разумѣнію признавать изволите, при первомъ своего министерства началѣ вамъ и генеральной вашей до нынѣ заслуженной апробаціи не токмо весьма неполезной былъ бы, но и ваше сіятельство изъ послѣдняго къ вамъ отправленнаго рескрипта усмотря, что и безъ того и безъ вашего о томъ искапія ея императорское величество о особѣ вашего сіятельства всемилостивѣйшее разсужденіе имѣть сопзволила, сколько главнѣйшіе интересы по обстоятельствамъ дѣлъ того допускать могутъ. И для того ваше сіятельство уповательно не оставили по содержанію помянутого послѣдняго рескрипта всѣ потребныя представленія и внушенія тамошнему министерству для склоненія онаго къ нашимъ въ томъ намѣреніямъ учинить и къ тому прибавить можете, что особа резидента Рондоя здѣсь весьма пріятна, и онъ, хотя бъ другой какой министръ сюда присланъ былъ, и при ономъ въ нынѣшнемъ своемъ карактерѣ здѣсь остаться можетъ. А ежели бъ аглинской дворъ въ своемъ о отправленіи сюда милорда Форбаса намѣреніи неотмѣнно пребывать похотѣлъ, то не безпотребно будетъ, чтобъ оной министръ для всякого случая достаточными пиструкціями для ближайшаго между обоими дворами къ общему обоихъ сторонъ благу и пользѣ соединенія снабденъ былъ.

Я все сіе партикулярно и по особливой къ вамъ истинной преданности къ вашему сіятельству писать честь имѣю, и для

того прошу о томъ партикулярное, сколько потребно и прилично будетъ, употребленіе учинить и по пристойномъ, куда прямое тамошняго министерства намѣреніе клонится, сондпрованіи мнѣ о томъ сообщить, и пр.

1733.

17. — Января 9-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю Н. Ю. Трубецкому.

Государь мой князь Никита Юрьевичъ! Съ повинною къ вамъ прихожу, что на пріятное ваше письмо отъ 2-го декабря двѣ почты спустя отвѣтствую; толко подлинно не я — тому причина, и естли бы изволили видить толстые пакеты, чрезъ тѣ двѣ почты отъ меня въ коллегію отправленные, могли бы увѣриться, что къ друзьямъ своимъ писать я время не имѣю, и како бы не пропустить благодарить вамъ, государю моему, (какъ теперь дѣйствительно дѣлаю) на поздравленіе ваше съ новымъ мнѣ характеромъ, чѣмъ тѣмъ больше обязанъ, что ваши прилежныя старательства немало къ повышенію моему служили, что̀ всегда помнить имѣя, лишные оставляю комплименты и о письмахъ моихъ къ оберъ-камергеру не упоминаю, понеже уже теперь они неважны, а что таковы — весьма я сожалѣю, понеже не могъ услуги свои пріятны учинить отправленіемъ отсюда посла, и потому и я житье свое продлить имѣю здѣсь, гдѣ отъ скуки пропадаю, оставляя великой денежной расходъ и безпрестанную отъ тежелости воздуха глазную болѣзнь, которая и теперь самому мнѣ къ вамъ писать не допущаетъ. Сколько же поскрипту вашего письма касается, мнѣ весьма удивительно, что мое письмо не изволили подробно растолковать, понеже я въ немъ не писалъ къ вамъ, что вы желаете моего къ вамъ возвращенія, но представлялъ только, что я того чрезмѣрно желаю и прошу, чтобы о томъ старательство приложили, а чтобъ вы моего добра не искали, такое беззаконное сумнѣніе и на умъ николи мнѣ не всхо-

дило, понеже знаю, сколь вы меня любите и сколь твердо удостовѣрены, что я есмь и всегда буду, и пр.

18.—Февраля 24-го. Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! Je suis bien fâché que je dois importuner votre excellence par une lettre qui ne contienne que des plaintes; mais ayant l'honneur de servir l'impératrice, ma souveraine, en qualité de son ministre auprès du roi, il ne m'est pas permis de passer sous silence le tort qu'on vient de faire au caractère que je porte. Pour entrer plustôt en matière, j'ai l'honneur de faire savoir à votre excellence qu'un de mes domestiques, nommé Jean Elton, anglois de nation, vient d'être arrêté par les shérifs de Midlesex contre l'immunité et privilèges dont selon le droit des gens doivent [jouir] les ministres étrangers, leurs domestiques et tout ce qui leur appartient. Je ne sais pas la raison qui leur inspira la hardiesse d'une telle procédure; mais je sais qu'ils ont vu mon passeport entre les mains du dit Elton et que moi-même je leur ai fait savoir qu'il m'appartienne, sans qu'ils aient accordé la liberté au prisonnier. De sorte que je prie très instamment votre excellence non seulement d'ordonner que mon domestique fût relâché, mais d'avoir la bonté de faire en sorte que le tort qu'on vient de me faire dans sa personne ne reste pas impuni. Je suis avec toute l'estime imaginable, milord, de votre excellence [le] très humble et très obéissant serviteur Antiochus prince de Cantemir. Ce 24 février 1733.

(Лонд. госуд. арх. Publ. rec. off. St. pap. For. Varia, № 220, f. 50).

19.—Около 1-го марта.—Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! Comme depuis mon arrivée à Londres je n'ai pas envoyé à votre excellence la liste de mes domestiques, je prens la liberté de la joindre à la présente, en priant votre excellence d'en faire l'usage qu'il plaira à votre excellence. Je suis avec

toute la considération imaginable, milord, de votre excellence très humble et très obéissant serviteur Antiochus prince de Cantemir.

Liste de domestiques du soussigné ministre de sa majesté impériale de toutes les Russies: Onuphrius Spechneff — commis de la secrétairerie impériale des affaires étrangères; l'abbé Génadius, le prêtre Bartholoméus Cassano — chapelains; André Trétiakoff — gentilhomme russien; Jean Mouraczkowski — valet de chambre; William Brawn — interprète pour la langue anglaise.

Antiochus prince de Cantemir.

(Лонд. госуд. арх. Publ. rec. off. St. pap. For. Varia, № 220, f. 50).

20. — Марта 30-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. А. Вешнякову.

Два ваши, государя моего, почтенныя письма, одно отъ 13 января, а другое отъ 10 февраля, я здѣсь всякое въ свое время исправно получилъ, за которыя хотя вамъ, государю моему, покорно и благодарствую, однако не могу сказать, чтобъ содержаніе ихъ мнѣ было пріятно, понеже въ одномъ усмотрѣлъ я, что Иванъ Ивановичъ недомогаетъ, а въ другомъ, что вы своимъ счастьемъ довольны быть причину не имѣете; и объ одномъ, и о другомъ немало сожалѣю, обоихъ состоянію желая перемѣны, паипаче жъ вашей, понеже, какъ я думаю, мыслемъ безпокойство гораздо тяжелѣйшая болѣзнь, нежели болѣзнь тѣла. Я и самъ признаю, что найденная въ Пандоровой коробкѣ вещица (которую терпѣніемъ или надеждою называютъ)—весьма слабое лѣкарство вашему недовольству, но не имѣя иного, лучше то употреблять, пока будетъ и на вашей улицѣ праздникъ, котораго вамъ скоро дождаться отъ сердца желаю.

Новинъ отсюду ничего болѣе не имѣю, кромѣ тѣхъ, которыя вы изволите усмотрѣть въ письмѣ моемъ къ Ивану Ивановичу, которое вамъ представитъ причину, для которой умедлилъ я вамъ, государю моему, отвѣтствовать (будучи принужденъ ваше письмо включать въ тѣ, которыя къ его благородію посылаю, чтобъ со-

хранно дойти къ вамъ могли), чего ради уповаю, что вы мнѣ вину ту оставите и всегда меня почитать имѣете за вашего, и пр.

21.—Мая 3-го. Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! Depuis que j'ai eu l'honneur d'envoyer à votre excellence la liste de mes domestiques, le nombre s'en est augmenté de deux autres de ma nation, qui viennent de ma cour, et d'un anglois que j'ai pris à mon service. Je prends la liberté d'envoyer à votre excellence leurs noms, la priant d'en faire l'usage qu'il plaira à votre excellence et d'être persuadée que je suis avec toute l'estimation imaginable, milord, de votre excellence [le] très humble et très obéissant serviteur Antiochus prince de Cantemir. Le 3 mai 1733.

Iwan Iwanowicz Ljuwisoff, Paulus Isakoff—deux gentilshommes russiens; John Fridérik Lampe — valet de chambre.

A. prince de Cantemir.

(Лонд. госуд. архивъ: Publ. rec. off. St. pap. For. Varia, v. 220, ff. 73—75).

22. — Мая 21-го. Константинополь. — А. А. Вешняковъ князю А. Д. Кантемиру.

Милостивой государь мой князь Антіохъ Дмитріевичъ! Всепокорнѣйше благодарствую, милостивой государь мой, за милостивое ваше напомиповеніе въ письмѣ вашемъ къ господину резиденту отъ 2-го февраля, такожде и за всепочтеннѣйшее писаніе ко мнѣ отъ 30-го марта, которое я здѣсь имѣлъ честь получить 30-го апрѣля въ цѣлости и съ приложенною цыфрою. Безъ всякаго похлѣбства, милостивой государь мой, могу сказать, что наиблагосклоннѣйшая ваша ко мнѣ милость, которую изъ всего сего усмотряю, есть наилутшее мое утѣшеніе въ безщастіяхъ моихъ, о которыхъ не упоминаю, ибо во всемъ положился на волю Божію. Зѣло намъ удивительно, что г. Ланчинской скучаетъ вашими пакетами, понеже платежъ не изъ его мошны, нынѣшный же нашъ адресатъ въ Гагу къ сіятельству графу Александру Гавриловичю.

Съ нетерпѣливостью буду ожидать знаковъ вашей ко мнѣ милости присылкою стиховъ, я же съ радостію бы прислалъ переводъ первыя вашей сатиры, но имянно, милостивой государь мой, время не допустило переписать, однакожь съ доброю оказіею, повинуясь повелѣнію вашему, я исполнить не премину. Весьма великая есть въ томъ моя продерзость, que j'ai osé défigurer un si bel ouvrage, car vous ne devez pas vous attendre, mon cher prince, qu'à une très mauvaise prose, faite à la hate n'ayant pas pu désobeir à de très fortes sollicitations des personnes auxquelles j'ai beaucoup d'obligations. О новыхъ книгахъ въ Англіи доволно усмотряю изъ агленскихъ газетъ по посольскому жалованію. О происходящихъ здѣсь дѣлехъ пріемлю смѣлость сослаться на письмо г-на резидента. Ожидаемъ, что̀ учинится у Османъ-паши съ Тахмасъ-Кули-ханомъ; то отмѣнитъ весма систему здѣшняго состоянія; здѣсь же по сіе число все тихо, мору еще нѣтъ, а такъ ли пребудетъ и то, и другое — гораздо поручиться не возможно. Толко едино знаю, что никто болѣе есть со всевозможнѣйшимъ почтеніемъ и благодарностію, какъ имѣю честь быть, милостивой государь мой, вашъ всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга Алексѣй Вѣшняковъ.

23. — (Мартъ-апрѣль). Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ архіепископу Ѳеофану Прокоповичу.

Преосвященный владыко! Вручитель сего — NN, французъ, рожденный въ религіи католической римской, потомъ ученцомъ былъ въ іезуитскомъ орденѣ, за нѣсколькими лѣтами воспріялъ вѣру протестантскую, надѣяся въ сей больше правды найти, нежели въ прежней; но нынѣ, какъ онъ мнѣ самъ сказалъ, усмотрѣлъ, что какъ отцовскимъ объ немъ расположеніемъ, такъ и своимъ выборомъ нимало совѣсть его не удовольствована, наипаче же, что по прилежномъ испытаніи совершенно удостовѣрился, что въ одномъ греческомъ исповѣданіи можетъ сыскать свое спасеніе, и для того намѣрился ѣхать въ Россію и тамо святѣйшаго синода всепокорнѣйше просить, чтобъ къ нашей

церкви соединенъ былъ. Оное свое намѣреніе за благо изобрѣлъ онъ мнѣ сообщить прежде своего отъѣзду и притомъ просилъ меня, чтобъ я его рекомендовалъ, гдѣ за прилично покажется. Случай сей съ охотою я въ пользу себѣ употребить желая, смѣлость пріемлю всепокорно просить ваше преосвященство, чтобъ его признать добрымъ и ученымъ человѣкомъ, которого никакой интересъ новому своему намѣренію не побудилъ, и всякое возможное подать ему вспоможеніе, чѣмъ ваше преосвященство меня по премногу обяжетъ. Впротчемъ, испрося вашего преосвященства нынѣ весьма почтительнаго благословенія, неотмѣнно пребываю, и пр.

24. — Ноября 3-го. С.-Петербургъ. — Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій графъ Антіохъ Дмитріевичъ! Получилъ я письмо ваше сего 1733 года мѣсяца іюня въ первыхъ числахъ, въ которомъ сіятельство ваше изволишь извѣщать о г. Михаилѣ Малярдѣ, родомъ французинѣ, а давномъ уже обывателѣ англичанскомъ, прежде папезского, а потомъ реформатского исповѣданія, что онъ желаетъ принять исповѣданіе Восточной церкви и для того въ царствующій С.-Петербургъ воспріялъ путь свой, и дабы я въ томъ его желаніи подалъ ему надлежащую помощь, отъ моего смиренія требуете. Благопочтеннѣйше отвѣтствую симъ вашему сіятельству, что какъ вельми меня сія отъ васъ вѣдомость обрадовала, такъ и немалое ощутилъ я на себѣ ко услуженію г-ну Малярду въ такъ добромъ его о душѣ своей промыслѣ одолженіе, наипаче, когда и отъ самой ея императорскаго величества государыни нашей всемилостивѣйшей, яко о томъ извѣстной, къ надлежащему въ томъ дѣйствію объявлено мнѣ повелѣніе. И скоро имѣлъ я съ упоминаемымъ господиномъ Малярдомъ свиданіе, такожъ словесные и письменные разговоры. Но какъ разговоры оные, такъ и другія нѣкія обстоятельства, подали намъ вину неспѣшно и неторопно въ семъ поступать, чтобъ въ чаяніи смоквей и гроздей не возняѣть рѣпія и тернія,

о чемъ послѣ, если нужда будетъ, вашему сіятельству ясно повѣстить не оставлю. Того ради ея императорское величество именной свой указъ повелѣла моему смиренію вамъ объявить о слѣдующемъ: испытать прилежно, только же со всякимъ секрета храненіемъ, коего права и состоянія оной г. Малярдъ и въ какомъ чину тамо былъ и въ какомъ оцѣненіи и почитаніи, и не обязанъ ли долгами или винами, и коего во многихъ тамо исповѣданіяхъ толку, и не претендентовой ли факціи, или другой какой тамошнему или нашему отечеству противной, и знаемъ ли онъ архимандриту Геннадію и іерею Кассану, и они вѣдаютъ ли о его намѣреніи и какъ давно. И по сплѣ такожде ея императорскаго величества именного указу потщися сіятельство ваше провѣдать, да опасно и искусно, будто бы не нарочно, спрашивая, наипаче вышеименованнаго архимандрита и Кассана попа, обрѣтаются ли въ живыхъ и гдѣ нынѣ четыре или пять епископы, которые въ прошлыхъ годѣхъ до преставленія блаженныя и высокодостойныя памяти государя императора Петра Великаго, какъ съ восточными патріархи, такъ и съ нашимъ россійскимъ сѵнодомъ о соединеніи вѣры трактовали; и кто они по именамъ, и которой партіи или факціи и закона, и подлинно ли они епископы, и которыхъ мѣстъ именно, и знали ль они сего Малярда, и съ которого времени и въ чемъ? И если и другія какія обстоятельства къ нужному сему нашему любопытству сіятельство ваше усмотришь, вся тщательно испытавъ, благоволи къ намъ ясно и пространно отписать, чего благонадежнѣ ожидая, пребываю сіятельства вашего доброжелательный богомолецъ и слуга смиренный Θеофанъ архіепископъ Новгородскій.

25.—Декабря 21-го. Лондонъ.— Князь А. Д. Кантемиръ архіепископу Θеофану Прокоповичу.

Преосвященнѣйшій владыко! Къ протчимъ обязательствамъ, которыя я имѣю къ вашему преосвященству, не малое вы изволили присовокупить почтеннымъ письмомъ вашимъ отъ 3-го ноября, которое я съ должнымъ респектомъ получилъ въ свое время

исправно. Ваше преосвященство отставить мнѣ изволитъ, что я умедлилъ на оное отвѣтствовать; нужно было прилежно увѣдомиться о томъ, что̀ ваше преосвященство имяннымъ ея императорскаго величества указомъ повелѣть мнѣ изволили, и то столь труднѣе было, что господинъ Мальярдъ, такъ архимандриту Генадію, какъ и попу Касану, за нѣсколько только дней передъ своимъ отъѣздомъ знакомъ сталъ, и потому нельзя было провѣдать о его состояніи, не будучи извѣстны особы, съ которыми онъ болѣе сожительство имѣлъ. Напослѣдокъ я провѣдалъ, что: 1-е) оный Мальярдъ есть одинъ изъ французовъ, которые изъ отечества за утѣсненіе въ своей религіи убѣжали, которыхъ обыкновенно называютъ François refugiés; 2-е) что по пріѣздѣ его въ Лондонъ назначенъ онъ былъ къ одной здѣшней парохіи министромъ, получая пропитаніе изъ суммы, означенной отъ королевы Анны на дачу чужестраннымъ убогимъ протестантамъ; 3-е) что директоры суммы оной, учиня ему, какъ многимъ другимъ, обиду въ раздѣленіи надлежащихъ имъ денегъ, сей Мальярдъ писалъ противъ нихъ и въ печать издалъ книжицу, за которую, непріятели его будучи сильнѣе, потерялъ мѣсто и пропитаніе, для чего принужденъ былъ здѣсь хлѣбъ свой доставать, уча французскому языку. Что же онъ не претендентовой партіи, то явно изъ изданныхъ отъ него книгъ, которыя дедикованы нынѣшней королевской фамиліи; а какой секты онъ былъ въ здѣшней религіи, того вѣдать не можно; долговъ же здѣсь никакихъ не оставилъ, и пороку на него никто не сказываетъ. Сколько же касается епископовъ, которые трактовали о соединеніи вѣры, оные безсумнительно суть претендентовой партіи, и изъ такихъ, которыхъ здѣсь non jurare называютъ, то есть, которые нынѣшнему королю въ вѣрности не присягаютъ, претендента за истиннаго короля почитая. И хотя такимъ умѣренные здѣшніе законы позволяютъ въ тишинѣ жить безъ всякого утѣсненія, однакоже ни въ какіе чины, такъ гражданскіе, какъ и церковные, употреблены быть не могутъ, и потому и оные епископы никакой епархіи не имѣютъ и въ парламентѣ, какъ протчіе епископы, не

засѣдаютъ; имена же ихъ неизвѣстны, но заподлинно надѣюся, что въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ имена ихъ и представленіе подробну имѣется. Сіе по вашего преосвященства приказу пространно отписавъ, смѣлость пріемлю съ моей стороны вашему преосвященству донести, что вышеупомянутый Мальярдъ естли подлинно желаетъ пріобщенъ быть къ нашей церкви, то оное здѣсь нимало въ противность принято не будетъ, каковой бы онъ партіи ни былъ, понеже доброе согласіе между ея императорскимъ и королевскимъ величествомъ и маловажность человѣка никакого подозрѣнія оставить не могутъ; а естли онъ какія о соединеніи церкви представленія чинитъ, то оныя за химерическія почитать должно, потому что здѣсь меньше всего о религіи думаютъ. Впротчемъ за вашего преосвященства къ нему Мальярду показанную милость покорно благодарствую и, испрося вашего благословенія, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего преосвященства всепокорнѣйшій и всепослушной слуга и сынъ князь Антіохъ Кантемиръ.

1734.

26.—Мая 6/14-го. С.-Петербургъ. — Христіанъ Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Madame la comtesse Matvéeff m'a envoyé cette lettre, étant en peine par rapport à son fils, dont elle n'a reçu aucune lettre depuis deux mois. Peut-être que votre altesse aura la bonté de la consoler et de lui procurer des nouvelles désirées. Pour moi, je souhaite de tout mon coeur que votre altesse jouisse toujours d'une santé parfaite et me garde tant soit peu de part dans son cher souvenir. On a célébré à la cour d'ici la semaine passée l'anniversaire du couronnement de sa majesté, et le jeune comte Biron, fils cadet de son excellence le grand chambellan, a eu l'honneur de chanter, pendant que sa majesté dinoit en public, l'arie, que j'ai l'honneur de vous envoyer ici. Il s'en acquittoit avec tant de bonne grâce, qu'il mérita beaucoup d'approbation.

Milord Forbes avait l'honneur, le 24 avril (5 mai), de souper avec sa majesté et les principaux ministres de la cour. Deux jours auparavant il avoit rendu à sa majesté la lettre de notification du mariage accompli de leurs altesses royales le prince et la princesse d'Orange. A présent il est invité tous les jours à de grands repas de congé, puisqu'il se prépare de partir au premier jour, ayant eu son audience de congé le 2 (13) de mai sans cérémonies particulières. Monsieur Rondeau restera donc seul ici et aura soin des affaires de la cour d'Angleterre. Notre académie a fait traduire et imprimer un livre contenant l'histoire du Japon. C'est le premier livre russe que nous avons de cette façon. La carte générale de Russie que monsieur Ivan Kirilof y a fait graver, est achevée. Elle a été présentée à sa majesté l'impératrice la semaine passée. On n'en peut pas encore avoir de telles cartes illuminées; autrement je vous en aurais envoyé un exemplaire avec son excellence milord Forbes, qui m'a honoré de sa bienveillance et de son amitié pendant qu'il était ici. Je tâcherai pourtant de profiter d'une autre occasion pour vous l'envoyer, quoique, pour dire la vérité, je préfère la carte générale de Russie de monsieur Strahlenberg beaucoup à celle-ci, puisqu'elle est plus pleine. Cependant quand celle de monsieur de l'Isle sera achevée, elle sera sans doute plus parfaite que toutes les deux.

Je suis persuadé que vous agréez, mon prince, la liberté que je prens de vous écrire de l'ancienne confiance sans y changer rien, jusqu'à ce que vous me l'ordonniez. Que le bon Dieu vous donne tous les succès dans vos négociations; c'est ce que souhaite, monseigneur, de votre altesse le plus humble et très obéissant serviteur Chr. Fr. Gross.

St. Pétersbourg. Le 6/14 mai 1734.

27. — Ноября 5-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Э.-І. Бирону.

Ревность моя къ прославленію имени нашей всемилостивѣйшей государыни, которой долженствую все, что̀ ни имѣю, осмѣлила

меня издать здѣсь въ печать приложенный при семъ портретъ ея императорскаго величества. Народъ аглицкой, слыша ея императорскаго величества героическіе поступки, жадно принялъ случай, чтобъ видѣть изображеніе слабое такой монархини, и понеже мнѣ кажется, что художнику удалось подобіе высочайшаго лица, смѣлость пріемлю одинъ ексемпляръ къ вашему сіятельству прислать съ покорнѣйшимъ прошеніемъ, чтобъ оной ея императорскому величеству соизволили поднесть, яко малѣйшій знакъ моего рабского почтенія. Естли оный будетъ угоденъ, прошу мнѣ извѣстіе милостивое учинить, чтобъ чрезъ предбудущую весну на корабляхъ прислалъ столько листовъ, сколько вашему сіятельству будетъ угодно. И самъ не отчеваяся продолженія вашей ко мнѣ прежней милости, съ прежнимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

(Госуд. арх., разр. XI, № 277).

1735.

28. — Февраля 18-го. Лондонъ. Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! Comme le porteur de la présente, monsieur Jean Thomas, cy-devant capitaine d'artillerie au service de sa majesté britannique, est actuellement à mon service comme mon maître de mathématiques, je prie très humblement votre excellence de le faire enrégistrer dans la liste de mes autres domestiques. Je suis avec toute l'estime imaginable, milord, de votre excellence très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Le 18 février 1735.

(Лонд. госуд. арх.: Publ. rec. off. St. pap. For. Varia, vol. 221, f. 11).

29. — Марта 1-го. С.-Петербургъ. — Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Votre amour pour les sciences, aussi bien que les devoirs de la charge dont il a plu à sa majesté impériale de me revêtir, en me confiant la diréction de l'académie des sciences de

Saint-Pétersbourg, m'autorisent à vous écrire cette lettre au sujet d'un instrument de mathématiques, qui, suivant la description que l'on m'en a faite, mériterait bien d'être examiné à fond par cette académie. C'est milord Isla, l'un des 16 pairs d'Ecosse, qui possède cet ouvrage fait par Jonathan Sisson (at the corner of Beaufort buildings in the Strand, London). Un de nos professeurs, qui est venu de Londres et qui a eu l'honneur de vous y voir, m'a assuré, monsieur, que les savants du premier ordre admirent vos lumières et qu'ils sont charmés de s'entretenir avec vous. Il m'a dit aussi que par rapport à l'instrument en question, plus l'invention en est curieuse, moins elle peut être échappée à votre connaissance. Sur ce pied-là j'espère, monsieur, que bien loin de prendre en mauvaise part le sujet, sur lequel je vous écris, vous serez bien aise de me donner l'éclaircissement que je demande, et je suis pleinement persuadé que connaissant les soins et les dépenses extraordinaires que notre auguste souveraine employe avec tant de gloire pour l'avancement des sciences, vous n'oublierez nulle occasion de tout votre pouvoir [de servir] les gracieuses intentions de sa majesté impériale. J'ai l'honneur d'être avec un attachement inviolable etc.

(Арх. конф. Имп. Ак. Н., Ausgehende Briefe 1734, 1735).

30. — Марта 5-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Э.-І. Бирону.

Къ многимъ вашего сіятельства ко мнѣ благодѣяніямъ за немалое причитаю учиненную мнѣ честь чрезъ письмо ваше отъ 25-го генваря. Оное столь благосклонно и столь милостивые сентименты содержитъ, что я никакими словами благодарство свое вашему сіятельству изъяснить не силенъ, и за тѣмъ самимъ обязательство мое будетъ непрестанно. Оное ваше сіятельство изъ дня въ день умножитъ продолженіемъ вашей ко мнѣ милости, о которой всепокорно прошу, понеже свыше всего оную почитаю. Ваше сіятельство позволитъ мнѣ при семъ докучить о моей нуждѣ, которая собою смѣлость мою или, лучше сказать, продер-

зость мою предъ вашимъ сіятельствомъ извинитъ. При отправленіи моемъ къ здѣшнему двору опредѣлено мнѣ было 3000 р. въ годъ, въ которомъ окладѣ жилъ я здѣсь полтора года. Характеръ, мнѣ данной, требовалъ отъ меня, чтобъ я не хуже моихъ товарищей себя содержалъ, почему обязанъ былъ малую серебреную посуду сдѣлать, убрать домъ, держать карету; все то сколько дорого—вашему сіятельству, безъ сумнѣнія, извѣстно, и для того удивительно не будетъ, что я нахожусь въ долгу 500 фунтовъ стерлинговъ, которые учинятъ около 2500 р. Я уже три челобитныя послалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ о оплатѣ оного моего долгу, но никакой резолюціи получить не могъ. Чего ради всепокорно прошу ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ сію милость отъ ея императорскаго величества. Я признаю, что того не заслужилъ, но великодушіе ея императорского величества надежду мнѣ даетъ, что такая малая сумма вашего сіятельства рекомендаціи не будетъ отказана. Могъ бы я пространно изъяснить вашему сіятельству, что мой долгъ былъ необходимо нуженъ, но не смѣю трудить ваше сіятельство многословіемъ; для того ссылаюся на мои прошенія, посланныя въ коллегію; засвидѣтельствую при семъ, что за сіе вашего сіятельства благодѣяніе вѣчно останусь обязанъ, непремѣнно пребывая съ крайнимъ почтеніемъ, и пр.

(Госуд. арх., разр. XI, № 277).

31. — Мая 3-го. С.-Петербургъ. — Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Vous répondez avec tant de bonté et d'exactitude à la demande que j'avois pris la liberté de vous faire, et vous accompagnez d'expressions si favorables à mon égard la félicitation que vous me faites sur ma nouvelle charge, que j'ai toute raison de m'en louer et de vous protester que je serai toujours fort attentif à vous témoigner, combien je suis redevable à votre affection. Je me conforme entièrement à l'avis que vous me donnez touchant l'instrument en question et crois qu'il vaut mieux ache-

ter celui que l'on vend 25 livres sterling et d'en examiner l'utilité, que de payer sur-le-champ deux cens livres pour l'autre, sans être assuré qu'il réponde tout-à-fait à l'attente de l'académie; vous trouverez pour cet effet ci-joint un billet de 25 livres sterling, que je vous prie, monsieur, de vouloir bien faire rendre au mécanicien. Je souhaiterois que cet instrument fût envoyé ici à la première occasion; l'académie jugera peut-être à propos d'en faire usage dans l'expédition de Kamtschatka pour laquelle on a, par ordre exprès de sa majesté impériale, engagé un second astronome, qui, comme j'espère, viendra bientôt ici pour recevoir ses instructions. Il y a cependant un article de votre lettre qui me fait de la peine, les circonstances présentes de notre académie ne me permettant pas d'y engager le savant françois que vous me recommandez; mais comme dans le collège de l'admirauté on a établi une espèce d'académie pour apprendre aux jeunes gens destinés à la marine l'art de navigation et que l'on y enseigne pour cette effet les principes des mathématiques, je pense, monsieur, que si le mathématicien françois trouve un tel emploi à sa bienséance, il pourroit s'adresser à monsieur le comte Gollowin et qu'un mot de recommandation de votre part lui seroit d'un grand secours en cette occasion. Je suis avec la plus parfaite estime, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur Korff.

A St.-Pétersbourg. Ce 3 mai 1735.

(Арх. конф. Имп. Ак. Н, Ausgeh. Briefe 1734, 1735, кн. № 19).

32. — Мая 6-го. С.-Петербургъ. — Графъ Э.-І. Бирономъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь! Вашего сіятельства пріятное мнѣ письмо я получилъ, за которое и за сообщенное въ немъ о вашихъ обращеніяхъ вѣдомостей покорно благодарствую. Напротивъ чего и я о здѣшнемъ доношу, что ея императорское величество за помощію Божіею въ вожделѣнномъ своемъ здравіи пребываетъ благополучно и сей день изволила перейти въ Лѣтній

дворецъ. При томъ я нынѣ вашему сіятельству ко увѣдомленію новинъ никакихъ не имѣю; токмо изъ Персіи прошлаго марта отъ 17-го вѣдомость получена, что городъ Генжа персіянами еще не взятъ, и Тахмасъ-Кули-ханъ штурмомъ брать его не намѣренъ, но хочетъ такъ выморить, о чемъ подлинно слышно, что уже и тогда терпѣли они великій голодъ, а нынѣ уповательно и вяще, чрезъ что̀ думать надобно, что онъ его понынѣ помянутыми способами конечно досталъ, понеже турецкаго войска нѣсколько̀ было къ нему въ разстояніи трехъ дней до него ходу на помощь приближалось. Однакожъ какъ Тахмасъ-Кули-ханъ противъ ихъ часть своего войска выслалъ, то они, не дожидаясь ихъ, по увѣдомленіи ретировались назадъ къ Эривану. Почему видно, что турки безсильны. Что̀ же происходитъ въ Польшѣ, о томъ уповаю, что вашему сіятельству саксонскій министръ обо всемъ извѣстіе сообщитъ. Впрочемъ я, желая вашему сіятельству всякого благополучія, остаюсь всегда вашего сіятельства послушнымъ и доброжелательнымъ слугою E. J. G. Biron.

33. — Мая 17-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Ньюкастлю.

Milord duc! Votre excellence sans doute sera informée que j'ai eu la gracieuse permission du roy d'engager deux officiers de sa marine au service de l'impératrice, ma souveraine. En conséquence je suis convenu avec monsieur le capitaine Mathews qu'il iroit à Saint-Pétersbourg pour y régler en personne ses conditions. Mais comme on lui a dit qu'il ne pouvoit prendre le service étranger sans une permission du roy par écrit, il en avoit supplié milord Harintong, qui partit sans la lui avoir obtenue. Je supplie donc votre excellence d'en supplier de ma part la reine, et je ne doute pas que sa majesté n'aura point de difficulté de la lui accorder. Mon homme a ordre d'attendre les ordres de votre excellence, dont je suis avec toute l'estime imaginable, milord duc, très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Londres. Le 17 de may 1735.

(British Museum, рукописи лорда Ньюкастля).

34. — Мая 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Ньюкастлю.

Milord duc! Je manquerois à mon devoir, si je ne remerciois très humblement votre excellence de l'honneur qu'elle me fit bien par sa lettre et par la communication de l'ordre du roy envoyé à milord Kinoul. J'ai expédié celui-ci à ma cour, laquelle y trouvera une nouvelle preuve de la sincère amitié du roy envers l'impératrice ma souveraine. J'ose même assurer votre excellence d'avance que sa majesté impériale en témoignera au roy sa reconnaissance et sera toujours prête à rendre de nouveaux bons offices à sa majesté britannique. Je suis avec toute l'estime et considération imaginable, milord duc, de votre excellence [le] très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Londres. 1735 le 18 de may.

(Лонд. госуд. арх. Publ. Rec. Off. St. Pap. For. Russia, 1735, № 27).

35. — Іюля 12-го. Петергофъ. — Графъ Э.-І. Биронъ князю А. Д. Кантемиру.

Вашего сіятельства два письма изъ Лондона, ко мнѣ писанныя, я получилъ, за которыя, а въ первомъ сообщенное извѣстіе о тамошнихъ состояніяхъ вашему сіятельству благодарствую. Что же о зеленомъ алмазѣ изволили ко мнѣ писать, и я ея императорскому величеству докладывалъ, но токмо ея величество оный покупать не изволитъ. Впрочемъ здѣсь во всемъ обстоитъ благополучно, и притомъ я остаюсь, и пр.

36.—Іюля 12-го. С.-Петербургъ. — Князь А. М. Черкасскій князю А. Д. Кантемиру.

Отправленъ къ вашему сіятельству изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ для письма и обученія иностранныхъ языковъ бывшій при мнѣ сенатской канцеляристъ Иванъ Несвитаевъ, которой и самъ того желалъ, а понеже онъ, будучи при мнѣ, въ дѣлахъ поступалъ порядочно и такъ велъ себя честно, что я имѣю причину его рекомендовать вашему сіятельству, и покорно прошу, чтобъ онъ содержанъ былъ въ милостивой протекціи вашего

сіятельства, въ чемъ не сумнѣваюсь. Прочее прошу содержать меня, яко есмь всегда вашего сіятельства нижайшій слуга князь Алексѣй Черкасской.

37. — Августа 26-го. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Чрезъ присланнаго ко мнѣ канцеляриста Ивана Несвитаева я имѣлъ честь получить вашего сіятельства милостивое письмо отъ 12-го іюля, за которое всепокорнѣйше вашему сіятельству благодарствую, удостовѣряя ваше сіятельство, что хотя по его Несвитаева поступкамъ я имѣю причину во всемъ возможномъ служить, однакожь наипаче къ тому нахожусь обязанъ вашего сіятельства рекомендаціею, которая у меня всегда будетъ въ великой важности. Онъ же Несвитаевъ объявилъ мнѣ вашего сіятельства совѣтъ въ томъ, что касается до моихъ реляцей, и какъ изъ сего признаваю вашу неотмѣнную ко мнѣ благосклонность, такъ не оставлю съ покорнѣйшимъ благодареніемъ онымъ пользоваться, да и впредь прошу ваше сіятельство, когда время позволитъ, исправлять мои недостатки, чѣмъ болѣе всего ваше сіятельство обязать меня изволитъ. Напослѣдокъ покорно ваше сіятельство прошу продолжать мнѣ свою милость и повелѣвать мнѣ смѣло во всемъ томъ, гдѣ я къ услугамъ вашего сіятельства гожусь, и затѣмъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

38.—Сентября 13-го.—Герцогъ Э.-І. Бирономъ князю А. Д. Кантемиру.

Вашего сіятельства письмо я изъ Лондона получилъ и за оное покорно благодарствую, а притомъ приложенную вашу челобитную отдалъ я въ кабинетъ. И что до меня надлежитъ, въ томъ извольте мнѣ вѣрить, что я съ радостію по объявленіямъ мнѣ вашимъ угождать и служить вашему сіятельству готовъ. Отселѣ нынѣ вѣдомостей никакихъ сообщить вамъ не имѣю, и изъ Персіи ничего примѣтного не пишутъ. Здѣсь за помощію Божіею обстоитъ во всемъ благополучно, и притомъ остаюсь, и пр.

39. — Октября 14-го. С.-Петербургъ. — Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

J'ai reçu l'instrument astronomique universel que vous avez eu la bonté de m'envoyer, et j'ai fait le payement suivant votre ordre. Cet instrument a été fort approuvé par nos académiciens, et le sieur Bruckaer, mécanicien de l'académie, s'est chargé d'en faire un pareil, mais beaucoup plus grand, à quoi il est présentement occupé. L'affection particulière que vous avez si souvent témoignée à l'académie, me fait prendre la liberté de vous adresser le diplôme, par lequel monsieur Sloane est déclaré membre de l'académie des sciences de Pétersbourg.

Le capitaine Elton, anglois, qui a eu l'honneur de vous voir, monsieur, à Londres, est allé auprès monsieur Kyriloff à Ufa, où l'on a trouvé quantité de minéraux, des marbres de différentes sortes et une espèce de porphyre, pendant qu'on a découvert en Sibérie de veines très riches de jaspe, dont on fait état de tirer des morceaux d'une grosseur toute extraordinaire, de sorte que la nature même semble ouvrir ses trésors jusque dans les provinces les plus reculées de notre auguste impératrice pour contribuer à la gloire de son règne et à la prospérité de ses sujets. Je suis avec un attachement inviolable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Korff.

A St.-Pétersbourg. Ce 14 octobre 1735.

(Арх. конф. Имп. Ак. Н., Ausgeh. Briefe 1734, 1735, кн. № 19).

40. — Октября 28-го. С.-Петербургъ. — Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! J'ai trouvé dans les Nouvelles littéraires de Leipzig du 20 octobre 1735 l'article ci-joint, qui m'a paru important par rapport à l'usage d'une machine qui doit être connue en Angleterre. Comme notre académie des sciences est fort attentive à ces sortes d'inventions et que nous avons ici un mécanicien très habile et capable de travailler à un tel ouvrage sur une description bien détaillée qu'on lui en pourroit donner, je vous

prie, monsieur, de vouloir bien nous la procurer. J'aurois de la peine, monsieur, à vous importuner si souvent par des prières de cette nature, si les devoirs de ma charge ne m'y obligeoient, et si je ne me confiois entièrement aux assurances réitérées que vous avez données de votre affection à l'académie. Je vous proteste, monsieur, qu'elle sera toujours prête à vous donner des preuves de son respect et que personne au monde ne peut être avec une estime plus parfaite que moi, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Korff.

A St.-Pétersbourg le 28 octobre 1735.

P. S. Je n'ai pas perdu de vue le mathématicien françois, que vous me recommandâtes, monsieur, il y a quelque temps, et dans l'attente où je suis que notre auguste imperatrice augmentera dans peu d'une somme considérable le revenu de l'académie, je pense d'engager ce mathématicien à l'observatoire pour aider monsieur de l'Isle dans les observations et dans les calculs astronomiques.

(Арх. конф. Имп. Ак. Н., Ausgehende Briefe 1734, 1735, № 19).

41. — Декабря 4-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Je suis mortifié d'être obligé à différer notre dîner de demain jusqu'à jeudi, puisque demain je suis invité chez monsieur le baron de Loss, avec la même compagnie, qui étoit chez moi. Je n'aurois pas manqué de lui faire mes excuses, si je ne lui avois pas promis, il y a une semaine, de venir chez lui. Faites donc, je vous prie, mes excuses auprès de vous et de vos amis. Je suis, avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Le mardi le 7 décembre 1735.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 549).

42. — С.-Петербургъ. — Графъ Левенвольде князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Il y a longtems que j'aurois eu l'honneur de vous donner de mes nouvelles, si la réponse que j'attendois d'Italie au sujet de monsieur Araya fut venue plustôt; elle m'est parvenue à la fin la poste dernière, mais malheureusement pas telle que je la souhaitois; il n'y a pas eu moyen absolument de se défaire honnêtement de ce monsieur; comme son contract était signé, il a cru que sa réputation en souffriroit, s'il se relâchoit sur la parole qu'on lui avoit donnée, et la chose est sans remède; j'en ai un véritable chagrin parce que cela m'oblige à ne pouvoir plus penser présentement à monsieur Porpora; je vous prie, mon cher prince, de le lui faire savoir d'une manière gracieuse et honneste et en lui faisant mes compliments de l'assurer que je ne l'oublierai point, dès que j'en aurai une occasion favorable. Vous savez bien, mon cher prince, ce que je vous ai remarqué à son sujet dans ma dernière; j'espère que je serai plus heureux avec monsieur Arigoni et que je recevrai dans peu de vos nouvelles à son sujet; je me flatte qu'elles seront favorables par la raison que c'est vous, monsieur, qui ménagez cette affaire. Indépendamment de cela soyez persuadé, je vous prie, qu'on ne peut rien ajouter à la parfaite estime et considération avec lesquelles j'ai l'honneur d'être, etc.

P. S. A vos heures perdues honorez moi de temps en temps, mon cher prince, de quelques nouvelles du pays où vous êtes, sans préjudice pourtant de qui que ce soit; vous m'obligerez sensiblement, mon cher prince. Votre très humble et très obéissant serviteur comte Löwenwold.

43. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur le chevalier Ozorio et moi, nous soupons mercredi prochain chez mademoiselle Bertoldi, laquelle m'a imposé de vous prier de vouloir bien être de la partie. Si vous acceptez l'invitation, j'espère avoir l'honneur de vous voir ce même mercredi après dîner pour aller ensemble à la répétition de l'opéra. Je suis

avec beaucoup d'estime, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Ce lundi 1735.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 548).

44. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! L'ambassadeur n'est point coupable de sa commission. Mademoiselle Bertoldi ayant eu l'honneur de vous écrire deux lettres sans avoir obtenu celui de votre réponse, m'a prié de m'intéresser auprès de vous pour avoir le compte de onze billets que vous avez eus. J'espère, monsieur, que vous voudrez bien lui renvoyer lesdits billets en cas qu'ils n'aient pas été donnés, ou l'argent dont elle a besoin. Je suis avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 557).

1736.

45. — Января 6-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Сіятельнѣйшій графъ, премилостивый государь мой! По полученіи вашего сіятельства милостиваго письма отъ 9-го декабря я на другой день нарочно былъ у французскаго министра г. Шавиньи и, сколько могъ прилежно, ему изъяснилъ о извѣстной книгѣ Петръ Московитъ, сколь она предосудительна такъ министерству, какъ и всему народу россійскому, и что онъ, Шавиньи, попремногу меня обяжетъ, если позволитъ отписать къ двору своему, чтобъ печатникъ той книги былъ сысканъ и наказанъ, также книги конфискованы и чрезъ палача сожжены были, и буде

авторъ ея во Франціи, то и съ нимъ такъ, какъ и съ книжникомъ, поступить, которымъ поступкомъ угодность покажетъ двору нашему и взаимное оказательство дружбы его французское высокопревосходительство ожидать имѣетъ. Наипаче же министры французскіе партикулярно въ томъ ваше сіятельство обяжутъ, понеже большая часть поношеній въ той книги васъ и другихъ чужестранныхъ касаются, какъ онъ, Шавиньи, усмотрѣть могъ изъ книги, которую я при томъ ему далъ.

На то онъ съ обыкновеннымъ ему учтивствомъ меня наикрѣпчайше обнадежилъ, что если печатниково имя не подложное и та книга печатана въ Парижѣ, то онъ заранѣе можетъ меня удостовѣрить, что у его двора по моему требованію точно поступлено будетъ, какъ съ книгою, такъ и съ издателемъ, понеже де его государь никогда не позволитъ, чтобъ такія пасквили печатаны были противъ столь знатнаго народа и двора, еслибы и продолжалось еще прежнее несогласіе, а теперь при наступленіи мира еще меньше тому поводъ подать причину имѣетъ. Къ тому онъ прибавилъ, что ваше сіятельство заслужилъ себѣ во всемъ свѣтѣ такую высокую репутацію, что такіе и подобные плуты, каковъ есть авторъ книги, хотя не могутъ ее опорочить, однакожь г. кардиналъ особливо затѣмъ сатисфакцію должную дать не премінетъ, и онъ, Шавиньи, счастливымъ бы себя почелъ бы, еслибы своимъ старательствомъ о семъ дѣлѣ могъ удостовѣрить ваше сіятельство о особливомъ своемъ къ вамъ почтеніи.

Разговоръ нашъ съ нимъ продолжился потомъ чрезъ долгое время, въ которомъ я ему далъ знать о освобожденіи г. Монтія, и въ немъ усмотрѣлъ немалую склонность видѣть два наши двора приведены въ прежнее доброе согласіе; но понеже о семъ пространнѣе въ моей покорнѣйшей реляціи доношу при семъ, о томъ повторнымъ описаніемъ трудить ваше сіятельство оставляю. По семъ первомъ поступкѣ съ г. Шавиньемъ я не оставилъ чрезъ здѣшнихъ книжниковъ увѣдомиться о прямомъ мѣстѣ изданія вышеупомянутой книги, и сколько они мнѣ могли дать знать, книга эта ко всѣмъ сюда пришла изъ Голландіи отъ книж-

нпка, называемаго Дебордъ, котораго чаютъ они быть издателемъ ея. Я уже пріискалъ способъ, чтобъ о томъ основательнѣе удостовѣриться, а между тѣмъ не оставлю о томъ просить и его сіятельство графа Александра Гавриловича, которому, кажется, потребно бы было, чтобъ ваше сіятельство своимъ письмомъ о томъ подтвердили, что̀ ко мнѣ писать изволили; впротчемъ опроверженіе на оную книгу я уже писать началъ, пользуясь приложеннымъ при вашего сіятельства письмѣ экстрактомъ, и могу ваше сіятельство покорно удостовѣрить, что никогда охотнѣе за перо не принимался, какъ при семъ случаѣ, имѣя защищать и отечество, и вашего сіятельства изрядное поведеніе, отъ котораго дворъ нашъ при всемъ свѣтѣ заслужилъ себѣ крайнюю репутацію. Будучи весьма легко опровергать такія несостоятельныя лжи, которыми книга та наполнена, и имѣя всю правость съ своей стороны, надѣюсь, что мой трудъ не будетъ безплоденъ, въ чемъ ваше сіятельство лутчшей будетъ судья, когда оное опроверженіе изволите увидѣть. Сочинено оно будетъ подъ образомъ писемъ и составитъ хорошую книжку, чего ради не скоро можетъ быть издана, наипаче что глаза мои многаго прилежанія не позволяютъ. Одинъ только пунктъ для меня столько деликатенъ, что я безъ указу ничего объ немъ говорить не смѣю, а касается онъ наслѣдства къ россійскому престолу, чего ради на оное требую отъ вашего сіятельства милостиваго изъясненія, и для того прилагаю при семъ ту часть книги, въ которой объ немъ упоминается, и за симъ, препоручая себя вашего сіятельства милости, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушной слуга Князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Лондона. Генваря 6-го 1736 года.

P. S. По заключеніи сего получилъ я высочайшій ея и вашего сіятельства рескриптъ отъ 13-го декабря, которымъ повелѣно мнѣ, изъ той книги выписавъ, прислать пасажи, для которыхъ опроверженія требуются нужныя изъясненія; и понеже за позднимъ временемъ на оный рескриптъ ныне отвѣтствовать не успѣлъ, а въ той книгѣ нѣтъ ни одной страницы, въ которой бы

не было достойнаго опроверженія, чего ради прилагаю вашему сіятельству для образца другую часть, покорно донося, что, кажется, нужно вашему сіятельству и всю книгу имѣть, о чемъ буду просить графа Александра Гавриловича, чтобъ оную переслалъ къ вашему сіятельству чрезъ тележную почту.

46. — Февраля 24-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ герцогу Э.-І. Бирону.

Сіятельнѣйшій графъ, премилостивый государь мой! За милостивое вашего сіятельства письмо отъ 26-го генваря и за благосклонное поздравленіе новымъ годомъ покорно вашему сіятельству благодарствую; не меньше же обязанна себя признаю обѣщаніями въ продолженіи вашей ко мнѣ милости, которую я съ своей стороны заслужить непрестанно стараться буду. Впротчемъ имѣю вашему сіятельству отсюду пріятную вѣдомость донесть, а имянно, что на сихъ дняхъ здѣсь чрезъ Францію извѣстіе получено о акцептаціи прелиминарій отъ двухъ французскихъ союзниковъ. О Сардинскомъ дворѣ уже давно было извѣстно, что мало въ томъ затрудненія чинилъ, какъ я самъ видѣлъ въ учиненной того двора отповѣди на резолюцію Статовъ Генеральныхъ; но опасно было, чтобъ Гишпанской не продлилъ заключенія генеральнаго мира, которая опасность уже теперь минулась, и здѣсь не сумнѣваются, что вскорѣ формальной мирной трактатъ въ Гагѣ будетъ подписанъ. Оной больше всѣхъ чести имѣетъ принесть нашей всемилостивѣйшей государынѣ, которая одна изъ всѣхъ воюющихъ державъ свое намѣреніе славно въ дѣйство произвела. Сему здѣсь столько удостовѣрены, что во всемъ народѣ, и напаче въ парламентѣ, обѣ партіи согласуются въ похвалахъ ея императорскаго величества.

Я сожалѣю, что прежъ сего о сей важной негоціаціи вашему сіятельству доносить не былъ въ состояніи, понеже дѣло требовало чрезмѣрного секрету, а я не имѣлъ цыфири для переписки съ вашимъ сіятельствомъ, чего ради уповаю, что ваше сіятельство не изволитъ то поставить мнѣ въ неисправность моей

должности, будучи удостовѣренъ, что я неотмѣнно есмь съ крайнимъ почтеніемъ, и пр.

Февраля 24 вторникъ 1736.

47. — Апрѣля 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Уже слишкомъ годъ, какъ мои покорнѣйшія два прошенія о долгахъ моихъ и о прибавкѣ жалованья лежатъ въ кабинетѣ безъ резолюціи. Я оной бы еще терпѣливо ожидалъ, если бы не чувствовалъ повсядневно новыя безпокойства отъ недостатку (которыя соединенно къ протчимъ несчастливымъ мнѣ случаемъ отнимаютъ мнѣ тишину ума, которая всего нужнѣе въ должности, въ которой я нахожусь),—для чего еще смѣлость пріемлю ваше сіятельство всепокорно просить, чтобъ милостиво объ оныхъ моихъ прошеніяхъ припомянуть и заступить обо мнѣ у ея императорскаго величества, которой правость и великодушіе столько извѣстно, что однимъ вашего сіятельства милостивымъ словомъ я благонадеженъ получить желаемую резолюцію, наипаче что требованія мои небезразсудны и правильны. Отъ вашего сіятельства я вѣчно буду обязанъ и, ожидая вашего сіятельства милостивого отвѣту хотя бъ для того, чтобъ болѣе вамъ не докучать, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

1-го апрѣля.

48. — Апрѣля 10-го. С.-Петербургъ. — Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Pétersbourg. Le 10/21 avril.

Les gracieuses assurances que votre altesse a daigné de me donner non seulement touchant la continuation de sa bienveillance précieuse, mais aussi touchant la protection qu'elle veut bien accorder à mon frère cadet, me sont de nouvelles marques de sa généreuse bonté, dont je suis sensiblement touché et pénétré de la plus respectueuse reconnaissance. Suivant la très gracieuse intention de votre altesse, je n'ai pas manqué de supplier son excellence le comte d'Ostermann en faveur de mon frère. Et son excellence

a eu la grâce de répondre, que l'affaire n'aura point de difficulté, et si votre altesse n'a eu aucun secrétaire jusqu'ici payé par le collège des affaires étrangères, qu'il ne faudra qu'une petite requête de la part de votre altesse pour ce collège-là, portant que votre altesse a choisi un tel pour secrétaire et qu'elle prie de lui accorder la pension qu'on donne aux autres secrétaires, qui sont auprès de ministres russiens dans des cours étrangères. Sur ces gracieuses promesses, dont j'ai averti mon frère, il va se ranger sous la protection de votre altesse et tâchera de mériter sa bienveillance par toutes les qualités d'un fidèle serviteur. J'espère pour le moins, que son application et son assiduité lui attireront la généreuse indulgence de votre altesse sur ce qui lui manque peut-être d'un autre côté, n'ayant pas encore vu le grand monde. Que le bon Dieu accomplisse les voeux que je fais depuis tant d'années sur la prospérité de votre altesse. Personne n'y peut prendre part plus sincèrement que celui qui sera durant sa vie avec une parfaite vénération, etc.

49. — Апрѣля 10-го. С.-Петербургъ. — Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Après la gracieuse permission que votre altesse a bien voulu accorder à mon frère cadet de venir se ranger sous sa protection et ses gracieux soins, j'ai l'honneur de le présenter par ses humbles lignes, en suppliant votre altesse de le recevoir au nombre de ses fidèles serviteurs. J'espère qu'il tâchera de mériter cette qualité par un zèle et une application particulière d'exécuter les ordres de votre altesse et par un attachement respectueux et inviolable, dont il sait que je fais profession aussi, étant avec une parfaite vénération, monseigneur, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur Chr. Fr. Gross.

Pétersbourg. Le 10/21 avril 1736.

50. — Апрѣля 27-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Милостивое вашего сіятельства писмо отъ 27 марта я имѣлъ

честь получить исправно, на которое всепокорно вашему сіятельству доношу, что по силѣ отправленного ко мнѣ рескрипта я не премину съ государственною коммерцъ-коллегіею впредь отписываться о опредѣленіи консуля при здѣшнемъ городѣ, что̀, какъ ваше сіятельство изволитъ изрядно примѣчать, для распространенія россійского торгу не мало нужно. Впротчемъ же я вашему сіятельству крайне обязанъ останусь, если рекомендованная отъ меня персона господина Замбонія вашего сіятельства милостивымъ старательствомъ къ тому консульскому дѣлу будетъ опредѣлена, понеже вѣдаю въ немъ нужное къ той должности искусство и доброе обхожденіе, которое немалой же важности.

А что касается до его жалованья, смотря по дороговизнѣ здѣшняго мѣста кажется, что на 2000 руб. не гораздо широко можно здѣсь жить, понеже на одну карету, которая консулу за пространствомъ города необходимо нужна, потребно 600 р., да за дворъ по меньшей мѣрѣ 300 руб., такъ что изъ 2000 одна половина остается на пропитаніе и протчія нужнѣйшія издержки. Однакожь, со всѣмъ тѣмъ я о суммѣ того жалованья имѣю ожидать резолюціи изъ государственной коммерцъ-коллегіи, которая если сопзволитъ, чтобъ обрѣтаемому здѣсь консулу питаться съ продажи товаровъ (какъ кажется, ваше сіятельство въ своемъ письмѣ чаетъ, что протчіе наши консулы чинили), то не сумнѣваюсь, что г. Замбони тѣмъ столь больше можетъ довольствоваться, что гораздо болѣе 2000 руб. съ однихъ коммиссій платится дѣйствительно и здѣшнимъ купцамъ, которые продаютъ казенные товары, — только нужно бы милостивѣйше разсудить, если тѣхъ товаровъ въ посылкѣ консулу не будетъ, то откуда ему имѣть свое пропитаніе.

Все вышеписанное оставляя на обыкновенное вашего сіятельства проницательство, съ крайнимъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю, и пр.

Апрѣля 27 1736.

51. — Мая 4-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Я многократно въ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ всеподданнѣйше просилъ о порядочномъ переведеніи моего жалованья, но по несчастію до сихъ поръ никакой милостивой резолюціи въ томъ не принято, и уже нѣсколько по мѣсяцу, или хотя два, векселя поздаютъ, но и по прошествіи всей трети еще жалованья своего получить не могу. И понеже отъ недостатку денегъ все принужденъ покупать дороже на кредитъ и къ тому жь не сумнѣваюсь, что о семъ замедленіи господамъ министрамъ не извѣстно, смѣлость пріемлю всепокорно ваше сіятельство просить, чтобъ указали не оставлять меня въ забвеніи, паипаче что обрѣтаюсь въ такомъ городѣ, гдѣ и на готовыя деньги все дорого, — чѣмъ ваше сіятельство къ протчимъ новое мнѣ обязательство приложить изволите. При чемъ также на милость вашего сіятельства уповаю, что не изволите совсѣмъ забыть мое покорнѣйшее прошеніе къ ея императорскому величеству о оплатѣ моихъ долговъ, которыхъ сумма будучи весьма мала смотря по дороговизнѣ здѣшняго мѣста, и по великодушію ея императорскаго величества я твердо надѣюсь, что при первомъ вашего сіятельства милостивомъ представленіи ея величества и милостивая резолюція воспослѣдовала бы, которую немедленно ожидая, съ крайнимъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю, и пр.

Мая въ 4 день.

P. S. *Секретнѣйше.* Въ сегодняшней моей покорной реляціи я неприлично быть чаялъ упомянуть о прямой причинѣ королевского отъѣзда въ Ганноверъ, но для любопытства ея императорскаго величества и вашего сіятельства партикулярно доношу, что его величество (какъ здѣсь обще слухъ носится) въ прошлогодской поѣздкѣ влюбился въ одну ганноверскую госпожу, отъ которой слышно, что и сынъ уже родился, и та самая его величество въ отсутствіи отъ себя покойна не оставляетъ, для чего королева и здѣшніе министры никакимъ образомъ его величество отъ нынѣшней поѣздки удержать не могли, хотя такія чинимыя

его величества отлученія народу здѣшнему гораздо непріятны. Сіе покорно прошу въ глубочайшемъ секретѣ содержать, понеже если бы вѣдали, что я о семъ доносилъ, довольно бы мнѣ было для впаденія въ немилость королевскую, хотя всѣ здѣсь о томъ почти публично говорятъ.

52. — Мая 27-го. Штутгардтъ. — Г.-Б. Бильфингеръ князю А. Д. Кантемиру.

Celsissimo principi Cantemirio, augustae Russorum imperatricis apud Anglos oratori, salutem et obsequia Georgius Bernhard Bilfinger.

Nihil miraberis, celsissime princeps, quod Grossium, egregium juvenem, ad te contendentem, ob ingenuam indolem, ob eruditionem variam, ob diligentiam et fidem tibi commendare institui. Nolui deesse ipsi mihi cum locus erat testificandi cultum erga te meum et refricandi memoriam ejus temporis, quo benevolentiam in me tuam coram licuit experiri. Auguror, quantum ex mora Londinensi incrementum accesserit illis studiis, quae olim non gustasti solum, sed penitus et velociter hausisti. Neque enim te totum occupare possunt, quae alios opprimunt, rerum gerendarum negotia, etiam gravissima. Mihi scientias nunc quidem nullas datur attingere, si ab architectura militari discesseris, quae delicias facit serenissimi principis mei, et in qua me progressus fecisse aliquos puto, postquam novas muniendi formas ab antiquis omnibus diversas diversisque omnino principiis superstructas, aliquo etiam numero inveni. Partem earum in scheda praesentibus addita generatim enuntiavi. Methodos explicari ipsas princeps vetuit. Utinam Russorum bono liceret utilia exstruere, ut intelligeretur posse dimidia sumtuum parte duplo meliora, quam fieri solent, munimenta condi. Habeo, quae centenis rublorum millibus possent perfieri castella; quibus defendendis milites sufficerent mille, adhiberi vero bis, ter et quater mille possent; habeo quae bis, ter et quater centenis millibus rublorum construi munimenta possent: quibusque in expugnandis quatuor aut quinque

menses non sufficerent, modo defensioni totidem mille homines, necessariis rebus instructi, adhiberentur. Sed nolo plura, dum nescio, an at haec talia placeat a gravioribus studiis tuis descendere. Suffecerit plane, si non ingratum fuerit tibi, princeps celsissime, quod renovare mei memoriam, testari veterem erga te cultum et perennem inserviendi rebus ruthenicis animum iterum significare sustinui.

In Stuttgardio d. 27 maji 1736.

53. — Апрѣль. С.-Петербургъ. — Архимандритъ Варлаамъ князю А. Д. Кантемиру.

Высокоблагородный и превосходительный господинъ, господинъ полномощный министръ, князь Антіохъ Дмитріевичъ, государь мой! При семъ случаѣ особливую мою смѣлость до вашего превосходительства дерзновенно употребляю, еже бы по благодушію ко мнѣ вашему въ чемъ возможно сіи письмовручители, поѣхавшіе въ Лондонъ россійскіе купцы, жители Переяславля Залѣсскаго, Артемей Павловъ сынъ Новоселовъ и Афонасей Яковлевъ сынъ Шебонинъ, оставлены не были, чего ради симъ оныхъ вашему превосходительству рекомендую и, благонадежно на сіе милостиваго вашего отвѣта ожидая, при повсегдашнихъ моихъ до Всемогущаго молитвахъ пребываю съ достодолжнѣйшимъ моимъ респектомъ ея всепресвѣтлаго императорскаго величества духовникъ, вашего превосходительства доброжелательный, Свято-Троицкой Сергіевой лавры архимандритъ Варлаамъ.

54. — Іюня 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ архимандриту Варлааму.

Преподобнѣйшій отецъ архимандритъ, милостивый государь мой! Вашего преподобія благосклонное письмо чрезъ россійскихъ купцовъ Ивана Новоселова и Афанасія Шебонина я имѣлъ честь получить исправно, и по оному я оными купцамъ всевозможныя услуги показать не оставлю. Должность ея императорскаго величества министра при здѣшнемъ дворѣ меня къ тому обязуетъ, а и безъ того вашего преподобія рекомендація такой для меня

важности, что не преминуюсь для одного вашего удовольства имъ во всѣхъ нуждахъ вспомогать, дабы могъ вашему преподобію при семъ первомъ случаѣ показать мое крайнее почтеніе къ вашей достойнѣйшей особѣ. Я немало хвалю, что оные купцы сюда ѣхать отважились, и желательно бы было, чтобъ многіе за ними слѣдовали; только чтобъ то можно было быть учинено къ ихъ прибыли, нужно бы имѣть здѣсь россійскаго консула, чтобъ онъ могъ ихъ на прямую дорогу наставить. Впротчемъ я прошу ваше преподобіе, если впредь къ такимъ вашимъ услугамъ гожуся, дерзновенно мнѣ приказывайте, понеже я всегда усердно стараться буду заслужить ваше благопріятство, съ отмѣннымъ почтеніемъ пребывая и пр.

Іюня 1-го дня 1736.

55. — Іюня 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Гроссу.

Болѣзнь глазъ моихъ понуждаетъ меня употреблять чужую руку, отвѣтствуя на почтенныя ваши два письма, оба отъ 21 апрѣля, изъ которыхъ одно вручено мнѣ чрезъ брата вашего, которой прибылъ сюда въ добромъ здоровьѣ. Пріѣздъ его сколько мнѣ пріятенъ, столько меня удивилъ, что не съ такимъ порядкомъ присланъ, какъ я ожидалъ. Въ прежнихъ моихъ я имѣлъ честь къ вамъ, государю моему, писать, что дворъ нашъ обыкши давать намъ своихъ людей для письма, мнѣ безъ указу въ дѣлахъ употреблять чужаго человѣка не можно, и для того, когда вы мнѣ свое намѣреніе о братѣ вашемъ объявили, я васъ просилъ, чтобъ чрезъ графа Андрея Ивановича исходатайствовать объ немъ ко мнѣ указъ съ опредѣленіемъ жалованья изъ коллегіи, и какъ изъ отвѣтного на то вашего письма я усмотрѣлъ, вы по моему требованію его сіятельству говорили и въ немъ нашли склонность къ удовольству вашему. По всему тому я думалъ, что изволите дожидать совершенного исполненія его сіятельства милостивыхъ обѣщаній и потомъ отправить своего брата, или по крайней мѣрѣ имѣли бы требовать отъ меня дальняго изъясне-

нія. Если бъ то такъ было учинено, я бы имѣлъ честь вамъ донесть, что мнѣ такого прошенія послать не можно, о какомъ его сіятельство совѣтовалъ, понеже ко мнѣ изъ оной коллегіи для русскаго письма человѣкъ опредѣленъ, какъ его сіятельству не можетъ быть непзвѣстно, и чаю, что по два опредѣлять мало у насъ въ обычаѣ. Со всѣмъ тѣмъ, понеже братъ вашъ уже здѣсь, я не оставлю возможныя услуги ему показать до полученія отвѣту вашего. На сіе мое письмо, которымъ особливо имѣю вамъ, государю моему, донесть, что безъ часто помянутого указа ни онъ мнѣ для облегченія въ дѣлахъ, ни я ему для обыкновенія въ оныхъ полезны быть не можемъ, а безъ того не вижу, для чего бы ему здѣсь свое время тратить, гдѣ ничего новаго выучиться не можетъ, кромѣ того, что городъ здѣшній чрезмѣрно дорогъ для такихъ, которые должны изъ своего кармана тратить. И на вышеписанное ожидая вашего приказу, остаюсь съ должнымъ почтеніемъ, и пр.

Іюня 18 1736 г.

56. — Іюля 8-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ барону П. П. Шафирову.

Вашего превосходительства почтеннѣйшее письмо отъ 6 апрѣля я имѣлъ честь получить исправно, изъ котораго усмотрѣлъ, что по разсмотрѣніи моей реляціи отъ 22 апрѣля прошлаго году государственная комерцъ-коллегія соизволила ея императорскому величеству для опредѣленія въ здѣшній городъ въ консули представить особливыхъ кандидатовъ, кромѣ показанной въ той моей реляціи персоны, и понеже я какъ ту мою реляцію учинилъ по требованію государственной коммерцъ-коллегіи, такъ и нынѣ все то произведеніе оставляю въ ея же волю, имѣя только при семъ вашему превосходительству донесть, что потребна въ такой чинъ для здѣшняго города персона не изъ природныхъ англичанъ, понеже отъ такого никогда приращенія ея императорскаго величества интересамъ ожидать не можно, и пр.

Іюля 8 дня 1736.

57. — Іюля 18-го. С.-Петербургъ. — Ив. Ильинскій князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь Антіохъ Дмитріевичъ, милостивѣйшій мой государь! Умедленію моему отвѣтствіемъ на милостивѣйшія свѣтлости вашей писанія никакова не могу найти извиненія, кромѣ того, что мы нынѣ работою по домамъ, а напаче тридневною по вся недѣли и по утру и по полудни въ Академіи бродшею весьма отягощены: работа состоитъ въ переводахъ розданныхъ намъ россійскихъ старинныхъ лѣтописцевъ на латинской языкъ, а бродня въ уставленныхъ конференціяхъ, гдѣ всякъ свой русской переводъ читаетъ, а прочіе всѣ обще для лучшей чистоты разсуждать и исправлять должны, и потому малѣйшее насъ число собраніемъ нарѣчено.

О полученіи изъ пакетъ-гауза вещей въ цѣлости надѣюся, что его свѣтлость князь Сергѣй Дмитріевичъ давно уже увѣдомилъ свѣтлость вашу. Въ доплату за собакъ денегъ его свѣтлость князь Константинъ Дмитріевичъ не отрицается, только я не смѣю докучать, понеже великое и безпокойное принужденіе отъ полиціи происходитъ о достройкѣ каменнаго двора, чтобъ и по задней линіи двойны аппартаменты построены были, и внутри двора чтобы ничего деревяннаго не было.

Требуемыя свѣтлостью вашею книги я отъ г. Шумахера на щотъ получилъ и для отсылки вручилъ здѣшнему купцу Вульфсу; онъ обѣщался на первомъ кораблѣ отправить къ кореспонденту своему г. Голдену. Въ зачетъ оныхъ книгъ отдалъ я господину Шумахеру 13 портретовъ по 60 к., также и 25 шеленговъ за математическіе инструменты обѣщалъ онъ въ щотъ принять. Атласъ Ивана Кирилова, который нынѣ на Уфѣ въ рангѣ бригадира, еще долго — сказывалъ мнѣ Шумахеръ—свѣта не увидитъ. Г. Хрипуновъ сказалъ, что книга его умерла, попавши въ нѣкоторыя руки, и въ чьи—того не объявилъ. О двухъ свѣтлости вашей книгахъ Исторіи Россійской его свѣтлость князь Константинъ Дмитріевичъ сказалъ, что оставлены въ Москвѣ и съ

прочими вещами въ сундукахъ запечатаны, которыя безъ ихъ прибытія Камарашу вынуть не можно, и пр.

18 іюля 1736.

58. — Августа 10-го. С.-Петербургъ. — Князь А. М. Черкасскій князю А. Д. Кантемиру.

Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 16-го дня прошедшаго іюля я получилъ и какъ за оное, такъ и за прежде полученныя, вашему сіятельству благодарствую съ прошеніемъ не принимать нескорое на оныя мое отвѣтствіе къ пренебреженію, но за многодѣліемъ къ непмѣнію довольного времени, и чрезъ сіе во отвѣтствіе на послѣднее вашего сіятельства письмо покорно доношу: для тамошней во всемъ дороговизны о прибавкѣ жалованья обрѣтаемому при вашемъ сіятельствѣ канцеляристу Ивану Несвѣтаеву стараться буду и надѣюсь, что прибавка учинена будетъ; такожъ не изволите ль при семъ же писать о прибавкѣ своего жалованья противу вашего сіятельства характеру министровъ, обрѣтающихся при другихъ дворахъ, что̀, сподѣваюсь, не будетъ отказано; а я для произведенія въ дѣйство вашего сіятельства желанія услужить по всей моей возможности потщусь, чтобъ я могъ за щастіе почитать службу мою вамъ дѣйствительно оказать, съ которымъ желаніемъ всегда буду вашего сіятельства и проч.

Изъ Петербурга 10 августа.

59. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Je suis etrêmement fâché que je n'ai pas eu l'honneur de vous voir hier chez moi. J'en étois justement sorti à ce qu'on m'a dit à mon retour à la maison. J'accepterois volontiers le dîner de M. d'Acosta; mais la présence de Bussy qui m'est agréable dans toute autre compagnie, me fait soupçonner quelque chose pour ne vous rien promettre avant d'avoir l'honneur de vous voir ce soir ou après dîner, si vous voulez passer chez moi, ou que vous me permettrez de passer chez vous. Je suis

avec toute l'estime et considération imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, 576).

60. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! L'eclaircissement que M. d'Acosta m'a envoyé, n'est pas suffisant; cependant pour ne point perdre de temps, je l'envoie et vous aurez le paquet avant les deux heures. Je vous prie, monsieur, de faire savoir à M. d'Acosta que je souhaiterois le voir demain entre 1 et 2 après midi. Je ne resterai pas ce soir à la maison dont je suis fâché, ne pouvant pas profiter de votre compagnie. Je suis, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 569).

61. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Je me suis levé aujourd'hui avec un commencement de fluxion sur les yeux, accompagnée d'une douleur aux paupières assez sensible. Comme celle-ci est un nouveau phénomène, je m'attends à une ophthalmie considérable, de sorte qu'il me sera impossible d'être demain en ville sans m'exposer à rester pendant un mois enfermé dans ma maison. Je vous supplie donc d'avertir M. d'Acosta, afin qu'il ne m'attende point. Ils pourront cependant tenir leur compagnie sans moi, ou la différer jusqu'à lundi; mais plutôt [il faut] le prévenir, car M. d'Acosta est déjà instruit de mes sentiments, et je n'attends que leur résolution finale. Je suis avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 561).

62. — Августа 18/29-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Je vous dois mille remerciements de votre lettre du... que je n'ai reçue que fort tard, parce qu'on ne savoit pas à la poste ma demeure. La bouteille de lunel m'a été aussi rendue ponctuellement, et avec elle j'ai repris mes espérances de pouvoir au moins faire quelques promenades par la ville. Depuis que j'y suis arrivé, j'étois toujours fort mal tant de la maladie des yeux, qui étoit des plus rudes, que d'une fièvre accompagnée de douleur de gorge, ce qui m'a empêché de faire plus tôt mon devoir envers vous. A l'heure qu'il est, grâce à Dieu, je me porte assez bien, mais je me divertis fort mal, et à cause de cela, de samedi en huit, je me mets en voyage pour Londres. Je suis peu satisfait du médecin de ce pays, comme du pays même. Le seul profit que je tire de mon voyage est de m'avoir détrompé de la grande idée que j'avois de cette ville et de ses habitants. Je vous supplie, monsieur, de vous imformer auprès de M. Azevedo de la personne qui nous a vendu les tabatières de Pinchby, et de m'en acheter quatre: deux aussi grandes que celle de monsieur l'envoyé, et les deux petites; après les avoir achetées, vous aurez la bonté de me les faire expédier le plus tôt possible, afin qu'elles me trouvent à Paris, où je resterai tout au plus tard jusqu'au 8 septembre n. st. Milord Harrington pourra bien me faire cette grâce par le courrier de M. Walgraf; en cas que cela ne se puisse pas faire avec temps limité, ne vous donnez pas la peine de les acheter. Je suis avec toute l'estime possible, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Mes compliments à monsieur le chevalier Ozorio, à M. Azevedo, à M. Gastaldi et à Roli; n'oubliez pas notre Pucci. Milord Walgraf m'a dit, qu'il faudroit donner les tabatières à l'office de monsieur le duc de Newcastle à M. Prevetot pour les expédier par le premier courrier; vous aurez aussi la bonté de

prendre chez M. Dutemps un cure-dent de chagrin et or, qui s'ouvre en tirant le ressort par en bas.

Paris 1736 le 29/18 août.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 551).

63. — Сентября 10-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Сколь вашего сіятельства пятплѣтнее молчаніе съ чрезмѣрнымъ сожалѣніемъ терпѣлъ, опасаяся, чтобъ оное не было слѣдствіемъ какого моего предъ вашимъ сіятельствомъ проступку, столь къ крайнему себѣ удовольству изъ милостиваго вашего сіятельства письма отъ 10-го августа я имѣлъ честь усмотрѣть, что я еще у вашего сіятельства не забытъ, и по прежнему изволите содержать меня въ своей милости. Одно то довольно было, чтобъ меня оставить въ всегдашнемъ обязательствѣ непрестанно стараться оную милость заслужить и показать мое къ вашему сіятельству особливое почтеніе.

Но ваше сіятельство, сверхъ того, новое и великое обязательство мнѣ налагаете, внушая просить о прибавкѣ моего жалованья, по которому благосклонному вашего сіятельства приказу я на прошедшей почтѣ отправилъ мое рабское прошеніе къ ея императорскому величеству въ надеждѣ, что не только ваше сіятельство сами оное въ дѣйство производить намѣрены, но и другимъ собою къ тому образецъ дать изволите, о чемъ всепокорно прошу, имѣя вѣчно помнить вашего сіятельства благодѣяніе, за каково признаваю и все то, что ваше сіятельство по моей рекомендаціи въ пользу г. Несвѣтаева учинить изволили. А впротчемъ я, вѣдая многодѣліе вашего сіятельства и не требуя частыхъ писемъ, чего бы и требовать было продерзостно, но довольствуюся, чтобъ мои непротивно приняты были и ваше сіятельство меня всегда почитали таковымъ, какимъ есмь съ крайнимъ почтеніемъ вашего сіятельства, и пр.

Сентября 10 1736 года.

64. — Сентября 23-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ д-ру Жандрону.

Monsieur! Les obligations que je vous dois ne me permettent pas de commencer la présente que par mille et mille remerciements en vous assurant que je serais charmé, si vous vouliez bien me donner l'occasion pour vous témoigner ma reconnaissance. Vous pouvez être persuadé, monsieur, qu'il n'y a chose au monde que je ne fisse pas pour exécuter vos ordres, si vous vouliez m'employer en quelque chose et alors même je ne croirai pas avoir assez fait en égard aux honnêtetés et politesses que j'ai reçues pendant mon séjour à Paris. Je suis arrivé ici le 5-me de ce mois, après un voyage assez heureux, — je dis assez heureux, puisque la fluxion de mes yeux diminuoit en chemin, faisant ce que je ne pouvois attribuer qu'à la force de vos remèdes; mais en entrant dans la ville, les affaires changèrent, et je me trouve à l'heure qu'il est avec les yeux enflammés, de boutons s'étant formés sur tous les deux, qui me font un peu de douleur. Les paupières sont aussi fort rouges en dedans, mais pas gonflées, et le matin quoique les yeux ne soient pas trop collés, ils ne laissent pas d'être pleins de matière, qui apparemment est fort salée, car elle me donne de cuissons. J'attribue ce changement au mouvement du voyage, qui agit dans le repos. Cependant je continue me servir ponctuellement de la pommade et de l'eau que vous m'avez données, bien persuadé qu'avec le temps j'en tirerai toute l'utilité désirée. Je n'ai pas encore l'autre eau avec la poudre, puisque par malheur il n'y a point eu assez de pluie après mon arrivée. De même je n'ai pas pu avoir encore de l'esquine, les droguistes d'ici ne sachant pas ce que c'est; j'espère cependant dans peu de jours d'avoir et de la pluie et de l'esquine, et par conséquent de me servir encore de ces deux autres remèdes. En attendant je vous supplie de me continuer vos conseils sur ma conduite, dont je vous serai obligé toute ma vie, et d'être persuadé que je suis avec toute l'estime imaginable etc.

Сентября 1736 г.

65. — Сентября 25-го. Берлинъ. — М. Петровъ князю А. Д. Кантемиру.

За многія всегда оказуемыя мнѣ вашей свѣтлости особливыя милости не могу не принять смѣлость числить себя межъ вѣрныхъ вашей свѣтлости услужниковъ; слѣдовательно, всенижайше поздравляю счастливымъ изъ Франціи возвратомъ и отъ сердца желаю вашей свѣтлости самопожелаемого высокаго здравія и благоденствія. За отсутствіемъ отсюда королевского дому, которой нынѣ въ Вустергаузенѣ находится, здѣсь вѣдомостьми такъ безплодно, что я съ сею почтою ничего достойного къ извѣстію вашей свѣтлости найти не могу, кромѣ того, что предъ нѣсколько днями рапелированъ отсюда голландской министръ генералъ Гинкель, а на его мѣсто еще никто не прибылъ. На сихъ дняхъ такожъ получилъ рапель датской министръ генералъ Преторіусъ. Сего послѣдняго рапель—думаютъ—изъ того произошелъ, что здѣшній дворъ предъ нѣсколько мѣсяцами послалъ въ Копенгагенъ своего министра графа Шверина, которой въ тотъ чинъ прямо изъ лейтенанта произведенъ, а другіе чаютъ для того, что понеже здѣсь немного ему негоціровать, то и одинъ секретарь исправить можетъ. Равнымъ образомъ и францускої министръ г. Шетарди рапель вскорѣ ожидаетъ, будучи обнадеженъ о своемъ за показанныя прилежности свои въ фаворъ короля Станислава во Франціи произвожденіи.

Чаю, вашей свѣтлости извѣстно, коимъ образомъ отъ стороны гановерской сысканъ предъ недавнымъ временемъ случай здѣшнему двору за показанныя разныя тому обиды въ репрессалію. Нѣсколько солдатъ дезертировало отъ гановерцевъ въ одинъ городъ здѣшній и тамо съ офицеромъ прусскимъ капитулировали, но гановерцы, пришедъ къ тому городку съ 200, взяли своихъ людей силою назадъ. Сіе не производитъ здѣсь никакого движенія, но молчатъ и якобы о томъ не извѣстно было. Я, милостивый государь, принялъ резолюцію проситься въ Россію, дабы тамо къ дѣламъ опредѣленъ быть могъ, о чемъ уже и командиръ мой реляціею своею просилъ; причины къ тому: пер-

вая — кончина отца моего и сиротство сестръ моихъ; вторая— что я съ 300 рублями прожить здѣсь не могу; третья—что хотя бъ я здѣсь и сто лѣтъ прожилъ, о произвожденіи не надежно. Итако ожидаю моего рапеля. Между тѣмъ пріемлю смѣлость вашу свѣтлость всенижайше просить показать мнѣ высокую милость и меня рекомендаціями къ его сіятельству графу Андрею Ивановичу и къ его свѣтлости князю Алексѣю Михайловичу, такожъ и къ преосвященному архіепископу Новгородскому милостивѣйше удостоить, дабы я того наплутше въ пользу мою амплои сыскать могъ. И ежели я сего достоинъ явлюсь, то желаю, дабы таковыя рекомендаціи мнѣ нынѣ пересланы были; буде же, сверхъ вышепомянутыхъ особъ, ваша свѣтлость за полезное въ пользу мою къ кому другимъ подобныя тому о мнѣ рекомендаціи пожаловать изволите, то я наипаче одолженнымъ быть причину имѣю. За такую же высокую милость не премину доколѣ живъ съ глубочайшимъ респектомъ вашей свѣтлости и пр.

P. S. Его превосходительство мой господинъ командиръ вашей свѣтлости писаніе со вчерашнею почтою (писанное изъ Лондона) получилъ исправно, но сіе я партикулярно отъ себя доношу.

25 сентября.

66. — Сентября 30-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

C'est moi au contraire qui aurois perdu, si j'avais prolongé mon séjour à Paris, et votre amour-propre n'auroit pas été sacrifié, car le vrai mérite ne diminue jamais, et plus on pratique les personnes de votre qualité, plus on est persuadé que nous leur devons toute notre estime. J'espère, madame, que vous en serez convaincue de cette vérité en arrivant à Londres, où je me flatte vous voir arriver bientôt avec m. de Monconseil, car on dit ici qu'il doit être nommé ambassadeur auprès de Sa Majesté Britannique. Il n'y a personne au monde à qui cela puisse faire plus de plaisir qu'à moi, et je vous conjure, madame, de m'en donner quelque éclaircissement, bien persuadée que si la nouvelle

exige du secret, je n'en ferai usage que pour moi seul et votre pauvre Bononini avec laquelle il ne se passe pas un jour que nous ne causions sur votre sujet, en disant toutes les belles choses que vous méritez. J'ai appris d'elle qu'elle vous devoit envoyer quelque chose dont vous l'avez chargée, et qu'elle attende m. Farinelli pour lui en procurer les moyens auprès du duc Newcastle. Permettez-moi, madame, de vous faire mes plaintes à cette occasion de ce que vous ne voulez pas vous servir de moi lorsqu'il s'agit de vous rendre quelque petit service, car j'en suis extrêmement mortifié puisqu'il n'y a personne au monde qui soit avec plus de respect etc.

P. S. Mes très humbles compliments à madame de Cursée et mesdemoiselles vos soeurs. Le remède de M. Gendron agit fort lentement, mais je commence en sentir un peu de bon effet, quoique je ne sois pas encore en état de faire usage de mes yeux en écrivant. Ainsi il faudra bien s'y tenir pour quelque temps. Cependant cela ne m'empêche pas de vous remercier très humblement de l'offre obligeant que vous me faites des remèdes de votre docteur, dont je ne manquerai pas de profiter, lorsque m. Gendron sera au bout de son latin. Notre Orphéus n'est pas encore arrivé, quoique j'aie reçu votre lettre, et Dieu sait où il est.

Le 30 septembre 1736.

67. — Октября 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Я чаю, ваше сіятельство не надѣялся при семъ найти тетрадку стиховъ, понеже ни должность моя, ни состояніе, которое не больно веселое, не позволяло упражняться въ такой забавѣ. Но ея императорскаго величества послѣднія благополучныя дѣйства противу непріятелей христіанства и моихъ партикулярныхъ понудили къ перу мои руки и заставили дѣлать то, чего 5 лѣтъ не дѣлалъ. Можетъ быть, тѣ самыя дѣла подали мнѣ удобность имѣть въ сихъ стихахъ удачу, понеже, если мнѣ о своихъ позволено говорить, чаю, что изъ всѣхъ моихъ сіи луч-

шіе. Для того я бы хотѣлъ, чтобъ они чрезъ ваше сіятельство въ люди вышли; не много отъ того ожидаю, кромѣ чтобъ для кого писаны, и въ нихъ усмотрѣть изволили ревность мою къ распространенію ея величества славы. Однакоже, буде вашему сіятельству оное покажетца не кстати, то прочетши можно бросить. Не то жь говорю о отправленной по вашего сіятельства приказу челобитной, которую прочетши, для меня весьма бъ худо было бы бросить. Потому уповаю, что ваше сіятельство оную забыть не изволитъ такъ, какъ меня сущаго съ крайнимъ почтеніемъ вашего сіятельства и проч.

Изъ Лондона. 1-го октября 1736.

68. — Октября 1-го. Парижъ. — Д-ръ Жандронъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Je me réjouis que vous soyez heureusement arrivé à Londres. Soyez bien rassuré sur l'état de vos yeux. Je vous ai promis d'éteindre ce qui les indispose, et je tiendrai ma parole. Il faut ici agir lentement; il est question d'absorber un ancien levain de petite-vérole, levain qui a été longtemps assoupi, et qui s'est réveillé en causant à vos paupières des boutons inflammatoires. Commencez par observer ce que je vous ai prescrit, et lorsqu'il sera temps de fortifier les paupières, je vous écrirai ce qu'il conviendra de faire. Je suis étonné que les droguistes de Londres ne connaissent pas l'esquine, ce mot français leur est apparemment inconnu, mais il est aisé de les mettre au fait: nous l'appelons ici esquine une racine qui vient de la Chine, et originairement elle en porta le nom, les latins la nomment china; il en vient aussi de l'Amérique, mais l'orientale est meilleure. Les médecins appellent quelquefois le quinquina, kina, mais il ne faut pas s'y méprendre; le quinquina est l'ecorce d'un arbre, et l'esquine connue sous le nom de china est une racine. Monsieur votre médecin mettra au fait votre droguiste. Donnez-moi de temps en temps des nouvelles de l'état de vos yeux, et je répondrai avec exactitude. Ne différez pas de faire en plein ce que je

vous ai prescrit. Je suis avec un très profond respect, monseigneur, votre très humble et très obéissant serviteur Gendron, docteur en médecine.

Ce 1-er octobre 1736.

69. — Октября 12/23-го. С.-Петербургъ. — Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

La gracieuse recommandation que votre altesse a daigné de faire en faveur de mon frère et dont elle m'a bien voulu avertir par sa dernière lettre du 14/25 septembre, a produit l'effet désiré et l'ordre impérial a déjà été expédié et envoyé l'ordinaire dernier à ce qu'on m'assure ici. Je viens donc faire mes très humbles actions de grâces à votre altesse et je reconnaîtrai toujours avec une parfaite vénération les généreux soins, que votre altesse a bien voulu prendre de mon frère. Je l'estime heureux de se pouvoir former sous les gracieux auspices de votre altesse et de travailler sous ses ordres. J'espère qu'il donnera la juste satisfation à votre altesse de témoigner sans cesse sa respectueuse reconnaissance par une exactitude et une application infatigable et qu'il se conservera par là cette précieuse bienveillance qui est la source de son bonheur. Pour moi, je compterai toujours entre les heureux moments de ma vie, où j'ai eu autrefois l'honneur d'admirer de près les éminentes qualités de votre altesse, et je continuerai sans cesse d'adresser mes voeux ardents à la Bonté divine, qu'Elle comble votre altesse de toutes les prospérités. Personne n'y peut prendre part avec une vénération plus sincère, que je fais effectivement, etc.

Pétersbourg. Le 12/23 octobre.

70. — Октября 19-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ М. Петрову.

Два почтенныя ваши письма отъ 25-го сентября и 2-го октября я имѣлъ честь получить исправно, въ которыхъ за сообщенныя новизны благодарствую. По желанію вашему рекомендательныя письма къ гг. кабинетъ-министрамъ прислать къ вамъ не пре-

мину, когда указъ о возвращеніи своемъ получите; нынѣ же я не посылаю, затѣмъ что могутъ у васъ долго пролежать, а послѣ съ старыми числами не пригоже ихъ подать, понеже не извѣстно, коль скоро указъ о возвращеніи вашемъ пришлютъ, будучи извѣстно, что всѣ дѣла не такъ скоро дѣлаются, какъ обѣщаются; и для того, какъ скоро указъ получить изволите, прошу меня увѣдомить, по чему я немедленно тѣ письма къ вамъ перешлю, крайне сожалѣя, что смерть покойнаго архіерея Ѳеофана чаемую вамъ пользу и мое съ нимъ знакомство пресѣкла. Засимъ съ должнымъ почтеніемъ и пр.

Октября 19 1736.

71. — Октября 21-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Mylord! Comme j'ai appris que quelques-uns abusent de mon nom afin de se soustraire aux poursuites de leurs créanciers, en disant qu'ils sont mes domestiques, je prends la liberté d'en voyer à votre excellence la liste de tous ceux qui sont actuellement à mon service et qui demeurent dans ma maison, ne doutant point, que votre excellence fera en sorte que mon nom ne puisse pas faire tort aux créanciers qui épargnent à mon égard de personnes qui ne m'appartiennent pas. Je suis etc.

Londres. 1736 octobre 21.

72. — Октября 22-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Pour vous obéir je commence par vous dire sans compliments que je suis extrêmement fâché de ce que la nouvelle de votre ambassade n'est pas vraie. Je me flattois déjà que nous allions, nous autres étrangers, trouver un asile contre l'éternel ennui de cette ville, et moi en particulier je me croyois fort heureux de pouvoir vous témoigner par une longue suite d'années l'estime que je fais de votre personne. Mais comme j'apprends par vous-même que vous n'avez jamais songé à cette ambassade, je sup-

pose qu'elle n'est pas de votre goût, et je me contenterai de jouir de votre aimable conversation au moins pour quelques semaines.

Vous ne vous trompez pas, madame, en croyant que mes courriers ne passent pas par Paris. J'en envoie rarement en Hollande et jamais en France, où, comme vous le savez, peut-être ne leur sera-t-il pas permis de voir même le jardin de la cour. Cependant cela n'empêche pas que je ne puisse vous envoyer vos parements de plumes par le canal du duc Newcastle. Aussi le ferai-je avec plaisir, d'abord qu'ils seront prêts. J'ai déjà trouvé l'homme, qui a vendu à milady Hardy ceux que vous avez, et je l'ai envoyé à madame Bononcini. Le titre de votre tragédie m'a paru fort drôle, et si les françois étoient aussi peu amateurs de la Sainte-Écriture que sont messieurs les anglois, je crois que l'auteur de la pièce n'auroit pas moins de besoin que le héros de sa pièce. Il est sûr, madame, que le sujet n'est pas convenable au théâtre, et que c'est une nouveauté que de faire parler aux filles de la comédie le langage de Jésus-Christ. Je suis fâché que je ne puis pas vous rendre ma lettre intéressante par quelque nouvelle du pays, car nous sommes ici de gens tout-à-fait morts, personne de vous autres, gens de continent, ne voulant pas depuis quelques temps avoir affaire avec des insulaires. Ainsi j'en attendrai de vous, et la plus agréable me sera celle qui m'annoncera votre bon état de santé, puisque je suis toujours sans compliments, madame, etc.

Le 22 octobre 1736.

73. — Конецъ октября. Парижъ. — Д-ръ Жандронъ князю А. Д. Кантемиру.

La lettre que vous me faites l'honneur de m'écrire en date du 23 septembre n'est venu jusqu'à moi que le 5-me novembre; ce retard est venu pour ne l'avoir point adressé à Paris, et pour avoir mis à Auteville au lieu d'Autevil: on l'a envoyée à Abbeville en Picardie, d'où étant revenu, on l'a ouverte à la poste et l'on a reconnu qu'elle étoit pour moi. Pour obvier une semblable

méprise voici mon adresse de la maison où je vais demeurer l'hiver, et où j'irai vers Noël: à monsieur etc. rue Garancière près Saint-Sulpice, à Paris.

Je compte de vous envoyer incessament de quoi fortifier vos yeux. J'ai différé à le faire pour donner le temps aux remèdes que vous avez, de pénétrer profondément dans les petites glandes des paupières, où résidoit un levain qui causait vos inflammations; l'on ne sauroit trop l'éteindre.

Je suis honteux de toutes les peines que vous vous êtes données pour la pendule que j'ai pris la liberté de vous demander. Je ne doute point qu'elle ne soit excellente, et d'avance je vous en fais mes remercîments. Je suis avec un très profond respect etc.

74. — Ноября 13-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Вручитель сего г. Петровъ, отъѣзжая изъ Берлина въ Россію, просилъ меня письмомъ своимъ, чтобъ я рекомендовалъ ево въ милостивую протекцію вашего сіятельства. Онъ Петровъ былъ тамо при ея императорскаго величества министрѣ нѣсколько лѣтъ, и изъ корреспонденціи его я примѣтилъ, что онъ молодецъ доброго состоянія. Я не сумнѣваюсь, что онъ будетъ угоденъ въ службѣ ея императорскаго величества чрезъ свое въ чужихъ краяхъ обученіе. А понеже по возвращеніи своемъ въ отечество принужденъ онъ искать вновь своего счастья, которое не отъ кого какъ только отъ вашего сіятельства ему зависпть, того ради пріемлю смѣлость покорно ваше сіятельство проспть, дабы изволили припять его въ свою милостивую протекцію и по справедливости удовольствовать его опредѣленіемъ ему какого мѣста для пропитанія, чтобъ какъ онъ не тужилъ напрасною потерею времени въ чужихъ краяхъ, такъ и другіе, взпрая на то, охотнѣе въ науки вникали, которымъ ваше сіятельство есть первой протекторъ въ нашемъ отечествѣ; особливо же я за крайнее счастье себѣ сочту, что ваше сіятельство не презритъ сію мою покорнѣйшую объ немъ рекомендацію и изволитъ меня

признавать такимъ, какъ я есмь всегда съ крайнимъ почтеніемъ вашего сіятельства и пр.

Ноября 13 1736 г.

75. — Ноября 29-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монкопсель.

Vous avez raison de dire que vous m'excédez en écrivant, car me voilà réduit à la douce nécessité de répondre à deux de vos obligeantes lettres. Cependant je ne vous accorde pas que vous ne faites que m'écrire, puisque je voudrois recevoir tous les jours de vos lettres non seulement pour pouvoir vous parler tous les jours, mais pour apprendre tous les jours à coucher les miennes. N'allez pas, s'il vous plaît, me gronder encore que je fais des compliments, ceci est une pure et simple vérité. Vous écrivez si bien, que je ne sais pas comment me prendre pour vous répondre, et votre modestie veut que je retranche de mes lettres le peu de termes que je sais pour vous exprimer l'estime particulière que je fais de votre personne. Mais il vaut mieux que je sois ignorant que désobéissant: ainsi j'ai l'honneur de vous dire simplement que l'arménien dont vous me parlez dans votre seconde lettre, a été chez moi, que nous avons causé avec lui et que cette semaine-ci j'en parlerai au duc de Newcastle, et j'en écrirai même à ma cour pour lui procurer une place convenable ici, ou chez nous. Si les deux chemins me manquent, j'en serai au désespoir, et j'espère que vous ne m'en donnerez pas la faute, puisque vous me l'avez recommandé. La conséquence peut-être ne vous paraîtra pas juste, mais vous m'avez défendu des compliments. J'enrage, madame, que je ne puis pas non plus vous fournir de nouvelles de ce pays pour vous détourner de la morale et de la mélancolie. M. Patinho mourut; on en a appris ici la nouvelle, on n'en a pas été fâché dans l'espérance que ses successeurs à la place du ministre seront moins doubles, et voilà tout, — on n'en parle plus. Vous devez savoir mieux que Vienne et Madrid ont fini leur querelle. L'armée russe et la turque se sont retirées dans leurs

quartiers d'hiver, et la médiation des puissances médiatrices va son train ordinaire. De quoi voulez-vous donc qu'on parle? Je puis bien vous dire que M. Hendel a déjà commencé à donner ses opéras et que peu de monde y va. L'autre théâtre s'ouvrira mardi prochain, et j'ai peur qu'il sera peu fréquenté, car il n'y a que Farinelli qui vaut la peine d'être entendu. Comme vous voyez, madame, cela se ressemble aux deux pièces de m. Voltaire. Cet auteur-là m'a paru dans la plupart de ses ouvrages un homme, qui se pique d'écrire sur les matières qu'il n'entend pas. Son Histoire de Charles XII est un roman au lieu d'une histoire, et ses Lettres sur les Anglois sont des discours qu'il a entendus aux cafés de Londres. Je lui conseillerois d'écrire des satires et des épigrammes, mais qu'il n'y entre point de la philosophie.

Mes yeux vont toujours de même, c'est-à-dire un jour bien, un jour mal. Cependant les fluxions ne sont ni si violentes, ni de si longue durée. Plût à Dieu qu'ils fussent entièrement rétablis pour pouvoir les employer en vous écrivant jusqu'à ce que j'aurai la satisfaction de vous voir dans notre île, car pour moi, je doute fort que je puisse jamais revenir à Paris. Il est vrai que les temps changent, mais avec le temps mes affaires seront changées aussi, et peut-être que je serai hors de chemin, lorsqu'on songera à envoyer quelqu'un chez vous. Je souhaiterois bien être mauvais prophète, car j'estime trop votre compagnie pour ne point aimer le séjour de Paris.

Le 29 novembre 1736.

76. — Декабря 7-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. И. Неплюеву.

Государь мой Иванъ Ивановичъ! Хотя я до нынѣ не знаю, однако изъ послѣдняго присланнаго ко мнѣ по дѣлу мачихи моей указа усмотрѣлъ, что ваше превосходительство присутствуетъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ чѣмъ васъ, государя моего, покорнѣйше поздравляю. Въ слѣдствіе вышеписаннаго указу покорнѣйшее мое доношеніе — не сумнѣваюся —

что рукъ вашихъ не минуетъ, въ которомъ изволите усмотрѣть, что я не въ состояніи иного писать, какъ только что въ немъ есть, и для того смѣлость пріемлю васъ, государя моего, покорно просить не оставить меня въ томъ дѣлѣ своимъ спомоществованіемъ не только по случаю присутствія вашего въ государственной коллегіи, но и по особливой ко мнѣ милости, которую чрезъ нѣсколько лѣтъ чувствую. Объ ономъ дѣлѣ хотя вкратцѣ вамъ, государю моему, здѣсь имѣю изъяснить: 1) что отецъ нашъ въ завѣщаніи ничего мачихѣ не опредѣлилъ, и послѣ того никакого приказного опредѣленія о дачѣ ей четвертой части не было; 2) отеческими деревнями владѣли мы по данному указу изъ сената, что̀ за насильное владѣніе почитать, кажется, не должно; 3) что послѣ во всѣхъ деревняхъ наслѣдникомъ учиненъ большой нашъ братъ князь Константинъ, и тако, что тѣ деревни, бывъ вообще за нами, когда я былъ еще малолѣтній и не зная тогда, какъ надлежало ими пользоваться, зависѣли они подъ управленіемъ большого брата, которому послѣ и вовсе отданы по наслѣднымъ пунктамъ, и посему не знаю, за что̀ бъ я втянутъ въ платежъ того иску; 4) что, не призывая къ суду и не испрашивая ничего, обвинили заочно, что̀ уже за неслыханное дѣло почесть можно, и что естлибъ и по формѣ суда то дѣло было рѣшено, не вѣдая, какимъ образомъ оно производилось, не могу признать, долженъ ли былъ я быть обвиненъ, или нѣтъ, и пр.

Декабря 7 1736 г.

77. — Декабря 21-го. С.-Петербургъ. — Князь А. М. Черкасскій князю А. Д. Кантемиру.

Почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо, отправленное изъ Лондона, исправно получилъ, за которое нижайше благодарствую. Приложенная притомъ похвальная пѣснь, трудами вашего сіятельства сочиненная, «О ученыхъ людѣхъ» заслуживаетъ себѣ довольную похвалу; мнѣ только видится два слова перемѣнить надлежитъ, что̀ я и учиню, сыскавъ къ тому искусного человѣка, и за тѣмъ многимъ не казалъ, а какъ переправлю, пришлю къ

вашему сіятельству, почему сами изволите уразумѣть, для чего перемѣнено. Покорно прошу не принять за противно, что я не часто пишу, понеже какъ ваше сіятельство, такъ и я, за множествомъ [дѣлъ], мало находимъ свободного времени, и для того я не заблагоразсудилъ, не имѣя достойной матеріи, пустыми комплиментами вашему сіятельству докучать. Вашего сіятельства нижайшій слуга Алексѣй Черкасской.

О прибавкѣ жалованья, хотя несумнѣнное чаяніе было, однакоже воспрепятствовало тому дѣло брата вашего съ мачихою вашею, по которому вы всѣ обвинены и на вашу персону положено иску 21,000 слишкомъ, кромѣ того, что̀ впредь прибавится, да съ того иску пошлины. Однакоже, во извѣстіе ваше доношу, что мачиха съ вашей персоны и съ князя Сергѣя ничего брать не намѣрена, а говоритъ, что ежели де онъ отпишетъ ко мнѣ да пришлетъ какую галантерею, то на томъ де у насъ и сдѣлка будетъ, и крѣпость, какую де хочетъ, дамъ.

Того ради не соизволите ли отписать къ ней въ почтительныхъ и благопріятныхъ терминахъ и притомъ прислать сей изъ галантереи какую-нибудь ефимковъ десятка два или три, а паче такую, какая къ уборамъ женскимъ прилична, или шитыхъ, или тканыхъ, что только бъ курьезно и новомодно было. Дай Боже, чтобъ сія тягость съ васъ благополучно сошла, а о снятіи пошлины въ покорныхъ терминахъ изволите черезъ письмо просить оберъ-камергера и притомъ напомянуть прошеніемъ о прибавкѣ жалованья. Сія прошу изодрать.

Изъ Петербурга. Декабря 21.

78. — Декабря 21-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Бильфингеру.

Spectatissime atque doctissime domine consiliarie intime! Semester jam abiit ex quo tuae, una cum munere historiae quod adjungere placuit literario non mediocri gaudio meo, ad me sunt perlatae. Neque tamen habes, quod me accuses vel veterni vel neglecti officii, pertinaci enim oculorum morbo affligebar, ut tuas

primum accepi, nec eodem aliquot menses post liberatus Lutetias Parisiorum concessi, sperans fore ut aëre mutato experientissimi ejusdem medici consiliis insuper adjutus tandem convalescerem. Ac necdum plene spei respondit eventus. Nullus hinc dubito quin facile mihi fidem sic adhibiturus asserenti moleste prorsus me ipsum hoc tulisse silentium, neque minus grave nunc ferre illud auxilium. Malo tamen hac ratione meo satisfacere officio, quam videri illi deesse vel diutius responsionem ad litteras etiamsi quod commodum rebus sese ita habentibus accidit mora non adeo impatientes differre. Gratias ergo, quas habeo, hac tibi, vir doctissime, ago maximas, qui amorem erga me tuum istis significare per quam benevolentiam voluisti sisque velim certus, quod, quo jucundius nihil mihi accidere potuit, eo magis tui memoriam tum renovaverim eoque studiosius in posterum culturus sim. Quod si tibi non ingratum erit profecto, persuasissimus sis precor, gratissimum mihi facies, si tuorum aliquid interdum ad me mittere licuerit semperque me experieris tibi addictissimum.

21 December 1736 — 1 Januar 1737.

1737.

79. — Января 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.

Вашего сіятельства милостивое письмо отъ 21-го декабря я сегодня имѣлъ честь получить исправно, по которому я не премину чрезъ первую оказію къ г. Шавиньи благосклонной вашего сіятельства ему комплиментъ сообщить и притомъ и о протчемъ вашего сіятельства письма содержаніи съ должною предосторожностію дать знать, столь наипаче употребляя генеральные термины и всегда разговоръ свой яко партикулярной производя, понеже усмотрѣваю, что онъ на мое послѣднее письмо до сихъ поръ не отвѣтствуетъ. По прибытіи же сюда французскаго посла,

котораго къ апрѣлю дожидаютъ, безъ сумнѣнія, частые случаи подадутся мнѣ съ большимъ споспѣшествованіемъ негоціацію о возстановленіи дружбы съ его дворомъ на словахъ производить, о чемъ всемъ вашему сіятельству подробно въ свое время доносить не премину. Между тѣмъ смѣю всепокорнѣйше донесть, что изъ Парижа о извѣстныхъ фузеяхъ ко мнѣ пишутъ, что двѣ первыя буде уже не отправлены, то скоро отправятся, а о имени Локателіевой полюбовницы и ея деревень отповѣди получить не могъ: знатно опасаются о томъ писать; но еще впредь повторю свои о томъ домогательства, и засимъ препоручая себя въ милость вашего сіятельства, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

Генваря 18 1737.

80. — Января 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Я никогда не сумнѣваюся о вашего сіятельства ко мнѣ особливой милости, а наипаче о томъ удостовѣренъ чрезъ высокосклонное ваше письмо отъ 21-го декабря, за которое всепокорнѣйшее приношу благодареніе, признавая, что усердное вашего сіятельства радѣніе въ моихъ дѣлахъ я никогда заслужить не буду въ состояніи. Въ отвѣтъ же на оное нижайше допошу, что исправленіе не только двухъ словъ, но хотя бъ и двухсотъ въ пѣсни моей «О взятіи Азова» (въ вашемъ письмѣ написано «О ученыхъ людяхъ», знать то прошибкою писца) себѣ въ обязательство приму, вѣдая, что исправлена будетъ въ лучшее и тѣмъ достойнѣе покажется тому, для кого писана; а все мое въ ней намѣреніе есть показать, что ревность моя не заключена въ одних должности моей рубежахъ. Что же касается мачихинова дѣла, то по вашего сіятельства милостивому совѣту при семъ прилагаю къ ней письмо учтивое и такое, которое бы мнѣ вредить не могло, если бы она прежнее мнѣніе отмѣнила. Но притомъ покорно прошу ваше сіятельство, если что въ немъ вамъ покажется исправить и переписать по вашего сіятельства разсужденію на приложенномъ же бѣломъ листу за моею рукою.

И буде ваше сіятельство сами вручить не пожелаете, о чемъ однако покорно прошу, то соизволите отдать оное брату моему князю Сергѣю, которому я пишу, чтобъ онъ мачиху обнадежилъ, что не только въ 20 или 30 ефимковъ, но и большей суммы галантерею къ ней на первомъ кораблѣ пришлю, понеже теперь того учинить не можно. Ваше сіятельство еще нижайше прошу ее къ тому склонить, чтобъ и брата моего князь Матвѣя отъ сего нечаяннаго нападенія свободить, понеже и онъ не богатѣе меня. А дѣло сіе, мнѣ кажется, не можетъ препятствовать прибавкѣ моего жалованья, понеже сіе зависитъ отъ правосудія и великодушія ея императорскаго величества, а другое дѣло — приказное, и обидно бы было, чтобъ для того, что положено на меня 7000 р., въ то время удержать другія двѣ, которыя отъ моего жалованья, какъ полномочнаго министра, не знаю для чего отщипнены; однако все то оставляю на высокое вашего сіятельства разсужденіе, обнадеженъ будучи о вашей къ себѣ милости, о которой продолженія прося, съ особливѣйшимъ почтеніемъ пребываю, и пр.

Генваря 18 1737 г.

P. S. Къ оберъ-камергеру сего дня пишу.

81. — Января. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ княгинѣ А. И. Кантемиръ.

Милостивая государыня моя матушка княгиня Настасія Ивановна! Чрезъ сообщенной мнѣ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ промеморіалъ изъ юстицъ-коллегіи усмотрѣлъ я, что по вашей свѣтлости челобитной положено на меня и на двухъ моихъ братовъ кадетовъ 21 тысячи рублей подъ титуломъ за наспльное владѣніе надлежащей [вамъ] четвертой части отца нашего деревень, — которая нечаянная вѣдомость не столько меня опечалила за тягостію положенной на насъ суммы, какъ за тѣмъ, что изъ такого процесу явно, что ваша свѣтлость какой гнѣвъ на меня имѣетъ. Если бъ судьи наши, указамъ послѣдуя, соизволили хотя однимъ словомъ мнѣ о вашемъ прошеніи повѣстить,

я бы, оставляя всякіе другіе способы на сторону, искалъ бы своею сыновнею покорностію вамъ доказать, что я и два мои брата кадеты такого съ вашей стороны гнѣва недостойны, понеже, кромѣ того, что, будучи лишены наслѣдства послѣ отца, весьма тяжко намъ платить за тѣ доходы, которые въ малолѣтствѣ нашемъ, какъ вамъ извѣстно, Камарашъ разыгралъ, къ тому жь особливое почтеніе наше къ вашей свѣтлости заслужило любовь, а не гнѣвъ вашъ. Еслибъ мнѣ не извѣстно было доброе ваше сердце, въ немаломъ бы сумнѣніи находился, какъ мнѣ изъ сей напасти высвободиться, которая вѣдаю, что противно вашему желанію случилась. Понеже буде мнѣ платити положенной искъ, то надлежитъ мнѣ въ конецъ разориться, всѣ мои деревни не стоя половины положенной суммы, а буде противъ приговору спорить, то имѣю прогнѣвить вашу свѣтлость, что̀ еще крайняго убожества тяжелѣе. Для того всепокорно прошу вашу свѣтлость изъ сего труднаго случая меня освободить, употребляя матернюю должность ко мнѣ и къ двумъ моимъ братьямъ кадетамъ, которые никакую причину къ недовольству вамъ не подали, — которое вашей свѣтлости благодѣяніе мнѣ будетъ въ вѣчное обязательство, и благодарство свое на словахъ и на дѣлѣ покажу по своей силѣ, непремѣнно пребывая съ особливѣйшимъ высокопочитаніемъ, и пр.

82. — Января 21-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Je ne sais pas, madame, si je dois vous donner les raisons de ce que je n'ai pas plus tôt répondu à votre lettre du 25 décembre, ou vous en demander pardon: je ferai plus tôt ceci qu'à vous rendre mes raisons pour des excuses. Il me sera pourtant permis de vous dire que chaque second jour de poste je me suis repenti de n'avoir pas rempli mon devoir à votre égard, et lorsqu'il l'est, je crains que vous ne m'en châtiiez pas en imitant, mais vous vous piquez de n'être pas à la mode en fait de penser, et j'espère que vous ne serez pas non plus en fait de vengeance. J'étois bien fâché d'apprendre que vous ne vous portiez pas bien de ces hor-

ribles affaires qui accompagnent ordinairement les personnes dans l'état où vous vous trouvez, mais au lieu de vous plaindre, je vous blâme (s'il m'est permis de le dire) de vous avoir abandonnée à la mélancolie. Est-il possible, madame, qu'avec tant d'esprit vous puissiez vous mettre en tête de penser qu'il vous puisse déranger votre tranquilité? Les personnes de bon sens, comme vous êtes, savent profiter du présent sans se soucier de ce qu'il peut arriver à l'avenir, c'est-à-dire après avoir pris les précautions de n'être pas eux-mêmes la cause de leur malheur. Je crois vous dire beaucoup de choses; mais vous n'avez pas besoin d'apprendre de moi; il suffit que vous rentriez en vous-même pour passer gaiement vos jours et en faire profiter vos amis. Aussi, madame, j'imiterai m. Voltaire en faisant la profession de maître en philosophie. J'apprends par les nouvelles de Hollande qu'il va nous donner un roman de la philosophie de Newton, comme il a fait de la vie de Charles XII, et un roman qui sera à la capacité de tout le monde, à ce qu'il promet. La philosophie de Newton traitée par m. Voltaire, qui assurément ne fait point d'algèbre rendue à la capacité de tout le monde! Ne riez-vous pas, madame, de cette proposition? Si le pauvre homme a fait voler des armées sans marquer leur chemin et le ressort qui les faisoit agir, jugez par là ce qu'il fera, lorsqu'il voudra expliquer les mouvements des corps célestes! J'ai peur que nous ne soyons pas en sûreté sur la terre. Voilà par exemple un cas, qui vous doit donner une ample matière pour vous récréer de la mélancolie. Je vous l'affirme sur ce seul point, car il est intéressant pour tous les gens armés. A propos de m. Voltaire je vous dois mille remerciements de votre façon de penser sur notre empereur Pierre le Grand. Si les gens morts pouvoient sentir ce que les vivants disent d'eux, et que ce prince vous avoit connue, il auroit été flatté de votre estime, et galant comme il étoit, il auroit su vous faire voir qu'il méritoit votre amitié, aussi bien que vos louanges. Pour nous autres russiens qui avons eu le bonheur d'être une fois ses sujets, nous ne saurions faire moins que d'avoir chère sa mémoire

pour nous avoir tirés d'une honteuse obscurité et mis sur le chemin de la gloire, vers laquelle nous conduisent ses successeurs. Je vous rends mille remerciements de la lettre rendue à m. de Chavigny, dont je n'ai pas encore reçu de réponse; peut-être n'ose-t-il pas la faire (car il ne manque pas de politesse) de peur qu'on ne le taxe d'avoir correspondance avec un moscovite.

Le 21 janvier.

83. — Февраля 3-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ де-Шавиньи.

Je viens de recevoir une lettre de monsieur le comte d'Ostermann, par laquelle son excellence me charge de vous faire de sa part mille remerciements de la bonne opinion que vous avez de sa personne et de vous assurer qu'il est extrêmement flatté de vos témoignages à son égard, comme de ceux d'une personne dont les grands mérites lui sont connus, et qu'il embrassera toutes les occasions pour vous témoigner l'estime qu'il fait de votre personne. Je m'acquitte d'autant plus volontiers de cette commission qu'elle me présente l'occasion de vous faire une petite plainte sur votre long silence. Je ne veux pas croire que vous m'ayez déjà oublié; je l'attribuerai plus tôt à une cause politique. Qui sait, s'il n'est pas encore dangereux pour vous d'entretenir correspondance avec un russe? Mais je ne puis pas non plus me persuader qu'on ait chez vous de telles maximes après toutes les déclarations échangées de la part de nos deux cours; car j'apprends de Vienne que cette dernière formalité est aussi passée, et par conséquent les deux cours se trouvent mutuellement dans la même situation qu'elles étoient avant la guerre. Ainsi, monsieur, je ne puis plus être suspect chez vous, de sorte que je ne me plaindrai que de l'embarras où vous jette, peut-être, votre voyage de Copenhague et qui vous empêche de donner de vos nouvelles à nos amis. Si ce voyage est de votre gré, je me contenterai d'apprendre par madame Monconseil que vous vous portez bien; mais je doute fort que vous puissiez trouver de l'agrément dans cette cour-là autant que vous

auriez trouvé à la nôtre, où le bruit commun vous avez destiné après votre départ de Londres. Mais peut-être cela réussira dorénavant, puisqu'il n'y a point de circonstances qui puissent empêcher le renouvellement d'amitié entre les deux cours; au moins je suis certain que la mienne est de ces sentiments. J'avois oublié dans ma dernière de vous donner compte de ma santé selon que vous aviez ordonné; j'ai donc l'honneur de vous mander, à l'heure qu'il est, que j'étois assez bien de mes yeux tout le mois passé, mais que présentement je suis attaqué d'une nouvelle fluxion, laquelle cependant n'est pas violente. Je dois rendre justice à m. Gendron, dont les remèdes ne laissent que de m'être favorables, quoiqu'ils agissent fort lentement.

Le 3 février.

P. S. M. Farinelli qui médite un voyage de Paris pour l'été prochain, vous assure de ses respects. Je n'ajoute point d'autres nouvelles de ce pays; puisque je sais que vous ne les aimez point, je ne vous en donne pas, en vous assurant que je suis avec l'estime et considération, etc.

84. — Февраля 11-го. С.-Петербургъ. — И. Ильинскій князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь Антіохъ Дмитріевичъ, милостивѣйшій мой государь! Милостивѣйшее свѣтлости вашей писаніе, данное прошедшаго генваря 4-го дня сего 1737 года, я съ великимъ желаніемъ получилъ сего Февраля 3-го дня и всепокорно за оное благодарствую. Еще прошу извинена меня имѣть, что не тѣмъ идіоматомъ отвѣтствую, которымъ вы писать изволили; на силу и по русски теперь смыслю написать, не токмо по латински, понеже, упадши на льду самымъ затылкомъ, всѣ глузды отбилъ, и хотя оная болѣзнь чрезъ нѣсколько недѣль таплася, однакожъ послѣ такъ отрыгнулася, что вся голова острупѣла, и пришелъ великій жаръ, что я пятеро сутки ничего не ѣлъ, а четверо сутки въ делиріи былъ. И такъ съ 1-го генваря понынѣ изъ горницы не выхожу, кромѣ того, что съ любимой моей квартиры на Васильевъ

островъ перетащился, бѣгая ярости Іезавелиной, о которой революціи надѣюся, что свѣтлость ваша уже извѣстенъ. И по причинѣ такого страха я всѣ письма пожегъ, и такъ не могу вспомнить, которыя книги послалъ къ свѣтлости вашей. Того ради покорно прошу прислать ко мнѣ реэстръ посланнымъ къ свѣтлости вашей книгамъ, чтобъ я могъ знать, которыя еще надлежитъ прислать. Впрочемъ, вручивъ меня прежней высокой свѣтлости вашей милости, до конца жизни моей пребываю свѣтлости вашей милостивѣйшему моему государю всепокорнымъ слугою И. Ильинскій.

1737 февраля 11-го.

85. — Февраля 19-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ де-Шавиньи.

Monsieur l'abbé Le Maire m'a rendu cette semaine la lettre dont vous avez bien voulu m'honorer le 25 janvier, c'est-à-dire fort tard, vu l'impatience que j'ai d'apprendre de vos nouvelles. Elle m'a été d'autant plus agréable que vous m'en faites le plaisir de me donner part que tout a été réglé pour votre personne pour votre contentement. Je souhaite de tout mon coeur que les bienfaits du roi puissent être proportionnés à votre mérite et vos services et que vous puissiez trouver à la cour de Danemark tant d'agrément que vous auriez trouvé en continuant votre voyage un peu plus loin. Si je comprends bien le sens de votre lettre, il me paraît que vous ne désespérez pas à visiter un jour le pays de nord le plus éloigné, où assurément, monsieur, on vous estime particulièrement, comme vous aurez vu dans ma dernière, et je suis sûr que lorsqu'on aura le plaisir de vous connaître personnellement, on sera plus persuadé que mes relations touchant votre personne et vos mérites étoient de vérité incontestable. Je n'ai rien à ajouter davantage sur le reste, puisque par ma dernière j'ai eu l'honneur de vous communiquer mes sentiments amplement et avec toute la sincérité, dont je suis capable. Aussi je me réserve de vous écrire quelque chose de nouveau par la première

occasion que m. Le Maire aura d'envoyer ma lettre par une voie sûre. En attendant je vous supplie de me continuer votre chère amitié et d'être persuadé que je serai toute ma vie avec un vrai attachement et la plus parfaite considération etc.

Le 19 février.

86. — Февраля 19-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Je n'ai reçu qu'hier l'honneur de votre obligeante lettre du 19, et je réponds aujourd'hui pour ne pas tomber la seconde fois dans la même faute que vous venez de me pardonner. Pour moi, je ne puis pas me plaindre de votre peu d'exactitude, mais je suis extrêmement mortifié de sa cause, car j'espère que vous êtes persuadée que je prends part à tout ce qui vous regarde, et par conséquent la nouvelle de votre mauvaise santé ne m'est pas indifférente. Je souhaite que par la première occasion vous puissiez m'en mander de meilleures. M. de Chavigny m'a fait la réponse si satisfaisante que je suis fâché contre moi de vous avoir fait des plaintes contre lui. C'étoit la faute de la personne qu'il avoit chargé de sa lettre que je ne l'ai reçue que fort tard. Vous excuserez la liberté que je prends de vous envoyer encore une lettre pour lui, puisque je suppose que les lettres adressées à une dame ne sont pas si souvent décachetées que celles qui vont à un ministre. Pour monsieur le cardinal de Polignac et le prince de Carignan, je les laisse faire tout ce qu'ils veulent: il suffit que je n'aye pas manqué à mon devoir en les remerciant de toutes les politesses que j'ai reçues d'eux pendant mon séjour à Paris. J'ai déjà le livre pour monsieur l'abbé de Selliers que j'aurois envoyé à m. de Maurepas par la poste s'il ne pesoit environ 10 onces, c'est-à-dire s'il n'étoit pas trop pesant; c'est pour cela que je chercherai une occasion de le lui faire tenir par une autre voie, et cela le plus tôt possible. J'y ajouterai un autre livre pour vous, attendant votre décision sur son mérite après que vous l'aurez lu. Cependant je vous assure, madame, que vous ne pourrez pas

me faire plus de plaisir qu'en vous servant de moi non seulement pour des petites bagatelles comme celle-ci, mais dans des commissions même plus importantes, et vous me trouverez toujours fort ponctuel à exécuter vos ordres; et ne vous moquez pas de moi, s'il vous plaît, en me croyant sublime en fait de littérature, car j'en suis fort éloigné dans toute autre chose que dans mon estime pour vous, etc.

Le 19 février.

87. — Февраля 25-го. Лондонъ. Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Не могу довольно изобразить, сколь мнѣ чувствительна была почесть его сіятельства милостиваго письма отъ 8-го генваря. Чрезъ 5 лѣтъ лишаяся оныхъ, я уже опасаться начиналъ, что совсѣмъ при вашемъ сіятельствѣ забытъ, но высокосклонныя желанія, которыми оное письмо сверхъ моихъ заслугъ наполнено, оставляютъ мнѣ надежду о продолженіи его сіятельства ко мнѣ милости, которую всегда стараться стану по возможности заслужить. Впротчемъ съ нетерпѣніемъ ожидаю всемилостивѣйшую ея императорскаго величества резолюцію на мои рабскія прошенія, понеже нужда моя уже времени не терпитъ, и для того смѣлость пріемлю еще просить ваше сіятельство, чтобъ своимъ радѣтельнымъ предстательствомъ оную сколь можно поспѣшить, за что особливо буду вашему сіятельству обязанъ, непремѣнно пребывая и проч.

25-го февраля.

88. — Марта 15-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. Ильинскому.

Vir clarissime! Non sine extremo dolore, quae mihi de infelici lapsu domiciliique mutatione nunciare placuit, percipere poteram. Dolores inde tibi excitatos evanuisse interea penitùs spero optoque, ut eo felicius in posterum degas tuasque res agas. Quae in ultimis tui infortunii participibus oravi, eo rediguntur, ut figuras aeri incisas Buxbaumiano operi de plantis annectendas, novos

tum hujus operis, tum Academiae actorum, qui interea temporis forsan prodiere, tomos, explicationes denique rerum novarum russicas nondum ligatas a te petierim. Ultimum verò actorum, quem accepi, tomum ad annum 1729 et quartum numero, Buxbaumiani autem operis centuriam quartam mea in supellectile libraria ultimam esse video. Quod si jam commemoratis hisce libris, prima sese tibi (data?) occasione ad me transmittendis, lexicon illud antiquum slavono-russicum sive scriptum, sive ubi commode fieri potest typis impressum adjungere volueris, summo opere persuasus sis velim me tibi obstinges efficiesque, ut in dies magis contendam magisque quo ipsemet intelligere possis me esse tibi addictissimum. A. princeps Cantemir.

Londini. d. 15/26 Martii 1737.

Я пишу по латински для того, что самъ писать не могу, а лучше люблю русское употреблять. Лексиконъ, о которомъ упоминаю, есть тотъ печатный въ Украйнѣ, который вы употребляете.

89. — Марта 17-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монкопсель.

Vous êtes bien obligeante, madame, de redoubler votre exactitude à répondre à mes lettres, crainte de n'accoucher pas trop tôt; c'est pour la même raison que j'ai différé d'une semaine à répondre à la vôtre du 5 mars. J'avois dessein de prendre mon temps d'une manière que je puisse par la présente vous féliciter sur votre heureuse délivrance et vous souhaiter une parfaite santé, telle que votre état peut exiger. Peut-être que je viens encore trop tôt avec mes compliments, mais j'ai peur que vous ne trouviez mauvais cet empressement et s'il sera fort aisé de relire cette lettre après vos couches, si elle vous parvient avant; je ne saurois que dire, madame, si on n'est pas sûr sous la protection d'une dame et si messieurs de la poste ouvrent toutes vos lettres; je croyois qu'on devoit avoir ou plus de respect pour votre sexe, ou moins de curiosité pour les lettres qui vous sont adressées, car ordinairement les dames ne s'amusent pas à écrire, ni entendre

parler des affaires d'état, seule cause, qui fait ouvrir les lettres. Ainsi soit que ma lettre à m. Chavigny fût onverte ou non, il suffit qu'elle lui ait été remise, dont je vous rends mille remerciements. Elle contient quelque chose qui ne peut pas être désagréable à la cour de France, puisque m. de Chauvelin n'y fait pas la principale figure. A propos, madame, vous ne me dites rien de sa chute inattendue, et cependant je suis impatient d'en savoir la cause, si ce n'est pas un crime de la faire savoir. Je voudrois bien vous dire mes sentiments sur ce ministre, mais je sais qu'il étoit de vos amis, et je le respecte par ce seul endroit. Le livre que j'ai pris la liberté de vous envoyer, est un ouvrage de mon père: c'est l'Histoire des empereurs turcs depuis les premiers jours jusqu'à ce siècle, avec des remarques qui donnent une idée du gouvernement, des coutumes et des cérémonies de ce pays. Ainsi, madame, ce n'est pas à moi à décider de son mérite, au contraire vous êtes juge compétente. M. Farinelli passera sans doute à Paris au commencement de juillet, ayant à faire un tour en Espagne: pour moi, quoique je pourrois souhaiter de tout mon coeur, il n'y a point d'apparence que je puisse être du voyage. Je rejette la faute sur m. de Chauvelin par des raisons qui vous sont connues et j'appelle contre lui, puisqu'il m'a réduit de ne pouvoir vous assurer de ma sincère estime et parfaite considération que par écrit.

Le 17 mars.

90. — Марта 24-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Шавиньи.

Votre obligeante lettre du 23 mars me sert de nouvelle preuve de votre amitié, puisque vous m'y donnez part du bon succès de vos affaires domestiques et que sur celles, qui regardent nos cours, vous usez à mon égard de toute la confiance que j'ose dire avoir méritée par mon attachement à votre personne. Vous pouvez être persuadé, monsieur, que je n'ai appris qu'avec un sensible plaisir la justice que le roi a rendue à vos mérites, et je souhaite

que je puisse recevoir de vous dorénavant de pareilles nouvelles. Ce sont ces mérites, qui vous ont acquis l'estime de monsieur le comte d'Ostermann, et pas mes recommandations, quoiqu'il soit sûr que je n'ai pas manqué à lui dépeindre votre portrait au naturel, et je n'avois pas besoin de le flatter pour produire ce que l'amitié, qui nous lie ensemble, me faisoit souhaiter. Vous rendez justice à une partie de mérites de son excellence en relevant sa pénétration; mais permettez-moi de vous dire que vous lui faites tort de croire qu'il a méconnu vos intentions. Je n'entreprendrai pas à vous le prouver, car non seulement cela me meneroit trop loin, mais aussi il faudroit pour cela alléguer des principes de fait et de circonstance qui ne sont pas trop agréables. Il vaut mieux, monsieur, passer l'éponge sur tout ce qui s'est passé, sans chercher à décider de quel côté étoit la raison et le tort, puisque les principes ont été si différents qu'il est impossible de s'accorder sur leur bonté. Excepté ces principes, vous avouerez, monsieur, que le moyen, dont l'une et l'autre cour s'est servi pour obtenir son but, étoit rempli de modération. Cette vérité ne demande pas de grands arguments pour être démontrée: on n'a que se souvenir de certains faits pour en être convaincu. Aussi, monsieur, vous voyez que jusques là nous sommes dans une égalité parfaite, et je souhaite que nous le fussions aussi dans les désirs sincères de rétablir une amitié et correspondance, qui devoit être d'autant plus solide que les limites de deux états sont éloignées. J'ai déjà eu l'honneur de vous assurer que ma cour n'en souhaite pas mieux, et je ne doute pas que monsieur le comte d'Ostermann embrasseroit avec plaisir [l'occasion] de se servir de vous comme d'un instrument très propre pour cet ouvrage, si cela étoit convenable. S'il m'est permis de faire une comparaison, deux grandes cours, qui veulent renouer l'amitié, ressemblent beaucoup à deux amants timides, qui s'entre-aiment, souhaitent mutuellement de s'approcher, de se dire mutuellement leurs sentiments, mais la modestie empêche l'un et l'autre à commencer. Pour parvenir à leur but, il faut un accident, une résolution, un cer-

tain je ne sais quoi, qui les laisse agir librement. C'est mon sentiment particulier, dont je parlerai à m. de Bussi en lui expliquant en même temps l'intention amiable de ma cour, et comme je me souviens d'avoir remarqué par votre discours, dans le temps que j'ai été à Paris, que la guerre de turcs étoit, peut-être, une circonstance peu favorable pour le rétablissement de la correspondance entre nos deux cours, je l'ai assuré, et je prends la liberté de vous assurer, monsieur, que ma cour est entrée dans cette guerre seulement pour se faire justice de tant de dommages et injures qu'elle a soufferts de la part de la Porte pendant 30 années consécutives, et pour se procurer une sûreté solide pour l'avenir. Du reste elle n'a point d'idées vastes et de vues ambitieuses, de sorte qu'en obtenant ce qu'elle souhaite et qui est fort raisonnable, elle ne souhaite pas mieux que de finir une guerre qu'elle étoit forcée à entreprendre malgré soi. J'ai l'honneur de vous écrire ceci par ordre de mes supérieurs: je souhaiterois en mon particulier que m. de Bussi pût en dire autant, lorsqu'il me parlera sur de pareilles affaires, car pendant que nous ferons de discours en particulier, notre zèle n'aboutira à rien. Il m'a assuré, monsieur, qu'il n'a pas eu le moindre ordre de sa cour sur cette matière, quoique vous me fassiez l'honneur de me dire dans la vôtre que vous lui en avez écrit plus particulièrement. J'avois dessein de vous envoyer celle-ci par son canal, mais comme monsieur l'abbé Le Maire part aujourd'hui, je crus que je ne pourrois faire mieux que de la lui confier, d'autant plus que j'ai raison de me louer de son attention à mon égard, dont je me crois obligé à vous remercier. Je ne vous en suis pas moins obligé de ce que vous avez fait et parlé à mon égard auprès de monsieur le cardinal; mais j'ai peur, monsieur, que vous ne vous commettiez en lui donnant de trop belles idées de moi et en me procurant de la sorte un honneur que peut-être je ne mérite pas. Je n'ai qu'une seule bonne qualité, qui est indubitable, et c'est celle d'être avec un vrai attachement et toute l'estime imaginable etc.

Le 24 mars.

91. — Апрѣль. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Н. І. Делилю.

Vir celeberrime atque doctissime! Ne ex diuturnitate silentii mei me defuisse putes officio, cui eo libentius lectis continuo, quae mihi in mandatis dedisti, satisfacere voluissem, quo majori cum delectatione Academiae scientiarum commodis, à tam docto potissimum viro rogatus, inservio. At libertas, nosti, anglicana cogi nusquam vult. Etiam si enim tertia quartaque vice ad Grahamium miserim, rogans, ut me conveniret: tamen id prius, quam paucis abhinc diebus impetrare non poteram. Neque aliud hoc ipso in colloquio quidquam ad ea, quae ex tuis ei proposueram litteris, mihi responderat, nisi quod instrumentis mathematicorum conficiendis operam haud amplius navet. Doleo hinc, desideria me tua, eademque omni laude dignissima hac ex parte explere non posse. Quodsi vero fidei ac deligentiae Oisonii, aliàs mechanici, qui exemplum minoris arstronomici cuiusdam instrumenti, pro jnssu illustrissimi Academiae scientiarum praesidis, domini de Corff, aliquot abhinc annis confecerat et hunc laborem commitere placuerit: de eo saltem ut certiorem me facias, oro, nullusque dubito, quin compellatus artifex honorificum sibi ducturus, suamque ut artem Academia scientiarum approbet, omni studio allaboraturus sit. Interea persuasus sis velim, vir doctissime, Academiae, tuaque privatim mandata me nunquam prompte, ceu jucundissima, fore executurum, meque quavis data occasione demonstraturum tibi deditissimum. A. P. Cantemir.

Ipsis Cal. Apr. MDCCXXXVII.

(Арх. Конференціи Имп. Ак. Н. Einkommende Briefe anno 1736, 1737, кн. № 21; доложено конференціи 25-го апрѣля 1737 г.).

92. — Апрѣля 12-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

По послѣднимъ извѣстіямъ о моихъ домашнихъ дѣлахъ я слышу, что мачиха наша, хотя и сестру, и братей моихъ обнадежила, что, кромѣ наслѣдника, ни съ кого иску требовать не желаетъ, однакоже мировой челобитной подавать не хочетъ. Я

не могу угадать, откуду въ ней такая отмѣна учинилась, понеже, какъ вашему сіятельству извѣстно, прежде весьма инако себя изъясняла и только моего письма ожидала для совершенной раздѣлки. Оное письмо я смѣлость принялъ къ вашему сіятельству давно отправить, о котораго употребленіи не спрашиваю, понеже благонадежно вѣдаю, что ваше сіятельство то учинили, что̀ мнѣ полезнѣе; но покорно ваше сіятельство прошу, чтобъ своимъ заступленіемъ ея мачиху нашу склонить, чтобъ прежнее свое обѣщаніе письменно исполнила, а безъ того ея къ намъ благосклонность не токмо не пользуетъ, но вредитъ, для того что зависѣть безпрестанно отъ ея воли и, можетъ быть, чаять претерпѣній намѣренія я за весьма худшее состояніе почитаю, нежели извѣстное убожество; а буде она изволитъ съ нами поступить великодушно, я ей особливо крайнее и всегдашнее буду имѣть обязательство, такъ, какъ и вашему сіятельству за приложенной въ томъ трудъ. При томъ нижайше прошу не продолжать болѣе доклада моихъ прошеній о долгахъ и прибавкѣ моего жалованья, понеже я крѣпко надѣюсь, что за одно вашего сіятельства милостивое слово ея императорское величество не изволитъ отказать такъ правильной моей просьбѣ, о чемъ пишу и къ ихъ сіятельствамъ графамъ Бирону и Остерману, и на все оное ожидая вашего сіятельства милостивого отвѣту съ крайнимъ почтеніемъ пребываю и пр.

Апрѣля 12.

93. — Апрѣля 29-го. Лондонъ. — Князь Кантемиръ маркизѣ Монкопсель.

Vous me donnez de bien bonnes nouvelles par votre obligeante lettre du 16 avril: je n'en souhaite pas de meilleures de chez vous, puisque il n'y a que votre santé qui m'y intéresse, — si elle est bonne, je suis content, et pour me rendre plus content, il suffit que vous vous portiez de mieux. Je prends pour un effet de votre politesse ce que vous me faites l'honneur de me dire sur mon voyage de Paris, mais moi, je suis réellement fâché à ne pouvoir

pas le faire. Je n'ai nulle négociation avec votre cour; il n'y eut que quelques petits éclaircissements entre M. de Chavigny et moi, et cela même n'aboutira à rien, de sorte que je ne vois aucune espérance pour que je puisse aller en France avec caractère; et pour faire un second voyage pour mon plaisir, il faudroit trouver un bon prétexte et même une raison solide avant que d'en demander la permission de ma cour, et c'est justement ce qui me manque. Du reste, madame, si je ne venois chez vous que pour me divertir, je n'ai que faire de voir le roi et les ministres, car je crois que je puis passer convenablement mon temps sans cet honneur; et en second lieu je ne suis pas d'humeur de demander des choses qui sont tant estimées chez vous. Il est vrai que je manquerois, comme j'ai manqué, un grand honneur en ce qui regarde la personne du roi, mais je m'en consolerai aisément, si vous me continuez vos bonnes grâces et les politesses, dont je me souviendrai toujours. Ainsi, madame, si jamais l'envie me prend de venir à Paris, ou que l'occasion s'en présente, je déclare que je n'y viendrai que pour voir mes amis, et par conséquent il seroit inutile d'employer M. Sorba ou quelques autres. N'allez pas croire, madame, que c'est mécontentement que je m'explique de la sorte, car vous vous tromperez autant que je me suis trompé dans le choix de mon médiateur à Paris. Je ne pense pas à ce qui s'est passé, mais j'ai appris par expérience qu'il vaut mieux d'être moins poli avec les gros seigneurs. Ne les chercher pas quand on n'en a pas besoin, est le meilleur moyen de s'en faire rechercher. Mais voilà assez de politique, il vaut mieux vous parler un peu sur nos opéras. Tous les deux théatres ont eu peu de succès, quoique celui où Farinelli chante, ait été plus couru. M. Farinelli partira d'ici au commencement de juillet, et par conséquent vous aurez bientôt le plaisir de l'entendre. Ce sera autant de gagné sur la perte que vous faites en renvoyant votre voyage d'Angleterre pour un autre temps. Je vous assure que cette résolution que vous avez prise, fâche beaucoup vos amis et particulièrement moi, qui vous attendois avec impatience dans la

vue de pouvoir vous donner dans ce pays quelques marques de ma reconnaissance et de la parfaite estime que j'ai pour vous, qui ne peut pas finir jamais puisqu'elle est produite par vos mérites.

Le 29 avril.

94. — Мая 7-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. И. Остерманъ Князю А. Д. Кантемиру.

Милостивый государь мой! Имѣя нужду въ нѣкоторыхъ математическихъ инструментахъ для науки дѣтей моихъ и не могучи положиться въ выборѣ и покупкѣ оныхъ на какого купца въ Англіи, утрудилъ я г. профессора Гросса, чтобъ онъ чрезъ обрѣтающагося при вашей свѣтлости брата его оные инструменты приказалъ выбрать и купить и, уклавъ бережно, дабы въ пути не повредился, отправить на первомъ отходящемъ кораблѣ съ добрымъ шхипером съ прямымъ адрессомъ на имя мое, подписавъ, что суть математическіе инструменты. О вышеписанномъ отъ г. Гросса къ брату его писано въ приложенномъ, при которомъ и подлинная информація съ описаніемъ тѣхъ требуемыхъ инструментовъ находится, и я пріемлю смѣлость чрезъ сіе вашу свѣтлость всепокорно просить не токмо оному господину Гроссу сію мою коммиссію исправить позволить, но и сами милостивое надзираніе имѣть, дабы такіе инструменты выбраны и куплены были противу описанія самые добрые, и акуратные, такъ и крѣпкіе, ибо въ красотѣ, кромѣ излишняго убытку, никакой пользы нѣтъ, и оные съ надежнымъ шхипером сюда какъ наискорѣе прислать соблаговолить, а что на покупку оныхъ денегъ потребно, о томъ на предбудущей почтѣ господину Голерлигу для платежа за оныя надлежащее вѣрющее письмо пришлется. Взаимно я себя представляю ко всякимъ возможнымъ услугамъ и пребываю съ должнымъ почтеніемъ, вашей свѣтлости всепокорный слуга А. Остерманъ.

Изъ Санктпетербурга. Мая 7 дня 1737 году.

95. — Мая 23-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Je suis extrêmement fâché d'apprendre que vous êtes retombée après votre dernière lettre, et d'autant plus que je suppose que les rechutes de ces sortes de maladies sont un peu dangereuses. C'est à cause de cela que je vous supplie de me donner bientôt de vos nouvelles. Je les souhaite bonnes, puisque je m'intéresse sincèrement à votre santé. Notre ami masqué fera une mauvaise fin, s'il continue à se soutenir par des intrigues: il faudroit avoir la fortune enchaînée à son char pour n'en être pas trompé, lorsqu'on veut tromper tout le monde. Je souhaite cependant qu'il continue sa manière d'agir pour venger. Votre Orphée, madame, sera à Paris vers le 15 juillet v. s., il va en Espagne apparemment pour chasser, car il ne fait point d'autre métier. Il y a été invité par des lettres de quelques ambassadeurs et il a ordre d'aller à Madrid et de ne point dire qu'il va par ordre de la cour. Voilà bien des mistères pour si peu de choses. Je crains qu'il n'y ait quelque mauvais dessein contre le pauvre Orphée, car le roi de Naples, son maître, avoit souhaité autrefois de l'entendre, et il lui avoit refusé ce plaisir. La reine d'Espagne (entre nous soit dit) est une italienne. Nous aurons l'hiver prochain Caffariello qui, à ce qu'on dit, est le second rossignol de Naples. Je suis fâché que vous n'ayez pas encore reçu les livres, dont je ne puis pas deviner la cause. Non seulement il est sûr que le paquet avoit été rendu à M. de Maurepas, adressé à monsieur l'abbé de Selliers, selon que vous me l'avez ordonné, mais son secretaire a écrit au marchand d'ici par qui je l'avois envoyé, que M. de Maurepas voudroit savoir à qui il en devoit rendre grâces de sorte que je ne saurois conclure autre chose de tout ceci, sinon que M. de Maurepas ait oublié à rendre le paquet à monsieur l'abbé. J'ai déjà fait écrire par le marchand à Paris pour m'informer de la vérité que je ne manquerois pas de vous communiquer. M. O-Brien, dont vous me parlez, est parti pour Pétersbourg il y a quatre jours. Je l'ai engagé en qualité de

contre-amiral pour la flotte de l'impératrice, et je lui ai rendu tous les services possibles par des lettres à mes amis. Cependant vous ne m'en devez pas avoir la moindre obligation, car tout cela étoit fait avant la réception de votre lettre. Ainsi, madame, je vous prie de me donner une autre occasion pour vous témoigner l'estime particulière que je fais de votre personne et par conséquent de vos ordres.

Le 23 mai.

96. — Іюня 21-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ, Гроссу.

Sachant que son excellence monsieur le comte d'Ostermann a trop d'affaires de plus grande importance sur les bras, je n'ose pas le troubler encore une fois sur le sujet des instruments mathématiques, et c'est que je m'adresse à vous, monsieur, vous donnant part du départ de monsieur le capitaine Opi, qui se fut embarqué avec lesdits instruments dès le 16 de ce mois. J'ai reçu en même temps l'avis que le pauvre M. Ilinski, interprète de l'Académie des sciences, avoit été mort que je regrette d'autant plus, qu'il s'est donné souvent la peine d'exécuter mes commissions. Je l'ai chargé encore en dernier lieu de me procurer par le moyen de M. Schumacher les estampes, qui appartiennent au quatrième tome de l'oeuvre de Plantes par M. Buxbaum. Mais comme la mort l'a empêché de me faire ce plaisir, je vous supplie, monsieur, de vous en charger et de m'envoyer avec eux le 5-me tome des Actes de votre Académie et les autres livres, qui sont publiés chez vous pendant ces six mois passés. Je vous y joins aussi une liste de livres russiens, dont j'ai besoin pour perfectionner le dictionnaire russe et françois que j'ai commencé il y a quelque temps, vous priant de les chercher et d'acheter. Si les livres de M. Ilinski seront vendus, il s'y trouvera une bible russe et un dictionnaire russe et latin, qu'il a ébauché et dont peut-être pourrois-je tirer quelques lumières, en avançant dans mon travail. Je vous prie donc très instamment, en cas que ces

deux livres dussent être vendus, de me les acheter de même que les autres, dont j'ai fait mention, vous assurant non seulement que je ferai rembourser l'argent que vous en payerez, aussitôt que votre compte me sera rendu, mais que je vous montrerai en effet dans tous les cas que j'en garde un reconnaissant souvenir. En attendant il faut que je vous demande encore une faveur, savoir de prendre les deux globes, qui m'appartiennent et qui se trouve dans la maison de feu M. Ilinsky, chez vous, afin qu'ils ne se gâtent pas.

Le 21 juin.

97. — Августа 1-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизъ Монконсель.

Vous avez beau dire et je ne serai jamais persuadé que vous ne saurez écrire aussi bien en italien, que vous faites en françois, car j'ai vu de vos lettres italiennes et je vous ai entendu parler, et toujours j'ai rencontré cet esprit juste et brillant, qui vous est naturel; cependant je vous laisse la maîtresse de vous servir de telle langue qu'il vous plaira, pourvu que vous m'écriviez, et que vous fassiez vos lettres un peu plus longues. Ce n'est pas non plus que je les mesure, mais j'y trouve tant de plaisir et tant de choses, dont je puis profiter, qu'elles ne sauroient être trop longues. Je vous en donne l'exemple, puisque ordinairement je remplis toute la feuille, quoiqu'il s'en faut de beaucoup, que mon langage françois, appris parmi les glaces du nord et perfectionné dans les brouillards de Londres, puisse être juste et agréable. A propos de glaces et de brouillards, nous sommes ici, au beau milieu de l'été, en grand besoin d'allumer du feu dans les chambres, et si cela continue, j'ai peur que je ne retombe malade de mes yeux, ce qui m'oblige de me servir encore d'une autre main en vous écrivant pour les épargner de bonne heure. Je n'ai pas encore de nouvelles de M. Rousset; ainsi je ne sais pas combien il est avancé dans la traduction de l'histoire turque, mais je m'imagine qu'il sera bien près de la fin, car il y a plus de 6 mois

qu'il l'a enterprise. Avec tout cela, si quelqu'un autre à Paris en vouloit faire une autre traduction, cela ne pourra pas préjudicier l'édition de Hollande; au moins j'ai remarqué que presque tous les ouvrages, qui sortent à Paris, sont d'abord réimprimés en Hollande. Je viens de recevoir de Constantinople les portraits de deux derniers grands seigneurs, qui manquent dans l'ouvrage, que je ne ferai pas imprimer, si vous m'écrivez, que quelqu'un ait entrepris la traduction de l'histoire chez vous, pour pouvoir embellir son édition avec ses deux estampes nouvelles. J'aurois souhaité lui pouvoir envoyer l'original latin, mais il n'est plus entre mes mains, puisque je l'ai cédé à M. Tindal, qui a fait la traduction anglaise.

L'accommodement entre nos deux cours est déjà fait depuis longtemps à Vienne, comme je viens de l'apprendre, par le traité entre l'empereur et sa majesté impériale, qui a été communiqué ici depuis peu. Aussi il ne manque qu'une ambassade mutuelle pour nous remettre sur l'ancien pied. Je suis persuadé que, si l'on envoie quelqu'un de chez vous.....et je serois charmé d'y être destiné pour pouvoir profiter de votre compagnie, que j'estime plus que (toute) chose du monde; mais je n'en suis pas sûr. Du reste, pour toutes nouvelles de ce pays-ci, j'ai à vous mander, que madame la princesse de Galles vient d'accoucher cette nuit d'une fille. Il paraît qu'elle a voulu imiter votre reine; cependant ici on n'en est pas fâché, comme chez vous, car ce n'est que la première.

98. — Августа 9-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ М. Петрову.

Два ваши пріятнѣйшія письма отъ 11-го іюня и 16-го іюля я исправно получилъ, за которыя вамъ усердно благодарствую, какъ и за приложенную при послѣднемъ карту, обязаннымъ себя признавая вашею къ себѣ аттенціею, и какъ во всѣхъ случаяхъ себя къ вашимъ услугамъ готовымъ представляю, такъ надѣюсь, что и впредь сообщеніемъ новизнъ, которыя сообщать можно, меня не оставите. При семъ немало сожалѣю о приключившемся

вамъ чрезъ послѣдній пожаръ несчастіи, но понеже такіе случаи безъ попущенія Божія не бываютъ, и обыкновенно Онъ всѣ дѣла къ нашему добру распоряжаетъ, вы своимъ разсужденіемъ сами безъ моего совѣту утѣшаться должны, тѣмъ наипаче, что несчастье было общее, и что сохранили свое здоровье, которое есть лутшее наше богатство. Бѣдный Несвитаевъ больше сожалѣнія достоинъ, что и того лишился, и то добровольно, понеже съ пріѣзду своего посѣщалъ здѣшніе вольные домы. Сіе не въ позоръ ему пишу, имѣя причину имъ быть во всемъ довольнымъ, но въ пользу того, которой на его мѣсто сюды будетъ, понеже изъ вашего письма примѣчаю, что онъ вамъ знакомъ, и по знакомству надѣюсь, что вы заранѣе ему присовѣтуете, и опасаяся двухъ худыхъ образцовъ (понеже и Спѣшневъ изъ того зла умеръ), держаться больше воды, чѣмъ вина, которая, хоть отходуетъ, животу не вредитъ.

99. — Сентября 2-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Гроссу.

En vous rendant mille très humbles grâces de peines que vous avez bien voulu vous donner pour la recherche de mes globes et autres papiers, qui avoient été entre les mains de feu monsieur Ilinski, je ne saurois vous cacher, que j'en etois étonné d'apprendre qu'on n'en puisse point trouver la moindre trace entre ses effets. Il est sûr, monsieur, qu'il avoit chez lui ces deux globes, et j'en ai quantité de ses lettres, qui en parlent; il est aussi sûr, qu'il avoit entre ses main les originaux de l'Histoire turque de mon père, la traduction russe de cet ouvrage copiée par un certain Demetri, traducteur de l'Ecole mathématique de la marine, avec beaucoup d'autres cahiers de l'écriture de mon père, sans faire mention de ses lettres, dont il y avoit grand nombre. Il avoit aussi un de mes portraits peint en habit militaire et quelques livres, dont le dictionnaire mentionné dans la lettre de M. Tretiakofsky est un. Mais comme il ne faut pas accuser les gens sans une examination préalable, je vous prie, mon-

sieur, de vous informer, si le défunt n'a pas laissé tout ceci dans la maison de mon frère, lorsqu il la quita. En cas que mon frère ne les ait pas, il faut bien qu'ils soient tombés entre les mains de l'héritier de M. Ilinski, à moins que le diable ne les ait pas emportés. Je serai fâché seulement de perdre les papiers de mon père: pour le reste, on peut toujours en avoir d'autres, de sorte qu'il ne vaut pas la peine d'en faire trop de recherches. Vous me ferez plaisir d'acheter à mon compte cette copie du Dictionnaire, dont il est parlé dans la lettre de M. Tretjakofsky, si le défunt y a ajouté le russe au moins en partie. Mon frère aura l'honneur de vous remettre une caisse de livres, que je vous prie de garder auprès de vous jusqu'à ce que j'en puisse disposer autrement. Je vous en serai obligé en continuant d'être avec une estime particulière.

100. — Сентября 27-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Левенвольде.

J'ai reçu ponctuellement par les mains de monsieur Dingly la gracieuse lettre de votre excellence du 6 d'août avec une autre de monsieur Araja pour monseigneur le prince de Galles et un livre de musique pour son altesse royale. Je dois mille remercîmens à votre excellence de l'attention qu'elle a bien voulu avoir en mon égard, de se souvenir de ma prière, que je lui avois faite pour me communiquer quelque chose de la façon dudit monsieur Araja, et je serois charmé de pourvir rendre compte à votre excellence qu'en obeissance à ses ordres j'ai d'abord présenté l'opéra à monseigneur le prince; mais malheureusement cette commission me vient dans un fort mauvais temps. Votre excellence aura sans doute appris, que le roi vient de chasser son fils de sa maison et qu'on m'a prié de la part de sa majesté, aussi bien que tous les ministres étrangers, d'éviter à faire la cour à son altesse royale. Ainsi je ne saurois voir le prince, moins encore lui parler en faveur de M. Araja, et je crois qu'il faudroit cela pour obtenir le but qu'il se propose, qui sans doute est une gratification. Je ne saurois non plus faire tenir à son altesse le livre

par quelque autre moyen, pour ne me point attirer la disgrâce du roi, à qui peut-être cette attention de ma part pour le prince ne pourroit pas plaire. Je ne sais pas même, s'il me convient de présenter à son altesse royale un livre de la part du maître de chapelle; je passe bien sur ce dernier article, s'agissant de faire siripla à votre excellence, mais je ne puis passer sur les autres sans m'attirer des affaires de la part de ma cour et de celle-ci. Ainsi j'espère que votre excellence, aussi juste qu'elle est, n'attribuera pas à mon peu de bonne volonté ce qui n'est causé que par le pur accident et circonstances du temps, et q'elle me permettra avant d'exécuter ses ordres, de sonder les secrétaires d'état, si la cour ne prendroit pas mal que j'envoye le livre sus mentionné à monseigneur le prince. Si j'en reçois une réponse favorable, je le ferai avec beacoup de plaisir; mais si je remarque qu'on ne veut pas me répondre, je retiendrai auprès de moi le livre, et j'en donnerai part à votre excellence, pour qu'elle eût la bonté de m'éclaircir sur ce que j'en dois faire. En attendant je prends la liberté de supplier votre excellence à relire ma lettre, dans laquelle je l'avois priée de m'envoyer un opéra de M. Araja. Elle y trouvera que c'étoit la reine qui m'en avoit chargé, et je laisse juger à votre excellence, si sa majesté n'aura bonne raison de mécontentement en apprenant qu'on l'a envoyé à son fils. Du reste j'ai l'honneur d'être etc.

101.— 8-го Октября. С.-Петербургъ. — Хр.-Фр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur, suivant les ordres que j'ai eu l'honneur de recevoir dernièrement de votre altesse, j'ai tâché d'obtenir le dictionnaire marqué par les entremises de m. Schuhmacher, qui a promis par le billet joint ici, qu'il y emploiera ses soins. Cependant je rens très humblement grâces à votre altesse de la compassion qu'elle a bien voulu témoigner sur l'état de ma faible santé. Je prie Dieu très ardemment, qu'il accorde à votre altesse une santé ferme et stable avec toutes les prospérités possibles.

J'ai l'honneur d'ajouter ici mes très respectueux remercîmens de la bonté que votre altesse a daigné d'avoir, en m'envoyant par mon frère le Carmen de Michel Mattaire. La latinité y est excellente, et les pensées sont assez bien choisies.

Le grand dessin touchant la géographie que m. de l'Isle a publié dernièrement, est examiné et aura peut-être lieu et le succès désiré, quand il sera approuvé par le sénat. On s'attend journellement de cette approbation, l'affaire étant soutenue et protégée par le sénateur prince Yusupov.

Je supplie votre altesse de continuer l'honneur de sa bienveillance à mon frère, aussi bien qu'à moi, qui serai toute ma vie avec un attachement très respectueux, monseigneur, de votre altesse le très humble obéissant serviteur Christoffle Frédéric Gross.

Pétersbourg, le 8/19 octobre 1737.

102. — Октябрь. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ К. Фаринелли.

J'ai été charmé d'apprendre par vos deux dernières lettres (que monsieur l'abbé Paretti m'avoit fait remettre) votre belle fortune, et comme je connais votre mérite aussi bien dans votre profession que dans votre conduite, je suis persuadé qu'elle continuera en augmentant. Vos vrais amis ont appris cette nouvelle avec le même sentiment que moi; il y en a d'autres, qui enragent et qui critiquent, comme vous le soupçonnez. Il est vrai, qu'on a fort mal excusé la nécessité, où vous vous trouvez, de rompre un contrat formel; mais après tout 6000 pistoles de présent et 1500 de pension est un trop bon avocat pour ne pas faire comprendre à tous les gens sensés, que vous aviez bonne raison de rester à Madrid. Je me dédis de tout ce que vous avez écrit auparavant, puisque alors on m'avoit donné toute autre idée de la cour que vous servez, et je crois présentement, que vous ne perdez rien, en perdant 650 livres sterling que les directeurs vous doivent. Il ne faut pas attendre d'en être payé;

au moins milord Delaware m'a dit lui-même, que les directeurs n'en ont pas l'intention. Je suis d'opinion qu'ils ont tort, mais cela ne fait rien à l'affaire, car ordinairement ici on se soucie fort peu de ce qu'en dira-t-on. Vous excuserez, si je vous écris en françois, car je ne me porte pas trop bien pour vous écrire de ma main. Continuez-moi votre amitié et soyez persuadé, que je serai toujours, etc.

103. — 29-го октября. С.-Петербургъ. — Герцогъ І.-Э. Бирономъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь, высокопочтеннѣйшій государь мой! Я вашего сіятельства разныя письма и послѣднее отъ 4-го сего мѣсяца исправно получилъ, а что по сіе время отвѣтомъ укоснѣлъ, тому причиною многія другія дѣла, которыя мнѣ мало времени даютъ на всѣ партикулярныя письма такъ аккуратно отвѣтствовать. Что жь вы изволите просить о заступленіи моемъ у ея императорскаго величества въ дѣлѣ вашемъ съ мачихою, то могу вамъ вѣрно объявить, что хотя подлиннаго знанія о томъ не имѣю, и въ такихъ дѣлахъ всегда индифферентно поступаю, однакожь сколько до меня доходило, всякія услуги въ пользу вашу показать истинно старался, какъ братъ вашъ, князь Константинъ, самъ засвидѣтельствовать можетъ. Нынѣ оный процессъ, какъ вы сами извѣстны, по указу ея императорскаго величества и по здѣшнимъ правамъ уже вершенъ, и мачиха братьямъ вашимъ для уплатъ иску своего отсрочила, а чтобъ изъ онаго еще что уступила, того отнюдь учинить не хочетъ, развѣ только склониться можетъ для общаго вашего исправленія оный срокъ еще на нѣсколько времени продолжить. Впротчемъ, старшій братъ вашъ, который нынѣ здѣсь обрѣтается, у ея императорскаго величества милосердія всенижайше просить можетъ, токмо и понынѣ никакого прошенія отъ него не было, а князь Константинъ хотя и при арміи, однако позволеніе имѣть могъ для исправленія нуждъ своихъ, какъ и протчіе, въ домъ на время отпущенъ быть. Что касается до прибавки жалованья, о томъ доношу, что всѣ наши

при другихъ дворахъ обрѣтающіеся министры равное съ вами имѣютъ, токмо недавно въ Польшѣ господину фонъ-Кейзерлингу и въ Швеціи господину Бестужеву каждому по 2000 прибавлено, для того, что въ такихъ республикахъ живутъ, гдѣ противъ другихъ дворовъ для частыхъ трактованіевъ и протчихъ обстоятельствъ весьма болѣе расходу имѣть принуждены; однако, ежели господа кабинетъ-министры, какъ вы упоминать изволите, сами за справедливо признаютъ, чтобъ вамъ жалованья прибавить, то могутъ о томъ ея императорскому величеству представить. Я съ своей стороны всякого вамъ авантажу желаю и при всѣхъ случаяхъ дѣйствительно доказать не премину, съ какою консидераціею имѣю честь быть вашего сіятельства охотный слуга E. Johann G. Biron.

С.-Петербургъ. 29-го октября 1737 г.

104. — 8-го ноября. С.-Петербургъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Левенвольде.

En conséquence de ce que j'ai eu l'honneur d'écrire à votre excellence dans ma lettre du 28 septembre, j'ai sondé en divers endroits, s'il n'y avoit point de moyen de faire parvenir l'opéra de m. Araja ès mains de son altesse royale le prince de Galles. Mais trouvant encore, à mon regret, que l'affaire n'est pas faisable dans cette situation des affaires, j'ai cru d'en devoir donner part à votre excellence, en la suppliant de me faire savoir ce qu'il faudra faire avec le dit livre de m. Araja. En attendant j'ai l'honneur d'être etc.

Le 8 novembre.

1738.

105. — 9-го января. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Je ne doute pas, madame, que monsieur l'abbé Paretti sera bien reçu de vous, et assurément je vous en aurai toute l'obligation; mais par ce que j'apprends par votre lettre, il ne pourra pas être de votre goût, aussi je me repens bien de vous avoir écrit de lui. Il est parti d'ici dans l'intention de publier partout le caractère de la nation, et comme vous n'en voulez pas entendre rien de contraire à vos préventions sur ce sujet, il ne saura pas vous plaire. Pour moi, madame, comme j'estime extrêmement vos bonnes grâces, je vous promets de ne parler de messieurs les anglais qu'avec respect. Aussi n'ai-je pas raison de me plaindre d'eux: ils ne m'ont pas fait beaucoup de politesses, mais je n'en ai non plus souffert des incivilités. Ils me laissent vivre à ma fantaisie, et je fais la même chose à leur égard. Vos amis, et qui sont aussi les miens, font l'exception de la règle, puisque ils excellent sur les autres de la nation aussi bien dans le savoir-vivre, que dans l'art de gouvernement. Il est sûr, que je serois bien fâché de les voir déplacés, mais il y a toute apparence, qu'ils ne le seront pas au moins pour longtemps. Vous avez raison de croire, que j'ai rougi toutes les fois que vous me nommez madame Brown; mais que voulez-vous que je fasse, si je ne puis pas dorénavant vous dire certaines vérités, contre lesquelles vous êtes prévenue? Il faut aimer les amis avec leurs défauts. La marquise de Don Carlos a surpris tout le monde, et je n'en vois d'autre raison, sinon que tout le monde ne s'y attendoit pas, car du reste il me paraît, qu'il est fort bien assorti, et comme j'ai eu l'honneur de vous mander, la cour de Vienne et celle de Madrid y trouveront leur compte. A propos de Madrid, il y a sept se-

maines qu'on ne reçoit point de lettres de notre Orphée. Les gâzettiers le disent tantôt malade, tantôt mort, ce qui me met en peine de sa santé. Si vous en avez quelques nouvelles, je vous prie de me les communiquer pour consoler une douzaine de dames, qui sont aux abois, ne sachant pas ce qu'elles doivent en croire. Nos opéras sans lui vont assez mal, nonobstant le mérite de Caffarielli. Sa figure et sa voix fait tort à son art pour ceux de l'audience, qui ne sont pas grands connaisseurs de la musique: il leur faut une grande taille et une voix forte, et ils ne se soucient point des finesses du chant.

M. le cardinal de Polignac aura déjà reçu ma lettre que je confesse avoir envoyée un peu tard, ayant eu ces jours passés quelques affaires qui ont occupé tout mon temps. Mes compliments à madame de Cursée et madame la comtesse de Polignac, et à mademoiselle votre soeur. Je vous prie de les remercier de ma part de leur obligeant souvenir, et d'être persuadées que mon estime pour vous augmente de jour en jour.

Le 9 janvier 1738.

P.-S. Comme je ne sais pas l'adresse de m. de Bussi, vous m'excuserez la liberté que je prends à vous envoyer une lettre pour lui. Je vous serai infiniment obligé, si vous la lui faites rendre en mains propres.

106.—Января 17-го. Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ княгинѣ А. И. Кантемиръ.

Государыня моя матушка княгиня Настасія! На два мои покорнѣйшія письма не получая вашей свѣтлости отвѣту, причину имѣю сумнѣваться, что оными вамъ докучаю, но начатіе сего года и пріятная мнѣ вѣдомость о наступающемъ вашемъ бракѣ съ его свѣтлостью княземъ Гессенъ-Гомбургскимъ извиняетъ смѣлость сего третьяго моего письма, желая лучше быть докучливымъ, чѣмъ пренебречь мою должность. Оная отъ меня требуетъ, чтобъ вашу свѣтлость сими обѣими случаями покорно поздравить и желать намѣреннаго вашего предвосприятія щастли-

вое совершеніе, и такъ въ теченіи сего года, какъ и въ слѣдующихъ многихъ, всякое благополучіе къ моему и добрыхъ слугъ и пріятелей вашихъ удовольству, благословляя васъ Всевышній желаемымъ потомствомъ и нужною взаимною супругомъ любовью. При семъ еще смѣлость пріемлю свѣтлость вашу покорно просить о нашемъ насчастливомъ дѣлѣ, чтобъ прекратить все наше безпокойство подачою мирового прошенія, которое благодѣяніе ваша свѣтлость многажды великодушно обѣщать изволили. Мое особливое всегдашнее къ вашей свѣтлости сыновное послушаніе и почтеніе отчасти того заслужило, а что̀ къ тому недостаетъ— нынѣшней веселый случай долженъ бы наградить, чтобъ мое сорадованіе въ вашемъ торжествѣ было совершенно. Братъ мой князь Матѳей еще особливо и пространнѣе о томъ вашу свѣтлость просить будетъ, уповая, что такъ его, какъ и мои прозбы безплодны оставить не изволите, паипаче, что вамъ самымъ извѣстно, что для уплаты вашего иску за пошлиною такъ мало останется, что почти никакой ползы вашей свѣтлости принести не можетъ наша крайняя утрата. Впрочемъ ожидая милостиваго на то отвѣту, съ должнымъ высокопочитаніемъ пребываю и пр.

107. — Января 17-го. Лондонъ.— Князь А. Д. Кантемиръ М. Петрову.

За пріятное ваше письмо отъ 17 декабря и приложенныя при немъ отъ брата и сестры, также и за прибавокъ пословицъ, покорно благодарствую, прося включенный пакетъ ему, брату моему, вручить, не задержавъ и буде въ чемъ можно ему спомоществовать паипаче для приказнаго дѣла, которому онъ не весьма обыкновенъ; дѣла его общія со мною, и не только письмами своими стараюся, но и вамъ за ваши труды буду премного обязанъ, всегда пребывая и пр.

108. — Января 21-го. Парижъ. — Аббатъ Паретти князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! On est parfaitement bien reçu, monsieur, lorsqu'on se présente de votre part. Madame de Monconseil m'a comblé

d'honnêtetés la première fois, et m'a présenté à ses parens la seconde; je m'attends à la troisième d'être convié à quelque quadrille et de ruiner vos qualités et les miennes par l'honnête refus que j'en ferai. Elle a tous les agrémens possibles, des grâces autour des lèvres et une gaîté ravissante dans les yeux. Elle désire fort que vous reveniez ici, et je compte que ses regards pourroient par sympathie fortifier et éclaircir votre vue beaucoup mieux, que les récipés de Gendron, sans qu'il vous en coutât des pendules. Cette ville est charmante, mais on y joue encore plus qu'on ne faisoit de mon vieux tems. Ne voulant pas jouer, je n'en jouis point, je vois rarement les dames et je fréquente beaucoup les ministres étrangers, dont plusieurs sont mes anciens amis. On a eu ces jours passés occasion de parler de vous sur ce que les bons offices paraissent être métamorphosés en médiation, même à l'égard des puissances maritimes. On a dit que vous ne vous fierez pas tant aux négociations, qu'à la valeur de votre infanterie, pour redoubler à la prochaine campagne la gloire de la dernière.

Monsieur et madame Sorba vous font leurs complimens respectueux. Je vous prie de faire les miens à m. le baron de Wasner, à milord d'Harington et à m. Gastaldi. Ma santé commence à se rétablir, et j'espère que me mitonnant deux mois ici, je serai au printems en état de suivre mon chemin. Si vous avez quelque chose à m'ordonner durant le séjour, je vous obéirai de bon coeur. Comme je prends des remèdes le matin, je n'ai pas encore été à Versailles de crainte de les interrompre, outre que l'air y est à cette saison plus mauvais qu'à l'ordinaire; ainsi je n'ai pas vu m. de Bussi. On mande d'Espagne, que le duc de Lina a été fait ambassadeur du sire auprès du roi des Deux Siciles, et qu'on a donné la toison à m. le cardinal de Fuenclara et le titre de marquis à m. de la Guadia, secrétaire d'état. On ne parle plus de Farinelli, de façon que je le compte entièrement rétabli. J'ai l'honneur d'être avec respect, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. Pareti.

Paris, le 21 janvier 1738.

109. — Января 24-го. С.-Петербургъ. — М. Петровъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! По приложенiи двухъ писемъ и донесенiи, что вчера принца Гессенъ-Гомбурского совершилась свадьба, при которомъ вѣнчанiи обѣ императорскiя государыни принцессы, ея свѣтлость герцогиня и весь гофштатъ, а въ вечеру, во время бала, ея императорское величество всемилостивѣйше, такожь и его свѣтлость герцогъ, присутствовать изволили. Всенижайше благодарствую за два вашей свѣтлости милостивыя писанiи, изъ которыхъ первое отъ 23-го, а другое отъ 30-го декабря писанныя. И понеже приложенныя при нихъ вѣрно розданы, то всепокорнѣйше во отвѣтѣ толко благодарствую о цѣнахъ требуемыхъ мною вещей, изъ которыхъ буде што понадобитца, впредь воспрiиму смѣлость васъ, милостиваго государя, утруждать; нынѣ же, яко и всегда, со глубочайшимъ респектомъ имѣю честь пребыть, monseigneur, вашей свѣтлости всенижайшiй и покорнѣйшiй слуга М. Петровъ.

P. S. О музыкантѣ съ первою почтою донести не премину. Вѣдомости печатныя послѣ писмянныхъ посылаютца, для того што въ писмянныхъ за скоростiю иногда случаетца неисправность, а нѣмецкiя — для того, дабы у вашей свѣтлости время въ переводѣ не утратилось, но чтобъ ихъ толь напскоряя во употребленiе ввести; однакоже, по желанiю свѣтлости вашей, гдѣ надлежитъ представленiе, о томъ учиню. Камергеръ Минихъ сговорилъ женитца на фрейленъ Менгденъ, камеръ-юнкеръ Чернышовъ на фрейленъ Ушаковой, а полковникъ Петръ Ив. Стрѣшневъ, графа Андрея Ивановича шуринъ, на фрейленъ Яковлевой, падчерицѣ генерала Матюшкина; Эйхлеръ (которому писмо вѣрно отдано) женился на покойного Полубоярова женѣ.

С.-Петербурхъ. Дня 24 января 1738.

(Отвѣчено 3 марта).

110.—Января 26-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ аббату Паретти.

Vous êtes bien poli d'attribuer à ma lettre ce qui n'est dû qu'à vos mérites. Madame Monconseil les a bien connus, à ce qu'elle me marque par ses lettres, dans lesquelles elle me dit mille belles choses de vous. Ainsi je ne crois pas que votre honnête refus d'une partie de quadrille puisse détruire vos belles qualités et les miennes. On sait faire meilleur usage de vous, que de vous faire jouer. Je suis cependant flatté de voir que je vous ai fait une connaissance, qui vous plaît et à qui vous plaisez aussi. Si vous voulez faire bien votre cour à madame, dites, s'il vous plaît, beaucoup de bien de la nation anglaise, dont elle a une haute idée. Je ne lui donne pas tort, car elle ne l'a pas vue de près, quoiqu'elle ait souvent eu l'intention de venir une fois à Londres. Je ferais bien volontiers un tour à Paris en cas que le roi allât à Hanovre, mais je ne sais pas encore, si ce voyage de sa majesté aura lieu. Monsieur et madame Sorba m'obligent infiniment par leur souvenir: je vous prie de les assurer de mon estime et de porter à madame en particulier mes plaintes de ce qu'elle ne vous a fait faire que des compliments. La métamorphose des bons offices arriva à l'improviste d'abord après votre départ, la cour de France en étant la première cause: cependant on n'a pas depuis des nouvelles sur les suites de cette affaire, ce qui ne laisse pas de donner un peu d'inquiétude aux intéressés. Nos dames ici sont tout à fait tranquilles à l'égard de l'état de Farinelli, puisqu'on a reçu depuis peu des lettres, par lesquelles on apprend qu'il se porte bien. Il y a longtems qu'il ne m'écrit plus, et c'est une mauvaise marque pour lui, car j'en conclue qu'il n'a pas eu de nouveaux présents. Si vous voyez m. de Bussi, je vous prie de lui faire mes compliments, et je souhaite de tout mon coeur, que vous le croyiez le plus tôt, après avoir tiré tout le profit que vous attendiez de vos remèdes. Si jamais j'aurai besoin de quelque chose à Paris, je profiterai de la permission que vous me donnez de m'adresser à vous, et j'espère aussi que vous ne m'épargnerez pas, me trou-

vant capable à vous rendre dans ce pays quelque service, me faisant l'honneur d'être persuadé que je suis avec une parfaite estime et considération, monsieur, etc.

P. S. L'ouverture du parlement se fait mardi. Le prince de Galles y assistera. La harangue du roi n'est qu'un compliment, de sorte que je ne puis vous dire sur cette matière rien qui mérite votre attention.

Le 26 janvier 1738.

111.—Февраля 11-го. Парижъ.—Д-ръ Жандронъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! J'ai reçu aujourd'hui la pendule que vous avez eu la bonté de m'envoyer, le même jour que votre dernière est venue jusqu'à moi, apprenant votre inquiétude. J'envoyai chez m. de Sorba pour savoir de qui il comptoit de recevoir cet envoi; il fit réponse qu'il croyoit la pendule confisquée et peut-être vendue après la confiscation. Je fus alarmé de cette nouvelle, et heureusement monsieur Amelot, ministre des affaires étrangères, me vint voir le même jour; je lui raconte le fait, et il me promit d'écrire sans retard à Dieppe et d'envoyer un passeport; il l'a fait, et par ses soins la pendule est arrivée chez m. de Sorba, d'où je l'ai retirée. Je ne sais, monseigneur, de quels termes me servir pour vous en marquer ma reconnaissance: cet ouvrage est parfait à tous égards. L'horloger, qui est venu chez moi pour mettre la pendule en état de faire ses mouvements, a dit avec sincérité qu'il falloit se mettre à genoux pour admirer l'excellence de l'ouvrier, — c'est tout dire. L'expression me manque pour vous témoigner à quel point je suis redevable à votre générosité: tout ce que je puis faire est de vous assurer, que vous n'avez pas obligé un ingrat et que toute ma vie je serai disposé à vous donner des marques de mon fidèle attachement. Il se répand ici un bruit que bientôt vous viendrez en France en qualité d'ambassadeur plénipotentiaire: si cette nouvelle est vraie, je m'en réjouis; je terminerai aisément ce qu'il convient de faire pour l'entière gué-

rison de vos yeux. Si la nouvelle n'est pas véritable, je vous enverrai ce que je vous ai promis; il ne faudra en faire usage que vers le mois de mai, où tout ce qui s'est concentré pendant l'hiver, se met en mouvement: ce n'est pas sans raison que j'ai différé si longtemps à fortifier les parties.... de vos yeux. J'ai voulu auparavant éteindre profondément certains levains, qui indisposoient vos paupières et qui souvent causoient inflammations aux globes des yeux. Je suis avec un très profond respect, monseigneur, votre très humble et très obeissant serviteur Gendron.

Ce 11-e février 1738.

112. — Марта 16-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ аббату Паретти.

J'ai été charmé d'apprendre par votre obligeante lettre du 14, que votre santé est assez bonne pour pouvoir vous trouver à des soupers en compagnie de belles dames, entre lesquelles vous avez raison de trouver tant de belles qualités à madame Monconseil. Elle mérite votre estime, comme celle de tout le monde, d'autant plus qu'elle me dit dans toutes ses lettres mille belles choses de vous. Dans sa dernière elle fait l'éloge de votre pitié pour la pauvre famille de m. Sorba, dont je regrette extrêmement la perte. C'étoit un vrai honnête homme et bon ami, tant que j'ai pu l'éprouver pendant mon petit séjour à Paris. L'impatience, avec laquelle on m'y attend, me flatte beaucoup, mais je ne saurais pas pourtant avancer mon départ d'ici, puisque je n'ai encore aucun ordre seulement de m'y préparer. J'ai vu aussi des lettres de Constantinople qui viennent par la voie de Vienne, dans lesquelles on marque les grands préparatifs de guerre qu'on y fait, sans qu'on y parle du tout des négociations pour la paix. Je crois qu'il faut attribuer cette hauteur des infidèles aux conseils du mufti, qui en sera à la fin récompensé par une jolie corde de soie, ne pouvant pas douter que la campagne ne finira pas sans la perte tout au moins de la ville de Bender, si le bon Dieu ne s'avise de faire des miracles en faveur de ses ennemis, car jusqu'à cette

heure ils manquent d'armée, de généraux, de ministres et d'argent, choses cependant fort nécessaires pour s'opposer à un ennemi victorieux. Je plains le pauvre marquis Monti, qui n'a pas pu jouir longtems du fruit des services signalés qu'il avoit rendus à sa cour, mais je n'aurois pas voulu que cet accident lui fût arrivé avant le siège de Dantzig, sans qu'il soit besoin de vous en dire la raison. Aujourd'hui c'est un grand jour pour la chambre basse, car, comme j'ai eu l'honneur de vous dire, on y examinera pour la première fois la requête des marchands contre les Espagnols. Si ces messieurs-ci ne changent point de résolution à ne plus visiter les vaisseaux anglais en pleine mer, comme ils prétendent de le faire, il est indubitable, à ce que j'apprends par les ministres et leurs amis, que la guerre entre les deux nations ne tardera pas à éclater. On fera cependant tout son possible pour la prévenir, en quoi je loue fort la prudence du ministre anglais. J'ai fait vos compliments à milord Harrington; il vous remercie et m'a chargé de vous faire les siens. Du reste, j'ai l'honneur d'être avec une parfaite estime, etc.

P. S. Faites lire, s'il vous plaît, à madame Monconseil l'article sur les Espagnols.

Le 16 mars 1738.

113. — Мартъ. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ В. Н. Татищеву.

Милостивый государь мой Василій Никитичъ! Не могу довольно изобразить, съ какимъ удовольствомъ я получилъ пріятное письмо ваше изъ Самары, писанное въ сентябрѣ прошлого году безъ означенія дня. Давно я почтительныхъ вашихъ писемъ лишаяся, по своей къ вамъ дружбѣ и почтенію безпокойно ожидалъ вѣдомости о вашемъ состояніи, паипаче что по отъѣздѣ вашемъ въ Сибирь никакой слухъ ни откуду отъ васъ ко мнѣ не доходитъ. Ея императорское величество не могла лучшую особу для своихъ интересовъ выбрать на мѣсто господина совѣтника Кирилова, и та ея величества резолюція мнѣ тѣмъ полезнѣе, что надѣюсь

впредь отъ васъ письма почаще, имѣя съ охотою съ своей стороны продолжать прежнюю нашу корреспонденцію. О требуваемыхъ отъ васъ часахъ я по сю пору ни отъ кого ничего не слыхалъ, и понеже не вѣдаю, къ кому господинъ Томсъ о томъ сюды писалъ, не могу никакой услуги вамъ въ семъ показать; къ тому жь, будутъ ли часы къ вамъ отправлены, теперь въ Самарѣ васъ застать не могутъ. Для чего прошу впредь мнѣ другой случай подать, гдѣ бы я вашимъ услугамъ себя употребить могъ. Буде вамъ возможно сестрѣ моей въ Москву прислать фунтовъ съ 10 лучшего зеленаго чаю, принявъ отъ нея надобныя на то деньги, я попремного вамъ обязанъ буду, непремѣнно пребывая съ крайнимъ почтеніемъ и пр.

Марта 1738 г.

114. — Апрѣля 13-го. Парижъ. — Д-ръ Жандронъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! J'ai selon vos ordres fait remettre à madame de Monconseil l'eau que vous me demandez; elle m'a fait dire qu'elle auroit soin de vous faire tenir le petit paquet le plus tôt qu'il lui seroit possible. Vous ne me ditez rien sur l'usage que je vous ai conseillé de continuer de l'eau d'esquine; si vous l'avez discontinué vous avez fait une faute, et si vous en prenez toujours je m'en rejouis, elle vous fera à tous egards de bons effects. Vers le mois de juin je vous envoirai l'eau pour fortifier vos yeux; je ne me suis pas pressé de vous l'envoyer plus tôt, pour plus de sûreté; elle vous fera beaucoup de bien. La santé de monseigneur le cardinal ministre n'est pas encore bien solidement rétablie: son grand age fait toujours craindre, la viellesse est elle-même une maladie. Je suis avec un très profond respect, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Gendron.

Ce 13-me avril 1738.

115. — Мая 25-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Je vous rends, madame, mille très humbles grâces de la peine que vous vous êtes donnée à exécuter mes commissions tant à l'égard de monsieur le cardinal de Polignac, que du livre dont je vous avois demandé trois exemplaires. Je vous prie, madame, d'assurer son éminence, que je suis fort sensible à ces marques de sa bonté pour moi, et que j'attendrai avec impatience de voir un jour son ouvrage achevé: maudits soient les procès, qui occupent si mal son temps, car autant que j'ai pu apprendre, «l'Anti-Lucrétius» est un ouvrage aussi savant et aussi agréable que le livre, dont il fait la critique. Pour les trois exemplaires de «La Statique des végétaux», vous aurez la bonté de les envoyer à Calais, à m. Caffieri, directeur des postes, pour les adresser à monsieur le chevalier Osorio, envoyé du roi de Sardaigne à Londres, et excusez s'il vous plait, si je suis trop importun. Vous avez raison de me gronder de m'être donné à plaisir une fluxion sur les yeux: cependant je vois, que le manger maigre n'en est pas toujours la cause, puisque actuellement j'en ai une, quoique j'aie fait toujours gras après Pâques. Il vaut mieux attribuer ces accès des fluxions au retour de la belle saison, qui met le sang en mouvement. Tout ce qui est de plus consolant dans mon mal, c'est qu'il ne dure que deux ou trois jours, au lieu qu'autrefois une fluxion m'enfermoit dans la chambre pour deux ou trois mois. Avant de finir cet article, permettez-moi de faire réflexion, que selon vos sentiments il ne faut rien faire que par deux raisons, c'est-à-dire pour l'utilité et pour les plaisirs. Croyez-vous, madame, que les hommes, qui puissent toujours agir pour ces principes... Pour moi, je suis d'opinion, que la plupart de nos actions sont un coup de hasard: autrement il n'y auroit jamais d'inconvénient dans la vie. Cette dame, qui s'applique à la philosophie de Newton, assurément n'agit pas ni pour l'utile, ni pour l'agréable, puisque je la vois ordinairement fort ennuyée. Elle n'est pas prise ici pour une prophétesse tant comme dans son pays: son exemple cependant

ne tire pas à conséquence pour vous, et il ne faut pas vous faire voyager pour vous donner de l'esprit; il faut faire voyager les autres pour en jouir dans votre conversation. J'envie monsieur l'abbé Paretti, qui apparemment ne manque pas de venir vous faire sa cour tous les jours. S'il n'est pas encore parti, je vous prie de lui faire mes compliments. Pour toutes nouvelles de ce pays-ci j'ai à vous mander, que le parlement a fini samedi passé avec une harangue du roi, qui fit voir beaucoup de disposition d'accomoder les différents avec la cour d'Espagne à l'amiable; et que madame la princesse de Galles a accouché hier, à cinq heures du matin, d'un prince, qui est venu au monde auparavant dans son huitième mois; aussi ne se porte-t-il pas fort bien, de sorte qu'on le baptisa d'abord après sa naissance sans cérémonie, etc.

Le 25 mai.

116. — Іюля 6-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ І.-Д. Шумахеру.

J'apprends par une lettre de m. Gross, que vous avez déjà reçu le manuscrit de la traduction du discours de m. de Fontenelle sur la pluralité des mondes, et que vous avez dessein de le faire imprimer avec changement du titre. Comme je ne doute pas, que vous en ayez, monsieur, de très bonnes raisons, j'ai tâché à les deviner, et j'en rencontre deux. L'une est pour ôter tout mécontentement aux gens bigots ou trop scrupuleux, et l'autre pour faciliter la vente du livre. Si c'est la première qui vous fait souhaiter le changement du titre en question (quoiqu'on ait déjà un ouvrage pareil de m. Huygens, imprimé en russe par ordre de Pierre le Grand), on pourroit faire le titre de la sorte:

Разговоры астрономическіе, въ которыхъ той науки нужнѣйшія знанія кратко и разумительно къ общества понятію изъяснены чрезъ господина Фонтенелля etc.

Si c'est la seconde, je crois qu'on pourroit laisser le titre que l'auteur a donné à son ouvrage, en y ajoutant un court détail de ce qu'il contient, comme il suit:

Разговоры о множествѣ міровъ, въ которыхъ той науки нужнѣйшія знанія etc.

Voilà mon sentiment sur ce sujet, dont cependant vous ferez tel usage, qu'il vous plaira, et je vous prie d'être persuadé que je suis fort sensible pour les peines que vous avez bien voulu vous donner dans cette affaire. Si je vous puis être utile en quelque chose dans ce pays-ci, vous pouvez disposer de moi, monsieur, comme d'une personne qui est avec toute l'estime imaginable, monsieur, etc.

Le 6 juillet 1738.

117. — Іюля 6-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ аббату Паретти.

Vous avez raison d'appeler la main de madame Monconseil belle et sa plume angélique; mais vous n'avez pas besoin de lui donner tant d'avantage sur la vôtre pour faire des reproches à mon silence. Ils auroient été en toute façon fort justes, et je ne puis nullement excuser ma faute, si vous ne me permettez pas de l'attribuer à votre dernière lettre, par laquelle vous mandiez votre prochain départ. Mon estime pour vous assurément n'a en rien diminué, et je lis et relis vos lettres avec le même plaisir, de sorte que je serois bien fâché de n'en pas recevoir assez souvent. Pour éviter une pareille perte je vous promets, monsieur, beaucoup plus d'exactitude pour l'avenir, espérant que vous aurez oublié le passé. Je ne doute nullement que madame de Monconseil vous souhaiteroit pour longtemps à Paris; et elle me l'a même confirmé, m'ayant vraiment remercié plus d'une fois de lui avoir procuré votre connaissance. Jugez par là, monsieur, si les réflexions que vous faites sur l'usage, auquel elle voudroit vous employer, ne soient pas un pur effet de votre modestie. Je ne saurois vous rien dire sur mon voyage que ce que je vous avois déjà mandé, c'est-à-dire que la nouvelle en a été prématurée et qu'elle l'est encore. Il ne faut pas cependant chercher la cause de ce délai dans l'affaire, dont vous avez eu la bonté de me faire

communication par votre dernière. Il est impossible que le bruit qui court à Paris sur ce sujet, soit vrai. L'action seroit trop noire, et celui à qui on voudroit l'attribuer, n'en est pas capable: de sorte que, monsieur, je ne ferai aucun usage de votre nouvelle, tandis que ce n'est qu'un bruit. Cependant je ne vous suis pas moins obligé de la communication, y remarquant une attention toute particulière que vous avez pour moi. Je serai charmé d'avoir une occasion pour vous en marquer ma reconnaissance et vous donner des preuves de mon amitié.

J'exécute ponctuellement votre conseil en tâchant de me porter bien, et toutes les fois que je suis avec nos amis communs, nous nous souvenons de vous. Nous l'avons fait encore hier, monsieur le chevalier Fitzgerald nous ayant fait vos compliments, et nous avons bu votre santé à la table de notre club, qui va le mieux du monde. Je crois sans vanité que c'est la seule coterie à Londres, où en mangeant bien, on est gai, on se traite en vrais amis. Quel dommage que vous ne faites pas le huitième, car nous sommes sept confrères. Les affaires ici sont aussi peu de choses que chez vous. Beaucoup de bruit et peu de faits: vous n'avez pas besoin que je vous en dise davantage. Faites s'il vous plait mes compliments à madame de Monconseil, à qui je ne réponds pas, vu la maladie de son père, dont je suis fort fâché, m'imaginant la douleur dans laquelle elle se trouve. Si elle me loue et me prône continuellement, elle a une trop bonne opinion de moi, et c'est parce qu'elle ne m'a pas vu qu'une douzaine de fois: je serai cependant bien fâché que vous l'en détrompiez. Il est bon quelquefois à profiter des fautes d'autres, particulièrement lorsque nous ne ferions à personne les commettre. Mais peut-être c'en est une de faire ma lettre trop longue, c'est pourquoi je la finirai en vous réitérant les assurances de ma parfaite estime et de mon vrai attachement, avec lequel j'ai l'honneur d'être, etc.

Le 6 juillet 1738.

118. — Іюля 10-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

J'étois extrêmement touché d'apprendre par votre dernière le mauvais état de monsieur votre père, qui assurément vous doit être fort sensible. À cause de cela j'ai différé de vous faire plus tôt la réponse, sachant que dans une pareille situation on ne peut pas s'amuser à lire les lettres de ses amis. Je suppose qu'à l'heure qu'il est tout le danger est passé, et que vous avez rattrapé votre tranquillité, au moins je le souhaite de tout mon coeur. Je vous rends mille grâces de bons avis, que vous m'avez donnés sur la manière de faire passer les bijoux en question, en passant par Calais, et quoique vous n'ayez pas pu obtenir un passeport, comme je l'ai souhaité, je ne vous ai pas moins d'obligation pour la bonne volonté. Du reste messieurs les ambassadeurs résidents à la cour de France ont souvent demandé de pareils passeports, sans qu'ils aient été taxés de vilenie, et en dernier lieu m. Sorba le défunt a fait entrer de la sorte une pendule, que j'avois envoyée à m. Gendron. Si j'étois à leur place, je voudrois faire distinction entre faire plaisir à une dame et diminuer le trésor du roi pour gagner quelques sols. Et je crois, que c'étoit justement le cas pour faire la distinction. Comme tout ces messieurs qui s'y trouvent actuellement, sont d'une probité et d'un désintéressement indubitables, on ne sauroit avoir la moindre mauvaise pensée; mais ordinairement, ceux qui sont scrupuleux de passer une puce, avalent sans difficulté un éléphant. L'auteur que je vous cite, est la vérité même, ainsi il n'y a pas moyen de ne lui pas prêter foi. À la fin j'ai reçu les étoffes que vous avez eu la bonté de m'envoyer, et que je trouve, comme je m'y attendois, trop belles pour le prix; et je vous en réitère encore mes remerciements. Pour les coiffes, on les a portées à milady Harvey, qui n'a pas eu ses fichus, car tel a été le bon plaisir de m. Naquet qui a décacheté les boîtes et le paquet même, et en a fait mille quiproquos, qu'il n'a pas pu encore résoudre. Il n'arrivera pas de même avec les livres adressés à m. Coffien, puisque monsieur le chevalier Osorio m'a dit qu'ils étoient déjà

expédiés de Calais, et que peut-être ils sont déjà à la douane. J'espère pourtant que vous me ferez la faveur de me mander leur prix pour pouvoir en être payée. À propos de livres, il en a paru un nouveau d'un gentilhomme vénitien, m. Algarotti, sur le système de Newton et particulièrement sur son optique: il est écrit sur le même plan et presqu'en style semblable que celui de la «Pluralité des mondes». Je l'ai lu ces jours passés avec beaucoup de plaisir. Il traite fort bien sa matière, et il n'est pas moins clair que badin, de sorte que si vous voulez devenir Newtonienne à peu de frais, vous le serez à la seconde lecture de ce livre, sans cependant faire grand cas du langage qui n'est pas toujours italien. On me dit que l'auteur est à Paris. Je le connais particulièrement: il est d'une conversation fort enjouée, sans affectation, et il a beaucoup d'esprit et même du savoir, de sorte qu'il mérite votre amitié. M. l'abbé Paretti vous en pourra aussi donner des nouvelles, à qui j'ai écrit dernièrement pour vous excuser mon silence, etc.

Le 10 juillet.

119. — Августа 18-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Je ne doute nullement, madame, que la perte que vous venez de faire, vous ait été bien sensible, et c'est pour cela que je ne veux pas en faire plus mention que pour vous prier de ne vous laisser point accabler par la tristesse. Elle est bien dangereuse dans l'état où vous vous trouvez, et j'espère que de celui vous pouvez tirer les remèdes pour la chasser. Si vous avez perdu un père, peut-être avez-vous gagné un fils, et à bien prendre la chose, ce qu'on a gagné vaut bien ce qu'on a perdu. Monsieur votre père méritoit votre estime et votre amour, mais il avoit vécu son temps, et monsieur votre fils ou la fille doit vivre pour faire honneur à ses parents. Ce sont au moins mes souhaits; ils ne peuvent manquer d'être accomplis si le nouveau-né veut profiter de vos leçons. Si ma lettre arrive après vos couches, je prends la liberté de vous en

féliciter, et je vous prie d'être persuadée, que je prends part à tous les heureux événements de votre vie. J'espère de vous en donner des preuves pendant mon séjour à Paris, où je me flatte de jouir souvent de votre aimable compagnie. Mon départ ne pourra tarder que tout au plus dix jours. Je prends mon congé du roi, à ce que je crois, demain, ayant été déjà informé en formes par m. de Cambis, que m. de Vaugrenan avoit été nommé de la part de votre cour. Elle souhaite bien lui donner le caractère d'ambassadeur, mais je ne suis plus en état de le prendre sans nouvel ordre. Peut-être en recevrai-je après mon arrivée à Paris, mais ce ne sont aussi que des conjectures, comme les vôtres. À propos d'ambassadeur, je fais tous les recherches possibles pour trouver la chienne que vous demandez. J'en ai parlé aux deux plus grands connaisseurs de chiens, m. Churchill et m. le duc de Grafton, qui en entretiennent des . . . et qui connaissent tous les chiens de Londres, et tous les deux m'ont assuré, qu'il n'y a pas telle chose qu'une chienne noire de la race de Charles II avec des taches de feu. Monsieur le duc m'a promis de me donner une noir et blanc, et s'il tient parole, je l'apporterai avec moi. On m'a dit, qu'il y a des chiens faits comme vous les voulez pour la couleur, mais ils sont trop grands, et ne sont que des bâtards de la race de Charles, qui peut-être ne sont pas encore légitimés. En tout cas j'en apporterai encore un de ceux-ci, et qui sait, si un beau jour de ces deux chiens on n'en puisse pas faire un . . . , comme vous le voulez. Je prendrai des précautions que l'un fût mâle et l'autre femelle, et encore plus pour qu'on ne me manque de parole, et cela autant qu'il est possible pour le peu de jours qu'il me reste; mais en tout cas, si je pars sans les chiens, vous pouvez être persuadée, madame, que ce n'est pas par manque d'attention pour vos ordres. Tous les paquets qu'on m'apportera pour vous, je ne manquerai pas ou de les porter avec moi, ou de les envoyer avec mes bagages selon leur volume, car il faut savoir que je ne porte avec moi qu'un coffre et deux domestiques. Je suis fâché au reste que vous ne m'avez donné qu'une seule commission. N'y a-t-il

qu'un chien que vous pourriez me demander de Londres, c'est-à-dire, de la ville d'où les dames françaises tirent beaucoup de belles choses, que je ne connais pas et qu'elles pourroient fort bien trouver à Paris? Cela est d'autant plus impardonnable en vous, qui aimez furieusement cette nation, etc.

18 août.

120. — Сентября 21-го. Лондонъ. — А. Мозалевскій князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Извѣстенъ будучи чрезъ письмо господина Гросса о благополучномъ вашея свѣтлости прибытіи въ Парижъ, покорнѣйше тѣмъ вашу свѣтлость поздравить смѣлость пріемлю, прося, чтобъ ежели повелѣно будетъ, и меня отсюды взять не умедля, чего уже я и ожидаю. Приказъ вашея свѣтлости къ покупкѣ бумаги мною исполненъ будетъ, о чемъ я господину Аміконію говорилъ, и онъ на то деньги дать обѣщался. Отъ него жь, господина Аміконія, я получилъ вчерась 10 гиней для уплаты заимодавцамъ, которымъ я былъ долженъ, въ чемъ онъ, господинъ Аміконій, никакого затрудненія не учинилъ, имѣя де на тѣ данныя мнѣ 10 гиней приказъ отъ вашей свѣтлости, за которой всепокорнѣйше вашей свѣтлости благодарить долженствую, прося о продолженіи вашихъ высокихъ милостей, которыми я вѣчно обязанъ буду пребывать, monseigneur, вашея свѣтлости всепокорнѣйшій и всеслушнѣйшій слуга Александръ Мозалевскій.

Изъ Лондона. Сентября 21 дня 1738.

P. S. Іустинъ уже до 6-й главы 9-й книги переписанъ.

121. — Сентябрь. Парижъ — Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Озорію.

Après un voyage de six jours et un passage de mer de dix heures avec un vent ridiculement favorable, j'arrivai à la fin dans le centre des plaisirs. Je n'en trouve pas cependant et je suis sûr de n'en point trouver de longtemps après la perte que je viens de

faire. C'en est une des plus sensibles pour moi que d'être éloigné de mes bons amis. Vous en êtes à la tête, et j'ose me flatter que j'ai mérité votre amitié par mon estime et attachement pour vous, qui durera toute ma vie. Comme la poste part dans ce pays-ci de bonne heure et que je me lève à mon ordinaire fort tard, il ne faut pas vous attendre à une longue lettre, et pour d'autres raisons il ne faut pas vous attendre à beaucoup de compliments de ma part. Vous n'avez qu'à m'employer en tout, où vous me croirez capable à vous rendre quelque service, si vous voulez m'éprouver. Je vous prie de faire mes compliments à monsieur et madame de Cambis, aussi bien qu'à nos confrères du club et particulièrement à notre aimable associé baron de Loss. Je les accablerai par la prochaine poste d'une grêle de lettres, en imitant, mais avec plus de raison, l'espagnol que vous connaissez; pour le présent il m'est impossible de m'acquitter de ce devoir, d'autant plus que mes yeux se portent assez mal et que j'ai la tête pleine de Fontainebleau, d'Issy, des ministres, des annoncements et pareilles choses, qui sont diablement embarassantes. J'en serai quitte dans peu de jours, et alors je me donnerai l'honneur de vous écrire plus et vous réitérer par la suite les assurances de la parfaite considération, avec laquelle, etc.

122. — Октября 5-го. Лондонъ. — А. Мозалевскій князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Милостивое вашея свѣтлости письмо отъ 27-го сентября я имѣлъ честь получить исправно. При должномъ за оное благодареніи всепокорнѣйше доношу, что Іустинъ до того мѣста, по которое исправленъ, переписанъ, какъ, безъ сумнѣнія, ваша свѣтлость о томъ уже извѣстны отъ господина Гросса, котораго я однимъ письмомъ просилъ, чтобъ вашей свѣтлости о томъ донесъ. Я бы господина Аминони здѣсь не трудилъ о взятыхъ мною отъ него извѣстныхъ 10 гинеяхъ, не писавъ перво о томъ къ вашей свѣтлости, но онъ, господинъ Аминони, по отъѣздѣ вашемъ сказалъ, что о томъ отъ вашей свѣтлости приказъ

имѣлъ, и «ежели бъ вамъ нужда въ нихъ, оные всегда готовы, когда потребуете». Я оные взялъ и тѣмъ часть моего долгу заплатилъ и выкупилъ мои пряжки и шпагу серебреные, чтобъ болѣе интересу на нихъ не наростало. Ежели мнѣ впредь самая крайняя нужда въ деньгахъ случится, ни отъ кого не требовавъ ихъ, перво вашу свѣтлость о томъ всепокорнѣйше просить буду. За милостивое обѣщаніе о увѣдомленіи меня, ежели о мнѣ указъ получится, съ крайнимъ благодареніемъ остаюся, monseigneur, вашея свѣтлости всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга Александръ Мозалевскій.

Октября 5 дня 1738.

123. — Октября 12-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Vous serez peut-être surprise, madame, que je vous ai parlé dans ma dernière de m. Cavarielli, sans faire réponse à votre lettre dont vous me l'avez chargé, cependant il n'y a pas de ma faute. D'abord, après son arrivée, il partit, sans se laisser voir, pour la campagne d'où il ne revint que la semaine passée. Je l'ai entendu deux fois chanter, et je trouve qu'il chante parfaitement bien pour le peu de voix qu'il a; mes oreilles sont aussi gâtées pour quelque chose de meilleur. Cependant, madame, comme il me vient recommandé de votre part, je lui trouve toutes les perfections du monde, et je tâcherai à lui procurer tous les services qui dépendront de moi, pour vous donner une preuve de l'estime particulière que je fais de vos ordres. Notre Orphée me mande par sa dernière qu'il a eu de magnifiques présents du prince et de la princesse d'Asturie et des autres infants, et que tout ce qu'il a eu jusqu'a cette heure à la cour d'Espagne, monte à plus de six mille pistoles de ce pays: c'est une belle fortune, qui fait enrager vos amis les anglais, qui ne peuvent pas comprendre qu'il y ait hors d'Angleterre un pays où on puisse tant dépenser pour le chant. Quelques-unes de mes amies ont souhaité que je leur fasse venir de Paris deux robes à la française (qu'on appèle ordinairement sacs, ou

«adriennes») d'étoffe de France; comme je connais votre goût parfait dans toutes choses, je prends la liberté de vous supplier de vouloir bien vous charger de cette commission. Les personnes sont deux brunes et souhaitent avoir des fonds aussi bruns avec de grandes fleurs. Il importe peu si les étoffes seront de la mode de cette année ou de l'année passée, pourvu qu'elles soient médiocrement belles et qu'elles ne passent pas huit louis d'or la pièce, c'est-à-dire les deux robes seize louis d'or sans la façon; c'est à peu près la somme qu'elles veulent dépenser, mais il n'y aura pas de mal, s'il est nécessaire d'y ajouter un ou deux louis de plus. Après que les robes seront faites selon la mesure ci-jointe, vous aurez la bonté de les remettre à m. de Bussi, qui part aujourd'hui pour la France. Il aura soin de me les envoyer avec quelques autres petits effets, dont je l'ai prié, et de vous rembourser votre argent. Excusez de grâce, madame, les troubles que je vous donne; votre bonté pour moi m'a rendu peut-être aussi impertinent qu'attaché à vous etc.

Le 12 octobre.

124. — Октября 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Азеведо.

Vos intentions, monsieur, sont fort bonnes, et ce que vous faites, est bon aussi, nonobstant ce que vous dites par modestie dans votre obligeante lettre du 12. Je l'ai reçue avec beaucoup de plaisir, comme je recevrai toutes celles dont vous me voudrez honorer dorénavant. Il suffit qu'elle me donne des preuves de votre amitié, et je vous épargnerai volontiers tous les compliments. Un *je vous aime* qui part du coeur, vaut mieux que toutes les protestations, où il entre des *je suis mortifié*, *je suis au désespoir*, *je suis sensible* et ces autres grands mots qui font une période à perte haleine et ne disent rien. Vous avez raison, monsieur, de craindre la destruction de notre *club*, car voici m. de Loss qui va nous dire adieu. J'en suis fâché pour vous et pour moi; vous y perdez une aimable compagnie et un amusement des plus sublimes,

et moi, je perdrai peut-être tous les éloges que monsieur le chevalier Osorio me promettoit. Il n'y a qu'un expédient qui puisse nous sauver à tous deux ce chagrin, c'est de vous rendre, tant que vous êtes du club, ici à Paris. Votre cher papa en seroit charmé, pour qui j'ai toute la vénération qu'il mérite. Nous nous voyons ordinairement deux fois par semaine, car il loge extrêmement loin. Je laisse à lui à vous donner des nouvelles du pays, quoiqu'il n'y en ait pas beaucoup à donner. Ce n'en seroit pas une pour vous que j'ai l'honneur d'être avec une parfaite estime et un vrai attachement, etc.

Le 14 octobre 1738.

125. — Октября 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Амикони.

Oggi ho ricevuto una sua de' 28 e per l'ordinario antecedente una altra senza data, e con ambe le accuse delle carte. La ringrazio infinitamente della pena, che Lei si è data nella spedizione di quei plichi voluminosi, e spero che avrà la bontà di continuar a farlo fin che quella bestia di maestro di posta d'Amsterdam si persuaderà, che io sia arrivato a Parigi. Per la lettera di cambio, che Lei ha nelle sue mani, mi faccia piacere di mandarmela mutata per Parigi, siccome Lei promette, se non a Lei stesso bisogna del suo denaro. Forse intanto arrivera il maestro di ceremonie e si ricorderà, che è più gia d'un mese passato che io manco di Londra, e che per conseguenza potrebbe una volta risolversi a portargli il dovutomi regalo o almeno dir chiaramente, che non ho ad aspettar nulla. Come quel signore è inglese, non sarebbe male di fargli far rissovenirne, perchè ordinariamente ha cattiva memoria. Il signor Gastaldi sarebbe un bon mezzo, a cui prego di far i miei complimenti, e se vuole caricarsene, lo dovrebbe far d'una maniera, che discorso venga da sua parte. Del resto io sempre son l'istesso, etc.

126. — Октября 17-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Je n'ai eu l'honneur de recevoir votre obligeante lettre du 15 qu'au départ de la dernière poste, ce qui m'a empêché d'y faire alors la réponse. Vous trouverez ici une incluse pour milady Brown que je vous supplie de lui faire tenir, en m'excusant si je deviens trop importun; j'espère qu'elle est déjà arrivée à Paris, et que vous voudrez bien m'obliger à lui faire mes compliments, aussi bien qu'à monsieur le chevalier. Je ne doute pas non plus que vous aurez trouvé madame à votre goût, au moins elle a su plaire à tous les esprits raffinés comme le vôtre. Ce n'est pas par prévention que je vous trouve toutes ces belles qualités, mais j'en suis persuadé par ce que j'ai vu, par ce que j'ai entendu et par ce que je remarque dans vos lettres, de sorte que la bonne opinion que j'ai de vous, est fondée sur une certitude presque mathématique. Il est assez plaisant que dans le même temps que je vous mande des nouvelles de notre Orphée, je reçois de vous les mêmes par une lettre qui arrive dans le même temp que la mienne part. Ce qui fait voir qu'il a grand soin de ne point négliger ses amis. M. Cavarielli est bien au-dessous de lui, cependant ne laisse pas d'avoir son mérite, et je ne doute pas qu'il plaira dans ce pays-ci. Permettez-moi, madame, de vous réitérer mes prières à l'égard des étoffes, dont j'ai eu l'honneur de vous parler dans ma dernière. J'oubliai de vous dire alors qu'elles doivent être de soie simplement et de celles qu'on fabrique à Lyon, et qu'il ne faudroit pas manquer, s'il vous plait, l'occasion que m. Bussi a de les envoyer ici, car autrement on ne sauroit les faire entrer à Londres; ces sortes de marchandises étant de contrebande, sont comme la flatterie entre les amis et les honnêtes gens. Aussi j'en suis bien eloigné, en me donnant l'honneur de vous assurer que je vous estime infiniment, etc.

Le 17 octobre.

127. — Конецъ Октября. Лондонъ. — Дж. Аминони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Mi trovo onorato d'un foglio di vostra eccellenza, chè mi ha consolato per la notizia del felice suo arrivo in Parigi, e spero che la riscaldazione degl' occhi assieme con la sua antica flussione sarà guarita dal famoso m. Gendron, suo medico, ed allora che sarà libera da tale incomodo, non avrà ricordi, che la trattenga di trovarsi a qualche veglia, dove son tali conversazioni, pel essere che gli sarà più grato il soggiorno di Parigi. Mi rallegro della signora Bononcini, che lo studio della pittura gli abbia cosi ben giovato per poter rigiovanirsi stessa. Due lettere c'includo, benchè me ne sieno capitate tre, perche una di quelle, chè era un gran plico con soprascritta russiana, il suo giovinetto segretrario mi disse, che non era di vostra eccellenza, ma del suo prete, perciò io la lasciai. Giuseppe e don Ciccio umiliano i loro rispetti a vostra eccellenza; quest' ultimo non è ancora ben rimesso, ma però gli comincia a venire l'appetito, ed io resto con il più umile ossequio di vostra eccellenza umilissimo, obbligatissimo, obbedientissimo servitore Giacomo Amiconi.

128. — Ноября 3-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

On me rendit dimanche passé deux de vos obligeantes lettres, datées du 31 octobre et 5 novembre, dans lesquelles j'ai remarqué la continuation de vos bontés pour moi et cette attention pour vos amis qui n'est pas commune. Aussi je vous assure, madame, que j'en suis bien sensible et que je ne trouve pas de termes assez forts pour expliquer ma reconnaissance et mon estime. Je ne doute pas que les étoffes seront de bon goût, il suffit que vous les ayez achetées, et ce n'est pas un compliment. M. Bussi, à ce que j'espère, sera de retour jusqu'à cette heure et vous en aura remboursé l'argent. Nos opéras ont commencé samedi passé, et m. Caffarielli a été généralement applaudi, de sorte que vous avez, madame, un peu tort de le croire peu de chose: quoiqu'il

ne puisse pas être comparé à notre Orphée pour l'étendue et la force dē la voix, il ne laisse pas d'avoir beaucoup de goût et un certain brillant dans son chant qui plaît. Je serai flatté de pouvoir vous gâter le goût, comme a fait Farinelli, mais j'ai peur que vous ne le dites pas sérieusemeut, car je n'ai point d'autre mérite que d'avoir été si heureux de connaître les vôtres et en faire le cas qu'il faut. Madame Brown assurément est une aimable personne, et plus vous la pratiquerez, plus vous la trouverez telle: sans cela je n'aurois pas pris la liberté de vous écrire. Lorsque vous lui parlerez de Caffarielli, dites-en, s'il vous plaît, beaucoup de bien, car il est son favori. Je suis bien fâché de n'avoir pas de nouvelles à vous donner pour rendre ma lettre plus agréable. Nous sommes ici dans une telle inaction qu'on ne sait presque point de quoi parler: ainsi si vous ne me donnez pas de matières à écrire, j'ai peur que je serai obligé de faire mes lettres plus laconiques que les vôtres. Peut-être ne seront-elles pas pires pour cela et ne vous feront pas moins connaître mon vrai attachement et mon estime, etc.

Le 3 novembre.

129. — Ноября 9-го. Лондонъ. — Дж. Аминони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Jeri ho ricevuto il stimatissimo foglio di vostra eccellenza; non mancai di subito far ricercare, con l'aiuto anche del suo segretario, sì del cocchiere, come anche della moglie di Giencis, ma sin' ad ora non abbiamo trovato nè l'uno, ne l'altra, ma a' momenti, spero, compariranno alla luce, e non posterirò d'obbedirla in tutto, e la prego di continuarmi l'onore de' suoi comandi senza darsi pena di rimettermi denaro di così picciole cose, perchè già spero, che non sarà cosi lontano il mio passaggio per Parigi, nè la mia fiamma avrà forza d'impedire la già stabilita risoluzione. La qui inclusa lista è l'istessa ch' era sopra la cassetta dei libri, e mi pare che quelli signori dell' accademia abbondano di generosità, perche credo che la valuta dei libri sia

maggiore delle stampe, però vostra eccellenza crederà, se vi è qualche libro appertenente a vostra eccellenza o pure se qualche d'uno che sia a suo piacere, che tutto è a suo comando, e con il solito rispetto sono di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo, obbligatissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 9 novembre 1738.

130. — Ноября 11-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Я не сумнѣваюсь, что ваше сіятельство, кромѣ моихъ реляцей, уже изъ Вѣны увѣдомленъ о отправляемой тамо мирной негоціаціи между французскимъ и цесарскимъ дворомъ, которая имѣетъ быть въ совершенство приведена при генеральномъ конгрессѣ. Вашего сіятельства ко мнѣ высокосклонная милость обнадеживаетъ меня открыть вашему сіятельству, что если оной конгрессъ державъ будетъ во Франціи, то я охотно бы желалъ быть включенъ въ числѣ министровъ съ стороны ея императорскаго величества не только для того, что всякому пріятно различные народы видѣть, но и за тѣмъ, что при такихъ генеральныхъ негоціаціяхъ и подъ такимъ искуснымъ министромъ, каковъ есть графъ Александръ Гавриловичъ (о которомъ не сумнѣваюсь, что первымъ посломъ будетъ отправленъ), могу себя учинить полезнѣйшимъ въ службѣ ея императорскаго величества. Для того всепокорно прошу ваше сіятельство, когда время прійдетъ къ назначенію министровъ на конгрессъ, милостиво обо мнѣ припомнить, если не сами собою, чего вѣдаю, что вы дѣлать не любите, то хотя черезъ оберъ-камергера или черезъ графа Андрея Ивановича Остермана. Ваше сіятельство рекомендацію свою можетъ тѣмъ подтвердить, что я о допущеніи министровъ ея императорскаго величества къ конгрессу трудился съ добрымъ успѣхомъ, что, за близостію французскаго двора, безъ многихъ помѣшательствъ до назначеннаго мѣста ѣхать могу, что посольскій характеръ можно сберечь, понеже я и нынѣшнимъ доволенъ, и что графу Александру Гавриловичу пріятно

будетъ имѣть подчиненнаго товарища, въ которомъ случаѣ и дѣла согласнѣе производить можно, понеже равность обыкновенно зависть рождаетъ. Все сіе тогда прошу въ дѣйство производить, когда ваше сіятельство изволитъ усмотрѣть, что намѣрены отправляемымъ къ конгрессу министрамъ хорошее жалованье опредѣлить, которое въ такихъ случаяхъ всего нужнѣе, а безъ того ваше сіятельство не меньше меня обяжетъ не токмо обо мнѣ не упоминать, но напротиву, если бы, кромѣ чаянія, собою назначить меня хотѣли, отъ того отговаривать. Впрочемъ покорнѣйше прошу извинить, что я дерзнулъ о семъ ваше сіятельство утруждать и почтить меня милостивымъ отвѣтомъ, которой хотя въ трехъ словахъ заключить, и засимъ и пр.

Ноября 11-го.

131. — Ноября 17-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Je suis bien sensible, madame, à la marque d'amitié que vous avez bien voulu me donner, en me faisant communiquer par madame Bononcini l'agréable nouvelle de noces de mademoiselle votre soeur. J'y prends toute la part, dont est capable un de vos meilleurs amis. Je m'en réjouis avec vous et je vous en félicite de tout mon coeur. Il est sûr, madame, que vous n'aurez pas pu faire une meilleure alliance, puisque vous allez avoir pour parent le plus savant honnête homme de la France. Je parle de monseigneur le cardinal de Polignac, à qui j'ai tant d'obligations. Je vous prie de l'assurer de mes respects. Comme vous ne nommez pas dans votre lettre laquelle de vos deux soeurs va se marier, je laisse à vous, madame, de faire là-dessus mes compliments à celle, qui doit les avoir: comme j'estime toutes les deux également, il m'est indifférent à qui ils toucheront. N'oubliez, s'il vous plaît, aussi madame de Cursée.

En échange de vos bonnes nouvelles je ne puis vous donner que des mauvaises. Nous sommes ici à la veille d'un grand deuil, puisque la reine, qui tomba malade il y a huit jours d'une des-

cente de boyaux, est abandonnée de tous les médecins. Ils sont au bout de son latin, ne sachant plus quel remède employer, puisque sa majesté rejette tout ce qu'elle prend. Ainsi il ne reste d'autre espérance, sinon que la nature fasse quelque changement par soi-même. Si sa majesté vient à mourir, le roi, le ministère et tout le royaume fera une grande perte, car assurément elle étoit une grande princesse, douée de toutes les qualités convenables à une reine et à une honnête femme. Nous autres les étrangers perdons aussi beaucoup, puisqu'elle nous a honorés des attentions particulières et qu'elle servoit d'exemple aux nationaux à user des civilités envers nous autres. Monsieur et madame Brown, à qui je vous prie de faire mes compliments, seront bien fâchés de cette nouvelle par rapport à leur bon ami. Si m. Bussi est déjà à Paris, je souhaiterois qu'il suspendît à me faire faire l'habit; mais s'il l'a déjà fait, il n'a qu'à me l'envoyer. Faites lui aussi, je vous prie, mes compliments. J'oubliai de vous dire dans ma dernière que je vous avois expédiée par un courrier de milord Waldgrave un paquet avec je ne sais quoi là-dedans. C'est un marchand anglois que je ne sais pas nommer, qui me l'a apporté: il m'a dit que vous lui aviez ordonné de me le remettre pour vous l'expédier. J'espère que vous l'avez déjà reçu et que vous voudrez bien m'honorer souvent de vos ordres dans des commissions de plus grande importance. Vous me ferez un plaisir sensible, en me donnant l'occasion de vous montrer réellement combien je vous estime, etc.

Le 17 novembre.

132. — Ноября 28-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Амикони.

Carissimo! Gli affanni della corte m'hanno impedito a rispondere più tosto alle stimatissime sue dei 2 e 9 dì novembre e ringraziarla della pena che Lei s'è data per riscuoter e trammettermi il denaro del regale. Ne ho ricevuto la lettera di cambio dei 175 lire sterlini 8 scellini 6 soldi, e secondo la valuta in mo-

neta di Francia 3988—15. Per l'altra di 300 franchi le la rimando indietro, pregandola di farmi per l'avvenire più giustizia e d'esser persuaso che Lei dandomi qui commissioni non ha bisogno di rimettermi subito il denaro, tanto più, che io ho agito altrimenti con Lei e che l'intiero pagamento dei bigliettini della lotteria non si fa ch'à capo d'un anno, come già gli ho scritto. Fin' adesso non ho pagato per Lei che trenta franchi, avendo comprato un sol bigliettino secondo la sua prima lettera; subito che 'l secondo tiro sara finito e chè dovrà farsi li 26 di questo mese, st. nov., comprarò ancor l'altre e nutrirò tutti due fin' alla fine della lotteria. Intanto, se Lei passa per Parigi, faremo i conti. Vorrei farli presto non per altra ragione che per rivederla in questa città, senza però pregiudizio d'un terzo. Lei ha bel dire, le fiamme scuotano e quando han fatto il suo effetto, la macchia resta. Mi rallegro infinitamente, che Lei sia contento dei libri. Ne ho esaminato la lista con il conto, chè mandassimo da Londra all' Accademia e l'ho trovato giustissimo; onde tutti i libri gli appartengono. Vorrei poterla servire in occasione più importante per dimostrargli la mia stima, con laquale mi dico...

Le 28 novembre 1738.

133. — Ноябрь. С.-Петербургъ. — Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! L'Académie des sciences de St.-Pétersbourg ayant jugé à propos de recevoir m. de Maupertuis en qualité d'académicien honoraire, et monsieur le général de Keith qui part après-demain pour Paris, s'étant bien voulu charger du diplôme expédié pour cet effet, j'ai l'honnenr de vous l'adresser, monsieur, dans l'opinion où je suis que ce témoignage que l'Académie rend au mérite de m. Maupertuis, lui sera infiniment plus cher, lorsqu'il le recevra de vos mains, et que vous ne refuserez pas à l'Académie la grâce qu'elle vous demande en cette occasion après tant de bontés, dont elle vous est déjà redevable. Je suis avec un

attachement respectueux, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur de Korf.

Concordat cum originali. Tiedemann.

(Арх. Имп. Акад. Н.; ausgeh. Briefe 1738—1739, № 27).

134. — Декабря 1-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

Ma maladie m'a empêché, madame, de répondre plus tôt à vos deux obligeantes lettres du 25 et 30 du passé: elle m'a tourmenté pendant quinze jours, et je n'en suis pas encore tout-à-fait quitte. C'étoit d'abord une fièvre, ensuite un mal de gorge et de mâchoire, et enfin le médecin s'est aperçu que je ferai une nouvelle dent: cependant je ne la vois pas encore, et la douleur, quoique médiocre, ne cesse point. Si elle vient, me voilà retombé dans l'enfance à l'âge de vingt-huit ans. Il seroit à souhaiter qu'on puisse rajeunir de temps en temps, car la jeunesse assurément est un grand prix. Mais revenons à vos lettres. Je suis bien surpris que la mienne pour monsieur le cardinal de Polignac ne lui soit pas parvenue; si c'est par la malice des gens de la poste, ils sont impardonnables, comme je l'aurois été, si j'avois manqué à mon retour de Paris à lui donner une marque de ma reconnaissance pour toutes les politesses, dont il m'a comblé. Je me donnerai l'honneur de lui écrire par l'ordinaire prochain. En attendant, si vous le voyez, faites lui, je vous prie, mes compliments. J'ai envoyé la lettre pour m. Obrien; je rendis la vôtre à m. Caffarielli, qui ne cesse pas de se louer de vos bontés. Je ne puis pas lui pardonner de vous avoir parlé à me faire des remerciements. Je plains milady Brown de n'avoir pas pu profiter de ma recommandation; mais ne vous étonnez pas, madame, de sa conduite, car peut-être c'est le mois, dans lequel elle pense à l'anglaise. Je n'ai aucune nouvelle de m. Bussi, ni de ses étoffes; cependant je ne vous suis pas moins obligé des soins que vous avez pris d'exécuter si bien et si vite ma commission, et j'espère que vous avez eu la bonté de l'avertir à ne me point faire l'habit, s'il

ne l'avoit déjà fait: il seroit tout-à-fait hors de propos à l'heure que la reine est morte. Après tant d'importunités de ma part, pouvez-vous, madame, en conscience faire des excuses pour m'avoir chargé à vous envoyer un paquet? Madame Bononcini m'a fait votre message, et je n'ai pas manqué là-dessus à mon devoir; cependant je répéterai volontiers mes félicitations sur le mariage de mademoiselle votre soeur, en vous assurant que j'en ai appris la nouvelle avec beaucoup de plaisir, et je souhaite sincèrement que vous puissiez trouver pour l'autre un aussi bon parti. Faites, s'il vous plaît, à toutes les deux mes compliments, aussi bien qu'à madame de Cursée, etc.

Le 1 décembre.

135. — Декабря 4-го. Лондонъ. — Дж. Аминони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Incluso nel stimatissimo foglio di vostra eccellenza ho anco ricevuto il biglietto delle trecento lire, che debbono servire per la lotteria, come la supplicai, a chè già mi favorisce di metterci. Con tanta gentillezza m'accusa nella punctualità dell' esporto per esser cosa chè debbe anco per termine un' anno; ma non lascia però, che io abbia qualche timore, che vostra eccellenza avesse preso qualche cosa a male. La prego però con la solita sua bontà di credere, sono ignoranza i miei mancamenti, e non d'altra causa. Faccio ogni possibile per presto terminare le mie cose per esser pronto alla prima stagione; mi disturbano i giorni cosi corti ed oscuri, che guai a me, se non fosse il lume del mio bel fuoco... Non altro che a protestargli il mio dovuto rispetto come il più umile di vostra eccellenza obbligatissimo, obbedientissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra, le 4 decembre 1738.

136. — Декабря 19-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.

En conséquence de vos ordres je ne manquerai pas, madame, de vous mander le train, que prendront les affaires après la mort

de la reine: jusqu'à cette heure elle n'y a apporté aucun changement, et vos amis sont aussi puissants qu'ils étoient... Il y a beaucoup qui augurent mal pour eux, et peut-être y en a-t-il qui se préparent à occuper leurs places. Cependant j'apprends que le roi est de sentiment à ne faire aucun changement dans le ministère. Je le souhaite de tout mon coeur, car je sais que le présent est composé de gens de bien et d'esprit, et je ne sais pas par qui ils pourroient être remplacés. M. de Bussi ne m'a rien écrit, mais le marchand qui lui devoit payer l'argent pour ma commission, m'a averti que m. Bussi n'en ait tiré qu'une petite somme, puisqu'il n'avoit plus intention de me faire faire l'habit à cause du deuil survenu. Ainsi je n'ai qu'à vous remercier de la peine que vous vous êtes donnée à lui écrire. Je ne veux plus vous parler de madame Brown, car je rougis pour elle: si c'est la première anglaise que vous avez manquée, c'est la première et la dernière que j'aurai recommandée. Il est sûr qu'elle n'a pas eu assez de pénétration pour vous connaître, autrement elle auroit cherché à être toujours avec vous, au moins tel est mon sentiment qui vient de la parfaite estime que j'aurai pour vous toute ma vie.

Le 19 décembre.

137. — Декабря 24-го. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Амикони.

La ringrazio infinitamente del suo stimatissimo foglio dei 4 dicembre e della lettera del mio prete chè Lei m'ha fatto rimettere. Non v'era niente ch'io possa prender a male, non avvenia spedito il biglietto di 390 lire, ma credetti non esser giusto accettato senza aver fatto il pagamento de' suoi bulletini per la lotteria; vengo di comprare uno secondo col numero... e che servirà per il terzo tiro della detta lotteria. Il suo primo offrì bianco, come il mio: ma ci resta la speranza per tre altri tiri. Questa però non mi lusinga tanto, come quella di presto vederla in questa città, e se'l suo bel fuoco serve a illuminar i suoi quadri,

servirà ancor più per approssimar la primavera. Lei sà bene, che 'l caldo e'l lume produce effetti del fuoco; non so però, se un tal fuoco non si goda più senza lume. La Bartoldi la riverisce da Bologna e desidera, che Lei spinga un poco il suo amico a Venezia di spedirle la sua roba. Ambasciador non resta pena (?), tanto più che son sinceramente suo, etc.

24-го декабря 1738.

138. — Декабря 30-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

Передъ нѣкоторымъ временемъ получилъ я черезъ господина молодого графа Миниха, ея императорскаго величества дѣйствительнаго камергера, письмо и притомъ печатную книгу отъ г. Мопертюисъ, на которое при семъ отвѣтъ для вашего извѣстія за отворчетою печатью прилагаю и вашу свѣтлость покорно прошу пожаловать ему оной вручить и при томъ его по содержанію онаго надлежаще обнадежить, что хотя я между учеными себя и не почитаю, однакоже трудъ его мнѣ весьма пріятенъ, и что ему въ поспѣшествованіе искусства его по возможности моей вспомоществовать всегда буду.

При семъ случаѣ вашу свѣтлость наступающимъ новымъ годомъ всеусердно поздравлаю и отъ всего сердца желаю да даритъ всемогущій Богъ вашей свѣтлости не токмо сей наступающій годъ, но и впредь многія таковыя новыя лѣта благополучно и радостно препровождать; Впротчемъ же напвсегда съ должнымъ почтеніемъ пребываю и пр.

С.-Петербургъ. 30-го декабря.

1739.

139. — Февраля 9-го. Лондонъ. — Дж. Замбони князю А. Д. Кантемиру.

Illustrissimo ed eccellentissimo signore, signore principe! Le lettere inutili, quali sono le mie, riescono sempre incomode, ma

molto più ancoro, se le persone cui s'indirizzano, si trovino sommamente occupate, come dei esserlo stata vostra eccellenza finòra a cotestá corte: adesso però ch'io la suppongo si affatto tranquilla, libera almeno dalla inevitabil pesta delle visite ministeriali e da molti altri imbarazzi, cui è forza, che per alcun tempo succomba chiunque muta paese, ho creduto mio debito il non differir maggiormente a rassegnarle il mio inviolabile ossequio, ed protestarle con questa, che ben lungi dallo scordarmi fin ch'io viva delle molte obbligazioni ch'io le debbo, ambirò sempre, ch'Ella mi faccia nascer qualche occasione di poter mostrarlene la mia gratitudine e riconoscenza. Degnisi dunque l'eccellenza vostra d'aggiunger questo ancora agl' altri favori per l'addietro compartitimi, onorandomi d'alcun suo comandamento; nè le paja un paradosso, ch'io mi lusinghi di poter servirla assente, quando sendo Ella presente ne sono stato del tutto incapace, poichè l'esperienza ne fa giornalmente vedere il contrario, e quanto prima spero che in me ancora debbasi ciò verificare. Dopo queste mie sinceri espressioni, vorrei pur dare a vostra eccellenza qualche nuova, e non dir bugie: or vediamo se potrà riuscirmi. Le dirò dunque, che in materia di divertimenti le cose non possono andar peggio di quello che vadansi, non essendovi che due miserabili assemblee, alle quali non intervengo mai per cagione delle due dame, chè le tengono, fra le quali e lo scrittore regna uno per altro gentile antipatia. Quanto poi agli spettacoli pubblici, non può dirsi quanto male si stia: opere non ve ne sono, ma bensi alcuni oratorii e concerti, gli uni e gl'altri dell' ultimo pessimo gusto. I poveri commedianti francesi già Ella udì con quanta benevolenza furono accolti in questo paese, essendosi in tale occasione mostrati gl'Inglesi altrettanto determinati contro questo piccolo squadron volante, quanto par che siano poco volonterosi d'entrare in dispute con cotesto ministero e molto meno ancora con «les armées du roy». Restanvi per verità i due teatri inglesi, ma da alcun tempo in quà tante risse vi seguono e cosi spesso, che non può andarvisi

senza correr qualche rischio di uscirne con la testa rotta; pur quello di Drury Lane è sempre pieno, e M. Beard, divenuto genero di cotesto ambasciator britannico, continuando di cantarvi anco dopo d'aver sposato la figlia di sua eccellenza, fa nascere a molti la curiosità di andarvi. O, tempora! o, mores! oh, liberty and property! o che bel mondo! Ma parliamo d'altro. Giunsero finalmente le cotanto aspettate e desiderate ratificazioni di Spagna, e parmi che giovedì passato, 4 del corrente, se ne facesse lo scambio in casa di milord Harrington: sopra qual piede poi siasi precisamente convenuto fra le due corone, nè io nè altri di qui possiamo per anco informare vostra eccellenza, poichè so che Fitzgerald non vuol parlarne, e molto meno ancora questo ministero; essendomi solamente stato riferito, che il cavaliere Walpole per liberarsi dalle ricerche stategli fatte in tal proposito da certo mercante, gli aveva risposto che le ratificazioni erano venute di Spagna, quali per appunto qui si aspettavano; e da tal replica Macchiavellica mi sembra che niente possa inferirsi. Gl'antirussiani, che non son pochi, asseriscono, che la passata campagna ha notabilmente indebolite le forze dell' imperatrice di Lei padrona; certo è che le perdite degl' Imperiali in Ungheria non possono mascherarsi, e Dio voglia (quando intanto non si faccia la pace), che le cose non vadano di male in peggio l'estate ventura, benchè mi abbia seriamente detto il barone Vasner, ch'egli aveva gran' ragione di promettersi, che ben presto si sarebbe il suo padrone gloriosamente liberato dalle presenti angustie: secondo i pubblici avvisi, perchè dovendo sua maestà cesarea continuar la guerra, ella potrà aprir la campagna con un fiorito e numeroso esercito; ma io ho osservato, che regolarmente l'armate imperiali son forti l'inverno e deboli l'estate. E quando mai giungerà qui il di Lei successore? io avrei scommesso ch' e' sarebbe arrivato avanti le ratificazioni di Spagna, ed avrei perduto. Mi resta a soggiungere a vostra eccellenza, che Carlo si trova in Inghilterra cercando impiego e protezione; quantunque egli non siasi lasciato da me vedere, e che forse non sia per venirgli simil

voglia, ho creduto ben fare con darle tal notizia. Spero, che gli occhi di vostra eccellenza abbian ricevuto considerabil giovamento dalla mutazione del clima. E per fine, col pregarle ogni più desiderabil contentezza nel nuovo anno già principiato ed in molti avvenire mi rassegno col più sincero ossequio di vostr' eccellenza umilissimo ed obbligatissimo servitore G. Giacomo Zamboni.

Londra. 9 februario 1739.

140. — Февраля 20-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Амиконп.

Le rendo mille grazie del compitissimo suo complimento sul mio nuovo grado; come ancora per l'avviso datomi toccante quel briccone del mio già maestro di casa. Da questo esempio vedo, che quando simile gente hanno fatto una volta la scorza sul viso, vanno per tutto senza temervi di arrossire nè d'impallidire. Ma spero, che non vi uccirà a gettar (gabbar?) altri che me, e avendo già saputo che ha pigliato la strada d'Olanda, ho preso le necessarie missive per impedirgli a far il suo mestiere. La Sornis non andrà certamente a Londra: lo so da lei stessa, ch'ho sentito avantieri cantar in un concerto, e cantar com' un angelo. Sento bene la pena, nella quale si trova Lei e gli altri amatori della musica vedendo quell' orribil decadenza della professione in Londra. Mi son sempre immaginato, che la sola musica di Haendel non può dilettar le orecchie, e che la presenza della Francesina è buona per gli occhi. Dubito, che la Lucchesina sola possa metter il concerto di Pescetti in voga, perchè ordinariamente una sola voce alla terza sera stanca quei, chè non prendono parte alla persona, chè canta. Eccettuo da questa regola Farinelli, il quale credo non stancherebbe mai. Oggi ne ricevo una lettera, nella quale mi scrive che Lei avrebbe ricevuto un' altra per me e che mi ha spedito un' poco di cioccolata in una cassa indirizzata al duca di Leeds; onde la supplico di domandar al detto signor duca, se gli è già capitata, ed in questo caso ricever cioccolata e mandarmela con prima opportuna occasione a

mio indirizzo, perche possa ritirarla dalle dogane. La prego ancora di comprar e spedirmi a mio conto: 1) 18 verghe (intendo di Francia) di stagno secondo il pezzo qui incluso; 2) un paio di calzoni di seta fatta a maglia del color del droghetto; 3) tutte le aperture di Haendel stampate in sette parti, e 4) i nuovi concerti per l'organo dell' istesso Haendel. Scusi la libertà che mi prendo a dargli questa commissione, e mi creda che in ogni occasione cercherò a testificarli la mia gratitudine, continuando ecc.

Le 20 février.

141. — Марта 4-го. Лондонъ.— Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Замбони.

Monsieur! Il n'y a point d'occupation, qui puisse rendre moins sensible le plaisir que j'ai de recevoir de vos nouvelles, et je vous rends mille grâces de celles qu'il vous a plu me mander par votre obligeante lettre du 9 février. J'y remarque avec reconnaissance la même attention de votre part et la même amitié dont vous m'avez honoré pendant mon séjour à Londres. Si j'étois bien fort en éloquence, je pourrois vous prouver que mon estime et mon attachement pour vous est toujours le même; mais je me réfère de le faire par des faits, si vous voulez bien me donner l'occasion. Vous auriez tort de m'épargner, lorsqu'il s'agira de vous rendre service, et vous me dispenserez d'étendre cet article davantage, afin qu'il ne puisse pas d'aucune façon paraître un compliment. J'en ferois à la France, si je vous disois, monsieur, que je me porte mieux depuis que j'ai quitté les îles Britanniques. D'abord j'ai souffert une infinité de fluxions des yeux, et en même temps des hémorrhoïdes non pareilles (mot fort joli pour faire la rime au soleil). À l'heure qu'il est, mes yeux vont passablement bien, mais l'humeur se jette dans la gorge et presque dans tout le corps, ce qui me donne une espèce de rhumatisme, lequel ne m'oblige pas cependant de garder la chambre. Vous avez raison de ne point fréquenter les deux assemblées, et j'y trouve de l'amour-propre à vous le dire, car les deux dames

qui les tiennent, sont, comme vous savez, mon antipathie. Si vous manquez de plaisir, je n'en goûte pas beaucoup; je l'ai dit aux autres, et je vous le répète, monsieur, qu'il faut jouer toujours et se bien porter pour veiller, si l'on veut s'amuser à Paris. La réponse du chevalier Walpole est admirable, et qui plus est, elle se trouve véridique; mais avec tout cela on doute fort que la nation anglaise soit contente de la convention. Comme celle-ci donnera assez de matière à porter à messieurs les anglois, j'espère qu'ils laisseront en repos notre armée ruinée, laquelle est rentrée dans les quartiers d'hiver forte de soixante-dix mille hommes, sans y avoir perdu un seul chariot, ni une seule bête, à ce que m'a dit un capitaine du régiment de Saxe qui en revient. Je ne saurois vous dire rien de celle de l'empereur, puisque vous avez sur les lieux m. le baron de Wasner, à qui je vous prie de faire mes compliments et mes plaintes sur ce qu'il m'a abandonné.

Je vous suis bien obligé de l'avis touchant Carlo, car cela m'a donné lieu de prendre les mesures nécessaires pour qu'il ne puisse friponner le comte Golofkin, et son successeur, lequel, à ce que je crois, marche comme une tortue. Vous serez étonné d'apprendre, que Goursaud, ci-devant maître d'hôtel du chevalier Osorio, vient de me jouer le même tour que les deux autres. Par bonheur il ne m'a servi qu'un mois, de sorte que le dommage n'est pas si grand. Je ne sais pas quel chemin il a pris; mais s'il vient à Londres, je vous prie d'en avertir nos amis pour qu'ils s'en gardent. Quoiqu'il soit déjà trop tard, je ne puis finir sans vous remercier de votre compliment sur la nouvelle année, et vous la souhaiter à mon tour pleine de toutes sortes de prospérités, souhait très sincère de celui, qui a l'honneur d'être, avec toute l'estime et toute la considération imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris, ce 4 mars 1739.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, ff. 553, 554).

142. — Марта 13-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. И. Остерманъ князю А. Д. Кантемиру.

Толь часто отъ вашей свѣтлости засвидѣтельствованная ко мнѣ благосклонность подаетъ мнѣ смѣлость васъ утрудить нѣкоею коммисіею, въ которой нынѣ, кромѣ вашей свѣтлости, мнѣ никто вспомощи не можетъ. Оная состоитъ въ томъ: перенялъ я на себя по прошенію нѣкоторой дамы, которой я ни въ чемъ отказать не могу, изъ Франціи для нея выписать и поставить сюда въ Петербургъ прежде 10-го числа предбудущаго мая по старому штилю два богатые штофы, самые новомодные, одинъ съ серебромъ, другой съ золотомъ, такіе, какіе тамошнія придворныя знатнѣйшія дамы носятъ и употребляютъ, на два дамскія придворныя платья. Оная дама brunette, о чемъ для того доношу, понеже потому обыкновенно тѣ цвѣты выбираются, которые brunett'амъ вяще пристали.

О цѣнѣ тѣхъ штофовъ не упоминаю, ибо оная отдана въ мою волю, а я оную взаимно передаю въ соизволеніе вашей свѣтлости, ибо онымъ штофамъ, хотя и не надлежитъ быть изъ самыхъ богатѣйшихъ, однакоже желается, чтобъ были неубогіе, казистые и самоновомодные, но притомъ безъ дикихъ смѣшныхъ или очень арлекинскихъ фигуръ или лицъ, ибо оная дама къ такимъ дикимъ фигурамъ склонности не имѣетъ и хотя богатое и казистое платье любитъ, однакоже, чтобъ притомъ чинно и постоянно было.

Время коротко и дальнѣйшей корреспонденціи о семъ дѣлѣ не допускаетъ, и не хотя у той дамы въ неустойкѣ быть, всепокорно вашу свѣтлость прошу меня изъ сего обязательства выручить и мнѣ повѣрить, что я то себѣ въ особливое благодѣяніе причту и при всѣхъ случаяхъ по крайней моей возможности за оное дѣйствительно отслужить стараніе имѣть буду, пребывая съ должнымъ почтеніемъ и пр.

С.-Петербургъ, 13-го марта.

143. — Марта 26-го. Лондонъ. — Дж. Замбони князю А. Д. Кантемиру.

Illustrissimo ed eccellentissimo signore, signore ed principe! Ho ricevuto con estremo giubilo la lettera di vostra eccellenza, segnata il 4 del corrente, piena di mille espressioni altrettanto graziose, quanto da me poco o niente meritate. Le ascrivo tutte alla di lei natural gentilezza, alla quale ed alla favorevol propensione, chè tuttavia l'eccellenza vostra verso di me conserva, si accerti pure che dal canto mio procurrerò di corrispondere in tutte le occasioni chè mi si presenteranno di dover servirla.

M'è stato di somma consolazione l'udire, che finalmente l'imperatrice, sua signora, le abbia conferito il carattere di suo ambasciatore straordinario appresso il rè clarissimo, mediante il quale avanzamento (di cui quanto più posso con vostra eccellenza mi rallegro) la sua maestà ha ad un tempo istesso degnamente premiato il di lei singolar merito e fatto cosa gratissima a tutti quegli, chè sinceramente s'interessano in ciò chè riguarda la di lei persona. Parliamo adesso non già di Carlo rè delle due Sicilie, ma di Carlo rè, aliàs king, a lei notissimo: questo sventurato (come accennai a vostra eccellenza) vive non so dove in Inghilterra e, per muovere a compassione coloro chè il conoscono, cerca di far comprendere, che le disgrazie sopravvenutegli e chè l'hanno ridotte ad una estrema miseria, non sono state da lui meritate per alcuna ribalderia, ed a quest' effetto mi ha ultimamente scritto una lettera, chè qui acclusa trasmetto a vostra eccellenza, laquale dovendo, dopo Dio, saper meglio che altri come veramente si stia la faccenda, letta che avra la sua apologia, potra suggerirmi come vuol' ch'io mi regoli per servirla, assicurandola che mi v'impiegherò di buon cuore, e ch'io bramerei, che in una o in altra forma questo scandolo restasse già sopito.

In matiera di pubblici divertiminti le cose continuano ad andar di male in peggio. Ognuno è stracco degli oratorj di Händel, ed una Pastorale stata messa in musica dal Pescetti e

rappresentata per la prima volta nel teatro di Covent Garden sabato passato è riuscita abominevole, non già in riguardo alla composizione, chè è generalmente approvata, ma rispetto ai cantori, chè sono insoffribili, e vostr' eccellenza può facilmente argumentarlo da questo, che fra le donne è considerata la prima mistress Young e fra gl'uomini il Rocchetti, accompagnato poi da due musici tedeschi. Ora è qui guinto il Carestini, e sopra questo insigne campione si formano gran' disegni, adoprandosi vigorosamente alcune dame non solo la sottoscrizione dell' opera per l'anno venturo, ma tentando ancora di effettuar qualcosa pel resto della presente stagione. Col tempo (per parlar seriamente di cosa ridicola) verremo in chiaro dell' evento di questi progetti, ma io per me ne ho poco buona opinione, tanto più che i tempi correnti non sono molto favorevoli alle negoziazioni e convenzioni. Quest' ultima parola mi fa sovvenire della celebre convenzione fra l'Inghilterra e la Spagna, chè ai giorni passati ha dato tanto che fare alle due camere di questo parlamento; ma poichè io non pongo in dubbio, che intorno ad essa da più d'uno sarà stata particolarmente informata vostra eccellenza, mi dispenserò pertanto dallo scriverle cos' alcuna in tal proposito, ratificandole solamente, che resterò molto ingannato, se mai avverra che questo negozio sortisca una felice fine. Il signor ambasciator di Francia s'incamminerà fra pochi giorni alla volta di Parigi per ricever l'ordine statogli conferito dal rè suo padrone, in servigio del quale s'egli è cosi ben riuscito fino adesso a questa corte, che non potremo noi da lui prometterci, ritornato ch'egli ci sara pieno di spirito santo? Il nuovo ministro di Polonia m. d'Utrotera, giunto ad Hannover, e quivi si aspetta fra due settimane; ma del successore di vostra eccellenza non c'è peranco nuova alcuna; anzi evvi chi ha detto, che qualchedunaltro potrebbe rivenire in sua vice, venga in buonora chi si vuole, io avrò sempre piacere di veder qui un bravo ministro russiano, e non mancherò di darmegli a conoscere per quello chè in ogni occasione sono realmente stato rispetto all' eccellenza vostra, benchè (per dir

vero) non con tutto quel buon successo, chè avrei saputo desiderare. Trattanto ch'io spero d'udir nuove migliori di quelle che vostra eccellenza mi ha date intorno alla di lei salute, la supplico di voler conservarmi l'onore della di lei pregiatissima grazia, e di credermi, con pienezza d'ossequio, di vostra eccellenza umilissimo ed obbligatissimo servitore G. Giacomo Zamboni.

Londra. A 26 marzo 1739.

144. — Марта 13-го. Замокъ Спрей. — Ф. М. Вольтеръ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! J'ai à votre altesse bien des obligations. Elle daigne me faire connaître plus d'une vérité dont j'étois assez mal informé, et elle m'instruit d'une manière pleine de bonté qui vaut bien autant que la vérité même. Je lis actuellement «l'Histoire Ottomane» de feu mr. le prince Cantemir, votre père, que j'aurai l'honneur de vous renvoyer incessament, et dont je ne puis trop remercier votre altesse. Vous me pardonnerez, s'il vous plaît, d'avoir été trompé sur votre origine. La multiplicité des talents de mr. le prince votre père et des vôtres m'avait fait penser que vous deviez descendre des anciens Grecs, et je vous aurois soupçonné de la race des Périclès plus tôt que de celle de Tamerlan. Quoi qu'il en soit, ayant toujours fait profession de rendre hommage au mérite personnel plus qu'à la naissance, je prends la liberté de vous envoyer la copie de ce que j'insère sur votre illustre père dans mon «Histoire de Charles XII», qu'on réimprime actuellement, et je ne l'enverrai en Hollande que quand j'aurai appris d'un de vos secrétaires que vous m'en donnez la permission.

Je trouve dans «l'Histoire Ottomane», écrite par le prince Démétrius Cantemir, ce que je vois avec douleur dans toutes les histoires: elles sont les annales des crimes du genre humain. Je vous avoue surtout que le gouvernement turc me paraît absurde et affreux. Je félicite votre maison d'avoir quitté ces barbares en faveur de Pierre le Grand qui cherchoit au moins à extirper

la barbarie, et j'espère que ceux de votre sang qui sont en Moscovie, serviront à y faire fleurir les arts que toute votre maison semble cultiver. Vous n'avez pas peu contribué sans doute à introduire la politesse qui s'établit chez ces peuples, et vous leur avez fait plus de bien que vous n'en avez reçu. Ne seroit-ce pas trop abuser de vos bontés, monseigneur, que d'oser prendre la liberté de vous faire quelques questions sur ce vaste empire qui joue actuellement un si beau rôle dans l'Europe, et dont vous augmentez la gloire parmi nous?

On me mande que la Russie est trente fois moins peuplée qu'elle ne l'étoit il y a sept ou huit cents ans. On m'écrit qu'il n'y a qu'environ cinq cent mille gentilshommes, dix millions d'hommes payant la taille, en comptant les femmes et les enfants, environ cent cinquante mille ecclésiastiques; et c'est en ce dernier point que la Russie diffère de bien d'autres pays de l'Europe, où il y a plus de prêtres que de nobles. On m'assure que les cosaques de l'Ukraine, du Don etc. ne montent, avec leurs familles, qu'à huit cent mille âmes, et qu'enfin il n'y a pas plus de quatorze millions d'habitants dans ces vastes pays soumis à l'autocratrice. Cette dépopulation me paraît étrange; car enfin je ne vois pas que les Russes aient été plus détruits par la guerre que les François, les Allemands, les Anglois, et je vois que la France seule a environ dix-neuf millions d'habitants. Cette disproportion est étonnante. Un médecin m'a écrit que cette disette de l'espèce humaine devroit être attribuée à la vérole qui y fait plus de ravages qu'ailleurs, et que le scorbut rend incurable. En ce cas, les habitants de la terre sont bien malheureux. Faut-il que la Russie soit dépeuplée, parce qu'un Génois s'avisa de découvir l'Amérique il y a deux cents ans?

J'entends dire d'ailleurs que toutes les grandes idées du czar Pierre sont suivies par le présent gouvernement. Comme, parmi ses projets, celui de montrer de la bonté aux étrangers étoit un des principaux, je me flatte, monseigneur, que vous l'imiterez, et que vous pardonnerez toutes ces questions qu'un

étranger ose vous adresser. Il y a peu de princes auxquels on demande de pareilles grâces, et vous êtes du très petit nombre de ceux qui peuvent instruire les autres hommes.

Je suis avec un profond respect, monseigneur, de votre altesse le très-humble et le très-obéissant serviteur, Voltaire.

A Cirey, en Champagne, ce 13 mars 1739.

Напечатано въ Bulletin du Bibliophile.

145. — Мартъ. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Ф. М. Вольтеру.

Monsieur! Puisque vous connaissez ma race, vous me permettrez que j'observe la simplicité du pays d'où je tire mon origine. Elle m'est encore par cette raison ici avantageuse, car je ne suis pas trop éloquent en fait de compliments, et ordinairement je me borne à remercier en deux mots, mais avec sincérité, des obligations que je reçois. J'en use de même, monsieur, avec vous par la présente en vous assurant que je suis très sensible aux attentions que vous témoignez à la mémoire de mon père. Si j'avois eu l'avantage de vous connaître plus tôt, j'aurois pris la liberté de vous avertir à ne vous point laisser guider par des mémoires, qui n'étoient pas trop véridiques sur son sujet. En conséquence de la permission que vous me donnez, je fais de petites remarques sur votre addition à «l'Histoire de Charles XII». Mon père avoit reçu du grand-seigneur deux diplômes (dont j'ai encore à Pétersbourg les originaux) pour les principautés de Moldavie et Valachie, mais il n'est jamais entré en possession de cette dernière, ayant été obligé de se sauver avec l'empereur Pierre le Grand après le traité de 1711. Les notes que mon père inventa pour la musique turque sont plustôt ressemblantes aux grecques qu'à celles dont on se sert en France. J'ai à Moscou un livre entier de pièces de musique écrites en de pareilles notes et composées par mon père, mais par malheur je ne suis pas capable d'en donner la clef. Les Russes mêmes avant l'introduction des notes italiennes se servirent d'autres marques

pour la musique, et il y en a encore des gens qui savent chanter sur ces sortes de notes. Je serois charmé de pouvoir vous donner aussi les éclaircissements que vous me demandez par des questions de votre lettre. Mais, monsieur, il y a sept ans que je manque de mon pays, d'où je sortis à l'âge de 22 ans, ayant servi auparavant dans les troupes. Ainsi je n'avois pas alors beaucoup de curiosité pour des recherches qui ne convenoient ni à mon âge, ni à mon métier. Cependant je vous dirai mes conjectures. Il est impossible que la Russie ait été plus peuplée il y a sept cents ans qu'elle n'est à cette heure, car elle étoit alors composée de différents petits royaumes fort sujets aux incursions des étrangers, et après comment feroit-on le nombre des peuples d'alors, puisqu'on n'en avoit jamais fait le dénombrement jusqu'à 1720? Selon ce dénombrement, qui a été fait par ordre de Pierre le Grand, le nombre de seuls paysans mâles monte à peu près à sept millions. Il faut croire indubitablement que quelques gentilshommes n'ont pas avoué le juste nombre de leurs sujets pour les soustraire à la capitation. Supposons donc encore un million de paysans, qui n'ont pas été enregistrés. Tous les bourgeois de toute les villes n'y sont pas compris, et je ne doute pas que ceux-ci ne puissent monter à trois millions. Ordinairement dans tous les pays du monde il y a plus de femmes que d'hommes, aussi les habitants russes devroient monter à plus de vingt millions, et ce n'est pas beaucoup par rapport à la grande étendue du terrain qu'ils occupent. Je ne saurois vous dire le nombre des Cosaques et Calmucs, mais il faut qu'il soit assez grand, puisqu'ils peuvent fournir fort aisément deux cents mille hommes pour la guerre. Il ne faut pas oublier aussi les nations qui habitent la Sibérie, dont votre correspondant ne fait pas mention. Le nombre des gentilshommes me paraît chargé aussi, aussi bien que celui des ecclésiastiques: je sais qu'avant la mort de Pierre le Grand on comptait soixante-dix mille religieux. Après tout ce que j'ai eu l'honneur de vous dire, monsieur, je ne saurois discuter, si c'est le scorbut ou la vérole qui diminue chez nous le

peuple, et j'ai peur que votre médecin n'ait cherché les causes d'un effet, dont il n'étoit pas trop sûr, — malheur, qui arrive assez souvent aux philosophes. Si je puis dorénavant vous être utile en quelque chose, vous pouvez disposer de moi franchement en m'épargnant toutes sortes de compliments; à cette condition je serai charmé de la continuation de votre correspondance pour vous réitérer surtout les assurances de mon estime, avec laquelle etc.

146. — Апрѣля 2-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ статсъ-секретарю лорду Гаррингтону.

Milord! L'abbé Axendio et le père Omère qui auront l'honneur de remettre la présente à votre excellence, sont des religieux grecs du couvent de Sainte Marine dans l'isle de Chios. Ce monastère ayant infiniment souffert des persécutions des turcs et étant accablé de tant d'impôts qu'il se voit menacé d'une ruine totale, a envoyé les deux pères susmentionnés pour aller chercher dans les pays chrétiens de quoi subvenir à ses besoins pressans. L'uniformité de la religion me fait prendre la liberté de recommander ces pauvres gens à la pitié de votre excellence et de vous supplier de vouloir bien leur accorder votre protection. Votre excellence en obligera très sensiblement celui qui a l'honneur d'être avec toute l'estime et toute la considération imaginable, milord, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris. Ce 2 avril 1739.

(Лонд. Госуд. арх.: Publ. rec. off. St. pap. For. Varia, № 222, f. 240).

147. — Апрѣля 2-го. Лондонъ. — Дж. Аминони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Prendo la libertà di supplicar vostra eccellenza di far capitar la qui inclusa ai Farinelli; gli porto quest' incomodo non avendo maniera più sicura. Le voci che qui in Londra si spargono che l'anno venturo vi posse esser la guerra, fanno

che, consigliato dagl' amici a persuader Farinelli a render gli suoi sbocchi, perchè potrebbe perder molto non lo faccendo, io gli scrivo acciò mandi una procura per poterli rendere, e perchè vorrei che sicura gli capitasse la lettera, non la metto alla posta di Londra. Grazie a Dio ci sarò lontano, facciano la guerra, o facciano a' pugni nel parlamento, sarò in loco che non sarò sturbato d'alcuno tumulto; voglio con la mia andata e con il privar gl' inghlesi della mia presenza castigargli (così dice il grand'-uomo... Rolli), ed io ci andrò per mia quiete dopo aver bacciate le mani a vostra eccellenza, come con tutto il rispetto mi protesto di vostra eccellenza obbedientissimo, obbligatissimo, onorantissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 2 aprile 1739.

148. — Апрѣля 19-го. Замокъ Спрей. — Ф. М. Вольтеръ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! J'apprends avec chagrin que l'édition des Ledet est déjà faite. Je leur ordonne de faire un carton concernant ce qui regarde votre illustre père; mais les ordres des auteurs ne sont pas plus exécutés par les libraires que ceux du divan ne le sont par les Arabes voleurs. J'ai écrit, et je vais écrire encore; mais je ne réponds pas de l'autorité de mon divan. J'ai l'honneur de renvoyer à Votre Altesse «l'Histoire Ottomane» qu'elle a bien voulu me prêter, et c'est avec regret que je la rends. J'y ai appris beaucoup de choses. J'en apprendrois encore davantage dans votre conversation; car je sais que vous êtes *doctus sermones cujuscumque linguae et cujuscumque artis.*

Je renvoie «l'Histoire Ottomane» par le carrosse public de Bar-sur-Aube qui part mercredi prochain, 22 du mois; le paquet est à votre adresse, à votre hôtel, et les registres du bureau public en sont chargés à Bar-sur-Aube. Si on ne le porte pas chez vous, monseigneur, vous pouvez envoyer vos ordres au bureau de Paris.

J'ai plus d'une raison de me plaindre de la précipitation de

mes libraires. Ils s'empressent de servir des fruits qui ne sont pas mûrs; mais, de quelque mauvais goût qu'ils soient, j'aurai l'honneur, monseigneur, de vous les présenter dès que je pourrai en avoir. Je sais que vous faites (naître?) sous vos mains les fruits et les fleurs de tous les climats; les langues modernes et les anciennes, la philosophie et la poésie vous sont également familières; votre esprit est comme l'empire de votre autocratrice, qui s'étend sur des climats opposés et qui tient la moitié d'un cercle de notre globe. Parmi les Français qui connaissent votre mérite, il n'y en point, monseigneur, qui soit avec plus de respect que je suis votre très-humble et très-obéissant serviteur Voltaire.

A Cirey. Ce 19 avril 1739.

Напечатано въ Bulletin du Bibliophile.

149. — Мая 1-го. С.-Петербургъ. — Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Je commence par féliciter votre excellence sur l'éminente dignité que l'Impératrice vient de lui conférer. Sa Majesté dont on a toujours admiré la sagesse dans le choix qu'Elle a su faire de ses ministres, ne pouvoit donner une preuve plus éclatante de la confiance qu'Elle met en votre excellence qu'en vous chargeant, monsieur, d'une négociation si importante. A l'égard de m. Maupertuis je suis très porté à lui accorder une pension de la part de l'Académie des sciences, mais les dépenses en étant déjà excessives, j'espère qu'il prendra patience jusqu'à ce qu'il plaise à Sa Majesté Impériale d'en augmenter les revenus, ce qui se fera (comme j'ai tout lieu de croire) dans peu de temps. L'estime que votre excellence témoigne pour le mérite de m. Maupertuis, lui est extrêmement avantageuse, et je vous prie, monsieur, d'être persuadé que j'aurai pour cet académicien tous les égards possibles dans les occasions qui se présenteront de lui rendre service en ce pays. J'ai rendu le paquet adressé à m. Gerber à m. l'archiatre qui le lui à déjà envoyé à Moscou. Je suis avec

beaucoup de respect, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur de Korff.

A St.-Pétersbourg le 1-er mai 1739.

(Арх. конференціи Имп. Ак. Н.; Ausgehende Briefe 1738, 1739, № 27).

150.—Мая 1-го. С.-Петербургъ.—Хр. Гольдбахъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Ayant reçu de m. de Korff, chambellan de sa majesté impériale et président de l'Académie des sciences, la permission de joindre cette lettre à celle qu'il écrit aujourd'hui à votre altesse, j'ai l'honneur de la féliciter sur le nouveau caractère dont elle vient d'être revêtue. J'avois appris de temps en temps avec admiration les services signalés que votre altesse a rendus à cet empire; mais comme ce dernier événement surtout répond aux voeux que je fais depuis longtemps pour la prospérité de votre altesse, je la supplie très humblement d'être persuadée qu'il n'y a personne au monde qui en ait une plus grande joie, ni qui soit avec un plus profond respect que moi, monseigneur, de votre altesse les très-humble et très-obéissant serviteur Goldbach.

A St.-Pétersbourg. Le 1-er mai 1739.

151.—Мая 1-го. С.-Петербургъ.—Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! Ayant reçu de m. de Korff, chambellan de Sa Majesté Impériale et président de l'Académie des sciences, la permission de joindre cette lettre à celle qu'il écrit aujourd'hui à votre altesse, j'ai l'honneur de la féliciter sur le nouveau caractère dont elle vient d'être revêtue. J'avois appris de tems en tems avec admiration les services signalés que votre altesse a rendus à cet empire, mais comme ce dernier événement surtout répond aux voeux que je fais depuis longtemps pour la prospérité de votre altesse, je la supplie très humblement d'être persuadée qu'il n'y a personne au monde qui en ait une plus grande joye, ni qui soit avec un plus profond respect que moi, etc.

(Архивъ конференціи Имп. Ак. Н.; Ausgehende Briefe 1738, 1739, № 27).

152. — Мая 12-го. Лондонъ. — Дж. Аминони князю А. Д. Кантемиру.

La cioccolata, il droghetto ed altre cose commessemi da vostra eccellenza la settimana passata spedii directè a m. Dusersé a Calais accompagnate da una lettera, dicendogli essere cose appartenenti a vostra eccellenza. Ma come io credo, che quelli cupidi volessino interesse, credo che sarà obbligato prendere le sue misure e poi scrivere a Calais. Il biglietto della cioccolata pagato al famigliare del duca di Leeds è di cinque lire e quasi undici scellini; non ce lo mando, perchè l'istesso famigliare mi disse, che vi sarà ancora qualche scellino a pagarvi, ma che per allora non sapeva quanto fosse, però non l'ho più veduto a chiudermi il suddetto di scellini. Oggi è stato da me il suo segretario pregandomi scrivere a vostra eccellenza, avvisandola che lui è in bisogno di denaro. Io non ardisco dargli alcuna somma senza il comando di vostra eccellenza; perciò se si compiace avvisarmi, che in tutto mi sarà sommo onore obbedirla. Ho già cominciato a far le casse ed alla fine di questa settimana una parte la spedirò con una nave, che parte per Venezia. L'opera del signor Pescetti è andata in scena sabato passato, ed ha fatto quattrocento lire con un applauso universale, e si spera un continuo buon esito. Reso il mio dovuto rispetto, di vostra eccellenza votro obbediente obbedientissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 12 maggio 1739.

153. — Мая 26-го. Лондонъ. — Дж. Аминони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Nell' ultima lettera, che mi fece l'onore vostra eccellenza, trovai l'inclusa del grande e lungo signore Farinelli. Ma era molto vano il timore che si perdesse la lettera con il supposto, che vi fosse qualche lettera di cambio, perche non ce n'era alcuna, anzi non sono che commissioni, che sono già tre ordinarij continui che sempre mi replica l'istesso. La troppa fortuna lo fa sempre più capriccioso; ma lasciamolo nella sua for-

tuna, perchè veramente lo merita. Ho avuto lettera dal mio amico di Venezia, che la signora Bertoldi ha avuto la sua roba, ma con molta fatica e spesa, e s'io non gli mandava di nuovo il nome del capitano, non l'avrebbe saputo trovare per causa ò trascuraggine del già noto Lucera, ed in oltre a questo ha passato pericolo di perderla, perche non anno fatto l'addirizzo a Venezia per Bologna, ma solo per Venezia, onde essendo andata la roba alla dogana, se il mio amico non si fosse maneggiato con quelli nobili, chè sono a sostenersi alla dogana, chè hanno dell' amicizia per lui, la signora Bertoldi sarebbe stata molto malcontenta, e con tutto ciò vi sono stati gran disturbi. Adesso toccherà a me gli disturbi della dogana, poiche in questa settimana con una nave, che partirà a dirittura per Venezia, mando la maggior parte della mia roba e sei bestie, ma però non scimie, gatti, nè pappagalli, solo la mia antica serva, ch'è pur il ritratto di Seneca svenato, e cinque cani. La signora Posterla e gl'altri virtuosissimi, non credo che vengano più a Londra per esservi ammalato qualcheduno de' loro animali, simbolo della profanazione musicale, — eccò Londra priva di così bella sorte. Sto sempre aspettando gli libri dal signor Gastaldi, e sono con il mio dovuto rispetto di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo, obbligatissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 26 maggio 1739.

154. — Мая 28-го. Лондонъ. — Дж. Аминони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! L'ordinario passato scrissi a vostra eccellenza che in tre settimane vorrei partire di Londra, e se aveva qualche cosa a comandarmi; ma scordai dimandarli a chi dovessi consegnar la cassetta che prima di partire mi diede in custodia; se per caso Lei non avesse qui in Londra persona a chi volesse fidarsi, io gli propongo il signor Scharpen, ch'io gli faccio fede esser l'uomo della più intera probità e sicurezza, che si potrebbe fidarsegli qual si sia tesoro. Però vostra eccellenza ha da coman-

dare; avrei piacere che mi faceste l'onore, al più presto che sarà il suo comodo, della risposta, perche s'io posso spicciarmi, vorrei partire prima delle tre settimani, perchè dovrei andar in Germania, in vece d'Italia, avendo qualche cosa, chè mi preme, tanto in Baviera, quanto in Augusta, ma poi di là volendo andar in Italia conviene fare la quarantena, e quello mi dà un poco di fastidio; però quando sarò a Parigi, risolverò come le femmine sempre per il peggio. Spero presto aver l'onore di bacciarle le mani e resto con il mio dovuto rispetto di vostra eccellenza umilissimo, obbligatissimo vostro servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 28 maggio 1739.

155. — Мая 29-го. Лондонъ. — Дж. Аминони князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Nell' ordinario passato ho scritto a vostra eccellenza d'avere spedito le cose comandatemi, che sono: una di cioccolata di in circa quaranta lire: maglia di Francia di droghetto ed un paro di calzoni de seta del colore del droghetto, e l'overture e sonate di Haendel. Dette ho mandate a Calais al m. Duverzé gia cognito a vostra eccellenza, e quello attendeva da vostra eccellenza le lettere per la deliberazione. Oggi ho contato il denaro al suo segretario, quale dice, che gli pare molto tedioso un soggiorno cosi ozioso in Londra; però è molto volegnato d'obbedire a chi gli comanda e veramente mi pare una ragazza, se non bella molto savia. Pregandola della continuazione della sua grazia, mi protesto con tutto l'ossequio di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo, obbligatissimo servo Giacomo Amiconi.

Londra. Li 29 maggio 1739.

156. — Іюня 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Хр. Гольдбаху.

Vous me faites beaucoup d'honneur par votre obligeante lettre du 1 mai et par la félicitation que vous m'y faites sur mon

nouveau caractère. Je vous en rends mille grâces, monsieur, et vous supplie de vouloir bien me donner des occasions pour vous pouvoir témoigner en effet combien je suis sensible à toutes vos politesses. Toutes les fois que vous me trouverez bon à quelque chose ici, vous pouvez compter, monsieur, que j'exécuterai vos ordres avec beaucoup de plaisir. En attendant, faites moi celui de croire que j'ai etc.

Ce 14 juin 1739.

157. — Іюнь. Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Дж. Аминони.

Con l'ultimo ordinario ho ricevuto la stimatissima sua dei 28 maggio troppo tardi per potere far subito la risposta. Onde oggi prendo la libertà di pregarla a rimettere la cassa colle carte al mio segretario Mosolefsky, e in caso che esso non avesse luogo, il signor Maspen mi obbligherà a guardarla appresso di sè fino al arrivo del nostro ministro, il quale, come vedo, cammina con piedi di piombo. Quanto ho desiderato prima che Lei appresse il suo viaggio, tanto mi dispiace adesso, che Lei va arrivare a Parigi nel tempo che io mi troverò a Compiègne. Parto per quel luogo oggi con intenzione di starci almeno trè settimane. Non fò il viaggio di buona volontà, ma costretto dall' obbligo della mia carica, onde non potrò pàrtirme, nè per trovarla a Parigi, come desidererei. Per questo spero, che Lei passerà per Compiègne, essendo in strada sua, per darmi il piacere d'abbracciarla. Avremo ancor d'acquistare i conti, il suo denaro essendo punto a Parigi. Mi dicono, che la duchessina sia passata per Parigi senza avvisarmi. Per questo tengo ancora una lettera per essa, non sapendo dove indirizzarla. Non avendo altro da dirgli, resto sempre suo etc.

158. — Августа 25-го. Модена. — Г-жа Пуччи князю А. Д. Кантемиру.

Signor principe! Il di Lei merito, le grazie da Lei ricevute e il desiderio mostratomi di sapere mie nuove e ricevere mie

lettere, sono ragioni tutte che me costringono a darle parte del mio felice arrivo qui, seguito già qualche giorno. La stanchezza e lunghezza del viaggio, unitamente agli molti affari avuti, mi hanno impedito di darle prima questo nuovo testimonio della mia inalterabile, vera e sincera stima; ma benchè non del tutto riposata ancora, nè quieta, ho voluto farlo adesso. A Troyes, a Lione, a Marseille e a Genova ci siamo alquanto divertiti, e qui non si lascia di passare in buona e numerosa compagnia il tempo. La Serma è stata ed è da tutti veduta con ottimo cuore, a chè Lei corrisponde molto bene. Fra non molto conto passare nel Friuli, là dove mi darò il grande piacere di vedere la più gran parte de' miei più congiunti parenti e amici, particolarmente gli cari e stimati miei genitori, co'quali e con la sorella mia, che aspetto qui da Firenze, andrò a vederne alcuni a Verona, onde volendo Lei graziarmi di risposta, la potrà indirizzare come qui sotto mi prenderò la libertà di segnarle, e tutto dove sarò, avrò luogo di parlare, come sino a qui ho fatto, della degna sua persona, di ricordarmela, di desiderare di rivederla e ricevere suoi comandi. Pregola .... de' miei complimenti à monsieur e mademoiselle Sorba, al signor Lomelini e à M. Sorba, e darmi le loro nuove, ma più di tutte le sue, chè intanto con piena stima sono sua verissima obbligatissima serva vera la cantatrice di Valvasone madame Pucci.

Del di dentro delle lettere comincio subito, potere continuare a lasciare co' miei veri provi e miei complimenti, e credo debbasi così fare, e che da Lei sarà approvato, altrimenti quel corteggio, ch'io desidero che non finisca sèco, contando, però che Lei lo aggredisca, finirebbe ben presto.

Modena. 25 agosto 1739.

159.—Сентября 8-го. С.-Петербургъ.—Баронъ А. І. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Je prends la liberté de joindre aux livres que j'ai l'honneur d'offrir à votre excellence de la part de l'Académie de

Saint-Pétersbourg, les paquets destinés à la Bibliothèque du roi et à messieurs Fontenelle, Réaumur, Mairan et Maupertuis. Je prie votre excellence d'être persuadée que je n'oublierai point ce dernier à la première occassion que j'aurai de lui rendre service en ce païs, et je suis avec beaucoup de respect, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur de Korff.

A St.-Pétersbourg, le 8 septembre 1739.

160. — Октября 6-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Озорio.

Vous avez tort d'excuser la construction de votre lettre; je n'en ai jamais reçu de plus joliment tournée et de plus obligeante, et je ne souhaite pas mieux que de pouvoir dire des «freddure» d'une manière aussi élégante que vous faites. Continuez, s'il vous plaît, de me donner de pareilles marques de votre amitié et laissez votre coeur conduire votre plume, étant persuadé que vous ne saurez rien dire que de poli et d'obligeant. Vous n'employerez pas mal à propos votre temps en l'employant pour une personne qui vous estime et vous honore comme je le fais et comme je ferai toute ma vie. N'allez pas croire, monsieur, que je vous fais des compliments pour que vous me procuriez l'éloge dans notre aimable société, proposée dernièrement en pleine assemblée: nonobstant les accusations impertinentes des marchands anglais, je ne suis point du tout intéressé. Mes soins à cultiver votre amitié n'ont d'autre but que de la pouvoir mériter. Si après tout cela vous voulez absolument me conserver une partie de mon bonheur passé, en faisant répéter mon nom dans notre club, je ne saurois nier que cela doit flatter mon ambition: il est doux, monsieur, d'avoir joui de l'amité d'une compagnie si aimable et de savoir que la distance des lieux n'a point changé leurs sentiments; aussi ma reconnaissance n'est pas moins forte que le plaisir que j'en ressens. Vous allez perdre, à ce que j'entends par la lettre de m. Azevedo, un de nos aimables membres, et qui

plus est, un membre coi fiocchi: je parle de monsieur le baron de Loos et de madame qui méritent, l'un et l'autre, l'estime de tous ceux qui ont eu le bonheur de les converser. Je crains même qu'il ne passera pas longtemps sans que vous en manque quelqu'un autre, de sorte que peu à peu notre assemblée se réduira à un très petit nombre, à moins que vous ne fissiez de nouvelles recrues pour conserver le nom de la société. Je vous en charge de pleine autorité, comme législateur; autrement je perdrois mes éloges et vous ne sauriez accomplir votre promesse. Si j'avois trouvé ici des gens aussi raisonnables que ceux, que j'ai laissés à Londres, j'aurois institué peut-être une nouvelle loge, pas de freemasons, mais de clubistes, pour me renouveller un plaisir que je regrette infiniment jusqu'à cette heure. Monsieur, je passe ici fort mal mon temps. La ville est presque déserte, et parmi ceux qui restent ici, je n'ai pas beaucoup de connaissances, excepté quelques ministres étrangers que je rencontre deux fois par semaine chez m. d'Acunho. Tous ces messieurs m'ont comblé de politesses, mais m. de Solare a excédé tous les autres comme à son ordinaire. Nonobstant son caractère d'ambassadeur qui fait gonfler quelques-uns, il a été le premier à me voir, sans attendre de ma part ni annonciation, ni visite; c'est le premier aussi qui m'a donné à dîner; c'est celui qui se charge de mes lettres pour madame Bertoldi, à qui j'ai envoyé la vôtre. Je dirois qu'il n'y eût personne qui sache mieux obliger, si je n'avois pas l'avantage de vous connaître. Je trouve une chose à redire dans votre lettre, c'est-à-dire que vous appelez sorciers des gens qui ne le sont nullement; je vous assure, monsieur, que j'étois bien scandalisé d'entendre les discours qu'on tient ici sur leur compte, et j'ai fait tout mon possible pour adoucir les traits grossiers dont on a dépeint leur portrait. Après tout ils sont de bonnes gens, et il faut se contenter à faire pour le salut de leur âme la prière que Jésus-Christ faisoit en croix: Pater, remitte ipsis, quia nesciunt quod faciant. Voilà, monsieur, ce qui s'appelle une freddura parfaite, pour laquelle il faut deux pots de bière. Monsieur le cardi-

nal a été extrêmement malade pour trois jours seulement, il en revint avec tant de facilité qu'il paraît avoir pris un ascendant sur la mort. Il se porte à l'heure qu'il est fort bien, mais pas tant que je le souhaiterois, car il est obligé à se nourrir seulement de potages, et dès qu'il mange de la viande, le dénouement survient. On croit que son éminence viendra après-demain à Issy pour se tenir un peu plus tranquille. C'est la seule nouvelle que je puis vous mander, et si j'en avois d'autres, je vous les épargnerois pour ne rendre pas ma lettre trop ennuyante par sa langueur; je ne la saurois finir mieux qu'en vous réitérant les assurances de ma considération et du vrai attachement avec lequel etc. Faites, s'il vous plaît, mes compliments à nos confrères, aussi bien qu'à M. Te....

Le 6 octobre 1739.

161. — Октября 22-го. Парижъ. — Аббатъ Гуаско князю А. Д. Кантемиру.

Eccellentissimo Principe! Impaziente non tanto di ragguagliare a vostra eccellenza le grazie e gli onori, che i miei frati, mercè della di Lei possentissima protezione, hanno dalla sua augustissima imperatrice ricevuti, quanto di testificarne all' eccellenza vostra la loro e mia giusta umile riconoscenza, ardisco di prevenire il tempo del di Lei ritorno in città, qual m'avviso potere ancora essere ritardato, per l'adempimento di tale mio stretto dovere. Ma siccome tali e tanti sono i benefizj ricevuti superiori oltremodo a quanto avrebbero essi miei frati ardito promettersi, cosi sono tali parimente i sentimenti di nostra riconoscenza, che sorpassano di gran lunga le espressioni, delle quali potrei valermi per protestarli a vostra eccellenza. Oltre l'impiego a cui hanno ambo avuto l'onore d'essere destinati nel corpo degli ingenieri, hanno avuto il massimo tra gli onori, ciò è di bacciare le mani a sua maestà imperiale per la protezione di sua altezza il signor duca di Curlanda. Hanno essi dimandato di andare all' annata, ma qualche generale de loro corpo ha amato meglio

d'averli sotto degli suoi ordini, e sono stati di poi destinati per visitare alcune piazze verso la Svezia. Confidando ora che l'eccellenza vostra si degnerà di continovare l'onore di sua protezione verso de' miei frati, della quale provan già essi si bei effetti, mi fo ardito a supplicarla per parte loro d'una lettera di raccomandazione, per sua altezza il signor principe de Hesse-Hamburg, gran mastro d'artiglieria, essendo cosi consigliati di procurarsela, spero che vostra eccellenza vorrà accordarci questo favore con eguale cortesia e grandezza d'anima, con cui ci ha onorati dei altri.

Vostra eccellenza mi avea fatto l'onore di dirmi, che ora la balla di libri, che ci manderanno d'Italia, fosse considerabile, avrebbe ella addimandato un passaporto. L'aumento della Storia del Salmon ingrossandola d'assai, merita che Ella lo chiegga, tanto più che allora si risparmiano formalità della Camera sindicale e molti indugi; su questa fidanza mi sono preso l'ardimento di scrivere al mio corrispondente di mettere nella mentovata balla tre libri per me, i quali non si lascierebbero agevolmente passare, se questa fosse soggetta a visita. Anche per questa ragione la supplica a far sì, che s'eviti ogni formalità per mezzo del passaporto. Questa grazia aggiunta all' altre infinite, di cui Ella m'ha di già onorato, farà sì che, con animo sempre egualmente riconoscente ed ossequioso, vivia di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo ed obbligatissimo servitore Guasco 3-o.

Parigi. Ai 22 ottobre 1739.

162.—Ноября 3-го—14-го. С.-Петербургъ.—Хр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Suivant les ordres dont il a plû à votre excellence de m'honorer, je n'ai pas voulu manquer de faire rapport de la situation présente de son altesse sérénissime le prince de Hesse-Rheinfels. Son altesse sérénissime est arrivé ici il y a six semaines et a été présentée par le duc de Courlande à sa majesté l'impératrice, qui l'a reçue avec beaucoup de grâce et de distinc-

tion. Depuis ce temps-là son altesse sérénissime a assisté régulièrement aux assemblées à la cour et joue ordinairement à l'hombre avec son altesse impériale la princesse Anne, duchesse de Brunswic, et a eu aussi sa place auprès d'elle à table pendant les fêtes qui étoient dernièrement à la cour à l'occasion des noces du baron de Keyserling et du baron de Taube avec deux dames d'honneur de sa majesté impériale. D'ailleurs son altesse sérénissime est pour la plupart en compagnie chez le marquis de Botta, ministre de sa majesté l'empereur, et fait des préparatifs à présent pour partir en Ukraïne. Ayant eu le choix d'un régiment de cavalerie ou d'infanterie, son altesse sérénissime a préféré le premier, et se rendra en peu de temps, à ce qu'on dit, aux endroits où ce régiment est en quartier d'hiver. J'aurai l'honneur de marquer le jour du départ de son altesse sérénissime, et je suis cependant avec toutes sortes de respect, monsieur, de votre excellence le plus humble et très-obéissant serviteur Christoffle-Frédéric Gross.

Pétersbourg, le 3/14 novembre 1739.

163.—Ноября 24-го. С.-Петербургъ.—Баронъ І.-А. Корфъ князю А. Д. Кантемиру.

Monsieur! Votre excellence s'est intéressée si favorablement en tout ce qui lui a été proposé de la part de notre Académie des sciences, que je ne crois pas vous importuner, monsieur, si j'ose encore avoir recours à votre bonté dans une affaire qui touche de près un de nos plus habiles académiciens. M. Euler ayant envoyé le 14 juillet, v. st., à Paris un mémoire sur le flux et le reflux de la mer, sujet proposé par l'Académie royale des sciences pour l'an 1740 (comme votre excellence le verra par l'attestation ci-jointe), et ayant attendu longtemps en vain le récépisse de m. Fontenelle, secrétaire perpétuel de l'Académie, il lui adressa une seconde lettre datée du 2 octobre pour apprendre de lui, si le mémoire en question étoit arrivé à Paris. La réponse qu'il en reçut, l'assura que son mémoire n'y étoit pas parvenu et

qu'il seroit même inutile d'en envoyer une copie après le terme prescrit du 1 septembre, les pièces qui peuvent entrer en lice pour le prix étant déjà délivrées aux commissaires. Si l'auteur de la dissertation dont il s'agit, n'y avoit travaillé avec un soin extraordinaire pour développer par des calculs aussi difficiles qu'ingénieux le sujet qu'il traite, et que je ne fusse informé de bonne part, que parmi toutes celles qui sont déjà entre les mains des commissaires, il n'y en aura guère qui lui puissent disputer le prix, je me soucierois peu d'une affaire de cette nature et je ne prendrois pas certainement la liberté d'en écrire à votre excellence. Mais je ne puis me dispenser de prendre part à l'inquiétude d'un homme de mérite qui par un cas purement fortuit se voit déchu de ses espérances après avoir même scrupuleusement satisfait aux règles qui lui étoient prescrites, et votre excellence a des sentiments trop généreux pour refuser son secours à m. Euler qui se trouve aujourd'hui dans ces circonstances. J'ai l'honneur d'adresser pour cet effet à votre excellence la copie ci-jointe du mémoire en question, persuadé comme je suis, que l'Académie royale des sciences voudra bien recevoir, en considération de ce que je viens de dire, cette pièce comme arrivée avant le 1 septembre, et en cas que l'Académie ne voulût pas se relâcher sur ce point, je pense que la dissertation de m. Euler pourroit néanmois faire fortune, s'il arrivoit que l'Académie, non contente des mémoires qui lui ont été présentés jusqu'ici, proposât encore la même question pour le prix de l'an 1742. Mais quel que puisse être le succès du dit mémoire, l'Académie des sciences de Pétersbourg, après tant de preuves qu'elle a reçues de l'affection particulière de votre excellence, profitera de toutes les occasions qui se présenteront de vous persuader, monsieur, de son attachement inviolable pour votre personne, et je suis avec beaucoup de respect, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur de Korff.

P. S. Le port de ce paquet sera incessamment rendu ici à celui qui aura ordre de votre excellence de le recevoir de Korff.

A son excellence monsieur le prince de Cantemir, à Paris.

(Арх. конф. Имп. Ак. Н.; Ausgehende Briefe 1738, 1739, № 27).

164.—Декабря 12-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Хр. Гроссу.

Je vous dois mille remerciements des éclaircissements que vous avez bien voulu me donner par votre obligeante lettre du 14 novembre touchant monsieur le prince de Hesse-Rheinfels. Ils serviront à tranquilliser sa soeur qui en étoit en peine. Vous m'obligerez tout autant par me continuer ces nouvelles. Monsieur votre frère m'a montré une feuille de ma traduction de «La Pluralité des mondes», imprimée à Pétersbourg, et comme vous marquez ici que m. Schumacher vous a promis d'en continuer l'impression, je suppose qu'elle ne tardera point d'être achevée. C'est pour cela que je prends la liberté de vous prier de me faire tenir par l'occassion la plus commode et la plus prompte au moins deux exemplaires dont je veux faire présent d'un à l'auteur. J'ai remarqué qu'il s'est glissé une faute assez considérable au commencement de la cinquième soirée où je fais de Phédre un homme au lieu d'une femme. Aussi je vous prie de communiquer à m. Schumacher la feuille ci-jointe, par laquelle je corrige cette faute. J'espère que s'il y en a d'autres, on aura soin à y remédier. Je vous prie aussi de faire agréer à l'Académie que cette traduction paraisse sous son nom en marque de ma reconnaissance envers elle, et je joins pour cela une petite dédicace. J'ai achevé la traduction des Epîtres d'Horace dont je vous enverrai une copie par m. le général Keith, qui compte de partir à la fin du janvier. Les remarques sur les dites «Lettres» suivront peut-être de près. Si je vous puis être utile dans ce pays-ci, vous prie de ne me point épargner, car je suis sincérement avec tout respect possible, etc.

Le 12 dec. 1739.

165. — Декабря 17-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. П. Волынскому.

При наступленіи нового году должность моя требуетъ къ вашему превосходительству оказать свое преданство усерднымъ желаніемъ, чтобъ Всевышній даровалъ вамъ оного и многихъ слѣдующихъ теченіе, благополучно сохраняя васъ въ совершенномъ здравіи. Ту свою должность тѣмъ охотнѣе исполняю, что случай мнѣ подаетъ покорно вашему превосходительству благодарствовать за показанную ко мнѣ и братьямъ моимъ милость въ дѣлѣ положенныхъ по дѣлу нашему съ мачихою пошлинныхъ денегъ, которое свое къ вамъ обязательство всегда будетъ мнѣ чувствительно. При томъ смѣлость пріемлю вашему превосходительству напомнить о моемъ къ ея императорскому величеству разномъ прошеніи въ томъ, что касается или вѣрющаго писма, или пересылки какой-либо доволной суммы для оплаты уборовъ моего дома, которые я въ отсутствіе съ ея императорскаго величества позволенія закупилъ, и которымъ платежу срокъ настаетъ. За сіе новое вашего превосходительства благодѣяніе мое къ вамъ благодарство присно быть имѣетъ и непрестанно съ отмѣннымъ почтеніемъ пребуду, и пр.

166. — Парижъ. Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Пуччи.

Si j'étois aussi bon poète que vous, je vous remercierois en vers de votre joli sonnet sur le Dictionnaire de Crusca que vous vous avez eu la bonté de m'envoyer par la main de monsieur l'abbé Franchini. Je l'ai prié de s'en charger poétiquement, et moi je fais actuellement mon devoir en prose. Je suis fort sensible à l'attention que vous avez pour moi et à la continuation de votre amitié: et l'estime que j'en ai toujours faite, n'a point changé dans un pays où les modes changent à tout bout de champ. Lorsque le Dictionnaire sera arrivé, je tâcherai d'en choisir la plus belle phrase pour vous assurer en bon italien de la sincérité de mes sentiments à votre égard et de vous prier à vous souvenir

quelquefois de moi. En attendant permettez moi de me souscrire en français tel que je suis avec une considération particulière, etc.

1740.

167. — Января 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ кавалеру Вальполю.

Je sens bien que vu les mérites, la naissances et le rang de m. le général Keith, qui aura l'honneur de présenter celle-ci à votre excellence, il n'a pas besoin d'aucun moyen pour être accueilli et distingué d'un ministre aussi éclairé que vous. Mais il a voulu absolument que je l'accompagne d'une lettre, et j'ai embrassé avec plaisir l'occasion pour vous réitérer les assurances de ma reconnaissance de toutes les marques d'amitié que vous m'avez données pendant mon séjour en Angleterre. Il s'y rend pour faire sa cour à sa majesté Britannique et pour y solliciter cette affaire qui a été recommandée à sa majesté par l'impératrice, ma souveraine. Je suis sûr qu'une personne qui a mérité une pareille recommandation, ne sauroit manquer d'être bien accueillie par votre excellence et appuyée dans ses justes prétentions. Je supplie seulement votre excellence de vouloir l'honorer de votre amitié dont sûrement il est aussi digne que personne le peut être, et en cela votre excellence obligera sensiblement celui qui etc.

Le 14 janvier 1740.

168. — Января 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Эйхлеру.

J'apprends avec un sensible plaisir la grâce que l'impératrice, notre gracieuse souveraine, vient de vous faire, en vous nommant secrétaire de son cabinet. Je me persuade de plus en plus que le mérite fait son chemin. Permettez-moi, monsieur, de

vous en féliciter de tout mon coeur et de vous souhaiter dans ce nouveau poste toutes sortes de contentement. Je vous réitère en même temps les offres de mes services en cas que je puisse vous être utile à quelque chose, en vous priant d'être persuadé de mon estime et de mon attachement, etc.

Le 14 janvier 1740.

169. — Марта 27-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну.

Je viens d'apprendre que sa majesté impériale, notre gracieuse souveraine, vous a donné une nouvelle marque de son estime en vous conférant l'ordre de saint Alexandre. Quoique je n'aie pas l'honneur d'être connu de vous, cependant j'espère, monsieur, que vous voudrez bien permettre que j'aie celui de vous féliciter de tout mon coeur. Votre mérite qui s'est attiré l'approbation de sa majesté, l'éloge que le . . . en fait, me font souhaiter l'avantage de votre amitié; ainsi je me flatte que vous ne trouvez pas étrange que je saisisse cette occasion pour vous la demander. Je tâcherai de mon côté de la meriter par la promptitude avec laquelle j'exécuterai les ordres dont vous voudrez m'honorer, aussi bien que par la parfaite estime et considération avec laquelle je serai toute ma vie, etc.

Le 27 mars 1740.

170. — Апрѣль. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Ф. Альгаротти.

J'ai reçu à son temps deux obligeantes lettres, et on m'a remis depuis trois exemplaires de votre livre. Je vous rends mille grâces de celui que vous m'avez destiné. J'en ai donné l'autre à m. Galli qui dans l'absence de monsieur l'abbé Franchini est chargé des affaires de Toscane, pour le faire tenir à ce dernier. A l'égard du troisième je compte de l'envoyer à Saint-Pétersbourg la semaine qui vient par le moyen d'un marchand arménien qui y va. Je ne manquerai pas de vous communiquer à son

temps quel effet il produira à ma cour. En attendant j'ai l'honneur etc.

171. — Мая 1-го—12-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Хр. Гроссу.

Comme vous avez autrefois souhaité avoir mes ouvrages poétiques, je viens de vous les envoyer par le sieur Scheriman, marchand arménien, qui est parti d'ici pour Pétersbourg. Si messieurs de l'Académie jugent à propos de faire imprimer la traduction des Epîtres d'Horace, ils en sont les maîtres. Je suis actuellement à achever les remarques sur ces Epîtres, ne vous en ayant pu donner que celles sur les dix premières. Cependant je ne doute nullement que le reste ne puisse venir à temps, vu la lenteur, avec laquelle je vois que ces sortes d'ouvrages s'impriment. Pour ce qui est de satires et de mes autres poésies, elles ne serviront que pour votre amusement, car je ne veux pas qu'elles se publient sans un ordre exprès de sa majesté. En cas que monsieur le comte d'Osterman veuille bien obtenir cet ordre, je consentirois avec plaisir à leur impression, mais pas autrement. Je vous suis bien obligé, monsieur, de ce que vous m'avez voulu communiquer la vie de feu archevêque de Nowgorod que vous venez de me communiquer. Vous verrez dans les remarques sur la troisième satire l'endroit où je voudrois que cette vie fût inserée, aussi bien que la liste des ouvrages que vous avez la bonté de me promettre. Ainsi je vous prie, monsieur, d'avoir soin que cette insertion se fasse. Au reste je suis sans cesse avec la plus parfaite estime et considération, etc.

Le 12/1 mai 1740.

172. — Мая 19-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ герцогу І.-Э. Бирону.

На сихъ дняхъ я вѣдомость получилъ, что напослѣдокъ въ кабинетѣ ея императорскаго величества имѣетъ принята быть резолюція о опредѣленіи мнѣ годоваго жалованья по 15.000 р.

въ годъ. Тою суммою никакимъ образомъ къ славѣ ея императорскаго величества мнѣ прожить не можно, и понеже непзбѣжно въ долги впасть имѣю, я для предупрежденія такого несходства послалъ къ его свѣтлости князю Алексѣю Михайловичу прошеніе для ея императорскаго величества и подробной счетъ моего ординарнаго необходимаго расходу, изъ которыхъ основательство моихъ резоновъ столь ясно усмотрѣть можно, что я удержуся утруждать обстоятельнымъ описаніемъ вашу высокосвѣтлость, къ которому прибѣгаю въ сей моей крайней нуждѣ, какъ къ своему одному въ чужестранствѣ и спротствѣ защитнику. Объ одномъ только всенижайше прошу вашу высокосвѣтлость, чтобъ ту мою челобитную ея императорскому величеству изволили представить, или хотя милостивымъ словомъ при докладѣ оной отъ кабинетныхъ министровъ подкрѣпить, или же господамъ министрамъ оную рекомендовать. За ваше благодѣяніе Всевышній Богъ вамъ воздастъ, который нарочно одарилъ вашу свѣтлость добротою сердца и властію, чтобъ могли мнѣ подобные имѣть себѣ покровителя въ нуждахъ. Я весь животъ свой въ службу ея императорскаго величества посвятилъ; потому все то готовъ исполнять съ веселіемъ и съ ревностію, что отъ ея величества мнѣ будетъ предписано, но должность моя требуетъ ея императорскому величеству изъяснить, что славѣ ея не согласно, чтобъ я здѣсь жилъ хуже сардинскаго посла, что̀ однакожь случиться имѣетъ, если мнѣ опредѣлено будетъ меньше 24.000 р. въ годъ. Для того уповаю, что докуку моего письма ваша свѣтлость милостиво извинитъ и меня своей помочи не лишитъ, за которую буду вѣчно вашей высокосвѣтлости обязанъ, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ вашей высокосвѣтлости и пр.

Изъ Парижа, 1740 мая 19.

(Госуд. арх., разр. XI, № 277).

173. — Іюля 7-го. Замокъ Шарлоттенбургъ. — Графъ Ф. Альгаротти князю А. Д. Кантемиру.

Eccellenza! Prima di partire per la Russia e per la Germania, vostra eccellenza mi permetterà di ringraziarla di quanto s'è degnata fare per me. Jeri il signor Sheriman, a cui vostra eccellenza ha consegnato il mio libro, ha passato qui per mostrar al rè uno de' più bei diamanti che abbiavi, e mi ha detto con quanta premura vostra eccellenza gli abbia raccomandato cotesto affare. Io sarei glorioso, che sua maestà imperiale non isdegnerà quello che la venerazione e l'ammirazione m'hanno dettato, e son sicuro, che la bontà di vostra eccellenza per me farà valere cotesta bagatella. Se vostra eccellenza sarà sorpresa di ricever da me una lettera da Charlottenburg, io non sono meno io stesso sorpreso di scriverglila. Il rè, a cui aveva fatto la corte l'anno scorso, essendo principe reale, e a cui era piaciuto di scrivermi di tempo in tempo da Inghilterra, si sovvenne della esistenza mia ai primi giorni del suo felice regno e mi invitò alla sua corte per via d'uno obbligamento letterario, — eccomi adunque in Charlottenburg, donde io parto questa stessa mattina con sua maestà per la Russia. Non posso dire a vostra eccellenza quanta grazia e quanta bontà abbia avuto per me sua maestà e quanto ei sappia l'arte di regnare sopra i cuori. Felice me, se vostra eccellenza mi fa trovar grazia appresso di sua maestà imperiale, a cui rededicherò i miei versi dai confini della Prussia e dalle rive del Baltico. Ho l'onore di dirmi col più profondo rispetto di vostra eccellenza umilissimo, obbedientissimo di Lei Algarotti.

I miei rispetti a M. Lomellini.

Di Charlottenbourg, di 7 Juglio 1740.

174. — Іюля 21-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Изъ письма братнева я увѣдомленъ, какъ милостиво изволили принять покорное мое прошеніе, касающееся опредѣленія моего жалованья на здѣшнее пребываніе, и что съ моимъ прошеніемъ

къ ея императорскому величеству учинено. Потому остается мнѣ нижайше ваше сіятельство просить о продолженіи вашей помочи въ семъ дѣлѣ, наипаче о прилежномъ рекомендованіи онаго его сіятельству графу Андрею Ивановичу, которому сего дни о томъ же пишу. Не меньше ваше сіятельство милость показать изволитъ, указавъ, чтобъ чрезъ такъ долгое время переводомъ ко мнѣ денегъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ не медлили, понеже въ нихъ крайнюю нужду теперь имѣю, и уже не только, сколь можно, отъ банкіера занималъ, но и опасаюся, чтобъ кредитъ своей не потерялъ. Оба сіи дѣла отъ вашего сіятельства и графа Андрея Ивановича однихъ зависятъ, и такъ отъ ихъ ко мнѣ высокосклонности, какъ и правости моихъ требованей надежду, мнѣ подаютъ, что прошеніи мои при васъ не будутъ презрѣны. Благодѣяніе вашего сіятельства особливо меня обяжетъ и непремѣнно съ крайнимъ почтеніемъ пребуду, и пр.

21-го іюля 1740.

175. — Іюля 24-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Ф. Альгаротти.

Votre départ pour Berlin j'ai appris avec un grand plaisir par une lettre de Londres, mais j'en ai eu un plus grand d'apprendre votre arrivée dans cette ville par celle que vous avez pris la bonté de m'écrire le 7 de ce mois. Je vous en félicite de tout mon coeur, étant persuadé que votre mérite se fera jour de plus en plus auprès d'un prince qui s'y connaît si bien. Je serois charmé, si je pouvois contribuer quelque chose à votre satisfaction. Votre livre est sans doute déjà arrivé à Pétersbourg. Lorsque j'aurai quelque nouvelle, je ne manquerai pas de vous en faire part. En attendant, je vous prie de me continuer votre amitié et d'être persuadé que je suis avec la plus parfaite estime, etc.

Le 24 juillet 1740.

176. — Октября 9-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ барону І.-А. Корфу.

J'ai vu avec une satisfaction particulière votre nomination pour la cour de Danemark par la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire avant votre départ de Pétersbourg. J'ai différé à y répondre, en attendant que j'apprenne votre arrivée à Copenhague. A l'heure qu'il est, voyant par les nouvelles publiques que vous avez déjà eu votre audience du roi, je ne veux pas tarder davantage de m'acquitter de ce devoir en vous félicitant de votre nouveau poste et en vous suppliant de me vouloir toujours continuer votre amitié. Je vous prie en même temps de m'honorer de votre correspondance, laquelle je tâcherai de cultiver de mon mieux. Pour en faire le commencement j'ai l'honneur de vous mander des affaires d'ici que les escadres françaises étant sorti en mer avec l'intention d'empêcher les Anglois d'attaquer les possessions espagnoles en Amérique, on ne doute plus que la rupture entre la France et l'Angleterre ne s'ensuive bientôt. La première a déjà pris toutes les mesures convenables pour cet effet, ayant fait réparer les fortifications sur ses côtes et faisant actuellement construire (équiper) cinq nouveaux vaisseaux de guerre. On vient aussi d'apprendre qu'elle a envoyé sept bataillons à Dunkerque pour y renforcer la garnison et qu'elle fait construire quelques batteries. Cependant on n'a pas encore pris aucune résolution sur l'augmentation des troupes de terre. Au reste, monsieur, j'avois déjà expédié pour Saint-Pétersbourg les livres que vous m'aviez demandés, et il m'étoit impossible de les faire arrêter en chemin. Ainsi j'en acheterai d'autres exemplaires et je vous les enverrai à Copenhague par la première occasion. En attendant la réception de votre lettre etc.

Le 9 octobre 1740.

177. — Ноября 13-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну.

J'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre du avec l'incluse que j'ai alors fait remettre en mains propres à monsieur l'ambassadeur de Portugal pour l'expédier à son adresse. Ce service est de trop petite conséquence pour que j'en veuille faire une preuve de mon obéissance à vos ordres et de l'estime que je fais de votre amitié. J'espère, monsieur, que vous me procurerez d'autres occasions pour vous en convaincre. En attendant, les belles qualités et votre zèle qui vous ont attiré la confiance de notre très grâcieuse souveraine, vous peuvent persuader que je ferai mon possible de mériter votre amitié. Je vous ai prié, monsieur, de me l'accorder par une lettre que j'ai eu l'honneur de vous écrire il y a quelques mois. Du reste, je suis confus de politesses dont l'Académie impériale m'accable par votre bouche. C'est à moi à la remercier d'avoir bien voulu agréer que ma traduction paraisse sous son nom. Je dois ajouter encore des remerciements pour un ballot de livres qu'elle m'a envoyé par le canal du libraire Briasson, et qui ne m'a été remis que la semaine passée. Je m'estimerois fort heureux, si je pouvois lui être utile à quelque chose, et elle pourra disposer de moi librement. C'est de quoi je vous prie, monsieur, de l'assurer et d'être en même temps persuadé de la parfaite estime etc.

Le 13 novembre 1740.

178. — Ноября 25-го. С.-Петербургъ. — Князь А. М. Черкасскій князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь мой государь! Изъ полученныхъ мною вашихъ трехъ писемъ, за которыя зѣло благодарствую, я довольно усмотрѣлъ, какую ваше сіятельство отъ недосылки опредѣленной на ваше содержаніе по такому характеру денежной суммы нужду претерпѣваете. И для того я нынѣ приказалъ о тѣхъ не дошанныхъ вамъ деньгахъ выписку сочинить и, по оной усмотря и съ кѣмъ надлежитъ разсудя, къ вашей пользѣ воз-

можное стараніе прилагать буду. А отчего такое замедленіе случилось, о томъ сами вы легко дознаться можете, ибо не отъ иного чего, какъ толко отъ приключившихся нынѣшнихъ премѣнъ тѣмъ вашимъ дѣломъ такъ продолжилось. При семъ же я принужденъ ваше сіятельство трудить съ прошеніемъ, чтобъ пожаловали вы—изволили приказать нарочно въ Парижѣ сдѣлать синихъ лентъ цвѣтомъ и струями по приложенной при семъ пробѣ во всемъ безотмѣнно лутчими мастерами два куска, въ которыхъ бы было въ каждомъ по сороку одному россійскихъ аршиновъ, еже учинитъ осмьдесятъ два аршина, на которое дѣло съ другою почтою и вексель на сто рублевъ отправленъ будетъ. А впрочемъ я всегда со всякимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства нижайшій и всегдашній слуга князь Алексѣй Черкаской.

Изъ Санктъ-Петербурха. Ноября 25-го дня 1740 года.

179. — Ноября 29-го — декабря 10-го. С.-Петербургъ. — Хр.-Фр. Гроссъ князю А. Д. Кантемиру.

Monseigneur! C'est par les grâcieuses recommandations répétées de votre altesse que mon frère a obtenu à la fin la charge de secrétaire, dont je ne doute point que votre altesse ne reçoive la nouvelle par l'ordinaire. J'ai l'honneur de faire mes très humbles actions de grâces à votre altesse de ses grâcieux soins, par lesquels mon frère a eu l'honneur non seulement de profiter pour s'acquitter de ses fonctions, mais aussi de parvenir à un poste fort honorable et avantageux qui lui peut servir à se perfectionner tous les jours de plus en plus dans les langues, aussi bien que par rapport à d'autres bonnes qualités. Que le Tout-Puissant soit le rémunérateur de tant de bienfaits dont il a plu à votre altesse de combler mon frère et moi depuis tant d'années. Que le ciel conserve non seulement en parfaite santé votre altesse pendant le nouvel an et un grand nombre de suivants, mais qu'il bénisse aussi toujours d'un heureux succès ses négociations pour l'avantage de l'empire de Russie et pour l'accroissement de sa propre gloire. J'espère que mon frère en redoublant son zèle, son

application et sa très humble soumission, ne manquera pas de se rendre digne et de mériter dorénavant la bienveillance précieuse de votre altesse, à laquelle je le recommande très instamment, aussi bien que moi-même qui serai toute ma vie avec un attachement très respectueux et une vraie vénération, monsieur, de votre altesse le très-humble et très-obéissant serviteur Chr. Fr. Gross.

Pétersbourg. Le 29 novembre—10 decembre 1740.

180.—Декабря 15-го. Парижъ.— Князь А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну.

Je suis charmé d'avoir souvent occasion de vous réitérer mes compliments sur vos avancements: plus ils sont fréquents, plus ils me convainquent de votre mérite supérieur. La charge de conseiller privé que sa majesté impériale vient de vous conférer, est la récompense due au même mérite et aux services infatigables que vous rendez à l'état. Je vous en félicite de tout mon coeur et je vous supplie, monsieur, de continuer à m'honorer de votre amitié que je tâcherai de mériter de mon mieux par la prompte obéissance, etc.

Le 15 decembre 1740.

1741.

181.—Февраля 16-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Хр.-Фр. Гроссу.

J'ai différé à répondre à votre obligeante lettre du 10 décembre en attendant le rescript touchant l'avancement de monsieur votre frère. Je ne sais pourquoi je ne l'ai pas encore reçu, et comme il se pourra bien faire qu'il tardera longtemps de venir, je ne puis plus manquer à vous remercier de toutes les attentions que vous avez à mon égard, d'autant plus que je reçois une nouvelle preuve de votre amitié par votre seconde du 14 janvier. Ce que

j'ai fait et ce que j'ai écrit en faveur de monsieur votre frère ne mérite pas tant de remerciements, et si vous en faites grand cas, ce n'est qu'un effet de votre politesse, mais j'embrasserai dorénavant avec plaisir les occasions pour vous témoigner avec combien de sincerité et d'estime j'ai l'honneur, etc.

Le 16 fevrier 1741.

182. — Августа 15-го. С.-Петербургъ. — Князь А. М. Черкасскій князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь милостивый государь мой! Отправленное 10 іюля н. с. отъ вашего сіятельства шитое платье сего 8 числа во всякой исправности и на торжественной день заблаговременно сюда дошло, и какъ дессейнъ, такъ и мастерство шитья отъ многихъ въ немалой похвалѣ здѣсь было, за что̀ ваше сіятельство покорнѣйше благодарствую.

Съ немалымъ же порадованіемъ объявляю вашему сіятельству, что въ день рожденія ея императорскаго величества, то-есть, 12 сего ваше сіятельство пожалованы въ тайные совѣтники, чѣмъ я ваше сіятельство поздравляю, желая притомъ дабы Всевышній Богъ ваше сіятельство впредь еще и наипаче порадовать милостивно соизволилъ, въ которомъ желаніи я всегда безотмѣнно пребываю вашего сіятельства покорнѣйшій слуга князь Алексѣй Черкасской.

Въ Санктъ-Питербурхѣ. 15 августа 1741 году.

1742.

183.—Февраля 7-го—18-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ князю А. М. Черкасскому.

Милостивый государь мой князь Алексѣй Михайловичъ! Господинъ Обраенъ, которой въ царствованіе высокославныя памяти императора Петра Великаго отъ здѣшняго двора присыланъ былъ за дѣлами, вручилъ мнѣ сей пакетъ съ прошеніемъ, чтобъ

я имѣлъ честь отправить оный къ вашей свѣтлости. Сказалъ онъ мнѣ, что въ немъ содержутся писма, касающіяся дѣлъ Россійской имперіи, которыя онъ чаялъ, что ея императорскому величеству будетъ не непріятно имѣть у себя, а что̀ оныя писма точно содержатъ, мнѣ не объявилъ. Впротчемъ, покорнѣйше повторяя свое прошеніе о томъ, что въ послѣднемъ моемъ къ вашей свѣтлости изображено, съ должнымъ глубочайшимъ почтеніемъ пребываю вашей свѣтлости всепокорной послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 1742 Февраля 18/7.

184. — Февраля 22-го — марта 5-го. Лондонъ. — С. К. Нарышкинъ князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь, милостивый мой благодѣтель! Я съ радостью видѣлъ въ цидулкѣ вашей свѣтлости, писанной къ іеромонаху Кассану, что вы изволите полагаться на меня въ покупкѣ книгъ; я потщуся соотвѣтствовать такому доброму обо мнѣ мнѣнію моими поступками, которые докажутъ вашей свѣтлости мое старинное преданство.

Только когда господинъ Кассано, показавъ мнѣ вашу цыдулку, сказалъ, что де его свѣтлость имѣетъ росписку въ садаточной.... о извѣстной книгѣ, которую де надобно представить при заплатѣ досталныхъ, и о чемъ я къ его свѣтлости написалъ, я, дожидая на сіе вашего отвѣту, отложилъ покупку другихъ книгъ, чтобъ всѣ прислать въ одной связкѣ.

Смѣть ли вашу свѣтлость просить, чтобъ по своей ко мнѣ милости выходить пашпортъ на оставшій мой багажъ, состоящій въ пяти тюкахъ (или бало), а именно 3 наполнены книгами, 4 бѣльемъ и платьемъ старымъ, 5 съ новымъ моимъ кафтаномъ и 4-мя ливерейными; вышеписанной пашпортъ возметъ у господина Мозалевского мой банкеръ господинъ Туртонъ Боуръ.

Озори и Гастальди по премногу вашей свѣтлости кланяются; знакомство мое съ ними заводится изрядно, а особливо посланникъ португалской много мнѣ пріятнымъ кажется.

Князь Иванъ Андреевичъ вручилъ мнѣ вашей свѣтлости на россійскомъ языкѣ вѣдомости парижскія; много бы далъ, чтобъ умѣть составлять столь хорошо по русски.

Нынѣ, при семъ приложивъ здѣшнія новизны на французскомъ языкѣ, не имѣя времени перевести на русской, впредь буду каково ни есть посылать вашей свѣтлости на русскомъ языкѣ. Прошу не оставить меня въ своихъ милостивыхъ на россійскомъ языкѣ письмахъ, которыя мнѣ будутъ служить урокомъ и памятью вашей мнѣ милости, которую прошу мнѣ продолжить нижайше и вѣрить о глубокопочтеніи, съ которымъ пребуду навсегда вашей свѣтлости всепослушно покорный слуга Семенъ Нарышкинъ.

Изъ Лондона. 22-го февраля—5-го марта 1742.

185.—Февраля 25-го. Лондонъ.—Священникъ В. Кассано князю А. Д. Кантемиру.

Most noble prince and patron! According to your highness's directions I have purchased l'Algèbre de M. Sunderson by paying half guinea more; Humphred Fluxius in 8^0 — 4 sch., 6 d; Trevingar Elements in 4^0—12 sh., and delivered the receipt to his excellency M. Narishkin, who payed me the purchases, which receipt he has inclosed with these to your highness wherein you will find. They are sent by m. Valiant and directed to your highness by the same channel as the last; but for the sixth volume of the Universal History and l'Algèbre de m. Mac Laurin—they are not yet come out complete, but I shall find be carefull to procure them as soon as possible. As for the receipt of captain Lewis, I have diligently searched all the books and papers relating to your highness, but cannot find any such, as has likewise his excellency m. Narishkin in my presence all his court papers, but with no better success. I must conclude with returning your highness my most humble thanks for all favours, particularly for the kind recommendation whereby to procure me the friendship of others, of which the uncommon kindness and civilty with wich

m. Narishkin received me. I was sensible... and I shall endeavour to merit his good will by all the service, that lyes in my power to render him, and remain invoking the blessing of the Mosthigh to conserve and reward your princely virtues, most noble prince and patron. Your highness's most humble and most obliged servant Bartholomeo Cassano.

London, the 25-th february 1742.

186. — Апрѣль. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ І.-Д. Шумахеру.

Un homme de lettres de ce pays voulant donner un recueil de tous les cabinets de l'Europe, m'a fait parler par ses amis de lui procurer la description de celui de sa majesté impériale selon le mémoire ci-joint. Je m'adresse pour cela à vous, la seule personne qui soit en état de remplir le but que l'auteur se propose, en vous priant, monsieur, très instamment de lui accorder la faveur qu'il vous demande pour lui. Ma reconnaissance en sera aussi parfaite que l'estime et l'attachement avec lesquels etc.

187. — Апрѣль. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну.

J'ai appris avec plaisir par la lettre dont vous m'avez honoré, du 23 fevrier, l'arrivée des livres que j'avois eu l'honneur de vous adresssr l'année passée pour la Bibliothèque impériale, et lesquels à ce qu'il me paraît ont été bien longtemps en chemin. Comme l'incluse pour monsieur l'abbé Bignon ne contient que des politesses qui ne sont jamais de trop, je compte, monsieur, de la lui remettre. Au reste je vous supplie de ne me point épargner dans toutes les autres occasions où mes services peuvent être utiles à l'Académie impériale et à vous personnellement, puisqu'il n'y a personne qui soit avec une plus parfaite estime et avec plus d'attachement, etc.

Le 8 avril 1742.

188. — Апрѣля 13-го. С.-Петербургъ.—І.-Д. Шумахеръ князю А. Д. Кантемиру.

Suivant les ordres que votre altesse a eu la bonté de me donner le 25 fevrier, j'ai l'honneur de lui présenter le cahier Q qui manque dans les mémoires de m. de l'Isle, et les deux livres russiens. J'ai cru de ne pas manquer, si je les envoie complets et cousus, pour ôter aux relieurs de Paris l'occasion de faire quelque faute par transposition ou par omission de quelques feuilles. J'espère, monsieur, que les livres qui ont quitté depuis peu la presse, seront rendus à votre altesse avec plus de promptitude, que ne l'ont été ceux du dernier envoi. Je suis avec de profonds respects, etc.

P. S. Je supplie votre altesse très humblement pour l'expédition du paquet adressé à m. Schoepflin. Il contient le diplôme que m. de Brevern lui donne en qualité de président.

A St.-Petersbourg, le 13 avril 1742.

(Архивъ конференціи Имп. Ак. Н., исходящія письма 1728—1742 гг., кн. № 16).

189. — Апрѣль. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ І.-Д. Шумахеру.

Le paquet de livres que l'Académie a eu la bonté de m'envoyer par je ne sais pas quel canal, ne me parvint qu'avant-hier. J'y ai trouvé deux exemplaires de ma traduction des Discours sur la pluralité des mondes, le septième volume des Commentaires de l'Académie et la cinquième centurie de M. Buchsbaum et la lettre dont vous m'avez honoré, du 4 fevrier 1740. Quoique j'aie eu déjà l'honneur de vous supplier par une de mes précédentes d'assurer l'Académie de ma reconnaissance pour toutes les marques d'attention dont elle me favorise de temps en temps, j'ai cru, monsieur, ne pouvoir pas trop répéter, combien j'y suis sensible, particulièrement faisant attention aux expressions obligeantes dont elle se sert à mon égard dans votre lettre, et à l'accueil favorable qu'elle a fait à ma traduction. L'édition, mon-

sieur, en est magnifique et c'est peut-être par là qu'elle a que mon travail s'est attiré l'approbation du public. Ce n'est pas que je doute du mérite de l'ouvrage, mais je suis éloigné à pouvoir rendre en russe ce que m. de Fontenelle écrit avec tant de grâce dans sa langue. Je sens qu'on pourroit rendre cette traduction meilleure et y corriger quelques fautes légères d'impression, à quoi je songerai dorénavant, bien heureux si je puis être utile en quelque façon à l'Académie et vous prouver en particulier l'estime avec laquelle j'ai l'honneur d'être, etc.

190.—Мая 13-го—24-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

J'ai été extrêmement sensible à l'honneur du souvenir de votre excellence qu'il vous a plu de me témoigner dans votre lettre à m. Nariskin, et si je ne vous en ai pas marqué encore ma reconnaissance, c'étoit pour ne vous pas ennuyer par le nombre de mes lettres. En effet, monsieur, dans le poste où vos mérites vous ont élevé, votre excellence aura assez d'occupation et ne se trouvera que trop environnée d'importuns sans que j'en grossisse le nombre. Mais les lettres de ma soeur m'obligent à franchir les bornes de la discrétion, crainte de mériter le nom d'ingrat à force d'être discret. Elle ne peut pas se louer assez de la bonté dont votre excellence l'honore, et on ne sauroit l'obliger sans que je ressente vivement cette même obligation. Ainsi, monsieur, je vous prie de me permettre de vous en faire mes très humbles remerciements et de vous assurer que ce sera un de mes devoirs essentiels à mériter vos bienfaits. J'ajouterai mes prières de vouloir bien continuer dans la même disposition à son égard et l'aider de votre conseil et de votre autorité dans l'affaire qu'elle sollicite actuellement. Votre excellence sera sans doute informée de quoi il s'agit et par conséquent de la justice de notre demande. Cependant c'est de la seule générosité de sa majesté impériale, notre très grâcieuse souveraine, que nous attendons la grâce que nous demandons, et surement nous de-

vons fonder toutes nos espérances sur une princesse qui est la digne fille de Pierre le Grand et de l'impératrice Cathérine, qui ont bien voulu honorer ma maison de leur puissante protection, si même nous n'étions pas convaincus de la magnanimité naturelle de sa majesté impériale qui doit la rendre les délices de ses peuples. Il ne tiendra qu'à votre excellence d'avoir des preuves de mon respectueux attachement avec lequel j'ai l'honneur d'être, monsieur, de votre excellence etc.

P. S. J'avois supplié sa majesté impériale par le canal de messieurs les ministres, mes principaux, de vouloir bien m'accorder un de ses portraits pour le placer sur mon dais selon l'usage des ambassadeurs, cependant je ne l'ai pas encore reçu. Oserois-je, monsieur, vous prier d'en faire souvenir sa majesté impériale? Il me suffiroit d'avoir le seul visage, car j'en ferois ici le tableau, et n'importe s'il est en grand ou en petit, en mignature ou en émail, pourvu qu'on en puisse tirer ici une copie. Les François meurent d'envie de voir le portrait d'une si belle princesse, et ils n'ont pas tort, car j'ai la même envie.

Paris. Le 13/24 may 1742.

(Госуд. арх., разр. XI, № 281).

191. — Іюня 4-го—15-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

Monsieur! Les âmes bien nées se font admirer dans les grandes choses comme dans les petites: votre excellence a prouvé cette vérité quant au premier point aux yeux de toute une nation qui vous doit en partie son bonheur présent, et vous me donnez en particulier une démonstration géometrique du second dans la lettre dont il vous a plu m'honorer le 29 d'avril. Je ne sais, monsieur, ce que je dois y admirer, le style ou les sentiments, car l'un et l'autre surpasse mon attente, je vous l'avoue. Je sais bien que les honneurs ne sauroient apporter aucun changement dans le coeur et dans l'esprit des personnes d'un rare mérite, puisque ce mérite est au dessus de toutes les décorations externes qui ne

sont respectables qu'autant que les qualités internes les relèvent. Mais on est accoutumé de voir rarement de pareils phénomènes, et par conséquent ils frappent les esprits comme nouveaux. Ce dont je supplie votre excellence d'être entièrement persuadée, c'est que je suis touché de la plus vive reconnaissance de toutes les marques d'amitié et de bonté dont vous me comblez et dont vous avez comblé ma soeur. Nous n'abuserons sûrement pas, et moi en particulier; je ferois l'impossible pour les mériter au moins par mon attachement inviolable, n'étant pas en état de vous rendre des services essentiels pour vos faveurs. Je profite de vos offices obligeants en vous suppliant d'entretenir dans sa majesté impériale, notre très grâcieuse souveraine, la bonne opinion qu'elle a conçue non de mon mérite, car en vérité il est bien mince, mais de ma fidélité et de mon zèle pour son service. Cette opinion est votre enfant: il faut, monsieur, que vous vous en chargiez de l'éducation. N'ayant aucun droit de demander, je ne demande rien pour moi. Sa majesté impériale est juste et généreuse; je profiterai de cette dernière qualité, lorsqu'il lui plaira, mais je dois vous répéter mes très humbles prières à l'égard de ma famille qui est obligée de vivre fort étroitement. Ma soeur aura l'honneur de vous expliquer son affaire plus en détail, et vous trouverez, monsieur, qu'elle ne requiert que l'accomplissement d'une grâce que l'impératrice défunte nous a accordée pour les services de notre père et qui a été toujours remise pendant dix ans, peut-être parce que la Providence a voulu que ce fût la fille de Pierre le Grand qui relevât une famille qui a abandonné ses biens et sa patrie pour les services de ce prince incomparable. Quant à deux messieurs les princes Dolgorouki qui sont auprès de moi depuis quelques semaines je ne saurois m'en louer assez. Ils ont réellement des sentiments, dignes de leur naissance. Je me faisois un plaisir à pouvoir leur être utile, mais je m'y appliquerai d'autant plus depuis qu'ils me viennent recommandés de la part de votre excellence. Puisqu'elle s'intéresse pour eux, je prendrai la liberté d'ajouter que leurs appointe-

ments de quatre cents roubles sont très minces pour ce pays-ci; car à peine peuvent-ils s'en habiller proprement, et on ne peut guère songer à leur en donner de maître; encore bien moins de les produire dans les sociétés où on ne peut pas mettre le pied sans jouer; il faudroit même pour cela avoir un équipage qui coûte extrêmement cher. D'ailleurs ces deux messieurs avec un cavalier livonien et deux messieurs Golovin qui m'ont été envoyés depuis, ont augmenté considérablement ma dépense pour la table et les logements, ainsi que j'étois obligé à demander pour mes relations à la cour non seulement d'augmenter les dits appointements de messieurs les princes Dolgorouki, mais les miens aussi qui ont été calculés pour une maison médiocre et réduits à quinze mille roubles dans le dernier règne, somme très modique à Paris, comme votre excellence le sait bien. Je supplie donc votre excellence de vouloir bien appuyer le rapport de messieurs les ministres sur ces deux articles qui me sont fort essentiels, car je crains les dettes plus que la peste, et il n'est guère possible que je n'en contracte si on n'y remédie pas. Mais il est bien temps de cesser à vous ennuyer, car ma lettre est bien longue; cependant je ne puis pas encore la finir sans y ajouter les assurances les plus sincères de mon attachement respectueux avec lequel j'ai l'honneur d'être, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Paris, 1742 le 15/4 de juin.

(Госуд. арх., разр. XI, № 281).

192. — Іюня 24-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ І.-Д. Шумахеру.

Le courrier de m. de la Chétardie m'a remis votre lettre du 13 avril avec le paquet de livres. Je vous suis infiniment obligé de ceux que vous m'avez envoyés pour moi. J'a fait remettre à messieurs les bibliothécaires ceux qui ont été déstinés pour la

bibliothèque de sa majesté. On m'a depuis remis de leur part pour la bibliothèque de sa majesté impériale les volumes suivants de leur catalogue, et messieurs de l'Académie des sciences m'ont pareillement chargé d'envoyer à St.-Pétersbourg les derniers tomes de leurs Mémoires. Je vous les ferai tenir... par la première occassion. En attendant, j'ai l'honneur de vous mander, que j'ai déjà donné cours au paquet qui étoit adressé à m..... Je vous supplie en même temps d'être persuadé que c'est avec un plaisir sensible que je m'acquitte des commissions de l'Académie impériale et que je serai toujours avec toute la considération possible etc.

Le 24 juin 1742.

193.—Іюня 20-го—іюля 1-го. С.-Петербургъ.—Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

Monsieur! La lettre ci-jointe m'a été remise par un homme de mérite dans son métier et qui a été ci-devant un des plus célébres acteurs de l'Europe. Il est connu sous le nom de Lélio et il nous à déjà donné des livres de sa façon qui sont généralement estimés par les connaisseurs du théatre. Il en a un à l'heure qu'il est tout prêt à être publié, intitulé «la Réforme du théatre», qu'il souhaiteroit dédier à l'impératrice, notre auguste maîtresse, et c'est pour cet effet qu'il prend la liberté de lui écrire la lettre ci-jointe. Je supplie votre excellence de la présenter à sa majesté impériale dans quelque moment de loisir et de vouloir bien me faire savoir si sa majesté agrée que cette dédicace s'imprime. Je vous supplie en même temps, monsieur, de faire tenir à sa majesté impériale l'autre lettre aussi ci-jointe que madame de Launay m'a fait prier de faire parvenir à l'impératrice. Cette dame dit avoir eu l'honneur d'être autrefois auprès de sa majesté impériale et auprès de son altesse impériale madame la duchesse de Holstein. Votre excellence voudra bien me pardonner la peine que je lui cause et me fournir les occasions dans lequelles je lui saurois faire voir par des effets avec combien d'estime et de

considération j'ai l'honneur d'être, monsieur, de votre excellence le très-humble et très-obéissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris le 1 juillet—20 juin 1742.

(Госуд. арх., разр. XI, № 281).

194.—Іюля 15-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ І.-Д. Шумахеру.

En conséquence des ordres de l'impératrice, notre auguste souveraine, je célébrai ici le couronnement de sa majesté le 11 de ce mois de la façon que vous verrez par la description ci-jointe. Je vous supplie, monsieur, de vouloir bien la faire traduire et la faire insérer dans les gazettes de Pétersbourg. Vous en obligerez très sensiblement celui qui est etc.

Le 15 juillet 1742.

195.—Августа 1-го—12-го. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

Votre excellence est sans doute informée que j'avois ordre de donner ici une fête à l'occassion du couronnement de l'impératrice, notre très gracieuse souveraine; mais elle ne sait pas peut-être que messieurs les ministres m'ont accordé pour cela seulement 3,500 roubles, avec défense de passer cette somme. J'avois pris en effet toutes mes mesures pour leur obéir, mais malgré les précautions que j'ai pu prendre, le nombre de conviés au bal et la durée de ce bal surpassa de beaucoup mon attente, et par conséquent je fus obligé à cinq heures après minuit d'augmenter les provisions de la collation et des rafraîchissements: ce qui a été cause que ma dépense a excédé la somme accordée de 499 roubles 24 sols, comme votre excellence verra par le mémoire ci-joint. Comme je ne suis guère en état de faire cette augmentation de ma bourse sans me gêner extrêmement, d'autant plus que j'ai dépensé près de 1500 roubles en habits pour moi et pour ma livrée dont je ne fais pas mention, et d'ailleurs cette somme est bien modique pour l'épargner à sa majesté impériale,

j'ai pris la liberté de supplier sa majesté impériale par ma relation d'aujourd'hui qu'elle me fasse rembourser ladite somme. Je me suis aussi adressé pour cela à messieurs le grand-chancelier et le vice-chancelier. Mais quoique je compte beaucoup sur leur amitié, je crains que, comme ministres, ils ne veuillent se tenir au premier ordre qu'ils m'avoient donné sur cette fête. C'est pourquoi j'ai recours à votre excellence, la suppliant très humblement de vouloir bien me faire la grâce de représenter toute mes raisons à sa majesté impériale, et je suis sûr de la réussite, puisque je connais la générosité de sa majesté. D'ailleurs il est peut-être juste qu'on accorde quelque chose de plus aux ministres qui se trouvent à la cour de France, où le luxe est au suprême degré et où la noblesse est sans comparaison plus nombreuse que dans toute autre ville. J'aurai une obligation infinie à votre excellence de l'assistance qu'elle m'accordera dans cette affaire, et je tâcherai de la mériter par mon respectueux attachement, avec lequel j'ai l'honneur d'être etc.

A Paris. Ce 12/1 aout 1742.

(Госуд. архивъ, разр. XI, № 281).

196.—Августа 1-го—12. Парижъ.—Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Сіятельнѣйшій графъ, премилостивый государь мой! Въ сегодняшней моей покорнѣйшей реляціи ваше сіятельство усмотритъ, что ревность моя къ охраненію славы ея императорского величества при торжествѣ коронаціи понудила меня превзойти опредѣленную на то сумму 3500 р., и хотя по высочайшему указу я ни какого права не имѣю на додачу мною издержанныхъ денегъ требовать, однакоже, полагаяся на ея императорскаго величества великодушіе, смѣлость принялъ о той додачѣ просить толь напаче, что сумма 500 р. не весьма важна, и что сверхъ оной еще 1500 издержалъ, о которой не упоминаю. Ваше сіятельство меня искренно обязать изволите, ежели благоволите милостивымъ при ея императорскомъ величествѣ словомъ то

мое нижайшее прошеніе подкрѣпить; въ томъ случаѣ не сумнѣваюсь, что желаемую удачу имѣть буду. О томъ я покорнѣйше прошу ваше сіятельство съ особливымъ высокопочитаніемъ и истиннымъ преданствомъ пребывая вашего сіятельства всепокорной послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа, августа 12/1 дня 1742 году.

1743.

197. — Января 13-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. И. Бецкому.

J'envoie aujourd'hui en cour une supplique en faveur d'un gentilhomme français, nommé Bafin, qui m'a servi depuis quatre ans en qualité de page et qui a beaucoup de talent pour le génie. J'ai adressé cette requête à monsieur le feld-maréchal prince Dolgorouki et je l'ai recommandé à son altesse monseigneur le prince de Hesse-Hombourg, comme au grand-maître d'artillerie, afin que par la protection de son altesse ledit gentilhomme puisse obtenir une place d'officier dans le corps des ingénieurs. Comme parmi tant d'autres affaires plus importantes, son altesse pourroit oublier celle-ci, j'ose vous prier, monsieur, de vouloir bien l'en faire souvenir et appuyer ma demande auprès d'elle. Je vous en aurai une obligation parfaite, et je tâcherai en toutes les occasion de vous en donner des preuves de ma reconnaissance, etc.

Le 13 janvier 1743.

198.—Января 13-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Бернулли.

Je vous suis très obligé des compliments que vous me faites sur la nouvelle année. Je vous souhaite à mon tour tout le contentement imaginable. L'estime que j'ai pour une personne d'un mérite si distingué, monsieur, m'engage à y contribuer tout ce

qui dépend de moi. En conséquence je me suis empressé à recommander à m. de Brevern l'affaire de votre pension aussitôt que j'ai su la disgrâce de m. Schumacher, dont j'ai eu la nouvelle il y a plus de cinq semaines. Il seroit cependant bon que vous écriviez vous-même à m. de Brevern comme au président de l'Académie; il est de plus conseiller privé et chevalier de Saint-Alexandre. Monsieur le prince Czerkasky étant mort, il n'est plus possible d'exécuter à son égard ce que je vous avois fait conseiller autrefois par m. Clairaut. Quand vous voudrez m'envoyer votre lettre pour m. de Brevern, je ne manquerai pas de la lui faire parvenir, et je m'employerai d'ailleurs très volontiers pour tout ce qui vous pourra faire plaisir, étant avec une très parfaite estime, monsieur, etc.

Le 13 janvier 1743.

199. — Января 15-го. Парижъ. — А. К. Нартовъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь мой князь Антіохъ Дмитріевичъ! Напечатанныя въ прошломъ 1742 году при здѣшней академіи книги и эстампы какъ для вашего сіятельства и для королевской библіотеки и академіи наукъ, такъ для гг. Демерана, Реомюра и Монертуи, посланы къ книгопродавцу Петру Госсу въ Гагу для отправленія оныхъ далѣе въ Парижъ, и уповаю, что ваше сіятельство оныя получить уже изволили.

Хотя королевская французская академія наукъ здѣшней Императорской Академіи меморіи свои сообщить обѣщала, только еще и понынѣ не прислала, чего ради здѣшняя Академія Наукъ благосклоннѣйшаго Парижской академіи о семъ напоминанія у вашего сіятельства проситъ. А какъ скоро краткое описаніе кунсткамеры изъ печати выйдетъ, то до вашего сіятельства чрезъ почту безъ умедленія пришлется. Я же впрочемъ со вседолжнѣйшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства Андрей Нартовъ.

Изъ С.-Петербурга, генваря 15-го 1743.

200. — Января 20-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Ф. Г. Штрубе-де-Пирмону.

J'ai reçu ces jours passés par le secrétaire de m. de la Chétardie votre livre accompagné de la lettre qu'il vous a plu m'écrire le 6 novembre. Je suis très-sensible à l'attention que vous m'avez voulu marquer dans cette occasion, et je vous en rends mille grâces, vous priant d'être persuadé, monsieur, que je m'employerai avec bien du plaisir, s'il s'agît de vous rendre service. Si vous souhaitez entrer en commerce de lettres avec les savants de ce pays-ci, vous n'avez qu' à me faire tenir celles pour les faire remettre à leur adresse. Je serois également charmé de seconder vos vues en ce qui regarde votre intention d'être employé auprès de moi. Mais comme la cour m'entretient déjà deux secrétaires, vous sentez bien, monsieur, qu'il seroit indiscret à moi d'en demander un troisième. Au reste je suis avec bien de l'estime, etc.

Le 20 janvier 1743.

201. — Февраля 22-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь, милостивой государь мой князь Антіохъ Дмитріевичъ! Вашей свѣтлости два почтеннѣйшія письма, одно отъ 24-го — 13-го генваря, а другое отъ 7-го генваря (27-го февраля), я имѣлъ удовольствіе получить. Прошу покорно меня извинить, что оныя не прежде какъ нынѣ отвѣтствовать честь имѣю, въ чемъ едино токмо мои суеты причиною суть.

Ваша свѣтлость изволите во оныхъ упоминать о сохраненіи вамъ прежняго посольского жалованья, о позволеніи ѣхать къ минеральнымъ водамъ и о переводѣ вашей свѣтлости денегъ. На оное имѣю честь вашей свѣтлости во отвѣтъ объявить, что еже до сохраненія вашей свѣтлости прежняго посольского жалованья касается, оное изволите точнѣе изъ прежняго моего письма и изъ отправленного рескрипта къ вашей свѣтлости усмотрѣть, коимъ образомъ оное жалованье отъ ея императорскаго вели-

чества вашей свѣтлости и впредь дозволено и продолжительно къ вамъ переводимо быть имѣетъ. А хотя бы случай позвалъ и безъ посольского характеру продолжительно быть, не сумнѣваюся по важнымъ вашимъ заслугамъ за остереженія французскихъ коварствъ и льстей, чтобъ ея императорское величество оное вашей свѣтлости жалованье отмѣнить соизволила. О позволеніи же вашей свѣтлости ѣхать будущей весны къ минеральнымъ водамъ сожалѣю, что нынѣ никакой резолюціи отъ ея императорскаго величества объявить не въ состояніи, понеже донынѣ еще не могъ улучить время по многодѣльствіи объ ономъ ея величеству доложить; однакожь надѣюсь на будущей почтѣ вашей свѣтлости о томъ что-либо донести. Что же напослѣдокъ принадлежитъ до надлежащихъ вашей свѣтлости денегъ за прошлые годы, то уже на нѣкоторое число и векселя къ вамъ отправлены, и объ остальныхъ не премину стараніе имѣть, чтобъ оные, какъ скоро только у насъ въ коллегіи деньги въ пріемѣ будутъ, немедленно и прежде всѣхъ къ вашей свѣтлости переведены были; но истинѣ мы въ такомъ замедленіи никакъ не виноваты; ежели въ коллегію деньги отпустятся, то того жь часу и векселя на нихъ берутся и отправляются; но иногда случается, что отправленіемъ денегъ къ намъ въ коллегію изъ другихъ мѣстъ долго медлятъ.

Впрочемъ прилагаю при семъ сочиненные изъ реляцій вашей свѣтлости экстракты, каковы оное ея императорскому величеству къ доказательству вашихъ ея императорскому величеству и имперіи важныхъ заслугъ и вящихъ меритъ, какъ и реляціи, читаны были. Ваша свѣтлость изволите пространнѣе изъ отправленнаго къ вамъ за собственною ея величества рукою рескрипта усмотрѣть, къ коликому всемилостивѣйшему удовольствію вѣрныя старанія и предостерегательныя отъ французскихъ льстей доношенія ваши ея императорскимъ величествомъ приняты, и коль прилежно оное вашему сіятельству и впредь толь паипаче подтверждается, понеже можно сказать, что ваша свѣтлость таковыми предупредительно сюда данными извѣстіями въ завоеваніи

Финляндіи не малое участіе имѣете. Я особливо радуюся тому и ласкаю себя, что ваша свѣтлость по извѣстной своей вѣрной непремѣнной ревности къ интересу ея императорскаго величества таковымъ же продолженіемъ вашихъ важныхъ службъ мнѣ и впредь мнѣ случай подавать будете къ дальнѣйшему засвидѣтельствованію моей преданности къ вашей свѣтлости, и что я истинно всегда съ особливѣйшимъ высокопочитаніемъ пребываю вашей свѣтлости всепокорно послушный слуга графъ А. Бестужевъ-Рюминъ.

С.-Петербургъ. Февраля 22 1743.

Вашу свѣтлость покорно прошу за противно не принять, что время не допустило какъ своеручно писать, такъ и сіе на бѣло переписать: спѣшилъ, лишь бы могъ должность мою исправить.

202. — Февраля 27-го — марта 10-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову.

Государь мой Андрей Константиновичъ! Изъ почтеннаго вашего государя моего письма отъ 15 генваря я усмотрѣлъ о продолженіи благосклонности Императорской Академіи Наукъ ко мнѣ въ отправленіи книгъ, которые она выдала въ 1742 году. Покорно васъ прошу засвидѣтельствовать ей мое о томъ чувствительное благодарство. Притомъ же и вамъ особливо не меньше обязаннымъ себя признаю и представляю свои услуги въ здѣшнихъ краяхъ. Какъ скоро оныя книги ко мнѣ дойдутъ, не оставлю вамъ государю моему о томъ дать знать и надлежащія академіи здѣшней членамъ вручить. Сколько жъ принадлежитъ до меморій здѣшней академіи, я въ прошломъ году отправилъ къ г. Шумахеру ящикъ, въ которомъ тѣхъ меморій положено было, сколько упомню, шесть или восемь томовъ, да сверхъ того третей и четвертой томъ росписи королевской библіотеки, которой два прежніе за 2 года напередъ посланы. О томъ я г. Шумахеру сообщилъ письмомъ своимъ отъ 24/13 іюня, на которое понеже отвѣтомъ не почтенъ. Я чаялъ, что они исправно дошли; а теперь я уже писалъ въ Копенгагенъ къ человѣку, къ кото-

рому былъ ящикъ адресованъ, чтобъ далъ мнѣ извѣстіе, что съ нимъ учинилось. Васъ же, государя моего о томъ прошу, чтобъ меня увѣдомить, какихъ годовъ меморіи Санктъ-Петербургская Академія отъ здѣшней требуетъ, или цѣлый корпусъ оныхъ отсюду ожидаетъ. По тому извѣстію я не премину объ нихъ секретарю академіи припомнить. Впрочемъ съ особливымъ почтеніемъ пребываю вашъ государя моего покорной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Февраля 27 (марта 10) 1743.

(Архивъ конференціи Имп. Ак. Н.; вход. письма 1740—1743 гг.).

203. — Марта 3-го—14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ барону И. А. Черкасову.

Милостивый государь мой Иванъ Антоновичъ! Хотя я и не памятенъ вашему благородію, однакоже полагаюся на ваше великодушіе и безъ всякихъ моихъ заслугъ смѣлость пріемлю покорнѣйше просить ваше благородіе показать себя благодѣтелемъ мнѣ и братьямъ моимъ въ нуждѣ нашей. Вашему благородію она совершенно извѣстна по челобитной, которую сестра моя рабски подала ея императорскому величеству въ Москвѣ уже тому близъ года, и теперь въ кабинетѣ находится безъ рѣшенія. Дѣло въ ней идетъ о додачѣ намъ деревень въ пополненіе пожалованныхъ намъ въ 1730 году отъ ея императорскаго величества блаженныя памяти Анны Іоанновны, а по письмамъ пріятелей моихъ государыня императрица столь милостиво себя на то наше прошеніе изъяснить изволила, что отъ одного вашего благородія зависитъ доставить намъ непродлительну и всемилостивѣйшую резолюцію. Для того нижайше васъ прошу, чтобъ по той челобитной нашей ея величеству доложить и оную своимъ предстательствомъ подкрѣпить, за что я особливо остануся вамъ вѣчно одолженъ и стану искать случая по крайней своей возможности отслужить. Впрочемъ съ истиннымъ преданствомъ и вы-

сокопочитаніемъ пребываю вашего благородія покорно послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 1743 марта 14/3.

(Госуд. архивъ, разр. XI, № 279).

204. — Апрѣля 21-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ В. К. Тредіаковскому.

Je suis extrêmement sensible à votre souvenir dont vous me donnez des preuves par votre lettre du 14 mars. Vous pouvez être persuadé, monsieur, que je saisirai toujours avec bien de l'empressement les occasions où je vous pourrai être utile à quelque chose. Vous m'avez fait un vrai plaisir en m'adressant votre lettre pour m. de la Chétardie à qui je l'ai fait remettre sur le champ. Je suis avec une très parfaite estime, monsieur, etc.

Le 21 avril 1743.

205. — Мая 5-го — 16-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову.

Государь мой Андрей Константиновичъ! Не зная, кто теперь президентомъ Академіи Наукъ, или кому надзираніе оной препоручено, вамъ государю моему доношу, что чрезъ отъѣхавшаго третьяго дни отсюду господина Паулсона, лифлянца, который сюды прибылъ съ князьями Хованскими, я отправилъ на адресъ Академіи Наукъ два экземпляра книги господина Клеро о фигурѣ земли, да экземпляръ другой книги о поправленіи театровъ. Господинъ Клеро, членъ здѣшней и Лондонской академіи наукъ весьма знатный, радъ бы былъ, ежели бъ книга та могла ему заслужить назначеніе въ члены жъ С.-Петербургской Академіи, какъ то случилось господину Мопертюію, его товарищу. Я совершенно будучи увѣренъ о искуствѣ господина Клеро, самъ о томъ проспилъ бы господина президента, ежели бъ имя его мнѣ было знакомо. Но пока на то отъ васъ, государя моего, изъ ясненія получу (о чемъ покорно прошу), уповаю, что при вручепіи книги Клеровой господину президенту соизволите предста-

вить о вышепомянутомъ его Клеро желаніи, въ чемъ по прежнему обяжете вашего государя моего покорно послушнаго слугу. Князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Мая 16/5 дня 1743 году.

(Архивъ конференціи Имп. Ак. Н.; входящія письма 1740—1743 гг., кн. № 31).

206. — Мая 16/27-го. С.-Петербургъ. — В. К. Тредіаковскій князю А. Д. Кантемиру.

Quoique j'importune votre altesse par celle-ci, toutefois j'ai aimé mieux être importun de la sorte qu'être ingrat à son égard. En verité, monseigneur, j'ai prétendu seulement par ma première de n'être point effacé du souvenir de votre altesse, mais j'étois bien éloigné d'aspirer aucunement à l'honneur de récévoir sa gracieuse lettre, sachant bien qu'elle a beaucoup d'occupations plus sérieuses sans prendre garde à me repondre. Et comme il lui a pourtant plû de s'abaisser jusqu'à moi, j'ose l'assurer de mon côté que je lui suis rédévable sans reserve. Heureux si elle me trouvoit utile à quelque chose pour son service dans ce pays-ci, afin de lui pouvoir démontrer plutôt par des effets, que par les paroles les sentimens les plus empressés et les plus respectueux, avec lesquels je suis et dois être plus que personne, monseigneur, de votre altesse le très-humble, très-obeissant et très-obligé serviteur B. Trediakoffski.

A Saint-Pétersbourg, le 16/27 de may 1743.

P. S. Qu'il plaise à votre altesse à ordonner de remettre ci-jointe au sieur Vitynski, étudiant. J'y ai mis exprès le cachet volant, afin qu'elle puisse voir ce que je lui écris pour le rappeler dans son Ukraïne.

207. — Іюня 27-го — іюля 8-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

Je paraîtrai importuner votre excellence, mais je n'ai pas pu refuser au nonce du pape et à monsieur l'ambassadeur de Portu-

gal de m'intéresser auprès de votre excellence en faveur d'une démoiselle de qualité, nommée Joséphine d'Estupignan, de nation espagnole, fille d'un colonel au service du feu empereur, qui y a perdu la vie. Elle est âgée de 26 à 28 ans, instruite dans l'histoire et la géographie, parlant différentes langues, et souhaite ardemment de trouver un asile dans sa misère dans le service de sa majesté impériale, notre très-grâcieuse souveraine, sous tel titre qu'il plairoit à sa majesté. Elle m'écrit elle-même une lettre que je joins, par laquelle elle s'offre même à divertir sa majesté par la musique, dans laquelle elle est habile. Je serai sensiblement obligé à votre excellence de vouloir bien accorder votre protection à cette pauvre dame et d'en intercéder auprès de sa majesté impériale, afin qu'elle puisse obtenir ce qu'elle souhaite et particulièrement quelque petite gratification pour lui faire faire le voyage de Russie. J'attendrai avec impatience l'honneur de votre réponse pour lui en faire une et pour satisfaire les deux ambassadeurs qui s'intéressent vivement pour elle. Au reste j'ai l'honneur d'être avec toute l'estime et toute la considération possible etc.

A Paris. Ce 8 juillet (27 juin) 1743.

Госуд. арх., разд. XI, № 281.

208. — Іюля 3-го — 14-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ И. И. Бецкому.

J'ai eu l'honneur de recevoir votre lettre du 20/9 avril, pendant mon séjour à Plombières où j'étois allé prendre les eaux. Je suis infiniment sensible à l'attention que vous me marquez vouloir donner à ma recommandation en faveur de m. Bafin. Je crois que ce jeune homme est actuellement arrivé à Saint-Pétersbourg où il sera en état de profiter de vos offres obligeantes. Je me flatte qu'il tâchera de mériter la continuation de votre bienveillance qui lui sera d'autant plus nécessaire qu'il ne connaît personne dans le pays. Je vous aurai, monsieur, en mon particulier, une obligation parfaite de bontés dont il vous plaira l'honorer, et

je saisirai avec empressement les occasions où je vous saurois donner des preuves effectives de ma reconnaissance et de l'attachement avec lequel j'ai l'honneur etc.

Le 14/3 juillet 1743.

209. — Іюля 21-го — августа 1-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Алексѣй Петровичъ! Послѣдними письмами отъ пріятеля я увѣдомленъ, что нѣкое намѣреніе имѣется о скоромъ моемъ отсюда отзывѣ, и хотя я тому не довѣряю въ той надеждѣ, что ваше сіятельство, по своей ко мнѣ отмѣнной милости, не оставили бы меня о томъ предопредительно извѣстнымъ, однакожь въ запасъ нижайше и прилежно прошу ваше сіятельство при удобномъ случаѣ ея императорскому величеству рабскимъ моимъ именемъ представить: 1) что я совершенно завишу отъ высочайшей ея воли и по оной поступать вездѣ и всегда имѣю, хотя бы и съ бѣдствомъ живота моего; 2) что потому какъ здѣсь въ службѣ ея императорскаго величества охотнѣе бы я желалъ долѣе пробыть для того, что двунадесятилѣтній искусъ учинилъ меня можетъ быть способнѣйшимъ въ нынѣшней моей должности, такъ и въ отечество возвратиться къ другому чему по своей дожности готовъ; 3) но болѣзнь моя меня въ такое состояніе привела, что ежели не дано будетъ мнѣ время хотя бъ отчасти исправиться, то подлинно я живъ въ С.-Петербургъ не доѣду, и ея императорское величество лишится вѣрнаго и ревностнаго раба. Малая поѣздка въ Версаль стоитъ мнѣ всегда на два или три дни многихъ болей во всемъ тѣлѣ, а наипаче въ почкахъ, въ которыхъ буде не камушки, то крупной песокъ таятся и меня мучатъ безпрестанно. Воды морскія мнѣ весьма мало пользовали, и для того теперь принужденъ еще начать жить однимъ молокомъ до весны; а тогда докторы совѣтуютъ ѣхать въ Эсь-ла-Шапель къ водамъ же, обѣщавая мнѣ отъ нихъ гораздо лучшую удачу, чѣмъ отъ пломбіерскихъ. На то я намѣренъ былъ просить всемилостивѣйшаго

позволенія, вѣдая матернее ея императорскаго величества къ своимъ подданнымъ соболѣзнованіе. Въ той же надеждѣ, ежели впрямь мой отзывъ намѣренъ, нижайше прошу, чтобъ до возврату моего отъ оныхъ водъ меня здѣсь оставить, наипаче ежели мои поступки въ чемъ-либо, кромѣ моего знанія, ея императорскому величеству непріятными не учинились. Зимнее время мнѣ всего тяжчае, такъ что буде бъ я принужденъ былъ въ дальнюю дорогу вступить такою порою, то смерть мнѣ неизбѣжна. Вашего сіятельства милость столь уже при многихъ случаяхъ ко мнѣ оказалась, что я крѣпко полагаюсь на вашу защиту въ семъ намѣреніи, въ которомъ о животѣ моемъ дѣло идетъ. Но буде просьбы мои о моей дестинаціи ничего отмѣнить не могутъ, то покорнѣйше прошу, чтобъ заранѣе меня о томъ милостиво увѣдомить, чтобъ я могъ исправить свои домашнія нужды, оплатить долги свои (благовременнымъ переводомъ надлежащихъ ко мнѣ денегъ по моимъ въ коллегію давно посланнымъ росписямъ) и отпустить домъ свой, за который долженъ я 6 мѣсяцовъ платить по объявленіи отпуска. Особливо же прошу, чтобъ хотя въ двухъ строкахъ меня отвѣтомъ на сіе мое почтить какъ можно скорѣе, чтобъ меня вывести изъ неизвѣстности о своемъ состояніи, которая всего мнѣ тяжчае какъ для домовыхъ моихъ нуждъ, такъ и для предохраненія моего здоровья. За все то я вѣчно останусь одолженъ вашему сіятельству, пребывая съ истиннымъ преданствомъ и высокопочитаніемъ вашего сіятельства всепокорной послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 1743 августа 1 (іюля 21).

210. — Августа 13-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь мой князь Антіохъ Дмитріевичъ! Я имѣлъ удовольствіе и послѣднія оба вашей свѣтлости почтеннѣйшія письма исправно получить, изъ которыхъ самое послѣднее есть отъ 1 августа (21 іюля). За продолжающимися моими суетами лишаюсь на сіе время моего желанія вашей

свѣтлости на оныя пространно отвѣтствовать и точію сіе по поводу оного самого послѣдняго здѣсь упомянуть имѣю, что о скоромъ будто сюда отзывѣ вашемъ я и понынѣ ни отъ кого ни малѣйшего не слыхалъ, но ваша свѣтлость помянутымъ своимъ письмомъ впервые мнѣ причину подали о томъ сегодня ея императорскому величеству въ пользу вашей свѣтлости и по симъ письма вашего говорить. Ея величество сама изволила тому только удивляться со всемилостивѣйшимъ притомъ обнадеживаніемъ, что оное ея величеству никогда и въ умъ не приходило и оного учинить не намѣрена. Я могу увѣрить вашу свѣтлость, что о томъ ни отъ единаго изъ друзей въ разговорахъ ничего никогда не примѣтилъ, и Михаила Ларіоновичъ Воронцовъ даже до сего вашей свѣтлости письма столько же мало, какъ я, о томъ помышлять могъ, и надѣюся, что онъ то и въ письмѣ своемъ (которое при семъ послать честь имѣю) вамъ самъ засвидѣтельствовалъ.

Присланное подъ коллежскимъ конвертомъ отъ вашей свѣтлости письмо къ его превосходительству Алексѣю Григорьевичу Разумовскому я еще случая не имѣлъ ему вручить; но уповаю, что когда завтрѣ самъ при дворѣ буду, то оное собственноручно отдать могу, а впрочемъ при всѣхъ случаяхъ всегда готовъ и не премину паисуществительнѣйше доказывать, съ коль нелицемѣрнымъ сердцемъ и правдивою преданностію есмь вашей свѣтлости всепослушный слуга графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Санктъ-Петербурха. Августа 13-го дня 1743.

211. — Августа 8-го — сентября 28. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову.

Государь мой Андрей Константиновичъ! Въ письмѣ вашего благородія отъ 15 генваря вы изволили мнѣ дать знать о отправленіи нѣкихъ книгъ для меня и для здѣшнихъ академиковъ. Понеже мнѣ не извѣстно, кому оная связка адрессована, не знаю, гдѣ ихъ отыскать. Для того покорно прошу меня увѣдомить, къ кому они посланы въ Голандію или инде. Между тѣми, которые

я прежде сего изъ Академіи получилъ, недостаютъ нѣкоторые листы, какъ изъ приложенной цыдулки явствуетъ. Покорно прошу тѣ листы при первомъ случаѣ ко мнѣ переслать, чтобъ тѣ книги дополнить.

Коментаріевъ академскихъ я имѣю восемь первыхъ волюмовъ, потому ежели девятый, десятый и слѣдующіе изъ печати уже вышли, прошу оные мнѣ прислать на большой александрійской бумагѣ безъ переплету и приказать, чтобъ осторожно были собраны, дабы въ нихъ не случился какой недостатокъ, также пожаловать прислать на большой же бумагѣ Эйлерову «Механику», которую изъ Академіи никогда не получалъ.

Всѣ тѣ книги, и ежели другая какая посылка имѣется, изволите отдать французскому купцу, называемому Наварру, отъ котораго французской корабль прямо сюды отправляется. За все то я особливо вамъ буду обязанъ къ взаимнымъ услугамъ, пребывая неотмѣнно вашъ, государя моего, и пр.

Изъ Парижа. Сентября 8 (августа 28) дня 1743 году.

(Арх. конференціи Имп. Академіи Наукъ; входящ. письма 1740—1743 гг.).

212. — Сентября 4-го — 15-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Сіятельнѣйшій графъ, премилостивый государь мой! Ваше сіятельство напчувствительнѣйше изволили меня обязать милостивымъ своимъ письмомъ отъ 13 августа, которое въ сей часъ получаю, успокоивъ тѣмъ мою тревогу по пронесшемуся слуху о моемъ скоромъ отсюду отзывѣ, который не знаю откуду и къ министрамъ здѣшнимъ дошолъ было. Я изъ того признаваю особливую вашего сіятельства ко мнѣ милость, которую заслужить всемѣрно стараться стану. Мое здоровье подлинно столь плохое, что дальняя поѣздка была бы мнѣ пагубна. Впрочемъ смѣлость пріемлю при семъ еще приложить второе мое всеподданнѣйшее доношеніе къ ея императорскому величеству, касающееся препорученной мнѣ отъ ея величества комиссіи о ово-

щахъ, изъ которой одинъ ящикъ я уже третьяго дни отправилъ по тележной почтѣ, а прочіе слѣдовать будутъ.

И за симъ, покорно прося о продолженіи вашей милости, съ крайнемъ почтеніемъ и истиннымъ преданствомъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Сентября 15/4 дня 1743 году.

213. — Ноября 18-го. С.-Петербургъ. — А. К. Нартовъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь, милостивой государь мой князь Антіохъ Дмитріевичъ! Вашего сіятельства почтеннѣйшее писаніе отъ 3-го числа сего мѣсяца исправно получить честь имѣлъ. По содержанію онаго и во исполненіе желанія вашего сіятельства каталоги академическимъ книгамъ при семъ прилагаю, и ежели вашему сіятельству что изъ спхъ каталоговъ поправится, о томъ прошу особливою нотиціею мнѣ объявить съ благосклоннымъ показаніемъ, черезъ кого и съ какимъ способомъ при нынѣшнемъ зимнемъ пути ваше сіятельство книги и прочее къ себѣ прислать и у кого здѣсь за оныя деньги принять приказать изволите, понеже указами правительствующаго сената подтверждено, дабы Академіи ничего и никуда безъ денегъ не отпускать. И угодно ли вашему сіятельству будетъ, чтобъ книги зимою послать, или ко вскрытію воды будущаго года весною съ первымъ кораблемъ къ себѣ отправить прикажете. По приказу вашего сіятельства недостающіе къ центуріямъ листы пріискиваютъ, а пріискавъ какъ оныя, такъ и двѣ вашего сіятельства переводу книги «О множествѣ міровъ», съ прочими къ вашему сіятельству отправить не премину. Присланная изъ Франціи книга блаженныя памяти родителя вашего сіятельства, содержащая въ себѣ описаніе Оттоманской имперіи на французскомъ языкѣ, чрезъ здѣшняго профессора Делиля въ Академіи Наукъ получена, за которую вашему сіятельству при посылкѣ книгъ коментаріями здѣшняго академическаго изданія услужить потщуся, пребывая со

вседолжномъ почтеніемъ вашего сіятельства всепокорный слуга Андрей Нартовъ.

Изъ С.-Петербурга. Ноября 18 1743.

214. — Ноября 19-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ князю А. Д. Кантемиру.

Сіятельнѣйшій князь милостивый государь мой князь Антіохъ Дмитріевичъ! Изъ благосклоннѣйшаго вашего отъ 13/24 прошедшаго усмотрѣть имѣлъ честь желаніе вашей свѣтлости о скорой присылкѣ вамъ денегъ по вашимъ росписямъ, упоминая, что нужды вамъ изъ дня въ день прибавляются, и уже лишаетесь всякого кредита у банкира, къ тому дѣло приходитъ, что не знаете чѣмъ и питаться. О чемъ сердечно соболѣзновавъ, яко вѣрный вашъ слуга, токмо тѣмъ себя утѣшаю, что ваша свѣтлость не противъ ихъ сіятельствъ полномочныхъ и чрезвычайныхъ пословъ, покойныхъ князя Куракина, князя Долгорукова и нынѣ графа Головкина по десяти тысячь рублевъ и ниже по сложенію посольскаго характера по шести тысячь, но по пятнадцати тысячь рублевъ получать продолжаете, а инако ежели по нынѣшнему вашему характеру (какъ то при всѣхъ дворѣхъ обыкновенно есть министрамъ втораго ордена жалованье съ умаленіемъ дается, равнымъ образомъ и въ бытность здѣсь маркиза Шетардія отъ двора его поступлено съ нимъ было) по девяти тысячь рублевъ меньше бы получали, можетъ быть, чтобъ вы и болѣе нужду претерпѣли, и толь паче ежели бы по представленію иностранныхъ дѣлъ коллегіи ея императорское величество всѣхъ при иностранныхъ дворѣхъ министровъ оного всевысочайшею милостію удостоить не соизволила, чтобъ у оныхъ не вычитывать, какъ для прошедшей шведской войны у генералитета и министровъ здѣсь за нынѣшней годъ пятая часть жалованья вычтена и тако надлежало было у вашей свѣтлости за нынѣшней годъ вычесть три тысячи рублевъ. А что ваша свѣтлость изволитъ скучать и сѣтовать, что не вдругъ къ вамъ деньги переводятся, и требуетъ, чтобъ по меньшей мѣрѣ десять тысячь руб-

левъ вдругъ къ вамъ было переведено, и достальныя за тѣмъ слѣдовали, чтобъ не прійти тамо въ крайнюю остуду и отъ того въ отчаяніе,—о невозможности точнаго исполненія онаго вашего требованія я сердечно сожалѣю, ибо первая тому причина, что не всегда въ коллегіи вдругъ деньги бываютъ, а вторая тому причина, хотя бы въ коллегіи иногда вдругъ довольное число денегъ (какъ то рѣдко случается) и было, то вексельной курсъ препятствуетъ, а именно всѣмъ иностраннымъ министрамъ за рубль доплачивается по пятидесяти штиверовъ голандскихъ, а когда вексельной здѣсь курсъ (какъ то и часто здѣсь бываетъ) состоитъ по сороку по четыре штиверовъ за рубль, то императорская казна у одного вашего жалованья, считая по двѣнадцати процентовъ, съ двѣ тысячи рублевъ убытку претерпитъ. Ежели же вашей свѣтлости да угодно, чтобъ жалованье къ вамъ присылать такъ, какъ курсъ состоитъ, не доплачивая за рубль по пятидесяти штиверовъ, то коллегія, сохраня всевысочайшій интересъ, въ угодность вамъ то учинить, что прежде всѣхъ другихъ нашихъ при иностранныхъ дворѣхъ министровъ деньги къ вамъ переводить будетъ. А что изволите упоминать, что банкиръ вашъ докукою почасту въ стыдъ васъ приводитъ, и предвидите, что самимъ ея императорскаго величества дѣламъ безъ сумнѣнія остановка приключится, что если бы крайняя нужда потребовала куріера отправить, вы того учинить не въ состояніи,—я о томъ весьма соболѣзную, что ваша свѣтлость противъ прочихъ при иностранныхъ дворѣхъ министровъ нашихъ въ кредитѣ вашемъ неудачливы, ибо еще никто изъ нихъ не жаловался, чтобъ нечѣмъ было курьера отправить; да я и самъ, будучи съ двѣнадцать лѣтъ резидентомъ и получая токмо по три тысячи рублевъ на годъ, всегда толико кредита имѣлъ, чтобъ курьера отправить.

По семъ, ко исполненію вашей свѣтлости всякихъ благоугодностей къ повелѣніямъ вашимъ себя предавъ, съ особливымъ высокопочитаніемъ пребываю вашей свѣтлости всепокорно-послушный слуга графъ А. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Санктъ-Петербурха. Ноября 19 дня 1743 году.

215. — Декабря 1-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Не имѣя ничего новаго донесть ни о дѣлахъ ея императорскаго величества, ни о здѣшнихъ, сегодня не посылаю ни реляціи, ни листа вѣдомостей; но при семъ смѣлость принялъ приложить письмо къ его превосходительству Михаилу Ларіоновичу Воронцову, которое покорно прошу приказать вѣрно и безъ отлагательства ему вручить, понеже въ немъ включенъ счетъ послѣдней препорученной мнѣ отъ ея императорскаго величества коммиссіи,—васъ же покорнѣйше прошу, чтобъ неотлагательный платежъ того счета мнѣ исходатайствовать, какъ я чаю, изъ кабинета, понеже ея императорское величество изволила всемилостивѣйше мнѣ приказать къ себѣ самой тотъ счетъ прислать. Можетъ быть, что въ томъ буду счастливѣе, чѣмъ въ оплатѣ моихъ чрезвычайныхъ расходовъ и за наемъ двора, о которыхъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ милостивѣйшей резолюціи черезъ четыре года испросить еще не могъ, и отчего претерпѣваю крайнюю нужду. Для того уповаю, что ваше сіятельство и о томъ изволитъ милостиво припомнить, за что̀ останусь вашему сіятельству по премногу (благодаренъ), съ крайнимъ почтеніемъ пребывая, и пр.

Le 1 dec.

216. — Декабрь. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ священнику В. Кассано.

Mon révérend père! Ma maladie m'a empêché de répondre à vos deux dernières lettres. Je m'en acquitte à l'heure qu'il est, en vous remerciant des peines que vous vous êtes données pour l'achat des livres dont je vous avois prié. J'ai examiné le cataloque des auteurs anglais que vous m'avez envoyé; comme je n'y ai trouvé de bon que les livres mathématiques et que j'ai déjà ces derniers, je me réserve à vous faire tenir une autre liste de livres anglais que je voudrois avoir quand je serai rétabli. En attendant, je dois remarquer que la septième et huitième partie

du «Système de la philosophie nouvelle» par Rowning a déjà paru; vous pourrez en avoir des nouvelles au café de Sloughler (?) in St. Martins Lane et vous me ferez plaisir d'acheter ces deux parties et de me les faire expédier. Je vous prie d'être persuadé que je profiterai de toutes les occasions où je vous pourrai être utile à quelque chose, afin de vous convaincre de plus en plus que je suis sincèrement, etc.

217. — Декабря 26-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Разумовскому.

Премилостивый государь Алексѣй Григорьевичъ! Приближаяся новой годъ, должность моя требуетъ, какъ въ самомъ дѣлѣ то исполняю, желая вашему превосходительству въ теченіи онаго и многихъ слѣдующихъ совершеннаго здравія и всякого пожелаемого благополучія къ особливой моей радости. При томъ же покорнѣйше прошу о продолженіи вашей ко мнѣ милости, которую заслужить непремѣнно стараться стану, совершенно помня тѣ благодѣянія, которыми ваше превосходительство до сихъ поръ меня обязали. На ту жь вашего превосходительства милость полагаюсь, что по прибытіи въ Москву изволите милостиво припомнить такъ о моихъ партикулярныхъ, какъ и сестры моей покорныхъ прошеніяхъ, и при наступающихъ торжествахъ своимъ благосклоннѣйшимъ заступленіемъ исходатайствовать всемилостивѣйшую ея императорскаго величества резолюцію, за что я вѣчно и чувствительно вашему превосходительству буду обязанъ, пребывая съ истиннымъ высокопочтеніемъ и пр.

Le 26 décembre 1743.

218. — Декабря 26-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Плохое состояніе моего здоровья не позволяетъ мнѣ исполнить мою должность пространнѣйшихъ покорнымъ отвѣтомъ на почтеннѣйшее вашего сіятельства письмо отъ 19-го ноября. Но не могу преминуть принести вашему сіятельству нижайшее свое благодареніе за переведенную малую сумму денегъ при вы-

сочайшемъ публичномъ рескриптѣ отъ 15-го ноября (который я вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ имѣлъ честь получить исправно), паипаче жъ за содержимыя въ опомъ почтеннѣйшемъ письмѣ благосклоннѣйшія обнадеживанія о продолжающейся ко мнѣ вашего сіятельства милости и готовности вашей во всемъ возможномъ обязывать. На тѣ милостивыя обнадеживанія полагаясь, надѣюсь, что напослѣдокъ ваше сіятельство изволитъ принять въ милостивое разсужденіе нужды, въ которыхъ отъ недостатку денегъ нахожусь. Оной недостатокъ по тѣхъ поръ продолжаться будетъ, пока не будутъ мнѣ оплачены четырехъ лѣтъ чрезвычайные расходы, о которыхъ, а не моемъ жалованіи, докучаю. Ваше сіятельство изволитъ милостиво признать, что такая важная сумма меня неотмѣнно должна принудить въ долги важные, на оплату которыхъ тотчасъ употребляю всѣ полученные векселя, и слѣдовательно, всегда нахожусь въ безденежномъ состояніи. Покорнѣйше прошу ваше сіятельство позволить мнѣ примѣчать, что неосновательно вамъ донесено о убавкѣ Шетардіева жалованья, когда онъ характеръ посольской сложилъ, и о даваемомъ здѣсь жалованіи графу Александру Гавриловичу Головкину, понеже что его сіятельство никогда меньше 36 т. рублевъ въ годъ, здѣсь будучи, не получалъ, и такъ его сіятельства, какъ князя Долгорукого и Куракина, состояніе предъ моимъ весьма отмѣнно, понеже они всѣ были собою богаты, и слѣдовательно, своимъ недостатокъ жалованья дополняли. Потому жь и кредитъ свой лучше при банкіерахъ утвердить могли, имѣя кредитивы изъ своихъ домовъ. Я не сумнѣваюсь, что въ томъ самомъ разсужденіи блаженныя памяти государыня императрица Анна Ивановна, въ Лондонъ меня отправляя, особливымъ жалованьемъ почтить изволила, понеже я тамъ не меньше 10 т. рублевъ получалъ, включая выдаваемые мнѣ отъ аглицкаго . . . . 2000 р., и при опредѣленіи меня здѣсь въ послы не только изволила мнѣ удержать по 15 т. рублевъ, но сверхъ того указала за наемъ двора моего платить и повелѣла было на ея величества счетъ сдѣлать себѣ серебряную посуду (о которой впредь нижайше

проспть стану). Подлинно заслуги мои такой отмѣны не заслуживали, ино ея величество разсуждала о моихъ недостаткахъ и о своей славѣ. Безъ сумнѣнія, что для тѣхъ же причинъ, когда при сложеніи посольскаго характера мое жалованіе было сбавлено, ваше сіятельство благосклонно изволили употребить свое милостивое заступленіе, и воспослѣдовала ея императорскаго величества милостивѣйшая резолюція, которую милость я гораздо помню и знаю, сколько тѣмъ одолженъ. Потому я уповаю, что ваше сіятельство не соизволитъ мнѣ присовѣтовать, чтобъ въ переводѣ денегъ я потерялъ по 12 процентовъ, тотъ уронъ будучи гораздо сноснѣе казнѣ ея императорскаго величества и сходнѣе съ ея всезнатнымъ великодушіемъ. Но предъизберу впредь вашему сіятельству не столько являться докучнымъ въ той благонадежности, что ваше сіятельство, когда вамъ будетъ возможно, и безъ просьбы моей милость свою мнѣ оказать не упуститъ.

Впрочемъ, нималѣйшаго чего отъ здѣшнихъ дѣлъ къ всенижайшему доношенію не имѣя, обыкновеннаго листа не посылаю, довольствуяся при семъ всепокорнѣйше приложити титлы другихъ 5 королевскихъ указовъ, которые вчерась въ . . .

И затѣмъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю и пр.

Le 26 decembre 1743.

219. — Декабря 27-го. С.-Петербургъ. — Графъ А. Н. Бестужевъ-Рюминъ князю А. Д. Кантемиру.

Свѣтлѣйшій князь государь мой милостивой князь Антіохъ Дмитріевичъ! Вашей свѣтлости благосклонное писаніе отъ 1-го 12-го сего текущаго декабря мѣсяца я исправно получилъ. Отъ сердца сожалѣю, что здоровье вашей свѣтлости не весьма лутчее есть, и яко за благоволимое вашей свѣтлости мнѣ пожеланіе къ настоящимъ торжествамъ вамъ весьма обязанъ, тако и съ моей стороны вашей свѣтлости, сверхъ всѣхъ благъ, особливо искренне желаю, дабы съ симъ возобновленіемъ лѣта и ваше здравіе всесовершенно возобновилось, яко я въ ономъ, такъ и во

всемъ томъ, еже до васъ касается, истинное участіе пріемлю. На такомъ основаніи ваша свѣтлость можете удостовѣрены быть, что я себѣ всякимъ удовольствіемъ поставлять буду въ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ ея свѣтлость сестрица ваша мнѣ говорила, елико возможныя мои услуги вашей свѣтлости оказывать. А между тѣмъ по всѣмъ обстоятельствамъ уповательно, что отъѣздъ ея императорскаго величества въ Москву еще на мѣсяцъ и болѣе продлиться можетъ, но сіе не мѣшаетъ мнѣ пользоваться всѣми удобноказующимися случаями для показанія рачительнаго моего тщанія ко угожденію вашей свѣтлости. Что же касается до пересылки денегъ, то извольте ваша свѣтлость обнадежены быть, что безъ замедленія къ вашей свѣтлости переводятся, какъ скоро оныя въ коллегію иностранныхъ дѣлъ изъ статсъ-конторы присылаемы бываютъ. По семъ пребываю съ особливымъ почтеніемъ вашей свѣтлости всепокорный слуга графъ А. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ С.-Петербурха. Декабря 27 дня 1743.

220. — Декабря 29-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю П. Ю. Трубецкому.

Хотя ваше сіятельство ничего мнѣ не должны, однакожь по своей древней любви благосклонно извиняетесь, когда меня чрезъ долгое время забываете; а со всѣмъ тѣмъ то случается чаще, чѣмъ бы я желать могъ. Уже около двухъ мѣсяцевъ я пріятнымъ вашимъ письмомъ не почтенъ, однакожь не чаю, чтобъ то возбраняло мнѣ исполнить мою должность при наступленіи новаго году. Ваше сіятельство сумнѣваться не можетъ, что я по вся дни и всечастно желаю вамъ и вашимъ долголѣтняго здравія и всякого благополучія, о которомъ моемъ желаніи при началѣ года ваше сіятельство усердно удостовѣряю и покорно прошу продолжать мнѣ вашу драгоцѣнную дружбу и мною вездѣ и во всемъ смѣло къ услугамъ вашимъ распоряжать, твердо поставляя, что каковъ былъ, таковъ вѣчно буду, и пр.

1744.

221. Января 12-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу Лестоку.

Profiitant de la gracieuse permission que votre excellence m'a donnée, je recours à elle dans mes nouveaux besoins. Il s'agit de la conservation de ma vie. La longue maladie m'a mis dans un péril évident de la perdre, et mes forces diminuent journellement. Depuis quatre ans j'ai consulté tous les médecins de Paris, et j'ai employé les remèdes qu'ils m'avoient ordonnés sans succès. A la fin en ayant assemblé dernièrement les cinq meilleurs de cette ville, ils sont convenus qu'ils ne sauroient me promettre aucun secours de leur art, et ils m'ont conseillé pour dernière réserve beaucoup de régime et voyages pour me dissiper. Dans cette extrémité j'ai pris la liberté d'envoyer à sa majesté impériale mon très-humble mémoire (dont copie ci-jointe), en la suppliant de me permettre très-gracieusement de m'absenter de cette cour au commencement du printemps pendant six semaines, et de me faire un tour en Angleterre tant à cause des eaux minérales qui s'y trouvent que de l'habileté des médecins de Londres. Je préférerois cependant le voyage d'Italie, puisque l'air y est meilleur et qu'à Naples on trouve toute sorte de secours de la nature; mais comme pour ce voyage il me faudroit au moins quatre mois et somme plus considérable, je n'ai pas osé le demander à sa majesté impériale. Votre excellence verra tout ceci plus au long par la copie ci-jointe, et à laquelle je me rapporte en suppliant votre excellence d'appuyer auprès de sa majesté impériale mon très-humble mémoire et de me procurer la très gracieuse résolution de sa majesté. Ce sera une nouvelle obligation que j'aurai à votre excellence, et qui m'obligera à une reconnaissance eternelle. J'ai l'honneur, etc.

Le 12 janvier 1744.

222. — Января 5-го — 16-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ графу А. П. Бестужеву-Рюмину.

Сіятельнѣйшій графъ премилостивый государь мой! Полагаясь на вашего сіятельства вызнанную высокую милость, спмъ вторичнымъ моимъ письмомъ смѣлость пріемлю покорнѣйше докучать, чтобъ нижайше вашему сіятельству донесть, что я сегодня отважился отправить къ ея императорскому величеству второе мое рабское прошеніе, которымъ уже всеподданнѣйше именно прошу позволеніе объ отъѣздѣ въ Италію. Къ тому меня побудили послѣдовавшія послѣ первой челобитной разсужденія всѣхъ здѣшнихъ докторовъ, которые мнѣ доказали, что поѣздка въ Лондонъ не только никакой пользы мнѣ принести не можетъ, но напротиву за густымъ и худымъ тамошнимъ воздухомъ (въ которомъ я семь лѣтъ глазами болѣлъ) и остатки моего дряхлаго здоровья могутъ совсѣмъ испортиться и къ прочимъ болѣзнямъ присовокупить чахотку, которая тамъ весьма обыкновенна. Для того нижайше и сколь могу прилежнѣе ваше сіятельство прошу, чтобъ буде когда намѣрены были чувствительно мнѣ оказать свою милость, то оное учинить при нынѣшнемъ случаѣ, который мнѣ столь важенъ, сколь важно человѣку сохраненіе живота своего, и приложить свое великодушное заступленіе при ея императорскомъ величествѣ, чтобы изъ обыкновеннаго своего милосердія и соболѣзнованія соизволила мнѣ пожаловать позволеніе на ту поѣздку въ Италію, отъ которой ожидаю подлинно возстановленія своего здоровья, и чтобъ притомъ ея императорское величество по своему великодушію соизволила подать мнѣ способъ пользоваться тою высочайшею императорскою милостью, присовокупляя денежную сумму, какова ея императорскому величеству будетъ угодна, понеже я истинно въ двѣнадцать лѣтъ министерства ни одной копѣйки еще накопити не могъ, и долги чуть ли не превосходятъ мое имѣніе. За такое вашего сіятельства чувствительное благодѣяніе я вѣчно буду вамъ одолженъ, а сколько силы дозволятъ, отслужить стараться стану. Напослѣдокъ я и о томъ покорнѣйше прошу, чтобъ ея императорскаго вели-

чества всемилостивѣйшій указъ исходатайствовать прежде конца наступающаго марта, понеже начало весны къ вступленію въ такую дорогу мнѣ бы было гораздо полезнѣе. И затѣмъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорной послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря $^{16}/_{5}$-го дня 1744 году.

223. — Января 19-го. Лондонъ. — В. Кассано Князю А. Д. Кантемиру.

Most noble and illustrious prince! I have received your highness's obliging letter of the 6-th of january and have the honour to acquaint your highness: 1-st, that the «History of America», containing six volumes in-8°, is translated from the spanish of Herrera; 2-d, that the «History of Asia and of the East Indies», being part of Salmons works containing 32 volumes in-octavo, cannot be had in separate sheets, unless by chance some broken sheets may be met with in public sales which I am making inquiry after. But I am informed, that there is at this time a new edition of that work printing with additions in numbers; 3-dly, that Butlers «Hudibras» and Rochester's works in-octavo are very scarce and hard to be found, but are to be had in-duodecimos, and the price is for both 5 sh. and 3 p.; 4-thly, that the price of the two volumes in sheets of «Jerusalem Liberata» is two guineas. But I beg your highness will let me know whether I may advance more than a guinea, should I find it at a sale, for I am informed I cann't have it at so low a price, and likewise if I should purchase Butlers «Hudibras» and Rochesters works in-duodecimos, if I cannot meet with them in-octavo. There is now to be sold the famous Harleian Library, the catalogues only of which contains four volumes and are sold for 5 sh. each. The seventh volume of the «Universal History» will not be published before next month, by which time I beg your highness will let me know your pleasure here-upon and what other commands your higness has, that I may accomplish them. My constant prayers

and good wishes allway attend your higness, and I remain, most noble and illustrious prince, your highness's most humble and most obliged servant Bartholomew Cassano.

London. The 19 january 1744.

224. — Января 22-го — февраля 2-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю Н. Ю. Трубецкому.

Третьяго дня я съ особливою своею радостію вновь увѣрился въ продолженіи вашего сіятельства ко мнѣ истинной дружеской милости благосклоннымъ вашимъ письмомъ отъ 29-го декабря. За то, сколь могу, покорнѣйше и прилежнѣйше вамъ благодарствую, ожидая и впредь столь же пріятныя вѣсти. Мои къ вашему сіятельству склонности, вамъ давно уже знакомыя, вѣчно не отмѣнятся, о чемъ однажды за все прошу ваше сіятельство быть удостовѣреннымъ. Причина, за которою чужою рукою пишу, есть плачевное состояніе моего здоровья, которое съ трудомъ и сказывать сіе письмо мнѣ позволяетъ. Уже близъ двухъ мѣсяцовъ въ ночи мучитъ меня жаръ, кашель и потъ, а днемъ рѣзь въ желудкѣ и въ кишкахъ, какъ скоро кусокъ другой къ пропитанію проглочу. Всѣ здѣшніе докторы разными способами попытались мнѣ способить, но всѣ больше еще повредили. Потому напослѣдокъ приговорили, что спасеніе мое зависитъ отъ приличной діэты и отъ какой-либо пріятной поѣздки для перемѣны воздуха. Для того я дней съ десять тому назадъ отправилъ къ ея императорскому величеству всеподданнѣйшее прошеніе, чтобъ всемилостивѣйше позволила мнѣ съѣздить въ Италію мѣсяца на четыре, понеже тамошній воздухъ одинъ можетъ мнѣ возставить здоровіе, не упоминая разные способы, которые въ Неаполѣ натура представляетъ, также и движеніе дороги, и воздержаніе отъ дѣлъ. То мое рабское прошеніе такимъ образомъ составлено, что гораздо бы мнѣ удивительно, еслибъ не побудило къ соболѣзнованію милосердое сердце ея императорскаго величества, отъ которой, сверхъ помянутого позволенія, еще всенижайше прошу какую денежную подмогу на ту поѣздку, понеже я

въ двѣнадцать лѣтъ ни одной копѣйки скопить не могъ. Препроводилъ я то свое прошеніе письмомъ къ ихъ превосходительствамъ г. Лестоку, г. Разумовскому, г. Воронцову и для пристойности не миновалъ и г. вице-канцлера, также и къ г. Стуммеру и къ маркизу Шетардію, на которого къ себѣ дружбу я много полагаюсь, понеже предъ отъѣздомъ своимъ по меньшей мѣрѣ оную обѣщалъ. Къ вашему сіятельству послѣднему теперь присылаю, какъ къ надежнѣйшему своему пріятелю, прося не только съ прочими благодѣтелями присовокупить свое милостивое прилежное старательство, чтобъ рабское мое прошеніе было удачливо, но къ тому жь и всѣмъ по часту о томъ напоминать, ихъ побуждать, если всемилостивѣйшая резолюція воспослѣдуетъ, отправленіе указа поспѣшать, и однимъ словомъ, буде смѣть сказать, отъ васъ стрянчего домогательства прошу и ожидаю, ободренъ старою вашею любовію. Сіе дѣло мнѣ столь важно, сколь важно человѣку сохраненіе своего живота, понеже ежели по несчастію прошеніе мое было бы отказано, то отчаяніе прибавя, жестокость болѣзни къ апрѣлю мѣсяцу, можетъ быть, на тотъ свѣтъ меня отошлетъ. На томъ разсужденіи прошу ваше сіятельство умѣрять свои труды и домогательства, за которые и Богъ вамъ воздастъ, и я вѣчно останусь напчувствительно одолженъ. Прошу извиненія, что симъ кончаю, понеже силы распространять не позволяютъ. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ и съ истиннымъ преданствомъ остаюсь и пр.

Изъ Парижа, 22-го января — 2-го февраля 1744 г.

225. — Февраля 2-го — 13-го. Парижъ. — Князь А. Д. Кантемиръ князю Н. Ю. Трубецкому.

За милостивое ваше увѣдомленіе въ любезномъ письмѣ отъ 7-го генваря вашему сіятельству всепокорнѣйше благодарствую. Въ немъ я еще вновь узналъ напаче вашу истинную дружбу. Я самъ, не видѣвъ чрезъ пять лѣтъ ни одного доброго дня въ Парижѣ, и всѣ зимы бывши мнѣ пагубны, а сія уже и сказать не можно, до чего меня довела, намѣренъ былъ просить о моемъ

отзывѣ, но то по возвращеніи моемъ изъ Италіи, понеже въ нынѣшнемъ моемъ состояніи никакимъ образомъ мыслить не можно, чтобъ я въ животѣ доѣхалъ до С.-Петербурга. Для того именемъ Божіимъ васъ прошу, чтобъ никакой способъ не оставить предупредить безвременной мой отзывъ въ Россію, и чтобъ напротиву по моимъ послѣднимъ прошеніямъ позволено было мнѣ съѣздить въ Италію для возстановленія своего здоровья, безъ котораго ни здѣсь, ни въ отечествѣ къ службѣ ея императорскаго величества угоденъ быть не могу. Ея императорскому величеству имѣетъ быть индифферентно, ежели я шесть мѣсяцевъ ранѣе или позднѣе въ отечество возвращуся, а мнѣ буде то время не будетъ дозволено для лѣченія, дѣло гораздо дорого станетъ, понеже подлинно на дорогѣ сдохну. А ея императорскаго величества милосердіе мнѣ столь извѣстно, что не могу чаять, чтобъ меня къ тому понудить соизволила. Не распространяю больше, понеже вы видите довольно, сколь для меня важно, чтобъ мнѣ дано было время оправиться, и я знаю, сколь вы сами участіе примете сохранить животъ вашего пріятеля, которой вѣчно не забудетъ ваше благодѣяніе, пребывая неотмѣнно и пр.

Изъ Парижа, 2-го—13-го февраля 1744 г.

226.—Марта 15-го. Лондонъ. В. Кассано князю А. Д. Кантемиру.

Most noble and illustrous prince! I have received your highness's letter of the 9-th instant and went immediatly to mr. Valiant to inquire by what way and to whom he had sent your higness Swift's works and Rowning's «Philosophy», and he informs me, he sent them to m. Carpantier, merchant in Calais. I had the honour the 27-th of february to answer your higness's letter, which I suppose has miscarried in the following articles (viz.), that I should cease from purchasing any more books except the 7-th volume of the «Universal history», which is now yet come out; and for the exorbitant price is for the 7-th and 8-th parts which accomplish the whole work, and the (same) is sent. Henry

Stephen's his «Greek Thesaurus» in-folio was never printed in England. The collection of voyages, 4 volumes in-quarto, will be this twelve months before it is finished, and it will be some time before the first volume comes out. I have purchased the four volumes your highness has now sent for of Horatius, Virgilius, Terentius, Juvenal and Persius, and have delivered them to his excellency prince Scherbatow, who has taken the charge to convey them to count Golowkin at Holland in order to be sent to your highness, and shall continue with pleasure to execute all the commands your highness, and shall continue with pleasure to execute all the commands your highness honours me with, who am, most noble and illustrious prince, your highness's most humble and most obliged servant Bartholomew Cassano.

London, the 15-th March 1744.

Swift's works 11 vol in 8°.	L. 1	— 7	— 0
Rowning's Philosophy 7-th and 8-th vol.	0	— 3	— 0
The four classics.	0	— 13	— 0
	L. 2	— 3 sh.	0

Письма безъ точной даты [1]).

227. — Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

1) La quantité de rhubarbe ne doit pas passer les 1,000 pouds. 2) Toute la.... doit être nette et parfaite selon le brack usité. 3) Le dernier prix: 119 écus le poud, la douane franco. 4) On payera l'argent six mois après la reçue (sic) de la marchandise qu'il recevra quand il lui plaira et par telle quantité qu'il trouvera à propos. 5) Dans deux années de temps après la conclusion du contrat on ne fera pas sortir de tout l'empire pas un brin de rhubarbe. 6) Le collège de commerce n'a présentement d'autre rhubarbe que les 1,000 pouds susmentionnés.

1) Точно опредѣлить время написанія этихъ городскихъ записокъ не возможно; несомнѣнно только, что онѣ относятся ко времени пребыванія Кантемира въ Лондонѣ (съ марта 1732 года по сентябрь 1738).

7) S'il se trouve que le collège a disposé de quelque quantité de rhubarbe qu'il soit après la conclusion du contrat, le contrat sera nul et le marchand ne sera pas obligé de payer la partie qu'il aura entre les mains.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 575).

228. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Le prince Cantemir est prêt de faire un contrat avec m. Thornton, en protestant que s'il ne plait pas au collège de commerce, le contrat sera nul. Les conditions en doivent être: 1-re) que m. Thornton aura 1,000 pouds tout au plus de bonne rhubarbe etc.; 2-de) qu'il payera 115 roubles par poud en six mois de temps après la marchandise délivrée; 3-e) qu'il ne payera point de douane pour l'exportation; 4-e) qu'il fera le payement en lingots ou dollars à St.-Pétersbourg; 5-e) l'argent sera compté à 19 copecs le zolotnik.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 573).

229. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Je vous suis infiniment obligé de la peine que vous vous donnez pour l'affaire de la rhubarbe; je n'en suis pas moins obligé à m. Studly, et je crois que l'escompte de onze pour cent sera agréé par le collège de commerce. M. Thornton est alarmé mal à propos par la nouvelle de son correspondant, car la rhubarbe n'est pas encore vendue à m. Lokwood, et par conséquent, notre contrat avec lui, Thornton, est bon, y ayant été stipulé tout ce qu'il falloit pour la sûreté de deux ans qu'il demande. Je n'ai point de rhubarbe à vendre, ni le collège non plus pour l'année courante. J'attends l'honneur de votre compagnie demain au diner, et je suis avec beaucoup d'estime et de tout mon coeur, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 559).

230. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Demain à dix heures je suis appointé chez milord Harrington, d'où je ne puis pas deviner à quelle heure je sortirai, de sorte que, jeudi étant ma journée de cour, il est impossible de voir notre ami avant midi. Après diner, depuis quatre jusqu'à six, je l'attendrai tout exprès; aujourd'hui je ne sors pas jusqu'après-dîner. Je vous suis infiniment obligé du trouble que vous vous donnez dans cette affaire, et d'avoir été hier chez moi. J'étois dans le voisinage à faire visite à une malade. Je suis avec toute la considération imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 555).

231. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! J'aurai l'honneur de vous attendre jusqu'à midi; en attendant, je vous supplie de m'envoyer ce Milanais qui a servi l'ambassadeur d'Espagne, et d'être persuadé que je suis avec toute l'estime possible, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Samedi matin.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 563).

232. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Vous devinez juste: on m'a demandé l'«Histoire de...»; c'est à cause de cela que je vous la renvois, mais je veux l'avoir. Je vous enverrai ce soir les livres à Droquer et je verrai avec plaisir la Bible. Bien des remerciements pour la lettre de m. Menetti; je passerai dans une heure chez vous pour vous assurer que je suis avec beaucoup d'estime, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 565).

233. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Vous m'obligez beaucoup, monsieur, en me promettant la distinction; j'en aurai besoin demain, ainsi il n'y a rien qui presse. Quant aux tableaux, je suis bien fâché que je ne saurois vous obéir manque d'argent: j'attends tous les jours le retour d'une lettre de change que j'ai envoyée à Amsterdam; d'abord que je l'aurai, je ne manquerai point de faire le plaisir au propriétaire de ces tableaux, mais sans retenir les tableaux. Je suis, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur Antiochus prince de Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 567).

234. — Лондонъ. — Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! Vous m'avez obligé en me procurant la connaissance de m. Arrigoni; mais moi, en faisant l'accord avec lui, je n'avois pas examiné d'autres raisons, qui m'obligent à présent de vous prier de lui faire savoir que par les maximes d'amitié je ne puis pas l'avoir pour mon maître; cependant il peut être assuré de ma part que je serai toujours bien aise, quand il voudra me faire le plaisir de venir chez moi. Vous entendez bien, monsieur, ce que je veux dire par les *maximes d'amitié*, de manière qu'il n'est pas nécessaire de vous ennuyer par l'explication, et peut-être que m. Arrigoni la devinera lui-même, de manière que je finirai en vous assurant que je suis avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 571).

235.—Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Je vous remercie infiniment pour m'avoir donné le plaisir de voir les pièces de m. Haendel, et je vous les renvoie sitôt, parce que c'est de la plus sublime algèbre pour ma tête peu musicale

(une composition de la manière de Salviati), qui n'aime pas voir devant elle des choses qu'elle ne peut pas comprendre.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 572).

236.—Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Monsieur! J'espère, que vous me ferez demain le plaisir de venir manger la soupe chez moi avec m. Caniorci. En attendant, vous aurez la bonté de l'avertir, que j'ai un valet à lui donner, qui entend l'allemand, l'anglais et le russe et qui cherche place; s'il a accepté, qu'il me fasse savoir demain, lorsqu'il viendra chez moi. Je suis avec toute l'estime imaginable, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers vol. IX, f. 574).

237.—Лондонъ.—Князь А. Д. Кантемиръ Замбони.

Mon cher monsieur! Je vous aurois envoyé avec plaisir mon maître-d'hôtel, mais par malheur il est allé en ville; je vous l'enverrai dès qu'il en reviendra. Je suis fâché d'apprendre que vous êtes encore mal, et j'espère entendre bientôt de meilleures nouvelles. La part que je prends à votre maladie, est une conséquence de mon amitié et de mon estime pour vous; je souhaiterois cependant que vous vous portiez bien et que vous me donniez d'autres occasions pour vous témoigner mon attachement, avec lequel j'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

Si vous voyez du monde, je me donnerai l'honneur de passer chez vous demain.

(Бодлеева библіотека въ Оксфордѣ: Bodleian library, Zamboni's papers, vol. IX, f. 577).

Письма князя А. Д. Кантемира князю И. А. Щербатову[1]).

1739.

238. — Сентября 11-го—22-го. Парижъ.

Mon prince! Comme je suppose que votre altesse sera déjà arrivé à Londres, j'ai crû de mon devoir à vous en faire mon compliment et vous souhaiter toute sorte de succès dans votre nouvel emploi. Sa majesté impériale n'auroit pas pû choisir une personne plus zelée pour son service, plus propre pour la cour, où vous arrivez, et dont le voisinage puisse me faire plus de plaisir. Je me flatte que j'auroi une occasion favorable de jouir par votre correspondance de l'amitié dont vous m'avez honoré autrefois, et laquelle je tâcheroi de mériter de mon mieux. Je diffère à vous parler des affaires jusqu'à ce que j'auroi appris votre arrivée, d'autant plus que je seroi obligé de me servir des chiffres, dont j'ai laissé la clef entre les mains de monsieur Mosaleffsky; mais je ne saurois manquer à vous donner part de l'agréable nouvelle que nous reçumes avant hier de la défaite des Turcs près de Chozim et de la prise de la ville dont la garnison se rendit prisonniers de guerre. Ce fut le 29 d'août, que monsieur Munich attaqua les ennemis dans leur retranchements, et le second jour il prit la ville.

Si votre altesse a ordre de m'envoyer monsieur Mosaleffsky, comme on me l'a fait espérer, et qu'il n'ait pas de quoi faire son voyage, je vous prie de lui fournir le nécessaire sur mon compte, en quoi vous m'obligerez sensiblement. Au reste j'ai l'honneur d'être avec tout l'estime et considération imaginable, monsieur, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris. Ce 22/11 septembre 1739.

Помѣта князя Щербатова: «Получено и отвѣтствовано v. s. 18 сентября».

1) Писанное въ подлинникахъ шифромъ печатается въ ковычкахъ.

239. — Сентября 12-го—23-го. Парижъ.

Mon prince! La personne qui aura l'honneur de remettre à votre altesse la présente, est le sieur Bucquet, apothicaire. C'est un très honnête homme, qui a servi monsieur le comte de Montijo pendant son séjour à Londres à la grande satisfaction de cet ambassadeur. Je souhaite de tout mon coeur que votre altesse jouisse dans cette ville d'une santé aussi parfaite qu'elle se puisse entièrement passer du ministère des apothicaires; cependant, en cas qu'elle en ait besoin, je la supplie de donner la préférence au dit sieur Bucquet, qui vous servira aussi bien que qui que ce soit. J'en auroi à votre altesse une obligation très particulière, continuant d'être avec toute l'estime et toute la considération imaginable, mon prince, de votre altesse le très humble et très obeissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris. Ce 23/12 septembre 1739.

240. — Октября 9-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вашего сіятельства два почтеннѣйшія письма отъ 10-го сентября чрезъ ученика Мозалевскаго и другое отъ 18-го того же я получилъ исправно, въ которыхъ столь лестные знаки продолжаемой ко мнѣ вашей благосклонности нахожу, что не могу довольно возблагодарствовать. Покорно прошу ваше сіятельство и впредь почтить меня своею дружбою, которую я по возможности стараться стану заслужить.

Вышеупомянутый ученикъ Мозалевскій прибылъ сюда 6-го сего и при письмѣ вашемъ вручилъ мнѣ ключь цифирный, который впредь употреблять не оставлю. Нынѣ объ здѣшнихъ дѣлѣхъ мало что примѣтного доносить имѣю, понеже всѣ, кажется, стоятъ въ неизвѣстномъ состояніи, пока нынѣшняя въ Европѣ ферментація что-нибудь наружу выведетъ. Съ нетерпѣніемъ здѣсь смотрятъ, въ какой путь пойдетъ война аглицкая съ испанцами, которая до сѣхъ поръ больше на робячу игру походитъ. Буде станетъ серіознѣе, и агличане учинятъ какое напа-

дение на области испанскія въ Америкѣ, по всему видимому, здѣшній дворъ участіе въ ней приметъ, и по общему мнѣнію, чинимыя въ Тулонѣ и въ Брестѣ морскія вооруженіи (которыя произведутъ флотъ 26 кораблей, кромѣ недавно изъ Балтики возвратившейся извѣстной эскадры) къ тому намѣренію чинятся. Слышно, что и сухопутное войско скоро будетъ прибавлено, но еще о томъ указы не выданы.

Въ Юлій-и-Бергскомъ дѣлѣ ничего проникнуть не можно, что̀ и самого палатинскаго министра безпокоитъ, которому ничего объ ономъ не сообщаютъ, хотя по частымъ и долгимъ конференціямъ министра прусскаго съ здѣшними судить не трудно, что та негоціація скрыто производится. Трактата голландскаго заключеніе изъ дня въ день отлагаютъ, «тѣмъ болѣе маня голландскому послу, чѣмъ въ намѣреніи оной когда къ концу привести. Съ шведской стороны не сумнѣваюсь, что какія-либо внушенія здѣсь чинились, но нечаянное заключеніе мира межь цесарскимъ, нашимъ и турецкимъ дворомъ (котораго дефинитивной трактатъ подписанъ осмого-на-десять сентября), уповаю, отмѣну въ томъ принесетъ». Того нашего мира обстоятельствы еще намъ подробно не извѣстны; только отъ кардинала мнѣ сообщено, что основаніемъ онаго положенъ трактатъ 1700 году, и что городъ Азовъ имѣетъ быть разоренъ и опустошенъ, съ позволеніемъ построить, такъ намъ, какъ туркамъ, крѣпости всякому на своихъ границахъ. Подлинно невѣрные николи себѣ не могли ожидать столь авантажныя кондиціи, каковы безразсудная поспѣшность Нейбергова имъ доставила. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Октября 9-го дня 1739.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 7/18 октября; отвѣтствовано 8/19 того же въ Лондонѣ».

241. — Октября 25-го — ноября 6-го. Фонтенбло.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Высокоблагосклонное вашего сіятельства письмо отъ 8-го—19-го октября ко мнѣ

дошло исправно, за которое покорнѣйше благодарствую. Отвѣтомъ я поумедлилъ, не находя ничего къ извѣстію вашему достойнаго отъ здѣшнихъ дѣлъ, а о постороннихъ, безъ сумнѣнія, изъ своихъ мѣстъ вы увѣдомлены. Между прочими изъ оныхъ нашъ съ турками миръ примѣчанія достоинъ, котораго кондиціи при семъ прилагаю экстрактомъ. Нечаянно оный приключился для нашихъ сосѣдовъ, которые, какъ думаю, много дивятся, что онъ чрезъ французскаго посла поспѣшенъ и къ концу приведенъ. Здѣсь всѣмъ то обстоятельство не понятно кажется. Каково ни есть, нашъ дворъ оный миръ во всемъ аппробуетъ, возвращая сверхъ того добровольно Молдавію всю и Хотимъ. Теперь ожидаемъ видѣть, въ какову по такомъ приключеніи дорогу вступитъ шведцкой народъ; буде военную предызберетъ, чаю, что въ малое время покается, ибо его одного силы слабы, а въ нынѣшнихъ околичностяхъ здѣшней помочи ожидать трудно могутъ; а коли наипаче, что объявленіе войны съ аглицкой стороны заставитъ здѣшнихъ думать объ мѣрахъ, которыми бы предупредить той націи дальные прогрессы. Время лучше откроетъ прямое кардинальское намѣреніе, которое по сю пору угадать трудно во всѣхъ почти дѣлахъ. Видно только, что въ безпокойствѣ здѣшніе министры часто въ совѣтѣ межь собою, а наружу ничего не выходитъ. То жь могу сказать въ томъ, что̀ касается Юлія-и-Берга: Негоціація та или остановилася, или такова, что въ люди показать стыдно, ибо и самому палатинскому министру о прогрессахъ здѣшняго министерства съ прусскимъ дворомъ ничего не извѣстно и ничего не сообщается. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ непремѣнно пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь А. Кантемиръ.

Изъ Фонтенебло. 1739 ноября 6-го n. st.

Article 1. On oubliera de part et d'autre le passé, s'il y aura à l'avenir entre les deux parties contractantes une sincère amitié et une paix perpétuelle.

Article 2. Les limites des deux empires resteront selon les

traités antérieurs et particulièrement selon ce qui sera déterminé dans une convention à faire en conséquence de ce traité.

Article 3. La forteresse d'Asoff sera démolie; son territoire selon les limites établis par le traité de 1700 restera desert et servira de barrière aux deux empires. On batira en echange deux forteresses, la Russie en deça de l'isle Czercaskoy vers Azow, et la Porte sur le confins du Couban vers Azow. La situation de ces deux forteresses sera déterminée par les commissaires qu'on nommera de part et d'autre. Taganrock ne sera jamais rétabli, et la Russie ne formera point de flotte dans la mer de Sahaz ou sur la mer Noire.

Article 4. Le reglement de limites est laissé à la discussion des commissaires à nommer pour cet effet, mais il doit être achevé en six mois de temps après l'échange des ratifications.

Article 5. Les nations sujetes aux deux empires ne se feront point de tort réciproquement, et si elles le font, elles seront punies et obligées de restituer ce qui auroit été enlevé.

Article 6. Les deux Cabardes resteront indépendantes. Chacun en pourra prendre des otages et chatier leur insolences.

Article 7. Les prisonniers et esclaves de part et d'autre seront rendûs sans rançon et sans exception.

Article 8. On ne donnera point d'asyle aux transfuges et aux traîtres.

Article 9. Les sujets des deux empires jouiront d'un commerce libre dans les êtats réciproques: cependant les Russes ne pourront le faire dans la mer Noire que sur des vaisseaux turcs.

Article 10. Les pelérins russes auront la permission de visiter les Lieux Saints à Jerusalem.

Article 11. On conviendra incessamment et amicalement sur ce qui regarde le titre impérial, que sa majesté de toutes les Russies demande.

Article 12. L'impératrice pourra tenir auprès de la Porte tel ministre et en tel caractère qu'elle trouvera à propos.

Article 13. Les deux parties contractantes s'enverront réci-

proquement des ambassades extraordinaires avec présents convenables.

Article 14. Les ratifications seront échangées en trois mois. Tous les traités antécédents seront abolis. Après la ratification le roi très chrétien accordera sa garantie.

Помѣта князя Щербатова: «Получено въ Лондонѣ 31 8-bre—11 9-bre; отвѣтствовано 1/2 9-bre».

242. — Ноября 14-го—25-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Переѣздъ мой изъ Фонтенбло сюды и множество письма не допустило меня въ свое время вашему сіятельству благодарствовать за два пріятнѣйшія ваши письма отъ 25-го октября и 1-го ноября. Содержаніемъ оныхъ по премногу вашему сіятельству я обязанъ. Нового что̀ взаимно доносить я не имѣю, понеже отъ Вѣленева по заключеніи извѣстной конвенціи писемъ здѣсь не получали. Какова та конвенція и не есть, и самой трактатъ, ея императорское величество все апробуетъ, чтобъ показать здѣшнему двору аттенцію къ его медіаціи и имѣть свободныя руки для сосѣдей. Сіи, какъ вашему сіятельству извѣстно, и послѣ полученія вѣдомости о нашемъ мирѣ войска свои въ Финляндію отправили, и потому я указъ имѣлъ при кардиналѣ еще повторить свои представленіи, дабы при обнадеживаніи о миролюбныхъ ея императорского величества намѣреніяхъ пристойными совѣтами Швецкой дворъ успокоить. Господинъ кардиналъ по тому говорилъ здѣсь графу Тессину и швецкому министру Флемингу, которые обѣщалися вслѣдствіе писать въ Стокгольмъ. «Еслибъ можно на кардинальскія обнадеживанія полагаться, то мы не имѣемъ ничего съ швецкой стороны опасаться. Вы сами усмотрѣть изволите, что нынѣшнія обстоятельства то подтверждать кажутся, и буде здѣшней дворъ въ аглицкую войну вступитъ, какъ со временемъ принужденъ будетъ вступить, не знаю, какую пользу ожидать себѣ можетъ изъ начатія войны, которую Швеція свести не въ состояніи. То меня понуждаетъ чаять, что въ имѣвшихся въ спхъ

днях частыхъ конференціяхъ межь Тессиномъ и кардиналомъ принимаются мѣры для помянутой аглицкой войны». Буде что впредь лучше открыть будетъ можно, не премину вашему сіятельству донесть. Между тѣмъ съ крайнымъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь А. Кантемиръ.

Изъ Парижа. Ноября 25-го—14-го дня 1739 году.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 18/29 ноября; отвѣтствовано 19/30 въ Лондонѣ».

243. — Декабря 4-го—15-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 19-го—30-го ноября я получилъ во свое время исправно, но въ ожиданіи чего ни есть нового и къ извѣстію вашему достойного отвѣтъ до сего дни отложилъ, а сего дни я имѣлъ честь получить другое ваше отъ 26-го ноября. За оба вашему сіятельству покорно благодарствую, какъ и за сообщеніе происхожденій при вашемъ дворѣ. Адресъ парламентской весьма примѣтенъ и таковъ, что, по видимому, надолго всякому примиренію способъ пресѣченъ, понеже какъ нечаятельно, чтобъ его аглицкое величество предписанное въ томъ адресѣ преступилъ, такъ мало надежды, чтобъ пшанской дворъ склонился безъ крайней нужды на означенныя въ немъ прелиминаріи. Потому я чаю, что оный адресъ здѣсь не понравился, ибо кардиналъ, видя, съ одной стороны, тягость войны, а съ другой—невозможность въ оную не вступить, буде агличане въ Америкѣ будутъ чрезмѣрно удачливы, охотно бы учинился примирителемъ. До сѣхъ поръ еще усмотрѣть не можно, какая напослѣдокъ будетъ его резолюція, и по видимому, она отъ дѣйствъ адмирала Вернона зависитъ. Нашъ миръ съ турками отъ ея императорскаго величества совсѣмъ ратифікованъ; но по отъѣздѣ Вилленевомъ изъ Ниссы не имѣю здѣсь отъ него никакого извѣстія; не знаемъ что съ турецкой стороны чинится въ томъ, что насъ касается. Что до цесарскаго трактата принадлежитъ, еще весьма

мало исполненіе онаго воспослѣдствовало, и для того цесарскіе министры рекламовали французскую гварантію, почему отсюду къ Вилленеву указъ посланъ, чтобъ крайне старался склонить Порту къ исполненію артикуловъ трактата. По дѣйству, которое его домогательства произведутъ, узнать будетъ можно, надеженъ ли нашъ миръ, или нѣтъ. Каково ни есть, слухъ онаго въ Швеціи горячности къ войнѣ убавилъ, и здѣсь уже тамошнимъ проектамъ мало аттенцій даютъ, такъ что шведы отчасти недовольны.

Гишпанской посолъ хотя отсюду отозванъ, еще не подымется до прибытія его наслѣдника. Общее мнѣніе тотъ отзывъ приписуетъ кардинальскому прошенію, понеже господинъ Де-ла-Мина негораздо ему былъ пріятенъ, а онъ сказываетъ, что самъ объ отзывѣ просплъ, въ обиду себѣ чая, что не повышенъ въ grand d'Espagne. О Юлій-и-Бергскомъ дѣлѣ ни слова не слыхать, какъ бы въ воду потонуло. Отъ короля Прусского присланный сюды его каммердинеръ Миллеръ, какъ мнѣ заподлинно сказано, пріѣхалъ покупать ковры и картины печатныя.

По вашего сіятельства приказу не премину къ вамъ съ первымъ куріеромъ отправить придворный календарь на наступающій годъ, которымъ ваше сіятельство отъ сердца моего поздравляю, желая въ немъ и въ многихъ предбудущихъ теченіи вамъ всякого благополучія, и съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Декабря 15-го—4-го дня 1739.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 12/23 декабря; отвѣтствовано 24 декабря—4 генваря 1740 году въ Лондонѣ».

244. — Декабря 23-го — января 3-го 1740. Парижъ.

Monsieur! On a reçu ici il y a quelques jours le manifeste du roi de Prusse. Il a paru à tout le monde bien nouveau et

extraordinaire, et ce sont les expressions mêmes de monseigneur le cardinal. Son eminence, comme les autres ministres françois, desapprouve hautement la demarche que cette pièce tâche de justifier. Mais selon les apparences on se tiendra là, jusqu'on n'est guère d'humeur de prendre les armes en faveur de la maison d'Autriche. Aussi les assurances et protestations qu'on avoit faites d'abord sont beaucoup ralenties, et si on parle de la garantie de la sanction pragmatique, ce n'est que pour prouver qu'il y a des cas, où on n'est pas obligé à s'y tenir. On est dans les mêmes dispositions par rapport aux prétentions de la Bavière et de l'Espagne, c'est-à-dire, que selon les apparences on laissera les mains libres aux prétendants. Le ministre de Bavière vient de recevoir un manifeste de la cour, dont il n'a paru qu'une partie en françois, par laquelle il tâche de prouver que par l'expression du testament de Ferdinand I «ehrliche Leibeserben» on ne doit entendre que les heritiers mâles. Toute les lettres d'Espagne confirment le dessein d'envoyer 30 mille hommes en Italie. La reine, selon ces mêmes lettres, voudroit se passer du roi de Sardaigne, parce que son amitié couteroit trop cher. En ce cas là on sera obligé de faire transporter les troupes par mer. L'ambassadeur d'Espagne s'est assèz expliqué que le roi son maître, nonobstant ses droits sur tout l'heritage de l'empereur, se contenteroit des provinces d'Italie. Tout ceci prepare un grand orage, dont la France apparemment souhaiteroit être spectatrice. Nous en venons d'être persuadés par la réponse peu satisfaisante qu'on a donnée au prince Lichtenstein sur sa demande en forme touchant le secours actuel contre les troupes prussiennes. Monsieur de Belle-Isle qui a été nommé ambassadeur pour le congrès de Francfort n'a pas encore fixé le temps de son départ. Du reste on n'arme içi que par mer.

Je ne saurois finir cette lettre sans souhaiter à votre excellence toutes sortes de prosperités dans l'année que nous venons de commencer, en lui réitérant les assurances du parfaite estime et du vrai attachement avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

monsieur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris. Ce 3 janvier nouveau style 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 11 января — 31 декабря 1740; отвѣтствовано 8/19 генваря въ Лондонѣ».

1740.

245. — Января 19-го—30-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вашего сіятельства почтенное письмо отъ 31-го декабря я получилъ во свое время исправно; но застало оно меня въ многихъ суетахъ, понеже на сихъ дняхъ перевозился въ новый свой домъ, и для того отвѣтомъ на оное поумедлилъ, въ чемъ покорно прошу меня извинить; а вчерась дошло ко мнѣ другое ваше отъ 10-го генваря. Содержаніемъ обѣихъ я по премногу вашему сіятельству обязанъ, уповая, что и впредь благосклонно о происхожденіяхъ при вашемъ дворѣ меня безызвѣстно оставить не изволите, а я съ своей стороны большую исправность впредь обѣщаю.

«Въ послѣднемъ почтеннѣйшемъ вашемъ именованіе господина Финча ко двору нашему примѣтно, о которомъ изъ Лондона ко мнѣ пишутъ, что и посольской характеръ съ собою везетъ, хотя его отправленіе послѣ смотри Рондова есть сродное слѣдство, и потому все дѣло собою просто. Однакожь не сумнѣваюсь, что здѣсь о томъ будутъ много толковать, понеже народный слухъ подалъ здѣшнимъ подозрѣніе, что межь аглицкимъ и нашимъ дворомъ какой-либо союзъ согласуется. О томъ же и министры ко мнѣ отзывались. Съ одной стороны, то ихъ подозрѣніе можетъ препятствовать имъ съ истиною радѣть о спокоеніи шведскихъ возмущеній и въ совершеніи мира турецкаго, а съ другой—чаю, тѣмъ полезно, что въ насъ прилежнѣе искать станутъ. Съ тѣхъ поръ, что уже французской посолъ къ двору нашему прибылъ, усмотрѣть будетъ не трудно, на которую сторону больше тянуть станутъ». То безсумнительно, что война

аглицкая министерство здѣшнее безпокоитъ, и охотно предупредить желаютъ всякое великобританскихъ силъ приращеніе. Впрочемъ, въ сухопутномъ войскѣ никакой прибавки не чинятъ, а кораблей въ Тулонѣ, въ Брестѣ и въ Рошфортѣ отъ 70 до 40 пушекъ вооружаютъ около тридцати. Но въ томъ вооруженіи немного спѣшатъ, не смотря на вооруженіе голландское, которое маловажно показалось. Отправленіе новой аглицкой эскадры въ Америку больше имприссіи учинило, но до полученія вѣдомостей оттуду о какихъ-либо аглицкихъ важныхъ прогрессахъ я не чаю, что здѣсь резолюцію какую примутъ.

«На сихъ дняхъ отсюду для сѣверныхъ краевъ около трехъ милліоновъ ливровъ французскихъ переведено, и какъ мнѣ сказано, часть изъ оныхъ переслана чрезъ Лондонъ и Амстердамъ. Ваше сіятельство и особливо меня обяжетъ, и двору нашему угодное дѣло учинитъ, провѣдавъ истину сего послѣдняго обстоятельства, ея императорскому величеству прямо о томъ донести, о чемъ я ваше сіятельство покорно прошу. Со всѣмъ тѣмъ отправленіемъ денегъ я не могу примѣтить, чтобъ здѣсь въ шведскіе проекты вступить намѣреніе имѣли, и повседневно напсильнѣйше и меня удостовѣряютъ», что маркі Вилленевъ усердно старается при Портѣ въ довершеніи мирнаго дѣла. Но отъ того посла послѣ 26-го ноября здѣсь писемъ не получали, и о отправленіи султанской ратификаціи на нашъ трактатъ еще извѣстія не имѣемъ.

Отъ здѣшнихъ вѣдомостей только къ любопытству вашему достойнаго нахожу, что дюкъ де-Бурбонъ третьяго дня скончался. Сыну его король пожаловалъ чинъ оберъ-гофмейстера и обѣщаніе Бургундской губерніи, когда прійдетъ въ возрастъ 18-ти лѣтъ; а между тѣмъ въ ту губернію назначенъ обрѣтаемый въ Римѣ посолъ дюкъ Сентъ-Егньянъ.

Календарь отъ меня къ вашему сіятельству отправленъ, которая малая услуга недостойна столь учтивого благодаренія, каковымъ ваше сіятельство меня обязуетъ. Уповаю, что впредь изволите мнѣ подать случаи, чтобъ я могъ въ чемъ важнѣйшемъ

оказать свое крайнее почтеніе и истинное преданство, съ которымъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 30-го—19-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 27 генваря; отвѣтствовано 31 генваря въ Лондонѣ».

246. — Февраля 1-го—11-го. Парижъ.

Милостивый государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вчерась я получилъ письмо отъ господинъ Ланчинского, въ которомъ мнѣ даетъ знать о дѣйствительной размѣнѣ ратификацій нашей съ султанскою. Оная размѣна учинена въ Константинополѣ 17-го—28-го декабря съ подобными во всемъ церемоніями, какъ его римско-кесарского величества размѣна жь ратификаціи недавно учинена. Сія вѣдомость будучи весьма важна, и не зная, прямо ли вашему сіятельству объ оной изъ Вьены донесено, я должности своей чаялъ безъ замедленія о томъ вамъ сообщить. А впрочемъ отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего новаго къ извѣстію вашего сіятельства достойного теперь не имѣя, прекращаю сіе, съ крайнимъ почтеніемъ пребывая вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Февраля 1-го—12-го дня 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 6/17 февраля; отвѣтствовано 7/18 того же въ Лондонѣ».

247. — Февраля 23-го — марта 5-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вашего сіятельства три почтенныя письма отъ 31-го генваря, отъ 7-го и 12-го февраля я во свое время получилъ исправно и за оныя, какъ и за сообщенное въ нихъ, покорнѣйше благодарствую, наипаче жь за приложенный трудъ въ извѣдываніи вѣдомости о пересылкѣ денегъ чрезъ Лондонъ. Стыжуся, что такъ долго отвѣтомъ на первое умедлилъ, и хотя здѣшнее безпорядочное житіе больше, чѣмъ моя склонность, въ томъ виновна, однакожь покорно въ томъ прошу прощенія.

«Сколько касается вашего сіятельства разсужденій о безвинности отправленія господина Финча къ двору нашему, оныя весьма благоразсудны, но нынѣшнія обстоятельства таковы, что всѣ аглицкія дѣла здѣшнему двору подозрительны быть имѣютъ, наипаче когда всѣ со всѣхъ сторонъ вѣдомости, правда, ложно, но непрестанно подтверждаютъ, что онъ ѣдетъ къ двору нашему для подписи союзного трактата. Для отнятія сего сумнительства много здѣсь по указу домогался, безъ удачи».

Деньги въ Гамбургъ подлинно отправлены, и тутъ сумма не превосходитъ ли три милліона. А на сихъ дняхъ резолюція принята издавно пріуготовляемыхъ вооружить 12 кораблей въ Брестѣ да 6 въ Тулонѣ, для которыхъ уже и офицеры именованы, и особливо надъ брестскою эскадрою главнымъ командиромъ назначенъ графъ Рокфейль. По общему мнѣнію, тому вооруженію аглицкая война поводомъ; и понеже не можно чаять, чтобъ здѣшніе въ оной участіе принять хотѣли прежде, нежели агличане какую важную удачу получатъ въ Америкѣ, статься можетъ, что помянутыя двѣ эскадры не поспѣшатъ въ море выступить, хотя дней въ 15 готовы быть могутъ. «Предвидѣть не могу, чтобъ изъ тѣхъ кораблей часть была для Балтики опредѣлена, но совсѣмъ тѣмъ то невозможнымъ не почитаю, разсуждая древнее согласіе здѣшняго двора съ шведскимъ, что французская партія въ тамошнемъ министерствѣ для сохраненія своего требуетъ, чтобъ чѣмъ ни есть надежды безпокойныхъ людей возобновить и воскресить тѣ сердца, которыя заключеніемъ нашего мира съ Портою подавлены». Тотъ миръ уже къ совершенному окончанію приведенъ, и посолъ турецкой къ нашему двору назначенъ.

На мѣсто умершаго графа Камбиса здѣсь человѣка пріискиваютъ, но я чаю, что въ томъ спѣшить не станутъ, ожидая видѣть, въ какой путь дѣла пойдутъ. Отъ Гессенъ-Кассельскаго двора подлинно давно сюды прибылъ нѣкто баронъ Асбургъ. Характера онъ никакого не имѣетъ и хотя къ королю акредитованъ, по здѣшнему обыкновенію у его величества аудіенціи не имѣлъ. Съ кардиналомъ и съ статскимъ секретаремъ весьма рѣдко ви-

дается, «и какъ тѣ французскіе министры съ удивленіемъ удостовѣряютъ, до сѣхъ поръ ни о какомъ дѣлѣ рта не отворялъ. Большая часть чужестранныхъ министровъ не меньше здѣсь, чѣмъ у васъ, любопытны знать его коммиссію, но по сю пору ничего подлиннаго провѣдать не могли; основательнѣйшее мнѣніе есть то, что онъ присланъ наблюдать за графомъ Тессиномъ и за принцами Цвейбрюкенскими, изъ которыхъ одного помянутый графъ чуть ли къ шведскому наслѣдству не собитъ». О всемъ вышеписанномъ отъ меня во свое время къ двору всеподданнѣйше донесено; а ваше сіятельство покорно прошу послѣднее мое разсужденіе держать про себя одного. Впрочемъ, и здѣсь мы слыхали о отправленныхъ въ Гишпанію французскихъ деньгахъ, и ту вѣдомость за подлинну и почесть можно. За симъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа февраля 23-го — марта 5-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Отвѣтствовано 17/28 марта».

248. — Апрѣля 1-го — 22-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вашему сіятельству покорно благодарствую за ваше письмо отъ 17-го марта и за сообщеніе вѣдомости о взятіи англичанами Портобелла. Оная вѣдомость негораздо здѣшнимъ поправилась, только въ поступкахъ французскаго министерства никакой премѣны не приключилось, понеже крѣпости того города разорены. А чаятельно, что ежели англичане другіе важные авантажи въ Америкѣ получать и тамошними испанскими провинціями обладать похотятъ, французы въ недѣйствіи далѣе пребывать не могутъ. Впрочемъ, господинъ Бюсси имѣетъ въ Лондонъ прибыть для отправленія тамо дѣлъ здѣшняго двора, пока на мѣсто умершаго Камбиса другой посолъ назначенъ будетъ. Онъ теперь боленъ, а какъ скоро выздоровѣетъ, отсюду подымется. За симъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго теперь не имѣя, прекращаю сіе,

съ крайнимъ почтеніемъ пребывая вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Апрѣля 12-го — 1-го 1740.

P. S. Приложенное при семъ письмо покорно прошу отдать господину генералу Кейту, ежели его превосходительство еще въ Лондонѣ обрѣтается.

P. S. 2. Господинъ Бюсси, какъ въ сей часъ слышу, отсюду третьяго дни отъѣхалъ, почему вдругъ съ письмомъ моимъ въ Лондонъ прибыть можетъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 9-го апрѣля; отвѣтствовано 14-го того жь въ Лондонѣ».

249. — Мая 13-го—24-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 25-го апрѣля я имѣлъ честь получить исправно. При покорнѣйшемъ моемъ благодареніи за сообщенное въ немъ взаимно имѣю донесть, что о заключеніи союза межь Швеціею и Портою обстоятельно уже здѣсь извѣстно. А какую пользу отъ него Шведской дворъ себѣ ожидаетъ, разумѣть трудно. «Легче усмотрѣть, что здѣшній тѣмъ чаетъ насъ содержать въ тревогѣ и потому удерживать отъ соединенія съ англичанами; такъ для того намѣренія, какъ и для раздѣленія аглицкихъ силъ, вооружается эскадра въ Тулонѣ и въ Брестѣ, ибо всѣхъ благоразсудныхъ людей мнѣніе есть, что оныя въ море не выступятъ: мнѣніе, основанное на томъ, что выходъ тѣхъ эскадръ если безпокойство англичанамъ подастъ, то можетъ быть поводомъ къ разрыву съ ними, къ чему кардиналъ склоненъ не кажется, пока не усмотритъ надежный случай получить важный авантажъ, и что, съ другой стороны, не видно, какую пользу Швеція или чрезъ нея Франція отъ сѣверной войны въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ получить можетъ, наипаче когда Швеція имѣетъ оную производить съ сильнымъ непріятелемъ и отъ союзника важной помочи ожидать не можетъ».

Понеже ваше сіятельство желали обстоятельнаго извѣстія о

брестской эскадрѣ, прилагаю при семъ надежную табель. Еслибъ вооруженіемъ поспѣшали, около половины іюня та эскадра могла бъ въ путь свой отправиться. Имѣющій оною командовать марки д'Антинъ еще отсюду не собирается.

«Между тѣмъ министры шведскіе продолжаютъ довольнѣе прежняго казаться, хотя не видно, чтобъ въ своей негоціаціи какого новаго прогрессу учинили. Никто здѣсь понять не можетъ нечаянный его Аглинского величества отъѣздъ въ Ганноверъ; обстоятельства нынѣшнія казались, не позволятъ такую штуку».

Впрочемъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго теперь не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Мая 24-го — 13-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 19/30 мая; отвѣтствовано того же числа въ Лондонѣ».

Роспись кораблей, вооружаемыхъ въ Брестѣ.

	Имена кораблей.	Пушки.	Тонно.	Матрозы.	Морскіе солдаты.	Командиры.
	Дофинъ Роялъ	76	1500	650	120	Вицъ-адмиралъ Антинъ
	Ле Сюпербъ	76	1500	650	120	шефъ д'эскадръ: Рокфейль
Ожидается изъ Рошефорта	Ле Бурбонъ	76	1500	650	120	шефъ д'эскадръ: Радуе
Ожидается изъ Рошефорта	Ле Жюстъ	72	1400	620	100	шефъ д'эскадръ: Рошамбо.
	Ле Лисъ	72	1400	620	100	Капитаны: Феркуръ
	Ле Флюеронъ	64	950	500	75	Капитаны: Бартъ
	Л'Ашиль	64	950	500	75	Капитаны: Барель
	Л'Елизабетъ	64	950	500	75	Капитаны: Немондъ
	Ле Сенъ-Луи	64	950	500	75	Капитаны: Десну
	Л' Ардантъ	64	950	500	75	Капитаны: Д'Эпине
	Ле Контантъ	60	900	420	65	Капитаны: Д'Авугуръ
	Ле Меркюръ	60	900	420	65	Капитаны: Л'Этандуеръ
	Ле Тритонъ	60	900	420	65	Капитаны: Фульесъ
Фрегаты	Ла Глоаръ	46	550	300	45	Капитаны: Дегутеръ
Фрегаты	Л'Аргонотъ	46	550	300	45	Капитаны: Монпино
Фрегаты	Ла Парфетъ	46	550	300	45	Капитаны: Д'Эстурналь
Фрегаты	Л'Амазонъ	36	450	240	36	Капитаны: Коломбъ
Фрегаты	Л'Астръ	30	412	220	30	Капитаны: Перріеръ

3	of	76 guns	1500 tons	650 sailors	120 marins
2	»	72 »	1400 »	620 »	100 »
5	»	64 »	950 »	500 »	75 »
3	»	60 »	900 »	420 »	65 »
3	»	46 »	550 »	300 »	45 »
1	»	36 »	450 »	240 »	36 »
1	»	30 »	412 »	220 »	30 »
Schips 18		1076 guns	sailors 8310	1331
			marins 1331	
			9641	

250. — Іюня 18-го—29-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Я забылъ всепокорно ваше сіятельство увѣдомить, что маркизъ Антинъ напослѣдокъ отъѣхалъ отсюду въ Брестъ. Онъ, безъ сумнѣнія, уже туды прибылъ, хотя о движеніяхъ эскадры ничего еще не слышно. Между тѣмъ продолжается здѣсь общее мнѣніе, что она изъ того порта не выйдетъ, и что Франція не поспѣшитъ принимать участіе въ нынѣшней войнѣ. По меньшей мѣрѣ англицкіе прогрессы въ Америкѣ до сѣхъ поръ столь важны не были, чтобъ сей дворъ принужденъ былъ свое недѣйствіе оставить. Теперь нетерпѣливо здѣсь ожидаютъ извѣстія о намѣреніяхъ и предвоспріятіяхъ флота подъ командою адмирала Норриса, о чемъ и я ваше сіятельство покорно прошу, съ крайнымъ почтеніемъ пребывая вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Іюля 29-го — 18-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 24 іюля — 4 августа; отвѣтствовано того же числа въ Лондонѣ».

251. — Августа 8-го—19-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Милостивое вашего сіятельства письмо отъ 24-го іюля я имѣлъ честь получить исправно, и за сообщенное въ немъ вашему сіятельству покорно благодарствуя, взаимно имѣю донесть, что ласкательства Прусскому двору по вся дни здѣсь прибавляются, и что господинъ

Бово назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ для учиненія новому королю комплемента. Кажется, что кардинальскія два главныя намѣренія теперь суть Прусской дворъ къ себѣ привлечь и столько жь Генеральныхъ склонить къ объявленію неутралитета. Между тѣмъ господинъ Де-Ла-Маркъ въ Мадридѣ старается заключить трактатъ коммерціи, и для подкрѣпленія его подвиговъ, кромѣ другихъ резоновъ, кажется, учинены здѣшнія вооруженія, которыя однакожь, по видимому, симъ годомъ употреблены не будутъ. Только 3 корабля, изъ Брестскаго порта на приморіе выступивъ, тамо остановились, и нѣкоторыя изъ Бреста на сихъ дняхъ полученныя письма даютъ знать, что четыре корабля имѣли оттуду подняться и идти, по мнѣнію тамошнихъ офицеровъ, въ Лисбонъ. Турецкія наши дѣла еще не кончились, а наипаче споры между цесаремъ и Портою еще далеки отъ окончанія. Сколько до насъ принадлежитъ, еще обѣщано указъ Вилленеву подвердить о исходатайствованіи свободы нашихъ плѣнниковъ. Впрочемъ ничего другого къ извѣстію вашему достойнаго не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Августа 19-го—8-го дня 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 13/24 августа; отвѣтствовано 14/25 того же въ Лондонѣ».

252. — Сентября 2-го—13-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! На благосклонное вашего сіятельства письмо отъ 14-го августа я отвѣтствовать по сю пору отложилъ, ожидая, чтобъ въ состояніи былъ вашему сіятельству что̀ ни есть подлиннаго донесть о движеніи здѣшнихъ эскадръ и о намѣреніи министерства въ употребленіи оныхъ. Разсужденія о томъ, какъ и получаемыя изъ Бреста и изъ Тулона вѣдомости, изъ дня въ день были отмѣнныя, и только на сихъ дняхъ напослѣдокъ здѣсь подлинное извѣстіе получили, что брестская эскадра, состоящая въ 15-ти корабляхъ (кромѣ тѣхъ трехъ кораблей, которые прежь сего уже оттуду отъѣхали), въ

море выступила 2-го сего, а тулонская, въ 12-ти корабляхъ, 25-го августа, — первая подъ командою вицъ-адмирала Антина, а вторая подъ командою контръ-адмирала Рошлоръ. Уже не всякого сумнѣнія, что обѣ тѣ эскадры идутъ въ Америку, и къ тому можно прибавить, что хотя не имѣютъ намѣреніе прямо противъ агличанъ войну объявить, однакожь отправлены испанцамъ помогать, если агличане испанскія области аттакуютъ. Я слышу, что министры здѣшніе опасаются, чтобъ тулонская эскадра въ дорогѣ не была перепята, попеже многіе чаютъ, что по выходѣ сихъ эскадръ агличане войну объявятъ. Буде вслѣдствіе сего къ извѣстію вашего сіятельства что-либо дойдетъ, покорно прошу мнѣ благосклонно сообщить. Должно ожидать, что впредъ важнѣйшія происхожденія подадутъ мнѣ случай чаще ваше сіятельство моими письмами удостовѣрять о истинномъ моемъ преданствѣ, съ которымъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Сентября 13-го — 2-го 1740.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 7/18 сентября; отвѣтствовано 18/29 того же въ Лондонѣ».

253. — Ноября 4-го—15-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вѣдомость о цесарской кончинѣ всѣхъ чужестранныхъ министровъ вдругъ въ Фонтенебло застала, всѣ равномѣрно желая усмотрѣть намѣреніе министерства при такомъ нечаянномъ несчастливомъ приключеніи. Господинъ кардиналъ мнѣ самому собою объявилъ, что его королевское величество свято исполнитъ всѣ свои обязательства, въ которыя вступилъ съ его цесарскимъ величествомъ послѣднимъ своимъ трактатомъ, и увѣрялъ, что въ семъ случаѣ его величество окажетъ свою добрую вѣру, а онъ, кардиналъ, свою благодарность къ покойному цесарю, которого де милость къ себѣ вѣчно не забудетъ. Отвѣтчикомъ себя при томъ ставилъ въ томъ, что ежелибъ Порта нынѣшнимъ несчастіемъ пользоваться бы хотѣла, его величество свою гварантію совершенно исполнитъ;

таковыя изъясненія почти всѣмъ чужестраннымъ министрамъ отъ него учинены, показывая надежду, что дѣло тихо обойдется, и наслѣдница цесарская останется при покойномъ владѣніи. О достоинствѣ цесарскомъ кардиналъ ничего не обѣщаетъ, какъ никакого о томъ обязательства не имѣетъ. «Не трудно угадать, что электору Баварскому надежда къ тому подана будетъ. Како ни сильны тѣ кардинальскія обѣщанія, прежніе примѣры должны Вѣнскому двору совѣтовать быть въ предосторожности».

Господинъ Вилленевъ послѣдними своими доношеніями наши дѣла при Портѣ почти совсѣмъ окончаны сказываетъ; а отъ нашего двора ко мнѣ пишутъ противное. Для того я еще имѣю противъ подтвердительные указы къ помянутому послу.

Морскія вооруженіи здѣсь съ горячностію продолжаются, а впрочемъ, по отъѣздѣ здѣшнихъ эскадръ ничего новаго здѣсь не происходило сколько касается аглицкой войны, кромѣ того, что приложенный при семъ манифестъ обнародовали. За симъ, ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Ноября 15-го — 4-го 1740.

При заключеніи сего получаю еще злѣйшую вѣдомость, чѣмъ та, которою письмо начато. Богъ насъ наказуетъ и чуть ли съ нами не на всю ли Европу руку свою отягчаетъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 10/21 ноября; отвѣтствовано 20 o-bre—1 IX-bre въ Лондонѣ».

254. — Ноября 25-го — декабря 6-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Въ сей часъ имѣю честь получить почтенное вашего сіятельства письмо отъ 1-го сего, съ приложенною при немъ рѣчью королевскою и съ адресомъ вышней каморы, за что̀ вашему сіятельству по премногу обязанъ. А на письмо жь ваше отъ 30-го октября отвѣтомъ своимъ умедлилъ за суетами и многодѣліемъ и строеніемъ траура по ея императорскому величеству блаженныя памяти и

за полученіемъ потомъ у короля аудіенціи. О Семенѣ же Кирилловичѣ Нарышкинѣ, который здѣсь обрѣтается и который здѣсь пробудетъ до полученія на свое прошеніе резолюціи, чтобъ ему здѣсь остаться, я подобный вашему указъ отъ двора получилъ, на который пространно отвѣтствовалъ.

Въ дѣлахъ никакой отмѣны при дворѣ здѣшнемъ нѣтъ. Король и кардиналъ продолжаютъ увѣрять, что свято исполнятъ гварантію на прагматику цесарскую, и потому весьма довольны являлись по полученіи вѣдомости, что электора Баварскаго претензіи духовною Фердинанда Перваго опровержены. Меня также обнадежили, что кончина ея императорскаго величества высокославныя памяти въ настоящемъ добромъ согласіи между двумя дворами никакой отмѣны не приключитъ. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства все покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Ноября 26-го—декабря 6-го дня 1740 года.

Ваше сіятельство, я чаю, ужо увѣдомлялъ, что 17-го ноября изъ Бреста отправились въ Америку другіе 6 кораблей французскихъ; объ отъѣхавшихъ прежь сего подъ командою вицъ-адмирала Антина извѣстіе здѣсь получено, что къ острову Сенъ-Доминго прибыли гораздо погодою повреждены. Рѣчь королевская немного здѣсь поправится и удивитъ, чтобы столько отважности съ той стороны не ожидано: королевскому величеству не малу пользу принесетъ. Всѣ глаза нялятъ оборочены къ Прусскому двору, никто не могучи понять, къ какому намѣренію войско прусское въ движеніи. По примѣчаемымъ здѣсь обстоятельствамъ поковникъ Камасъ въ негоціаціи своей не былъ удачливъ, отъ чего должно судить, что предложенія его были необыкновенныя; инако дворъ здѣшній удовольствовать его бы не примнулъ, кто бъ ни былъ въ томъ угожденіи убытчикомъ. Недостатокъ хлѣба провинціи здѣшнія утѣсняетъ, и аглицкая война безпокоитъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 3/14 декабря; отвѣтствовано 29 X-bre—9 генваря въ Лондонѣ».

1741.

255. — 2-го—13-го генваря 1741. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Отъ здѣшнихъ повизнъ имѣю честь вашему сіятельству донесть, что баронъ Васперъ, королевы Венгерской полномочный министръ, имѣлъ 10-го новаго стиля у короля и у его фамиліи аудіенцію въ томъ характерѣ и объявилъ о кончинѣ императорской, какъ и о восшествіи ея величества на престолъ. Потому признаніе ея величества уже воспослѣдствовало, и вчерась черное платье вздѣто. Его величество между прочими учтивыми словами въ отвѣтъ оному министру приказалъ королеву накрѣпко обнадежить, что онъ вѣрно исполнитъ всѣ свои обязательства, имѣющіяся съ покойнымъ цесаремъ. Со всѣмъ тѣмъ, по всѣмъ оказательствамъ судить должно, что Франція въ пользу ея величества войну не начнетъ и склоннѣе оставитъ претендентамъ свободныя руки.

Поступки прусскіе послѣ полученной вѣдомости о собраніи другихъ 50.000 войска здѣсь не столько индиферентны кажутся. Весь свѣтъ однимъ голосомъ тѣ поступки дезапробуетъ. Манифестъ баварскій еще наружу не вышелъ, но появилось письмо печатное въ пользу электорскихъ претензей, по которому всѣ здѣшніе авокаты судятъ, что ежели бы тяжба та имѣла производиться въ здѣшнемъ парламентѣ, то электоръ былъ бы осуженъ.

Изъ Ишпаніи подтверждается о тамошней склонности къ отправленію войска въ Италію, а здѣсь сказываютъ: проѣздъ тому войску сквозь Францію отказанъ, чему однакожь я него-раздо довѣряю. Впрочемъ съ особливымъ почитаніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушной слуга князь, Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 13-го — 2-го дня 1741 года.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 8/19 генваря; отвѣтствовано того же въ Лондонѣ».

256. — Января 2-го—13-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Я изготовилъ было для вашего сіятельства приложенное при семъ другое свое письмо, когда ко мнѣ принесено съ почты почтеннѣйшее ваше отъ 29-го — 9-го декабря, которое меня особливо обрадовало, что въ немъ при письмѣ князя Алексѣя Михайловича нашлися два алмазные камня, которые я потерянными чаялъ, понеже надлежащее его свѣтлости къ вамъ письмо тою же ошибкою ко мнѣ прислано. Оное при семъ къ вашему сіятельству посылаю, и понеже изъ него усматрѣваю, что помянутые камни должно въ Лондонѣ брилльянтовать, назадъ къ вамъ возвращаю въ такомъ же состояніи, какъ оные ко мнѣ прислать изволили. А кусокъ голубой ленты я получилъ при томъ къ вашему сіятельству надлежащемъ письмѣ. О всемъ томъ я не премину завтра къ князю Алексѣю Михайловичу писать; а между тѣмъ съ истиннымъ преданствомъ и высокопочитаніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 13-го—2-го дня 1741 году.

Я особливо вашему сіятельству обязанъ за благосклонное поздравленіе новымъ годомъ и взаимно съ истиннѣйшимъ усердіемъ въ теченіи онаго и многихъ слѣдующихъ желаю вамъ всякаго благополучія въ совершенномъ здравіи.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 8/9 генваря; отвѣтствовано того же въ Лондонѣ».

257. — Января 16-го—27-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! При благодареніи моемъ за письмо вашего сіятельства отъ 8-го генваря и за увѣдомленіе о исправномъ полученіи алмазовъ должности моей нахожу на оное донесть, что ишпанскія письма подверждаютъ не только намѣреніе тамошнее о отправленіи войска въ Италію, но что королева Ишпанская являетъ многую склонность къ примиренію съ агличанами, и что уже въ самомъ дѣлѣ негоціація производится. Кардиналъ сію послѣднюю вѣдомость невѣроятною

почитаетъ, хотя отчасти сумнѣвается, что могла бъ та негоціація производиться чрезъ письма между бывшимъ прежь сего въ Лондонѣ ишпанскимъ министромъ Фицжиралдомъ и кавалеромъ Валполомъ. Буде что впредь обстоятельнѣйшаго о семъ дѣлѣ у васъ провѣдать будетъ можно, уповаю, что ваше сіятельство о томъ ко двору донесть не преминете и меня безызвѣстнымъ не оставите. Между тѣмъ, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушной слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 27-го—16-го дня 1741 году.

Покорно прошу ваше сіятельство мнѣ дать знать, что дѣлаетъ графъ Обренъ, и каково его требованіи приняты. Здѣсь люди тихи по прежнему и обѣщаніи свои сберечь хотѣли бъ и за ружье приняться не склонны.

Господинъ Гасталди совсѣмъ меня забылъ; прошу ему припомнить объ очкахъ, и буде онъ ихъ еще не купилъ, то прошу, чтобъ ваше сіятельство тотъ трудъ приложить изволили. Оные очки должны быть работы скарлатовой, четыре пары вложены въ два футрала такіе, въ какихъ прежніе мнѣ прислалъ; но тѣ пробные очки были не сходны глазамъ, для которыхъ выписаны; для того сіи, о которыхъ теперь прошу, имѣютъ быть таковы, чтобъ гораздо увеличали вещь предлежащую. Можно четыре тѣ пары сдѣлать по степенямъ одну другой больше увеличающую. Когда очки поспѣютъ, надѣюсь, господинъ Бюсси случай сыщетъ ко мнѣ ихъ отправить, которому поклонъ отдаю. За все же деньги вашему сіятельству съ благодареніемъ возвращу по первому вашему письму. Пребываю готовымъ къ взаимнымъ услугамъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 21 генваря — 1 февраля, отвѣтствовано 22/2 того же въ Лондонѣ».

258. — Января 23-го—февраля 3-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! «Ваше сіятельство изволили усмотрѣть въ высочайшемъ рескриптѣ отъ девятаго декабря, съ котораго ко мнѣ прислана копія, о намѣреніяхъ его

императорскаго величества по дѣлу предвоспріятія прусскаго. Вслѣдствіе оного я при здѣшнемъ дворѣ объ оныхъ намѣреніяхъ учинилъ слегка сообщеніе, сколько по здѣшнимъ обстоятельствамъ было прилично, наипаче въ томъ виду, чтобъ отнять всякую причину къ жалобамъ, которыя были бы непзбѣжны, ежелибъ ему такой знакъ дружбы его императорскаго величества не оказать, чѣмъ въ надеждѣ склонить его къ принятію общихъ мѣръ. То его императорскаго величества намѣреніе министерство здѣшнее апнробовать казалось, понеже въ самомъ дѣлѣ охотно здѣсь видѣть желали уменьшеніе силъ короля Прусскаго чужими руками. А о здѣшнихъ намѣреніяхъ ни кардиналъ, ни Амелотъ никакого изъясненія не подали, отводя рѣчь къ другому дѣлу, сколь ни часто я домогательства свои о томъ повторялъ. Тотъ мой съ ними разговоръ еще наипаче меня въ томъ мнѣніи утвердилъ, что Вѣнскій дворъ дѣйствительно и помочи отсюду ожидать не долженъ, и потому тѣ державы, которыя намѣрены противъ его Прусскаго величества предвоспріятныя мѣры принимать, не должны жь ни мало себѣ льстить имѣть сообщникомъ себѣ здѣшній дворъ. И то всякую надежду преизойдетъ, ежели кардиналъ своими радѣтельными совѣтами Испанскій, Неапольскій и Баварскій дворы отъ намѣренныхъ предвоспріятій удержать стараться станетъ, какъ еще съ присягами обѣщанія свои повторилъ барону Васнеру. Я о семъ не хотѣлъ преминуть вашему сіятельству донесть, дабы васъ привести въ состояніе пресѣкать всякія отлагательства двора, при которомъ находитесь, ежелибъ оный, ожидая что-либо отъ здѣшняго, въ резолюціяхъ своихъ медлить хотѣлъ. Уповаю же, что и ваше сіятельство соблаговолитъ мнѣ сообщить о томъ, что у васъ по сему дѣлу произойдетъ».

Въ дѣлахъ здѣшнихъ по отпускѣ моего послѣдняго никакой отмѣны не примѣчаю. Взятіе французскаго корабля англицкимъ близъ Жамайки принято здѣсь съ смиреніемъ, и понеже оный корабль учтиво возвращенъ, сколько я изъ кардинальскихъ словъ примѣтилъ, оное дѣло забытію предается. Впрочемъ непре-

мѣнно съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Февраля 3-го—генваря 23-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 29 генваря — 9 февраля; отвѣтствовано 2/13 февраля въ Лондонѣ».

259. — Января 27-го—февраля 7-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Понеже въ предыдущихъ моихъ, а паипаче въ послѣднемъ, я имѣлъ честь вашему сіятельству донесть о состояніи здѣшнихъ дѣлъ, на оныя о томъ ссылаюсь при покорномъ благодареніи за благосклонное ваше отъ 22-го генваря.

Впрочемъ я особливо вашему сіятельству обязанъ буду, если соизволите или сами, или чрезъ господина Гасталдія, купя помянутые въ моемъ послѣднемъ очки, сколь можно скорѣе ко мнѣ переслать. Присланные прежь сего отъ него, господина Гасталдія, четыре пары я отъ маркиза де-Тессе во свое время получилъ и тогда жь его о томъ увѣдомилъ; но, по несчастію, тѣ очки для той особы, для которой выписаны, чрезмѣрно молоды, и потому желаетъ другіе, которые бы больше увеличали вещь предлежащую. Въ надеждѣ вашей ко мнѣ милости я смѣлость пріемлю ваше сіятельство о семъ утруждать, повторяя представленіе моихъ услугъ, буде въ чемъ годны вамъ быть могутъ, и затѣмъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 27-го—февраля 7-го дня 1741 году.

P. S. Господинъ Гасталди сюды писалъ, будто Бюсси учинилъ декларацію, что его Французское величество, намѣренъ будучи остаться неутральнымъ, не можетъ отказать испанскому войску проѣздъ сквозь Францію. Ту вѣдомость министры здѣшніе совсѣмъ опровергаютъ, какъ я и самъ изъ устъ Амелотовыхъ сегодни слышалъ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 1/12 февраля; отвѣтствовано 2/13 того же въ Лондонѣ».

260. — Марта 27-го—апрѣля 8-го. Парижъ.

Копія съ реляціи моей отъ 8-го апрѣля новаго стиля 1741 году.

По полученіи высочайшихъ вашего императорского величества секретныхъ рескриптовъ подъ №№ 7-мъ и 8-мъ отъ 28-го февраля, учиня пристойное сообщеніе барону Васнеру, я не преминулъ третьяго дни, будучи въ Версали, исполнить по опымъ при кардиналѣ и Амелотѣ.

Съ обоими я разговоръ свой началъ сообщеніемъ по силѣ высочайшаго указу подъ № 8-мъ о заключенномъ межь вашимъ императорскимъ величествомъ и королемъ Прусскимъ оборонительномъ союзѣ и о размѣнѣ ратификацій, учиненной 10-го марта по новому стилю, изъяснивъ имъ при томъ, что, какъ я уже давно имѣлъ честь имъ говорить, тотъ союзъ, будучи просто оборонительный, никому третьему предосудительнымъ быть не можетъ и прежнія вашего императорскаго величества обязательства съ другими державами не уничтоживаетъ.

Отъ сего послѣдняго поводъ мнѣ подался представить, что ваше императорское величество столь непремѣнно пребываетъ въ намѣреніи своемъ исполнить свято принятыя обязательства гварантіею санкціи прагматической, что милостивѣйше мнѣ повелѣли его Французскому величеству чрезъ нихъ предложить, что ваше императорское величество готовы съ его величествомъ вступить въ соглашеніе о принятіи общихъ мѣръ для исполненія той гварантіи; что ваше императорское величество столь охотнѣе свое намѣреніе его величеству открываетъ, что изъ всѣхъ моихъ доношеній изволили усмотрѣть его Французское величество въ подобныхъ королевѣ Венгерской и къ сохраненію европейской тишины полезныхъ сентиментахъ, и что двѣ столь сильныя державы прилагая общія мѣры, взаимно облегчается помянутое исполненіе гварантіи.

Противъ того Амелотъ только отвѣтствовалъ, что донесетъ обо всемъ королю и дастъ мнѣ впредь знать о его величества резолюціи, а кардиналъ, не обождавъ еще конца моихъ словъ и

безъ всякаго предыдущаго комплемента, который долженъ казался вашего императорского величества откровенному и учтивому поступку, какъ бы съ гнѣвомъ отвѣтствовалъ, что король не можетъ и не долженъ никакія мѣры принимать къ поправленію худого состоянія королевы Венгерской; что ему удивительно, что требуется отъ его величества въ пользу королевину военная помочь и другіе поступки, къ которымъ его величество не обязанъ; что такую тягость должны сносить тѣ державы, которыя обязательство гварантіи на себя переняли, а его де Французское величество санкцію прагматическую не гарантировалъ: «Nous ne sommes pas garants de la Sanction Pragmatique» суть самыя точныя кардинальскія слова; что и впрочемъ Франція хотя съ агличанами войну не объявила, однакожь не въ такой дружбѣ находится, чтобъ принимать общія съ тѣмъ народомъ мѣры въ пользу королевы Венгерской.

Ваше императорское величество легко изволитъ судить, въ какое удивленіе меня привела такая неожидаемая и дикая рѣчь, противъ которой я учтиво и безъ всякаго огорченія ему, кардиналу, представилъ, что не чаю, чтобъ онъ позабылъ, что между королемъ и покойнымъ императоромъ заключенъ союзный трактатъ, которымъ его Французское величество такъ за полученныя отъ императора авантажи въ пользу всего Бурбонского дому, какъ особливо за приращеніе Французской державы цѣлымъ Лоренскимъ княженіемъ, изволилъ себя обязать въ напспльнѣйшихъ терминахъ къ гварантированію санкціи прагматической; что тотъ трактатъ столь свѣжъ, что, по самымъ его кардинальскимъ словамъ, еще не высохъ; что онъ, кардиналъ, также забыть не можетъ учиненныя словесно и письменно обнадеживанія отъ его Французского величества, отъ него, кардинала, и отъ прочихъ королевскихъ министровъ, такъ министрамъ Вѣнского двора, какъ и всѣмъ обрѣтаемымъ здѣсь другихъ державъ, о святомъ и совершенномъ исполненіи тѣхъ обязательствъ, которыя обнадеживанія немало вашему императорскому величеству поводомъ служили къ принятію своихъ резолюцій; что по всему

тому я не знаю, какъ нынѣшній его кардинальскій отвѣтъ согласить и съ какимъ лицомъ объ ономъ вашему императорскому величеству доносить.

Противъ того кардиналъ мнѣ сказалъ, что правда, король заключилъ съ покойнымъ императоромъ помянутый трактатъ, но оный де къ совершенству не приведенъ, понеже покойный императоръ не только обѣщанную имперскую ратификацію по сю пору не доставилъ, но и искалъ самъ оную удержать, заставя виртембергскаго посланника учинить при съѣздѣ Ратисбонскомъ оппозицію на выдачу той ратификаціи, пока въ трактатъ не будутъ включены Виртембергскаго дому не знамо какія претензіи; что потому трактатъ не будучи въ совершенство приведенъ, его Французское величество къ исполненію оного не обязанъ; что впрочемъ по учиненнымъ отъ его величества и отъ него, кардинала, обнадеживаніямъ Вѣнскому двору послѣ кончины цесарской свято исполняется, и никто не будетъ въ состояніи доказать, что съ стороны здѣшней противно тѣмъ обнадеживаніямъ поступлено.

Я на то господину кардиналу предложилъ, что, не вступаясь въ то, что̀ принадлежитъ до ратификаціи имперской, понеже какъ оное дѣло моего двора не касается, такъ мало я извѣстенъ, что̀ въ томъ дѣлѣ происходило, но буде смѣть сказать, я не вижу, въ какомъ бы намѣреніи и къ какой пользѣ своей покойный императоръ похотѣлъ нарочно ратификацію остановить; что для того я чаю, что замедленіе въ выдачѣ оной было безвинное; что съ большею поспѣшностію въ томъ съ стороны его императорского величества не поступлено, понеже столь скорую себѣ смерть предвидѣть не могъ; меньше же чаять, чтобъ недостатокъ той ратификаціи свобождалъ его Французское величество отъ принятыхъ торжественно съ его императорскимъ величествомъ обязательствъ; что въ самомъ дѣлѣ трактатъ вѣнской главнѣйше заключенъ межь императоромъ и королемъ Французскимъ, и имперіумъ только какъ посторонная держава присоединена; что король Французскій гарантировалъ санкцію прагматическую, которая не до имперіи, но до партикулярныхъ императоровыхъ

областей принадлежитъ; что сколько партикулярно его императорскаго величества касается, трактатъ въ совершенство приведенъ взаимными ратификаціями, и что то столь истинно, что по оному его Французское величество княжествомъ Лоренскимъ владѣетъ.

Объекціи сіи будучи такого основательства, что ничего къ опроверженію ихъ резонабельно привести не можно, господинъ кардиналъ такіе сумятные и несостоятельные резоны противъ нихъ употребилъ, что стыдно объ оныхъ и упоминать. «Мы не вѣдаемъ», говорилъ онъ,—«какимъ образомъ дѣло уступки княжества Лоренскаго межь покойнымъ императоромъ и его зятемъ соглашено, но только знаемъ, что съ самого того времени, какъ вьенскій трактатъ заключенъ, герцогъ Лоренскій ни словомъ къ королю не отзывался, такъ что объ немъ ни слуху, ни вѣсти здѣсь не имѣлось, не упоминая, что его императорское величество связалъ послѣ заключенія трактата съ Французскимъ дворомъ тѣсное согласіе съ Аглицкимъ, противъ котораго однакожь Франція де никакихъ жалобъ не производитъ. Всѣ прочія мои слова безъ отвѣта оставилъ, вдругъ перескочилъ на послѣднюю войну Турецкую, распространяяся ни къ стати, ни къ дѣлу жалобами противъ покойнаго цесаря въ томъ, что его императорское величество предложенную отъ кардинала медіацію для примиренія съ Портою въ началѣ отказалъ, что въ теченіи производимой негоціаціи чрезъ маркиза Вилленева на того посла и на Францію подозрѣніе имѣлъ, и что несогласными поступками своими старался на Францію слагать вину продолженія войны.

Я и то безъ приличнаго отвѣта не оставилъ, много еще прибавивъ, что къ напомиповенію обѣщаній и обязательствъ здѣшнихъ служить могло, но все то безъ всякой пользы, для чего и излишно бы было пространнѣйшимъ описаніемъ моихъ словъ ваше императорское величество утруждать; кардинальскія же я, правду сказать, всѣ и изобразить не могъ, столь онѣ были безпутны и безъ всякаго основанія.

Ваше императорское величество и изъ описанныхъ уже до-

вольно матерій имѣетъ судить о его намѣреніи, которое я никогда не чаялъ, чтобъ съ столькою безстыдностію открыть похотѣлъ. До сѣхъ поръ, какъ я, такъ и господинъ Васперъ и другіе всѣ здѣсь чужестранные министры по обстоятельствамъ здѣшнихъ дѣлъ догадывалися, что къ благоугожденію королевѣ Венгерской дворъ здѣшній немного склоненъ; но когда кардиналъ, уже отложа всякой стыдъ, прямо выговорилъ, что король санкцію прагматическую не гварантировалъ, никакого сумнѣнія уже не остается, что всѣми способами вредить ея величеству намѣрены. Квеотія потому о томъ только идетъ, чтобъ знать когда и какимъ образомъ свою злую склонность въ дѣйство произвести намѣрены.

О томъ мы съ многою прилежностію долго разсуждали съ барономъ Васперомъ (которому я подробно все произшедшее межь мною и кардиналомъ сообщилъ), и уважая все произшедшее здѣсь по кончинѣ цесарской, всѣ министровъ здѣшнихъ слова, всѣ поступки французскіе при другихъ дворѣхъ, внутреннее здѣшнее состояніе, и однѣмъ словомъ, всѣ околичности, изъ которыхъ какое-либо заключеніе производить можно, мы признаемъ, что можно поставить:

1-е) что Французскій дворъ дѣйствительную войну противъ королевы Венгерской не объявитъ;

2-е) что союзникамъ ея величества, которые ей помочи подадутъ противъ короля Прусскаго, препятствовать не будетъ;

3-е) что довольствоваться станетъ теперь подъ рукою пріумножать разгласіе между тѣми союзниками, и главнѣйше между принцами имперскими, чтобъ имперіумъ привести въ сумятицу и зажечь въ немъ междуусобную войну, дабы между тѣмъ великаго князя Тосканскаго отъ короны имперской отдалить;

4-е) а когда то раздѣленіе и междуусобная война въ дѣйство произведена будетъ, и прочія державы войною найдутся истомлены, ввести свое войско въ имперіумъ и подъ претекстомъ защищенія принцовъ, которые сторону французскую держутъ, ползоваться обстоятельствами для пріобрѣтенія новыхъ областей

и для исполненія дальнѣйшихъ своихъ видовъ, которымъ трудно рубежъ предвидѣть.

Оное наше мнѣніе на томъ основано: 1) что теперь еще Франція не пріуготовлена къ генеральной войнѣ, которой напротиву причину имѣетъ оказаться, не упоминая настоящую тягость аглицкой войны; 2) что недостатокъ хлѣба и болѣзни, которыя еще въ провинціяхъ здѣшнихъ продолжаются, не дозволяютъ помышлять о такихъ важныхъ пріуготовленіяхъ, каковы потребны бы были, ежелибъ Франція теперь похотѣла войну въ имперіи начать; 3) что гораздо ей полезнѣе, чтобъ прочія державы своимъ истощеніемъ въ слабость привели короля Прусскаго, который можетъ учинитися Франціи опаснымъ и, успляся новыми пріобрѣтеніями, сопротивляться ея дальнымъ видамъ; 4) что еслибъ теперь тѣ свои дальные виды въ дѣйство производить хотѣла Франція, не только поспѣшитъ соединеніе прочихъ державъ противъ себя, но можетъ быть, и самого Прусскаго короля понудитъ съ королевою Венгерскою примириться, чтобъ помышлять объ общемъ всея Европы опаствѣ; 5) что предвидится, что избраніе императорское подастъ поводъ къ великимъ смущеніямъ въ имперіи; 6) что ежели удастся богемскій голосъ выключить, можно будетъ оставшіеся восемь электорскихъ голосовъ на равныя двѣ доли раздѣлить и, можетъ быть, вдругъ двухъ императоровъ выбрать; 7) что тогда непзбѣжно будетъ междуусобная въ имперіи война, которою имперіумъ истощено будучи, Франція малымъ числомъ войска будетъ въ состояніи самовластно законы предписывать и по своему желанію области свои распространить, столь наипаче, что между тѣмъ королева Венгерская, подобнымъ образомъ истощена будучи нападеніемъ испанскимъ, баварскимъ и прусскимъ, не будетъ въ состояніи ни принцамъ имперскимъ помогать, ни свои области защищать, наипаче же принуждена будетъ оставить Фландрію и Люксембургъ, которые двору здѣшнему къ сердцу лежатъ.

Для того въ самомъ дѣлѣ дворъ здѣшній теперь весь свой помыслъ къ дѣлу избранія императорскаго обращаетъ, и въ томъ

намѣреніи ко всѣмъ электорскимъ дворамъ не только особливые французскіе министры посланы, но и графъ Белиль заѣхать имѣетъ прежде съѣзду Франкфортскаго. Для того притворяется великая миролюбная склонность и никакимъ военнымъ пріуготовленіямъ мѣры здѣсь не берутся, чтобъ тѣмъ наипаче засыпить всѣ тѣ державы, которыя къ сохраненію нынѣшняго европейскаго система и равновѣсія интересованы.

Ваше императорское величество потому изволите своимъ сроднымъ проницательствомъ разсудить, должно ли тѣ намѣренія французскія остановить благовременнымъ предупрежденіемъ, или тогда о поправленіи дѣлъ помышлять, когда уже Франція усплився, способу къ тому не останется.

Морскія державы, какъ ваше императорское величество всемилостивѣйше примѣчать изволите, всѣхъ больше причину имѣютъ опасаться слѣдствій прогрессовъ прусскихъ, но и больше еще имъ опасна быть должна отмѣна всего система европейскаго, и для того удивительно кажется, что въ принятіи своихъ резолюцій оныя державы столь долго медлятъ, — хотя собою явно, что буде есть какой способъ для отвращенія Франціи отъ своихъ дальновидныхъ намѣреній, оный наипаче въ томъ состоитъ, чтобъ не попустить раздѣленіе областей Австрійскаго дому и чтобъ тѣснѣйшимъ соединеніемъ межь собою, какъ и дѣйствительными пріуготовленіями къ войнѣ показать, что имѣются того система защитники, готовы сопротивляться опроверженію онаго.

Оныя державы забыть не могутъ, что Франція въ послѣднюю съ цесаремъ войну для того столь легко войско свое въ Италію послала, что оную вѣдала быть всякой защиты обнадежену, отъ котораго примѣру, кажется, заключить бы можно, что если Франція теперь увидитъ дѣйствительное соединеніе войскъ высочайшихъ союзниковъ королевы Венгерской, не столь легко къ произведенію своихъ намѣреній отважится, какъ когда оныя державы покойно ей все поле оставляютъ.

Впрочемъ по силѣ высочайшаго вашего императорского ве-

личества указу я потребное вчерась господину Понятовскому внушилъ, къ тому клоня тѣ внушенiи, чтобъ могъ выразумѣть, что продолжающееся отъ него здѣсь сопротивленіе противъ голоса богемскаго и соправительства можетъ отъ недостожелательныхъ признано быть поступкомъ, противнымъ гварантіи санкціи прагматической, и слѣдовательно, самымъ намѣреніямъ его Польскаго величества, между которымъ и Вьенскимъ дворомъ съ присоединеніемъ его императорскаго величества дѣйствительно соглашенось о принятіи мѣръ къ защитѣ той санкціи прагматической. Господинъ Понятовскій противъ того меня удостовѣрилъ, что противъ голоса богемскаго и соправительства никакого предложенія при министерствѣ здѣшнемъ не чинилъ, вѣдая де, что онаго дѣла рѣшеніе не должно зависить отъ здѣшняго двора, а когда съ кардиналомъ или съ Амелотомъ объ немъ и говорилъ, то чинено въ простомъ партикулярномъ разговорѣ для удовольствованія ихъ любопытства, а не въ другомъ какомъ намѣреніи; что впрочемъ онъ въ оппозиціи продолжать принужденъ, пока получитъ отъ короля своего государя противный указъ; что сколько до сѣхъ поръ о сентиментахъ его Польскаго величества ему извѣстно, за подлинно вѣдаетъ, что его Польское величество въ исполненіи принятой на себя гварантіи истинно всѣ возможные способы употребить склоненъ, и что давно ему дано знать, что его величество въ томъ согласно поступать намѣренъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ, для чего въ Дрезденѣ давно ожидаютъ отвѣта отъ двора вашего; что онъ самъ признаваетъ, что самимъ его Польскаго величества интересамъ весьма полезно, чтобъ не допустить раздѣленіе Австрійскихъ областей и для того держаться въ тѣснѣйшемъ согласіи съ вашимъ императорскимъ величествомъ и съ прочими благонамѣренными державами, и что для того охотно бы желалъ слышать, чтобъ сысканъ былъ способъ къ прекращенію спора межь его дворомъ и Вьенскимъ.

Сколь слова тѣ ни красивы, баронъ Васперъ сумнѣваться начинаетъ, что господинъ Понятовскій самъ поводъ подаетъ къ продолженію разгласія межь королемъ Польскимъ и королевою

Венгерскою, и что такъ здѣшнія къ тому клонящіяся внушенія при дворѣ своемъ подкрѣпляетъ, какъ и своими поступками Франціи тщетъ подать инфлуенцію въ такомъ дѣлѣ, ей чужестранномъ, каково есть дѣло голоса богемскаго и соправительства, и что, можетъ быть, онъ больше всѣхъ королю Польскому подалъ желаніе искать себѣ корону имперскую. Баронъ Васперъ на томъ сіе свое мнѣніе основываетъ, что Понятовскій, издревле шведамъ и французамъ преданъ будучи, мало попеченія имѣть можетъ о интересахъ королевы Венгерской, наипаче же когда оные связаны съ вашими.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя я то Васперово мнѣніе не подтверждаю, вижу однакожь, что онъ, Понятовскій, имѣетъ хотя рѣдкія, но долгія съ кардиналомъ свиданія, что недавно презентовалъ ему меморіалъ противъ часто помянутаго соправительства и голоса богемскаго, которые поступки показываютъ, что не простой разговоръ для удовольствованія любопытства производитъ; тогда, съ другой стороны, баронъ Васперъ и мнѣ показалъ, и министерству здѣшнему третьяго дни сообщилъ меморіалъ саксонскаго министерства, данный въ Дрезденѣ графу Вратиславу и учиненный отъ Вѣнскаго двора на то отвѣтъ, въ которыхъ обоихъ листахъ видно, что въ дѣлѣ голоса богемскаго и соправительства тѣ два двора къ соглашенію приходятъ, понеже король Польскій только уже требуетъ на письмѣ благонадежность, что переносъ голоса и соправительства не будутъ санкціи прагматической предосудительны, которое требованіе королева Венгерская такимъ способомъ исполнить обѣщаетъ, каково его Польскому величеству явится угоднѣе.

Къ тому жь и самое здѣшнее министерство не сумнѣвается, что сопротивленіе короля Польскаго въ тѣхъ двухъ дѣлахъ буде уже не пресѣклось, долго уже тянуться не можетъ, какъ они и изъ того заключаютъ, что графъ Паппенгеймъ получилъ указъ отвести квартеры въ Франкфортѣ посламъ королевы Венгерской, которой вѣдомости Амелотъ получилъ подтвержденіе.

Каково то ни будь, я еще нижайше повторить долженъ, что

подвиги короля Польскаго при здѣшнемъ дворѣ ему ни мало не полезны, понеже, по всему видимому, за безсумнительно поставлять можно, что дворъ здѣшній намѣренъ всѣми способами доставить корону имперскую электору Баварскому, понеже по его слабости и древнему преданству Франція чрезъ него сама имперіемъ владѣть станетъ.

Мы здѣсь ни малѣйшаго виду не усматриваемъ, чтобъ король Испанскій или самъ король Французскій себя самихъ въ кандидаты къ престолу императорскому хотѣли представить, какъ то изображено въ приложенномъ листу при высочайшемъ вашемъ рескриптѣ. Министерству здѣшнему, чаю, не трудно предвидѣть всѣ затрудненіи, которыя въ такомъ дѣлѣ встрѣтить имѣетъ; а графъ Монтихо, сколько можно было провѣдать, только въ томъ, что̀ касается избранія императорскаго, объявилъ, что онъ указъ имѣетъ супротивляться допуску голоса богемскаго, и во время своего здѣсь пребыванія онъ больше всего о томъ домогался, чтобъ здѣшній дворъ спомоществовалъ королю Испанскому къ пріобрѣтенію нѣсколькихъ провинцій въ Италіи, подвластныхъ королевѣ Венгерской, или по меньшей мѣрѣ, чтобъ достать позволеніе о проѣздѣ испанскаго войска сквозь Францію. Въ томъ, по общему мнѣнію, состояла его коммиссія при здѣшнемъ дворѣ; буде что̀ другое ему препоручено для конгрессу Франкфортскаго, время тамъ откроетъ.

О помянутомъ проѣздѣ, какъ я уже часто всенижайше доносилъ, здѣсь ничего не извѣстно: дозволенъ ли, или отказанъ. Правда, что сумнѣнія о томъ быть не могло бъ, еслибъ трактаты при здѣшнемъ дворѣ были какой важности, но кардинальскія вышеописанныя слова ту надежду опровергаютъ, и сверхъ того, пока въ Испаніи никакого о транспортныхъ судахъ пріуготовленія не чинится, я чаю, что всегда того проѣзда войскъ испанскихъ сквозь Францію опасаться должно. О намѣреніяхъ же Сардинскаго двора мы здѣсь ничего не вѣдаемъ; только примѣчаются частыя свиданіи сардинскаго посла съ испанскимъ и баварскимъ министромъ.

Прежде окончанія сей матеріи я еще и о томъ долженъ всенижайше донести, что на сихъ дняхъ знатная здѣшняя особа, которой имя мнѣ не объявлено, бывъ у барона Васнера, долгимъ разговоромъ ему описалъ худое нынѣшнее состояніе дѣлъ королевы Венгерской и злѣйшія еще впредь слѣдствіи, малую надежду, которую ея величество полагать можетъ на своихъ союзниковъ, и отъ всего того заключилъ, что не остается ея величеству для освобожденія себя отъ такого состоянія другого способу, развѣ согласиться съ королемъ Французскимъ, сакрификуя Парму и Пьяченцу королевѣ Испанской, а къ удовольству всего Французскаго народа одинъ Люксембургъ, котораго Французскій дворъ не владѣніе требовать будетъ, но только разореніе его крѣпостей. Та особа не признавалась имѣть коммиссію чинить такія предложенія, но многажды барону Васнеру подтвердила, что, по вся дни будучи при дворѣ, могъ высмотрѣть, что таково есть генеральное желаніе министерства и всей почти здѣшней націи; и къ тому жь столь часто предложеніемъ онымъ въ разговорѣ своемъ возвращался и всѣми способами оное резонабельнымъ показать старался, что барону правильное подозрѣніе подалось, что онъ не собою въ тотъ разговоръ съ нимъ вступилъ. Часто помянутый баронъ на тѣ внушенія отвѣтствовалъ, что разореніе крѣпостей люксембургскихъ и уступка всея Фландріи ничѣмъ межь собою не разнятся, понеже безъ Люксембурга никакого сообщенія межь Фландріею и прочими областями королевы Венгерской не останется; да хотя бъ и того несходства не было, онъ не знаетъ, съ какимъ основаніемъ королева Венгерская можетъ полагаться на новый трактатъ съ Французскимъ дворомъ, когда недавно заключенный съ императоромъ ея отцемъ не исполняется.

Сіе все мнѣ отъ самого барона Васнера сообщено, и по честному его характеру не могу чаять, чтобъ онъ то отъ себя выдумалъ для поспѣшенія помочи своей государынѣ отъ высочайшихъ ея союзниковъ, для чего я такъ сію статью моей покорнѣйшей реляціи, какъ и все вышеписанное, сообщу вашего им-

ператорскаго величества министрамъ въ Гагѣ и въ Лондонѣ, да и впредь по силѣ высочайшаго указу не оставлю имъ дать знать о всемъ томъ, что̀ къ побужденію морскихъ державъ въ принятіи конечной резолюціи служить можетъ. И проч.

Помѣта князя Щербатова: «Получено въ Лондонѣ 6 апрѣля 1741 году при письмѣ графа Александра Гавриловича Головкина изъ Гаги отъ 3 сего апрѣля».

261. — Марта 31-го. Парижъ.

Милостивый государь мой Иванъ Андреевичъ! Покорнѣйше вашему сіятельству благодарствую за два милостивыя ваши письма отъ 13-го февраля и 20-го марта, прося извиненія, что на первое отвѣтомъ замедлилъ, не имѣя ничего важнаго къ допошенію. «О прибавкѣ сухопутнаго здѣшняго войска здѣсь давно слухъ носится, но никакого указу къ тому не выдано. Со всѣмъ тѣмъ можетъ статься, что оная прибавка со временемъ воспослѣдуетъ, хотя и не усмотрѣваю какого намѣренія для начатія сухопутной войны. Напротивъ, сумнѣваться не можно, что дворъ здѣшній подъ рукою королевѣ Венгерской сколько можно вредить не премпнетъ. Опасаюсь, что на послѣдокъ проѣздъ испанскому войску сквозь Францію будетъ позволенъ. Главнѣйшее теперь здѣшнее усильство клонится, чтобы употребить всѣ возможные способы для отдаленія великаго князя Тосканскаго отъ короны имперской, и сколько можно, межь принцами имперскими несогласіи пріумножать. Являемое съ стороны двухъ морскихъ державъ медленіе въ принятіи потребныхъ мѣръ въ пользу Вѣнскаго двора здѣсь, какъ сами разсудить изволите, гораздо пріятно, и ежелибъ за подлинно вѣдали, что оно основано на опаствѣ съ стороны французской, не оставили бъ наипаче подозрительства пріумножить».

Маркп д' Антинъ, какъ мнѣ здѣсь за подлинно сказано, скоро сюды съ французскими эскадрами возвратится, которыя за моровою язвою и другими болѣзнями въ весьма худомъ состояніи. Соединенія тѣхъ эскадръ съ испанскою не было, и

галліоны, за которыми оный маркизъ отправленъ, изъ Америки подняться не посмѣли.

Понятовскій подалъ здѣсь меморіалъ противъ сопровительства и голоса богемскаго, хотя изъ Вьены подтверждаютъ, что соглашеніе того скоро къ счастливому концу идетъ. Графъ Тессинъ отправляетъ жену свою въ Стокгольмъ и самъ за нею отъѣхать сбирается. Сардинскій дворъ готовитъ министра къ Саксонскому, и сказываютъ, что заключенъ будетъ бракъ межъ курпринцомъ Саксонскимъ и принцессою Сардинскою.

Впрочемъ, покорнѣйше благодарствую за покупку очковъ, которые нетерпѣливо ожидаю. Выданныя на то отъ вашего сіятельства деньги изволите принять отъ священника Варѳоломея, къ которому отъ меня пересланы, и при томъ благосклонно примѣтить, чтобъ отъ него, священника, сполна заплачены были малые мои долги, оставшіеся въ Лондонѣ, до сорока-три фунта девять шеллинговъ, которые также къ нему отъ меня переведены. На послѣдокъ же покорно прошу, чтобъ приложенный векселъ на 3.000 рублевъ приказать отдать къ акцептаціи и акцептованный мнѣ возвратить, представляя мои услуги во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оныя вашему сіятельству явятся угодныя, и пребывая неотмѣнно съ крайнимъ почтеніемъ вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Марта 31-го дня 1741.

P. S. Уже съ двѣ недѣли тому я отправилъ къ господину Гасталдію консультацію моего доктора къ господину Мпду, на которую отвѣта не получаю. Буде не въ трудъ вашему сіятельству, прошу провѣдать, что̀ съ тою консултаціею учинено.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 29 марта—9 апрѣля; отвѣтствовано 30/10 того же въ Лондонѣ».

262. Апрѣля 14-го—25-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Особливо вашему сіятельству благодарствую за два милостивыя ваши писъма отъ

30-го марта и отъ апрѣля, изъ которыхъ я при первомъ вексель обратно, а при послѣднемъ очки получилъ исправно, покорно прося ваше сіятелство почтить меня своимъ приказомъ для показанія вамъ моихъ взаимныхъ услугъ.

Ваше сіятельство уже изволили усмотрѣть изъ копіи реляціи моей, отправленной къ графу Александру Гавриловичу Головкину (которую я его просилъ вашему сіятельству сообщить), намѣреніи и состояніе здѣшнихъ дѣлъ. Въ слѣдствіе къ оной имѣю покорно вашему сіятельству донесть, что получена здѣсь вѣдомость, что въ Швеціи секретарю аглицкому пріѣздъ ко двору запрещенъ, для того что представлялъ съ стороны своего государя субсидіи. То дѣло со временемъ важнымъ учинится можетъ, и чуть ли не къ нашей пользѣ, если войнолюбнымъ въ Швеціи людямъ удастся тишину сѣверную разорвать. Здѣсь оно министерству, сколько поступка аглицкаго секретаря касается, было отчасти досадно, и съ прибавками внушено чужестраннымъ министрамъ, для раздранія сердецъ противъ англичанъ, противъ которыхъ здѣшнее озлобленіе, кажется, изъ дня въ день пріумножается, хотя отозвали изъ Америки маркиза д'Антина съ своимъ флотомъ. Изъ оного шесть кораблей подъ командою командора Рошелора дѣйствительно вступили въ портъ Тулонскій 13-го сего, а прочіе съ маркизомъ д'Антиномъ приближились къ Бресту.

Такое въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ того флота возвращеніе поводъ подаетъ судить, что оный употребленъ будетъ для прикрытія испанскаго транспорту въ Италію, ибо, кажется, что король Сардинскій сухопутную испанскому войску дорогу дозволить не намѣренъ. Для того жь, по письмамъ изъ Испаніи, съ горячностію тамъ пріуготовляютъ транспортныя суда. «Отъ сего изволите усмотрѣть, что намѣренія здѣшнія предъ прежнимъ въ томъ не отмѣнили, чтобъ буде не прямо, то посторонними образомъ искать ущерба аустрійскихъ силъ, и того только Вѣнскій дворъ отсюду надѣяться можетъ, что дѣйствительно Франціи войною на него не нападетъ и королю Прусскому помочи не по-

дастъ». Продолжаются между тѣмъ невозможныя домогательства для пріобрѣтенія короны имперской электору Баварскому, для чего графъ Белиль дѣйствительно въ Дрезденѣ находится; «буде выключеніемъ голоса богемскаго удастся зажечь междуусобную войну въ имперіи, чуть ли Франція участія въ ней не приметъ для добычи себѣ по меньшей мѣрѣ крѣпости Люксембургской».

До сѣхъ поръ въ сухопутномъ здѣшнемъ войскѣ прибавки еще не учинено, но въ готовности имѣютъ съѣстного припасу для 80 тысячъ войска на шесть мѣсяцевъ. Въ портахъ корабли чинить и строить продолжаютъ. «Со всѣмъ тѣмъ Швецкій дворъ напрасно всюду денегъ или помочь ожидать станетъ». За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Апрѣля 25-го—14-го дня 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 22 апрѣля—3 мая; отвѣтствовано 30/11 того же».

263. — Апрѣля 22-го—мая 3-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Покорнѣйше вашему сіятельству благодарствую за благосклоннѣйшія два письма ваши отъ 13-го и 20-го апрѣля, при которыхъ я получилъ исправно экземпляры съ рѣчи королевской къ парламенту и съ ихъ адресовъ. Оная Великобританскаго двора резолюція, которой, какъ безсумнительно вашему сіятельству уже извѣстно, слѣдовала подобная въ Голландіи, много общему благу при нынѣшнихъ обстоятелствахъ пользовать имѣетъ. « Въ самомъ дѣлѣ дальновидныя здѣшнія намѣренія буде можно остановить или умалить — то много къ тому способу нѣтъ, развѣ чтобъ благонамѣренныя къ европейской тишинѣ державы тѣснѣйшимъ союзомъ межь собою и потребнымъ пріуготовленіемъ, а въ нужномъ случаѣ и самимъ дѣйствомъ оказали, что не столь легкое дѣло быть имѣетъ опроверженіе Аустрійскаго дому. Каковы жь тѣ здѣшніе виды, ваше сіятельство усмотрите въ копіи моей покорнѣйшей реляціи, которая радуюсь, что къ вамъ исправно дошла; объ нихъ не рас-

пространяюсь тѣмъ наипаче, что ничего новаго о томъ доносить не могу». Впрочемъ голландскій посолъ предъ отъѣздомъ кардинальскимъ въ Марли далъ ему знать, что Статы Генеральные резолюцію приняли употребить при королѣ Прусскомъ свои добрыя офиціи для примиренія его величества съ королевою Венгерскою, и буде ихъ въ томъ радѣтельство будетъ безплодно, исполнить имѣющіяся обязательства съ Вѣнскимъ дворомъ, при чемъ внушилъ: не изволитъ ли и онъ, кардиналъ, къ тому жь концу и свои добрыя офиціи при Прусскомъ дворѣ употребить. Кардиналъ похвалилъ Статовъ Генеральныхъ резолюцію, ничего не отвѣтствуя на то, что касается здѣшнихъ добрыхъ офицій. «Безъ пророческаго духа предвидѣть можно, что намѣреніе здѣшнее не къ тому клонится, чтобъ уменьшить число непріятелей королевы Венгерской, какъ, чаю доказываетъ графъ Белиль своею поѣздкою къ всѣмъ электорскимъ дворамъ; а теперь онъ, отъѣхавъ изъ Дрездена, имѣетъ находиться въ Бреславѣ.

Сколько до прочихъ здѣшнихъ дѣлъ касается, покорно ссылаюсь на послѣднее мое письмо отъ 23-го апрѣля, въ пополненіе котораго служитъ Газета Парижская подъ № 17-мъ, въ которой изволите усмотрѣть обстоятельства стибки межь шестью аглицкими и четырьмя французскими караблями. Объ оной по сю пору министерство здѣшнее ни жалобъ, ни разсужденій не производитъ. Теперь всѣ бывшіе къ Америкѣ французскіе корабли уже въ здѣшнихъ портахъ, кромѣ двухъ, которые, сказываютъ, въ Сентъ-Доминго оставлены, и ожидаемъ видѣть, каково сіе происхожденіе при Ишпанскомъ дворѣ принято будетъ. Командующій ими марки д'Антинъ 25-го n. st. въ Брестѣ умеръ. Къ сухопутному войску еще прибавки не учинено. За симъ, съ крайнимъ почтеніемъ остаюся вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа апрѣля 22-го—мая 3-го дня 1741 году.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 26 апрѣля—7 мая; отвѣтствовано 30/11 того же».

264. — Мая 19-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Въ отсутствіи моемъ у водъ Пломбіерскихъ дошли сюды исправно вашего сіятельства два почтеннѣйшія письма отъ 30-го апрѣля и 7-го мая, за которыя особливо благодарствую. По приложеннымъ при второмъ запискамъ я испанскому послу рекомендовалъ дѣло арестованнаго корабля Делицы, вручивъ ему обстоятельную меморію, которую также и здѣшнему статскому секретарю сообщилъ, чтобъ при томъ и французскія добрыя офиціи были употреблены. Съ обѣихъ сторонъ я о радѣтельномъ приложеніи труда къ нашему удовольству обнадеженъ. Какія тому впредь будутъ слѣдствіи, не премину такъ вашему сіятелству, какъ и къ высочайшему двору прямо отъ себя донесть.

«Между тѣмъ нужно чаю ваше сіятельство покорнѣйше увѣдомить, что девятаго-на-десять мая по новому стилю указъ полученъ въ Брестѣ вооружать десять военныхъ кораблей да одну фрегату со всякимъ поспѣшеніемъ, и понеже слухъ идетъ, что оная эскадра вооружается для Балтики, я имѣлъ о томъ съ министрами здѣшними изъясненіе, по которому довольно мнѣ дали знать, что такое намѣреніе имѣютъ, ежели отъ Аглицкаго двора эскадра въ Балтику будетъ послана. Подробности сего дѣла, которое собою важно, я вашему сіятельству пространно сообщу чрезъ копію реляціи своей, которую завтра съ куріеромъ отправляю, и которая къ вамъ дойдетъ чрезъ графа Александра Гавриловича, а до того ваше сіятелство соизволитъ сею вѣдомостію употребленіе учинить, смотря по инструкціямъ отъ двора. Министерство аглицкое то доподлинно поставлять должно, что одинъ способъ препятствованія французской эскадры есть, чтобъ заранѣе аглицкая была въ готовности и здѣшней сильнѣе».

Отъ прочихъ здѣшнихъ дѣлъ примѣтною къ извѣстію вашего сіятельства нахожу учиненную прибавку къ здѣшней пѣхотѣ по 10 человѣкъ въ роту, которое учинитъ около 30 тысячъ во всемъ здѣшнемъ войскѣ. Сказываютъ, что послѣдовать будетъ и прибавка къ конницѣ, и что войсковъ собраны будутъ 30 тысячъ

миліціи. Затѣмъ, ссылая о прочемъ на вышепомянутую мою реляцію, прекращаю сіе, съ крайнимъ почтеніемъ пребывая вашего сіятелства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Мая 30—19-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 24 мая — 4 іюня; отвѣтствовано 1/12 іюня».

265. — 1-го іюня. Парижъ.

Копія съ реляціи моей отъ 21-го мая — 1-го іюня 1741.

Изъ приложенной при семъ копіи съ письма изъ Бреста отъ 22-го мая, писаннаго отъ морского офицера къ моему здѣсь пріятелю, ваше императорское величество изволитъ всемилостивѣйше усмотрѣть, что 19-го того жь указъ тамо полученъ о вооруженіи со всякою поспѣшностію девяти военныхъ кораблей и одной фрегаты, и что оная эскадра имѣетъ идти въ Балтику. Тотъ слухъ и здѣсь изъ дня въ день подтверждается; не хотѣлъ я далѣе отлагать требованіе изъясненія о томъ отъ здѣшнихъ министровъ. Потому я четвертаго дни нарочно ѣздилъ къ господину кардиналу въ Исси, и представя ему о помянутомъ слухѣ, просилъ его, чтобъ изволилъ мнѣ приказать, что̀ о томъ доносить вашему императорскому величеству, удостовѣряя при томъ, что я оному слуху вѣру подать никакимъ образомъ не могу, понеже извѣстно мнѣ будучи миролюбное его кардинальское намѣреніе, не могу чаять, чтобъ сопзволилъ такимъ неблаговременнымъ отправленіемъ французской эскадры еще наипаче возбудить нынѣшняго швецкаго министерства склонность къ начатію войны противъ вашего императорскаго величества, столь наипаче, что такой поступокъ былъ бы мало согласенъ имѣющемуся доброму согласію межь вашимъ величествомъ и королемъ Французскимъ, какъ онъ, господинъ кардиналъ, самъ признать долженъ.

Противъ того онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что правда, указъ отправленъ въ Брестъ для вооруженія девяти кораблей да одной

фрегаты, но до сѣхъ поръ никакой резолюціи не принято, къ чему оную эскадру употребить, и отъ меня желаетъ, чтобъ ваше императорское величество надежно удостовѣрились, что оная эскадра въ Балтику отправлена не будетъ, ежели: 1-е) король Дацкій обнадежитъ, что при начатіи войны въ сѣверѣ сохранитъ отъ прочихъ внѣшнихъ державъ неутралитетъ Балтическаго моря, и 2-е) ежели агличане въ то море свою эскадру не пошлютъ; что и въ противномъ случаѣ онъ, кардиналъ, еще сказать не можетъ, помянутая французская эскадра будетъ ли аглицкой слѣдовать, но оставляетъ о томъ резолюцію принять, когда случай воспослѣдуетъ; что впрочемъ его королевское величество никакого намѣренія не имѣетъ принять хотя малѣйшее участіе въ войнѣ межь Швеціею и Россіею, ежели оная случится; что онъ, кардиналъ, особливо сожалѣетъ, видя такую горячность съ стороны швецкой, и совѣстно засвидѣтельствовать можетъ, что его совѣты при министерствѣ швецкомъ всѣ клонились къ сохраненію тишины, и что о ихъ поступкахъ столь мало извѣстенъ, что и по сю пору не знаетъ и о числѣ ихъ военныхъ кораблей.

Противъ того я господину кардиналу предложилъ, что двѣ помянутыя кондиціи, на которыхъ неотправленіе французской эскадры обѣщать изволитъ, ваше императорское величество никакимъ образомъ принять не можетъ для того, что такъ Дацкій, какъ и Аглицкій дворъ имѣютъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ обязательства союзническія, и потому ни одинъ, ни другой въ неутралитетѣ остаться не долженъ, когда съ швецкой стороны учинится на ваши области нападеніе, а такое нападеніе съ ихъ стороны подлинно воспослѣдуетъ, ибо ваше императорское величество твердое намѣреніе приняли оружіе свое не обнажать, пока швецкія военныя дѣйствія къ тому васъ не понудятъ, и для того терпѣливо и теперь сносите всѣ являемыя съ ихъ стороны раздраженія, которыя изъ дня въ день безъ всякаго поводу пріумножаются; слѣдовательно, такъ Дацкій, какъ и Аглицкій дворъ необходимо обязаны будутъ придти въ помочь вашу, ежели ваше императорское величество отъ нихъ то по-

требуетъ. До сѣхъ поръ я не вѣдаю, будетъ ли имѣть въ томъ ваше императорское величество нужду, понеже Богъ далъ вамъ довольныя силы для препятствованія дальныхъ видовъ вашихъ непріятелей, и въ пограничныхъ областяхъ вашихъ такія сухопутныя и морскія пріуготовленіи учинены, что надѣятесь свободно отвратить непріятельское нападеніе; но ежели ваше императорское величество отъ Аглицкаго двора потребовалъ по новозаключенному трактату надлежащую морскую помочь, я оставляю на его кардинальское праводушное разсужденіе, можетъ ли его королевское величество праведно той аглицкой помочи сопротивляться, не имѣя съ россійской стороны никакого поводу къ такому ей одной предосудительному поступку,—ибо онъ самъ со мною изволитъ признать, что, препятствуя вашимъ союзникамъ подавать вамъ надлежащую помочь, не имъ, но вашему императорскому величеству тѣмъ вредъ принесетъ, равно какъ отъ войны сѣверной больше тишина всей Европы и отчасти интересы королевы Венгерской, чѣмъ ваши, претерпѣть имѣютъ.

На то кардиналъ отзвался, что онъ уже напомянулъ о истинномъ здѣшнемъ намѣреніи не принимать участія въ войнѣ межь Швеціею и Россіею, и какъ подлинно никакой причины къ жалобамъ противъ Россійскаго двора здѣсь не имѣютъ, такъ охотно доброе согласіе съ нимъ содержать будутъ; но что высокомысліе аглицкое нестерпимо становится, и онъ безъ осужденія отъ всего свѣта не можетъ позволить Аглицкому двору вступаться въ дѣла всей Европы, размножать свой суперіоритетъ и искать вездѣ самовластно властвовать, для чего не знастъ, не будетъ ли принужденъ сопротивляться ихъ предпріятіямъ въ сѣверѣ; что можно бы всякое несходство миновать, остановя отправленіе аглицкой эскадры въ Балтику, столь наипаче, что ваше императорское величество имѣетъ свои морскія силы, и что швецкій народъ подлинно не въ состояніи вамъ сопротивляться; что впрочемъ я самъ вѣдаю, что въ послѣдней межь Франціею и цесаремъ войнѣ россійское войско прислано его императорскому ве-

личеству въ помочь; но однакожь затѣмъ межь Французскимъ и Россійскимъ дворомъ, еслибъ польскія дѣла не вмѣшались, разрывъ бы не воспослѣдствовалъ.

Я ему противъ того предложилъ, что сколько касается до поступковъ аглицкихъ, на которые онъ нарекать изволитъ, оное дѣло мнѣ не принадлежитъ, и потому я ничего о томъ разсуждать не могу; равномѣрно, не вступаясь въ изслѣдованіе, какіе противъ того должны быть подвиги французскіе, и онъ самъ изволилъ примѣтить, что я о вооруженіяхъ здѣшнихъ никогда ни словомъ не отзывался, когда оныя не касались интересовъ вашего императорскаго величества. Да и теперь я не говорю о такихъ движеніяхъ аглицкихъ, которыя не имѣютъ сношеніе съ интересами вашими, но представляю на его кардинальское разсужденіе, можетъ ли онъ правильно препятствовать приходящую къ вашему императорскому величеству помочь, отъ кого бы она ни была прислана; что отправленная отъ ея императорскаго величества блаженныя памяти покойному цесарю въ послѣдней войнѣ гораздо разнится съ нынѣшнимъ случаемъ, ежели онъ изволитъ или дѣйствительно Шведскому двору спомоществовать, или союзникамъ вашимъ препятствовать вамъ въ помочь приходить; ибо 1-е) межь Россіею и покойнымъ императоромъ имѣлся давній оборонительный союзъ, а я вѣдаю, что онъ и самъ похулилъ бы поступокъ Россійскаго двора, ежелибъ обязательства свои не исполнилъ; напротиву, межь Франціею и Швецію никакого подобнаго обязательства не имѣется, по меньшей мѣрѣ какъ отъ него самого мнѣ прежь сего объявлено; и 2-е) въ послѣдней войнѣ съ императоромъ Франція нападеніе учинила, а въ нынѣшней межь Швеціею и Россіею, ежели воспослѣдуетъ, подлинно шведы будутъ агрессорами, и было бы весьма противно правосудному его кардинальскому праву требовать, чтобъ Россійскій дворъ не искалъ всѣми способами отвратить противъ непріятеля обиду и съ помощію Божіею привесть его въ такое состояніе, чтобъ впредь не былъ опасенъ. Съ тѣмъ же его правосудіемъ не согласно желать пользу людей безпокойныхъ, которые за своимъ высокомысліемъ

и самые его кардиналскіе миролюбные совѣты презрѣли. Напослѣдокъ я заключилъ, что всѣ помянутые мои резоны столь основательны, что я уповаю, что онъ изволитъ подать имъ должную атенцію, полагаясь впрочемъ на его собственное разсужденіе и праводушіе по онымъ принять такую резолюцію, которая съ королевскою честію и съ имѣющимся межь его величествомъ и вашимъ императорскимъ величествомъ добрымъ согласіемъ болѣе сходна; что къ тому время довольное изволитъ имѣть, понеже, сколько мнѣ извѣстно, по сю пору ваше императорское величество отъ союзниковъ своихъ помочи не требовали, а когда требовать станете, не сумнѣваюсь, что данъ мнѣ будетъ указъ ему о томъ сообщить.

Господинъ кардиналъ еще противъ того сказалъ, что онъ, правда, и самъ теперь не знаетъ, какую резолюцію приметъ, когда случай, о которомъ говоримъ, воспослѣдуетъ; что онъ обязанъ будетъ, ежели благовременно о требованіи помочи аглицкой будетъ увѣдомленъ; что тогда посмотритъ, какой поступокъ будетъ приличнѣе; что впрочемъ я самъ былъ свидѣтелемъ его миролюбной склонности и его подвиговъ въ сохраненіи не только сѣверной, но и всея Европы тишины и съ самимъ предосужденіемъ своей славы, понеже де прочіе народы причитали ему то въ робость; но, по несчастію, всѣ его труды были неудачливы за славолюбіемъ аглицкимъ; что однакожь какъ онъ мало суетится о славѣ сего міра, такъ сколь можно долѣе намѣренъ пребывать въ своей прежней склонности, имѣя, когда принужденъ будетъ, оказать, что здѣшняя держава умѣетъ себя защищать. Правда де, онъ признаетъ аглицкій суперіоритетъ на морѣ, но по сухому пути Богъ довольныя силы королю далъ.

Противъ того я еще отвѣтствовалъ похвалами его кардинальскими, изъясняя, что ни малаго ущерба славы его у благоразсудныхъ людей его миролюбный нравъ не принесъ и не принесетъ; что столько разныхъ причинъ и поводовъ къ смущенію европейскому имѣется, что не нужно высокомысліе министровъ для пріумноженія оныхъ, и что онъ самъ изволитъ вѣдать, что

отъ него зависпть европейскую тишину возставить и сохранить, какъ и Францію въ войну не ввесть, понеже ни которая держава, сколько видѣть можно, напрасно Францію атаковать не отважится. Меньше же опасности оная имѣетъ съ стороны сѣверныхъ державъ, наипаче же съ вашей, ибо ваше императорское величество неотмѣнное намѣреніе содержитъ всѣми возможными способами сохранить себѣ и утвердить дружбу королевскую, къ чему довольные опыты изволили уже подать. На что онъ, господинъ кардиналъ, отвѣтствовалъ, что сколько вашего императорскаго величества касается, онъ увѣренъ о вашихъ добрыхъ намѣреніяхъ столь наипаче, что не видитъ никакой причины къ разгласію между двѣмя дворами, но не можетъ то же ожидать отъ прочихъ державъ, изъ которыхъ въ нѣкоихъ явно оказывается злая склонность противъ Франціи.

На другой день я видѣлся съ господиномъ Амелотомъ, которому противъ отправленія французской эскадры въ Балтику такія же предложенія учинить не приминулъ. Отвѣтъ его былъ подобнаго съ кардинальскимъ состоянія, только что сильнѣе старался увѣрить, что вооруженіе, въ Брестѣ чинимое, по сю пору не касается Балтическаго моря. Впрочемъ онъ также удостовѣрялъ, что его королевское величество не намѣренъ участія принять въ Шведской войнѣ; что для того, какъ прежде министерству шведскому оную отсовѣтовалъ, такъ и теперь признаваетъ, что оная неблаговременна и имѣетъ быть къ предосужденію швецкому народу, который противъ вашего императорскаго величества стоять не можетъ, прибавя при томъ, что не мало сожалѣетъ о приключившейся тяжкой болѣзни графа Сентъ-Северина, которая препятствуетъ ему не только дѣйствовать, но и писать сюды, такъ что здѣсь о нынѣшнихъ шведскихъ дѣлахъ, развѣ постороннимъ письмами, ничего не вѣдаютъ, и что понеже къ нему посылается отзывная грамота, съ прилежностію ищется другая особа на его мѣсто, которая бъ способна была въ нынѣшнихъ деликатныхъ коньюнктурахъ усмирить тамошнюю военную склонность, ибо онъ согласно со мною признаетъ, что оная

война нимало съ французскими интересами не согласуется, для того что Швеція одна оную сносить не въ состояніи, а здѣшнему двору ей спомоществовать не прилично, и потому онъ еще надѣется, что ту войну миновать будетъ можно. Сколько же принадлежитъ до аглицкой эскадры, которая идти бъ имѣла въ помочь вашу, то трудно Франціи покойно на такіе аглицкіе поступки смотрѣть, и что столь мало къ предосужденію вашему поступать здѣшнее намѣреніе было, что еще и слуху не было о заключеніи союза межь вашимъ императорскимъ величествомъ и королемъ Аглицкимъ, когда намѣреніе принято о вооруженіи Брестской эскадры; что впрочемъ агличане, вашего требованія и не ожидая, могутъ эскадру свою отправить, и слѣдователно, оная не для однихъ вашихъ интересовъ отправляется.

Противъ сего послѣдняго я стацкаго секретаря просилъ примѣчать, что всякое препятствованіе диверзіи непріятеля бываетъ предосудительно тому, въ чью пользу оная происходитъ, что весьма мало причины вѣрить, чтобъ агличане безъ требованія хотѣли эскадру въ Балтику послать, не имѣя тамъ никакого своего интереса, и что я чаю, что и по требованіи не отправили бы, ежелибъ ваше императорское величество были агрессорами, понеже послѣдній трактатъ только ихъ къ оборонѣ обязываетъ.

Не вступая въ подробнѣйшее описаніе словъ Амелотовыхъ, понеже какъ теперь статскіе секретари—люди совсѣмъ подчиненные, такъ кардинальскія рѣчи должны всю важность содержать, а изъ оныхъ ваше императорское величество изволитъ всемилостивѣйше смотрѣть, куды намѣреніе здѣшнее клонится; я и теперь увѣренъ, что сколько пріятны и здѣсь сѣверныя смущенія, и столько буде свои интересы, разумѣю — дѣйствителная швецкая война желательна французскому министерству быть не можетъ. И мнѣ кажется, что изъясненіи кардинальскія къ тому напаче служатъ, чтобъ отправленіе аглицкой эскадры остановить; впрочемъ, сколько мои представленіи ни сильны, ни основаны, которыя и кардиналъ, и Амелотъ приняли весьма изрядно, я не льщу себѣ, чтобъ оныя или другія сильнѣйшія могли отвра-

тить отправленіе здѣшней эскадры, когда къ тому резолюцію примутъ. Одинъ къ тому способъ тотъ, чтобъ агличане свою заранѣе приготовили (здѣшняя поспѣетъ къ половинѣ іюля) и вступленіемъ въ море предупредили, понеже въ такомъ случаѣ, по мнѣнію всѣхъ здѣсь благоразсудныхъ людей, кардиналъ французскіе корабли отважить не склонится. Къ тому жь, можно бъ Аглицкому двору самому отъ здѣшняго изъясненія требовать, чтобъ однажды за все вѣдать, чего отсюда ожидать должно, и то прибавя, что на проходъ кораблей французскихъ сквозь каналъ Англія безъ того изъясненія покойно смотрѣть не можетъ; сіе я внушилъ того двора обрѣтаемому здѣсь секретарю при сообщеніи всего происшедшаго межь мною и здѣшними министры, который самъ одного со мною мнѣнія находится; а къ вашего императорскаго величества министрамъ въ Гагу и въ Лондонъ цѣлую копію сей реляціи посылаю, чтобъ они по полученнымъ уже отъ вашего императорскаго величества инструкціямъ учинили ей такое употребленіе, каково заблагоразсудятъ.

Я какъ на прошлой недѣлѣ кардиналу, такъ третьяго дни при самомъ входѣ статскому секретарю формальное объявленіе учинилъ по содержанію высочайшаго вашего рескрипта со всѣми пристойными изъясненіями. Господинъ Амелотъ обѣщался о томъ королю донесть, не вступая ни въ какое другое разсужденіе; только любопытно меня спрашивалъ, сколь сильна помочь, о которой въ трактатѣ договорепось, и правда ли, что Саксонскій дворъ въ оный союзъ включенъ, какъ сотрактующая держава. Противъ чего я ему отвѣтствовалъ, что мнѣ обстоятельства трактата еще не сообщены, и въ высочайшемъ вашего императорскаго величества указѣ о Саксонскомъ дворѣ не упоминается.

Что принадлежитъ до здѣшнихъ другихъ дѣлъ, къ войску сухопутному еще другой никакой прибавки не учинено, и впрочемъ, никакія другія мѣры къ сухопутной войнѣ не принимаются. Кромѣ вышеупомянутыхъ десяти брестскихъ кораблей, вооружаются двѣнадцать въ Тулонѣ, какъ въ приложенномъ письмѣ предвидѣно, которые почти всѣ не изъ числа возвратившихся изъ

Америки. Сіи начинаютъ чинить и конопатить, и по данному мнѣ отъ пріятеля извѣстію, въ нужномъ случаѣ въ состояніи здѣсь будутъ еще и симъ лѣтомъ въ море вывесть около 50 кораблей малыхъ и большихъ, всѣ включая. Но къ такому вооруженію потребны здѣсь важныя издержки, и надлежало бы выдать немалыя суммы въ самой скорости, чего, по мнѣнію людей, коимъ денежныя здѣшнія дѣла извѣстны, учинить не легко, понеже казна королевская необильна.

По тому жь я еще согласить не могу, какъ склонился кардиналъ къ составленію конвенціи съ Швецкимъ дворомъ для выдачи субсидіевъ, какъ безъ того оный дворъ могъ бы столькую горячность къ войнѣ оказывать. По всѣмъ же банкіерскимъ извѣстіямъ, денежнаго переводу въ сѣверъ не было. Графъ Тессинъ однакожь учащаетъ свои долгія свиданія съ министрами, какъ и баварскій министръ. Со всѣмъ тѣмъ здѣсь многіе чаютъ, что баварское войско въ походъ идти не въ состояніи.

О графѣ Белилѣ мнѣ подтверждено, что онъ Саксонскимъ и Прусскимъ дворомъ не гораздо доволенъ. Сей послѣдній дворъ здѣсь начинаетъ становиться подозрительнымъ, понеже со всѣхъ сторонъ вѣдомости приходятъ, что вскорѣ воспослѣдуетъ примиреніе межь оныимъ и Вѣнскимъ чрезъ посредство Аглицкаго, и тѣмъ вѣдомостямъ столько довѣряютъ, что и въ отвѣтѣ королевскомъ французскомъ къ Статамъ Генеральнымъ отъ 19-го мая внесены. Еслибъ и другого поводу къ недовольству не было, одно аглицкое медіаторство довольно здѣшній дворъ раздражитъ. Но кромѣ того, изрядно предвидятъ что, когда тѣ двѣ воюющія державы примирятся, сторона королевы Венгерской столь сильна станетъ, что уже гораздо больше усилія потребно будетъ для произведенія здѣшнихъ дальновидныхъ намѣреній, которыя всегда на томъ же стоятъ, наипаче ежели высочайшіе ея величества союзники держаться станутъ въ тѣсномъ согласіи и вооруженіи. Такія съ ихъ стороны мѣры, можетъ быть, и совсѣмъ генеральную войну предупредятъ, которой министерство здѣшнее опасается.

Въ Испаніи поспѣшается пріуготовленіе транспортныхъ судовъ въ Барцелонѣ, хотя уже мало кто здѣсь сумнѣвается, что испанскому войску проѣздъ сквозь Францію не будетъ отказанъ, ежели можно будетъ привлечи короля Сардинскаго, котораго намѣреніе еще не извѣстно. Между тѣмъ готовится нѣсколько галеръ, которыя имѣютъ изъ Маіорки въ Барцелону привесть посланные въ прошломъ году испанскіе баталіоны.

Liste de vaisseaux qu'on arme à Brest.

Vaisseaux.	*Capitaines.*	*Canons.*
Le Superbe	Monsieur de Roquefeuille	74
Le Neptune	Monsieur de Camilles	74
Le Saint-Philippe	Monsieur de Gard	74
Le Mars	Monsieur de Perier	66
Le Saint-Michel	Monsieur de Feuileuse	67
L'Eclalant	Monsieur de Saite-Claire	67
L'Auguste	Monsieur de Villeneuve	54
Le Griffon	Monsieur de Moguemora	54
La Naïade	Monsieur de Contenteuille	26

Et peut être, dit-on, la Medée qui est de 26 canons.

La somme 556
26

Canons 582

Помѣта князя Щербатова: «Получено 1/12 іюня».

266.—Іюня 1-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вслѣдствіе послѣдняго моего письма я просилъ графа Александра Гавриловича отправить къ вашему сіятельству копію съ сегодняшней моей реляціи. Потому и чаю, что оная вмѣстѣ съ настоящимъ моимъ покорнѣйшимъ писаніемъ къ вамъ дойдетъ. И понеже въ оной все то содержано, что̀ я отсюду вашему сіятельству доносить бы могъ, совершенно на оную ссылаясь, въ ваше разсужденіе предаю, какое употребленіе важными въ ней сообщенными вѣдомостями при тамошнемъ дворѣ учинить изволите. Только ваше сіятельство всепокорно прошу о всемъ томъ, что̀ по помянутымъ вѣдомостямъ тамо жь произойдетъ, прямо къ двору доносить.

Впрочемъ съ крайнымъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 1-го іюня—21-го мая 1741.

267.—Іюня 22-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! По надежному данному мнѣ здѣсь извѣстію резолюція здѣсь принята по дальнѣйшей мѣрѣ мѣсяца въ два отправить въ баталью тридцать тысячъ французскаго войска, такъ въ пользу электорскую, какъ для исполненія главнѣйшаго здѣшняго намѣренія, то-есть, отдаленія великаго князя Тоскапскаго короны имперской. По сію пору еще ничего не поставлено о способахъ того предпріятія, котораго слѣдствіе будетъ безсумнительно генеральная война, весьма несродная здѣшнимъ интересамъ и скудости въ деньгахъ и въ хлѣбѣ; но пропскъ партизановъ пшпанскихъ и древняя ненависть противъ Аустрійскаго дома знатно всякаго разсужденія сильнѣе. Сею вѣдомостію, которую гораздо подлинѣе почитать нужно, ваше сіятельство изволите чинить пристойное употребленіе по вашему разсужденію.

«Сколько же нашихъ дѣлъ касается, кардиналъ непрестанно присягами увѣряетъ, что въ шведскихъ движеніяхъ никакого участія не имѣетъ и въ войнѣ не приметъ, а между тѣмъ вооруженіе Брестской эскадры поспѣшается; но еще сумнительно, отправится ли она въ Балтику».

Впрочемъ, сколько принадлежитъ до корабля Делицы, по почтеннѣйшему вашего сіятельства письму отъ 15-го—26-го іюня, которое третьяго дня я имѣлъ честь получить исправно, дѣйствовать не оставлю. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ остаюсь вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Іюля 3-го—іюня 22-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 28 іюня — 9 іюля; отвѣтствовано 9/20 іюля».

268.—Іюля 3-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я имѣлъ честь вашему сіятельству донесть о принятой здѣсь резолюціи къ отправленію 30 тысячъ войска въ Баварію. Послѣ того не только вѣдомость та мнѣ подтверждена отъ пріятелей, но и послѣдовавшими обстоятельствами столько увѣрилась, что уже стала безсумнительна, ибо отъ статскаго секретаря военныхъ дѣлъ посланы циркулярныя письма ко всѣмъ полковникамъ имѣть полки свои комплетны и весь военный приборъ готовымъ къ походу къ 1-му числу наступающаго августа, указъ выданъ о приготовленіи большой артиллеріи въ Алзаціи, военнымъ комисарамъ для собранія хлѣба назначенъ паркъ Монмартель, и въ Лоррену отправлено 200 хлѣбниковъ. Уже и самое министерство тѣхъ пріуготовленій не отрекается, но желало бъ увѣрить, что оныя только въ предосторожность здѣшнюю чинятся, и что войско только въ лагерь будетъ выведено при Рейнѣ. Совсѣмъ тѣмъ, какъ выше я упомянулъ, о походѣ того войска въ Баварію никто не сумнѣвается, и по всему тому, что̀ къ моему знанію дошло, служить имѣетъ къ подкрѣпленію претензій электора Баварскаго, такъ что первымъ дѣйствомъ будетъ вступленіе въ Богемію.

«Всю ту махину двинжетъ марешалъ де-Белиль, который прибылъ сюды осмого сего, и съ того дни непрестанные совѣты держутся въ его присутствіи, въ которыхъ слово идетъ о времени и способахъ къ походу тому войску и къ начатію предвосприятія; для командированія оного назначены пять генераловъ-лейтенантовъ, хотя еще не объявлены, а надъ всѣми помянутый марешалъ, который, сказываютъ, что будетъ изъ Франкфорта письмомъ своимъ дѣйства оныхъ генераловъ учреждать, понеже говорятъ, будто электоръ желалъ, чтобъ не былъ марешалъ съ тѣмъ войскомъ присланъ. Слухъ же носится, и можетъ быть, не безъ основанія, что статскій секретарь Амелотъ будетъ изъ министерства отставленъ, и на его мѣсто опредѣленъ братъ графа Белиля, чѣмъ кредитъ сего марешала паипаче утвердится къ не-

малому предосужденію тишины европейской, которая и праву, и высокомыслію его противна.

«Всего того слѣдствія ваше сіятельство собою изрядно предусмотрѣть можетъ, и морскія державы наипаче оныхъ опасаться и благовременно о предупрежденіи оныхъ мѣры принять должны бы были столь наипаче, что отступленіе агличанъ сподъ Картагены намѣренія здѣшнія ободряетъ.

«Въ Брестѣ пріуготовленіе эскадры поспѣшается, и уже, чаю, на рейду введена, но еще по сю пору доподлинно не извѣстно, поѣдетъ ли въ Балтику, или нѣтъ, хотя, смотря по малому къ намъ доброжелательству, перваго больше опасаться должно».

Впрочемъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойного не обрѣтая, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Іюля 14-го—3-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 8/19 того же; отвѣтствовано 9/20 іюля».

269. — Іюля 7-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Въ послѣднемъ моемъ отъ 14-го сего ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что уже намѣреніе здѣшнее о отправленіи войска въ Баварію безсумнительно. Послѣ отпуска того письма, 13-го сего жь посланы вторичныя циркулярныя письма къ полковникамъ, чтобъ всѣ явились при полкахъ своихъ къ 1-му августа, отъ чего не изъяты и тѣ самые, которыхъ полки, изъ Корсики возвращаяся, находятся въ Антибѣ. «Сіе послѣднее чють ли не показываетъ, что и для Италіи корпусъ французскаго войска будетъ учрежденъ». Однимъ словомъ, офицеры здѣшніе палатки строятъ, лошади и ословъ закупаютъ, и никто уже о скоромъ походѣ войска не сумнѣвается. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Іюля 18-го—7-го дня 1741.

P. S. Нѣкоторыя письма изъ Бреста сказываютъ, что эскадра тамошняя выступила въ море не знамо въ какомъ пути 10-го сего. Но министерство здѣшнее сегодня и меня, и аглицкаго секретаря напсильнѣйше о противномъ увѣряли, такъ что я самъ уже не знаю, что о томъ дѣлѣ вѣрить, но уповаю, что правда открыться не умедлитъ, и тогда, отправляя къ двору куріера съ тою вѣдомостію, не премину къ вашему сіятелству о томъ сообщить. Между тѣмъ опасаюся, что впрямь той эскадрѣ походъ воспослѣдуетъ. Графъ Белиль завтра отъѣзжаетъ въ Франкфортъ, гдѣ недолго пробудетъ, имѣя командовать корпусъ войскъ, отправляемый въ Германію. Отъ пріятеля мнѣ сказано, что договоръ съ королемъ Прусскимъ чрезъ него заключенъ на такой кондиціи, что ежели до 1-го августа Франція свое войско введетъ въ Германію, то его Прусское величество совокупно съ нею будетъ продолжать войну противъ королевы Венгерской; въ противномъ случаѣ принужденъ съ ея величествомъ примириться. И для того походъ войска здѣсь поспѣшается. Всѣ сіи вѣдомости ваше сіятелство изволите употребить по своему разсужденію.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 12—23 іюля; отвѣтствовано 27 іюля—7 августа».

270. — Іюля 31-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! При покорнѣйшемъ моемъ благодареніи за почтенное вашего сіятельства письмо отъ 9-го минувшаго іюля, честь имѣю вамъ сообщить приложенную при семъ роспись арміи французской при рѣкѣ Рейнѣ. Ваше сіятельство изволите изъ оной подробно усмотрѣть не только число людей и генералитета, но и время, и мѣста вступленія въ Германію. До сихъ поръ не можно было имѣть подобную роспись о корпусѣ войска подъ командою маршала Мальбоа. Только слышу, что прибавлено будетъ до 60 тысячъ людей, и что пойдетъ чрезъ Ліежъ, Жюміежъ и Нейсъ въ Дюссельдорфъ, гдѣ будетъ генеральное сборное мѣсто тому войску. А общій слухъ подтверждаетъ, что прямое намѣреніе того войска есть атаковать короля Аглицкаго области въ Германіи.

О походѣ войска въ Италію ничего болѣе не слышно, и также генерально подтверждается, что трактатъ съ Сардинскимъ дворомъ еще не довершенъ. А иные прибавляютъ, что король Сардинскій малой склонности къ тому показываетъ, и говорятъ, будто его величество имѣетъ заключить бракъ съ архидукесою, сестрою королевы Венгерской.

Впрочемъ Брестская эскадра непремѣнно стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, и уже за подлинно поставляютъ, что въ Балтику не поѣдетъ; и въ самомъ дѣлѣ, годовая пора къ такой экспедиціи не способна. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Августа 11-го—іюля 31-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 5-го августа; отвѣтствовано 10-го того же».

Armée du Rhin.

1. *Passage du 15 Aout par le Fort-Louis.*
M-r. de Rhosnivinoin, brigadier.
Navarre, 4 bat. Beauce, 1 bat. Rhosnivinoīn, 1 bat. Laborier, artillerie, 1 bat.
Mineurs de Tresmet.
Guides de Bruk.
Compagnies franches de dragons. Jacob Gatheau.
Officiers généraux: m-r de Luville, lieutenant-général; m-rs de Ximenes et de Beranger, marechal de logis; De Champigni, major; D'Astier, aide-major; Pierron, vaguemestre; Le Fourrier, l'aide.

2. *Passage du 17 Aout par le Fort-Louis.*
M-r. Charost, brigadier.
La Marine, 4 bat. Ponthieux. . . les hussards de Ratsky.
Officiers généraux: m-r D'Aubigné, lieutenant-général; milord Clare, marechal de camp.

3. *Passage du 19 Aout par le Fort-Louis.*
M-r. le prince de Tingry, brigadier.
Touraine, 3 bat. Royal Vaisseau, 3 bat. Pons, 2 escadr.
Officiers généraux: De la Farre, lieut.-général; le duc de Luxembourg et m-r de Mirepoix, marechaux de camp; le s-r Tournier, aide-major.

4. *Passage du 19 Aout par Lauterbourg.*
M-r le comte de Saxe et de Ratsky lieutenants-généraux; Le chevalier d'Estrées et d'Apeler, marechaux de camp.

Cavalerie.	*Dragons.*
Royal, 3 escadr.	Mestre de Camp, 4 escadr.
du Roi, 3 escadr.	Dauphin, 4 escadr.
Carabiniers, 10 escadr.	
La Reine, 10 escadr.	Cinquante hommes de Royal *Artillerie.*
Du Romin	*Mineurs* de Rochefort.
	Ouvriers de Chevrour.

Compagnies franches: *Infanterie.* Pauly. Bock. La Haye. Du Chemin. De Baye et de Montmore, aide-marechaux de logis. Major-general de la cavalerie.

5. *Passage du 21 Aout par le Fort-Louis.*

M-r d'Armandières, brigadier.

Anjou, 2 bat. Rochechouart, 1 bat. Alsace, 3 bat. *Ouvriers* du Brocard. *Cavalerie*, Levy, 2 escadr.

Officiers généraux: de Curzon, lieutenant-general; duc de Bouflers et de Marceaux, marechaux de camp; intendant m-r de Sechel (dans l'artillerie, de Brocard).

6. *Passage du 21 Aout par Lauterbourg.*

Cavalerie: Colonel-général, 3 escadr. Royal Allemand — 3 escadr. Orleans — 3 escadr. Penthievre — 3 escadr. Royal Dragons — 2 escadr. D'Ermonville — 4 escadrons.

Compagnies franches: Hussards. *Infanterie*: Jacob. Gatheau. La Harze.

Officiers généraux: de Segur, lieutenant-général; Du Cheval et Berechiny, marechaux de camp. De Merples, aide-major-general.

7. *Passage de 22 Sep'embre par le Fort-Louis.*

M-r Souvré, brigadier.

Infanterie.		*Cavalerie.*	
Rohan. . . .	3 bat.	Mestre de Camp géneral. . .	3 escadr.
Souvré . . .	2 bat.	Clermont Tonnerre	3 escadr.
Berri	1 bat.	Andleu.	2 escadr.
		Fleury.	2 escadr.
		Fouquet	2 escadr.
		Royal Dragons	4 escadr.

Officiers généraux: De Gassion, De Polestron, Clermont-Tonnerre et du Caila, lieutenants-généraux.

Valcour et la Gervasois, marechaux de camp, Le c. Touquet, marechal de logis de la cavalerie. De la Tour, aide-major.

8. *Passage du 24 Septembre par Landau.*

M-r. de Tersé, brigadier.

Infanterie.		*Cavalerie.*	
Piemont	4 bat.	Sabran.	3 escadr.
La Reine	2 bat.	Chabrillan	3
Du Roi	4 bat.	Egmont	3
Royal Bavrère.	2 bat.	Grammont.	3

Marsoi Artillerie . . . 1 bat.

Brisac. . . . . 2 escadr.
Heudicour 2
Fiennes 2
Asfeld 5

Dragons.

Beaufremont . . . . . 4 escadr.
S-te. Mesme . . . . . 4 escadr.

Compagnies franches de dragons: Maudre, Saiset-Ceny, Romberg, Godenou.

Total: 44 bataillons. 12 compagnies franches infanterie. 30085 hommes infanterie. 100 escadrons. 6 compagnies franches de dragons. 10190 hommes cavalerie, dont 960 à pied.

En tout: 40.275 hommes.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 5-го августа 1741 году».

271. — Августа 7-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! На почтеннѣйшія вашего сіятельства два письма отъ 7-го и 10-го сего мѣсяца въ отвѣтъ всепокорно доношу, что «король Прусскій, какъ здѣсь слышно, хотя и заключилъ какой-либо договоръ съ электоромъ Баварскимъ, однакожь прямо съ здѣшнимъ дворомъ ни въ какія точныя обязательства вступить не похочетъ, довольствуяся обѣщать свое споспѣшествованіе, когда французское войско дѣйствительно въ Германію вступитъ. Со всѣмъ тѣмъ вѣнскія письма показываютъ еще нечаянное его величества примиреніе съ королевою Венгерскою, для котораго довершенія аглицкій министръ Робинсонъ поѣхалъ въ Силесію съ такимъ ультиматомъ, который, по мнѣнію его величества короля Прусскаго, принятъ быть имѣетъ. Но ежели оное примиреніе не состоится, и буде Статы Генеральные предложенный имъ неутралитетъ примутъ, то правда, опасаться должно, чтобъ худое состояніе королевы Венгерской и чаяніе поправленія въ оном не предали ея величества въ французскія руки, а до сѣхъ поръ къ тому здѣсь я слѣда не вижу.

«Негоціація здѣшняя съ Сардинскимъ дворомъ, по всѣмъ получаемымъ извѣстіямъ, разорвалась; напротивъ, слухъ идетъ, что межь тѣмъ дворомъ и Аглицкимъ другая съ падеждою желательнаго исхода производится, о чемъ покорно прошу ваше сіятельство ближе меня увѣдомить». Впрочемъ, ишпанскій по-

солъ еще не получилъ отвѣта отъ своего двора по дѣлу корабля Дѣвицы Катарины, а послѣднею почтою вновь о томъ писалъ въ Мадритъ, какъ третьяго дни меня увѣрилъ. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Августа 18-го—7-го дня 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 12/23 августа; отвѣтствовано 17/28 сентября».

272. — Сентября 4-го. Парижъ.

Государь мой Иванъ Андреевичъ! Почтенное вашего сіятельства письмо отъ 21-го августа я имѣлъ честь получить исправно и за оное покорно вашему сіятельству благодарствую, отсюду взаимно имѣя донесть, что на сихъ дняхъ мы получили здѣсь извѣстіе изъ Бреста, что къ прежнимъ 10-ти линейнымъ кораблямъ, которые въ той радѣ лежатъ, выведено еще 8 подобныхъ, и что три фрегата отъѣхали оттуду, но не извѣстно куды и съ какимъ намѣреніемъ. Обще чаютъ, что они отплыли въ Америку. Мнѣ министры повторили обнадеживанія, что они не для Балтики учреждены. «Я больше полагаюсь на позднюю годовую пору, чѣмъ на ихъ обнадеженія».

Слухъ между тѣмъ подтвердился, что возобновлена кондиція субсидіевъ межь здѣшнимъ дворомъ и Шведскимъ, и что съ извѣстнымъ барономъ Шеферомъ или та конвенція, или же ратификація отправлены, хотя и того министерство здѣшнее отрицается, неотмѣнно увѣряя, что дворъ здѣшній не вступаетъ и не вступитъ съ Шведскимъ дворомъ ни въ какія обязательства къ предосужденію нашего. «Сколь мало должно полагаться на сіи обнадеживанія, я уже многократно высочайшему двору доносилъ».

Четвертаго дни сюды нечаянно прибылъ Понятовскій, какъ обще чаютъ, довершить союзъ своего государя съ здѣшнимъ дворомъ. Съ одной стороны, голосъ его Польскаго величества для электора Баварскаго заслужитъ здѣшнюю благосклонность,

а съ другой—его величеству собится большая часть Богеміи, и понеже, по имѣющимся здѣсь извѣстіямъ, Прусскій король въ Франкфортѣ объявилъ о вступленіи своемъ въ обязательство съ Франціею и съ Баварскимъ электоромъ; обще здѣсь ожидаютъ, что избраніе императорское въ наступающемъ мѣсяцѣ воспослѣдуетъ въ лицѣ онаго электора.

Между тѣмъ стараются страхомъ французскаго оружія попудить королеву Венгерскую безъ войны удовольствовать всѣхъ претендентовъ, чтобъ потомъ Франція столь свободныя руки имѣла къ начатію войны противъ агличанъ.

Сіе послѣднее намѣреніе безсумнительно министерству здѣшнему приписуютъ, «и въ самомъ дѣлѣ, морскія здѣшнія пріуготовленіи и приближеніе войскъ французскихъ къ Ганноверу довольно то жь мнѣніе подтверждаютъ. Слышно, что между прочими дѣйствами положено напасть на агличанъ въ Шотландіи и Ирландіи, и для того непріятно возвращеніе Нориссово въ аглицкіе порты».

Изъ Турина на сихъ дняхъ полученъ куріеръ, по котораго прибытіи пронеслось, что оный дворъ возобновилъ негоціацію свою съ здѣшнимъ. Сіе происхожденіе можетъ и испанскую экспедицію въ Италіи поспѣшить.

«Что̀ изъ всего того вы изволите усмотрѣть, что все идетъ по желаніямъ здѣшнимъ столь наипаче, что голанскій посолъ мнѣ утаить не могъ, что Статы Генеральные къ неутралитету клонятся. Тако же здѣшнее самовластіе много важности подаетъ» новымъ баварскимъ манифестамъ, которые отъ министра электорскаго здѣсь третьяго дни розданы. Въ одномъ изъ нихъ формально объявляется война королевѣ Венгерской, посторонно упоминая о французской помочи. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства покорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Сентября 15-го—4-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 10/21 сентября; отвѣтствовано 17/28 того же».

273. — Сентября 25-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! По премногу вашему сіятельству благодарствую за почтенное ваше письмо отъ 28-го сентября и за благосклонное въ немъ содержимое поздравленіе. Взаимно васъ, государя моего, поздравляю повышеніемъ вашимъ, усердно вамъ желая всякаго благополучія.

Что же принадлежитъ до неутралитета Гановерскаго, кардиналъ и Амелотъ въ прошедшій вторникъ отрицались, что оный поставленъ, однакожь признавали, что взаимно о томъ слово дано. Напротиву оба тѣ министра именно подтверждали, что его Аглицкое величество чрезъ отправленнаго отъ себя къ электору Баварскому большого чашника голосъ свой не только на словахъ, но и на письмѣ представилъ. Ежели сіе послѣднее обстоятельство истинно, то и о другомъ сумнѣватися не можно, понеже не вѣроятно, чтобъ его Аглицкое величество свой голосъ обѣщалъ безъ всякаго себѣ авантажа. Со всѣмъ тѣмъ аглицкій секретарь и одно, и другое опровергаетъ, а ганноверскій агентъ Гатенбергъ какъ потаенно здѣсь жилъ, такъ потаенно жь отсюду, какъ сказываютъ, на сихъ дняхъ въ Баварію отъѣхалъ.

По послѣднимъ изъ Бреста полученнымъ письмамъ, оные 3 фрегата, о которыхъ я въ прежнихъ своихъ покорнѣйше напоминалъ, отплыли къ мысу, называемому де-Лезаръ, и теперь слѣдовали за ними туды жь 4 корабля изъ той же эскадры. Тулонская буде не поднялась, вскорѣ подняться имѣетъ, и хотя подлинное ея намѣреніе не извѣстно, но однакожь обще чаютъ, что учреждена для Америки, и что Брестская можетъ къ ней присоединиться.

Сколько касается до побѣды, полученной надъ шведами, оною такожде ваше сіятельство усердно поздравляю. Не нужно, чаю, изъяснять, какимъ образомъ опая вѣдомость здѣсь принята, столь наипаче, что я вдругъ съ нею министерству здѣшнему сообщилъ заключенную въ Петербургѣ съ турецкимъ посломъ конвенцію, которою всѣ наши спорныя дѣла съ Портою къ взаимному удовольству вершены съ признаніемъ императорскаго титла

всемилостивѣйшему нашему государю. Однакожь придворство здѣшнее столь безстыдно, что кардиналъ однимъ и другимъ меня свѣтлымъ лицомъ поздравилъ.

«Между тѣмъ я на послѣдокъ увѣдомился, что возобновлена межь здѣшнимъ дворомъ и Шведскимъ конвенція о субсидіяхъ на одинъ годъ, суммою милліонъ-сто-тысячъ банковыхъ ефимковъ, изъ которыхъ въ банкіерову поѣздку переслано триста тысячъ. Удивительно, откуду тѣ деньги берутся, понеже казна здѣшняя совсѣмъ истощена».

Впрочемъ турецкій посолъ прибылъ въ Тулонъ, откуду, по Амелотовымъ словамъ, недѣли въ три еще не подымется. «Его главнѣйшая коммиссія состояла на насъ жаловаться и побуждать помощь здѣшнюю въ пользу шведскую, но по видимому, шахъ Надиръ турецкую горячность унялъ». За симъ съ крайнимъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Октября 6-го—сентября 25-го дня 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 30/11 октября; отвѣтствовано 9/20 9-bre».

274. — Октября 9-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! По почтеннѣйшему вашего сіятельства письму отъ 2-го октября я подалъ новую меморію пшпанскому послу съ копіею съ письма суперкорго Смита, а какой отвѣтъ на оную получу, о томъ во свое время ваше сіятельство увѣдомить не премину.

Между тѣмъ отсюду имѣю донесть, что, по имѣющимся здѣсь вѣдомостямъ, не только король Прусскій заключилъ свой трактатъ съ здѣшнимъ и Баварскимъ дворомъ, но и король Польскій къ тому присталъ чрезъ составленную въ Франкфортѣ конвенцію между Понятовскимъ и графомъ Белилемъ. Съ другой стороны, съ Аглицкимъ королемъ, при представленіи его величества голоса въ пользу электора Баварскаго, уже неутралитетъ также поставленъ, по которому оба двора обѣщаютъ свои войска ввести

въ зимнія квартиры, и чаятельно, что уже затѣмъ и голландскій неутралитетъ недолго замедлитъ. Потому все уже идетъ по здѣшнимъ желаніямъ такъ въ избраніи императорскомъ, какъ и въ раздѣленіи аустрійскихъ областей. Перваго довершеніе здѣсь чаяли въ началѣ наступающаго мѣсяца, и что электоръ Баварскій самъ въ Франкфортъ прибудетъ для принятія короны; но притомъ подлинну вѣдомость здѣсь получили, что маршалъ Белиль отъѣзжаетъ оттуду къ войску 24-го сего, который поступокъ я съ желаніемъ того поспѣшенія избранія согласить не могу. А сколько принадлежитъ до раздѣла областей, здѣсь слышно, что опредѣлены Нижняя Силезія королю Прусскому, Верхняя съ Моравіею и съ частію Богеміи королю Польскому, электору Баварскому Богеміи другая часть съ Тиролмъ и съ Верхнею Аустріею. Италія собится королю Сардинскому, Спицльскому и донъ-Филиппу, а Нидерландовъ, чаю, кардиналъ бережетъ для Франціи. Не безъ основанія мнѣ сообщено, что, кромѣ тѣхъ Нидерландовъ, кардиналъ и Савойю хотѣлъ бы себѣ присвоить чрезъ размѣнъ съ королемъ Сардинскимъ, и для того сей свои требованіи такъ высоко держитъ, что по сю пору королева Испанская оныя дозволить не склонилась.

Эскадра Тулонская поднялась 11-го сего, а намѣреніе ея подлинно не извѣстно. Сказываютъ, что и Брестская за нею будетъ слѣдовать и, по видимому, въ Балтику не пойдетъ. Та экспедиція не можетъ касаться развѣ войны аглицкой; но съ другой стороны, слышно, что уже никакія предложеніи къ примиренію агличанъ съ испанцами чрезъ Бюссія не безъ нѣкакой удачи представлены. Турецкій посолъ, имѣя скоро кончить свою карантену, въ началѣ ноября, сюды ѣдучи, изъ Тулона подымется.

Впрочемъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойнаго не имѣя, съ крайнымъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Октября 20-го—9-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 14/25 октября; отвѣтствовано 9/20 ноября».

275. — Ноября 3-го. Парижъ.

Милостивый государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Вчерась я имѣлъ честь отправить въ Гагу къ графу Александру Гавриловичу копію съ реляціи моей отъ 12-го—1-го сего, прося его, чтобъ по прочтеніи ея изволилъ оную сообщить вашему сіятельству. Потому, сколько состоянія дѣлъ здѣшнихъ касается, покорно на оную ссылаюсь. А между тѣмъ должности своей чаю вашему сіятельству донесть, что гишпанскій транспортъ поднялся изъ Барцелоны 3-го сего новаго стиля подъ конвоемъ трехъ военныхъ кораблей и 6 галеръ. Сія вѣдомость получена изъ Марсели, Тулона и Сета, куды нѣсколько помянутыхъ транспортныхъ судовъ вѣтромъ выброшено. А по тѣмъ же извѣстіямъ, весь транспортъ состоитъ въ 200 суденъ и 15 тысячъ войска гишпанскаго. За симъ съ крайнымъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Ноября 14-го—3-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 9/20 ноября; отвѣтствовано 16/27 того-же».

276. — Ноября 24-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Два вашего сіятельства почтенныя письма отъ 9-го и 16-го ноября я имѣлъ честь получить исправно, за которыя вашему сіятельству благодарствую. Ваше сіятельство изрядно изволите въ первомъ изъ оныхъ разсуждать «о маломъ къ намъ французскомъ доброжелательствѣ, на которое я никогда не полагался, и потому не трудно вѣрить о тѣхъ проискахъ при Портѣ, о которыхъ упоминать изволите; и тѣмъ однѣмъ довольствоваться не будутъ, по имовѣрно, что и при Прусскомъ и Польскомъ дворахъ такіе же будутъ французскіе поступки, будучи двѣ здѣшнія главныя намѣренія по опроверженіи Аустрійскаго дома—Англію и Россію ослабить. Произведеніе въ дѣйство того проекта зависитъ отъ окончанія нынѣшняго въ Богеміи, гдѣ уже дѣла находятся въ

послѣднемъ своемъ кризѣ, понеже городъ осаженъ и Нейпергъ идетъ на помочь. Ежели удастся разбить аустрійское войско, ваше сіятельство удобно судить изволите, что Франція самовластно предпишетъ законъ мира и доставитъ себѣ свободныя руки къ довершенію другихъ своихъ видовъ. При такомъ состояніи дѣлъ не знаю, нынѣшнее аглинское недѣйствіе какого имени заслуживаетъ; то подлинно, что сами французы, которымъ оно полезно, весьма тому удивляются, наипаче послѣ тихой переплавы ишпанскаго войска въ Италію; но кто сблизи министровъ тамошнихъ видѣлъ, во всемъ томъ ничего новаго не усматриваетъ; я удивляться стану, ежели новый парламентъ въ ихъ поступкахъ смѣну принесетъ».

Что касается до короля Прусскаго, правда, онъ опровергаетъ слухъ примиренія съ королевою Венгерскою и, приставъ трактату баварскому, ввелъ 10 тысячъ войска въ Богемію; но здѣсь о дѣйствіи того войска ничего не слышимъ. Почему время одно въ состояніи изъяснить столь спорное дѣло. «Не долго уже ожидать должно изъясненія также и прочимъ слѣдствіямъ проектовъ здѣшнихъ, а до того прилично остановить свое разсужденіе». Впрочемъ здѣсь слышно, что донъ-Филиппъ отъѣхалъ въ Италію, хотя еще король Сардинскій не вступилъ въ здѣшнее согласіе. «Слышно жь, что буде еще въ томъ упрямиться станетъ, то будетъ учинено нападеніе на Савой. Кардинальское здоровье плохо становится. Ваше сіятельство легко изволите разсудить, сколь Европѣ не нужна быть имѣетъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ его смерть, понеже изъ трехъ кандидатовъ, которые мѣсто его жадаютъ, Шовелина, кардинала Тансина и марешала Белиль, всѣ гораздо ея тишинѣ и благосостоянію опаснѣе. Не знаю, морскія державы не должны ли о такомъ случаѣ имѣть какое-либо предусмотрѣніе».

За симъ ничего иного къ извѣстію вашего сіятельства достойного теперь не имѣя, съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Декабря 5-го—ноября 24-го 1741.

Я чаю, ваше сіятельство ужо вѣдаете, что 26-го ноября городъ Прага и крѣпость взяты французскимъ войскомъ наступомъ, безъ осады и безъ пушечной стрѣлбы.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 30/11 ноября; отвѣтствовано 7/18 декабря».

277. — Декабря 4-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Я должности своей нахожу вашему сіятельству донесть, что здѣсь слухъ носится, будто межь агличанами и шпанцами мирная негоціація уже заключена. Правду сказать, тому слуху не вижу подлинные доводы; но дѣйства аглицкія отчасти основаннымъ показываютъ, попеже не только шпанцы покойно въ Италію перебираются, но шпанская эскадра, 17 кораблей, изъ Кадикса поднявся, вступила въ Средиземное море, лежала 3 дни на якорѣ въ виду аглицкой при проливѣ Гибралтарскомъ и прибыла безъ всякой препоны 19-го ноября въ Барцелону. Ваше сіятельство, будучи на мѣстѣ, можетъ быть, лучше усмотритъ, что̀ отъ того заключать должно, и паипаче то открыть могутъ поступки Бюссіевы, который отсюду 8-го сего выѣхалъ.

«Но еслибъ и то примирепіе не состоялось, и агличане какойлибо знакъ своего усердія къ поправленію европейскаго равновѣсія имѣютъ, то я чаю, что уже пора пробудиться, попеже до весны королева Венгерская совсѣмъ истощаетъ, такъ что отъ нея ничего ожидать будетъ не можно; буде повторенные уроны не принудятъ скоряе ея величество къ миру, то здѣсь для весны къ тому способы готовятся весьма устремительные, какъ о томъ министерству аглицкому извѣстно чрезъ доношенія ихъ здѣсь обрѣтаемаго секретаря».

Впрочемъ здѣсь слышно, что король Польскій старается остановить избраніе императорское, пока завладѣетъ Моравіею, и въ томъ отъ большей части состоитъ коммиссія Понятовскаго. Съ Сардинскимъ дворомъ негоціація еще къ здѣшнимъ видамъ

не приведена. Баронъ Васперъ, четвертаго дни получа отпускную аудіенцію, къ вамъ отъѣзжаетъ. Къ марешалу Белплю въ Богемію указъ посланъ ѣхать въ Франкфортъ, а на его мѣсто къ войску отправленъ изъ Стразбурха марешалъ де-Броліо, «отъ чего Белплевы пріятели гораздо отревожены, чаютъ въ томъ предзнаменаніе его несчастія». Кромѣ того, ничего къ примѣчанію вашего сіятельства достойного не имѣя, прекращаю сіе, съ крайнымъ почтеніемъ пребывая вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Декабря 15-го—4-го 1741.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 13/24 декабря; отвѣтствовано 1/12 генваря 1742».

1742.

278. — Января 8-го. Парижъ.

Государь мой князь Иванъ Андреевичъ! За почтенное вашего сіятельства письмо отъ 28-го декабря по премногу вамъ благодарствую, также за благосклонное поздравленіе новымъ годомъ. Взаимно ваше сіятельство такъ опымъ, какъ и благополучнымъ восшествіемъ ея императорскаго величества на родительскій престолъ поздравляю, усердно вамъ желая въ теченіи новаго года и во все царствованіе ея императорскаго величества всякаго пожеланнаго благосостоянія.

Впрочемъ, завтра еще ишпанскому послу потребное по письму вашего сіятельства представить и требуемый пашпортъ исходатайствовать не примѣну; а какой отвѣтъ получу, о томъ впредь вамъ доносить не оставлю.

Между тѣмъ, въ ожиданіи новыхъ инструкцій о дѣлахъ ничего разсуждать не могучи, а отъ здѣшнихъ къ примѣчанію вашего сіятельства достойнаго теперь ничего не обрѣтая, покорно прошу о происшествіяхъ въ аглицкомъ парламентѣ без-

извѣстна меня не оставить, понеже здѣсь слышно, что весьма тамошнія дѣла спутаны, и что министерство въ немаломъ опаствѣ находится, чѣмъ ваше сіятельство гораздо меня обязать изволите. За симъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря 19-го—8-го 1742.

P. S. Я принялъ въ аглицкой мостовой лотеріи билетъ подъ № 35 тысячъ 325. Ваше сіятельство весьма меня одолжите, ежели прикажете посмотрѣть въ росписи, выигралъ ли я по оному билету, или потерялъ свои деньги.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 13/24 генваря; отвѣтствовано 1/12 февраля».

279. — Іюля 9-го. Парижъ.

Милостивый государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Оба вашего сіятельства писма отъ 14-го іюня и отъ 5-го іюля дошли ко мнѣ исправно. Тотъ часъ по полученіи перваго требовалъ я отъ господина Амелота пашпортъ, какого вы желаете, и онъ тогда мнѣ отвѣтствовалъ, что оный немедленно пришлетъ къ господину Бюссію для врученія вашему сіятельству, такъ что я гадалъ, что то уже въ дѣло произведено. Но понеже изъ полученнаго сего дни письма вашего усмотрѣваю противное, не премину въ первомъ моемъ съ помянутымъ статскимъ секретаремъ свиданіи ему вновь о томъ напоминать. А между тѣмъ долженъ я вашему сіятельству донести, что оный пашпортъ только вамъ служить имѣетъ въ здѣшнихъ моряхъ, понеже господинъ Амелотъ нарочно мнѣ объявилъ, что не для Балтическаго моря учрежденъ будетъ. Того ради ваше сіятельство не соизволите ли принять другія мѣры и предосторожности для отправленія вашего багажа. Впрочемъ съ крайнымъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Іюля 20-го—9-го дня 1742 году.

P. S. Господина Амелота примѣчаніе, что для Балтическаго

моря французскій пашпортъ не служитъ, собою кажется основано, ибо шведы, отъ которыхъ однихъ предлежатъ опасности, тому пашпорту повиноваться не должны. Впрочемъ, къ примѣтству вашему сіятельству служить можетъ, что графъ Тессинъ требовалъ отъ меня пашпортъ для безопаснаго отправленія своего экипажа отсюду въ Стокхольмъ; ея императорское величество изволила ему прислать пашпортъ за собственною рукою, который я ему и вручилъ.

Помѣта князя Щербатова: Получено 14/25 іюля».

1743.

280. — Ноября 10-го. Парижъ.

Monsieur! L'incertitude dans laquelle j'étois, où mes lettres pourroient trouver votre altesse, est la cause que je n'ai pas eu l'honneur de repondre plutôt aux vôtres du 15 octobre et du 5 novembre, dont la première étoit accompagnée d'une clef de chiffres. Comme je crois que monsieur Mozalefsky arrivera à Londres aussitôt que votre altesse, je prefère l'occasion de son départ au canal d'Amsterdam que vous m'avez indiqué, pour vous remercier, monsieur, des nouvelles que vous avez eu la bonté de me communiquer, et pour vous féliciter sur votre retour à la cour Britannique, qui me fournit le moyen de renouveller notre correspondance, laquelle je tâcherai toujours de cultiver de mon mieux.

En attendant, monsieur, j'ai l'honneur de vous envoyer la copie du rescript ci-joint, qui regarde monsieur Mozalefsky et au contenu duquel je me rapporte entièrement. Les six années que monsieur Mozalefsky a été auprès de moi, il s'est conduit en sorte que j'ai eu lieu d'en être extremement content. Je suis persuadé qu'il ne changera point de façon d'agir auprès de votre altesse. Ainsi je le recommande à votre protection et bienveil-

lance particulière, vous assurant, monsieur, que les faveurs, que vous lui temoignerez, m'obligeront à une reconnaissance parfoite.

Les nouvelles d'ici se reduisent au bruit, que monsieur de Montijo a obtenu de cette cour un secours de 40 bataillons pour l'armée de Don-Philippe, et il est probable que toutes les trouppes qui sont sous les ordres de ce prince seront peut-être encore cet hiver transportées en Italie par mer. Dans cette vue on a réiteré les ordres d'équiper tous les vaisseaux qui se trouvent dans les ports de la France, ce qui fera une flotte de 42 vaseaux, outre ceux qui composent l'escadre espagnole à Toulon. De sorte qu'elle sera plus forte que celle, que les anglois ont dans la Mediterranée et en état d'exécuter le projet susmentionné, si les premiers ne seront pas renforcés. Cependant monsieur le prince Lobkowitz est seul en état de la faire échouer, en agissant avec vigueur contre l'armée de monsieur de Gages. Au reste il paraît par les grands préparatifs que l'on fait ici, que quoiqu'on souhoite la paix, on ne laissera pas de faire le printemps prochain des entreprises d'importance contre les ennemis, si la guerre continue. On croit même que l'on commencera par attaquer les pays bas-autrichiens, et le bruit court que le roi y commandera en personne.

J'ai l'honneur d'être avec toute l'estime et toute la considération imaginable, monsieur, de votre altesse le très humble et très obeissant serviteur A. prince Cantemir.

A Paris. Ce 21—10 novembre 1743.

Экстрактъ изъ рескрипта отъ 9-го августа 1743 году. По титулѣ.

Намъ любезновѣрный!

Понеже бывшій при нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикъ аглицкаго языка въ нынѣшнемъ году умре, слѣдовательно же, въ такомъ переводчикѣ немалая нужда обстоитъ, а обрѣтающійся у васъ при министерской вашей канцеляріи переводчикъ Александръ Мозалевскій, въ бытность свою напредъ

сего при васъ въ Англіи, аглицкаго языка, безъ сумнѣнія, обучался, того ради мы вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣть восхотѣли, чтобъ вы онаго Мозалевскаго, ежелибъ онъ въ томъ языкѣ иногда довольное къ правленію переводческой должности искусство уже имѣлъ, сюда въ помянутую нашу коллегію отправили, давъ ему на дорожный проѣздъ отъ Парижа сюда до С.-Петербурга 250 рублей.

Ежели же помянутый Мозалевскій въ аглицкомъ языкѣ еще не довольно искусенъ, такъ что ему потребно будетъ сего языка обучаться, то имѣете вы его, для совершеннаго выученія, отправить въ Англію къ нашему полномочному министру князю Щербатову, когда вы о пріѣздѣ его туда на мѣсто отозваннаго камергера Нарышкина извѣстіе получите, адресовавъ для того при письмѣ вашемъ его, Мозалевскаго, къ помянутому князю Щербатову для пребыванія при немъ въ канцеляріи и для прилежнаго аглицкому языку обученія и давъ ему на проѣздъ отъ Парижа до Англіи сто рублевъ, о чемъ всемъ вы въ свое время въ нашу коллегію иностранныхъ дѣлъ доносить не преминете.

Экстрактъ изъ реляціи отъ 12-го—1-го сентября въ отвѣтъ на рескриптъ.

Чрезъ вчерашнюю почту я имѣлъ честь получить исправно высочайшій вашего императорскаго величества рескриптъ подъ № 20 отъ 9-го августа, въ которомъ повелѣно мнѣ обрѣтаемаго при мнѣ переводчика Мозалевскаго отправить или къ двору вашего императорскаго величества, или въ Лондонъ, смотря по его искусству въ аглицкомъ языкѣ. Онъ, Мозалевскій, отчасти по аглицки говоритъ и нарочито, но не совсѣмъ исправно, съ аглицкого на русское переводить можетъ, но не тоже съ русскаго на аглицкое, и совершенно должность переводчика въ томъ языкѣ отправлять не въ состояніи, понеже онъ, только два годы въ Лондонѣ бывъ, довольно къ тому времени не имѣлъ. Для того я, какъ скоро получу отъ князя Ивана Андреевича извѣстіе о его прибытіи въ Лондонъ, помянутаго Мозалевскаго къ нему от-

правлю, и по сплѣ высочайшаго вашего императорскаго величества указу, ему на проѣздъ выдамъ 100 рублей по тогдашнему векселному курсу. Жалованіе его я здѣсь ему на весь настоящій годъ заплачу, понеже уже третія треть началась; и потому всеподданнѣйше прошу ваше императорское величество, чтобъ оное его жалованье съ прочими детами ко мнѣ было переведено. Князь Антіохъ Кантемиръ.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 24-го ноября 1743 году».

281. — Декабря 15-го. Парижъ.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь мой! Три вашего сіятельства почтенныя письма отъ 24-го ноября да 1-го и 5-го декабря я имѣлъ честь получить исправно съ приложеніями. Покорнѣйшее свое благодареніе за сообщенное въ оныхъ я принужденъ былъ отложить такъ за неимѣніемъ матеріи, какъ за новымъ и жестокимъ припадкомъ болѣзни моей. Недостатокъ матеріи еще и до сѣхъ поръ продолжается, и для того только вашему сіятельству донести могу о обнародованіи 16-ти королевскихъ указовъ о наложеніи новыхъ податей на канцелярскихъ здѣшнихъ служителей, на мясо, на фонари здѣшняго города и прочая. Сказываютъ, что и другіе подобные чрезвычайные налоги скоро слѣдовать будутъ и впредь умножаться станутъ, смотря по нуждѣ въ деньгахъ для произведенія войны, къ продолженію которой всѣ потребныя мѣры принимаются, и пріуготовленія морскія наипаче поспѣшаются. Министерство само подтверждаетъ, что къ веснѣ выведено будетъ изъ Бреста 19, изъ Рошфорта 4, а изъ Тулона 20, всего 43 военныхъ кораблей; а многіе чаютъ, что къ какому морскому воспріятію и весны дожидаться не намѣрены, хотя еще сею зимою напасть на обрѣтаемую въ Средиземномъ морѣ аглицкую эскадру, прежде чѣмъ будетъ новыми силами изъ Англіи подкрѣплена. Въ самомъ дѣлѣ, слухъ здѣсь гораздо усиливается, что министерство, льстя королю, за благо уже признало начать открытую войну противъ Англіи, поставляя, что тогда арматоры французскіе истребятъ

торгъ аглицкій, и что такой дерзновенный поступокъ двора здѣшняго устрашитъ голландцевъ.

Впрочемъ, приближаяся новый годъ, желаю вашему сіятельству въ теченіи оного и многихъ слѣдующихъ совершеннаго здравія и всякаго пожелаемаго благополучія. При томъ же покорно прошу о продолженіи вашей ко мнѣ милости и дружбы, которую заслужить стараться стану своимъ всегдашнимъ преданствомъ и истиннымъ почтеніемъ, съ которымъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Декабря 27-го—15-го дня 1743 году.

P. S. Покорно ваше сіятельство прошу отдать приложенное письмо по своему адресу.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 23 декабря—3 генваря 1744 году; отвѣтствовано 29 X-bre».

1744.

282. — Января 6-го. Парижъ.

Сіятельнѣйшій князь милостивый государь мой! Имѣю честь вашему сіятельству отсюды донести о назначеніи принца Конті главнымъ командиромъ назначеннаго войска для Италіи, и что чинимыя морскія здѣшнія пріуготовленія со всякою горячностію продолжаются. Сколько жь до употребленія такъ войска того, какъ и флота принадлежитъ, я отъ надежнаго человѣка вѣдаю, что войско французское въ Италію моремъ перевезено не будетъ, но одно испанское, или весьма малая часть французовъ къ нимъ присовокупится. Слѣдовательно, французы употреблены будутъ для учиненія диверзіи въ Савойи, чтобъ тѣмъ короля Сардинскаго принудить держать всегда большое войско въ Піемонтѣ и потому не быть въ состояніи что-либо отдѣлить на помочь аустрійцамъ, обрѣтаемымъ въ Италіи, которые будутъ атакованы старымъ тамошнимъ испанскимъ корпусомъ, но съ переведеннымъ той же

паціи войскомъ подъ командою донъ-Филиповою и присоединеніемъ помочи короля Неапольскаго. Ибо флотъ здѣшній (котораго въ оснасткѣ день и ночь работаютъ съ крайнею горячностію) не только служить будетъ къ перевозу шпанцовъ или къ прикрытію ихъ перевозныхъ судовъ, но къ тому жь намѣрены онымъ привесть Неаполь въ безопаство отъ нападенія аглинскаго и тѣмъ подать способъ королю Неапольскому наложенными на него угрозами неутралитетъ разорвать. Все то морское дѣйство желаютъ здѣсь начать и произвесть прежде, чѣмъ агличане усилятся въ Средиземномъ морѣ.

Другой мой пріятель, который въ самихъ негоціаціяхъ здѣшнихъ участіе имѣетъ, мнѣ далъ знать, что поѣздка Шавиньева въ Франкфортъ и графа Монтихо сюды касалась, какъ не трудно было предвидѣть, принятія мѣръ къ наступающей веснѣ. На послѣдокъ чрезъ тѣхъ двухъ министровъ въ Франкфортѣ и здѣсь уставлено: 1-е) что король Французскій держать будетъ свои большія войска на границахъ Фландерскихъ и вдоль по рѣкѣ Рена въ Алзаціи на своихъ земляхъ, чтобъ тѣмъ упражнить всю силу непріятельскую; 2-е) что для дѣйствованія въ пользу шпанскую съ стороны Италіи его Французское величество отправитъ подъ командою принца Контія вышепомянутое войско свое, состоящее въ 32 тысячахъ (которое въ самомъ дѣлѣ уже собрано); оное, какъ выше жь показано въ началѣ, пробудетъ въ Савойи, а буде способный случай подастся, то и въ Италію чрезъ горы пробиться отвѣдаетъ; 3-е) что его Французское величество выдаетъ цесарю для найму себѣ нѣмецкаго войска у князей тамошнихъ 9 милліоновъ шестьсотъ тысячь ливровъ французскихъ; а король Ишпанскій 4-е) присовокупитъ къ цесарскому войску восмь тысячь своей конницы.

Графъ Монтихо, который особливо въ пользу цесарскую сюды негоцировать пріѣхалъ, еще недавно повторилъ свои домогательства, чтобъ обѣщанныя цесарю субсидіи здѣшнія повысить до 12 милліоновъ, на которыя данъ ему письмянный отказъ въ такой силѣ, что его Французское величество уже и такъ не-

репялъ на себя издержки весьма тяжкія и чуть не свыше своихъ силъ; для того буде его Испанское величество столь особливо ищетъ цесарскую пользу, то пристойно бъ было, чтобъ его величество съ своей стороны дополнилъ вышепомянутую сумму 12 милліоновъ.

Остается знать, войска здѣшнія, которыя къ Фландріи пойдутъ, начнутъ ли наступательную войну, или ожидать оную будутъ. По всему видимому и по рѣчамъ придворныхъ первое кажется вѣроятнѣе, но однакожь то заподлинно подтвердить не могу. Впрочемъ съ крайнымъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 17-го—6-го генваря 1744 году.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 11/22 генваря; отвѣтствовано 30 генваря—10 февраля».

283. — Февраля 26-го. Парижъ.

Милостивый государь мой князь Иванъ Андреевичъ! Жестокая моя болѣзнь, которая безпрестанно меня мучитъ, не позволила мнѣ до сѣхъ поръ принести вашему сіятельству свое покорное благодареніе за почтенное ваше письмо отъ 10-го февраля. Да кромѣ того, и не зналъ я, какою дорогою отправить къ вашему сіятельству письмо, понеже съ 26-го минувшаго февраля портъ Калежской запертъ, и такимъ образомъ корреспонденція межь здѣшнимъ королевствомъ и Англіею пресѣчена. Настоящее я смѣлость принялъ адресовать къ его сіятельству графу Александру Гавриловичу. Изъ приложенныхъ при немъ вѣдомостей изволите усмотрѣть нынѣшніе проекты здѣшняго двора. Еще прибавить имѣю, что намѣрены въ поле вывесть къ будущей веснѣ три арміи, двѣ сильнѣйшія въ Алзацію и на Моселлу, а третью на границы Фландерскія. Многіе же за подлинно подтверждаютъ, что на морѣ поставили здѣсь прямо и голландцевъ аттаковать, какъ аттаковали англичанъ. Ежелибъ можно чаять, что такой планъ будетъ удачливъ, подавя внезапно голландцевъ и учинивъ нападеніе въ самыя земли англицкія, отсѣкли бъ вдругъ

при коронѣ почти всѣ силы королевы Венгерской и короля Сардинскаго. Впрочемъ, дворъ здѣшній еще не знаетъ подробностей корабельнаго боя, случившагося 22-го февраля, понеже эскадры удалились въ море, и маркп де-Куръ куріера сюда не отправилъ. Заспмъ, съ крайнымъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства всепокорно послушный слуга князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Марта 8-го—февраля 26-го 1744.

Extraits de differentes lettres de Paris en date du 16—28 février 1744.

Mylord maréchal d'Ecosse depuis deux mois a été ici dans la maison de l'ambassadeur d'Espagne, mais depuis trois jours il est subitement parti d'ici. Cette circonstance et celle, à ce qu'on m'a dit, qu'il a eu de fréquentes entrevues avec le cardinal de Tencin, font persuader de croire, qu'il est allé pour assister et accomplir le projet de faire invasion sur les terres de la Grande Bretagne, en faveur du fils du pretendant, qui, à ce qu'on débite, s'est fait protestant.

Du 26-me fevrier—8-me mars.

Plusieurs réiterent les assurances, que la France a resolu d'attaquer directement les Hollandois de même que l'Angleterre. On faira au printemps prochain trois camps, dont deux les plus forts seront en Alsace et sur la Moselle, et le troisième sur les frontieres de Flandres.

La cour de Versailles ne sçait pas encore les particularités du combat naval, qui est arrivé le 22-me fevrier, puisque les escadres se sont éloignés des côtes, et que le courier du marquis de Court n'est pas encore arrivé ici.

Экстрактъ изъ вѣдомостей отъ 27-го—16-го февраля 1744 году.

Уже заподлинно извѣстно, что графъ Саксонскій отъѣхалъ въ Дюнкеркъ для принятія команды надъ тамошнимъ транспортнымъ войскомъ. Также вѣдомость получена изъ Кале, что въ виду того порта проѣхали 12 военныхъ кораблей французскихъ,

пдучи къ сѣверу, которые, чаютъ опредѣлены для препровожденія того транспорта. А о сынѣ претендентовомъ уже извѣстно, что въ войскѣ допъ-Филипповомъ не находится, такъ что ежели на Брестской эскадрѣ дѣйствително не амбаркированъ, то по меньшей мѣрѣ въ готовности къ тому и въ близости Дюнкерка его почитаютъ.

Милордъ марешалъ Скотландскій, который уже въ послѣднемъ бунтѣ скотландскомъ претендентовой сторонѣ держался и за то изъ отечества своего выгнанъ, около двухъ мѣсяцевъ жилъ здѣсь въ домѣ посла пшпанскаго, а третьяго дни внезапно отъ сюду поднялся; вышеписанное обстоятелство и частію свиданіи, которыя мнѣ сказано что онъ имѣлъ съ кардиналомъ Танспномъ, заставливаютъ вѣрить, что онъ отъѣхалъ для споспѣшествованія и произведенія въ дѣйство проекта о учпненіи нападенія на берегахъ великобританскихъ въ пользу претендентова сына, о которомъ сказываютъ, что учинился протестантомъ.

По всѣмъ разсужденіямъ всего народа и по самымъ словамъ министровъ уже сумнѣваться не можно, что тотъ проектъ нападенія серіозенъ; объ ономъ здѣсь великую радость обще показываютъ и ежедневно новыя себѣ полезныя, но ложныя обстоятельства разсѣваютъ, ибо такъ жестоко уже противъ агличанъ озлоблены, что ни въ чемъ ихъ не менажируютъ.

Экстрактъ изъ вѣдомостей отъ 1-го марта — 19-го февраля.

Сегодни имѣю еще одну гораздо важнѣйшую вѣдомость присовокупить, а именно: 20-го—9-го февраля по новому стилю на послѣдокъ соединенная французская и пшпанская эскадра, состоящая, какъ сказываютъ, въ 42-хъ корабляхъ, въ которыхъ на силу находится 26 линейныхъ, вышла изъ Тулонскаго порту и вступила гораздо въ море на раду 22 лл. Вице-адмиралъ Матюсъ всталъ съ якоря и, поднявъ парусы, пошелъ аттаковать тѣ эскадры, и французы подвинулись ему на встрѣчу, такъ что бой зачался въ часъ по полудни и продолжался до 6 часовъ. Все

то доносилъ интендентъ тулонскій статскому секретарю Морепа чрезъ полученнаго здѣсь куріера въ прошлый четвертокъ въ вечеру, то-есть, 27-го—16-го сего, а куріеръ сверхъ того сказываетъ, что ему на дорогѣ подтверждено, что съ береговъ видѣли пожаръ на морѣ и потомъ усмотрѣли, что къ берегу прибиты два корабля военныхъ, почти совсѣмъ сожженныхъ, французскіе ли тѣ корабли или аглинскіе, и съ которой стороны авантажъ остался, никто здѣсь сказать не можетъ или не хочетъ. Подозрительство однако весьма основанное подается, что французы въ семъ приключеніи претерпѣли, паче же первый куріеръ полученъ здѣсь въ прошлый четвертокъ, и что чрезъ цѣлые четыре дни до сегодняшняго другой за нимъ не слѣдуетъ съ обстоятельства. Пріятныя вѣдомости приходятъ на крылахъ, и еслибъ интендентъ тулонскій имѣлъ подобныя двору сообщить, подлинно не упустилъ бы уже двухъ и трехъ куріеровъ отправить; но совсѣмъ тѣмъ должно еще обождать отъ времени изъясненія.

Между тѣмъ уже явно стало, что Англія съ Франціею въ дѣйствительную войну вступила, и что впредь дѣла европейскія станутъ гораздо серіознѣе и больше спутаны, чѣмъ до сѣхъ поръ были. Да нѣкакимъ образомъ объявленіе войны Англіи съ здѣшней стороны уже учинено еще прежде начинанія дѣйствъ военныхъ. Ибо обрѣтаемый здѣсь секретарь аглинскій, услыша, что претендентовъ сынъ подлинно во Францію прибылъ въ намѣреніи всѣсть на которой-нибудь изъ здѣшнихъ эскадръ для учиненія нападенія на берега великобританскіе, жалобу о томъ принесъ статскому секретарю Амелоту, представляя ему, что тотъ допускъ претендентова сына во Францію противенъ всѣмъ имѣющимся трактатамъ межь Франціею и Англіею, на что статскій секретарь ему отвѣтствовалъ, что понеже король Аглинскій всѣми своими поступками въ прошломъ году явно оказалъ, что не намѣренъ тѣхъ трактатовъ держаться, для того и его Французское величество чаетъ себя освобожденна отъ обязательствъ тѣхъ трактатовъ. Такой отвѣтъ мнѣ кажется формалная декларація войны, только что не на письмѣ, и въ самомъ дѣлѣ аглин-

скій секретарь сбирается воротиться въ Англію. Съ другой стороны, проектъ нападенія на берега великобританскіе весьма непонятенъ, и однако жь здѣсь столь сильную надежду удачи не знаю почему себѣ въ голову вложили, и съ такою горячностію оный производятъ, что ни о чемъ другомъ уже не думаютъ. Всѣ пріуготовленіи къ такому важному дѣлу, какое есть завоеваніе всей Англіи, состоятъ въ Брестской эскадрѣ 21-го корабля, въ которыхъ числѣ больше малыхъ, чѣмъ большихъ, нагруженныхъ не 40 тысячью фузеями, какъ прежде сказано, но по крайней мѣрѣ пятнадцатью, да въ нѣсколькихъ транспортныхъ судахъ, изготовленныхъ въ Дюнкеркѣ, на которые намѣрены садить около 9 тысячъ людей и въ персонѣ претендентова сына. Тѣми силами чаютъ войти въ Тамисъ, корабли аглинскіе сжечь, сойти на берегъ и короля изъ Англіи выгнать и тотчасъ на его мѣсто поставить помянутаго претендентова сына.

Я не знаю, предуготовили ли себѣ или въ Скотландіи, или въ Ирландіи сильную партію такими негоціяціями; но виду къ тому никакого нѣтъ. Бюсси во свое пребываніе въ Лондонѣ ничего такого не дѣлалъ, а послѣ него другого министра въ Англіи давно уже не было, и милорду маршалу Скотландскому, который въ томъ предпріятіи нужнѣе и важнѣе всѣхъ, только за мѣсяцъ назадъ, чаю, о томъ проектѣ говорить стали. Время одно можетъ открыть слѣдствіи, понеже предугадывать оныя никакимъ образомъ не можно. Весь сей проектъ есть выдумка и дѣло кардинала Тансина, и не трудно было ему въ совѣтѣ королевскомъ апробацію достать, понеже всѣ министры, льстя королю, горячность къ объявленію войны противъ Англіи показываютъ, и всѣ придворные на огонь охотно масло мечутъ. Портъ Калежскій запертъ съ 26-го — 15-го февраля, а Дюнкерскій съ 27-го, куды, сказываютъ, эскадра Брестская вся прибыла того жь самого числа, такъ что впредь не можно будетъ здѣсь письма получать изъ Англіи, развѣ чрезъ Голландію.

Помѣта князя Щербатова: «Получено 11/22 марта въ Лондонѣ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Журналъ [1]) Академіи Наукъ переводчика Ивана Ильинскаго [2]).

Notationes quotidianae.

Повсядневныя записки.

1721.

Генваря 22. Князь нашъ опредѣленъ сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ [3]).

---

[1]) «Записная книжка Ивана Ильинскаго составляетъ рукопись въ 8 д. л., на 72 л., изъ коихъ 3 бѣлые, въ пергаментной обложкѣ съ кожаннымъ ремешкомъ для завязыванія. Большая часть книжки занята подлинными замѣтками Ильинскаго за время съ 1721 по 1730 годъ. Записи эти идутъ не всегда въ точномъ хронологическомъ порядкѣ, онъ соблюденъ только тамъ, гдѣ записи вполнѣ поденныя; если же онѣ имѣютъ отрывочный характеръ, какъ тѣ, которыя относятся къ позднѣйшимъ годамъ означеннаго періода, то онѣ разбросаны безъ соблюденія хронологіи на разныхъ листахъ книжки, гдѣ оставалось бѣлое мѣсто послѣ другого текста. Нѣкоторыя поденныя записи 1722 и 1723 являются въ двухъ видахъ, болѣе подробными и болѣе краткими; это тѣ замѣтки, которыя касаются переводовъ кн. Кантемира». (Собственноручная замѣтка Л. Н. Майкова).

[2]) Годъ рожденія И. Ильинскаго неизвѣстенъ, извѣстно только, что онъ былъ уроженецъ Ярославской губ., учился въ Московской Духовной Академіи и по окончаніи въ ней курса поступилъ на службу къ бывшему молдавскому господарю кн. Димитрію Кантемиру, въ домѣ котораго исполнялъ обязанности секретаря, иногда велъ приходо-расходныя книги и училъ дѣтей князя. Въ 1725 году назначенъ былъ переводчикомъ при Академіи Наукъ и даже успѣлъ снискать себѣ расположеніе академика Шумахера. Извѣстны нѣкоторые литературные труды его (Симфонія, Москва 1733 и 1821; переводъ сочиненія кн. Д. Кантемира Система или состояніе Мухамеданской религіи. С. Петербургъ 1722). Умеръ Ильинскій 20 марта 1737. О немъ ср. Рус. біогр. сл. I, 95, и его собственную запись подъ 7 апрѣля 1725 г. Записки Ильинскаго представляютъ интересъ во многихъ отношеніяхъ. Въ нихъ содержатся нѣкоторыя данныя для біографіи какъ Д. Кантемира, такъ и отдѣльныхъ членовъ его семьи; по нимъ можно судить о той средѣ, въ которой вращался съ ранняго дѣтства будущій сатирикъ русскаго общества, кн. А. Д. Кантемиръ. Затѣмъ цѣнны и сообщенія о Петрѣ Великомъ, который любилъ бывать запроста въ гостепріимномъ домѣ князя. Быть можетъ, помня эту близость отношеній своего родителя къ семьѣ Кантемира, и, уважая его память, императрица Елизавета Петровна милостиво относилась впослѣдствіи къ ходатайствамъ какъ князя Антіоха Дмитріевича, такъ и сестры его Маріи Дмитріевны Кантемировой.

[3]) Вѣроятно указъ былъ словесный, по указу же, хранящемуся въ архивѣ

Іюнь 19. Царское величество благополучно въ Санктпетербурхъ возвратился и съѣздъ былъ у князь-кесаря.

20. Повѣстка была въ сенатъ для уложенья, но не былъ никто.

21. Были въ сенатѣ. Генералъ Кантакузинъ у насъ обѣдалъ.

22. Я отъ Камараша[1]) письмо получилъ, при которомъ присланъ вексель къ Лукѣ Армянину на 90 рублей.

23. Были въ сенатѣ. Письмо отъ нашей свѣтлѣйшей княгини[2]), писанное къ князю Ивану Юрьевичю, отослано къ Панину.

24. Именины князь Ивана Юрьевича Трубецкова. Батуринъ къ Москвѣ поѣхалъ.

25. Празднество коронованія Царскаго величества.

26. Князь нашъ по повѣсткѣ былъ въ сенатѣ, но за небытностію другихъ скоро домой пріѣхалъ.

27. Торжество Полтавской баталіи. Принцъ Гольштинскій прибылъ....

28. Столникъ Лупулъ пріѣхалъ и мои волки (?) привезъ.

29. Праздновали въ саду послѣ обѣда.

30. «Агапита» окончавъ, князю подалъ.

Іюль 1. Вексель Ивану Юрьеву на 59 руб. отданъ.

2. Филипа писать учить началъ.

3. Въ сенатѣ были.

4. Годъ, какъ представилася княжна Смарагда.

5. Въ сенатѣ были.

6. Слушали дѣло крестьянъ съ Лупуломъ прикащикомъ.

7. Въ сенатѣ были.

Прав. Сената, кн. Д. Кантемиръ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники 20 Февр. 1721 съ назначеніемъ его членомъ въ Сенатъ. См. также Баранова Арх. Прав. Сената I, № 830.

[1]) Антіохъ Камарашъ выѣхалъ изъ Молдавіи вмѣстѣ съ господаремъ и былъ его домоправителемъ. О немъ у Байера Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира. Москва 1783, стр. 309, 388; И. Н. Шимко, Нов. данныя къ біографіи кн. А. Д. Кантемира, С. Петербургъ 1891 стр. 33, прим. 3.

[2]) Настасія Ивановна Кантемиръ, рожденная кн. Трубецкая, въ первомъ бракѣ за княземъ Д. Кантемиромъ, а во второмъ за ландграфомъ Гессенъ-Гомбургскимъ.

8. Иванъ борода утопился; истрата была.

9. Герцогъ Голштинскій былъ у насъ послѣ полденъ.

10. Въ сенатъ не повѣщали.

11. Князь Меншиковъ, заѣхавъ въ вечеру и съ княгинею и съ своячиною, сидѣли у насъ болше часа.

12. Въ сенатѣ были.

13. Вексель Петропеллю на 170 р. отданъ.

14. Въ сенатѣ были.

17. Въ сенатѣ были. Герцогъ Голштинской со всѣми министрами своими у насъ обѣдалъ и танцовалъ доволно и ужиналъ.

18....[1]) 19. Въ сенатѣ были, но недолго. Отъ Потемкина объявляли указъ, чтобъ сегодня или въ другіе дни съѣжжались всѣ съ фамиліями своими къ Троицкой пристани для эксерциціи на баржахъ, на верейкахъ, на буярахъ, на яхтахъ, какой знакъ будетъ показанъ пополудни въ часъ, по выставленіи знака.

21. Въ сенатѣ были.

22. Алипіея бивъ за караулъ посадили.

25. Кушали у Головкина.

26. Въ сенатѣ были.

27. Празднество о взятьѣ 4 шведскихъ фрегатовъ.

30. Поѣхали всѣ господа, кромѣ дамъ, въ Кронштотъ съ буярнымъ флотомъ предъ полуднемъ.

31. Я переписывалъ всѣхъ каменьщиковъ, было 47 человѣкъ.

Августъ 1. Писма съ Котлина острова отъ князя къ княгинѣ и княжнѣ получены.

4. Лупулъ столникъ отсюду отправился и съ того двора въ Москву поѣхалъ.

10.... 11. Всѣ господа изъ Кронштота возвратились.

14. Повѣщали въ сенатъ, но князь нашъ не былъ, понеже недомогалъ.

15. Царское величество и Царица Государыня слушали здѣсь всеношную и у литургіи были, а кушали у Алсуфьева.

---

[1]) Выпущены замѣтки, неимѣющія особо важнаго значенія.

17. Повѣщали въ сенатъ, но князь за немочью не былъ. Кервидеру данъ вексель на 260 р.

18. Въ сенатѣ были.

19. Герцокъ съ своими и наши нѣкоторые министры гуляли здѣсь и ужинали для княжниныхъ именинъ.

20. Рожденіе царевны Натальи Петровны праздновали въ саду.

23. Были въ сенатѣ.

24. Кушали у Шафирова, понеже былъ именинникъ.

25. Были въ сенатѣ.

25. Кушали съ герцокомъ у Прускова резидента.

27. Нашъ князь съ княгинею и съ княжною запросто кушали у Петра Андреевича Толстова на здѣшнемъ дворѣ.

28 и 29. Въ сенатѣ были.

31. Въ сенатѣ были и обѣдали у Башевича.

Сентябрь. 1. Въ сенатѣ были.

4. Въ сенатѣ были. По полудни Царское Величество прибылъ и было объявленіе состоявшагося мира съ прапоромъ бѣлымъ, съ трубами и съ литаврами по всѣмъ улицамъ.

5. Именины царевны Елисаветы Петровны.

6. Въ сенатѣ были.

9. Въ сенатѣ были и князь нашъ кушалъ у герцока.

10. Князь пану женили со многою церемоніею и кушали въ сенатѣ.

11 — 14...; 18.

20. Въ сенатѣ были.

21. Responsum ad mentem sancti Synodi datum est Archimandrite Ipatski Gabrieli.

22. Въ сенатѣ были.

24. Въ сенатѣ самъ царское величество и всѣ сенаторы были. Ратификація мира получена. Корабль о 120 пушкахъ заложенъ.

26. Письма отданы Поликалѣ, который сегодня имѣлъ отправиться въ Царьградъ.

28. Въ сенатѣ были. Празднованіе викторіи подъ Лѣснымъ.

29. Въ сенатѣ были. Свадьба Платона Ивановича Мурина.

Октябрь. 3. Поѣхали въ Кронштотъ буярнымъ флотомъ въ машкарадномъ платьѣ.

4. Рожденіе княгини Анастасіи Ивановны Кантемировой.

6. Изъ Кронштота прибыли.

16. Въ сенатѣ были и по утру и по обѣдѣ до 9 часу.

19. Въ сенатѣ были и по утру и по обѣдѣ.

20. Въ сенатѣ были.

22. Празднество о мирѣ съ превеликимъ фейерверкомъ. Ратификація публикована и Царскому Величеству титулъ Отца Отечества Петра Великаго и Императора Всероссійскаго публично отъ всѣхъ принесенъ въ церкви отъ всего народа. Ратификація по русски и по нѣмецки послана къ князю Ивану Юрьевичу Трубецкому съ порутчикомъ Елагинымъ.

26. Царское величество и господа министры и весь машкарадный монастырь у насъ кушали.

29. По полудни пировали въ сенатѣ всѣ въ машкарадномъ платьѣ.

30. Письмо къ князь Василью Лукичю Долгорукому подъ № 1 отдано кабинетъ-секретарю г. Макарову для отсылки въ Парижъ. Княгиня Марья Юрьевна Долгорукова у насъ ужинала.

Ноябрь 1. Въ сенатѣ были. Павелъ Ивановичъ Ягушинской съ докторомъ Лаврентіемъ Лаврентіевичемъ да съ Татищевымъ пріѣзжали осматривати княгиню и княжну въ правды ли не могутъ, понеже въ воскресенье[1]), въ сенатѣ не были.

Генералъ Кантакузинъ у насъ обѣдалъ и 2 ночи ночевалъ.

4. Въ сенатѣ были. Писмо къ князь Василью Лукичю подъ № 4 чрезъ кабинетъ послали.

6. И. Величество изволилъ ужинать у насъ съ адмираломъ и съ свѣтлѣйшимъ княземъ Меншиковымъ, а зашли отъ Петра Андреевича.

7. Къ вечеру поѣхали къ Москвѣ.

---

[1]) т. е. 29 октября, первое ноября приходилось тогда въ среду.

10. Въ деревнѣ Березаѣ, которая отстоитъ отъ Москвы 355 верстъ, княгиня выкинула.

14. Съѣхался съ Императорскимъ Величествомъ въ деревни Чашниковѣ, отстоящей отъ Москвы 40 верстъ и изволилъ его Величество посѣтить княгиню нашу. Того жъ числа прибыли въ Москву.

18. Рожденіе императорской принцессы Елизаветы Петровны и торжественной Его Имп. В-а въ Москву входъ.

24. Алипій пріѣхалъ съ вѣдомостью, что генералъ Кантакузинъ, не доѣзжая Устюжны Желѣзопольской за 70 верстъ, въ деревнѣ Трухновѣ умеръ 21 дня. Родивонъ съ Алипіемъ къ князичи посланы.

28. Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ у насъ былъ. Княгиня Ирина Григорьевна Трубецкая съ княжнами пріѣхали и у насъ начивали.

30. Князь нашъ ужиналъ у генерала князя Ивана Юрьевича Трубецкова; тамъ и начевалъ и съ княгинею.

1722.

Генварь 1. Кушали въ Грановитой палатѣ.

3. Княжны и князичи меншіе пріѣхали.

6. Меншіе князичи въ строю были.

8. Въ сенатѣ были. Болшіе князичи пріѣхали.

9. Съѣздъ былъ на генеральный дворъ.

10 и 11 и 12 тоже. 13 Въ сенатѣ были.

14. Князь нашъ въ сенатѣ не былъ, понеже недомогалъ.

15—25 Въ сіи дни князь нашъ въ сенатѣ и на генералной дворъ за болѣзнію не ѣздилъ. Генерала Кантакузина погребали. Князь Петра Михайловича Голицына погребали.

26. Родивонъ женился } Въ сіи дни князь нашъ былъ въ
27. } сенатѣ.

28. Рожденіе цесаревны Анны Петровны и празднество съ фейерверкомъ о мирѣ.

30. Въ машкáрадномъ платьѣ сбиралися къ свѣтлѣйшему князю, а оттуду поѣхали въ Всесвятское и тамъ начивали.

31. Входъ машкарадной въ Москву.

Февраль 1. Князь нашъ въ команію не ѣздилъ, понеже припемогъ.

3. Имепины цесаревны Анны Петровны.

4. Въ сенатѣ были поутру.

5. Въ сенатѣ были. Имп. Величество былъ же и простился, понеже поѣхалъ на Олопецъ.

7, 8, 9, 12 въ сенатѣ были.

13. Въ сенатѣ были, и компанія у насъ кушала.

14. Въ сенатѣ были, Герцокъ у насъ ужиналъ.

Праздновали день свадьбы.

15, 16. Въ сенатѣ были.

17. Въ сенатѣ были. Ѣздили въ Констанцію.

19, 20, 21, 23, 23. Въ сенатѣ были [1]).

26. Въ сенатѣ были. Баталіа съ порутчикомъ Алексѣевымъ.

27. Въ сенатѣ были. У насъ ассамблея.

28. Въ сенатѣ были.

Мартъ 1. Въ сенатъ ѣздили, да пе спдѣли.

2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12. Въ сенатѣ были. Кушали [2]) въ деревнѣ свѣтлѣйшаго князя Меньшикова. Ночью государь пріѣхалъ съ Олонца.

13. Въ сенатѣ были.

14. Въ сенатѣ пе были.

15. Въ сенатѣ были, и государь самъ былъ. Ассамблея у князь Меньшикова.

18. Кушали у свѣтлѣйшаго князя, а послѣдняя ассамблея у князя — кесаря.

20. Въ сенатѣ были.

21. Въ сенатѣ были. Курьеръ Дмитракій въ Царь-градъ поѣхалъ.

---

[1]) Въ оригиналѣ слова: «въ сенатѣ были» сплошь послѣ каждаго числа.

[2]) т. е. 12 марта.

22. Князь нашъ въ сенатѣ не былъ, понеже причащался.

27. Въ сенатѣ были.

28. Князь нашъ въ сенатѣ не былъ, понеже недомогалъ.

29, 30, 31. Въ Преображенскъ ѣздилъ.

Апрѣль 3. Въ сенатѣ были. Въ вечеру турецкій посолъ у насъ былъ; турецкихъ писемъ пакетъ отосланъ къ Гаврилѣ Ивановичу съ Ермакомъ.

6. Въ сенатѣ были и Императорское величество.

10. Въ сенатѣ были, и оттуду князь нашъ ѣздилъ въ Преображенскъ; пріѣхалъ отъ Ромадановскаго игуменъ и на ночь уѣхалъ въ Черную Грязь.

11. Въ 8 часу по полуночи приходилъ драгунъ изъ сената и повѣщалъ, что Императорское Величество будетъ, но князь нашъ съ Черной Грязи еще не бывалъ, а пріѣхалъ въ вечеру.

12. Въ сенатѣ были. Императорское Величество съ министрами изволилъ быть въ иностранной коллегіи, потомъ въ сенатѣ долгое время, а князь нашъ не былъ, о чемъ повѣстки не не было.

13. Въ сенатѣ были, и Императорское Величество изволилъ быть.

14. Въ сенатѣ были. Князь нашъ и княгиня, и княжна обѣдали у цесарскова резидента.

16. Въ сенатѣ были. Свадьба кн. Никиты Юрьевича Трубецкова.

17, 19. Въ сенатѣ были.

20. Въ сенатѣ были. Князь нашъ поѣхалъ съ дѣтми въ подмосковную.

24. Повѣстки въ сенатъ не было, однакожъ другіе были; князь нашъ ѣздилъ въ типографію.

25, 26. Въ сенатѣ были по повѣсткѣ.

27. Въ сенатѣ были по повѣсткѣ и самъ Императорское Величество быть изволилъ. Сабурово взять отъ насъ велѣно.

Май 1. Князь нашъ былъ въ сенатѣ безъ повѣстки.

7. Я съ сестрою и съ зятемъ прощался.

11. Князь безъ повѣстки былъ въ сенатѣ, и Импер. Величество изволилъ быть. Изъ сенату выѣхавъ поѣхали въ низовый походъ.

14. Въ Коломну пріѣхали поутру. Императорское Величество изволилъ прибыть въ вечеру.

27. По утру рано проѣхали Муромъ; въ вечеру проѣхали Павлово, князя Черкасскаго.

28. На вечеръ мы пріѣхали въ Нижній Новгородъ (отъ Москвы водою исчисляютъ 700 верстъ), а Императорское Величество съ флотомъ изволилъ прибыть 26 числа въ субботу.

30. Праздновали рожденіе Его Имп. Величества, и Его Величество въ вечеру изволилъ въ походъ отправиться.

Іюнь. 1. Мы изъ Нижнева въ путь отправились по утру.

3. По утру рано проѣхали Макарьевъ монастырь (отъ Нижнева 60 в.) противъ него село Лысково царицы Милитинской.

4. По утру проѣхали Васильевъ городъ, въ полдни село Юнга архіерея Нижегородскаго, потомъ Кузьмодемьянскъ.

5. Въ вечеру въ Казань прибыли (отъ Кузьмодемьянска 140 в.).

6. Князь ѣздилъ въ городъ къ Государю. Тогожъ числа въ самую полночь изъ Казани отправились.

9. До свѣту пріѣхали въ Симбирскъ, отъ Казани 180 верстъ.

11. Обѣдали подъ селомъ Моркваши, тамъ половина свѣтлѣйшаго Князя Меньшикова, другая розныхъ помѣщиковъ, а именно Чиркиковыхъ, Ярцовыхъ. Тамъ гора называется Лысая, на опой на камени князь имя свое и годъ высѣкалъ, недоѣзжая до Самары 40 в.

12. На самомъ свѣту Самару проѣхали.

15. Кн. Константинъ Кантакузинъ поутру, а кн. Сербанъ на вечеръ занемогли.

17. Призванъ лѣкарь второва гранадерскова полку и пущалъ кровь кн. Конст. Кантакузину.

20. Въ Саратовъ прибыли и тогожъ числа отправились.

26. Въ Царицынъ пріѣхали ночью.

Іюль. 4. Въ Астрахань прибыли рано, гдѣ въ кватеру намъ данъ государевъ рыбной дворъ.

5. Имп. Величество съ адмираломъ и съ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и съ прочими у насъ были въ вечеру.

18. Изъ Астрахани въ походъ отправилися въ вечеру (по полудни $7\frac{1}{2}$ часовъ).

20. По утру проѣхали Учюгъ Урусловъ, гдѣ вся Волга перегорожена отъ моря за 15 в. Ночевали въ море въѣхавъ. Обсерацію чинилъ князь и явилося 45 гр. 20 мин. Сего числа князь нашъ писалъ къ княгинѣ № 1 и послалъ чрезъ Митроху на буерѣ.

24. Съ Императорскимъ Величествомъ и съ адмираломъ съѣхалися за 2 мили до Терекъ, откуду всѣ поѣхали, а мы на мели остались.

26. Мы подъ Терки пріѣхали во 2 часу пополудни, а Императорское Величество и адмиралъ пріѣхали 24. Князь нашъ ѣздилъ къ Государю, и отправилися въ походъ въ $2\frac{1}{4}$ часа по полудни. Сего числа писалъ князь письмо къ княгинѣ № 2, отдано кабинетъ-секретарю Макарову.

27. Пріѣхали къ Аграхани рѣкѣ (предъ полуднемъ). Молебствовали о взятьѣ 4 фрегатовъ и *палба* была со всѣхъ судовъ одиножды. Послѣ обѣда всѣхъ господъ купалъ государь на адмиралскомъ суднѣ, спущая съ рапны и трижды всякова погружая.

Августъ 3. Мы въ лагерь съ шнявы переѣхали. Императорское Величество поутру водку у князя нашева кушать, а въ вечеру ужинать изволилъ.

4. Писали въ Москву подъ пакетомъ барона Шафирова, а оной пакетъ посланъ къ свѣтлѣйшей княгинѣ № 4 въ Астрахань; отданъ г. Волынскому.

5. Войско въ походъ пошло.

6. Князь писалъ къ княгинѣ № 5; отдано въ кабинетъ, принялъ канцеляристъ Иванъ Григорьевъ. Императорское Величество съ министрами въ походъ пойти изволилъ (рано), и тогожъ дня пришли къ рѣкѣ Сулаку и стали въ лагерь; тамъ дана была авдіенціа Шафхалскому князю и Мутбегу Черкесскому.

10. Переправилися черезъ Сулакъ въ вечеру.

12. Къ городу Тархову пріѣхали.

13. Императорское Величество съ господами министрами на гору и въ домъ къ Шафхалскому князю ѣздить изволилъ, гдѣ подарено Его Величеству коня съ золотомъ окованнымъ сѣдломъ.

14. Императорское Величество князю нашему лошадь, которая приведена отъ нѣкакого бега, пожаловалъ.

15. Въ лагерѣ совершалася святая литургія и на томъ мѣстѣ здѣланъ каменный курганъ въ вышину саженъ на 5, а вокругъ саженъ зъ 20; а каменье носили всякъ по одному камню, сколко солдатъ и людей въ обозѣ ни было. Писалъ князь къ княгинѣ № 6, отдано Волынскому. Императорское Величество съ адмираломъ и съ прочими ужиналъ у насъ.

16. Отъ Тархова въ походъ пошли рано.

19....[1]) Къ султану Тимишскому дважды писано, чтобъ принять протекцію Его Величества, но онъ не послушалъ.

20. Полонные пытаны.

21. Казнены съ объявленіемъ вины ихъ по турецки.

По утру въ походъ пошли. Послѣ полдень проѣхали колодецъ горячей воды, что рука не терпитъ. Начевали при рѣкѣ Бугамѣ.

23. Къ Дербенту прибыли рано по утру и остановились, а по полудни шли строемъ черезъ городъ и стали за городомъ въ лагеръ.

24. Императорское величество въ городѣ на квартерѣ начевать изволилъ.

25. Мы на квартеру въ городъ пріѣхали.

26. Именины цесаревны Наталіи Петровны.

27. Князь писалъ къ княгинѣ № 7, отдано г. Макарову.

29. Императорское Величество ужинать у насъ изволилъ.

30. Въ походъ къ рѣкѣ Рубасу (которая отъ Дербента въ разстояніи верстъ 10) съ войскомъ пойти изволилъ, а князь нашъ въ Дербентѣ остался.

---

[1]) Разсказывается о стычкѣ съ 5 тыс. Тимишскихъ татаръ, потерпѣвшихъ пораженіе отъ донскихъ казаковъ.

Сентябрь 5. Князь въ лагеръ ѣздилъ, понеже именинница цесаревна Елисаветъ Петровна. Андреевцы прислали посланныхъ къ Императорскому Величеству, принося свое подданство и прося прощенія. Отъ княгини письмо получено іюля отъ 31. Императорское Величество, здѣлавъ при рѣкѣ Рубасъ транжаментъ, возвратился съ войскомъ къ Дербенту, а въ транжаментѣ оставлено казаковъ 300 человѣкъ.

6. Князя нашева позвали къ Государю рано. Сегодня обозы отъ Дербента къ Астрахани пошли.

7. Войско въ походъ къ Астрахани пошло. Начевали при рѣчкѣ Деревакъ.

9. Далѣ пошли и почевали при рѣкѣ Бугамѣ.

20. Отъ княгини получены 3 письма августа отъ 19, сентября отъ 2, и отъ 7, отъ князь Ивана Юрьевича одно письмо іюля отъ 17. Отъ Императорскаго Величества принесли бутылку венгерскаго.

21. Адмиралъ и П. А. Толстой сидѣли у князя часа зъ 2 въ вечеру.

22. Князь писалъ къ княгинѣ № 11, отдано отъютанту кн. Юрія Юрьевича Трубецкова. Аветъ пріѣхалъ, привезъ отъ княгини 2 письма, августа отъ 12 и 19, да отъ князя Ивана Юрьевича Трубецкова письмо іюня отъ 5, изъ Москвы. Изъ посолской канцеляріи принесли пакетъ, въ которомъ письмо отъ Ермака изъ Царя-града, да письмо отъ Камараша іюня отъ 2.

23. Письмо получено отъ П. П. Шафирова отъ 30 августа; при ономъ письмо отъ французскаго министра Кампредона отъ 1 сентября, да отъ Камараша отъ 14 августа, отъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова письма получены отъ 23 и 29 августа.

24. Императорское Величество на часъ былъ у насъ послѣ полденъ. Письмо отъ свѣтлѣйшей княгини получено отъ 13 сентября.

25. Князь нашъ къ Императрицѣ ѣздилъ за своею нуждою въ вечеру.

26. Сдѣлавъ при Сулакѣ транжаментъ, далѣ пошли рано.

Отъ Сулака калмыковъ съ 5000 или больше и Донцовъ послали назадъ къ Дербенту. Императорское величество того жъ числа въ трапжаментъ къ Аграхани прибыть изволилъ, также и князь нашъ.

27 Sept. accepta e notitia venisse Surky sub fortalium ad Rabas plusquam 10000, sed nostri fortiter se defenderunt et occiderunt ex illis 600 homines atque duo vexilla eripuerunt ab illis multos vulneraverunt.

28. Палба была для празднества викторіи надъ Левенгауптомъ подъ Лѣснымъ. Писма получены отъ Карамаша да отъ кн. Ивана Юрьевича Трубецкова августа отъ 8, отъ Паркалаба, отъ Бакаря. Свѣтлѣйшій князь писалъ къ свѣтлѣйшей княгинѣ, отдано г. Волынскому.

29. Императорское Величество въ походъ къ Астрахани рано пойти изволилъ.

Октябрь 9. По полудни въ Астрахань прибыли. Императорское Величество изволилъ прибыть 4 дня въ четвертокъ. Получили писма отъ Шафирова сентября отъ 26 изъ Царяграда августа отъ 6, а отъ Неплюева августа отъ 22.

11. Палба съ городова изъ пушекъ была, понеже празднуется Шлютенбурская викторія. Въ вечеру Императорское Величество у князя пашева былъ.

12. Писмо получено отъ князь Ивана Юрьевича Трубецкова августа отъ 27 № сто.

13. Писма послали къ Карамашу и къ князю Ивану Юрьевича Трубецкому №. 1 чрезъ кабинетъ.

14. Островки; въ Астрахань прибыли послѣ обѣдни; статской курьеръ Степанъ Шулцовъ подалъ писма отъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова октября отъ 5, да отъ Петра Петровича Шафирова октября отъ 4, отъ Камараша сентября отъ 26.

15. Князичи наши болшіе пріѣхали ночью.

16. Въ вечеру адмиралъ прибылъ на своемъ гукорѣ и какъ въ шлюпку сѣлъ и поднялъ флагъ, тогда отдали честь изъ города изъ 9 пушекъ.

18. Письмо къ барону П. П. Шафирову, къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, къ Камарашу, къ Родивону послано отъ кабинета тогожъ синодскова Лаврентья Шитова.

20. Прибыла и тялка; между иными вещми ящикъ мой съ писмами, тамъ же было и розаріумъ, въ море опустили.

23. Послано княгинино письмо къ княгинѣ Марьѣ Юрьевнѣ Долгорукой, отъ мене къ Карамашу, къ Мекинину къ Семену Спатару, и отъ князя краткое къ Камарашу.

26. Посланы писма къ князь Ивану Юрьевичу Трубецкому № 2, къ князь Григорію Ѳедоровичу Долгорукому, къ Камарашу, къ Мякинину, къ княгинѣ Иринѣ Григорьевнѣ, къ княгинѣ Иринѣ Ивановнѣ, къ княжнѣ Смарагдѣ черезъ Семена Григорьевича Нарышкина. Императорское Величество въ вечеру у насъ изволилъ быть и сидѣлъ часа съ 3. Изволилъ взять къ переводу «Полидора» и моево переводу «Агапита».

28. Императорское Величество съ иностранными министрами у князя нашева обѣдать и ужинать изволилъ.

Ноябрь 1. Получены писма отъ барона П. П. Шафирова отъ 22 октября; въ вечеру получены писма отъ князя Ивана Юрьевича Трубецкова, сентября отъ 29 безъ №.

3. Петръ Андреевичъ былъ у насъ, и говорили одинѣ межъ собою о нѣкакихъ приватныхъ дѣлахъ.

4. Тялки отправилися на море къ порту Зинзили, и Императорское Величество, бывъ на гукорѣ и отпустя ихъ, изволилъ съ адмираломъ и Петромъ Андреевичемъ заѣхать къ намъ въ вечеру, сидѣлъ часа съ три и совсѣмъ простился.

5. По полудни Императорское Величество со всѣмъ дворомъ своимъ водою къ Москвѣ отправился.

6. Писма къ барону П. П. Шафирову, къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, къ князю Ивану Юрьевичу Трубецкому № 3, къ Родивону, къ архитектору Растрѣлину, къ Камарашу посланы съ человѣкомъ П. П. Шафирова Аоанасьемъ Тоболкинымъ. Князю нашему сего утра тяжелѣ стало, и, призвавъ епископа, исповѣдывался. NB. Занемогъ еще въ походѣ, какъ поѣхалъ изъ Дербента.

Послѣ обѣда повѣстилъ (его) князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой и съ княгинею и адмиралъ.

7. Князь нашъ причащался. Получены письма отъ князь Ивана Юрьевича Трубецкаго безъ N октября отъ 10, отъ барона П. П. Шафирова октября 23, отъ Камараша окт. отъ 20 черезъ сержанта Астраханскаго полку Степана Бочарова.

12. Получено письмо отъ Неплюева изъ Царя-града сентября отъ 27 черезъ капрала Никиту Некрасова, да отъ иностр. коллегіи получено письмо отъ барона П. П. Шафирова ноября отъ 1, при которомъ прислано письмо до Императорскаго Величества.

22. Губернаторъ и Кропотовъ у князя нашева передъ вечеромъ были.

23. Писалъ князь къ Императорскому Величеству; притомъ послано и письмо, присланное отъ барона П. П. Шафирова, при томъ же писалъ и къ Макарову и къ Петру Павловичу о томъ же, а отдано губернатору Артемью Петровичу Волынскому.

Декабрь 1. Получены письма изъ Царь-града отъ N октября отъ 4, отъ Неплюева октября отъ 7, отъ князь Ив. Юр. Трубецкова два, октября отъ 25 № 3 и 28, отъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова три: сентября отъ 3 и октября отъ 20 и 31, отъ Паркалаба ноемврія отъ 7; отъ князя Радула ноября отъ 8 чрезъ сенатскова курьера В. Родивонова.

3. Послали письма къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, къ князь Ив. Юр. Трубецкому подъ № 4, къ Камарашу чрезъ тогожъ сенатскова курьера.

19. Князь нашъ ѣздилъ гулять.

1723.

Январь 1. Князь нашъ всѣхъ людей своихъ деньгами жаловалъ.

17. Князь нашъ ѣздилъ дороги отвѣдывать до манастыря, который пазывается.... въ трехъ верстахъ отъ Астрахани.

27. Поѣхали изъ Астрахани къ Москвѣ, какъ къ вечернямъ начали благовѣстить.

Февраль 8. Пріѣхали въ Царицынъ по полудни.

11. Князь соборывался масломъ и по обѣдѣ отправился въ путь изъ Царицына въ 2 часа по полудни.

12. Обѣдали и ночевали въ городкѣ Качалинѣ (33 в.).

13. Обѣдали въ Спротинѣ 28 в. ночевали въ Григорьевскомъ (11 в.).

14. Обѣдали въ Перекопскомъ (21 в.) ночевали въ Клецкахъ (20 в.). Получены письма отъ князь Ив. Юр. Трубецкова, отъ княгини Ирины Григорьевны Трубецкой, отъ Камараша, черезъ вахмистра Ивана Петрова сына Раговскова.

15. Съ нимъ же посланы письма къ адмиралу, а въ его пакетѣ къ Императрицѣ Государынѣ, къ графу Головынну, къ Петру Андреевичу Толстому, да въ пакетѣ къ Камарашу — къ князю Григорію Ѳедоровичу Долгорукову. Вислобоковъ посланъ въ Уколово; съ нимъ письмо къ губернатору Воронежскому, къ полковнику Рыбинскому.

19. Въ вечеру прибыли въ Павловское.

25. Изъ Павловска поѣхали; ночевали въ Бѣлогорьѣ.

Мартъ 6. Обѣдали и почевали въ Щиграхъ.

7. Прибыли въ Дайминъ въ полудни (40 в.). Семенъ Спатарь письма подалъ отъ Камараша Февраля отъ 3, отъ Родивона Февраля отъ 19, отъ Камараша Февр. отъ 24.

9. Пріѣхалъ изъ Москвы отъ гвардіи сержантъ Петръ Векентьевъ, привезъ письма отъ Петра Андреевича Толст(аго) Февр. отъ 25, отъ Родивона Февраля отъ 19, отъ Камараша Февраля отъ 24.

10. Капитанъ Сербинъ Василей Булубашъ съ товарищи отпущенъ въ Павловское и писано къ губернатору Воронежскому Петру Васильевичю Измайлову. Въ вечеру пріѣхали въ Уколово.

12. Писали къ Миргородскому полковнику, къ князь Ив. Юр. Трубецкому, къ Иванепку, къ Тапскому съ Милескуломъ.

13. Получены письма отъ Камараша февраля отъ 24, отъ Воронежскова архіерея черезъ Спатарья Ненюла.

15. Писано къ полковнику Чорнышеву о Дмитреѣ Карповѣ да къ Мякинину, съ которыми письмами поѣхалъ Сулжеръ.

16. Писано къ Родивону и чертежи посланы, къ Камарашу, къ Потемкину, къ Петру Андреевичу Толстому, къ княгинѣ Иринѣ Григорьевнѣ Трубецкой.

17. Поѣхали изъ Уколова.

19. Пріѣхали въ Дмитревское.

25. Курьеръ Дмитраки, ѣдучи изъ Царя-града, пріѣхалъ въ Дмитревское

26. Съ нимъ писано къ Камарашу и къ Жувенету. Въ вечеру изъ Кіева пріѣхалъ князь Хилковъ съ письмами отъ князь Ивана Юрьевича Трубецкаго марта отъ 20.

28. Рано посланъ драгунъ Захаръ въ Кіевъ съ письмами къ князь Ивану Юрьевичу Трубецкому. Князь Хилковъ по утру жъ къ Москвѣ отправленъ; письмо съ нимъ къ княгинѣ Иринѣ Григорьевнѣ Трубецкой.

Іюнь 27. Капитанъ Звегинцевъ въ Москву отправленъ; съ нимъ посланы письма къ Толстому, къ Макарову, къ Янкоку, къ Волынскому, къ Камарашу.

29. Ямщикъ изъ Сѣвска привезъ письма въ покетѣ Шагарова отъ князь Ив. Юр. Трубецкова іюня отъ 24, притомъ и цареградскія письма.

Іюль 3. Писали письма къ князю Ивану Юрьевичу Трубецкому съ человѣкомъ сво Иваномъ Карнауховымъ.

5. Поѣхали въ монастырь.

8. Изъ монастыря въ Дмитревское возвратилися.

19. Писалъ въ Москву къ князю Димитрію Михайловичу Голицыну и къ Камарашу.

23. Писали съ Иваномъ Семеновымъ сыномъ Неплюевымъ къ свѣтлѣйшему князю Меншикову, къ Головину, къ Петру Андреевичу Толстому, къ князю Григорію Ѳедоровичю Долгорукому, къ Павлу Ивановичю Ягушинскому, къ Макарову и къ Родивону.

30. Писали въ Кіевъ къ князю Ивану Юрьевичу Трубецкому съ Лавровымъ.

Августъ 8. Письмо отъ князь Ив. Юр. Трубецкова отъ 5 августа получено чрезъ денщика ево Звегинцева и тогожъ числа отвѣтствовано съ тѣмъ же Звегинцовымъ.

14. Посланъ драгунъ Захаръ въ Нѣжинъ; подорожная дана по одну почтовую лошадь.

18. Княгиня Ирина Григорьевна Трубецкая пріѣхала поутру.

21. Князь нашъ скончался по полудни 7 часовъ 20 минутъ. Того опъ вечера посланъ Крюковъ въ Кіевъ.

22. Послано къ Москвѣ и въ С.-Петербургъ съ письмами къ Императрицѣ, къ Макарову, къ князю Василью Лукичю Долгорукому, къ Семену Григорьевичу Нарышкину.

24. Тѣло княжое въ Морево вынесено.

30. Изъ Морева въ Москву повезено, провожать поѣхалъ князь Матвѣй.

31. Мы изъ Дмитреевки поѣхали и жили въ Гнѣздиловѣ до 5 сентября.

Сентябрь 5. Изъ Гнѣздилова къ Москвѣ поѣхали.

20. Въ Черную грязь пріѣхали.

29. Тѣло княжое изъ Черной грязи въ Москву перевезли.

Октябрь 1. Похоронили князя въ вечеру.

1724.

Мая 7 день коронована Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна.

28. Я «Эпиктета» и прошеніе подалъ И. Величеству въ домѣ свѣтлѣйшаго князя Меншикова въ Слободѣ понеже весь сенатъ туда съѣздъ имѣлъ.

Іюнь 21. Со всѣми князьями и княжною я въ С.-Петербурхъ поѣхалъ.

Іюль 9. Въ Санктпетербурхъ пріѣхали.

1725.

Генваря въ 28 день въ 6 часу по полуночи Императоръ нашъ Петръ Алексѣевичъ преставился.

Апрѣля 7 дня получилъ указъ, что быть мнѣ Академіи Наукъ переводчикомъ; написано тако: «По именному Ея Величества Государыни Императрицы указу велѣно при Академіи Наукъ Ивану Ильинскому быть переводчикомъ и опредѣлить ему жалованья по 180 рублей на годъ, свободную квартеру, дрова и свѣчи, какъ протчимъ обрѣтающимся при Академіи служителямъ, и выдать бы ему жалованья на нынѣшней 1725 годъ на три мѣсяца на апрель май и іюнь 45 рублей съ росписко и на счетъ академическій поставить. На подлинномъ подписано: Laurentius Blumendrost. Санктпетербурхъ 1725 года апрѣля въ 1 день.

1727.

Мая въ 6 день въ 9 часу по полудни императрица Екатерина Алексѣевна преставилася.

Мая 24 князь Константинъ Дмитріевичъ женился.

1730.

Августа 29 дня получилъ за прошлогодскую сентябрскую треть жалованья 60 р., принялъ отъ Паули*).

---

*) Этой записью дневникъ и оканчивается.

Примѣчанія [1]).

1. Письмо янв. 10, 1732, № 1. *И. Ю. Юрьевъ* — оберъ-секретарь коллегіи иностр. дѣлъ, съ нимъ кн. Кантемиръ переписывался еще до своего отъѣзда въ Англію (Сочиненія и пр. кн. Кантемира изд. Ефремова т. II стр. 346, СП. 1868). Антіохъ Дмитріевичъ не забывалъ своего стараго знакомаго и въ Лондонѣ и въ 1737 году, при письмѣ отъ 2 сентября, отправилъ ему изъ Лондона двѣ пары англійскихъ очковъ. За эти... «весьма потребныя и нужныя вещи» высланныя по его просьбѣ Иванъ Юрьевичъ благодарилъ кн. Кантемира въ письмѣ отъ 26 ноября того же года.

Яковъ Синявичъ — переводчикъ при кол. иностр. дѣлъ, служилъ при Ѳ. П. Веселовскомъ въ канцеляріи Лондонской миссіи, написалъ интересную записку объ основаніи греческой православной церкви въ Лондонѣ. На его обязанности лежало также составленіе публичныхъ вѣдомостей для отправленія къ русскимъ дипломатическимъ агентамъ за границу. *Эртманъ* или *Эрдманъ* русскій агентъ въ Данцигѣ. Въ упоминаемомъ прибавкѣ къ инструкціи (напечатанъ въ Рел. кн. Кантемира Москва 1892 г. стр. 245) кн. Кантемиру велѣно было заѣхать въ Данцигъ и взять оттуда съ собою въ Англію «для письма дѣлъ» ученика (или студента) Спѣшнева, который владѣлъ языками латинскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ. Жалованья опредѣлено было Спѣшневу

---

[1]) Свѣдѣнія сообщаемыя въ прим. преимущественно основываются на данныхъ извлеченныхъ изъ архивовъ.

300 р. въ годъ. Эрдманъ отпустилъ Спѣшнева и сообщилъ объ этомъ реляціей отъ 11 февраля 1732, въ кой писалъ: «по в. и. в-а указу я помянутого Спѣшнева ему князю (Кантемиру) отдалъ, и помянутой князь ему Спѣшневу 100 р. денегъ на проѣздъ здѣсь отдалъ, а жалованья 150 р. обѣщалъ ему пріѣхавъ въ Англію отдать. Помянутой князь намѣренъ 13 сего февраля ѣхать и путь свой продолжить» (Моск. Арх. мин. ин. д. Сношен. съ имп. городами Данцигъ 1731 — 32).

2. Апрѣля 25, № 6. Комиссія о морскихъ командирахъ возложена была на кн. Кантемира гр. Ал. Г. Головкинымъ согласно предписанію Остермана см. письмо кн. Кантемира къ Остерману отъ 25 апр. 1732 г. въ Моск. Арх. м. и. д., отправленое черезъ того же Головкина.

3. Мая 16, № 8. Объ отношеніи кн. Кантемира къ періодической печати ср. Рус. дип. аг. въ Лондонѣ т. I, стр. 285 — 287, Реляціи т. I, стр. 221.

4. Мая 16, № 9. *Левенвольдъ* гр. дѣйствительный камергеръ и полномочный министръ въ Варшавѣ. Ibid. стр. 9: excusez les fautes. Ошибки въ фран. письмахъ кн. Кантемира, дѣйствительно, встрѣчаются, хотя въ Лондонѣ кн. Кантемиръ прилежно занимался изученіемъ французскаго языка и занялся даже составленіемъ русско-французскаго словаря, каковой и найденъ былъ въ числѣ его рукописныхъ сочиненій послѣ смерти князя. См. опись библ. кн. Кантемира № 617: Dictionnaire Russe et Francais par Mr. le Prince Cantemir, manus. fol. 3 vol. (въ моей брошюрѣ къ біогр. кн. Кантемира Варшава 1896 стр. 38).

5. Іюня 2, № 10. Судьба упоминаемыхъ документовъ неизвѣстна, ибо миледи *Делаваръ* заболѣла лихорадкою и въ Голандію не поѣхала (см. переписку кн. Кантемира съ гр. А. Г. Головкинымъ за 1732 г. въ Моск. арх. м. и. д.). Повидимому вопросъ шелъ о признаніи императорскаго титула русской государыни, и соотвѣтствующія указанія давалъ кн. Кантемиру такой опытный дипломатъ, какимъ былъ графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ.

6. Іюня 9: мало по аглицки разумѣю. Англійскій языкъ кн. Кантемиръ сталъ изучать въ Англіи. Въ отпускахъ писемъ кн. Кантемира, хранящихся въ Моск арх. м. и. д., не встрѣчается писемъ писанныхъ по англійски. Единственное его письмо на англ. яз. помѣчено 1 дек. 1737 года и адресовано къ капитану Сомерсету. Съ англійскими министрами кн. Кантемиръ всегда переписывался по французски.

7. Іюня 20, № 12. *Адмиралъ Норрисъ* — John Norris (1660 — 1749), адмиралъ съ 1710 г., въ Балтійское море высланъ былъ въ маѣ 1715 года, якобы для защиты англійской торговли, а на самомъ дѣлѣ, чтобы оказать давленіе на Швецію и принудить ее къ уступкѣ Бремена и Вердена (Stanhope, Hist. of England cab. ed. I, 225). Сношенія якобитовъ съ Карломъ XII заставили Н. возвратиться въ Англію, но лѣтомъ 1716 онъ снова высланъ былъ къ Копенгагену, причемъ соединеннымъ флотомъ Англіи, Даніи и Россіи начальствовалъ Петръ Великій, а Норрисъ дѣйствовалъ въ качествѣ вицеадмирала. Въ 1717 г. Норрисъ былъ посланъ въ Петербургъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Въ 1719 онъ снова явился съ англ. флотомъ въ Балтійское море, но уже для угрозы Царю. Корреспонденція Норриса въ 1869 пріобрѣтена Британ. музеемъ и составляетъ (AD. MSS. № 28126, 28154, 28155) драгоцѣнное собраніе документовъ (1707 — 1744 г.), среди коихъ встрѣчаются письма Карла III, дожа Carlo Doria, Петра Великаго (іюня 22, 1715; іюня 7, 1719), Фридриха Вильгельма короля Прусскаго и Ульрики Элеоноры, королевы Шведской. Ср. также Home Off. Admiralty № 50, 51 и Dict. of Nat. Biogr. XLI, 134 — 136.

8. Іюля 11, № 12. Въ указанной реляціи кн. Кантемиръ доноситъ, что «*Третьяковъ* посланъ былъ въ Англію отъ блаженныя памяти его и. в-а Петра Великаго для обученія пушечнаго дѣла еще въ 1715 г., но понеже за парламентскимъ актомъ, которымъ запрещено такому искусству учить чужестранныхъ, онъ въ ту работу не принятъ и возвратился въ Голландію... Напослѣдокъ повелѣно ему указомъ учиться здѣсь архитектурѣ военной и

гражданской и опредѣлено было ему жалованье, которое потомъ отсѣчено, и затѣмъ онъ пришелъ въ скудость и въ долги впалъ и заключенъ былъ въ тюрьму». «*Афанасьевъ*» по словамъ кн. Кантемира — «былъ посланъ при резидентѣ Ѳ. П. Веселовскомъ, отъ службы отсталъ и за недостаткомъ денегъ изъ Англіи, чѣмъ возвратиться, не имѣлъ.... По росписи, которую онъ представилъ, нажилъ здѣсь долгу чрезъ десять лѣтъ близь 240 фунт. (болѣе 1200 р.), которые, если ему въ Россію возвратиться, надлежитъ уплатить, а онъ здѣсь женатъ и находится въ великой скудости, такъ что помираетъ почти голодною смертью и живетъ милостынею». Съ разрѣшенія кол. пп. д. Третьяковъ былъ принятъ на службу въ канцелярію Лондонской миссіи (ср. стр. 19).

9. Декабря 9, № 15. *Рондо* — англ. резидентъ, его донесенія обнародованы въ 66 т. Сб. И. Р. Ист. Общ. С.-П. 1889. О *Г. Форбесѣ* (1685—1765) см. Реляціи т. I, стр. 42 прим. 45. Въ Россію прибылъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника 8 іюня 1733 г. и оставался въ Петербургѣ до 7 мая 1734. О своемъ пребываніи въ Россіи оставилъ дневникъ хранящійся въ настоящее время въ Лонгфордскомъ графствѣ въ замкѣ Форбесъ у гр. Грепарда.

13. Февраля 24, № 18. Contre l'immunité et privilèges dont selon le droit des gens doivent (jouir) les ministres étrangers — разумѣется парламентскій актъ королевы Анны 21 апрѣля 1709 (7 Ап. с. 12). Согласно постановленіямъ этого акта дипломатическіе агенты, аккредитованные при С. Джемскомъ дворѣ, должны были сообщать статсъ-секретарю списки лицъ состоящихъ у нихъ на службѣ (см. слѣд. письмо отъ 1-го марта, стр. 19).

11. Около 1-го марта, № 19. L'abbé *Génadius* — греч. архимандритъ Геннадій, первый настоятель посольской церкви (ум. 3 февр. 1737), съ нимъ прибылъ въ Англію его племянникъ *Вареоломей Кассано*. Когда кн. Кантемиръ былъ переведенъ на службу въ Парижъ Кассано (поставленный послѣ Геннадія священникомъ посольской церкви) переписывался съ нимъ и по-

сылалъ Кантемиру новыя сочиненія, выходившія въ Англіи по философіи и литературѣ (см. стр. 195, 196, 202, 205, 206). *William Brawn* — В. Броунъ, своякъ Эрдмана, о которомъ упоминается выше (прим. 1). Кн. Кантемиръ въ письмѣ къ Эрдману отъ 13 іюня 1732 обѣщалъ ему включить Броуна въ число служащихъ при миссіи и сообщить его имя англ. статсъ-секретарю. Какъ потомъ оказалось этотъ Броунъ причинилъ не мало хлопотъ кн. Кантемиру своимъ поведеніемъ, разсорился съ отцомъ и попалъ даже въ тюрьму и былъ освобожденъ лишь благодаря ходатайству кн. Кантемира.

12. Марта 30, № 20. *Вешняковъ* Алексѣй Андреевичъ надв. сов. секретарь Константинопольскаго посольства. Русскимъ резидентомъ состоялъ въ Константинополѣ упоминаемый въ письмѣ Иванъ Ивановичъ *Неплюевъ*.

13. Мартъ — апрѣль № 23. Вручитель сего — NN, французъ.... По всей вѣроятности кн. Кантемиръ желалъ скрыть отъ чиновниковъ своей канцеляріи имя Михаила Мильярда, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. *Мильярдъ* прибылъ въ Петербургъ лѣтомъ 1733 года, а къ православной церкви былъ присоединенъ 9 іюня 1734. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время И. Чистовича С.-Петербургъ 1868 стр. 596.

14. Ноября 3 № 24, стр. 23: епископы, которые... о соединеніи вѣры трактовали. См. письма къ государю Петру I и къ канцлеру гр. Головкину отъ духовныхъ англійскихъ особъ епископовъ Іеремія Колліера, Архибалда Кампбелла и отъ Патриса Пакбаума о желаніи ихъ къ соединенію Аглинскія съ Россійскою церковію и вопросы на греч. и лат. яз. оныхъ епископовъ съ отвѣтами на оные Александрійскаго патріарха Самуила о соединеніи Аглинской съ восточною церковію и о учиненіи единой православной и апостольской церкви. Окт. 8, 1718. Моск. Арх. м. и д. англ. д. т. г. св. 12, № 15.

15. Февраля 18, 1735 № 28. Mon maître de mathématiques... Еще будучи въ Россіи кн. Кантемиръ съ охотою и успѣхомъ занимался изученіемъ математическихъ наукъ подъ руководствомъ

академика Ф. Х. Мейера (р. 9 окт. 1697 ум. 27 ноября 1729), какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ лично знавшій князя Кантемира — Бильфингеръ (Пекарскій, Ист. Ак. т. I, стр. 211 — 212). Только что приведенное письмо свидѣтельствуетъ, что и въ Лондонѣ кн. Кантемиръ не покидалъ своихъ любимыхъ занятій математикой, къ которымъ такъ склоненъ былъ его холодный и спокойный умъ.

16. Мая 17, № 33. Engager deux officiers de sa marine. Въ теченіе короткаго времени послѣ смерти Петра Великаго русскій флотъ, это созданіе всей жизни Преобразователя, «дитя его сердца» — сталъ приходить въ упадокъ (Корсаковъ, Воцареніе Анны Іоанновны стр. 302). Для улучшенія флотскаго дѣла русскимъ посланникамъ въ Голандіи и Англіи изъ коллегіи иностр. дѣлъ не разъ предписывалось пріискивать способныхъ морскихъ капитановъ и приглашать ихъ поступать на русскую службу. Реляціей отъ 4 марта 1735 кн. Кантемиръ сообщилъ въ Петербургъ, что два морскихъ капитана, Метьюсъ и Лестокъ, согласны поступить на службу въ русскій флотъ. Разрѣшеніе было дано и Метьюсъ прибылъ въ С.-Петербургъ 14 августа (донесеніе Рондо Гарингтону отъ 16 августа (Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 76 стр. 435)). Однако требованія Метьюса (настаивавшаго, чтобы его приняли вицеадмираломъ) не были приняты и онъ «по показаніи ему всякихъ учтивостей отсюда (т. е. изъ С.-Петербурга) отъѣхалъ».

17 Мая 18, № 34. Lord Kinoul — шотландецъ по происхожденію, упорно стремившійся въ Константинополѣ къ ослабленію русскаго вліянія въ Турціи. Объ интригахъ его сообщали въ Петербургъ Неплюевъ и Вишняковъ (Соловьевъ Ист. Россіи т. XX, стр. 78 изд. 1870). Сб. И. Р. Ист. Общ. т. 76, 403, 405 — 417. По настоянію кн. Кантемира лордъ Кинуль былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ сэръ Э. Фокнеръ см. его депешу изъ Константинополя: E. Fawkener to his Grace the Duke of Newcastle, April 27, 1736: My lord Kinnoull paid his visit of leave to the Vizier and received his Recredential letter. Publ. Rec. Off. For. Turkey v. 30.

18. Мая 18 № 34. Лорду *Ньюкаслю*... Thomas Pelham Holles duke of Newcastle (1693 — 1768) около 30 лѣтъ былъ статсъ-секретаремъ (1724 — 1754), обладалъ богатствомъ, вліятельными связями среди партіи вговъ и отличался необыкновенной способностью къ труду. Изъ современниковъ лордъ Честерфильдъ порицалъ въ немъ рабскую угодливость волѣ монарха (a servile compliance with the will of his sovereign for the time being, см. его рук. въ Брит. Муз. Stowe Mss: Characters of Queen Caroline, George I and II, Sir Rob. Walpole B. Mus. Pr. VII, № 26). Для всякаго интересующагося дипломатической перепиской XVIII в. обширное собраніе актовъ герцога Ньюкасля является драгоцѣннымъ источникомъ. Его рукописи составляютъ 307 объемистыхъ тома (AD. MSS. № 32686 — 32993) и нынѣ хранятся въ Британскомъ Музеѣ.

19. Іюля 12, № 36 и 37, кн. *А. М. Черкасскій*. Дѣйств. тайный совѣтникъ и кабинетъ-министръ, а съ 10 ноября 1740 г. канцлеръ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (род. 28 сент. 1680 ум. 4 ноября 1742 г.), на дочери котораго Варварѣ Алексѣевнѣ, одной изъ богатѣйшихъ и красивѣйшихъ невѣстъ своего времени, думалъ даже жениться кн. Кантемиръ, но потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе противодѣйствія матери. Этимъ объясняется и «пятилѣтнее молчаніе»[1]) кн. А. М. подчинявшагося по своему мягкому и нерѣшительному характеру вліянію своей супруги. Отношенія кн. Кантемира къ этой семьѣ, впрочемъ, еще недостаточно выяснены. Терещенко, Оп. обозрѣнія жизни сановниковъ и пр. II, 302; В. Е. Стоюнинъ Введ. къ соч. кн. Кантемира т. I стр. LXXVII — LXXVIII и И. И. Шимко Нов. данныя къ біогр. кн. Кантемира С.-Петербургъ 1891 стр. 78, пр. 80, 98 прим. 1.

20. Декабря 4, № 41. Замбони. Всѣ письма кн. Кантемира къ Замбони извлечены изъ архива Бодлеевой библ. въ Оксфордѣ Гр. отъ 8 окт. 1723 Замбони былъ опредѣленъ въ Лондонѣ агентомъ герцога Гессенъ-Дармштадскаго (Nos Dei gratia Ernestus

[1]) Стр. 53.

Ludovicus Largravius Hassiae... nostrum fidelem dilectum Johannem Jacobum Zamboнii Londinii agentem nostrum nominaverimus ac constituerimus). По дон. кн. Кантемира въ ком. кол. (Арх. № 299): «Зāмбони признается всѣми (въ Лондонѣ) за человѣка честнаго, въ купеческихъ дѣлахъ весьма искусенъ, будучи самъ изъ купеческой семьи и ранѣе уже въ теченіе 4 лѣтъ отправлялъ въ Лондонѣ должность консула покойнаго короля Польскаго» (т. е. Августа II ум. $\frac{21\ \text{Янв.}}{1\ \text{Февр.}}$ 1733 г.) Съ ноября 1739 Замбони былъ аккредитованъ въ званіи резидента[1]). Онъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени, былъ знатокомъ музыки, живописи (см. пис. къ нему Thom'a и Нарышкина въ Бодл. биб.). Сохранились въ рукоп. нѣкоторые его литературные труды (Cajo Salustio, Della Conjura di Catilina tradotto in Italiano da Gio. Giacomo Zamboni въ Zamb. p. Rawl. 137 v. XX; Parafrasi dell'Egloga prima di Virgilio на ит. яз. Zamb. pap. Rawl. 136 v. XIX.) Живя въ Лондонѣ З. поддерживалъ связи съ Италіей и жившими въ Англіи итальянцами, снабжалъ новыми итальянскими книгами своихъ друзей, кн. Кантемира и Слона, знаменитаго собирателя рукописей и книгъ (M-r Soliani a learned Printer of Modena has sent me by way of Venice three Dozen of Books for you пишетъ онъ Слону 12 окт. 1730, Brit. Mus. Sl. Ms. 4066 f. 336, 341). Подъ конецъ жизни Замбони потерялъ здоровье, зрѣніе (см. его письма къ Ньюкаслю въ янв. 1753 г.), впалъ въ долги и нищету, и все таки не хотѣлъ уѣхать изъ Англіи, ум. 8 апр. 1753 г. О судьбѣ его рукоп. мое пис. изъ Лондона въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1889, сент. 62 — 65. *Лоссъ* баронъ Іоаннъ Адольфъ (р. 1690 ум. 25 авг. 1759, въ 1741 получилъ графское достоинство), резидентъ саксонскій въ Лондонѣ, отозванъ грам. 2 авг. 1738 г. (Letter of Revocation Лонд. Гос. Арх. Poland R. l. 1712 — 1775 f. 165), затѣмъ былъ аккредитованъ посланникомъ въ Парижъ. Въ Моск. Арх. м. и. д. въ дѣлахъ

[1]) Residentis caractere eum ornare decreverim. Darmstadii 26 Nov. 1739 грам. въ Лонд. Гос. Арх. R. l. Ger. Prin. 1689 — 1776 f. 141.

Парижской миссіи сохранились письма Лосса изъ Дрездена къ кн. К-у, въ коихъ выражается сожалѣніе по поводу постигшей ихъ разлуки. Лоссъ и его жена высоко цѣнили дружбу кн. Кантемира.

21. № 42 (безъ даты) *Рейнгольдъ Левенвольдъ* (см. также прим. 4) графъ, оберъ-гофмаршалъ былъ поклонникъ итальянской музыки и хлопоталъ объ учрежденіи итальянской оперы въ С.-Петербургѣ, что и удалось ему послѣ большихъ хлопотъ, тогда какъ Биронъ и Императрица болѣе благоволили къ нѣмецкому театру и покровительствовали труппѣ нѣмецкихъ комедіантовъ, выписанныхъ изъ Дрездена Линаромъ, саксонскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. П. Араповъ, Лѣтопись рус. театра С.-Петербургъ 1861, стр. 40. *Франциск Арайя* — извѣстный итальянскій композиторъ (род. въ Неаполѣ въ 1700 г.). Первымъ опытомъ его на драматическомъ поприщѣ была опера Береника, представленная въ 1730 г. въ Тосканскомъ театрѣ. Слава его быстро росла и въ слѣдующемъ году въ Римѣ давали его вторую оперу (Amore per regnante). Въ 1735 году Арайя отправился въ Петербургъ въ качествѣ директора музыки итальянской труппы. Для придворнаго театра въ 1737 г. сочинилъ Abiasace — первую итальянскую оперу, разыгранную въ Петербургѣ. Композиторъ Арайя, славный живописецъ Жероламо Боно, и балетмейстеръ Антоній Фоссана справедливо считаются первыми создателями итальянскаго театра въ Россіи и они много содѣйствовали его успѣху (въ особенности при Елизаветѣ Петровнѣ). Въ 1759 г. Арайя вернулся въ Италію и послѣдніе годы жизни прожилъ въ Болоньѣ. (Энцикл. сл. Плюшара т. II, стр. 476). *Porpora* — Николай Порпора — композиторъ и извѣстный учитель пѣнія (род. въ Неаполѣ въ 1687, ум. тамъ же въ 1767), воспиталъ знаменитыхъ учениковъ, какъ то Фаринелли, Кафаріелли, Миноттн, Габріели, Мольтени и др. Въ 1724 Порпора вмѣстѣ съ Фаринелли пѣлъ въ Вѣнѣ при дворѣ императора Карла VI, въ 1729 отправился въ Лондонъ и здѣсь принялъ въ управленіе вновь основанный итальянскій театръ, конкурировавшій съ Генделемъ. Въ театрѣ Порпоры,

по отзывамъ кн. Кантемира, восхищались почти исключительно однимъ Фаринелли, пѣвцомъ, подобнаго которому Гендель не имѣлъ въ своемъ театрѣ. Нѣкоторый успѣхъ имѣли кантаты Порпоры, но и того нельзя сказать о его операхъ, хотя серьезныхъ и мелодичныхъ, но лишенныхъ оригинальности, къ тому же англичанамъ начинала уже нравиться торжественная, полная силы, совершенно оригинальная музыка Генделя. Въ 1738 Порпора вернулся въ Италію, послѣдніе годы жизни провелъ въ нуждѣ и умеръ въ бѣдности.

22. № 43 (тоже безъ даты). Le chevalier *Ozorio* — «шевалѣръ Озоріо чрезвычайный посланникъ сардинской въ Лондонѣ» (Дневн. зап. кн. Кантемира въ Арх. кн. Воронцова т. II, стр. 554.)

23. № 44. Mademoiselle *Bertoldi* — Бертольди — итальянская пѣвица, жила въ Лондонѣ съ матерью и сестрою, пользовалась вниманіемъ со стороны кн. Кантемира, въ 1738 уѣхала въ Италію. 5/16 окт. 1738 Гастальди писалъ о ней кн. Кантемиру въ Парижъ: hier j'ai recu une lettre de Genes de M-r Scalzi avec l'agréable nouvelle que il nostro sig. Bertoldino y était heureseement (Гастальди былъ защитникомъ Бертольди по просьбѣ кн. Кантемира отъ притѣсненій какого-то лондонскаго ростовщика, или банкира, который хотѣлъ арестовать вещи Бертольди за неуплату долговъ). On me marque en suite qu'elle devait aller à Livorne avec le vaisseau.

24. Января 6, 1736 № 45: о извѣстной книгѣ Летъ Московитъ, см. Переписку барона М. А. Корфа съ кн. М. А. Оболенскимъ по поводу Московскихъ писемъ обнародованную въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г. Февр. отд. 2 стр. 428—438.

25. Апрѣля 10, № 48: mon frère cadet. Кн. Кантемиръ принялъ на службу брата академика Генриха Ивановича Гросса (р. въ 1713 ум. въ 1765). Этотъ Гроссъ перешелъ вмѣстѣ съ кн. Кантемиромъ въ Парижъ, гдѣ былъ, какъ и въ Лондонѣ, секретаремъ посольства. Послѣ смерти Кантемира былъ аккредитованъ полномочнымъ министромъ сначала въ Парижѣ, затѣмъ въ Гагѣ и наконецъ въ Лондонѣ, гдѣ и умеръ.

26. Апрѣля 27, № 50: по силѣ отправленного ко мнѣ рескрипта. Коллегія иностр. дѣлъ рескриптомъ отъ 27 марта того же 1736 г. повелѣла кн. Кантемиру отписываться впредь объ опредѣленіи въ Лондонѣ консула съ коммерцъ-коллегіею и отъ нея ожидать резолюціи. Того же содержанія было и упоминаемое письмо гр. Остермана отъ 27 марта.

27. Іюля 8, № 56. Шафировъ Петръ Павловичъ, сенаторъ и президентъ коммерцъ-коллегіи (р. въ 1670 ум. въ 1739).

28. № 59 (безъ даты) de *Bussy*... чиновникъ французскаго посольства въ Лондонѣ, а за отъѣздомъ Камби Бюсси исполнялъ его обязанности.

29. Августа 18/29, № 62: Azevedo — резидентъ Португальскаго короля. Гастальди или Гвастальди — секретарь женевской (какъ его называлъ Кантемиръ), т. е. женевской миссіи. *Rolli* Paul Antoine — одинъ изъ любимѣйшихъ итальянскихъ поэтовъ XVIII в., род. въ 1687, учился въ Римѣ словеснымъ наукамъ у извѣстнаго Гравины (Gravina). Вмѣстѣ съ лордомъ Sumbuch пріѣхалъ въ Англію и здѣсь сдѣлался учителемъ принца Уэльскаго, сына Георга II (впослѣдствіи англ. короля Георга III); подъ конецъ жизни снова вернулся въ Римъ и умеръ тамъ въ 1767. Въ 1716 году Ролли издалъ въ Лондонѣ сатиры Аріосто, нѣсколько лѣтъ спустя перевелъ стихами sciolti и издалъ «Потеряный Рай» Мильтона (Poradiso Perdito di Milton de Rolli Londra 1735. Въ библіотекѣ кн. Кантемира были и другія его сочиненія: Rime изд. въ Веронѣ 1733, l'arte representativa de Ricoboni по сп. библ. №№ 18, 532, 845). Въ бытность кн. Кантемира въ Лондонѣ Ролли кромѣ указанныхъ сочиненій написалъ еще нѣсколько мелодрамъ, какъ то «Орфей» «Эней въ Лаціумѣ» (Лондонъ 1734), «Полифемъ», который былъ представленъ на Лондонской сценѣ (въ театрѣ Hay-Market) въ первый разъ 1 февр. 1735 года. Общеніе съ итальянцами развило въ кн. Кантемирѣ любовь къ театру, музыкѣ, пѣнію и побудило его выучиться итальянскому языку, который онъ зналъ лучше французскаго. *Riccі* — Пуччи, резидентъ герцога Тосканскаго. Выра-

женіе «нашего Пуччи» указываетъ на тѣ близкія отношенія, какія установились между кн. Кантемиромъ и итальянцами. М. *Walgraf* — англійскій посолъ въ Парижѣ lord Waldegrave.

Dutemps — прикащикъ какого-то торговаго дома въ Лондонѣ.

30. Сентября 23, № 64. Д-ру *Жандрону*. Claude Deshayes Gendron — докторъ медицины и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени (род. около 1663 ум. въ Auteuil 3 сентября 1750) получилъ ученую степень въ Монпелье и былъ придворнымъ докторомъ герцога Орлеанскаго. Посвятивши себя изученію глазныхъ болѣзней Жандронъ поселился въ Auteuil близъ Парижа въ домѣ, принадлежавшемъ когда то Буало. По этому поводу Вольтеръ, войдя однажды въ домъ, привѣтствовалъ Жандрона и его друзей словами:

C'est bien ici le Parnasse
Des vrais enfans d'Apollon
Sous le nom de Boileau ces lieux virent Horace
Esculape y parait sous celui de Gendron.

(См. Nouv. biogr. génér. t. XIX, p. 864.)

31. Сентября 25 № 65. Французскій министръ Шетарди о немъ Арх. кн. Воронцова, т. I, стр. 455 — 628; Мартенсъ Собраніе трактатовъ, т. XIII, С.-Петербургъ 1902, стр. 47 — 80; Сб. И. Р. Ист. Общ. CV.

32. Сентября 30, № 66. Только что приведеннымъ письмомъ кн. Кантемира открывается неизвѣстная до сихъ поръ его переписка съ г-жею *Монконсель*, интересная въ томъ отношеніи, что въ ней затрогиваются различнаго рода вопросы, касающіеся театра, музыки, литературы и политики, на которые кн. Кантемиръ даетъ самостоятельные, и опредѣленные отвѣты.

Взгляды кн. Кантемира, какъ человѣка высоко образованнаго по своему времени, заслуживаютъ вниманія, и для его біографа составятъ новый и интересный матеріалъ для изученія личности перваго русскаго сатирика. Къ сожалѣнію письма г. Монконсель

къ кн. Кантемиру къ намъ не дошли[1]) и потому нѣкоторыя мѣста переписки не вполнѣ понятны. О ея личности удалось собрать слѣдующія свѣдѣнія. Въ началѣ 1738 кн. К. познакомилъ съ М. аббата Парети, своего друга, и вотъ въ какихъ чертахъ характеризуетъ ему М. престарѣлый аббатъ въ письмѣ къ князю отъ 21 февраля 1738: Elle (i. e. Monconseil) a tous les agrements possibles, des grâces autour des lèvres et une gaiete ravissante dans les yeux. Elle desire que vous reveniez ici, et je compte, que ses regards pouvaient par simpatie fortifier et eclaircir votre vue beaucoup mieux que les recettes de Gendron, sans qu'il vous en couta des pendules[2]). Перейдя на службу въ Парижъ кн. Кантемиръ поддерживалъ знакомство съ Монконсель и черезъ нея узнавалъ разныя политическія новости, но сохранялъ это въ большой тайнѣ. Въ серединѣ 1741 кн. Кантемиръ былъ встревоженъ какими-то слухами, ходившими въ Петербургѣ о г-жѣ Монконсель, и потому счелъ необходимымъ послать на высочайшее имя слѣдующую имъ самимъ шифрованную реляцію: «вѣдомость о резолюціи принятой въ совѣтѣ королевскомъ (вопросъ шелъ о намѣреніи франц. правительства объявить Австріи войну) мнѣ сообщена отъ г-жи Монконсель, жены бригадира и военнаго инспектора маркиза Монконселя. Опая госпожа остраго ума, любопытна и въ дѣлахъ какъ здѣшнихъ, такъ и чужестранныхъ, много искусна. Во время Шовелинова правительства, имѣя съ нимъ тѣсную и почти подозрительную дружбу, обязала себѣ многихъ, такъ канцелярскихъ служителей какъ и господъ здѣшнихъ, между которыми находится и военныхъ дѣлъ секретарь Бретьоль, которой сверхъ того живетъ въ тѣсномъ согласіи съ ея сестрою. Милордъ Вольграфъ, бывшій аглицкой посолъ, много дружбою сея госпожи во время Шовелиново пользовался, также и теперь она переписку нѣкогда имѣетъ съ кавалеромъ Валполемъ, отъ котораго сказываютъ, что и пенсію получала. Я съ нею знакомство свелъ въ первую мою

[1]) Можно предполагать, что кн. Кантемиръ самъ ихъ уничтожилъ.

[2]) Въ благодарность за леченіе Кантемиръ подарилъ Жандрону превосходные англійскіе стѣнные часы.

поѣздку во Францію въ 1736 году и съ тѣхъ поръ, сколько можетъ, мнѣ услуживаетъ, но весьмабъ несчастливо ей было, если бъ было увѣдано, что она мнѣ вѣсти пересказываетъ столь напраче, что кардиналъ вѣдаетъ ея склонность къ Шовелину. Для того всеподданнѣйше прошу, чтобъ всемилостивѣйше указать поберечь ея имя». Іюля 4 (іюня 23) 1741 (Моск. Арх. м. и. д. дѣла Фр. 1741 св. 56). *Фаринелли*, Carlo Farinelli — знаменитый итальянскій пѣвецъ — кастратъ (род. 24 янв. 1705 г.), обладалъ замѣчательнымъ сопрано и былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Порпоры. Въ молодости Ф. съ большимъ успѣхомъ давалъ концерты въ Римѣ (1722), Вѣнѣ, Миланѣ, въ 1732 году снова въ Вѣнѣ, гдѣ уже обратилъ на себя вниманіе императора Карла VI. Въ 1734 Ф. прибылъ въ Лондонъ и выступилъ на сценѣ недавно основаннаго театра (подъ именемъ Lincoln's Inn Fields, возлѣ юрид. кол. того же имени), которымъ управлялъ его старый учитель Порпора (ср. прим. 21). Въ началѣ 1737 года Фаринелли уѣхалъ изъ Англіи въ Испанію, гдѣ пользовался большимъ вліяніемъ, сдѣлавшись любимцемъ короля Филиппа V, ассигновавшаго ему ежегодную пенсію въ 50 тыс. фр. Фердинандъ VI также покровительствовалъ Фаринелли и только съ восшествіемъ на престолъ Карла III (въ 1759) положеніе Фаринелли измѣнилось и ему пришлось покинуть Испанію. Тогда Фаринелли уѣхалъ въ Италію, построилъ себѣ виллу возлѣ Болоньи и умеръ тамъ 15 іюля 1782 г. Nouv. biogr. Paris 1856, t. XVII, p. 118—121.

33. Окт. 19, № 70: смерть покойнаго архіерея *Θеофана*. Петровъ извѣстилъ кн. Кантемира о смерти Θеофана Прокоповича (сентября 8, 1736) въ письмѣ изъ Берлина отъ 2 окт. т. г. Петровъ состоялъ на службѣ при Берлинскомъ посольствѣ, и, желая перейти на службу въ Россію, просилъ у кн. Кантемира рекомендательныхъ писемъ къ вліятельнымъ лицамъ. Кн. Кантемиръ исполнилъ просьбу Петрова, а послѣдній со своей стороны по возвращеніи въ Россію поддерживалъ переписку и между прочимъ черезъ него князь Кантемиръ пересылалъ письма къ

своей сестрѣ Маріи Кантемировой (ср. также письмо кн. Кантемира подъ № 74, стр. 62).

34. Ноября 29, № 75. M. Hendel. Георгъ Фридрихъ *Генделъ* (род. въ Галле въ 1684 ум. 14 апр. 1759) извѣстный композиторъ XVIII в.; пользовался покровительствомъ ганноверскаго курфирста и затѣмъ анг. короля Георга I, вліятельныхъ лордовъ (Burlington'a, Chandos'a, Rutland'a). Свои оперы онъ давалъ въ театрѣ Hay Market, гдѣ подъ его управленіемъ пѣли Сенезино, Маргарита Дурастанти и Фаустина Бордони. Благодаря личному характеру Генделя, довольно неуживчивому, его театръ сталъ приходить въ упадокъ (къ концу 1728), и враги, и противники Генделя основали тогда другой оперный театръ, именуемый Lincolns-Inn-Field, и пригласили сначала Сенезино, а затѣмъ Порпору въ качествѣ директора театра. Въ этомъ новомъ театрѣ пѣлъ и Фаринелли (прим. 32), котораго кн. Кантемиръ называетъ Орфеемъ въ своей перепискѣ [1]). Труды и непріятности разстроили здоровье Генделя и заставили его, впрочемъ на короткое время, уѣхать для леченія въ Ахенъ, откуда вернувшись въ 1736 Гендель началъ управлять большимъ оперным театромъ — Covent Garden (существующимъ и понынѣ), но какъ видно по письмамъ Кантемира этотъ театръ мало посѣщали. Тогда Гендель, сжившійся уже съ Англіей, началъ писать ораторіи, которыя завоевали ему славу и укрѣпили среди англичанъ вѣру въ его геній. Англичане прозвали Генделя monarch of choral harmony (царемъ хоральной музыки), а когда онъ умеръ похоронили его въ національной усыпальницѣ своихъ знаменитостей — въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

35. Декабря 21, № 77. *Бильфингеру.* Георгъ Бильфингеръ (род. въ 1693 ум. Штутгардтѣ февр. 18, 1750) философъ, академикъ; въ Россію прибылъ въ 1725 по рекомендаціи Вольфа, съ 1731 проф. въ Тюбингенѣ, а съ 1735 переселился въ Штутгардтъ на родину, гдѣ и умеръ. All. D. Biogr. II, 634 — 635; П. Пекарскій, Ист. И. Акад. Н. I. 211 — 212.

---

[1]) стр. 114 и др.

36. Января 18, 1737 № 80 пѣсни моей «о взятіи Азова» — къ сожалѣнію это стихотвореніе, по свидѣльству кн. Кантемира одно изъ лучшихъ, не сохранилось.

37. Января 17, 1738 № 106; «о несчастливомъ дѣлѣ», т. е. объ искѣ матери ср. у Шимко назв. соч. стр. 103.

38. Ноября 17, 1738 № 131: le cardinal de Polignac, à qui j'ai tant d'obligations. По возвращеніи въ Лондонъ (въ 1736) кн. Кантемиръ писалъ къ кардиналу Полиньяку: Mon devoir exige de moi que je réitére par la presente lettre mes tres humbles remerciements de toutes les bontés et politesses dont Votre Excellence m'a honoré pendant mon sejour à Paris.

39. Текстъ письма кн. Кантемира къ Вольтеру найденъ нами въ Моск. Арх. м. и. д. въ дѣл. Париж. миссіи, письма же отъ 13 марта и 19 апрѣля Вольтера къ кн. Кантемиру розысканы Л. Н. Майковымъ.

40. Октября 22, 1739 № 161. Аббатъ Гуаско Октавіанъ, біографъ князя Кантемира, род. въ 1712 году въ Pignerol, извѣстный своей ученостью, членъ разныхъ обществъ (Франц. Акад., Берл. Акад. и Лонд. корол. Общества). Кромѣ сатиръ онъ перевелъ на итал. языкъ Оттоманскую исторію Д. Кантемира, но трудъ остался въ рукописи. У Гваско была сестра Comtesse Bernardi, у которой онъ жилъ подъ конецъ жизни въ Вероиѣ и умеръ тамъ 10 марта 1787, переживъ своихъ друзей Кантемира, Жандрона и Монтескье.

41. Мая 5, 1743 № 205. *Мопертюи. Maupertuis*, Pierre Louis Moreau философъ и геометръ французскій род. 1698 ум. 1759, учился, какъ и кн. Кантемиръ, у Бернулли. Бантышъ-Каменскій, говоря о предсмертной болѣзни кн. Кантемира замѣчаетъ: «все сіе время (т. е. 6 мѣс.) славный Мопертюи ежедневно посѣщалъ друга своего».

42. Января 19, 1744. Butlers Hudibras. Самуилъ Бетлеръ (ум. 25 сент. 1680); Гудибрасъ былъ изд. въ 1663 — 64; 1678 (3-я) см. его Posthumous Works 1716 (и 1759). *Рочестеръ* Дж. Вильмотъ (1647 — 1680) извѣстенъ своими сатирами.

43. Марта 15, № 226. *Rowning's* Philosophy. Rowning John (1701 — 1771), глав. его сочиненіе A Compendious System of Natural Philosophy 4 г. выдержало семь изданій между 1735 — 1772 г.

УКАЗАТЕЛЬ.

Азеведо 52, 115, 149, 324 (29).
Aiguillon Anne XII прим. 2.
Акоста 50, 51.
Альгаротти гр. VII, 110, 158, 161.
Амело IX, XII; 235, 237.
Аминони 113, 116, 118, 119, 122, 125, 140, 144, 145, 146.
Арайл 36, 322 (21).
Аріосто VII.
Афанасьевъ 317 (8).

Байеръ IV прим. 2; VI прим. 5; 296 прим. 1.
Бастилія арх. II прим. 1; IX прим. 1.
Бернулли 179, 329 (41).
Бертольди 145, 323 (23).
Бестужевъ-Рюминъ гр. А. П. 178, 181—183; 188—190, 191, 193, 195, 196, 199.
Бетлеръ 202, 329 (42).
Бецкій П. И. 179, 187, 188.
Бильфингеръ 45, 66, 67, 319, 328 (35).
Биронъ гер. І. Э. 3, 26, 28, 31, 33, 40, 93, 94, 159.
Ботта 153.
Браклеръ 10.
Броунъ 19, 318 (11).
Бюсси 50, 117, 118, 124, 224, 234, 236, 280, 324 (28).

Варлаамъ 46, 47.
Васперъ бар. 235, 245, 247.
Вепутти IX прим. 3.
Вешняковъ 19, 20, 21, 318 (17), 319.
Витинскій 186.
Вольтеръ VII, 64, 136—138, 141, 329 (39), 325.
Волынскій А. П. 156, 305, 307, 309.
Воронцовъ гр. С. Р. VI.

Гаррингтонъ ст.—секр. 18, 20, 27, 60, 98, 103, 319.
Гастальди 52, 98, 145, 236, 249, 323, 324 (29).
Гваско IX прим. 3; 151, 152, 329 (40).
Гендель 130, 134, 146, 323, 328 (34).
Геннадій 19, 317.
Головкинъ гр. Ал. Гавр. V; 3, 13, 20, 39, 120, 197, 250, 263, 315.
Головкинъ гр. Г. П. 6, 318 (14).
Гольдбахъ 143, 146.
Гроссъ Г. XII, 112, 323 (25).
Гроссъ Хр. IV прим. 2; 25, 41, 42, 47, 59, 89, 91, 143, 159, 165.

Делиль 81.
Долгорукій кн. Вас. Лук. 299, 312.
Долгорукій кн. Григ. Өед. 308, 310.
Долгорукая кн. Марья Юр. 308.

Жандронъ д-ръ VIII прим. 2; 54, 57, 58, 61, 101, 104, 109, 118, 325 (30), 329 (40).

Замбони VI, 35, 37, 43, 50, 51, 127, 131—132, 134, 206—210; его біогр. и сочин. 320—321.

Ильинскій П. 49, 73, 76, 86; его журналъ 295—313.

Камби 224, 324 (28).
Кантемиръ кн. Ан. Пв. 69, 99, 299, 329 (37).
Кантемиръ Димитрій кн. госп. Молд. 295; сенаторъ ib. и слѣд.; въ походѣ 303, болѣзнь 309, смерть 312.
Кантемиръ кн. Антіохъ Дм. его переписка I—III; пребываніе въ Лондонѣ: пріѣздъ 1, 2; жалуется на недостаточность содержанія 29; дороговизну 43, 44, знакомые 108; удивл. его учености 28; переписка 1—112; вліяніе Англіи 660. VII—VIII; въ Парижѣ (во время отпуска) 52; на службѣ: назн. VIII—XII; образъ жизни IX прим. 1, произв. въ тайн. сов. 167; языкъ его рел. и вѣдом. 169; болѣзнь, консиліумъ пяти врачей 200, 329 (41); проситъ о поѣздкѣ въ Италію 201, 203, 205; смерть вв. XI; біогр. XIII, 329 (40).
Кассано Варѳоломей 19, 169, 195, 205, 249, 317.
Кейзерлингъ гр. 94, 153.
Кейтъ 155, 157.
Кириловъ 26, 49.
Князь-кесарь (подраз. Ѳедоръ Юрьев. Ромодановскій) 301.
Корфъ бар. І. А. 27, 29, 35, 123, 142, 143, 148, 163.

Левенвольдъ гр. 7, 36, 90, 94, 315 (4), 322.
Лоссъ бар. 321.

Макаровъ Алексѣй Васил. 299, 305, 311.
Меньшиковъ кн. 297—299, 301, 311, 312.
Мозалевскій 112, 147, 212, 281—3.
Монтескьс XII прим. 2; XIII пр. 1; VII; 329 (40).
Монертюи IX, 123, 142, 149, 180, 185, 329 (41).

Нартовъ 180, 183, 190, 192.
Нарышкинъ С. К. 168, 169, 231.
Неплюевъ И. И. 19, 64, 319.
Несвѣтаевъ 32, 50, 53.
Норрисъ 12, 316.
Ньюкасль ст.-секр. 31, 61, 320 (18).

Озоріо 108, 112, 149, 323 (22).
Остерманъ гр. А. Ив. 1, 5, 6, 13, 15, 37, 41, 43, 44, 67, 99, 127, 133.

Паретти 97, 98, 102, 107, 110.
Петровъ 55, 59, 62, 88, 97, 99.
Петръ Великій 139, 173, 296, 299, 303, 307, 313.
Понятовскій 249, 271, 274.
Порпора 323.
Прокоповичъ Ѳ. 21, 22, 23—25; 60; 327 (33).
Пуччи г-жа 147.
Пуччи 52, 156, 324 (29).

Разумовскій гр. А. Г. 196.
Реомюръ 149, 180.
Робинсонъ 270.
Ролли VII, 52, 324 (29).
Рондо 14, 16, 26, 317.
Роуннигъ 196, 205.
Рочестеръ 202, 329 (42).

Свифтъ VII, XI, 206.
Синявичъ 1, 315.
Спѣшневъ 19, 315.

Татищевъ В. Н. 103.
Толстой П. А. 298, 299, 304—310.
Третьяковъ 19, 316.
Трубецкая кн. Пр. Гр. 310, 311, 312.
Трубецкой кн. Пв. Юр. 299, 308, 309, 311.

Фаринелли 57, 92, 98, 114, 119, 130, 323, 327.
Фонтенель 149, 153.
Форбесъ лордъ VI, 16, 26, 317.

Черкасскій кн. А. М. IX прим. 2; 32, 33, 56, 53, 62, 65, 66, 68, 81, 161, 162, 165, 167, 233, 320.

Шавиньи 38, 39, 72—74, 78—79, 80.
Шафировъ 48, 306, 307, 324 (27).
Шетарди XII, 55, 197, 325 (31).
Шимко И. И. IX прим. 3; XI прим. 2; 296 прим. 1.
Шумахеръ 79, 86, 171, 175—177, 153, 183, 295.

Щербатовъ И. А. письма къ нему 211—291.

Эгійонъ см. Aiguillon.
Эрдманъ 314.
Эйхлеръ 99, 157, 191.

Юрьевъ И. Ю. 1, 314.

Ягужинскій гр. П. И. 5, 311.

СОДЕРЖАНІЕ.

	страницы.
Предисловіе. Переписка кн. А. Д. Кантемира въ иностранныхъ и русскихъ архивахъ	I — III
Введеніе. Дипломатическая служба кн. А. Д. Кантемира въ Лондонѣ (1732 — 1738) и Парижѣ (1738 — 1744).....	V — XIII

Переписка кн. А. Д. Кантемира

1732.

№№		
1.	Января 10. Кн. А. Д. Кантемиръ И. Ю. Юрьеву.....	1—
2.	Марта 31. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману.	– 2
3.	Марта 31. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу І. Э. Бирону.	3
4.	Марта 31. Кн. А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головкину.	3— 4
5.	Марта 31. Кн. А. Д. Кантемиръ графу П. И. Ягужинскому.....	5
6.	Апрѣля 25. Граф. И. Остерманъ кн. Кантемиру	5— 6
7.	Мая 4. Кн. А. Д. Кантемиръ графу Г. И. Головкину..	6
8.	Мая 16. Гр. А. И. Остерману кн. Кантемиръ	6— 7
9.	Мая 16. Кн. А. Д. Кантемиръ графу К. Г. Левенвольде	7— 9
10.	Іюня 2. Кн. А. Д. Кантемиръ графу А. Г. Головкину..	10
11.	Іюня 9. Кн. А. Д. Кантемиръ графу А. И. Остерману.	11
12.	Іюня 20. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману ..	12
13.	Іюля 11. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману ..	13
14.	Августа 29. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. Г. Головкину	13—14
15.	Сентября 1. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу І. Э. Бирону	14—15
16.	Декабря 9. Гр. А. И. Остерманъ кн. А. Д. Кантемиру.	15—16

1733.

17.	Января 9. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. Н. Ю. Трубецкому	17
18.	Февраля 24. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону.	18

№№		страницы.
19.	Около 1 марта. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону.	18—19
20.	Марта 30. Кн. А. Д. Кантемиръ А. А. Вешнякову ...	19
21.	Мая 3. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону	20
22.	Мая 21. А. А. Вешняковъ кн. А. Д. Кантемиру	20—21
23.	(Мартъ — апрѣль) Кн. А. Д. Кантемиръ архіепископу Ѳеофану Прокоповичу	21—22
24.	Ноября 3. Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ кн. А. Д. Кантемиру.....	22—23
25.	Декабря 21. Кн. А. Д. Кантемиръ архіепископу Ѳеофану Прокоповичу	23—15
	1734.	
26.	Мая 6/17. Христіанъ Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру ...	25—26
27.	Ноября 5. Кн. А. Д. Кантемиръ Э. І. Бирону.....	26—27
	1735.	
28.	Февраля 18. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону.	27
29.	Марта 1. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру ..	27—28
30.	Марта 5. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу Э. І. Бирону .	28—29
31.	Мая 5. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	29—30
32.	Мая 6. Гр. Э. І. Бирон кн. А. Д. Кантемиру.....	30—31
33.	Мая 17. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Ньюкастлю.....	31
34.	Мая 18. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Ньюкастлю.....	32
35.	Іюля 12. Гр. Э. І. Бирон кн. А. Д. Кантемиру.....	—
36.	Іюля 12. Кн. А. М Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру .	32—33
37.	Августа 26. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	33
38.	Сентября 13. Герцогъ Э. І. Бирон кн. А. Д. Кантемиру	33
39.	Октября 14. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	34
40.	Октября 28. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	34—45
41.	Декабря 4. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	35
42.	(22 марта?) Гр. Левенвольде кн. А. Д. Кантемиру ...	36
43.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	36
44.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	37
	1736.	
45.	Января 6. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману .	37—39
46.	Февраля 24. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу Э. І. Бирону	40
47.	Апрѣля 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману.	41
48.	Апрѣля 10. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру.....	41—42
49.	Апрѣля 10. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру.....	42
50.	Апрѣля 27. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману	42—43
51.	Мая 4. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману ...	44—45

№№		страницы.
52.	Мая 27. Г. Б. Бильфингеръ кн. А. Д. Кантемиру	45
53.	Апрѣль. Архимандритъ Варлаамъ кн. А. Д. Кантемиру	46
54.	Іюня 1. Кн. А. Д. Кантемиръ архимандриту Варлааму	46—47
55.	Іюня 18. Кн. А. Д. Кантемиръ Гроссу.....	47
56.	Іюля 8. Кн. А. Д. Кантемиръ барону П. П. Шафирову	48
57.	Іюня 18. Ив. Ильинскій кн. А. Д. Кантемиру	49
58.	Августа 10. Кн. А. И. Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру	50
59.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	50
60.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	51
61.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	51
62.	Августа 18/29. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	52
63.	Сентября 10. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	53
64.	Сентября 23. Кн. А. Д. Кантемиръ доктору Жандрону	54
65.	Сентября 25. М. Петровъ кн. А. Д. Кантемиру.....	55—56
66.	Сентября 30. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	56—57
67.	Октября 1. Кн. А. Д. Кантемиръ А. И. Черкасскому. .	57—58
68.	Октября 1. Д-ръ Жандронъ кн. А. Д. Кантемиру	58
69.	Октября 12/23. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру.....	59
70.	Октября 19. Кн. А. Д. Кантемиръ М. Петрову	59
71.	Октября 21. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гаррингтону.	60
72.	Октября 22. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	60—61
73.	Конецъ октября. Д-ръ Жандронъ кн. А. Д. Кантемиру.	61—62
74.	Ноября 13. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	62
75.	Ноября 29. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	63—64
76.	Декабря 7. Кн. А. Д. Кантемиръ П. П. Неплюеву....	64—65
77.	Декабря 21. Кн. А. И. Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру	65—66
78.	Декабря 21. Кн. А. Д. Кантемиръ Бильфингеру	66—67
	1737.	
79.	Января 18. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. И. Остерману	67—68
80.	Января 18. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	68—69
81.	Января... Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Кантемиръ ..	69—70
82.	Января 21. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	70—72
83.	Февраля 3. Кн. А. Д. Кантемиръ де-Шавиньи	72—73
84.	Февраля 11. И. Ильинскій кн. А. Д. Кантемиру.....	73—74
85.	Февраля 19. Кн. А. Д. Кантемиръ де-Шавиньи	74—75
86.	Февраля 19. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	75—76
87.	Февраля 25. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	76
88.	Марта 15. Кн. А. Д. Кантемиръ И. Ильинскому.....	76—77
89.	Марта 17. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	77—78
90.	Марта 24. Кн. А. Д. Кантемиръ Шавиньи.....	78—79
91.	Апрѣль... Кн. А. Д. Кантемиръ И. І. Делилю	81
92.	Апрѣля 12. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Черкасскому	81—82
93.	Апрѣля 29. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	82—83

№№		страницы.
94.	Мая 7. Гр. А. И. Остерманъ кн. А. Д. Кантемиру ...	84
95.	Мая 23. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель ..	85—86
96.	Іюня 21. Кн. А. Д. Кантемиръ Гроссу	86
97.	Августа 1. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	87—88
98.	Августа 9. Кн. А. Д. Кантемиръ М. Петрову	88—89
99.	Сентября 2. Кн. А. Д. Кантемиръ Гроссу	89—90
100.	Сентября 27. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Левенвольде ..	90—91
101.	Октября 8. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру.....	91—92
102.	Октябрь.... Кн. А. Д. Кантемиръ К. Фаринелли	92—93
103.	Октября 29. Герцогъ І. Э. Бирон кн. А. Д. Кантемиръ	93—94
104.	Ноября 8. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Левенвольде.....	94

1738.

105.	Января 9. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.	95—96
106.	Января 17. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. И. Кантемиръ	96—97
107.	Января 17. Кн. А. Д. Кантемиръ М. Петрову.....	97
108.	Января 21. Аббатъ Паретти кн. А. Д. Кантемиру....	97—98
109.	Января 24. М. Петровъ кн. А. Д. Кантемиру	99
110.	Января 26. Кн. А. Д. Кантемиръ аббату Паретти....	100—101
111.	Февраля 11. Д-ръ Жандронъ кн. А. Д. Кантемиру ...	101—102
112.	Марта 16. Кн. А. Д. Кантемиръ аббату Паретти.....	102—103
113.	Мартъ... Кн. А. Д. Кантемиръ В. Н. Татищеву	103—104
114.	Апрѣля 13. Д-ръ Жандронъ кн. А. Д. Кантемиру	104
115.	Мая 25. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель..	105—106
116.	Іюля 6. Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Шумахеру.....	106—107
117.	Іюля 6. Кн. А. Д. Кантемиръ аббату Паретти.....	107—108
118.	Іюля 10. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель..	109—110
119.	Августа 18. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	110—111
120.	Сентября 21. А. Мозалевскій кн. А. Д. Кантемиру...	112
121.	Сентябрь... Кн. А. Д. Кантемиръ кавалеру Озоріо	112—113
122.	Октября 5. А. Мозалевскій А. Д. Кантемиру.....	113—114
123.	Октября 12. Кн. А. Д. Кантемиру маркизѣ Монконсель	114—115
124.	Октября 14. Кн. А. Д. Кантемиръ кавалеру Азеведо..	115—116
125.	Октября 14. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Аминони	116
126.	Октября 17. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	117
127.	Конецъ октября. Дж. Аминони кн. А. Д. Кантемиру ..	118
128.	Ноября 3. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель.	118—119
129.	Ноября 9. Дж. Аминони кн. А. Д. Кантемиру	119—120
130.	Ноября 11. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. Д. Черкасскому	120—121
131.	Ноября 17. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	121—122
132.	Ноября 28. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Аминони	122—123
133.	Ноябрь.... Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиръ..	123
134.	Декабря 1. Кн. А. Д. Кантемиръ маркизѣ Монконсель	124—125
135.	Декабря 4. Дж. Аминони кн. А. Д. Кантемиру.....	125
136.	Декабря 19. Кн. А. Кантемиръ маркизѣ Монконсель..	126

№№		страницы.
137.	Декабря 24. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Аминони	126—127
138.	Декабря 30. Гр. А. П. Остерманъ кн. А. Д. Кантемиру	127

1739.

139.	Февраля 9. Дж. Замбони кн. А. Д. Кантемиру	127—130
140.	Февраля 20. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Аминони	130—131
141.	Марта 4. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Замбони	131—132
142.	Марта 13. Гр. А. П. Остерманъ кн. А. Д. Кантемиру.	133
143.	Марта 26. Дж. Замбони кн. А. Д. Кантемиру	134—136
144.	Марта 13. Ф. М. Вольтеръ кн. А. Д. Кантемиру.....	136—138
145.	Мартъ.... Кн. А. Д. Кантемиръ Ф. М. Вольтеру	138—140
146.	Апрѣля 2. Кн. А. Д. Кантемиръ лорду Гарринтону ..	140
147.	Апрѣля 2. Дж. Аминони кн. А. Д. Кантемиру	140—141
148.	Апрѣля 19. Ф. М. Вольтеръ кн. А. Д. Кантемиру	141—142
149.	Мая 1. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру	142—143
150.	Мая 1. Хр. Гольдбахъ кн. А. Д. Кантемиру	143
151.	Мая 1. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру	143
152.	Мая 12. Дж. Аминони кн. А. Д. Кантемиру.....	144
153.	Мая 26. Дж. Аминони кн. А. Д. Кантемиру	144—145
154.	Мая 28. Дж. Аминони кн. А. Д. Кантемиру	144—146
155.	Мая 29. Дж. Аминони кн. А. Д. Кантемиру.....	146
156.	Іюня 14. Кн. А. Д. Кантемиръ Хр. Гольдбаху.....	146—147
157.	Іюнь. Кн. А. Д. Кантемиръ Дж. Аминони.....	147
158.	Августа 25. Г-жа Пуччи кн. А. Д. Кантемиру.....	147—148
159.	Сентября 8. Баронъ А. І. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру.	148—149
160.	Октября 6. Кн. А. Д. Кантемиръ кавалеру Озоріо....	149—151
161.	Октября 22. Аббатъ Гваско кн. А. Д. Кантемиру....	151—152
162.	Ноября 3/14. Хр. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру	152—153
163.	Ноября 24. Баронъ І. А. Корфъ кн. А. Д. Кантемиру.	153—154
164.	Декабря 12. Кн. А. Д. Кантемиръ Хр. Гроссу.....	155
165.	Декабря 17. Кн. А. Д. Кантемиръ А. П. Волынскому .	156
166.	Кн. А. Д. Кантемиръ кавалеру Пуччи	156—157

1740.

167.	Января 14. Ап. А. Д. Кантемиръ кавалеру Вальполю .	157
168.	Января 14. Кн. А. Д. Кантемиру Эйхлеру.....	157—158
169.	Марта 27. Кн. А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну	158
170.	Апрѣль... Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Ф. Альгаротти	158
171.	Мая 1/12. Кн. А. Д. Кантемиръ Хр. Гроссу	159
172.	Мая 19. Кн. А. Д. Кантемиръ герцогу Э. І. Бирону ..	159—160
173.	Іюля 7. Гр. Ф. Альгаротти кн. А. Д. Кантемиру.....	161
174.	Іюля 21. А. Д. Кантемиръ кн. А. П. Черкасскому....	161—162
175.	Іюля 24. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Ф. Альгаротти	162
176.	Октября 9. Кн. А. Д. Кантемиръ барону І. А. Корфу .	163

№№		страницы.
177.	Ноября 13. Кн. А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну ...	164
178.	Ноября 25. Кн. А. П. Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру	164—165
179.	Ноября 29. Хр. Ф. Гроссъ кн. А. Д. Кантемиру	165—166
180.	Декабря 15. Кн. А. Д. Кантемиръ Карлу Бреверну...	166

1741.

181.	Февраля 16. Кн. А. Д. Кантемиръ Х. Ф. Гроссу	166—167
182.	Августа 15. Кн. А. П. Черкасскій кн. А. Д. Кантемиру	167

1742.

183.	Февраля 7/18. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. А. М. Черкасскому	167—168
184.	Февраля 22/марта 5. С. К. Нарышкинъ кн. А. Д. Кантемиру.....	168—169
185.	Февраля 25. Священникъ В. Кассано кн. А. Д. Кантемиру	169—170
186.	Апрѣль... Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Шумахеру.....	170
187.	Апрѣль.... Кн. А. Д. Кантемиръ К. Бреверну.....	170
188.	Апрѣля 13. І. Д. Шумахеръ кн. А. Д. Кантемиру ...	171
189.	Апрѣль.... Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Щумахеру.....	171—172
190.	Мая 13/24. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку.....	172—173
191.	Іюня 4/15. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку.....	173—175
192.	Іюня 24 Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Шумахеру	175—176
193.	Іюня 20/іюля 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку...	176—177
194.	Іюля 15. Кн. А. Д. Кантемиръ І. Д. Шумахеру.....	177
195.	Августа 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку	177—178
196.	Августа 1/12. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	178—179

1743.

197.	Января 13. Кн. А. Д. Кантемиръ Н. И. Бецкому	179
198.	Января 13. Кн. А. Д. Кантемиръ Бернулли.....	179—180
199.	Января 15. А. К. Нартовъ кн. А. Д. Кантемиру	180
200.	Января 20. Кн. А. Д. Кантемиръ Ф. Г. Штрубе-де-Пирмону	181
201.	Февраля 22. Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ кн. А. Д. Кантемиру	181—183
202.	Февраля 27/марта 10. Кн. А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову	183
203.	Марта 3/14. Кн. А. Д. Кантемиръ барону Черкасову .	184
204.	Апрѣля 21. Кн. А. Д. Кантемиръ В. К. Тредіаковскому	185
205.	Мая 5/16. Кн. А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову.....	185
206.	Мая 16/27. В. К. Тредіаковскій кн. А. Д. Кантемиру .	186
207.	Іюня 27/іюля 8. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку...	186—187

№№		страницы.
208.	Іюля 3/14. Кн. А. Д. Кантемиръ И. П. Бецкому	187—188
209.	Іюля 21/августа 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	188—189
210.	Августа 13. Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ кн. А. Д. Кантемиру	189—190
211.	Августа 18/сентября 8. Кн. А. Д. Кантемиръ А. К. Нартову	190—191
212.	Сентября 4/15. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	191—192
213.	Ноября 18. А. К. Нартовъ кн. А. Д. Кантемиру	192—193
214.	Ноября 19. Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ кн. А. Д. Кантемиру	193—194
215.	Декабря 1. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	195
216.	Декабрь... Кн. А. Д. Кантемиръ священнику В. Кассано	195—196
217.	Декабря 26. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. Г. Разумовскому	196
218.	Декабря 26. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	196—198
219.	Декабря 27. Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ кн. А. Д. Кантемиру	198—199
220.	Декабря 29. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. Н. Ю. Трубецкому	199

1744.

221.	Января 12. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. Лестоку	200
222.	Января 5/16. Кн. А. Д. Кантемиръ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину	201—202
223.	Января 29. В. Кассано кн. А. Д. Кантемиру	202—203
224.	Января 22/февраля 2. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. Н. Ю. Трубецкому	203—204
225.	Февраля 2/13. Кн. А. Д. Кантемиръ кн. Н. Ю. Трубецкому	204—205
226.	Марта 15. В. Кассано кн. А. Д. Кантемиру	205—206

Письма безъ точной даты.

227.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	206—207
228.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	207
229.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	207
230.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	208
231.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	208
232.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	208
233.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	209
234.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	209
235.	Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони	209—210

№№ страницы.

236. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони 210
237. Кн. А. Д. Кантемиръ Замбони 210

Письма кн. А. Д. Кантемира князю И. А. Щербатову.

1739.

238. Сентября 11/22 211
239. Сентября 12/23 212
240. Октября 9 ..... 212—213
241. Октября 25 / ноября 6 ..... 213—214
(Приложеніе ст. 1 — 14)
242. Ноября 14/25 ..... 216—217
243. Декабря 2/15 ..... 217—218
244. Декабря 23 / января 3, 1740 ..... 218—220

1740.

245. Января 19/30 ..... 220—222
246. Февраля 1/12 222
247. Февраля 23 / марта 5 ..... 222—224
248. Апрѣля 1/12 ..... 224—225
249. Мая 13/24 ..... 225—227
250. Іюня 18/29 227
251. Августа 8/19 ..... 227—228
252. Сентября 2/13 ..... 228—229
253. Ноября 4/15 ..... 229—230
254. Ноября 25 / декабря 6 ..... 230—231

1741.

255. Января 2/13 232
256. Января 2/13 233
257. Января 16/27 ..... 233—234
Января 16/27 234
258. Января 23 / февраля 3 ..... 234—236
259. Января 27 / февраля 236
260. Марта 27 / апрѣля 8 ..... 237—248
261. Марта 31 ..... 248—249
262. Апрѣля 14/25 ..... 249—251
263. Апрѣля 22 / мая 3 ..... 251—252
264. Мая 19 ..... 253—254
265. Іюня 1 ..... 254—263
266. Того же числа 263
267. Іюня 22 264

№№		страницы.
268.	Іюля 3	265—266
269.	Іюля 7	266—267
270.	Іюля 31	267—270
271.	Августа 7	270—271
272.	Сентября 4	271—272
273.	Сентября 25	273—274
274.	Октября 9	274—275
275.	Ноября 3	276
276.	Ноября 24	277—278
277.	Декабря 4	278—279
	1742.	
278.	Января 8	279—280
279.	Іюля 9	280—281
	1743.	
280.	Ноября 10	281—282
281.	Декабря 15	284—285
	1744.	
282.	Января 6	285—287
283.	Февраля 26	287—288
	Экстрактъ изъ вѣдомостей 27/16 февраля	288—289
	Экстрактъ изъ вѣдомостей 1 марта/19 февраля	289—291

ПРИЛОЖЕНІЯ.

	Журналъ Академіи Наукъ переводчика И. Ильинскаго.	295—313
	Примѣчанія	314—330
	Указатель	331—333

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
25	14 (снизу)	Мая 6 / 14	Мая 6 / 17.
29	10 (снизу)	Мая 3	Мая 5.
36	2 (сверху)	42. С.-Петербургъ	42. Марта 22. С.-Петербургъ.
49	2 (сверху)	Іюля	Іюня.
81	17 (сверху)	jnssu	jussu.
—	24	ceu	seu.
190	8 (снизу)	Августа 8 / сентября 28	Августа 28 / сентября 8.
190	11 (снизу)	Графъ А. П.	Графъ А. П.
220	13 (снизу)	смотри	смерти.
222	8 (сверху)	11-го	12-го.
224	15 (снизу)	22-го	12-го.
241	11 (сверху)	Квеотія	Квестія.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIII, № 2.

ТРИНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ

ИМЕНИ

А. С. ПУШКИНА

1899 ГОДА.

Пров. 50

Отчетъ и рецензіи I—V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, февраль 1903 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября 1899 г. Ордин. академикомъ М. И. Сухомлиновымъ . . . . . 1— 14

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. «*К. Головинъ*: Русскій романъ и русское общество».—Рецензія К. К. Арсеньева . . . . . 17— 51

II. «Сочиненія *К. К. Случевскаго*. Шесть томовъ. Спб. 1898».—Рецензія Н. А. Котляревскаго. . . . . 52— 81

III. «*О. Н. Тюмина* (Михайлова): Стихотворенія (1892—1897 гг.)».—Рецензія Ѳ. Д. Батюшкова . . . . . 82—144

IV. «*П. Я.* Стихотворенія. Спб. 1898».—Рецензія П. И. Вейнберга. . . . . 145—157

V. «У синя моря, путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья. Спб. 1898. *Кн. Д. Голицына* (*Муравлина*)».—Рецензія П. Р. Овсянаго . . . . . 158—159

ТРИНАДЦАТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ имени А. С. Пушкина.

Отчетъ, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1899 года Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, Ординарнымъ академикомъ М. И. Сухомлиновымъ.

На соисканіе премій имени А. С. Пушкина въ настоящемъ году поступило двадцать пять сочиненій. Изъ нихъ пять трудовъ были сняты съ конкурса и затѣмъ возвращены авторамъ, какъ не удовлетворяющіе § 9 Правилъ объ означенныхъ преміяхъ, по которому Пушкинскими преміями награждаются только напечатанныя сочиненія. Семь устранены, какъ неудовлетворяющіе существеннымъ требованіямъ конкурса. Два сочиненія были отложены до слѣдующаго присужденія, 1901 года, какъ поступившія послѣ установленнаго Правилами срока, и три — за неполученіемъ къ назначенному сроку о нихъ отзывовъ рецензентовъ — отложены до того же времени. Такимъ образомъ принятыми на соисканіе Пушкинскихъ премій оказалось всего восемь трудовъ. Для разсмотрѣнія означенныхъ сочиненій, а также для обсужденія правъ авторовъ ихъ на награжденіе преміею была образована, на основаніи § 11 Правилъ, особая Комиссія, въ составъ которой вошли, кромѣ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, и

посторонніе ученые и литераторы, принявшіе на себя по просьбѣ Отдѣленія составленіе критическихъ разборовъ конкурсныхъ трудовъ: Д. В. Аверкіевъ, К. К. Арсеньевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, П. И. Вейнбергъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Н. А. Котляревскій, Н. Р. Овсяный и П. А. Ровинскій. Къ сожалѣнію, по случаю отъѣзда и по другимъ причинамъ, К. К. Арсеньевъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ и П. А. Ровинскій—не могли присутствовать въ засѣданіи Комиссіи. Изъ упомянутаго числа сочиненій Комиссіею было признано большее или меньшее право на полученіе премій лишь за пятью. Вопросъ о правѣ каждаго изъ этихъ сочиненій рѣшался закрытою баллотировкою, въ которой принимали участіе: Его Императорское Высочество Августѣйшій Президентъ Академіи Наукъ, всѣ члены Отдѣленія русскаго языка и словесности и прибывшіе по приглашенію Отдѣленія гг. рецензенты.

Приводимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ краткіе отзывы о пяти сочиненіяхъ, заслужившихъ одобреніе Комиссіи.

I.

„Русскій романъ и русское общество“. К. Головина. (СПБ. 1897 г.).

Сочиненіе К. Головина: «Русскій романъ и русское общество» — состоитъ изъ четырехъ частей, озаглавленныхъ такимъ образомъ: романтизмъ; сороковые года; эпоха «бури и натиска» и современное затишье. Трудъ г. Головина принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій современной литературы и по выбору предмета, и по мѣткости и независимости сужденій. Какъ содержаніе, такъ и изложеніе книги доказываетъ, что авторъ обладаетъ и полнымъ знаніемъ дѣла и несомнѣннымъ талантомъ. Отзывы г. Головина о русскихъ писателяхъ отличаются и

серьезностью мысли, и своеобразностью и умѣлымъ выборомъ чертъ для яркой характеристики различныхъ направленій и ихъ представителей. По спорному вопросу о тенденціозности и художественности литературныхъ произведеній онъ высказываетъ слѣдующее: «Наша литература всегда отличалась богатствомъ внутренняго содержанія. Даже въ самыхъ грубыхъ ея произведеніяхъ, даже въ тѣхъ, на которыхъ лежитъ отпечатокъ протокольнаго матеріализма, чувствуется, хотя бы затаенное, стремленіе къ идеалу. Нашъ романъ гораздо чаще грѣшилъ неряшливостью формы, отсутствіемъ художественной отдѣлки, чѣмъ холоднымъ безучастіемъ къ жизненному горю и бѣдностью идейныхъ мотивовъ. Русскіе беллетристы иногда хвалились своимъ презрѣніемъ къ изяществу, возводили даже неряшливость въ культъ, но равнодушными протоколистами или сибаритами эстетики они не были никогда. Въ этомъ, быть можетъ, ихъ недостатокъ, но въ то же время, ихъ заслуга. Идеалы и симпатіи, за одно съ поколѣніями, смѣняли другъ друга, но даже въ эпоху господства у насъ самаго грубаго реализма наша литература не переставала служить идеальнымъ стремленіямъ, хотя, на словахъ, она, можетъ быть, и открещивалась отъ самаго понятія объ идеалѣ.

И вотъ въ самые послѣдніе годы намѣчается въ ней что-то новое, до сихъ поръ невиданное. Цѣлая группа писателей, не лишенныхъ дарованія и встрѣчающихъ среди публики сочувствіе, какъ бы на зло всему нашему прошлому, силится показать, что содержаніе литературнаго произведенія безразлично и предметомъ творчества можетъ быть что угодно. Нѣтъ, по ихъ мнѣнію, никакой надобности одухотворять идеей причудливаго созданія фантазіи или воспроизведенія схваченной на лету жизненной мелочи. Лишь бы ярокъ, и красивъ былъ полученный образъ, — нѣтъ надобности доискиваться его смысла, требовать отъ художника глубокаго захвата жизни или сильной работы ума, а тѣмъ менѣе отзывчивости сердца. Душа его можетъ оставаться совершенно невозмутимою, лишь бы онъ обладалъ способностью на-

блюдать зорко и выпукло рисовать. Мелкая жанровая картина, даже эскизъ, не менѣе цѣнны, чѣмъ картина, потрясающая насъ драматизмомъ содержанія. Анекдотъ не менѣе достоинъ интересовать насъ, чѣмъ жизненная драма. И наше разсѣянное, вѣчно торопящееся среди бездѣлья общество потворствуетъ этому новому направленію, повидимому находя удовольствіе въ бѣглыхъ наброскахъ, не тревожащихъ ни ума, ни сердца. Измельчавшему обществу, очевидно, по вкусу и мелкое художество.

Говоря это, я вовсе не хочу выступать защитникомъ тенденціозности. Нѣтъ никакой надобности подмѣнять въ искусствѣ художественное мѣрило инымъ — политическимъ, соціальнымъ, или даже нравственнымъ. Нѣтъ надобности уже по той причинѣ, что всякая тенденціозность ради служенія излюбленной цѣли по необходимости исключаетъ всякую иную. Свойство партіи—быть нетерпимой; и тенденціозность не только влечетъ за собою подчиненіе искусства ничего не имѣющимъ съ нимъ общаго доктринамъ, но изъ этихъ доктринъ она выбираетъ себѣ одну, непремѣнно только одну, отрицая законность всѣхъ остальныхъ. А кто станетъ судьей между разнородными ученіями? Кто рѣшится признать за любымъ изъ нихъ преимущество безусловной правды? Роль искусства, его самостоятельная, вполнѣ законная роль,— въ томъ лишь, чтобы возсоздавать въ художественномъ образѣ явленія жизни, и притомъ въ одинаковой мѣрѣ жизни внѣшней, бытовой и внутренней, идейной. А если бы кто-нибудь вздумалъ потребовать отъ меня точнаго опредѣленія эпитета «художественный», я бы сказалъ, что тотъ образъ въ дѣйствительности заслуживаетъ этого названія, который совмѣщаетъ въ себѣ два условія—типичность, то есть ширину воспроизводимаго явленія, и красоту формы, въ которую оно выливается. Когда Бѣлинскій возставалъ противъ безсодержательной литературы и хотѣлъ оживить беллетристику, сдѣлавъ изъ нея выразительницу общественнаго мнѣнія, его воодушевлялъ чистый идеализмъ сороковыхъ годовъ, стремившійся вызвать среди русскаго общества просвѣтительное движеніе. Но далеко не такимъ было движеніе

шестидесятыхъ годовъ. Оно выиграло въ опредѣленности, но зато прикрашивало такими словами, какъ гуманность и прогрессъ, дѣло одной партіи, даже одного класса. Когда искусство проникается тенденціозностью, т. е. становится орудіемъ извѣстной партіи, оно по необходимости заражается всею страстностью, всею односторонностью политической борьбы. Подчиненіе искусства высшимъ началамъ прогресса и правды является задачей недостигаемой. И убѣждаетъ насъ въ этомъ, между прочимъ, одно чрезвычайно характерное явленіе. Тѣ самые писатели, которые всего громче требуютъ, чтобы искусство проникло тенденціозностью, или, какъ они любятъ выражаться, идейностью, обыкновенно приходятъ въ негодованіе, какъ скоро тотъ же пріемъ пускается въ ходъ беллетристами иного направленія».

Разсматривая литературную дѣятельность графа Л. Н. Толстого въ ея различные періоды, авторъ книги: «Русскій романъ и русское общество» говоритъ: «Геніальные писатели зачастую пріобрѣтаютъ особенную власть надъ умами какъ разъ тогда, когда они ошибаются. Этотъ, съ виду парадоксальный, афоризмъ какъ нельзя лучше подтвердился на графѣ Львѣ Толстомъ.

Пока онъ былъ только величайшимъ художникомъ своего времени, его, правда, окружала слава, но толпа за нимъ не шла.

Я имѣлъ уже случай замѣтить, что два его знаменитыхъ романа, особенно второй, не были среди русской публики даже оцѣнены по достоинству. Но картина сразу перемѣнилась, какъ скоро Толстой выступилъ въ роли учителя-моралиста, скажу болѣе, — въ качествѣ основателя религіи. Одновременно плѣнять умы и порабощать сердца, быть первымъ среди людей своего времени и владѣть ключами вѣчности — это, извѣстное дѣло, самая высокая степень человѣческаго честолюбія. Но я охотно допущу, что Толстого соблазнилъ не блестящій призракъ духовной власти и что онъ совершенно чистосердечно задался мыслью обновить нравственность современниковъ, съ той минуты, какъ ему показалось, что онъ прозрѣлъ насчетъ собственной души. Три разнородныхъ корня философіи Толстого — буддизмъ,

французскій раціонализмъ и народничество, — переплелись между собою такъ крѣпко, что кажутся совершенно объединенными. Они приходятъ другъ къ другу на помощь, пополняя недостатки каждаго.

Критическое разсмотрѣніе книги г. Головина принялъ на себя, по просьбѣ Отдѣленія, К. К. Арсеньевъ.

По замѣчанію г. рецензента, нѣкоторыя изъ національныхъ видоизмѣненій романтизма указаны г. Головинымъ весьма мѣтко; но въ отдѣлѣ, посвященномъ эпохѣ «бури и натиска», т. е. шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ, не соблюдена симметрія. Нарушеніе ея г. рецензентъ видитъ, между прочимъ, въ томъ, что, говоря его словами, «романъ Чернышевскаго: *Что дѣлать*, вовсе не замѣчательный, какъ художественное произведеніе, а какъ profession de foi, представляющій собою только резюме журнальныхъ статей его автора, излагается и разбирается въ нѣсколько разъ подробнѣе, чѣмъ, напримѣръ, *Дворянское гнѣздо*, *Братья Карамазовы* или *Анна Каренина*. Отъ критика, видящаго преимущественно слабыя стороны движенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, нельзя ожидать большого сочувствія къ Салтыкову; тѣмъ болѣе отрадное впечатлѣніе производитъ сравнительное безпристрастіе, съ которымъ говоритъ о немъ г. Головинъ. Можно, конечно, не соглашаться съ г. Головинымъ, когда онъ сожалѣетъ, что весь огромный талантъ Щедрина пошелъ на борьбу со злобою дня, на такой односторонній и узкій видъ творчества, какъ сатира (стр. 272), но хорошо уже и то, что онъ признаетъ Салтыкова, какъ автора сказокъ и какъ создателя Іудушки, Разумова, Утробиныхъ, крупнымъ художникомъ и глубокимъ психологомъ»....

Указавши какъ достоинства, такъ и недостатки разбираемаго труда, почтенный рецензентъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Русскій романъ XIX вѣка, въ особенности если разсматривать его въ связи съ различными фазисами общественнаго развитія, такъ близокъ къ намъ, что для исторіи его, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, еще не наступило время. Не-

удивительно, что книга г. Головина носитъ на себѣ ясный отпечатокъ симпатій и антипатій автора; неудивительно и то, что вниманіе его распредѣлено неравномѣрно между различными частями его темы. Ему удалось написать живую картину одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ русской жизни—картину тѣмъ болѣе цѣнную, что до сихъ поръ, въ такомъ объемѣ и въ такихъ предѣлахъ, ее не рисовалъ никто. Это — его безспорная и немалая заслуга».

Комиссія признала трудъ г. Головина заслуживающимъ *половинной преміи* имени А. С. Пушкина.

II.

„Сочиненія“ К. К. Случевскаго (въ 6 томахъ, изд. Маркса, СПБ. 1898 г.).

Рецензія составлена Н. А. Котляревскимъ, весьма подробно разсмотрѣвшимъ какъ поэтическія, такъ и прозаическія произведенія автора и указавшимъ ихъ значеніе въ нашей литературѣ. Опредѣляя существенныя особенности автора какъ поэта и какъ мыслителя, избранный Отдѣленіемъ г. рецензентъ говоритъ: «Сочиненія К. К. Случевскаго — итогъ поэтическаго творчества за многіе годы. Имя нашего поэта появилось впервые въ печати въ 50-тыхъ годахъ, въ литературную эпоху, которая теперь отошла уже въ область воспоминаній; это не мѣшаетъ, однако, г-ну Случевскому оставаться до нашихъ дней въ ряду писателей современныхъ, т. е. такихъ, которые живутъ не на проценты нѣкогда пріобрѣтеннаго богатства впечатлѣній, образовъ, чувствъ и мыслей, а стремятся включить въ свое поэтическое міросозерцаніе то новое, что̀ имъ даетъ переживаемая ими минута.

Поэзія г-на Случевскаго прежде всего поражаетъ разнообразіемъ своего содержанія. Въ ней нѣтъ ни повторяющейся переработки нѣкогда сложившихся взглядовъ, ни подновленія старыхъ красокъ и образовъ. Поэтъ даетъ полную, безграничную свободу своей мысли и фантазіи и требуетъ отъ нихъ только, чтобы онѣ въ своемъ полетѣ коснулись возможно большаго количества вопросовъ и сторонъ жизни. Въ итогѣ получаются необычайно пестрыя картины, необычайно разнообразные отзвуки на всѣ впечатлѣнія бытія, и прошлаго, и настоящаго и даже предполагаемаго. Такое стремленіе поэта ко всему въ жизни прислушаться, обо всемъ помечтать и поразмыслить, а главное, обо всемъ сказать свое слово—отражается, конечно, иногда не вполнѣ выгодно на законченности и пластичности его художественныхъ образовъ, на выдержанности и глубинѣ настроенія,—но эти недостатки искупаются однимъ большимъ преимуществомъ: г-нъ Случевскій остается живымъ среди живыхъ людей; для наслажденія его творчествомъ нѣтъ необходимости настраивать себя на извѣстный ладъ, и въ его поэзіи найдутъ и родственное, и дорогое люди разныхъ возрастовъ, темпераментовъ и взглядовъ.

Нашъ авторъ можетъ смотрѣть безъ тайнаго сожалѣнія и безъ тайной зависти, какъ его словами,—

Въ работѣ робкой и безмолвной,
Людскому глазу не видна,
Жизнь сыплетъ всюду горстью полной
Свои живыя сѣмена!

Кромѣ способности подбирать живыя сѣмена жизни, я долженъ указать съ самаго начала еще на одно достоинство въ творчествѣ г-на Случевскаго. Онъ, какъ поэтъ, никогда не жилъ на чужой счетъ.

Г-нъ Случевскій началъ свою дѣятельность въ тѣ годы, когда была еще очень свѣжа память о поэзіи Лермонтова. Его дарованіе крѣпло и развивалось въ сосѣдствѣ съ такими талантами, какъ Некрасовъ, Майковъ, Фетъ, Алексѣй Толстой

и Полонскій. Ни у кого изъ нихъ нашъ писатель не бралъ на прокатъ ни темъ, ни манеры, ни стиха.

Въ поэтическомъ творчествѣ нашего автора есть много свободныхъ совпаденій съ пѣснями его современниковъ, но тотъ, кто знакомъ со стихотвореніями г-на Случевскаго, согласится, что никогда такое совпаденіе не падаетъ до степени пѣсни съ чужого голоса и часто можетъ выдержать любое сравненіе.

Въ стихотворной рѣчи нашего автора есть нѣкоторые недочеты частнаго характера; чувствуется, напр., недостатокъ музыкальности, попадаются прозаическія сравненія, необычныя ударенія, проскальзываютъ не у мѣста русскія простонародныя выраженія, которыя сбиваютъ стихотвореніе съ тона.

Гораздо важнѣе другой недостатокъ и онъ относится уже не къ внѣшней, а къ внутренней формѣ творчества г-на Случевскаго. Въ его поэзіи ощущается иногда недостатокъ силы, силы чувства, мысли, образности, въ особенности замѣтной въ виду серьезности и важности затрогиваемыхъ имъ вопросовъ. Часто не поэтъ владѣетъ темой, а она имъ, и авторъ безсиленъ покорить себѣ читателя.

Поэзія г-на Случевскаго одинаково далека отъ индифферентнаго эстетизма и отъ слишкомъ на интересъ бьющаго реализма. Нашъ поэтъ сталъ къ жизни не на такое далекое разстояніе, чтобы, оглядываясь кругомъ, не увидать ничего, кромѣ пустого пространства и своей собственной особы, и онъ не сталъ къ ней также настолько близко, чтобы видѣть лишь одну какую нибудь деталь. У него есть, чему поучиться въ наше время миніатюрныхъ фотографій и туманныхъ пятенъ въ литературѣ».

Комиссія признала Сочиненія К. К. Случевскаго заслуживающими *почетнаго отзыва*.

III.

„Стихотворенія "О. Чюминой. 1892—1897 г. (СПБ. 1897).

Обширный критическій разборъ стихотвореній О. Чюминой составленъ, по просьбѣ Отдѣленія, Ѳ. Д. Батюшковымъ.

Мы должны заявить съ признательностью, что г. рецензентъ отнесся въ высшей степени серьезно къ принятой имъ на себя задачѣ. Выводы его основаны на самомъ тщательномъ сравненіи переводовъ г-жи Чюминой съ ихъ оригиналами, число которыхъ весьма велико. Въ собраніи стихотвореній г-жи Чюминой помѣщены ея переводы изъ Лонгфелло, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Роберта Бёрнса, Гаммерлинга, Теофила Готье, Сюлли Прюдома и т. д. Выборъ и обиліе переводовъ послужили г-ну рецензенту поводомъ къ такому заключенію: «Вообще говоря, если справедливо было замѣчено о поэтахъ, не только съ среднимъ, но и съ крупнымъ дарованіемъ, что они должны придерживаться извѣстной области, которая по преимуществу имъ свойственна, чтобы достичь успѣшныхъ результатовъ, то настоящее замѣчаніе примѣнимо и къ художественнымъ переводамъ иностранныхъ произведеній. Нельзя *всѣхъ* переводить, и въ этомъ смыслѣ, попытка г-жи Чюминой дать въ переводахъ какъ бы антологію поэтовъ разныхъ націй и разныхъ направленій, въ цѣломъ не привела къ вполнѣ удовлетворительнымъ результатамъ: въ букетѣ отдѣльные цвѣты утратили свою оригинальность; они приняли однообразный характеръ и внѣшнее разнообразіе темъ оказалось въ ущербъ качественной обработкѣ многихъ изъ произведеній въ отдѣльности. Не смотря, однако, на неровности выполненія, несмотря на предѣльность таланта г-жи Чюминой, у нея есть положительныя качества и нѣчто «свое». Это «свое» не особенно глубоко и, не отличаясь ни новизной, ни особой оригинальностью, тѣмъ не менѣе составляетъ вполнѣ по-

чтенное дарованіе; она владѣетъ гладкимъ, ровнымъ стихомъ, — нѣсколько однообразнымъ, монотоннымъ, но, въ общемъ, правильнымъ — т. е. безъ насилій надъ языкомъ. Ея фраза — въ стилѣ прежнихъ романтиковъ, къ которымъ она близка и по общему настроенію своей поэзіи. Возвышенныя мысли, — но нѣсколько шаблоннаго характера, чувствительность, не чуждая нѣкотораго оттѣнка сентиментальности, удачныя порой сравненія — но слабость образной концепціи, бѣглый стихъ — но нѣкоторая вялость фразы и недостаточная отчетливость выраженія, вотъ, въ общемъ, положительныя и отрицательныя стороны таланта г-жи Чюминой, если принять во вниманіе «свое» и «чужое» въ ея сборникѣ, «чужое», изъ котораго она не разъ пыталась сдѣлать «свое сокровище». Придерживаясь строже границъ своего таланта, она, несомнѣнно, можетъ сдѣлать еще много полезныхъ вкладовъ въ нашу художественную переводную литературу, но и многое изъ даннаго ею въ настоящемъ сборникѣ заслуживаетъ одобренія».... Плавный стихъ, нѣсколько деталей, изящно переданныхъ, и общее настроеніе мечтательно грустное, — вотъ главныя свойства поэзіи г-жи Чюминой. Она не нова — ни по темамъ, ни по формѣ выраженія, но свидѣтельствуетъ объ извѣстной сердечной чуткости и отзывчивости. Къ поэтическому чувству г-жи Чюминой можно примѣнить слѣдующую ея же собственную характеристику первой любви:

Не порывомъ страсти, бурнымъ и мятежнымъ,
Какъ лѣсныя грозы, — было чувство это:
Отъ него мнѣ вѣетъ чѣмъ-то милымъ, нѣжнымъ,
Чѣмъ-то гармоничнымъ, какъ мечта поэта».

Комиссія признала Стихотворенія г-жи Чюминой заслуживающими *почетнаго отзыва.*

IV.

П. Я. „Стихотворенія“ (СПБ. 1898 г.).

Рецензія на эту книгу принадлежитъ П. И. Вейнбергу. Г-нъ рецензентъ находитъ, что общій колоритъ книги двоякій: скорбный, пессимистическій, и свѣтлый, съ красками оптимизма. Первый преобладающій, опредѣляется словами автора уже въ «посвященіи», что его пѣсни «создавались изъ слезъ и изъ крови сердечной». Но эта скорбь — по крайней мѣрѣ въ большинствѣ стихотвореній, и притомъ самыхъ выдающихся, — не скорбь общая, человѣческая, эта поэзія—не поэзія «міровой скорби» въ общепринятомъ ея значеніи; собственное я автора, стоящее здѣсь на первомъ планѣ, не есть то я лирическаго поэта, которое этотъ послѣдній — какъ дѣлаютъ всѣ великіе поэты этой категоріи — расширяетъ въ я всего человѣчества; скорбь нашего автора, при своей строгой субъективности, при обниманіи ею, по своему содержанію, извѣстнаго круга людей, несущихъ такія же страданія, какія выпали на долю поющаго о нихъ здѣсь поэта, есть скорбь, имѣющая совершенно спеціальный характеръ, потому что и сами эти страданія, такъ сказать, спеціальныя, которымъ подвержено не все человѣчество, а только опредѣленная часть его, и подвержена не по общимъ міровымъ законамъ, а вслѣдствіе особыхъ, тоже спеціальныхъ обстоятельствъ и причинъ.... То, о чемъ онъ поетъ, пѣлось уже многими и на многіе лады, и нѣкоторыя стихотворенія г. *П. Я.* явно отзываются подражаніемъ— можетъ быть, и неумышленнымъ — Некрасову, или, по крайней мѣрѣ, носятъ на себѣ замѣтные слѣды вліянія этого поэта. Для того же, чтобы «перепѣвъ» получилъ право гражданства въ художественномъ отношеніи, нужно, чтобы отсутствіе новизны въ содержаніи и тонѣ возмѣщалось оригинальностью, силою, богатствомъ внѣшней формы, т. е. собственно стиха. Въ этомъ

отношеніи работа нашего автора представляетъ немного выдающагося.... Возможно расходиться съ авторомъ въ убѣжденіяхъ, признавать его взгляды несправедливыми въ ихъ широкомъ обобщеніи, но никто не найдетъ въ немъ напускной, искусственной гражданской скорби, никто не станетъ отрицать поэтической искренности его чувствъ.

Комиссія признала «Стихотворенія» г. *П. Я.* заслуживающими *почетнаго отзыва.*

V.

„У синя Моря, путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья“ (СПБ. 1898 г.), кн. Д. Голицына (Муравлина).

По просьбѣ Отдѣленія разборъ книги князя Д. Голицына (Муравлина) принялъ на себя Н. Р. Овсяный. Г-нъ рецензентъ прочиталъ Комиссіи слѣдующій отзывъ: «Совершивъ три поѣздки въ Далмацію и Черногорію, князь Д. Голицынъ (Муравлинъ) задался мыслью познакомить русскаго читателя съ этими прекрасными странами дальняго славянскаго юга, вызвать въ немъ желаніе посѣтить ихъ и пробудить сочувствіе къ живущимъ тамъ нашимъ родичамъ. Послѣдствіемъ этого явилась роскошно изданная книга: «У синя моря», снабженная множествомъ прекрасныхъ фототипій.

Книга отличается живымъ и яркимъ изложеніемъ; картины природы и характеристики написаны сочною кистью и даже, мѣстами, производятъ сильное впечатлѣніе. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно описаній посѣщенія авторомъ Острожскаго монастыря и нѣкоторыхъ лицъ черногорскаго духовенства, приближающихся, по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, къ чисто евангельскимъ типамъ. Словомъ, въ литературномъ отношеніи книга кн. Голицына представляетъ собою талантливое и оригинальное произведеніе.

Но видимое недостаточное знакомство автора съ языкомъ и нравами славянскихъ земель послужило причиною поверхностности его наблюденій. Народа, его нравовъ и обычаевъ мы почти не видимъ въ книгѣ кн. Голицына, и потому у читателя остается ощущеніе неудовлетворенности. Общая же характеристика Черногоріи грѣшитъ изобиліемъ розовой краски.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ книга «У синя моря» является пріятнымъ и полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу. Она способна пробудить хорошія и желательныя, съ русской точки зрѣнія, чувства въ читателѣ, особенно же въ подростающемъ поколѣніи. И если вспомнимъ завѣтъ нашего великаго поэта, выраженный въ словахъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,—

то мнѣ кажется, нельзя не признать кн. Голицына, за его сочиненіе «У синя моря», заслуживающимъ поощренія.

Комиссія признала Путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья кн. Голицына заслуживающими *почетнаго отзыва*.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая выразить свою признательность за содѣйствіе при разсмотрѣніи конкурсныхъ сочиненій, постановило выдать по золотой Пушкинской медали гг. рецензентамъ: Д. В. Аверкіеву, К. К. Арсеньеву, Ѳ. Д. Батюшкову, П. И. Вейнбергу, профессору Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ въ Москвѣ А. Н. Веселовскому и Н. А. Котляревскому.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I — V.

I.

К. Головинъ. Русскій романъ и русское общество.

Задача этой книги выражена довольно ясно въ ея заглавіи. К. Головинъ разсматриваетъ русскій романъ преимущественно какъ отраженіе различныхъ теченій, существовавшихъ и существующихъ въ русскомъ обществѣ. Эта основная точка зрѣнія обусловливаетъ собою предѣлы, за которые рѣдко выходитъ авторъ. Онъ не излагаетъ біографію романистовъ, отчасти, конечно, потому, что предполагаетъ ее общеизвѣстною, но отчасти и потому, что его интересуетъ не столько личность писателей, сколько отношеніе ихъ къ главнѣйшимъ факторамъ общественной жизни. Онъ отводитъ мало мѣста эстетической критикѣ не потому, чтобы онъ отрицалъ или умалялъ значеніе формы въ художественномъ творчествѣ [1]), но потому, что общій замыселъ его труда выдвигаетъ на первый планъ *содержаніе* беллетристическихъ произведеній. Само собою разумѣется, что недостаткомъ,

1) «Роль искусства»,—говоритъ г. Головинъ, — «въ томъ, чтобы возсоздавать въ художественномъ образѣ явленія жизни.... Названія *художественный* заслуживаетъ тотъ образъ, который совмѣщаетъ въ себѣ типичность, т. е. ширину воспроизводимаго явленія, и красоту формы»... «Какъ бы мы ни цѣнили высоту и благородство художественнаго замысла, въ своей оцѣнкѣ произведенія мы все-таки придерживаемся эстетическаго мѣрила и требуемъ, чтобы оно доставляло намъ художественное удовольствіе» (стр. III—IV, 157).

ошибкой такую постановку работы считать нельзя. Авторъ имѣетъ полное право сосредоточить свое вниманіе на одной сторонѣ избраннаго имъ предмета, въ особенности столь обширнаго и крупнаго, какъ исторія русскаго романа на пространствѣ цѣлаго столѣтія. Подчеркнуть границы, въ которыя заключена книга г. Головина, мнѣ казалось необходимымъ только для того, чтобы установить рамки критическаго ея разбора.

«Наша литература», — читаемъ мы въ предисловіи г. Головина (стр. II), — «всегда отличалась богатствомъ внутренняго содержанія... Нашъ романъ гораздо чаще грѣшилъ отсутствіемъ художественной отдѣлки, чѣмъ холоднымъ безучастіемъ къ жизненному горю и бѣдностью идейныхъ мотивовъ». Сочувствуя этой характеристической чертѣ русскаго романа, г. Головинъ считаетъ нужнымъ объяснить, что онъ вовсе не намѣренъ выступать защитникомъ тенденціозности. «Нѣтъ надобности», говоритъ онъ, «подмѣнять въ искусствѣ художественное мѣрило инымъ — политическимъ, соціальнымъ или даже нравственнымъ, нѣтъ надобности уже по той причинѣ, что всякая тенденціозность ради служенія излюбленной цѣли по необходимости исключаетъ всякую иную. Свойство партіи — быть нетерпимой, и тенденціозность не только влечетъ за собою подчиненіе искусства ничего не имѣющимъ съ нимъ общаго доктринамъ, но изъ этихъ доктринъ она выбираетъ себѣ одну, непремѣнно только одну, отрицая законность всѣхъ остальныхъ. А кто станетъ судьей между разнородными ученіями? Кто рѣшится признать за любымъ изъ нихъ преимущество безусловной правды?» (стр. III). Къ этой мысли авторъ возвращается еще не разъ, по разнымъ поводамъ. Разсматривая движеніе шестидесятыхъ годовъ, онъ повторяетъ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, осужденіе тенденціозности, какъ начала враждебнаго «единодушному служенію общей идеѣ правды» и вносящаго въ искусство «неразрѣшимое разногласіе нѣсколькихъ противоположныхъ лагерей» (стр. 155). Въ разборѣ «Пошехонской старины» Салтыкова встрѣчается слѣдующее разсужденіе: «неизбѣжная судьба тенденціозной бел-

летристики заключается въ томъ, что мы не можемъ предъявлять къ ней лишь требованій чисто литературнаго свойства, а вынуждены разсматривать ее съ точки зрѣнія строгой правдивости. И благодаря тому, что правда и справедливость для тенденціозности недоступна, она и заключаетъ въ себѣ неизбѣжное внутреннее противорѣчіе, ставя себѣ задачу, которую выполнить не въ силахъ» (стр. 272). Протестуя противъ *замѣны* художественнаго мѣрила какимъ-либо инымъ, г. Головинъ допускаетъ, однако, *дополненіе* его другими, и притомъ такъ, что на сторонѣ послѣднихъ оказывается господствующее значеніе. «Не безразлично», восклицаетъ онъ, «служитъ ли талантъ на пользу обществу или только на его потѣху. Нельзя поставить на одинъ уровень удовольствіе, доставляемое намъ внѣшнимъ изяществомъ формы, и то высшее наслажденіе, какое вызываетъ въ насъ художественное произведеніе, глубоко потрясающее душу и сильно возбуждающее мысль. Въ твореніяхъ искусства нельзя не отдавать предпочтенія содержанію передъ формой; иначе пришлось бы совершенство техники, умѣнье добиваться внѣшнихъ эффектовъ приравнять по достоинству къ глубинѣ мысли, вылившейся въ художественные образы.... Критика въ своихъ сужденіяхъ вынуждена строго отличать два понятія: право художника такъ или иначе относиться къ задачамъ искусства и сравнительную высоту его пониманія этихъ задачъ. Требовать отъ него глубины мысли, силы чувства, высокаго нравственнаго идеала мы не можемъ; но смотря по тому, въ какой мѣрѣ проявляются у него эти качества, мы отмѣчаемъ для него подобающее мѣсто среди его собратій.... Что наличность идеи въ созданіи искусства и затѣмъ свойство этой идеи возвышаютъ его въ нашихъ глазахъ, это явствуетъ уже изъ превосходства духовной природы человѣка надъ физической.... Изъ двухъ равныхъ по силѣ художественныхъ произведеній развѣ не лучше и не выше будетъ то, которое доставитъ не только наслажденіе, но и пользу?.... Если не можетъ быть и рѣчи про обязательное служеніе литературы нравственнымъ идеаламъ, мы вправѣ отдавать

первое мѣсто тѣмъ изъ ея представителей, которые не только плѣняютъ наше воображеніе, не только занимаютъ нашъ умъ, но и согрѣваютъ наше сердце» (стр. 157—160).

Значеніе тенденціи въ искусствѣ—вопросъ до крайности сложный и спорный. Не входя въ разборъ его по существу, замѣчу только, что между двумя группами аргументовъ, выставленными г. Головинымъ, существуетъ нѣкоторое противорѣчіе. Если цѣнность художественнаго произведенія зависитъ, между прочимъ, отъ «свойства вложенной въ него идеи», если талантъ, приносящій *пользу*, выше того, который доставляетъ только потѣху, если мѣсто художника среди его собратій опредѣляется глубиною его мысли и силою его чувства, то какимъ же образомъ можно ожидать отъ искусства, въ лучшихъ его проявленіяхъ, «единодушнаго служенія общей идеѣ правды»? Какимъ образомъ можно предполагать, что въ сферу искусства не проникнетъ борьба, происходящая въ дѣйствительной жизни? Вѣдь *глубина мысли* неразрывно связана съ ея индивидуальностью, а индивидуальность исключаетъ общность, обыкновенно граничащую съ банальностью. *Сила чувства* обусловливается отчасти силою встрѣчаемаго имъ противодѣйствія и, слѣдовательно, также далеко не всегда совмѣстна съ его общераспространенностью. Гдѣ, притомъ, та «общая идея правды», которой можетъ «единодушно служить искусство?» «Въ области чистаго мышленія», говоритъ г. Головинъ (стр. 155), «спорящіе преклоняются передъ логикою очевидныхъ истинъ; въ области нравственныхъ понятій свойственное всѣмъ людямъ если не тождественное, то по крайней мѣрѣ однородное чувство подсказываетъ рѣшеніе болѣе или менѣе убѣдительное для всѣхъ». Съ первымъ изъ этихъ двухъ положеній нельзя не согласиться, но вѣдь искусство не имѣетъ дѣла ни съ «логикою очевидныхъ истинъ», ни съ «областью чистаго мышленія»; оно непричастно къ единомыслію, достижимому для точной науки. Второе положеніе требуетъ очень большихъ оговорокъ. Между нравственными понятіями мало незыблемыхъ и неизмѣнныхъ: они развиваются, исчезаютъ, возника-

ютъ вновь и возбуждаютъ, сплошь и рядомъ, далеко не однородныя чувства. Что касается до вопросовъ политическихъ и соціальныхъ, то невозможность пріискать для нихъ «общее мѣрило», подчинить ихъ «какому-либо безусловному, всѣми признанному началу» признаетъ и самъ г. Головинъ. А между тѣмъ, они всегда ставились и разрѣшались въ произведеніяхъ искусства, неотвратимо внося въ его сферу элементъ разномыслія и разногласія. Уже Эсхилъ, въ своихъ «Эвменидахъ», изобразилъ борьбу между старымъ и новымъ, Софоклъ, въ своей «Антигонѣ — борьбу между формальнымъ и нравственнымъ закономъ; и такая борьба несомнѣнно происходила въ дѣйствительности, окружавшей и вдохновлявшей обоихъ поэтовъ. Еще яснѣе взаимодѣйствіе между жизнью и искусствомъ сказалось въ комедіяхъ Аристофана. Единственное основаніе, во имя котораго г. Головинъ осуждаетъ тенденціозность, падаетъ, такимъ образомъ, само собою. Какъ только въ искусство проникаетъ «глубокая мысль», оно перестаетъ служить орудіемъ «единодушнаго служенія общей идеѣ». Художникъ, если онъ не только мастеръ формы, является человѣкомъ своей эпохи; стоя посреди сталкивающихся ея теченій, онъ не всегда можетъ сохранить между ними осторожный или высокомѣрный нейтралитетъ. Степень увлеченія его однимъ изъ нихъ зависитъ отъ его натуры: мягкій и кроткій, онъ готовъ признать хорошія стороны своихъ противниковъ—страстный и пылкій, онъ «отрицаетъ законность» всѣхъ доктринъ, кромѣ одной, которой онъ предался всѣмъ сердцемъ. Съ особенною настойчивостью г. Головинъ указываетъ на то, что нѣкому стать рѣшителемъ спора между различными тенденціями, нѣкому сказать, на чьей сторонѣ «безусловная правда». Но вѣдь такое рѣшеніе не только невозможно — оно и не нужно. Борьба идетъ между *сторонами*, изъ которыхъ ни одна не претендуетъ на роль *судьи*; приговоръ произносится гораздо позже, не современниками, а потомствомъ, исторіей.

Понятіе о тенденціи и тенденціозности установлено еще не такъ прочно, чтобы можно было оперировать съ нимъ какъ съ

чѣмъ-то общеизвѣстнымъ, вполнѣ опредѣленнымъ. Отводя ему видное мѣсто въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ, г. Головинъ не объяснилъ, что̀ именно онъ разумѣетъ подъ словами, допускающими весьма различное толкованіе. Тенденціозно ли, въ его глазахъ, всякое произведеніе, авторъ котораго *хочетъ* сообщить другимъ свое чувство, свое настроеніе, или только то, въ которомъ это желаніе бьетъ черезъ край, нарушая жизненность образовъ и стройность формы? Другими словами, совмѣстимо ли творчество съ элементомъ сознательности и намѣренности, и если совмѣстимо, то въ какой мѣрѣ и въ какихъ предѣлахъ? Что анти-художественно: самое стремленіе увлечь, потрясти, убѣдить читателей, или только крайняя его степень, обращающая поэта въ проповѣдника или публициста? Не зависитъ ли здѣсь многое съ одной стороны отъ важности идеи, лежащей въ основаніи тенденціи, съ другой — отъ искренности и глубины увлеченія, съ которымъ она проводится? Когда тенденціозность граничитъ съ дидактичностью, когда не имѣетъ съ нею ничего общаго? Всѣхъ этихъ вопросовъ г. Головинъ не разрѣшаетъ и даже прямо не ставитъ, хотя подходитъ къ нимъ иногда весьма близко. Отсюда противорѣчіе, заключающееся въ томъ, что, высказываясь противъ тенденціозности и какъ будто исключая ее изъ области искусства, г. Головинъ усматриваетъ ее не только у Достоевскаго, но и въ тѣхъ произведеніяхъ графа Л. Н. Толстого, которыя составляютъ «высшую точку» нашей беллетристики: въ «Войнѣ и Мирѣ» и «Аннѣ Карениной». Въ одномъ мѣстѣ г. Головинъ называетъ «заднія» или «тенденціонныя» мысли[1]) «Войны и мира» «простымъ наростомъ на колоссальномъ здоровомъ тѣлѣ, который можно снять, какъ мохъ на стволѣ, не повредивъ коры» (стр. 349); въ другомъ мѣстѣ онъ

---

1) «Тенденціозныя идеи», «тенденціонныя мысли» — термины неудачные, подтверждающіе, какъ мнѣ кажется, что г. Головинъ не пришелъ къ точнымъ выводамъ по вопросу о тенденціи. Идея или мысль, сама по себѣ, не можетъ быть тенденціозной; тенденціознымъ можетъ быть только ея проведеніе или примѣненіе.

указываетъ ясные слѣды «философско-историческаго ученія» Толстого не только въ вводныхъ разсужденіяхъ, легко отдѣлимыхъ отъ романа, но и въ самомъ ходѣ дѣйствія, въ самихъ дѣйствующихъ лицахъ (стр. 352). Въ «Аннѣ Карениной», по словамъ г. Головина, «тенденціозныя идеи не собраны какъ бы въ отдѣльный пучекъ, а понемногу разлиты по цѣлому роману». Итакъ, романъ можетъ быть насыщенъ, проникнутъ тенденціей и все-таки представлять собою великое художественное произведеніе? Въ «Войнѣ и Мирѣ» — замѣчаетъ г. Головинъ какъ бы въ оправданіе Толстого,— «тенденція не политическаго, а философскаго свойства» (стр. 351). Въ глазахъ г. Головина имѣетъ значеніе, слѣдовательно, не только наличность или отсутствіе тенденціи, но и ея характеръ. Изъ другого разсужденія г. Головина, вызваннаго послѣдними произведеніями Толстого, видно, что онъ придаетъ большую важность и способу проведенія тенденціи. «Если идея», говоритъ онъ, «родилась и выросла внѣ области искусства, какъ результатъ политическаго, религіознаго или нравственнаго сектантства, и затѣмъ художникъ подыскиваетъ ей въ жизни подтвержденіе, коверкая, въ угоду ей, эту жизнь, сама геніальность лишь въ рѣдкихъ случаяхъ спасаетъ его отъ неизбѣжнаго послѣдствія — отъ дисгармоніи между сюжетомъ и тенденціей.... Чувствуется, что идея и призванная ее подтвердить фабула выросли не на одной почвѣ и сплестись воедино не могутъ. И тогда только гармонія возстановляется, если автору, сверхъ ожиданія, удалось наткнуться на такой жизненный эпизодъ, въ которомъ мертвая разсудочная идея воскресаетъ, потому что ей служитъ выразителемъ уже не авторъ только, а сама душа его героевъ» (стр. 451). Въ этихъ словахъ особенно интересно признаніе, что дисгармонія между идеей и фабулой обусловливается «коверканіемъ жизни въ угоду идеѣ». А если такого коверканія нѣтъ, если идея, хотя бы и «выросшая внѣ области искусства», укладывается сама собою въ художественные образы, вполнѣ согласные съ жизнью? Возможность такого сочетанія допускаетъ и самъ г. Головинъ, но, почему-то, не

иначе, какъ въ зависимости отъ случая. Трудно понять также, почему идея, выросшая внѣ области искусства, непремѣнно должна быть «мертвая», «разсудочная»? Жизненность идеи, а затѣмъ и вытекающей изъ нея тенденціи, зависитъ не отъ сферы, гдѣ она родилась, а отъ ея глубины и отъ степени проникновенія ею.... Говоря о сочиненіяхъ Короленка, г. Головинъ выдѣляетъ изъ нихъ три разсказа, отличающіеся «боевымъ отношеніемъ къ сюжету», и затѣмъ продолжаетъ: «въ остальныхъ произведеніяхъ Короленко надо тенденціозность вычитывать между строкъ; и конечно, чѣмъ слабѣе она подчеркнута, тѣмъ лучше выходитъ разсказъ» (стр. 420 — 1). И здѣсь, слѣдовательно, г. Головинъ признаетъ невозможность *огульнаго* осужденія тенденціозности. Къ данному случаю критерій, мимоходомъ намѣченный г. Головинымъ, оказывается, впрочемъ, не вполнѣ примѣнимымъ: изъ трехъ «боевыхъ» разсказовъ Короленка по меньшей мѣрѣ одинъ — «Въ дурномъ обществѣ» — несомнѣнно принадлежитъ не къ болѣе слабымъ, а на оборотъ, къ лучшимъ произведеніямъ этого писателя. Самъ г. Головинъ цѣнитъ его очень высоко и видитъ въ немъ только одинъ недостатокъ: «бьющій въ глаза преднамѣренный контрастъ между пошлостью такъ называемыхъ порядочныхъ людей и добродушной безобидностью ватаги, скрывающейся въ развалинахъ панскаго замка». Съ этимъ упрекомъ нельзя согласиться. Въ одномъ изъ «такъ называемыхъ порядочныхъ людей», не принадлежащемъ къ составу «дурного общества»—въ судьѣ, отцѣ героя разсказа—нѣтъ рѣшительно ничего пошлаго; наоборотъ, это одно изъ самыхъ симпатичныхъ лицъ, созданныхъ Короленкомъ.

Отъ общаго вопроса о тенденціозности въ искусствѣ перехожу къ самой исторіи русскаго романа, какъ она изложена г. Головинымъ.

Книга г. Головина раздѣляется на четыре части: «Романтизмъ», «Сороковые годы», «Эпоха бури и натиска», и «Современное затишье». Первая часть начинается съ обширной экскурсіи въ область западно-европейской литературы, о которой

авторъ впослѣдствіи говоритъ очень мало. Объясняется это тѣмъ, что иностранныя вліянія играютъ гораздо большую роль въ литературѣ только что возникающей, чѣмъ въ литературѣ созрѣвшей и достигшей высокаго развитія. Такой власти надъ русскими умами, какая, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX вѣка, принадлежала Байрону, не имѣлъ позднѣе ни одинъ западно-европейскій писатель. Говоря о первыхъ порахъ русскаго романа, г. Головинъ не могъ, поэтому, не коснуться байронизма, а вмѣстѣ съ нимъ и другихъ формъ западно-европейскаго романтизма. Нельзя не замѣтить, однако, что при разборѣ послѣднихъ авторъ вышелъ далеко за предѣлы своей задачи. Французскій и нѣмецкій романтизмъ отразился на русскомъ романѣ весьма слабо. На «Евгенія Онѣгина» или «Героя нашего времени», не говоря уже о «Мертвыхъ душахъ», произведенія Тика и Брентано, В. Гюго и Альфреда де-Виньи не бросаютъ рѣшительно никакого свѣта. Совершенно безслѣдно для нашей литературы прошла и вся дѣятельность «Молодой Германіи». Изъ французскихъ писателей той же эпохи (т. е. временъ іюльской монархіи) замѣтную роль сыграла у насъ только Ж. Зандъ. Конечно, параллель между нашимъ романомъ и иностраннымъ весьма интересна и помимо вопроса о ихъ взаимодѣйствіи; но такого общаго характера она у г. Головина не имѣетъ, обрываясь на половинѣ столѣтія. Это или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно: слишкомъ рано, если держаться сравнительнаго метода,—слишкомъ поздно, если изслѣдовать только *непосредственную* связь литературныхъ явленій. Изъ иностранныхъ писателей второй половины вѣка г. Головинъ говоритъ съ нѣкоторою подробностью только о Шпильгагенѣ, и притомъ не въ отдѣлѣ, посвященномъ «эпохѣ бури и натиска»—той эпохѣ, когда Шпильгагенъ читался русской публикой не меньше любого русскаго романиста,—а въ отдѣлѣ, посвященномъ романтизму (стр. 37—39), какъ объ одномъ изъ его эпигоновъ. Чѣмъ былъ у насъ Шпильгагенъ въ шестидесятыхъ годахъ, тѣмъ былъ, отчасти, Флоберъ четверть вѣка спустя, — но мы не встрѣчаемъ у г. Головина даже его

имени. Симметрія отдѣльныхъ частей книги является, такимъ образомъ, нарушенною, и ея не возстановляютъ немногія страницы (404—410), отведенныя, въ одной изъ послѣднихъ главъ, Зола, Ибсену и Зудерману.

Разсматриваемая какъ эпизодъ, болѣе или менѣе случайный, характеристика романтизма, данная г. Головинымъ (стр. 1—39), представляетъ немало любопытнаго и оригинальнаго. Можно, конечно, спорить противъ самыхъ рамокъ, которыя авторъ установляетъ для понятія о романтизмѣ, противъ соединенія въ одно цѣлое такъ называемой нѣмецкой романтической школы съ Шиллеромъ и молодой Германіей, Шатобріана—съ Руссо, Мюссе и Зандомъ; можно отвергать опредѣленіе романтизма, вытекающее изъ произвольнаго обозначенія однимъ терминомъ существенно разнородныхъ элементовъ («романтизмъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ проповѣдью личной свободы»); можно удивляться тому, что вандейскіе повстанцы являются въ глазахъ г. Головина «героями личной свободы», — но нельзя не признать, что нѣкоторыя изъ національныхъ видоизмѣненій романтизма указаны г. Головинымъ весьма мѣтко. Иногда только онъ приписываетъ романтизму *вообще* такую черту, которая свойственна скорѣе романтизму *даннаго народа*; таково, напримѣръ, равнодушіе къ природѣ, о которомъ можетъ итти рѣчь развѣ по отношенію къ романтизму французскому (и то лишь въ тѣсномъ смыслѣ слова, а не въ томъ чрезмѣрно обширномъ, который даетъ ему г. Головинъ). Очень много парадоксальнаго въ мнѣніяхъ г. Головина объ отдѣльныхъ писателяхъ, относимыхъ имъ къ числу романтиковъ. Ограничусь, во избѣжаніе слишкомъ большихъ отступленій отъ главной темы, указаніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, гдѣ парадоксъ, какъ мнѣ кажется, граничитъ съ ошибкой. Вокругъ Мюссе, по словамъ г. Головина, группировались *второстепенные* писатели Проспѐръ Мериме и Теофиль Готье (стр. 21); нѣсколько дальше (стр. 23) онъ называетъ ихъ обоихъ послѣдователями Мюссе. Не говоря уже о томъ, что положеніе, занимаемое Мериме и Готье въ французской литературѣ, едва

ли можетъ быть названо второстепеннымъ, ни тотъ, ни другой ни въ чемъ не были послѣдователями Мюссе. Мериме дебютировалъ въ литературѣ пятью годами раньше чѣмъ Мюссе, и ко времени появленія «Contes d'Italie et d'Espagne» былъ уже весьма извѣстнымъ авторомъ «Théâtre de Clara Gazul», «Jacquerie», «Matteo Falcone», «Chronique du temps de Charles IX». Готье, ровесникъ Мюссе, хотя и выступилъ на сцену въ одно время съ нимъ, но какъ пламенный приверженецъ В. Гюго. Ставъ самимъ собою, онъ явился, въ противоположность Мюссе, мастеромъ формы, виртуозомъ стиха и менѣе всего — пѣвцомъ чувства и страсти. Еще болѣе уравновѣшеннымъ, спокойнымъ и холоднымъ остался Мериме, позднѣйшія произведенія котораго, напр. «Colomba», составляютъ прямой контрастъ съ ультрасубъективной поэзіей Мюссе. Третій, по счету г. Головина, «послѣдователь» Мюссе — Октавъ Фелье — можетъ быть названъ, пожалуй, (въ своихъ «Scènes et proverbes»), подражателемъ великаго поэта, но не имѣетъ съ нимъ, въ сущности, ничего общаго, ни по формѣ, не идущей дальше корректности, ни по содержанію, не идущему дальше условной морали. Едва ли можно согласиться и съ тѣмъ, что «послѣднее слово направленія, родоначальникомъ котораго былъ Мюссе, сказано въ современной Франціи ученымъ, съумѣвшимъ эпикуреизмъ внести въ самую науку—Эрнестомъ Ренаномъ». Мюссе тяготился своимъ скептицизмомъ, жаждалъ вѣры и страдалъ, чувствуя себя безсильнымъ вѣрить: Ренанъ принадлежалъ къ числу немногихъ счастливыхъ людей и сохранялъ спокойствіе духа даже въ минуты пессимистическаго настроенія, которое не было у него ни постояннымъ, ни глубокимъ.

«Въ Россіи» — говоритъ г. Головинъ (стр. 41) — «не было почвы для той идеализаціи старины, съ которой началъ романтизмъ Запада.... Національной независимости русскимъ не приходилось завоевывать вновь.... Но мы вернулись домой (послѣ взятія Парижа) не завоевателями, а завоеванными духовно, пристыженными за свою отсталость. Немудрено, что мы привезли

въ Россію не весь романтизмъ, а только одну сторону его двойственной натуры, его, такъ сказать, оппозиціонную струю, и что изъ всѣхъ его представителей всего болѣе плѣнилъ наше воображеніе Байронъ». Что въ Россіи была возможная почва для идеализаціи старины—это, немногимъ позже, доказало славянофильство; что въ русскую литературу перешла не одна только «оппозиціонная струя» романтизма – объ этомъ свидѣтельствуетъ поэзія Жуковскаго, ставшаго романтикомъ еще до непосредственнаго соприкосновенія между Россіей и Западной Европой въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. Совершенно правильно, за то, замѣчаніе г. Головина, что «наша родная романтика очень скоро отбросила все далекое, все экзотическое, все сверхъестественное, чтобы заняться близкою современною жизнью и сюда перенести конфликтъ между сильною личностью и пошлостью общественной среды» (стр. 43). Контрасты у нашихъ поэтовъ, даже въ пору наибольшаго увлеченія ихъ романтизмомъ, не достигаютъ такихъ «грандіозныхъ размѣровъ», какъ у Байрона. «Байроновскій типъ—говоритъ г. Головинъ,—вылился у Пушкина въ трехъ послѣдовательныхъ формахъ (Кавказскій плѣнникъ и ханъ Гирей, Алеко, Онѣгинъ и Мазепа) и ни въ одной изъ нихъ не нашли себѣ мѣста двѣ изъ наиболѣе излюбленныхъ фигуръ Байрона: дикое своеволіе, олицетворенное въ Корсарѣ, и демоническая сила, изображенная въ Манфредѣ и Каинѣ». Самобытность пушкинскихъ типовъ, въ особенности Онѣгина, указана, впрочемъ, еще Бѣлинскимъ, съ которымъ едва ли основательно полемизируетъ г. Головинъ (стр. 46 — 47). Бѣлинскій вовсе не видѣлъ въ Онѣгинѣ «идеальнаго героя», «родоначальника протестующихъ героевъ, которыми такъ богата стала наша литература впослѣдствіи». Къ Онѣгину, по мнѣнію Бѣлинскаго, вполнѣ примѣнима кличка «добраго малаго», — а что можетъ быть дальше отъ идеальнаго героя», какъ именно «добрый малый»? Вмѣстѣ съ тѣмъ Бѣлинскій называетъ Онѣгина «страдающимъ эгоистомъ»—и въ этомъ терминѣ опять таки нѣтъ ничего похожаго на идеализацію. Правда, Бѣлинскій подчеркива-

етъ условія, которыя сдѣлали Онѣгина эгоистомъ,—но подчеркиваетъ ихъ, бо́льшею частью, словами самого поэта, безъ всякихъ натяжекъ и перетолкованій. «Какъ не замѣтили хоть того», — восклицаетъ г. Головинъ, — «что Татьяна, посѣтивъ усадьбу Онѣгина послѣ его отъѣзда и прочитавъ кое-какія изъ его книгъ, была поражена иною небрежно сдѣланной отмѣткой на страницахъ, какъ явнымъ свидѣтельствомъ пустоты любимаго человѣка»? И этотъ упрекъ совершенно несправедливъ. Впечатлѣніе, вынесенное Татьяной изъ кабинета Онѣгина, было «замѣчено» Бѣлинскимъ, цитирующимъ относящіеся сюда стихи,—но имъ было замѣчено и то, что ничего опредѣленнаго въ этомъ впечатлѣніи не было, что въ умѣ Татьяны возникли только сомнѣнія, только вопросы, не находившіе отвѣта. Отвѣтъ, который бы могъ выразиться въ простомъ *да* или *нѣтъ*, не даетъ на нихъ и самъ Пушкинъ. Въ различныхъ мѣстахъ его поэмы, какъ въ многогранномъ хрусталѣ, отражаются различныя черты сложнаго типа—и эту сложность какъ нельзя лучше понялъ Бѣлинскій. Формула г. Головина: «Онѣгинъ стоитъ головой выше толпы, но его превосходство надъ нею безплодно, потому что у него недостаетъ главнаго — любви и способности къ труду», — едва-ли заставитъ забыть объясненіе бездѣятельности Онѣгина, данное Бѣлинскимъ. Полемическая нота слышится и въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя посвящены г. Головинымъ «Герою нашего времени» (стр. 49—50). «Признаюсь»,—говоритъ г. Головинъ,—«я не въ силахъ понять, какимъ образомъ наша критика и въ Лермонтовскихъ герояхъ старалась отыскать протестующихъ либераловъ. Что можетъ быть общаго съ идеалами либерализма у Печорина, исполненнаго аристократическаго самомнѣнія? Протестъ въ немъ, пожалуй, и сказывается, но это протестъ аристократа, которому претитъ все мелкое и пошлое, но который и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы помочь общественному злу или хотя бы утѣшить чужое горе». Кому возражаетъ здѣсь г. Головинъ—я не знаю. Если Бѣлинскому, то въ основаніи спора лежитъ недоразумѣніе: Бѣлинскій никогда, ни

прямо, ни косвенно, не зачислялъ Печорина въ ряды «либераловъ». Онъ видѣлъ только его превосходство надъ окружающей его дѣйствительностью—а отъ такого превосходства только одинъ шагъ до «протеста», признаки котораго усматриваетъ въ Печоринѣ и г. Головинъ. Положимъ, что это протестъ аристократа,—но развѣ аристократизмъ несовмѣстенъ съ либерализмомъ?.... Чѣмъ бы, впрочемъ, ни былъ Печоринъ, самъ Лермонтовъ былъ проникнутъ духомъ протеста въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ думаетъ г. Головинъ. Лермонтовъ, по словамъ г. Головина (стр. 58), «лишь какъ бы мимоходомъ отдается мрачному озлобленію, охватывающему его какъ порывъ вѣтра въ лѣтнюю грозу, и самое это озлобленіе, болѣе стихійное, чѣмъ сознательное, почти никогда не мѣтитъ въ опредѣленную цѣль. Такія пьесы, какъ «Дума», «На смерть Пушкина», «Люблю я родину, но странною любовью», въ Лермонтовской лирикѣ не многочисленны». Изъ числа трехъ пьесъ, названныхъ г. Головинымъ, *озлобленіемъ* дышитъ только одна — «На смерть Пушкина»; въ обѣихъ другихъ чувствуется настроеніе, не имѣющее ничего общаго со злобой — и притомъ настроеніе отнюдь не мимолетное, не случайное, какъ порывъ вѣтра, а глубокое, проникающее всю душу поэта. Въ послѣдніе годы жизни Лермонтова оно было въ немъ, повидимому, преобладающимъ или даже господствующимъ, выступая на видъ каждый разъ, когда затрагиваемая имъ тема была скорѣе общаго, чѣмъ личнаго характера («Поэтъ», «Первое Января», «Журналистъ, читатель и писатель», «Гляжу на будущность съ боязнью», «Не смѣйся надъ моей пророческой тоской», «Валерикъ», «Пророкъ»). Неужели недостаточно опредѣленна мысль, выраженная въ первыхъ строкахъ «Родины»? Неужели за отрицательной формой не видѣется здѣсь совершенно положительное содержаніе, прямо идущее въ разрѣзъ съ тогдашними общепринятыми и даже общеобязательными взглядами? Неужели, вникнувъ въ смыслъ «Родины»—да и другихъ, близкихъ къ ней произведеній,—можно утверждать, что у Лермонтова не было «принципіальнаго антагонизма съ цѣлымъ скла-

домъ современной ему жизни», что «все отрицаніе его сводится къ превосходству центральныхъ фигуръ подъ уровнемъ среды»? Мнѣ кажется, что этого нельзя сказать даже о Пушкинѣ [1]), смѣхъ котораго вовсе не всегда бывалъ «веселымъ, оптимистическимъ, *очень похожимъ на зубоскальство*» (стр. 57). Г. Головинъ идетъ, однако, еще дальше: признавая, что ироніи Грибоѣдова, въ противоположность ироніи Пушкина и Лермонтова, не безпредметна, онъ все-таки приравниваетъ Чацкаго къ Онѣгину и Печорину, потому что «ни одинъ изъ нихъ не даетъ отвѣта на вопросъ: что дѣлать, и даже не занимается этимъ вопросомъ». «Не смотря на всѣ филиппики Чацкаго противъ Московскаго общества, на вырывающіяся у него мѣткія обличенія, онъ нигдѣ не противопоставляетъ пошлой мысли и мелочнымъ занятіямъ Фамусовыхъ, Скалозубовъ и Молчалиныхъ своего опредѣленнаго идеала лучшей жизни. Пробѣгите мысленно всю комедію Грибоѣдова — и, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ въ сценѣ съ Молчалинымъ, да патріотической тирады на счетъ французика изъ Бордо, вы не отыщите ничего, что сколько нибудь опредѣляло бы міросозерцаніе Чацкаго». Это невѣрно. Не говоря уже о томъ, что въ комедіи, какъ и въ сатирѣ, задушевная мысль автора всегда просвѣчиваетъ сквозь изображеніе отрицательныхъ сторонъ дѣйствительности, въ «Горѣ отъ ума» «идеалъ лучшей жизни», носящійся передъ Чацкимъ, намѣченъ и положительными чертами («служить бы радъ — прислуживаться тошно» — «вольнѣе всякій дышетъ и не торопится вписаться въ полкъ шутовъ» — «кто служитъ дѣлу, а не лицамъ» — «пускай изъ насъ одинъ найдется врагъ исканій, не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ, въ науки онъ вперитъ умъ жаждущій познаній, или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ»). Конечно, это — не программа дѣйствій, которой странно было бы

1) Въ другомъ мѣстѣ (стр. 212) г. Головинъ говоритъ о *постоянно шутливомъ настроеніи* поэзіи Пушкина!

искать въ комедіи; но сущность того, чего хочетъ Чацкій, обрисовывается въ «Горѣ отъ ума» съ достаточною ясностью. Въ короткихъ словахъ это какъ нельзя лучше выражено И. А. Гончаровымъ (въ знаменитой его статьѣ «Милліонъ терзаній»): *Чацкій стремится отъ рутины къ свободной жизни.*

Въ одну категорію съ Грибоѣдовымъ, по отсутствію «опредѣленнаго идеала лучшей жизни», г. Головинъ ставитъ Гоголя, но затѣмъ какъ будто бы отказывается отъ этого вывода. «Гоголь», — говоритъ г. Головинъ на стр. 59, — «съ безпощадною, съ геніальною яркостью изобразилъ пошлыя стороны русской жизни; но во имя чего онъ обличаетъ эту пошлость, въ чемъ онъ видитъ спасеніе отъ нея — этого онъ намъ не говоритъ нигдѣ». «Изображая пошлые типы и грязноватую жизнь», — читаемъ мы на стр. 149, — «Гоголь всегда представлялъ ихъ въ видѣ контраста если не съ дѣйствительностью, которая въ Россіи и пошла, и грязна, то съ идеаломъ, съ которымъ онъ не переставалъ носиться». Ключа къ разрѣшенію этого противорѣчія г. Головинъ намъ не даетъ. Что въ моментъ созданія «Ревизора» и первой части «Мертвыхъ душъ» Гоголь не обладалъ установившимся положительнымъ идеаломъ—это болѣе чѣмъ вѣроятно; а идеалъ, выработанный имъ впослѣдствіи, имѣлъ очень мало общаго съ великими его произведеніями. По мнѣнію г. Головина, «Гоголь былъ писателемъ объективнымъ въ полномъ смыслѣ слова, объективнымъ до того, что, вопреки его увѣренію будто его смѣхъ— тѣже слезы, не только выводимые имъ нравственные уроды не вызываютъ никакого негодованія, но въ его сатирѣ нигдѣ этимъ уродамъ не противопоставлено лица обладающаго симпатіями автора». Едва ли, однако, наличность или отсутствіе симпатичныхъ лицъ можетъ служить критеріемъ субъективности и объективности. Болѣе субъективныхъ писателей, чѣмъ Салтыковъ, найдется немного, — а искать симпатичныхъ лицъ въ «Господахъ Головлевыхъ» было бы трудомъ совершенно напраснымъ. Если Гоголевскіе уроды не вызываютъ негодованія, то вовсе не потому, чтобы авторъ относился къ нимъ равнодушно, а потому

что они всѣ, въ бо́льшей или меньшей степени, возбуждаютъ *сожалѣніе* и всѣ сливаются съ средой, ихъ породившей . . . Проводя параллель между «Шинелью» и «Бѣдными людьми», г. Головинъ говоритъ: «Черты, какими обрисованъ Акакій Акакіевичъ, исключительно внѣшнія, и благодаря этому его фигура, даже вызывая жалость, никогда не перестаетъ быть комичной. Одни внѣшнія проявленія нищеты и забитости, какъ бы грустны они ни были, могутъ вызвать лишь нѣсколько насмѣшливое состраданіе, именно потому, что мы не видимъ, не чувствуемъ воздѣйствія жизненнаго гнета на душу забитаго человѣка, что душа эта относится къ нему совершенно пассивно» (стр. 117). Въ другомъ мѣстѣ таже мысль высказывается въ болѣе общей и рѣзкой формѣ: «у Гоголя нигдѣ не прорывается сочувствіе ни къ матеріальному, ни къ нравственному убожеству. Его смѣшныя или уродливыя фигуры только комичны и состраданія не вызываютъ нигдѣ. Нигдѣ вы не отыщете у Гоголя сочувственной ноты къ его жалкимъ героямъ, старанія найти въ нихъ примиряющую черту. . . . Признаюсь, мнѣ никогда не вѣрилось въ тѣ знаменитыя слезы, которыя будто бы скрываются за его смѣхомъ» (стр. 150). Итакъ, *только* комичны Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ даже на послѣднихъ страницахъ повѣсти, настроеніе которыхъ отразилось такъ ярко въ заключительномъ ея восклицаніи? Только «насмѣшливое состраданіе» внушаетъ къ себѣ герой «Записокъ сумашедшаго»? Въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» не звучитъ «нота сочувствія» къ Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ? Въ сценѣ между Чичиковымъ и Плюшкинымъ нѣтъ указаній на то, что въ глубинѣ самой зачерствѣлой души сохраняется что-то похожее на человѣческое чувство? А слова, сказанныя Акакіемъ Акакіевичемъ въ отвѣтъ на слишкомъ навязчивыя приставанія молодого чиновника («оставьте меня, зачѣмъ вы меня обижаете»?)—это черта чисто «внѣшняя», не выражающая собою «воздѣйствія жизненнаго гнета на душу забитаго человѣка»?... Нѣтъ, «Шинель» стала эпохой въ нашей литературѣ именно потому, что она приподняла завѣсу надъ

внутреннимъ міромъ «униженныхъ и оскорбленныхъ». «Невидимыя слезы» Гоголя—не фраза, а поразительно-мѣткая характеристика одной изъ сторонъ его душевной жизни.

По мнѣнію г. Головина, въ нашей литературѣ не произошло, на рубежѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, такого рѣзкаго перелома, какой въ то время совершался въ литературахъ Запада. «Не смотря на то, что новое реалистическое направленіе нигдѣ не выступило съ такою силою, какъ именно у насъ, оно увлекло за собою лишь очень небольшую часть литературы, а въ остальной ея части не вызвало почти никакого отголоска. Случилось это, главнымъ образомъ, потому, что нашъ романтизмъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ двухъ своихъ геніальныхъ представителей — Пушкина и Лермонтова, — былъ съ самаго начала проникнутъ здоровымъ реалистическимъ духомъ и что, не смотря на существованіе у насъ крѣпостного права, высшіе общественные классы, а съ ними вмѣстѣ и литература, стояли гораздо ближе къ народу, чѣмъ на Западѣ. Но была тутъ и другая причина. Сорокалѣтній періодъ отъ начала двадцатыхъ годовъ до конца пятидесятыхъ былъ сплошнымъ дворянскимъ періодомъ въ нашей литературѣ. Не только почти всѣ выдающіеся писатели этой эпохи, но и всѣ выведенные ими типы принадлежали къ дворянской средѣ. За всю эту эпоху общественный строй оставался непзмѣннымъ: одинъ и тотъ же классъ составлялъ подавляющую массу читающей публики и, вслѣдствіе этого, естественно хотѣлъ видѣть и въ литературѣ свое отраженіе» (стр. 51). Находя, вмѣстѣ съ г. Головинымъ, что рѣзкаго перелома въ нашей литературѣ на рубежѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не произошло, признавая, въ существѣ, и правильность объясненія, которое онъ даетъ этому факту, я затруднился бы согласиться лишь съ нѣкоторыми отдѣльными его мыслями (напр. съ мнѣніемъ, что высшіе общественные классы, въ первой половинѣ XIX в., были болѣе близки къ народу въ Россіи, чѣмъ на Западѣ Европы), но не останавливаюсь на этихъ частныхъ разногласіяхъ, потому что подробная ихъ мотивировка потребо-

вала бы слишкомъ много времени и мѣста. Отсутствіе «перелома» не равносильно, однако, полному сходству между періодами, лежащими по обѣ стороны рубежа. «Литература сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ», — говоритъ г. Головинъ,—«какъ всякій живой организмъ, постепенно росла и видоизмѣнялась. Главною ея темою оставалось изображеніе крупной личности, лучшаго человѣка, но самый этотъ типъ подвергался внутренней переработкѣ, все далѣе уклоняясь отъ первоначальнаго Байроновскаго героя. Подъ вліяніемъ анализа, лучшій человѣкъ понемногу мельчалъ, все болѣе утрачивая свое превосходство надъ общественной средой. И по мѣрѣ того, какъ понижалось идеальное представленіе о лучшемъ человѣкѣ, все сильнѣе занимало литературу изученіе среды, т. е. бытовой стороны жизни» (стр. 55)... «Сильный человѣкъ, котораго не переставали искать люди сороковыхъ годовъ, долженъ былъ въ тоже время стать и лучшимъ человѣкомъ, задача котораго — не осмѣивать общество, а служить ему. Если общество погрязло въ грубости и застоѣ, если оно живетъ на счетъ труда невѣжественной массы, если въ семьѣ господствуетъ деспотизмъ и основаніемъ всему служатъ вѣковыя суевѣрія и вѣковая рутина, то задача лучшаго человѣка должна сводиться къ борьбѣ противъ трехъ главныхъ основаній тогдашняго строя — крѣпостного права, семейнаго гнета и чиновничьей продажности.... Служить родинѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ, служить ей даже въ частной жизни, въ семейномъ кругу, считалось тогда не партійнымъ дѣломъ, а задачею всего образованнаго общества. Среди просвѣщенныхъ людей того времени не было разлада на счетъ характера этой задачи, понимавшагося ими, правда, въ нѣсколько неопредѣленной формѣ»; политическій идеалъ смѣшивался съ нравственнымъ въ одну общую программу (стр. 60). Съ Запада къ намъ приходили въ то время «только идеи, безъ всякаго реальнаго содержанія». Воспринимать ихъ могло только дворянство, какъ единственный образованный классъ; не было противоположныхъ реальныхъ интересовъ, не было, слѣдовательно, и реальной борьбы, и неограниченная смѣ-

лость мысли шла рука объ руку съ полнымъ отсутствіемъ попытокъ примѣненія ея къ дѣйствительности (стр. 56). Робость тогдашняго протеста объясняется не только цензурными стѣсненіями, но и тѣмъ, что передовые писатели эпохи не ощущали страстной ненависти къ дѣйствовавшему строю, съ которымъ они прекрасно мирились; въ обличеніи этого порядка «негодованія не слышно». Исключеніе составляетъ только Некрасовъ, въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ котораго звучитъ непримиримая вражда къ тогдашней семьѣ и крѣпостному быту, — но если у него она могла выразиться не смотря на цензуру, то именно отсюда слѣдуетъ заключить, что ея не было у его сверстниковъ (стр. 55—57).

Въ этой характеристикѣ сороковыхъ годовъ слѣдуетъ различать двѣ части: одну—касающуюся идейнаго содержанія литературы, другую—касающуюся ея темъ и пріемовъ. Что идеи, шедшія въ Россію съ Запада и встрѣчавшія въ ней хотя и небольшую, но хорошо подготовленную почву, не отражались непосредственно на фактахъ дѣйствительности, косной, неподвижной и со всѣхъ сторонъ огражденной отъ внѣшнихъ вліяній — это безспорно; но это еще не значитъ, что онѣ не проникали собою всю душу покоренныхъ ими людей, не вызывали борьбы, не вели къ столкновенію противоположныхъ интересовъ. Кто понялъ и почувствовалъ всю тяжесть крѣпостного строя — крѣпостного не только въ той средѣ, которая спеціально отмѣчалась этимъ именемъ,—тотъ не могъ уже мириться съ нимъ, не могъ относиться къ нему равнодушно и спокойно. Стоитъ только припомнить жгучую страницу, посвященную Тургеневымъ (въ «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ») общественной атмосферѣ сороковыхъ годовъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что не одинъ Некрасовъ горѣлъ негодованіемъ противъ крѣпостного права. Силою протеста, сдержаннаго, но глубокаго, нѣкоторые разсказы въ «Запискахъ охотника» не уступаютъ «Родинѣ» Некрасова—самому энергичному изъ стихотвореній, написанныхъ послѣднимъ до половины пятидесятыхъ годовъ». Г. Головинъ указываетъ на то, что такихъ

разсказовъ немного (забывая отнести къ ихъ числу «Малиновую воду», «Однодворца Овсянникова», «Петра Петровича Каратаева»). Да, число ихъ невелико, но за то каждый изъ нихъ попадаетъ прямо въ цѣль и производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Такое же выстраданное настроеніе слышится не только въ романѣ Герцена «Кто виноватъ»[1]), но и въ юношеской повѣсти Салтыкова («Запутанное дѣло»), въ одномъ изъ раннихъ разсказовъ Крестовскаго-псевдонима («Искушеніе»), въ «Антонѣ Горемыкѣ» Григоровича. Подъ ударами, наносимыми безъ шуму, безъ боевыхъ кликовъ, колебались и клонились къ упадку традиціи и предразсудки, которымъ все предвѣщало, повидимому, долгое будущее. Противъ интересовъ цѣлаго сословія вооружалось чувство гуманности и справедливости, проникавшее въ среду самихъ заинтересованныхъ. Вопреки г. Головину, я думаю, что *единственною* уздою для этого чувства служили, въ передовой литературѣ сороковыхъ годовъ, внѣшнія стѣсненія. Совершенно вѣрно, за то, подмѣчено г. Головинымъ сравнительное единодушіе въ отрицаніи, свойственное этой литературѣ. Зло, съ которымъ она стояла лицомъ къ лицу, было слишкомъ осязательно, слишкомъ очевидно; оно заграждало всѣ пути впередъ, и съ устраненія его нужно было начать, какое бы ни имѣлось въ виду дальнѣйшее направленіе. Союзъ, обусловленный общностью врага, не могъ быть продолжителенъ, — но пока не измѣнились условія, его вызывавшія, онъ служилъ для литературы источникомъ великой силы. Минута, когда онъ пересталъ быть возможнымъ — на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ — была одною изъ самыхъ критическихъ въ нашей общественной жизни.

Правъ ли г. Головинъ, находя, что главной, руководящей темой литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ было изо-

1) Герцена г. Головинъ называетъ *единственнымъ*, въ теченіе сороковыхъ годовъ, «представителемъ той дѣятельной и непримиримой борьбы, къ которой тщетно взывалъ Бѣлинскій» (стр. 67). Не отразилось ли на этомъ мнѣніи представленіе о Герценѣ, составленное на основаніи его позднѣйшей дѣятельности?

браженіе крупной личности, сильнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшаго человѣка? Правъ ли онъ, утверждая, что вся литература того времени «представляетъ собою какъ бы сплошную попытку отвѣтить на вопросъ: что дѣлать» (стр. 61)? Чтобы судить объ этомъ, нужно ознакомиться съ отвѣтами на вопросъ, какъ они формулированы у г. Головина. Такихъ отвѣтовъ, по его мнѣнію, было два: «лучшій человѣкъ долженъ быть носителемъ европейскаго просвѣщенія и оправдывать свое духовное превосходство на словахъ и въ жизни» — «лучшій человѣкъ долженъ прежде всего отбросить пустую сантиментальность и стать человѣкомъ дѣла или попросту дѣловитости». Типичнымъ представителемъ перваго отвѣта г. Головинъ считаетъ Тургенева, особенно въ тѣхъ произведеніяхъ его, которыя посвящены изображенію такъ называемыхъ лишнихъ людей («Гамлетъ Щигровскаго уѣзда», «Дневникъ лишняго человѣка», «Яковъ Пасынковъ», «Затишье», «Переписка», «Фаустъ, «Рудинъ», «Ася», «Дворянское гнѣздо»). Что «лишній» человѣкъ можетъ быть, въ тоже время, и лучшимъ — это г. Головинъ объясняетъ такъ: «нужды нѣтъ, что герои сороковыхъ годовъ не только подвиговъ не совершаютъ, но сплошь и рядомъ оказываются неудачниками и подвергаютъ себя насмѣшкамъ. Даже въ этой приниженной роли они не перестаютъ быть фигурами заслуживающими симпатіи, не перестаютъ быть идеалистами, хотя идеала своего бо̀льшею частью не достигаютъ (стр. 62).... Роковая неудача превращаетъ въ мишуру и дѣятельность ихъ, и счастье. И замѣчательно, что судьба эта постигаетъ лучшихъ людей, наиболѣе честныхъ и умныхъ.... Тургеневъ рисуетъ предъ нами то забавные, то печальные контрасты, давая намъ понять, что героямъ его не хватаетъ силы на открытую борьбу, но что они неспособны принизиться до уровня того счастья, которое тогдашнему среднему люду было по плечу» (стр. 80 — 81).... Возможно ли допустить, однако, опредѣленіе «лучшаго человѣка» одними отрицательными чертами? Гдѣ же остается тогда то «духовное превосходство», которое онъ долженъ «оправдать не только на сло-

вахъ, но и въ жизни»? И неужели, ставя вопросъ: «что дѣлать», Тургеневъ хотѣлъ и могъ дать на него только одинъ отвѣтъ: «покоряться неотвратимой неудачѣ»? Развѣнчивая своихъ героевъ, Тургеневъ, по мнѣнію г. Головина, признавалъ этимъ самымъ «неспособность передового общественнаго класса къ дѣятельной борьбѣ, къ проведенію въ жизнь тѣхъ принциповъ, которымъ онъ служилъ на словахъ». Приписавъ Тургеневу такой взглядъ, г. Головинъ начинаетъ усердно опровергать его. «Надо глядѣть черезъ очень сильное увеличительное стекло», — восклицаетъ онъ, — «чтобы въ нѣкоторыхъ Тургеневскихъ повѣстяхъ (напр. «Лишнемъ человѣкѣ», «Яковѣ Пасынковѣ», «Фаустѣ») усмотрѣть что-либо похожее на общественную борьбу, даже на крупный общественный типъ.... Развѣ такіе люди, какъ Василій Васильевичъ («Гамлетъ Щигровскаго уѣзда»), характеризуютъ собою цѣлый классъ, цѣлое поколѣніе»? Конечно—не характеризуютъ; но г. Головинъ полемизируетъ здѣсь не съ Тургеневымъ, а съ своими собственными догадками. Вывести изъ ряда типовъ неспособность цѣлаго общественнаго класса къ борьбѣ, къ активной дѣятельности можно только тогда, когда, во-первыхъ, эти типы исчерпываютъ собою боевую силу даннаго класса, во-вторыхъ — когда они поставлены въ условія, вызывающія на борьбу. У Тургенева мы не видимъ ни того, ни другого. Изъ тѣхъ дѣйствующихъ его лицъ, которыя произвольно соединены г. Головинымъ въ однородную, будто бы, группу (нѣсколько позже имъ же самимъ расчленяемую на ея составныя части), Чулкатурина, Яковъ Пасынковъ, Веретьевъ, герои «Переписки» и «Фауста» вовсе не могутъ служить типичными представителями своего времени и своей среды. Значеніе «Дневника лишняго человѣка»—чисто психологическое; Чулкатурины возможны вездѣ и всегда, «лишніе люди» — явленіе всемірное и вѣчное, измѣняющееся только въ своихъ формахъ. Столь же вѣчно и самоотреченіе, олицетворенное въ «Яковѣ Пасынковѣ» (котораго, какъ и Веретьева, какъ и героя «Фауста», едва-ли можно относить къ категоріи «лишнихъ людей», въ спеціальномъ,

Тургеневскомъ смыслѣ этого слова). Если изъ нерѣшительности, выказанной героемъ «Аси» въ одномъ изъ эпизодовъ его личной жизни, и можно, пожалуй, выводить его неспособность играть дѣятельную роль въ другой, болѣе широкой сферѣ, то ничего подобнаго нельзя сказать о героѣ «Фауста». Мнѣ кажется, что въ произведеніяхъ, написанныхъ до конца пятидесятыхъ годовъ, Тургеневъ вовсе не задавался ни желаніемъ найти и изобразить «лучшаго человѣка», ни желаніемъ дать отвѣтъ на вопросъ: «что дѣлать». Опредѣливъ этими двумя стремленіями содержаніе литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, г. Головинъ задался мыслью отыскать ихъ, между прочимъ, и у Тургенева— и построилъ искусственную схему, заключающую въ себѣ самой всѣ данныя для ея опроверженія.... Не подходятъ подъ схему г. Головина даже «Рудинъ» и «Дворянское гнѣздо», которымъ, безспорно, не чуждъ общественный характеръ. Слишкомъ очевидно, что Рудинъ въ глазахъ Тургенева, отнюдь не «лучшій человѣкъ» эпохи; отвѣта на вопросъ: *что дѣлать*, онъ не можетъ дать уже потому, что самъ только «все собирается что-нибудь сдѣлать». Г. Головинъ совершенно правильно называетъ его представителемъ сравнительно небольшой группы — «представителемъ умственнаго, а не сердечнаго увлеченія, ораторскаго таланта безъ настоящей теплоты, энтузіазма безъ смѣлости» (стр. 86). Ошибается онъ только въ томъ, что считаетъ Рудина человѣкомъ «совершенно безполезнымъ»: не такова мысль Тургенева, не таково окончательное впечатлѣніе, производимое романомъ. Что касается до «совершенно новаго отвѣта», даннаго Тургеневымъ, будто бы, въ лицѣ Лаврецкаго, то г. Головинъ не указываетъ опредѣленно сущность этого отвѣта — да едва ли это и возможно. Судьба Лаврецкаго слишкомъ тѣсно связана съ особенностями его натуры и обстоятельствами его жизни, чтобы можно было выводить изъ нея какое-либо общее заключеніе. Лаврецкій, какъ и Рудинъ — удивительно живое лицо, вставленное въ превосходно исполненную рамку русской жизни: и этого вполнѣ достаточно, чтобы упрочить за «Дворянскимъ

гнѣздомъ» неувядаемую славу. Разсматривая его съ предвзятой точки зрѣнія, г. Головинъ недостаточно оттѣнилъ его внутреннюю прелесть: онъ упомянулъ о Лизѣ только мимоходомъ и ничего не сказалъ о такихъ фигурахъ какъ Леммъ, Варвара Павловна, Марѳа Тимоѳеевна.

Второй отвѣтъ на вопросъ: *что дѣлать* — отвѣтъ, предписывающій «стать человѣкомъ дѣла или попросту дѣловитости»,— г. Головинъ находитъ у Писемскаго и въ особенности у Гончарова, противопоставляющаго пустому мечтателю Александру Адуеву и байбаку Обломову «положительныя фигуры» Петра Ивановича и Штольца. «Новый рецептъ для всероссійскаго прогресса» сводится такимъ образомъ къ «проповѣди разумнаго и приличнаго эгоизма» (стр. 95). «Свой идеалъ трезваго дѣловаго человѣка», — читаемъ мы дальше, — «Гончаровъ могъ, къ сожалѣнію, воплотить лишь въ фигурѣ чиновника-дѣльца, жизненная задача котораго сводится къ достиженію крупнаго состоянія и генеральскаго чина.... Художественное чутье не позволило Гончарову снабдить своего героя такими качествами, которыя могли бы удовлетворить сердце молодой женщины — и въ концѣ романа онъ даетъ намъ понять, что бѣдной женѣ Петра Ивановича не совсѣмъ-то сладко приходилось отъ его дѣловитости. Но и этотъ упрекъ по адресу своего любимца Гончаровъ дѣлаетъ только мимоходомъ, доставляя ему полное торжество надъ племянникомъ, т. е. въ сущности надъ увлекающимся молодымъ поколѣніемъ». Какъ бы ни толковалъ, впослѣдствіи, самъ Гончаровъ значеніе своихъ романовъ, «художественное чутье» внушило ему нѣчто иное, чѣмъ думаетъ г. Головинъ. Торжество Петра Ивановича въ сущности вовсе не полное. Если его дѣловитость тяжелымъ гнетомъ легла на его жену, то это отразилось и на его собственномъ счастьѣ. Въ послѣдней сценѣ съ женой (изд. 1883 г. ч. II, стр. 204—212) онъ является передъ нами проигравшимъ житейскую партію: чтобы оживить жену, онъ готовъ отказаться и отъ «карьеры», и отъ «фортуны — но чувствуетъ, что поздно. Далеко не привлекателенъ, въ концѣ романа,

и племянникъ, шествующій по стопамъ дядюшки — и читатель готовъ вздохнуть, вмѣстѣ съ Лизаветой Александровной, о прежнемъ Александрѣ. Слова Александра о томъ, какъ приняла его предложеніе невѣста (стр. 213 — 14), заставляютъ ожидать и для него судьбы Петра Ивановича, т. е. разочарованія въ цѣли, когда она, повидимому, вполнѣ достигнута. «Отвѣтъ», вытекающій изъ «Обыкновенной исторіи», далеко не совпадаетъ, такимъ образомъ, съ формулою, выводимою изъ нея г. Головинымъ. Такой же тонкій, но ясный намекъ на недостаточность одной «дѣловитости» мы находимъ и въ «Обломовѣ»: это — смутная, но тяжелая тревога, овладѣвающая Ольгой среди счастья, даннаго ей Штольцемъ (ч. 4, стр. 114 — 124)... Какъ бы то ни было, второй «отвѣтъ», отысканный г. Головинымъ, гораздо реальнѣе перваго: нѣчто подобное, хотя и не совсѣмъ то, несомнѣнно хотѣлъ сказать Гончаровъ.

До сихъ поръ я шелъ за г. Головинымъ шагъ за шагомъ, отмѣчая почти все, что у него есть выдающагося или особенно спорнаго. Теперь, когда приведенныя мною цитаты даютъ достаточный матеріалъ для ознакомленія съ манерою автора, я могу измѣнить систему и свести замѣчанія, которыя мнѣ еще остается сдѣлать, къ немногимъ, наиболѣе важнымъ пунктамъ. Отдѣлъ книги, посвященный «эпохѣ бури и натиска», — т. е. шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ,—построенъ авторомъ иначе, чѣмъ всѣ остальные. Очень много мѣста отведено здѣсь тогдашней критикѣ, между тѣмъ какъ о критикѣ сороковыхъ годовъ, т. е. о Бѣлинскомъ, г. Головинъ говоритъ только мимоходомъ. Объясняетъ онъ это тѣмъ, что «изъ поколѣнія шестидесятыхъ годовъ вышло три очень талантливыхъ публициста и ни одного крупнаго дарованія въ области беллетристики, вслѣдствіе чего и міросозерцаніе эпохи выразилось гораздо полнѣе въ критикѣ, нежели въ романѣ» (стр. 165). Это не лишено основанія: тѣмъ не менѣе пятьдесятъ страницъ, отведенныхъ Чернышевскому, Добролюбову и Писареву, нарушаютъ симметрію исторіи русскаго романа. Нарушается она и тѣмъ, что романъ Черны-

шевскаго: «Что дѣлать», вовсе не замѣчательный какъ художественное произведеніе, а какъ profession de foi представляющій собою только резюме журнальныхъ статей его автора, излагается и разбирается въ нѣсколько разъ подробнѣе, чѣмъ напримѣръ «Дворянское гнѣздо», «Братья Карамазовы» или «Анна Каренина». Изображая мало симпатичную ему эпоху, г. Головинъ, очевидно, хочетъ быть объективнымъ и безпристрастнымъ. Иногда это ему удается, иногда — нѣтъ. «Когда герои сороковыхъ годовъ» — говоритъ онъ,—«являлись въ роли демократовъ, они въ сущности заботились не о себѣ и потому естественнымъ образомъ относились къ своей задачѣ довольно вяло. Для разночинца-шестидесятника, напротивъ, открыть себѣ широкую дорогу на равныхъ правахъ съ передовымъ сословіемъ было жизненнымъ вопросомъ. Шестидесятники старались pro domo sua, а потому, опять-таки вполнѣ естественно, старались очень усердно» (стр. 150 — 151).... «Движеніе шестидесятыхъ годовъ прикрашивало такими словами, какъ гуманность и прогрессъ, дѣло одной партіи, даже одного класса» (стр. 154)... «Толкуя о равноправности и горячо сочувствуя простому люду на словахъ, шестидесятники русскому народу не дали ничего. Все, что принесла ему эпоха реформъ—освобожденіе отъ крѣпостного права, надѣленіе землей, гласный судъ, земское представительство — совершилось помимо ихъ, стараніями тѣхъ людей, которыхъ они осыпали сарказмами. А сами они хлопотали и боролись не за народное дѣло, а за интересы разночинца, того ничтожнаго по численности безпочвеннаго класса, который паразитомъ выросъ на могучемъ деревѣ русской жизни и, покрывая его своими жадными побѣгами, увѣрялъ себя и другихъ, что въ немъ, въ этомъ паразитѣ, вся сила русской земли» (стр. 201). Сдѣлали ли шестидесятники что-нибудь для Россіи, и если не сдѣлали или сдѣлали мало, то почему именно, — объ этомъ я здѣсь, конечно, говорить не буду. Нарушающимъ безпристрастіе историка я считаю не самое разрѣшеніе вопроса, предлагаемое г. Головинымъ, — всякій воленъ цѣнить по своему явленія общественной жизни, — а настроеніе,

заставляющее его принижать мотивы людей эпохи «бури и натиска», приписывать имъ дѣятельность pro domo sua, сводить широкое движеніе къ аппетитамъ «ничтожнаго по численности и безпочвеннаго класса». Можно доказывать, что шестидесятники не понимали интересовъ народа,—но нельзя утверждать, что они о нихъ не заботились и не хлопотали. Самъ г. Головинъ признаетъ, что шестидесятники имѣли въ виду нравственный складъ болѣе, по ихъ мнѣнію, высокій, чѣмъ тотъ, который они отрицали (стр. 188); онъ называетъ Добролюбова идеалистомъ до мозга костей (стр. 190), идеалистомъ чистѣйшей воды (стр. 193). Оставаясь логичнымъ, и онъ, слѣдовательно, не долженъ былъ бы сомнѣваться въ искренности стремленій, составляющихъ отличительную черту шестидесятыхъ годовъ. Къ этимъ стремленіямъ могли примѣшаться чуждые имъ низменные элементы, — но не ихъ имѣетъ въ виду г. Головинъ: онъ говоритъ о шестидесятникахъ *вообще*, основываясь на характеристикѣ вождей движенія. Вотъ еще одно доказательство его пристрастія: онъ недоумѣваетъ, почему «влеченія природы» въ Сторешниковѣ [1]) и вообще въ богатой, праздной молодежи принимаютъ, въ глазахъ Чернышевскаго, какой-то предосудительный характеръ, между тѣмъ какъ они вполнѣ законны, когда имъ слѣдуютъ люди подобные Кирсанову и Лопухову (стр. 185)? Для такого недоумѣнія не было бы мѣста, если бы г. Головинъ припомнилъ, что Сторешникова тянуло къ Вѣрѣ Павловнѣ именно и только «плотское вожделѣніе», для котораго безразлично, раздѣляется ли оно другою стороною, а чувство Лопухова и Кирсанова было, во-первыхъ, взаимное, во-вторыхъ—основанное не на одномъ только «влеченіи природы». Къ той же самой мысли, съ меньшимъ еще правомъ, г. Головинъ возвращается при разборѣ «Мѣщанскаго счастья», Помяловскаго. «Тотъ же самый поступокъ», — восклицаетъ онъ, — «тоже безсердечіе по отношенію къ любимой женщинѣ клеймится

1) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ: «Что дѣлать» — богатый домовладѣлецъ, имѣющій «виды» на Вѣру Павловну, но возбуждающій въ ней «гадливую ненависть».

какъ грубое удовлетвореніе чувственнаго влеченія, когда виновникъ принадлежитъ къ разряду людей, несимпатичныхъ автору, и, на оборотъ, извиняется вполнѣ, коль скоро онъ представитель передовой среды. Безсердечный развратъ, праздное эпикурейство становятся тогда законнымъ проявленіемъ умственнаго превосходства, которому все позволено, какъ будто передовой образъ мысли создаетъ въ новомъ обществѣ новый привилегированный классъ» (стр. 225). Все это говорится въ томъ предположеніи, что Молотовъ «влюбляетъ въ себя» Леночку, которая «отдается ему» и затѣмъ «съ геройскою покорностью смиряется передъ неожиданнымъ ударомъ холодной рѣшимости молодого человѣка ее бросить». Между тѣмъ, стоитъ только заглянуть въ «Мѣщанское счастье», чтобы увидѣть совершенно другую картину: не Молотовъ влюбляетъ въ себя Леночку, а она кидается ему на шею; въ отношеніяхъ между ними Молотовъ «былъ болѣе страдательнымъ лицомъ»; когда они въ первый разъ поцѣловались, Леночка сказала ему: «люби меня, хоть не навсегда, хоть немного»; кромѣ поцѣлуевъ, ничего между ними не было[1]), и Молотовъ поспѣшилъ удалиться — не съ «холодной рѣшимостью», а съ хорошимъ, добрымъ чувствомъ, — какъ только убѣдился, что не можетъ полюбить Леночку. Для негодующихъ обвиненій г. Головина не оказывается никакихъ фактическихъ данныхъ: писатели шестидесятыхъ годовъ вовсе не проповѣдывали теорію двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ.

Если въ характеристикѣ шестидесятыхъ годовъ г. Головинъ не свободенъ отъ предвзятой мысли, отъ предубѣжденія противъ «эпохи бури и натиска», то характеристика «современнаго затишья» грѣшитъ односторонностью, весьма понятною, впрочемъ, когда предметомъ наблюденій становится настоящая минута. Въ замѣчаніяхъ г. Головина много вѣрнаго, но они не

1) «У насъ не мало встрѣчается такихъ женщинъ, какъ Леночка», — читаемъ мы на предпослѣдней страницѣ «Мѣщанскаго счастья»,— «многіе увлекаются ихъ щечками, щечки цѣлуютъ, и хорошо, если останавливаются только на томъ, на чемъ остановился Молотовъ».

обнимаютъ всего предмета. «Среднему читателю» — говоритъ г. Головинъ — «приходится теперь болѣе по вкусу та группа беллетристовъ, главною характеристическою чертою которыхъ служитъ нравственное и даже идейное безразличіе. Если-бы кто-нибудь постарался изъ произведеній ихъ вывести формулу того литературнаго исповѣданія, котораго они придерживаются, ему пришлось бы выразить ее приблизительно такъ: все что даетъ жизнь, одинаково достойно изображенія. Нѣтъ крупныхъ и мелкихъ явленій или, вѣрнѣе, все одинаково мелко.... Можно, не обинуясь, сказать, что направленіе, о которомъ здѣсь говорится, создано не писателями, а публикой, что мелкое, поверхностное творчество вызвано нетребовательностью спроса, что самъ читатель, словомъ, развратилъ литературу.... У писателей (новѣйшихъ) мысль очевидно есть; она искрится подчасъ, но какой-то холодный вѣтеръ ее тушитъ немедленно — губительный вѣтеръ общественнаго равнодушія» (стр. 452 — 453). «Спросъ вызываетъ предложеніе» таковы заключительныя слова книги; «мелкимъ людямъ и ничтожнымъ страстямъ по плечу и мелкая литература». Что между современными беллетристами не мало такихъ, къ которымъ примѣнима вышеприведенная оцѣнка — это безспорно[1]); но едва-ли ихъ сдѣлалъ тѣмъ, что они есть, «губительный вѣтеръ общественнаго равнодушія». Современное русское общество, разсматриваемое какъ цѣлое, отнюдь не охладѣло къ «идейной» литературѣ. Доказательствомъ этому служитъ не только страстный интересъ, возбуждаемый каждымъ новымъ произведеніемъ Льва Толстого, но и небывалый успѣхъ стихотвореній Надсона, расходящихся ежегодно во многихъ тысячахъ экземпляровъ, неувядающая популярность Гаршина и Короленка, радостное ожиданіе, возбуждаемое каждымъ новымъ тенденціознымъ талантомъ (напр. М. Горькимъ). Правда, читающая пуб-

1) Большою несправедливостью кажется мнѣ отнесеніе къ этой категоріи г. Чехова, и я очень сожалѣю, что рамки моей работы не позволяютъ мнѣ объяснить подробно причины несогласія моего, по этому вопросу, съ г. Головинымъ.

лика теперь несравненно многочисленнѣе и пестрѣе, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ; но не отъ новыхъ ея слоевъ, требующихъ грубой или пряной пищи, зависитъ общій тонъ литературы. Для этихъ слоевъ существуютъ свои писатели, которымъ г. Головинъ, какъ и слѣдовало ожидать, не отвелъ мѣста въ своей книгѣ. Какъ бы быстро ни росла читающая толпа, ей не подъ силу опредѣлить направленіе художественнаго творчества и низвести его до «уровня посредственности», до «идеала умѣренности и аккуратности».

Изъ великихъ русскихъ романистовъ XIX вѣка наименѣе справедливую оцѣнку въ книгѣ г. Головина нашелъ Тургеневъ. Отступая отъ своего обычнаго правила — говорить только о произведеніяхъ, а не о писателяхъ,— авторъ обвиняетъ Тургенева въ «кокетничаньѣ» съ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, въ «явномъ ухаживаньѣ за передовою молодежью», въ «неискренности», въ «готовности на большія уступки ради сохраненія популярности», въ «лицемѣрныхъ симпатіяхъ къ радикаламъ» (стр. 284, 286, 294, 306). Онъ видитъ въ фигурѣ Инсарова ироническое отношеніе не только къ самому герою, но и къ шестидесятникамъ (стр. 289), забывая, что въ моментъ появленія «Наканунѣ» (1860) еще не успѣлъ сложиться типъ новыхъ людей, характеристичный для новаго десятилѣтія. Онъ находитъ, «скрытую насмѣшку» даже въ образѣ Елены, потому что «разлетѣлись въ дымъ» всѣ подвиги Инсарова,—а Елена «отдала ему то, чѣмъ не жертвуетъ ни одна изъ Тургеневскихъ дѣвушекъ» (а Лиза въ «Дневникѣ лишняго человѣка», а Зинаида въ «Первой любви»?). Но вѣдь Инсарова остановила только смерть, передъ которою безсильна самая могучая воля... «Дымъ», по словамъ г. Головина, былъ «отместкою» Тургенева за всѣ непріятности, которыя причинили ему «Отцы и Дѣти». Этотъ романъ соединяетъ въ себѣ «глубокій психологическій анализъ женской натуры съ необыкновенно поверхностнымъ и фельетоннымъ изображеніемъ общественнаго быта» — изображеніемъ, которое можетъ служить «образчикомъ неудачнаго, хотя и ядовитаго пас-

вля» (стр. 297). Тирады Потугина «свидѣтельствуютъ только о томъ, что, наряду съ большимъ свѣтомъ и съ радикалами, Тургеневъ хотѣлъ наговорить непріятностей и славянофиламъ» (стр. 300)... Тему «Нови» Тургеневъ «разработалъ очень мелко». Неждановъ «жалокъ и смѣшонъ до послѣдней степени; не искупаетъ этого и послѣдняя совершенная имъ нелѣпость — безпричинное (?) самоубійство». Маріанна — самая неудачная изъ всѣхъ женскихъ фигуръ Тургенева; Соломинъ — «Китайская тѣнь, единственная живая струна которой сводится къ чему-то очень похожему на кулачество»[1]); не менѣе фальшивы Сипягинъ и Коломейцевъ (стр. 302—304)... Самый серьезный упрекъ, дѣлаемый Тургеневу г. Головинымъ, заключается въ томъ, что въ «Дымѣ» онъ выставилъ «въ уродливомъ видѣ» русскихъ эмигрантовъ, въ «Нови»—«не захватилъ во всей его глубинѣ общественнаго движенія семидесятыхъ годовъ». Этотъ упрекъ былъ бы справедливъ, если бы Тургеневъ задался цѣлью дать *исчерпывающую* картину того или другого общественнаго явленія — и вмѣсто того изобразилъ бы только одну его сторону. Подобной цѣли мы не видимъ ни въ «Дымѣ», ни въ «Нови». Вопросъ сводится, затѣмъ, къ тому, вѣрны ли отдѣльные образы, созданные Тургеневымъ. Кто хорошо помнитъ такъ называемый Нечаевскій процессъ, тотъ едва-ли станетъ отрицать, что въ немъ выступали и Нежда новы, и Маркеловы, и Маріанны — а Тургеневъ изображаетъ именно тотъ фазисъ революціонной агитаціи, который совпадаетъ, по времени, съ Нечаевскимъ процессомъ. «Ни сторонники хожденія въ народъ», — говоритъ г. Головинъ, — «ни въ особенности ихъ преемники террористы не такъ пусты, дряблы и ничтожны, какъ Неждановъ и Маркеловъ». Авторъ упускаетъ изъ виду, что о террористахъ не было еще и рѣчи не только въ 1868 г., къ которому отнесено дѣйствіе «Нови», но и въ 1877 г., когда «Новь» появилась въ печати; самое хож-

1) Этимъ рѣзкимъ приговорамъ нельзя не противопоставить тонкія характеристики Маріанны и Соломина, данныя проф. Овсянико-Куликовскимъ въ его «Этюдахъ о творчествѣ И. С. Тургенева».

деніе въ народъ выяснилось вполнѣ лишь въ процессахъ пятидесяти и ста девяносто трехъ, которые слушались оба *послѣ* выхода «Нови».

Несвободенъ отъ пристрастія и взглядъ г. Головина на Крестовскаго псевдонима (Хвощинскую-Заіончковскую). Объясняется это, быть можетъ, отчасти тѣмъ, что авторъ разсматриваетъ эту писательницу въ ряду малосимпатичныхъ ему беллетристовъ шестидесятыхъ годовъ. Конечно, г. Головину хорошо извѣстно, что дѣятельность Хвощинской началась въ пятидесятыхъ годахъ (точнѣе—въ концѣ сороковыхъ); но, оторвавъ раннія ея произведенія отъ почвы, ихъ возростившей, онъ упустилъ изъ виду ихъ главную заслугу. Въ то время, когда начинала писать Хвощинская, протестъ противъ семейнаго гнета не успѣлъ еще сдѣлаться общимъ мѣстомъ—и ни у кого онъ не былъ доведенъ до такой поразительной силы, какъ именно у Хвощинской.... Отдавая справедливость «Большой Медвѣдицѣ», г. Головинъ видитъ въ ней взглядъ писательницы на по-реформенную Россію; героя романа, Верховскаго, онъ называетъ представителемъ эпохи реформъ, отразившейся на немъ только расположеніемъ къ либеральному краснобайству. Это—явное недоразумѣніе: дѣйствіе «Большой Медвѣдицы» происходитъ во время Восточной войны, въ до-реформенной Россіи.... Послѣднія произведенія Хвощинской до такой степени возмущаютъ г. Головина, что ему видится въ нихъ то «нелѣпая клевета», то вліяніе «сторонниковъ чернаго передѣла». Возводя отдѣльныя фигуры на степень сознательныхъ обобщеній, онъ утверждаетъ, что отреченіе отъ терроризма равносильно, въ глазахъ Хвощинской, мѣщанской сухости или шпіонству—для мужчинъ, продажному разврату—для женщинъ (стр. 248). Такое настроеніе исключаетъ возможность спокойнаго отношенія къ писательницѣ, занимающей, во всякомъ случаѣ, очень видное мѣсто въ нашей беллетристикѣ... Отъ критика, видящаго преимущественно слабыя стороны движенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, нельзя ожидать большого сочувствія къ Салтыкову; тѣмъ болѣе

отрадное впечатлѣніе производитъ сравнительное безпристрастіе, съ которымъ говоритъ о немъ г. Головинъ. Можно, конечно, не соглашаться съ г. Головинымъ, когда онъ сожалѣетъ, что «весь огромный талантъ Щедрина пошелъ на борьбу со злобою дня, на такой односторонній и узкій видъ творчества, какъ сатира» (стр. 272); но хорошо уже и то, что онъ признаетъ Салтыкова, какъ автора сказокъ и какъ создателя Іудушки, Разумова, Угробиныхъ, «крупнымъ художникомъ и глубокимъ психологомъ»... Безпристрастнымъ, говоря вообще, г. Головинъ остается и въ своихъ отзывахъ о романистахъ, враждебныхъ «бурѣ и натиску» — Писемскомъ, Маркевичѣ, Всеволодѣ Крестовскомъ, Клюшниковѣ, Авсѣенкѣ, Лѣсковѣ (какъ авторѣ «Некуда» и «На ножахъ»). Онъ справедливъ и по отношенію къ писателю, котораго наша критика, въ большинствѣ случаевъ, или обходитъ молчаніемъ, или цѣнитъ слишкомъ низко— по отношенію къ г. Боборыкину. Большею задушевностью отличаются отзывы его о Гаршинѣ и Короленкѣ; напрасно только онъ называетъ послѣдняго — правда, мимоходомъ (стр. 332), — подражателемъ Достоевскаго... Надъ всѣми остальными частями книги возвышаются главы о Достоевскомъ и Л. Толстомъ. И здѣсь, конечно — особенно въ разборѣ послѣднихъ произведеній Толстого — можно найти много спорнаго, но характеристика обоихъ великихъ романистовъ написана съ большою любовью, съ большимъ искусствомъ, и возбуждаетъ живой интересъ даже послѣ всей массы этюдовъ, посвященныхъ «Войнѣ и Миру» и «Аннѣ Карениной», «Преступленію и наказанію», «Бѣсамъ» и «Братьямъ Карамазовымъ».

Русскій романъ XIX вѣка, въ особенности если разсматривать его въ связи съ различными фазисами общественнаго развитія, такъ близокъ къ намъ, что для исторіи его, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, еще не наступило время. Неудивительно, что книга г. Головина носитъ на себѣ ясный отпеча-

токъ симпатій и антипатій автора; неудивительно и то, что вниманіе его распредѣлено неравномѣрно между различными частями его темы. Ему удалось написать живую картину одной изъ самыхъ интересныхъ сторонъ русской жизни—картину тѣмъ болѣе цѣнную, что до сихъ поръ, въ такомъ объемѣ и въ такихъ предѣлахъ, ее не рисовалъ никто. Это — его безспорная и немалая заслуга.

К. Арсеньевъ.

II.

Сочиненія К. К. Случевскаго. Шесть томовъ. С.-Петербургъ. 1898.

Сочиненія К. Случевскаго — итогъ поэтическаго творчества за многіе годы. Имя нашего поэта появилось впервые въ печати въ 50-хъ годахъ, въ литературную эпоху, которая теперь отошла уже въ область воспоминаній; это не мѣшаетъ, однако, г-ну Случевскому оставаться до нашихъ дней въ ряду писателей современныхъ, т. е. такихъ, которые живутъ не на проценты нѣкогда пріобрѣтеннаго богатства впечатлѣній, образовъ, чувствъ и мыслей, а стремятся включить въ свое поэтическое міросозерцаніе все новое, что имъ попадается въ жизни.

Поэзія г-на Случевскаго прежде всего поражаетъ разнообразіемъ своего содержанія. Въ ней нѣтъ ни повторяющейся переработки нѣкогда сложившихся взглядовъ, ни подновленія старыхъ красокъ и образовъ. Поэтъ даетъ полную безграничную свободу своей мысли и фантазіи и требуетъ отъ нихъ только, чтобы онѣ въ своемъ полетѣ коснулись возможно большаго количества вопросовъ и сторонъ жизни. Въ итогѣ получаются необычайно пестрыя картины, необычайно разнообразные отзвуки на всѣ впечатлѣнія бытія, и прошлаго, и настоящаго и даже предполагаемаго. Такое необузданное стремленіе поэта ко всему въ жизни прислушаться, обо всемъ помечтать и поразмыслить, а главное, обо всемъ сказать свое слово — отражается, конечно, иногда не

вполнѣ выгодно на законченности и пластичности его художественныхъ образовъ, на выдержанности и глубинѣ настроенія — но эти недостатки искупаются однимъ большимъ преимуществомъ: г-нъ Случевскій остается живымъ среди живыхъ людей; для наслажденія его творчествомъ нѣтъ необходимости настраивать себя на извѣстный ладъ и въ его поэзіи найдутъ, и родственное, и дорогое люди разныхъ возрастовъ, темпераментовъ и взглядовъ.

Самъ авторъ любитъ, впрочемъ, часто говорить о старости своихъ лѣтъ и своего вдохновенія. Надежды его, какъ онъ признается «завѣшаны», мечты «задвинуты», силы скрылись, «глубокій слой золы лежитъ» на его сердцѣ, «въ душѣ виднѣются лишь остовы надеждъ» и «свѣтильникъ тлѣющій коптитъ и дымится». Если вѣрить ему, то онъ членъ «отступающей рати»: кого онъ любилъ, тѣ ушли въ забвеніе, чужіе люди растутъ кругомъ и ему приходится «воровать завядшіе цвѣты у прошедшаго». Много такихъ печальныхъ словъ говоритъ г-нъ Случевскій, но несправедливость ихъ (несправедливость, а не неискренность) доказывается его же творчествомъ, въ которомъ нѣтъ ни старческой усталости, ни воровства у прошедшаго, ни засохшихъ цвѣтовъ. Нашъ авторъ можетъ смотрѣть безъ тайнаго сожалѣнія и безъ тайной зависти, какъ, говоря его словами,—

Въ работѣ робкой и безмолвной,
Людскому глазу не видна,
Жизнь сыплетъ всюду горстью полной
Свои живыя сѣмена!

Кромѣ способности подбирать живыя сѣмена жизни, я долженъ указать съ самаго начала еще на одно достоинство въ творчествѣ г-на Случевскаго. Онъ, какъ поэтъ, никогда не жилъ на чужой счетъ.

Г-нъ Случевскій началъ свою дѣятельность въ тѣ годы, когда была еще очень свѣжа память о поэзіи Лермонтова. Его дарованіе крѣпло и развивалось въ сосѣдствѣ съ такими та-

лантами, какъ Некрасовъ, Майковъ, Фетъ, Алексѣй Толстой и Полонскій. Ни у кого изъ нихъ нашъ писатель не бралъ однако на прокатъ ни темъ, ни манеры, ни стиха.

При его любви давать своей фантазіи полный свободный просторъ, г-нъ Случевскій неоднократно касался темъ, которыя были такъ блистательно разработаны его современниками. Онъ любилъ аллегорически мечтательный міръ романтики и, какъ Лермонтовъ, примѣшивалъ къ этимъ неуловимымъ ощущеніямъ жизни дозу сарказма и разочарованной ироніи; онъ останавливался на великой борьбѣ угасавшаго язычества съ христіанствомъ и вмѣстѣ съ Майковымъ реставрировалъ памятники античной древности и христіанскихъ катакомбъ; онъ касался иногда тѣхъ граціозныхъ, очень тонкихъ чувствъ и настроеній, того интимнаго міра сердечныхъ волненій, почти недоступнаго для передачи словомъ, который составляетъ лучшее украшеніе поэзіи Фета и Полонскаго; онъ любилъ русскую былинную и сказочную старину и его патріотическое чувство часто наряжалось въ разные историческіе и фантастическіе костюмы, которыми А. Толстой такъ умѣлъ разнообразить свою національную пѣсню; наконецъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ г-нъ Случевскій воспѣвалъ народную жизнь, народное горе и, тщательно оберегая свою поэзію отъ всякихъ «гражданскихъ» мотивовъ, онъ высоко цѣнилъ мотивъ народный, заимствуя у него иногда даже внѣшнюю форму и самый складъ рѣчи. Однимъ словомъ, въ поэтическомъ творчествѣ нашего автора есть много свободныхъ совпаденій съ пѣснями его современниковъ, но тотъ, кто знакомъ со стихотвореніями г-на Случевскаго, согласится, что никогда такое совпаденіе не бываетъ пѣснью съ чужаго голоса.

Оригинальность г-на Случевскаго какъ поэта не исчерпывается однако этой способностью самостоятельно развивать темы, которыя съ виртуозностью разыграны другими поэтами. Есть область, гдѣ онъ полный хозяинъ.

Это—область обобщающей и рефлектирующей мысли, которая, одѣтая во всевозможные поэтическіе наряды, произноситъ

свой судъ и надъ міромъ внѣшнихъ явленій, и надъ внутреннимъ міромъ психическихъ движеній человѣка.

Передъ нами поэтъ, у котораго мыслительная способность дѣйствуетъ чаще всѣхъ прочихъ, который отъ тревоги мысли почти никогда не свободенъ. Г-нъ Случевскій въ большинствѣ своихъ произведеній мыслитель; его интересуетъ въ жизни не столько само явленіе, служащее предметомъ художественнаго воплощенія, сколько смыслъ этого факта, его оцѣнка съ общихъ точекъ зрѣнія и всего чаще съ точки зрѣнія этической. Вотъ почему въ своихъ повѣстяхъ онъ иногда сразу прерываетъ разсказъ, чтобы начать разсуждать по поводу разсказаннаго и любитъ вставлять въ свои лирическія стихотворенія сентенціи общаго характера.

Что касается самой мысли, которая господствуетъ въ творчествѣ нашего писателя, то нужно прежде всего отмѣтить, что она въ немъ уживается съ извѣстнаго рода мистическимъ чувствомъ и сама получаетъ иногда мистическій оттѣнокъ.

«Alles vergängliche ist nur ein Gleichniss» могъ бы поставить г-нъ Случевскій эпиграфомъ ко многимъ изъ своихъ сочиненій. Жизнь для него въ большинствѣ случаевъ — символъ, красивый и полный этическаго смысла, символъ чего-то таинственнаго, что кроется за всѣмъ этимъ разнообразіемъ чередующихся событій. Отвѣта на вопросъ, что именно за этой видимостью кроется, и какъ относится зримое къ незримому, мы, конечно, не потребуемъ отъ поэта. Для него достаточно, что онъ ощущаетъ въ жизни нѣчто не разгаданное, нѣчто такое, чего нельзя «увидать, доказать или измѣрить»... Это ощущеніе неуловимаго настраиваетъ его поэтически, помогаетъ его мысли, будитъ въ немъ эстетическое чувство и поддерживаетъ нравственное....

Въ первомъ же стихотвореніи, которымъ открывается собраніе его сочиненій, нашъ авторъ говоритъ о связи видимаго міра съ міромъ «иныхъ судебъ и силъ». На этотъ горній міръ намекаетъ намъ прежде всего сила нашей мысли, которая отъ вѣка создана Богомъ, не знаетъ никакихъ оковъ и преградъ, одарена

мощью нетлѣнія, воплощаетъ Божью мысль и вершитъ вѣчныя дѣла (Т. I «Думы». «Неуловимое»). Такой же силой одарены и наши чувства; они также не рабы законовъ тяготѣнія, у нихъ свои законы —

Имъ власть дана, чтобъ имъ во слѣдъ пробились
Иныхъ началъ живучія струи.

(Т. I, «Думы». «Въ лабораторіи»).

Эта мысль, эта мечта, это чувство, которымъ не дано, конечно, разгадать великой тайны міра, но которымъ позволено въ ихъ смѣломъ полетѣ коснуться иногда грани, отдѣляющей таинственное отъ видимаго, возникаютъ—кто скажетъ какъ и откуда? Иногда изъ какой-нибудь мелочи, изъ какого-нибудь вздора, совсѣмъ изъ ничего родится невзначай едва замѣтный обликъ и рвется самъ къ добру и красотѣ; нетлѣнный духъ запаляетъ нежданно свой святой огонь и, отрѣшонъ отъ тлѣнія, паритъ свободно, царственно высоко, не зная ни граней, ни препонъ (Т. I «Пѣсни изъ уголка» XLII). И напрасно мы думаемъ, что мы сами творцы этого міра, сотканнаго изъ нашихъ мыслей, видѣній и порывовъ души; не мы владѣемъ имъ, а онъ нами. Въ земномъ твореніи, говоритъ нашъ авторъ, есть незримые облики, вносящіе цѣлый обманчивый міръ въ этотъ міръ дѣйствительности. Нежданно негаданно прозрѣваются духомъ эти незримые облики и они ведутъ насъ къ подвигамъ и къ преступленію, они заставляютъ всѣ основы нашей жизни колебаться, какъ тростникъ, и подъ ихъ давленіемъ въ человѣкѣ пробуждается воля и онъ на что нибудь рѣшается. Міръ несуществующій присутствуетъ въ этомъ рѣшеніи и если мы вдумаемся въ эту тайну, то поймемъ, насколько мы невмѣняемы. (Т. I, «Думы». «Невмѣняемость»).

Такое вѣяніе таинственнаго, которое насъ окружаетъ въ здѣшнемъ мірѣ, поэтъ даетъ чувствовать своему читателю очень часто. Во многихъ его стихотвореніяхъ и повѣстяхъ — передъ нами люди живутъ и дѣйствуютъ и даже заняты какъ будто самыми прозаическими дѣлами, но всѣ эти картины подернуты

какой-то дымкой, которая говоритъ объ иной неуловимой таинственной атмосферѣ, облегающей всю нашу жизнь и приближающей ее къ сновидѣнію.

Если нашъ міръ связанъ такъ тѣсно съ инымъ невѣдомымъ міромъ, если мечта и чувство служатъ связью между этими мірами и неожиданно возникаютъ въ насъ, если міръ населенъ едва замѣтными обликами, которые направляютъ нашу волю и если мы такъ невмѣняемы въ движеніяхъ нашей души и въ нашихъ поступкахъ, то естественно, что намъ почти невозможно отдать себѣ ясный отчетъ въ психическихъ движеніяхъ, и нашихъ собственныхъ, и ближняго. Въ поэмахъ и повѣстяхъ, гдѣ г-нъ Случевскій проводитъ всѣ эти взгляды, онъ дѣйствительно оставляетъ многое недоговореннымъ въ мотивировкѣ поступковъ и душевныхъ движеній своихъ героевъ.

Для этихъ разсказовъ нашъ авторъ пользуется иногда готовой канвой какого нибудь народнаго преданія или историческаго факта, иногда самъ создаетъ тему.

Мнѣ кажется, что повѣсти, написанныя на готовую тему удались г-ну Случевскому лучше, чѣмъ задуманные имъ самимъ. Такіе разсказы, какъ «Пышѣ отпущаеши» (Т. V) «Наслѣдница» (Т. V) и въ особенности «Призракъ» (Т. III), я поставилъ бы на первое мѣсто среди однородныхъ произведеній. Первые два разсказа — простыя легенды съ религіозно-мистической развязкой; послѣдній — историческій разсказъ изъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I-го. Темой этого разсказа (замѣчу, одного изъ лучшихъ произведеній автора) служитъ сердечная исторія одной обманутой дѣвушки, которую судьба случайно сталкиваетъ съ императоромъ. Изъ интимныхъ разговоровъ съ нимъ она почерпаетъ первый намекъ на возможность пріобрѣсти вновь покой измученнаго, разочарованнаго сердца и, дѣйствительно, но уже у гроба императора, совершается это чудо возрожденія уставшей, повидимому истлѣвшей души къ новой жизни. Какъ это совершается — это тайна; и задача г-на Случевскаго заключалась въ томъ, чтобы дать намъ почувствовать совершившееся таинство.

Онъ это и сдѣлалъ. Характерна и типична въ разсказѣ фигура самого императора. Онъ представленъ не въ императорскомъ традиціонномъ великолѣпіи, а въ сердечной бесѣдѣ и притомъ уже явнымъ и убѣжденнымъ адептомъ мистики. Отсылаю читателя къ той части поэмы, гдѣ царь говоритъ своей собесѣдницѣ длинную рѣчь, полную мистическаго смысла, рѣчь, въ которой онъ силится изложить ей въ общихъ чертахъ свое туманное міровоззрѣніе. Нигдѣ быть можетъ, г-ну Случевскому не удавалось такъ близко подойти къ міру имъ столь любимыхъ неясныхъ чаяній.

Разсказы съ такимъ же мистическимъ настроеніемъ, но задуманные самимъ авторомъ, грѣшатъ нѣкоторой натянутостью въ ихъ построеніи, отражающейся вредно не столько на выраженіи самаго мистическаго чувства, сколько вообще на художественной цѣльности произведенія. На такія повѣсти какъ «Полусказка» (Т. V), «Дымный человѣкъ» (Т. IV), «Случай» (Т. V) указывать нечего, это—простые анекдоты довольно занятно разсказанные. Но напр. повѣсть «Ѳеклуша» (Т. V), въ которой къ простому разсказу изъ чухонской жизни — наивному и психологически вѣрному—примѣшана зачѣмъ-то цѣлая исторія миграціи таинственной «вавилонской» души и поэма «Три женщины» (Т. III), гдѣ опять таки въ очень тонкій и правдивый разсказъ вплетена какая-то нервно разстроенная сонамбула — показываютъ намъ, что когда авторъ предоставленъ всецѣло самому себѣ, онъ, угождая своей любви къ таинственному, иногда привлекаетъ этотъ элементъ насильно—втискиваетъ его въ разсказъ, который въ этомъ не нуждался.

Наиболѣе цѣльная попытка доказать необходимое присутствіе мистическаго въ жизни дана въ романѣ «Профессоръ безсмертія» (Т. IV). Это уже настоящій трактатъ, посвященный доказательству излюбленнаго тезиса. Фабула очень проста. Медикъ позитивистъ занятъ доказательствомъ безсмертія души. Онъ убѣжденъ въ этомъ безсмертіи и хочетъ построить свою теорію на строго логическихъ выводахъ, основанныхъ на безспорныхъ неопровержимыхъ фактахъ. Онъ не допускаетъ никакой метафи-

зики въ этихъ доказательствахъ и пишетъ длинное весьма хитроумное философское разсужденіе, которое должно убѣдить читателя, что вѣра въ безсмертіе души не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы опытному знанію. Профессоръ повидимому вполнѣ спокоенъ и доволенъ въ обладаніи такой философіей. Въ ней не находится только мѣста для таинственнаго и напр. религія съ ея внутреннимъ содержаніемъ и тѣмъ болѣе съ ея обрядовой стороной никакъ не укладывается въ рамки этого ученія. Профессоръ чувствуетъ иногда неловкость такого противорѣчія. Но оно его не очень заботитъ, пока жизнь его течетъ нормально и спокойно. Но вотъ надъ его головой нежданно разражается несчастіе: случайно на прогулкѣ тонетъ его жена. Спокойствіе его духа и его философія поставлены на пробу и они этого испытанія не выдерживаютъ. Въ проповѣдникѣ разумнаго безсмертія происходитъ крутой переломъ — онъ становится вѣрующимъ, безсмертіе души получаетъ для него иной болѣе уловимый смыслъ, онъ перестаетъ смотрѣть на религію и религіозный обрядъ исключительно съ эстетической точки зрѣнія, какъ смотрѣлъ раньше; между нимъ и покойницей устанавливается очень тѣсная связь и новый міръ нисходитъ на его душу— міръ гораздо болѣе полный, чѣмъ тотъ, который былъ нарушенъ. Мистическое начало въ жизни для него теперь не только понятно и допустимо—оно имъ сознано и прочувствовано; и это сознаніе дополнило и закруглило его міросозерцаніе. Вмѣсто того, чтобы въ его позитивномъ умѣ поставить все вверхъ дномъ, такой притокъ вѣры и таинственныхъ чувствъ только прибавилъ этому уму силы.

Смыслъ романа ясенъ. Это — опять указаніе на неизбѣжность въ жизни цѣлаго ряда необъяснимыхъ чувствъ, которыя нельзя фальсифицировать при помощи хотя бы очень умныхъ и глубокихъ размышленій. Авторъ хотѣлъ какъ будто сказать, что пролить свѣтъ разума на таинственное и этимъ обнажить его — значитъ совершить надъ нимъ насиліе, за которое рано или поздно придется поплатиться.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ стихотвореній («Пѣсни изъ уголка» LVII) г-нъ Случевскій говоритъ о томъ спокойствіи, о той святой тишинѣ и ясномъ не тревожномъ свѣтѣ, которые даны человѣку въ его мышленіи, и противуполагаетъ этому спокойствію острую боль чувства. Я долженъ замѣтить, однако, что къ мысли точной и безстрастной, огражденной отъ обмановъ и отъ искушенія мечтой, нашъ авторъ относится въ общемъ не совсѣмъ дружелюбно. Онъ очень часто жалуется на перевѣсъ въ нашемъ вѣкѣ именно разсудка надъ чувствомъ. Онъ видитъ въ этомъ торжествѣ сознанія опасность для дорогаго ему міра грезъ, чаяній и заманчивыхъ надеждъ. «Возьми, говоритъ онъ, обращаясь къ невѣдомой силѣ, у меня всю увѣренность знанія, всю ношу убитыхъ страстей, возьми обдуманность словъ и дѣяній, возьми все, въ чемъ не знаю сомнѣнья, разувѣрь, обмани меня въ моей правдѣ — только верни мнѣ увлеченіе минувшихъ годовъ, зоревые огни надеждъ, дай мнѣ ими разукрасить обыденный строй жизни» (Т. I Лирическія). Отъ успѣха сознанія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, (Т. I Лирическія, «Послѣдняя слеза») и отъ холода и правды умозрѣній стынетъ чувство, гибнетъ волшебство мечты и благодать сердца. И такихъ признаній не мало.

Поклонникъ обманщицы мечты, нашъ поэтъ избѣгаетъ изображать людей уравновѣшенныхъ, жрецовъ этого пугала—трезвой и точной мысли. Почти всѣ имъ набросанные и вырисованные типы — люди, находящіеся подъ властью «благодати сердца», мечтатели, сентиментальныя и романтическія натуры, фантазеры, люди «ищущіе», идеалисты всевозможныхъ оттѣнковъ. Всѣми ими правятъ чувства, о которыхъ нашъ авторъ сказалъ такъ поэтично:

Въ сердцѣ человѣческомъ
Есть обѣтованныя
Тропочки закрытыя,
Вовсе безымянныя!
Подъ вѣтвями темными
Издавна проложены,

Безъ пути протоптаны,
Безъ толку размножены...
И по нимъ то крадутся
По глубокой темени,
Чувства непонятныя
Безъ роду, безъ племени...
Чувства безымянныя,
Сироты бездомныя,
Робкія, пугливыя,
Иногда нескромныя...

Кто пожелаетъ убѣдиться, какъ г-нъ Случевскій умѣетъ выслѣживать такія пугливыя чувства, пусть кромѣ большихъ повѣстей (какъ напр. «Виртуозы», «Голубой платокъ») прочтетъ такіе разсказы какъ напр. «Новый Дулькамара» (Т. IV), «Завянетъ-ли» (Т. V), «Что людямъ иногда кажется» (Т. V), «Изъ чужаго дневника» (Т. V), «Два тура вальса» (Т. VI), «Воспоминаніе» (Т. V), «Амазонки» (Т. V), «Любовь сокола» (Т. IV). Въ формѣ аллегорической сказки, исторической картинки, бытоваго разсказа или анекдота въ этихъ повѣстяхъ высказана съ большей или меньшей ясностью одна основная мысль,—мысль о томъ, какое сложное явленіе представляетъ изъ себя душа человѣка, какъ много въ ней неожиданнаго, необъяснимаго, страннаго и какъ правъ бываетъ человѣкъ, когда удивляется самъ своему поступку или чувству.

Особенно сильный подъемъ таинственныхъ и возвышенныхъ чувствъ пробуждаетъ въ нашемъ поэтѣ, какъ и слѣдовало ожидать, красота, воплощенная въ природѣ и въ искусствѣ. Культъ красоты одинъ изъ самыхъ важныхъ символовъ его вѣры. Она, эта «нетлѣнная, вѣчная красота» служитъ лучшимъ украшеніемъ нашего міра и созерцаніе ея смягчаетъ чувство скорби и боли, неизбѣжно вызываемыя въ насъ всякимъ раздумьемъ:

Нашъ умъ порой, что поле послѣ боя,
Когда раздастся ясный звукъ отбоя:

Уходятъ сомкнутые убылью ряды,
Повсюду видятся кровавые слѣды,
Въ травѣ помятой лезвія мелькаютъ,
Здѣсь груды мертвыхъ, эти умираютъ,
Идетъ прислушиваясь къ звукамъ, санитаръ,
Даетъ священникъ людямъ отпущенья—
Слоится дымъ послѣдняго кажденья...
А птичка Божія, являя цѣнный даръ,
Чудесный даръ живаго пѣснопѣнья,
Присѣвъ на острый штыкъ, омоченный въ крови,
Поетъ, счастливая, о мирѣ и любви....

Красота безсмертна, она, «одна въ сонмѣ мертвыхъ живая», пережила всѣхъ боговъ въ мірѣ. Здѣсь на землѣ, «вѣчно присущая и все-таки неуловимая», она обрѣла вновь свою юность (Т. II, «Мертвые боги»). Служитель ея одаренъ даромъ прозрѣнія; ему какъ пророку—мудрецу дано провидѣть всю тщету и суету внѣшняго блеска міра, дана способность угадывать трагическій смыслъ бытія (Т. I «Кароагенъ»); ему дана также власть по своему, въ угоду своимъ цѣлямъ, изображать жизнь иной, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ; и такое его насиліе надъ временной правдой искупается благодѣяніями той красоты, которую онъ далъ людямъ лицезрѣть и чувствовать (Т. V «Фаустъ въ новомъ пересказѣ»).

Въ свое время, въ концѣ 60-ыхъ годовъ нашъ авторъ ломалъ за эту красоту копья въ цѣломъ рядѣ критическихъ статей, направленныхъ противъ Писарева и Чернышевскаго. Онъ былъ тогда очень рѣзкимъ полемистомъ. Но въ своемъ творчествѣ онъ никогда не допускалъ никакого полемическаго задора и кадя красотѣ никого не задѣвалъ кадиломъ; онъ только восхищался и славословилъ.

Оригинальности и силы, однако, въ этихъ лирическихъ восторгахъ нѣтъ.

Бо́льшій интересъ представляютъ тѣ изъ его повѣстей, въ

которыхъ дѣйствующими лицами являются служители этой красоты—художники. Къ числу такихъ относятся «На мѣсто», «Художественныя убійства», «Удивительное приключеніе», «Мечты и выстрѣлы», «Обликъ», «Форнарина» (Т. V). Стройность плана, занимательность и романтическій колоритъ составляютъ ихъ неотъемлемое достоинство.

Отмѣчу, что въ двухъ изъ нихъ («Обликъ» и «Художественныя убійства») нашъ авторъ коснулся одного очень важнаго и глубокаго вопроса, мимо котораго проскользнулъ, какъ-бы боясь или не желая вникнуть въ него глубже. Это—вопросъ о возможномъ сочетаніи великаго таланта и служенія высокой красотѣ съ самымъ безпощаднымъ эгоизмомъ, вопросъ о связи красоты и зла, которая, дѣйствительно, иногда можетъ быть подмѣчена въ душѣ художника. Тотъ, кто слѣдилъ за развитіемъ эстетическихъ взглядовъ въ послѣднее время, требующихъ полной свободы для художника и примѣшивающихъ къ понятію о такой свободѣ — мысль о полномъ освобожденіи отъ всякихъ принятыхъ нравственныхъ обязательствъ — тотъ оцѣнитъ весь интересъ и важность темы, затронутой въ данномъ случаѣ г-номъ Случевскимъ. Къ сожалѣнію нашъ авторъ именно только затронулъ эту тему и то очень небрежно. Онъ имѣлъ очевидно на то свои причины. Не замѣтить такой темы, не углубиться въ нее онъ не могъ при его широкомъ литературномъ образованіи и при его умѣньи быть современнымъ.

Для того, кто вѣритъ въ тѣснѣйшую связь добра и красоты, (а нашъ авторъ, повидимому, глубоко убѣжденъ въ этой связи) фактъ не рѣдкаго сочетанія въ одномъ лицѣ высоко развитаго эстетическаго чувства съ полнымъ индифферентизмомъ въ нравственныхъ вопросахъ — представляетъ не малое затрудненіе для психологическаго объясненія. Нашъ авторъ, конечно, много думалъ надъ этой аномаліей и даже для самого себя былъ однажды готовъ допустить возможность чистаго эстетическаго воззрѣнія на міръ безъ всякой примѣси нравственнаго элемента. Такъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ лирическихъ стихотвореній (Т. I

Думы. «Заря во всю ночь») онъ, подводя итогъ своей жизни, говоритъ:

Бой съ призраками конченъ. Жизнь полна.
Въ ней было все: ошибки и паденья,
И чадъ страстей и обаянье сна,
И слезы горькія большаго вдохновенья,
И жертвы, жертвы... На могилахъ ихъ
Смириться развѣ? — но смириться больно
И жалко мнѣ себя и жалко силъ былыхъ...
Не бросить-ли все, все, сказавъ всему: довольно!
И успокоившись по торному пути,
Склонивши голову почтительно пройдти?
А тамъ? — А тамъ смотрѣть съ умѣньемъ знатока,
Смотрѣть художникомъ на вѣрность исполненья,
Какъ истязаются, какъ гибнутъ поколѣнья, —
Какъ жить имъ хочется, какъ бѣднымъ смерть тяжка, —
И поощрять дѣтей въ возможности успѣха
Тяжелой хрипотой надтреснутаго смѣха!

Нельзя не согласиться, что въ этихъ словахъ слышенъ вовсе не голосъ торжествующаго человѣка, который наконецъ открылъ успокоительную для себя истину, а скорѣе недовѣрчивый вопросъ, поставленный самому себѣ: способенъ ли я дѣйствительно на такое холодное, хотя и умиротворяющее созерцаніе?

Мы можемъ отвѣтить за самого автора, что смотрѣть художникомъ онъ умѣетъ, но что всегда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ моралистъ съ очень опредѣленнымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ. Сознавая въ себѣ такого моралиста съ гуманной программой нашъ авторъ быть можетъ и поспѣшилъ обойдти вопросъ, который ставилъ его какъ служителя красоты и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ нравственную личность въ нѣсколько затруднительное положеніе.

Этическіе взгляды нашего писателя проступаютъ въ его сочиненіяхъ опредѣленно и ясно.

«Человѣкъ можетъ помириться съ чѣмъ угодно, все простить и всегда улыбаться лишь при одномъ условіи, если онъ усвоитъ себѣ самую безразличную философію, которая выражается словами: «все можетъ быть». Но чтобы увѣровать въ такую философію необходимо допустить полный произволъ, полное отсутствіе всякихъ законовъ и въ мірѣ физическомъ, и въ мірѣ нравственномъ. Но горе тому, кто подобное допуститъ; онъ долженъ погибнуть, такъ какъ допустилъ невозможное, такъ какъ не захотѣлъ признать, что въ мірѣ есть установленный порядокъ, который заставляетъ человѣка отказаться отъ безразличнаго ничего не объясняющаго и ничего не требующаго взгляда на жизнь». Такую мысль высказываетъ нашъ авторъ въ одномъ символическомъ, очень туманно написанномъ разсказѣ, который имъ озаглавленъ: «Господинъ можетъ-быть» (Т. V).

Самъ г. Случевскій такой безразличной философіи не придерживается и, имѣя опредѣленный взглядъ на нравственный порядокъ, царствующій въ мірѣ, бываетъ, конечно, нерѣдко очень пессимистично настроенъ.

Нѣтъ нужды повторять здѣсь вслѣдъ за нашимъ авторомъ всѣхъ печальныхъ мыслей, на которыя его наводятъ неизбѣжныя горести всякаго существованія, и несчастія, въ которыхъ виновато нравственное несовершенство человѣка. Такихъ мыслей много, онѣ давно стали общимъ мѣстомъ и въ устахъ г. Случевскаго не пріобрѣли ни новизны, ни интереса. Отмѣчу только одно стихотвореніе, которое меня поразило своей оригинальной ироніей:

Я задумался и — одинокъ остался;
Полюбилъ и — жизнь великой степью стала;
Дружбу я узналъ и — пламя степь спалило;
Плакалъ я и — василиски нарождались.
Сталъ молиться я — пошли по степи тѣни;
Сталъ надѣяться и — свѣтъ небесъ погаснулъ;

Проклялъ я — застыло сердце въ страхѣ;
Я заснулъ — но не нашелъ во снѣ покоя...
Усомнился я — заря зажглась на небѣ,
Звучный ключъ пробился гдѣ то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросль новая въ цвѣтахъ зазеленѣла.

Относительно бо́льшей силы достигаетъ г. Случевскій въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ говоритъ не о своихъ скорбныхъ чувствахъ, а гдѣ онъ разсуждаетъ вообще на тему о томъ, что̀ такое зло. Такая попытка изобразить силу злого начала въ жизни дана, напр., въ его стихотвореніи «Мефистофель» [Т. I]. Мефистофель нашего поэта не мелкій бѣсъ и не духъ сомнѣнія, оздоравливающій нашу жизнь своимъ всесокрушающимъ анализомъ. Онъ представитель вѣчнаго отвлеченнаго начала зла, безсмертнаго, присущаго во всемъ мірозданіи. У всѣхъ на глазахъ Мефистофель создаетъ свой міръ, онъ лжетъ добродѣтелью, молится преступленіемъ, убиваетъ своимъ поцѣлуемъ, онъ раздробляетъ свою великую душу и торжествуетъ. («Мефистофель въ пространствахъ»). Онъ издѣвается надъ добромъ, съ ироніей привѣтствуя его появленіе въ мірѣ, какъ необходимое условіе его собственнаго бытія и дѣятельности («На прогулкѣ»). Онъ радуется когда ему удается чѣмъ либо развратить человѣка и пробудить въ немъ злые инстинкты («Преступникъ»). Онъ къ тому же художникъ: есть цвѣтокъ имъ созданный и въ этомъ поэтическомъ цвѣткѣ заключены всѣ чары смерти и вся прелесть зла («Цвѣтокъ сотворенный Мефистофелемъ»). Власть Мефистофеля простирается надъ всѣми людьми и только одни идіоты спасены отъ него ничтожествомъ своего духа («Соборный сторожъ»).

То, что въ этихъ стихахъ представлено въ нѣсколько развязной формѣ выражено съ подобающей строгостью въ фантастической драмѣ «Элоа» (Т. II).

Г. Случевскій взялъ старый сюжетъ и оттѣнилъ въ немъ преимущественно мрачную сторону. Подъ его перомъ эта легенда

не столько печальный разсказъ о любви мрачнаго духа къ свѣтлому ангелу и о гибели этого ангела въ сѣтяхъ обольстителя, сколько доказательство закоренѣлости зла вообще и его невосприимчивости даже къ самымъ слабымъ добрымъ аффектамъ. Сатана г. Случевскаго — убѣжденный дуалистъ; онъ въ длинномъ глубокомысленномъ монологѣ излагаетъ свое ученіе о неразрывномъ союзѣ добра и зла въ мірѣ. Онъ считаетъ себя равнымъ Богу, второй равнозначущей потенціей. Но не такимъ считаетъ его Элоа, которая надѣется подчинить его прежней небесной іерархіи. Такой возвратъ сатаны на небо возможенъ при одномъ условіи — если его полюбитъ безсмертная. Эта безсмертная дѣйствительно его любитъ, но конечно небесной, духовной любовью. Иной она любить не можетъ. Сатана требуетъ однако отъ ангела плотской любви, на которую Элоа отвѣтить не въ силахъ. Безполая жрица оказывается сатанѣ ненужной и онъ остается по прежнему одинокимъ, удваиваетъ свою злобу и разражается ею со страшной силой надъ міромъ.

Слишкомъ чувственный мотивъ, оттѣненный г. Случевскимъ въ его поэмѣ, придалъ легендѣ нѣсколько своеобразный аллегорическій смыслъ. Зло не только восторжествовало, но даже въ моментъ встрѣчи съ ангеломъ любви не стало хоть на мгновеніе чище. Оно осталось такимъ, какимъ оно было—и только для смягченія слишкомъ мрачнаго колорита авторъ спасъ Элоа изъ рукъ ея соблазнителя и обѣ потенціи, и добрая, и злая не сдѣлали другъ къ другу ни шага.

Такая увѣренность автора въ силѣ злаго начала находитъ себѣ однако поправку въ его христіанской вѣрѣ. Христосъ стоитъ для него въ центрѣ всего міра; Онъ проникаетъ собою все, даже то, что повидимому меньше всего можетъ согласоваться съ Его святостью и любовью (Т. I. «Пѣсни изъ уголка» XXX). Христосъ прійдетъ, какъ Онъ приходилъ и какъ теперь приходитъ къ каждому изъ насъ въ жизни. Г. Случевскій нерѣдко описываетъ такія пришествія. Говоритъ ли онъ о какомъ нибудь частномъ случаѣ въ обыденной жизни, когда сила вѣры во Христа перero-

ждаетъ человѣка (см. напр. относящіяся сюда страницы романа «Виртуозы», а также разсказы «Воскресеніе» (Т. V), «Выстрѣлъ» (Т. V) или онъ рисуетъ великій историческій моментъ торжества христіанства (какъ напр. въ серіи разсказовъ, озаглавленныхъ «Въ великіе дни» (Т. V), онъ очень искрененъ и простъ въ своемъ разсказѣ. Повѣсть «Въ великіе дни», въ которой пересказана исторія Христова Воскресенія, по выдержанности настроенія и по стилистическому выполненію одно изъ лучшихъ произведеній нашего автора.

Какъ бы велика ни была сила зла, но этимъ сила добра не умалена.

Надо, чтобъ тьма опустилась. Какая? Не все ли равно?
Тьма ли могилы, тьма времени? — Только бы стало темно...
И проступаютъ тогда разгораясь въ коронахъ лучей,
Ярко на диво нежданно прозрѣвшихъ очей,
Цѣлыя сферы красотъ безконечно живыхъ,
Что бы безмолвно свѣтить въ ночь дѣяній людскихъ...

Такъ сквозь темное царство зла свѣтятъ въ мірѣ и лучи добраго свѣта.

Зло не фантастика, не миоъ, не отвлеченность!
Добро не звукъ пустой, не призракъ, не мечта!
Все древле-бывшее, вся наша современность
Полна ихъ битвами и кровью залита.
Ни взвѣсить на вѣсахъ, ни сдѣлать измѣренья
Добра и зла нельзя, на то нѣтъ средствъ и силъ.
Забавно прибѣгать къ чертамъ изображенья...
Зачѣмъ тутъ видимость, зачѣмъ тутъ воплощенья,
Явленья демоновъ, гдѣ медленно, гдѣ вдругъ,
Когда въ природѣ всей смыслъ каждаго движенья —
Явленье зла, страданье, боль, испугъ...
И даже чистыхъ думъ чистѣйшіе порывы
Порой отравой зла на смерть поражены,

И кажутся добры, привѣтливы, красивы
Всѣ ухищренія, всѣ козни сатаны.
Какъ свѣта лучъ, какъ мысль, какъ тяготѣнье,
Какъ холодъ и тепло, какъ жизнь цвѣтка, какъ звукъ —
Зло несомнѣнно есть. Свидѣтель — все творенье!..
Мѣняются года́, мечты, народы, лица,
Но вся земная жизнь, всѣ, всѣ ея судьбы —
Одна, единая, мельчайшая частица
Борьбы добра и зла и слѣдствій той борьбы.

Но и въ этой жизни столь безпомощной даетъ себя чувствовать иногда какая-то таинственная сила, необъяснимая Немезида, карающая все преступное. О такой Немезидѣ говоритъ нашъ авторъ, напр., въ своей романтической драмѣ «Землетрясеніе» (Т. II), гдѣ жертвой карающей судьбы становится какой-то довольно фантастическій отъявленный злодѣй, жизнь котораго полна всевозможныхъ преступленій и который наконецъ гибнетъ, засыпанный землей въ могилѣ погубленной имъ женщины.

Идея возмездія повторена и въ нѣкоторыхъ другихъ повѣстяхъ г. Случевскаго какъ напр. «Въ скудельницѣ» (Т. V), «Сосунъ» (Т. IV) и «Мой Дядя» (Т. V).

Ни пессимизмъ нашего автора, ни неизбѣжное разочарованіе, ни сознаніе всей силы и глубины вкоренившагося зла въ людяхъ, не отнимаютъ у него возможности радоваться мельчайшему факту, въ которомъ доброе начало даетъ себя чувствовать. Онъ самъ говоритъ:

Не трогаетъ меня: ни блескъ обычный дня,
Ни слезы неудачъ, ни шумъ успѣховъ разныхъ —
Равно мнѣ чуждые — не трогаютъ меня!
Но если предъ лицомъ обмановъ безобразныхъ
Вдругъ честность верхъ возьметъ, осилитъ доброта,
И рухнутъ козни зла въ ихъ нападеньи дружномъ,
Или себя въ конецъ измаетъ суета,

Обманутся мечты лукавства и въ ненужномъ
Слѣпомъ стремленіи насиліе надорветъ
Свою увѣренность — мнѣ кажется, что гдѣ-то
Изъ неизвѣстнаго и чуждаго намъ свѣта,
Какой-то голосъ пѣсню мнѣ поетъ...
И пѣснѣ той во слѣдъ глядишь духовнымъ окомъ
Въ невѣдомую даль невѣдомой страны,
Гдѣ воздыханій нѣтъ о близкомъ, о далекомъ,
Въ которой всѣ добры, всѣ искренно честны —
И вѣрится тогда, что можно, безъ сомнѣнья,
И въ этой жизни, здѣсь, хоть въ блескѣ отраженья
Хоть только въ чаяньи — найти на краткій срокъ
Забвенья тихаго завѣтный уголокъ.

Весьма важную роль въ этическомъ міросозерцаніи нашего автора играетъ чувство прощенія. Г. Случевскій часто настаиваетъ на этомъ чувствѣ, разсуждая правильно, что тотъ, кто приглядѣлся къ жизни, кто для многихъ своихъ чувствъ желалъ бы прощенія, тотъ пойметъ какъ всегда и вездѣ необходимо прощать другихъ (Т. I «Думы», стр. 9). То же говоритъ онъ и въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ стихотвореній (Т. I «Пѣсни изъ уголка» I):

Я домъ воздвигъ въ странѣ бездомной,
Рѣшилъ задачу всѣхъ задачъ,—
Пускай ко мнѣ, въ мой уголъ скромный,
Идутъ и жертва и палачъ...
Я вижу, знаю, постигаю,
Что всѣ должны быть прощены...

О необходимости прощенія въ жизни говоритъ нашъ авторъ часто и въ своихъ повѣстяхъ и поэмахъ. Женщина, мстящая за оскорбленіе всѣхъ своихъ святыхъ чувствъ, осуждена именно за то, что она мстила (Ересіархъ Т. III). Униженный и обиженный труженикъ, уже мертвый, останавливаетъ своего мстителя и какъ бы прощаетъ обидчика (Т. IV «Трещина»).

Обманутый мужъ прощаетъ женѣ и бросается на розыски ея незаконнаго сына (Т. III «Ларчикъ»). Даже для вины Робеспьера находится смягчающее обстоятельство (Т. I «Голова Робеспьера») и наконецъ одно изъ лучшихъ стихотвореній г. Случевскаго: «Послѣ казни въ Женевѣ» (Т. II) —

Тяжелый день... Ты уходилъ такъ вяло...
Я видѣлъ казнь: багровый эшафотъ
Давилъ, какъ будто бы, сбѣжавшійся народъ,
И солнце ярко на топоръ сіяло.
Казнили. Голова отпрянула, какъ мячъ!
Стеръ полотенцемъ кровь съ обѣихъ рукъ палачъ,
И красный эшафотъ поспѣшно разобрали,
И увезли и площадь поливали.
Тяжелый день... Ты уходилъ такъ вяло...
Мнѣ снилось: я лежалъ на страшномъ колесѣ,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости всѣ...
И я вытягивался въ пыткѣ небывалой
И ставъ звенящею, чувствительной струной,—
Къ какой то схимницѣ больной и исхудалой,
На балалайку вдругъ попалъ едва живой!
Старуха страшная меня облюбовала
И нервнымъ пальцемъ дергала меня,
«Коль славенъ нашъ Господь», тоскливо напѣвала,
И я ей вторилъ жалобно звеня!..—

развѣ оно не есть жалоба на отсутствіе этого прощенія въ мірѣ, жалоба, пропитанная насквозь безпощадной ироніей надъ мнимой человѣческой справедливостью?

При такомъ морализирующемъ направленіи въ своемъ творчествѣ г. Случевскій, конечно, долженъ былъ неоднократно являться въ роли сатирика и обличителя. Въ цѣломъ рядѣ бытовыхъ повѣстей и романовъ, онъ дѣйствительно указываетъ

на многія нравственныя аномаліи въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. «Весь интеллигентъ начинаетъ виртуозничать», говоритъ нашъ авторъ въ одномъ мѣстѣ («Виртуозы») и въ поясненіе этой мысли онъ пишетъ два большихъ романа, въ которыхъ указываетъ на уклоненіе этого интеллигента отъ общепризнанныхъ правилъ честности, порядочности и нравственности. Романы озаглавлены: «Виртуозы» и «Застрѣльщики» (Т. VI). Сюжетъ одного взятъ изъ дворянскаго и военнаго быта, сюжетъ второго изъ жизни промышленниковъ. Это самыя крупныя по размѣрамъ произведенія г. Случевскаго, но я не отнесу ихъ къ лучшимъ. Они разсказаны занимательно, читаются, за исключеніемъ разсужденій, съ интересомъ, въ нихъ есть ироніи и злость, много нѣжныхъ, задушевныхъ сценъ, написанныхъ во славу торжествующей добродѣтели, но я сказалъ бы, что ихъ дѣйствующія лица лишены той типичности высшаго порядка, которая придаетъ созданному образу полную художественную правдивость и жизненность. Типы либо мало характерны, обыденны, либо недостаточно ярко очерчены; въ общемъ картина жизни мало рельефная, не говоря уже о томъ, что общественный смыслъ этой сатиры не новъ и незначителенъ.

Къ числу такихъ же очерковъ и набросковъ, въ которыхъ обнаружена виртуозность современнаго интеллигента относятся и разсказы «Око за око» (Т. IV), «Кто лгалъ?», «Приглядитесь къ ней», «Безъ хозяйки» (Т. V). Во всѣхъ этихъ очеркахъ тѣ же достоинства и тѣ же недостатки, что̀ и въ большихъ романахъ.

Мнѣ кажется вообще, что область сатиры и въ особенности юмора не та сфера, въ которой нашъ авторъ чувствуетъ себя вполнѣ дома. Пусть читатель обратитъ вниманіе на такіе разсказы, какъ напр. «Идолъ», «Грамматическая сказка», «Два спдоровыхъ», «Ищутъ клоуновъ», «Человѣкъ и картоны» въ IV-мъ томѣ или пусть онъ перелистуетъ сборникъ стихотвореній, озаглавленный «Изъ дневника односторонняго человѣка» (Т. I), онъ убѣдится, насколько у нашего автора веселый и шутливый

или саркастическій взглядъ на жизнь уступаетъ серьезному взгляду. Присущая г. Случевскому способность всегда смотрѣть на жизнь съ высоты не позволяетъ или мѣшаетъ ему уловить тѣ тонкія комическія стороны, которыя такъ цѣнны для сатирика и юмориста. Юмористъ и сатирикъ пользуются такими сторонами, чтобы оттѣнить весь ихъ глубокій и серьезный смыслъ. Г. Случевскій съ самаго начала погруженъ въ созерцаніе этого глубокаго смысла и взглядъ его только скользитъ по комическому и пошлому.

* * *

Если гдѣ нашъ авторъ всего болѣе поэтъ, такъ это въ своихъ описаніяхъ природы и въ картинахъ изъ простонароднаго быта. И жизнь природы, и жизнь народа для него двѣ области, въ которыхъ онъ находитъ удовлетвореніе для самыхъ дорогихъ ему чувствъ: въ природѣ такъ много красоты, а въ народной душѣ такъ много не сразу понятаго, гуманнаго и религіознаго.

Въ стихотвореніяхъ г. Случевскаго много описаній природы. Основной тонъ, въ которомъ эти картинки и пейзажи выдержаны, очень ровный и спокойный. Вездѣ чувствуется, что природа для него великая утѣшительница, какой она была для многихъ, болѣвшихъ разными сложными вопросами жизни и духа. Гдѣ меньше культуры и гдѣ больше непосредственности, гдѣ меньше чувствуется колебанія людского ума и сердца и гдѣ во всей красѣ выступаетъ великая тайна творенья, тамъ дышется какъ то легче.

Покой и тишина убаюкиваютъ мысль и подсказываютъ человѣку музыкальныя и спокойныя строфы. Весь просторъ, вся ширь природы принадлежитъ человѣку, умѣй онъ только сжиться съ ней и взглянуть на нее глазами простаго созерцателя (Т. I, «Пѣсни изъ уголка» LXIV). Природа вездѣ полна красоты во всѣ времена года и во всякомъ нарядѣ, начиная отъ блестящихъ красокъ юга и кончая сѣвернымъ сумракомъ, и днемъ, и ночью.

У г. Случевскаго нѣтъ излюбленныхъ пейзажей, кото-

рые бы онъ вырисовывалъ, повинуясь какому нибудь одному настроенію. Можно сказать, что не пейзажъ зависитъ отъ его настроенія — какъ это не рѣдко бываетъ у субъективныхъ поэтовъ, а наоборотъ въ самомъ поэтѣ пейзажъ возбуждаетъ разнородныя настроенія. Вотъ почему его картины природы такъ разнообразны. Такими онѣ являются въ его стихотвореніяхъ озаглавленныхъ «Изъ природы», «Черноземная полоса» (Т. I), «Въ пути» (Т. II), «Пѣсни изъ уголка» (Т. I). Изображаетъ ли онъ деревню во время народной страды или просто какой нибудь дачный пейзажъ, или далекіе пустынные берега Сѣверной Двины, Заонежья, «гдѣ только стопъ телеграфной проволоки напоминаетъ о людскихъ страданіяхъ», изображаетъ ли онъ величавый покой Волги съ ея пѣснями, или горные ледники — вездѣ онъ простъ и искренъ и даже стихъ его, въ общемъ нѣсколько тяжелый, становится легкимъ и гармоничнымъ. Авторъ умѣетъ какъ-то заслонить себя пейзажемъ, и въ этомъ, мнѣ кажется, тайна того поэтическаго впечатлѣнія, какое производятъ его описанія. Я въ особенности оттѣню его «Мурманскіе отголоски» (Т. I) — рядъ картинъ сѣверной природы, которыя, помимо указанныхъ достоинствъ, представляютъ изъ себя новое оригинальное явленіе въ нашей литературѣ. Наконецъ, я остановлю главнымъ образомъ вниманіе читателя на тѣхъ страницахъ поэмы «Въ снѣгахъ» (Т. III), гдѣ дано описаніе зимней ночи и наступленія весны. Рѣдко приходится читать описаніе болѣе богатое поэтическими оттѣнками.

Въ силу тѣхъ же психическихъ мотивовъ, которые побуждаютъ г. Случевскаго такъ любить природу, онъ, интеллигентный аристократъ, любитъ бытъ простонародья.

* * *

Нашъ писатель — патріотъ и даже слегка съ славянофильскимъ оттѣнкомъ (см. напр. стихотворенія: «Два царя» и «Корона Патріарха Никона», Т. II). Но не этотъ патріотизмъ — замѣчу, очень умѣренный, далекій отъ всякихъ военныхъ трубъ, угрозъ

и самомнѣнья — заставляетъ его такъ часто говорить о народѣ и искать въ его жизни разрѣшенія многихъ сомнѣній. Нравственно религіозный взглядъ народа на жизнь — вотъ что поднимаетъ въ его глазахъ простонародную жизнь на такую высоту. Нашего автора всего болѣе интересуютъ сложныя психологическія задачи, рѣшаемыя такъ просто народнымъ умомъ и сердцемъ. Можно думать, что онъ иногда нарочно подбираетъ такія задачи и драматическія ситуаціи, чтобы въ сосѣдствѣ съ ними проиграли аналогичныя имъ положенія, взятыя изъ жизни интеллигентныхъ классовъ. Но такой преднамѣренности у него нѣтъ, до того искренно, правдиво и непринужденно разработаны имъ эти мотивы изъ народной жизни.

«У народной массы есть яркое, удивительно простое очертаніе основныхъ хорошихъ инстинктовъ», говоритъ г-нъ Случевскій въ одномъ изъ своихъ романовъ, и онъ выслѣживаетъ эти хорошіе инстинкты при всевозможныхъ случаяхъ. Такихъ случаевъ представляется не мало — и въ бытѣ рабочаго люда на фабрикѣ (см. въ романѣ «Застрѣльщики» описаніе волненія, во время котораго масса обнаруживаетъ тонкое чувство справедливости и мѣры) и въ бытѣ духовенства (см. стихотвореніе «Дьячокъ», Т. II, въ особенности поэму «Попъ Елисей», Т. III)—эту трогательную повѣсть о любви одного священника къ деревенской львицѣ, повѣсть, оканчивающуюся опять-таки очень характерной картиной народнаго движенія) и наконецъ въ бытѣ крестьянскомъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ «Мурманскихъ очеркахъ» (Т. IV) и въ поэмѣ «Въ снѣгахъ» (Т. III) г. Случевскій всего подробнѣе останавливается на этомъ бытѣ. Онъ рисуетъ типы почти совсѣмъ не разработанные въ нашей литературѣ — типы дальняго сѣвера, т. е. края, наиболѣе отдаленнаго отъ всякой цивилизаціи. И «Мурманскіе очерки» и въ особенности поэма «Въ снѣгахъ» принадлежатъ къ лучшему, что̀ создано г. Случевскимъ. Главное достоинство этихъ народныхъ разсказовъ — ихъ необычайная безыскусственность, при очень тонкомъ психологическомъ анализѣ душевныхъ

движеній, а также мѣстный колоритъ—выдержанный, художественно подсмотрѣнный и возсозданный. Возьмемъ напр. такіе «Мурманскіе разсказы» какъ «Черная буря» или «Безымень» — разсказы собственно говоря безъ опредѣленнаго содержанія простые наброски—какъ они реальны и какъ въ нихъ схвачены въ немногихъ словахъ народная физіономія и міросозерцаніе!

Еще болѣе колоритнымъ повѣствователемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искуснымъ психологомъ является нашъ авторъ въ разсказахъ «Передъ закрытыми глазами» и «Моленье вѣтру» — въ этихъ двухъ сѣверныхъ любовныхъ идилліяхъ, въ которыхъ нѣжность и тонкость чувства дѣйствующихъ лицъ такъ рельефно выступаютъ на сумрачномъ дикомъ фонѣ сѣвернаго быта и природы. Такой контрастъ холодной, почти безчувственной, обстановки и грубаго внѣшняго облика дѣйствующаго лица съ его глубокимъ и тонкимъ чувствомъ проведенъ и въ поэмѣ «Въ снѣгахъ» — въ этой эпопеѣ съ религіознымъ оттѣнкомъ, въ которой авторъ рисуетъ такъ правдиво, съ одной стороны пробужденіе перваго луча пытливой мысли и нравственнаго сознанія въ совершенно некультурномъ человѣкѣ, а съ другой страшную силу воли и крѣпость этого нравственнаго чувства въ сердцѣ простой необразованной женщины, которая живетъ одной только мыслью объ искупленіи, своего быть можетъ невольнаго, грѣха.

При такомъ взглядѣ на народную жизнь, какъ на сокровищницу примѣровъ истинно религіознаго и нравственнаго отношенія человѣка къ себѣ, міру и ближнему, неудивительно, что нашъ авторъ говоритъ съ торжественнымъ радостнымъ чувствомъ о днѣ 19-го Февраля и о связанной съ этимъ днемъ великой исторической эпохѣ.

Въ очень характерной повѣсти въ стихахъ, озаглавленной «Бывшій князь» (Т. III) г. Случевскій касается двухъ основныхъ моментовъ въ исторіи сближенія нашей интеллигенціи съ народомъ. Это единственная поэма, въ которой нашъ авторъ имѣетъ дѣло съ широкой общественной темой. Его герой интеллигентъ княжескаго рода. Свидѣтель и участникъ движенія

60-тыхъ годовъ, онъ былъ захваченъ политической волной того времени, подпалъ подъ власть «непровѣренныхъ идей», потерялъ въ этомъ волненіи все для себя дорогое и наконецъ отъ надвигавшейся грозы бѣжалъ за-границу. Разочаровавшись въ Западѣ, въ особенности въ показной сторонѣ его либерализма, увидавъ, какъ этотъ либеральный строй «сосетъ работника», князь, по совѣту одного развѣнчаннаго и опростившагося короля, съ которымъ его судьба столкнула, возвращается въ Россію, къ плугу, къ пашнѣ, отказывается отъ своего княжескаго титула, покупаетъ себѣ маленькое имѣнье, обрабатываетъ землю, осушаетъ болота, однимъ словомъ уходитъ въ народъ, но не съ цѣлью его учить, а для того, чтобы у него поучиться наукѣ жизни.

Я не стану разбирать вопроса, на сколько типиченъ этотъ князь — свидѣтель и участникъ двухъ такихъ знаменательныхъ моментовъ въ нашей жизни какъ эпоха реформъ и годы хожденія въ народъ. Быть можетъ, г. Случевскій и не имѣлъ въ виду рисовать такого исчерпывающаго типа, а взялъ простой и частный случай. Въ поэмѣ важенъ не главный дѣйствующій герой, а оцѣнка той обстановки, въ которой ему приходится дѣйствовать. Важна оцѣнка и характеристика 60-ыхъ годовъ, «великой эры народнаго обновленія», о которой г. Случевскій говоритъ въ своей поэмѣ такъ тепло и возвышенно; важно, что въ изображеніи власти «непровѣренныхъ идей» нашъ авторъ соблюлъ художественную мѣру, и что въ концѣ концовъ онъ увидалъ разгадку жизни (для своего героя, конечно) въ идеалѣ простой трудовой жизни, скромной и безвѣстной, какой живетъ наша народная масса. Согласимся ли мы съ этимъ рѣшеніемъ, да и согласенъ ли съ нимъ вполнѣ самъ авторъ — это вопросъ иной. Я хотѣлъ только указать на то, какъ часто онъ — цивилизованный человѣкъ—готовъ преклониться передъ простымъ народнымъ умомъ и сердцемъ.

* * *

Таковъ въ общихъ чертахъ запасъ мыслей, чувствъ и настроеній въ творчествѣ г. Случевскаго. Этотъ запасъ, какъ видимъ, богатъ и разнообразенъ и не одинъ изъ современныхъ поэтовъ не можетъ поспорить съ нашимъ авторомъ въ обиліи развиваемыхъ имъ темъ и мотивовъ. Такое разнообразіе содержанія требовало для себя и соотвѣтственнаго богатства формы. Конечно, если только судить по разнообразію видовъ и размѣровъ этой формы, то она не оставляетъ желать ничего лучшаго. Начиная отъ пѣсни въ народномъ стилѣ, кончая аллегорической драмой въ стихахъ, начиная отъ мелкаго живо разсказаннаго анекдота до длиннаго романа — всѣ виды стихотворной и прозаической рѣчи использованы нашимъ авторомъ и часто съ большимъ успѣхомъ (слабѣе всего по формѣ его драматическіе этюды, см. напр. «Бунтъ» и «Землетрясеніе» (Т. II). Но въ общемъ на этой формѣ, и прозаической, и стихотворной нѣтъ печати, которая выдѣляла бы г. Случевскаго, какъ мастера слова, изъ ряду другихъ нашихъ крупныхъ писателей. Кромѣ того, въ стихотворной рѣчи нашего автора есть нѣкоторые недочеты частнаго характера; чувствуется, напр., недостатокъ музыкальности, попадаются прозаическія сравненія, необычныя ударенія, проскальзываютъ не у мѣста русскія простонародныя выраженія, которыя сбиваютъ стихотвореніе съ тона. Я не буду приводить примѣровъ и мнѣ повѣрятъ, что въ шести томахъ любого автора такихъ ошибокъ можно найти не мало.

Гораздо важнѣе другой недостатокъ и онъ относится уже не къ внѣшней, а къ внутренней формѣ творчества г. Случевскаго. Въ его поэзіи ощущается иногда недостатокъ силы, силы чувства, мысли, образности, въ особенности замѣтный въ виду серьезности и важности затрагиваемыхъ имъ вопросовъ. Часто не поэтъ владѣетъ темой, а она имъ, и авторъ безсиленъ покорить себѣ читателя.

Впрочемъ о поэтѣ должно судить по произведеніямъ, говорящимъ о той высотѣ, на которую онъ способенъ подняться, а не

по тѣмъ, которые указываютъ, что съ этой высоты онъ способенъ и спуститься. Если, придерживаясь этого правила, судить о поэзіи г. Случевскаго, то прійдется указать на цѣлый длинный рядъ произведеній, и художественныхъ, и сильныхъ. Къ числу такихъ я отнесъ бы большую часть «Думъ» (Т. III), «Не трогаютъ меня», «Миѳъ», «Въ деревнѣ», «Шли путемъ невѣдомымъ» (Т. I, «Лирическія»), «Мурманскіе отголоски» (Т. I). Многія «Пѣсни изъ уголка» (Т. I), «Статуя», «Мемфискій жрецъ», «Въ пути», «Послѣ казни въ Женевѣ» (Т. II), «Призракъ», «Въ снѣгахъ», «Попъ Елисей» (Т. III) и Мурманскіе очерки (Т. V) и др.

Повторю вкратцѣ все сказанное.

Поэтъ старшаго поколѣнія, г. Случевскій сохранилъ и до нашего времени свѣжесть творчества. Это творчество, богатое самыми разнообразными мыслями, чувствами и настроеніями, не утрачиваетъ живого интереса, въ виду широты своего поэтическаго кругозора, а также въ виду того, что нашъ поэтъ не столько присматривается къ деталямъ жизни, сколько судитъ о ней съ общихъ точекъ зрѣнія. Онъ всего чаще поэтъ мысли; въ явленіяхъ внѣшней жизни или внутренняго психическаго міра онъ стремится вычитать общій смыслъ и разнообразіемъ изображаемыхъ положеній и картинъ указываетъ на все богатство этого смысла, недопускающаго односторонняго толкованія. Поэтъ съ явнымъ тяготѣніемъ къ міру таинственнаго, эстетикъ и моралистъ съ опредѣленной нравственной программой, г. Случевскій умѣетъ объединить въ своемъ творчествѣ всѣ эти различныя точки зрѣнія на жизнь, не принося ни одной изъ нихъ въ жертву другой.

Наибольшую цѣнность имѣютъ тѣ изъ произведеній нашего автора, въ которыхъ онъ является, если можно такъ выразиться, — лирикомъ мысли (см. напр. его «Думы») и затѣмъ имъ противоположныя, въ которыхъ онъ не размышляя отдается безхитростному эстетическому созерцанію природы и простыхъ

бытовыхъ картинъ изъ жизни простонародной. Цѣнность первыхъ измѣряется ихъ оригинальностью, цѣнность другихъ — ихъ искренностью и жизненной правдивостью.

Все это богатое содержаніе облечено г. Случевскимъ въ очень разнообразную поэтическую форму, которая по внутреннему своему достоинству, если и не всегда соотвѣтствуетъ важности и глубинѣ затронутаго вопроса, то не рѣдко достигаетъ дѣйствительно высокой степени художественности.

Послѣ того, какъ старики-художники, носители традицій 40-ыхъ и 60-тыхъ годовъ, сошли со сцены, наши писатели за весьма немногими исключеніями пошли по двумъ дорогамъ. Съ одной стороны мы видимъ, какъ наша изящная словесность, отклоняясь отъ обобщающаго художественнаго взгляда на жизнь, пропитывается насквозь житейской мелочью, создаетъ не типы, а фотографируетъ положенія; съ другой стороны мы видимъ, какъ въ погонѣ за «новыми» высшими взглядами, разыскивая «новую» красоту и подчиняя ей одной все остальное, наша литература все больше и больше становится чуждой жизни: художникъ начинаетъ чувствовать себя совершенно одинокимъ и лишнимъ среди окружающаго и тѣ, къ кому художникъ обращается, никакъ не могутъ понять, чего именно ему хочется, зачѣмъ онъ существуетъ, онъ, который, повидимому, такъ преисполненъ всякаго презрѣнія къ людямъ, а на дѣлѣ такъ чувствителенъ къ успѣху. Съ одной стороны художникъ изображаетъ деталь жизни безъ всякой связи съ общей ея сущностью, съ другой онъ стремится изображать лишь мимолетныя личныя эстетическія эмоціи, смотря на жизнь уже не съ высоты, а свысока.

Поставленная среди этихъ направленій, поэзія г. Случевскаго получаетъ особое значеніе. Она показываетъ, какъ, сохраняя тонкое эстетическое чувство и способность цѣнить въ жизни не одну лишь ея видимую и временную стоимость, можно остаться

не только созерцателемъ мимолетныхъ явленій, но и судьей ихъ, т. е. ихъ участникомъ.

Поэзія г. Случевскаго одинаково далека отъ индифферентнаго эстетизма и отъ слишкомъ на интересъ бьющаго реализма. Нашъ поэтъ сталъ къ жизни не на такое далекое разстояніе, чтобы, оглядываясь кругомъ, не увидать ничего, кромѣ пустого пространства и своей собственной особы, и онъ не сталъ къ ней также на столько близко, чтобы видѣть лишь одну какую-нибудь деталь. У него есть чему поучиться въ наше время миніатюрныхъ фотографій и туманныхъ пятенъ въ литературѣ.

Я думаю, что Второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ поступитъ справедливо, если увѣнчаетъ поэзію г. Случевскаго полной пушкинской преміей.

Н. Котляревскій.

III.

О. Н. Чюмина (Михайлова). Стихотворенія (1892—1897 гг.).

Сборникъ стихотвореній г-жи Чюминой распадается на двѣ неравныя части: — оригинальныя стихотворенія составляютъ едва треть сборника, большая часть котораго посвящена переводамъ изъ иностранныхъ поэтовъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи не всѣ изъ переводовъ представляются дѣйствительно переводами: зачастую это лишь болѣе или менѣе самостоятельныя переложенія на мотивы, заимствованные отъ иностранныхъ поэтовъ, переложенія или какъ бы пересказы «своими словами», при чемъ достоинства и недостатки оригинальныхъ произведеній автора выступаютъ довольно рельефно и въ переводахъ, придавая имъ особую окраску. Иногда г-жа Чюмина такъ вольно переводитъ, что представляется даже затруднительнымъ признать тотъ или другой оригинальный текстъ, который могъ служить ей источникомъ у указываемаго ею поэта. И обратно, въ отдѣлѣ оригинальныхъ стихотвореній — экзотическіе мотивы весьма часты, то въ заглавіяхъ (Traumbilder, Serenade d'automne, Humoresquen и т. п.), то въ содержаніи (Провансальскіе мотивы: менестрель, Châtêlaine, Провансальская баллада, Испанская поэма (Три любви), Поэма XVIII вѣка (Осенніе листья); Въ старомъ замкѣ и проч.). Получается какъ бы особый жанръ русско-ино-

странныхъ произведеній, т. е. русскихъ по обработкѣ, иностранныхъ по сюжетамъ, по основному мотиву, отчасти по романтическому настроенію, которое въ нихъ рѣшительно преобладаетъ. «Но понятнѣй рѣчь былаго — всѣхъ на свѣтѣ голосовъ», — выразилась г-жа Чюмина въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, а «былое», прошлое, какъ извѣстно, всегда нѣсколько романтично. Авторъ весьма удачно обозначилъ одинъ изъ отдѣловъ первой части сборника «Миніатюры». Это заглавіе опредѣляетъ и характеръ таланта г-жи Чюминой, таланта не яркаго, но симпатичнаго въ своей предѣльности, всего удачнѣе справляющагося съ небольшими картинками лирико-повѣствовательнаго характера, въ которыхъ не требуется сильнаго рельефа, смѣлаго размаха, чеканной фразы: плавный стихъ, нѣсколько деталей, изящно переданныхъ, и общее настроеніе, мечтательно грустное, — вотъ главныя свойства поэзіи г-жи Чюминой. Эта поэзія не нова — ни по темамъ, ни по формѣ выраженія, но свидѣтельствуетъ объ извѣстной сердечной чуткости и отзывчивости. Къ поэтическому чувству г-жи Чюминой можно примѣнить слѣдующую ея же собственную характеристику первой любви:

Не порывомъ страсти, бурнымъ и мятежнымъ,
Какъ лѣсныя грозы, — было чувство это:
Отъ него мнѣ вѣетъ чѣмъ-то милымъ, нѣжнымъ,
Чѣмъ-то гармоничнымъ, какъ мечта поэта.

И отъ стихотвореній автора тоже вѣетъ «чѣмъ то милымъ, нѣжнымъ, чѣмъ-то гармоничнымъ» — и все это очень не дурно въ извѣстныхъ предѣлахъ. Когда же авторъ настраиваетъ свою лиру въ высокомъ тонѣ, то образы нѣсколько расплываются, въ выраженіяхъ досадливая недосказанность, которая приводитъ къ недоразумѣніямъ. Такъ, напримѣръ, въ первомъ же стихотвореніи, «На стражѣ», съ котораго открывается сборникъ, непонятно кого и что собственно имѣлъ въ виду авторъ въ первой вопросительной строфѣ, и какой общій выводъ пьесы:

Сказать прости всѣмъ обольщеньямъ жизни,
Гдѣ злобствуемъ и боремся, и лжемъ,
Найти пріютъ въ невѣдомой отчизнѣ
За рубежомъ?

Итакъ смерть или добровольное изгнаніе. Слѣдующая строфа не разъясняетъ первой, съ которой не вяжется и заключеніе:

Но души есть, гдѣ истина все та-же,
Гдѣ тотъ-же свѣтъ божественной любви,—
И если вы, стоящіе на стражѣ,
Погасите свѣтильники свои,
И если вы бѣжите съ поля брани, —
Кто въ сумеркахъ, сгустившихся кругомъ,
Укажетъ намъ невѣдомыя грани,
Различье межъ добромъ и зломъ?
Кто воскреситъ забытые восторги
Возвышенно прекрасныя мечты,
И отъ толпы, бушующей на торгѣ —
Насъ приведетъ къ святынѣ красоты?

Послѣдняя строфа:

Пусть небеса удушливы и мрачны;
Чѣмъ гуще тьма — тѣмъ путнику нужнѣй
Сіяющій во тьмѣ огонь маячный,
Отрадный свѣтъ сторожевыхъ огней. —

Замѣтимъ прежде всего во второй строфѣ неудачное выраженіе: «души, гдѣ истина всета-же»: во-первыхъ, — *гдѣ* уже и въ первой строфѣ врядъ-ли умѣстно примѣнено по отношенію къ жизни, какъ понятія отвлеченнаго, а не обозначенія мѣста; нарѣчіе мѣста не подходитъ и къ слову «душа», хотя бы не въ отвлеченномъ, а въ конкретномъ смыслѣ, вмѣсто, люди. Не принято говорить:

человѣкъ, гдѣ.... вм. въ которомъ...; во 2-хъ, истина «все та-же» представляется какой-то двусмыслицей, — ибо не бываетъ перемѣнныхъ истинъ. Въ 3-хъ, выраженіе — «вы, стоящіе на стражѣ» грамматически относится къ «душамъ» и получается некрасивое сочетаніе — «души, стоящія на стражѣ». Но, за отстраненіемъ этихъ шероховатостей, вся пьеса представилась бы понятнѣй, если выпустить совсѣмъ первую строфу. Иначе, какой общій выводъ? Задаетъ вопросъ кто-то, очевидно, не причисляющій себя къ «стоящимъ на стражѣ» такъ какъ онъ оговаривается — «но души есть»... и далѣе «насъ приведетъ»... И если авторъ приходитъ къ заключенію, что только «стоящіе на стражѣ» не имѣютъ права сказать «прости всѣмъ обольщеньямъ жизни», то остальнымъ это какъ бы разрѣшается. Выводъ этотъ можетъ показаться неожиданнымъ и для автора, который врядъ-ли имѣлъ его въ виду, но мы придерживаемся непосредственнаго смысла, обусловленнаго неясностью выраженій, а можетъ-быть и нѣкоторой непроясненностью самаго замысла. Между тѣмъ, смыслъ въ пьесѣ, конечно, есть: минутное уныніе автора, собравшагося погасить свой свѣтильникъ, заставляетъ его вникнуть въ общій строй жизни; о себѣ онъ тотчасъ забываетъ, лишь бы его уныніе не охватило тѣхъ, которые намъ свѣтятъ во тьмѣ «огнемъ маячнымъ». Къ нимъ авторъ и обращается какъ-бы съ призывомъ — «бодрствовать» самимъ и вести другихъ за собой; — но вѣдь обо всемъ этомъ приходится догадываться, наперекоръ прямому выводу, подающему поводъ, какъ мы видѣли, къ двусмысленному толкованію. Это произведеніе не изъ удачныхъ по формѣ; какъ увидимъ ниже, тотъ же недостатокъ неясныхъ очертаній, смѣшенія образовъ, которые авторъ недостаточно отчетливо *видитъ*, обнаруживаетсяи въ переводахъ, ослабляя тѣмъ впечатлѣніе подлинника.

Въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ онъ проявляется не разъ. Напримѣръ, во второмъ изъ Traumbilder — «Наканунѣ увяданія» — картина осени, какъ то отожествленной то съ самой природой, то съ ея уборомъ, даетъ весьма смутный образъ:

Цвѣтущій лугъ ужъ дважды скошенъ
И обмелѣла глубь озеръ,
Но такъ сіяющъ и роскошенъ
Природы царственный уборъ;
Такъ ослѣпительны въ немъ краски
Такая жизни полнота,
Такая прелесть тихой ласки
Въ *ея* улыбкѣ разлита.

Рѣчь шла объ уборѣ («въ немъ»), но неожиданно съ нимъ отожествлена сама природа («въ ея улыбкѣ») и въ заключеніи остается лишь образъ послѣдней — «какъ будто смерти дуновенья надъ нею не было и нѣтъ». Конечно нѣтъ и быть не можетъ. Мы допускаемъ образныя, или антропоморфическія выраженія — «природа спитъ, улыбается, дремлетъ» и т. п., — но «смерть природы» это слишкомъ далеко зайти; природа вѣчна, и на нашъ взглядъ умѣстнѣе было бы остановиться на гибели ея «царственнаго убора»; а главное, что образъ двоится, мы не можемъ уловить его.

Въ другихъ случаяхъ тотъ-же авторъ достигаетъ лучшихъ результатовъ и сравненія попадаются весьма удачныя, именно въ описаньяхъ природы:

Напр. I. Въ блѣдной лазури осенняго солнца сіянье —
Словно улыбка на мертвомъ прекрасномъ лицѣ.

II. Поникнувъ уныло вѣтвями — шумитъ растревоженный боръ,
Осенними плачетъ слезами — Небесъ омраченныхъ просторъ.
Какъ сумракъ и смерть неизбѣжны — Струятся они сквозь туманъ,
Какъ старость они безнадежны, — Печальны, какъ счастья обманъ.

Отмѣтимъ еще въ «Осеннихъ мелодіяхъ»:

Земля въ разцвѣтѣ силъ и пышной красоты,
И только кое-гдѣ своею желтизною,
Какъ преждевременной, печальной сѣдиною —
Смущаютъ взоръ поблекшіе листы.

Это нѣсколько напоминаетъ поэзію и — Тютчева, и Баратынскаго, но во всякомъ случаѣ красиво и не безъ задушевности. Но сравненія вообще, говоря, легче чѣмъ образное мышленіе. Въ отдѣлѣ «Откликовъ» помѣщено стихотвореніе, которое до извѣстной степени характеризуетъ эту неясность образнаго мышленія, вслѣдствіе котораго и приводимыя сравненія у нашего автора какъ бы лишены доказательности:

Если снѣжныя вершины
Озаритъ весенній лучъ,
Разорвавъ снѣговъ плотины,
Хлынутъ съ силою въ долины
Воды съ кручъ.

Если думы и волненья
Въ сердцѣ зрѣютъ, какъ зерно,
Имъ излиться въ пѣснопѣнья
Суждено.

Въ первой строфѣ — «весенній лучъ» провозвѣстникъ освобожденія природы. Во второй ему приравнивается: мысль—зерно, которое, созрѣвъ, дастъ ростокъ. Это понятно. Но третья и четвертая строфы логически не вытекаютъ изъ первыхъ двухъ:

Если, плѣнъ снося суровый,
На цѣпи орелъ живетъ, —
Онъ когда-нибудь оковы
Разорветъ.

И когда нигдѣ просвѣта
Не видать, и мракъ глубокъ —
Можетъ быть пророчитъ это,
Что желанный мигъ разсвѣта
Недалекъ.

Если орелъ живетъ на цѣпи, то отсюда не явствуетъ, что онъ разорветъ оковы, и когда мракъ глубокъ — самъ по себѣ онъ не является показателемъ близкаго разсвѣта. Во всякомъ случаѣ тутъ получается несоотвѣтствіе параллелизма, т. е. «цѣпи» па-

раллельны «весеннему лучу», а «мракъ» — «мысли». Образность настроенія, служащаго содержаніемъ этого стихотворенія, лишена отчетливости и чтобы добиться смысла, нужно бы перефразировать совершенно иначе двѣ послѣднія строфы. Кстати по поводу орла, въ другомъ стихотвореніи (Орелъ, стр. 92), авторъ самъ указываетъ, что, когда «цѣпи приковали» орла—ему врядъ ли удастся разорвать оковы:

И тщетно могучія силы
Въ борьбѣ недостойной губя,
Ты видишь во мракѣ могилы
Желанный исходъ для себя.

Конечно, настроеніе поэта подвержено колебаніямъ: сегодня ему покажется, что если орелъ сидитъ на цѣпи, то значитъ онъ разорветъ цѣпь, а завтра наоборотъ, но въ такомъ случаѣ предпочтительнѣе, прибѣгая къ сравненіямъ, придерживаться реальныхъ чертъ, т. е. въ первомъ случаѣ — или внести подробность въ pendant къ «лучу», или оговорку, хотя-де орелъ и на цѣпи, но *можетъ быть* онъ освободится, какъ въ послѣдней строфѣ, гдѣ вставное «можетъ быть» спасаетъ недоказательность пророческаго мрака.

Непонятно намъ и стихотвореніе «Утренняя звѣзда» (стр. 17): глядя на утреннюю звѣзду, поэтъ уносится мыслью туда, «гдѣ мерцаетъ, блѣднѣя съ разсвѣтомъ, одинокому та-же звѣзда». Затѣмъ, печаль о быломъ «безъ возврата», и заключенье:

Не сіянія блѣдныхъ лучей
Одинокой звѣзды предразсвѣтной —
Вдохновеньемъ согрѣтыхъ рѣчей
Жаждетъ сердце во мглѣ непривѣтной
Этихъ первыхъ холодныхъ лучей.

Все это какъ-то не связно: кто-то «одинокій», смотрящій на ту-же звѣзду, что и поэтъ; былое, отошедшее невозвратно «въ туманную даль»; и жажда вдохновенныхъ рѣчей взамѣнъ пред-

разсвѣтныхъ лучей. Настроеніе смутно и передано въ смутномъ образѣ. Врядъ-ли чье сердце жаждетъ «сіянія блѣдныхъ лучей», ради нихъ самихъ, и посему ихъ замѣна — рѣчами, согрѣтыми вдохновеньемъ, — представляется нѣсколько неожиданной.

Вполнѣ признавая, что лирическое чувство можетъ передаваться порой въ неясныхъ, смутныхъ образахъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что у поэта съ сильнымъ образнымъ мышленіемъ недосказанность въ большинствѣ случаевъ представляется лишь кажущейся: отдѣльные штрихи, черточки могутъ быть соединены и представить цѣльный, даже пластичный образъ, если захотѣть подвергнуть провѣркѣ подразумѣваемое. Это подразумѣваемое, недосказанное можетъ оказаться и «выше словъ», т. е. непередаваемымъ словами, но во всякомъ случаѣ, даже при накопленіи и чередованіи образовъ, должна быть наблюдена въ нихъ внутренняя или иносказательная логичность. Мы увидимъ при разборѣ переводовъ г-жи Чюминой, что именно недостаточная вдумчивость въ сущность и очертанія того или другого образа, созданнаго поэтомъ, является главнымъ недостаткомъ передачи ихъ съ иностраннаго на родной языкъ. За всѣмъ тѣмъ, и въ отдѣлѣ самостоятельныхъ произведеній есть удачныя стихотворенія, чисто лирическія — (напримѣръ, «У моря» I; изъ зимняго альбома, 4 и др.) или вышеуказанныя лирико-эпическія небольшія поэмы (напр. «Осенніе листья»). Но такъ какъ, въ общемъ, — темы поэзіи г-жи Чюминой не особенно новы и не очень оригинальны, общій характеръ ихъ вышеуказанъ, то мы перейдемъ къ разсмотрѣнію ея переводовъ, представляющихъ и наиболѣе значительную часть сборника, по объему. Два слова сперва по поводу языка въ стихотвореніяхъ автора: въ общемъ языкъ ея правильный, ясный, не вызывающій особыхъ замѣчаній. Но авторъ кое-гдѣ допускаетъ небольшія погрѣшности противъ принятыхъ согласованій словъ въ предложеніи. Мы уже отмѣтили неправильное употребленіе *гдѣ* по отношенію къ отвлеченнымъ понятіямъ и одушевленнымъ предметамъ. Некрасиво и слѣдующее сочетаніе съ что:

Слышу звукъ рѣчей мнѣ милыхъ,
Можетъ-быть невозвратимыхъ
Но *что я* забыть не въ силахъ.

Не лучше-ли было бы просто сказать: но забыть *ихъ* я не въ силахъ. Предлогъ «межъ» авторъ употребляетъ съ двумя падежами: «межъ вѣтвей», но «межъ травою», «межъ зеленью» и т. д. Признаться, это употребленіе «межъ» съ собирательнымъ именемъ въ творительномъ падежѣ,—вмѣстѣ средь, среди, въ,—намъ не особенно нравится. Чувствуется нѣкоторое насилованіе языка, ибо если допускать выраженія «межъ травою», то этимъ какъ бы уполномочивается сказать «межъ водою», «межъ зеленью» и т. д., и невольно ожидаешь за «травою» указанія — «межъ нею» и чѣмъ другимъ? — Условное «когда-бъ» съ прошедшимъ временемъ въ придаточномъ предложеніи требуетъ тоже условнаго наклоненія въ главномъ. Врядъ-ли удобно сказать:

Но когда-бъ себя дѣяньемъ—*запятналъ* онъ недостойнымъ,
Отъ него съ негодованьемъ — *отвернуся* я спокойнымъ.

Правильнѣе: Если-жъ онъ себя.... *запятнаетъ*.... отвернуся и т. д. (или — «отвернулся-бъ» послѣ «когда-бъ... запятналъ»). Мы отмѣчаемъ эти мелочи потому-что другихъ, болѣе существенныхъ нарушеній правильности языка въ угоду стиха не замѣтили и, стало быть, въ общемъ авторъ выказалъ умѣнье обращаться съ стихотворной формой, которой можно поставить въ упрекъ лишь нѣкоторое однообразіе и однообразность пріемовъ поэтической техники.

Отдѣлъ переводовъ, какъ указано, наиболѣе значительный въ книгѣ. Г-жа Чюмина задалася довольно смѣлой цѣлью — какъ-бы сплести вѣнокъ изъ избранныхъ стихотвореній разныхъ авторовъ — англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальян-

скихъ и даже венгерскихъ поэтовъ, разныхъ школъ и направленій, объединенныхъ лишь личнымъ выборомъ переводчика. Въ выборѣ — сказывается или должна была сказаться его индивидуальность. Но многое, повидимому, попало и случайно. Впрочемъ, на вопросѣ о выборѣ считаемъ неумѣстнымъ останавливаться; не будемъ требовать и вполнѣ точной, дословной передачи оригиналовъ; но удалось-ли переводчицѣ сохранить за каждымъ изъ избранныхъ ею поэтовъ — его особый характеръ, дать почувствовать его стиль, его индивидуальность, воспроизвести не букву, а общій смыслъ и образность его языка. Мы сразу должны замѣтить, что для этого у таланта г-жи Чюминой не хватило гибкости. Лучше удались ей два, три поэта, которые ей больше сродни: — небольшая поэма изъ Альфреда де Виньи, нѣкоторыя стихотворенія Виктора Гюго, Теннссона, поэма Жака Рамо, нѣкоторыя вещи Ришпэна, отчасти Коппэ и др.; неудачно большинство изъ переводовъ произведеній Лонгфелло, Теофиля Готье, Леконтъ-де-Лиля и даже Сюлли-Прюдома и др. Ближайшее разсмотрѣніе переводовъ en regard съ оригинальными текстами выяснитъ намъ достоинства и недостатки выполненія во всякомъ случаѣ весьма не легкой задачи, принятой на себя г-жею Чюминой.

Въ отдѣлѣ переводовъ «изъ иностранныхъ поэтовъ», на первомъ мѣстѣ г-жа Чюмина поставила Теннссона, къ характеру поэзіи котораго быть можетъ всего ближе и талантъ нашей переводчицы. Однако, она оставила въ сторонѣ весь циклъ произведеній англійскаго поэта съ сюжетами, заимствованными изъ средневѣковыхъ рыцарскихъ романовъ, за исключеніемъ небольшой баллады о Ланцелотѣ — («Владѣлица Шэллота»), и дала намъ переложеніе болѣе современной поэмы «Замокъ Локсли»; далѣе «Маріанна», нѣсколько балладъ и лирическихъ пьесъ.

«Замокъ Локсли» — наиболѣе цѣльное изъ избранныхъ для перевода произведеній и, хотя и въ нѣсколько вольномъ переложеніи, — общій тонъ, характеръ, настроеніе переданы въ приблизительномъ соотвѣтствіи съ оригиналомъ.

Лишь въ началѣ поэмы вышло небольшое недоразумѣніе: содержаніемъ ея служатъ воспоминанія поэта о своей первой любви къ «кузинѣ Эми», которая, однако, впослѣдствіи измѣнила ему, предпочтя болѣе выгодную партію. Ихъ романъ разыгрался именно въ замкѣ Локсли, гдѣ поэтъ провелъ юные годы и теперь, случайно очутившись опять въ тѣхъ же мѣстахъ съ товарищами на охотѣ, онъ проситъ оставить его въ одиночествѣ, чтобы свободно предаться воспоминаньямъ. Сперва рѣчь идетъ о юношескихъ мечтахъ — отвлеченнаго характера: первыя недоумѣнія передъ величіемъ природы и ея тайнами, увлеченіе наукой и т. д. Сопоставимъ нѣсколько строфъ англійскаго текста, въ дословномъ переводѣ, съ переводомъ г-жи Чюминой:

Сколько ночей, вотъ изъ того
обросшаго плющемъ окна,
раньше чѣмъ предаться сну,
смотрѣлъ я на созвѣздіе
великаго Оріона, медленно
склоняющагося на Западъ.
Сколько ночей я видѣлъ Плеяду,
поднимающуюся въ мягкомъ
сумракѣ, сіяя, какъ рой свѣтляковъ, нанизанныхъ на серебряномъ шнурѣ.
Здѣсь на этомъ берегу гуляя,
питалъ я [свою] возвышенную юность (или восторженную, пылкую — nourishing a youth sublime) волшебными сказками знанія и
длиннымъ опытомъ вѣковъ;
Когда прошлыя столѣтія
покоились за мной словно плодоносная страна,

Сколько разъ съ того балкона,
въ тишинѣ ночей
Я съ созвѣздья Оріона не
сводилъ очей.

Здѣсь-же *съ юношей гуляя* у
прибрежныхъ скалъ,
Увлеченіе наукой въ немъ я пробуждалъ.

Мнѣ казались золотыми прошлые
вѣка

Когда я готовъ былъ уцѣпиться за все настоящее въ силу того, что оно мнѣ сулило,
Когда я старался проникнуть въ будущее, насколько это доступно человѣческому глазу,
Тогда передо мною въ видѣніи открывался міръ и всѣ чудеса, которыя въ немъ имѣютъ наступить.

Въ настоящемъ я страданій не зналъ пока.
И въ грядущее стараясь взоромъ проникать,
Видѣлъ я любовь и братство, миръ и благодать.

Въ русскомъ переводѣ—неизвѣстно откуда взявшійся юноша, въ которомъ поэтъ, самъ юношей, «пробуждалъ увлеченіе наукой»—представляется намъ простымъ недоразумѣніемъ переводчицы. Въ остальномъ, какъ видно, текстъ представляется съ нѣкоторыми сокращеніями (выпущена строфа 2), мѣстами въ вольномъ перелошеніи или даже со вставками («любовь, братство и миръ» — личныя комментаріи къ «чудесамъ міра», т. е. къ ожидаемымъ успѣхамъ цивилизаціи); въ общемъ — смыслъ *приблизительно* вѣренъ. Въ виду этой приблизительности считаемъ излишнимъ продолжать сличеніе текста и перевода стихъ за стихомъ. Замѣтимъ лишь, что выпущены нѣкоторые афоризмы (напр. —«love is love for evermore»); не совсѣмъ понятно въ переводѣ:

«Но страданье, — говоритъ поэтъ —
Лишь одно воспоминанье счастья прежнихъ лѣтъ».

Въ оригиналѣ: «правду говоритъ поэтъ, что горе, представляющееся вѣнцомъ страданій (т. е. самый сильный, самый мучительный видъ страданій, а не страданье, вообще), есть воспоминаніе о болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ».

Не вполнѣ удачно сокращены слѣдующія двѣ строфы въ оригиналѣ:

«Я былъ бы радъ погибнуть, сраженный на полѣ битвы, когда ряды сомкнуты въ туманѣ, и воздухъ оглашенъ звукомъ трубъ,—

— Но звонъ гинеевъ ослабляетъ ударъ, который наносится чести, и народы лишь глухо ропщутъ, ворча другъ другу въ тылъ (пятки)».

У г-жи Чюминой:

Я въ кровавое сраженіе шелъ-бы какъ на пиръ,
Но повсюду надъ враждою торжествуетъ миръ.

Хотя далѣе и поставлены точки въ знакъ пропуска, но важно было отмѣтить, что поэтъ не просто сожалѣетъ о торжествѣ мира — ибо это сожалѣніе представлялось бы довольно страннымъ, — а именно о томъ «звонѣ гинеевъ», въ силу котораго утрачивается отзывчивость къ вопросамъ чести (But the jingling of the guinea helps the hurt that Honour feels).

Пропущена далѣе строфа: когда пессимистическое настроеніе охватываетъ поэта и онъ утрачиваетъ прежнюю вѣру: Slowly comes a hungry peaple, as a lion creeping nigher и т. д.

Значительно сокращено окончаніе: отъ стиха «Weakness to be wroth with weakness» — выпущено 19 строфъ, причемъ переводчица какъ бы торопилась перейти къ примиряющему выводу:

О, я вижу, что доселѣ въ сердцѣ сохранились
Всѣ стремленія былого и надежды нылъ.

Можетъ быть пропущенныя строфы (общія нападки на женщинъ, автобіографическія воспоминанія поэта о своей жизни на Востокѣ, стремленіе удалиться въ пустыню вдали отъ цивилизованнаго міра, взять женой дикарку и т. д., при этомъ все-же заключеніе: «Better fifty years of Europe than a cycle of Cathay») не такъ существенны для общаго смысла поэмы, такъ какъ уже раньше были указаны въ настроеніи поэта минуты унынія, разочарованія и т. д. Тѣмъ не менѣе пьеса въ переводѣ г-жи Чюминой является все-же нѣсколько своеобразно переданной,— близкой подлиннику лишь по общему настроенію, но въ частностяхъ представляющейся болѣе или менѣе произвольнымъ переложеніемъ оригинала.

Также съ пропусками передано и стихотвореніе «Маріана», I, «Въ старомъ домѣ» и II, «На югѣ». Содержаніе этого юношескаго произведенія Теннисона не настолько значительно, чтобы настаивать на абсолютной полнотѣ и точности передачи. Томленіе покинутой героини, которая нигдѣ не находитъ себѣ покоя и жаждетъ смерти (Припѣвъ — пожеланіе смерти: *I would* that I were dead) — врядъ-ли удачно замѣненъ въ переводѣ простымъ констатированіемъ факта: «тѣнь могилы — отдохновенье мнѣ сулитъ». Лишь въ послѣдней строфѣ г-жа Чюмина измѣнила стихъ, — ближе къ оригиналу: «О Боже, если-бъ умереть», — это, можетъ быть, пожалуй, выражено и въ 7 (оригиналъ) и въ 5 (переводъ) строфахъ, безъ особаго ущерба. Изъ такъ называемаго chevilles — въ угоду стиха, отмѣтимъ нѣсколько своеобразное топографическое замѣчаніе: «Пѣтухъ, передъ уходомъ ночи — кричалъ, взлетѣвъ на сѣновалъ» (въ оригиналѣ:—«The cock sung out an hour ere light»); причемъ тутъ «сѣновалъ», ибо Маріана, запершись въ домѣ, только слышитъ крикъ пѣтуха, отнюдь не соображая, куда онъ могъ залетѣть? Во второй части — «На югѣ», — на знойномъ югѣ, гдѣ-то чуть-что не подъ тропиками, врядъ-ли умѣстно упоминаніе о жаворонкѣ: «Замолкла жаворонка трель» (Nor bird would sing nor lambwould bleat), а блеянье овцы замѣнено «дальнею свирѣлью». Впрочемъ это не существенно, ибо, какъ указано, данное стихотвореніе хоть и съ небольшими пропусками, все-же выдержано въ стилѣ оригинала. Весьма удовлетворительно и въ общемъ точнѣе переданы баллады: «Двѣ сестры», «Идуэрдъ Грей» и «Владѣлица Шейлота».

Въ послѣдней пьесѣ — не вполнѣ намъ нравится лишь выраженіе «твердыня Камелота» (вмѣсто — the many-tower'd Camelot), которое впрочемъ переводчица далѣе замѣняетъ болѣе близкимъ переводомъ — «башни Камелота». Въ 4-й строфѣ III части (въ оригиналѣ это 5-я строфа) нѣсколько произвольно переиначенъ стихъ: She saw the water-lily bloom (Она видѣла.... лилію), «Сама, какъ лилія, блѣдна», и въ послѣдней части, гдѣ говорится о томъ, что героиня, спустившись съ башни, подошла къ лодкѣ,

на которой начертала слова — «The lady of Shalott», — въ переводѣ: «челнокъ, *гдѣ были* на кормѣ слова», — какъ будто предусмотрѣно заранѣе, что владѣлица Шэллота поплыветъ на этомъ челнокѣ.

Въ балладѣ «Идуэрдъ Грей», въ самомъ началѣ, другой оттѣнокъ переданъ вопросу Эми Морландъ, встрѣчающей поэта въ уединенной прогулкѣ. Въ оригиналѣ: «Уже не потеряли-ли вы ваше сердце? Ужъ не женились-ли вы, Идуардъ Грей?» Въ переводѣ: «Эми Морландъ.... Молвила тихо, глаза предо мной опуская:

— «Что вы не женитесь, Идуэрдъ Грей?
Сердце свое потеряли вы здѣсь безъ возврата».—

Послѣднее заявленіе слишкомъ категорично и непонятно въ устахъ спрашивающей. Впрочемъ эта и вышеназванная баллада «Двѣ сестры»—принадлежатъ къ лучшимъ переводамъ изъ Теннисона. Нѣсколько небольшихъ лирическихъ стихотвореній изъ того же автора не вызываютъ особыхъ замѣчаній.

Въ передачѣ Лонгфелло — г-жа Чюмина еще свободнѣе относится къ подлинному тексту, чѣмъ по отношенію къ Теннисону. При этомъ, оригинальныя черты сильнаго и сжатаго стиля американскаго поэта, его тонкій юморъ и выразительность — являются стушеванными и перепначенными. Переложенный «своими словами», онъ представляется не въ подлинной окраскѣ, а какъ-бы въ своеобразномъ усвоеніи переводчицы, заимствующей изъ даннаго произведенія лишь основную тему. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строфъ изъ сказочной поэмы (The poet's tale) «Птицы изъ Киллингсворта» (въ русскомъ переводѣ «Приговоръ»).

Замѣтимъ напередъ, что г-жа Чюмина, вообще, избѣгаетъ историческихъ аллюзій и собственныхъ именъ, быть можетъ, въ виду ихъ возможной непонятности для русскихъ читателей. Такъ,

въ первой же строфѣ, пропущено ею упоминаніе о саксонскомъ поэтѣ Кэдмонѣ, по поводу пѣнья птицъ: «Those lovely lirics, written byllis hand, whom Saxon Caedmon calls the Blithe-heart King». Съ такими пропусками еще можно-бы мириться,—хотя желательно, чтобы они были указаны; но далѣе переводчица словно восполняетъ ихъ вставками отъ себя.—У Лонгфелло наступленіе весны характеризуется нѣсколькими словами: «то было время, когда птицы свивали гнѣзда, распѣвая.... Когда на сучкахъ распускались багряныя почки, — какъ бы знамена авангарда весны, и радостно заструились и запрыгали съ крутизны ручьи» и т. д. Г-жа Чюмина дополняетъ картину:

Когда свѣтлѣй бываетъ тьма ночная,
И ярче блескъ золотоокихъ звѣздъ
Когда весна развертываетъ смѣло,
Какъ рядъ знаменъ, листочки розы бѣлой....

Все это «отъ себя» и образы — въ стилѣ г-жи Чюминой, а не Лонгфелло.—Детальный и съ оттѣнкомъ юмора перечень слѣтающихся птицъ сведенъ въ переводѣ къ нѣсколько огульному и шаблонному упоминанію о соловьѣ:

Когда поетъ съ зарею кавати-
ны
Въ тѣни вѣтвей зеленыхъ соло-
вей,
И каркаетъ воронъ голодныхъ
стая,
О пропитаньѣ къ небесамъ
взывая....

Реполовъ и Трясогуска, громко свища, наполнили всѣ цвѣтущіе сады весельемъ. Воробьи чирикали, словно продолжая гордиться тѣмъ, что и ихъ порода удостоится упоминанія въ Св. Писаніи, а голодные вороны собрались толпой, неустанно горланя свою жалобную мольбу, зная — кому понятенъ воронiй языкъ, и твердили — «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь» — и т. д.

Такъ какъ птицы играютъ важную роль въ этой граціозной и игривой, аллегорической поэмѣ,—рѣчь идетъ объ ихъ предположенномъ истребленіи въ угоду заботамъ о «хлѣбѣ насущномъ», — то врядъ ли удобно было жертвовать ихъ характеристикой, живой и остроумной, въ англійскомъ оригиналѣ: это прелюдія къ дѣйствію. Но въ русскомъ переводѣ не повезло и «истребителямъ» пернатыхъ т. е. жителямъ городка, которые составили приговоръ объ ихъ убіеніи. У Лонгфелло—на митингъ являются разные представители городскаго управленія; тутъ и помѣщикъ (Squire) выступающій «во всемъ своемъ величіи» изъ своихъ хоромъ—настоящій храмъ, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ, съ колоннами въ желобахъ и красной крышей.... Своей важной осанкой и походкой, онъ словно хотѣлъ сказать: «Городъ, въ которомъ есть такіе жители, какъ я, не можетъ ощущать недостатка въ хорошемъ обществѣ». — Далѣе, съ соотвѣтствующими болѣе или менѣе юмористическими, порой ѣдкими характеристиками, выступаютъ: пасторъ, учитель, голова (деканъ), фермеры. Все это общество живетъ подъ перомъ Лонгфелло. У г-жи Чюминой характеристика сокращена до minimum'а. Такъ объ Squire'ѣ сказано только:

.... помѣщикъ величавый,
Съ надменною осанкой и лицомъ.

Объ учителѣ нѣсколько больше, но сравнимъ съ оригинальнымъ текстомъ, въ точномъ переводѣ:

Здѣсь также былъ идеалистъ-учитель,
Поэтъ въ душѣ и *юныхъ думъ властитель,*
Привившій имъ ученья сладкій плодъ.

Изъ Академіи (школы), которой колокольня вѣнчала вершину знанія, съ его мѣднымъ блескомъ тщеславія, выступилъ учитель, лѣниво поглядывая то на облака, то на зеленую

Въ досуга часъ настроивъ робко лиру,
Онъ воспѣвалъ красавицу Эльвиру.

траву, весь погруженный въ глубокую мечту о прекрасной Альмирѣ, — той, что въ старшемъ классѣ. Она была, какъ самъ онъ это сообщилъ въ сонетѣ — «чиста, какъ вода, и добра, какъ булка»..

Г-жѣ Чюминой, повидимому, не нравится юмористическій тонъ даннаго произведенія Лонгфелло и она вставила тутъ и «юныхъ думъ властитель» и «сладкій плодъ ученія» (это вмѣсто — «the hill of Science with its vane of brass!»); быть можетъ эта новая характеристика школьнаго учителя и очень симпатична, но вѣдь это не Лонгфелло, а г-жи Чюминой. И далѣе въ томъ же родѣ, такъ — что «приговоръ» приходится разсматривать не какъ переводъ «The birds of Killingsworth», а какъ полу-самостоятельное произведеніе на заимствованный мотивъ, но въ измѣненной обработкѣ. Нѣкоторыя мѣста переданы ближе, но даже и въ томъ случаѣ допущены вставки или пропуски, не всегда безупречные. Напримѣръ, въ рѣчи учителя, выступавшаго на защиту птицъ, онъ говоритъ между прочимъ:

Никто изъ васъ не вспоминалъ о Томъ,
Кто создалъ ихъ, кто даромъ пѣснопѣнья
Ихъ одарилъ, въ которомъ лишь въ одномъ
Ихъ думъ и чувствъ — живое выраженье.

Это — тяжело передано и не вполнѣ ясно. Въ англійскомъ текстѣ: «Неужели вы не подумали о томъ, какія это удивительныя созданія? Неужели не вспоминали Того, кто ихъ создалъ, и кто научилъ ихъ тому языку, на которомъ они говорятъ, языку — гдѣ мелодія является единственнымъ выраженіемъ мысли?» — Въ русскомъ переводѣ не сразу догадаешься, что поэтъ имѣетъ въ виду «языкъ безъ словъ». — Далѣе, гнѣзда на вершинахъ деревьевъ Лонгфелло называетъ — промежуточ-

ными станціями на пути къ небу. Г-жа Чюмина, сохраняя это сравненіе, вставляетъ эпитетъ — «невидимый»: — «звеномъ невидимымъ, таинственнымъ, чудеснымъ» межъ «дольнимъ и небеснымъ». Почему невидимымъ? Скорѣе наоборотъ — именно видимымъ, поэтому учитель на нихъ и указываетъ.

Слѣдующая строфа пропущена (Think...., tis always morning somewhere), а сравненіе: «опустѣвшія гнѣзда на вѣтвяхъ — словно отрывочныя слова въ пустой головѣ идіота, засѣвшія въ паутинѣ его бредней» — врядъ-ли удачно передано: «*подъ слоемъ паутины* — безумія.... *собой сгущая* наступившій мракъ....» — Слѣдующая строфа опять пропущена, а въ дальнѣйшей — сглажены детали, придающія конкретную живость изложенію (Even the blackest of them all, the crow.... и т. д.); въ заключительной строфѣ оставлено «уваженье къ жизни», но пропущено о смерти: Death, which, seeming darkness, is no less — The Self-same light, although aberted hence). Окончанье нѣсколько лучше передано, но и въ разсказѣ о томъ, какъ граждане, испугавшись того, что они надѣлали и снѣдаемые со всѣхъ сторонъ насѣкомыми, думали поправить дѣло — отмѣнивъ законъ — «хотя они и знали, что этой отмѣной не воскресятъ мертвыхъ къ жизни».... Они поступили, словно школьники, которые, слишкомъ поздно открывъ свои ошибки въ упражненіяхъ, торопятся смыть губкой предающую ихъ грифельную доску....

Въ русскомъ переводѣ это сведено къ неопредѣленному выраженію:

Но каждый былъ въ смущеніи не маломъ,
Какъ ученикъ, съ дурнымъ пришедшій баломъ.

Такимъ образомъ, сглажены мелкія, но характерныя подробности и разсказъ обезличенъ.

Въ другомъ небольшомъ эпическомъ отрывкѣ — «Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейдэ», переводчица, вначалѣ, вставила въ текстъ свои коментаріи, къ поясненію личности нѣмецкаго миннезингера:

. . . . знаменитый *менестрель*,
Что преслѣдуя святую и возвышенную цѣль,
Всѣ труды и всѣ усилья, благородный сердца пылъ,
На служеніе искусству пѣснопѣнья посвятилъ,
Фогельвейде — гость желанный въ каждомъ замкѣ,
Чародѣй и т. д. и т. д. (и объ «Вартбургскомъ состязаніи» не забыто).

Ничего подобнаго нѣтъ въ подлинникѣ и, думается, если-бы Лонгффелло захотѣлъ дать характеристику нѣмецкаго поэта, котораго онъ, очевидно, считалъ слишкомъ извѣстнымъ, чтобы вставлять въ легенду объ его «завѣщаніи» его какъ бы краткую біографію,—то, вѣроятно, сдѣлалъ бы ее иначе.

Изъ Лонгфелло приведены еще три короткія стихотворенія—«Псаломъ жизни», «Стрѣла и пѣсня» и «Suspiria» – переданныя болѣе удачно. Четвертому — «Золотой Закатъ» — мы затрудняемся указать образецъ; кажется это вольное переложеніе сонета — «A summer day by the sea».

Изъ Байрона г-жа Чюмина ограничилась двумя небольшими пѣснями къ Тирсѣ, но почему то напечатанными въ обратномъ порядкѣ, т. е. третья (у Байрона) раньше второй. Въ передачѣ этихъ пьесъ, — (не вызывающихъ какихъ-либо замѣчаній съ точки зрѣнія русскаго текста, если разсматривать его самостоятельно: стихи гладки, плавны), — англійскій оригиналъ все-же представляется въ нѣсколько вольномъ переложеніи, сообразно личному настроенію переводчицы.

Напримѣръ «суетная жизнь» (busy life) у нея — «трудный путь»; «*сладость* борьбы» замѣняетъ выраженіе — «to mingle now with things that never pleased before»; вставлено: «горечь осушить до дна». Пропущено въ слѣдующей строфѣ: «Дайте вина мнѣ, устройте банкетъ»; безъ этого какъ-то непонятенъ стихъ ex abrupto: «Вокругъ меня — безумный чадъ похмѣлья».

И дальше: «Я буду тѣмъ, кто раздѣлялъ веселье — И кто ни съ кѣмъ печали не дѣлилъ» — слабѣе выражено, чѣмъ у Байрона: «я буду тѣмъ пустымъ и незначущимъ существомъ, которое смѣется со всѣмъ, что смѣется, но ни съ кѣмъ не раздѣляетъ слезъ». Дальше нѣсколько стиховъ удачнѣе, но въ четвертой строфѣ снова неточность, вызывающая нѣкоторое недоразумѣніе. Именно:

Любуясь просторомъ, озареннымъ
Сіяніемъ серебряныхъ лучей,
Ихъ отблескъ дивный видѣлъ отраженнымъ
Я въ глубинѣ задумчивыхъ очей.
Я созерцалъ, какъ яркій лучъ свѣтила
Лаская ихъ, въ волнахъ эгейскихъ гасъ.
Увы, луна лишь надъ твоей могилой,
Не для тебя всходила въ этотъ часъ!

У Байрона — поэтъ, плывя по Эгейскому морю, вспоминаетъ свою возлюбленную и думаетъ въ полночь: «Вотъ теперь Тирса смотритъ на эту луну». Увы, она свѣтила лишь на ея могилѣ». — У г-жи Чюминой: «я созерцалъ, какъ яркій лучъ свѣтила — лаская *ихъ* въ волнахъ эгейскихъ гасъ». Къ кому относится *ихъ*? Если къ предшествовавшимъ въ текстѣ словамъ (рѣчь шла о задумчивыхъ очахъ Тирсы), то это не вѣрно, ибо Тирсы не было съ поэтомъ во время плаванья, а если къ послѣдующимъ — «эгейскимъ волнамъ», то не вразумительно.

Въ послѣдней строфѣ, г-жа Чюмина заканчиваетъ:

Гдѣ счастію не можетъ быть возврата,
Страданіемъ очищена любовь,
И тотъ, кому утраченное свято,
Живой любви не отдается вновь.

Объ очищеніи любви нѣтъ рѣчи у Байрона: «Время *умъряетъ* любовь, говоритъ онъ, но *не излечиваетъ* отъ нея. Она тѣмъ священнѣе, когда надежда умерла. О, что значатъ тысяча

живыхъ любвей въ сравненьи съ той, отъ которой не освобождаетъ смерть».

Второе стихотвореніе передано гораздо лучше и свидѣтельствуетъ, что г-жа Чюмина можетъ слѣдовать порой и близкому смыслу текста, успѣшно справляясь съ трудностями перевода.

Изъ Вальтеръ-Скота — приведено нѣсколько небольшихъ пьесъ и балладъ, въ болѣе или менѣе вольномъ переложеніи. Тотъ условно-историческій жанръ «археологической поэзіи», который въ свое время былъ созданъ Вальтеромъ-Скоттомъ, и вдохновлялъ Жуковскаго, тѣсно связанъ съ особенностями стиля: г-жа Чюмина «модернизуетъ» послѣдній и посему ея переложенія пріобрѣтаютъ характеръ самостоятельныхъ произведеній на заимствованныя темы. Вотъ напримѣръ, небольшая пьеса—«Смерть Барда» (у Вальтеръ-Скотта: «Послѣднія слова Кадваллона» или «Умирающій Бардъ»).

У г-жи Чюминой:	Въ дословномъ переводѣ:
Прости, край родимый. Безумно любя, Давно воспѣвалъ я и славилъ тебя. Но часъ наступаетъ,—и рокотъ струны Въ тиши не сольется съ журчаньемъ волны.	«Динасъ Имлинъ, сокрушайся, ибо близокъ часъ, когда онѣмѣлое эхо замретъ въ лѣсистой странѣ; не будетъ болѣе Кадваллонъ приходить въ восторгъ (неистовствовать) предъ милой Тийви и смѣшивать свои дикіе звуки съ дикимъ рокотомъ волнъ.
Простите, долины, холмы и лѣса, Умретъ невоспѣтою ваша краса,	Весною и осенью, краса (гордость, слава) твоихъ дубравъ—невоспѣтой будетъ цвѣсти,

Погаснутъ тѣ взоры, умолкнутъ уста,
Которымъ была дорога красота.

невоспѣтой поблекнетъ, ибо скоро станутъ безжизненными глаза и языкъ, что смотрѣли съ восхищеньемъ; — восхищеньемъ, которое передавалось въ пѣснѣ.

По прежнему гордой отваги полны,
Твои сыновья, Динасъ Имлинъ,
Врага одолѣютъ отчизны сыны,
Но кто вдохновенною арфой своей
Бойцевъ обезсмертитъ, прославитъ вождей, и т. д. [1]).

могутъ въ своей гордости отправляться въ походъ и гнать храбрыхъ Саксонцевъ со стороны Пристатина. Но гдѣ арфа, которая дала-бы жизнь ихъ именамъ? Гдѣ пѣвецъ, который прославилъ-бы героевъ? и т. д.

И въ другой пьесѣ—«Боевая пѣсня», представляющей переложеніе Flora Macivor's Song (изъ «Waverley»),—всѣ собственныя имена выпущены и стихотвореніе на половину сокращено. Не смотря на плавность и, мѣстами, звучность русскихъ стиховъ, мы нѣсколько недоумѣваемъ цѣли такихъ переложеній: пусть стиль Вальтера-Скотта представляется намъ нынѣ условнымъ, ложнымъ, но онъ имѣлъ историческое значеніе, а переложенія мотивовъ его пьесъ въ современной передачѣ г-жи Чюминой врядъ ли кому интересны. Если же ставить цѣлью — знакомство съ содержаніемъ поэзіи Вальтеръ-Скотта, то, казалось бы удобнѣе выбирать болѣе извѣстныя его поэмы, какъ Lay of the last Ministrel, The lady of the Lake и т. д.

Читая отдѣлъ переводовъ изъ Роберта Бернса г-жи Чюминой, невольно удивляешься общему впечатлѣнію, которое они оставляютъ: переведено 15 стихотвореній, и ни въ одномъ изъ нихъ не ощущаешь характерныхъ свойствъ поэзіи народнаго

1) Размѣръ Пушкинской «Черной шали» (Когда легковѣренъ и молодъ я былъ)—едва-ли соотвѣтствуетъ характеру и настроенію данной пьесы.

пѣвца Англіи прошлаго вѣка, реформатора стиля, поэта-простолюдина, сильнаго непосредственностью своего дарованія, смѣлостью фамильярныхъ оборотовъ, страстностью тона и порой весьма рѣзкими переходами отъ серьезнаго, глубокаго чувства къ шуткѣ, къ юмористическому или ѣдко-обличительному замѣчанію, вставленному какъ бы въ скобкахъ. По русски все это сглажено, стерто; обороты закруглены, стихи плавны и какъ-то мечтательно-благодушны. Конечно, не только переводить, но и понимать Бернса крайне трудно, при массѣ вульгаризмовъ и простонародныхъ выраженій, которыя онъ вставляетъ въ текстъ. Его и читать приходится со спеціальнымъ лексикономъ, такъ какъ употребляемыя имъ формы и слова не стали достояніемъ литературнаго языка. Врядъ-ли при переводѣ ихъ легко замѣнить соотвѣтствующими діалектизмами изъ другого языка; пріемъ этотъ, конечно, рискованный, но тѣмъ не менѣе — нужно же было какъ-нибудь дать почувствовать то, что составляетъ отличительныя черты поэзіи автора «Пѣсни нищихъ»? Сравнимъ нѣсколько изъ приведенныхъ пьесъ съ ихъ подлинниками.

Относительно первой — «Видѣніе», — замѣтимъ, что избранный г-жею Чюминой размѣръ — по образцу Лермонтовскаго «Ангела» (только съ женскими рифмами въ первомъ и третьемъ стихѣ), какъ бы увлекъ ее самое къ выводу именно въ духѣ Лермонтова:

И звукъ этихъ пѣсенъ, мнѣ въ сердцѣ запавшихъ,
Остался на вѣки со мной.

Это почти тоже, что у Лермонтова:

И звукъ этихъ пѣсенъ, въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

Такихъ «совпаденій» лучше избѣгать.

У Бернса: «Онъ (т. е. духъ менестреля) пѣлъ съ восторгомъ о прошлыхъ дняхъ, и въ слезахъ оплакивалъ позднѣйшія

времена; но то, что онъ говорилъ — не было шуткой. Я никогда не рискну (повѣдать) это въ своихъ стихахъ («But what he said it was nae play, J winna ventur't in my rhymes»). Конечно, невысказываемое остается «съ нами», или при насъ, и по сему г-жа Чюмина приблизительно вѣрно передала значеніе послѣдняго стиха Бернса, однако въ ея редакціи смыслъ не тотъ: дѣло, вѣдь, не въ звукѣ пѣсенъ, а въ *словахъ*, и выраженіе «остался на вѣки со мной» не передаетъ опасенія поэта рѣшиться повторить другимъ, что онъ слышалъ, въ виду важности этого сообщенія. Предшествующія двѣ строфы перепначены въ переводѣ. Бернсъ, даже и «романтически» настроенный, прерываетъ разсказъ о видѣніи — шуткой: «будь я статуей, говоритъ онъ, или будь я изъ камня — меня и то ошеломилъ бы его (менестреля) вызывающій (или дерзновенный — daring) взглядъ; а на шапкѣ его (his bonnet) отчетливо запечатлѣнъ былъ священный вѣнокъ — Свободы. И изъ арфы его вырывались надрывающіе звуки, — пожалуй они заставили бы и спящихъ мертвецовъ встрепенуться, чтобы слушать; но, увы это была пѣсня печали, какая когда-либо доносилась только до Британскаго духа». У г-жи Чюминой:

Вся мощь вѣковая роднаго народа
Свѣтилась въ чертахъ у него,
И явственно лозунгъ священный — свобода!
Виднѣлся на шлемѣ (?) его.

Запѣлъ онъ, — такой вдохновенною силой
Была его пѣсня полна,
Что мнилось: и взятыхъ на вѣки могилой
Для жизни разбудитъ она.

Стиль очевидно иной, и тоже слѣдуетъ замѣтить почти о всѣхъ переводныхъ стихотвореніяхъ изъ Бернса.—Такъ сказать «внутренней» критикѣ, т. е. даже независимо отъ сравненія съ подлинникомъ — подлежитъ пѣсня, названная г-жей Чюминой «Осенній туманъ» (стр. 156): «Повѣяло первымъ дыханьемъ зимы». Въ пятомъ стихѣ: «Тоскливо поникнулъ *безлиственный*

боръ»; но вѣдь боръ — исключительно хвойный лѣсъ, и стало быть «лиственныхъ» боровъ не бываетъ — ни зимою, ни лѣтомъ. Дальше: «Въ *поляхъ*, потерявшихъ зеленый уборъ, — Печально брожу я *по листьямъ сухимъ*» — откуда въ поляхъ листья? Чѣмъ короче описаніе природы, тѣмъ мы по необходимости требовательнѣе въ точности намѣчаемыхъ штриховъ. И, конечно, въ оригиналѣ мы не встрѣтимъ такой небрежности въ картинѣ, выраженной хотя бы и въ общихъ чертахъ:

The forest is leafless, the meadows are brown
And all the gay foppery of summer is flown.

«Дайте мнѣ идти одному, говоритъ поэтъ далѣе, дайте мнѣ предаться въ одиночествѣ думамъ — какъ скоро время протекло, какъ жестоко жребій преслѣдуетъ меня! Какъ долго я жилъ и какъ много я жилъ напрасно! Какъ мало осталось убогихъ мгновеній жизни! Какіе только облики не износило многовѣковое время въ своемъ движеніи впередъ! Какія только узы не порвала въ моей груди жестокая судьба! Какъ безумно, или еще того хуже — (живемъ мы), пока не достигнемъ своего зенита и (катимся) потомъ внизъ — о, какими разслабленными, загрязненными, измученными.... Жить бы не стоило изъ-за того лишь, что намъ жизнь даетъ, но навѣрное, бѣдный человѣкъ, есть нѣчто за нею». У г-жи Чюминой:

Какъ много я прожилъ, какъ тщетно я жилъ,
Какъ мало осталось и жизни и силъ,
Какъ все измѣнили истекшіе дни,
И узы какія порвали они.

Безпечно мы съ пѣснею (?) въ гору идемъ,
Но грустно плетемся обратнымъ путемъ (?).
Ужель за предѣлами жизни земной,
Нѣтъ высшаго смысла и жизни иной?

Въ другой пьесѣ — названной г-жею Чюминой «Пѣсня» (стр. 160), тонъ изложенія въ русскомъ переводѣ скорѣе под-

ходитъ, по характеру, куплетамъ для декламаціи игриваго содержанія, чѣмъ къ народной пѣснѣ. Правда, въ высшей степени трудно передать этотъ быстрый, страстный темпъ, это бріо скороговорки англійскаго оригинала, этотъ юморъ «самодовлѣющей» бѣдности, которая ни въ комъ не нуждается, никого не проситъ и живетъ сама для себя, равнодушная ко всему прочему міру, честная лишь въ своей независимости. И съ внѣшней стороны — эффектное повтореніе черезъ строку, какъ припѣвъ, въ концѣ стиха — naebody (никого, никому, ни съ кѣмъ и т. д. во всѣхъ падежахъ) представляетъ едва преодолимую техническую трудность. Но даже въ вольномъ переложеніи врядъ ли умѣстны именно въ пѣсни бѣдняка, пролетарія, такія выраженія, какъ: не для свѣта — жена моя; съ мечемъ моимъ *старинным*ъ (вм. старымъ); пусть мой голосъ мало значитъ, и т. п.

J hae a wife o'my ain	Я жену для себя имѣю,	Я женатъ и не для свѣта,
J'll partase wé naebody,—	и дѣлиться не стану	Для меня жена моя.
J'll tak cuckold frae nane,	*ни съ кѣмъ*; я роговъ не потерплю,	За душой одна монета, Но ея не занялъ я.
J'll gie cuckold to naebody,—	я не ставлю *никому*;	Въ долгъ ничѣмъ я не ссужаю
J hae a penny to spend	у меня всего тутъ	Изъ сосѣдей никого,
There-thanks to naebody,	одинъ грошъ на расходъ, да не обязанъ	Да и самъ не занимаю
J hae naething to lend,	я имъ *никому*; мнѣ	У сосѣда ничего.
J'll borrow frae naeboby и пр.	нечего въ долгъ давать, да я и не беру *ни у кого*, и т. д.	

Конецъ:

Jf naebody care forme	Если никто не обраща-	Обо мнѣ никто не пла-
J'll care for naebody.	етъ на меня вниманія, такъ и мнѣ вѣдь нѣтъ дѣла *ни до кого*.	четъ, Я не плачу ни о комъ.

Небольшая баллада «Лордъ Грегори» — пѣснь покинутой дѣвушки — характеризуется у Бернса все тою же непосредственностью и живостью выраженія душевнаго настроенія: «О мра-

ченъ, мраченъ этотъ полуночный часъ, какъ громко завываетъ буря! Несчастный путникъ у твоего замка, лордъ Грегори, открой ему дверь. Этотъ путникъ — изгнанъ изъ родного дома, изгнанъ за любовь къ тебѣ. О, имѣй хоть жалость ко мнѣ, если уже не можетъ быть любви. Лордъ Грегори, развѣ ты не помнишь той аллеи на нашей сторонѣ, тамъ въ дорогой Ирландіи, гдѣ впервые я призналась въ любви, которую я долго, долго отвергала? Сколько разъ ты клялся и увѣрялъ, что на вѣки будешь моимъ и мое простое сердце,— оно само было правдиво,— довѣрилось тебѣ» и т. д. Въ переводѣ г-жи Чюминой общій смыслъ переданъ вѣрно, но — въ литературныхъ выраженіяхъ романса, а не въ той непосредственной формѣ, въ какую вылилось горе обманутой дѣвушки у англійскаго поэта.

Бушуетъ буря, ночь темна
И у твоей двери
Я одинока и грустна
Стою, лордъ Грегори.

Меня отринула семья
За то, что я люблю.
Пусть не любима больше я —
О жалости молю.

Ты помнишь тѣнь густыхъ аллей,
Гдѣ, внявъ твоей мольбѣ,
Впервые я въ любви своей
Открылася тебѣ? и т. д.

Отмѣтимъ еще въ стихотвореніи — «Въ грозу» (173, у Бернса — J dream'd J lay where flowers were) — не вполнѣ быть можетъ подходящее къ Бернсу сравненіе, вставленное переводчицей: «и все-жъ устоялъ я, *какъ дубъ подъ грозою*, — и грудью встрѣчаю ее». Не «грудью»: Бернсъ не кичился силой, и сравненіе съ дубомъ къ нему не подходитъ. Его изстрадавшееся сердце привыкло къ испытаньямъ и все вынесетъ, хотя бы судьба гнула его, какъ *тростъ*. Лишь сердцемъ своимъ онъ и кичится: J bear a heart shall support me still.

И въ другомъ стихотвореніи (A prayer in the prospect of death) Бернсъ сознается, что онъ часто поддавался страстямъ, которыя увлекали его на ложный путь: онъ не былъ человѣкомъ съ сильной волей, устойчивый и крѣпкій — «какъ дубъ», и самъ

признаетъ, что блуждалъ по тѣмъ тропинкамъ жизни, которыхъ долженъ былъ бы избѣгать (If J have wander'd in those paths— Of life J ought to shun). Но въ переводахъ г-жи Чюминой мы не ощущаемъ и того поэта, который съ полнымъ правомъ сказалъ о себѣ, что онъ былъ созданъ «съ дикими и необузданными страстями»: form'd—

With passions wild and strong.

Изъ нѣмецкихъ поэтовъ — выбранъ одинъ лишь Гаммерлингъ. Нѣсколько небольшихъ его стихотвореній передано довольно удачно. Въ такомъ родѣ — «Ночныя видѣнія» («Чу, вершины ели — Шепчутъ въ полуснѣ»); «Орелъ», «Сила любви», «Звѣзды», «Два облака» и эпическій отрывокъ «Жрецы богини Герты», гдѣ лишь вначалѣ небольшое отступленіе отъ смысла подлинника. Но въ другихъ переведенныхъ пьесахъ Гаммерлинга подлинный текстъ ослабленъ или затемненъ нѣсколько произвольнымъ толкованіемъ представленнаго образа или измѣненіемъ стиля. Вотъ, напримѣръ, пьеса, обозначенная переводчицей—«Звукъ и Слово»; по нѣмецки — «Жаворонки» («Die Lerchen»: «Es ziehen die Wolken — Es wandern die Sterne — Es schweben die Lerchen—In goldiger Ferne» и т. д.).

Основная мысль нѣмецкаго стихотворенія сводится къ поэтическому образу посредничества жаворонковъ между небомъ и землей: залетая въ «золотую высь», жаворонки прислушиваются къ тѣмъ словамъ, которыя распѣваютъ ангелы (die Worte Seraphischen Klang's) и потомъ передаютъ ихъ въ пѣснѣ цвѣтамъ, водѣ, вѣтру. — Цвѣты, волны, вѣтеръ шепчутся о томъ, что узнали отъ жаворонковъ; человѣкъ проходитъ мимо, прислушивается, восторгается и передаетъ въ словѣ небесную пѣснь. У г-жи Чюминой жаворонки — «влекомы *вдохновеньемъ* къ далекимъ небесамъ», что уже представляется нѣкоторымъ отступленіемъ, но далѣе роль жаворонка стушевана новымъ, вставнымъ образомъ:

Шеппетъ волнѣ залива — О томъ же лунный свѣтъ.
Услышитъ ихъ пытливо — Внимающій поэтъ....

Этотъ «лунный свѣтъ» нарушаетъ цѣльность картины, которая въ переводѣ страдаетъ неясностью очертаній. Образъ перепаченъ и врядъ ли безмолвный лунный свѣтъ удачно выбранъ посредникомъ въ передачѣ небесной мелодіи; во всякомъ случаѣ нѣмецкій поэтъ имѣлъ въ виду лишь представить поэтическій комментарій къ пѣснѣ жаворонка, а въ русскомъ переводѣ не то.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи — «Псаломъ жизни» (Lebenslied) нѣмецкій оригиналъ значительно сокращенъ: — пропущено по четыре стиха изъ первой и второй строфы и совершенно выпущена послѣдняя строфа. Вслѣдствіе этого пантеистическій порывъ автора лишенъ пессимистической заключительной фразы. — Именно, — прославляя радость жизни, Гаммерлингъ все заканчиваетъ пожеланіемъ смерти, т. е. — слившись съ природой, погрузиться въ состояніе небытія (Und vereint in der Schoss zu sinken — Dem noch viel süsseren Tod). Переводчица ограничилась пожеланіемъ — жить общей жизнью съ природой. Эта недосказанность характерна — для индивидуальности нашей поэтессы. Съ другой стороны въ сонетѣ — «Служенье красотѣ», переводчица прибавляетъ отъ себя — *добра* и красоты («Кто сдѣлался жрецомъ добра и красоты»). Это отожествленіе или сліяніе красоты съ добромъ, быть можетъ, и симпатично, но оно принадлежитъ міросозерцанію переводчицы, а не нѣмецкаго поэта, который сложилъ сонетъ именно лишь — im Dienste des Schönen. Общее пантеистическое міросозерцаніе Гаммерлинга выразилось въ другой пьесѣ, названной «Завѣщаніе» («Vermächtniss»), въ нѣсколько сухой, чисто схематичной формѣ: поэтъ перечисляетъ четыре стихійные элемента — огонь, воздухъ, воду и землю, завѣщая каждому изъ нихъ часть себя, т. е. свой духъ огню, душу — эфиру, сердце — волнамъ, тѣло — землѣ. Изложеніе, какъ указано, суховатое, безъ поэтическихъ прикрасъ, словно катехизисъ:

Ich liebe die *Flamme*
Das glanzelement,
Im Wetter leuchten,
Im Sterngeflimmer.
Ich liebe den *Aether*
Den göttlich freien и т. д.

Г-жа Чюмина добавляетъ отъ себя болѣе или менѣе картинные образы, нѣсколько переиначивая смыслъ подлинника.

Напр., въ четвертой строфѣ:

Оригиналъ:

Ich liebe die *Welle*
Die rauschende,
Gehnsüchtig wallende,
Von Land zu Land.
Ich liebe die *Erde*
Das heil'ge Grün,
Wo's hold zu wandel'n,
Und noch süsser zu
ruh'n ist

Волны люблю я,—въ теченьи своемъ
Вѣчно шумливыя, вѣчно бѣгущія,
Къ каждому берегу ласково льнущія,
Въ вѣчномъ теченьи своемъ.
Землю, гдѣ вѣетъ отрадный покой,
Сердцемъ люблю я. По лугу зеленому
Сладостно взору бродить утомленному,
Сладостнѣй — вѣчный покой.

Стихъ — «къ каждому берегу *ласково льнущія*» — красивъ, но онъ самостоятеленъ, а въ послѣдней строфѣ вставное «*взору* утомленному» приводитъ къ нѣкоторому недоразумѣнію — кому покой сладостнѣй—взору? Въ общемъ данное стихотвореніе порусски, быть можетъ, и не дурно само по себѣ, но характеръ оригинала измѣненъ; въ заключительномъ стихѣ — «Der Leib soll ruh'n» не вполнѣ удачно замѣнено выраженіе — «покопться» словомъ «истлѣть» («Праху истлѣть суждено»): здѣсь нужно было сохранить именно «покопться», такъ какъ рѣчь идетъ объ однородности тѣла съ землей, какъ сердца съ волнами, души съ воздухомъ и т. д.

Французскимъ поэтамъ отведено широкое мѣсто — и крупнымъ и второстепеннымъ. Но между двѣнадцатью французскими авторами, избранныя произведенія которыхъ предложены въ переводѣ г-жи Чюминой, далеко не всѣ удачно переданы. Выше указано было, что къ числу болѣе удовлетворительныхъ переводовъ слѣдуетъ отнести произведенія романтиковъ старой школы. Поэма «Гнѣвъ Самсона» Альфреда де-Виньи почти не вызываетъ оговорокъ: два, три небольшихъ пропуска и парафразы, съ которыми можно помириться. И двѣ небольшія поэмы Виктора Гюго — изъ его «Légendes des siècles»: *Aymerillot* («Побѣдитель») и «Бѣдные Люди», въ общемъ переданы не дурно. Правда, кое-какія сокращенія допущены и здѣсь, и въ стихѣ—расплывчатость и приподнятость, безъ тѣхъ короткихъ, отрывочныхъ фразъ, которыми Гюго умѣетъ такъ кстати завершить картину, придать ей блеску и выразительности искуснымъ рельефомъ болѣе выдающихся моментовъ. Этихъ «бликовъ» у г-жи Чюминой нѣтъ; образы не рѣдко сокращены или переданы огульными, невыразительными фразами; но общій смыслъ сохраненъ и романтическая приподнятость стиля. Болѣе существенны отклоненія при передачѣ произведеній—Теофиля Готье, Сюлли-Прюдома, Леконтъ-де-Лиля, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и обратимся.

Со стилемъ Теофиля Готье — соперничать трудно, и г-жѣ Чюминой этотъ поэтъ менѣе всего удался. Онъ въ переводѣ— обезцвѣченъ, утрачиваетъ силу, мѣткость и живость образа, становится какимъ-то банальнымъ и тусклымъ.

Вотъ, напримѣръ, въ первомъ же изъ переведенныхъ стихотвореній, въ которомъ измѣнено и заглавіе: «Бездна» вм. «Таинственный колодезь» («Le puit mysterieux»), мы встрѣчаемъ слѣдующія отступленія. У г-жи Чюминой:

Въ пестрыхъ узорахъ моихъ сновидѣній
Юноши образъ я видѣлъ однажды:
Онъ надъ колодцемъ, страдая отъ жажды,
Молча склонился, исполненъ томленья.

Первая фраза о «пестрыхъ узорахъ»—шаблонная. У Готье индивидуальное сравненіе, болѣе конкретное и оригинальное: «сквозь рощу фантастическихъ арабесковъ» (folles arabesques), начертанныхъ перстомъ Сна (le doigt du Sommeil) на «стѣнѣ моихъ ночей» (au mur de mes nuits), я увидѣлъ, — подобно тому какъ виднѣется образъ Фортуны на фрескахъ,—юношу, наклонившагося надъ отверстіемъ колодца». — Допустимъ, что дословная передача крайне затруднительна, что русскій языкъ не терпитъ такихъ смѣлыхъ оборотовъ,—какъ—«на стѣнѣ моихъ ночей»,—что переводчику надо было пріискивать, какъ замѣнить такія выраженія, не поддающіяся дословному переводу,—все же и замѣны должны были представлять изъ себя что-нибудь болѣе яркое, типичное, характерное именно для стиля Т. Готье. Ничего подобнаго нѣтъ въ переводѣ. Далѣе:

Съ тѣмъ, чтобъ вода поднялася до края,
Золото, жемчугъ — бросалъ онъ горстями
Въ темную бездну, напрасно устами
Влаги студеной коснуться желая.

У Готье: онъ бросалъ въ эту черную пасть, огромными кучами, жемчугъ и брилліанты, рубины и золотыя монеты (sequins d'or), чтобы заставить воду подняться до его губъ, и пить. Но и «бичеванная вода» (le flot flagellé) все не поднималась». — «Le flot flagellé» — одно это выраженіе чего стоитъ, а въ переводѣ вся строфа тусклая. Въ слѣдующей строфѣ — поясненіе образа у Готье болѣе общаго характера: «сколько опрометчивыхъ людей отправляется къ колодцамъ, не запасшись ни веревкой, ни урной, чтобы черпать подземной влаги (le cristal souterrain), и хоронятъ свои сокровища, надѣясь заставить воду разлиться, какъ ворона (въ баснѣ) это дѣлала съ мѣднымъ сосудомъ». И только въ заключительныхъ стихахъ сравненіе примѣнено къ сердцу женщины. Г-жа Чюмина слила вмѣстѣ содержаніе обѣихъ строфъ и сразу заявляетъ: — «Сколько безумцевъ, чарующе-мрачной — Бездною гордой души привлеченныхъ, — Грезятъ напрасно о

влагѣ прозрачной» и т. д. И въ концѣ—«золото чувства бросаетъ онъ щедро, — силы души расточая безплодно».

Характеристика «гордой души, чарующе-мрачной» принадлежитъ переводчицѣ. У Готье коротко сказано — épris de quelque femme, и далѣе: «чтобы вызвать влагу божественнаго чувства, кто не бросалъ золото своего сердца въ бездонный колодезь души (женщины), надъ нѣмою бездной *глупо* склонившись» (penché stupidement), — оттѣнокъ, очевидно, совсѣмъ иной, чѣмъ «расточая *безплодно*». Въ общемъ, какъ указано, вся прелесть въ высшей степени индивидуальнаго стиля Т. Готье, «ароматъ» его поэзіи — исчезаютъ въ переводѣ г-жи Чюминой. Подобное и въ слѣдующемъ стихотвореніи — «Утѣшеніе» (Consolation), въ которомъ переводчица тоже измѣнила заглавіе — «На высотѣ», объединивъ съ другимъ произведеніемъ — «Поэтъ и чернь» (Le poète et la foule, по-русски безъ заглавія). Напримѣръ, въ переводѣ весьма неяснымъ представляется слѣдующее сравненіе:

Безсмертныхъ замысловъ она (т. е. толпа)
Не постигаетъ, какъ волна
Вершинъ могучихъ и свободныхъ.

У Т. Готье образъ вполнѣ отчетливъ:

La foule est comme l'eau qui fuit les hauts sommets:
Ou le nieveau n'est pas, elle ne vient jamais.

«Надъ *уровнемъ* не возвышается она» — это необходимо было сохранить, равно и слѣдующую картину: «не теряй напрасный трудъ въ желаньѣ угодить толпѣ и не созидай лѣстницы для строптивой мысли (pour ta pensée ardue): вѣдь хромому перила не возвратятъ стойкость шага (une rampe aux boiteux ne rend pas le pied sur)». Вмѣсто этого у г-жи Чюминой просто сказано:

Не пролагай къ нему (т. е. трудному пути) ступеней,
Не поясняй — напрасный трудъ.

Тамъ, гдѣ паритъ свободный геній,
Одни избранники пройдутъ.

Это — переложеніе «своими словами», не переводъ. И заключеніе у Готье утрачиваетъ въ переводѣ тотъ смыслъ, который ему придалъ самъ поэтъ:

....Pour que Dieu, dans son oeuvre allant et voyageant,
Comprenne que toujours on fréquente les cimes
Et qu'on monte au sommet des poèmes sublimes.

Стало-быть — Богъ надъ всѣмъ, и если избранники не должны опускаться до толпы, то каждому человѣку и изъ толпы предоставлено подняться—«на высоту дивныхъ твореній»; ихъ нельзя какъ бы «размѣнять на мелочь», приноровить къ пониманію всѣхъ и каждаго; необходимо напряженіе, личныя усилія, чтобы подняться, и тщетны старанія облегчить стоящимъ внизу подъемъ, пока въ нихъ самихъ не загорится искра стремленія къ совершенству. Эта философская концепція вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ даннаго произведенія Теофиля Готье, проникая созданный имъ образъ. Г-жа Чюмина выпустила указанные три заключительныхъ стиха; осталось лишь упоминаніе объ орлѣ, которому доступна вершина горы: взмахъ крыла —

И достигаетъ онъ желанныхъ,
Снѣгами вѣчными вѣнчанныхъ
И уходящихъ въ небосводъ—
Недосягаемыхъ высотъ.

Но это простое констатированіе общеизвѣстнаго факта, что орелъ летаетъ высоко. Въ чемъ смыслъ «утѣшенія» (consolation), какъ названо стихотвореніе авторомъ? Г-жа Чюмина въ него не вдумалась. Она дала лишь внѣшнія очертанія картины, декорацію — безъ внутренняго ея содержанія. — Слѣдующая пьеса — «Поэтъ и чернь», передана нѣсколько ближе, но характерные и важные для смысла эпитеты опять-таки пропущены: «Долина обратилась съ вопросомъ къ *праздной* горѣ» — «à la montagne

oisive—Rien ne vient sur ton front des vents toujours battu!»—Чернь молвила поэту, склонившемуся надъ своей задумчивой лирой: «Мечтатель, на что ты нуженъ (Reveur, à quoi sers tu?)». Въ переводѣ:

Долина къ горѣ обратилась съ укоромъ:
— «Что пользы въ безплодной твоей высотѣ?»
Глядѣвшему въ небо задумчивымъ взоромъ
Пѣвцу говорили: «Ты служишь мечтѣ».

Поэтъ и самъ знаетъ, что онъ служитъ мечтѣ, а вопросъ въ томъ—служитъ ли чему нибудь сама мечта? Эпитетъ «праздной» и упоминаніе «ton front *des vents toujours battu*» чрезвычайно характерны для обрисовки значенія поэта въ глазахъ толпы, не понимающей его обособленія отъ «житейской суеты» и того, что онъ, возвышаясь надъ уровнемъ, какъ бы самъ идетъ на встрѣчу непогодѣ. Врядъ ли удобенъ въ данномъ случаѣ и безличный оборотъ «говорили», вмѣсто обозначенія—толпа или чернь, такъ какъ здѣсь нужно было выдержать противоположеніе—поэта и черни, указаннаго во французскомъ заглавіи. Послѣдняя строфа гораздо блѣднѣе въ переводѣ:

Поэтъ, въ свою очередь, отвѣтилъ толпѣ: «Оставьте мой бѣдный лобъ склоненнымъ на руку (т. е. ту позу кажущейся праздности, за которую поэтъ выслушалъ упрекъ). Развѣ изъ моихъ нѣдръ, откуда выливается моя душа, я не заставилъ биться источникъ, изъ котораго пьетъ весь человѣческій родъ. (N'ai-je pas de mon flanc, d'où mon âme s'ecoule, Fait jaillir unesource, où boit le genre humain?).

Поэтъ же отвѣтилъ: я въ пѣсняхъ печали
Всю жизнь изливаю и душу мою.
Родникъ ихъ обиленъ и тѣхъ, кто страдали,
Струею живою я всѣхъ напою.

Дѣло, конечно, не просто въ отступленіяхъ, а въ томъ, что мѣткая и точная фраза Готье принимаетъ въ переводѣ не свойственный французскому поэту отпечатокъ банальности и избитыхъ общихъ мѣстъ, при нѣкоторой расплывчатости или недосказанности перевода. Такъ, напримѣръ въ стихотвореніи «Честолюбіе»:

У г-жи Чюминой:

Свѣтильникъ истины возжечь
И знать, что пламенная рѣчь
Найдетъ сочувственное эхо,
Все предпринять, достичь всего,
Извѣдать славы торжество
И тайны высшаго успѣха, и т. д.

О комъ рѣчь идетъ? Это пока не ясно, такъ какъ приведенныя стремленія могутъ быть приписаны ораторамъ, проповѣдникамъ, писателямъ, — и въ переводѣ до конца такъ-таки и не названъ тотъ, къ кому обращенъ вопросъ, т. е. поэтъ. У Теофиля Готье съ перваго слова: Poète, dans les coeurs mettre un écho sonore и т. д. И выразительный заключительный стихъ первой строфы: faire luire son nom sur tous ceux qu'on adore — пропущенъ или переданъ въ совершенно несоотвѣтствующей формѣ въ началѣ слѣдующей строфы:

Свои дѣла въ сердцахъ людей
Запечатлѣть;

Здѣсь рѣчь идетъ уже о тщеславіи завоевателя, могущество котораго Готье оригинально характеризуетъ выраженіемъ: Courir en quatre pas du couchant à l'aurore — Avoir un peuple fait de trente nations; ничего подобнаго въ смыслѣ яркости и живописности нѣтъ въ переводѣ:

какъ чародѣй,
Какъ властелинъ царить надъ міромъ,
Ему предписывать законъ и т. д.

Все это ужасно ординарно, а заключительная строфа сонета, столь живая, жизненная въ естественномъ діалогѣ у французскаго автора, передана по-русски огульнымъ выраженіемъ:

Mais qui donc comblera l'abîme de ton coeur?
Que veux-tu qu'on y jette, o poète, o vainqueur?
—Un mot d'amour tombé d'une bouche de femme.

И лавры гордые свои
За слово истинной любви
Ты всѣ отдашь безъ колебанья.

Въ сонетѣ — «L'hirondelle» — въ русскомъ переводѣ первый стихъ невольно рѣжетъ слухъ, точно это «монологъ» изъ шарады или водевиля съ переодѣваніемъ:

Я — ласточка; купаюсь прихотливо
На волѣ я въ лазурной вышинѣ.

Выходитъ какъ-то наивно, по-дѣтски. Между тѣмъ у Готье сразу дается характеристика настроенія:

Je suis une hirondelle et non une colombe;
Ma nature me force à voltiger toujours.
Le nid ou des ramiers s'abritent les amours;
S'il y fallait couver, serait bientôt ma tombe.

Въ концѣ основная мысль измѣнена, или не ясно передана: Mais partout de *l'absent* mon âme se souvient — говоритъ поэтъ устами ласточки:

Mon amour est constant, si mon aile est legère,
Et sans craindre l'oubli, la folle passagère
D'un bout du monde à l'autre au même *coeur* revient

Въ русскомъ переводѣ:

Но все, что я покинула, — мнѣ мило,
И радостно я изъ иныхъ краевъ
Опять спѣшу подъ тотъ же самый кровъ.

Гдѣ же: le même *coeur*, mon *amour* est constant, sans craindre *l'oubli* и прочія размышленія «folle passagère»? Стиль Готье не дается переводчицѣ, и хотя мы отнюдь не теряемъ изъ виду тѣхъ трудностей, которыя онъ представляетъ для перевода, но все же послѣдній долженъ передать, хоть до нѣкоторой степени, общій тонъ, пріемы, хотя бы и въ парафразѣ — часть тѣхъ блёстокъ, которыми такъ искрится слогъ французскаго поэта. Г-жа Чюмина какъ бы ограничивается указаніемъ, «о чемъ» пишетъ авторъ, не обращая достаточно вниманія на то, «какъ» онъ пишетъ, а между тѣмъ почти весь Готье—въ стилѣ. На ряду съ мѣткостью и выразительностью эпитета и вводныхъ предложеній, у Готье чрезвычайная отчетливость и вѣрность образа. У г-жи Чюминой — зачастую неопредѣленность выраженія заслоняетъ ясность образа. Напримѣръ, въ стихотвореніи «Прометей», по поводу картины Рибейры, Готье въ нѣсколькихъ фразахъ передаетъ содержаніе данной картины, и тогда его впечатлѣніе и общій выводъ понятны:

Toi, cruel Ribeira, plus dur que Jupiter,
Tu fais de flanc creux par d'affreuses entailles
Couler à flots de sang des cascades d'entrailles!
Et tu chasses le choeur des filles de la mer,
Et tu laisses hurler, seul dans l'ombre profonde,
Le sublime voleur de la flamme féconde!

У г-жи Чюминой эти двѣ строфы переданы въ сокращенной формѣ:

Но ты, Рибейра, былъ суровѣе, чѣмъ самъ
Неумолимый Зевсъ, къ отважному титану,
Тобою осужденъ одинъ во тьмѣ ночей
Терзаться муками великій Прометей.

Тутъ нѣтъ характернаго противоположенія — *ombre* profonde, *flamme* féconde, и содержаніе картины передано непонятно. Врядъ ли удобно (во второй строфѣ) выраженіе, «ундины», изъ

другой миѳологіи, по отношенію къ «морскимъ дѣвамъ», вм. нереидъ или «морскихъ дѣвъ». Въ другомъ, параллельномъ стихотвореніи изъ «испанскаго альбома» — «Эскуріалъ», — по-русски выраженіе: «Тиверія испанскаго твореніе», даетъ поводъ къ недоразумѣнію. Готье, сравнивая Филиппа II, по приказу котораго воздвигнутъ былъ монастырь, съ императоромъ Тиверіемъ, правда, назвалъ Филиппа—le Tibère espagnol (Débauche de granit du Tibère espagnol); по-русски не принято такъ выражаться безъ оговорки—того, что былъ..., или слылъ...., а «твореніе» отнюдь не соотвѣтствуетъ выраженію—«débauche». Послѣдній стихъ «Le geant assoupi qui *rève éternité*»... переданъ: «гиганта..., Заснувшаго своимъ тяжелымъ сномъ».— Вся соль пропала, ибо въ образѣ дремлющаго гиганта, которому грезится «вѣчность», — весь смыслъ описанія грандіозной постройки, претендовавшей на званіе «новаго чуда свѣта»— posé comme un défi tout près d'une montagne! Въ переводѣ и этого стиха нѣтъ, и въ данномъ случаѣ строгій размѣръ (секстины) врядъ ли удачно замѣненъ такъ называемымъ вольнымъ стихомъ.

Однородныя замѣчанія приходится дѣлать почти о всѣхъ избранныхъ для перевода стихотвореніяхъ Т. Готье. Вотъ, напримѣръ, изящныя, игривыя и остроумныя «варіаціи» французскаго поэта на венеціанскій карнавалъ: въ введеніи («Dans la rue») изъ восьми строфъ двѣ въ переводѣ опущены, а въ остальныхъ— то же отстраненіе легкихъ, но характерныхъ подробностей, придающихъ французскому оригиналу столько жизни и блеску: «Есть старинный народный напѣвъ, начинаетъ Готье: на всѣхъ скрипкахъ его пропищали, всѣ шарманки прогнусили его, подъ лай разсерженныхъ собакъ. Табакерки «съ музыкой» включили его въ свой репертуаръ; — для чижей онъ сталъ «урочной темой», и моя бабушка ребенкомъ заучила его». Г-жа Чюмина пропускаетъ столь типичную и подходящую къ данной картинѣ подробность—шарманки гнусящей на дворѣ—«aux abois des chiens en colère» и замѣчаніе о бабушкѣ, затвердившей вслѣдъ за чижомъ его урокъ, который въ переводѣ отнесенъ не къ «воспитанной»

птицѣ (выраженіе «классическій»—pour les serins il est classique — здѣсь употреблено именно въ значеніи *школьный* и *урочный*, какъ говорятъ — grammaire classique, édition classique и т. п., т. е. pour les classes), а къ шарманкѣ; смыслъ не тотъ:

Старинный мотивъ карнавала! Для всѣхъ табакерокъ онъ сразу
Заграннѣй нѣтъ ничего. *Классическимъ нумеромъ* сталъ,
Шарманка гнусила, бывало, И чижъ музыкальную фразу
И скрипка терзала его. Изъ клѣтки своей повторялъ,

и т. д.

Въ шестой (= восьмой) строфѣ, по-русски, не вполнѣ понятно: «онъ (т. е. Паганини), щедро разсыпавъ *по газу* — Своихъ арабесковъ узоръ», — между тѣмъ по-французски сравненіе заграннаго мотива со обветшалымъ газомъ, на которомъ еще остались слѣды мишуры (brodant la gaze fanée — que l'orpeau rougit encore), выясняется именно изъ эпитетовъ, пропущенныхъ въ переводѣ. Едва ли нужно продолжать разборъ, такъ какъ замѣчанія пришлось бы дѣлать все однороднаго характера: и въ самомъ послѣднемъ стихѣ послѣдней «варіаціи» (Clair de lune sentimental)— «Que ton charme m'a fait de mal» — горечь противоположенная очарованію (charme), это характерное настроеніе, вызванное въ поэтѣ при звукахъ знакомой мелодіи, обезцвѣчено въ неопредѣленномъ выраженіи:

Какъ все, что давно миновало,
На память приводишь ты намъ.

Оставляя въ сторонѣ болѣе или менѣе откровенно-вольныя переложенія изъ Готье, которыя умѣстнѣе было бы перенести въ отдѣлъ «откликовъ», а не переводовъ, еще одно замѣчаніе по поводу передачи граціозной бездѣлушки—«Fantaisies d'hivers» (изъ Emaux et Camées). Уже начало по-русски не особенно удачно, не только по сравненію съ оригиналомъ, но и само по себѣ:

Съ усмѣшкой невеселой
На много разныхъ *то́новъ*

Зима играетъ соло
Въ квартирѣ всѣхъ сезоновъ.

Что значитъ «соло на много *разныхъ* то́новъ» (принято, къ тому же ставить удареніе иначе: тонòвъ?) Это выраженіе намъ не понятно, да оно и не музыкально, и, конечно, не точно. У Готье:

Le nex rouge, la face blème,
Sur son pupitre de glaçons,
L'hivers execute son thème
Dans le quatuor des saisons.

Эта картинка цѣльная, образъ живой и колоритный, не вызывающій недоумѣнія. При всей игривости и остроуміи замѣчаній, Готье никогда не теряетъ изъ виду реальныхъ очертаній образа и всегда его характеристики мѣтки. Такъ, напримѣръ, рисуя далѣе шутливые «костюмы», въ которые подъ снѣгомъ словно одѣлись статуи, поэтъ намѣчаетъ то или другое снѣжное облаченіе въ соотвѣтствіи съ внѣшними очертаніями и позой статуи, т. е. такъ, какъ на самомъ дѣлѣ снѣжный покровъ можетъ облечь ее; фантазія основана на наблюденіи дѣйствительности и реально правдива. Напримѣръ, въ слѣдующемъ куплетѣ:

La Vénus Anadyomène
Est en pelisse à capuchon,
Flore, que la brise malmène,
Plonge ses mains dans son manchon.

Названа Венера—Anadyomène, такъ какъ она обыкновенно изображается съ распущенными, густыми волосами и съ дельфиномъ около нея; стало быть, именно у этой Венеры, въ отличіе отъ другихъ, на волосахъ и могъ образоваться изъ снѣгу родъ шубки «съ капюшономъ». У Флоры, какъ извѣстно, въ рукахъ урна съ цвѣтами; покрытые снѣгомъ, они и образуютъ нѣчто вродѣ «муфты» и т. п. Г-жа Чюмина оставила за Венерой

(безъ указанія какой именно) «накидку съ капюшономъ», но въ остальномъ фантазируетъ, не сообразуясь съ обликомъ статуй:

Ротондою Діана
Смущаетъ наши взоры,
И видѣть какъ-то странно
Боа на шеѣ Флоры.
И силою примѣра,
Ей ставшаго закономъ (?),—
Красуется Венера
Въ накидкѣ съ капюшономъ.
Всѣ мраморные боги,
Должно быть, очень зябки;
Меркурій быстроногій—
И тотъ въ косматой шапкѣ....

Меркурій — прибавляемъ отъ себя, но, не оспаривая прибавки, мы скорѣе надѣли бы на него снѣговые валенки, а не шапку, въ виду того, что онъ изображается съ крыльями на ногахъ: это было бы типичнѣе. «Боа» неумѣстно на шеѣ Флоры: Готье видитъ его въ пастушкахъ — «Les bergères de Coysevox et de Couston,—*Trouvant leurs écharpes légères*—Ont des boa autour du cou» и т. д. Все это, быть можетъ, мелочи, но не съ точки зрѣнія поэтической техники, такъ какъ свидѣтельствуетъ о слишкомъ внѣшнемъ, поверхностномъ отношеніи къ дѣлу переводчицы, которая—лишь бы стихъ вышелъ гладокъ и давалъ приблизительный смыслъ — не заботится о вѣрности образа, о реализмѣ подробностей. Въ иныхъ случаяхъ, какъ въ настоящей пьесѣ, это приводятъ къ неясной картинѣ, въ другихъ, какъ было указано, — къ затемнѣнію смысла и идейнаго вывода въ образномъ мышленіи поэта. И это, конечно, существенно.

Сюлли-Прюдомъ, въ отличіе отъ Т. Готье, больше поэтъ мысли, чѣмъ стилистъ. У него есть, конечно, красивые и удачно

выраженные образы, но попадаются и весьма прозаическіе обороты. Выраженія его точны, но порой суховаты. Склонный къ грусти, онъ какъ бы стыдливо оберегаетъ чувства въ глубинѣ души и скорѣе предоставляетъ объ нихъ угадывать, чѣмъ вдается въ лирическія изліянія; онъ не чуждъ задушевности, но отнюдь не сантименталенъ. — Въ первомъ же стихотвореніи, переведенномъ г-жой Чюминой — «Роса» (собственно — «Росинки» — Les Rosées, изъ сборника Stances et Poèmes), переводчица выкинула послѣднюю строфу, весьма характерную для поэзіи Сюлли-Прюдома, а въ началѣ вставила сентиментальный оборотъ — «Я предаюсь мечтамъ, *поднявъ къ лазури очи*» — не свойственный этому поэту. Въ дословномъ переводѣ: «Я замечтался, а блѣдная роса выступаетъ неслышно, какъ жемчужины въ долинахъ, разсѣянная по пушку цвѣтовъ свѣжей рукою ночи».

У г-жи Чюминой:

Я предаюсь мечтамъ, поднявъ къ лазури очи,
Въ отрадно-тихіе *вечерніе* часы,
Когда среди луговъ рукою блѣдной *ночи*
Разбросаны вездѣ жемчужины росы.

Эпитетъ «блѣдный» больше подходитъ къ росѣ, чѣмъ къ ночи (мы не на сѣверѣ), которая къ тому же оказывается одновременно съ вечеромъ; правда, по-французски *le soir* употребляется и въ болѣе широкомъ значеніи — времени до полуночи (см. ниже), но врядъ ли можно ставить оба выраженія рядомъ: т. е. *вечеромъ ночь* разбросала цвѣты.

Въ дальнѣйшемъ — поэтъ утверждаетъ или просто констатируетъ, что капли росы «avant de se former, toutes — Elles étaient déjà dans l'air», и это, конечно, фактъ общеизвѣстный. Г-жа Чюмина задаетъ вмѣсто этого неясный вопросъ:

Не тамъ ли, въ вышинѣ, сейчасъ онѣ сверкали
Предъ тѣмъ, какъ снизойти серебряной росой?

Но только что передъ этимъ было сказано: il ne pleut pas, le temps est clair (въ переводѣ: «прозрачный сводъ небесъ блистаетъ синевой»); если погода стояла совершенно ясная и поэтъ настаиваетъ на томъ, что росинки не могли упасть съ неба, то гдѣ же онѣ «сверкали въ вышинѣ»? Въ слѣдующемъ куплетѣ:

Откуда у меня явились эти слезы?
Лазурь безоблачна и даже вѣтеръ стихъ.

«Лазури» ночью не бываетъ, а вѣтеръ тутъ не причемъ. Въ оригиналѣ: «toute flamme ce soir est douce au fond des cieux». — «Эти слезы были у меня въ душѣ, продолжаетъ поэтъ, раньше чѣмъ я ихъ почувствовалъ на глазахъ», и заканчиваетъ:

On a dans l'âme une tendresse
Où tremblent toutes les douleurs,
Et c'est parfois une caresse,
Qui trouble, et fait germer les pleurs.

Вотъ этотъ общій выводъ изъ предыдущаго — переводчица почему-то и выпустила. И въ слѣдующемъ небольшомъ стихотвореніи—«Ici-bas» (переведено «Желаніе»)—есть нѣкоторое измѣненіе смысла оригинала: рѣчь идетъ о стремленіи поэта къ вѣчному, тогда какъ здѣсь, на землѣ, все преходящее: «Здѣсь и сирень отцвѣтаетъ и пѣнье птицъ краткосрочно; я мечтаю о такомъ лѣтѣ, которое длилось бы вѣчно.... Здѣсь губы едва прикасаются, не оставляя никакихъ слѣдовъ своей бархатистости; я мечтаю о поцѣлуяхъ, которыя длились бы вѣчно.... Здѣсь люди обречены постоянно оплакивать любовь или дружбу; я мечтаю о такихъ союзахъ, которые длились бы вѣчно!...»

У г-жи Чюминой:

Здѣсь на землѣ все слишкомъ скоротечно:
И запахъ розъ, и пѣнье соловья;
Такой весны, что остается вѣчно,
Хотѣлъ бы я.

Здѣсь на землѣ *всѣ жаждутъ перемѣны*,
Лобзанья здѣсь уходятъ безъ слѣда;
Я жажду *тѣхъ*, что вѣчно неизмѣнны
И — навсегда.

Весь этотъ куплетъ не особенно удаченъ: «жаждутъ перемѣны»— совсѣмъ противоположный смыслъ тому, что «всѣ люди *оплакиваютъ* дружбу иль любовь». Послѣдняя фраза тяжела и неясно выражено, къ кому относится «тѣхъ». «Вѣчно неизмѣнны» и «навсегда» — тавтологія.

Въ послѣдней строфѣ:

Здѣсь на землѣ любовь непостоянна
А дружба длится краткіе года;
Я чувства жду, *какому тѣнь обмана*
Была бъ чужда.

Некрасивъ оборотъ — «какому тѣнь обмана». Въ общемъ, хотя смыслъ приблизительно вѣренъ, но выраженья ослаблены, и съ точки зрѣнія формы—эффектное повтореніе «toujours»—какъ-бы припѣвомъ къ каждой строфѣ во французскомъ оригиналѣ, и слова «demeurent» — въ концѣ третьяго стиха каждаго куплета, мѣрный каденсъ этой пьесы въ соотвѣтствіи съ грустно-задумчивымъ настроеніемъ поэта — все это едва-ли выражено въ русскомъ переводѣ.

Въ стихотвореніе «Ласточка»— послѣднія двѣ строфы не даютъ точнаго смысла: рѣчь идетъ о возможномъ согласованіи личной свободы съ привязанностью къ своему гнѣзду. Подобно ласточкѣ, душа поэта поднимается въ высь и скользитъ по землѣ (mon âme s'élève et tout-à-coup rase le sol), но если ей нужны эти скитанія, ежедневно нуждается она и въ гнѣздышкѣ.

Не совсѣмъ то по русски:

S'il lui faut aussi des voyages,
Il lui faut son nid chaque jour;

Я ни чьей не завидую долѣ,
Раздѣляя порывы твои,

Elle a tes deux besoins sauvages: Я хочу лишь простора и воли,
Libre vie, *immuable* amour. И любви, безконечной любви.
(Лучше-бы — постоянной).

Въ стихотвореніи—Je me croyais poète (по-русски озаглавлено «Идеи и форма») — оттѣнокъ сомнѣнія, выраженный въ формѣ прошедшаго — croyais, необходимъ въ связи съ слѣдующими разсужденіями. Едва ли поэтому первый стихъ удачно переданъ по-русски категоричнымъ заявленіемъ:

Себя *считаю* я поэтомъ по призванью.

Далѣе должна слѣдовать—какъ оно и есть во французскомъ оригиналѣ, характеристика основныхъ свойствъ автора, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду представить свое самооправданіе: mon âme est juste, impetueuse et tendre, qui le sait mieux que moi?—По-русски заявленіе: «я вѣрю въ истину» — не къ чему въ данномъ случаѣ. «Къ добру и состраданью душа отзывчива моя» — нѣсколько блѣдиѣе чѣмъ — «impetueuse et tendre» и пр., и опущено нужное въ данное случаѣ—«никто лучше меня этого знать не можетъ». Въ дальнѣйшемъ—переводчица измѣнила сравненіе, которое дѣлаетъ поэтъ, врядъ ли къ выгодѣ прояснения мысли, т. е. собственно въ передѣлкѣ г-жи Чюминой смыслъ совершенно иной, чѣмъ во французскомъ стихотвореніи. Сюлли-Прюдомъ именно настаиваетъ на заявленіи, что онъ способенъ сильно чувствовать, сильнѣе, чѣмъ обыкновенные люди, но не хватаетъ у него умѣнья облечь свои чувства и мысли въ соотвѣтствующую имъ форму. «Развѣ люди поняли мою радость и мои печали, когда я вылилъ свою душу въ звукахъ (un bruit pour l'oreille)? Они улавливаютъ лишь одно слово: «любовь», и это слово служитъ одинаковымъ выраженіемъ для передачи ихъ волненій и моего». Очевидно, поэтъ при этомъ выражаетъ неудовольствіе, что, при общности языка, онъ не можетъ оттѣнить насколько сильнѣе и глубже другихъ его личное чувство. Г-жа Чюмина пишетъ:

Всѣ люди чувствуютъ равно,
Но въ образы облечь затѣйливыя грезы
Не всякому дано.

Мысль, можетъ быть и симпатичная, но совсѣмъ не та, что у французскаго поэта: всѣ люди *говорятъ* одно, какъ-бы хочетъ онъ сказать, и бѣдность языка не даетъ мнѣ возможности показать большую интенсивность моихъ личныхъ чувствъ, дающая мнѣ право на званіе поэта. Далѣе, оговорка: «Мѣдь, безъ отчеканеннаго на ней изображенія, весьма призрачное сокровище (l'airain.... est un bien illusoire); у меня цѣлый слитокъ ея — но надо бы еще обратить его въ деньги (что-бы мѣдь получила цѣнность), и такимъ образомъ, хотя я и обладаю тѣмъ грубымъ металломъ, на который покупаютъ славу, — я все же не могу заплатить за нее». У г-жи Чюминой вмѣсто «мѣди» поставлено «золото» и, соотвѣтственно, весь смыслъ получается иной:

Металломъ дорогимъ владѣю я въ избыткѣ,
Который могъ бы дать на славу мнѣ права,
Но *золото мое* еще покуда въ слиткѣ —
И долженъ я въ чеканъ отдать его сперва.

Выпущено, кромѣ того, три строфы въ переводѣ.

Посмотримъ теперь, какъ г-жа Чюмина справляется съ красками Леконтъ-де-Лиля, поэта пессимиста по общему міросозерцанію, но яркаго и сильнаго колориста въ своихъ образахъ. Вотъ небольшое стихотвореніе описательнаго характера, картина природы и царя «сѣверныхъ морей»—альбатроса, картина, въ которой лирическое настроеніе поэта передано лишь въ тѣхъ краскахъ, въ томъ особомъ колоритѣ, при которыхъ оживаетъ передъ вами данный образъ.

«Въ безбрежной широтѣ созвѣздія сѣвернаго Козерога — вѣтеръ реветъ, рычитъ, свищетъ, стонетъ и завываетъ (beugle,

rugit, siffle, râle et miaule), и стремительно несется черезъ океанъ, весь побѣлѣвшій отъ бѣшеной пѣны». Уже это начало упрощено въ переводѣ до крайности:

Во мглѣ холоднаго тумана,
На всемъ просторѣ океана,
Отъ полюса до южныхъ странъ
Бушуетъ дико ураганъ.

Это — стоитъ на грани съ пріемомъ огульныхъ описаній въ духѣ Ершова: «За горами, за долами»... Нужно ли напоминать, что къ данному случаю этотъ стиль представляется совершенно не подходящимъ. Дальше всѣ краски, всѣ образы, вся выпуклость картиннаго стиля Леконтъ-де-Лиля какъ-бы совсѣмъ упразднены въ сокращенной передачѣ переводчицы:

[Le vent] se rue, éraflant,
L'eau blème qu'il pourchasse et
dissipe en buées;
Il mord, déchire, arrache et
tranche les nuées
Pas tronçons convulsifs où saigne
un brusque éclair;
Il saisit, enveloppe et culbute
dans l'air
Un tournoiement confus d'aigres
cris et de plumes
Qu'il secoue et qu'il traine aux
crêtes des écumes
Et, martelant le front massif des
cachalots,
Mêle à ses hurlements leurs
monstrueux sanglots.

Отчаянья и злобы полный,
Вздымаетъ онъ горою волны
Съ сѣдою пѣной на хребтахъ.
Въ нависшихъ низко небесахъ
Рождаетъ тучу онъ за тучей,
И блескомъ молніи летучей
На мигъ бываетъ озаренъ
Покрытый мракомъ небосклонъ.

Разница стиля на столько очевидна, что комментаріи были бы излишни. Дѣло не въ томъ лишь, что редакція русскаго текста

почти вдвое короче французскаго оригинала, но главное, что вся образность описанія сведена какъ-бы на нѣтъ. И когда читаешь послѣдніе стихи въ переложеніи г-жи Чюминой:

....Надъ безпощаднымъ ураганомъ,
Ниспровергающимъ утесъ,—
Побѣдно рѣетъ альбатросъ.

невольно задаешь себѣ вопросъ: — а что же далѣе? Для чего намъ былъ сообщенъ этотъ фактъ, — о томъ, что альбатросъ рѣетъ надъ ураганомъ, общеизвѣстный изъ естественной исторіи? У Леконтъ-де-Лиля, разумѣется, это иначе выражено и въ такой именно формѣ, что возбуждается особое чувство, понятное при всей его недосказанности: Seul le roi de l'espace.... l'oeil dardé par delà le livide brouillard —

....tranquille au milieu de l'épouvantement
Vient, passe et disparait majestueusement.

И для того, чтобы заставить ощутить это величавое спокойствіе царственной птицы—«Uebermensch»—надъ всѣмъ хаосомъ разнузданной стихіи, необходима была эта яркость, пестрота красокъ, этотъ хаосъ образовъ, съ неудержимой стремительностью какъ-бы вырывающихся изъ подъ кисти художника.

На той же страницѣ (210) у г-жи Чюминой приведенъ переводъ другого небольшого стихотворенія Леконтъ-де-Лиля изъ его Poèmes tragiques—«Le Parfum impérissable» (Безсмертное благоуханіе). И здѣсь опять-таки въ переводѣ упразднена вся образность языка французскаго поэта и получаются до нельзя прозаичные обороты:

Когда красовалася роза Лагора,
Хоть день посреди дорогого сосуда,
Вы можете вылить всю воду оттуда, —
Но запахъ чудесный исчезнетъ не скоро.

Въ оригиналѣ: «Когда солнца цвѣтокъ, роза Лагора,—наполнила каплей за каплей изъ своей благоухающей души сосудъ, будь онъ изъ глины, изъ кристалла, или изъ золота,—вы можете разлить его на жгучій песокъ. Пусть хоть цѣлыя рѣки или море наводнятъ это тѣсное святилище, гдѣ она была заключена (т. е. душа цвѣтка), — сосудъ, даже разбившись, сохраняетъ свой божественный запахъ, и прахъ его, осчастливленный, остается пропитанъ имъ».

У г-жи Чюминой:

Краса этой розы была скоротечна,
Какъ пламя угасшей безвременно страсти,
Но даже въ сосудѣ, разбитомъ на части,—
Ея ароматъ сохраняется вѣчно.

Это на столько сухо, что—какъ въ особенности вышеуказанное «выливаніе воды» изъ сосуда — едва ли заслуживаетъ названія поэзіи. Въ послѣдней строфѣ слово «донышѣ» служитъ не особенно удачной замѣной выраженія—Par delà l'heure humaine et le temps infini,—какъ показателя высшей интенсивности чувства.

Въ стихотвореніи «Небесная лампада» есть нѣсколько удачныхъ стиховъ въ переводѣ («Качаясь на цѣпяхъ изъ золотыхъ свѣтилъ, — Сіянье льетъ свое небесная лампада»), но есть также пропуски и не вполнѣ удачныя вставки рифмы ради. Такъ, въ первой же строфѣ—общая характеристика «небесной лампады»—т. е. луны, которая, свѣсившись съ неба на темной синевѣ, озаряетъ, очевидно, всю поверхность земли—l'immense mer, les monts et les rives. Общій оборотъ здѣсь необходимо было сохранить. Между тѣмъ у г-жи Чюминой нѣсколько неожиданно появляется «страна, гдѣ протекаетъ Нилъ» — точно это спеціальное мѣсто, гдѣ «сіянье льетъ свое небесная лампада». Слѣдующая строфа совсѣмъ выпущена, а далѣе — фраза (послѣ: Es-tu.... le blanc paradis où s'en vont leurs songes (leurs — т. е. des morts bienheureux):

O monde muet, épanchant sur eux
De beaux rêves faits de meilleurs mensonges—

передана «Гдѣ пробужденья нѣтъ отъ *сладостнаго сна*». Не споримъ, что данное мѣсто у Леконтъ де Лиля очень трудно перевести, но все таки по-русски совсѣмъ не то. Въ предпослѣдней строфѣ — столь выразительныя восклицанія:

Toujours, à jamais, éternellement,
Nuit! Silence! Oubli des heures amères!—

переданы: «Забвенье навсегда, безчувствіе нирванны». Ужасно заѣзженное это «безчувствіе нирванны», и сглаживаетъ непосредственность индивидуальнаго выраженія чувства.

Съ сокращеніями и въ упрощенной—т. е. по сущности перепачканной—формѣ передано и стихотвореніе «Тайна бытія» (213, Le secret de la vie):

Le secret de la vie est dans les tombes closes:
Ce qui n'est plus n'est tel que pour avoir été
Et le néant final des êtres et des choses
Est l'unique raison de leur réalité.

Разгадка тайны бытія
Понятной станетъ въ часъ кончины;
Существованія *причины*
Тогда умомъ постигну я.

По-русски даже не совсѣмъ понятно: — почему «умомъ» постигаются «существованія причины» именно въ часъ кончины? Въ оригиналѣ смыслъ иной: «le *néant* final est l'unique raison de la *réalité* des êtres et des choses»,—т. е. если бы не было смерти, то нельзя было бы противополагать ей жизни: безъ уничтоженія не было бы понятія о существованіи; стало-быть, дѣло не въ *причинахъ* существованія, а въ немъ самомъ. Вообще, мысль Леконтъ-де-Лиля совершенно не понята переводчицей и въ заключеніи опущенъ существенный выводъ: Sache mourir afin

d'avoir été! Въ русскомъ переводѣ: «Живущіе, не бойтесь смерти». Это совсѣмъ, совсѣмъ не то.

Изъ произведеній Леконтъ-де-Лиля болѣе удачно справилась переводчица лишь съ небольшой поэмой — «Судъ графа» (Le jugement de Komor). Мы не будемъ отмѣчать здѣсь небольшія отступленія, ибо, если образность языка и философская концепція поэта составляютъ главные камни преткновенія нашей переводчицы, — она легче справляется съ повѣствовательнымъ стилемъ и сохраняетъ общія очертанія разсказа. Однако не можемъ не указать на врядъ ли удачную замѣну:

Въ углу виднѣлся ликъ задумчивый Христа,
Ушедшаго душой въ божественныя грезы.

Въ подлинникѣ не то: Au fond, contre le mur, *tel qu'une ombre pensive*, un grand Christ. Une cloche auprès и т. д. Прислоненное къ стѣнѣ *распятіе* можетъ дѣйствительно показаться — «une ombre pensive», но мы нѣсколько недоумѣваемъ изображенію на крестѣ Христа, «ушедшаго душой въ божественныя грезы». Ужъ въ крайнемъ случаѣ — «думы», — но гдѣ имѣются такія изображенія распятаго Христа? Данная невѣрная подробность обстановки снова указываетъ на внѣшнія свойства пріемовъ слагать стихи у г-жи Чюминой: у нея нѣтъ передъ глазами отчетливой картины того, о чемъ она пишетъ.

Франсуа-Коппе — гораздо легче, по стилю и по темамъ, для перевода, и въ общемъ г-жа Чюмина справляется съ этимъ поэтомъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Къ сожалѣнію все таки приходится дѣлать эту оговорку — «болѣе или менѣе». Характерныя подробности, особенности слога въ соотвѣтствіи съ выведеннымъ типомъ, а порою и общій тонъ разсказа — не всегда выдержаны въ переводѣ. Болѣе удачно переданы первая изъ «маленькихъ поэмъ» — «Который изъ двухъ» (однако, выпущено замѣчаніе объ осужденныхъ во время террора — tous inno-

cents!). Характеристика одного изъ вызываемыхъ на смертную казнь скомкана:

L'un des deux prisoniers était un vieux bourgeois—
Débris de quelque ancien parlement de province,
En poudre, et qui gardait, sous son habit trop mince
L'air digne et froid qu'avaient les députés du tiers.

Въ костюмѣ небогатомъ
Одинъ изъ нихъ, судя по важности манеръ,
И виду общему, казался депутатомъ.

Русская передача текста здѣсь лишена отчетливости. «Двѣ гробницы», «Мадьяръ» (но здѣсь, напримѣръ, опущена подробность, что пляшущій графъ обвѣсилъ себя монетами: «de lourds sequins d'or qu'il avait, par caprice, — mal attachés exprès au drap de sa pelisse, afin que, tout le temps qu'il serait à danser, ils tombassent par terre et qu'on put ramasser». Въ русскомъ переводѣ: «изумруды и алмазы, жемчугъ и сапфиръ»—«сыплются дождемъ». Это и невѣрно и невѣроятно. Въ заключеніи — вставка, что мадьяръ «спокойно молвилъ, *словно про себя*», — неумѣстна: совсѣмъ не—«про себя», а именно графу, во всеуслышаніе). Въ поэмѣ «Человѣкъ-афиша», разсказъ стараго рабочаго, ставшаго въ силу необходимости «ходячей афишей», лишенъ въ переводѣ спеціальнаго колорита простонародной рѣчи. Хотя бы дословная передача выраженій «арго» представлялась невозможной на русскій языкъ (напримѣръ, les gens à tirelire, le beau mirliflor, tirer la carotte, gagner son tabac, un pouf immense и т. д.), все таки рѣчь рабочаго должна была быть выдержана въ соотвѣтствіи со стилемъ разсказчика, а въ русскомъ переводѣ она безцвѣтна. Не удался тонъ и стиль поэмы о Донъ-Жуанѣ Коппэ (Une vision de Don Juan) въ переложеніи г-жи Чюминой. Отрывочныя фразы, короткій восьмисложный стихъ, слегка насмѣшливое отношеніе къ темѣ — все это не соблюдено переводчицей, которая — обратно тому, какъ она поступала по отно-

шенію къ Леконтъ-де-Лилю,—здѣсь значительно удлинила размѣръ:

Don Juan n'est pas mort. Aucun gouffre	Не умеръ Донъ-Жуанъ. Любви искатель вѣчный,
N'absorba le grand Curieux.	Пучиной адскою онъ не былъ поглощенъ;
L'antique enfer n'a plus de souffre.	Простившись съ юностью заманчиво-безпечной,
Don Juan vit. Don Juan s'est fait vieux.	Состарѣлся въ своемъ изгнаньѣ онъ.

И такъ далѣе, въ томъ же родѣ, т. е. съ тѣми же отступленіями, порою непонятными аллюзіями (напримѣръ, въ четвертой строфѣ: «Его—т. е. Донъ-Жуана—утѣхи тутъ: старинный томъ Мольера, старинныхъ клавесинъ серебряная трель». Здѣсь совершенно непонятно, къ чему эта «серебряная трель», между тѣмъ въ оригиналѣ вполнѣ ясно указано забавное положеніе «воскресшаго» Донъ-Жуана, который — читаетъ «о себѣ» Мольера, или напѣваетъ «свои аріи» изъ оперы Моцарта[1]), сокращеніями и произвольными толкованіями смысла подлинника (напримѣръ, врядъ ли подходитъ къ характеристикѣ героя—съ точки зрѣнія Коппэ, имѣвшаго въ виду le grand *Curieux* — замѣчаніе, которое г-жа Чюмина влагаетъ въ его уста: «Я былъ *художникомъ, поэтомъ наслажденья*». Въ подлинникѣ — «Moi, le grand artiste en débauche», — т. е. великаго мастера въ развращеніи) и т. д.

Даже при переводѣ болѣе второстепенныхъ поэтовъ, у г-жи Чюминой не всегда хватаетъ виртуозности для того, чтобы справиться съ техническими трудностями оригинала въ избранной ею пьесѣ. Въ такомъ родѣ стихотвореніе Армана Силь-

1) Et depuis lors, lisant Molière,—Fredonnant les airs de Mozart и т. д.

вестра, изъ его Chansons des Heures, озаглавленное по-русски «Желаніе» (стр. 295). Французскій поэтъ внесъ внутренній припѣвъ, съ колебаніями въ оттѣнкахъ, который объединяетъ всѣ строфы. Г-жа Чюмина упразднила эту «виртуозность» формы, и осталось только довольно банальное содержаніе:

Assis au revers d'un chemin,
— *L'ombre en noyait les avenues*,
Tous seuls et la main dans la main,
Je baisais ses épaules nues.
Blanche la lune se levait,
— *L'ombre en redoublait son mystère*,
Au moindre souffle, tout avait
Des frissons d'amour sur la terre и т. д.

Тропинкой мы шли отдаленной
При блѣдномъ сіяньѣ луны,
И трепетъ любви затаенной
Намъ слышался въ нѣснѣ волны.

Казалося, имъ трепетали
Во мракѣ деревьевъ листы
И звѣзды въ сіяющей дали;
И тихо головку склоняли
Объятые нѣгой цвѣты.

Второй стихъ — о тѣни въ различномъ отношеніи къ тому или другому описываемому моменту, — сопровождаетъ всѣ строфы, какъ-бы внутренній припѣвъ, колеблющійся именно какъ «тѣнь», въ соотвѣтствіи съ измѣняющейся картиной и настроеніемъ поэта. Такъ, въ первомъ куплетѣ, — тѣнь поглощаетъ аллеи; во второмъ — она усиливаетъ таинственность луннаго свѣта; въ третьемъ — тѣнь какъ-бы впитываетъ въ себя благоуханіе волосъ возлюбленной поэта; въ четвертомъ — она наполняетъ дно пропасти; въ пятомъ — усиливаетъ біеніе сердца; въ шестомъ — простирается какъ вуаль на очи возлюбленной; далѣе — тщетно пытается слить звѣзды, придаетъ особую прелесть звуку голоса... Быть можетъ, эта виртуозность нѣсколько искусственная, но все таки — виртуозность, безъ которой стихотвореніе само по себѣ ничѣмъ особеннымъ не выдается. Такимъ оно и является въ русскомъ переводѣ, гдѣ заявленіе: «Вѣдь эта звѣзда золотая — слеза», остается, какъ впрочемъ и въ оригиналѣ, вычурнымъ сравне-

піемъ (почему звѣзда — слеза?) безъ поддержки въ виртуозности формы.

Послѣднее изъ переведенныхъ стихотвореній Арм. Сильвестра — «Закатъ» переложено ужъ очень длинными стихами:

Вся глубина небесъ пылаетъ, какъ въ огнѣ,
Багрянца дымкою прозрачною одѣта и т. д.

У Арм. Сильвестра — фраза и стихи гораздо короче, отрывочнѣе, пожалуй, суше:

N'étant plus qu'un brouillard vermeil
L'horizon dans la nuit recule.

Однако въ переводѣ нѣтъ образнаго выраженія — «dans la nuit recule», и замѣна конкретнаго — je voudrais comme *le soleil* — описательнымъ «подобно *блеску дня*», вмѣсто солнца, можетъ быть, не такъ картинно. «Sentir l'universel émoi, suivre, au loin, ma trace blanchie» — не значитъ: обратиться самому въ росу (И падъ ночами пасть живительной росою). Впрочемъ, въ общемъ это стихотвореніе, хоть и вольно, но недурно передано.

Изъ Жана Экара переведены два стихотворенія. — Первое, лирико-эпическій монологъ «Отверженный» (Détresse), въ общемъ недурно. Опущены лишь двѣ, три подробности, придающія больше рельефа оригиналу.

Такъ, въ заключеніи, отвѣтъ поэта:

Je dis à la mer, au grand ciel, à mon seuil:
Deux bras ont repoussé mes deux bras tout à l'heure,
Et je suis là, seul, pauvre, errant—et sans demeure.

По-русски слабѣе:

И такъ отвѣтилъ я и морю и свѣтиламъ:
— Я цѣль и счастіе нашелъ во взорѣ миломъ,
И вотъ, отверженный, бреду я одинокъ,
Лишенъ пристанища, печаленъ и убогъ.

Оригинальное выраженіе—«deux bras ont repoussé mes deux bras»—и послѣдовательность эпитетовъ — «seul, pauvre, errant et sans demeure» — лучше, чѣмъ въ русскомъ переводѣ, который все же въ общемъ болѣе удовлетворяетъ, чѣмъ переводъ слѣдующей «сказки» (La petite fée). — Вся ея соль въ діалогѣ капризной феи, захотѣвшей осѣдлать мотылька, который покорно подставилъ ей свою спину, чтобы носить по воздуху. Фея сперва готова была просто сѣсть на него, потомъ — захотѣла бо́льшаго:

Non, non, je veux plus, je veux plus encore —
Dit la petite femme.
... Non! j'aurai trop peur, si tu n'es sellé
Comme un cheval de race;
Non... je tomberais du coursier ailé...
Sois de bonne grace!
— «Moi, je ne veux pas!» — Et moi, je le veux! —
L'amoureux se décide и т. д.

Начало у г-жи Чюминой недурно передано, но этотъ діалогъ лишенъ живости въ переводѣ:

— «Постой на мгновенье, — она отвѣчала,
— Опасность пугаетъ меня...
Дозволь, я тебя осѣдлаю сначала,
Какъ всадникъ сѣдлаетъ коня.
— Но я не согласенъ! возвысилъ онъ голосъ.
— А я послушанія жду.
И онъ покорился и т. д.

То, да не то, равно какъ и въ послѣдней строфѣ — «Забыла капризница *вновь*» — какъ будто она уже раньше знала, что мотыльковъ не сѣдлаютъ, и теперь повторяетъ опытъ...

Мы уже отмѣтили выше, что переводы изъ Альфреда-де-Виньи, изъ Ришпэна[1]) и Жана Рамо болѣе удовлетвори-

1) Въ пьесѣ Ришпэна «Пробужденіе» замѣтимъ лишь неловкое выраженіе «надъ *уровнемъ земли*» и въ «сонатѣ Возрожденія»—неумѣстно: капканы для

тельны, но, въ смыслѣ стиха, однородныя замѣчанія съ вышеуказанными, пришлось бы дѣлать почти о всѣхъ переводахъ г-жи Чюминой, которая вольно обходится съ текстомъ въ томъ случаѣ, когда онъ или не является въ соотвѣтствіи съ ея настроеніемъ, или представляется ей слишкомъ труднымъ для передачи: она выпускаетъ, сокращаетъ или видоизмѣняетъ подлинникъ, жертвуя образами, характерными эпитетами и картинками.

Вотъ, напримѣръ, два отрывка изъ Хозе-Маріа де Эредіа объ Антоніи и Клеопатрѣ. Первый — «на Цидиѣ» — значительно сокращенъ въ переводѣ. Приведемъ сперва точный переводъ: «Подъ торжественной лазурью неба, подъ пылающимъ солнцемъ, — серебряная трирема проводитъ бѣлый слѣдъ на темныхъ водахъ рѣки; бороздой проходитъ она, оставляя за собой благоуханія кадильника, звуки флейтъ и шорохъ шелковыхъ тканей. На блестящей кормѣ, гдѣ орелъ распростеръ свои крылья, Клеопатра вышла изъ подъ балдахина, чтобы лучше всмотрѣться вдаль, и, стоя, озаренная отблесками роскошнаго заката, она сама кажется громадной, золотой птицей, которая издали сторожитъ свою жертву».

Въ переводѣ г-жи Чюминой:

По темнымъ волнамъ золотая трирема
Плыветъ, оставляя серебряный слѣдъ;
Корму украшаетъ, какъ символъ побѣдъ,
Орелъ распростертый — величья эмблема.
Все ярче вдали пламенѣетъ закатъ,
Струятся куренья волной благовонной;
Царица, склонясь на бортъ золоченный,
Впередъ устремила сверкающій взглядъ...

«Склоненная царица» — совсѣмъ не то, что «*debout*, dans la splendeur du soir» и во всякомъ случаѣ образъ — «...semble un

---

волковъ; piège-à-loup—значитъ просто капканы, а такъ какъ въ данномъ случаѣ они разставлены были для любовниковъ графини ея старымъ мужемъ, то упоминаніе о «волкахъ» не кстати.

grand oiseau d'or qui guette au loin sa proie» — выпущенъ въ переводѣ. Такимъ же образомъ ослаблены краски и въ дальнѣйшемъ: выпускаются характеристики и образы (напримѣръ, во 2-мъ стихотвореніи — у de Hérédia оно III — выпущено объ Антоніи типичное — «Soldat captif berçant le sommeil d'un enfant).

Въ заключеніи, подъ рубрикой «Изъ Венгерскихъ поэтовъ» помѣщено четыре сонета Петрарки! (въ оглавленіи тотъ же недосмотръ: «сонеты Петрарки» отнесены къ произведеніямъ Андрея Сабо). Мы не сравнивали ихъ съ другими имѣющимися у насъ переводами изъ Петрарки, но, самостоятельно взятыя, по сравненіи лишь съ оригинальнымъ текстомъ, данные переводы г-жи Чюминой не особенно удачны:

Такъ, въ первомъ же сонетѣ:

Мадонна, страсть моя угаснуть не успѣла,
Она живетъ во мнѣ, пока мнѣ жить дано,
Но ненависть къ себѣ до крайняго предѣла
Въ измученной душѣ достигла ужъ давно.

Тутъ не ясно выражена основная мысль: «*я не усталъ любить* васъ и никогда, пока живъ, (не буду тяготиться своей любовью); но я усталъ отъ ненависти (или презрѣнія) къ себѣ и отъ постоянныхъ слезъ».

И если я умру, — пусть будетъ это тѣло
Подъ безъименною плитой погребено:
Ни слова о любви, которой такъ всецѣло
Владѣть душой моей здѣсь было суждено.

Опять таки не совсѣмъ то. У Петрарки: «я скорѣе предпочту для себя прекрасную гробницу, бѣлую (т. е. чистую, безъименную), чѣмъ, чтобы ваше имя было вырѣзано на мраморѣ *съ моимъ укоромъ* (вамъ, т. е. что ради васъ я умеръ), — когда моя плоть лишится духа, который еще можетъ жить. И посему,

если сердце, полное любящей преданностью, можетъ удовлетворить васъ, безъ того, чтобы вы причинили его гибель, — умоляю васъ, имѣйте къ нему состраданіе. — Если же ваше презрѣнье (ко мнѣ) ищетъ иного удовлетворенія, оно заблуждается; не случится то, на что я уповаю (т. е. — я не умру), и за это (т. е. за свое сохраненіе) я долженъ быть признателенъ Амору (болѣе ко мнѣ милостивому, чѣмъ вы) и самому себѣ (т. е. своему разуму)». Общій смыслъ тотъ, что, какъ бы ни была къ поэту сурова его дама, онъ не умретъ ради нея, — да и смерть его не послужила бы къ ея прославленію, такъ какъ онъ не хочетъ посмертныхъ упрековъ на своей гробницѣ, — но будетъ жить, управляемый разумомъ и питаясь любовью, хотя бы и безъ сочувствія. У г-жи Чюминой выводъ изъ двухъ послѣднихъ строфъ сонета нѣсколько иной:

Лучи сочувствія блеснутъ ли благотворно
Для сердца, полнаго любовью непритворной,
Которой отъ васъ награды ждетъ давно?
Но если вами гнѣвъ руководитъ упорно,
Оковы сколько лѣтъ носимыя покорно
Быть можетъ, разорветъ въ отчаяньи оно.

«Оно» — т. е. сердце. Стало-быть, поэтъ какъ-бы грозитъ, что онъ разлюбитъ Лауру, если она не смилостивится; но вѣдь Петрарка этого не имѣлъ въ виду. Совсѣмъ напротивъ. — Въ 3-емъ сонетѣ, у г-жи Чюминой: «Когда бы свои затаенныя думы — излить я съумѣлъ въ задушевныхъ стихахъ», — эпитетъ «задушевный» врядъ ли въ стилѣ Петрарки, — а слѣдующій стихъ — «У нихъ, что суровы и нравомъ угрюмы» — гораздо слабѣе, чѣмъ — «ch'animo al mondo non fu mai si crudo». Послѣдняя строфа въ дословномъ переводѣ: «Увы, вѣра не повредила ни Маріи, ни Петру; только мнѣ она не благопріятствуетъ (a me sol tanto è nemica); а все же я знаю, что нѣтъ никого, кромѣ васъ, который могъ бы понять меня». Послѣдняя фраза, харак-

терпая въ устахъ «отверженнаго» любовника, выпущена въ переводѣ:

Увы, та же вѣра, чья дивная сила
Петра съ Магдалиной отъ горя хранила,
Меня одного не спасла.

Врядъ ли удобенъ по отношенію къ формѣ сонета произвольный выборъ стиха — то однимъ, то другимъ размѣромъ: «классическій сонетъ» не терпитъ такихъ отступленій, къ которымъ, однако, г-жа Чюмина весьма склонна. Разумѣется, переводить Петрарку стихами крайне трудно, но, при необыкновенной сжатости его фразы и тѣсномъ сплоченіи формы съ содержаніемъ, каждое слово въ счету, и лучше переводить его прозой, чѣмъ перенначивать. Этотъ поэтъ — не въ стилѣ г-жи Чюминой, а такъ какъ она съ трудомъ разстается со своимъ стилемъ, то и получается въ переводѣ не то, чего ожидаешь, и что, казалось бы, вправѣ требовать именно отъ перевода.

Вообще говоря, если справедливо было замѣчено о поэтахъ, не только съ среднимъ, но и съ крупнымъ дарованіемъ, что они должны придерживаться извѣстной области, которая по преимуществу имъ свойственна, чтобы достичь успѣшныхъ результатовъ, то настоящее замѣчаніе примѣнимо и къ художественнымъ переводамъ иностранныхъ произведеній. Нельзя *всѣхъ* переводить, и, въ этомъ смыслѣ, попытка г-жи Чюминой дать въ переводахъ какъ бы антологію поэтовъ разныхъ націй и разныхъ направленій, въ цѣломъ не привела къ вполнѣ удовлетворительнымъ результатамъ: въ букетѣ отдѣльные цвѣты утратили свою оригинальность; они приняли однообразный характеръ, и внѣшнее разнообразіе тѣмъ оказалось въ ущербъ качественной обработки многихъ изъ произведеній въ отдѣльности. Не смотря, однако, на неровности выполненія, несмотря на предѣльность таланта г-жи Чюминой, у нея есть положительныя качества и нѣчто «свое». Это «свое» не особенно глубоко и, не отличаясь ни новизной, ни особой оригинальностью, тѣмъ не менѣе составляетъ

вполнѣ почтенное дарованіе; она владѣетъ гладкимъ, ровнымъ стихомъ, — нѣсколько однообразнымъ, монотоннымъ, но, въ общемъ, правильнымъ, т. е. безъ насилій надъ языкомъ. Ея фраза — въ стилѣ прежнихъ романтиковъ, къ которымъ она близка и по общему настроенію своей поэзіи. Возвышенныя мысли — но нѣсколько шаблоннаго характера, чувствительность — не чуждая нѣкотораго оттѣнка сентиментальности, удачныя порой сравненія — но слабость образной концепціи, бѣглый стихъ — но нѣкоторая вялость фразы и недостаточная отчетливость выраженія, — вотъ, въ общемъ, положительныя и отрицательныя стороны таланта г-жи Чюминой, если принять во вниманіе «свое» и «чужое» въ ея сборникѣ, «чужое», изъ котораго она не разъ пыталась сдѣлать «свое сокровище». Придерживаясь строже границъ своего таланта, она, несомнѣнно, можетъ сдѣлать еще много полезныхъ вкладовъ въ нашу художественную переводную литературу, но и многое изъ даннаго ею въ настоящемъ сборникѣ заслуживаетъ одобренія. Въ виду всего вышесказаннаго, мы полагаемъ, что почетный отзывъ Академіи Наукъ былъ бы справедливымъ поощреніемъ поэтической дѣятельности г-жи Чюминой.

Ѳ. Батюшковъ.

IV.

„П. Я. Стихотворенія. СПБ. 1898 г."

Стихотворенія г. П. Я., составляющія книжку въ 180 страницъ, подведены подъ нѣсколько рубрикъ, именно: 1) Жизнь и Поэзія, 2) Думы, 3) Отклики и Любовь, 4) Силуэты, 5) Листки изъ жизни. 6-я рубрика заключаетъ въ себѣ «переводы изъ иностранныхъ поэтовъ».

Не говоря уже о нѣкоторой странности подведенія мыслей и чувствъ поэта подъ опредѣленныя категоріи, систематическаго, какъ бы научнаго ограниченія ихъ извѣстными рамками, — въ настоящей книгѣ эти отдѣлы или — какъ и слѣдовало ожидать — перепутываются между собою, заходя одинъ въ область другого, или своимъ содержаніемъ не соотвѣтствуютъ своему заглавію. Такъ, уже первый отдѣлъ приводитъ въ этомъ отношеніи въ недоумѣніе: «Жизнь и Поэзія». Почему именно этотъ отдѣлъ озаглавленъ такъ, когда тема *всѣхъ* стихотвореній книги — жизнь, и притомъ, какъ будетъ показано ниже, жизнь въ ея самыхъ реальныхъ проявленіяхъ, и поэтическая идеализація жизни? Какая разница между «Жизнью» и «Листками изъ жизни», какъ озаглавленъ пятый отдѣлъ? Можно бы подумать, что въ первомъ отдѣлѣ авторъ хотѣлъ выразить свое общее воззрѣніе на человѣческую жизнь, въ пятомъ — изобразить отдѣльные случаи изъ собственной или чужой жизни; но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ:

въ пятомъ отдѣлѣ, напримѣръ, встрѣчаются стихотворенія такого общаго характера, какъ «Ночь сошла, лазурно ясная» (стр. 148), «Страдай одинъ» (157) и др.; въ первомъ такія стихотворенія на извѣстные случаи, какъ «Передъ отъѣздомъ» (стр. 7), «Забытый другъ» (стр. 9). Почти всѣ стихотворенія такого рода, что могли бы найти себѣ мѣсто въ любомъ изъ придуманныхъ авторомъ отдѣловъ, а иныя включены въ тотъ отдѣлъ, гдѣ имъ, по своему содержанію, отнюдь уже быть не подобаетъ; таково, напримѣръ, подъ рубрикою «Природа» стихотвореніе «Проснись, проснись, дитя мое» (стр. 110).

Но этотъ недостатокъ—если считать его недостаткомъ, а не просто излишествомъ, безъ котораго можно было бы обойтись — является вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ достоинствъ книги, свидѣтельствуя о преобладаніи въ ней одного общаго настроенія, о гармонической связи между всѣми отдѣльными стихотвореніями. Правда, этимъ уничтожается или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляется то разнообразіе чувствъ и ощущеній, которое составляетъ главное условіе лирической поэзіи въ истинномъ ея значеніи; правда, тутъ поэтъ далеко не является тѣмъ «эхо», съ которымъ сравнивалъ поэта Пушкинъ, не удовлетворяетъ даже тому представленію о поэтѣ, которое имѣетъ и самъ авторъ разбираемой книги, когда говоритъ: «все ты умѣешь постичь — передастъ твоя лира—лепетъ, и думу, и кличъ....»,—но это отсутствіе истиннаго лиризма въ его безкопечномъ разнообразіи возмѣщается здѣсь такою опредѣленностью настроенія и даже, въ значительной степени, содержанія, которая сообщаетъ всему собранію стихотвореній стройную цѣльность и представляетъ намъ автора какъ личность, глубоко продумавшую, пережившую и перечувствовавшую то, что̀ выражено имъ въ словѣ. Завѣтъ Гете: «jedes Gedicht muss erlebt sein» исполненъ здѣсь во всей точности, и большинство стихотвореній суть именно тѣ «Gelegenheitsgedichte», о которыхъ говоритъ Гете; а такъ какъ тѣ «случаи», на которые они написаны, отнюдь не банальнаго, а серьезнаго характера, то къ книгѣ нельзя отнестись, по отношенію къ

ея содержанію, иначе, какъ съ полнымъ вниманіемъ; а въ тѣхъ, кто раздѣляетъ точку зрѣнія автора, кому близки къ сердцу пережитыя и изображенныя имъ ощущенія, въ тѣхъ эти стихотворенія вызовутъ искреннее и теплое сочувствіе.

Общій колоритъ книги двоякій: скорбный, пессимистическій — и свѣтлый, съ красками оптимизма. Первый, преобладающій, опредѣляется словами автора уже въ «посвященіи», что его пѣсни «создавались изъ слезъ и изъ крови сердечной». Но эта скорбь — по крайней мѣрѣ въ большинствѣ стихотвореній, и притомъ самыхъ выдающихся — не скорбь общая, человѣческая, эта поэзія—не поэзія «міровой скорби» въ общепринятомъ ея значеніи; собственное я автора, стоящее здѣсь на первомъ планѣ, не есть то я лирическаго поэта, которое этотъ послѣдній— какъ дѣлаютъ всѣ великіе поэты этой категоріи — расширяетъ въ я всего человѣчества; скорбь нашего автора, при своей строгой субъективности, при обниманіи ею, по своему содержанію, извѣстнаго круга людей, несущихъ такія же страданія, какія выпали на долю поющаго о нихъ здѣсь поэта, есть скорбь, имѣющая совершенно спеціальный характеръ, потому что и сами эти страданія—такъ сказать, спеціальныя, которымъ подвержено не все человѣчество, а только опредѣленная часть его, и подвержена не по общимъ міровымъ законамъ, а вслѣдствіе особыхъ, тоже спеціальныхъ обстоятельствъ и причинъ. Это — скорбь и муки человѣка, который, за наспльственный протестъ противъ того, что онъ находитъ въ гражданскомъ и государственномъ строѣ несправедливымъ, даже вопіющимъ, несетъ свое наказаніе далеко отъ родины, въ мрачномъ одиночествѣ тюрьмы или ссылки. «Не плачь, сестра моя,—говоритъ онъ въ стихотвореніи «Передъ отъѣздомъ» (стр. 7) — что нѣтъ — Надеждъ для твоего поэта, — Что неба родины и свѣта — Ему не видѣть столько лѣтъ». — И затѣмъ, въ многихъ, лучшихъ своихъ стихотвореніяхъ, переноситъ читателя туда, гдѣ суждено ему провести эти «столько лѣтъ»,—и провести не одному, а съ любимою женщиной, которая несетъ такую же кару закона. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ

эти страницы изъ жизни того лица, отъ имени котораго говоритъ авторъ, написаны очень опредѣлительно, такъ сказать фактически; въ другихъ — намеками, но достаточно яснымп для того, чтобы читатель видѣлъ въ нихъ тѣсную связь со всею основною темою этой категоріи стихотвореній книги. Лучшимъ — и по содержанію, и по поэтическому достоинству — образцомъ и примѣромъ стихотвореній перваго рода можетъ служить «Въ странѣ сопокъ» (стр. 117 и слѣд.). Мы въ одной изъ забайкальскихъ мѣстностей, какъ указываетъ авторъ, — гдѣ «горы да горы .... подъ снѣгомъ поляны», гдѣ «бѣлый снѣгъ, холодный снѣгъ кругомъ, да лазурь, да тишина нѣмая», такъ далеко отъ родины тѣхъ, которые брошены сюда, что «вырвись и наша сердечная мука крикомъ иль стономъ,—онъ здѣсь и умретъ». Если они по временамъ мечтами уносятся туда, гдѣ «за этой гранью бѣлой лежитъ и онъ, отчизны свѣтлый міръ», то они же сами останавливаютъ себя словами: «Мечтатель, стой. Прочна твоя темница — на родину пути отсюда нѣтъ». 3-я глава этого стихотворенія вводитъ насъ даже въ рудникъ, гдѣ «гранитное сердце горы — Гложутъ, какъ черви, стальные буры, — Молотъ сурово звучитъ, не смолкая, — Лязгаютъ звенья тяжелыхъ цѣпей»; — а въ 5-й главѣ авторъ, т. е. лицо, говорящее его устами, сидитъ на «повалепномъ крестѣ», надъ могилою одного поэта, чье «кипучее сердце» почило «въ этой глуши чужедальней», «чьи уста тревожныя» смолкли здѣсь. Эту судьбу раздѣляетъ съ тѣмъ, отъ имени котораго ведется это стихотвореніе, его подруга; онъ и она — «два позабытыхъ всѣми—Въ океанѣ холода пловца»; глядя на безпрерывно падающій снѣгъ, она, выражая настроеніе и свое собственное, и своего друга, болѣзненно спрашиваетъ: «Ужъ не засыпать ли онъ хочетъ насъ съ тобою, — Въ странѣ изгнанія похоронивъ живыхъ?» — Есть опредѣлительныя, фактическія указанія и на разлуку съ этой любимой женщиной, на то, что она далеко отъ него, но — все въ той же обстановкѣ: видя во снѣ «мертвую несчастья страну, одѣтую холодомъ снѣговъ пелену», онъ видитъ и ее «въ нихъ (т. е. снѣгахъ) зарытую, былинку за-

бытую»; въ другомъ стихотвореніи (стр. 82) ему опять снится ея «страдальческій образъ», «въ ужасахъ доли скитальческой, въ дальнихъ снѣгахъ угасающій».—Въ примѣръ второго рода стихотвореній, т. е. тѣхъ, гдѣ больше намекъ, чѣмъ фактическое указаніе, можно привести «Веселый Лучъ» (стр. 113), гдѣ этотъ лучъ «золотой денницы» проникаетъ въ окно тюрьмы и шепчетъ сидящему въ ней узнику, «что всюду по землѣ промчался богъ весны, что все должно перемѣниться»; — или та часть стихотворенія «Битва жизни» (стр. 31), гдѣ авторъ видитъ своимъ воображеніемъ «въ полѣ широкомъ уснувшихъ бойцовъ послѣ дѣла великаго браннаго»; или «Изъ глуши» (стр. 27), гдѣ такіе стихи:

«Все отнято на вѣкъ. Убиты до расцвѣта
Любви и счастья сны.... Средь холода и тьмы,
Съ душою, полною тепла, добра и свѣта,
Не грѣя, не свѣтя, въ глуши угаснемъ мы», и т. д.

Выше замѣчено, что скорбь, выражаемая авторомъ въ этой категоріи его стихотвореній, обнимаетъ собою, по своему содержанію, извѣстный кругъ людей, несущихъ такія же страданія, какія выпали на долю поющаго здѣсь о нихъ— отъ своего или чужого лица — поэта; самое яркое подтвержденіе этого замѣчанія мы находимъ въ вышеупомянутомъ уже стихотвореніи «Въ странѣ сопокъ», гдѣ авторъ, привѣтствуя рудникъ и думая о тѣхъ, которые томились тутъ въ минувшіе годы и въ этой «могилѣ живой надрываясь, мозолили руки», даетъ этимъ «бѣднымъ призракамъ, скорбнымъ тѣнямъ» клятву —«вылить въ завѣтную пѣсню мою— всѣ ваши слезы, и вздохи, и пени».

Но авторъ не ограничивается этою сферой; онъ переходитъ за ея предѣлъ, переходитъ однако съ тѣмъ, чтобы вступить въ область, родственную съ нею: онъ поетъ про тѣ скорби и страданія, которыя у насъ принято называть «гражданскими»; только у него (въ этомъ необходимо отдать ему справедливость) этотъ «гражданскій» характеръ отнюдь не является въ томъ прозаическомъ опошленіи, которое сообщили ему — да и теперь отъ вре-

мени до времени сообщаютъ — русскіе обличители-стихотворцы второго и третьяго сорта; возможно расходиться съ авторомъ въ убѣжденіяхъ, признавать его взгляды несправедливыми въ ихъ широкомъ обобщеніи, но никто не найдетъ въ немъ напускной, искусственной гражданской скорби, никто не станетъ отрицать поэтической искренности его чувствъ. «Гражданское» міровоззрѣніе стоитъ у него на первомъ планѣ, проходитъ красною нитью по всѣмъ его стихотвореніямъ. Уже въ стихотвореніи, напечатанномъ на 1-й страницѣ, онъ скорбитъ о томъ, что «поэтовъ нѣтъ, не стало свѣтлыхъ пѣсенъ, будившихъ міръ», и что нѣтъ «гражданъ». О себѣ самомъ онъ заявляетъ, что —

«.... на жертвенникъ священный
Любви къ родной странѣ, какъ сынъ и гражданинъ,
Я лучшіе дары сложилъ рукой смиренной —
Свободу, молодость и пѣсенъ чистый жаръ».

Уже изъ этихъ словъ видно, что «гражданское» чувство, которымъ проникнутъ авторъ, возбуждается въ немъ созерцаніемъ именно его родины, Россіи, тѣмъ, что̀ представляется ему въ ней страданіями все того же соціальнаго свойства. Такъ оно и есть— онъ своею скорбью обнимаетъ только Россію (хотя все настроеніе его ясно свидѣтельствуетъ, что въ какой бы странѣ, въ какомъ бы народѣ ни встрѣтилъ онъ явленія подобнаго рода, всюду отнесся бы онъ къ нимъ съ такою же скорбью, съ такимъ же негодованіемъ). Въ стихотвореніи «На родномъ рубежѣ» (стр. 126) онъ возвращается на родину послѣ долговременной разлуки съ нею и, отдавая ей себя «всего, со всею кровью, всѣмъ пыломъ думъ и волею», клянется до конца своей жизни: «пѣть съ любовью — твою лишь скорбь и скорбь твоихъ друзей». Если онъ не воспѣваетъ «заката пышный блескъ, луны сребристый рогъ, волны дремотный плескъ» и т. п., то это потому, что его «прозрѣвшій взоръ» увидѣлъ «въ печали край родной». Особенно характерна въ этомъ отношеніи сказка «Пророчество Фен» (стр. 11). Безпечный мальчикъ, играя у опушки лѣса, заснулъ; къ нему

подкралась «волшебница лѣса», унесла его въ свой сказочный замокъ, и когда онъ очнулся, то въ наклонившейся надъ нимъ феѣ узналъ свою давно умершую мать. Она предсказываетъ ему его будущую судьбу, говоритъ, что сперва онъ будетъ весь охваченъ любовью къ женщинѣ, но что потомъ, когда разумъ войдетъ въ свои права, —

«Тогда познаешь ты иного бога власть,
Иной тоски огонь неутолимый,—
Святой любви къ странѣ своей родимой
Неумирающую страсть».

Это новое божество, которое явится къ нему «съ улыбкой горькою застывшаго терпѣнья, съ мольбой въ очахъ, въ лохмотьяхъ нищеты», вдохновитъ его на битву:

«Взглянувъ на ликъ, увлаженный росою
Кровавыхъ слезъ, на изможденный ликъ,
Въ священномъ трепетѣ, какъ левъ, готовый къ бою,
Издашь ты мщенья грозный кликъ».

Но борьба окажется непосильною, налетитъ врагъ могущественный, непреклонный, и —

«.... уведетъ тебя въ цѣпяхъ.
Онъ окружитъ тебя холодными, какъ гады,
Стѣнами погреба, гдѣ ночи безъ зари,
И скажетъ голосомъ, въ которомъ нѣтъ пощады:
— У..мри!».

Послѣ этого предсказанія Фея-мать даетъ ему на выборъ оружіе для борьбы: мечъ и лиру, указывая на превосходство этой послѣдней, потому что и стукъ меча, и звуки военной трубы умолкнутъ, а «лиры стонъ пройдетъ изъ рода въ родъ, пока лишь слышны стоны горя». Мальчикъ сдѣлался юношей, юноша возмужалъ, и, согласно предсказанію, увлеченіе женщинами смѣ-

нилось служеніемъ новому божеству, которое стало навѣщать его все чаще и чаще.

«И рѣдкій гость сталъ другомъ неотлучнымъ —
То образъ родины, страдалицы святой,
Его очамъ испуганнымъ явился...
Онъ зарыдалъ, увидѣвъ кроткій ликъ,
Истерзанный нуждою и кручиной,
Увидѣвъ кровь ся глубокихъ ранъ».

И онъ сдѣлался поэтомъ, и «по всей странѣ пролетѣлъ горькій плачъ напѣвовъ стройныхъ», «звуки мести и упрека», обличенія «неправды и порока» и т. п. — Для нашего поэта (уже въ другомъ стихотвореніи) — «горе народное — горе великое»; для него родная страна «въ своихъ лохмотьяхъ и слезахъ» милѣе чужой стороны, которая цвѣтетъ «красотой, довольствомъ, счастьемъ»; онъ, даже сидя въ театрѣ и слушая оперу, вдругъ (что̀, надо сознаться, производитъ даже нѣсколько комическое впечатлѣніе своей узкою тенденціозностью) хочетъ бѣжать оттуда, потому что «минута веселая, каждая греза и радостный звукъ» представляются ему преступленіемъ при мысли, что —

«Тамъ, за стѣною театра волшебнаго,
Море холоднаго мрака, враждебнаго
Нашимъ блестящимъ мечтамъ.
Корчится тамъ нищета. Тамъ утрачено
Жизни желанье, тамъ злоба кипитъ,
Слово проклятія робко звучитъ....»

Такимъ образомъ очевидно, что авторъ идетъ тѣмъ путемъ, который проложенъ въ нашей поэзіи Некрасовымъ; только онъ — не говоря уже о превосходствѣ надъ нимъ автора «Родины» и «На Волгѣ» силою и глубиною поэтическаго одушевленія тамъ, гдѣ Некрасовъ остается чистымъ лирикомъ — только, говоримъ, г. П. Я. не останавливается, какъ Некрасовъ, на частностяхъ картины (исключая вышеуказанныхъ стихотвореній

«спеціальнаго» характера), а рисуетъ только общій фонъ. Преобладающія краски его картины — мрачныя; преобладающіе звуки — скорбные, иногда полные отчаянія; но, какъ уже выше замѣчено, къ нимъ присоединенъ и другого рода колоритъ — оптимистическій. Этотъ оптимизмъ выражается въ надеждѣ, часто даже увѣренности автора, что усматриваемые имъ на тѣлѣ своей родины недуги, огорчающія и возмущающія его проявленія зла должны будутъ рано или поздно уступить силѣ добра, свѣта и правды. Для достиженія этой цѣли надо бороться: «жизнь — борьба, а не рабство; коль есть капля силы, — борись». Молодежь онъ зоветъ подыматься «все выше и выше», не бояться «паденій съ ясныхъ лазурныхъ высотъ», потомучто «слава побѣды лишь храбрымъ дается, срама не знаетъ погибшій въ борьбѣ». Грустя на первой страницѣ книги объ отсутствіи «свѣтлыхъ пѣсенъ, будившихъ міръ», о «безмѣрности людской скорби» и т. п., авторъ на второй страницѣ увѣренно восклицаетъ, что «тучи безсилья и сна промчатся надъ родиной бѣдной»; — рисуя (стр. 27) погибающихъ «средь холода и тьмы», онъ высказываетъ убѣжденіе, что «на костяхъ погибшихъ поколѣній — любви и счастія прекрасный цвѣтъ взойдетъ», — и въ своихъ свѣтлыхъ упованіяхъ доходитъ до того, что видитъ предъ собой исполненіе «дивнаго сна», когда «свѣтлыхъ райскихъ сѣней — достигнетъ человѣкъ и станетъ богомъ самъ». Созданный авторомъ себѣ и своимъ единомышленникамъ «идеалъ», который онъ покамѣсть видитъ на своей родинѣ «въ позорѣ», зоветъ ихъ идти «впередъ, безъ отдыха впередъ»; и съ увѣренностью въ его осуществленіи поэтъ обращается къ нему съ восторженными словами:

«Падетъ, падетъ вѣнецъ съ святыни беззаконной,
Предъ свѣточемъ ума померкнутъ ложь и зло,
И изъ развалинъ ты, какъ фениксъ возрожденный,
Поднимешь свѣтлое чело».

И много еще въ книгѣ варіацій на ту же тему. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить и тѣ стихотворенія, въ которыхъ авторъ

призываетъ своихъ единомышленниковъ, особенно молодое поколѣніе, хранить высоконравственныя начала, потому что только при полной чистотѣ душевной возможно достиженіе ихъ цѣлей. «Сокровищъ больше всѣхъ — говоритъ онъ своимъ друзьямъ — храните вашу честь, души алмазъ неоцѣненный»; — юношу онъ увѣщеваетъ «сберечь горделиво до конца свою вѣрность святынѣ и честь», и т. п.

Есть въ книгѣ нѣсколько стихотвореній, которыя по своему содержанію находятся внѣ той сферы, въ которой вращаются вышеуказанныя и имъ подобныя стихотворенія, хотя по существу родственны съ ними, за нѣсколькими, очень немногочисленными исключеніями; но они, для оцѣнки книги, могутъ быть оставлены въ сторонѣ, потому что сами по себѣ, относительно собственно-поэтическаго достоинства, мало чѣмъ выдаются изъ множества пишущихся на эти темы произведеній, а къ индивидуальности книги, т. е. тому, чѣмъ опредѣляется ея существенный характеръ, не прибавляютъ ровно ничего.

Что касается до этой «индивидуальности», то она достаточно уясняется вышеизложенными замѣчаніями. Обращаясь затѣмъ къ поэзіи г. П. Я. со стороны чисто художественной, главнымъ достоинствомъ ея въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать то, о чемъ уже упоминалось въ отчетѣ, — искренность, которою проникнуто все, что̀ говоритъ авторъ; нѣтъ въ его выраженіяхъ скорби, въ его свѣтлыхъ и даже горделивыхъ упованіяхъ на будущее ничего фальшиваго, напускного, умышленно бьющаго на дешевую популярность; онъ не драпируетъ въ мелодраматическую тогу и свои собственныя горести и муки, и горести и муки близкихъ ему, и, слушая его, читатель не ощущаетъ желанія возразить ему Лермонтовскимъ: «какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?» Оттого, можетъ быть, отъ этихъ стихотвореній, при отсутствіи въ нихъ новизны и оригинальности, вѣетъ чѣмъ-то свѣжимъ, неподдѣльнымъ, дѣйствительно выстраданнымъ. Указавъ только что на отсутствіе новизны и оригинальности, мы указали вмѣстѣ съ тѣмъ и на одинъ изъ существенныхъ недо-

статковъ книги; то, о чемъ онъ поетъ, пѣлось уже многими и на многіе лады, и нѣкоторыя стихотворенія г. П. Я. явно отзываются подражаніемъ — можетъ быть, и неумышленнымъ — Некрасову, или, по крайней мѣрѣ, носятъ на себѣ замѣтные слѣды вліянія этого поэта. Для того же, чтобы «перепѣвъ» получилъ право гражданства въ художественномъ отношеніи, нужно, чтобы отсутствіе новизны въ содержаніи и тонѣ возмѣщалось оригинальностью, силою, богатствомъ внѣшней формы, т. е. собственно стиха. Въ этомъ отношеніи работа нашего автора представляетъ немного выдающагося. Есть нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ — особенно въ описаніи природы, напримѣръ въ вышеупомянутомъ стихотвореніи «Въ странѣ сопокъ» (стр. 116); поэтически чередуются мѣстами взрывы возмущеннаго чувства или гордой надежды (напримѣръ 142 стр. описаніе борьбы утеса съ волнами, оканчивающейся побѣдой этихъ послѣднихъ) со звуками тихой печали (стихотвореніе «Ночь сошла, лазурно-ясная», стр. 147) или минутнаго внутренняго умиротворенія («Яркія звѣзды горятъ надъ землей», стр. 108); стихъ, по отношенію собственно къ фактурѣ, нерѣдко силенъ и гармоиченъ; но нѣтъ такихъ образовъ, которые поражали бы своею оригинальной красотою, не видно того поэтическаго проникновенія въ тайники предметовъ міра видимаго и во внутренній міръ человѣка, благодаря которому и выраженіе его въ словѣ является для читателя своего рода откровеніемъ; нѣтъ, однимъ словомъ, въ этомъ словесномъ воспроизведеніи мыслей и чувствъ поэтическаго творчества въ его истинномъ значеніи, а есть почти всюду работа умнаго, наблюдательнаго и глубоко чувствующаго человѣка, который хорошо владѣетъ стихомъ и беретъ его, какъ орудіе для внѣшняго выраженія того, что̀ происходитъ внутри его души. Другими словами — стихъ есть тутъ не цѣль, а средство. Это отсутствіе поэтическаго творчества, или, по крайней мѣрѣ, малая доля его, конечно, не можетъ быть предъявлена автору, какъ обвиненіе, особенно въ виду указанныхъ выше достоинствъ; но справедливый упрекъ можетъ быть сдѣланъ ему въ встрѣчаю-

щемся мѣстами — и притомъ довольно часто — пренебреженіи внѣшней формой или неумѣніи справиться съ нею настолько, чтобы мысль, въ ея словесномъ выраженіи, не являлась сбивчивою, темною, непонятною. Что касается до перваго недостатка, то вотъ тому нѣсколько наиболѣе крупныхъ примѣровъ. На стр. 63 идутъ, непосредственно одно за другимъ, шесть слѣдующихъ окончаній стиха: напрягалъ, видалъ, раздѣляла, простиралъ, ускользала, рыдалъ; — на стр. 65 идутъ рядомъ рифмы: свѣтла, пришла, мгла, могла; — на стр. 75 четыре такихъ стиха: «Въ дни свѣтлые *счастья*, какъ ландышъ стыдливый, — Отъ взоровъ людскихъ и согрѣтыхъ *участьемъ* — Любви твоей солнце таилось пугливо — И мнѣ лишь свѣтило привѣтомъ и *счастьемъ*». Встрѣчаются перестановки словъ или непозволительныя въ хорошемъ стихѣ, или мѣшающія сразу догадаться, въ чемъ дѣло; напримѣръ: «на шумный пиръ мы жизни выходили» (стр. 161); «мы съ тобой — два позабытыхъ всѣми въ океанѣ холода пловца» (стр. 118); «оросили твои даже очи» (стр. 94); «и не хотѣла бъ твоими цѣпями я на мгновенье увидѣть себя» (стр. 60); «доли брата смягчая суровое зло» (стр. 138); «я печалюсь о васъ, о друзьяхъ малодушныхъ, на рунахъ святыхъ остающихся жить» (стр. 163), — и т. п. Какъ на примѣры неяснаго выраженія мысли можно указать: «Чья жизнь на зло отчизны, трудъ — Позорный трудъ людскихъ обидъ, . . . тотъ — Въ вѣкахъ себѣ готовитъ месть» (стр. 47); «Ты усни, тоска-вражда — И любви угроза: — Ни оттуда, ни туда — Нѣту перевоза» (стр. 77); «Мы на пиру міросозданія — Были непужные зрители — Зноемъ и нѣгой лобзанія — Сердце еще не насытили. — Общимъ судомъ не развязаны — Нами вопросы несмѣтные, — Въ тайныхъ рѣчахъ не досказаны — Думы завѣтныя» (стр. 83), — и т. п., причемъ есть даже цѣлое стихотвореніе «Гимнъ Любви» (стр. 96), смыслъ котораго весьма теменъ, особенно по отношенію къ его заглавію. — Встрѣчаются также такія прозаичности, какъ «Ты жилы порѣзала, смерти желая» (стр. 63); «Въ твоей улыбкѣ я ужъ вижу — Такой проніи печать» (стр. 72); «Снѣгъ валится съ

небесъ — Поспѣшно сыплется, какъ изъ мѣшка съ дырою» (стр. 120); «Изъ-подъ бровей, округленныхъ рѣшительно» (стр. 131), — и др., — такіе неудачные эпитеты, какъ «сѣдыя молніи», «пугливыя мятели», «рои сопокъ», — такія странныя сравненія, какъ часовыхъ около острога съ «духами ада» (стр. 123), хотя тутъ же упоминается о ихъ «уныломъ» шагѣ, — и нѣкоторыя другія неловкости и упущенія, которыя, быть можетъ, мелочи въ общей суммѣ, но которыя тѣмъ не менѣе нарушаютъ совершенство формы, т. е. того, что въ поэтическомъ произведеніи также важно, какъ содержаніе, если даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ не выше его.

Послѣдній отдѣлъ книги составляютъ переводы изъ иностранныхъ поэтовъ (всего девять пьесъ), между которыми съ изумленіемъ встрѣчаешь — Лермонтова; это — его «затерянныя стихотворенія», — «изъ Фридриха Боденштедта», какъ объяснено въ заглавіи; стало быть, Боденштедтъ перевелъ на нѣмецкій языкъ Лермонтова, а г. П. Я. снова перевелъ Лермонтова съ нѣмецкаго на русскій языкъ!—Остальные переведенные поэты — неизвѣстный итальянскій (котораго впрочемъ лучше было бы не переводить), Сюлли Прюдомъ, ирландецъ О'Коннеръ и польская писательница, Марія Конопницкая. Не имѣя въ рукахъ подлинниковъ, трудно судить о достоинствѣ перевода.

На основаніи всего вышесказаннаго, рецензентъ признавалъ бы справедливымъ *присудить г. П. Я. почетный отзывъ*.

П. Вейнбергъ.

V.

«У синя моря, путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья» (Спб. 1898 г.), кн. Д. Голицына (Муравлина).

Совершивъ три поѣздки въ Далмацію и Черногорію, князь Д. Голицынъ (Муравлинъ) задался мыслью познакомить русскаго читателя съ этими прекрасными странами дальняго славянскаго юга, вызвать въ немъ желаніе посѣтить ихъ и пробудить сочувствіе къ живущимъ тамъ нашимъ родичамъ. Послѣдствіемъ этого явилась роскошно изданная книга «У синя моря», снабженная множествомъ прекрасныхъ фототипій.

Наша литература далеко не можетъ быть названа богатою отдѣломъ путешествій — въ особенности по славянскимъ землямъ, и въ этомъ смыслѣ книга кн. Голицына представляетъ несомнѣнно весьма значительный вкладъ. Авторъ скромно говоритъ, что его сочиненіе — «путевые наброски съ картинками, не болѣе»; но въ сущности его значеніе гораздо шире.

Предметомъ описанія служитъ послѣднее путешествіе автора въ Черногорію, которое онъ совершилъ въ обществѣ нѣсколькихъ русскихъ спутниковъ.

Начавъ съ опредѣленія роли Австріи на славянскомъ югѣ и значенія для славянства Черногоріи, кн. Голицынъ подробно описываетъ затѣмъ свой путь черезъ Буда-Пештъ и Фіуме въ Далмацію и Черногорію, причемъ большую часть книги посвя-

щаетъ собственно описанію княжества. Въ заключеніи онъ опять переходитъ на политическую почву, старается опредѣлить роль Россіи по отношенію къ славянамъ и предается мечтамъ о будущности славянскаго юга «у сиия моря».

Книга отличается живымъ и яркимъ изложеніемъ; картины природы и характеристики написаны сочною кистью и даже, мѣстами, производятъ сильное впечатлѣніе. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно описаній посѣщенія авторомъ Острожскаго монастыря и нѣкоторыхъ лицъ черногорскаго духовенства, приближающихся, по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, къ чисто-евангельскимъ типамъ. Словомъ, въ литературномъ отношеніи книга кн. Голицына представляетъ собою талантливое и оригинальное произведеніе.

Но видимое недостаточное знакомство автора съ языкомъ и нравами славянскихъ земель послужило причиною поверхностности его наблюденій. Народа, его нравовъ и обычаевъ мы почти не видимъ въ книгѣ кн. Голицына, и потому у читателя остается ощущеніе неудовлетворенности. Общая же характеристика Черногоріи грѣшитъ изобиліемъ розовой краски.

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ книга «У сиия моря» является пріятнымъ и полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу. Она способна пробуждать хорошія и желательныя, съ русской точки зрѣнія, чувства въ читателѣ, особенно же въ подростающемъ поколѣніи. И если вспомнимъ завѣтъ нашего великаго поэта, выраженный въ словахъ:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,—

то, мнѣ кажется, нельзя не признать кн. Голицына, за его сочиненіе «У сиия моря», заслуживающимъ поощренія.

Н. Овсяный.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIII, № 3.

ОТЧЕТЪ

О ПЕРВОМЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЗАСѢДАНІИ 19-ГО СЕНТЯБРЯ 1901 ГОДА

ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ А. Н. ВЕСЕЛОВСКИМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *И. Дубровинъ.*

ОТЧЕТЪ

О ПЕРВОМЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ МИТРОПОЛИТА МАКАРІЯ,

читанный въ публичномъ засѣданіи 19-го сентября 1901 года
Ординарнымъ академикомъ **А. И. Веселовскимъ.**

Въ текущемъ году впервые рѣшенію Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ предстоитъ оцѣнка и награжденіе представленныхъ на его судъ трудовъ академическими преміями, учрежденными его бывшимъ сочленомъ, ординарнымъ академикомъ, митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ.

На настоящій конкурсъ представлено было всего *одиннадцать* сочиненій. Изъ этого числа шесть сочиненій были сняты съ конкурса: два по просьбѣ самихъ авторовъ и два вслѣдствіе отрицательнаго отзыва о нихъ рецензентовъ; одно не могло быть допущено къ соисканію преміи, какъ неудовлетворяющее требованіямъ § 4 Правилъ о присужденіи премій митрополита Макарія, согласно которому къ соисканію премій допускаются лишь сочиненія на русскомъ языкѣ, и одно—отложено до слѣдующаго конкурса въ виду того, что представляетъ лишь начало многотомнаго труда.

Такимъ образомъ обсужденію особо образованной изъ чле-

новъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Комиссіи — подъ предсѣдательствомъ бывшаго Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, покойнаго академика М. И. Сухомлинова и замѣнявшихъ его временно, вслѣдствіе болѣзни, академиковъ А. Н. Веселовскаго и А. Н. Пыпина, — подлежало всего *пять* нижепоименованныхъ сочиненій, которыя были разсмотрѣны, согласно § 13, особо приглашенными рецензентами, сообщившими о нихъ свои мнѣнія въ тщательно составленныхъ ими критическихъ отзывахъ и разборахъ.

I.

Рукописный трудъ М. И. Михельсона подъ заглавіемъ: «*Русская мысль и рѣчь. Опытъ русской фразеологіи*» (въ 7 тетрадяхъ)—былъ рецензированъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ, профессоромъ И. В. Помяловскимъ.

Г. Михельсонъ приступилъ къ новому изданію своего труда, выдержавшаго уже два изданія въ 1894 и 1896 г.г., во всеоружіи ученыхъ пособій иностранной литературы. Для него онъ проштудировалъ?!, — замѣчаетъ г. рецензентъ, — массу русскихъ авторовъ, начиная съ древнѣйшихъ, напр.: съ Лѣтописей и Слова о Полку Игоревѣ, до новѣйшихъ, напр. А. Чехова и М. Горькаго. «Что особенно пріятно въ трудѣ г. Михельсона—это то, что авторъ, по мѣрѣ разрастанія своего труда, все болѣе и болѣе совершенствовалъ точность своихъ цитатъ и ссылокъ; у него уже не встрѣчаются, какъ было ранѣе, голословныя указанія на того или другого писателя, но цитаты его всюду сопровождаются точными указаніями на сочиненіе и, по возможности, на страницу».

Рецензентъ признаетъ трудъ г. Михельсона настоящимъ источникомъ для справокъ всякому, желающему ознакомиться съ тѣмъ или другимъ русскимъ образнымъ выраженіемъ.

Предшественниковъ у г. Михельсона въ русской литературѣ было не много и всѣ они, по мнѣнію рецензента, не могутъ быть названы безусловно доброкачественными. «Тѣмъ въ боль-

шую заслугу слѣдуетъ вмѣнить почтенному автору его колоссальный трудъ; безъ преувеличенія можно сказать, что изумительна энергія автора, не убоявшагося громады труда и подарившаго русской публикѣ такую справочную книгу, которая, по ея отпечатаніи, послужитъ для всѣхъ, интересующихся образностью русской рѣчи, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ можно будетъ строить дальнѣйшіе выводы».

«Равнымъ образомъ — продолжаетъ проф. Помяловскій — нельзя оставить безъ упоминанія и еще одно важное значеніе для пасъ книги г. Михельсона. Объясняя всѣ русскія иносказанія, разбросанныя и трудно потому находимыя въ русскихъ словаряхъ, онъ даетъ возможность иностраннымъ переводчикамъ избѣгать тѣхъ, нерѣдко искажающихъ смыслъ текста, неправильностей, которыми отличаются ихъ переводы по незнакомству ихъ съ истиннымъ значеніемъ русскихъ иносказаній». Эта сторона труда г. Михельсона, впрочемъ, уже отмѣчена была въ иностранныхъ рецензіяхъ послѣ выхода въ свѣтъ 2-го изданія его «Ходячихъ и мѣткихъ словъ». Кромѣ того, указанія на этимологическое происхожденіе многихъ русскихъ и всѣхъ иностранныхъ, получившихъ у насъ право гражданства, словъ — даютъ богатый матеріалъ для будущаго этимологическаго словаря русскаго языка.

«Посему я полагалъ бы, — такъ заключаетъ свою рецензію проф. Помяловскій, — что рукопись труда г. Михельсона, какъ работа громадная, свидѣтельствующая о неустанномъ трудолюбіи и работоспособности автора и могущая служить необходимымъ пособіемъ для изученія русскаго языка и для научной его разработки, вполнѣ заслуживаетъ поощренія полною преміей митрополита Макарія».

II.

Трудъ приватъ-доцента Императорскаго Санктпетербургскаго Университета В. Перетца — «*Историко-литературныя*

изслѣдованія и матеріалы». Томъ I: «*Изъ исторіи русской пѣсни*». Часть 1: Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI — XVIII вв. на великорусскую. — Къ Исторіи «Богогласника» (Спб. 1900 г.) — Часть 2: *Приложенія*. Описанія сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. — Вирши изъ старопечатныхъ изданій. — Малорусскія пѣсни изъ рукописей XVIII в. — Указатели (Спб. — 1900 г.)» — былъ разсмотрѣнъ по просьбѣ Комиссіи членомъ-корреспондентомъ Отдѣленія, профессоромъ П. И. Житецкимъ.

Въ заключеніе своей обширной рецензіи, отмѣтившей положительныя достоинства труда г. Перетца и указавшей на нѣкоторые его недостатки, П. И. Житецкій говоритъ: «Мы окончили разборъ сочиненія г. Перетца и не безъ внутренняго раздвоенія должны выразить о немъ наше окончательное мнѣніе. Не мало въ немъ недостатковъ, преимущественно методологическихъ, но въ цѣломъ оно представляется намъ новымъ по замыслу и значительнымъ по содержанію. Избравъ для своихъ историко-литературныхъ изслѣдованій русской пѣсни твердую отправную точку въ югозападныхъ виршахъ конца XVI и начала XVII вѣка, авторъ обращается прямо къ старопечатнымъ книгамъ и къ рукописнымъ сборникамъ виршевой поэзіи и спускается отъ нихъ къ народной пѣснѣ, а не наоборотъ, какъ это большею частію дѣлалось прежде. Правда, онъ не захватываетъ вопроса съ внутренней стороны, не указываетъ съ достаточной полнотой и ясностью на точки соприкосновенія между народнымъ міровоззрѣніемъ и виршевымъ, между народной поэтической техникой и виршевой, не выясняетъ переходныхъ ступеней въ малорусскихъ вліяніяхъ и великорусскихъ воспріятіяхъ въ исторической преемственности этихъ явленій, но всѣ эти пробѣлы мы объясняемъ труднымъ положеніемъ автора, который, въ виду несобраннаго еще и вообще мало извѣстнаго матеріала, долженъ былъ самъ подготовлять почву для своихъ изслѣдованій и взять на себя множество черновыхъ и кропотливыхъ работъ, неизбѣжно связан-

ныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, разбросанныхъ въ разныхъ библіотекахъ и архивахъ. Въ результатѣ получилась та первоначальная обработка сырого матеріала, которая послужитъ надежнымъ основаніемъ для другихъ болѣе всесторонникъ изслѣдованій. Довольно сказать, что сочиненіе г. Перетца, всецѣло посвященное виршамъ, обнимаетъ этотъ громадный и въ тоже время крайне подвижный и зыбкій матеріалъ на пространствѣ двухъ вѣковъ — отъ конца XVI до конца XVIII вѣка. Другого подобнаго сочиненія пока нѣтъ въ наукѣ, потому намъ кажется, что оно вполнѣ заслуживаетъ половинной преміи имени митрополита Макарія».

III.

Изслѣдованіе приватъ-доцента Императорскаго Санктпетербургскаго Университета В. Сиповскаго «*Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника»* (Спб.—1899 г.)— было взято на разсмотрѣніе академикомъ И. Н. Ждановымъ.

Авторъ въ своемъ изслѣдованіи далъ біографическія свѣдѣнія о Карамзинѣ до времени путешествія и свѣдѣнія о литературной исторіи «Писемъ русскаго путешественника». Самое путешествіе Карамзина онъ разсмотрѣлъ съ біографической, историко-литературной и историко-культурной стороны. Въ приложеніяхъ къ книгѣ, авторомъ помѣщены статьи: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» и «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина».

«Достоинство такихъ научныхъ трудовъ, — замѣчаетъ рецензентъ, — какъ трудъ г. Сиповскаго, — трудовъ, въ которыхъ вниманіе изслѣдователя сосредоточивается на изученіи одного литературнаго произведенія,—опредѣляется тщательностью и законченностью разработки избранной темы, полнотой собранныхъ фактовъ, новизной и основательностью соображеній и выводовъ. Изслѣдованіе г. Сиповскаго вполнѣ удовлетворяетъ

всѣмъ этимъ требованіямъ». «Рядомъ съ тщательнымъ, кропотливымъ подборомъ фактовъ находимъ у г. Сиповскаго новыя сопоставленія фактовъ, счастливыя соображенія и догадки».

«Конечно, не со всѣми догадками и выводами г. Сиповскаго можно согласиться; можно указать въ его трудѣ кое-что лишнее, кое-что недостающее, но эти маленькіе недочеты не понижаютъ высокой цѣнности сочиненія, написаннаго даровитымъ и трудолюбивымъ изслѣдователемъ. Не колеблясь признаю сочиненіе г. Сиповскаго заслуживающимъ поощрительной преміи».

IV.

Изслѣдованіе Н. Шлякова «*О поученіи Владимира Мономаха*» (Спб. 1900 г.) — было разсмотрѣно академикомъ А. А. Шахматовымъ.

Г. рецензентъ находитъ, что «авторъ удовлетворительно разрѣшилъ главные вопросы, связанные съ историко-литературнымъ изслѣдованіемъ этого памятника», — и что «основное положеніе автора о томъ, что поученіе написано зимою 6613 мартовскаго года, представляется доказаннымъ». «Равнымъ образомъ, — продолжаетъ рецензентъ, — нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Мономахъ самъ продолжалъ свое Поученіе перечнемъ походовъ послѣдующихъ двѣнадцати лѣтъ (1106 — 1118). Указанія г. Шлякова на связь приводимыхъ авторомъ Поученія текстовъ съ церковными пѣснопѣніями и молитвословіями, а также съ писаніями св. отцовъ, представляются весьма цѣнными и убѣдительными. Кромѣ того г. Шляковъ сумѣлъ дать отвѣты на рядъ попутно встрѣтившихся ему вопросовъ, вопросовъ — касающихся нашей древней исторіи и литературы. Но увлеченіе ими помѣшало ему сосредоточить еще въ большей степени свое вниманіе на главномъ предметѣ изслѣдованія — текстѣ Поученія и на связи его съ Лѣтописью. Слѣдствіемъ этого явились тѣ весьма искусственныя и произвольныя построенія автора, кото-

рыми онъ пытается возстановить первоначальный видъ Поученія. Всѣ его предположенія о числѣ выпавшихъ изъ древняго оригинала листовъ, о числѣ строкъ и буквъ, умѣщавшихся на страницѣ его, врядъ ли удовлетворятъ другихъ изслѣдователей, знающихъ, съ какою осторожностью должно выставлять даже простыя, несложныя гипотезы, при критикѣ древняго текста. Особенно произвольно объясненіе, предложенное авторомъ, того обстоятельства, что перечень походовъ Мономаха прерывается на 1118 году: онъ ставитъ его въ связь съ тѣмъ, что въ февралѣ 1119 года Мономахъ отпустилъ отъ себя сына своего Андрея на княженіе во Владиміръ Волынскій; разставаясь съ семнадцатилѣтнимъ сыномъ, Мономахъ для наставленія его вручилъ ему, по предположенію г. Шлякова, экземпляръ Поученія. Между тѣмъ гораздо убѣдительнѣе связать перерывъ Мономаховой лѣтописи на 1118 году — съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ именно году появилась въ Кіевѣ новая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ, редакція представляющаяся переработкой Сильвестровой редакціи 1116 года».

Въ виду указанныхъ недостатковъ труда г. Шлякова, въ значительной степени превышающихъ безспорныя его достоинства, г. рецензентъ находилъ возможнымъ увѣнчать представленное имъ сочиненіе лишь поощрительною преміей.

V.

Указатель къ «Опыту Россійской Библіографіи» В. С. Сопикова—(къ книгамъ гражд. печати). (Москва, 1900 г.) Библіотекаря Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. Рогожина — былъ разсмотрѣнъ Д. Д. Языковымъ.

Въ ряду такъ называемыхъ «справочныхъ изданій», необходимыхъ для библіотекарей и собирателей старинныхъ книгъ, для записныхъ библіографовъ и вообще изслѣдователей по исторіи прежней русской литературы, уже около девяноста лѣтъ числится

и занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ извѣстный трудъ В. С. Сопикова — «*Опытъ Россійской Библіографіи*».

Несовершенства этого труда уже съ давнихъ поръ и до настоящаго времени побуждали русскихъ библіографовъ, начиная съ извѣстнаго «книголюбца» митрополита Евгенія и кончая современными дѣятелями на томъ же поприщѣ, то исправлять, то дополнять Опытъ Россійской Библіографіи. Даже четверть вѣка тому назадъ была сдѣлана попытка дать и «*Алфавитный указатель* именъ авторовъ, переводчиковъ, издателей и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ Опытѣ Россійской Библіографіи В. Сопикова (томы II — V)».[1]). Но все это были случайныя или частичныя «исправленія», невольно заставлявшія желать «наиболѣе полнаго улучшенія» Сопиковскаго труда. Какъ бы въ отвѣтъ на такое желаніе библіографовъ, теперь появилась книга г. Рогожина.

Свой обстоятельный разборъ Указателя г. Рогожина г. рецензентъ заключаетъ слѣдующими словами: «Мы считаемъ долгомъ признать, что замѣченные нами пробѣлы Рогожинскаго Указателя» восполняются высокими качествами труда, заслуживающими благодарности со стороны библіографовъ и должнаго поощренія со стороны высшаго научнаго учрежденія — Императорской Академіи Наукъ. Поэтому мы ходатайствуемъ предъ Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности о награжденіи книги г. Рогожина одною изъ Макарьевскихъ премій—наградъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ того знаменитаго іерарха Русской Церкви, который въ своихъ историческихъ трудахъ всегда опирался на рукописные или печатные памятники литературы и собственныя изслѣдованія постоянно сопровождалъ многими «библіографическими примѣчаніями».

По прочтеніи представленныхъ рецензентами критическихъ разборовъ и по внимательномъ обсужденіи ихъ, Комиссія нашла

1) Составленъ былъ П. Морозовымъ и напечатанъ въ Сборникѣ Отдѣленія русск. языка и словесн. И. Ак. Н., т. XV, № 5, стран. 1 — 47.

безспорными отмѣченныя г.г. рецензентами достоинства всѣхъ пяти упомянутыхъ сочиненій и признала три первыя изъ нихъ заслуживающими поощренія неполными преміями имени митрополита Макарія. Равнымъ образомъ, по мнѣнію Комиссіи, заслуживаютъ поощренія и остальныя два сочиненія. Имѣя однако въ виду, что по точному смыслу § 5 Правилъ о порядкѣ присужденія премій митрополита Макарія, онѣ состоятъ изъ одной полной въ тысячу пятьсотъ рублей и двухъ неполныхъ премій по тысячѣ рублей каждая, Комиссія, съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія и на основаніи §§ 12, 16 и 18 тѣхъ же Правилъ, постановила присудить г.г. Михельсону, Перетцу и Сиповскому три *неполныя* преміи имени митрополита Макарія *по тысячѣ рублей* каждому, г. Шлякову *поощрительную* премію въ пятьсотъ рублей и г. Рогожину *первый почетный отзывъ*.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, высоко цѣня просвѣщенную готовность, съ какою приглашенные имъ ученые приняли на себя трудъ разсмотрѣнія сочиненій, представленныхъ на настоящее соисканіе премій митрополита Макарія, считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ принести глубокую свою благодарность членамъ-корреспондентамъ П. И. Житецкому, И. В. Помяловскому и библіотекарю Императорскаго Московскаго Университета Д. Д. Языкову.

I.

Отзывъ о книгѣ (въ рукописи) **М. И. Михельсонъ.** Опытъ русской фразеологіи. Русская мысль и рѣчь. Наше и чужое.

Рецензія чл.-корр., проф. **И. В. Помяловскаго.**

Г. Михельсонъ является уже не первый разъ въ нашей литературѣ съ трудомъ, близкимъ къ тому, заглавіе котораго выписано выше. Въ 1894 году, послѣ многолѣтней работы, появился въ печати его сборникъ подъ заглавіемъ: «Мѣткія и ходячія слова». Въ предисловіи къ этому изданію, которое было посвящено собранію русскихъ и иностранныхъ цитатъ, пословицъ, поговорокъ, пословичныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ (иносказаній), мы, между прочимъ, читаемъ: «Сборникъ этотъ долженъ служить только первымъ опытомъ и, можетъ быть, окажется полезнымъ, какъ матеріалъ для составленія возможно полнаго словаря часто употребляемыхъ у насъ русскихъ и иностранныхъ ходячихъ словъ и для дальнѣйшаго ознакомленія съ русской фразеологіей». Авторъ такимъ образомъ уже тогда имѣлъ въ виду, познакомивъ читателя (преимущественно) съ цитатами, изреченіями, пословицами, т. е. съ народною мудростію, перейти къ особенностямъ русской рѣчи, служащимъ для образнаго выраженія самой мысли. Видя, что этотъ первый его (и вообще въ нашей литературѣ) трудъ не остался незамѣченнымъ (такъ какъ это изданіе разошлось въ первые 3 мѣсяца по выходѣ въ свѣтъ), авторъ принялся за пополненіе своего сборника, при

чемъ обратилъ особенное вниманіе на русскія пословицы, съ указаніемъ ихъ источника — миѳологическаго, юридическаго, историческаго, библейскаго и др., и разъясненіемъ ихъ, а также приведеніемъ соотвѣтствующихъ имъ иностранныхъ, откуда онѣ могли быть заимствованы, или съ смысломъ которыхъ онѣ случайно совпадаютъ: пословицы нѣмецкія, англійскія, французскія, итальянскія, латинскія и греческія приводятся авторомъ въ подлинникѣ, а пословицы турецкія, персидскія, арабскія, арамейскія, еврейскія, китайскія, санскритскія — въ переводѣ.

Такимъ образомъ, черезъ два года вышло второе изданіе сборника ходячихъ и мѣткихъ словъ въ пересмотрѣнномъ и значительно пополненномъ видѣ, съ приведеніемъ образныхъ выраженій, свойственныхъ русскому языку (въ видѣ иносказаній), что опять-таки послужило новымъ шагомъ къ дальнѣйшему ознакомленію не только съ русской мыслію, но и съ русской рѣчью. Нынѣ, въ 1900 году, восемь лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія, неутомимый авторъ представилъ наконецъ новый свой трудъ подъ заглавіемъ: «Опытъ русской фразеологіи. Русская мысль и рѣчь. Наше и чужое». Это—новое, совершенно переработанное сочиненіе, хотя и напоминаетъ и заключаетъ въ себѣ многое, появившееся въ предыдущихъ изданіяхъ, что, однако, необходимо вслѣдствіе тѣсной связи между пословицами и пословичными выраженіями, существенно отличается однако отъ нихъ не только богатствомъ новаго матеріала (собраніе пословицъ, поговорокъ, иносказаній) и разработкою его, но и совершенно новыми задачами: цитаты и особенно пословицы, поговорки, имена миѳологическія и другія (пословичныя) выраженія, въ видѣ иносказаній, приводимыя въ этомъ сборникѣ, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ примѣрами для изученія образности русской рѣчи, и такимъ образомъ получается намѣченное въ первыхъ двухъ изданіяхъ изученіе русской фразеологіи. Для большей полноты въ разсматриваемый сборникъ включены и такія слова, которыя перешли къ намъ цѣликомъ изъ языковъ иностранныхъ, и частію получили право гражданства, частью же

внесены къ намъ, не слившись однако съ русской рѣчью, и ихъ объясненіе необходимо для полнаго пониманія читаемаго. Цѣль такого сборника — съ одной стороны — познакомить читателя съ массою общеупотребительныхъ цитатъ, изреченій, пословицъ русскихъ параллельно съ цитатами выдающихся мыслителей всѣхъ вѣковъ и пословицами всѣхъ народовъ, т. е. познакомить въ возможно сжатой формѣ съ мудростію народовъ, со всѣмъ тѣмъ, что было сказано лучшаго на иностранныхъ языкахъ, а съ другой стороны — указать на пословичныя выраженія и другія отдѣльныя слова (употребляемыя, какъ иногда и пословицы, иносказательно), чтобы разобраться въ источникахъ и дѣйствительномъ значеніи ихъ, и такимъ образомъ дать начало составленію руководства къ ознакомленію съ нашей собственной фразеологіей.

Такой сборникъ долженъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и справочной книгой не только для желающаго учиться, но и для знающаго, но иное забывшаго и желающаго возобновить забытое въ памяти своей; этотъ сборникъ необходимъ для всякаго вдумчиваго читателя вообще, для всякаго образованнаго человѣка, для всякаго интересующагося знаніемъ родной литературы и изученіемъ родного языка.

Въ самомъ дѣлѣ, еще въ древнѣйшія времена, кромѣ обычнаго выраженія своихъ мыслей, люди, употребляя всякое слово въ прямомъ его, всѣми понимаемомъ и принятомъ значеніи, нерѣдко выражали ту или другую мысль обиняками, намеками, цитатами или пословицами, по смыслу своему имѣющими косвенное отношеніе къ высказываемой мысли, напоминающими авторитетныя изреченія или историческое событіе, или же вѣрность которыхъ подтверждается обычаями даннаго времени. Отъ пословицъ перешли къ пословичнымъ выраженіямъ, употребляемымъ также не въ прямомъ смыслѣ, а въ смыслѣ переносномъ, фигуральномъ, тропическомъ, т. е. какъ бы по общему соглашенію, и въ формѣ стереотипной и общепринятой. Эти выраженія, однако, несмотря на ихъ общеупотребительность, приводимыя въ видѣ намека или

аллегоріи, не всегда ясно понимаемыя, невольно заставляютъ задуматься всякаго, кто захотѣлъ бы узнать, откуда они взялись и получили то или другое значеніе. Это тѣмъ болѣе важно, что всѣ эти выраженія непремѣнно обязаны началомъ своимъ особеннымъ традиціямъ, разнымъ событіямъ, намекамъ на народные обычаи и другимъ житейскимъ условіямъ. Освѣщеніе истиннаго смысла этихъ словъ не только любопытно, но и необходимо для сознательнаго чтенія и даетъ любознательному читателю много цѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ образовательнаго матеріала, какъ по изученію литературы своей и всеобщей, такъ и по языковѣдѣнію.

Высказавшись по поводу цѣли, преслѣдуемой авторомъ Сборника, намъ необходимо коснуться выполненія принятой на себя авторомъ задачи.

Приступая къ обозрѣнію сборника г. Михельсона, озаглавленнаго «Опытъ русской фразеологіи. Русская мысль и рѣчь (наше и чужое)», необходимо сказать нѣсколько словъ о разнаго рода сборникахъ пословицъ, до сихъ поръ появившихся, о характерѣ и задачахъ ихъ. Мы приведемъ лишь тѣ труды, на которые ссылается самъ авторъ, и преимущественно труды болѣе новые, хотя у г. Михельсона и нѣтъ недостатка въ цитатахъ на книги болѣе раннія, напр. на извѣстный сборникъ древнихъ пареміографовъ фонъ-Лейча и Шпейдевина. Изъ болѣе новыхъ упомянемъ извѣстный трудъ Эразма Роттердамскаго подъ заглавіемъ «Adagiorum chiliades quatuor cum sesquicenturia complectens, ex postrema ipsius autoris recognitione accuratissima, quibus non est quod quicquam imposterum vereare accessurum». Далѣе, оставляя въ сторонѣ многочисленныхъ послѣдователей Эразма, мы приведемъ трудъ Büchmann'a, появившійся въ 1864 году, подъ заглавіемъ «Geflügelte Worte» (Крылатыя слова) — собраніе (преимущественно нѣмецкихъ) цитатъ нѣмецкихъ писателей и ходячихъ выраженій, съ указаніемъ (иногда предполагаемаго) первоисточника ихъ. Сюда на этомъ основаніи внесены слова «телеграмма» и «телескопъ», такъ какъ извѣстно, что первое

слово впервые употребилъ Смитъ, а второе — Демпсціанъ (1608 года). Такихъ словъ очень много. Есть у Бюхманна также нѣсколько англійскихъ и французскихъ, около 20 итальянскихъ, съ десятокъ испанскихъ, одно русское (нигилизмъ) и сотъ пять латинскихъ и греческихъ крылатыхъ словъ. Интересна замѣтка къ предисловію, въ которой Бюхманнъ благодаритъ своихъ сотрудниковъ, въ числѣ 600 корреспондентовъ. Трудъ Бюхманна встрѣченъ былъ публикою весьма сочувственно, и въ короткое время выдержалъ много изданій; ему нашъ авторъ многимъ обязанъ, и не разъ пользуется имъ. Еще ранѣе Бюхманна появилась книга Fournier (1855 годъ) «L'ésprit des autres» — цитаты французскихъ и латинскихъ ходячихъ словъ. Эта книга тоже была встрѣчена съ большимъ сочувствіемъ и выдержала не одно изданіе. Затѣмъ г. Михельсономъ приводятся ссылки еще на слѣдующіе труды: на книги «Proverbes français» Le-Roux de Lincy (1842 годъ), пословицы французскія, начиная съ XII вѣка, Körte: «Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten der Deutschen» (1837 г.), A. Otto: «Sprüchwörter und sprüchwörtliche Redensarten der Römer» (1890 г.), Dukes «Rabbinische Blumenlese (Hebräische und Chaldäische Sprüche Talmud's» (1844), «Sprichwörter und Sinnreden des deutschen Volkes im alter und neuer Zeit» (1838), Simrock «Sprichwörtersammlung» (1846 г.), Höfer «Wie das Volk spricht» (1855), Binder «Sprichwörterschatz der deutschen Nation» (1873 г.), Decourdemanche «Mille et un proverbes turcs» (1878)—турецкія пословицы во французскомъ переводѣ, Giusti «Raccolta di proverbi Toscani» (1853 г.), Pernis «Proverbes chinois» (1869 г.), Mera «Türkische Sprichwörter» (1877 г.), Wunder «Deutsches Sprichwörterlexicon» (1867 — 1880 г.), Kurz «Die Sprichwörter Sammlung des Planudes» (1886 г.), «Dictionnaire etymologique, historique et anecdotique des proverbes et des locutions proverbiales» (1850 г.), Albrecht «Redensarten und Sprichwörter in vier Sprachen: deutsch, französisch, englisch, italienisch» (1864 г.). Quitard «Dictionnaire etymologique, historique et anecdotique

des proverbes» (1842 г.), Lewin «Aramäische Sprichwörter und Volkssprüche» (1895 г.), Schaible «Deutsche Stich- und Hiebworte» (1879 г.) — ругательства, заклинанія, проклятія. James Wood, «Dictionnary of Quotations» (1899), Krumbacher «Mittelgriechische Sprichwörter».

Съ легкой руки Бюхманна не замедлили появиться разныя ему подражанія, болѣе или менѣе неудовлетворительныя, напр. въ Голландіи — «Gevleugelde Worden» (1871), въ Даніи книга Оскара Орланда (1878), въ Швеціи, и т. д. Затѣмъ г. Михельсону извѣстны труды Wurzbach'a — «Historische Wörter», Friend'a «Lexicon deutschen und fremdsprachlichen Citate», Hertslet «Treppenwitz der Weltgeschichte» разъясненія и поправки къ такъ называемымъ историческимъ анекдотамъ. Hans Nehry «Citatenschatz. Sprichwörter und sentenzen» (съ объясненіями), Zenschner «Internationales Citatenschatz — Sprichwörter und Sentenzen», Egon Berg «Das Buch der Bücher» и многія другія, которыя заключаютъ въ себѣ не только цитаты, но и пословицы, и пословичныя выраженія. Англичане и французы также не остались безъ подражателей: появились у нихъ сочиненія: Bartlett'a («Familiar Quotations», 1889 г.) — книга цитатъ изъ сочиненій выдающихся англійскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, съ точнымъ указаніемъ автора, сочиненія, части и главы; Затѣмъ въ Оксфордѣ явилась книга King'a «Classikal and foreign quotations» — цитаты на нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, португальскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, съ переводомъ ихъ на англійскій языкъ. На французскомъ языкѣ въ 1892 году вышелъ сборникъ: «Le Musée de la conversation», принадлежащій Roger Alexandre; въ немъ содержатся французскія цитаты и новыя поговорки, извлеченныя изъ французскихъ авторовъ; въ 1895 году вышла на итальянскомъ языкѣ книга Fumagalli подъ заглавіемъ «Chi l'ha detto?», заключающая въ себѣ 1575 цитатъ и фразъ на итальянскомъ, французскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ съ объясненіями, а также книга Tico Luri di Vassano: «Modi di dire pro-

verbiali». Не осталась безъ сочиненій подобнаго рода и литература польская; въ ней появился трудъ: «Księga przysłów, przypowieści i wyrażéń przysłowiowych polskich» (1889 г.).

Во всеоружіи этихъ пособій, изученныхъ имъ съ большимъ вниманіемъ, приступилъ г. Михельсонъ къ новому изданію своего труда. Для него онъ проштудировалъ массу русскихъ авторовъ, начиная съ древнѣйшихъ, напр. съ лѣтописей и Слова о Полку Игоревѣ, до новѣйшихъ, напр. А. Чехова и М. Горькаго. Что особенно пріятно въ трудѣ г. Михельсона — это то, что авторъ по мѣрѣ разрастанія своего труда все болѣе и болѣе совершенствовалъ точность своихъ цитатъ и ссылокъ; у него уже не встрѣчаются, какъ было ранѣе, голословныя указанія на того или другого писателя, но цитаты его всюду сопровождаются точными указаніями на сочиненіе и, по возможности, на страницу.

Одинъ перечень того, что прочитано, изучено авторомъ, возбуждаетъ удивленіе: изумляешься тому, какъ могъ и успѣлъ почтенный составитель не только просмотрѣть, но даже и основательно изучить громадное множество приводимыхъ имъ писателей, въ числѣ которыхъ, для примѣра, приведемъ слѣдующихъ: Аксаковы, Баратынскій, Батюшковъ, Боборыкинъ, Бѣлинскій, Вейнбергъ, кн. Вяземскій, Глинка, Гоголь, гр. Голенищевъ-Кутузовъ, Гончаровъ, Горькій, Градовскій (Г. К.), Гречъ, Грибоѣдовъ, Григоровичъ, Давыдовъ (Денисъ), Даль, Дашлевскій, Державинъ, Дмитріевъ, кн. Долгорукій, Достоевскій, Дружининъ, Ершовъ, Жадовская, Жуковскій, Загоскинъ, К. Р., Кантемиръ, Карамзинъ, Каратыгинъ, Конп, Конисскій, Кохановская, Крестовскій, Крыловъ, Лажечниковъ, Ленскій, Лермонтовъ, Лѣсковъ, Макаровъ, Маркевичъ, Марлинскій, Майковъ, Мельниковъ, Мерзляковъ, Мей, Миллеръ (Ѳ. Б.), Минаевъ, Надеждинъ, Надсонъ, Нарѣжный, Некрасовъ, Немировичъ-Данченко, Никитинъ, Ободовскій, кн. Одоевскій, Островскій, Павлова (Каролина), Павловъ (Н. Ф.), Писаревъ, Писемскій, Плетневъ, Плещеевъ, Погорѣльскій, Погосскій, Полежаевъ, Полонскій, Потапенко, Пушкинъ (А. С.), Пушкинъ (В. Л.), Розенгеймъ, Салты-

ковъ, Станюковичъ, Суворинъ, Успенскій, Фетъ, Хмельницкій, Хомяковъ, Щербина, Языковъ, и т. д., и т. д.

Но кромѣ вышеприведенныхъ авторовъ, списокъ которыхъ не претендуетъ на абсолютную полноту, въ рукописи г. Михельсона, въ отдѣлахъ, долженствующихъ быть напечатанными мелкимъ шрифтомъ, содержится еще необозримая масса указаній на литературы иностранныя; изъ указаній этихъ отмѣтимъ множество цитатъ изъ Священнаго Писанія, изъ писателей древнихъ, классическихъ, цитатъ, разъясняющихъ русскія фразы и выраженія и, въ свою очередь, ими разъясняемыхъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и выраженія, заимствованныя авторомъ изъ сборниковъ поговорокъ народовъ внѣевропейскихъ, напр. поговорокъ китайскихъ, турецкихъ, еврейскихъ, арамейскихъ и т. д.,

Само собою разумѣется, что при такой широкой задачѣ, какъ та, которую поставилъ себѣ г. Михельсонъ, въ его сборникѣ не все отдѣлано съ должнымъ вниманіемъ и акрибіей, и не удивительно, что въ его книгѣ попадаются мѣста (правда сравнительно немногія), съ которыми читатель долженъ не согласиться: не всегда дается точный переводъ цитуемыхъ авторовъ; съ нѣкоторыми, преимущественно греческими, этимологіями можно спорить; мы позволяемъ себѣ не приводить списка этихъ мѣстъ, въ виду какъ ихъ сравнительной малочисленности, такъ и того, что, при печатаніи рукописи, авторъ легко можетъ устранить спорныя мѣста.

Трудъ Г. Михельсона такимъ образомъ оказывается настоящимъ источникомъ для справокъ всякому, желающему ознакомиться съ тѣмъ или другимъ русскимъ образнымъ выраженіемъ. Этому значительно помогаетъ почтенный авторъ, щедрою рукою приводящій различнаго рода припоминанія, анекдоты, объясняющіе то или иное выраженіе, пріобрѣтшее у насъ впослѣдствіи право гражданства. Мы бы значительно отвлеклись отъ нашей задачи, если бы захотѣли привести хоть часть этихъ экскурсовъ, въ обиліи встрѣчающихся въ трудѣ г. Михельсона, но не мо-

жемъ удержаться отъ того, чтобы не указать на одинъ — два примѣра.

Хотя бы на стр. 387, сообщая о выраженіи «свѣтлыя личности», «темныя личности», авторъ говоритъ: «Рейхлинъ въ 1514 году издалъ свою переписку съ знаменитыми людьми (Epistolae clarorum virorum); затѣмъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и другіе друзья Рейхлина издали между 1515 и 1517 годами «Epistolae obscurorum virorum». На это паписты, противники Рейхлина, издали въ 1518 году «Lamentationes obscurorum virorum, non prohibitae per sedem Apostolicam». Отсюда слово: «Dunkelmänner», «viri obscuri» (собственно «неизвѣстные люди», въ противность «clari viri» — «свѣтлыя личности») — въ XIX вѣкѣ получило значеніе «темной личности», обскуранта», «врага просвѣщенія».

Или (стр. 397): «Выраженіе «Bluestocking» перешло въ другіе языки изъ Англіи — для обозначенія женщинъ, предавшихся исключительно наукамъ и писательству, которыя, носясь съ своей педантическою ученостью, пренебрегаютъ всѣми другими качествами и обязанностями женщины и даже матери. Около 1760 года образовалось общество изъ лицъ обоего пола, собиравшихся для научныхъ возвышенныхъ бесѣдъ. Названіе «Собраніе синихъ чулковъ» придумалъ голландскій адмиралъ Боскавенъ потому, что тамъ участвовалъ отличавшійся своимъ умомъ извѣстный ученый Стиллингфлитъ (Stillingfleet. † 1771), явившійся однажды въ синихъ чулкахъ. По другимъ источникамъ, между женщинами особенно тамъ отличалась нѣкая Стиллингфлитъ, которую называли «blue stocking» потому, что она носила синіе чулки. Въ числѣ учредительницъ этихъ собраній называютъ Lady Montague и госпожъ Vesly и Ord».

Или же, стр. 413, гдѣ рѣчь идетъ о выраженіи «собаку съѣсть»: «О началѣ употребленія собачьяго мяса повѣствуетъ греческій писатель Порфирій († 305 по Р. Хр.) слѣдующее: однажды, во время жертвоприношенія собаки, кусокъ мяса упалъ съ огня на землю. Жрецъ, подымая съ земли кусокъ, обжегъ себѣ пальцы и, по обычному въ такомъ случаѣ невольному дви-

женію, сунулъ пальцы въ ротъ, и тутъ же обратилъ вниманіе на пріятный вкусъ сока, попавшаго ему на языкъ. По окончаніи церемоніи онъ съѣлъ половину собаки, а другую отнесъ къ женѣ, и такимъ образомъ они продолжали, послѣ каждаго жертвоприношенія, наслаждаться собачиной. Вскорѣ по городу пронесся слухъ объ этомъ удачномъ открытіи; всякій желалъ попробовать вкусное блюдо, и собачина вошла во всеобщее употребленіе. Сперва употребляли только мясо щенятъ, а потомъ дошли и до крупныхъ собакъ».

Или-же, наконецъ, стр. 320, по поводу выраженія «подкузьмить»: «Въ договорахъ между капиталомъ и трудомъ въ Россіи играетъ большую роль срокъ отъ начала весны до Кузьминокъ (Козьмы и Демьяна 1-е ноября — время окончательныхъ расчетовъ между работодателемъ и работникомъ). Тутъ то окончательно выясняется честное или нечестное отношеніе къ исполненію принятыхъ на себя обязанностей; въ послѣднемъ случаѣ употребляется выраженіе подкузьмить».

Можно бы привести не одну сотню интересныхъ примѣровъ объясненій г. Михельсона. Изъ примѣровъ этихъ оказывается, что авторъ принялъ во вниманіе массу разнообразнѣйшихъ данныхъ для выясненія того или другого образнаго выраженія, освѣщающаго извѣстное изреченіе. Г. Михельсонъ черпаетъ эти свои указанія и разъясненія изъ самыхъ различныхъ областей вѣдѣнія; то филологическія, то историческія, то бытовыя данныя проходятъ у него въ неисчерпаемой преемственности и созидаютъ изъ его труда вещь въ высшей степени почтенную и интересную.

Многое даже у нашего автора является приводимымъ въ первый разъ, и въ этомъ слѣдуетъ видѣть несомнѣнную заслугу г. Михельсона. Вообще, сравнивая его трудъ съ тѣмъ, что было въ нашей литературѣ раньше, до него, обязываемся отмѣтить, что изъ предшественниковъ г. Михельсона никто не ставилъ вопроса о русскихъ пословицахъ, поговоркахъ и образныхъ выраженіяхъ такъ широко и не освѣщалъ его такъ всесторонне; больше того, трудъ его является внѣ всякаго сомнѣнія болѣе

разностороннимъ и глубокимъ, чѣмъ все то, что существуетъ ему подобнаго и въ иностранныхъ литературахъ.

До г. Михельсона въ нашей родной литературѣ были извѣстны лишь немногія книги по избранной авторомъ темѣ, книги, коими онъ въ необходимыхъ случаяхъ воспользовался; таковы напр. труды Снегирева, Даля («Русскія пословицы») и нѣкоторые другіе. Въ послѣднее время, появленіе нѣмецкой книги Бюхманна, указанной нами выше, не осталось и въ русской литературѣ безъ подражателей: въ 1883 году вышло сочиненіе Рѣдникова подъ заглавіемъ: «Сборникъ замѣчательныхъ изреченій»; это — собственно говоря не что иное, какъ сокращенный переводъ Бюхманна, съ прибавкою нѣсколькихъ болѣе или менѣе удачныхъ русскихъ цитатъ. Вслѣдъ затѣмъ появились фельетоны С. В. Максимова, сперва въ газетѣ «Новости», а затѣмъ, въ видѣ продолженія — въ «Новомъ Времени»: это — интересные разсказы автора «Года на сѣверѣ» по поводу употреблявшихся и нынѣ еще употребляемыхъ пословицъ и ходячихъ словъ, иногда самыхъ обыкновенныхъ, обыденныхъ; всего разъяснено около 120 словъ и выраженій, при чемъ однако же иногда авторъ вноситъ въ свои замѣтки и такія крылатыя (?) слова, какъ «пока́», «пота́» и нѣкоторыя другія, имъ подобныя. Затѣмъ отмѣтимъ сборникъ Макарова: «Энциклопедія ума или словарь избранныхъ мыслей авторовъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ». Мысли эти приведены не въ подлинникѣ, а въ переводѣ на русскій языкъ и указываются лишь авторы, но не ихъ сочиненія. Книга Макарова вышла въ свѣтъ въ 1878 году, а въ 1884 году появилась подобная же книга Мартынова: «Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей». Это — собраніе изреченій иностранныхъ писателей (въ русскихъ переводахъ) и русскихъ людей, собраніе не отличающееся достаточной полнотой. Затѣмъ необходимо отмѣтить еще книгу Бражникова «Идеи русскихъ писателей XIX вѣка». Тутъ указаны авторы и сочиненія, но безъ обозначенія страницъ ихъ изданій, что крайне затрудняетъ отысканіе мѣстъ для желающихъ точныхъ указаній.

Наконецъ въ 1897 году, уже послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія книги г. Михельсона, въ Кіевѣ вышла брошюра подъ заглавіемъ: «Литературные первоисточники и прототипы 300 русскихъ пословицъ и поговорокъ» Тимошенка. Трудъ этотъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Академіи Наукъ, которая признала его заслуживающимъ поощренія, хотя рецензентъ отмѣтилъ въ книгѣ г. Томошенка не мало недостатковъ.

Какъ видно, предшественниковъ у Г. Михельсона въ русской литературѣ было немного и всѣ они не могутъ быть названы безусловно доброкачественными; тѣмъ въ большую заслугу слѣдуетъ вмѣнить почтенному автору его колоссальный трудъ; безъ преувеличенья можно сказать, что изумительна энергія автора, не убоявшагося громады труда и подарившаго русской публикѣ такую справочную книгу, которая, по ея отпечатаніи, послужитъ для всѣхъ, интересующихся образностью русской рѣчи, краеугольнымъ камнемъ, на которомъ можно будетъ строить дальнѣйшіе выводы.

Равнымъ образомъ нельзя оставить безъ упоминанія и еще одно важное значеніе для насъ книги г. Михельсона. Объясняя всѣ русскія иносказанія, разбросанныя и трудно потому находимыя въ русскихъ словаряхъ, онъ даетъ возможность иностраннымъ переводчикамъ избѣгать тѣхъ, нерѣдко искажающихъ смыслъ текста, неправильностей, которыми отличаются ихъ переводы по незнакомству ихъ съ истиннымъ значеніемъ русскихъ иносказаній (Эта сторона труда г. Михельсона, впрочемъ, уже отмѣчена была въ иностранныхъ рецензіяхъ послѣ выхода въ свѣтъ 2-го изданія его «Ходячихъ и мѣткихъ словъ»). Кромѣ того, указанія на этимологическое происхожденіе многихъ русскихъ и всѣхъ иностранныхъ, получившихъ у насъ право гражданства, словъ даетъ богатый матеріалъ для будущаго этимологическаго словаря русскаго языка.

Посему я полагалъ бы, что рукопись труда г. Михельсона, какъ работа громадная, свидѣтельствующая о неустанномъ трудолюбіи и работоспособности автора и могущая служить необ-

ходимымъ пособіемъ для изученія русскаго языка и для научной его разработки, вполнѣ заслуживаетъ поощренія полною премією Митрополита Макарія.

И. Помяловскій.

15 апрѣля 1901 г.

II.

Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ I. Изъ исторіи русской пѣсни. Часть I (1 — 425). Часть 2 (1 — 209). Сочиненіе **В. Перетца.** С. П. Б. 1900.

Сочиненіе г. Перетца имѣетъ нѣсколько заглавій — общее, разсчитанное на нѣсколько томовъ «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы», и частное, обнимающее I томъ «Изъ исторіи русской пѣсни». Этотъ I томъ распадается на двѣ части — каждая въ отдѣльной книгѣ. Во второй части помѣщены матеріалы подъ общимъ заглавіемъ «Приложенія» и частнымъ заглавіемъ «Описаніе сборниковъ псальмъ, кантовъ и пѣсенъ. Вирши изъ старопечатныхъ изданій. Малороссійскія пѣсни изъ рукописей XVIII в. Указатели». Но и первая часть не освобождена отъ матеріаловъ, переполняющихъ по крайней мѣрѣ третью часть страницъ первой книги. Отличіе ея отъ второй части въ томъ, что въ ней есть и изслѣдованія. Главныя темы этихъ изслѣдованій указаны на обложкѣ первой книги: «Начало искусственной поэзіи въ Россіи. Изслѣдованія о вліяніи малорусской виршевой и народной поэзіи XVI — XVIII в. на великорусскую. Къ исторіи Богогласника». Такимъ образомъ мы имѣемъ уже третье заглавіе разсматриваемаго нами сочиненія. Каждое изъ двухъ послѣднихъ заглавій, ограничивая объемъ предыдущаго, постепенно приближаетъ насъ къ содержанію «историко-литературныхъ изслѣдованій», которое обозначается въ подробномъ

оглавленіи, какъ первой, такъ и второй части. Уже по этимъ заглавіямъ можно судить о сложномъ составѣ самаго сочиненія, который объясняется до нѣкоторой степени изобиліемъ и сложностію матеріала, привлеченнаго для изученія русской пѣсни, поэтому сочиненіе г. Перетца производитъ впечатлѣніе зданія, съ котораго не сняты еще лѣса. Нужно сказать, впрочемъ, что и самое зданіе это перестроено изъ прежнихъ работъ автора, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ за 1899 годъ подъ заглавіемъ: «Малорусскія вирши и пѣсни въ XVI—XVIII вѣкахъ» (томъ IV, книжки 3 и 4). Это простое и ясное заглавіе превратилось въ тройное. Въ самомъ сочиненіи многое осталось въ томъ же видѣ, какъ было прежде, но многое разширено новыми вставками, а главное — всѣ части прежней работы переставлены одна на мѣсто другой съ тою цѣлію, чтобы сообщить всему зданію историческій фасадъ. Такъ получилось одно изъ заглавій его: «Изъ исторіи русской пѣсни». Какой пѣсни — искусственной или народной, малорусской или великорусской? Это видно отчасти изъ третьяго заглавія, а еще яснѣе изъ оглавленія къ первой части сочиненія.

Оглавленію предшествуетъ предисловіе, въ которомъ авторъ устанавливаетъ методъ изслѣдованія народной пѣсни. Выходя изъ того убѣжденія, что «въ массѣ случаевъ простонародное первоначально было продуктомъ творчества болѣе культурныхъ высшихъ слоевъ», онъ пришелъ къ заключенію, что «и для народной пѣсни мы должны искать основъ въ старинной русской искусственной поэзіи: этотъ источникъ *одинъ*, по словамъ автора, можетъ намъ раскрыть тайну развитія одного изъ интереснѣйшихъ явленій. Этимъ источникомъ является старинная виршевая литература, зародившаяся на юго-западѣ Россіи, вѣроятно, уже въ половинѣ XVI вѣка».

Методъ, повидимому, ясный и опредѣленный, но можно ли принять его безъ ограниченій?

Условимся прежде всего въ томъ, что нужно разумѣть подъ словомъ «первоначально». Намъ кажется, что въ эволюціи поэти-

ческаго творчества можно говорить только о чередованіи моментовъ, изъ которыхъ ни одинъ въ процессѣ совершающихся измѣненій не имѣетъ значенія абсолютно-первоначальнаго. Внося это дополнительное замѣчаніе въ слова автора, мы устраняемъ односторонность мнѣнія его о «старинной русской искусственной поэзіи» и утверждаемъ, что не въ ней одной нужно искать «основъ» для народной пѣсни, которая, во всякомъ случаѣ, древнѣе виршевой поэзіи, зародившейся не раньше половины XVI вѣка. Ужъ если говорить объ основахъ народной пѣсни, то нужно имѣть въ виду не одинъ только привходящій позднѣйшій элементъ ея, но и взаимодѣйствіе этого элемента съ предшествующими: въ противномъ случаѣ мы не получимъ настоящей исторической перспективы, обязательной во всякомъ историческомъ изслѣдованіи. Ничѣмъ инымъ, какъ недостаткомъ этой перспективы, мы объясняемъ преувеличенное представленіе автора о значеніи поэтическаго творчества «болѣе культурныхъ высшихъ классовъ». Мы понимаемъ, что эти классы скорѣе и легче воспринимаютъ чужую культуру, но независимо отъ мѣстной культуры ничего оригинальнаго создать они не могутъ — ничего такого, что, захвативъ народныя массы, съ теченіемъ времени сдѣлалось бы простонароднымъ. Намъ припоминается наша христіанская культура въ византійской редакціи при самомъ появленіи ея на Руси. На сторонѣ этой культуры, какъ извѣстно, были верхніе слои общества, преимущественно городского, на сторонѣ язычества — народъ, преимущественно сельскій, который, по свидѣтельству Іакова черноризца, думалъ, что только боярамъ и князьямъ подобаетъ вѣнчаться по церковному обычаю, а простому народу достаточно брать своихъ женъ «съ плясаніемъ, и гудѣніемъ, и плесканіемъ», т. е. по старинным языческимъ обычаямъ. Представители христіанства увлекались «почитаніемъ книжнымъ», которое разширяло кругъ ихъ зрѣнія, сообщая имъ готовый запасъ свѣдѣній о разныхъ странахъ и народахъ, о разныхъ новыхъ формахъ и порядкахъ общежитія. Представители язычества увлекались очарованіемъ родной поэзіи, которою проникнута была

вся обстановка жизни ихъ до мельчайшихъ подробностей. Это были два враждебныя и, повидимому, непримиримыя міровоззрѣнія. «Многіе ся лѣнять и злѣ живуть», говоритъ одинъ ревнитель новой вѣры, «якоже имянъ не вѣдати чтомыхъ книгъ, тоже и срамѣються тѣмъ, но аще плясци іли гудци іли инъ хто позоветъ на игрище іли зборище идольское, то вси тамо текутъ радуяся.»[1]) Прогрессъ жизни и мысли заключался не въ томъ, чтобы люди новыхъ вѣяній отдѣлились отъ всенародныхъ поэтическихъ настроеній, связанныхъ съ язычествомъ, а въ томъ, чтобы они нашли въ этихъ настроеніяхъ примиряющіе и одушевляющіе тоны. И это въ самомъ дѣлѣ такъ было, — иначе мы не имѣли бы дружиннаго эпоса, который съ теченіемъ времени сдѣлался достояніемъ простонароднымъ. Тотъ же процессъ наблюдать можно и въ эпоху просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго и его послѣдователей, когда водворились у насъ литературныя формы поэзіи, выработанныя европейскими народами. Рядомъ съ этимъ внѣшнимъ заноснымъ теченіемъ шли теченія внутреннія и болѣе глубокія. Представителемъ этихъ послѣднихъ теченій былъ народъ съ его старинною культурою. Въ составъ этой культуры входило, какъ извѣстно, и юго-западное просвѣщеніе съ его литературными навыками и вкусами, съ его псальмами и кантами. Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ тотъ же обмѣнъ культурныхъ вліяній, какъ и въ древней Руси, а не одни только «продукты творчества болѣе культурныхъ высшихъ классовъ».

Высказываемъ всѣ эти положенія не потому, что они неизвѣстны самому автору, а потому, что они отчасти упущены имъ изъ виду, что видно изъ предисловія къ его «историко-литературнымъ» изслѣдованіямъ, отчасти недостаточно аргументированы, какъ увидимъ ниже въ самихъ изслѣдованіяхъ.

---

1) Паисіевъ сборникъ XIV в.

Авторъ начинаетъ свой трудъ обзоромъ теоретическихъ воззрѣній на стихотворство, появившихся въ южной Руси въ концѣ XVI в. Въ I главѣ онъ дѣлаетъ изобильныя выписки изъ грамматикъ — львовской 1591 г., Лаврентія Зизанія 1596 г., Мелетія Смотрицкаго 1619 г. и виленской 1621 г., трактующихъ о стихосложеніи, а во II главѣ указываетъ на вѣроятные источники статьи о стихосложеніи въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго. Повидимому, всѣ эти грамматики имѣли въ виду устранить вліяніе польскаго силлабическаго стиха, обнаружившееся въ юго-западныхъ русскихъ стихотворныхъ опытахъ, появившихся десятью годами раньше появленія львовской грамматики, извѣстной подъ названіемъ Ἀδελφότης. Весьма можетъ быть, какъ догадывается авторъ, что эти стремленія вытекали не изъ сознанія недостатковъ силлабическаго стихосложенія, а изъ вѣроисповѣдныхъ побужденій или, лучше сказать, изъ убѣжденія въ превосходствѣ греческой науки предъ латинскою. Какъ бы то ни было, только попытки юго-западныхъ грамматистовъ потерпѣли полнѣйшую неудачу; нельзя сказать, чтобы сами они владѣли, какъ слѣдуетъ, силлабическимъ стихомъ, что видно изъ примѣровъ, приведенныхъ г. Перетцемъ изъ названныхъ выше грамматикъ, — тѣмъ не менѣе метрическая система не могла привиться на русской почвѣ за отсутствіемъ долготы и краткости гласныхъ въ русскихъ парѣчіяхъ. Гораздо болѣе юго-западнымъ писателямъ пришлась по вкусу силлабическая система, такъ такъ въ ней больше было точекъ соприкосновенія съ тоническимъ народнымъ стихомъ. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается главная причина успѣховъ ея въ старинной южнорусской литературѣ, а не въ томъ, какъ думаетъ авторъ, что большинство писателей, не желая поддаться вліянію простонародной поэзіи, предпочло силлабическую «готовую форму». (36).

Въ III главѣ авторъ знакомитъ насъ съ школьной теоріей польскаго стихосложенія по латино-польскимъ учебникамъ XVII и начала XVIII в. Оказывается, что эта теорія привлекала юго-западныхъ писателей сравнительной широтой своихъ воззрѣній

на поэзію, которая въ польско-латинскихъ учебникахъ трактуется по существу: рѣчь идетъ въ нихъ о поэтическомъ вымыслѣ, о родахъ и видахъ поэтическихъ произведеній, тогда какъ въ юго-западныхъ грамматикахъ излагаются только правила стихосложенія. Авторъ пользовался позднѣйшими учебниками конца XVII и начала XVIII в., и притомъ преподанными въ польскихъ коллегіяхъ — познанской, ярославской — іезуитской, радомской и проч. Изъ этихъ источниковъ, говоритъ онъ, «малорусская молодежь могла получать свѣдѣнія о поэзіи и стихотворствѣ», — отсюда же «брала она готовыя правила для сложенія стиховъ «на польскомъ языкѣ». (58). Но отъ возможности до дѣйствительности разстояніе, какъ извѣстно, большое, а для научной точности были бы желательны указанія на такіе учебники піитики, которые бы относились къ самому началу юго-западнаго стихотворства, т. е. къ концу XVI и къ началу XVII в. Авторъ упоминаетъ о двухъ латинскихъ сочиненіяхъ подобнаго рода — Metrificale Marci de Oppathowicz первой половины XV вѣка и Ecchius'a De arte versificandi 1521 года, но въ этихъ сочиненіяхъ ничего нѣтъ о польскомъ стихосложеніи, которому несомнѣнно подражали юго-западные виршеслагатели. Мало того — и позднѣйшіе учебники, изъ которыхъ авторъ дѣлаетъ значительныя извлеченія, посвящены большею частію теоріи латинскаго стихосложенія. Такъ, въ Радомскомъ учебникѣ 1702 г. читаемъ: pes est pars versus certo syllaborum numero atque ordine definita, и затѣмъ идетъ исчисленіе двухсложныхъ, трехсложныхъ и даже четырехсложныхъ стопъ (56). Объ одномъ учебникѣ Aurifodina Poetica 1684 г. самъ авторъ замѣчаетъ, что въ немъ «нѣтъ ни слова о польскомъ стихосложеніи» (59); о другомъ — Bicollis Parnassus 1670 г. говоритъ, что въ немъ «нѣтъ ни одного слова объ основныхъ правилахъ польскаго стихосложенія» (16.) Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ мы нашли слѣдующее мѣсто, приведенное самимъ авторомъ: Lyrica poesis nec scanditur pedibus, sed syllabaram numero circumscribitur, ut et aliae poeses: genera autem lyrici carminis polonici sunt. (60). Авторъ сожалѣетъ, что онъ

не имѣлъ случая видѣть кіевскихъ учебниковъ, но считаемъ нужнымъ замѣтить прежде всего, что изъ кіевскихъ учебниковъ по піитикѣ XVII вѣка извѣстно всего восемь, да и то древнѣйшій изъ нихъ (Liber artis Poëticae) 1637 года, хранившійся въ кіево-софійской библіотекѣ, утерянъ. Впрочемъ, г. Перетцъ, принимая во вниманіе свѣдѣнія объ этихъ учебникахъ, сообщенныя Н. Петровымъ, находитъ, что въ нихъ, какъ и въ латино-польскихъ, «господствуетъ одно направленіе, однѣ и тѣ же идеи, даже опредѣленія и способъ выраженія порой тожественный». (58). Въ словахъ этихъ есть много правды. Такъ, въ одной кіевской піитикѣ 1685 г. (Fons Castalis — рукопись кіево-соф. библ. № 446) говорится, что «стихъ польскій не долженъ требовать особыхъ правилъ, отличныхъ отъ тѣхъ, какія преподаны о стихѣ латинскомъ».[1]) Замѣчаніе это вполнѣ совпадаетъ съ содержаніемъ латино-польскихъ учебниковъ, разсмотрѣнныхъ г. Перетцемъ. Только съ двадцатыхъ годовъ XVIII вѣка кіевскіе учебники начинаютъ различать латинскіе стихи отъ польско-русскихъ, отмѣчая въ этихъ послѣднихъ количество слоговъ, а не стопъ. (Parnassus 1719 — 1722 годовъ, рукопись кіево-михайл. монаст. № 1721).[2]) И здѣсь — полное совпаденіе съ наблюденіями г. Перетца, который излагаетъ содержаніе сравнительно позднихъ учебниковъ (Introductio ad portam Apollineam 1723 г.), гдѣ являются уже довольно обстоятельныя правила польскаго стихосложенія (60 — 63). Имѣя въ виду всѣ эти данныя, мы никакъ не можемъ допустить, чтобы современники Мелетія Смотрицкаго «брали готовыя правила для сложенія стиховъ на польскомъ (и славяно-русскомъ) языкѣ изъ латино-польскихъ учебниковъ», такъ какъ въ первой половинѣ XVII вѣка вовсе не было учебниковъ, трактующихъ о силлабическомъ стихосложеніи. Гораздо вѣроятнѣе, что русскіе виршеслагатели усвоивали польскій силлабическій стихъ путемъ подражанія, — когда же въ южно-рус-

1) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ кіевской академіи Н. Петрова въ Трудахъ кіевс. духовной академіи 1866 г., іюль, 322.

2) Ibidem, 325.

скомъ просвѣщеніи греческое вліяніе смѣнилось латино-польскимъ, то представители его могли найти въ латинскомъ стихосложеніи, о которомъ рѣчь шла въ кіевскихъ учебникахъ піитики, многія черты, знакомыя имъ изъ польскихъ стихотвореній. Дѣло въ томъ, что само польское стихосложеніе развилось подъ вліяніемъ латинскаго, которое, какъ извѣстно, уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ вмѣстѣ съ паденіемъ долготы гласныхъ въ латинскомъ языкѣ утратило свою старинную метрическую основу и превратилось въ тоническое. Оно усвоило себѣ только внѣшнія формы образца своего — стихосложенія метрическаго безъ его сущности, поэтому и въ латино-польскихъ учебникахъ мы встрѣчаемъ ученіе о стопахъ, но, собственно говоря, держалось латинское стихосложеніе на равночисленности слоговъ въ каждомъ стихѣ, при чемъ ударепіе занимало опредѣленное мѣсто, большею частію въ концѣ стиха, а многосложные стихи раздѣлялись цезурой, которая тоже отмѣчалась ударепіемъ. Вотъ эта равночисленность гласныхъ и составляетъ ту главную особенность польскаго стихосложенія, которую преподаватели піитики въ юго-западныхъ школахъ видѣли и въ латинскомъ стихосложеніи. Изучая это стихосложеніе, они получали свѣдѣнія и о другихъ особенностяхъ средневѣкового латинскаго стиха, перешедшихъ въ силлабическій польскій стихъ — о цезурѣ, строфѣ и, что въ особенности важно, о риѳмѣ, которая составляла необходимую принадлежность такъ называемаго леонинскаго латинскаго стиха. Такимъ образомъ въ теоріи латинскаго стихосложенія они находили научное оправданіе своихъ собственныхъ литературныхъ опытовъ, появившихся задолго до того времени, когда сложилась теорія польскаго стихосложенія.

Обращаясь затѣмъ къ эпохѣ греческихъ вліяній въ юго-западныхъ школахъ, мы не находимъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы убѣдиться, что онѣ знакомы были съ теоріей латинскаго, а тѣмъ болѣе польскаго стихосложенія, такъ какъ въ учебныхъ грамматикахъ того времени настойчиво проводится сложная и сбивчивая теорія стихосложенія, основанная на мнимой долготѣ

и краткости гласныхъ въ славянорусскомъ языкѣ. Для характеристики русскаго стихосложенія въ эту эпоху авторъ даетъ намъ матеріалъ въ IV главѣ своего труда подъ общимъ заглавіемъ: «Практическія примѣненія теоріи стихосложенія въ западнорусской литературѣ XVI—XVIII в.». Какой теоріи? Конечно, силлабической. Послѣ того, что было сказано нами о появленіи этой теоріи въ латино-польскихъ учебникахъ, глава эта представляется намъ анахронизмомъ, нарушающимъ историческую послѣдовательность.

Но послѣдуемъ за авторомъ.

Въ началѣ главы онъ припоминаетъ пѣсню о Штефанѣ воеводѣ, «записанную, какъ образецъ малорусской рѣчи, въ грамматикѣ чешскаго языка Яна Благослава, оконченной въ 1557 году». (65). Въ словахъ этихъ есть неточность. Пѣсня эта записана, какъ образецъ «словенскаго» нарѣчія, которое оказалось малорусскимъ. По мнѣнію Потебни, размѣръ ея донынѣ обыченъ въ малорусскихъ пѣсняхъ; нормальное число слоговъ въ стихѣ 12; обычное мѣсто отдыха (цезуры) посрединѣ стиха[1]). По поводу этихъ словъ г. Перетцъ замѣчаетъ: «Потебня считаетъ 12-сложный размѣръ пѣсни древнимъ, присущимъ народной пѣснѣ. Можетъ быть, эта ссылка на позднѣйшія малорусскія пѣсни не совсѣмъ убѣдительна, въ особенности въ виду нижеслѣдующихъ соображеній о возможности школьнаго польскаго вліянія». (65). Но во-1) Потебня вовсе не доказываетъ позднѣйшими малорусскими пѣснями древность 12-сложнаго размѣра, а утверждаетъ только, что этотъ размѣръ существовалъ уже въ XVI вѣкѣ; во-2) о какомъ польскомъ вліяніи рѣчь идетъ — о вліяніи на искусственную или народную поэзію, къ которой принадлежитъ и малорусская пѣсня XVI вѣка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ «нижеслѣдующихъ соображеніяхъ» автора.

Онъ приводитъ, по обыкновенію «полностію», древнѣйшія юго-западныя стихотворенія, изданныя въ Острогѣ: нѣкоторыя

1) Малорусская народная пѣсня по списку XVI в., 1877 г., стр. 12.

изъ нихъ, напр. «На гербъ князя Острожскаго» 1581 года, составлены Герасимомъ Смотрицкимъ, отцомъ знаменитаго Мелетія Смотрицкаго; другія же, напр. «Хронологія» 1581 года, составлены Андреемъ Рымшей. Въ первыхъ, говоритъ авторъ, «строгій размѣръ отсутствуетъ, строки неравносложны, и лишь риѳма придаетъ имъ видъ стиховъ», тогда какъ у Андрея Рымши «13-сложный размѣръ строго выдержанъ». «Сравнивая размѣръ Рымши съ тѣми образцами, которые даетъ современная имъ польская теорія и практика стихотворства, замѣчаемъ», говоритъ авторъ, «полное совпаденіе пріемовъ; сравнивая съ размѣрами народныхъ малорусскихъ пѣсенъ XVIII в. и современныхъ, находимъ также немало сходства» (77). Въ подтвержденіе послѣдняго мнѣнія указаны двѣ такія пѣсни: «Ой джигупе, джигупе, який ти ледащо» и «Казавъ мені батько, щобъ я оженився». И въ другихъ стихотвореніяхъ Рымши, говоритъ авторъ, «мы видимъ тотъ же размѣръ, только гораздо болѣе выдержанный: съ теченіемъ времени авторъ лучше усвоилъ себѣ технику стиха, бывшаго новинкой въ юго-западной Руси». (72). А такъ какъ этотъ размѣръ оказался и въ народныхъ пѣсняхъ, то выходитъ, что творцы народныхъ пѣсенъ познакомились съ этой «новинкой» тогда же или немного позже того времени, какъ усвоилъ ее себѣ Рымша. Вотъ первое соображеніе г. Перетца, вытекающее изъ его хронологическихъ сопоставленій. Теперь ясно для насъ, почему онъ подозрительно относится къ 12- сложному размѣру старинной народной пѣсни, засвидѣтельствованному датой изъ XVI вѣка. Повидимому, онъ готовъ приписать и этотъ размѣръ «школьному польскому вліянію». Конечно, ограничиваясь простымъ счетомъ словъ въ стихахъ, легко найти сходство между народными пѣснями и виршами малорусскими, но это сходство вовсе не указываетъ, какъ думаетъ авторъ, «на *генетическую* зависимость между современной малорусской пѣсней и правильными силлабическими виршами XVI—XVII столѣтія». (81). Мы уже имѣли случай замѣтить раньше, что пѣсни древнѣе виршъ, поэтому и размѣръ народныхъ пѣсенъ нельзя выводить изъ

размѣра силлабическихъ виршъ. Пѣсня можетъ совпадать съ виршей количествомъ слоговъ въ стихѣ, но размѣръ пѣсни основанъ не на количествѣ слоговъ, которыхъ можетъ быть въ стихѣ то больше, то меньше, а на чередованіи синтактическихъ стопъ, отмѣченныхъ логическими или, лучше сказать, риторическими удареніями, при чемъ самое мѣсто ударенія въ стопѣ можетъ быть неодинаково. Синтактическая стопа можетъ совпадать съ цезурой, т. е. стихъ пѣсни можетъ дѣлиться, какъ стихъ вирши, на двѣ половины, но пѣсенная стопа — вовсе не цезура, и есть множество пѣсенъ, въ которыхъ стихи состоятъ болѣе чѣмъ изъ двухъ синтактическихъ стопъ. Наконецъ, размѣръ пѣсни находится въ большей или меньшей зависимости отъ напѣва, тогда какъ вирша не испытываетъ этой зависимости, такъ какъ она предназначалась большею частію для произношенія, а не для пѣнія. Всѣ эти установившіяся въ наукѣ данныя мы считаемъ нужнымъ напомнить для того, чтобы поставить вопросъ какъ разъ вопреки тому, что говоритъ г. Перетцъ о генетической зависимости пѣсеннаго размѣра отъ виршеваго: нельзя ли въ юго-западныхъ виршахъ замѣтить обратное вліяніе перваго на послѣдній?

«До половины XVII столѣтія», говоритъ г. Перетцъ, «въ малорусскомъ стихотворствѣ существуетъ рядомъ два вида стиховъ: первый — нѣчто въ родѣ рѳомованной прозы съ самыми незатѣйливыми рѳомами, преимущественно глагольными; второй — правильный 13, 12-сложный стихъ по образцу, продиктованному польской поэтикой (78). Чѣмъ болѣе приближаемся къ концу XVII вѣка, тѣмъ рѣже встрѣчаемъ неискусно составленныя неравносложныя вирши въ литературѣ, но эта манера переходитъ въ народъ, и если сравнить, то между формой малорусскихъ думъ и виршъ въ стилѣ Острожской библіи 1581 г. и «Перла» Транквилліона окажется сходство, указывающее на генетическую зависимость». (80 — 81).

По поводу этихъ словъ замѣтимъ прежде всего, что стихотворный матеріалъ второй половины XVII в. почти не затронутъ г. Перетцемъ ни въ 1, ни во 2 части его сочиненія. Позднѣйшая

вирша изъ старопечатныхъ изданій, помѣщенная въ этой послѣдней части, относится къ 1619 году, а затѣмъ онъ оперируетъ почти исключительно на виршевыхъ сборникахъ XVIII вѣка, при чемъ приводитъ немало виршъ, «неискусно составленныхъ», а если бы заглянулъ онъ въ монографію Костомарова «Богданъ Хмельницкій» т. III или же въ «Историческія пѣсни малорусскаго народа» Антоновича и Драгоманова т. II, то встрѣтилъ бы вирши второй половины XVII вѣка, искусно составленныя и въ то же время неравносложныя. Но дѣло не въ этомъ. Можно ли согласиться съ мыслію, что размѣръ думъ произошелъ изъ виршъ «неискусно составленныхъ» — только потому, что неравносложностію стиховъ онѣ представляютъ сходство съ думами?

За разъясненіемъ этого вопроса обратимся къ народнымъ пѣснямъ. Вотъ, напр., отрывокъ одной изъ нихъ:

Годі, мати, жалувати, годі, мати, годити,
Присіли мене діти як, калиночку квіти.
Годі, мати, жалувати, було мене, мати, не віддавати,
Було мене маленькою дитиною під червоною калиною поховати.

Въ 1 стихѣ здѣсь 15 слоговъ, во 2 — 14, въ 3 — 19, въ 4 — 25. Просматривая (губ. т. V, 564), сборники народныхъ пѣсенъ, легко убѣдиться, что неравносложность стиховъ составляетъ обычную особенность ихъ. Выдѣляя глагольную рѣчь, преобладающую въ думахъ, можно передѣлать приведенное выше четверостишіе въ отрывокъ изъ думы:

Годі, мати, жалувати, годі, мати, годити,
Присіли мене діти, якъ калиночку квіти,
Годі, мати, жалувати,
Було мене, мати, не віддавати,
Було мене маленькою дитиною під червоною калиною поховати.

Очевидно, размѣръ думъ есть явленіе органическое, вытекающее изъ глубины народнаго пѣснотворчества, а не изъ плохой техники силлабическаго стиха[1]). Понятно послѣ этого, откуда

1) Подробнѣе объ этомъ въ нашей книгѣ: Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, стр. 1 — 38.

возникла неравносложность стиховъ въ первыхъ опытахъ юго-западнаго силлабическаго стихотворства: составители этихъ стиховъ не могли справиться съ привычкой къ вольному размѣру народныхъ пѣсенъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые лучше владѣли силлабическимъ стихомъ, постоянно отклонялись отъ правильной постройки его подъ вліяніемъ подвижнаго ударенія, присущаго всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ. Это замѣтно въ особенности на цезурѣ тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ слоги посчитаны правильно. Обыкновенно въ силлабическихъ стихахъ цезура занимаетъ опредѣленное мѣсто: такъ, въ 13-сложномъ стихѣ она оканчивается большею частію на седьмомъ слогѣ (7 + 6), при чемъ возможны, конечно, и иныя комбинаціи, но подъ условіемъ единообразнаго повторенія цезуры на одномъ и томъ же слогѣ во всемъ стихотвореніи. Вотъ это однообразіе рѣдко соблюдается въ славянорусскихъ силлабическихъ виршахъ. Цезура постоянно передвигается въ нихъ то вверхъ, то внизъ стиха, обнаруживая замѣтное тяготѣніе къ той функціи, которая исполняется въ народныхъ пѣсняхъ синтаксической стопой. Для образца приводимъ одну изъ такихъ виршъ, помѣщенныхъ во 2 части сочиненія г. Перетца. Вирша эта перепечатана имъ изъ старинной книги: «Лѣкарство на оспалый оумыселъ человѣчій», Острогъ, 1607 г. Озаглавлена она такъ:

«Прозьба чительникова о часъ».

Часе дорогій, часе не переплачоный,
Назбыть скупою вагою мнѣ оузычоный,
Быстрѣй надъ морскій корабль животъ мой провадишь,
Нѣгде для спочинення з нами незавадишъ.
Власне якъ которые в днѣ корабля лежатъ,
Здается имъ, же въ немъ стоятъ, кгды найпрудше бѣжать,
Въ окомгненю мя провадишъ вѣк мой к старости,
А нѣ ся разбачити могоу въ той малости,
Пядію бо вѣмъ (а правдиве) змѣренный вѣкъ,
Давно пророкъ до Бога рекъ, маетъ человѣкъ.
Не смѣю тя откладати на вѣкъ потомный,
Бомъ тебѣ не певенъ, яко чловекъ оупомный,

Даруй ми то прочитати и оучинити,
Ощо бы мя тамъ южъ не могли обвинити,
Оузычъ до поправы живота якого дня,
Поки не згасла вѣкоу моего походня.
Если ми не сфолькгуетъ, невне мя стратиш
И южъ мя тамъ и тисячею лѣтъ не заплатиш.

Стихи эти 13-сложные, за исключеніемъ шестого и послѣднихъ двухъ. Судя по первымъ тремъ стихамъ, цезура должна была бы оканчиваться на пятомъ слогѣ (5 + 8), но въ нѣкоторыхъ стихахъ, начиная съ четвертаго, выдержать ее было бы невозможно, такъ какъ пятый слогъ приходится то въ срединѣ, то въ началѣ словъ, поэтому цезура перескакиваетъ на шестой, седьмой и даже восьмой слоги. Получаются такимъ образомъ стихи, состоящіе изъ двухъ неравныхъ полустишій, т. е. неравносложные. Правда, и эта подвижная цезура не всегда дѣлитъ стихъ на двѣ такія половины, которыя соотвѣтствовали бы тому, что называется синтактической стопой, но все-таки эти неравныя половины въ большей или меньшей степени къ ней приближаются. Наблюдая эти явленія, мы какъ бы присутствуемъ при столкновеніи народнаго ритма съ искусственнымъ. Дальнѣйшій шагъ по этому пути есть устраненіе цезуры и разширеніе синтактической стопы въ цѣлый стихъ — безотносительно къ тому, сколько заключается въ немъ слоговъ. Это и есть своеобразный размѣръ думъ, въ которомъ слились элементы народный и искусственный: дума любитъ риому, какъ и силлабическіе стихи, но эта риѳма совпадаетъ въ ней съ законченностію отдѣльныхъ моментовъ мысли, соотвѣтствующихъ синтактической стопѣ, которая составляетъ въ ней не часть стиха, но цѣлый стихъ.

Давно ли появился этотъ размѣръ?

Заслуга г. Перетца заключается въ томъ, что онъ указалъ на сходство между неравносложностію стиховъ въ виршахъ и думахъ. И мы готовы видѣть въ неравносложныхъ виршахъ безсознательный шагъ къ размѣру думъ, съ тѣмъ существеннымъ ограниченіемъ этой мысли, что шагъ этотъ сдѣланъ былъ по

причинамъ болѣе глубокимъ, чѣмъ то случайное обстоятельство, что первые виршеслагатели не вполнѣ овладѣли силлабическимъ стихомъ. Въ сущности немногіе изъ нихъ могли приковать подвижное русское удареніе къ силлабическимъ схемамъ по причинамъ, выше нами указаннымъ. Даже такой талантливый и опытный писатель, не сходившій съ литературнаго поприща въ теченіе 22 лѣтъ и, конечно, хорошо знакомый съ правильными силлабическими стихами польскими и славяно-русскими, какъ Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій, повидимому, предпочиталъ неправильные стихи правильнымъ. Выписываемъ примѣры изъ разныхъ его сочиненій.

«На гербъ зацной фамилѣи Іоана Ярмолинского Константиновича»:

13. Фамилѣя Ярмолинъскихъ такъ есть славна
9. Дѣлностю справъ рыцеръскихъ здавна.
14. Трохъ муровъ проломаныхъ, знакомъ сут три оурембы,
16. Левского сердца не застращали крикливыи трембы,
6. Кръви розиляня
8. И огнистыхъ дѣлъ стрѣляня.

(«Зерцало Богословія», Почаевъ, 1618 г. См. Приложенія Перетца, 156).

«Епиграмма»:

20. Въ гелмѣ презацного дому господарско Еремей славныхъ Могиловъ
10. Свѣдкомъ суть таковыи клейноты:
9. Побожность, мужества и цноты.
14. Два мечѣ в справахъ рыцерскыхъ смѣлость показуютъ.
16. Лелѣя с крестомъ вѣру христіанскую знаменуютъ.
17. В тымъ дому щираа побожность обитаетъ,
15. А слава несмертельнаа на вѣки процвитаетъ.

(«Учительное Евангеліе», Рахмановъ, 1619 г. См. Приложенія Перетца, 157).

«Роско́шникомъ того̀ свѣ́та... Пѣ́снь вдѧ́чнаѧ при банкѐта̑ па̀нски̑»:

8. О см҃рти несподѣвàна,
8. Тóсь мя, богàтого Пàна,
10. Безъ ѿповѣ́ди нн҃ѣ зостàла,
15. И все крàсное и̑ любѝмое моé забрàла,
13. И павѣ́ки ѿ ѡ҃чій моѝхъ въ тмѣ сховàла.
15. Гдѐ моѝ нн҃ѣ зàмки кошто̑не мꙋровàныи
15. И палàцы моѝ свѣн҃е-пелѝчне маліовàныи
12. А шкатꙋлы злòтомъ нафасовàныи,
11. Возники подъ злòтомъ цубовàныи?
14. Гдé моѝ пресвѣ҃лыи златоткан҃ыи шàты,
17. Рыси, собòле, кам҃зины и́ дорогіи шкал҃аты?
15. 'Ѡ смр҃ти всѐ твоѝ приходо́ ѿ менѐ забрàно
13. И павѣ̀ки ѿ ѡ҃чій моих въ тмѣ̀ сховàно.

(«Перло многоцѣнное»).

Мы пользовались вторымъ изданіемъ «Перла многоцѣннаго», вышедшимъ въ 1699 году въ Могилевѣ (Библ. кіевопечер. Лавры, отд. VII, № 68), но первое изданіе вышло въ послѣдній годъ жизни автора въ 1646 г. въ Черниговѣ. По его словамъ, эта книга написана была въ старости и цѣнилась имъ очень высоко: «взѧла», какъ говоритъ онъ въ предмовѣ до чительника, «совершѐнство своѐ звлàща въ поетѝцкомъ хꙋдóжествѣ» и предназначалась отчасти для школъ: «в'школахъ», читаемъ въ той же предмовѣ, «бꙋдꙋчіи стꙋденты могꙋтъ себѣ̀ съ тои кнѝги ст҃ои выбирати вѣ̀рши на свою̀ потрѐбꙋ, и творѝти з̑ ни̑ ѡ҃раціи розмаѝтыи часꙋ потрѐбы своéи, хòчъ й на комедіѧх дх҃овны̑». Такимъ образомъ Ставровецкій считалъ, повидимому, неравносложные стихи образцомъ «поетицкаго художества», между тѣмъ стихи его, особенно послѣдніе, ничѣмъ не отличаются отъ народныхъ псальмъ, исполняемыхъ въ Малороссіи лирниками на сборищахъ народныхъ. Въ стихотворной конструкціи этихъ псальмъ мы видимъ и глагольную риѳму, и неравносложность стиховъ, и совпаденіе этихъ стиховъ съ синтактической стопой, и речитативный оттѣнокъ въ исполненіи ихъ, словомъ — всѣ тѣ черты, которыя дальше и рѣзче про-

ведены въ думахъ, на что въ свое время мы указывали[1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ записей думъ изъ XVI—XVII в., поэтому трудно установить хронологію стихотворнаго размѣра ихъ, но элементы, изъ которыхъ сложился этотъ размѣръ, очевидны. Онъ отражается и въ прозаическихъ сочиненіяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка[2]) и даже въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ отъ 1698 г. завѣщатель отказываетъ разныя свои имѣнія сыну своему съ тѣмъ, чтобы онъ «матки своеи ни въ чомъ, ховай Боже, на раздражалъ, и не квилячи повольность сыновскую противъ неи оказывалъ, то есть оную чтивъ, шановавъ и поважавъ».[3])

Начиная съ V главы, авторъ уже не возвращается болѣе къ старопечатнымъ виршамъ начала XVII вѣка, которыя затронулъ онъ только со стороны стихотворнаго размѣра въ предыдущей главѣ. Повидимому, и для изслѣдованія рукописныхъ виршъ первой половины XVII в. онъ избралъ путеводною нитью этотъ размѣръ, понятый имъ чисто внѣшнимъ образомъ, какъ удачное или неудачное подражаніе польскимъ силлабическимъ стихамъ: по крайней мѣрѣ, останавливаясь въ V главѣ на «старыхъ текстахъ виршъ XVII вѣка», извлеченныхъ изъ рукописей, онъ даетъ въ первомъ отдѣлѣ этой главы образцы правильнаго силлабическаго размѣра, во второмъ — неправильнаго. По поводу перваго отдѣла, гдѣ приведены незначительныя вирши на Рождество Христово изъ рукописи кіево-михайловскаго монастыря начала XVII в. (№ 1738), мы ограничимся замѣчаніемъ, что въ этихъ виршахъ цезура не имѣетъ надлежащей устойчивости, какъ и въ старопечатныхъ. Во второмъ отдѣлѣ этой главы рѣчь идетъ о воскресенскихъ виршахъ, какъ въ первомъ о рождественскихъ. Одна изъ этихъ воскресенскихъ виршъ напечатана по рукописи 1604 г. кіево-михайловскаго монастыря (№ 529). Начинается эта вирша такъ:

---

1) Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 160—161.
2) См. объ этомъ. ibid 36—38.
3) Кіевская старина 1882 г. Январь, 106.

Нынѣ веселый намъ день насталъ,
Иже Христос есть от мертвых въсталъ.

Всего въ виршѣ 16 стиховъ. Подобную виршу съ такимъ же количествомъ стиховъ, но съ нѣкоторыми перемѣнами, начиная съ восьмого стиха, авторъ находитъ въ рукописи виленс. публич. библіотеки (№ 233). Сопоставляя эти вирши съ таковыми же польскими, авторъ пользуется изданіемъ Бобовскаго (Polskie piesni Katolickie, Krakow, 1893 г.) и находитъ въ одной изъ нихъ XV вѣка, состоящей изъ девяти стиховъ, сходное начало:

We soły nam dsień nastał,
Gdy Pan Chrystus zwyciężył.

По мнѣнію Бобовскаго, вирша эта «исходитъ отъ какой-то неизвѣстной латинской пѣсни». То же сходное начало и въ Kancyonal' ахъ XV и XVI в. Но все-таки «въ малорусскихъ стихотвореніяхъ, говоритъ г. Перетцъ, мы не можемъ найти буквальнаго сходства ни съ однимъ изъ извѣстныхъ польскихъ текстовъ». (88). Въ виду этого обстоятельства, а также въ виду отсутствія рѣзкихъ полонизмовъ и правильнаго размѣра авторъ считаетъ возможнымъ предположить и для малорусской вирши общій съ польскимъ и болѣе древній источникъ. (89).

Затѣмъ идетъ далѣе по рукописи Импер. публ. библ. (Q. XIV. № 25) текстъ воскресенской вирши XVIII вѣка—польскій, но переписанный русскими буквами. По содержанію она не имѣетъ ничего общаго съ малорусской виршей, но начинается, какъ и эта послѣдняя, словами:

Весолый нам есть дзѣнь насталъ,
Которего знас кажди жондалъ.

Послѣ этого приведены по рукописи XVIII в. изъ собранія кн. Вяземскаго (Q. N LXXVII) двѣ вирши. Одна изъ нихъ съ припѣвомъ «радуйтесь» начинается словами:

Светел празник днес настал,
ибо Христос з мертвых востал.

Другая съ припѣвомъ «аллилуя» начинается словами:

Веселы нам днес день насталъ,
Котораго Христос з мертвых встал.

Обѣ эти вирши не сходны между собою по содержанію. Всѣ же онѣ сходны между собою только началомъ, да еще въ двухъ виршахъ (изъ рукоп. Импер. публич. библ. и изъ рукоп. кн. Вяземскаго) есть общій припѣвъ «аллилуя».

Вотъ въ немногихъ словахъ всѣ данныя, на основаніи которыхъ авторъ считаетъ и вирши изъ рукописи кн. Вяземскаго переводомъ съ польскаго, хотя самъ же говоритъ, что оригиналовъ польскихъ виршъ онъ нигдѣ не отыскалъ (92), а въ языкѣ двухъ послѣднихъ виршъ не находятъ никакихъ полонизмовъ. Въ виду этой послѣдней черты для насъ остается непонятнымъ, почему онъ не предположилъ для этихъ виршъ такъ же, какъ и для первой изъ рукописи кіево-михайловс. монастыря, «болѣе древній источникъ?» Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ, вмѣсто всѣхъ этихъ натянутыхъ параллелей и сближеній, можно было бы говорить только объ усвоеніи этой группой виршъ начальныхъ двухъ стиховъ изъ латино-польскаго источника.

Перейдемъ къ VI главѣ «О малорусскихъ виршахъ въ польскихъ рукописныхъ сборникахъ XVII — XVIII в.». Состоитъ она изъ пяти отдѣловъ, въ которыхъ, по словамъ автора, «сведены въ одну общую картину лишь нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что поляки XVII вѣка охотно заносили въ свои записныя книжки произведенія малорусскаго творчества» (93). «Эти заимствованія», говоритъ авторъ въ концѣ главы, «частію происхожденія искусственнаго — вирши школьниковъ; частію народнаго, какъ колядки; частію же обработки народно-религіозныхъ легендъ польскими писателями» (123). Любопытно знать, что побуждало ихъ къ этимъ заимствованіямъ. По мнѣнію автора, разныя причины. Удачнѣе всего, по нашему мнѣнію, разъяснено въ пятомъ отдѣлѣ этой главы появленіе апокрифическихъ народныхъ сказаній въ польскихъ драмахъ, составленныхъ іезуитами, которые имѣли въ виду «обличить и осмѣять православное простонародье, пользуясь повѣрьями и отзвуками апокрифовъ, отра-

зившихся въ народной легендѣ и сказкѣ» (121). Что касается до другихъ причинъ, то въ указаніи ихъ мы находимъ нѣкоторую сбивчивость. Такъ, въ одномъ сборникѣ Имп. пуб. библ. Разнояз. О. XVII. № 11 авторъ нашелъ стихотвореніе историческаго содержанія изъ эпохи Богдана Хмельницкаго. Это любопытный варіантъ къ пѣснѣ о пораженіи козаковъ подъ Берестечкомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанной нами съ объясненіями въ Archiv'ѣ Ягича. Побужденіемъ къ помѣщенію этого стихотворенія въ польскомъ сборникѣ служило, по словамъ автора, «непріязненное чувство, съ которымъ побѣдители торжествовали побѣду». (105). Но во второмъ отдѣлѣ VI главы приведено изъ другого польскаго сборника стихотвореніе изъ той же эпохи Богдана Хмельницкаго, гдѣ говорится о пораженіи поляковъ при Желтыхъ Водахъ. Замѣчательно, что въ обширномъ кругѣ стихотвореній на латинскомъ и польскомъ языкахъ о событіяхъ временъ Богдана Хмельницкаго нѣтъ ни одного о Желтоводской побѣдѣ козаковъ. Какъ же оно очутилось въ польскомъ сборникѣ? Объ этомъ ничего не говоритъ г. Перетцъ, подрывая молчаніемъ своимъ высказанныя имъ выше соображенія о «непріязненномъ чувствѣ поляковъ-побѣдителей».

Въ четвертомъ отдѣлѣ V главы говорится о записяхъ малорусскихъ колядокъ въ польскомъ сборникѣ. Одну изъ этихъ колядокъ авторъ нашелъ въ польской рукописи, датированной 1719 годомъ, Имп. пуб. библ. О. XIV, № 4. Опъ сопоставляетъ ее съ псальмой юго-западнаго происхожденія, помѣщенной Безсоновымъ въ «Калпкахъ перехожихъ» (вып. 4, № 309), но уже пріобрѣвшей будто бы на великорусской почвѣ нѣкоторыя церковнославянскія формы (115). Псальма эта, по мнѣнію автора, представляетъ разницу сравнительно съ предыдущей виршей въ содержаніи и въ языкѣ, а сходство въ размѣрѣ, нѣкоторыхъ риомахъ и полонизмахъ. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что «мы имѣемъ дѣло съ переходомъ и въ польскій и въ великорусскій сборникъ малорусской псальмы на Рождество» (115). Не отрицая возможности такого перехода, мы не видимъ доказательствъ,

что въ первоначальной редакціи эта псальма на Рождество не происходитъ изъ того же польскаго источника. Правда, авторъ въ защиту своей мысли говоритъ: «отыскивая въ сборникахъ пѣсенъ и каптовъ ея возможный польскій оригиналъ, мы ничего подходящаго пока не нашли» (111). Такимъ образомъ въ V главѣ отсутствіе польскаго оригинала не помѣшало автору признать нѣкоторыя вирши переводомъ съ польскаго, а здѣсь совсѣмъ наоборотъ — то же обстоятельство — отсутствіе оригинала, пока еще не отысканнаго, располагаетъ его къ иному выводу.

Но если въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не видимъ у автора доказательствъ той или иной мысли, то въ другихъ случаяхъ находимъ ненужное изобиліе ихъ. Въ третьемъ отдѣлѣ IV главы онъ помѣщаетъ юмористическую пѣсню о попѣ, который пропилъ не только все свое хозяйство — «коники и волы», но даже «ризы и патрахиль». По поводу этой пѣсни авторъ высказываетъ мысль, что составитель польскаго сборника внесъ въ него малорусскую пѣсню, осмѣивающую православное духовенство, побуждаемый враждебнымъ чувствомъ къ нему, и затѣмъ выдвигаетъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о порчѣ правовъ въ средѣ духовенства не только малорусскаго, но и великорусскаго, и притомъ не только изъ эпохи Петра Могилы, но и изъ эпохи Дмитрія Ростовскаго. Все это намъ кажется излишнимъ балластомъ, не соотвѣтствующимъ цѣли. Замѣтимъ, между прочимъ, что этого балласта нѣтъ въ статьяхъ г. Перетца, помѣщенныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи.

VII глава состоитъ изъ восьми отдѣловъ подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Къ вопросу о польскомъ вліяніи на русскую поэзію XVII — XVIII в.». Слова «къ вопросу» показываютъ, что авторъ не имѣлъ въ виду всего вопроса. Но разъ поставлены въ заглавіи два вѣка, то мы желали бы разобраться въ хронологическихъ моментахъ этого вліянія, т. е. отдѣлить въ немъ то, что относится къ одному вѣку, отъ того, что относится къ другому. Впрочемъ, эта неясность представленія о томъ, что и когда оказывало вліяніе, облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что почти весь польскій матеріалъ, о которомъ говоритъ г. Перетцъ, нашелъ онъ въ

сборникахъ XVIII вѣка, поэтому все содержаніе этой главы мы должны отнести главнымъ образомъ къ XVIII в. Гораздо больше недоумѣній вызываетъ самый объектъ польскаго вліянія, т. е. русская поэзія. Что разумѣетъ авторъ подъ русскою поэзіей — великорусскую, малорусскую или ту и другую вмѣстѣ? Еще въ началѣ VI главы онъ высказалъ мысль, что «говорить о вліяніи польской поэзіи на малорусскую въ виду массы памятниковъ, обнаруживающихъ наличность этого вліянія, представляется излишнимъ». (93). Можно думать поэтому, что онъ имѣетъ въ виду непосредственное вліяніе польской поэзіи на великорусскую. Въ дѣйствительности, въ VII главѣ онъ указываетъ на цѣлый рядъ великорусскихъ сборниковъ, переполненныхъ польскимъ матеріаломъ. Но въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ этой главы онъ анализируетъ вирши, перешедшія изъ малорусскихъ сборниковъ въ великорусскіе. И противъ этого мы ничего не имѣемъ, но въ этой пестрой славяно-малорусско-польской мозаикѣ мы не находимъ элементовъ великорусской поэзіи, поэтому не можемъ составить яснаго представленія о вліяніи на нее польской виршевой поэзіи. «Сначала», говоритъ авторъ, «мы обратимся къ такимъ псальмамъ, въ которыхъ сказалась рука переводчика, болѣе или менѣе потрудившагося, вложившаго въ свой переводъ долю оригинальности, сравнительно съ образцомъ, а затѣмъ уже укажемъ переводы, представляющіе тѣ же польскіе тексты, лишь переписанные кириллицей». (124 — 125). Гдѣ же тутъ русская поэзія? Конечно, ея нѣтъ въ польскихъ текстахъ, «переписанныхъ кириллицей», которые авторъ почему то называетъ переводами. Остается предположить ее въ тѣхъ виршахъ, въ которыхъ «сказалась рука переводчика», но въ славяно-малорусскихъ стилистическихъ крупицахъ, собранныхъ авторомъ, по нашему мнѣнію, едва ли можно видѣть русскую поэзію въ серьезномъ смыслѣ этого слова.

Въ первомъ отдѣлѣ VII главы авторъ разбираетъ одну «польскую вершу» o próżności swiata, которая начинается словами: «iest zdrada w świecie». Онъ приводить ее по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XVII. № 79 XVII — XVIII в., сопоставляя съ печатнымъ

текстомъ по сборнику, изданному въ Гроднѣ въ 1829 г. Сопоставленіе это приводитъ его къ выводу, что вирша это была переведена съ польскаго не позже начала XVIII в. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ это было такъ, но мы не рискнули бы для оправданія этой возможности дѣлать характеристику самаго труда переводчика, «сравнивая переводъ ея съ предполагаемымъ оригиналомъ строфу за строфой» (147). Мы находимъ это невозможнымъ за отсутствіемъ оригинала. Самъ авторъ сознается, что «польскій текстъ, дошедшій до насъ, могъ быть подвергнутъ за 100 лѣтъ передѣлкамъ» (149), однако же употребляетъ немало труда на сравнительный анализъ этой вирши: почти на 10 страницахъ онъ печатаетъ ее «полностію», на 5 страницахъ приводитъ варіанты къ ней по рукописи Имп. пуб. библ. Q. XIV, № 25, — и все это для того, чтобы прійти къ сомнительнымъ заключеніямъ. Тѣмъ болѣе это непонятно, что, говоря о рождественскихъ псальмахъ, помѣщенныхъ у Безсонова, авторъ считаетъ «главнымъ недостаткомъ сопоставленій» его то, что «онъ пользовался для этой цѣли новыми польскими текстами, сравнивая съ ними славянорусскіе съ начала XVIII вѣка, частію восходящіе къ XVII в.» (175). Но это какъ разъ тотъ самый недостатокъ, который такъ рѣзко бросается въ глаза въ сопоставленіяхъ самого г. Перетца.

Тотъ же пріемъ онъ употребляетъ и въ анализѣ другой вирши, начинающейся словами: «По что миръ гордится во временѣ славѣ», по рукописи Имп. пуб. библ. Q, XVII, № 212, относящейся будто-бы къ XVII в. (151). Говоримъ *будто бы*, потому что, судя по выпискамъ изъ этой рукописи, приведеннымъ у самого автора (303), она относится скорѣе къ XVIII, чѣмъ къ XVII вѣку.

Но если за отсутствіемъ современнаго польскаго оригинала трудно говорить объ особенностяхъ перевода той или иной вирши на славянорусскую рѣчь, то эта трудность увеличивается, когда нѣтъ подъ руками и позднѣйшаго польскаго текста, да еще вдобавокъ анализируемая вирша осложнена переводомъ на малорусскій литературный языкъ, послѣ чего уже перешла на велико-

русскую почву. Это мы видимъ на анализѣ вирши, начинающейся словами: «Самъ я не знаю, якъ на свѣтѣ жити». Авторъ хочетъ опредѣлить «источники, элементы, изъ которыхъ сложилась она» (160). Для этого онъ приводитъ двѣ пьесы изъ рукописи виленс. пуб. биб. № 233. Тема этихъ пьесъ одна и та же — изображеніе душевной борьбы между страхомъ смерти и потребностію «жити и еще грѣшити». Вторая пьеса заканчивается обращеніемъ къ Богоматери съ мольбой о помощи. Въ рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 мы имѣемъ уже сложный текстъ, образовавшійся изъ сліянія двухъ виленскихъ пьесъ. Допуская это послѣднее предположеніе, авторъ не оградилъ его отъ иного предположенія о томъ, что виленскія пьесы могли образоваться посредствомъ разложенія цѣльнаго текста, такъ какъ виленскій сборникъ, во всякомъ случаѣ, не древнѣе петербургскаго. Но допустимъ, что такое сліяніе состоялось. Слѣдуетъ затѣмъ вопросъ, когда и гдѣ? Авторъ указываетъ на нѣкоторые полонизмы петербургской вирши, которые, по его мнѣнію, «показываютъ, что сліяніе восходитъ къ польскому тексту». (163). Точно ли *показываютъ*, если мы знаемъ, что полонизованною славяно-малорусскою рѣчью могли писать и дѣйствительно писали малороссіяне? Указавъ варіанты этого сложнаго текста по списку Академіи наукъ 1729 года и по списку Грушевскаго 1727 года, т. е. по спискамъ болѣе древнимъ, чѣмъ рукопись вил. пуб. биб., гдѣ нѣтъ еще сложнаго текста, авторъ приводитъ наконецъ тотъ же сложный текстъ по другой рукописи XVIII в. Имп. пуб. биб. Q XIV, № 16. Въ этомъ текстѣ онъ отмѣчаетъ «сравнительное изобиліе явныхъ и намѣренно вставленныхъ церковно-славянизмовъ, хотя не обошлось и безъ полонизмовъ, подчасъ довольно рѣзкихъ, въ родѣ «упадлего» (166). Прибавимъ отъ себя, что немало въ этомъ текстѣ есть и малорусизмовъ. И встъ на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ авторъ дѣлаетъ выводъ, что путемъ постепенной «русификаціи»[1]) заимствованнаго текста вѣроятнѣе всего и полу-

1) Кавычки принадлежатъ автору.

чился тотъ текстъ, который читается въ рукоп. Имп. пуб. биб. Q XIV, № 25» (166). Замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ текстѣ нѣтъ еще рѣзкихъ славянизмовъ, которые встрѣчаются въ текстѣ изъ рукоп. Имп. пуб. биб. O. XIV, № 16 и которые авторъ считаетъ самымъ рѣшительнымъ признакомъ «руссификаціи», разумѣя подъ этой послѣдней то, что вирша «перешла уже на великорусскую почву». (159). Но если мы вспомнимъ, что славянизмы — обычное явленіе въ славяно-малорусской рѣчи, и что во всѣхъ петербургскихъ спискахъ этой сложной вирши нѣтъ великорусскихъ особенностей рѣчи, то при чемъ же тутъ «руссификація» въ великорусскомъ смыслѣ этого слова? Поневолѣ приходится согласиться съ авторомъ, что «при наличности немногихъ варіантовъ трудно установить какую-бы то ни было зависимость между текстами такихъ подвижныхъ сборниковъ, какъ наши». (166). Не менѣе справедливо и другое замѣчаніе его, что «настоящій матеріалъ нуждается въ дополненіяхъ, и только тогда, когда будутъ извѣстны многія другія псальмы, можно установить ея исторію». (169). Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же преждевременно браться за эту исторію?

Другая меньшая половина VII главы, согласно съ планомъ автора, посвящена буквальнымъ заимствованіямъ съ польскаго. Здѣсь почва тверже главнымъ образомъ потому, что авторъ имѣетъ дѣло съ такими псальмами, которыя представляютъ ничто иное, какъ переписку польскихъ пьесъ русскими буквами. Такимъ образомъ отсутствіе польскихъ оригиналовъ здѣсь восполняется грубой очевидностію заимствованій, и не было никакой надобности говорить ни о литературныхъ оттѣнкахъ въ переводѣ польскихъ оригиналовъ, ни о постепенной руссификаціи ихъ. Автору предстояла поэтому болѣе простая задача каталогизаціи заимствованныхъ польскихъ пьесъ сперва духовнаго содержанія, а потомъ свѣтскаго. Не совсѣмъ только понятно для насъ, какимъ образомъ попали въ первый разрядъ пьесъ указанія на пьесы изъ сборника Грушевскаго (до 1727 г.), и почему опѣ не внесены въ послѣдній отдѣлъ главы о заимствованіяхъ съ польскаго пѣсенъ свѣтскихъ.

Если причиной этого было то обстоятельство, что сборникъ Грушевскаго малорусскій, а не великорусскій, то ему не мѣсто было въ обзорѣ польскихъ пьесъ, «находящихся въ великорусскихъ сборникахъ XVIII вѣка» (190). Что касается до этихъ пьесъ, то онѣ исчисляются главнымъ образомъ по двумъ рукописямъ Имп. пуб. биб. XVIII в. Q, XIV №№ 141 и 25. Рукописи эти описаны и въ «Приложеніяхъ» къ 1 тому (часть 2), гдѣ встрѣчаемъ начальные стихи тѣхъ же пьесъ. Эта двойная перепечатка начальныхъ стиховъ вмѣсто простой ссылки на «Приложенія» объясняется, повидимому, желаніемъ показать наглядным образомъ, «съ какой силой и въ какомъ количествѣ переходили западно-русскія и польскія поэтическія произведенія въ низшій слой читающаго общества XVIII в.» (188). Намъ показалось только страннымъ, что въ одномъ мѣстѣ авторъ считаетъ «фактъ переноса польскихъ псальмъ и пѣсенъ цѣликомъ достаточно извѣстнымъ, чтобы на немъ долго останавливаться» (179), а въ другомъ мѣстѣ, говоря о польскихъ вліяніяхъ на русскую читающую публику, называетъ эту идею гипотезой (194).

VIII глава представляетъ сводъ данныхъ о «малорусскомъ вліяніи въ Москвѣ въ XVII—XVIII в.» Мы бы сказали: не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ въ эпоху просвѣтительной дѣятельности Петра Великаго и послѣ. Собственно говоря, это вводная глава къ цѣлому ряду слѣдующихъ за нею главъ о малорусскихъ пѣснях на великорусской почвѣ въ XVIII в. Въ ней собраны въ одно цѣлое извѣстные факты о появленіи въ Москвѣ въ XVIII в. новыхъ эстетическихъ вѣяній въ церковномъ пѣніи, о пробужденіи вкуса къ стихотворнымъ произведеніямъ религіознаго содержанія, о «риомотворной» псалтири Симеона Полоцкаго, о «легкой поэзіи» при Петрѣ Великомъ, «лишенной всякой религіозной окраски», о малорусскихъ пѣсняхъ и ихъ распространителяхъ въ Великороссіи, объ учителяхъ-малороссіянахъ-бандуристахъ, придворныхъ пѣвчихъ и проч. По поводу этой главы мы ограничимся только указаніемъ на нѣкоторыя хронологическія несоотвѣтствія въ ней. На стр. 204 авторъ говоритъ, что

«Симеону Полоцкому принадлежитъ заслуга введенія пѣнія духовныхъ виршъ въ пѣсенный обиходъ великорусскихъ грамотеевъ и любителей», а нѣсколько выше, на стр. 202 онъ приводитъ изъ «риѳмотворной» псалтири слова самого Симеона Полоцкаго, изъ которыхъ видно, что онъ засталъ уже въ Москвѣ любовь «къ сладкому и согласному пѣнію польскія псалтири, стіховно преложенныя». Что касается до малорусскихъ виршъ, то авторъ самъ не сомнѣвается, что еще при патріархѣ Никонѣ, задолго до появленія псалтири Полоцкаго (1680 г.), выписанные изъ Малороссіи пѣвцы привезли съ собою «образцы виршевой западнорусской поэзіи, положенные на ноты» (212). На стр. 207, характеризуя русское общество, затронутое реформой Петра Великаго, авторъ говоритъ о малорусскихъ бандуристахъ, пользовавшихся въ лучшихъ домахъ Петербурга популярностію; «очевидно», прибавляетъ онъ, «старая традиція не исчезла». Но въ Москвѣ, судя по фактамъ, на которые ссылается г. Перетцъ (197), о малорусскихъ бандуристахъ еще ничего не знали. Еще одно замѣчаніе. Такъ какъ авторъ стремится, повидимому, къ подробному изложенію фактовъ относительно представителей малорусскаго искусства въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, то можно было бы, по нашему мнѣнію, упомянуть о томъ, что извѣстный Алексѣй Разумовскій, послѣ потери голоса, переименованъ былъ изъ придворныхъ пѣвчихъ въ придворные бандуристы. При Елисаветѣ Петровнѣ извѣстенъ и другой придворный бандуристъ — Григорій Михайловичъ Любистокъ, который въ 1743 г. пожалованъ былъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ былъ въ полковники[1]). Въ дневникѣ Хапенка есть упоминанія о другихъ придворныхъ бандуристахъ болѣе ранняго времени[2]).

IX глава носитъ названіе: «Старшіе сборники малорусскихъ пѣсенъ начала XVIII вѣка». По этимъ сборникамъ авторъ дѣлаетъ характеристику репертуара малорусскихъ бандуристовъ

1) Дневникъ Маркевича, т. II, стр. 182, 191.

2) Кіевская Старина 1884 г. августъ. Стр. 71, сентябрь, стр. 81.

того времени. Такихъ сборниковъ оказалось всего два—М. Грушевскаго, напечатанный въ Запискахъ науковаго товар. имени Шевченка, т. XV и XVII, и сборникъ Академіи Наукъ, № 16. 6. 29. Есть указанія въ томъ и другомъ сборникѣ, что вирши и пѣсни записаны въ нихъ были раньше тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. Авторъ описываетъ пѣсни свѣтскаго содержанія въ обоихъ сборникахъ. Въ краткихъ словахъ онъ излагаетъ содержаніе этихъ пѣсенъ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что «въ нихъ есть нѣчто новое сравнительно съ старымъ великорусскимъ репертуаромъ, именно представленіе о «кавалерахъ», «дамахъ» и проч. (215). Гораздо подробнѣе онъ говоритъ объ Академическомъ сборникѣ. Какъ и въ сборникѣ М. Грушевскаго, онъ не только отмѣчаетъ содержаніе 12 пѣсенъ, но приводитъ выдержки изъ нихъ, помѣщая цѣликомъ нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ во второй части своего труда. Выдержки эти предназначены для характеристики составителя сборника Дзюбаревича. Основываясь на разныхъ запискахъ и припискахъ къ сборнику, авторъ предполагаетъ, что Дзюбаревичъ былъ козакъ гадяцкаго полка, сидѣвшій подъ арестомъ и въ это время записавшій нѣсколько пѣсенъ, изображающихъ «его тоскливое настроеніе въ заключеніи». (217). Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о разлукѣ съ милой, о жизни на чужбинѣ онъ усматриваетъ автобіографическія черты составителя сборника. — Замѣтимъ только, что въ припискахъ къ сборнику Дзюбаревичъ называетъ себя собственникомъ его и «рабомъ Божіимъ», а не козакомъ,—что на 55 листѣ сборника написано только: «Арестантъ полку гадяцкаго»—безъ объясненія, кто этотъ арестантъ,—что псальмы и пѣсни записаны разными почерками, которыхъ г. Перетцъ насчиталъ шесть. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ гипотеза его о личности Дзюбаревича кажется намъ недостаточно обоснованной, тѣмъ болѣе, что и пѣсни о разлукѣ съ милой, о жизни на чужбинѣ состоятъ изъ общихъ мѣстъ—безъ всякихъ слѣдовъ индивидуальныхъ указаній и даже намековъ. Единственная пѣсня, которая могла бы относиться къ личности Дзюбаревича, это псальма о Дербентскомъ походѣ

(1722 г.), если бы г. Перетцъ далъ надлежащую справку о томъ, что псальма эта написана почеркомъ того самаго лица, которое въ припискахъ къ сборнику называетъ себя собственникомъ его. Что касается этой псальмы, то она отличается историческимъ реализмомъ, ясно выступающимъ изъ сопоставленія ея съ запиской XVIII в. о томъ же походѣ, изъ которой г. Перетцъ удачно выбралъ соотвѣтствующія мѣста. Съ полною основательностію онъ говоритъ, что псальма эта показываетъ намъ, «въ какой средѣ и при какихъ обстоятельствахъ складывались иногда памятники малорусской поэзіи — по горячимъ слѣдамъ событій, какъ они затѣмъ распространялись и находили откликъ въ народной массѣ» (224). Благодаря этому освѣщенію, мы присутствуемъ, такъ сказать, при самомъ зарожденіи исторической народной пѣсни, и если не встрѣчаемъ ее въ народной обработкѣ, то, вѣроятно, потому, что Дербентскій походъ заслоненъ былъ другими быстро надвигавшимися событіями.

Заканчивается IX глава словами: «другія пѣсни сборника Дзюбаревича, изъ сличенія съ данными современной малорусской поэзіи, обнаруживаютъ свою связь съ послѣдней, унаслѣдовавшей обороты и пріемы отъ далекой старины, когда то, что теперь считается народнымъ, таковымъ не было». (224). Но во-1) такого «сличенія» въ данномъ случаѣ произведено не было, слѣдовательно, и выводъ можно считать преждевременнымъ. Во-2) едва ли можно считать первыя десятилѣтія XVIII в. «далекой старины». Въ-3) обращеніе къ Венерѣ и тому подобные литературные пріемы, какъ тогда не считались, такъ и теперь не считаются народными.

X глава посвящена обзору малорусскихъ пѣсенъ въ великорусскихъ запискахъ начала XVIII в. Имѣя въ виду подробнѣе остановиться на этомъ предметѣ въ отдѣльной работѣ, г. Перетцъ извлекаетъ изъ рукописнаго матеріала XVIII в. только нѣсколько малорусскихъ пѣсенъ, усвоенныхъ въ Великороссіи. — Вся глава распадается на семь отдѣловъ.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ слѣдитъ «за исторіей одной пс-

кусственной пѣсни — въ *народномъ* употребленіи (227). Называетъ онъ эту пѣсню элегіей малорусскаго происхожденія и приводитъ ее по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141. Начинается она словами: «Во печали во великой всегда пребываю» и изображаетъ огорченіе молодца, жалующагося на двуличныя отношенія къ нему дѣвицы. Въ великорусской обработкѣ этой элегіи по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 11 молодецъ жалуется уже не на дѣвицу, а на разлучниковъ, на чужую сторону. Во второмъ варіантѣ этой пѣсни по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 12 тѣ же слова идутъ уже не отъ молодца, а отъ дѣвицы. Въ виду разнаго содержанія этихъ трехъ пьесъ можно ли назвать ихъ варіантами одной пѣсни? Можно ли затѣмъ говорить о «народномъ» употребленіи ихъ, не имѣя ни одной изъ этихъ пѣсенъ въ народной редакціи, записанной изъ устъ народа? По нашему мнѣнію, по поводу этихъ трехъ стихотвореній можно лишь сказать, что изъ малорусскаго стихотворенія великорусскіе авторы заимствовали только шесть стиховъ, напечатанныхъ у автора разрядкой.

Во второмъ отдѣлѣ приводится другая элегія тоже малорусскаго происхожденія по рукописи Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 съ варіантами по рукописямъ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 12 и O. XIV, № 12. Въ варіантахъ есть нѣкоторыя особенности — тоже книжныя. Авторъ, однако же, думаетъ, что «малорусская пѣсня (а не вирша) сначала должна была, пройдя чрезъ болѣе образованную великорусскую среду, сбросить свою чуждую внѣшность, утратить или смягчить полонизмы и малоруссизмы, а затѣмъ уже перейти въ среду простонародья» (233). Мы тоже готовы думать, что все это возможно было, но въ данномъ случаѣ за однимъ остановка: авторъ не указалъ, какія новыя черты пріобрѣла эта тяжеловѣсная любовная вирша въ средѣ великорусскаго простонародья.

Въ третьемъ отдѣлѣ говорится о пѣсняхъ, имѣющихъ темой приглашеніе къ себѣ дѣвицей молодца переночевать или прямо въ гости. Сперва приводится текстъ этой пѣсни по рукописи Имп.

пуб. биб. Q. XIV, № 141,[1]) — затѣмъ исчисляются варіанты по изданіямъ народныхъ пѣсенъ Соболевскаго и Чубинскаго. Для сравнительной оцѣнки основного текста, по нашему мнѣнію, особенно важенъ старшій великорусскій варіантъ, находящійся въ рукописномъ сборникѣ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 11. Къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ его, вопреки своему обыкновенію, ни «полностію», ни въ отрывкахъ: мы знаемъ только два начальныхъ стиха этого варіанта изъ 2 части труда г. Перетца (117). Въ виду этого, мы должны довольствоваться заявленіемъ его, что «первопачальный текстъ пѣсни былъ близокъ къ той схемѣ, которая установлена по старшимъ варіантамъ» (237). Авторъ думаетъ, что «текстъ этотъ явился въ началѣ XVIII в. на великорусской почвѣ и къ срединѣ вѣка успѣлъ уже пріобрѣсти новыя черты и великорусскую окраску». (237). Что же именно явилось— текстъ *пѣсни* или текстъ *вирши,* разработавшей одинъ только пикантный эпизодъ пѣсни, съ примѣсью той слащавости, которая чужда народной пѣснѣ, гдѣ выступаетъ энергическая дѣвушка, оскорбленная въ своемъ интимномъ чувствѣ? Мы думаемъ, вопреки мнѣнію автора, что въ великорусскіе сборники попала не пѣсня, а вирша, исказившая пѣснію, которая, во всякомъ случаѣ, существовала уже до появленія вирши.

Въ четвертомъ отдѣлѣ говорится о малорусскихъ передѣлкахъ малорусскихъ виршъ, объ одномъ рождественскомъ кантѣ Сковороды — произведеніи, которому падлежащее мѣсто было бы въ VII главѣ, такъ какъ оно сочинено было подъ сильнымъ вліяніемъ польскаго канта, — о передѣлкѣ Котляревскимъ извѣстной пѣсни Сковороды «Голова всяка имѣетъ смыслъ», а также объ извѣстной пародіи Котляревскаго на старинную псальму «О, горе мнѣ, грѣшнику сущу». Всѣхъ этихъ передѣлокъ авторъ не указываетъ въ великорусскихъ сборникахъ, поэтому намъ

1) Первые стихи этой пѣсни авторъ считаетъ общимъ народно-поэтическимъ мѣстомъ и дѣлаетъ ссылку на рукопись Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 127. Л. 87, об. Судя по оглавленію пѣсенъ этой рукописи, напечатанному въ Приложеніяхъ, ссылка эта оказывается невѣрной: (Часть II, стр. 111).

остается непонятнымъ, почему онѣ помѣщены въ главѣ, которая носитъ названіе: «Малорусскія пѣсни въ великорусскихъ записяхъ начала XVIII в.» Это тѣмъ болѣе странно, что самъ онъ отмѣчаетъ годъ рожденія Сковороды (1722), а драматическія произведенія Котляревскаго, гдѣ помѣщены пародіи его на старинныя псальмы, написаны уже въ XIX в.

Пятый отдѣлъ X главы авторъ начинаетъ указаніемъ на заманчивыя перспективы въ изученіи книжнаго пѣспотворчества. «Интересно прослѣдить», говоритъ онъ, «какое вліяніе въ смыслѣ созданія новыхъ образцовъ легкой поэзіи оказала стихотворческая дѣятельность южнорусскихъ выходцевъ въ сѣверной Московской Россіи. Авторы-великоруссы для созданія пѣсенокъ берутъ за образцы вирши южнорусскихъ стихотворцевъ. Подражая имъ въ формѣ, отчасти и въ содержаніи, заимствуя обороты и мысли, повторяя даже малорусскія риомы, великоруссы, можетъ быть и не преднамѣренно, вносятъ въ модныя пѣсенки нѣкоторые народные образцы» (240). Какъ на характерный образецъ такого явленія, онъ указываетъ по рукописному сборнику второй половины XVIII в. Имп. пуб. библ. Q. XIV, № 127 на одну элегію, очень близкую къ извѣстной элегіи Ѳеофана Прокоповича: «Плачетъ пастушекъ въ долгомъ ненастіи».

Здѣсь мы должны прервать на время изложеніе мыслей автора объ этомъ поэтическомъ подражаніи Ѳеофану Прокоповичу, потому что онъ, какъ это часто дѣлаетъ въ своихъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ, «попутно» останавливается на поэтической дѣятельности самого Прокоповича. Не входя въ критическую оцѣнку этой дѣятельности, онъ ограничивается двумятремя словами по адресу архіеп. Филарета, сомнѣвавшагося въ поэтическомъ талантѣ Прокоповича, а затѣмъ приводитъ списокъ латинскихъ и русскихъ стихотвореній Прокоповича, руководствуясь изданіемъ «Словъ и рѣчей» его 1760 — 1774 годовъ и «Обзоромъ русской духовной литературы» архіеп. Филарета. Списокъ этотъ онъ дополняетъ указаніемъ на стихотвореніе Ѳеофана Прокоповича по поводу смерти Варлаама Ясинскаго по

рукописи Кіево-Михайлов. монастыря № 569 и польскимъ стихотвореніемъ Прокоповича по рукописи того же монастыря № 526. Послѣднее стихотвореніе, какъ говоритъ авторъ, «озаглавлено именемъ Прокоповича, хотя и странными буквами А. Р.» (248). По его мнѣнію, польское стихотвореніе Прокоповича представляетъ сходство съ элегіей его: «Плачетъ пастушекъ въ долгомъ непастіи». По нашему мнѣнію, за исключеніемъ элегическаго тона, сходства между этими стихотвореніями ни въ замыслѣ, ни въ поэтическихъ образахъ нѣтъ.

Послѣ этого экскурса, который занимаетъ у автора восемь страницъ (241 — 248), возвратимся вмѣстѣ съ нимъ къ элегіи неизвѣстнаго автора, подражавшаго Прокоповичу. Дѣйствительно, въ ней ясны слѣды подражанія не только въ настроеніи, но, что особенно важно, въ поэтическихъ образахъ. Замѣтимъ, что авторомъ ея г. Перетцъ считаетъ малороссіянина, но переписана элегія, по его мнѣнію, несомнѣнно великоруссомъ. (249). Затѣмъ во второй части ея онъ подробно анализируетъ поэтическій образъ, выраженный въ слѣдующихъ стихахъ элегіи:

Ой колиб возможно мѣть пѣрья орловы,
Колибы достать можно крылья дадѣлевы,
Полетел бы туда, куда мысль справляе,
Ой гдѣ мое сердце в радости жит час.

Авторъ слѣдитъ за развитіемъ символа: сильное желаніе, порывъ воли-полетъ птицы, ея крылья — въ народныхъ пѣсняхъ. Онъ нагромождаетъ массу отрывковъ изъ народныхъ пѣсенъ не только великорусскихъ, бѣлорусскихъ, но и угорусскихъ, сербскихъ, болгарскихъ, имѣющихъ то или другое отношеніе къ этому символу. Между прочимъ, онъ приводитъ отрывокъ изъ одной пѣсни Дмитріева, гдѣ встрѣчается тотъ же символъ, справедливо усматривая въ ней обработку народнаго мотива. Нѣкоторыя народныя пѣсни этого рода, по его мнѣнію, «опираются, какъ на источникъ, на пѣсню Дмитріева» (255), другія — независимы отъ нея, есть даже такія, которыя могли служить для нея оригиналомъ. (Ibid). Всѣ эти мнѣнія высказаны безъ достаточныхъ

основаній, потому только, что такъ кажется автору, или, какъ онъ выражается, «на нашъ взглядъ» (254). Къ чему же приводитъ автора этотъ новый экскурсъ отъ стр. 251 до 260? Къ тому выводу, что во второй части своей элегіи «неизвѣстный намъ авторъ послѣдовалъ народной поэзіи и повторилъ одинъ изъ распространенныхъ образовъ ея» (260). Намъ кажется, что для этого очевиднаго вывода потрачено было слишкомъ много усилій. А главное не въ томъ: судя по вводнымъ строкамъ этого отдѣла, значительнаго по объему (отъ 240 до 264 стр.), мы ожидали, что познакомимся съ поэтическою дѣятельностію *авторовъ-великоруссовъ*, подражавшихъ въ XVIII в. издѣліямъ малорусской музы, а получили совсѣмъ не то, такъ какъ элегія — подражаніе элегіи Ѳеофана Прокоповича, по сознанію самого автора, была малорусскимъ произведеніемъ.

То же самое мы должны сказать и о другихъ пьесахъ «пиворѣзнаго» содержанія, разсматриваемыхъ въ шестомъ и седьмомъ отдѣлахъ X главы. Авторъ справедливо говоритъ, что всѣ онѣ малорусскаго происхожденія, не менѣе справедливо указываетъ въ языкѣ ихъ нѣкоторыя черты великорусскія. Но какъ появились эти черты? Занесены онѣ случайно великоруссами-переписчиками или же вставлены сознательно въ процессѣ поэтической переработки? И кто занимался этой переработкой — великоруссы-любители или же малороссы, желавшіе приспособить произведенія родной школы къ новой обстановкѣ, — тѣ малороссы, которые сложили о своихъ похожденіяхъ въ Москвѣ слѣдующіе юмористическіе стихи:

Волною морскою
Був я під Москвою:
Там я рибу ловив
И штани загубив,
Тим бо и прославився [1]).

На всѣ эти вопросы можно было бы отвѣчать стилистическимъ

1) Изъ рукописи начала XIX вѣка, намъ принадлежащей.

анализомъ этихъ пьесъ сравнительно съ малорусскимъ текстомъ ихъ, не тронутымъ еще великорусскими вліяніями. Такого анализа мы не находимъ въ изслѣдованіяхъ г. Перетца. Зато не мало въ нихъ ссылокъ на первоисточники вирш-пародій. Такъ, по поводу воскресенской вирши, гдѣ говорится о побѣдѣ Спасителя надъ сатаной и о изведеніи праведниковъ изъ ада, онъ указываетъ на Никодимово евангеліе и, вмѣсто сопоставленія ея съ малорусской виршей такого же содержанія, приводитъ одно мѣсто изъ слова псевдо-Евсевія, будто бы «послужившее для пародиста» (273), да еще по рукописи XII в. Конечно, авторъ имѣлъ въ виду неизвѣстный ему первоначальный текстъ пародіи, но если бы даже удалось ему возстановить этотъ текстъ, то все-таки это не разъясняло бы вопроса о томъ, какъ появились малорусскія вирши въ великорусскомъ одѣяніи.

Начиная отъ XI главы г. Перетцъ занимается обзоромъ великорусскихъ сборниковъ второй половины XVIII вѣка. XI и XII главы представляютъ сырой матеріалъ для изученія малорусскихъ вліяній на образованіе новыхъ литературныхъ вкусовъ въ низшихъ рядахъ великорусскаго общества, затронутаго образованіемъ. Чтобы выяснить «хотя бы приблизительно объемъ и содержаніе малорусскихъ элементовъ въ пѣсенномъ репертуарѣ XVIII вѣка» (283), авторъ приводитъ по одному начальному стиху малорусскихъ пьесъ изъ разныхъ рукописныхъ сборниковъ и печатныхъ пѣсенниковъ XVIII и даже XIX в. Впрочемъ, указанія эти имѣютъ не систематическій характеръ и не могутъ вполнѣ удовлетворить того, кто желалъ бы надлежащимъ образомъ ознакомиться съ «объемомъ и содержаніемъ малорусскихъ элементовъ въ пѣсенномъ репертуарѣ XVIII в.». Въ XII главѣ приводятся записи изъ сборниковъ XVIII вѣка, сдѣланныя въ разное время владѣльцами этихъ сборниковъ. Всѣхъ записей 39. Благодаря этому фактическому матеріалу, мы получаемъ точное и вѣрное понятіе о составѣ той грамотной и полуграмотной массы, которая искала въ то время умственной и эстетической пищи. «Кого только мы не находимъ», говоритъ авторъ, «среди перечислен-

ныхъ въ записяхъ любителей старинной поэзіи? Главными любителями являются семинаристы, студенты, лица духовнаго званія; далѣе — купцы, канцеляристы, низшее офицерство и нижніе чины. Въ развитіи вкуса къ литературѣ въ массахъ заслуга этихъ лицъ, хотя и скромная — однако несомнѣнна» (305). Не совсѣмъ ясно только, почему эта глава называется: «Хранители Великорусскихъ *пѣсенъ* въ XVIII вѣкѣ», если въ составъ сборниковъ, какъ показываютъ всѣ предыдущія главы и въ особенности XI, входило огромное количество псальмъ, каптовъ и пѣсенъ малорусскихъ. Собственно говоря, судя по даннымъ, которыя мы находимъ у г. Перетца, сравнительно мало настоящихъ великорусскихъ пѣсенъ входило въ составъ рукописныхъ сборниковъ, имъ описанныхъ, поэтому для устраненія сбивчивости можно было бы дать этой главѣ болѣе точное названіе.

Мы знаемъ уже изъ XI главы, что въ великорусскихъ сборникахъ второй половины XVIII в. не мало было малорусскихъ пѣсенъ всякаго рода — искусственныхъ и народныхъ, поэтому намъ показалось страннымъ заявленіе автора въ первыхъ строкахъ XIII главы, что «въ сборникахъ второй половины XVIII в. замѣтно присутствіе малорусскихъ пѣсенъ искусственнаго происхожденія». (308). Различіе этой главы отъ XI заключается въ томъ, что въ этой послѣдней онъ говоритъ объ элементахъ пѣсенъ, если разумѣть подъ элементами оглавленіе пѣсенъ по начальному стиху каждой изъ нихъ, а здѣсь онъ останавливается на самихъ пѣсняхъ, поэтому XIII глава нѣсколько иначе называется: «Малорусскія пѣсни въ великорусскихъ сборникахъ второй половины XVIII в.». Вообще нужно сказать, что при однообразіи матеріала встрѣчаются нерѣдко повторенія разныхъ главахъ сочиненія г. Перетца, а въ самыхъ названіяхъ нѣкоторыхъ главъ недостаетъ надлежащей отчетливости. «Особенно бросаются въ глаза», говоритъ авторъ въ первомъ отдѣлѣ XIII главы, «юмористическія пѣсенки-пародіи. Одна изъ такихъ пѣсенъ такъ и остаются въ сборникахъ пѣсенъ, не переходя въ народное употребленіе, другія становятся достояніемъ великорусской народной массы и,

претерпѣвъ соотвѣтственныя измѣненія, теперь кажутся въ современныхъ намъ записяхъ совершенно утратившими слѣды своего происхожденія». (308). Къ первымъ относится весьма распространенная въ Малороссіи пѣсня о комарѣ. Авторъ приводитъ ее по сборнику М. Грушевскаго первой половины XVIII в. и замѣчаетъ, что она находится въ связи съ цѣлымъ рядомъ пѣсенъ о животныхъ, насѣкомыхъ и птицахъ. «Въ рукописи», говоритъ онъ, «она даже по ошибкѣ озаглавлена: Psalma swiatowa o weselącem się ptastwię» — заглавіе, относящееся къ неменѣе въ старину извѣстному польскому стихотворенію на Рождество Христово, вошедшему даже въ старые канціоналы. Такъ могутъ быть намѣчены элементы, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась эта вирша: пародіи, народные пѣсни и польская кантычка». (310). Но, судя по заглавію, въ польской кантычкѣ поется о weselącem się ptastwię, а не о комарѣ, и ошибка въ рукописи М. Грушевскаго не можетъ служить «элементомъ», подъ вліяніемъ котораго сложилось вирша о комарѣ. А потомъ — вирша ли это или народная пѣсня, занесенная въ сборникъ М. Грушевскаго и Имп. Пуб. биб. Q. XIV, № 128? По нашему мнѣнію, это пѣсня, и самъ авторъ на стр. 309 называетъ ее пѣсней. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что пѣсня о комарѣ была вторымъ «элементомъ», подъ вліяніемъ котораго сложилась та же пѣсня о комарѣ. Но такъ какъ самъ авторъ считаетъ ее пѣсней-пародіей (стр. 38), то при чемъ же тутъ пародія, какъ третій элементъ, подъ вліяніемъ котораго сложилась не то вирша, не то пѣсня о комарѣ? Конечно, и вирши, и пѣсни могутъ быть пародіей, точно такъ же, какъ вирша можетъ сдѣлаться пѣсней и изъ пѣсни можетъ образоваться вирша, но уже разъ разъяснены эти понятія, то въ вопросѣ о происхожденіи виршъ изъ пѣсенъ, и наоборотъ, нельзя смѣшивать этой терминологіи. Безъ сомнѣнія, это извѣстно самому автору, и намъ кажется, что этой путаницы не было бы, если бы онъ воспользовался своимъ собственнымъ анализомъ пѣсенъ о комарѣ изъ сборниковъ Чубинскаго и Головацкаго сравнительно съ записями прошлаго вѣка. Въ одной изъ этихъ пѣсенъ онъ находитъ перво-

начальную схему пѣсни о комарѣ въ виду того, что въ ней есть мотивировка смерти комара, отсутствующая въ записяхъ, которыя, по всему вѣроятію, уклонились отъ своего прототипа. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что не пѣсни пошли отъ записей, а наоборотъ, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло не съ виршей о комарѣ, а съ народной малорусской пѣсней, искаженной записями.

Другая вирша, которую разбираетъ г. Перетцъ во второмъ отдѣлѣ XIII главы, несомнѣнно есть вирша по своему первоначальному тексту. Намъ она встрѣтилась въ сборникѣ кіевскаго церковно-археологич. музея № 489. Сборникъ принадлежалъ псаломщику Герасиму Зморовскому, который отмѣтилъ и годъ его составленія—1784. По нашему мнѣнію, кіевскій списокъ ближе стоитъ къ первоначальному тексту, чѣмъ списки, описанные г. Перетцемъ. Выписываемъ изъ кіевскаго списка вторую половину вирши:

О Боже мой единый, печальнимъ утѣха,
Возри на мя сироту, вызволь сего лиха.
Ты самъ, Боже, видиши противнихъ павѣти,
Изволь мене у себе отъ сей злоби скрити.
Нехай лихо та не намъ.
Нехай нашимъ ворогамъ:
Они тое знаютъ,
Що насъ осуждаютъ.
Суди, Боже, ворогамъ, нехай будуть знати,
Що я живу подкровомъ твоей благодати.

Благодаря стихамъ съ укороченнымъ размѣромъ въ семь и шесть слоговъ, возстановляется связь между предшествующими и двумя заключительными стихами по смежности представленій: *злоби — лихо, осуждаютъ — суди*. Связи этой недостаетъ ни въ записяхъ этой вирши по сборникамъ Имп. пуб. биб. Q. XIV №№ 128, 98, 0. XIV. № II, ни въ печатныхъ текстахъ Чулкова-Новикова. Отмѣтимъ также, что, судя по даннымъ, которыя мы находимъ въ книгѣ г. Перетца, всѣ великорусскія редакціи вирши сходны между собою. Что касается до малорусскихъ устныхъ редакцій, то онѣ представляютъ амплификацію довольно значительную въ

текстахъ изъ сборниковъ Головацкаго (I т. 357 — 358) и Чубинскаго (V т. 448). О текстѣ Головацкаго г. Перетцъ вовсе не упоминаетъ, а по поводу текста Чубинскаго замѣчаетъ, что «онъ утратилъ черты искусственнаго, школьнаго употребленія даже по мнѣнію такого знатока малорусской народности, какъ покойный Потебня». На это считаемъ нужнымъ сказать, что Потебня передалъ Чубинскому свой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, мнѣнія же своего о виршѣ, которая находилась въ его сборникѣ, онъ никогда, сколько намъ извѣстно, не выражалъ. Но главное не въ этомъ, а въ самомъ выводѣ, который дѣлаетъ г. Перетцъ изъ сравненія текста вирши по сборнику Чубинскаго съ предшествующими. По его мнѣнію, она находится «въ зависимости отъ печатныхъ — Новикова и позднѣйшихъ пѣсенниковъ. Сквозь народно-малорусскую окраску здѣсь просвѣчиваютъ слѣды поздней обработки. Малорусское стихотвореніе такимъ образомъ вернулось обратно въ свою родную среду уже исправленнымъ въ великорусскихъ пѣсенникахъ» (319). При всѣхъ усиліяхъ нашихъ ничего подобнаго мы не могли увидѣть. Во-1) текстъ вирши у Новикова и другіе печатные тексты не представляютъ существенной разницы отъ рукописныхъ списковъ ея по сборникамъ Имп. пуб. биб., слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія настаивать на зависимости текста, помѣщеннаго у Чубинскаго, именно отъ печатныхъ текстовъ вирши. Во-2) въ текстѣ, переданномъ Потебней Чубинскому, есть такія прибавки, напр., два заключительные стиха, какихъ нѣтъ ни въ рукописныхъ, ни въ печатныхъ редакціяхъ ея. Единственное сходство малорусской редакціи съ великорусскими заключается въ отступленіяхъ отъ первоначальнаго текста, отражающагося въ указанной нами кіевской редакціи, но эти отступленія произошли независимо отъ вліянія сѣверныхъ редакцій на южныя, и наоборотъ. Такимъ образомъ, обратное путешествіе этой вирши съ сѣвера на югъ не доказано.

Въ третьемъ отдѣлѣ XIII главы г. Перетцъ приводитъ изъ Русской музыкальной газеты за 1825 г. искусственную пѣсню о

тещѣ и зятѣ, помѣщенную въ одномъ сборникѣ Елисаветинскаго времени. Относитъ онъ ее къ числу пѣсенъ юмористическаго содержанія, которая, «помимо языка, въ самомъ построеніи своемъ содержитъ указанія на свое школьное, искусственное происхожденіе, и притомъ на автора малоруссa». (319). Построеніе это заключается въ десятисложномъ размѣрѣ пѣсни съ цезурой послѣ пятаго стиха и съ двойной риѳмой. По мнѣнію г. Перетца, — это размѣръ «обычный, заимствованный изъ польской литературы». (321). Намъ кажется это послѣднее положеніе рискованнымъ и, во всякомъ случаѣ, не доказаннымъ, поэтому оно подрываетъ силу тѣхъ соображеній автора, которыя основаны на слѣдахъ малорусскихъ особенностей рѣчи въ разбираемой пѣснѣ. Авторъ видитъ въ ней «малорусскую школьную обработку» великорусскаго народнаго матеріала, но при этомъ въ скобкахъ замѣчаетъ: «можетъ быть, кого-нибудь изъ бандуристовъ Елисаветинской эпохи» (326). Мы въ свою очередь должны сказать, что намъ ничего неизвѣстно, какъ бандуристы XVIII вѣка, гостившіе въ Великороссіи, обработывали поэтическіе сюжеты, если только они не пользовались готовой школьной обработкой.

XIV глава затрогиваетъ чрезвычайно важный вопросъ «о малорусскихъ пѣсняхъ въ народномъ великорусскомъ репертуарѣ». Повидимому, она имѣетъ связь съ предыдущими главами, такъ какъ авторъ въ самомъ началѣ ея замѣчаетъ, что «пѣсни (изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.) не остались лежать мертвымъ капиталомъ, а вошли въ народное употребленіе у великоруссовъ». (327). Затѣмъ онъ сопоставляетъ нѣсколько малорусскихъ и великорусскихъ текстовъ, изъ котораго явствуетъ, что малорусскія пѣсни усвоены великоруссами въ болѣе или менѣе значительной переработкѣ. Но такъ какъ тексты эти взяты изъ сборниковъ Чубинскаго и Соболевскаго, то изъ этого видно уже, что переработка эта не вошла въ рукописные сборники XVIII в. И дѣйствительно, въ концѣ главы авторъ приходитъ къ заключенію, что «въ народное употребленіе вошли пѣсни большею частію неизвѣстныя по рукописнымъ и печатнымъ пѣсенникамъ XVIII в.»

(333), а тѣ пѣсни, о которыхъ онъ говоритъ въ этой главѣ, усвоены Великоруссами путемъ устной передачи. Такимъ образомъ XIV глава выступаетъ изъ колеи, намѣченной авторомъ, и переноситъ вопросъ изъ сферы литературныхъ вліяній на почву бытовыхъ отношеній. Конечно, тѣ и другія часто соприкасались между собою, но задача изслѣдованія въ томъ и состоитъ, чтобы выдѣлить по возможности тѣ случаи заимствованій, въ которыхъ литературныя вліянія были посредствующимъ условіемъ. Изрѣдка авторъ указываетъ на эти явленія, напр. въ третьемъ отдѣлѣ X главы, затѣмъ въ XI главѣ онъ исчисляетъ малорусскія пѣсни по печатнымъ пѣсенникамъ, даже позднѣйшимъ. Можно было бы подумать, что эти послѣднія пѣсни, потерпѣвъ тѣ или иныя измѣненія въ письменныхъ или печатныхъ сборникахъ XVIII вѣка, записаны изъ устъ народа въ Великороссіи съ болѣе или менѣе ясными слѣдами письменной редакціи, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что позднѣйшіе пѣсенники были перепечаткой старѣйшихъ, которые въ свою очередь черпали, по словамъ г. Перетца, изъ рукописнаго матеріала. (291). Изъ этихъ данныхъ, а равно изъ записей владѣльцевъ сборниковъ, мы убѣждаемся, что струя малорусская влилась въ поэтическій оборотъ народной великорусской массы, но какія эта струя, проходившая по письменному руслу, вносила измѣненія въ поэтическую технику великорусскихъ народныхъ пѣсенъ, отразилась ли она, напр., на постройкѣ стиха этихъ пѣсенъ, какъ отразилась, по мнѣнію автора, польская струя на стихотворной техникѣ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, — объ этомъ мы ничего не находимъ въ изслѣдованіяхъ г. Перетца. Что касается того матеріала, на который онъ указываетъ въ XIV главѣ, то этотъ матеріалъ, по его собственнымъ словамъ, «не входилъ въ репертуаръ любителей и пѣвчихъ» (333), т. е. стоялъ въ сторонѣ отъ литературной дороги. Къ сожалѣнію, для изученія его почти еще ничего не сдѣлано, хотя вопросъ о немъ давно уже стоитъ въ наукѣ на очереди.

XV глава «Изъ исторіи Богогласника» даетъ матеріалъ для

изученія этой книги, первое изданіе которой относится, по Головацкому, къ 1790 году. Какъ извѣстно, въ нее вошло значительное количество стихотвореній религіознаго содержанія, составленныхъ на славяно-малорусскомъ языкѣ и извѣстныхъ по рукописнымъ сборникамъ XVIII вѣка, и вотъ авторъ въ виду этого поставилъ себѣ три задачи: 1) собрать данныя объ авторахъ, внесшихъ свой вкладъ въ Богогласникъ; 2) изучить отношеніе текстовъ Богогласника къ тѣмъ, которые сохранились въ рукописяхъ XVIII вѣка; 3) намѣтить дальнѣйшій путь религіозныхъ виршъ въ народъ.

Первую задачу разрѣшаетъ онъ вполнѣ удовлетворительно, пользуясь указаніями самого Богогласника, изъ котораго сдѣланы соотвѣтствующія выписки во второмъ отдѣлѣ XV главы.

Вторая задача сложнѣе. «Не желая обременять себя и читателей безполезной работой свѣрки всѣхъ переработокъ», имѣющихся въ Богогласникѣ, авторъ ограничивается «лишь шестью примѣрами». (349). Въ числѣ этихъ шести псальмъ Богогласника онъ обѣщаетъ разобрать и ту псальму, которая начинается словами: «Доколѣ, уме пернаты». Мы имѣемъ нѣсколько старинныхъ списковъ этой псальмы, поэтому она интересовала насъ болѣе другихъ, но разбора ея мы не нашли въ книгѣ г. Перетца. А между тѣмъ матеріалъ для этой псальмы былъ у него подъ рукой (См. т. II, стр. 30, 92, 100). Что касается до остальныхъ пяти псальмъ, то «наиболѣе простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобнымъ по своей наглядности пріемомъ для обнаруженія, какъ пользовались составители Богогласника неисправными старыми текстами», онъ считаетъ «сравненіе старшихъ текстовъ, восходящихъ къ XVII в. въ малорусскихъ и великорусскихъ сборникахъ, съ тѣмъ, что даетъ Богогласникъ». (349). Дѣйствительно, ничего не можетъ быть проще этого пріема, тѣмъ болѣе, что сами составители Богогласника откровенно высказались на счетъ того, какъ они будутъ поступать съ готовымъ матеріаломъ. По собственнымъ словамъ ихъ, они считали нужнымъ «елико можно, исправлять, слоги стихомъ изобрѣтати, многая пова ветхимъ при-

лагати». Г. Перетцу оставалось только убѣдиться въ томъ, исполнили ли они свое обѣщаніе. Оказалось, что старыя псальмы въ редакціи Богогласника подверглись всѣмъ этимъ операціямъ. Какъ опытные стилисты, составители Богогласника, по наблюденію г. Перетца, устранили неловкіе обороты и ошибки (366), заботились о чистотѣ языка (355), вносили въ текстъ псальмъ стройность и послѣдовательность (ib.), то распространяли, то сокращали этотъ текстъ (333), а чтобы «не отторгнуть народа пововведеніями, они оставляли начальные стихи въ старой редакціи, внося измѣненія лишь въ средину псальмы и ближе къ концу ея». (384). Все это такъ. Но гдѣ же та движущая нравственная сила, которая управляла этимъ стилемъ? Объ этомъ въ книгѣ г. Перетца нѣтъ ни слова. Заканчиваетъ онъ свои стилистическія наблюденія надъ Богогласникомъ бѣглыми замѣтками въ такомъ родѣ: «въ Богогласникѣ мы имѣемъ литературную обработку псальмы» (389), или же: «въ Богогласникѣ сочинены вновь двѣ строфы» (390). Конечно, и эти замѣтки не безполезны для справокъ, но онѣ имѣли бы надлежащую цѣнность только тогда, если бы обнимали весь матеріалъ Богогласника, усвоенный изъ рукописныхъ сборниковъ XVIII в.

Еще одно замѣчаніе по поводу рождественской псальмы: «Предвѣчный родися подъ лѣты». Авторъ приводитъ ее въ наиболѣе исправной и полной редакціи по рукописи первой половины XVIII в. Виленской пуб. библ. 233 со всѣми варіантами по сборникамъ М. Грушевскаго, Имп. пуб. библ. Q. XIV, № 141, Безсонова и кн. Вяземскаго. Сопоставляя ее съ текстомъ Богогласника, онъ останавливается на томъ обстоятельствѣ, что составители его отнесли эту псальму къ разряду «простшихъ», служащихъ пѣвцамъ «вмѣсто не богоугодныхъ обычныхъ колядъ». (374). Причину такого мнѣнія ихъ объ этой псальмѣ онъ видитъ въ апокрифическихъ элементахъ ея. И дѣйствительно, они устранили въ редакціи Богогласника одинъ апокрифическій эпизодъ псальмы. Намъ кажется, однако же, что едва ли по этой причинѣ они считали эту псальму «простшей». Если бы это было

такъ, то они устранили бы и слѣдующіе сохраненные ими стихи псальмы:

Смутятся всѣ родіане,
Крушатся въ Египтѣ болване.

По нашему мнѣнію, составители Богогласника считали эту псальму «простшею» потому, что слышали ее въ «не богоугодной» формѣ «обычныхъ колядъ». Мы можемъ судить объ этой формѣ на основаніи записи этой псальмы-колядки на украинскомъ полѣсьѣ, гдѣ иногда начинается она слѣдующими словами:

А в печі пироги сиділи,
Вони собі горе претерпіли,
Я до печі приступав,
По одному витягав,
Поки були.
У печі пирогів не стало,
Я поліз на гору по сало
І там сала не дістав,
Зъ драбиною з гори впав,
Забився.

(Співанник з початку XVIII в. М. Грушевс. Записки Наук. товар. имени Шевченка, т. XVII, 95 — 96).

Третья задача совсѣмъ не рѣшена. Въ общемъ оглавленіи къ книгѣ сказано, что въ самомъ концѣ XV главы будетъ рѣчь о «заимствованіяхъ изъ Богогласника въ устахъ Малороссовъ и Бѣлоруссовъ». На соотвѣтствующихъ страницахъ XV главы (390 — 393), дѣйствительно, затронута эта тема, но, какъ говоритъ самъ авторъ, «мы можемъ назвать лишь ничтожное сравнительно со всей массой (вершъ) количество такихъ заимствованій.» (390). Слѣдуя указаніямъ III тома Трудовъ этнографич. экспедиціи Чубинскаго, авторъ даетъ всего 10 примѣровъ, но и эти примѣры въ большинствѣ случаевъ не подходящіе. Такъ, для псальмы № 55 по III т. Чубинскаго указаны польскіе первоисточники, о Богогласникѣ же вовсе не упоминается. Для извѣстной колядки у Чубинскаго № 59 «Нова рада стала» указана

въ Богогласникѣ № 22 соотвѣтствующая псальма, но нѣтъ никако возможности доказать, что колядка произошла изъ псальмы въ редакціи Богогласника. О нѣкоторыхъ колядкахъ самъ авторъ замѣчаетъ, что онѣ стоятъ независимо отъ Богогласника: таковы, напр., колядки изъ III т. Чубинскаго № 87, № 95. Вообще же всѣ наблюденія его сводятся къ тому, что не мало есть колядокъ (указаны по Чубинскому номера), которыя «носятъ слишкомъ ясные слѣды искусственнаго происхожденія». (392). Но вѣдь противъ этого никто и никогда не спорилъ. Дѣло заключается не въ «рукописныхъ тетрадкахъ», которыя въ большей или меньшей мѣрѣ давали матеріалъ Богогласнику, начиная съ перваго изданія его, а въ самомъ Богогласникѣ, насколько онъ оказывалъ вліяніе на распространеніе въ народѣ псальмъ исправленныхъ и переработанныхъ. По нашему мнѣнію, матеріалъ для разъясненія этого вопроса можно было бы найти на уніатской почвѣ, въ Галиціи.

XVI глава представляетъ нѣсколько данныхъ «къ вопросу о репертуарѣ стиховъ у старообрядцевъ». Въ вводныхъ страницахъ къ этой главѣ сдѣлано нѣсколько замѣчаній о появленіи новыхъ литературныхъ теченій въ лицѣ Ломоносова, Сумарокова и другихъ второстепенныхъ поэтовъ XVIII вѣка, «давшихъ *новые* образцы религіозной поэзіи». (394). Авторъ не объясняетъ намъ, что было въ этихъ образцахъ *новаго*, кромѣ тоническаго стиха, а между тѣмъ это очень важно, потому что, говоря *о новомъ*, онъ поневолѣ увидѣлъ бы, что возникло оно на старой почвѣ виршевой поэзіи и усвоило изъ нея многія черты, какъ внѣшнія стилистическія, такъ и внутреннія — идейныя. Не говоря уже о сатирахъ Кантемира, написанныхъ такимъ же силлабическимъ размѣромъ, какъ и вирши, есть много сходства съ этими послѣдними и въ одахъ Ломоносова, даже Державина. Для историческаго пониманія литературнаго значенія виршъ, по нашему мнѣнію, были бы не излишни указанія на точки соприкосновенія ихъ съ верховымъ теченіемъ литературнымъ: тогда была бы очевидна связь и преемственность литературныхъ явленій, и самое это новое литературное движеніе не было бы тѣмъ, что обыкно-

венно называется deus ex machina, предъ которымъ старинныя вирши опустились изъ среднихъ слоевъ общества въ низшіе, при чемъ, однако же, «и въ этой средѣ замѣчается», какъ говоритъ г. Перетцъ, «новое вѣяніе: кое-гдѣ въ сборникахъ на ряду съ силлабическими стихотвореніями попадаются уже оды Ломоносова» (395). Какъ бы то ни было, оставляя въ сторонѣ обмѣнъ этихъ новыхъ вѣяній съ старыми, слѣдитъ онъ за этими послѣдними «въ средѣ старообрядцевъ, которые выгодно отличались отъ простой народной массы грамотностью и большими литературными запросами». (396). Пользуясь рукописями Имп. пуб. библіотеки, Импер. Общес. любит. древ. письменности и въ особенности сборниками старообрядческихъ псальмъ Синодальнаго архива, онъ дѣлаетъ длинный списокъ любимыхъ старообрядцами пѣсенъ-виршъ (отъ 397 до 409 страницы) и думаетъ, что этотъ списокъ «можетъ дать нѣкоторыя основанія для сужденія о томъ, чѣмъ пользуются старообрядцы изъ стараго пѣсеннаго матеріала, а что привносятъ своего новаго». (409). Впрочемъ, изъ списка не видно, что «привносятъ они своего новаго». Судить объ этомъ, и то отчасти только, можно изъ заключительныхъ страницъ XVI главы, гдѣ предложенъ болѣе подробный обзоръ нѣкоторыхъ стиховъ, вошедшихъ въ этотъ списокъ, съ выпиской значительныхъ отрывковъ и цѣлыхъ стихотвореній, изображающихъ «внутреннюю и внѣшнюю жизнь обитателей скитовъ». (409—418). Смотритъ авторъ на эту заключительную главу своего сочиненія, «лишь какъ на опытъ систематизаціи до сихъ поръ разбросаннаго матеріала». (418). Можно пожалѣть только, что не отмѣчена хронологія рукописей, изъ которыхъ извлеченъ этотъ матеріалъ.

Мы прослѣдили изъ главы въ главу ходъ мыслей въ изслѣдованіяхъ г. Перетца, представляющихъ, судя по заглавію всего сочиненія, какъ бы отрывокъ «изъ исторіи русской пѣсни». Хронологически этотъ отрывокъ обмежованъ концомъ XVI и

началомъ XIX вѣка. Эти хронологическія рамки даютъ всѣмъ наблюденіямъ и соображеніямъ г. Перетца историческій видъ, но есть ли въ нихъ настоящая исторія въ смыслѣ изображенія внутренней зависимости однихъ явленій отъ другихъ? По нашему мнѣнію, ея нѣтъ, да и быть не могло ея тамъ, гдѣ авторъ въ анализѣ древнѣйшихъ памятниковъ русской искусственной поэзіи «остановился пока», какъ говоритъ онъ въ предисловіи, «на чисто формальномъ разсмотрѣніи ея». Мы уже видѣли несостоятельность масштаба, который прилагаетъ г. Перетцъ къ формамъ народнаго малорусскаго стиха, подсчитывая въ немъ слоги и выводя его изъ польскаго силлабическаго размѣра. Но если бы и въ самомъ дѣлѣ этотъ масштабъ былъ вѣренъ, то можно ли пускаться съ нимъ въ безбрежное море малорусскихъ вирши и въ безконечныя видоизмѣненія ихъ по разнымъ сборникамъ малорусскимъ и великорусскимъ? Стихъ съ его формальной стороны, независимо отъ содержанія его, заключающагося въ поэтическихъ образахъ и настроеніяхъ, навѣянныхъ жизнью, не есть надежный руководитель. Конечно, онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе и самъ по себѣ, но пріобрѣтаетъ авторитетную силу только въ связи съ умственными запросами общественной жизни, для которыхъ служитъ выраженіемъ. Такіе запросы въ концѣ XVI в. появились въ югозападной Руси, которая подъ вліяніемъ историческихъ условій того времени должна была создать новыя формы мысли и слова съ болѣе широкими горизонтами и въ то же время своенародныя, болѣе близкія къ пониманію и чувству народа. Такіе же запросы во второй половинѣ XVII в. появились и въ московской Руси, вызывавшей югозападныхъ ученыхъ. И они появились въ ней съ своими знаніями и своимъ искусствомъ, которое состояло не только въ умѣньи слагать вирши, но и влагать въ нихъ болѣе или менѣе значительное содержаніе. Не въ томъ только заключается заслуга Симеона Полоцкаго, что онъ сочинилъ «риѳмотворную» псалтирь, но и въ томъ, что онъ, какъ домашній учитель царевича Ѳедора Алексѣевича, въ виршахъ своихъ указывалъ своему воспитаннику на образцы просвѣщен-

ныхъ правителей, которые примѣромъ своимъ возбуждаютъ въ подданныхъ своихъ любовь къ мудрости.

Франтискъ именемъ первый краль Францiйскiй бяше,
Сей яко писаніе и мудрость любяше...
И бисть въ малѣ времени мудрость разширена,
Образомъ краля во вся земли умножена.

Мудрость же нужна, по мнѣнію Симеона Полоцкаго, «для благихъ правовъ»:

«Благо убо есть царству», заканчиваетъ онъ свою вершу, «егда благи нравы
Царствуяй воспріемлетъ ради всѣхъ исправы». [1])

Въ чемъ же эти «благи нравы» правящихъ лицъ?

Въ томъ, говоритъ Симеонъ Полоцкій, чтобы

«Бремя подданныхъ крѣпостно носити,
Не презирати, не за псы имѣти,
Паче любити, яко своя дѣти,
И то въ памяти вину содержати,
Яко земля тѣхъ и его есть мати».

Правители не должны «уповати на одинъ свой умъ», — они должны «выну вопрошати умныхъ совѣта», ибо

«Во мнозѣ совѣтѣ есть спасеніе,
Въ единомъ умѣ поползновеніе».

Они должны «равно судити мала и велика....

Единъ судъ буди
Всѣмъ, иже въ единой области суть люди» [2])...

Мы указываемъ на Симеона Полоцкаго мимоходомъ, какъ на одного изъ представителей высшаго порядка идей въ великорусской средѣ, которая увлекалась не однимъ стихотворнымъ размѣромъ вершъ, но и новыми мотивами мысли и чувства, выступавшими въ вершахъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ совсѣмъ не обращалъ вниманія на эти мотивы, но они у него стоятъ на зад-

---

1) Историческая христоматія Буслаева, 1194.
2) Исторія Россіи Соловьева, т. XIII, стр. 189 — 190.

немъ планѣ и почти не входятъ въ сравнительный анализъ вирш по разнымъ рукописямъ. Оттого-то анализъ этотъ не проникаетъ дальше внѣшней стороны передвиженія поэтическаго матеріала изъ страны въ страну, при чемъ иногда причиной передвиженія считаются такіе литературные факты, которые стояли внѣ всякой этнографической и исторической связи съ самимъ передвиженіемъ. Такъ, напр., авторъ заявляетъ, что «переработки (рукописныхъ вирш) чрезъ печатные Богогласники распространяются въ концѣ XVIII в. въ народѣ (конечно, малорусскомъ, но неизвѣстно, среди уніатовъ или православныхъ) и вытѣсняютъ рукописные сборники псальмъ (неизвѣстно, откуда), которые сохраняются во второй четверти XIX ст. почти исключительно въ старообрядческой средѣ» (423). Трудно понять, какимъ образомъ то, что происходило на уніатской почвѣ, проскочивъ чрезъ православную малорусскую массу, оказало свое воздѣйствіе въ старообрядческой великорусской средѣ.

Такимъ образомъ, главная мысль въ сочиненіи г. Перетца о «малорусскомъ вліяніи на великорусскую народную и искусственную поэзію XVIII вѣка», мысль, нужно сказать не новая въ наукѣ, не захвачена въ ея существенныхъ историческихъ моментахъ и обставлена цѣлымъ рядомъ параллелей и сближеній, возбуждающихъ историческія недоразумѣнія, которыхъ не мало собрано на послѣднихъ страницахъ первой книги, озаглавленныхъ словами: «Нѣсколько выводовъ».

Такъ, одинъ изъ этихъ выводовъ тотъ, что «новая русская поэзія, народившаяся въ югозападной Руси, была продуктомъ западнаго, польскаго вліянія, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія» (419). О формѣ, о степени ея самостоятельности или несамостоятельности, мы уже говорили выше. Но что сказать о содержаніи? Конечно, югозападная Русь усвоила многое въ этомъ отношеніи изъ польской литературы, но это многое она переработала по своему, и если бы авторъ развилъ эти мысли съ достаточной полнотой, то не пришлось бы ему чрезъ двѣ страницы высказать мысли, не совсѣмъ согласныя съ тѣмъ, что ска-

зано раньше. Вотъ эти мысли: «Что касается до содержанія старшихъ памятниковъ малорусской искусственной поэзіи, (то) мы можемъ замѣтить въ нихъ явную патріотическую тенденцію — возвеличить и возвысить народныхъ южнорусскихъ героевъ, защитниковъ православія и народности, чѣмъ и объясняется сильно замѣтный панегирическій тонъ эпиграммъ и посвященій разнымъ магнатамъ малорусскимъ и литовскимъ. Историческія событія XVI—XVII вв., полныя захватывающаго драматизма, также нашли откликъ въ рядѣ искусственныхъ виршъ, по оборотамъ рѣчи, символикѣ и тенденціямъ близкихъ къ народной поэзіи» (421). Замѣчательно, что этихъ именно виршъ историческаго содержанія, за исключеніемъ двухъ XVII и одной XVIII в., совсѣмъ не касается авторъ, слѣдовательно, онъ дѣлаетъ выводъ о близости ихъ къ народной поэзіи, не подготовивъ надлежащимъ образомъ данныхъ. Точно также нѣтъ никакихъ данныхъ въ книгѣ г. Перетца и для другого вывода, слѣдующаго за предыдущимъ. «Чѣмъ болѣе», говоритъ онъ, «мы подходимъ къ концу XVII вѣка, тѣмъ болѣе вырабатывается внѣшность малорусской искусственной поэзіи и — обратно пропорціонально — падаетъ ея художественное и историческое значеніе: она отдаляется отъ народной жизни, теряетъ чутье къ пониманію значенія историческихъ событій и становится игрушкой въ рукахъ многоученаго класса бурсаковъ — будущихъ учителей піитики и тому подобныхъ оффиціальныхъ стихотворцевъ» (422). Для подтвержденія этого мнѣнія онъ ссылается въ подстрочномъ примѣчаніи на вирши о гетманѣ Мазепѣ, въ которыхъ онъ изображается то какъ благодѣтель и покровитель кіево-могилянскаго коллегіума, то какъ измѣнникъ Петра Великаго (16). По поводу этого замѣтимъ: 1) что гетманъ Мазепа дѣйствительно былъ и тѣмъ и другимъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разные авторы въ разныхъ виршахъ изображаютъ его не одинаково; 2) вирши о Мазепѣ, которыя имѣетъ въ виду авторъ, составлены были не въ концѣ XVII, а въ первыя два десятилѣтія XVIII вѣка; 3) мнѣніе автора не совсѣмъ согласуется съ тѣмъ, что онъ говоритъ ниже объ оживленіи школьной поэзіи именно

въ началѣ XVIII в. Да и самое оживленіе это является совершенною неожиданностію послѣ того, что сейчасъ сказано было объ ея упадкѣ. Почему она оживилась, обогатившись внесеніемъ сатирическаго элемента? Почему школьные поэты пользуются народной символикой, приближая свои произведенія къ народной малорусской рѣчи? Такъ какъ въ книгѣ г. Перетца нѣтъ анализа этой «оживленной» поэзіи, то всѣ эти положенія высказаны голословно на основаніи посторонннхъ изслѣдованій, на которыя нѣтъ ссылокъ. Къ такимъ же выводамъ, не обоснованнымъ историческими аргументами, мы причисляемъ и мнѣніе его о томъ, что «подъ руками уніатовъ-базиліанъ создается особая разновидность церковно-славянскаго языка съ отпечаткомъ слѣдовъ малорусской рѣчи, преимущественно въ фонетикѣ и словарѣ» (422). Сказано это по поводу виршевого матеріала, имѣющагося въ Богогласникѣ, напечатанномъ въ концѣ XVIII в. Но разные типы литературной малорусской рѣчи выработаны были гораздо раньше появленія Богогласника[1]).

Намъ остается еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній о второй части сочиненія г. Перетца, состоящей, какъ мы сказали выше, изъ описанія рукописныхъ сборниковъ, которыми пользовался авторъ въ первой части, а также изъ извлеченій рукописнаго матеріала изъ старопечатныхъ книгъ и рукописей.

«Въ виду того», говоритъ г. Перетцъ въ предисловіи ко второй части, «что памятниковъ свѣтской малорусской поэзіи XVIII в. извѣстно немного, считаю не безполезнымъ дать здѣсь всѣ тѣ пѣсни, которыя носятъ хотя бы слабые слѣды малорусскаго происхожденія въ языкѣ и размѣрѣ». По этому поводу считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на то, что въ первой части сочиненія г. Перетца пересказано вкратцѣ содержаніе одиннадцати малорус-

---

1) См. объ этомъ книгу нашу «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в»., 1889 г.

скихъ виршъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Имп. Ак. н. (ib. 6. 29)., изъ которыхъ одна напечатана тамъ же полностію, а девять напечатано во второй части, значитъ, недостаетъ одной—той именно, въ которой авторъ обращается къ Венерѣ съ просьбой помочь ему. Это сборникъ Дзюбаревича 1728 — 1730 гг. Въ немъ, между прочимъ, помѣщены древнѣйшіе варіанты нѣкоторыхъ любовныхъ виршъ, напечатанныхъ у Головацкаго. Мы замѣтили двѣ такія вирши: «Мизерия на сем свѣтѣ, ах мнѣ мизерному», см. Голов. т. III, стр. 374, и «Въ смутной хвилѣ, въ смажной долѣ», Голов. т. I, стр. 371. Уже изъ этого видно, какъ важны эти вирши для сопоставленія съ позднѣйшими потомками ихъ и для изученія стилистическихъ особенностей малорусскаго творчества, поэтому мы считаемъ вполнѣ удачной мысль г. Перетца собрать матеріалъ для этого изученія по рукописямъ XVIII вѣка, которыми онъ пользовался. На первый разъ собрано 39 виршъ любовнаго содержанія — девять изъ сборника Дзюбаревича, остальныя изъ пяти сборниковъ второй половины XVIII в. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ сборникѣ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 127 есть стихотвореніе о взятіи Очакова (см. описаніе этого сборника во второй части, стр. 109), поэтому составленіе его едва ли можно относить къ половинѣ XVIII вѣка, какъ думаетъ г. Перетцъ.

Не менѣе важный матеріалъ во второй части сочиненія г. Перетца представляютъ «тексты старшихъ памятниковъ югозападной виршевой литературы, извлеченные изъ старопечатныхъ изданій конца XVI и начала XVII в. до появленія въ свѣтъ грамматики Мелетія Смотрицкаго». Не совсѣмъ только понятно для насъ, почему предѣльною чертою этихъ памятниковъ поставленъ 1619 годъ, когда напечатана была первымъ изданіемъ грамматика Мелетія Смотрицкаго, не имѣвшая, какъ утверждаетъ самъ г. Перетцъ, никакого вліянія ни на содержаніе, ни на форму виршевой литературы, а между тѣмъ рѣшительныя мнѣнія автора о малорусскомъ стихотворствѣ въ теченіе всего XVII вѣка, повидимому, должны были бы расположить его къ болѣе обширному подбору соотвѣтствующаго матеріала. Но и въ границахъ, отмѣ-

ченныхъ авторомъ, нѣтъ надлежащей полноты, такъ какъ о нѣкоторыхъ памятникахъ онъ совсѣмъ не упоминаетъ ни въ первой, ни во второй части своего сочиненія, напр., о «Бесѣдѣ избранной», изданной въ Львовѣ въ 1609 г. (см. Голубева Исторія кіевской Академіи, стр. 311), или же о «Плачѣ або Ляментѣ по зестю з свѣта сего Григорія Желяборскаго», изданномъ тоже въ Львовѣ въ 1615 г. (Библ. Румянц. музея), — о другихъ же упоминаетъ въ IV главѣ первой части сочиненія мимоходомъ, не приводя образцовъ изъ нихъ, напр., о «Ляментѣ дому княжатъ Острозскихъ», 1603 г., или объ извѣстномъ «Вѣзерункѣ цнотъ Елисея Плетенецкаго», 1618 г. Можно бы пожелать также, чтобы изданіе текстовъ снабжено было историческимъ и историко-литературнымъ комментаріемъ, но это, очевидно, не входило въ программу автора, имѣвшаго въ виду главнымъ образомъ формальную сторону югозападнаго стихотворства.

Что касается до описанія рукописныхъ сборниковъ, составляющаго большую половину второй части сочиненія г. Перетца, то здѣсь недостаетъ многаго.

Начать съ того, что описываются они и въ первой, и во второй части, поэтому цѣльнаго впечатлѣнія не производятъ. Чтобы составить объ этихъ сборникахъ болѣе или менѣе ясное представленіе, нужно сводить въ одно цѣлое отдѣльныя черты ихъ, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ двухъ книгъ. Такъ, напр., въ описаніи сборника синод. архива № 601 нѣтъ указанія, кому принадлежалъ сборникъ, а помѣщено оно въ первой части на стр. 305, откуда узнаемъ мы, что составлялъ онъ собственность крестьянина Оси́па Иванова сына Трухина. Въ описаніи сборника Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 128 упомянуто только, что онъ принадлежалъ какому-то новгородскому купцу, а потомъ студенту Богословія Орлову, то же самое отмѣчено и въ первой части на стр. 301, но во второй части, при описаніи сборника, нѣтъ самой характерной записи о томъ, что первоначально принадлежалъ онъ Леонтію Михайлову, который продалъ его ученику новгородской семинаріи Аѳанасію Гаврилову, «бѣзденежно и безплатно для

любови», въ чемъ и подписался Михайловъ своею рукою 1768 года». Запись эта помѣщена въ первой части на стр. 299, во второй же части глухо сказано только, что сборникъ этотъ половины XVIII вѣка, т. е. не отмѣчена точная хронологическая дата, имѣющаяся въ сборникѣ. Точно такъ же въ описаніи сборника Имп. пуб. бпб. Q. XIV, № 141 (Q стоитъ въ оглавленіи къ описаннымъ сборникамъ и въ первой части, стр. 300, а въ самомъ описаніи—О) сказано, что это три сборника, написанные полууставомъ XVIII в. Судя по заключительной записи, помѣщенной въ описаніи на стр. 72, эти три сборника переплетены въ одну книгу. Въ первой части этой книги, говоритъ г. Перетцъ, «кое-гдѣ малорусскій почеркъ», значитъ, можно догадываться, что она написана не однимъ почеркомъ. Вторая часть, какъ значится въ описаніи, писана Поморковымъ. О третьей части сказано только, что она писана четкимъ полууставомъ, а въ концѣ приводится запись: «продал коипестъ (копіистъ?) государственной юстъ-коллеги (sic) 1772 октября 6» и затѣмъ слѣдуетъ «разсчетъ стоимости *всего* сборника». При всемъ изобиліи данныхъ, относящихся къ этому сборнику, принадлежавшему нѣкогда Буслаеву, мы остаемся въ неизвѣстности, весь ли сборникъ переписанъ по заказу Розова, или же только нѣкоторыя части его, а Розовъ переплелъ и продалъ его въ 1772 г. Можно и такъ думать, что заказчикомъ былъ болѣе ранній владѣлецъ сборника, отмѣтившій болѣе раннюю хронологическую дату его. Въ первой части сочиненія г. Перетца читаемъ еще одну запись, относящуюся къ этому сборнику и помѣщенную во второй части: «Спі псальмы московскаго купца Ильи Томилина, 1747 году, Октября 20 дня схал изъ Москвы нижъ» (300). Для уясненія физіономіи сборника запись эта была бы совсѣмъ не лишняя въ описаніи его. Вообще о владѣльцахъ рукописныхъ сборниковъ нужно справки дѣлать въ XII главѣ первой части сочиненія г. Перетца, гдѣ онъ собралъ данныя для характеристики общественныхъ слоевъ, неравнодушныхъ къ стихотворному искусству, хотя и въ XII главѣ нѣтъ иногда этихъ данныхъ: если онѣ понадобились автору для другой

цѣли, то онъ помѣщаетъ ихъ неожиданно въ другомъ мѣстѣ. Такъ, въ описаніи сборника Имп. Ак. Н. № (16. 6. 29) нѣтъ записей и приписокъ къ этому сборнику. Нѣтъ ихъ и въ XII главѣ, а онѣ оказываются въ IX главѣ, повидимому, для характеристики личности Дзюбаревича, о которомъ мы говорили выше. Въ виду всего этого нужно не мало употребить усилій для изученія сочиненія г. Перетца, чтобы пользоваться всѣми цѣнными матеріалами, имъ напечатанными.

Переходимъ затѣмъ къ самому составу описаній.

Всѣхъ сборниковъ описано 12, въ томъ числѣ 2 старообрядческихъ.

Основной пріемъ въ описаніи каждаго изъ нихъ вполнѣ цѣлесообразный: отмѣчается обыкновенно листъ или оборотъ листа, на которомъ начинается стихотвореніе, и приводятся два-три стиха всегда изъ начала, иногда изъ начала и конца, иногда же изъ начала, средины и конца стихотворенія. Для характеристики языка стихотвореній дѣлаются выписки отдѣльныхъ словъ съ фонетическими или морфологическими особенностями то церковнославянскими, то польскими, то малорусскими. Впрочемъ, только въ описаніи трехъ сборниковъ встрѣчаются эти выписки, которыя авторъ называетъ «замѣчаніями о языкѣ псальмъ». Въ описаніи нѣкоторыхъ сборниковъ есть указанія на варіанты заключающихся въ нихъ стихотвореній. Нѣтъ надобности говорить о чрезвычайной важности этихъ указаній, если бы они сдѣланы были для всѣхъ сборниковъ, но они имѣются только въ описаніи двухъ сборниковъ — кн. Вяземскаго Q. № LXXXII и Виленск. пуб. биб. № 233 (15), и то въ послѣднемъ ссылки сдѣланы на одинъ Богогласникъ, и притомъ неполныя: не отмѣченъ, напр., варіантъ 30-й пѣсни, въ Богогласникѣ № 134.

Таковы въ общихъ чертахъ описательные пріемы г. Перетца. Не смотря на неровность примѣненія ихъ къ описываемому имъ матеріалу, въ результатѣ получилось то, къ чему стремился авторъ — дать понятіе «о постоянномъ, такъ сказать, центральномъ содержаніи» рукописныхъ сборниковъ и о самихъ

типахъ этихъ сборниковъ. Такихъ типовъ, по счету автора, оказалось шесть:

1) Сборники духовнаго содержанія—прототипы Богогласника.

2) Сборники смѣшаннаго содержанія, съ привнесеніемъ свѣтскаго элемента.

3) Сборники съ рѣзко отмѣченной разницей между псальмами и кантами.

4) Сборники народныхъ пѣсенъ по преимуществу.

5) Сборники свѣтскаго содержанія, съ преобладаніемъ пѣсенокъ искусственнаго, литературнаго происхожденія.

6) Сборники, составленные старообрядцами изъ любимыхъ или «душеполезныхъ стиховъ».

Но, кромѣ типическихъ особенностей, старинныя рукописи имѣютъ еще, такъ сказать, индивидуальныя, состоящія не только изъ внѣшнихъ признаковъ рукописныхъ сборниковъ (начертаніе буквъ, почеркъ и правописаніе), но и изъ внутреннихъ (записи и приписки, выборъ матеріала въ связи съ личностями составителей и идеями вѣка). И тѣ, и другія не оставлены безъ вниманія г. Перетцемъ, но, мы видѣли, въ разрозненномъ видѣ и тоже неравномѣрно. Такъ, если соединить то, что сказано въ IX главѣ первой части о рукописномъ сборникѣ Имп. Ак. Н. №(16. 6. 29), съ описаніемъ его во второй, то получится довольно полное и наглядное представленіе о немъ. А между тѣмъ въ той же первой части о не менѣе важной рукописи XVII в. говорится такъ, что тотъ, кто не видѣлъ ея, составитъ о ней самое смутное понятіе. Мы разумѣемъ рукопись кіево-михайловс. монастыря подъ № 529 (1623), изъ которой авторъ приводитъ текстъ одной воскресенской вирши. «Попутно», какъ онъ выражается, останавливается онъ на нѣкоторыхъ особенностяхъ въ начертаніи буквъ той части рукописи, которая относится къ XV вѣку. (85). Зачѣмъ это, когда воскресенская вирша помѣщена въ той части рукописи, которая относится къ началу XVII вѣка и отличается совсѣмъ инымъ начертаніемъ буквъ? Затѣмъ выписана запись

переписчика Авраама Бѣлобородскаго, который написалъ собственно Учительное евангеліе въ 1604 г. въ городѣ Петигорахъ. По нашему мнѣнію, для характеристики этой послѣдней части рукописи можно было бы указать на то, что каждому поученію въ ней предшествуетъ текстъ дневного евангелія, переведеннаго на малорусскій языкъ, довольно близкій къ народному, и что есть въ ней даже переводы чтеній изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, напр. изъ пророка Исаіи, наконецъ на то, что въ самыхъ поученіяхъ ярко отразились нравы культурнаго общества того времени[1]). Заканчиваетъ переписчикъ свой трудъ словами: «ра^{д} пи̏сарь̀ послѣ^{д}ней стр̀оци», — и такъ какъ написалъ онъ эту строку 9 марта, то въ предчувствіи наступающихъ праздниковъ Воскресенія Христова прибавляетъ: «потомь' спѣ̀вай» и выписываетъ воскресенскую виршу.

Конечно, не во всякой виршѣ можно найти матеріалъ такого рода, но намъ кажется, что для возстановленія характерныхъ ея особенностей можно было бы въ описаніи ея выписывать изъ нея стихотворенія въ какомъ-нибудь отношеніи важныя и оригинальныя, если не цѣликомъ, то въ значительныхъ отрывкахъ. Таково, напр., стихотвореніе въ сборникѣ Имп. Ак. Н. № (16. 6. 9), начинающееся словами: «Ой Боже мой милостивый, | Возри на плачь мой ревнивый»: начало то же, что въ извѣстномъ «Плачѣ Малой Россіи», по поводу котораго писали Петровъ и Максимовичъ[2]). Варіантъ этого стихотворенія есть въ рукописномъ сборникѣ Имп. пуб. биб. Q. XIV, № 141 :«Ах мой Боже милостивы, | Возри на плачь мой ревнивы». Г. Перетцъ замѣчаетъ,

---

1) Приводимъ нѣсколько строкъ изъ наставленія священнику, что онъ долженъ говорить и какъ долженъ поступать при обрядѣ вѣнчанія: «пыта'юся ва^{с} ѐсли по любостѝ тую кра^{с}ную̀ панну̀ за себе берешь. По тому^{ж} й ва^{с} красная̀ пан'но пытаю̀ ѐсли же по любости а^{з} не примушенія̀ родителей свои^{х} за сего почти̇ваго панича̀ 'идешь. а^{к}гды ю^{ж} при^{з}волять ѿбѣдвѣ стороны и^{ж} по любости̇, теды далѣй до пна маѐшь мовити ѡ̀рацѣю в^{з} тыи̇ слова̀»...

2) Издано въ Основѣ 1861 г. май, въ кіевскихъ епарх. вѣдом. 1865 г. № 18, въ Трудахъ кіевской дух. академіи 1872 г., іюнь.

что это церковно-славянскій переводъ съ польскаго. Если это то же самое стихотвореніе, что «Плачь Малой Россіи», направленное противъ любителей польскихъ порядковъ, то мы сомнѣваемся, чтобы это былъ *переводъ* съ польскаго. Если же не одно и то же, то любопытно прослѣдить, какъ составители патріотическихъ стихотвореній, проникнутыхъ антипатіей къ Польшѣ, пользовались фразеологіей польскихъ оригиналовъ. Такихъ и подобныхъ стихотвореній, любопытныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, не мало нашлось бы въ рукописныхъ сборникахъ, описанныхъ г. Перетцемъ. Такъ, въ сборникѣ Имп. пуб. биб. О. XIV, № 11 есть значительное количество великорусскихъ народныхъ пѣсенъ и между ними пѣсня о Ермакѣ, сидящемъ въ неволѣ у турецкаго султана. Въ сборникѣ Имп. пуб. биб. О. XIV, № 128 не менѣе любопытны пѣсни не народнаго происхожденія, напр. «Всякому зла мука подъячимъ то быть, | Не малая скука крапивою слыть» или же: «Вси люди живутъ, какъ цвѣты цвѣтутъ, — А семинаристъ, какъ осенній листъ». Пѣсни эти пользовались, какъ видно, особенной популярностію, потому что варіанты ихъ встрѣчаются и въ другомъ сборникѣ Имп. Ак. Н. № (16. 6. 32): здѣсь же и другая пѣсня, изображающая, судя по начальнымъ стихамъ, школьные порядки того времени: «Житье въ школѣ не по пасъ, | Въ одинъ день сѣкутъ не разъ».

Намъ могутъ возразить по поводу послѣднихъ нашихъ соображеній, что это расширеніе матеріала могло бы увеличить объемъ приложеній, составляющихъ вторую часть сочиненія г. Перетца. На это мы считаемъ нужнымъ отвѣтить, что она, сравнительно съ первою частью, и безъ того не велика, и можно было бы безъ особыхъ затрудненій сосредоточить въ ней весь описательный матеріалъ, занимающій много страницъ въ первой части и обыкновенно помѣщаемый въ приложеніяхъ, служащихъ, такъ сказать, оправдательными документами для изслѣдованій. Тогда изслѣдованія не загромождены были бы массою сырого матеріала, стоящаго не на своемъ мѣстѣ. Они были бы гораздо короче, но зато яснѣе и отчетливѣе. Въ свою очередь выиграли бы и самыя

приложенія количествомъ и качествомъ изданнаго матеріала, составляющаго главную силу въ сочиненіи г. Перетца.

Въ концѣ второй части приложены указатель рукописей и указатель именъ. Въ первомъ изъ нихъ дѣлаются ссылки на страницы, на которыхъ упоминаются тѣ или другія рукописи. Всѣхъ рукописей 168, въ томъ числѣ отмѣчены и тѣ изъ нихъ, которыя были извѣстны автору только по описаніямъ. Мы замѣтили неправильныя ссылки на слѣдующія страницы первой части: на страницѣ 169 нѣтъ рукописи Ундольскаго № 160, на стр. 298 нѣтъ рукоп. Имп. пуб. библ. Q. XIV, № 12, на стр. 397 и 398 нѣтъ рукоп. Имп. пуб. библ. O. J. № 364, на стр. 401 нѣтъ рукоп. кіев. дух. Акад. № 73. Въ указателѣ не отмѣчено, что изъ рукописи Имп. пуб. библ. Q. XIV, № 11 напечатаны значительные отрывки во второй части сочиненія г. Перетца. Такъ какъ въ указателѣ хронологія рукописей не показана, то приходится имѣть дѣло только съ библіотечными знаками рукописей, что затрудняетъ пользованіе самимъ указателемъ. Затрудненіе это увеличивается еще и оттого, что не отдѣлены въ указателѣ тѣ рукописи, на которыя авторъ дѣлаетъ простыя ссылки, отъ тѣхъ, которыя вошли въ составъ его сочиненія въ болѣе или менѣе значительныхъ извлеченіяхъ.

Мы окончили разборъ сочиненія г. Перетца и не безъ внутренняго раздвоенія должны выразить о немъ наше окончательное мнѣніе. Не мало въ немъ, какъ мы видѣли, недостатковъ, преимущественно методологическихъ, но въ цѣломъ оно представляется намъ новымъ по замыслу и значительнымъ по содержанію. Избравъ для своихъ историко-литературныхъ изслѣдованій русской пѣсни твердую отправную точку въ юго-западныхъ виршахъ конца XVI и начала XVII вѣка, авторъ обращается прямо къ старопечатнымъ книгамъ и къ рукописнымъ сборникамъ виршевой поэзіи и спускается отъ нихъ къ народной пѣснѣ, а не наоборотъ, какъ это большею частію дѣлалось прежде. Правда,

онъ не захватываетъ вопроса съ внутренней стороны, не указываетъ съ достаточной полнотой и ясностью на точки соприкосновенія между народнымъ міровоззрѣніемъ и виршевымъ, между народной поэтической техникой и виршевой, не выясняетъ переходныхъ ступеней въ малорусскихъ вліяніяхъ и великорусскихъ воспріятіяхъ въ исторической преемственности этихъ явленій, но всѣ эти пробѣлы мы объясняемъ труднымъ положеніемъ автора, который въ виду не собраннаго еще и вообще мало извѣстнаго матеріала долженъ былъ самъ подготовлять почву для своихъ изслѣдованій и взять на себя множество черновыхъ и кропотливыхъ работъ, неизбѣжно связанныхъ съ изданіемъ рукописныхъ текстовъ, разбросанныхъ въ разныхъ библіотекахъ и архивахъ. Въ результатѣ получилась та первоначальная обработка сырого матеріала, которая послужитъ надежнымъ основаніемъ для другихъ болѣе всесторонніхъ изслѣдованій. Довольно сказать, что сочиненіе г. Перетца, всецѣло посвященное виршамъ, обнимаетъ этотъ громадный и въ то же время крайне подвижный и зыбкій матеріалъ на пространствѣ двухъ вѣковъ — отъ конца XVI до конца XVIII в. Другого подобнаго сочиненія пока нѣтъ въ наукѣ, поэтому намъ кажется, что оно вполнѣ заслуживаетъ половинной преміи имени митрополита Макарія.

П. Житецкій.

Кіевъ. 1901 г. Апрѣля 10 д.

III.

В. В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ Писемъ русскаго путешественника. СПБ. 1899.

Въ «Письмахъ русскаго путешественника», замѣчаетъ г. Сиповскій въ предисловіи къ своему труду, «ясно отражается личность Карамзина; они, кромѣ того, интересны, какъ произведеніе, съ которымъ органически связывается развитіе всей новѣйшей русской литературы — и, наконецъ, историку культуры они даютъ показанія, очень цѣнныя для пониманія русскаго общества конца XVIII вѣка»... — Изученію Путешествія Карамзина съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія посвящена третья, послѣдняя глава сочиненія г. Сиповскаго. Въ этой главѣ Письма русскаго путешественника разсматриваются: а) съ біографической стороны, б) съ историко-литературной стороны и в) съ историко-культурной стороны. Въ двухъ предшествующихъ главахъ находимъ: а) біографическія свѣдѣнія о Карамзинѣ до времени путешествія и б) свѣдѣнія о литературной исторіи Писемъ русскаго путешественника (происхожденіе «Писемъ»; исторія текста «Писемъ»; слѣды литературныхъ вліяній въ «Письмахъ»; литературный жанръ «Писемъ»). Въ приложеніяхъ къ книгѣ помѣщены статьи: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» и «Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина».

Достоинство такихъ научныхъ трудовъ, какъ трудъ г. Сиповскаго, — трудовъ, въ которыхъ вниманіе изслѣдователя сосредо-

точнвается на изученіи одного литературнаго произведенія, — опредѣляется тщательностью и законченностью разработки избранной темы, полнотой собранныхъ фактовъ, новизной и основательностью соображеній и выводовъ.

Изслѣдованіе г. Сиповскаго вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ.

Для сужденія о степени тщательности работы г. Сиповскаго можно указать на тотъ отдѣлъ его сочиненія, гдѣ указываются слѣды литературныхъ вліяній въ «Письмахъ русскаго путешественника». Разсмотрѣвъ внимательно «рядъ произведеній описательнаго характера (путешествія, описанія городовъ), указанія на которыя мы находимъ въ «Письмахъ русскаго путешественника», г. Сиповскій замѣчаетъ: «кромѣ этихъ сочиненій, есть цѣлый рядъ справочныхъ изданій и «путешествій», на которыя въ «Письмахъ русскаго путешественника» нѣтъ никакихъ ссылокъ, хотя они были знакомы Карамзину и для «Писемъ» его дали нѣкоторый матеріалъ. Нѣсколько такихъ сочиненій найдены нами случайно при *послѣдовательномъ чтеніи* находящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ сочиненій, по содержанію и по времени изданія близкихъ къ «Письмамъ русскаго путешественника» (стр. 314). Внимательность и старательность, которыя обнаруживаются въ этомъ «послѣдовательномъ чтеніи» справочныхъ сочиненій и путешествій, открываются также на тѣхъ страницахъ книги г. Сиповскаго, которыя заняты сравненіемъ текста двухъ первыхъ изданій «Писемъ русскаго путешественника» (стр. 170 и слѣд.).

Рядомъ съ тщательнымъ, кропотливымъ подборомъ фактовъ находимъ у г. Сиповскаго новыя сопоставленія фактовъ, счастливыя соображенія и догадки. Для примѣра укажемъ замѣчанія г. Сиповскаго о разницѣ между первыми и послѣдними «Письмами русскаго путешественника». «Нельзя, наконецъ, не сказать, — пишетъ г. Сиповскій, — что «Письма русскаго путешественника» оказались настолько чуткими къ субъективнымъ воздѣйствіямъ ихъ автора, что десять лѣтъ промежутка между появленіемъ въ свѣтъ первой половины ихъ и второй замѣтно отразились на

нихъ: «Письма» состарились вмѣстѣ съ ихъ творцомъ... Во второй половинѣ «Писемъ» преобладаетъ уже жизнь «разумомъ», сантиментализмъ же еле замѣтенъ... Карамзинъ холоднѣе смотритъ на все и пользуется своимъ «произведеніемъ» уже для проведенія въ публику своихъ позднѣйшихъ взглядовъ, чувствъ и интересовъ... Такимъ образомъ, хотя «Письма» дѣйствительно могутъ быть названы «зеркаломъ» души Карамзина, но изслѣдователь долженъ очень осмотрительно относиться къ этому зеркалу, чтобы не смѣшать взглядовъ Карамзина, относящихся къ разнымъ періодамъ его жизни» (стр. 448 — 449). Разсматривая «Письма русскаго путешественника» съ историко-культурной стороны, г. Сиповскій приводитъ любопытныя данныя изъ исторіи цензуры въ екатерининское и павловское время; эти данныя извлечены изъ бумагъ архивовъ сенатскаго и Государственнаго Совѣта (стр. 551). Помѣщенная въ приложеніяхъ статья: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» очень интересна по новымъ соображеніямъ о русскомъ масонствѣ.

Конечно, не со всѣми догадками и выводами г. Сиповскаго можно согласиться; можно указать въ его трудѣ кое-что лишнее, кое-что недостающее, но эти маленькіе недочеты не понижаютъ высокой цѣнности сочиненія, написаннаго даровитымъ и трудолюбивымъ изслѣдователемъ.

Не колеблясь, признаю сочиненіе г. Сиповскаго заслуживающимъ поощрительной преміи.

Ив. Ждановъ.

16 марта 1901 г.

V.

Указатель къ „Опыту Россійской Библіографіи“ **В. С. Сопикова** (къ книгамъ гражданской печати). Составилъ **В. Н. Рогожинъ.** Москва 1900 г., XII + 284 стр.

Въ ряду такъ называемыхъ «справочныхъ изданій», необходимыхъ для библіотекарей и собирателей старинныхъ книгъ, для записныхъ библіографовъ и вообще изслѣдователей по исторіи прежней русской литературы, уже около девяноста лѣтъ числится и занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ извѣстный трудъ В. С. Сопикова — *Опытъ Россійской Библіографіи.*

Такое важное значеніе этого труда основывалось на нѣкоторыхъ неоспоримыхъ его достоинствахъ. Послѣ краткихъ «реестровъ» и «росписей» — начальныхъ попытокъ отечественной библіографіи, только случайно находившихъ себѣ пріютъ на листахъ газетъ и журналовъ или на оберткахъ иныхъ книгъ, — вслѣдъ за нѣмецкимъ изданіемъ Бакмейстера *Russische Bibliothek* и *Систематическимъ обозрѣніемъ литературы въ Россіи* (Шторха и Аделунга), обнявшими печатныя произведенія лишь за небольшіе періоды времени (первое за 1772 — 1787 гг., а второе — съ 1801 по 1806 годъ), — *Опытъ* Сопикова безспорно явился первымъ обширнымъ каталогомъ или первоначальнымъ «книжнымъ сводомъ». Какъ ревностно преданный библіографіи, составитель *Опыта* занесъ на страницы пятитомнаго своего труда свыше тринадцати тысячъ названій для вышедшихъ въ Россіи

книгъ, начиная съ первенцевъ русскихъ типографій XVI столѣтія и кончая современными ему «книжными произведеніями», выпущенными изъ-подъ печатнаго станка въ первыя два десятилѣтія XIX вѣка; кромѣ того, онъ позаботился указать на истинныхъ авторовъ при довольно длинной вереницѣ анонимныхъ книгъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлалъ ссылки на журнальныя рецензіи о нихъ или самъ обронилъ любопытныя библіографическія замѣчанія, — даже увлекаясь мыслію «скучное полезное растворить нѣкоторою пріятностію» помѣстилъ въ своемъ трудѣ «разныя сочиненія какъ прозою, такъ и стихами, взявъ оныя изъ такихъ книгъ, которыя имѣютъ неоспоримое достоинство»[1]).

Но, несмотря на заботливыя старанія Сопикова, *Опытъ Россійской Библіографіи* не уберегся отъ нѣсколькихъ существенныхъ недостатковъ, мало терпимыхъ особенно въ «справочныхъ изданіяхъ»: такъ, въ него закрались довольно значительныя опечатки (въ именахъ, цифрахъ, форматахъ книгъ), которыя могли смущать (да и дѣйствительно приводили въ недоумѣніе) неопытныхъ изслѣдователей; нѣкоторыя заглавія изданій, списывавшіяся съ «объявленій», а не съ «подлинниковъ», или произвольно сокращавшіяся составителемъ, чтобы только не увеличить размѣры *Опыта*, уже не разъ подавали поводъ къ невѣрнымъ заключеніямъ о той или другой книгѣ; наконецъ, отсутствіе правильно выдержаннаго «алфавитнаго указателя заглавій книгъ и фамилій авторовъ», о чемъ думалъ, но что̀ не успѣлъ за смертію исполнить самъ Сопиковъ, всегда тормазило полный успѣхъ пользованія его *Опытомъ*.

«Несовершенства» уже съ давнихъ поръ и до настоящаго времени побуждали русскихъ библіографовъ, начиная съ извѣстнаго «книголюбца» митрополита Евгенія и кончая современными дѣятелями на томъ же поприщѣ, то исправлять, то дополнять *Опытъ Россійской Библіографіи*. Даже четверть вѣка тому назадъ была сдѣлана попытка дать и *Алфавитный указатель именъ авторовъ*,

1) *Опытъ Россійской Библіографіи*, часть вторая, предувѣдомленіе, стр. II.

переводчиковъ, издателей и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ «Опытѣ Россійской Библіографіи В. Сопикова» (томы II — V)[1]). Но все это были случайныя или частичныя «исправленія», невольно заставлявшія желать «наиболѣе полнаго улучшенія» Сопиковскаго труда. Какъ бы въ отвѣтъ на такое желаніе библіографовъ, теперь появилась книга В. Н. Рогожина.

«Будучи вполнѣ увѣрены, что при настоящемъ положеніи русской библіографіи *Опытъ* Сопикова надолго сохранитъ свое значеніе, какъ необходимое справочное пособіе при изученіи литературы XVIII столѣтія, — говоритъ г. Рогожинъ въ предисловіи къ своему труду, — мы предприняли составленіе *Указателя*, который, надѣемся, возможно облегчитъ пользованіе трудомъ Сопикова» (стр. IV — V).

Сообразно съ этою «практическою» цѣлью, г. Рогожинъ, прежде всего, даетъ въ своей книгѣ (стр. 1 — 120) *Указатель сокращенныхъ заглавій* къ изданіямъ, упомянутыхъ въ *Опытѣ* Сопикова, и самъ же предварительно объясняетъ весьма удобный планъ такого *Указателя*. «Сокращенныя заглавія — пишетъ онъ — расположены въ алфавитномъ порядкѣ по первому имени существительному въ именительномъ падежѣ заглавія книги. Заглавія книгъ, начинающіяся съ предлоговъ, междометій и именъ числительныхъ, помѣщены по алфавиту этихъ же частей рѣчи; многочисленныя оды, рѣчи, слова и стихи сгруппированы по алфавиту или лицъ, для которыхъ писались, или же событій, по поводу которыхъ они подносились» (стр. V).

Нельзя не признать за такимъ *Указателемъ* несомнѣнной и важной пользы. Кому часто приходилось обращаться къ *Опыту Россійской Библіографіи*, тотъ хорошо знаетъ, какъ трудно въ этомъ обширномъ каталогѣ иной разъ отыскать необходимую

---

1) Этотъ «Алфавитный Указатель», составленный П. О. Морозовымъ, былъ напечатанъ въ приложеніи къ *Запискамъ Императорской Академіи Наукъ* 1876 г., т. XXVIII, № 5, стр. 1 — 47.

книгу или случайно, перелистовавъ нѣсколько страницъ, найти ее на несоотвѣтственномъ мѣстѣ: Сопиковъ, какъ извѣстно, расположилъ свой *Опытъ* не по строгой азбучной системѣ, да и не успѣлъ, какъ упомянуто выше, приложить «алфавитнаго указателя» ко всему многотомному труду. Теперь же *Указатель* г. Рогожина впервые даетъ прямую и твердую «аріаднину нить» къ скорому и успѣшному пользованію *Опытомъ* Сопикова, что̀ намъ удалось провѣрить чрезъ многочисленныя справки.

Но, при такомъ признаніи, намъ приходится сдѣлать и одну существенную оговорку: «Алфавитный указатель» г. Рогожина весьма полезенъ для библіографическихъ разысканій только при условіи, если заглавіе отыскиваемой книги не измѣнено по своему самимъ Сопиковымъ. Для разъясненія приводимъ хотя одинъ примѣръ изъ собственной практики. Существуетъ на русскомъ языкѣ книга съ такимъ заголовкомъ: *Собраніе разныхъ забавныхъ и веселыхъ повѣстей, или Исторической Магазинъ для разума и сердца. Перевелъ съ французскаго Никита Унковской.* Въ Москвѣ, въ Университетской Типографіи, 1779 года, двѣ части (по экземпляру нашей собственной библіотеки). Это изданіе совершенно правильно занесено Смирдинымъ въ «краткой росписи книгамъ по азбучному порядку» подъ словомъ «*Собраніе*» (см. *Роспись* Смирдина, стр. LXXVII и 671, № 9417). Между тѣмъ Сопиковъ, кромѣ сокращенія и даже опущенія имени переводчика, перемѣстилъ произвольно слова въ заглавіи этой книги, и она явилась на страницахъ *Опыта* уже въ слѣдующемъ видѣ: *Магазинъ (Историческій), или собраніе разныхъ забавныхъ и веселыхъ повѣстей; переводъ съ французскаго; 2 части; Москва 1779* (см. *Опытъ* Сопикова ч. III, стр. 371, № 6132; см. также ч. IV, стр. 466). Вслѣдствіе такого размѣщенія у Сопикова, названная нами книга, естественно, и въ «Алфавитномъ указателѣ» г. Рогожина стоитъ не подъ существительнымъ именемъ — «*Собраніемъ*», какъ бы требовала система составителя *Указателя*, а подъ словомъ «*Магазинъ*» (стр. 36).

Такихъ примѣровъ, конечно, наберется не много, и, за исклю-

ченіемъ ихъ, повторяемъ, что «Указатель сокращенныхъ заглавій», впервые только теперь составленный для *Опыта Россійской Библіографіи*, долженъ принести большое подспорье библіографамъ и безспорно заставитъ ихъ на будущее время быть признательными г. Рогожину, рѣшившемуся на кропотливый, механическій трудъ, котораго не выполнилъ и самъ Сопиковъ.

Подобною же «практическою» задачею руководился В. Н. Рогожинъ и при послѣдующихъ трехъ частяхъ своей работы. Сверхъ разобраннаго «реестра сокращенныхъ заглавій», онъ далъ для *Опыта Россійской Библіографіи* еще три новые «Указателя»: а) авторовъ, переводчиковъ, издателей и редакторовъ (стр. 121 — 182 и стр. 209); б) собственныхъ именъ, преимущественно историческихъ (стр. 183 — 190), и в) книгъ, печатанныхъ въ провинціальныхъ городахъ и за границей (стр. 191 — 192).

Два послѣдніе «Указателя» можно по справедливости назвать новинками для отечественной библіографіи: ихъ нельзя отыскать не только при такихъ справочныхъ изданіяхъ прежняго времени, какъ *Роспись* Смирдина и *Реестръ* Ольхина, но даже и при новыхъ каталогахъ, напримѣръ — Межова. Поэтому работа надъ двумя названными «Указателями» составляетъ прямую заслугу г. Рогожина и представляетъ очевидный образецъ для другихъ каталогистовъ.

Однако, при неоспоримой пользѣ второго и третьяго «Указателей», собственно для библіографовъ, обращающихся къ *Опыту* съ запросами о той или другой старинной книгѣ и ея авторѣ, наиболѣе важенъ первый Рогожинскій «Указатель» (т. е. писателей, переводчиковъ, издателей и редакторовъ), который совсѣмъ не былъ составленъ Сопиковымъ и до сихъ поръ лишь отчасти восполнялся трудомъ г. Морозова. Этотъ «Указатель», благодаря трудолюбію и знаніямъ г. Рогожина, получилъ не только практическое значеніе, но и историко-литературный интересъ: руководя обращающагося къ *Опыту* указаніями на какого-либо автора или переводчика и помѣщая при ихъ именахъ рядъ нумеровъ, подъ которыми у Сопикова значатся произведенія этихъ

лицъ, — онъ въ то же время доставляетъ любопытные и даже новые матеріалы для словаря русскихъ писателей, раскрывая псевдонимы и анонимы, относя ко многимъ литературнымъ дѣятелямъ неизвѣстныя раньше сочиненія или переводы.

Не имѣя въ виду перечислять всѣ интересныя и отличающіяся новизною свѣдѣнія Рогожинскаго «Указателя авторовъ, переводчиковъ, издателей, редакторовъ и др. лицъ», для поясненія ограничиваемся двумя болѣе рельефными примѣрами. Первый изъ нихъ касается одного изъ раннихъ друзей баснописца Крылова — Ивана Герасимовича Рахманинова, довольно извѣстнаго въ нашей литературѣ XVIII вѣка своими переводами изъ Вольтера. Съ его именемъ Сопиковъ зачислилъ въ *Опытъ Россійской Библіографіи* девять произведеній, что̀ съ точностію повторилъ и г. Морозовъ въ своемъ «Алфавитномъ Указателѣ» (стр. 35). На самомъ же дѣлѣ оказывается, что въ *Опытѣ* названо еще девять анонимныхъ трудовъ Рахманинова, которые теперь впервые, на основаніи безспорныхъ доказательствъ, открываетъ Рогожинскій «Указатель» (стр. 165) и, такимъ образомъ, вдвое увеличиваетъ переводческую дѣятельность старинаго русскаго литератора.

Другой примѣръ относится къ иностранному писателю, до «Указателя» г. Рогожина несправедливо зачисленному въ рядъ якобы нашихъ отечественныхъ писателей. Такъ, въ *Опытѣ Россійской Библіографіи* отмѣчена брошюра — *Отвѣтъ на вопросъ: чѣмъ мы одолжены Испаніи, соч. г. Абденина* (ч. IV, стр. 104, № 7966), съ очевидною опечаткою въ фамиліи автора, т. е. *Аб* (бата) *Денина,* извѣстнаго италіанскаго историка (1731 — 1813 гг). Между тѣмъ «Указатель» г. Морозова помѣстилъ это лицо въ формѣ *Абденинъ*, какъ именительной падежъ фамиліи (стр. 1), и только въ настоящее время Рогожинскій «Указатель» (стр. 121 и 138) разъясняетъ эту путаницу, хотя, прибавимъ, и онъ приводитъ невѣрно *Денинъ* вмѣсто: *Денина* (Denina).

Подтверждая такими двумя примѣрами достоинства Рогожинскаго «Указателя», мы, тѣмъ не менѣе, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія его «списка авторовъ», считаемъ необходимымъ сдѣ-

лать нѣсколько поправокъ и дополненій, которыя, надѣемся, послужатъ къ улучшенію *Опыта Россійской Библіографіи*, а именно:

Андреевъ, Козьма Ѳ...., по отцу *Ѳедоровичъ*, о чемъ см. *Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей* (1862 г., кн. 3, отд. I, стр. 10).

Байковъ, Павелъ....., по отчеству *Серѣевичъ*, умеръ 26 февраля 1816 года (*Древн. и Нов. Россія* 1878 г., № 4, стр. 349).

Бакунинъ, Модестъ..... имѣлъ отчество *Петровичъ* (тамъ же).

Безакъ, Христіанъ Христіановичъ, именовался и *Христіанъ Ивановичъ*, какъ указываютъ «Записки С. Н. Глинки» (*Русск. Вѣстникъ* 1866 г., т. 61, кн. 2, стр. 672 — 673).

Богородицкій, Алексѣй не *Дмитріевичъ*, а *Демидовичъ*, какъ вѣрнѣе указываетъ и самъ г. Рогожинъ въ другомъ мѣстѣ, на стр. 270.

Богоявленскій И.... Это — *Иванъ* Богоявленскій, о рукописныхъ переводахъ котораго упоминается въ *Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума*, составленномъ А. Востоковымъ (стр. 590).

Бригонцій, Иванъ..... по отцу *Осиповичъ*.

Бѣляевъ, Иванъ..... носилъ отчество *Ивановичъ* и состоялъ губернскимъ прокуроромъ въ Калугѣ (см. *Современникъ* 1857 г., кн. 3, отд. V, стр. 262).

Бѣляковъ, Михаилъ.... по отцу *Игнатьевичъ*, о чемъ см. книгу Н. Барсукова: *Жизнь и труды Погодина* (кн. I, стр. 25) и *Русскую Старину* 1888 г., кн. 9, стр. 501 — 503.

Веницѣевъ, Семенъ.... *Никифоровичъ*,, какъ указываютъ: *Москвитянинъ* 1842 г., кн. 2, стр. 476 — 477 и *Современникъ* 1857 г., кн. 3, отд. V, стр. 261 — 262.

Волковъ, Платонъ..... *Григорьевичъ* (о немъ см. *Русск. Архивъ* 1885 г., кн. 5, стр. 29 — 30).

Діонисій, архимандритъ, по фамиліи *Цвѣтаевъ* (см. *Списки іерарховъ* Строева, стр. 911).

Дубровскій, Адріанъ.... *Ларіоновичъ*, какъ показываютъ «Письма

С. Р. Воронцова» въ *Архивѣ князя Воронцова*, кн. XVI, стр. 3, 24, 35 — 36 и слѣд.

Зиновьевъ, Дмитрій..... *Николаевичъ*, о чемъ см. *Труды Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи* при Казанскомъ Университетѣ за 1898 — 1899 годъ.

Каменскій, Михаилъ.... Это — графъ Михаилъ *Ѳедотовичъ* Каменскій, какъ указываетъ *Словарь* митр. Евгенія (т. I, стр. 45).

Кандорскій, Иванъ — Михаилъ... Здѣсь въ третьемъ словѣ, конечно, досадная опечатка: надо читать *Михайловичъ*. Это — отчество протоіерея Кандорскаго, о которомъ см. *Сборникъ въ честь митр. Филарета*, М. 1883 г., ч. I, стр. 18.

Карпинъ, Н..... Это — *Николай Григорьевичъ Карпинъ*, питомецъ Московскаго Университета (о немъ см. книгу Шевырева: *Исторія Московскаго Университета*, стр. 48).

Кобылецкій, Даніилъ.... *Акимовичъ*, какъ указано въ *Древн. и Нов. Россіи* 1880 г., № 6, стр. 290 — 299.

Колокольниковъ, Василій... *Яковлевичъ*, какъ онъ названъ въ *Сборникѣ Импер. Русск. Историческ. Общества*, т. II, стр. 133 — 140.

Константиновъ, придворный актеръ... именовался *Алексѣемъ*.

Кочубей Василій... *Васильевичъ*, какъ называетъ его Шевыревъ въ *Исторіи Московскаго Университета*, стр. 76.

Локателли..... *Іоганнъ Баптистъ*, названный такъ въ *Драматическомъ Словарѣ* (М. 1787 г., стр. 146).

Масловичъ, Василій..... *Григорьевичъ*, какъ показываютъ документальныя свѣдѣнія, напечатанныя въ *Русской Старинѣ* 1892 г., кн. 7, стр. 139 — 142.

Метальниковъ, Иванъ.... *Яковлевичъ*, какъ о томъ упоминается въ сборникѣ *Литературный Вечеръ*, М. 1844, стр. 259.

Мещерскій, князь..... Это — гофмаршалъ генералъ-лейтенантъ князь *Прокопій Васильевичъ Мещерскій*, любопытныя свѣдѣнія о которомъ появились въ *Курскихъ епарх. Вѣдомостяхъ* (1894 г., № 27) и *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* (1895 г., прибавл., № 3, стр. 95 — 97).

Останавливаемъ здѣсь свои библіографическія замѣтки, касающіяся «списка авторовъ», и переходимъ къ послѣдней важной части «*Указателя*» В. Н. Рогожина, озаглавленной довольно скромно: «примѣчанія, дополненія и поправки», но заключающей обширный и важный комментарій къ *Опыту Россійской Библіографіи* (стр. 210 — 283). Эта часть, также появляющаяся лишь по счастливой иниціативѣ г. Рогожина и вносящая много новыхъ данныхъ въ исторію оригинальной и переводной русской литературы, позволяетъ видѣть, какими рѣдкими источниками руководился составитель «*Указателя*» при своей сложной работѣ. Такъ, кромѣ существующей библіографической литературы, близко знакомой г. Рогожину, въ его рукахъ были мало доступные всѣмъ, но драгоцѣнные источники, какъ напримѣръ: подлинныя рукописныя дѣла Московской Цензуры за время царствованія Павла I, давшія объясненія къ сто двадцати одной анонимной книгѣ, — копія съ письменной довѣренности вдовы переводчика Рахманинова по изданію трудовъ ея покойнаго мужа, библіографическіе матеріалы, собранные Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ и хранящіеся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ[1]), рукописныя замѣтки извѣстнаго библіофила С. Д. Полторацкаго на экземплярѣ *Опыта* Сопикова, находящемся въ Румянцевскомъ Музеѣ, и—наконецъ— самые «подлинники» болѣе замѣчательныхъ книгъ, нерѣдко съ любопытными автографами.

При помощи такихъ документальныхъ матеріаловъ г. Рогожину удалось разоблачить много литературныхъ псевдонимовъ, указать дѣйствительныхъ авторовъ для длиннаго ряда безыменныхъ книгъ, исправить и пополнить прежнія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ писателяхъ, критически отнестись къ большинству показаній Сопикова и всѣхъ послѣдующихъ библіографовъ, — словомъ, произвести надъ *Опытомъ Россійской Библіографіи* строго-

1) Какъ извѣстно, только небольшая часть этихъ «Матеріаловъ» появилась въ *Книговѣдѣніи* (1894 г., №№ 3 — 4).

фактическое разслѣдованіе и тѣмъ самымъ дать надежное руководство, которое, несомнѣнно, будетъ настольною книгою у всѣхъ, занимающихся исторіею русской литературы и библіографическими разысканіями за періодъ XVIII и начала XIX столѣтій.

Но русская библіографія, по выраженію одного изслѣдователя, «такое море, котораго не вычерпнуть и самыми усовершенствованными снарядами». Поэтому и намъ приходится отмѣтить слѣдующіе нумера изъ разбираемой части Рогожинскаго *Указателя*, по поводу которыхъ требуются новыя добавочныя объясненія:

№№ 1755—1756. «Вѣроятно—замѣчаетъ г. Рогожинъ—переводъ перваго изданія этой книги *(О подвигѣ Христіанина)* принадлежитъ ему же» (т. е. Ивану Тодорскому). Судя по нашему экземпляру, это — дѣйствительный фактъ, такъ какъ при книгѣ находится посвященіе Д. И. Балашеву съ подписью: «Орловскаго духовнаго училища бывшій учитель Иванъ Тодорскій».

№ 1792. Нельзя основываться на колеблющемся показаніи Геннади, что *Азбука*, «кажется, составлена митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ», а слѣдуетъ обратить вниманіе на замѣчанія г. Шмурло въ *Библіографѣ* (1887 г., № 12, стр. 124).

№ 2491. Это — переводъ дѣйствительно И. Татищева, какъ свидѣтельствуетъ его собственное письмо (см. *Архивъ кн. Воронцова*, М. 1884 г., кн. XXX, стр. 414).

№ 2573. Книга безспорно принадлежитъ переводчику Ивану Андреевичу Вельяшеву-Волынцеву, какъ убѣждаетъ предисловіе его къ другому переводу — *Исторіи о крестовыхъ походахъ* (см. наше изслѣдованіе *Вольтеръ въ русской литературѣ*, Спб. 1878 г., стр. 31).

№ 3044. Однимъ изъ составителей *Грамоты дворянству* былъ Аникимъ Титовичъ Князевъ, о чемъ см. *Русскій Архивъ* 1885 г., кн. 8, стр. 461 — 474.

№ 3364. Г. Рогожинъ ссылается на митрополита Евгенія, кото-

рый говоритъ, что графу П. С. Потемкину «приписывается лирическая драма *Зельмира и Смьлонъ*». Но уже давно напечатано одно современное письмо, прямо подтверждающее это предположеніе (см. *Русск. Архивъ* 1879 г., кн. 8, стр. 441).

№ 3526. Буквы *К. П. Ц.* давно разгаданы: онѣ обозначаютъ «князя Павла Дмитріевича Циціанова» (см. *Русскую Старину* 1890 г., кн. 4, стр. 141).

№ 3661. «Приписано — говоритъ г. Рогожинъ — Сопиковымъ Евгенію Болховитинову». Однако такое приписываніе имѣетъ основанія, указанныя въ *Библіографѣ* 1888 г., № 5 — 6, стр. 229 — 230.

№№ 3760 — 3761. Эти двѣ книги «перевелъ съ латинскаго языка *У. А. М.*» Три инпціала обозначаютъ «учителя Александра Мельгунова», о чемъ см. въ книгѣ С. Смирнова: *Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи*, М. 1855, стр. 336.

№ 3800. *Журналъ Отечественной Музыки* издавался не только въ 1806 году, какъ указываетъ Сопиковъ, но и въ 1807 году, о чемъ см. замѣтку Н. Губерти въ *Россійской Библіографіи* (1881 г., № 83, стр. 149 — 151).

№ 3893. О *Журналѣ Каррикатуръ* сохранилось дѣло 1808 года; отрывокъ изъ этого дѣла напечатанъ въ *Новомъ Времени* (1888 г., № 4331) и прямо указываетъ на издателя — Алексѣя Гавриловича Венеціанова.

№ 3978. Это — переводъ не Ивана Тимковскаго, а *Ивана Евсѣевича Срезневскаго*, какъ документально показано въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1898 г., кн. 6, стр. 360).

№№ 4835 — 4842. О многихъ изданіяхъ *Исторіи о разореніи Трои* необходимо имѣть въ виду библіографическую замѣтку А. Савича (см. *Библіографъ* 1887 г., № 1, стр. 7 — 8).

№ 5635. Комедія *Страсть къ стихотворству*, анонимная у Сопикова и не нашедшая разгадки переводчика въ матеріалахъ г. Рогожина, переведена на русскій языкъ «барономъ

Павломъ Ѳедоровичемъ Мальтицемъ», какъ указываютъ «Письма Пикара къ кн. А. Б. Куракину» (см. *Русскую Старину* 1878 г., кн. 5, стр. 66).

№ 6132. Какъ мы уже сказали выше, книга, анонимно обозначенная у Сопикова, переведена съ французскаго *Никитою Унковскимъ*, что̀ указано на заглавномъ листѣ ея и подъ «посвященіемъ» Ѳ. М. Толстому.

№ 6232. Эта переводная книжка имѣла длинное заглавіе, которое значительно сокращено въ *Опытѣ* Сопикова (см. о томъ въ *Современникѣ* 1857 г., кн. 7, стр. 73).

№ 6533. Нельзя думать, что эту книгу «перевели П. П. и С. Л»; на заглавномъ листѣ ея, какъ указано въ *Словарѣ* Геннади (т. II, стр. 240), стояло: «съ нѣм. перев. *П. П. и К. С. Л-в-т-в-мъ*», что̀ означаетъ: «переведено *П*ридворнымъ *П*ротоіереемъ и *К*авалеромъ *С*ергѣемъ *Л*ивотовымъ».

№№ 6851 — 6852. Подъ этими двумя нумерами значатся повѣсти съ одинаковымъ названіемъ: «*Нещастная Лиза*»: первая изъ нихъ можетъ принадлежать князю Долгорукову, но вторая несомнѣнно напечатана Васпліемъ Семеновичемъ Раевскимъ, какъ указано въ *Молвѣ* (1835 г., № 5, стр. 75 — 76).

№ 6931. Подъ «предисловіемъ» къ этой книгѣ, какъ видно изъ экземпляра нашей библіотеки, стоятъ еще загадочные инпціалы: *С. У.*

№ 7055 Это — «рѣдчайшая ода», принадлежащая перу М. М. Хераскова; она напечатана не въ 1800 году, какъ показываетъ *Опытъ* Сопикова, а въ 1801 году. Мы перепечатали ее по своему экземпляру въ статьѣ, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1901 г., кн. 4, стр. 483 — 487).

№ 7093. Буква *С.*, стоящая при заглавіи этой книги, теперь разгадана: она обозначаетъ инпціалъ фамиліи автора — *И. Е. Срезневскаго* (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1898 г., кн. 6, стр. 354).

№ 7190. Эта ода, по обычаю значительно измѣненная въ за-

главіи Сопиковымъ и показанная имъ безъ имени автора, принадлежитъ «учителю Московской Славено-Греко-Латинской Академіи Михайлѣ Завьялову», какъ значится въ концѣ самой оды (по экземпляру нашей собственной библіотеки).

№ 7419. Опера «*Душинька*» (sic) написана *Аркадіемъ Васильевичемъ Кочубеемъ* и графомъ *Сергѣемъ Павловичемъ Потемкинымъ* (см. *Русскую Старину* 1878 г., кн. 11, стр. 546).

№ 7580. Это «*Описаніе городовъ Московской губерніи*» принадлежитъ *проф. Харитону Андреевичу Чеботареву*, какъ указываетъ любопытная замѣтка въ *Московскихъ епарх. Вѣдомостяхъ* (1871 г., № 14, стр. 136).

№ 7663. Въ нашей библіотекѣ находится не только «*Описаніе*», но и самыя «карты» (сто четыре штуки), «сочиненныя К(оллежскимъ) А(ссесоромъ) Петромъ Шелеховымъ», съ изображеніемъ губерній Россіи.

№ 7896. «Здѣсь (т. е. въ *Опытѣ о человѣкѣ*, переведенномъ Н. Поповскимъ), — говоритъ г. Рогожинъ, — Амвросію принадлежатъ исправленія во многихъ мѣстахъ при разсужденіяхъ до вѣры принадлежащихъ». Такую общую фразу слѣдуетъ подтвердить ссылкою на детальную «Исторію изданія *Опыта о человѣкѣ*», напечатанную проф. Н. С. Тихонравовымъ (см. *Русскій Архивъ* 1872 г., кн. 7, стр. 1311 — 1322 и *Сочиненія Н. С. Тихонравова*, М. 1898 г., т. III, ч. 1, стр. 82 — 89).

№ 8016. При книгѣ «*Оттѣнки моего сердца*», изданной, по словамъ Сопикова, какъ «сочиненіе г. У. Ва», и анонимно — по *Росписи* Смирдина, невозможно ссылаться только на первое изданіе *Исторіи русской словесности* Галахова (т. II, стр. 125), гдѣ говорилось, что названная книга принадлежитъ какому-то *Ушакову*. Во второмъ изданіи своего труда г. Галаховъ исключилъ прежнее показаніе, конечно потому, что появилось свидѣтельство И. А. Второва о безспорной принадлежности «*Оттѣнковъ*» *П. Урусову* (см. *Русскій Вѣстникъ* 1875 г., кн. 5, стр. 121).

№№ 8835 — 8839. Въ настоящее время о книгѣ *Правила пінтическія* появилась большая статья А. П. Кадлубовскаго въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (1899 г., кн. 7, стр. 189 — 240).

№ 9125. Эта книжка принадлежитъ *В. Б. Желочеву* (въ монашествѣ — *Виталію*), какъ указываетъ «*Каталогъ библіотеки Московской Духовной Академіи*» (стр. 277).

№ 9171. *Путешествіе игумена Бизоса* переведено съ нѣмецкаго Михаиломъ Ивановичемъ Антоновскимъ, какъ онъ самъ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ» (см. *Русскій Архивъ* 1885 г., кн. 2, стр. 161).

№ 9209. Эта книга переведена А. Н. Радищевымъ, какъ можно думать на основаніи его «Писемъ къ А. Р. Воронцову» (см. *Архивъ князя Воронцова*, кн. V, стр. 289 и 297).

№ 9589. *Разсужденіе о мирѣ и войнѣ* дѣйствительно принадлежитъ Василію Ѳедоровичу Малиновскому, какъ подтверждаетъ его «Письмо къ А. Р. Воронцову» (см. *Архивъ князя Воронцова* кн. XXX, стр. 394), хотя на заглавномъ листѣ книжки стоятъ только иниціалы: *В. М.*

№ 9619. Это изданіе состоитъ изъ двухъ «разсужденій»: первое — *О религіи патріарховъ, до Закона живших*ъ — В. Кутневича, а второе — *О пользѣ и важности церковной исторіи* — А. Скородумова; послѣднему, кромѣ того, принадлежало «*Разсужденіе о началѣ идолопоклонства*» (см. книгу И. Чистовича: *Исторія С. Петербургской Дух. Академіи*, Спб. 1857 г., стр. 143).

№ 10.014. У Сопикова въ инициалахъ переводчика вкралась ошибка; судя по подлиннику нашей собственной библіотеки, на заглавномъ листѣ книжки значится: «вновь переведена на Россійскій языкъ *М. Ю*».

№ 10.025. Заголовокъ этой книги, какъ видно изъ подлинника нашей библіотеки, не только сокращенъ Сопиковымъ, но даже измѣненъ.

№ 10.278. Только *первое изданіе* «Сказанія» (1787 г.) безъ

«присовокупленія сокращеннаго описанія» напечатано В. Г. Вороблевскимъ; *второе же изданіе* (1795 г.) «съ присовокупленіемъ» вышло подъ руководствомъ И. О. Туманскаго (см. статью Пекарскаго въ *Современникѣ* 1855 г., т. LI, кн. 5, отд. II, стр. 34).

№ 10.824. Объ этомъ *Словѣ* и его авторѣ см. наши *Новые матеріалы для исторіи русской духовной литературы* (Спб. 1885 г., стр. 10).

№ 11.088. Переводъ *Сокращенія универсальной исторіи* (1808) принадлежалъ Ѳ. И. Чумакову, о чемъ см. *Труды Общества Любителей Россійской Словесности*, М. 1812 г., ч. IV, стр. 205.

№ 11.535. Кромѣ перепечатки, исполненной К. Ѳ. Калайдовичемъ (1818 г.), теперь есть и третье изданіе *Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній* (М. 1878 г.).

№ 11.596. Второе изданіе книги *Судъ Шемяки* (М. 1794 года) и предисловіе къ ней принадлежатъ *А. Осипову* (см. *Русскій Архивъ* 1890 г., кн. 4, стр. 569 — 574).

№ 12572. Объ этой брошюрѣ, приписываемой Фонвизину, см. нашу замѣтку въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1892 г., № 11, стр. 805.

№ 12615. Эта книжка, какъ значится на экземплярѣ нашей библіотеки, «переведена съ французскаго языка на россійскій Артиллеріи Сержантомъ Николаемъ Ивановымъ».

№№ 12969 — 12970. О двухъ изданіяхъ этой книжки и ея авторѣ см. наши *Новые матеріалы для исторіи русской духовной литературы*, стр. 7.

Послѣ такихъ библіографическихъ замѣчаній, намъ остается упомянуть о трехъ приложеніяхъ къ *Указателю* В. Н. Рогожина: эти приложенія — а) «Списокъ рѣдкихъ книгъ, по *Опыту* Сопикова» (стр. 193 — 204), б) «Списокъ книгъ, проданныхъ Академическимъ Комитетомъ въ 1808 году на вѣсъ» (стр. 205 — 208), г) «Списокъ книгъ, напечатанныхъ при Академіи Наукъ и проданныхъ на вѣсъ въ 1806 году» (стр. 208). Если два послѣдніе

«Списка» являются готовою перепечаткою изъ *Опыта Россійской Библіографіи* (ч. II, стр. 393 — 399) и потому не имѣютъ особенной важности въ глазахъ библіографовъ, то первый «Списокъ», напротивъ, составленъ самимъ г. Рогожинымъ на основаніи отмѣтокъ Сопикова, въ разныхъ мѣстахъ его труда, и можетъ при быстрыхъ справкахъ служить удобнымъ руководствомъ. Жаль только, что при «рѣдкихъ книгахъ» этого «Списка» составитель нигдѣ не упоминаетъ, почему та или другая изъ нихъ считается и теперь «печатнымъ раритетомъ». Напримѣръ, «рѣдкость» книги *Кумъ Матвѣй* (стр. 198) объясняется двумя любопытными документами, помѣщенными въ *Архивѣ кн. Воронцова* (М. 1881 г., кн. XX, стр. 491 — 493), а трудность найти изданіе трагедіи *Юлій Цесарь* (стр. 204), переведенной Карамзинымъ, обусловлена извѣстнымъ распоряженіемъ о ней кн. А. А. Прозоровскаго: «отложить въ число вредныхъ книгъ», т. е. предать уничтоженію (см. *Лѣтописи Русской Литературы*, Тихоправова, М. 1863 г., т. V, отд. II, стр. 10). Подобныя «отмѣтки при рѣдкихъ книгахъ», несомнѣнно, представили бы значительный историко-литературный интересъ, подтверждая классическое изреченіе: «Habent sua fata libelli».

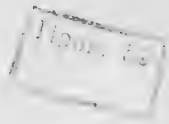
Заключая свой разборъ Рогожинскаго *Указателя*, мы считаемъ долгомъ признать, что замѣченные нами пробѣлы его восполняются высокими качествами труда, заслуживающими благодарности со стороны библіографовъ и должнаго поощренія со стороны высшаго научнаго учрежденія — Императорской Академіи Наукъ. Поэтому мы ходатайствуемъ предъ Отдѣленіемъ Русскаго Языка и Словесности о награжденіи книги г. Рогожина одною изъ Макаріевскихъ премій, — наградъ, тѣсно связанныхъ съ именемъ того знаменитаго іерарха Русской церкви, который въ своихъ историческихъ трудахъ всегда опирался на рукописные

или печатные памятники литературы и собственныя изслѣдованія постоянно сопровождалъ многими «библіографическими примѣчаніями».

Главный библіотекарь Императорскаго
Московскаго Университета **Д. Д. Языковъ.**

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIII, № 4.

С. М. Кульбакинъ.



КЪ ИСТОРІИ И ДІАЛЕКТОЛОГІИ ПОЛЬСКАГО ЯЗЫКА.

I. Фонетика сважендзскаго говора.
II. Возникновеніе общепольскихъ долготъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, мартъ 1903 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1901 году три слишкомъ мѣсяца провелъ я въ небольшой деревнѣ Сважендзѣ (Swarzędz-Schwersenz) при городкѣ того же названія, не вдалекѣ отъ г. Познани, — съ цѣлью ознакомиться съ особенностями великопольскаго нарѣчія, малодоступнаго для изученія по печатнымъ матеріаламъ.

Посѣщая близъ лежащія деревни: Грущинъ, Вѣржонку, Вѣрженицу, Кобылье-Поле, я собралъ нѣкоторый матеріалъ, характеризующій въ общихъ чертахъ говоръ названныхъ мѣстъ, безъ опредѣленія точныхъ границъ его.

Замѣчу, что населеніе этихъ мѣстъ чисто польское, нѣмецкій элементъ очень слабъ. Такъ, въ Сважендзѣ изъ 361 чел. жителей—33 нѣмца, въ Грущинѣ изъ 158 ч.—28 нѣмцевъ, въ Вѣрженицѣ 252 поляка и ни одного нѣмца.

За обработку собраннаго матеріала, первоначально имѣвшаго служить мнѣ лишь для самопоученія, я взялся въ виду почти полнаго отсутствія спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ великопольскимъ говорамъ: извѣстна лишь небольшая статья г. Лецѣевскаго о говорѣ Miejskej Górki, да двѣ статьи болѣе общаго характера: Кольберга о великопольскихъ говорахъ вообще и Петрова о говорахъ рыпиньскаго и липновскаго уѣздовъ Плоцкой губерніи. Послѣднія двѣ статьи слишкомъ бѣглы и неточны, какъ и великопольскіе тексты Кольберга.

Мнѣ казалось, что при такой бѣдности литературы, посвященной великопольскому нарѣчію, не окажутся лишними и мои наблюденія надъ сважендзскимъ говоромъ, хотя и не претендующія ни на особенную полноту, ни на тонкость фонетическихъ опредѣленій. Въ первомъ отношеніи даю столько, сколько успѣлъ замѣтить за три мѣсяца, во второмъ — столько, сколько позволяло мое ухо и моя фонетическая подготовка.

Долженъ замѣтить, что и сважендзскій говоръ, какъ и вообще польскіе говоры, отличается значительнымъ консерватизмомъ въ области фонетики и представляетъ больше матеріала изслѣдователю въ области морфологіи.

Въ настоящее время я издаю лишь обработку матеріала, относящагося къ фонетикѣ. Морфологія сважендзскаго говора, къ которой будетъ присоединено нѣсколько образцовъ говора, готовится къ печати.

Обрабатывая собранный матеріалъ главнымъ образомъ не съ точки зрѣнія фонетика, но съ точки зрѣнія историка языка, я невольно вышелъ изъ первоначально поставленныхъ себѣ рамокъ характеристики одного говора.

Опредѣляя отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ общепольскимъ, я не нашелъ въ научной литературѣ готовыхъ формулъ, которыя служили бы исходнымъ пунктомъ въ моихъ историческихъ опредѣленіяхъ. Вырабатывая эти формулы самъ, я невольно увлекся новой задачей: дать соотвѣтствующій современнымъ научнымъ даннымъ обзоръ основныхъ вопросовъ польской фонетики.

Сознаюсь,—рамки вышли шире картины, въ нихъ вставленной. Но если сдѣланный обзоръ дѣйствительно, какъ мнѣ казалось, заполняетъ нѣкоторый пробѣлъ въ научной литературѣ, то меня, быть можетъ, не упрекнутъ въ отступленіи отъ своей темы.

Далѣе, собравъ матеріалъ для рѣшенія вопросовъ о польскомъ количествѣ, дополняющій сообщенія иныхъ изслѣдователей,—въ объясненіи этого матеріала я перешелъ къ изслѣдованію общаго вопроса о возникновеніи обще-польской долготы.

Вотъ почему, во избѣжаніе несоотвѣтствія названія содержанію работы, я долженъ былъ избрать заглавіе болѣе общее: Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка.

Обѣ части работы тѣсно связаны: въ первой, формулируя вопросы общепольской фонетики, я имѣлъ въ виду результаты изслѣдованія вопроса о польскомъ количествѣ; во второй—я опирался на матеріалъ, сообщенный въ первой.

Естественное влеченіе чувства ведетъ меня къ выполненію симпатичной традиціи, установившейся въ научной литературѣ: при окончаніи перваго, болѣе или менѣе обширнаго, труда вспомнить съ чувствомъ сердечной признательности всѣхъ, чьи уроки, участье, помощь, совѣтъ привели къ началу работы и споспѣшествовали ея окончанію.

Чувство искренней благодарности долженъ выразить моему учителю А. А. Кочубинскому, подъ руководствомъ котораго протекла вся моя научная подготовка.

Глубокая признательность — Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за нравственную и матеріальную поддержку въ теченіи моей научной подготовки, ободрявшую въ работѣ и позволявшую всецѣло отдаться наукѣ, также за честь, оказанную мнѣ напечатаніемъ работы на страницахъ «Сборника» Отдѣленія; особенно благодарю за всегда участливое и доброе отношеніе академиковъ В. И. Ламанскаго и А. А. Шахматова.

Благодарю и моихъ друзей: проф. Бернекера въ Прагѣ, проф. Бѣлича въ Бѣлградѣ и Н. В. Ястребова въ Петербургѣ за совѣты, указанія и помощь въ чтеніи корректуръ; Г. А. Ильинскаго, читавшаго корректуры первыхъ листовъ книги, и всѣхъ, чья помощь такъ или иначе сказалась въ работѣ.

С. Кульбакинъ.

Бѣлградъ 1 марта 1903 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I. Фонетика сважендзскаго говора . . . . . 1—89

Обозначеніе звуковъ сважендзскаго говора . . . . . 1— 4

Отношеніе сважендзскихъ звуковъ къ об.-польскимъ . 4—89

1. Общепольское а . . . . . 4—10

Рефлексы об.-п. а въ говорахъ 4—6. Рефлексы об.-п. а въ Сважендзѣ 6—9. Начальное а 10.

2. Общепольское ě . . . . . 10—15

Рефлексы ě въ польскомъ 10—14. Рефлексы ě въ сважендзскомъ говорѣ 14—15.

3. Общепольскія i, y, u . . . . . 15—21

Долгія и краткія i, y, u въ об.-польскомъ 15—16. Начальныя i, y, u 16 с. Группы ky, gy 16 с. Группы či, ži, ši 16—17. Гласные i, y, u въ сочетаніи съ ł въ польскихъ говорахъ, въ частности въ сважендзскомъ 17—21.

4. Общепольскіе носовые . . . . . 21—45

Рефлексы об.-слов. носовыхъ въ польскомъ 21. Исторія вопроса 21—23. Носовые въ полабскомъ 24—26. Носовые въ кашубскомъ 26—27. Оцѣнка взглядовъ 28—31. Количественныя отношенія 32—33. Новыя измѣненія носовыхъ въ польскихъ говорахъ 33—43. Носовые въ сважендзскомъ говорѣ 43—45.

5. Польскіе рефлексы об.-слов. сочетаній or, ol, er, el + согл. . . . . 45—48

Отношеніе польскихъ рефлексовъ къ кашубскимъ 46—47. Количественныя отношенія 48. Сважендскіе рефлексы сочетаній 48.

стран.

6. Польскіе рефлексы об.-сл. *ъr, ьr, ъl, ьl. . . . . 49—61

Ихъ объясненіе 49—51. Формула Фортунатова и сонантическая теорія 51. Польское -ar и кашубское -'ar 52—53. Общезап.-слов. формула 54—56. Количественныя отношенія 56—61. Сваженлзскіе рефлексы сочетаній 61.

7. Общепольскіе ŏ, ĕ . . . . . 61—67

Начальное о 61—62. Переходъ 'e въ 'o 62—63. Вторичное удлиненіе ĕ, ŏ 63—64. Рефлексы ē, ō въ говорахъ 65. Сваженлзскіе рефлексы 66—67.

8. Польскіе рефлексы об.-слов. ъ, ь. . . . . 67—79

Эпоха отпаденія и выпаденія ъ, ь 68—69. Условія выпаденія и вокализаціи 69—77. Вторичное удлиненіе рефлексовъ ъ, ь 77. Сочетанія ъ, ь + j 77—78. Сваженлзскіе рефлексы 78—79.

9. Польскіе рефлексы об.-слов. согласныхъ . . . . . 79—89

I. Согласные p, b, v, m, n, r, d, t, z, s 79—80. II. ł (велярное) 80—82. III. Согласные k, g, ch 82—82. IV. Согласные въ положеніи предъ j 83. V. Согласные въ положеніи предъ гласными передняго ряда 83—84. VI. Въ положеніи предъ ь 85—87. VII Об.-слов. č', ž', š' и ć, dź, ś 87—88. VIII. Согласный j 88. IX. Явленія ассимиляціи 88. X. Частныя явленія сваженлзскаго консонантизма 88—89.

II. Условія возникновенія об.-польскихъ долготъ . . . 90—200

1. Исторія вопроса . . . . . 90—103

Паркошъ и Заборовскій 90. Малэцкій 90—91. Бодуэнъ де-К., Ксав. Малиновскій 91. Семеновичъ 91—93. Миклошичъ 94—96. Лось 96. Лескинъ о сербскомъ количествѣ 97—98. Количество въ чешскомъ 98. Въ словинскомъ 99. Показанія болгарскаго 100—101. Лужицкій 102. Польскіе носовые (Лоренцъ) 102—103.

2. Общепольское происхожденіе долготы. . . . . 103—111

Совпаденіе въ показаніяхъ отдѣльныхъ говоровъ въ общихъ категоріяхъ суженныхъ гласныхъ 104—108 и въ отдѣльныхъ словахъ 108—111.

3. Общесловянскіе долгіе гласные предъ старымъ удареніемъ . . . . . 111—119

Носовые 111—112. Долгое a 112. Долгое ĕ 112—113. Сочетанія or, ol, er, el + согл. 113. Сочетанія ъ, ь + r, l + согл. 113—114. Отступленія 114—115. Кашубскій 115—

стран.

116. Неясныя акцентуативныя отношенія 116—118. Предударный слогъ въ русскомъ 118—119.

4. Об.-слов. долгіе подъ старымъ удареніемъ . . . . . 119—139

Носовые 119—121. Восходящая долгота въ иныхъ гласныхъ 122—123. Нисходящая долгота 124—125. Кашубскій 126—127. Отступленія 127—133. Неясныя отношенія 133—134. Словацкій языкъ и моравскіе говоры 134—138. Смѣшанные чешско-польскіе говоры 138—139.

5. Долгота во второмъ предъ удареніемъ слогѣ . . . 139—140

6. Долгота въ слогѣ послѣ ударенія . . . . . 140—141

7. Долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ . . . . . 141—143

8. Долгота изъ стяженія . . . . . 143—148

Категоріи долгихъ гласныхъ изъ стяженія 143. Формы gen.-dat. s. m. прилагательныхъ на -égo, -ému 143—147. Формы типа znáš—zná. 148. Infinitiva типа vàć 148.

9. Первоначально краткіе гласные въ открытомъ слогѣ . . . . . 148—154

Сохраненіе краткости 148—149. Отступленія 149—154.

10. Краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ. 154—171

Законъ сербскаго удлиненія 154—156. Удлиненіе въ чешско-словацкомъ 156—159. Законъ польскаго удлиненія 159—160. То же—въ кашубскомъ и моравскихъ говорахъ 161. Пониманіе закона 161—163. Формы gen. pl. 163—165. Инфинитивныя формы 165—168. Infinitiva на -nąć 168—170. Причастіе 170. Нарѣчія 170. Форма 3 pl. praes. 171. Луковецкія имена на -yk изъ -ъкъ 171.

11. Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ . . . . . 172—186

Въ сербскомъ 172. Въ чешскомъ 172—173. Чешскіе долгіе въ закрытыхъ слогахъ. Принципъ мѣны качества долготы 173—177. Словацкій 177. Тотъ же принципъ въ сербскомъ, словинскомъ и болгарскомъ 177—178. Краткіе и сократившіеся долгіе гласные въ закрытомъ слогѣ въ польскомъ 178—182,—при положеніи ударенія за слогомъ съ ъ, ь 182—183. Формы gen. s. уменьшительныхъ типа dąbka въ связи съ Ф. nom. s. 183—186.

12. Вторичныя именныя, мѣстоименныя, глагольныя и иныя образованія . . . . . 186—205

Вторичныя именныя образованія и гипотеза сокращенія долготы предъ ударяемымъ долгимъ слогомъ 186—

СТРАН.

188. Долгота въ гласномъ суффиксовъ 188—191. Долгій гласный префикса 191—193. Долгота во флексіи 193—195. Мѣстоименныя формы 195—196. Прилагательныя 197—199. Числительныя 199. Нарѣчія 200. Глагольныя формы, кашубскій Verbal-Ablaut 200—205.

13. Къ хронологіи явленій . . . . . 206—210

Результаты 206—208. Замѣчанія о хронологіи явленій 208—210.

Дополненія и исправленія . . . . . 211—216

Къ страницамъ: 5, 9, 11, 15, 19, 20, 43, 45, 48, 63, 68, 74, 79, 83, 85, 88, 97, 98, 99, 111, 141, 154, 156, 164, 169, 171, 178. . . 211—215

Неточности транскрипціи . . . . . 215—216

Опечатки 216

Списокъ сокращеній . . . . . 217—219

Указатель именъ . . . . . 221—222

Указатель говоровъ . . . . . 223—224

Фонетика Сважендзскаго говора.

Для обозначенія звуковъ сважендзскаго говора употребляю слѣдующіе знаки:

1. *Чистые гласные*:

Знакъ a обозначаетъ гласный задняго (нелабіализованнаго) ряда нижній (velar-niedrig, back-low).

Знакъ o — гласный задняго лабіализованнаго ряда (velar-gerundet, back-round), средній (mittel, mid).

Знакъ u — гласный задняго лабіализованнаго ряда верхній (velar-gerundet-hoch, back-round-high).

Знакъ y — гласный средняго нелабіализованнаго ряда верхній (palato-velar-hoch, mixed-high).

Знакъ e — гласный средняго нелабіализованнаго ряда средній (palato-velar-mittel, mixed-mid). Та же буква послѣ смягченныхъ согласныхъ обозначаетъ — гласный передняго нелабіализованнаго ряда средній (palatal-mittel, front mid).

Знакъ i — гласный передняго нелабіализованнаго ряда верхній (palatal-hoch, front-high).

Знакъ ü — гласный передняго лабіализованнаго ряда верхній (palatal-gerundet-hoch, front-round-high).

Ср. Sievers[5], 103. Русскую терминологію заимствую у акад. Фортунатова (Сравн. яз.). Болѣе тонкія различія въ положеніи языка такъ-же, какъ разницу между «открытыми» и «закрытыми» или «узкими» и «широкими» въ смыслѣ «gespannt» и «ungespannt» (narrow и wide) оставляю необозначенными,

такъ какъ не всегда могъ бы съ увѣренностью эти различія установить. Кажется, гласные a, o, u, e являются, обычно, «открытыми» (ungespannt). Нѣкоторыя детали—при описаніи отдѣльныхъ фонетическихъ явленій.

2. *Носовые гласные*:

ǫ — звукъ задняго лабіализованнаго ряда.

ę — средняго нелабіализованнаго ряда, послѣ смягченныхъ согласныхъ — звукъ передняго нелабіализованнаго ряда.

Оба носовые гласные отличаются по отношенію къ соотвѣтствующимъ чистымъ o, e бо́льшимъ подъемомъ языка т. е. стоятъ ближе къ верхнему гласному соотвѣтствующихъ рядовъ: u, i, являются повышенно-средними (raised mid или lowered high).

Спора́дически — ų — средняго нелабіализованнаго ряда верхній.

Всѣ носовые гласные характеризуются слабой степенью насалированія т. е. образуются при небольшомъ отворѣ въ носовую полость.

3. *Дифтонги*: o̯u̯, u̯u̯, ü̯u̯, въ которыхъ первую слоговую часть представляютъ гласные o, u, ü, вторую неслоговую — неслоговое u (нисходящіе дифтонги); дифтонги u̯o, u̯e, u̯y, наоборотъ, въ первой части содержатъ неслоговое u, во второй слоговые ȯ, e, y (восходящіе дифтонги).

Что касается дифтонгическихъ сочетаній a̯i̯, e̯i̯, i̯i̯, y̯i̯, o̯i̯, u̯i̯, то долженъ оговориться, что не въ состояніи былъ строго отличить вообще i̯ отъ j и потому не могу съ увѣренностью говорить о нихъ; пишу вездѣ j.

4. *Согласные:* a) *сонорные:* α) *плавные:* r обозначаетъ альвеолярное r («alveolares gerolltes Zungenspitzen — r»).

l — палатальное l.

ł — задненебное l (velares); артикуляція его характеризуется слѣдующими моментами: 1) отсутствіе зубного затвора, какой мы наблюдаемъ, напр., при произношеніи русскаго твердаго л; конецъ языка лежитъ низко, языкъ оттягивается назадъ; 2) су-

женіе образуется задней частью языка противъ мягкаго нёба; 3) закругленіе губъ, нѣсколько меньшее, чѣмъ при гласномъ u.

β) *Носовые:*

Губной m.

Зубной n; замѣчу, что по отношенію къ главному объекту моихъ наблюденій, крестьянкѣ Михалинѣ Скржипчакъ, могу установить альвеолярный варіантъ зубного n (alveolares), по крайней мѣрѣ въ положеніи не предъ зубнымъ t, d: конецъ языка подымается къ альвеоламъ верхнихъ зубовъ, не касаясь этихъ послѣднихъ, тогда какъ при t, d онъ находится у верхнихъ зубовъ (ср. Sievers[5] 61 c.).

Задненёбное (velares) ŋ.

Палатальное ń.

Палатализованное m̀.

b) *Мгновенные:*

Губные — глухой p и звонкій b.

ṕ, b́ обозначаютъ палатализованный губной взрывъ.

Зубные: глухой t и звонкій d.

Задненёбные — глухой k и звонкій g (передніе задненёбные — vordere velare k[1], g[1]).

Палатальные средненёбные ḱ, ǵ.

c) *Фрикативные:* глухой задненёбный ch; звонкій средненёбный фрикативный j. Губнозубные: звонкій v и глухой f; мульпированный звонкій v̇.

Съ точностью установить границу между губно-зубными и губно-губными артикуляціями v вообще трудно; но мнѣ казалось, что сважендзское v относится къ области губно-зубныхъ артикуляцій; отъ u оно рѣзко отличается даже акустически.

Нёбно-зубные: глухой s и звонкій z, повидимому, слѣдуетъ ближе опредѣлять, какъ альвеолярные.

Такъ же опредѣляетъ s, z литературнаго выговора западной Галиціи проф. Розвадовскій (Mater. i prace. I 1, 111 c.).

Палатальные нёбнозубные ś, ź.

Нёбнозубные: глухой š и звонкій ž.

Точнымъ опредѣленіемъ ихъ затрудняюсь; ср. вообще объ этихъ звукахъ у Sievers'a[5] 131 с. Проф. Розвадовскій опредѣляетъ ихъ, какъ «predorzalno — alveolarne»; во всякомъ случаѣ š, ž въ сравненіи съ s, z — звуки болѣе задніе и образуются бо́льшимъ подъемомъ языка, чѣмъ s, z.

d) *Нёбнозубные аффрикаты:*

Глухой c и звонкій d͡z представляютъ слитное сочетаніе мгновенной t, d и фрикативной s, z.

Глухой ć и звонкій d͡ź — слитное сочетаніе мгновенной смягченной t́, d́ и фрикативной ś, ź.

Глухой č — слитное сочетаніе мгновенной t и фрикативной š; въ сравненіи съ c характеризуется тѣмъ же, чѣмъ š въ сравненіи съ s.

5. *Количество.* Различія между долгими и краткими гласными нѣтъ, какъ и въ большинствѣ другихъ польскихъ говоровъ.

6. *Удареніе* — обычно на предпослѣднемъ слогѣ.

ОТНОШЕНІЕ СВАЖЕНДЗСКИХЪ ЗВУКОВЪ КЪ ОБЩЕПОЛЬСКИМЪ.

1. Общепольское a.

Гласный a, первоначально долгій, какъ можно думать въ виду показаній сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, былъ полученъ польскимъ языкомъ изъ общесловянскаго по крайней мѣрѣ отчасти долгимъ, такъ какъ условія сокращенія его въ польскомъ не всегда совпадаютъ съ условіями сокращенія въ другихъ словянскихъ языкахъ, — отчасти же, быть можетъ, и краткимъ (напр. въ открытомъ концѣ слова ср. II ч. изслѣдованія). Долгое a затѣмъ сокращалось или сохранялось въ зависимости отъ положенія главнаго ударенія въ словѣ, но независимо отъ закрытости или открытости слога и качества слѣдующаго согласнаго.

Позже краткое об.-п. a, оказавшись въ закрытомъ конечномъ слогѣ въ виду отпаденія конечнаго полугласнаго, получало удли-

пеніе, если слогъ оканчивался однимъ изъ звонкихъ или сонорныхъ (плавныхъ и носовыхъ) согласныхъ; такое же вторичное удлиненіе произошло во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ.

Наконецъ, къ той же — общепольской эпохѣ относится возникновеніе долгаго a изъ стяженія двухъ гласныхъ.

Данныя памятниковъ и историческія свидѣтельства дѣлаютъ вѣроятной мысль, что долгое a, какъ и другіе долгіе гласные, существовало еще въ XIV вѣкѣ, и что долгота была соединена въ немъ съ измѣненіемъ артикуляціи въ направленіи къ гласному o.

Двойное написаніе aa съ одной стороны, o вм. ā съ другой — уже въ лат. грамотахъ XIII вѣка; ср. выводы г. Лося въ статьѣ «O samogłoskach długich w języku polskim przed wiekiem XVI» (Prace Fil. 1887, II 1, c. 119—143).

Съ теченіемъ времени долгота исчезла и осталась лишь вторая характерная черта, — тотъ характеръ артикуляціи, который въ современныхъ народныхъ говорахъ польскихъ отличаетъ рефлексъ o.-п. долгаго a, — такъ называемое á ścieśnione или pochylone, — отъ обыкновеннаго a, какъ рефлекса o.-п. a краткаго. Впрочемъ, въ бжезиньскомъ говорѣ á является долгимъ см. Rozpr. VIII, 186 c.

«Наклоненное» a (pochylone), какъ видно изъ существующихъ діалектологическихъ работъ, является общей чертой народныхъ польскихъ говоровъ на всей территоріи польскаго языка.

Характеръ артикуляціи этого звука не во всѣхъ говорахъ одинаковъ; въ однихъ á совпало съ рефлексомъ o.-п. ǒ т. е. является въ видѣ o; въ другихъ говорахъ, повидимому, является звукомъ, отличнымъ отъ o, хотя изслѣдователи не даютъ точнаго опредѣленія этого звука. При этомъ судьба á въ положеніи предъ носовыми согласными m, n, обычно, нѣсколько иная, чѣмъ въ иныхъ сочетаніяхъ: въ нѣкоторыхъ говорахъ, вообще сохраняющихъ особую артикуляцію á, отличную отъ артикуляціи гласнаго o, — въ положеніи предъ m, n вмѣсто á является o; въ иныхъ говорахъ, гдѣ обычно á совпадаетъ съ o, предъ m, n оно является въ видѣ «ó» (u).

Въ группѣ говоровъ, условно выдѣленныхъ проф. Флоринскимъ подъ именемъ малопольскихъ, находимъ á, какъ звукъ, отличный отъ o, въ говорѣ зебжидовскомъ («á pośredniczy między a i o, więcej się jednak zbliża brzmieniem do ostatniego» Rozpr. IX, 155 с.), бжезиньскомъ Rozpr. VIII, 189; опочиньскомъ Rozpr. XI, 152 с. и лясовскомъ Rozpr. VIII, 81 с. Въ послѣднихъ двухъ предъ m, n (въ опочиньскомъ и предъ l, ŕ) á является въ видѣ o. Въ Славковѣ Zbiór X, 211 и ропчицкомъ повѣтѣ Zbiór XIV, 32 с. на мѣстѣ o.-п. долгаго a вообще является o. Изъ силезскихъ говоровъ: въ оппельнскомъ «á nähert sich dem o.... vor nasalcons. wird á zu o oder gar zu ó» (L. Malinowski «Ueber d. oppeln. Mund.» 6 с.); въ ляскомъ á = o, предъ m, n = ó Rozpr. XII, 18 с. Изъ малоизученныхъ мазурскихъ говоровъ въ д. Луковцѣ на мѣстѣ á—o; въ повѣтѣ прашницкомъ o, предъ m, n—ó. Spraw. V, 72—126. Въ Закопанахъ (горальскій) «á ma brzmienie średnie między a i o, często bardzo bliskie o, a nieraz niczym się nie różni od samogłoski o» Rozpr. X, 171 с.

Общія указанія относительно произношенія рефлекса o.-п. долгаго a въ говорахъ герцогства познанскаго дастъ Kolberg (Zbiór I, 1—36 сс.): въ восточныхъ и сѣверныхъ уѣздахъ á болѣе наклонно къ o,—въ Полукахъ и Крайнѣ = o; на югѣ эта наклонность меньше, подъ Равичемъ и Кротошиномъ á = ай: kaĭzać, żaĭden; въ говорѣ Wschowska á = o и оĭ: mosz и moĭsz, gospodoĭrz. Относительно говоровъ прилегающихъ къ познанской области уѣздовъ рыпиньскаго и липновскаго плоцкой губерніи A. Petrow (Zbiór II) свидѣтельствуетъ: á выговаривается какъ o, иногда какъ u: pon — pun.

Въ говорѣ Miejskiej Górki (Rozpr. IX, 115) á = o^{n}, предъ m, n — u.

Въ сважендзскомъ говорѣ рефлексомъ o.-п. ā является a, рефлексомъ же o.-п. ā: o, u, o̯u̯.

O изъ o.-п. ā слышится въ Сважендзѣ, обычно, внутри слова (независимо отъ открытости или закрытости слога) и въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ согласнымъ неносовымъ; предъ носовыми m, n является u; o̯u̯ слышится, обычно, въ конечномъ открытомъ слогѣ, за исключеніемъ формы личнаго мѣстоименія jo (= ja), нарѣчій tero, zaro, d͡ziśo и предлога dlo (въ тѣсномъ сочетаніи со слѣдующимъ словомъ); далѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ закрытомъ конечномъ слогѣ: предъ спирантами ć, š, č и сложнымъ šč; къ послѣдней категоріи случаевъ относятся, главнымъ образомъ, примѣры ā, получившагося изъ стяженія

гласныхъ: 2 л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ типа znam, čytam — znoų̨š, čytoų̨š и формы неопред. наклоненія, какъ śoų̨ć, loų̨ć, gžoų̨ć. Однако при choćoš (= chociaž), skotoš (= skotarz), gospodoš, rogoč и т. п. отъ того же лица слышалъ я: skotoų̨š, gospodoų̨š, rogoų̨č и даже внутри слова предъ спирантами ć, ch: poų̨ćiš (= pacierz), poų̨chńe (= pachnie) 3 л. ед. ч. наст. вр. — при poćiš, pochńe. Съ другой стороны, формы 2 л. мн. ч. наст. вр. znoće, čytoće, а при обычныхъ loų̨ć, śoų̨ć можно иногда слышать loć, śoć. Въ виду такихъ фактовъ опредѣлить первоначальныя отношенія трудно, тѣмъ болѣе, что относительно другихъ великопольскихъ говоровъ, за исключеніемъ говора Мѣйской Гурки, обстоятельныхъ свѣдѣній нѣтъ. Указанія Кольберга слишкомъ общи. Поэтому воздерживаюсь отъ гаданій.

Примѣры a изъ о.-п. ā въ сважендзскомъ говорѣ: baba, čapla, čaša, jama, kaša, rana, skała, sława, žaba; masło, pasmo, sadło, stado; g. s. brata, časa, gadu, gradu, kraju, płaču, raka, raju, swata; n. s. brat, čas, płač, rak, svat.

Примѣры o, u, oų̨ изъ о.-п. ā въ сважендзскомъ говорѣ въ большинствѣ случаевъ тѣ же, что̀ и въ другихъ говорахъ польскаго языка, которые до сихъ поръ были описаны; діалектическія отклоненія очень незначительны, какъ относительно рефлексовъ ā, такъ и относительно рефлексовъ другихъ долгихъ гласныхъ, и это позволяетъ говорить объ условіяхъ возникновенія долготъ въ общепольскомъ языкѣ.

Рефлексы о.-п. ā находимъ въ сважендзскомъ говорѣ въ слѣдующихъ случаяхъ:

Въ именныхъ образованіяхъ:

Въ *коренномъ гласномъ* первичныхъ именныхъ образованій, съ проведеніемъ рефлекса ā во всѣхъ падежахъ: płošč — g. s. płošča; chvoła, trova, poſ—pova; въ существительномъ сложномъ, съ префиксомъ: pšyjoćel (= przyjaciel). Въ коренномъ гласномъ въ формѣ им. п. въ виду отпаденія конечнаго полугласнаго: goj— g. s. gaju; grot — g. s. gradu (grando); kroj — g. s. kraju; sot—

g. s. sadu; ros — g. s. razu; vor — g. s. vara; pun — g. s. pana; Jun — g. s. Jana (имя собственное); сюда же относятся формы им. п. ж. р. именъ темы — i: twoš — g. s. tważy, kloč — g. s. klačy; несклоняемая форма прилагательнаго неопредѣленнаго им. п. м. р.: rod — ж. р. — rada.

Въ коренномъ гласномъ именныхъ образованій съ суффиксомъ: provda (=*pravьda), zdrojca (=*zdradьca), roćca (=radьca), vopno (=*varьno); storek (лит.-п. starek), storka, storušek; сюда же относится краткая форма прилагательнаго (п. s. n.), получившая значеніе нарѣчія: dovno (=*davьno) и мѣстоименныя образованія въ функціи прилагательныхъ: žodnyj, koždyj.

Въ гласномъ суффиксовъ: a) суфф.—ak: žebrok, robok, polok, ptok, rybok, łajdok, bijok, ćelok, d͡žećok, kurčok, pśok; b) суффиксъ — ar-: likoš, gospodoš, kozloš, skotoš; c) суффиксъ — ač-: rogoč, groč, bogoč; d) суфф. — al-: kovol.

Рефлексъ ā — o остается при этомъ и въ косвенныхъ падежахъ: žebroka, roboka, likoža, rogoča, kovola и т. п.

Суффиксъ — ak — въ той же формѣ является въ именахъ фамильныхъ: Novok, Kośćelńok, Šymkovok, и отсюда имена фамильныя женскія: Novočka, Šymkovočka, Kośćelńočka и т. п.

Во флексіи: въ формѣ им. п. ед. ч. именъ ж. р. темы — ja: zḿijoų, doloų, ṕečoų, vežoų, bužoų, voloų, roloų, kuchńoų, ṕešńoų, šyjoų, mšoų, sukńoų, sušoų, višńoų, grobloų, braćoų; сюда же — слова заимствованныя на — ija: familijoų, kolacyjoų, parachvijoų, имена собственныя: Maryjoų, Zofijoų, Francyjoų, Turcyjoų. Отмѣчу, что исключеніемъ является — źeḿa и что при roloų можно слышать также rola.

То же въ формѣ g. s. именъ средняго рода: młuceńoų, śećeńoų, vybrańoų, pokoleńoų, umarćoų: čas do umarćoų.

Въ им. п. ед. ч. ж. р. прилагательныхъ полной формы: młodoų, głuṕoų, dobroų и т. п.

Въ глагольныхъ формахъ:

Формы *неопредѣленнаго наклоненія* съ o.-п. ā, получившимся изъ стяженія: gžoų́ć, śḿoų́ć śe, boų́ć śe, loų́ć, chvoų́ć, d͡žoų́ć.

Формы неопредѣленнаго наклоненія съ о.-п. ā не изъ стяженія: posać (=пасти), sod͡źić, polić (ср. отглагольное существительное poleńe), chvolić, skokać, godać, kozać, zakozać, stovać, fstov́ać, pšestovać, znojść, sprošać, zgrob́ać, rozmov́ać, pšeguńać, u̯obočyć, vsodzać, pumogać, skłodać, upodać (ср. dać, spać, gaćić съ рефлексомъ ă); въ 3 л. ед. ч. паст. вр. pou̯chńe (figa pou̯chńe); въ 3 л. мн. ч.: vynojdom.

Въ формахъ *настоящаго времени* глаголовъ III класса (съ основой на — a) за исключеніемъ 3 л. мн. ч.: znum, znou̯š, znou̯, znumy, znoće; godum, godou̯š, godou̯, godumy, godoće. Сюда же относятся глаголы V класса dam, mam: dum, dou̯š и т. д., mum, mou̯š и т. д.

Въ формахъ причастія м. р. прош. времени на — ł тѣхъ же глаголовъ: čytou̯, brou̯, ṕisou̯, kozou̯, dou̯; но формы ж. р.: čytała, brała, ṕisała и т. д. Это о изъ ā сохраняется и въ формахъ прошедшаго сложнаго: brołem, čytołem, ṕisołem и. т. п.

Въ гласномъ префикса сложныхъ словъ: въ особую группу должны быть выдѣлены случаи, когда рефлексъ о.-п. ā находимъ въ гласномъ префикса сложныхъ словъ, будь это существительное, прилагательное или глаголъ:

Префиксъ na: norut (=narod), nožend͡źe (=nażędzie); nobožeństvo, но: načyńe.

Префиксъ za: zokun, zoduch, zopołki, zoćerka, zosufka, zobočyć, zovistny.

Въ формахъ личнаго мѣстоименія: jo (= ego); nos, vos = nas, vas; num, vum = nam, vam.

Въ числительныхъ: dvanośće, tšynośće, čtyrnośće и т. д. до dźev́etnośće, что сохраняется и въ порядковыхъ: dvanostyj и т. д.

Въ формахъ превосходной степени: nojlepšyj, nobažej, nov́encej и т. п.

Въ нарѣчіяхъ tero, zaro (также teros), d͡źiśo, choćoš.

Въ предлогѣ: dlo mńe, dlo ńego.

Заимствованныя слова, въ которыхъ литературному польскому a соотвѣтствуетъ о въ сважендзскомъ говорѣ (также и въ другихъ польскихъ го-

ворахъ), должны быть выдѣлены въ особую группу, такъ какъ иногда, быть можетъ, стоятъ внѣ связи съ о.-п. ā: мы не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлить съ точностью, какъ эпоху заимствованія, такъ и діалектъ изъ котораго они заимствованы; таковы сважендзскіе: gvolt (Gewalt), kworta (Quarte), plostyr (Pflaster), špitol (Spital), korole (Koralle), folšyvy (falsch), folda, tuńec (Tanz), tuńčyć (tanzen), bol (Ball), pora (Paar), voga (Wage); отъ нѣмецкаго колониста въ познанской области слышалъ я: bol (Ball), pōūr (Paar), vok (Wage)....

Начальное a (послѣ паузы) произносится, обычно, безъ придыхательнаго элемента: напр. союзы: a, ale (=sed), albo, также иностранныя слова: angryst, alkeš. Отъ союза ale=sed нужно отличать утвердительное: chale=да, отношеніе котораго къ первому союзу для меня неясно.

Устанавливая отсутствіе придыханія при начальномъ a (der gehauchte Einsatz), я не опредѣляю, произносится ли оно со вступительной гортанной экплозіей (экплозіей голосовыхъ связокъ — der feste Einsatz) или безъ нея (der leise Einsatz).

2. Общепольское ĕ.

Польскій языкъ получилъ изъ общесловянскаго звукъ, въ которомъ совпали рефлексы индо-европ. ē и дифтонговъ oi̯, ai̯. Звукъ этотъ *условно* обозначаю знакомъ ĕ.

Весьма возможно, что звукъ этотъ представлялъ дифтонгическое сочетаніе i͡e, какъ думаютъ ак. Фортунатовъ и ак. Шахматовъ въ виду малор. *міра* изъ **миера*, словацкаго miera и чешскаго míra (изъ чешско-словацкаго *mi͡era), лужицкаго mi͡era (пишется měra) и сербохорватскаго si͡eno, — въ нѣкоторыхъ говорахъ sijeno Изв. VI 4, 269 с. Иначе ак. Соболевскій: данныхъ, доказывающихъ, что ĕ было въ об.-слов. дифтонгомъ, нѣтъ; ничто не говоритъ о глубокой древности сербскаго дифтонга, и малорусскіе говоры, развившіе дифтонги изъ новаго ē, очевидно, могли развить ихъ и изъ совпавшаго съ ē древняго ĕ. Ж. М. Н. Пр. 292 т., 427—428 с. Относительно лужицкаго ĕ замѣчу, что въ настоящее время произношеніе его врядъ ли можетъ быть опредѣлено, какъ дифтонгическое; д-ръ Мука опредѣленно говоритъ что ĕ—«kein Diphtong, sondern ein einfacher Vocal». Hist. und vergl. Laut— und Formenl. 20 с. По опредѣленію проф. Флоринскаго — «i произносимое съ окраской краткаго e, какъ бы i^{e}» Лекціи II, 603 с. На мой слухъ, ни въ верхне-лужицкомъ (напр. въ будышинскомъ говорѣ), ни въ н.-лужицкомъ (напр. въ Шпревальдѣ), не слышно дифтонга.

На польской почвѣ звукъ этотъ, какъ можно полагать въ виду его перехода предъ извѣстными согласными (t, d, r, n, ł, s, z)

въ ′а, являлся въ видѣ е широкаго съ предшествовавшею мягкостью—′ä (проф. Брандтъ «Кр. фон. и морф. п. яз.» 5 с.; акад. Шахматовъ Изв. VI 4, 275 с.), по крайней мѣрѣ предъ указанными согласными.

Прекрасную параллель представляетъ въ данномъ случаѣ старо-словянское ѣ, вѣроятно, также произносившееся, какъ ′ä ср. д-ръ Oblak Arch. XVII, 161 с., ак. Шахматовъ Изв. VI 4, 275 с.

д-ръ Lorenz принимаетъ для польскаго *jä, какъ рефлексъ об.-сл. *ě—въ виду того, что при «диспалатализированіи» его (Entpalatalisirung) все же наблюдается смягченіе предшествующей согласной, тогда какъ при такомъ же процессѣ въ гласномъ ь сочетанія ьr этого смягченія нѣтъ: «das erklärt sich daraus, dass das ursl. ě, wie das Čechische und Slovakische zeigen, schon in gemeinsam westslavischer Zeit in einen Doppellaut, etwa jä, übergegangen ist, während das ь Monophtong blieb.» Arch. XXIV 20 с. Но процессъ измѣненія: wiedę въ wiode д-ръ Лоренцъ обозначаетъ тѣмъ же терминомъ «Entpalatalisirung» ibid. 11 с., мягкость предшествующей согласной видимъ и здѣсь; слѣдуетъ ли отсюда, что и об.-сл. *е являлось въ польск. въ видѣ дифтонга *je?....

По мнѣнію ак. Шахматова, въ об.-п. * ′ä совпали два звука: * об.-сл. i͡e и * об.-сл. ä, «возникшее путемъ грамматической аналогіи, вліяніемъ однихъ звуковъ на другіе»; такое * ä видитъ ак. Шахматовъ въ польскомъ суффиксѣ—′an: rumiany—изъ об.-сл. *rumänyj Изв. VI 4, 282 с.

Но об.-сл. *rumänyj, кажется, не достаточно твердо обосновано. Старословянскій и чешскій, какъ и польскій, не даютъ никакихъ указаній на *—än-, а русское *румяный* и лужицкое sukŋjany удобно объясняются вліяніемъ -an, являвшагося послѣ смягченныхъ согласныхъ; ак. Шахматовъ отвергаетъ это объясненіе «въ виду того, что большинство славянскихъ языковъ представляетъ обратное вытѣсненіе -an черезъ -en». Но вліянія аналогіи не всегда принимаютъ одно и то же направленіе въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ: ср. распространеніе -m въ 1 л. ед. ч. наст. вр. изъ V класса глаголовъ на другіе классы въ различныхъ словянскихъ языкахъ и наоборотъ: исчезновеніе этого -m въ нѣкоторыхъ глаголахъ V класса — въ русскомъ языкѣ. Остается сербское и словинское -en; достаточно ли ихъ для обоснованія об.-сл. *-än?

Измѣненіе об.-п. ě (*′ä) въ ′а предъ извѣстными согласными относится къ доисторической эпохѣ въ жизни польскаго языка: то же измѣненіе находимъ въ кашубскомъ и полабскомъ, хотя въ послѣднемъ не можемъ съ точностью опредѣлить гласный, обозначаемый въ такихъ случаяхъ то буквой o, то буквой a; а діалектически и въ лужицкомъ языкѣ: въ вымершемъ жоравскомъ (Sorau) и полувымершемъ губинскомъ (Guben) говорахъ ср.

Mucke Hist. und vergl. Laut— und F... 63 с. Повидимому, явленіе это было діалектическимъ въ эпоху единства западно-словянскихъ языковъ.

Въ виду такой глубокой древности указаннаго звукоизмѣненія весьма вѣроятной является мысль Малэцкаго (Gramm. hist.-porówn. I, 135—137), что ь внутри словъ въ открытомъ слогѣ еще не выпадалъ въ эпоху, когда это звукоизмѣненіе имѣло мѣсто, т. е. въ эту эпоху еще сохранялось *vĕrьnyj (*vărьnyj), хотя логически это неизбѣжно: ь могло выпасть, но r′ оставаться мягкимъ въ эпоху *′ä>′a; позже r′ отвердѣвало, такъ какъ мягкость его ничѣмъ не поддерживалась, тогда какъ въ случаяхъ вродѣ *vářitь мягкость эта сохранялась и r′ позже измѣнялось въ ř.

Въ современныхъ польскихъ говорахъ находимъ четыре рефлекса общепольскаго ĕ: въ положеніи предъ зубными d, t, n, плавными r, l и твердыми спирантами s, z является ′a или ′á т. е. «наклоненное» a съ предшествующей мягкостью, которое сохраняется, какъ особый звукъ, въ говорахъ, вообще имѣющихъ особый звукъ á изъ об.-п. ā, или звучитъ, какъ o, oǫ въ говорахъ, гдѣ об.-п. ā является въ видѣ o или oǫ. Во всѣхъ иныхъ положеніяхъ изъ об.-п. ĕ (*′ä) находимъ ′e или ′é т. е. наклоненное e съ предшествующей мягкостью (или безъ нея послѣ отвердѣвшихъ спирантовъ); въ нѣкоторыхъ говорахъ это é изъ ĕ, какъ и é другого происхожденія, совпадаетъ съ i (y) ср. ниже, въ главѣ объ e. Къ числу послѣднихъ относится и свэжендзскій говоръ.

проф. Флоринскій отмѣчаетъ еще одинъ рефлексъ об.-п. ĕ: «въ лясовскомъ говорѣ (близъ Сандомира) вм. общепольскаго a (изъ ĕ) слышится иногда (передъ m, n) нѣмецкое ä (e широкое, близкое къ a): säno, vänо» Лекціи II, 416 с. Но было бы ошибочно считать это ä самостоятельнымъ рефлексомъ об.-п. ĕ: въ лясовскомъ говорѣ всякое открытое a предъ m, n измѣняется въ a° Arch. V, 634 с.; авторъ діалектологическаго изслѣдованія о лясовскомъ говорѣ, г. Матусякъ пишетъ: noga°ma, rèka°ma, ta°nten = tamten, v ja°max, pija°ny, s pa°nem и т. д. и, естественно, также: ze śća°ny (Arch. 636, 639, 641, 646, 647 с.).

Полную аналогію польскимъ рефлексамъ об.-сл. ĕ: ′a, ′á, ′e, ′é представляетъ кашубскій языкъ: въ соотвѣтствіи польскимъ ′a, ′á въ кашубскомъ—′a и ′ô (гласный долгій, являющійся и на мѣстѣ

об.-сл. ā); въ соотвѣтствіи польскимъ ′e и ′é въ кашубскомъ — ′ö (e) и ē (гласный долгій).

Въ древнепольскихъ памятникахъ гласному ′á (′o, ′ǫ) современныхъ говоровъ соотвѣтствуетъ aa: dzaal=pars, biaal=albus: современному ′é соотвѣтствуетъ ee: chleeb, byeeg (см. Семеновичъ «Über die Quant.» 17, 23 сс.), т. е. древнепольскій, повидимому, зналъ въ этихъ случаяхъ ′ā и ′ē; современнымъ ′a, ′e соотвѣтствуетъ одинарное написаніе гласной. Какъ мы увидимъ во второй части изслѣдованія, долгота въ такихъ случаяхъ является или въ виду извѣстнаго положенія первоначальнаго ударенія въ словѣ или же въ закрытомъ слогѣ при такомъ положеніи первоначальнаго ударенія, при которомъ въ открытомъ слогѣ является ′a, ′e т. е. краткость.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ мы могли бы слѣдующимъ образомъ формулировать судьбу об.-слов. ě въ польскомъ языкѣ: об.-сл. ě, — гласный исконно-долгій (какъ можно думать въ виду его происхожденія изъ ē и дифтонговъ) являлся и въ польскомъ долгимъ по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ положеніяхъ, — въ другихъ быть можетъ — краткимъ. Въ виду дифференціаціи его — ′a — ′e получилось изъ одного рефлекса ě — *′ä — четыре: ′ä, ′ā, ′ë, ′ē. Долгота ′ā и ′ē при извѣстныхъ акцентуативныхъ условіяхъ сохранялась и далѣе, при другихъ сокращалась на почвѣ польско-кашубской. Рефлексъ ′ā имѣлъ далѣе ту же судьбу, что и ā изъ об.-п. и об.-сл. ā. Рефлексъ ′ē, подобно ā, съ долготой связывалъ, вѣроятно, извѣстное измѣненіе качества — въ направленіи къ гласной i, затѣмъ съ потерей долготы уже въ историческую эпоху удержалъ качественное отличіе отъ ′ë и является въ современныхъ говорахъ въ видѣ ′é (é) или i (y).

Обычно эти é и i (y) кратки, такъ какъ польскій языкъ вообще потерялъ различіе между краткими и долгими гласными. Необходимо однако отмѣтить, что, по свидѣтельству г. Zawiliński'аго, въ бржезиньскомъ говорѣ (малопольскомъ) é, какъ и á, является долгимъ: наклоненные гласные — «łatwo odróżnić od podobnie brzmiących otwartych przez pewnego rodzaju przycisk wywołujący ich przedłużenie.... Np. zágadka potrzebuje w pierwszéj swéj części zá — niemal tyle czasu do wymówienia, ile go starczy na wymówienie drugiej części — gadka». Rozpr. VIII, 186 c.

Краткія ʹа и ʹе въ открытомъ слогѣ оставались краткими, откуда и въ современныхъ польскихъ говорахъ ʹа, ʹе (въ кашубскомъ тоже — ʹа, ʹö — е).

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ согласными звонкими и въ закрытомъ внутреннемъ слогѣ, ʹа и ʹе получали вторичное удлиненіе и являлись въ видѣ ʹā ʹē, откуда затѣмъ ʹá ʹé (ʹо, ʹоu̯, і, у). Удлиненіе это имѣло мѣсто позже, нежели дифференціація ʹā ʹē въ зависимости отъ извѣстнаго положенія ударенія въ словѣ, но также, повидимому, въ эпоху общей жизни кашубскаго и польскаго языковъ.

При хронологическомъ опредѣленіи указанныхъ явленій я оставлялъ въ сторонѣ полабскій языкъ, такъ какъ при современномъ состояніи свѣдѣній о немъ нѣтъ возможности съ увѣренностью сказать, были ли ему извѣстны эти явленія. Матеріалъ, какой находимъ, напр., у Шлейхера въ его грамматикѣ полабскаго языка не приводитъ ни къ какимъ твердымъ выводамъ въ вопросахъ о долготѣ.

Примѣры рефлексовъ об.-п. ě въ Сважендзскомъ говорѣ:

a) ʹа: stšała, śćana, ḿara, v́ara, śara, lato, ḿasto, śano, ćasto, ćało, v́atr—v́atra, kv́at—kv́atu, las—lasu, śv́at—śv́atu, blask—blasku, kolano, śḿałyj, opov́adac.

b) ʹо: ǵv́ozda, gńozdo, d͡źoło, d͡źot — d͡źada, ślot—ślodu, polono, pojost—pojazda, sumśot—sumśada, u̯oḃot—u̯oḃadu, ḃołyj, ṕosek—ṕosku, klotka, cołki, žotko (= rzadko).

Въ причастіяхъ прош. вр. на — ł глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на — ě: v́id͡źou̯, v́id͡źołem, śed͡źou̯, śed͡źołem и т. п.

c) ʹе: žepa (= rzepa), śeḿe, gńeva g. s., chleba g. s., ḿed͡źi g. s., śńegu g. s., v́ek — v́eku, ḿechy, źv́ežu g. s., chleva g. s., pov́eka, ḿeśunc, d͡źevucha, d͡źevuška.

Прилагательныя: v́ernyj, levyj, leńivyj, ṕešyj, ślepyj, ḿed͡źanyj.

Инфинитивныя формы: jeść; ḿeć, ćešyć, v́ed͡źeć, uḿeć; ḿežyć, d͡źelić, śed͡źeć, u̯oḃecać.

d) і (у): žyka, śv́ica, ḃida, cyna, licha, gžych — gžychu, śḿich—śḿichu, stšycha, pliśńe, gńif n. s., chlip n. s., ḿić n. s., śńik n. s., źv́iš n. s., chlif n. s., śić—śići, śif—śivu, ḱv́iće, likoš, d͡źivče.

Прилагательныя: śv́ižyj, śḿišnyj, ćimnyj.

Въ инфинитивныхъ формахъ: stšylać, gžyšyć, gńivać śe, śṕivać, źivać, źḿiń́ić, ličyć.

Въ формахъ настоящаго времени глаголовъ viem и jem: v́im, v́iš, v́i, v́imy, v́iće (но: 3 pl. v́edzom); jim, jiš, ji, jimy, jiće (но: 3 pl. jedzom).

Изъ приведенныхъ примѣровъ два: supa и b́ida отклоняются отъ правила о переходѣ рефлекса об.-п. *ĕ въ ′a предъ твердыми зубными. проф. Брандтъ объясняетъ лит.-польское bieda (при biada) вліяніемъ biedny, а лит.-пол. sepa тѣмъ, что—«звукъ s... отвердѣлъ раньше перехода ѣ въ ia, а условіемъ такого расширенія, кромѣ твердости слѣдующаго согласнаго, повидимому, нужно считать еще и мягкость предшествующаго» Кр. фон. и морф. п. яз. 5 с. или, какъ выражается проф. Флоринскій, «sepa имѣетъ s, вѣроятно, потому, что с неспособно къ смягченію» Лекціи II, 416 с. Однако, находимъ переходъ *ĕ въ ′a въ словахъ: cały, całować, całkiem: sepa могло возникнуть подъ вліяніемъ sepić.

Новое объясненіе предлагаетъ Dr. Lorentz Arch. XXIV, 26 с.: ĕ изъ и.-евр. *ē, болѣе открытое, всюду измѣнялось въ ′a, ĕ изъ индо-евр. oi, ai было болѣе закрытымъ звукомъ и подвергалось тому же измѣненію лишь въ *закрытомъ* слогѣ или въ открытомъ, если было краткимъ, но, *будучи долгимъ, въ открытомъ слогѣ оно* не подвергалось диспалатализаціи («entpalatalisirung»): отсюда—b́éda, séna, césárz, b́és — b́ésa, kob́éta. Правило это удобно объясняетъ указанные факты, но нѣсколько искусственно: въ иныхъ словянскихъ языкахъ ĕ изъ ē и ĕ изъ oi, ai совершенно совпали; только въ польскомъ языкѣ должно было сохраниться различіе; и это различіе сохранилось только при двойномъ условіи: долготѣ и открытости слога; все правило основано на 5 примѣрахъ и въ заключеніе противорѣчитъ ему польское gv́ozda изъ *gv́ēzda, каш. gwiôzda, гдѣ ĕ будучи долгимъ, въ открытомъ слогѣ и изъ дифтонга, — ср. литовское źwaigzdê, — все таки подвергается «диспалатализаціи». Быть можетъ, и въ словѣ v́ánek, — напр. въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 172 с., — долгота является фонетической, въ такомъ случаѣ имѣемъ второй примѣръ, гдѣ ĕ въ открытомъ долгомъ слогѣ изъ дифтонга переходитъ въ ′a (лит. vainíkas).

3. Общепольскія i, y, u.

Гласные i, y, u, исконно долгіе, были получены польскимъ изъ общесловянскаго по крайней мѣрѣ отчасти долгими, отчасти же быть можетъ и краткими (ср. II ч. изслѣдованія); долгими они были внутри словъ въ извѣстныхъ положеніяхъ по отношенію къ главному ударенію слова, а также получались вслѣдствіе вторичнаго удлиненія въ закрытомъ слогѣ.

Въ современномъ польскомъ языкѣ, какъ литературномъ,

такъ и въ народныхъ говорахъ изъ этихъ об.-н. *ī, ū, ȳ находимъ краткіе i, u, y.

Относительно бржезиньскаго говора, гдѣ á и é являются, по свидѣтельству г. Завилиньскаго, долгими, не находимъ никакихъ указаній на долготу при i, u, y.

Въ памятникахъ древнепольскихъ удвоеніе буквы для обозначенія долготы гласнаго, обычное при ā, ē, ō, — очень рѣдкое явленіе по отношенію къ гласнымъ i, u, y (ср. rozuum въ Вислицкомъ статутѣ). Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что ī, ū, ȳ отличались отъ ĭ, ŭ, ў только количествомъ, тогда какъ ā, ē, ō соединяли съ этимъ количественнымъ отличіемъ отъ ă, ĕ, ŏ еще и качественное, слѣд. различіе было ярче. Изъ этого необозначенія долготы при ū, ī, ȳ, конечно, нельзя заключать, чтобы условія сохраненія и сокращенія ихъ были иныя, нежели при ă, ĕ, ŏ.

Съ исчезновеніемъ долготы въ польскомъ вообще, об.-н. ī, ȳ, ū совершенно совпали съ об.-н. ĭ, ў, ŭ, тогда какъ ā, ē, ō сохранили качественное отличіе отъ ă, ĕ, ŏ. Кашубскій, сохранившій вообще различіе между краткими и долгими, сохранилъ его и при u, i (изъ *i и *y).

Гласные i, u въ началѣ слова въ сважендзскомъ говорѣ, какъ и въ говорѣ Miejsk'ой Górki (Rozpr. IX, 137), произносятся безъ придыхательныхъ неслоговыхъ i̯, u̯, которые наблюдаются напр. въ нѣкоторыхъ малопольскихъ говорахъ: зебржидовскомъ Rozpr. IX, 150 с., лясовскомъ Rozpr. VIII, 74 с., бржезиньскомъ Rozpr. VIII, 184, опочиньскомъ Rozpr. XI, 149 с.

Происходитъ ли при этомъ предварительный взрывъ голосовыхъ связокъ («der feste Einsatz») или экспирація начинается при предварительномъ сближеніи ихъ (der leise Einsatz), сказать не могу.

Внутри словъ общепольскимъ является передвиженіе артикуляціи въ слогахъ ky, gy изъ средняго ряда въ передній: въ связи съ переходомъ k, g въ смягченные у измѣнилось въ этихъ сочетаніяхъ въ i.

Обратное передвиженіе артикуляціи изъ передняго ряда въ средній, также общепольское, — въ слогахъ či, ci, ši, ži: отвер-

дѣніе согласныхъ č, c, š, ž и измѣненіе i въ звукъ средняго ряда, который можно обозначить буквой y, хотя, вполнѣ ли этотъ звукъ совпадаетъ съ y въ иныхъ первоначальныхъ сочетаніяхъ, какъ być и т. п., затрудняюсь сказать.

Оба отмѣченныя передвиженія находимъ также въ русскомъ и лужицкомъ языкахъ.

Одной изъ характернѣйшихъ чертъ свакендзскаго говора является рядъ фонетическихъ измѣненій, относящихся къ гласнымъ i, y, u, внутренне между собою связанныхъ: процессы ассимиляціи и диссимиляціи, основанные на особомъ характерѣ артикуляціи согласнаго ł, который я уже описалъ въ началѣ работы. Именно, какъ я отмѣтилъ, ł произносится безъ зубного затвора съ образованіемъ задненёбнаго суженія и округленіемъ губъ; артикуляція его, такимъ образомъ, очень близка къ артикуляціи, какъ гласнаго u, такъ и гласнаго o, что является исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда звуковыхъ измѣненій въ сочетаніяхъ ł съ означенными гласными.

Ср. опредѣленіе небнаго l (velares l), данное Storm'омъ, -у Сиверса: «Storm gibt dagegen an, dass die hintere Zunge gehoben und der ganze hintere Mundcanal verengt werde und dass hierdurch der velare Klangcharakter entstehe; diese Articulation erkläre auch die häufigen Uebergänge des l in u, o»... Sievers[5], 123 c.

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ слова ł измѣняется въ u̯. Это измѣненіе наблюдается и въ формахъ именныхъ (въ им. п. ед. ч.): vuu̯; Michou̯, kou̯ (=kieł), koźu̯ и въ причастныхъ формахъ: fstou̯, dou̯, čytou̯,—въ формахъ ж. р., въ открытомъ слогѣ ł сохраняется: fstała, dała, čytała и т. п.

Какъ видимъ, гласный o (изъ ā) въ формахъ fstou̯, dou̯ и т. п. не подвергается дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Но если согласному ł въ конечномъ закрытомъ слогѣ предшествуетъ гласный y, то происходитъ ассимиляція y слѣдующему u̯ (изъ ł): группа yu̯ (изъ ył) измѣняется въ группу uu̯ (губное округленіе, необходимое для произношенія u̯ производится раньше уже при y, и артикуляція языка, быть можетъ, передвигается нѣсколько далѣе назадъ): buu̯ = był; śe utuu̯; то же при отвердѣвшихъ спирантахъ: pa-

učuu̯, u̯oƀočuu̯, žuu̯ sł̓užuu̯; въ открытомъ слогѣ сохраняется первоначальное сочетаніе ył: była, umyła, žyła, učyła.

Въ сочетаніи iu̯ изъ первоначальнаго ił — i, ассимилируясь слѣдующему u̯, измѣняется въ ü, звукъ лабіализованный передняго ряда; въ этомъ случаѣ ассимиляціи заключается лишь въ передвиженіи во времени губного округленія т. е. округленіе это образуется уже при произношеніи i въ iu̯: zroƀüu̯, prośüu̯, nośüu̯; въ открытомъ слогѣ сохраняется первоначальное ił: zrobiła, prosiła, nosiła.

Возможно, что и въ формахъ ƀuu̯, žuu̯ мы имѣемъ лишь передвиженіе губного округленія во времени т. е. лабіализованное y; но строго отличить этотъ звукъ въ ƀuu̯, žuu̯ отъ u въ иныхъ положеніяхъ я не могъ и потому пишу u. Объ измѣненіи ʼił въ ʼuł ср. маленькую замѣтку проф. Бодуэна де К. въ 1870 г. въ Beiträge VI, 246.

Описанные или же сходные процессы ассимиляціи отмѣчены изслѣдователями и въ другихъ польскихъ говорахъ: великопольскихъ, малопольскихъ, силезскихъ, мазурскихъ, хотя не всегда можно рѣшить, въ какой степени точно они формулированы. А. Петровъ отмѣчаетъ въ добржиньскихъ говорахъ (рыпиньскій и липновскій уѣзды плоцкой губерніи) измѣненіе ił, ył въ iuł, uł: «piułem, biułem, ƀułem» Zbiór II... Неизвѣстнымъ остается, скрывается ли подъ транскрипціей А. Петрова дѣйствительно ʼu или ü, возникла ли форма «biułem» и т. п. подъ вліяніемъ *ƀüu̯ или же переходъ i въ «iu» имѣетъ мѣсто и въ открытомъ слогѣ предъ ł; у Петрова нѣтъ указаній для рѣшенія этихъ вопросовъ; въ текстахъ его находимъ «zgubiłem», «naprawił» 19 с. и. т. п., т. е. литературныя формы.

Изъ малопольскихъ говоровъ въ бржезиньскомъ, по свидѣтельству г. Завилиньскаго -ił, -ył измѣняются въ причастныхъ формахъ прош. вр. на ł въ ʼuw, uw: patřuw, luƀuw Rozpr. VIII, 184 с.; въ зебржидовскомъ говорѣ Rozpr. IX, 151 с. -ił измѣняется въ ʼuw: cyńuw, но -ył въ -yw: «kuřyw» и т. п. Въ этой формулировкѣ такъ же, какъ и относительно добржиньскихъ говоровъ невполнѣ ясно, измѣняется ли i предъ w (= ł) дѣйствительно въ ʼu или же въ ü т. е. лабіализованное i; при первомъ,

буквальномъ пониманіи знака ′u было бы непонятно, почему и «yw» не переходитъ въ -uw; для измѣненія «yw» въ «uw» необходимо кромѣ передвиженія губного округленія во времени также передвиженіе артикуляціи языка; для перехода «-iw» въ üw (üu̯?) нужна лишь лабіализація i.

Въ мазурскихъ говорахъ г. Sembrzycki отмѣчаетъ: biuł = bił; ziuł = żył. Wisła III, 81 c. Изъ силезскихъ говоровъ аналогичное явленіе находимъ въ оппельнскомъ говорѣ, изслѣдованномъ Л. Малиновскимъ («Ueber d. oppeln. M.): patřuu̯, podźeluu̯, причемъ тутъ этотъ процессъ распространяется и на положеніе группы ił въ открытомъ слогѣ: śuu̯a = siła и т. п.. что объясняется тѣмъ, что въ данномъ говорѣ ł и въ открытомъ слогѣ перешло въ u̯. Тоже въ мазурскомъ говорѣ, описанномъ г. Уляновской Zbiór VIII, также и въ закрытыхъ, и въ открытыхъ слогахъ: «robiuł», «postawiuł», «wiuła» (= wiła) «pusćiuła».

Также въ переходныхъ чешско-польскихъ говорахъ — ляшскихъ: ƀuł, ṕuł, nośuł, buł, no biła, piła, była. Rozpravy filologické věnované Janu Gebauerovi Praha 1898, 53 c.

Если процессъ ассимиляціи y, i слѣдующему u̯ въ Свежендзѣ является чертой, болѣе или менѣе распространенной въ польскихъ говорахъ, то совершенно оригинальнымъ явленіемъ представляется наблюдаемый въ немъ процессъ обратнаго характера: процессъ диссимиляціи въ группѣ łu внутри слова.

Близость того и другого элемента въ этомъ сочетаніи дѣлаетъ его неудобнымъ: должно произойти или полное уподобленіе одного другому и затѣмъ сліяніе или же дифференціація двухъ элементовъ.

Первый пріемъ: ассимиляція и сліяніе, дѣйствительно, наблюдается въ нѣкоторыхъ великопольскихъ говорахъ: Кольбергъ отмѣчаетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ putno, mucą, dugo, suma изъ płótno, młócą, długo, słóma Zbiór I, 9 c. Также въ пышницкомъ говорѣ, по свидѣтельству г. Блатта: stuc вм. stłuc chodny вм. chłodny Rozpr. II ser, V т., 381 c.

Въ бржезиньскомъ говорѣ: gupi, dugo, suga, suchać. Rozpr. VIII, 204 с. Въ зебржидовскомъ dugi, dubać, gupy. Rozpr. IX, 171 с. Говоръ сважендзскій избираетъ второй пріемъ: дифференціацію двухъ близкихъ звуковъ, ɫ и u, путемъ уничтоженія губного округленія при второмъ изъ нихъ, измѣненія его въ направленіи къ звуку средняго ряда нелабіализованному—y. Этотъ процессъ захватываетъ, какъ и изъ ó (ō), такъ и и въ соч. ɫu изъ *ъɫ. Не могу съ увѣренностью сказать, происходитъ ли при этомъ дифференціація и въ другомъ отношеніи: въ отношеніи степени и мѣста подъема языка; звукъ, который получается изъ u во второй части сочетанія ɫu, въ акустическомъ воспріятіи колеблется между u^y и y, порой слышится ясно и опредѣленно ɫy: первый элементъ артикулируется съ губнымъ округленіемъ, при переходѣ ко второму оно уничтожается.

Указанное фонетическое измѣненіе замѣчается въ сочетаніи ɫu не во всѣхъ положеніяхъ этого сочетанія: въ Сважендзѣ я слышалъ: ɫyško=ɫuźko; ɫyf=ɫów; ɫyj=ɫój; ɫyć=ɫódź; ɫyno=ɫuno; sɫyńce—sɫynečko; sɫyma; sɫyń=sɫóń; pɫyca, pɫykać; dɫyń; čɫynki; также въ род. п. мн. ч. sɫyf=sɫóv; gɫyf=glóv. Но въ словѣ tɫustyj сочетаніе tɫu мнѣ приходилось обычно слышать неизмѣненнымъ. Также при dɫu^{y}gi нерѣдко слышно отъ лицъ, постоянно употребляющихъ группу ɫy въ иныхъ положеніяхъ, dɫugi.

Аналогичное измѣненіе находимъ въ группѣ u̯u, сравнительно рѣдкой, возникшей изъ u̯o съ приставнымъ u̯, которое является въ Сважендзѣ предъ каждымъ начальнымъ o: мѣстоименныя формы on, ona являются въ Сважендзѣ въ видѣ u̯un, u̯una—изъ u̯un, u̯una, [такъ какъ предъ и вскякое o въ Сважендзѣ измѣняется въ u.] Такимъ же образомъ, род. п. мн. ч. отъ слова око является въ видѣ u̯uč изъ *u̯óč, причемъ самое удлиненіе o является въ данной формѣ нефонетическимъ.

Аналогичный процессъ диссимиляціи будетъ указанъ ниже, въ соотвѣтствующей главѣ въ группѣ ɫo.

Послѣ губно-зубного спиранта v соотвѣтствующаго измѣненія гласнаго u не находимъ: vuja, vdovuf g. pl., krovuf g. pl.

Описанное фонетическое явленіе въ Свяженцзѣ наблюдается, главнымъ образомъ, у лицъ молодого поколѣнія, отчасти людей средняго возраста, но не у стариковъ. Однако выступаетъ оно настолько отчетливо, что игнорировать его невозможно. Совершенно отчетливыя сочетанія ły и ụ слышалъ я въ с. Вѣржонкѣ (Wierzonka) въ 20 километрахъ на сѣверо-востокъ отъ Свяженцза: słyńce, słyń, słyma, młyćić, člynek; ụn, ụna.

4. Общепольскіе носовые.

Польскій языкъ получилъ изъ об.-словянскаго носовые гласные *ǫ и *ę, и тѣже ǫ и ę,—оставляя пока въ сторонѣ діалектическія черты и нѣкоторыя вторичныя явленія въ судьбѣ этихъ звуковъ, — находимъ въ современномъ польскомъ. Однако соотвѣтствіе польскихъ ǫ и ę об.-словянскимъ *ǫ и *ę, какъ извѣстно, не полное: на мѣстѣ об.-сл. *ǫ находимъ въ польскомъ ǫ и ǫ такъ же, какъ и на мѣстѣ об.-сл. *ę —ʹǫ, ʹę. Разъясненію процесса измѣненій, конечнымъ результатомъ котораго является настоящее употребленіе об.-сл. *ǫ и *ę въ польскомъ, удѣлилъ свое вниманіе цѣлый рядъ ученыхъ.

Ср. L. Malinowski «Ueber die oppeln. M.» 1873 г., 26—27 сс.; проф. Бодуэнъ де К. Beiträge VIII, 1876, 203 с.; проф. Потебня «Къ исторіи звуковъ» 209—220 и въ Arch. III, 614 и слѣд. изъ той же книги; въ статьѣ «Ueber einige Erscheinungen des slavischen Palatalismus» Arch. III, 371 s.; проф. Калина «Ueber die Schreibung der Nasalvocalen in den altpolnischen Denkmälern» Arch. IV, 29 с.; проф. Нерингъ Arch. V, 138 с.; D-r Leciejewski въ Arch. VI, 520 с. и «Der Lautwerth der Nasalvocale im altpolnischen» Wien 1886 г.; проф. Брюкнеръ въ Arch. VIII, 596 с. X, 261 с.; ак. Ягичъ Arch. V, 138 с.; 170 с. X, 248 с.; проф. Миккола Betonung und Quantität 3—10 с.; D-r Lorentz Arch. XXIV, 4—6, 28—33 сс. Взгляды г. Крыньскаго «Носовые звуки въ славянскихъ языкахъ» 36—92 сс. и г. Kolařʼa «O nosowkách polabských a jich poměru k polským a staroslovanským» Čas. Č. M. 1875 г. въ дальнѣйшемъ изложеніи опускаю въ виду ихъ малоцѣнности.

По мнѣнію проф. Потебни, об.-сл. носовые совпали въ древнепольскомъ въ одномъ носовомъ а, которое при удлиненіи дало ǫ, въ остальныхъ же случаяхъ сохранилось, какъ ą, въ оппельнскомъ и было ослаблено въ ę въ литературномъ языкѣ «Къ ист.

звуковъ». Подкрѣпленіе своей мысли проф. Потебня видѣлъ въ русскомъ *я*, чешскомъ, словацкомъ, верхне-лужицкомъ ′a изъ *ę.

Л. Малиновскій исходилъ для польскихъ рефлексовъ *ǫ, *ę изъ ą и ę, которымъ отвѣчали въ долгихъ слогахъ ą̄, ę̄. Оба долгіе — ą̄ и ę̄ дали ǫ. Въ виду такого совпаденія, а также уничтоженія различія между мягкими и твердыми слогами, оба краткихъ — ą̆ и ę̆ смѣшались, изъ этого смѣшенія въ малопольскомъ — ę, въ другихъ говорахъ, какъ мазурскіе, — ą. Противъ произвольнаго предположенія смѣшенія ą и ę и потери различія мягкости и твердости возражалъ проф. Бодуэнъ де-К. Beitr. VIII. Самъ критикъ предполагалъ то же измѣненіе ę въ ǫ, но не въ виду долготы ę: онъ ставитъ этотъ переходъ въ параллель переходу ′e въ ′o; съ другой стороны имъ предполагается переходъ ą въ ę, какъ болѣе легкій физіологическій звукъ.

Мнѣніе проф. Потебни было принято проф. Нерингомъ Arch. V, 138 и д-ромъ Лецѣевскимъ, который попытался обосновать этотъ взглядъ детальнымъ анализомъ древнепольскихъ памятниковъ.

Противъ излишняго довѣрія древнепольской графикѣ одновременно возражали проф. Брюкнеръ и ак. Ягичъ; указывая на неразличеніе въ др.-п. памятникахъ c и cz, y и i, c и k, проф. Брюкнеръ считаетъ грубой методологической ошибкой ожидать въ этихъ памятникахъ болѣе точнаго различенія чуждыхъ латыни носовыхъ гласныхъ Arch. X.

Тоже Бодуэнъ де К. «О древне-польскомъ языкѣ до XIV в.» 1870 г., 81 с.

Въ древне-польскомъ были лишь носовые ę, ′ę, ǫ, ′ǫ, и діалектическое ą современнаго польскаго языка (силезское) — явленіе новое Arch. VIII.

Проф. Брюкнеръ принимаетъ также совпаденіе об.-сл. *ę и *ǫ въ одномъ носовомъ, но это совпаденіе — въ звукѣ ę, точнѣе носовомъ гласномъ между ą и ę, — онъ переноситъ на эпоху доисторическую (приблизительно 900—1000 гг.). Альтернацію этого «ę — звука» — ǫ — ę, въ зависимости отъ количества,

предполагаютъ уже древнѣйшіе памятники польскаго языка Arch. X.

Одновременно съ проф. Брюкнеромъ, ограничивая значеніе показаній древнихъ памятниковъ, ак. Ягичъ полагалъ, что, если въ древнепольскомъ не было еще ę изъ *ǫ, то уже были два различавшіеся количествомъ рефлекса об.-сл. *ǫ: ǫ и ą: это ą приблизительно въ XV вѣкѣ перешло въ ę; точно такъ же кажется ак. Ягичу невѣроятнымъ, что об.-сл. *ę являлось въ древнепольскомъ исключительно въ видѣ ′ą; подъ многими графическими ian скрывалось ię, которое является первоначальнымъ рефлексомъ об.-сл. *ę въ польскомъ языкѣ; было въ древнепольскомъ рядомъ съ ię и ią, но оно возникло изъ ię при извѣстныхъ условіяхъ, какъ положеніе предъ твердымъ слогомъ или «тоническое концентрированіе, какъ въ żąć, jąć вм. żęci, jęci» Arch. X.

Указанія проф. Потебни на ′a, какъ рефлексъ *ę въ другихъ, ближайшихъ къ польскому, языкахъ ак. Ягичъ признаетъ лишь по отношенію къ русскому; въ чешскомъ и в.-лужицкомъ ia вторично; первоначальнымъ является вообще положеніе предъ мягкимъ слогомъ ср. biały и bielić, niosę и niesiesz; словацкое ia является въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при предшествующемъ согласномъ развился j (i), послѣ губныхъ сохраняется ä: mäso; нижне-лужицкій говоритъ въ пользу ie изъ *ǫ.

Такимъ образомъ, критическія замѣчанія ак. Ягича, направленныя противъ схемы развитія польскихъ носовыхъ, предложенной проф. Потебней и принятой проф. Нерингомъ и Лецѣевскимъ, даютъ новое представленіе процесса этого развитія, отличное отъ схемы проф. Брюкнера.

Первая схема можетъ быть представлена слѣдующимъ образомъ:

об.-сл. *ǫ, об.-сл. *ę > др.-п. ą : ą̄ (′ą̄) → п.-п. ǫ (′ǫ); ą̆ (′ą̆) → п.-п. ę (′ę).

Схема проф. Брюкнера имѣетъ видъ:

об.-сл. *ǫ, об.-сл. *ę > въ X вѣкѣ ą̈ : ą̄̈ (′ą̄̈) → др.-п. ǫ (′ǫ) — п.-п. ǫ, ′ǫ; ą̆̈ (′ą̆̈) → др.-п. ę (′ę) — п..п. ę, ′ę.

Схематизируя замѣчанія ак. Ягича, получаемъ:

об.-сл. *ǫ → др.-п. ą, ǫ (изъ ą̄?) → въ XV в. ę (изъ ą), ǫ → н.-п. ę, ǫ

об.-сл. *ę → др.-п. ′ę ⟨ ′ę . . . . . ; ′ą . . . . . .

Ак. Ягичъ не предполагаетъ полнаго совпаденія об.-сл ǫ и ę, такъ какъ въ извѣстномъ положеніи ′ę остается всегда ′ę, но частичное совпаденіе имѣетъ въ виду и его схема: такъ какъ древнепольское *ǫ изъ об.-сл. *ǫ естественнѣе всего восходитъ къ болѣе древнему ą̄, то происходитъ совпаденіе рефлексовъ об.-сл. *ǫ:—ą и ą̄ съ рефлексомъ об.-сл. *ę въ извѣстныхъ условіяхъ (твердость слѣдующаго слога или «тоническое концетрированіе»), — ′ą.

При указанныхъ попыткахъ объяснить развитіе польскихъ носовыхъ, былъ мало затрагиваемъ вопросъ, какъ относятся въ данномъ случаѣ къ польскому ближайшіе къ нему языки, — кашубскій и полабскій. Этотъ пробѣлъ пополнили въ недавнее время проф. Миккола Beton. und Quant. и д-ръ Лоренцъ Arch. XXIV.

О положеніи полабскаго языка въ вопросѣ проф. Миккола высказывается малоопредѣленно.

«Schleicher und Brückner legen beide und mit Recht grosses Gewicht auf die analoge Vertretung der Nasalvocale im Polnischen und Polabischen»... 3 c. im polabischen — «dem urslavischen ǫ in unbetonter Stellung ą, in betonter meistens ǫ, selten ą entspricht. Ebenso wird das ursl. ę durch ą und i̯ǫ vertreten.... Diese Vertretung deckt sich nur zum Theil mit derjenigen in polnischen, vorausgesetzt, dass ą dem poln. ę, ię, und ǫ, i̯ǫ dem poln. ą, ią entspricht.» 4 c.

Наоборотъ, вполнѣ опредѣленно отрицаетъ д-ръ Лоренцъ всякое соотвѣтствіе между полабскими и польскими носовыми: въ то время, какъ польскіе ę и ǫ являются въ зависимости отъ отношеній количественныхъ, въ полабскомъ д-ръ Лоренцъ находитъ ясный законъ: об.-сл. *ę предъ твердыми зубными и l является въ видѣ ′ǫ, предъ «гуттуральными», первоначально мягкими согласными и въ концѣ слова—въ видѣ ą Arch. XXIV, 4 c.

Долженъ замѣтить, что этотъ законъ д-ра Лоренца можетъ

считаться столь-же доказаннымъ, сколько и обратное утвержденіе о количественныхъ основаніяхъ въ постановкѣ полабскихъ ǫ и ą.

Во первыхъ, значительная часть примѣровъ, соотвѣтствующихъ открытымъ д-ромъ Лоренцомъ условіямъ, такъ-же хорошо соотвѣтствуетъ и принципу количественныхъ различій: ср. полаб. dėśǫ́ty, pǫ́ty, dėvǫ́ty и dėsą́t, dėvą́t, pą́t съ польскими dźesiąty, dźevíąty, píąty и dzesięć, gźevięć, pięć; также полаб. dėsątarǘ, dėvątdėśǫ́t, dėvątnadist, dėvątarǘ, pątdėśǫ́t, pątarǘ съ польскими dziesięcioro, dźevięcioro, dzieviętnascie, dźiewięćdziesiąt, pięćdziesiąt, pięcioro; полабское zą́t и пол. zięć; полаб. pojącaiña и пол. pajęczyna; полаб. tilą râmą, stiną, jodńą и т. д. съ польскими cielę ramię и т. д. Если польское различіе между ą и ę въ указанныхъ примѣрахъ самъ Лоренцъ объясняетъ принципомъ количественнымъ, то отчего тотъ же принципъ неприложимъ къ полабскому? Установленнымъ г. Лоренцомъ правиламъ сохраненія и потери долготы въ польскихъ носовыхъ отлично соотвѣтствуютъ и полабскія формы acc. s. f.: zimą, nidëlą и т. п., формы 1 s. pr.: ricą, püją, plocą и т. п., формы plǫ́sat, plǫ́sal ср. русское: плясáть, плясáлъ. Нѣкоторыя разногласія между польскимъ и полабскимъ возможны и естественны; такія разногласія, сводящіяся къ діалектическимъ колебаніямъ въ количествѣ и еще глубже къ колебаніямъ акцента, замѣчаются и между кашубскимъ и польскимъ, хотя вообще и тотъ, и другой языкъ подчиняются однимъ правиламъ въ сохраненіи долготы. Мало удивительно поэтому полабское gŕǫda при польскомъ grzęda: ср. русское грядá, шток. gréda, но въ чаковскомъ при grēdà и gréda.

Къ убѣжденію въ количественномъ основаніи различія между полабскимъ ǫ и ą на основѣ изученія источниковъ пришелъ и В. К. Поржезинскій Изв. VII 2, 201—202 с.

Во-вторыхъ, д-ру Лоренцу приходится давать произвольныя объясненія цѣлому ряду отступленій отъ его закона: въ blaizą̀ta, jognąta -ą взято изъ единственнаго числа; svąty°, можетъ быть, не им. ед. ч., но им. мн. ч. или нарѣчіе; pǫsė — новообразованіе

по образцу ṕǫsat, jǫtrėny^{e} имѣетъ ǫ изъ jǫ́tra.... Если къ этому присоединить общую шаткость и неполноту матеріала, который мы имѣемъ въ грамматикѣ Шлейхера, то законъ д-ра Лоренца окажется очень слабо обоснованнымъ, и, мнѣ кажется, слѣдовало бы устранить на время полабскій совершенно изъ круга нашихъ разсужденій, пока мы не получимъ болѣе полныхъ и критически очищенныхъ фактическихъ данныхъ.

Относительно кашубскаго — проф. Миккола отмѣчаетъ явленіе, которое отличаетъ его отъ польскаго: здѣсь польскимъ ę, ię отвѣчаетъ — ą, ią и польскимъ ą, ią — ǫ, iǫ, но на мѣстѣ об.-сл. *ę въ извѣстныхъ условіяхъ: именно *предъ первоначально мягкимъ слогомъ* въ кашубскомъ находимъ: въ краткихъ слогахъ ë, въ долгихъ ī: польскому zięć соотвѣтствуетъ zëc, польскому jąć — jīc, польскому żąć — žīc и т. п.

Указанное кашубское явленіе признаетъ и Dr. Lorenz, объясняя нѣкоторыя отступленія отъ правила вліяніемъ польскаго языка. Arch. XXIV.

Проф. Миккола переноситъ ту двойственность, въ какой является об.-сл. *ę на кашубской почвѣ, на древнепольскій, видя въ кашубскомъ явленіи подтвержденіе мысли ак. Ягича, что об.-сл. *ę являлось въ древнепольскомъ въ видѣ ′ę и ′ą, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій.

Въ древнѣйшую эпоху жизни польскаго языка, говоритъ проф. Миккола, «рефлексомъ прасловянскаго ę было, вѣроятно ą̈», подобно тому, какъ основнымъ звукомъ польскихъ ie : ia изъ прасловянскаго ě нужно предполагать e͜a или i̯ä. Такъ же, какъ i̯ä дало съ одной стороны ′a, ′ā (др.-п. iá, каш. ′ô), съ другой стороны ′e, ′ē (др.-п. ié, каш. ′ẽ), такъ изъ ą̈ развилось съ одной стороны ′ą, ′ą̄ (каш. ′ǫ), съ другой — ′ę, ′ę̄ (каш. ë, i).

«Sowie für poln. ie : ia aus ursl. ě als Grundlaut e͜a oder i̯ä anzusetzen ist, so ist der Vertreter des ursl. ę *im ältesten Polnisch* wohl ą̈ gewesen. Ebenso wie i̯ä einerseits ′a, ′ā (ap. iá, kasch. ′ô), andererseits ′e, ′ē (ap. ié, kasch. ′ẽ) gegeben hat, so hat sich aus ą̈ einerseits ′ą, ′ą̄ (kasch. ′ǫ) andererseits ′ę, ′ę̄ (kasch. ë, ī) entwickelt. Ursl. ǫ wird dagegen nur durch ą, ǫ vertreten, weil a überhaupt im Polnischen dem Einflusse der folgenden Silbe nicht unterliegt». Beton. und Quant. 7 c.

Это *ą̇ изъ об.-сл. ę (ср. ę — звукъ, лежащій между ą и ę, проф. Брюкнера) проф. Миккола возводитъ затѣмъ въ степень обще-ляхитскаго рефлекса *ę: изъ него въ полабскомъ ′ą, въ польскомъ ′ę, въ кашубскомъ ′ą и ′ę; общеляхитскимъ рефлексомъ *ǫ — было ą, которое въ польскомъ въ долгихъ слогахъ перешло въ ǫ чрезъ посредство ą̄, а въ краткихъ измѣнялось въ ę, удержавшись, какъ ą, въ силезскихъ говорахъ.

«In der ältesten Periode der lachischen Spracheinheit waren die Vertreter der urslavischen ǫ und ę auseinandergehalten: jenem entsprach ą, diesem ′ą̇, aus welchem letzeren in einem Teil des Sprachgebietes ′ą, in einem anderen ′ę, in einem dritten (Kasch) ′ą und ′ę sich entwickelt haben. Für diese Ansicht spricht der schlesische Dialekt, wo ursl. ǫ als ą, ursl. ę als ′ę erscheint (Malinowski Die oppelnische Mundart 20 ff.). Den Übergang von ą zu ę, der einem sehr grossen Teil des polnischen Sprachgebietes eigen ist, möchte ich mit der geschlossenen ä — ähnlichen Aussprache des Kurzen a in Zusammenhang bringen». Beton. und Quant. 8 c.

Мы видимъ, что взглядъ проф. Микколы на судьбу об.-сл. *ǫ въ польскомъ совпадаетъ съ представленіемъ проф. Потебни и ак. Ягича:

об.-сл. *ǫ → др.-п. ą̇, ą̄, откуда — ą, ǫ въ силезскихъ говорахъ; ę, ǫ въ остальныхъ, въ виду перехода ą въ ę.

Затѣмъ то, что говоритъ проф. Миккола о судьбѣ об.-сл. *ę, не даетъ яснаго представленія: съ одной стороны изъ общеляхитскаго ą̇ въ польскомъ является ′ę, съ другой стороны, — признаніе мысли ак. Ягича, что въ древне-польскомъ об.-сл. *ę являлось, какъ и въ кашубскомъ, въ видѣ ′ę и ′ą и параллелизированіе судьбы об.-сл. *ę и *ě — на польской почвѣ *ą̇ и *ä.

Это параллелизированіе прекрасно подходитъ къ кашубскому, но совершенно не подходитъ къ польскому.

Въ польскомъ *′ä (=*ě) долгое въ положеніи предъ мягкимъ первоначально слогомъ даетъ ′é (i): ср. приведенные въ главѣ объ ě примѣры: zminić, stšylać, gžyšyć, sić — sići, ḿić — ḿed͡ži. Въ тѣхъ же условіяхъ *ą̇ (изъ *ę) не даетъ ожидаемаго *′ę или *i̯, но ′ǫ: tšǫść, pšǫść, ćǫć.

Развитіе кашубскихъ носовыхъ можно представить себѣ безъ совпаденія *ę и *ǫ въ одномъ рефлексѣ:

об.-сл. *ǫ → *ą̄ { ą̄ → ǭ ; ą̆ → ą }

об.-сл. *ę → *ą̄̆ { ą̄̆ — { ą̄ предъ твердымъ слогомъ → ǭ ; ę̄ предъ мягкимъ слогомъ → (ī) ī } ; ą̆̆ — { ą̆ предъ твердымъ слогомъ → ą ; ę̆ предъ мягкимъ слогомъ → ë. }

Наоборотъ, исходя изъ тѣхъ же рефлексовъ об.-сл. *ǫ и *ę, которые мы принимаемъ за начальный пунктъ для кашубскаго: *ą и ą̆, мы неминуемо придемъ къ совпаденію этихъ рефлексовъ въ польскомъ языкѣ, въ одинъ изъ моментовъ дальнѣйшаго ихъ развитія. Предположимъ вмѣстѣ съ ак. Ягичемъ, что об.-сл *ę являлось въ древнѣйшую эпоху жизни польскаго языка въ видѣ ˊę (или ˊą̆) и затѣмъ въ положеніи предъ твердымъ слогомъ или при «тоническомъ концентрированіи» измѣнялось въ ˊą; въ приведенныхъ формахъ trzǫść, prząść, ćǫć носовой находился предъ мягкимъ слогомъ; формы эти восходятъ, конечно, не къ *tręsti, *pręsti, *tęti, но къ *tręsti, *pręsti, *tęti; при этомъ отпаденіе конечнаго ь никакого вліянія не имѣло: какъ мы увидимъ позже, при спеціальномъ изслѣдованіи происхожденія польской долготы, такое удлиненіе имѣло мѣсто въ польскомъ лишь тогда, когда слогъ замыкалъ звонкій согласный.

Основанія для появленія ˊǫ изъ об.-сл. *ę количественныя: долгота обусловливалась, повидимому, положеніемъ носового предъ старымъ удареніемъ; относительно trzǫść согласныя показанія даетъ русскій и сербскій: р. *трясти́*, с. trésti; ćǫć ср. съ р. пстять; *pręsti могло имѣть удареніе на конечномъ ь по аналогіи другихъ глаголовъ этого класса.

Если-бы измѣненіе ˊę въ ˊǫ было вызвано положеніемъ предъ твердымъ слогомъ, то такой переходъ былъ бы очень вѣроятенъ: ср. v́edę — v́odę, ńesę — ńosę и т. п. Но разъ основанія этого измѣненія квантитативныя, непосредственный переходъ ˊę̄ въ ˊǭ является неправдоподобнымъ. Всѣ измѣненія гласныхъ, связан-

ныя съ долготой, въ польскомъ и кашубскомъ характеризуются однимъ и тѣмъ же направленіемъ: *вертикальнымъ передвиженіемъ артикуляціи*; данный гласный переходитъ *въ болѣе высокій гласный того же ряда:* ā > ō; ō > ū, ē > ī, откуда позже ŏ, ŭ, ĭ; въ кашубскомъ по тому же правилу ę̄ даетъ ī чрезъ посредство *į̄; тѣмъ же объясняется то обстоятельство, что гласные *ī, *ȳ, *ū остаются гласными i, y, u, такъ какъ каждый изъ нихъ представляетъ наиболѣе высокій подъемъ артикуляціи въ своемъ рядѣ. Горизонтальнаго передвиженія артикуляціи не замѣчаемъ при этомъ нигдѣ: увеличивается степень подъема, но мѣсто его остается тоже самое.

Уже проф. Бодуэнъ де К. вѣрно замѣтилъ: «das ę kann sich nur in ę̇... und endlich in į verengen, nie aber in.... o̧» Beitr. VIII 203 c. Но это вѣрное соображеніе повело лишь къ параллелизированію перехода ′ę > ′o̧ и ′e > ′o. Отчего же въ такомъ случаѣ mięso не дало *mo̧so, какъ ńesę — ńosę?

Такимъ образомъ, форма trzęść изъ *trę̄stь понятна только при предположеніи посредствующей ступени: tŕą̄stь; ′ǫ изъ об.-сл. *ę предполагаетъ болѣе раннее ′ą̄. А такъ какъ въ измѣненіи *ę̄ въ ′ą̄ долгота не можетъ имѣть значенія, то такое же измѣненіе мы должны предполагать и въ ę̆ т. е. между современнымъ ′ę и об.-сл. *ę принять посредствующую ступень ′ą. Эта посредствующая ступень не зависѣла ни отъ качества слѣдующаго слога, ни отъ «тоническаго концентрированія», какъ показываютъ формы trzęść, przęść, но являлась при всѣхъ условіяхъ. Развѣтвленіе об.-сл. *ę на ′ę при однихъ условіяхъ, ′ą при другихъ, предполагаемое ак. Ягичемъ, кажется мнѣ невѣроятнымъ. Съ другой стороны, и современное п. ǫ, соотвѣтствующее об.-сл. *ǫ, легко возводится къ *ą̄, а на измѣненіе об.-сл. *ǫ въ ą указываетъ кашубскій.

Мы возвращаемся, слѣд., къ мысли проф. Потебни.

Гипотеза проф. Брюкнера маловѣроятна въ виду только что высказанныхъ соображеній объ общемъ направленіи звукоизмѣненій, связанныхъ съ долготой: предполагаемый проф. Брюкнеромъ переходъ *ą̈, — такъ можно, кажется, транскрибировать

«ę — звукъ» проф. Брюкнера, лежащій между ą и ę, — въ ǫ является слабой стороной его гипотезы.

Наоборотъ, вполнѣ возможенъ и вѣроятенъ переходъ об.-сл. *ę въ *ą чрезъ посредство *ą̈; въ этомъ случаѣ достаточно хотя бы указанной проф. Потебней аналогіи русскаго языка, предполагающаго такой же процессъ: *ę > *ą̈ > *ą > a, — независимо отъ качества слѣдующаго слога.

Первоначальнымъ замѣстителемъ об.-сл. *ę въ чешскомъ акад. Ягичъ Arch. XVI, 510—512 считаетъ ia; иначе акад. Шахматовъ: pęta — pi ąta — pi ata въ чешско-словацкую эпоху, затѣмъ въ туже эпоху ia (изъ *ę) измѣнилось въ ä, откуда въ чешскомъ a предъ твердыми, e предъ мягкими согласными и въ концѣ слова; для верхне-лужицкаго ак. Шахматовъ принимаетъ также переходъ ę, «хотя бы и чрезъ посредство ä, въ a, которое какъ и всякое первоначальное a (въ положеніи послѣ смягченной согласной) измѣнялось предъ смягченными согласными въ é (e закрытое), а въ конечномъ открытомъ слогѣ въ o». Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 году, 67; 71 сс. Разсмотрѣніе этихъ спорныхъ вопросовъ о чешскихъ и в.-лужицкихъ рефлексахъ *ę оставляю въ сторонѣ, такъ какъ считаю достаточной для польскаго аналогію русскаго измѣненія *ę.

Иной вопросъ, къ какой эпохѣ пріурочить измѣненіе об.-сл. *ę въ польское *ą. Оставляемъ въ полной силѣ возраженія ак. Ягича и проф. Брюкнера противъ довѣрія польской графикѣ. Пусть an, am, ą, древнепольскихъ памятниковъ скрывало подъ собой и ǫ и ę. Грамоты XII—XIII в., какъ видимъ изъ примѣровъ, приведенныхъ проф. Бодуэномъ де-Куртене («О др.-п. языкѣ» 20 с.), употребляя преимущественно an, am на мѣстѣ *ǫ и *ę знаютъ также и en, em, on, om; слѣд. совпаденіе *ǫ и *ę падаетъ на доисторическую эпоху въ жизни польскаго языка. Возможно, что и графическая традиція имѣла за собой фактическія основанія. Но если и не придавать никакого значенія фактамъ графики, то предположеніе совпаденія *ǫ и *ę въ носовомъ *ą (ą̈, ą̄, ą́, ą̃) является, въ виду приведенныхъ выше соображеній, наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ фактовъ.

Что касается измѣненія *ą въ ę, то проф. Потебня допускалъ уже для XI—XII вѣка измѣненіе первоначальнаго *ą діалектически въ ę; быть можетъ къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести и измѣненіе *ą въ ę (*rąka > ręka), которое ак. Ягичъ

относилъ къ XV в. Arch. X: въ примѣрахъ изъ грамотъ XII—XIII в. находимъ и en, em изъ об.-сл. *ǫ. О др.-п. яз. 81 с.

Проф. Миккола ставитъ это измѣненіе въ связь («möchte ich in Zusammenhang bringen» Beton. und Quant. 8 с.) съ закрытымъ характеромъ произношенія ă (какъ ä); связь между этими двумя процессами врядъ ли можно утверждать, такъ какъ измѣненіе ą въ ę свойственно всей или почти всей территоріи польскаго языка (спорный пунктъ — силезскіе говоры), измѣненіе же ă въ направленіи къ ä — явленіе діалектическое, но послѣднее сохраняетъ значеніе аналогіи для перваго. Не умѣю подыскать такой аналогіи для предполагаемаго проф. Брюкнеромъ перехода *ǫ въ ą̈ (ę — звукъ, лежащій между ę и ą) — въ X в. Притомъ указанія кашубскаго языка заставляютъ насъ исходить изъ *ą на мѣстѣ об.-сл. *ǫ, изъ *ą̈ на мѣстѣ об.-сл. *ę.

Дальнѣйшій переходъ *′ą̈ въ *′ą фонетически естествененъ и поддерживается аналогіей русскаго языка (′а < *′ą < ′ą̈ < *ę).

Въ результатѣ всего вышеизложеннаго, наиболѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется слѣдующее гипотетическое пониманіе того процесса, какимъ об.-сл. *ǫ и *ę измѣнились въ польскіе ǫ, ′ǫ въ долгихъ слогахъ, ę, ′ę въ краткихъ:

об.-сл. *ǫ → (полабско-?) каш.-пол. *ą̄ →

→ пол. *ą̄ до XI—XII вв. { *ą̄ → др.-п. ǭ → н.-п. ǫ ; *ą̆ → др.-п. ę → н.-п. ę }

об.-сл. *ę → каш.-пол. *′ą̈̄ → пол. *′ą̄ до

XI—XII вв. { ′ą̄ → др.-п. ′ǭ → н.-п. ′ǫ ; ′ą̆ → др.-п. ′ę → н.-п. ′ę }

Съ вопросомъ о томъ, считать ли измѣненіе *ą въ ę общепольскимъ, — въ связи вопросъ о происхожденіи силезскаго ą на мѣстѣ ę другихъ говоровъ. Проф. Брюкнеръ считаетъ это ą новымъ. Arch. VIII, 596 с.; изъ примѣровъ en, em на мѣстѣ об.-сл. *ǫ въ грамотахъ XIII в. проф. Бодуэнъ де-К. «о др.-п. яз.» 80 с. приводитъ 4, относящихся къ силезскому нарѣчію: Menca 1250 г., menchic 1260 г., Cempca 1286, Nenkero; послѣднее неясно; но при этомъ «нужно принять въ разсчетъ неточное разграниченіе говоровъ и заимствованіе изъ одного говора въ другой», по словамъ самого проф. Бодуэна де-К. ibid. 82 с. Во всякомъ

случаѣ переходъ *'ą въ 'ę имѣетъ мѣсто и въ силезскихъ говорахъ. Нѣкоторыя отступленія—результатъ аналогіи: такъ оппельнскія boją śe, biją 1 s. pr.— подъ вліяніемъ mogą, idą и т. п.; acc. s. chvilą — подъ вліяніемъ rąką, gorą; наоборотъ, въ gen. s. сохраняется 'e изъ 'ę: studńe, kurńe; также въ формахъ: mńe, će, śe изъ mńę, ćę, śę. N. s. n. lvą, kśǫžą, ćelą. L. Malinowski Oppeln. M. 23 с. объясняетъ вліяніемъ acc. s. f. a — темъ (rąką и т. п.); но такая аналогія невѣроятна; можетъ быть, фонетическимъ было ą въ силезскихъ kśǫžą, dźevčą въ связи съ отвердѣніемъ шипящихъ; по аналогіи этихъ формъ — lvą, ćelą и т. п. Во всякомъ случаѣ въ иныхъ силезскихъ говорахъ и въ этихъ формахъ существуетъ 'e изъ 'ę: dźeće Rozpr. IX, 283 с.

Въ зависимости отъ твердости согласнаго находится, вѣроятно, и ą въ формѣ přecą = przed się: c изъ ć, которое — изъ d-ɨ-ś (чрезъ посредство tś); не опредѣляю, явилось ли ą изъ ę подъ вліяніемъ твердости c, какъ въ rąka изъ *ręka или наоборотъ: переходъ *ą въ ę не совершился въ виду твердости c, какъ онъ совершился въ śe изъ śę.

Что касается заимствованныхъ словъ съ носовымъ гласнымъ, какъ dzięk- dziękować нѣм. Dank, wędrować нѣм. wandern, то особаго значенія въ вопросѣ они не имѣютъ; въ словѣ dzięk смягченіе d въ dź предполагаетъ очень раннее заимствованіе, — въ эпоху до совпаденія об.-сл. *o̯ и *ę въ одномъ ą,— въ формѣ *dęk- или *dąk-, откуда *d'ąk-, d'ąk-, d'ęk-, dźęk-, а въ кашубскомъ dzek (Ramult); ср. ciężki изъ *tęžъkyj; будучи заимствовано въ эпоху совпаденія об.-сл. носовыхъ въ *ą, слово дало бы: *dęk, какъ *rąka дало ręka. Наоборотъ, слово wędrować, вѣроятно, заимствовано позже съ носовымъ въ формѣ *ą, откуда затѣмъ ę; изъ стараго *ę было бы 'ę: ср. więcej и т. п.

Остается вопросъ, въ зависимости отъ какихъ условій развились изъ предполагаемаго одного об.-п. носового современные ę и ǫ. Миклошичъ въ извѣстной работѣ «о долгихъ гласныхъ въ славянскихъ языкахъ» Denkschr. XXIX предполагалъ въ об.-сл. *ǫ и *ę — ǫ, ę краткіе и ǫ, ę долгіе и выводилъ изъ об.-сл. *ǭ — *ę̄ польское ą (ǫ), изъ об.-сл. *ǫ̆ — *ę̆ польское ę. Такая точка зрѣнія должна быть признана несостоятельной въ виду того, что мы такимъ образомъ не получаемъ устойчивыхъ основаній для опредѣленія об.-сл. долгихъ и краткихъ ǫ — ę: какъ указалъ г. Лорецъ Arch. XIX 133 с., мы не можемъ въ виду сербскаго rúka, словинскаго rôka, чешскаго ruka, польскаго ręka заключать ни къ об.-сл. rǭka, ни къ об.-сл. rǫ̆ka. И такихъ примѣровъ много: ср. серб. pûto, и чеш. pouto; с. dûb и ч. dub; с. mûž и ч. muž; с. zûb и ч. zub и т. п. Такимъ образомъ, отъ сведенія польскаго различія между ǫ и ę къ количественному различію общесловянскихъ носовыхъ приходится отказаться и

искать условій количественнаго различія между польскимъ ǫ и ę въ отдѣльной жизни польскаго языка. Съ точки зрѣнія проф. Лескина, признающаго об.-сл. носовые долгими и ищущаго условія ихъ сокращенія въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ въ положеніи и качествѣ первоначальнаго ударенія, польскіе носовые изслѣдованы были г. Лоренцомъ Arch. XIX, и выводы его съ незначительными поправками, какъ увидимъ во второй части настоящей работы, должны быть признаны вѣрными.

Польскіе ǫ и ę изъ об.-сл. *ǫ и *ę, *ę въ современныхъ говорахъ подвергаются вторичнымъ измѣненіямъ, *общее направленіе* которыхъ характеризуется двумя моментами: 1) подъемомъ артикуляціи и 2) передвиженіемъ во времени отвора въ носовую полость.

Первый моментъ измѣняетъ носовые гласные ǫ — ę (*ǫ — *ę) въ звуки, болѣе высокіе своего ряда: ę (*ę) измѣняется въ направленіи къ ų (į), ǫ (*ǫ) — въ направленіи къ ų (*ų). Второй моментъ первоначально заключается въ томъ, что отворъ въ носовую полость, производимый во время артикуляціи гласныхъ o — e, удерживается на мгновеніе и по окончаніи ея; во второй стадіи этого передвиженія отворъ въ носовую полость производится позднѣе артикуляціи гласныхъ o — e.

Оба момента въ указанномъ звуковомъ передвиженіи (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ) тѣсно связаны, такъ какъ измѣненіе o — e въ направленіи къ u—i затрудняетъ образованіе носовыхъ гласныхъ.

Въ зависимости отъ положенія носовыхъ гласныхъ въ словѣ, передвиженіе это даетъ различные результаты, а различные говоры представляютъ различныя стадіи въ процессѣ передвиженія.

Въ концѣ слова носовой ę теряетъ носовой резонансъ, причемъ, обычно, не замѣчается даже подъема артикуляціи; это

измѣненіе, характеризующее всѣ нарѣчія и говоры польскаго языка, извѣстно и литературой рѣчи ср. Mater. i prace I 1, 104 с. Наоборотъ, конечное ǫ въ литературной рѣчи сохраняетъ ринезмъ ibid., въ говорахъ же находимъ чистое o или om, чаще послѣднее.

Такъ, o является въ говорахъ прусскихъ мазуровъ Wisla III, 82 с. Spraw. V, 81 с., а изъ малопольскихъ — въ пышницкомъ говорѣ, описанномъ Блаттомъ въ Rozpr. II ser. V т. 379 с.; om — въ малопольскихъ говорахъ: опочиньскомъ Rozpr. XI, 162 с., писаржовицкомъ Spraw. IV, 7 с., страдомскомъ (bedom, dadzom) Zbiór XVII, 33 с., велуньскомъ и радомскомъ (kolacyjom gotowanom, sukniom) Zbiór IV, 194—195; изъ великопольскихъ om находимъ въ говорѣ Мѣйской Гурки Rozpr. IX, 126 с. Въ нѣкоторыхъ говорахъ изслѣдователи отмѣчаютъ рядомъ то и другое: въ текстахъ, относящихся къ зебржидовскому говору, находимъ: zmáv̓ajom, śp̓ewajo 3 pl. pr., prowadzom и prowadzo; za řyckom Rozpr. IX, 184—186 сс.; тоже въ горальскихъ Rozpr. III, 354 с. и въ переходныхъ польско-словацкихъ говорахъ въ Тренчинскомъ комитатѣ (pusco, utopio и robiom, utopiom «Rozpravy filologické věnované Janu Gebauerovi» Praha 1898 г., 145—146 сс.).

Нельзя принимать -om изъ конечнаго ǫ вообще за фактъ нефонетическій, результатъ аналогіи. Такое объясненіе приложимо въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. относительно лясовскаго говора Rozpr. VIII, 104—105 сс., гдѣ -om является рядомъ съ -o въ instr. s. f.: z tom matkom при z tô matkô, но 3 pl. pr. ńesô, ć̓erp̓ô, acc. s. f. d^{n}obrô, smutnô. Но какой аналогіей объяснить появленіе -m въ иныхъ говорахъ въ формахъ acc. s. f. прилагательныхъ и 3 pl. pr.? Фонетически переходъ отъ ǫ къ om въ концѣ слова не представляетъ ничего невозможнаго: губное округленіе при окончаніи артикуляціи ǫ легко переходитъ въ губной затворъ и легкій губной взрывъ; такое конечное ǫ съ легкимъ губнымъ взрывомъ датируется относительно бржезиньскаго говора написаніями: dobrǫ^{m}, starǫ^{m}, mnǫ^{m}, рядомъ съ которыми впрочемъ на-

ходимъ также nogǫ, rękǫ и s flaskom, s pomocom Rozpr. VIII, 196—197. Въ Закопанахъ: kupiǫ^{m} при kupóm Rozpr. X, 176 с.; въ Sromowcach Wyżnich: śpywajǫm Mat. i prace I 1, 57 с. Въ области великопольскаго нарѣчія — въ рыпиньскомъ уѣздѣ плоцкой губ. г. А. Петровъ отмѣчаетъ ǫm изъ ǫ: rękǫm Zbiór II, 5 с.

Конечной стадіей этого развитія ǫ въ концѣ слова: ǫ—ǫ^{m} -ǫm — является -om. Переходъ отъ ǫ^{m} къ ǫm, съ полнымъ образованіемъ губного взрыва, могъ произойти при передачѣ данныхъ сочетаній отъ одного поколѣнія другому. Измѣненіе же ǫm въ om могло быть связано съ подъемомъ артикуляціи, хотя изслѣдователи пишутъ обычно om, только у Крыньскаго относительно закопаньскаго говора находимъ sóm, kupióm Rozpr. X, 176 с., у Лецѣевскаго относительно Мѣйской Гурки -um Rozpr. IX, 126 с., и какъ увидимъ ниже, подъемъ артикуляціи имѣетъ мѣсто и въ сважендзскомъ говорѣ.

Внутри словъ этого подъема не находимъ лишь въ литературномъ языкѣ, но въ діалектахъ обычно наблюдается измѣненіе o, e въ направленіи къ u, i или полное совпаденіе съ ними.

Въ положеніи носовыхъ ǫ, ę предъ согласными губными p, b, зубными t, d и средне-нёбными k, g, при нѣкоторомъ продленіи носового отвора, возникаютъ соотвѣтствующіе носовые согласные: предъ p, b губной m, предъ t, d — зубной n, предъ k, g средне-нёбный ŋ. Это явленіе наблюдается и въ литературномъ языкѣ Mat. i prace I 1, 104 с. Ср. то же въ кашубскомъ Bronisch 16 с. Далѣе, въ связи съ подъемомъ артикуляціи стоитъ постепенный переходъ получившихся такимъ образомъ сочетаній: ęmp, ǫmp, ęnt, ǫnt, ęŋk, ǫŋk и т. д. въ сочетанія ump, ump, unt, unt, uŋk, uŋk; отдѣльные говоры (или по крайней мѣрѣ ихъ изслѣдователи) датируютъ различные моменты этого процесса.

Въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ и текстахъ находимъ написанія, которыя врядъ ли передаютъ факты живого народнаго языка: такъ изслѣдователь зебржидовскаго говора, г. Bieła пишетъ: bǫbén, dębu, dęty, gęba, jęk, trǫba, bǫbel Rozpr. IX,

165—167 сс.; г. Sieweryn Udzieła въ текстахъ изъ Ропчицъ: świętęgo, wstępuje Zbiór X, 115—117 сс.; проф. Kopiernicki въ пѣсняхъ горалей: rąbać, cielętom, gęby Zbiór XII, 122—123 сс.; послѣдній выдаетъ себя написаніемъ rombanicka = siekiera и общей непослѣдовательностью своего правописанія.

Состоянію литературнаго языка болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ показанія г. Dobrzyckiego относительно говора Крженцина, г. Zawilińskiego относительно бржезиньскаго говора, г. Wojciecha Janczégo относительно говора Sromowiec Wyżnich: въ Крженцинѣ: dǫ^{m}b, dę^{m}ba, řǫ^{n}d, prę^{n}ta Rozpr. II ser. XI, 343 с. въ бржезиньскомъ smę^{n}tek, trǫ^{m}ba, kǫ^{n}tek, gę^{m}ba, zę^{m}by Rozpr. VIII, 197 с.; въ Сромовцахъ: smę^{n}tek, skǫ^{m}pstfo, zapřǫŋgać, но kue^{m}pko Mater. i prace I 1, 57 с.; г. Łoś для опочиньскаго говора датуетъ: ę, ę^{n}, ęn, en, ę́, ę́^{n}, į, įŋ изъ одного ę предъ зубными или гортанными и аналогичное разнообразіе звуковъ и сочетаній изъ ǫ Rozpr. XI, 158—162 сс. Насколько всѣ эти варіаціи существуютъ въ дѣйствительности въ одномъ и томъ же говорѣ, въ народномъ произношеніи, затрудняюсь рѣшить. Такое же разнообразіе находимъ въ характеристикѣ силезскихъ говоровъ L. Malinowskiego Rozpr. IX, 265 с.

Конечная стадія въ процессѣ развитія носовыхъ, — исчезновеніе носового отвора въ моментъ артикуляціи гласнаго, отражается въ пышницкомъ говорѣ, описанномъ г. Blatt'омъ, страдомскомъ (г. Witanowski), въ велюньскомъ (г. Grajnert); въ Пышницѣ: demba, bende, śventa, dźećontko Rozpr. II s. V, 378—379 сс.; въ страдомскомъ: majontku, gołombek Zbiór XVII, 55—56 с. и др., въ Wieluniu: uglonda, zkondby Zbiór IV, 194 с. Остается лишь неувѣренность, точно ли сочетанія em, en, om, on (изъ ę, ǫ) въ чисто-народномъ, чуждомъ вліянія школы, произношеніи не представляютъ въ гласныхъ o, e измѣненія въ направленіи къ u, i: г. Witanowski пишетъ pinkná'ś 55 с. Тотъ же подъемъ артикуляціи гласныхъ o, e въ данныхъ сочетаніяхъ датируютъ варіанты г. Лося: ę́, į^{n}, į, in, ǫ́, примѣры изъ говоровъ прусскихъ мазуровъ г. Sembrzyckiego: rinkie, binde Wisła

III, 82 с.; примѣры, какъ «pikny» г. Ciszewskiego изъ Sławkowa Zbiór X, 211 с.; dróng, łónka г. Grzegorzewicza изъ Прашницы Spraw. V, 81 с.; zèmby, gèmba, swènty, rumbać, dump, wélbrunt (=wielbląd) въ Мѣйской Гуркѣ Rozpr. X, 125—126 сс.

Для хронологіи указанныхъ явленій небезынтересно, что въ нѣкоторыхъ памятникахъ XVI в. при общей непослѣдовательности правописанія носовыхъ невольно бросается въ глаза *особенно частое* употребленіе сочетанія en вм. ę предъ зубными: poczento, urzendu и т. п.; предъ губными — am, em: gamby, potempył. см. въ статьѣ L. Malinowskiego «Sliady dyjalektyczne w oznaczeniu samogłosek nosowych.... etc.» Rozpr. VII т. По отношенію къ переходу группъ ęd, ęk въ группы — end, eŋk, слѣдуетъ оговорить нѣкоторые частные случаи. Изъ формъ będę, będą фонетически ожидали бы bende, bendǫ (bendo, bendom), такъ-же какъ изъ będzie — beńdźe. Дѣйствительно, въ прашницкомъ говорѣ Grzegorzewicz отмѣчаетъ: beńdźe Spraw. V, 81 с.; Witanowski въ страдомскомъ говорѣ — bendzie Zbiór XVII, 55 с.; проф. Kopiernicki у горалей bende Zbiór XII, г. Blatt въ Пышницѣ bende Rozpr. II s. V 378 с. Но при этомъ во многихъ говорахъ находимъ bede—bed͡źie—bedǫ или byde (bédе)—byd͡źe (béd͡źe)—bydǫ (bédǫ): въ Sławkowie bedzie Zbiór X, 211 с, въ прашницкомъ говорѣ при «beńdzie» — bede, bedo 3 pl. 81 с. въ Закопанахъ Rozpr. X, 176 — bedzie, въ писаржовицкомъ говорѣ Spraw. IV, 8 с. bede и byde, въ страдомскомъ при bendziemy — bedzies bedom, bede, bedzie с. 54, 55 и др. Zbiór XVII, въ Wieluniu (Grajnert), bédzie Zbiór IV, 195 с., у горалей, при bende — bede, bedzie, въ зебржидовскомъ говорѣ bede — bedziesz Rozpr. IX 166 с., въ говорѣ Miejskej Górki bède, bèdzieš и т. д, Rozpr. IX, 146 с. Принимать эти формы за фонетическія трудно: ęd во всѣхъ говорахъ дало end, и n въ данномъ сочетаніи не исчезло ни въ какомъ другомъ словѣ. Мнѣ кажется, что bédzie г. Grajnert'a и bède, bèdzieš и т. д. въ книгѣ г. Лецѣвскаго обозначаютъ лишь bydzie, byde, bydźeš и т. д.; тексты г. Grajnerta вообще не отличаются обозначеніемъ фонетическихъ тонкостей, а è г. Лецѣвскаго, быть можетъ, основано на извѣстномъ пониманіи факта. Формы byde, bydziesz и т. д., вѣроятно, возникли подъ вліяніемъ формъ być, był, była, było, byli, а формы bede, bedźeš и т. д. представляютъ контаминацію литературнаго będę и т. д. или фонетическаго bende и т. д. и аналогичныхъ byde, bydźeš и т. д.

На мѣстѣ литературнаго польскаго piękny находимъ въ говорахъ pękny—pikny: pieknу въ Закопанахъ Rozpr. X, 178 с.; pieknie у горалей Zbiór XII, 121 с., pękny въ силезскихъ говорахъ Rozpr. IX, въ зебржидовскомъ Rozpr. IX, 165 с., Крженцинѣ; наоборотъ, въ Страдомѣ: «pinkne, pinknaś» Zbiór XVII, 55 с. Въ формахъ pękny — pikny, по мнѣнію проф. Розвадовскаго, «сохраненъ чистый гласный» (т. е. первоначальный) Mat. i prace I 1, 57 с. Возможно и такое пониманіе: ср. верхне-луж. pjekny. Но тѣ же формы могли получиться и изъ pęŋkny, pikny путемъ упрощенія группы — ŋkn. Встрѣчающееся въ цѣломъ рядѣ говоровъ mentki (или męntki) = męki зебржид. Rozpr. IX, 165, опочиньскомъ Rozpr. XI, 158—162 и др. могло возникнуть, какъ думалъ Аппель, подъ вліяніемъ сближенія съ корнемъ męt въ mąść — mętosić. P. Фил. В. IV (1880) 267 с.

По поводу судьбы носовыхъ вообще въ положеніи предъ нёбными k, g должно замѣтить, что многіе изслѣдователи польскихъ говоровъ вообще не различаютъ нёбный ɔ и зубной n и, употребляя написанія menka, monka (г. Blatt о пышницкомъ говорѣ Rozpr. II s. V, 379 с.), rinkie (Sembrzycki о говорахъ прусскихъ мазуровъ Wisła III, 82 с.), łónka, dróng (г. Grzegorzewicz о прашницкомъ говорѣ Spraw. V, 81 с.) и т. п., не оговариваютъ опредѣленно значенія знака n. Между тѣмъ, возможно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ на мѣстѣ ɔ явилось n, основанное на неточномъ акустическомъ воспріятіи со стороны новаго поколѣнія первоначально нёбнаго носового взрыва ɔ («звуковая мѣна» — springender Lautwechsel).

Въ Сважендзѣ я слышалъ отъ крестьянки изъ Września: d͡źinkuje съ зубнымъ n. Нёбное ɔ въ положеніи предъ k, g изъ ę—ǫ отмѣчено напр. г. Лосемъ въ опочнньскомъ говорѣ: dzi̯̊kować, li̯̊kać śe, г. Janczym въ Sromowcach Wyżnich: zapřǫɔgać, śǫɔgać Mater i prace I 1, 57 с.; тоже ɔ можно подозрѣвать и въ говорѣ Мѣйской Гурки: пиша stęga, г. Leciejewski прибавляетъ: «почти stynga», пишетъ munka, łunka и однако замѣчаетъ «przed gardłowymi ǫ brzmi nieco nosowo» Rozpr. IX, 126—127 с.; дѣйствительно, акустическое впечатлѣніе, производимое группами ɔnk — ɛng очень близко къ таковому при группахъ ǫk — ęg.

Въ положеніи предъ спирантами s, z, š, ž, ch и палатальными ś, ź подъемъ артикуляціи носовыхъ и передвиженіе носового отвора во времени чисто фонетическимъ путемъ приводитъ къ измѣненію ę — ǫ въ направленіи къ y̨ (i̯) — ų и утратѣ носового резонанса: группы ęs — ǫs, ęz — ǫz и т. д. измѣняются въ направленіи къ ys (is) — us, yz (iz) — uz и т. д.

Въ литературномъ языкѣ подъемъ артикуляціи отсутствуетъ, и въ связи съ этимъ носовой резонансъ сохраняется Mat. igrace I 1, 104 с. Кромѣ того проф. Розвадовскій замѣчаетъ разницу въ судьбѣ носовыхъ предъ глухими спирантами s, ś, š, ch и предъ звучными ź, z, ž: предъ послѣдними онъ слышитъ еще слабое

n, ń, ɔ послѣ носового ibid. Такъ какъ по мѣсту образованія первый рядъ согласныхъ отъ второго не отличается, то не видно фонетической основы появленія этихъ n, ń, ɔ; быть можетъ, они появились въ говорѣ, какъ результатъ неточнаго акустическаго впечатлѣнія, возникающаго подъ вліяніемъ звучности слѣдующаго согласнаго.

Нѣкоторые изслѣдователи датируютъ такое явленіе и для народныхъ говоровъ, но обычно въ одинаковой мѣрѣ, какъ предъ звучными, такъ и предъ глухими спирантами: такъ Кольбергъ отмѣчаетъ въ великопольскихъ говорахъ gołunzka, но и gunska Zbiór I, 9 c.; въ пышницкомъ говорѣ (г. Blatt) — ćonza, но и gęś Rozpr. II s. V, 378—379 c., въ Wieluniu (г. Grajnert) uvionzał и szczęśliwie Zbiór IV, 185 c. Въ Свяженцзѣ (ср. ниже) — лишь въ одномъ словѣ: vẹńźeńe.

Исчезновеніе носового резонанса въ ę — ǫ предъ указанными спирантами, глухими и звучными, датируется слѣдующими фактами отдѣльныхъ говоровъ: въ опольскомъ—ńesceśće, sceślivi (L. Malinowski 25 c.); sceśce, zavozać въ силезскихъ говорахъ Rozpr. IX, 264—265 cc.; «ḿyso» въ говорѣ Sromowiec Wyżnich Mat. i prace I 1, 57; «miyso» въ Sławkowie Zbiór X, 211 c. ср. «ḿenso» въ прашницкомъ говорѣ Spraw. V, 81 c. Въ послѣднемъ словѣ потеря рпнезма соединена съ подъемомъ артикуляціи т. е. переходомъ e въ i: ср. въ этомъ отношеніи — mosizny въ опочнньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 160 c.; «vǫs, kǫsek» (ǫ = ó носовое) въ силезскихъ говорахъ Rozpr. IX, 264 c., вышеприведенные примѣры Кольберга golunzka, gunska. Лучшую иллюстрацію связи того и другого процесса: подъема артикуляціи и уничтоженія отвора въ носовую полость представляютъ факты говора Miejskiéj Górki: ḿès$_n$o, jèzyk, mèščyzna, ẃèźeńe, kusek, dusać śe, powusło, kśuże, wusy, ẃuzać, muż, guśe и т. п. Rozpr. IX, 126—127 cc. По мнѣнію г. Лецѣевскаго ibid., въ этихъ примѣрахъ n ассимилировалось слѣдующимъ согласнымъ и выпало. Но, конечно, предположеніе здѣсь и не имѣетъ никакого основанія; измѣненіе e, o въ y (i), и затрудняло образованіе отвора въ

носовую полость, одновременное съ артикуляціей гласныхъ, и онъ исчезъ.

Особо стоитъ слово somśad, sómśad, sumśad, которое находимъ въ цѣломъ рядѣ говоровъ: прашницкомъ Spraw. V, 81 с.; пышницкомъ Rozpr. II s. V, 379 с. и другихъ. Вѣроятно, m явилось подъ вліяніемъ какого либо сближенія съ инымъ словомъ.

Въ положеніи носовыхъ гласныхъ предъ зубными аффрикатами dz, c, dź, ć, č судьба ихъ—та же, что и въ положеніи предъ мгновенными зубными d, t: возникаетъ зубной взрывъ при отворѣ въ носовую полость, а во время артикуляціи гласныхъ этотъ отворъ исчезаетъ. Проф. Розвадовскій характеризуетъ литературное произношеніе группъ ę, ǫ + dz, c, dź, ć, č написаніями: pęńdźić, pęnćïna (съ твердымъ n), męɒčyć, poɒček, т. е. предъ č — взрывъ нёбный носовой.

Является ли ɒ предъ č и въ народныхъ говорахъ, трудно рѣшить въ виду имѣющихся у насъ данныхъ: большинство изслѣдователей вообще не различаетъ n и ɒ, тамъ же, гдѣ это различеніе находимъ, имѣемъ дѣло съ говорами мазурскими, замѣняющими č чрезъ c; таковъ говоръ Sromowiec Wyżnich (gorǫⁿcsy, paiǫⁿcęna Mater. i prace I 1, 57 c.) и говоръ опочиньскій (bř̥ęⁿcyć Rozpr. XI, 160 c.). Въ Сважендзѣ—n. Предъ c, dz, ć, dź находимъ ęn, ǫn (ęń), (ǫń) въ силезскихъ говорахъ: v́ęncej, kśęndza, do kvitńęńcaⁿ Rozpr. IX, 263 c., въ оппельнскомъ ṕę́ńćoro «Ueber die oppeln. M.», 20, въ Sromowcach — skrǫⁿcać, zapǫⁿdzać, ṕęⁿ́ć, lecęⁿcy, lezęⁿcy, ḿęⁿdzy Mater. i prace I 1, 57 c.; въ бржезиньскомъ говорѣ sǫⁿdźić Rozpr. VIII, 197 c., въ Wieluniu—więnc Zbiór IV, 194 c. Относительно силезскихъ говоровъ находимъ при этомъ указанія, что параллельно возникновенію переходнаго носового согласнаго идетъ измѣненіе носовыхъ гласныхъ въ направленіи къ y̨ (į), ų: въ положеніи предъ указанными зубными аффрикатами находимъ у L. Malinowskiego также ę́n, ę́ń; тоже въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 160 c.: prę́ⁿdza, pįⁿ́ć, dźesįńć. Рядомъ съ послѣдними формами въ томъ же говорѣ находимъ у г. Łos'я и примѣры, датирующіе конечную стадію про-

цесса: paminć, vincy, zinć; тоже въ иныхъ говорахъ: «ksiyndza» у г. Ciszewskiego въ говорѣ Славкова Zbiór X, 211 с., «pjinć» въ говорахъ прусскихъ мазуровъ Wisła III, 82 с., zamknunć и т. п. въ говорѣ Miejskéj Górki Rozpr. IX, 126 с. Для меня неясно значеніе такихъ написаній, гдѣ носовой резонансъ гласнаго исчезъ безъ подъема артикуляціи: обозначаютъ ли примѣры, какъ: do kśendza, у г. Лося рядомъ съ paminć и т. п. факты самостоятельнаго фонетическаго развитія или результатъ школьнаго вліянія на народную рѣчь; тотъ же вопросъ является по отношенію «piniondze, ksionc, miesionc» у г. Ciszewskiego рядомъ съ «ksiyndza» и «miyso», по отношенію ṕeńendze у г. Grzegorzewicza рядомъ съ dróng, lónka, zdónzyły Spraw. V, 81 с., — pińendzy, sceńściá, umencyli у г. Witanowskiego рядомъ съ piknie, pinknie, świnty Zbiór XVIII, 49, 53, 55 сс. — dźeśenć, jencmenisko, ćeknonć, zmáznońć, hulnonc, lezoncych у г. Blatta Rozpr. II s. V, 378—379 сс.

Въ формахъ infinitiv'ныхъ на -nąć рядомъ съ (-onc) -unc находимъ порой въ одномъ и томъ же говорѣ -oc: у г. Blatta carnoc, cknoc; въ противоположность пышницкому jencmenisko у г. Dobrzyckiego (Krzęcin) находимъ jecmeń Rozpr. II s. XI, 1898 г., 44 с. Послѣдній примѣръ, весьма вѣроятно, представляетъ упрощеніе звуковой группы -ncm; быть можетъ и -noc (-nuc-) — вторичное явленіе: изъ nonc (nunc).

Въ положеніи предъ ł, l носовой резонансъ, по свидѣтельству проф. Розвадовскаго, исчезаетъ въ произношеніи образованныхъ классовъ общества: začoų = zaczął, začeła = zaczęła, začeli = zaczęli Mat. i prace I 1, 104—105.

Въ народныхъ говорахъ находимъ съ одной стороны формы, аналогичныя формамъ, приведеннымъ проф. Розвадовскимъ, съ другой стороны формы совершенно иного типа, какъ — wźon (wźun) — wźena — wźeno — wźeni; ср. тоже въ кашубскомъ Bronisch 16 с.

ср. въ Стонавкѣ—vźón, vźena, vźeno, vźeni Rozpr. XII, 25 с.; въ силезскихъ говорахъ pŕyjeni, vźǫ́n и vźóna Rozpr. IX, 263; въ прашницкомъ говорѣ: kopnéła, minéła, stanéły и — odjon, wźon, zacon, wyjeni, ćena (= cięła), dźwignonem Spraw. V, 81 с.; въ оппельнскомъ говорѣ — vińuų = vińǫł «Ueber d. oppeln. M.» 25, въ Сромовцахъ vźǫn, vźęna и zginoų, zginuųa, stanuųo Mat. iprace I 1, 57 с.;

въ Крженцинѣ kŕyknéli, minéçu Rozpr. XI, II s. 343—344 cc., у горалей zacón, wziõn Rozpr. III, 360 c.; въ Пышницѣ vsuneli śe, staneli Rozpr. II s. V, 378 c.; въ бржезиньскомъ говорѣ vźón, vźena Rozpr. VIII, 197 c.; въ Мѣйской Гуркѣ wźun, klun и stanuł, ćugnuł, drapnuł Rozpr. IX, 135 c.

Несомнѣнно, что формы zginóǫ или zginuǫ, zginéła или zginuła и т. п., гдѣ носовой резонансъ утраченъ предъ ł, являются фонетическими; зубной взрывъ предъ ł, образующимся сужениемъ нёбнымъ и губнымъ, неестественъ; съ подъемомъ артикуляции въ направлении къ u, y—ǫ и ę теряли носовой резонансъ; наоборотъ, въ формѣ множественнаго числа przyjęli и т. п. въ положении предъ мягкимъ l зубно-носовой взрывъ могъ легко возникнуть: и дѣйствительно, L. Malinowski отмѣчаетъ въ силезскихъ говорахъ рядомъ съ přyjeńi и přyjenli. Формы kŕyknęli, začęli скорѣе получились путемъ аналогии формъ kŕyknęła, začęła, чѣмъ путемъ фонетическимъ.

Обратно, и въ формахъ wźun, wźena, wźeno или začun, začena, začeno могло возникнуть лишь подъ вліяніемъ формы wźenli, začenli; получившаяся такимъ путемъ форма wźónł, začónł фонетически измѣнялось въ wźón, začón, какъ umarł измѣнялось въ umar, szedł въ šeł и т. п. Возникли ли формы wźena, wźeno изъ wźenła, wźenło непосредственно или подъ вліяніемъ wźón, а также,— явилось ли wźeni подъ тѣмъ же вліяніемъ или фонетически изъ wźenli, не рѣшаю; вліяніе аналогии мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ. Что касается выше приведенной формы vźǫn въ силезскихъ говорахъ у L. Malinowskiego и Ф.Ф. vźǫn, vźęna въ Сромовцахъ, то онѣ не имѣютъ значенія въ вопросѣ, въ виду широкаго развитія секундарнаго риназма, какъ въ силезскихъ говорахъ, характеризованныхъ L. Malinowskim, такъ и въ Сромовцахъ: ср. въ послѣднемъ говорѣ dǫm изъ dom; strǫna изъ strona; sęn изъ sen Mat. i prace I 1, 58 c.

Обособленное положеніе среди говоровъ польскихъ занимаетъ лясовскій говоръ, описанный г. Матусякомъ въ Rozpr. VIII, Arch. V: здѣсь ǫ и ę измѣнились въ гласные ô и ê, утративъ носовой резонансъ, во всѣхъ положеніяхъ: bôbel; vôǵel, vôs, kôpać śe, môka, dôb, gêśe, vêkse и т. д.

Для полноты обзора слѣдуетъ упомянуть о каспньскомъ говорѣ, описанномъ L. Malinowskim въ Rozpr. VIII: здѣсь также находимъ нѣкоторыя изъ описанныхъ выше явлений, какъ ḿėso, ṕėkny; но оригинальную черту говора представляетъ ǫ на мѣстѣ ę другихъ говоровъ: cǫść, dźeŕǫć, gŕǫda, ḿǫki, ćozki и т. п.,—явленіе несомнѣнно позднее, какъ и признаетъ L. Malinowski 248 с.: этотъ процессъ захватываетъ и старое е въ положеніи его предъ носовыми согласными: plemę > plǫḿǫ.

Обращаюсь къ сважендзскому говору.

Въ концѣ слова ę потеряло носовой резонансъ, изъ ǫ развилось сочетаніе om; гласный о въ этомъ сочетаніи является большею частью въ неударяемомъ слогѣ и потому акустически неясенъ; его можно опредѣлить, какъ о, склонное къ u; подъ удареніемъ слышится—um. Примѣры: d͡źivče, cołkom źime acc. s., pore acc. s. f. = parę; dobrom płate acc. s. wode, igle acc. s. f., ide, moge, bode 1 s. pr.; vodom, kavom, vudkom instr. s. f., kolacyjom acc. s. f.; godajom, pišom, (žaby) rechcom, pujdom, jedzom, śejom, muv́om, zrob́om, žyjom, boĺom, mogom, d͡zvuńom и т. п., ńe chcum, sum 3 pl. z ńum instr. s. f.

Внутри слова, въ положеніи предъ зубными d, t—ę измѣнилось въ сочетаніе—чистый гласный + n; гласный этотъ колеблется между е, склоннымъ къ у, и вполнѣ яснымъ у: такъ отъ одного и того же лица слышалъ я ve^{y}nda, ve^{y}ndrovać, pe^{y}ntel, pe^{y}ntlina, nade^{y}nty, zakle^{i}nty, ḿe^{i}nta, ṕe^{i}nta и pryntko, žyndym = rzędem, d͡źevčynta, zv́ežynta, nadynty, zaklinty, pacholinta.

ǫ + d, t измѣнилось въ o^{u}nt или unt: vo^{u}ntka, mo^{u}ntnoų voda, ṕo^{u}ntek, d͡źev́o^{u}ntyj, d͡źeśo^{u}ntyj, žo^{u}ndać, mo^{u}ndry или żałundek, vuntka, vuntroba, velbrunt, kluntva. Можно слышать также параллели съ on, en, но онѣ безспорно, стоятъ подъ вліяніемъ литературнаго языка: такъ говорятъ напр. крестьяне съ чужимъ человѣкомъ «po pańsku»; въ этомъ случаѣ можно слышать и bende. Главный объектъ моихъ наблюденій, крестьянка Михалина Скржипчакъ на вопросъ, почему она раньше говорила bende, въ послѣдній же разъ «byde», объяснила, что «bende»—

po pańsku, a byde — «po chłopsku»; дальнѣйшія мои наблюденія подтвердили справедливость этого объясненія. Такимъ образомъ, народная парадигма вспомогат. глагола будущаго вр. имѣетъ въ Сважендзѣ видъ: byde, bydźeš, bydźe, bydźemy, bydźeće, bydom; отъ одного старика, близкаго къ книгѣ, слышалъ я и bede, bedźeš и т. д. Предъ губными p, b—ǫ, ę даютъ сочетаніе: гласный, въ акустическомъ впечатлѣніи колеблющійся между e^y ($'e^i$) и y (i); o^u и u, + губной носовой m: pe^ympek, ze^ymby, ge^ymby, do^ump, zo^ump, zo^umpki или gymba, dymbovy, u̯otrymbi, symp (= sęp), źimba, pšeźimb́ić še, vymborek, trumba, rumbać, kumpać śe, skumpyj, jažumbek, jastšump. Предъ средне-нёбнымъ k, g—ǫ, ę измѣнились въ сочетанія $o^uŋ$ — uŋ, $e^yŋ$ — yŋ: $me^yŋka$, $re^yŋka$, $pe^yŋknunć$, $te^yŋgou̯$ n. s. f., $ẃe^iŋkśyj$, $će^iŋǵim$, $mo^uŋka$, pšyćo^{u}ŋgłam или vyŋǵel, ćiŋǵim, tyŋǵi, dźv́iŋk, vyŋguš (= węgorz), choruŋǵef, łuŋka; ḿiŋki.

Форма ṕikny является при ṕiŋkny.

Предъ спирантомъ ch ясна тенденція исчезновенія носового резонанса: отъ главнаго объекта моихъ наблюденій я слышалъ vęch (ę=$ę^y$); pęchyš (=$pę^y$chyš), pyc̨hyš и въ другой разъ вполнѣ отчетливо pychyš; тоже колебаніе — и у другихъ лицъ.

Предъ s, š — ǫ, ę сохраняютъ носовой резонансъ, но измѣняются въ направленіи къ ų, y̨ (į): vǫski (= $vǫ^uski$); gǫśur; dǫsou̯, vǫsy; vǫśuna (гусеница); męski (= $mę^yski$); gęśi; gęśorka; также предъ группой ść: čęść; vźǫść; mǫš (= $mǫ^uš$ т. е. mąż); kśǫška, vstǫški; носовой резонансъ исчезъ въ трехъ словахъ: ḿiso (или $ḿe^iso$), ščeśće рядомъ съ ščęśće, $me^yščyzna$ или myščizna.

Слово sąsiad такъ же, какъ и въ другихъ говорахъ, — въ формѣ sumśot.

Что касается соотвѣтствующихъ звучныхъ спирантовъ z, ź, ž, то предъ ž судьба ǫ — ę въ Сважендзѣ та же, что и предъ š: kśęžyc съ ę = $ę^i$, ćęžor; предъ z я слышалъ также ǫ, ę: ẃǫzać, język; предъ ź — ę и $ę^{n'}$: рядомъ съ jęźoro, gałęźe, отчетливо — ẃę^{ń}źeńe.

Предъ аффрикатами c, ć, dz, dź, č находимъ то же, что и предъ зубными мгновенными d, t: reʸnce, ṕeⁱńć, d͡źeśeⁱńć, źeⁱńć, ʋeⁱncej, ʋeⁱnc, cheʸńć, kreʸńćić, ṕečeʸńć, zajoᵘnc, mośoᵘnc (= mośądz), zaṕoᵘńć, schnoᵘńć, kśoᵘnc или ḿeśunc, buńć (= bǫdź), zmažnuńć, zamknuńć, vetknuńć, rynce, ṕińć.

seʸńdźa, peʸńdźiłam, keʸńdźur, ṕeńoᵘnd͡ze и pynd͡zel (кисточка), žołyńd͡źe, nynd͡za.

jeⁱnčmeń, peʸnčok (= pęczak — сортъ крупы)), meʸnčyć или jinčmeń, pynčok.

Предъ ł, l находимъ фонетическія формы: zǵinuą, zǵinyła, zǵinyło, ćoᵘɒgnuą, ćoᵘɒgnyła, ćoᵘɒgnyło и т. п. и нефонетическія: vźun, vźena, vźeno, vźeni и т. п.

---

5. Польскіе рефлексы об.-слов. сочетаній or, ol, er, el + согл.

Изъ общесловянскихъ сочетаній *or, *ol, *er, *el въ положеніи предъ согласнымъ въ польскомъ языкѣ получились группы ro, ło, re, le съ открытымъ или наклоненнымъ гласнымъ (ró, łó, ré, lé), въ началѣ же слова при ro, ło находимъ и ra, ła (ramię, rataj, łaknąć).

По мнѣнію проф. Tore Tornbiörnsson'a, польскія ro, ło получились непосредственно изъ *r̥o, *l̥o, которыя уже въ об.-сл. эпоху явились на мѣстѣ первоначальныхъ *or, *ol «Die gemeinslavische Liquidametathese». Upsala 1902. Нѣкоторымъ затрудненіемъ при обоснованіи этой гипотезы являются малорусскія полногласныя формы, въ которыхъ въ большинствѣ случаевъ второе о не подвергается замѣстительному удлиненію и тѣмъ выдаетъ свое позднее происхожденіе. Проф. Tore Tornbiörnsson стремится устранить это затрудненіе двоякимъ предположеніемъ: или удлиненіе bobъ > bōbъ предшествовало об.-слов. перестановкѣ gordъ > grodъ, или перестановка была болѣе раннимъ фактомъ, но o въ r̥o не подвергалось удлиненію въ виду особаго положенія: въ сочетаніи съ r̥ 25 с. Первое предположеніе во всякомъ случаѣ должно быть отвергнуто, такъ какъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ отодвигать малорусское удлиненіе bobъ — bōbъ въ об.-сл. эпоху. (Къ этому вопросу вернусь ниже). Далѣе извѣстныя затрудненія представляютъ также полабскія и кашубскія сочетанія or ar. Относительно полабскаго и кашубскаго or проф. Tore Tornbiörnsson защищаетъ (В. В. XX, 135 с.) позицію проф. Потебни (къ ист. звук. I, 149): полаб-

ское or — позднее изъ r̥o, которое представляетъ общезападно-словянскую перестановку; «.... polab. gord aus *grodъ und dies aus *gord hervorgegangen ist. Das kaš. gard ist aus denselben Gründen ebenso zu erklären». Die gemeinslav. L. — Metathese 20 c. «Dasselbe Verhältniss finden wir in der dem polabischen nahe stehenden kašubischen Sprache, die — or oder — ar = vorslav. — or hat». В. В. 135 с. прим. Подробнѣе проф. Торе Т. не выясняетъ процесса, какимъ кашубское ar получилось изъ об.-сл. *r̥o. Возможны два представленія: или o въ сочетаніи *r̥o получило удлиненіе еще въ об.-слов. эпоху и затѣмъ послѣдовала перестановка, или же, наоборотъ, перестановка предшествовала удлиненію. Въ первомъ случаѣ удлиненіе o въ ā естественно было бы связано съ измѣненіемъ r̥ въ r т. е. пришлось бы предположить для кашубскаго ступень, которую прошли, по мнѣнію самого автора, чешскій и южно-словянскіе языки: *r̥o > ra (см. 15 с. книги); но тогда уничтожается мотивъ спеціально полабско-кашубской перестановки: мотивъ этотъ онъ видитъ именно въ r̥: gradъ = grando не измѣняется въ gardъ. Во второмъ случаѣ: *r̥o > or̥ > ar удлиненіе переносится въ кашубскую эпоху и тогда является непонятнымъ, почему *спеціально кашубское* удлиненіе o дало a; удлиненіе o въ a мы знаемъ лишь въ праславянскую эпоху; въ кашубскомъ же ō даетъ ò (Ramult, Бронишъ õ). Если же г. Торе Т. предполагаетъ *r̥o > r̥ā (> ar), то ему слѣдовало дать фонетическую мотивировку такого процесса, какъ онъ далъ ее для *r̥o > rā. Итакъ, съ одной стороны въ малорусск. r̥o o не удлиняется, даже при потерѣ количества слѣдующаго слога, — въ виду сочетанія съ r̥; съ другой стороны въ *об.-слов. эпоху діалектически* удлинялось o въ r̥o въ виду того же сочетанія съ r̥? Ср. также Arch. X, 48, XXIV, 568; Изв. VII 2, 305.

Сочетаніе ro, связывая польскій языкъ съ лужицкимъ, отдѣляетъ его съ другой стороны отъ сосѣдней кашубской языковой области, гдѣ формой органической является въ соотвѣтствіи польскому ro — ar (ôr). Что форма — ar — органическая, доказываетъ и сравнительное обиліе примѣровъ (ср. послѣднее сопоставленіе ихъ у Лоренца въ Arch. XXIV, 35 с.), и то обстоятельство, что чередованіе ar — ôr (словинц. кабатк. àr — ȁr) является, повидимому, въ тѣхъ же условіяхъ, что и вообще чередованіе a — ô, — въ зависимости отъ стараго положенія ударенія: ср. напр. у словинцовъ и кабатковъ: sàrka р. сорóка; vàrna р. ворóна и xȁrna, vȁrta р. воротá, bȁrda р. бороздá, bȁrna р. боронá. Тоже чередованіе, повидимому, имѣло мѣсто и въ зависимости отъ звучности или незвучности конечнаго согласнаго съ отпавшимъ послѣ него полугласнымъ: xàrt, словинц. kàrt (хворостъ), màrk (мракъ — морокъ) и mȁrs (морозъ), pȁrx (порогъ).

Об.-сл. *ār (изъ *or съ діалектическимъ удлиненіемъ о), полученное кашубскимъ языкомъ безъ перестановки, при сохраненіи долготы ā давало ôr, при сокращеніи ея ar; позже это ă подвергаясь вторичному удлиненію въ концѣ слова предъ звучными согласными давало ô и въ сочетаніи ar. Если форма ar—ôr органическая, то врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ справедливости мысли проф. Бодуэна де К., что сочетаніе ro проникло въ кашубскій языкъ изъ польскаго: не будучи въ состояніи объяснить себѣ возникновеніе ar изъ ro или r̥o, не понимаю также, какъ могло ar дать ro, какъ sarka могло дать sroka и bārzda (bôrzda) — bròzda; кашубское ò представляетъ всегда удлиненіе первоначальнаго o.

Мысль, что ro въ кашубскомъ оригинально, не заимствовано—у Микколы Beton. und Quant. 23 с. ro и ar являлись, по его мнѣнію,—«in gewissen Stellungen... es hing von der Tonqualität oder Unbetonheit der betreffenden Silbe ab, ob ursl. or durch—ar oder—ro vertreten wurde». Но факты, у насъ имѣющіеся, не даютъ никакихъ основаній къ такой гипотезѣ; ей противорѣчитъ то обстоятельство, что различіе въ положеніи ударенія отражается въ различіи самыхъ сочетаній — ro и — ar: broda, р. (борода) бóроду; krova, р. корова; brona, р. (боронá) бóрону; sroka, р. сорóка и bròzda, р. бороздá—борозды́; вышеприведенныя vàrna, sàrka и bă̋rda, vă̋rta. Различіе же качества долготы вообще не оставило никакого слѣда въ кашубскомъ, какъ и въ польскомъ (ср. 2-ую часть изслѣдованія).

То обстоятельство, что на мѣстѣ польскаго ró находимъ rò (Ram., Бронишъ ō — звукъ *долій*) не мѣшаетъ мысли о заимствованіи этого rò изъ польскаго: заимствованіе могло имѣть мѣсто въ старую эпоху, когда и польское ó еще сохраняло свое количественное отличіе отъ o.

Проф. Брюкнеръ Arch. XXI, 65 с. и XXIII, 232 с. стремился доказать, что польскому языку, какъ и кашубскому было извѣстно сочетаніе — ar изъ об.-сл. *or, въ виду мѣстныхъ названій Charstnica (ср. chróst), Skarbmir (ср. Skrobiszew), Karvin (ср. krowa). Но помимо того, что нѣсколько топографическихъ именъ — основа слишкомъ шаткая — ср. возраженія проф. Зубатаго въ Věstnik'ѣ slov. Starož. IV, 33 с., — проф. Брюкнеръ не объясняетъ намъ ни того, какъ изъ—*ar получилось ro и ró, ни условій этой двойственности, если — ar и ro являлись рядомъ. А между тѣмъ отношенія количественныя, связанныя съ ударе-

ніемъ, къ двойственности ar — ro не могутъ быть пріурочены, такъ какъ отражаются въ различіи ro — ró. Анализъ примѣровъ польскихъ сочетаній ro, ło, re, le и ró, łó, ré, lé обнаруживаетъ, что первый рядъ сочетаній является *въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ первоначально долгіе гласные (a, ě) сокращаются*, второй же рядъ — въ условіяхъ, *при которыхъ первоначальная долгота гласныхъ сохраняется* или же въ такихъ, при которыхъ краткіе гласные получаютъ удлиненіе (см. II часть изслѣдованія).

Оставивъ факты вторичнаго удлиненія въ сторонѣ и принявъ во вниманіе остальныя условія появленія ro, ło, re, le и ró, łó, ré, lé на мѣстѣ об.-сл. *or, *ol, *er, el, мы необходимо должны заключить, что *долгота указанныхъ об.-сл. сочетаній отражалась въ долготѣ гласныхъ o, e* польскихъ сочетаній ro, ło, re, le, т. е. что первоначальными рефлексами разсматриваемыхъ об.-сл. сочетаній въ польскомъ были *rō, *lō, *rē, *lē. Изъ этихъ польскихъ сочетаній при условіяхъ сохраненія долготы получились современныя ró, łó, ré, lé или ru, łu, ri, li, при условіяхъ же сокращенія долготы современныя ro, ło, re, le, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда гласный этихъ сочетаній подвергся вторичному удлиненію.

Судьба означенныхъ сочетаній въ сважендзскомъ говорѣ въ общемъ та же, что и въ другихъ говорахъ и литературномъ языкѣ. Слѣдъ долготы гласнаго въ этихъ сочетаніяхъ является въ видѣ u, i на мѣстѣ o, e: kruľ, struna, bruzda, mliko, struš, bžyk, vrun, vruna, vžut, vruk, pruk, mrus, ųogrut, źryb̆ok, vrubel, zdruf, napšut, krutki, pružny, stšyć (стеречь), bruńić, vrućić. tšyć (тереть), vľic. Группа *łō является, въ виду отмѣченной въ 3 главѣ диссимиляціи въ видѣ ły или łuˇ: kłuˇćić, tłuˇc, kłuˇc, młyćić, płuˇkać, płytno, łyć, ųłyčyć (= vłóczyć), głyvnyj, słyma, dluˇto.

6. Польскіе рефлексы об.-сл. *ъr̥, *ьr̥, *ъl̥, *ьl̥.

Въ настоящей главѣ имѣются въ виду польскія соотвѣтствія разнообразнымъ сочетаніямъ иныхъ словянскихъ языковъ *между согласными*, какъ русскія ор, ол, ер, ел, чешскія r̥, l̥, er, lu, сербскія r̥, и и т. д.; сочетанія эти гипотетически возводятся къ об.-сл. формулѣ *tъr̥t, tъl̥t, tьr̥t, tьl̥t, со слоговыми r, l и неслоговыми ъ, ь.

Исторія вопроса о данныхъ сочетаніяхъ и обоснованіе формулы tъr̥t, принадлежащей ак. Фортунатову Arch. XI, 569, — въ книгѣ Б. М. Ляпунова «Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-й новгородской лѣтописи» 245—253 сс. и въ статьѣ ак. Шахматова о русскомъ полногласіи въ Изв. VII 1, 280 и сл.; въ послѣдней критика формулы проф. Бодуэна де К.: r̥, r̥′, l̥, l̥′, т. е. гипотезы слоговыхъ плавныхъ, твердыхъ и палатальныхъ, безъ неслоговыхъ ъ, ь, принятой и проф. Брандтомъ.

Об.-словянскому *ъr̥ между согласными соотвѣтствуютъ въ польскомъ ar и болѣе рѣдкое ru; об.-сл. *ьr̥ — ′ir, позже измѣнившееся въ ′er, и ar; об.-сл. *ъl̥ — eł, oł, łu, uł; об.-сл. *ьl̥ — eł, il, oł. Попытки объяснить это разнообразіе польскихъ рефлексовъ разсматриваемыхъ об.-сл. сочетаній далъ цѣлый рядъ изслѣдователей. Уже въ Arch. V, 549 ак. Ягичъ сдѣлалъ вѣрное соображеніе, что a въ garb нельзя вести изъ ъ, которое мы находимъ въ иныхъ случаяхъ, такъ какъ такое ъ дало бы e т. е. изъ gъrbъ получилось бы *gierb; въ виду этого польское garb ак. Ягичъ возводитъ къ *gr̥̆bъ, т. е. исходитъ въ анализѣ разсматриваемыхъ сочетаній различныхъ словянскихъ языковъ изъ «*слабѣйшей ступени* вокализаціи сочетанія muta + e + liquida + muta», ступени, «которая могла или опуститься до чисто слогообразующихъ r̥, l̥ или же остановиться на минимальномъ гласномъ, который можно обозначить какъ «звуковую окраску» плавныхъ r, l».

«Die schwächste Vocalisation konnte, wie uns die heutigen slavischen Sprachen: die serbische, slovenische, bulgarische, böhmische und der slovakische Dialekt dieser letzeren darthun, bis zum rein silbenbildenden l — r herabsinken oder aber bei einem minimalen Vocal, welchen man mit dem Ausdruck «Klangfarbe» der Liquiden l—r bezeichnet, Halt machen».

Соображеніе ак. Ягича осталось безъ всякаго вліянія на появившуюся 2 года спустя статью проф. Брюкнера, посвященную разсматриваемымъ сочетаніямъ, въ Arch. VII, 534 с. проф. Брюкнеръ исходитъ изъ формулы *tъrt, *tъlt, *tьrt, *tьlt, данной І. Шмидтомъ и проф. Лескиномъ въ Arch. III, 702 с. Не отличая ъ, ь въ этой формулѣ отъ ъ, ь въ иныхъ положеніяхъ, проф. Брюкнеръ естественно заключаетъ, что изъ *tъrt въ польскомъ должно было получиться tert, но подъ вліяніемъ слѣдующаго — r — e измѣнилось въ a. Об.-сл. *tъlt, такимъ же образомъ, даетъ teł̨t, а остальные польскіе рефлексы этого сочетанія проф. Брюкнеръ объясняетъ изъ этого teł̨t: послѣ зубныхъ e измѣняется въ u, и происходитъ перестановка: напр. dłubać или słuńce, являющееся въ этой формѣ въ Флор. Псалтыри или гнѣзненскихъ отрывкахъ; послѣ губныхъ uł̨ изъ eł̨ остается безъ перестановки: puł̨k, а въ словѣ mołwić (съ XV в. >mówić) *u* переходитъ въ *o*. Об.-сл. *tьrt даетъ tirt, откуда позже ťert, разъ данная группа находится предъ согласными «гуттуральными», губными или смягченными; въ этомъ случаѣ позднее ʹer изъ ir помѣшало, быть можетъ, проф. Брюкнеру быть послѣдовательнымъ: изъ ьr мы ожидали бы ʹer, а не ir; въ самомъ дѣлѣ изъ *tьlt въ тѣхъ же условіяхъ проф. Брюкнеръ выводитъ ťelt, которое затѣмъ измѣняется въ tilt: wilk, milczeć. Предъ твердыми зубными *tьlt даетъ teł̨t (peł̨ny, weł̨na), причемъ послѣ č, ž — eł̨t измѣняется въ oł̨t: žoł̨na, žółty, а сочетаніе *tьrt является въ видѣ ťart и затѣмъ tart: bardo, darn, martwy и т. п. Мягкость сохранена въ źarno, dźarski, ṕardnąć. Этотъ взглядъ на отношеніе формъ, какъ bardo, и формъ, какъ źarno, проф. Брюкнеръ повторилъ позже въ Arch. XII, 294 с.

Изъ тѣхъ же формулъ *tъrt, *tьrt, *tъlt, *tьlt, что и проф. Брюкнеръ, исходилъ нѣсколько позже, въ 1885 г. въ Prace Fil. I, 1 с. и проф. Нернигъ, въ статьѣ, посвященной тому же вопросу. Условія измѣненія *tьrt въ tart и tirt, *tьlt въ tilt и teł̨t указаны тѣ же, что и у проф. Брюкнера, причемъ отмѣчено тожество ихъ съ условіями измѣненія *ě въ ʹa (dědъ — dźad).

Только для tilt изъ *tьlt проф. Нернигъ не предполагаетъ болѣе ранней ступени ťelt и вообще осторожнѣе въ объясненіи различныхъ польскихъ варіантовъ, восходящихъ къ одной праформѣ. Иное освѣщеніе получили разнообразныя польскія формы, разсмотрѣнныя проф. Брюкнеромъ и проф. Нернигомъ, съ точки зрѣнія формулы ак. Фортунатова: *tъ̯rt, *tь̯rt, *tъ̯lt, tь̯lt, предложенной имъ въ 1887 году, или съ точки зрѣнія сонантической теоріи, непризнающей при слоговыхъ r̥, l̥ неслоговыхъ гласныхъ. И съ той, и съ другой точки зрѣнія,—оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, какая изъ нихъ заслуживаетъ предпочтенія, — становится понятнымъ, отчего мы не находимъ въ польскомъ въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ всюду обычныхъ рефлексовъ ъ и ь, т. е. e и ′e, но разнообразныя группы ar, ir, eĺ, il, łu, uĺ, oĺ; устраняется необходимость выводить, какъ то дѣлалъ проф. Брюкнеръ, ar изъ *er, łu или uĺ изъ *eĺ, не удивляетъ сочетаніе ir вм. ожидаемаго ′er. Неслоговой характеръ гласнаго передъ плавнымъ обусловливаетъ его подвижность, крайнюю зависимость отъ окружающей звуковой среды при измѣненіи въ полный гласный въ виду потери плавными r̥ l̥ слогового свойства. Такимъ образомъ, изъ сочетанія *ъ̯r̥ получаемъ въ польскомъ ar и рѣже ru, ur (mruczeć, mrugać, burczeć, kurcz), изъ *ъ̯l̥ — eĺ, oĺ и łu, uĺ, изъ *ь̯r̥ — ir, изъ *ь̯l̥ — il. Или, становясь на точку зрѣнія сонантистовъ: изъ *r̥ — ar (ru, ur), изъ *l̥ — eĺ, łu (ło), изъ *r̥′ — ir, изъ *l̥′ — il.

Проф. Брандтъ «Крат. фон. и морф. п. яз.» 3—4 с. проф. Брандтъ, ведя польское il изъ *l̥′ замѣчаетъ, что непонятными являются при этомъ русскія: волкъ, молчать. Но въ данныхъ формахъ имѣемъ спеціально русское измѣненіе ь̯l̥ въ ъ̯l̥ послѣ губныхъ согласныхъ ср. ак. Шахматовъ, Изв. VII 1, 292 с.

Формы съ — ar въ соотвѣтствіи съ *r̥′ съ сонантической точки зрѣнія объясняются тѣмъ, что еще оставаясь слоговымъ, r̥′ измѣнялось предъ твердыми зубными въ r̥ твердое.

Съ точки зрѣнія формулы *ь̯r̥ процессъ заключался въ измѣненіи предъ твердыми зубными группы *ь̯r̥ въ группу ъ̯r̥ ср. ак. Шахматовъ, Изв. VII 1, 280 с.

ак. Фортунатовъ еще въ общеслов. эпохѣ видитъ начало различія въ судьбѣ группы ъ̯р̥ предъ твердыми зубными и остальными согласными: предъ твердыми зубными р̥ л̥ въ сочетаніяхъ *ъ̯л̥, *ъ̯р̥ сохранились твердыми, предъ незубными измѣнялись въ р̥(е) л̥(е) подъ вліяніемъ предшествующаго ь. Изъ *ъ̯р̥ — ar, ′ar въ польскомъ, изъ *ъ̯р̥(е) — ir; такимъ же образомъ, eĺ изъ *ъ̯л̥ при il изъ *ъ̯л̥(е). «Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка» 1888 г., 143—149 сс.

Въ связи съ вопросомъ о происхожденіи польскаго — ar изъ *ъ̯р̥ или р̥′ стоитъ вопросъ, какъ понимать примѣры ziarno, dziarski, piardnąć, гдѣ изъ *ъ̯р̥ или р̥′ имѣемъ — ′ar, а не — ar. Въ противоположность проф. Брюкнеру, считавшему, какъ мы видѣли, польское — ′ar первоначальнымъ сравнительно съ — ar, проф. Бодуэнъ де К. въ статьѣ, посвященной кашубскому вопросу I, 73 с., видѣлъ органическую форму въ польскомъ — ar, въ противоположность кашубскому — ′ar, и объяснялъ польское ziarno вліяніемъ ziernisty или *zirnie dat. loc. s., nom. acc. dual.

проф. Миккола Beton. und Quant. 13 и сл. полагалъ, что объясненіе, данное проф. Бодуэномъ де К. для польскаго — ′ar, вѣрно и для того же сочетанія въ кашубскомъ: органическимъ рефлексомъ *ъ̯р̥ предъ твердыми зубными является и въ польскомъ, и въ кашубскомъ — ar.

Отвѣчая на вопросъ проф. Брюкнера Arch. XXI, 67 с., — на какой аналогіи могло быть основано dziarski, sioren (въ словарѣ Mączyńskiego), — проф. Миккола предполагаетъ въ старопольскомъ *dzirz, хотя и не доказанное, но весьма возможное въ виду кашубскаго: dzīrsci, dzīrzī; что касается sioren=siáren то въ этой формѣ проф. Миккола видитъ контаминацію sarna и *sirn, ср. sarni, sarnię, sarniec.

Эти объясненія проф. Микколы были признаны проф. Брюкнеромъ теоретически возможными, но мало вѣроятными въ виду того, что фактически мы имѣемъ дѣло обыкновенно не съ контаминаціей двухъ формъ, а съ проведеніемъ одной формы по всему склоненію: ср. siostrze при siostra, «слѣд. или zarno, zarnisty

или cierń вм. tarn по аналогіи ciernie, но напрасно мы стали бы искать какого нибудь *ciarn» Arch. XXII, 571 с.

Въ послѣднее время къ пониманію проф. Бодуэна де К. примкнулъ д-ръ Лоренцъ въ Arch. XXIV, 13; 34 сс.; принимая польское — ′ar вмѣстѣ съ проф. Бодуэномъ и проф. Микколой за «компромиссъ», онъ отказывается вмѣстѣ съ послѣднимъ видѣть такой же компромиссъ и въ кашубскомъ — ar: въ словинцскомъ находимъ лишь ′ar (за исключеніемъ zárno, sàrna, гдѣ ′ar невозможно въ виду общаго отвердѣнія s, z), и вообще формы съ ′ar тѣмъ рѣже въ кашубскомъ, а формы съ — ar тѣмъ чаще, чѣмъ ближе къ юго-востоку, къ польскому языку.

Вопросъ о полабскихъ соотвѣтствіяхъ, также подвергнутыхъ разсмотрѣнію проф. Микколой и др. Лоренцомъ, оставляю въ сторонѣ, за ненадежностью матеріала, на которомъ это разсмотрѣніе основано.

Наконецъ, ак. Шахматовъ высказался также за пониманіе польскаго — ′ar, какъ результата аналогіи образованій, вродѣ ziernisty. Изв. VII 1, 280 и сл. Въ вопросѣ о происхожденіи польскихъ формъ съ ar, ir, eł, il и т. п., ак. Шахматовъ занимаетъ позицію, среднюю между точкой зрѣнія ак. Фортунатова и проф. Бодуэна де К.: онъ признаетъ для общесловянскаго вѣрными формулы *tъ̯rt, *tъ̯lt, *tь̯rt, *tь̯lt, но принимаетъ общезападно-словянское измѣненіе этихъ сочетаній въ *trt, *tr′t, *tlt, *tl′t и ведетъ польскія формы непосредственно изъ послѣднихъ.

По его мнѣнію, уже въ эпоху общезападно-словянскую неслоговые ъ, ь вообще отпадали и выпадали; таковыми они были, напр., въ открытомъ концѣ слова и въ открытомъ слогѣ внутри слова, въ примѣрахъ, какъ: tъ̯ma, sъ̯na, bratъ̯, которые измѣнились въ tma, sna, brat. Параллельно и *tъ̯rgъ измѣнилось въ ту же эпоху въ *trg.

Признавая вмѣстѣ съ ак. Шахматовымъ формулу *tъ̯rt болѣе вѣрной, главнымъ образомъ въ виду ст.-слов. ръ, лъ, рь, ль, которыя было бы произвольнымъ принимать за выраженіе r̥, l̥, r̥′, l̥′, также въ виду русскихъ ор, ол, ер, ел, которыя удобнѣе

всего объясняются измѣненіемъ ъr̥, ъl̥, ьr̥, ьl̥ въ ъr, ъl, ьr, ьl со слоговыми ъ, ь,—не вижу достаточныхъ основаній для перенесенія сонантической формулы r̥, r̥′, l̥, l̥′ въ общезападно-словянскую эпоху.

Отнесеніе къ этой эпохѣ выпаденія ъ, ь въ словахъ, какъ bratъ, tьma, sъna, кажется мнѣ и недоказаннымъ, и маловѣроятнымъ (ср. ниже въ 8 гл.). Другихъ же несомнѣнныхъ указаній на измѣненіе *tъr̥t въ обще-зап.-словянскомъ въ *tr̥t въ отдѣльныхъ зап.-слов. языкахъ не нахожу. Не нахожу ихъ въ чешскомъ r̥ въ виду стоящаго рядомъ čer и řu, но еслибы чешскіе рефлексы и восходили именно къ r̥, r̥′, l̥, l̥′, а не къ сочетаніямъ слоговыхъ плавныхъ съ неслоговыми полугласными, то это еще не давало бы намъ права заключать къ общезападно-словянскимъ r̥, r̥′, l̥, l̥′. Для этого требуются согласныя показанія всѣхъ западно-словянскихъ языковъ. Но какія же указанія на измѣненіе сочетаній ъr̥ и т. п. въ r̥ и т. п. даетъ лужицкій или польскій?

проф. Флоринскій Лекціи II, 398 с. думаетъ, что еще въ XIV вѣкѣ польскій языкъ зналъ слоговыя плавныя r̥, l̥: «объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего различіе въ способахъ обозначенія этихъ звуковъ; то посредствомъ l, r, то чрезъ yl, ir, er, ar, то чрезъ ły, re». Однако собранные проф. Флоринскимъ примѣры далеко не представляютъ твердой почвы для подобнаго заключенія. Прежде всего нѣкоторые изъ нихъ къ нашему вопросу не относятся: въ примѣрахъ kirwyech при krwe, krwawil, lsciwego при ylsciwego, zlziwich, мы имѣемъ рефлексы первоначальныхъ сочетаній неслоговыхъ плавныхъ (согласныхъ r, l) со слоговыми ъ, ь; въ примѣрахъ czerekwe и czirekwi мѣсто гласнаго не мѣняется. Остаются неясныя для меня: obpliwicze при opylwitim и oplwita въ Флор. Пс., okrczon, Chrwathy, Drwena, Radlna; въ послѣднихъ 4-хъ примѣрахъ, если r, l представляютъ рефлексы разсматриваемыхъ об.-сл. сочетаній, никакъ нельзя видѣть доказательства отсутствія неслогового гласнаго предъ плавнымъ; въ такой мѣрѣ точнымъ польское правописаніе XIV в. быть не могло. Насколько вообще можно довѣ-

рять польской графикѣ XIV в., на которой основанъ выводъ проф. Флоринскаго, показываютъ именно первые примѣры: kirwyech при krwe и ylsciwego при lsciwego. Въ этихъ примѣрахъ ужъ во всякомъ случаѣ не могло быть слоговыхъ r̥. l̥, и потому что восходятъ они, какъ показываетъ сравненіе съ другими слов. языками, къ об.-слов. *rъ, lь съ неслоговыми r, l, и потому что со слоговымъ r̥ первое слово дало бы въ современномъ языкѣ *karwe, а не krwe, а второе со слоговымъ l прямо немыслимо: такое слоговое l̥ могло существовать только послѣ согласнаго, но не въ началѣ слова.

Прибавлю, что Б. М. Ляпуновъ въ «Изслѣдованіи о языкѣ синодальнаго списка 1-й Новгородской лѣтописи» 252 с. западнословянскія сочетанія ł̵u считаетъ «объяснимыми лишь дѣйствіемъ открытаго лабіализованнаго ł̵ на подвергшійся перестановкѣ неслоговой ирраціональный гласный»; по его мнѣнію, эти сочетанія «дѣлаютъ несомнѣннымъ предположеніе не только въ прачешскомъ, но и въ прапольскомъ формулъ *tl̥̂t, tl̥̂t». Но не станемъ отрицать возможности развитія ł̵u изъ l̥; мы все же съ другой стороны не находимъ поводовъ давать общесловянской формулѣ *tr̥̂t новый видъ, переходя къ эпохѣ западно-словянской, такъ же какъ не имѣемъ никакихъ основаній возстанавливать формулу *tr̥t для эпохи спеціально польской.

ак. Фортунатовъ (Лекціи по фонетикѣ старослав. языка, 143—149 сс.) выводилъ западно-словянскія формы съ ł̵u изъ *ъ̥̂l̥, принимая переходъ сочетанія *ъ̥̂l̥ *послѣ твердыхъ зубныхъ* въ *ъ̥̂l̥ уже въ общеслов. эпоху. ак. Шахматовъ, отрицая общесловянское происхожденіе этого явленія, признаетъ ł̵u результатомъ измѣненія ł подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ въ общезападнословянскомъ языкѣ Изв. VII 1, 287—288 сс. Но общесловянское происхожденіе *ъ̥̂l̥ изъ *ъ̥̂l̥ послѣ твердыхъ зубныхъ датируется соотвѣтствіемъ польскому długi, tłukę старословянскаго длъгъ, тлък — и русскаго долгій, толку. На болѣе раннее *ъ̥̂l̥ указываетъ литовскій: ilgas, ap — tilkęs.

Что касается польскихъ tart и кашубскихъ ćart изъ об.-сл. *tl̥̂rt, то эти формы не могутъ внести что либо въ рѣшеніе вопроса о предпочтительности формулы *tr̥̂t или *tr̥̂t для эпохи западно-словянской или кашубско-польской.

Словинцское выдержанное ćart, безъ исключеній въ пользу

tart, дѣйствительно не позволяетъ говорить объ аналогіи, о компромиссѣ въ кашубскомъ языкѣ. Формы эти одинаково могли бы быть выводимы какъ изъ tь̯r̥t, такъ и изъ tr̥′t. Въ первомъ случаѣ процессъ могъ бы быть представленъ: tь̯r̥t > t́ь̯r̥t > t́ъ̯r̥t > t́art > ćart; во второмъ: tr̥′t > t́r̥′t > t́r̥t > t́art > ćart.

Польское ćart, вѣроятно, слѣдуетъ понимать, какъ форму неорганическую: за это говоритъ и старопольское darski вм. современнаго dźarski, и то соображеніе, что, предполагая первоначальное польское ′ar въ *d́arn, *ḿartwy или даже ′ь̯r̥ въ *d́ь̯r̥n, *ḿь̯r̥twyj (d́r̥n, ḿr̥twyj) мы не могли бы объяснить, почему мягкость исчезла въ darn, parł, но сохранилась въ dźarski, ṕardnąć, źarno? Что же до пониманія процесса, лежащаго въ основѣ польско-кашубскаго различія, то возможна мысль д-ра Лоренца, примѣненная имъ къ такому же отношенію между польскимъ ar и полабскимъ *′ar предъ твердыми зубными: диспалатализація (въ сочетаніи ь̯r̥) въ польскомъ предшествовала смягченію предшествующаго согласнаго т. е. *tь̯r̥t > tъ̯r̥t еще прежде смягченія t, подъ вліяніемъ слѣдующаго ь; въ кашубскомъ, наоборотъ, диспалатализація слѣдовала за смягченіемъ: tь̯r̥t > t́ь̯r̥t > t́ъ̯r̥t (Arch. XXIV, 20 c.).

Остается сказать нѣсколько словъ о количественныхъ отношеніяхъ въ разсматриваемыхъ польскихъ сочетаніяхъ.

Рефлексы об.-сл. *tъ̯r̥t и об.-сл. *tь̯r̥t въ положеніи предъ твердыми зубными являются въ народныхъ говорахъ въ двухъ видахъ: ar (′ar) и -ár (-′ár) т. е. съ «наклоненнымъ» a — въ большинствѣ говоровъ, слѣд., — or (′or): напр. въ говорѣ с. Krzęcin г. Dobrzycki Rozpr. II s. XI, 340 c, отмѣчаетъ «наклоненное» á въ словахъ: cárny (= czarny), źárno, bářc (= barszcz), gářć (= garść), gárnek, tárńe при napařtek, kark съ a открытымъ. Въ говорѣ Мѣйской Гурки г. Лецѣевскій отмѣчаетъ: boᵘršč, čoᵘrny, moᵘrtwy, goᵘrp (garb), goᵘrnek.

Уже сопоставленія съ кашубскимъ достаточно, чтобы убѣдиться, что это á или o (oᵘ) въ данныхъ сочетаніяхъ является рефлексомъ долготы: ср. źárno съ каш. źôrno у Брониша, goᵘrp

съ каш. gôrp, cárny, čo^{u}rny съ каш. čôrni у него же 25 c., gářć съ каш. gôřc у Рамулта.

Какъ увидимъ во второй части изслѣдованія, — ár (or) является въ условіяхъ, въ которыхъ вообще старая долгота сохранялась, или гласный сократившійся получалъ вторичное удлиненіе въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ звонкимъ согласнымъ, — ar же вообще является въ условіяхъ сокращенія старой долготы. Отсюда мы вправѣ заключить, что первоначальная долгота сочетанія ъ̯r отразилась при измѣненіи — ъ̯r въ — ar въ долготѣ гласнаго a. Сокращаясь, ār давало ar, сохраняя долготу измѣнялось въ ā°r, затѣмъ ár, or.

Какое отношеніе къ количеству имѣютъ формы mruczeć, mrugać, burczeć, kurcz, не можемъ опредѣлить въ виду малочисленности этихъ сочетаній ru, ur. Рефлексомъ об.-сл. *ъ̯r въ современныхъ народныхъ говорахъ, какъ и въ древнепольскомъ, является сочетаніе ir, которое нѣкоторые изслѣдователи обозначаютъ, какъ ′ér съ «наклоненнымъ» e: ср. напр. въ прашницкомъ говорѣ Spraw. V, 80 c.: wéřch, puśéřb, ćéřpi, śéřp, pérsy, ćwérć или въ Krzęcinie Rozpr. XI, II s. 343 c.: śérć, pérsy, śérsoń. Повидимому, это ir или ′ér было единственнымъ рефлексомъ об.-сл. *ъ̯r, независимо отъ количественныхъ отношеній, по крайней мѣрѣ для противоположной мысли не имѣемъ никакихъ данныхъ. Въ кашубскомъ, у Ramułt'a находимъ — ir и er: pirši, viřba, smirc, čvirć, vircéc и serp, paserb, čeřńè, serce, wjeřch; какъ видимъ и на мѣстѣ — ir, и на мѣстѣ — er въ польскомъ находимъ одинаково ir или ′ér. Бронишъ для діалекта c. Heisternest датируетъ ′ör и ěr: śmörc; pš^{ü}örs, pš^{ü}örši, čěřvönī.

Вѣроятно, долгота сочетанія *ъ̯r, сохраняясь въ извѣстныхъ условіяхъ, являлась въ польскомъ въ видѣ *īr, съ долгимъ i, но слѣдъ этой долготы не сохранился, такъ какъ она не была связана съ подъемомъ артикуляціи. Аналогичное предположеніе можетъ быть высказано относительно польскаго — il изъ *ъ̯l.

Что касается рефлексовъ зап.-слов. *tъ̯lt (изъ *tъ̯lt и tъ̯lt), то уже были высказаны догадки относительно количественныхъ

и акцентуаціонныхъ условій появленія западно-словянскаго — ł̥u: проф. Брандтъ полагалъ, что — ł̥u являлось изъ l̥ въ положеніи предъ удареніемъ Р. Ф. В. 1882 г. № 4, 185—188; тоже — ак. Соболевскій въ Ж. М. Н. Пр. 1895, № 5, 87—89; д-ръ Облакъ думалъ, что tlut являлось только въ долгихъ слогахъ, а tlt въ краткихъ Arch. XVI, 207 с. Противъ того и другого взгляда основательно возражалъ въ уже цитированной въ этой главѣ книгѣ Б. М. Ляпуновъ, указывавшій на ограниченіе формъ — ł̥u въ польскомъ и лужицкомъ сочетаніями съ начальными твердыми зубными и чередованіе чешскаго lu съ lou т. е. чередованіе долготы и краткости въ самомъ — ł̥u.

Въ самомъ дѣлѣ, въ польскомъ — dł̥ug, чеш. dluh l̥ было подъ удареніемъ: ср. серб. dûg — dûga, р. долгъ — дóлга; также въ чеш. člun: с. čûn — čûna, р. чолнъ — чóлна; слѣд. примѣры эти противорѣчатъ мысли проф. Брандта. Д-ръ Облакъ обосновывалъ свою гипотезу тѣмъ наблюденіемъ, что «чешское tlut почти всегда соотвѣтствуетъ сербской долготѣ: dloubati, серб. dûbem, dluh с. dûg, chlum с. hûm, pluk с. pûk, sloup. с. stûp, tloući с. túći, slunce с. sûnce, člun с. čûn, žluč с. žûč, žluna с. žúńa, žlutý с. žût».

Въ настоящее время, когда уже изслѣдованы количественныя отношенія чешскаго и сербскаго языка, ясно, что въ этихъ сопоставленіяхъ д-ра Облака и въ самой его мысли кроется недоразумѣніе: указанныя изслѣдованія — проф. Лескина относительно сербскаго языка, ак. Ягича и за нимъ F. Čern'аго относительно чешскаго не оставляютъ сомнѣнія, что разсматриваемыя плавныя сочетанія должны быть принимаемы вообще за первоначально долгія, и что условія сокращенія или сохраненія ихъ долготы принадлежатъ особному развитію отдѣльныхъ словянскихъ языковъ (ср. II часть изслѣд.).

Такимъ образомъ, понимать — lu, какъ рефлексъ *об.-словянской* долготы, а l̥, какъ рефлексъ об.-словянской краткости данныхъ сочетаній, мы не можемъ. Остается вторая возможность: — lu является въ *спеціально чешскихъ* условіяхъ сохраненія дол-

готы, l̥ въ спеціально чешскихъ условіяхъ сокращенія ея. Но въ такомъ случаѣ часть сопоставленій Облака съ сербскимъ теряетъ всякое значеніе, ибо условія сохраненія и сокращенія об.-слов. долготы въ обоихъ языкахъ не совпадаютъ. Именно, сербская долгота въ dûg—dûga, pûk—pûka, čûn—čûna указываетъ на нисходящую долготу въ об.-сл., которая сохраняется въ сербскомъ, но сокращается въ чешскомъ.

Слѣдовательно, въ этихъ примѣрахъ какъ разъ должна быть не долгота, какъ ожидаетъ Облакъ, а краткость: отсюда — lu, а не lou. Наоборотъ, въ dloubati — c. dúbem, sloup — c. stûp — no g. s. stúpa, tlouci — c. túci сербская долгота иного типа указываетъ на первоначальное положеніе данныхъ сочетаній предъ удареніемъ: ср. р. долбáть, столпá, толчи́. Въ этомъ положеніи и сербскій, и чешскій сохраняли долготу: отсюда — lou въ чешскомъ. Этими разъясненіями подтверждается указаніе Б. М. Ляпунова на чередованіе долготы и краткости въ самомъ — lu въ чешскомъ.

Польское dług также является въ условіяхъ спеціально польской краткости, а польскія słup, tłuc, dłubać въ условіяхъ долготы, какъ увидимъ во II ч. изслѣд.

Въ другихъ польскихъ рефлексахъ зап.-слов. *ъ̯l: — eł, oł, ół, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, трудно съ полной увѣренностью установить зависимость отъ количественныхъ отношеній. И польскому oł, eł, вмѣсто котораго въ великопольскихъ говорахъ находимъ oł, и польскому ół соотвѣтствуютъ одни и тѣже сочетанія въ кашубскомъ: у Ramułt'a êł, у Bronisch'a — ôł, въ словинцскомъ o̯u̯: ср. польское pełny, великопол. połny, у Ram. pêłny, у Bron. pôlni; пол. czołno—у Ram. čêłno, у Bron. čôlno; п. żółć у Ram. żełc; п. żółty, żółtek у Ram. żêłty, żêłtk, Bron. żôłtẽ; wełna, великопол. wołna ср. со словинцскимъ vo̯u̯nă у Lorentz'a Arch. XXIV, 34 c.

Форма сравн. ст. žāltkšĭ при žôltė, вѣроятно,—новообразованіе по аналогіи bʹalšĭ, staršĭ при bʹôlĭ, stôrĭ, какъ думаетъ проф. Mikkola Bet. und Quant. 20 c.

Соч. — êl Ramułt'a, ôl Bronisch'a и o̯u̯ Lorentz'a, повиди-

мому,—независимы отъ количественныхъ различій: въ vêlk, vö̯k и vö̯na въ виду общихъ условій появленія долготы въ кашубскомъ — подъ старымъ ударе̇ніемъ (ср. II ч. изсл.) — êl, ö̯ должны быть разсматриваемы, какъ рефлексы краткости; на ударе̇ніе перваго слога указываютъ согласно русскій и сербскій: с. vûk — vûka, р. волкъ — во́лка; с. vűna р. во́лна (= шерсть); наоборотъ, въ кашубскомъ žêłtk изъ *žö̯ltъkъ, съ нефонетическимъ выпаде̇ніемъ ъ, тоже êl является на мѣстѣ ожидаемой долготы: въ положеніи предъ ударяемымъ слогомъ, ср. р. желто́къ, ч. žloutek.

Польское — ół на первый же взглядъ вызываетъ мысль о долготѣ своимъ ó, въ виду общаго отношенія ó и o; такому пониманію благопріятствуютъ źółtek, żółćić, гдѣ ударе̇ніе было, вѣроятно, на второмъ слогѣ; żółty также ему не противорѣчитъ: ср. сербск. žut — žúta, žúto, р. желтъ — желта́, желто́; только чешскій въ данномъ случаѣ указываетъ на ударе̇ніе перваго слога своей краткостью: žluty (нисходящее). Наконецъ и діалектическое (напр. сважендзское) żuła (u и ó въ Сважендзѣ совпали) — соотвѣтствуетъ съ этой точки зрѣнія сербскому žúła, р. желна́, чак žūná, но не чешскому žluna; единственнымъ неблагопріятнымъ выводу фактомъ являлось бы пол. żółć, въ которомъ не ожидали бы долготы въ виду серб. žûč — žü̯či и рус. желчь — же́лчи, согласно указывающихъ на ударе̇ніе корня, при которомъ долгота въ польскомъ сокращалась. Но и здѣсь я склоненъ предполагать связь — ół съ долготой: въ 8-ой главѣ мы увидимъ, что польскій языкъ въ формахъ именъ темы — i сохранялъ старое ударе̇ніе окончанія въ род., дат. и мѣстн. падежахъ, какъ показываютъ krwi, czći, brwi, płci, тогда какъ русскій и сербскій переносили въ эти падежи ударе̇ніе корня изъ имен. п. Думаю, что żółć восходитъ къ *žö̯łćь, гдѣ ударе̇ніе окончанія явилось подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей.

Съ другой стороны и польскія weła, peły, великопольскія vołna, połny не противорѣчили бы мысли, что -eł, -oł являлись въ польскомъ въ сократившемся слогѣ, при -ół въ сохранившемся

долгимъ: ср. weĺna, voĺna съ с. vȗna р. вóлна (die Wolle), peĺny, poĺny съ с. pȗn, pȗna, pȗno: удареніе въ об.-сл., вѣроятно, было на первомъ слогѣ; п. czoĺno не допускаетъ прямыхъ сопоставленій; czoĺn также представляло бы — oĺ въ сократившемся слогѣ, — подъ удареніемъ: с. čȗn — čȗna, р. чолнъ — чóлна.

Сважендзскій говоръ въ общемъ сходится въ рефлексахъ разсматриваемыхъ плавныхъ сочетаній съ иными польскими говорами, только на мѣстѣ — eĺ изъ *ъ̯ĺ, какъ и другіе великопольскіе говоры, имѣетъ — oĺ: ср. у Кольберга Zbiór I, 14 с.: poĺny woĺna, въ Miejsk'oй Górk'ѣ: poĺny, woĺna Rozpr. IX, 112. Эта великопольская черта соединяетъ польскую языковую территорію съ кашубской: ср. — ôl въ діалектѣ Heisternest'a у Bronisch'a 26 с.

Изъ об.-сл. *ъ̯r̥ находимъ въ Сважендзѣ при сохраненіи долготы — or (-ʹor): gorp — g. s. gorbu, boųšč = barszcz, kormić, źornko = ziarnko, gornek, čornyj, goųść, gouštka (garść, garstka).

При сокращеніи долготы изъ *ъ̯r̥ — ar: sarna, kark, tvardyj, otvartyj, źarna n. pl.; garĺo, pogardźić; — ru въ словѣ mrugać.

Изъ *ъ̯r̥ — обычно ir: vižba, višch, ćiźńe, piršyj, śirp; paśirp, paśirbica; но: serce.

Изъ *ъ̯ĺ — il: vilk, milčeć.

Изъ *ъ̯l̥ — oĺ, uĺ, ĺu (ĺy), u: poĺnyj, voĺna, čoĺn, čoĺno, dĺug; tłustyj; dĺuġi; żultyj, żultko (= żółtek); tłukać; żuć, żuĺna, słup, muvić, słyńce изъ słuńce.

7. Польскіе рефлексы об.-сл. ŏ, ĕ.

Об.-сл. *ŏ, ĕ являются въ польскомъ въ видѣ o, e, причемъ предъ начальнымъ o въ народныхъ говорахъ, въ отличіе отъ литературнаго языка, является приставной звукъ, повидимому u̯, которое изслѣдователи обозначаютъ чрезъ ᵘ(o), ᵤ(o), ŭ, обычно безъ точныхъ опредѣленій.

Ср. въ ропчицкомъ говорѣ ᵘokno, ᵘoko и т. п. Zbiór XIV, 32 с.; въ лясовскомъ — ᵘośec и т. п. Rozpr. VIII, 79 с.; въ пышницкомъ ᵘo ńim, ᵘoba Rozpr. V, 370 с.; въ зебржидовскомъ — ᵤöśec, ᵤöġeń Rozpr. IX, 154 с.; въ опочиньскомъ

ᵘoćec Rozpr. XI 151 c.; въ оппельнскомъ — ŭoćec, ŭoǵeй («ein kurzer labialer ŭ — Laut» oppeln. M. 4 c.); въ прашницкомъ — ŭodpust, ŭoćec Spraw. V т. 79 c.

Относительно говора Sromowiec Wyżnich находимъ болѣе точное опредѣленіе ᵘo: «to znaczy artykulacyę samogłoski o poprzedza zaokrąglenie i wysunięcie warg. Nie jest to zatem ani o, wymówione z równoczesnem wysunięciem i zaokrągleniem warg, ani też dyftong u̯o» Mat. i prace I 1, 54 c.

То же приставное u̯ характеризуетъ великопольскіе говоры: ср. у Кольберга Zbiór I, 9 c. ŭoły, ŭoda, у Лецѣевскаго — ᵘoču, ᵘokᵘo Rozpr. IX, 113 c.; въ частности говоръ сважендзскій: u̯oko, u̯o-ńim, u̯okno и т. п.

Только относительно говора Miejskiej Górki, характеризованнаго г. Лецѣевскимъ, должно замѣтить, что тотъ же приставной звукъ является въ немъ и внутри словъ: dᵘostać, gᵘospᵘoda и т. п. ibid. (ср. тоже въ зебржидовскомъ говорѣ Rozpr. IX, 154 c.). Въ говорѣ же с. Сважендза съ этимъ приставнымъ u̯ предъ начальнымъ o связано иное явленіе, которое отчасти было уже охарактеризовано въ гл. 3: параллельно описанной тамъ диссимиляціи сочетаній u̯u и ł̭u въ направленіи къ u̯u, ł̭y, сочетанія u̯o и ł̭o измѣняются въ направленіи къ u̯e, ł̭e: въ Сважендзѣ отъ тѣхъ же лицъ, которые говорятъ u̯un, u̯una, słyma, słyńce слышалъ я: u̯eb̆ot или u̯oᵉb̆ot, u̯esa или u̯oᵉsa, u̯eb̆ić infin.; bł̭oᵉto, chł̭ep или chł̭oᵉp, mydł̭oᵉ, słedki. Вполнѣ ясное e вм. o въ данныхъ сочетаніяхъ слышалъ я въ с. Wierzonka отъ одной крестьянки: u̯ečy, u̯esa, u̯ećec, u̯evca, u̯e-ńim, u̯eb̆ot, u̯ednega, chł̭epy, mł̭edy, bł̭eto ср. у Кольберга Zbiór I, 14 c.: «słewo v. sŭewo».

Въ положеніи предъ твердыми зубными и плавными, об.-сл. *ĕ въ польскомъ языкѣ, какъ извѣстно, перешло въ ′o; возникновеніе этого явленія, повидимому, относится къ эпохѣ доисторической въ жизни польскаго языка, такъ какъ оно датируется уже грамотами XII—XIII вв. Относительная древность его опредѣляется двумя моментами: съ одной стороны, какъ замѣтилъ Małecki Gramm. hist.-porówn. I, 135 c., оно старше вокализаціи ь > é: ср. ṕes, len; съ другой стороны, въ эпоху этого звукоизмѣненія сочетанія re, le изъ об.-сл. *er, el уже существовали: ср. trzoda, brzoza, wżód. То же явленіе находимъ въ кашубскомъ языкѣ.

По мысли Małeck'аго op. cit. 'e > 'o предшествуетъ и «измѣненію r̥, l̥ въ er, el», такъ какъ въ противномъ случаѣ было бы *ṕorwej, *ẃorcieć. Но замѣчаніе это неправильно, такъ какъ изъ r̥', l̥' или r̥̂, l̥̂ въ древнепольскомъ еще въ XIV в. было ir, а не 'er; такое измѣненіе 'e въ 'o возможно лишь предъ n, t, d, z, s, r, ł, а въ этомъ положеніи изъ r̥', l̥ или r̥̂, l̥̂ получалось — ar.

Въ современныхъ народныхъ говорахъ находимъ два рода отступленій отъ правила: съ одной стороны въ нѣкоторыхъ случаяхъ 'o является на мѣстѣ 'e изъ стараго ь: ср. въ оппельнскомъ говорѣ — koźol, ośoł при koźel, ośel Oppeln. M. 4 c.; въ говорѣ Krzęcina — koźoų̯, ų̯ośoų̯; въ говорѣ Miejskiej Górki: k$_{n}$oćoł, $_{n}$ośoł, $_{n}$oř̓oł; съ другой стороны въ условіяхъ, гдѣ ожидаемъ 'o, находимъ 'e: v́edę, ńesę, ḿetę, ṕerę, ƀerę, pĺetę, v́ezę, gńetę 1 s. pr. v́edą, ṕerą 3 pl., ḿetwa n. s. (= mietła), v́esna, ƀedra въ бржезинскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 181 c. и въ другихъ.

Ср. ƀere, gńete, ńése, ḿetla и т. п. въ ропчицкомъ повѣтѣ Zbiór XIV, 32 c.; gńete, véze, ḿete, ḿetla, v́esna, v́eslo, ƀedro въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 80 c.; тоже въ луковецкомъ — Spraw. V, 150 c., въ зебржидовскомъ Rozpr. IX, въ пышницкомъ Rozpr. V, 371 c. (II s.), въ прашницкомъ Spraw. V, 79 c., въ Стонавкѣ Rozpr. XII, 13 c.

Относительно великопольскихъ говоровъ то же явленіе датируетъ Кольбергъ: siestra, mietła, cietka, ciesać, piero, wiesło Zbiór I, 9 c. И то, и другое изъ указанныхъ отступленій извѣстно сважендзскому говору: koźuų̯, ų̯ożuų̯, koćų̯u, ų̯ośuų̯ и ų̯ośołek, однако рядомъ слышалъ я: ų̯ośeų̯; второе явленіе иллюстрируется слѣдующими фактами: ḿetla, ƀedra, ṕeron, v́ede 1 s. pr., ńese, v́eze, gńete, pĺete и т. п., при żona, śostra, pszczoła, ṕuro (=ṕóro), jęźoro, iḿona n. pl., iḿón g. pl. и т. д., ḿut = ḿótł partic., ńus = ńósł, v́ut = v́ódł.

Нѣтъ сомнѣнія, что и то, и другое явленіе — вторичны; первое, вѣроятно, объясняется вліяніемъ согласнаго ł на предшествующее l, какъ высказалъ уже L. Malinowski въ 1873 г. Ueber d. oppeln. M. 4 c.; второе — вліяніемъ аналогіи: v́ede, v́edom 3 pl. подъ вліяніемъ v́edźeš, v́ed͡źe, v́ed͡źeće; ḿetla подъ вліяніемъ формы loc. s.

Подвергшись въ извѣстныхъ условіяхъ вторичному удлиненію, краткія первоначально o, e измѣнялись въ направленіи къ

u и i; съ теченіемъ времени долгота была потеряна и остался лишь подъемъ артикуляціи. Объ условіяхъ этого вторичнаго удлиненія будетъ рѣчь во 2-й ч. изслѣд. Что касается его хронологіи, то прежде всего должно установить, что оно представляетъ фактъ особной жизни польскаго языка и не имѣетъ связи съ аналогичнымъ явленіемъ въ иныхъ словянскихъ языкахъ: сербскомъ, малорусскомъ, чешскомъ, какъ призналъ въ послѣднее время и ак. Шахматовъ, прежде думавшій иначе, Изв. VII i, 295 с. Далѣе, удлиненіе это позже указаннаго выше измѣненія ′e въ ′o и *ě въ ′a, иначе изъ *ledъ, medъ получилось бы *lēd, *mēd, ṕēro, т. е. *ĺéd, *ḿéd, *ṕéro, а не ĺód, ḿód, ṕóro, изъ *dědъ имѣли бы *dzéd, а не dźád.

Наконецъ, звуковой законъ этотъ еще дѣйствовалъ въ эпоху вокализаціи ъ, ь: dészcz, dźéń.

Непонятны слова проф. Брандта: «ó (вѣроятно путемъ подражанія) является и вм. вторичнаго o, представляющаго плодъ расширенія e: trzoda — trzód, какъ noga — nóg». Кр. Ф. и морф. п. яз. Почему «путемъ подражанія», а не фонетически?

По мнѣнію проф. Потебни Arch. III, 618 с., современное польское ó или u изъ ō получилось чрезъ посредство дифтонга *uo*. Въ обоснованіе такого взгляда можно было бы указать съ одной стороны на современный дифтонгъ uo изъ *ō въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 89 с. и Пышницѣ (uó), Rozpr. II s. V, 378 с.; съ другой — на древнепольскія написанія guor, huoh, synuow, skutkuow, wuola Семеновичъ «Ueber die Quant.» 35 с.

Но въ виду малочисленности древнепольскихъ примѣровъ uo, почти несомнѣнно, что они обязаны своимъ происхожденіемъ древнечешскимъ оригиналамъ, какъ предполагалъ проф. Бодуэнъ де-Куртенэ Beitr. VIII, 214 с. Указанія же двухъ говоровъ мало, тѣмъ болѣе, что общее явленіе польскаго языка при удлиненіи — подъемъ артикуляціи, но не образованіе двугласнаго.

Удлиненіе o, e представляетъ фактъ, общій кашубскому и польскому языкамъ, такъ какъ имѣетъ мѣсто въ нихъ при тожественныхъ условіяхъ; только кашубскій языкъ остановился на

болѣе древней ступени, сохранивъ при подъемѣ артикуляціи гласныхъ o, e и старую долготу ихъ: ср. ō и ē Бронища. Польскіе рефлексы ō и ē, утративъ эту долготу, или совпали съ u, i, или сохранились, какъ особые звуки, отличные отъ этихъ послѣднихъ. Сохраненіе ó наблюдаемъ, напр., въ говорѣ Sromowiec Wyżnich Mat. i prace I 1, 55 с., Stonawki Rozpr. XII, 21 с.; совпаденіе ó съ u датируется, напр., для луковецкаго говора Zbiór VIII, 244 с., зебржидовскаго Rozpr. IX, 136 с., въ говорѣ Miejskiej Górki ó также совпало съ u, но сохранило призвукъ u̯ предъ собой, который имѣетъ мѣсто вообще предъ o. Rozpr. IX, 120 с.

Нѣкоторые говоры обнаруживаютъ стремленіе къ подъему артикуляціи, переходу o въ u предъ носовыми согласными, независимое, повидимому, отъ старой долготы: ср. въ прашницкомъ говорѣ въ транскрипціи г. Grzegorzewicz'a: не только w dómu, zónа, что могло бы еще объясняться вліяніемъ иныхъ подъемныхъ формъ (dóm, žón g. pl.), но и gónić, wrónа, grómada, pómorek, хотя съ другой стороны — om въ dat. pl. не подчиняется этому правилу Spraw. V, 80 с.; въ пышницкомъ говорѣ kuńa g. s., kuńic и др. Rozpr. V (II s.), 370 с.; въ Krzęcinie: pŕypómnę, spómńáu̯, pómogę, su̯óma, kóńa g. s., kóńec, kóńcyna, Rozpr. XI (II s.), 342 с.

Относительно ē сохраненіе особой артикуляціи отмѣчено напр. въ говорахъ: зебржидовскомъ Rozpr. IX, 160 с., лясовскомъ Rozpr. VIII, 90 с., опочиньскомъ, въ послѣднемъ — колебаніе между сохраненіемъ é и i Rozpr. XI, 155 с. Совпаденіе é съ i(y) датируется относительно говоровъ Sromow'ецкаго Mat. i prace I 1, 56 с., луковецкаго Spraw. V, 154 с., бржезиньскаго Rozpr. VIII, 186 с., закопанскаго Rozpr. X, 172 с.

Въ великопольскихъ говорахъ é = i (y), по свидѣтельству Кольберга, около Познани и Шрема Zbiór I, 4 с. Въ говорѣ Miejskiej Górki, на мѣстѣ é, по словамъ г. Лецѣевскаго, являются два звука: одинъ — è «звучитъ, какъ французское eu напр. въ feu, другой — é возникаетъ глубже въ гортани и звучитъ сходно съ польскимъ y или i» Rozpr. IX, 121 с. Изъ примѣровъ того и другого звука, приведенныхъ авторомъ, нельзя выяснить, на чемъ основано это различіе. Второй изъ этихъ знаковъ авторъ замѣняетъ иногда знакомъ i, y: bŕyk, jeliń, wysokigo и т. п.

Въ сваженцзскомъ говорѣ рефлексъ ō является въ видѣ *u*, а рефлексъ ē въ видѣ *y*, *i*.

Примѣры ō:

Въ коренномъ гласномъ первичныхъ именныхъ образованій: stuo̯ = stół; vuo̯, nuš, dvur, mul, kuń, struj, sum, kłun, głuk, dum, guść=gwóźdź, łut (=łód), buł, suł, stuk=stóg; buk=bóg, gnuj, mut (=mód), duo̯=dół, łyj=łój, łyf=łów, musk=mózg, ruk=róg, rut=ród, vus=wóz, buj, bur, grup=grób, ruj, večur, papur, pruba, ružo̯.

Въ сложныхъ именныхъ образованіяхъ: vschut, dochut, namut.

Въ формахъ именныхъ образованій, какъ bužnica, rulnik, guvno, zbujnik, kułko, nuška, ružnyj, krutki предъ выпавшимъ ъ, ь суффикса.

Въ формахъ причастій n. s. m. nus = nósł, muk = mógł, vús = vózł и т. п.

Въ gen. pl. synuf, panuf, zymbuf, dvoruf, fsuf, słyf изъ słuf, mężuf, nuk = nóg, jęźór, imón, pleḿón и т. п.

Во флексіи dat. pl. — om: synum, panum, głovum, matkum, gośćum и т. д.

Въ формахъ imperativ'a, какъ ńe rup = nie rób, vychuć = wychódź.

Въ формахъ infinitiv'a buść, muc.

Въ префиксѣ сложнаго глагола: pujść, pujdźeš.

Въ мѣстоименной формѣ ktury, kturygo, kturymu и т. д.

Несомнѣннымъ должно признать для сваженцзскаго говора независимое отъ условій возникновенія ō измѣненіе o въ u предъ носовыми согласными m, n: на это указываетъ, какъ переходъ o изъ ā (á) въ u предъ данными согласными (pun, sum), такъ и u на мѣстѣ o въ примѣрахъ какъ kuńa, kuńowi и т. д., гдѣ врядъ ли можно допускать вліяніе аналогіи имен. п., такъ какъ такой аналогіи не замѣчаемъ предъ иными согласными: bur — bora, dvur — dvora, nuš — noža, stuo̯ — stoła и т. д.; далѣе примѣры

какъ puńeść, du-ńego, kuńec, źeľunyj, pumogać; въ ľupo изъ ľuno=ľono ó могло быть такъ-же происхожденія аналогичнаго ó въ pruba, ružoų (= próba, różoų).

Наконецъ, замѣчу, что въ окончаніи -go мѣстоименнаго склоненія также слышится звукъ, близкій къ u или съ нимъ тожественный: ńegó, do kogó, tegó, samygó, zľygó, gó (энклитич. форма = ńegó) или ńegu, kogu, tegu.... Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что это измѣненіе не имѣетъ связи съ количествомъ; быть можетъ, оно обусловлено вліяніемъ согласнаго g, причемъ благопріятствующимъ моментомъ является положеніе въ неударяемомъ слогѣ; подъемъ спинки языка при *u* выше, чѣмъ при o, и слѣд. ближе къ артикуляціи g.

gó вм. go находимъ также въ великопольскихъ текстахъ Кольберга, хотя вообще они и не отличаются точностью.

Примѣры ē: jiš (=jež), jeliń, kavalir, tališ (=taľerz), рядомъ съ źeńa нерѣдко можно слышать źiń'a; въ gen. dat. loc. s. m. прилагательныхъ полной формы dobrygo, čornygo, ṕiknygo и т. п. dobrymu, čornymu, ṕiknymu; dobrym, čornym, ṕiknym; dat. s. f. dobryj, čornyj, ṕiknyj. Изъ склоненія сложнаго ē перенесено въ мѣстоименное и именное склоненіе: samygo, samymu, samyj, našigo, našimu, naši; syndźigo (= sędźégo).

8. Польскіе рефлексы об.-сл. *ъ, *ь.

Об.-сл. *ъ, *ь, бывшіе, повидимому, гласными редуцированными, болѣе краткими сравнительно съ иными краткими гласными, въ польскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій, исчезли или же вокализировались: *ъ дало e, *ь — ′e.

Избѣгаю, какъ стараго, страдающаго неточностью, термина «полугласный», такъ и вызвавшаго съ разныхъ сторонъ возраженія термина «ирраціональный» гласный; употребляемый ак. Шахматовымъ въ послѣдней статьѣ о русскомъ полногласіи Изв. VII 1, 286 с., терминъ «полукраткій» также не кажется мнѣ удачнымъ: «полукраткій», строго говоря, значитъ лишь «не вполнѣ краткій» слѣд. больше или меньше краткаго.

По мнѣнію ак. Шахматова, еще въ *обще-зап.-слов.* эпоху *ъ, *ь измѣнялись въ извѣстномъ положеніи (въ открытомъ слогѣ, но не въ ударяемомъ начальномъ) въ неслоговые и затѣмъ въ ту же эпоху выпадали и отпадали: sъ̆na, tъ̆ma, bratъ̆ измѣнялись въ sъ̯na, tъ̯ma, bratъ̯ и затѣмъ въ sna, t'ma, brat. Изв. VII 1, 289 с.

Но помимо того, что ак. Шахматовъ не указалъ основаній своего взгляда, взглядъ этотъ маловѣроятенъ: относя къ эпохѣ западно-словянскаго единства выпаденіе въ открытомъ слогѣ ъ, ь, мы должны будемъ къ той же эпохѣ отнести и связанную съ этимъ выпаденіемъ и отпаденіемъ вокализацію ъ, ь въ закрытыхъ слогахъ; по крайней мѣрѣ относить первый процессъ къ эпохѣ западно-словянскаго единства, а второй къ періоду особной жизни зап.-словянскихъ языковъ было бы искусственно. Но если бы вокализація относилась къ эпохѣ об.-зап.-словянской, то ′е изъ ь подлежало бы спеціально польскому измѣненію въ ′о предъ твердыми зубными т. е. на мѣстѣ *lьпъ имѣли бы въ польскомъ *l′оп. Въ дѣйствительности вокализація *ь въ польскомъ, какъ уже было сказано въ гл. 7, позже измѣненія ′е въ ′о. Затѣмъ, относя къ эпохѣ зап.-слов. единства выпаденіе ъ, ь въ открытомъ слогѣ, мы ожидали бы одинаковыхъ послѣдствій этого выпаденія для гласнаго предыдущаго слога.

Въ дѣйствительности мы этого не замѣчаемъ. Польскій языкъ, какъ правило, знаетъ удлиненіе гласной предыдущаго слога; для чешскаго такого правила никакъ нельзя установить.

Въ чешскомъ мы замѣчаемъ обратное явленіе: если долгота основного слова обязана своимъ происхожденіемъ восходящему (условно) качеству долготы праславянской: kláda: колóда, krávа—корóва, vrána—воро́на, bába—с. ба̑ба, žába—с. жа̑ба, bříza—р. берёза и т. д. то въ уменьшительныхъ, образованныхъ отъ этихъ словъ съ помощью суффикса -ъka, всюду происходитъ сокращеніе: kladka, kravka, vranka, babka, žabka, březka и т. д. Исключеній очень немного. Наоборотъ, польскій въ основныхъ словахъ этой категоріи сократилъ праславянскую долготу: kłoda, krowa, vrona, baba, żaba, brzoza, въ уменьшительныхъ же удли-

няетъ: krówka, kłódka, brzózka, въ Свяжендзѣ bobka = bábka, ср. кашубскія: kròvka, kłòdka, brzòzka, bôbka у Ramułt'a.

Очевидно, что польско-кашубское удлиненіе въ этихъ словахъ хронологически позднѣе спеціально польско-кашубскаго сокращенія долготы подъ удареніемъ въ открытыхъ слогахъ и не можетъ быть отнесено къ обще-западно-словянской эпохѣ.

Къ подробному анализу условій удлиненія гласныхъ въ закрытыхъ слогахъ въ польскомъ, сравнительно съ чешскимъ, я вернусь ниже.

Пока же достаточно и этихъ бѣглыхъ замѣчаній, чтобы показать, что было бы болѣе вѣроятнымъ отнесеніе, какъ выпаденія и отпаденія ъ, ь въ открытыхъ слогахъ, такъ и ихъ вокализаціи въ закрытыхъ, — на эпоху особной жизни зап.-словянскихъ языковъ.

Можетъ возникнуть еще одинъ вопросъ: представляетъ ли отпаденіе ъ, ь въ концѣ и выпаденіе ихъ внутри словъ — факты одной и той же эпохи, или двухъ различныхъ? Кажется, на этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь въ формѣ отрицательной: нѣтъ твердыхъ данныхъ для отнесенія ихъ къ различнымъ періодамъ въ жизни польскаго языка. Такихъ данныхъ не находимъ ни въ смягченіи согласныхъ въ положеніи предъ ь въ концѣ и внутри словъ, ни въ формахъ удлиненія гласной предшествующаго слога, ср. ниже въ соотвѣтствующихъ главахъ.

Основнымъ условіемъ вокализаціи—ъ, ь являлось положеніе ихъ предъ слогомъ съ такимъ же редуцированнымъ гласнымъ ъ, ь (*закрытый слогъ*), условіемъ же выпаденія было положеніе предъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ (*открытый слогъ*).

Аппель еще въ 1880 г. подчеркивалъ значеніе въ этихъ процессахъ ударенія: «важную роль играло удареніе и въ исторіи паденія глухихъ гласныхъ ъ, ь: ударенныя гласныя ъ, ь замѣнены были гласнымъ *е*, неударенныя же исчезли.... Конечно, кромѣ ударенія, здѣсь дѣйствовали и другіе факторы (ср. Leskien «Die Vocale ъ und ь»....), «*но удареніе принадлежитъ безспорно роль первенствующая*» Р. Ф. В. 1880, III, 11 с.

Наоборотъ, проф. Polívka, разсматривая польскіе рефлексы об.-сл. *ъ, *ь въ 1897 г. Listy Fil. XXIV 110 с., оставилъ совершенно въ сторонѣ отношенія акцентуативныя и пришелъ къ выводу, что и для польскаго вѣрно правило, установленное проф. Gebauer'омъ для чешскаго: если въ словѣ нѣсколько слоговъ съ гласными ъ, ь, то они исчезаютъ въ нечетныхъ слогахъ, а въ четныхъ вокализуются т. е., давая правилу проф. Гебауэра болѣе научную формулировку, — ъ, ь исчезаютъ въ открытыхъ слогахъ, вокализируются въ закрытыхъ.

Если мы разсмотримъ примѣры, собранные проф. Поливкой по отношенію къ игнорированному имъ мѣсту ударенія въ словѣ, то замѣтимъ, что въ большинствѣ случаевъ, *гдѣ намъ доступно опредѣленіе мѣста ударенія*, то и другое условіе: открытость слога и неударяемость его совпадаютъ при выпаденіи ъ, ь въ польскомъ т. е. примѣры проф. Поливки не противорѣчатъ указанію Аппеля.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ на неударяемость слога съ ъ, ь согласно указываютъ, какъ сербскій, такъ и русскій языкъ:

Сербское удареніе ` и ´ указываетъ на старое удареніе слѣдующаго слога, ̏ и ̑ — того же слога.

п. pchła изъ płcha, błcha: р. блоха́, с. бу̀ха.

grzbiet—grzbietu; въ старо-польскомъ chrzbiet—chrzepta, Pul. ps.; справедливо проф. Polívka принимаетъ форму g. s. grzbietu за результатъ аналогіи. Форма им. п. вполнѣ соотвѣтствуетъ условію неударяемости перваго слога съ ь: р. хребе́тъ, с. хр̀бат; форма gen. s. chrzepta гармонируетъ и съ сербскимъ хр̏пта, и съ р. хребта́.

-klnę: р. кляну́ вм. клену́, подъ вліяніемъ infinitiv'a; с. ку̀не̂м.

chřest — chřtu: р. крестъ — креста́; с. кр̏ст — кр̀ста.

chrzcić изъ křścić: р. крести́ть, с. кр̀стити.

łgać: р. лга́ть, с. ла̀гати.

mgła: р. мгла́, с. màgla.

pies — psa: р. песъ — пса́, с. pȁs — psȁ.

pszenica: р. пшени́ца, с. шѐница.

łza изъ słza, slьza: р. слеза́, с. сы́за.

źdźbło изъ stьblo: р. стебло́, с. ста́бло, чаковское stābłò.

skło изъ stьklo: р. стекло́, с. ста̀кло.

smierć изъ *sъmьrtь: р. смерть, с. смр̏т.

sen — snu: р. сонъ — сна́, с. са̏н — сна̏.

ćma: р. тьма, с. та́ма.

dno: с. дно̏, р. дно.

grzmieć: р. греме́ть, с. гр̀мјети.

chcieć: с. хтје̏ти, р. хоте́ть.

dźeń — dnia: р. день — дня́; с. дâн — дâна, но старая форма gen. s. dně̏; форма дâна возникла подъ вліяніемъ им. п. ср. Leskien «Untersuchungen» I B, 15 с.

Такимъ же образомъ, можно предполагать, что ъ, ь былъ неударяемъ въ открытомъ слогѣ слѣдующихъ словъ: rczy Flor. ps. (imperativ.), zły — zła — zło: р. золъ — зла́ — зло́, с. зла̏ — зла̏ — зло̏; dwa: р. два́, с. два̂, gnać: с. гна̏ти, р. гнать; brać: с. бра̏ти, р. брать; szew — szwu: р. шевъ — шва; młyn: с. млӣн, малор. млин; mnogi: с. мно̏гӣ, р. многій; kvtę: zakwcze Flor. ps. ср. р. цвѣту́ вм. цвету́, подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ ѣ; łeb — łba: р. лобъ — лба́; lnąć: р. льну́ть; błščeć: р. блестѣть; mnę: р. мну́; mrę: р. мру́; pchać, pchnąć: р. пха́ть, пхну́ть; mdleć: р. мле́ть; -mknąć: р. -мкну́ть, с. за̀мкнути; krwawić, krwawy: р. крова́вый; mścić: р. мстить; pŕa: р. пьря́; mzda: р. мзда́; plwać: р. плева́ть, въ сербскомъ иное образованіе: пљу̀вати; zbór — zboru: р. собо́ръ, с. збо̀р — збо̀ра; zdrowy: р. здоро́вый, с. здра̏в; słać: с. сла̏ти, р. слать; spać: с. спа̏ти, р. спать; sto: с. сто̑, р. сто; tkać: с. тка̏ти, р. ткать; zwać: с. зва̏ти, р. звать; znać: с. зна̏ти, р. знать; и въ schowanie, skończanie ударепіе, несомнѣнно, было на тематическомъ гласномъ а глаголовъ, отъ которыхъ эти существительныя произведены, также въ глаголахъ pwać; prać; — rwać; łkać; въ trzcina — па суффиксальномъ i; въ ptak на суффиксальномъ a. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ неударяемость выпавшаго въ польскомъ ъ, ь доказывается лишь русскими параллелями; сербскій представляетъ отклоненіе: len — lnu: р. лепъ — льну́, но

с. ла̏н—ла̏на; łeż—łży: р. ложь—лжи́, но с. ла̂ж—ла̏жи; lew—lwa: р. левъ—льва́, но с. ла̏в—ла̏ва; reż—rży: р. рожь—ржи́, но с. ра̂ж—ра̏жи. Въ двухъ изъ этихъ примѣровъ: lev—lva и len—lnu польскій и русскій языки, быть можетъ, провели ударѐніе окончанія въ косвенныхъ падежахъ подъ вліяніемъ иныхъ именъ: sna, psa, pńa, dńa; или же формы съ ударѐніемъ окончанія существовали при формахъ съ ударѐніемъ корня діалектически уже въ обще-словянскомъ.

И примѣры ла̂ж—ла̏жи, ра̂ж—ра̏жи не говорятъ еще противъ принципа Аппеля: польскій языкъ въ данномъ случаѣ могъ имѣть, какъ и русскій, ударѐніе окончанія, болѣе первонача́льное для формы gen. s. темъ—i ср. нѣсколько ниже.

Съ другой стороны, польское uschnąć, не гармонируя русскому усо́хнуть, сходится съ сербскимъ усàхнути; ударѐніе было на глагольномъ суффиксѣ—nǫ.

Слово mech—mchu въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр. сважендзскомъ имѣетъ e и въ косвенныхъ падежахъ—mechu; въ русскомъ языкѣ также: мохъ—мху́ и мо́ху.

И вокализація ъ, ь въ польскомъ языкѣ въ закрытомъ слогѣ совпадаетъ обычно съ условіемъ ударяемости слога. Сюда относятся формы им. п. какъ len, lew, sen, pies, mech, въ которыхъ перенесѐніе ударѐнія съ конечнаго ъ на коренно́й слогъ, повидимому, предшествовало вокализаціи. Далѣе, подъ ударѐніемъ могла возникнуть форма czesny изъ čьstьnъ въ Magdeb ur ort.—ср. р. че́стенъ, че́стной, тогда какъ форма cny соотвѣтствуетъ р. честно́й. Соотвѣтствуетъ принципу Аппеля и польское wezmyesz ср. сербское ўзмѐм, др.-русское во́зметъ ср. ак. Шахматовъ Изслѣд. 34 с.; chrzesny—с. кр̏сни, р. кре́стный; lekki: с. ла̏к, -а, -о, р. ле́гокъ, ле́гкій.

Въ случаяхъ, когда два слога съ ъ или ь предшествуютъ ударѐнію, конечно, имѣетъ значѐніе лишь качество слога т. е. вокализируется ъ или ь, находящійся въ закрытомъ слогѣ, выпадаетъ—въ открытомъ: такъ изъ *šьrtáti ср. р. шепта́ть, с. шàптати получается szeptać; изъ *gъrtáti ср. р. ронта́ть—

п. reptać; изъ *gъmъzátь (въ с. лишь гàмзити)—п. giemzać; изъ *sъžьžé—seszcze Flor. ps.; изъ *žьnьcá, *šьvьcá, *kozьlьcá (ср. р. жнецá, отцá и т. п.), żenca, szewca, kozelca въ древнихъ памятникахъ ср. и chrzepta; наоборотъ, въ им. пад. ударение падало на предпослѣдній слогъ: *šьvьcь, *žьnьcь, *kozьlьcь; отсюда szwec, żniec, koźlec.

Мы видимъ, что въ общемъ положеніе проф. Поливки могло бы быть примирено съ принципомъ г. Аппеля. Только въ нѣсколькихъ случаяхъ выпаденіе ъ, ь находимъ въ слогахъ, которые являются ударяемыми какъ въ сербскомъ, такъ и въ русскомъ:

brew — brwi: р. бро́вь — бро́ви; с. бр̏в — бр̏ви.

cześć — czci: р. че́сть — че́сти; с. ча̑ст — ча̑сти.

krew — krwi: р. кро́вь — кро́ви; с. кр̏в — кр̏ви ср. еще—

lesć — lśći (др.-п.): р. ле́сть — ле́сти.

płec — płci: р. пло́ть — пло́ти.

Не нахожу, однако, возможнымъ признать эти факты доказательствомъ того, что ъ и ь исчезали въ открытомъ слогѣ и подъ ударениемъ, — въ виду слѣдующихъ соображеній.

Прежде всего, мнѣ кажется логически невозможнымъ исчезновеніе ударяемаго слога безъ предварительнаго перенесенія ударенія на другой слогъ, перенесеніе же ударенія съ корня на окончаніе въ формахъ *brě́vi, *krь́vi, *čь́sti, *lь́sti совершенно невѣроятно.

Обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что всѣ 5 словъ относятся къ i — темамъ.

Темы—i уже въ индо-европейскомъ праязыкѣ имѣли, повидимому, ударение окончанія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ падежей, какъ nom.-acc.-instr. sing., acc. pl. ср. Hirt Indog. acc. 208 c.

Указанія на это сохранились, между прочимъ, и въ словянскихъ языкахъ: ср. loc. s. въ русскомъ: въ брови́, въ кровй́, въ честй́, въ печй́, въ ночй́, во плоти́ и въ сербскомъ пѐћи, нòћи, чàсти, лàжи; gen.-dat.-loc. s. ржи́, лжи́, вши́, пути́.

Если въ чешскомъ находимъ: pí́ď, čáśť, pouť, twář, то эта

долгота можетъ быть объясняема только положеніемъ коренного гласнаго предъ старымъ удареніемъ: какъ извѣстно, чешскій языкъ, также и сербскій въ такомъ положеніи сохраняетъ старую долготу ср. Untersuch. Leskien'a 1893, 6 с. и Indog. Forsch. III, 251 с. Для слова pouť положеніе коренного гласнаго предъ старымъ удареніемъ дѣлаютъ несомнѣннымъ с. пȗт — пу́та, чак. pút — pūtà и р. путь — пути́; въ словахъ píď, část, twář долгота должна быть объяснена такимъ же образомъ, такъ какъ подъ удареніемъ она должна была бы сократиться: сербскій показываетъ, что долгота въ именит. п. подъ удареніемъ была (условно) нисходящая — пѐд — пѐди, чѐст — чѐсти, твȃр — твȃри, — а нисходящая долгота въ чешскомъ сокращается, — Indog. Forsch. III, 251 с. Слѣдовательно, въ чешскихъ píď, část, pouť, twář въ форму имен. п. проникъ типъ ударенія род.-дат.-мѣстн. падежей; наоборотъ, въ сербскихъ формахъ род. п. пѐди, чѐсти, твȃри и русскихъ пя́ди, ча́сти, тва́ри ударе́ніе коренного гласнаго явилось подъ вліяніемъ им. и вин. п.

Мнѣ кажется, что такое же объясненіе должно приложить и къ сербскимъ ча̏сти, кр̏ви, бр̏ви, русскимъ че́сти, кро́ви, бро́ви, ле́сти т. е. видѣть въ польскихъ brwi, krwi, czći, płći, ści сохраненіе стараго типа ударенія род.-дат.-мѣстн. падежей ед. ч. именъ i — темы: ср. въ кашубскомъ gen.-dat.-loc. krëvÍ, brëvÍ Bronisch 31 с. Съ другой стороны, можно, кажется, указать нѣсколько фактовъ, изъ числа разсмотрѣнныхъ проф. Поливкой, которые свидѣтельствуютъ, что ъ, ь могли вокализироваться и въ открытомъ слогѣ, разъ они были подъ удареніемъ.

Проф. Поливка приводитъ «szczegny» въ Kazaniach husity polskiego, каш. stegna и въ виду вокализаціи ь въ открытомъ слогѣ предполагаетъ основную форму *stьgъna; но въ старославянскихъ источникахъ находимъ лишь стьгно, стьгна ср. Микл. Lex. paleoslov., и нѣтъ необходимости дѣлать такое, ничѣмъ необоснованное, предположеніе, разъ допустимъ, что ъ, ь могли вокализироваться подъ удареніемъ и въ открытомъ слогѣ: ср. р. сто́гна, с. сте̏гна nom. pl. при nom. s. стѐгно.

пол. szept изъ *šьrъtъ противорѣчитъ правилу проф. Гебауэра; ожидали бы *špet; конечно, szept можно объяснить и вліяніемъ род. п.: szepta изъ *šьrьta; но интересно, что и сербское шапат, и русское шопотъ какъ разъ указываютъ на ударение перваго слога; при kozelca с. козàлца мы не находимъ kozelc, но лишь kozlec с. кòзлац; при kózełka изъ kozьlъka находимъ koziołek, контаминацію kozéłka и *koźłek, но не koźełk.

При польскомъ drzwi изъ *dvьri находимъ въ діалектахъ dveře (Bystroń «o mowie polskiej.... w księstwie Cieszyńskim» Rozpr. XII, 15 с.), dzwierze Prace fil. III, 305 с. проф. Поливка объясняетъ эту форму вліяніемъ аналогіи твор. пад. dźveřmi изъ *dverьmi.

Мнѣ кажется такое вліяніе формы instr. на имен. п. невѣроятнымъ; скорѣе дѣло объясняется тѣмъ, что форма имен. п. мн. ч., совпадающая въ звуковомъ отношеніи съ формой вин. п. мн. ч., приняла и ударение послѣдней — на корнѣ; отсюда вокализація ь въ им. п. мн. ч. въ открытомъ слогѣ.

Такимъ же образомъ, аналогіей gen. pl. desk объясняетъ проф. Поливка форму deska при «czka», которое находимъ въ памятникахъ; опять такп предполагать вліяніе одного падежа на всю схему склоненія, на всѣ остальные падежи, въ которыхъ ъ находилось въ открытомъ слогѣ и слѣд. должно было по правилу выпасть, въ высшей степени трудно. Мнѣ кажется, форма deska могла бы быть объяснена удовлетворительнѣе: слово *dъská принадлежало къ числу словъ, въ вин. ед., им. и вин. мн. оттягивавшихъ ударение на коренной слогъ: голова́ — го́лову; го́ловы; борода́ — бо́роду — бо́роды; доска́ — до́ску — до́ски и въ сербскомъ: nom. s. гла́ва, но acc. s. гла̑ву, nom.-acc. pl. гла̑ве; бра́да, но acc. s. бра̑ду, nom. acc. pl. бра̑де; да̀ска, но acc. s. да̏ску, nom. acc. pl. да̏ске. Форма deska, безспорно, возникла вслѣдствіе того, что им. п. *dъská принялъ типъ ударенія вин. п. *dъ́skǫ; слѣд. получилось *dъ́ska, откуда подъ ударениемъ, хотя и въ открытомъ слогѣ deska; такъ какъ ударение корня зналъ и им.-вин. п. мн. ч., то проведение формы съ вокализаціей ъ по всей схемѣ

склоненія менѣе удивительно, чѣмъ съ точки зрѣнія, предполагающей вліяніе gen. pl. desk.

Ассоціація nom. s. и acc. s. вполнѣ естественна, а фактъ проникновенія типа ударенія вин. п. въ именит. въ польскомъ въ такихъ словахъ доказывается и формами głowa, broda, ścana, strała, środa: какъ увидимъ ниже, во второй части изсл., при сохраненіи ударенія на окончаніи мы получили бы въ этихъ словахъ долгій т. е. позже наклоненный гласный.

Аналогичное объясненіе должно быть примѣнено и къ діалектическому błecha Rozpr. XII, 15 с., каш. błeха у Ram., хотя здѣсь и не имѣемъ указаній на перенесеніе ударенія на корень въ вин. ед.: р. блоху́, с. бу̏ху, а лишь въ им., вин. п. мн. ч.: р. им. мн. бло́хи, с. им.-вин. бу̏хе. Вѣроятно, въ данномъ діалектѣ переносъ ударенія на корень былъ и въ вин. п. Наоборотъ, не находимъ формы съ вокализаціей въ словѣ *slьzá, гдѣ также удареніе корня было лишь въ им.-вин. мн. ч.: р. сле́зы, но слезу́; с. су̏зе, но су̏зу; не находимъ вокализаціи и въ польскихъ рефлексахъ об.-сл. *tьmá, *mьglá, въ которыхъ удареніе окончанія было проведено по всей схемѣ склоненія.

Уже Аппель Р. Ф. В. 1880, IV, 70 с. искалъ причины двойственности рефлексовъ *dъska: cka и deska въ удареніи, но иначе представлялъ себѣ происхожденіе двухъ типовъ ударенія въ данномъ словѣ: «въ говорѣ, которому принадлежитъ форма cka, передвижка ударенія на предыдущій слогъ началась позже паденія глухихъ гласныхъ». Очевидно, г. Аппель думалъ, что форма deska возникла въ силу спеціально польскаго передвиженія ударенія; но во-первыхъ трудно думать, чтобы выпаденіе ъ, ь совершилось не въ одно и тоже время (приблизительно) во всѣхъ говорахъ; во-вторыхъ, польское передвиженіе ударенія, навѣрное — фактъ не такой глубокой древности, чтобы онъ могъ застать еще ъ, ь въ открытомъ слогѣ; поэтому естественнѣе думать, что въ двойственности cka — deska отразились еще общесловянскія акцентуативныя отношенія: *dъská — *dъ́skǫ.

Болѣе приложимо объясненіе аналогіей къ формамъ «deszcz», «deszczem» въ Pul. ps. при «dszdza», «dszdzowie», «dszdzye», «we dzdzu» въ томъ же или другихъ памятникахъ; но и здѣсь двойственность могла бы съ равнымъ правомъ быть возводима къ колебаніямъ ударенія: ср. р. дождь — дождя́, чак. dáž — dāžjà, но с. да̏жд — да̏жда. Тоже въ словѣ cieść — ćća и cieścia: слово

принадлежало первоначально къ i — темамъ; сербскій сохранилъ указаніе на удареніе окончанія въ род. п.: та̑ст — та̀ста; съ переходомъ въ темы — jo было связано передвиженіе ударенія, отразившееся въ русскомъ те́стя, чаковскомъ tàsta и польскомъ cieścia.

Значеніе для вопроса приводимаго проф. Поливкой изъ Софійской Библіи примѣра: se czczó swó мнѣ неясно; Małecki транскрибируетъ tścią; возможно, что форма эта представляетъ — instr. s. имени ж. р. темы — i, съ первоначальнымъ удареніемъ на окончаніи подъ вліяніемъ gen.-dat.-loc. sing. Въ примѣрѣ «na czczo», «to się czasem na czczo spiią» у Рея, которое проф. Поливка связываетъ съ *tъštь, ъ могъ быть неударяемъ ср. р. тощъ — тощá; также въ tszczicza = taedium (Flor. ps.).

Такимъ образомъ, можно считать условіями выпаденія ъ, ь въ польскомъ языкѣ открытость и неударяемость слога; условіемъ вокализаціи — закрытость или ударяемость слога.

Въ говорѣ Крженцина г. Dobrzycki открылъ «krótkie i, jakby ślad dawnego ь» въ словахъ «ṕĭńák — ṕĭńáka; pal̆ĭca, pal̆ĭce» Rozpr. XI, 335 с. причемъ въ словѣ pal̆ĭca на этомъ ĭ является удареніе; «palica, palice» отмѣчаетъ и г. Лось въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI 149 с. Конечно, странно въ этомъ явленіи видѣть, какъ то дѣлаетъ г. Dobrzycki, «архаизмъ». Сохраненіе ь въ одномъ или двухъ словахъ въ открытомъ, первоначально неударяемомъ слогѣ немыслимо. Какъ бы ни объяснялось оно (ср. объясненіе palice, маловѣроятное, у г. Аппеля Р. Ф. В. 1880 г., IV, 264 с.), — за архаизмъ его признать нельзя.

Получившееся изъ ъ, ь въ закрытомъ слогѣ или подъ удареніемъ е, ′е въ тѣхъ же условіяхъ, что и старое е, ′е, подвергалось вторичному удлиненію; дальнѣйшая судьба этого ē, ′ē та-же, что и ē, ′ē изъ об.-сл. *е.

Особо должно оговорить судьбу прасловянскихъ ъ, ь въ положеніи предъ j; вѣроятно, уже въ об.-сл. языкѣ ъ и ь въ такомъ положеніи подвергались фонетическому измѣненію въ направленіи къ ы, і, быть можетъ, сохраняя при этомъ свой редуцированный характеръ. Вѣроятно, эти особые звуки, редуцированные ы, і скрываются за колебаніемъ старословянской графики между ы, і и ъ, ь въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ: гоненьѥ — гонениѥ, костьѭ — костиѭ и т. п. Быть можетъ, эти редуцированные ы, і являлись и на мѣстѣ старыхъ об.-сл. у, і (изъ ū, ī) въ положеніи предъ j, въ случаяхъ, какъ биѭ — бьѭ ср. вообще

по этому вопросу у ак. Шахматова Изслѣд. 33 и сл., В. Н. Щепкина Разсужденіе 235 и сл. и Б. М. Ляпунова «Изслѣдованіе о языкѣ синодальнаго списка 1-ой Новгородской лѣтописи» 121 и сл.

Въ польскомъ языкѣ въ открытомъ неударяемомъ слогѣ такіе ъ, ь предъ j исчезли, стянувшись со слѣдующимъ гласнымъ въ одинъ долгій: sędziá, kośćią instr. s., znamenié съ наклоненнымъ гласнымъ. Въ закрытомъ слогѣ изъ ъ, ь предъ j находимъ y, i: dobry, letni, orli (въ Сважендзѣ еще dobryj). Если въ myję, kryję, biję мы имѣемъ дѣло съ редуцированнымъ y, i изъ первоначальныхъ y, i (ū, ī), то польскіе y, i въ данныхъ формахъ явились въ открытомъ слогѣ *подъ удареніемъ*, при чемъ въ biję удареніе явилось на редуцированномъ i подъ вліяніемъ ф.ф. остальныхъ лицъ: первоначальная схема, вѣроятно, была: bijǫ́—bíješь, bíjetъ и т. д., ср. могу́ — мо́жешь.

Судьба ъ, ь въ сважендзскомъ говорѣ въ общемъ та-же, что и въ другихъ говорахъ польскаго языка; ъ вокализуется въ открытомъ слогѣ, — подъ вліяніемъ ли аналогіи им. п. или подъ удареніемъ, не рѣшаю, — въ словахъ: mech — mechu и dyšč — dyšču; въ послѣднемъ примѣрѣ рефлексъ долгаго e — y во всякомъ случаѣ проникъ изъ именительнаго падежа.

Старое ъ, ь въ закрытомъ слогѣ является въ видѣ y, i въ виду вторичнаго удлиненія въ nom. s. именъ м. р.: syn — snu; ṕiń — pńa, d͡źiń — dńa, ľin — ľnu, dyšč — dyšču, u̯ógiń — u̯ogńa.

Наоборотъ, не находимъ удлиненія въ e изъ ъ, ь въ формѣ nom. s. именъ: ṕes — psa, mech — mechu, v́eś — fsi, češć — čći, kref — krv́i, marchef — marchvi, brukef — brukví; въ именахъ съ суффиксомъ -ek изъ -ъk-: pońed͡źałek, ftorek, kotek, dumek, kǫsek, panek, ṕosek, smutek, środek; въ именахъ съ суффиксомъ -ʹec- изъ -ьc-: v́ińec, chłoṕec, śostšyńec.

Особую категорію удлиненія представляетъ флексія instr. s.

masc. n. -ym, -im изъ -ъмъ, -ьмъ: synym, panym, u̯oknym, skšydłym, ṕurym, želazym, boǵim, polím, zbožym; nožym, zdańim, kuńim и т. п.

Удлиненіе вслѣдствіе выпаденія ъ, ь внутри слова находимъ въ прилагательномъ ćimnyj изъ *tьmьnyj: ср. setnyj, pewnyj; въ okinko, ṕosynka; въ существительномъ zymsta и энклитическихъ сочетаніяхъ: zy͡mnom, nady͡mnom.

9. Польскіе рефлексы об.-сл. согласныхъ.

Въ области консонантизма, — оставляя пока въ сторонѣ явленія комбинаторныхъ измѣненій, — свапендзскій говоръ не представляетъ почти никакихъ отступленій отъ общепольской фонетики. Съ другой стороны, и разсмотрѣніе общепольскаго консонантизма требуетъ значительно менѣе времени и мѣста, чѣмъ вопросы вокализма. Соединяю поэтому разсмотрѣніе об.-пол. и свапендзскихъ согласныхъ въ одну главу.

I. Изъ об.-сл. губныхъ *p, *b, *v губно-носового *m, носового *n, плавнаго *r, зубныхъ *d, *t, *z, *s въ положеніи ихъ предъ гласными *a, *o, *u, *ъ, *y, *ǫ — въ польскомъ языкѣ вообще и въ свапендзскомъ говорѣ въ частности находимъ согласные p, b, v, m, n, r, d, t, z, s: pęto изъ pǫto, baba, voda, morze, nad, zar, dar, tuk, sąd, zą̨b.

Изъ этихъ согласныхъ въ дополнительномъ замѣчаніи нуждается зубно-губной спирантъ v. Въ этомъ звукѣ отразились, какъ об.-сл. *v старое, полученное об.-сл. языкомъ изъ индоевропейскаго, такъ и v изъ приставного u̯, которое являлось въ об.-сл. языкѣ предъ начальными гласными ъ (ŭ), ū, ȳ, ā, ǭ: въ словахъ, какъ vǫsy (р. усы), vyknǫć, vapno, vtorek изъ *vъtorъkъ, vuj—ак. Фортунатовъ «Лекціи по старослав. яз.». При начальномъ ū приставное u̯ исчезло: ucho, ul, umieć, uzda, сохранившись только въ словѣ *vūjь: съ пол. vuj ср. болг. вуйна при уйка, малор. вуй, вуйна. Это обстоятельство ак. Фортунатовъ ibid. объясняетъ тѣмъ, что въ словѣ *vūjь изъ *u̯oju̯ь дифтонгъ

o̯u̯, находясь въ особомъ положеніи. — предъ j, измѣнился въ долгій закрытый гласный, предъ которымъ u̯ перешло въ v раньше, чѣмъ въ другомъ положеніи; *ūcho получилось изъ *u̯ou̯cho безъ посредства *vūcho, съ утратой u̯.

Какъ бы то ни было, но на необходимость различать въ польскомъ v два звука различнаго происхожденія даетъ указанія самъ польскій языкъ въ нѣкоторыхъ своихъ говорахъ: въ сважендзскомъ говорѣ литературному vuj также соотвѣтствуетъ форма съ губно-зубнымъ спирантомъ v предъ u; по въ говорѣ Stonawki, напр., находимъ ujec Rozpr. XII, 11 с., въ бржезинскомъ говорѣ ᵘujek, ᵘujanka Rozpr. VIII, 207 с.

II. Польское ł велярное восходитъ къ об.-сл. l несмягченному. Было ли это l звукомъ инымъ, чѣмъ ł велярное, трудно сказать. По мнѣнію ак. Шахматова, «общезападнославянскій языкъ получилъ изъ общеславянской эпохи два l: l (европейское) несмягченное и смягченное: ср. эти два l въ современныхъ южнославянскихъ языкахъ»; «я не вижу основаній», прибавляетъ онъ, «допускать для общеславянскаго языка существованіе звука ł, хотя можетъ быть l общеславянское и отличалось отъ такъ называемаго европейскаго l».

Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г., 56 с. ср. позже, въ 1902 году: «Въ общеславянскихъ сочетаніяхъ ol, el звукъ l звучалъ ł т. е. не такъ, какъ обыкновенное европейское l, а болѣе открыто (хотя звукъ общеславянскаго ł нельзя, повидимому, отожествлять ни съ русскимъ, ни съ польскимъ ł)...». Изв. VII 2, 307 с.

Ссылаясь на южнословянскіе языки, ак. Шахматовъ забываетъ, что и въ нихъ мы находимъ несомнѣнныя указанія на велярное ł: ср. напр. сербскую вокализацію конечнаго l въ o или измѣненіе плавныхъ сочетаній въ u: жути, сунце и т. п., въ нѣкоторыхъ же говорахъ въ o: hom, pono, soza, boha (Лагоста); эти явленія прекрасно объясняются близостью артикуляціи велярнаго ł къ артикуляціи гласныхъ u, o и становятся непонятными, коль скоро мы будемъ исходить изъ зубной артикуляціи l несмягченнаго; ср. аналогичное жѫто, дѫго западноболгарскихъ говоровъ изъ *zъłto, *dъłgo; проф. Лавровъ «Обзоръ» 112 с.

Иначе Облакъ, по мнѣнію котораго о изъ ł̥ въ Лагостѣ объясняется тѣмъ, что ł̥ измѣнилось въ среднее l: «wenn wir daneben, wie erwähnt, auch o finden, so glaube ich dies gegenüber dem u dadurch zu erklären, dass in diesen Dialecten sich das kurze l länger hielt als in den östlichen und dass, als der Wandel desselben in o aufkam, es nicht mehr hart gesprochen wurde — denn nur aus ł wird u — dass es vielmehr bereits zum heutigen mittleren l geworden war». Arch. XVI, 203 с. Но предположеніе Облака лишне: ł столь же близко по своему образованію къ o, сколько и къ u. Формы древне-сербскихъ памятниковъ, какъ слоу҃нце ср. Изв. III 4, 1152 с., вѣроятно, представляютъ предшествующую ступень въ развитіи формы *сунце*: *sl̥nce > *słuncе > sunce. Впрочемъ не исключена и возможность, что самое написаніе лоу҃ было выраженіемъ, по необходимости неточнымъ, слогообразующаго велярнаго ł. Въ случаѣ перваго пониманія, сербскій процессъ — прекрасная параллель діалектическому польскому измѣненію tłusty въ tusty.

Эти указанія южнославянскихъ языковъ не считаю однако рѣшающими вопросъ въ пользу предположенія об.-сл. ł велярнаго: ср. твердое зубное l русскаго языка.

Артикуляція польскаго велярнаго ł была уже мною охарактеризована относительно сваженцзскаго говора во введеніи къ изложенію фонетики. Сходное описаніе даетъ проф. Розвадовскій относительно ł въ выговорѣ образованныхъ классовъ общества зап. Галиціи Mat i prace I 1, 110—111 сс. Вѣроятно, ту же артикуляцію нужно предполагать и въ другихъ польскихъ говорахъ, изслѣдователи которыхъ, обыкновенно, не даютъ точнаго описанія даннаго звука.

ср. въ писаржовицкомъ говорѣ: «ł wymawia się wargowo» Spraw. IV, 10 с.; то же опредѣленіе — «wargowe» — находимъ относительно говора Krzęcin'a, Rozpr. XI (II s.), 345 с., относительно зебржидовскаго говора Rozpr. IX, 171 с. и относительно касиньскаго Rozpr. VIII, 247 с. На сохраненіе этимъ звукомъ особой артикуляціи указываетъ опредѣленіе, которое даетъ изслѣдователь бржезиньскаго говора, г. Zawiliński: «og.-pol. ł brzmi wargowo. Jest to coś różnego od przygłosu u na początku przed *o*, a niekiedy przed *u* się pojawiającego» Rozpr. VIII, 204 с.; ср. въ Sławkowic: «ł wymawia się dość wyraźnie» Zbiór X, 187 с.; въ Łukowcu: «dźwięk ł brzmi bardzo wyraźnie, jednak więcéj gardłowo» Zbiór VIII, 247 с. Относительно говора Sromowiec Wyżnich болѣе ясное опредѣленіе даетъ проф. Rozwadowski: звукъ этотъ «nie jest ani ł ani u̯, tylko niesonanticzna samogłoska z obojętnym układem języka, zależnym od następującej głoski, a silnie zaokrąglonemi i cofniętemi wargami» Mat. i prace, I 1, 60 с.

Въ иныхъ говорахъ, повидимому, ł измѣнилось въ u̯: въ оппельнскомъ говорѣ, по свидѣтельству L. Malinowsk'аго: «ł wird labial als kurzes ŭ ausgesprochen» Ueber die oppeln. M. 34 с.; объ этомъ переходѣ свидѣтельствуетъ и измѣненіе въ данномъ говорѣ siła въ «śuca» (точнѣе śŭca?); можетъ быть, u̯

скрывается подъ ł и въ записяхъ изъ одного мазурскаго говора г. Уляновской Zbiór VIII, 273, 300 сс.: если ẃuła, puśćuła и т. п. не обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи им. п. ед. ч. м. р. — *ẃüu̯, *puśćüu̯ (ср. «robiuł, postawiuł»), то измѣненіе i въ ′u (′ü?) могло быть вызвано лишь переходомъ ł въ u̯ и въ данномъ положеніи т. е. въ открытомъ слогѣ.

проф. Kopiernicki въ своей характеристикѣ горальскаго говора пишетъ вм. ł—û: gûowa, ûadny и т. п. Rozpr. III, 359 с.; г. Udziela въ текстахъ изъ Ropczyc:—biáªa—biała Zbiór X, 122 с.; г. Wierzchowski относительно повѣтовъ «Tarnobrzeskiego i Niskiego» свидѣтельствуетъ: «spółgłoski ł czysto nie wymawiają, zastępując ją brzmieniem podobnym do u» Zbiór XIV, 157 с. Въ послѣднемъ случаѣ, можетъ быть, подъ звукомъ, «подобнымъ *u*», скрывается все тоже велярное ł. Въ частности относительно *великопольскихъ* говоровъ Кольбергъ отмѣчаетъ переходъ ł въ ŭ (= u̯?) въ Odolanowie, Ostrzeszowie: «ŭawa, ŭożka» Zbiór I, 12 с.; можетъ, на совпаденіи ł съ u̯ основано и свидѣтельство г. Петрова о приставномъ ł въ рыпиньскомъ и липновскомъ уѣздахъ Плоцкой губ.: łogoп, łuczyć = ogoп, uczyć Zbiór, II, 5 с.

Въ предыдущемъ изложеніи уже были разсмотрѣны нѣкоторые изъ фонетическихъ процессовъ, связанныхъ съ физіологическимъ характеромъ звука—ł. Сюда относятся: 1) измѣненіе конечнаго ł послѣ гласнаго въ u̯: fstou̯, dou̯ = wstał, dał; 2) ассимиляція въ получившихся въ виду этого измѣненія группахъ: —yu̯, —iu̯: żuu̯, buu̯ изъ żyu̯ (żył) byu̯ (był); prośüu̯, zrobüu̯ изъ prośiu̯ (prośił), zrobiu̯ (zrobił); 3) диссимиляція въ группахъ łu, ło: słyńce, młedy изъ słuńce, młody; 4) исчезновеніе конечнаго ł въ положеніи послѣ согласныхъ: pšyšet = przyszedł; umar = umarł; ńus = ńosł; muk = mógł; ẃus = ẃózł; kłot = kładł и т. п. То же явленіе — внутри словъ, въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ согласныхъ, какъ japko = jabłko.

Послѣднее явленіе находимъ не только въ народныхъ говорахъ: ср. у горалей Rozpr. III 360 с., въ лясовскомъ Rozpr. VIII 116 с., въ опочиньскомъ Rozpr. XI 170 с., бржезиньскомъ Rozpr. VIII 205 с., зебржидовскомъ Rozpr. IX 171 с. и др.,— но и въ языкѣ образованныхъ классовъ общества ср. Mater. i prace I1, 110.

III. Об.-слов. небные взрывные k, g и фрикативный ch являются и въ польскомъ въ видѣ k, g, ch предъ гласными a, o u, ą, ę (изъ *ǫ); сочетанія согласныхъ k, g съ несмягченными гласными у и e изъ ъ измѣнились въ сочетанія ki, ke т. е. k, g стали

смягченными въ данныхъ сочетаніяхъ; то же — въ Сважендзѣ: sukinko, ćiɒ́gim, гдѣ i изъ é, а это послѣднее изъ ъ; druǵi, matki gen. s., tyɒ́gi, letki, colki n. s. m. Смягченными являются согласные k, g и предъ смягченными согласными: jaǵńe, kv́at, ǵv́ozda. Наоборотъ фрикативный ch сохраняется несмягченнымъ: muchy g. s., duchy n. pl., marchev — marchv́i.

Въ говорахъ прусскихъ мазуровъ г. Sembrzycki отмѣчаетъ измѣненіе ch въ смягченный фрикативный не только предъ y, но и предъ a: «chiyba, kochiany» Wisła III, 82 c.

Звонкій фрикативный h, существующій въ польскомъ въ заимствованныхъ словахъ, въ сважендзскомъ говорѣ замѣняется фрикативнымъ — ch: chaŀas, chraba, chańba, chardy, charbata, ср. тоже въ говорахъ: лясовскомъ Rozpr. VIII 111 c., зебржидовскомъ Rozpr. IX 170; изъ великопол. — въ Мѣйской Г. Rozpr. IX, 129 c.

IV. Въ положеніи предъ j об.-сл. согласные являлись смягченными: l, r, n въ такомъ положеніи являлись въ видѣ ĺ, ŕ, ń; (изъ ŕ затѣмъ ř и позже ž); согласные p, b, v, m измѣнялись въ группы ṕĺ, b́ĺ, v́ĺ, ḿĺ; діалектически же не въ началѣ слова въ ṕ, b́, v́, ḿ; послѣднее находимъ и въ польскомъ языкѣ.

О нѣсколькихъ отступленіяхъ, какъ grobla, kropla, см. проф. Флоринскій «Лекціи» II, 429 c. и проф. Брандтъ «Крат. фон. и м. п. яз.» 12—13 c.

Зубные взрывные d, t въ сочетаніи съ j дали въ польскомъ языкѣ dz, c — вѣроятно, изъ *dź *ć (на это указываетъ отсутствіе измѣненія ě въ ′a предъ c изъ *tj: sv́éca); зубные фрикативные s, z + j измѣнились въ *ś, *ź и затѣмъ въ š, ž. Небные k, g, + j дали аффрикаты *č, *d͡ž, откуда въ польскомъ č, ž; фрикативный небный ch + j измѣнился въ фрикативный š.

Этимъ общепольскимъ рефлексамъ праславянскихъ сочетаній «l, r, n, p, b, v, m, d, t, s, z, k, g, ch + j» соотвѣтствуютъ тѣ же звуки въ сважендзскомъ говорѣ: ĺ, ž (изъ ř — ŕ), ń, ṕ, b́, v́, ḿ, d͡z, c, č, š (изъ s + j и изъ ch + j), ž (изъ z + j и изъ g + j.).

V. Въ положеніи предъ гласными передняго ряда: *e, *ь, *ę; *i, *ě об.-сл. согласные r, l, n, p, b, v, m, s, z, d, t, повидимому,

не были смягченными: ср. въ старославянскихъ памятникахъ ре, рь при р̂е, р̀ь = rje, rjь.

Означенные согласные въ данномъ положеніи въ польскомъ языкѣ палатализировались, перешли въ смягченные ŕ, ĺ, ń, ṕ, b́, v́, ḿ, d́, t́, ś, ź. Нѣтъ необходимости возводить это смягченіе непремѣнно къ общезападнословянской эпохѣ, тѣмъ болѣе, что такое возведеніе пришлось бы ограничить лишь положеніемъ означенныхъ согласныхъ предъ гласными *i, *ě: чешскій языкъ своими формами nesete, kost, tma (ср. польскія ńeśeće, kość, ćma) указываетъ, быть можетъ, на полумягкіе согласные предъ e, ь, затѣмъ отвердѣвшіе.

ср. по вопросу о смягченіи согласныхъ ак. Шахматова «Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г.», 41—51 с.; также статью «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» въ Изв. I 4, с. 695—743.

Смягченное ŕ измѣнилось въ аффрикативный ř (приблизительно въ концѣ XII в. ср. проф. Бодуэнъ де К. «О др.—п. яз.» 53 с.), который затѣмъ въ большинствѣ говоровъ упростился въ ž, отвердѣвшее, какъ и ž иного происхожденія.

Сохраненіе ř, какъ особаго звука, напр. въ говорѣ зебржидовскомъ Rozpr. IX 170 с., въ Sromowcach Wyżnich Mat. i pr. I 1, 60 с., въ силезскихъ говорахъ Ueber Oppeln. M. 34 с. и др.

Приблизительно въ ту же эпоху, въ которую ŕ измѣнилось въ ř, смягченные d́, t́ перешли въ аффрикаты d͡ź, ć.

Об.-польскимъ смягченнымъ ŕ, ĺ, ń, b́, ḿ, v́, ṕ, d́, t́, ś, ź соотвѣтствуютъ сваженцзскіе ž, ĺ, ń, b́, ḿ, v́, ṕ, d͡ź, ć, ś, ź. При этомъ смягченные губные b́, ṕ, v́, ḿ въ концѣ словъ теряютъ палатализацію: ńe rup = ńe rób́; drup = drób́; ńedvop = hedvab; pof = paẃ; trof = traf́; то же — въ иныхъ говорахъ, напр. въ зебржидовскомъ Rozpr. IX, 173 с. или въ великопольскомъ говорѣ Miejsk'ой Górk'и Rozpr. IX, 130 с.

Губные согласные въ отличіе отъ другихъ неспособны къ непосредственному мульпированію т. е. извѣстной модификаціи артикуляціи и представляютъ одновременную артикуляцію губного взрыва или тренія (Reibung) и мульпированнаго язычнаго согласнаго; ср. Bremer «Deutsche Phonetik» 1893 г., § 64, пр. 2. Такимъ образомъ, губная артикуляція конечныхъ p, b, v, m, f остается неизмѣнной, исчезаетъ лишь одновременная артикуляція язычнаго j.

VI. По отношенію къ смягченію означенныхъ согласныхъ въ положеніи предъ ь необходимо сдѣлать дополнительное замѣчаніе: смягченіе согласныхъ предъ ь конечнымъ проведено въ польскомъ языкѣ вполнѣ послѣдовательно: kość, gość, gwoździ, pięć, sześć, pić, bić, dzień, koń, twarz, lekarz, pisarz, skotarz, król, sól, kowal', łabędź, pieśń, wieś, gęś и т. д.

Между тѣмъ внутри словъ при lva, lnu, klnę, koźlę, wiezmę, trzćina, chrześćić, ćma, źdźbło находимъ: dnia, łza изъ *slьza, psa, pšenica, mniej, mniemać, mścić, mgnąć, prawda, orła, kotla, osła, orle, kotle, osle, morski, malarski, pisarski, podkomorstwo, zawistny, kostnica, godny, głodny, konny, żelazny; при jutrznia, wnętrzny, wietrzny имѣемъ: mierny, wierny, gospodarny; при kwaśny, ukośny, głośny — ciasny, cielesny, doczesny, jasny и miłosny, własny, zazdrosny.

Уже Małecki, сопоставившій эти примѣры, установилъ въ общемъ правильную точку зрѣнія на нихъ: онъ разсматривалъ примѣры съ твердой согласной предъ выпавшимъ ь, какъ результатъ комбинаторнаго измѣненія согласныхъ: предъ согласными с и s «rz» отвердѣваетъ въ r; предъ ĺ, l отвердѣваютъ «rz, ć, dź, ś, ź», предъ n, ń отвердѣваютъ «rz, ć, dź, ń» т. е. на ихъ мѣстѣ являются r, t, d, n. Gramm. hist.—porówn. I 150—151 c.

Необходима лишь оговорка, что отвердѣвали не rz, ć, dź, но *ŕ, *t́, *d́, еще до измѣненія этихъ согласныхъ въ ŕ, ć, dź. Формы miłosny, własny, zazdrosny получили группу sn изъ *stьn; въ формахъ же jutrznia, wnętrzny, wietrzny сохраненіе первичнаго «rz» Małecki объясняетъ вліяніемъ предшествующаго ему t, хотя самъ замѣчаетъ, что въ словѣ jędrny предшествующее мягкому r — d не имѣетъ такого задерживающаго вліянія.

Въ группѣ śn Małecki принимаетъ смягченіе за первоначальное, оставляя безъ объясненія «исключенія»: ciasny, cielesny, jasny. Какъ результатъ комбинаторнаго измѣненія, разсматривалъ польское dńa при ćma О. Брохъ въ небольшой замѣткѣ: «Русское тьма — дня, польское dńa — ćma» въ Сборникѣ статей въ честь проф. Корша, 277—281 с.: встрѣча d́ со слѣдующимъ

n и вообще съ однородной по мѣсту образованія согласной препятствуетъ палатализованному d́ взрываться обыкновеннымъ образомъ, какъ въ концѣ слова, а потому исчезаетъ тотъ переходный «звукъ — chi», который является необходимымъ элементомъ въ образованіи польского dź. Въ widńy и т. п., разстояніе между артикуляціей d́ и слѣдующаго n слишкомъ малое для того, чтобы не произошла ассимиляція: исчезаетъ лишь дорсальный подъемъ, который вноситъ въ артикуляцію d палатальность.

Процессъ иллюстрируется и русскими *видный*, *судный*, *сводный*, *родство* при: *вѣдьма*, *городьба*, *свадьба*, *судьба*, *батька*, *дядька* и т. п. Русскимъ *судный*, *видный*—параллельны польскіе godny, głodny. Совершенно тотъ же процессъ ассимиляціи представляетъ польское konny, р. конный изъ *końnyj; n. żelazny и р. желѣзный, n. ła изъ ła; n. osła и osle и р. осла; n. własny изъ *własńy; n. jasny, р. ясный изъ *jaśnyj; n. wierny р. вѣрный изъ *věŕnyj; n. morski и р. морской. Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ ńn, ła, źn, śl, śn, śn, ŕn, ŕsk переходъ отъ перваго согласнаго съ дорсальнымъ подъемомъ къ второму безъ такового является затруднительнымъ.

Что касается формъ jutrznia, wnętrzny, wietrzny, то объясненіе Małeck'aго, конечно, не можетъ быть принято: предшествующее t не измѣняетъ дѣла, а наоборотъ благопріятствуетъ измѣненію сочетанія ŕn въ rn, ср. и jędrny; rz явилось въ данныхъ словахъ на мѣстѣ r, вѣроятно, не фонетическимъ путемъ: jutrznia подъ вліяніемъ jutrzeńka, jutrzejszy, jutrzeć; wnętrzny подъ вліяніемъ wnętrz, wnętrze; wietrzny подъ вліяніемъ wietrzyk, wietrzysty, wietrzyć, wietrzeć. Точно такъ-же и głośny, kwaśny, ukośny не первоначальны, какъ думаетъ Małecki, но явились подъ вліяніемъ głosić, kwasić, kwaśec (gen. s. kwaśca), *ukosić; ср. р. гласный, квасной.

Измѣненіе группъ ṕs, ṕš, ḿn, ḿść, ḿg, v́d въ группы ps, pš, mn, mść, mg, vd также находитъ себѣ параллель въ русскихъ: пса, пшеница, мнить, мстить, правда, мгла и представляетъ также исчезновеніе дорсальной артикуляціи, одновременной губ-

ному взрыву, при переходѣ къ слѣдующему согласному; такое исчезновеніе j было отмѣчено выше и при конечныхъ губныхъ.

VII. Небные k, g, ch въ положеніи предъ гласными передняго ряда уже въ общесловянскую эпоху, какъ можно думать въ впду согласнаго показанія отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, измѣнились въ č′, ž′ (изъ d͡ž′) š′, а предъ рефлексами дифтонговъ, затѣмъ совпавшими съ ě, i иного происхожденія, въ ć, d͡ź, ś. Послѣдніе смягченные согласные находимъ на мѣстѣ небныхъ k, g, ch и въ результатѣ вліянія предшествующихъ гласныхъ передняго ряда, въ примѣрахъ, какъ *polьd͡źa, *stьd͡źa, *ovьća.

Объ этомъ смягченіи см. статью проф. Бодуэна де К. Indogerm. Forsch. IV (1894 г.) 46—53 с. То же вліяніе предшествующей гласной принимаетъ ак. Шахматовъ, но иначе опредѣляетъ условія этого вліянія Изв. I 4 (1898 г.), 703 с.

Кромѣ того *ć получалось діалектически, вѣроятно, и изъ группы kt въ положеніи предъ гласными передняго ряда: *reć̨ь изъ *pekti. На мѣстѣ ś изъ ch юговосточныхъ словянскихъ языковъ—въ западнословянскихъ языкахъ, какъ извѣстно, является š: loc. s. f. пол. msze, чеш. mouše, лужицкое muše, словинцское mūšä; gen. s. чеш. všeho, в.-луж. všeho, н.-луж. šogo, пол. wszego, словинцское fšię̨vå; внутри слова такое западнословянское š на мѣстѣ ś иныхъ словянскихъ языковъ находимъ въ ч. šedý, п. szadawy и чеш. šery, н.-луж. šery, п. szary.

Ср. Ж. М. Н. Пр. 311 т., № 5, 44 с. (ак. Соболевскій) и Z. K. XXXVII 2, с. 265.

Смягченные согласные *č′, *ž′, *š′, *ć, *d͡ź, какъ изъ k, g, ch, kt, такъ и изъ *tj, *dj, *sj, *zj въ польскомъ языкѣ отвердѣли, — вѣроятно, еще въ эпоху доисторическую, когда d, t предъ гласными передняго ряда сохранялись, какъ d, t или какъ d′, t′.

На мѣстѣ общепольскихъ твердыхъ š, ž, č также ř находимъ мягкіе лишь въ переходныхъ польско-чешскихъ говорахъ: ср. въ говорѣ Stonawki Rozpr. XII, 9 с.

Относительно діалектической замѣны согласныхъ š, ž, č свистящими s, z, c (т.-н. «мазураваніе») см. книгу г. Dobrzyckiego «O tak zvanem mazurowaniu w języku polskim» Krakow 1900 г.

Въ свацендзскомъ говорѣ общепольскимъ č, š, ž, c, dz соотвѣтствуютъ также твердые š, ž, č, c, dz.

VIII. Изъ об.-сл. j различнаго происхожденія находимъ общепольское и свацендзское j. Замѣчу, что въ свацендзскомъ говорѣ конечное j въ n. s. m. прилагательныхъ полныхъ послѣ у не исчезаетъ, какъ въ другихъ говорахъ, но слышится довольно ясно: dobryj, mocnyj, godnyj и т. п. Наоборотъ tani, letńi, orli и т. п. безъ j.

IX. Подобно другимъ говорамъ польскаго языка, свацендзскій говоръ измѣняетъ звучный согласный предъ слѣдующимъ беззвучнымъ въ беззвучный: ofca = owca; ićće = idźće; fstaje = wstaje; łyško = łużko; fšystko = wszystko; сказанное имѣетъ значеніе и по отношенію къ конечнымъ согласнымъ въ тѣсномъ сочетаніи словъ: f tyj = w téj; ukłot pot te gure = układł pod tę górę, pot kośołek; тогда какъ предъ звучнымъ согласнымъ слѣдующаго слова конечный согласный звучный предыдущаго сохраняется звучнымъ: teroz do boru; mug głowe vetknunć; tyž za ńum. . . и т. п.

Предъ звучнымъ согласнымъ, наоборотъ, беззвучный измѣняется въ звучный: prośba = prośba, zberać, zbliska и т. п.

X. Въ заключеніе отмѣчу нѣкоторыя частныя явленія свацендзскаго консонантизма.

Группа согласныхъ jdź измѣняется въ ńdź въ глагольныхъ формахъ vyńdźe, dońdźe, zańdźe, pšyńdźe. Hanusz предполагаетъ вліяніе формъ *vъnić, *vъnidę (въ Свацендзѣ vńišć), гдѣ n относится къ префиксу въ Przeglądu Akademickiem 1881 г. Kraków 163 c.

Группа źm· измѣняется въ группу źń въ глагольной формѣ veźńe 3 s. pr.; ср. въ лясовскомъ говорѣ: vezne 1 s. pr., veznô Rozpr. VIII 115 c. въ бржезиньскомъ: veznę, veźńes, veźńe и т. д. Rozpr. VIII 207 c. Вѣроятно, оказали вліяніе формы, какъ vźenli изъ vzięli, vźun, vźena, vźeno.

Группы -dьc, -tьc измѣняются въ польскомъ языкѣ въ -jc; въ Свацендзѣ находимъ также zdrojca = *zdradьca, ojca =

*otьca, но roćca = *radьca; nom. s. oćec, a не ojćec, явившееся въ литературномъ языкѣ подъ вліяніемъ gen. s.

Вмѣсто ожидаемой группы śrz изъ śŕ находимъ śr: środa, śrybro (въ другихъ говорахъ srybło, съ диссимиляціей). Явленіе это отмѣтилъ уже Małecki Gramm. 1863, 48 с. Вѣроятно, ŕ отвердѣло въ группѣ śŕ еще до измѣненія ŕ въ rz: артикуляція ś и слѣдующаго за нимъ ŕ слишкомъ близки; отсюда — диссимиляція; ср. также źrenica, źródlo при zdŕódno въ оппельнскомъ говорѣ, гдѣ также stŕibro, postředni Ueber d. oppeln. M. 34 с. Группа źŕ, вѣроятно чрезъ посредство źŕ, также измѣняется въ źr: źre 3 s. pr. (źrom 3 pl. pr.); źrybe n. s.

Группа st измѣняется въ zd въ формахъ вспомогательнаго глагола: jezdem, jezdeś, jezdemy, jezdeće. Это явленіе отмѣчено и въ другихъ великопольскихъ говорахъ Кольбергомъ Zbiór I, 7 с. въ частности въ говорѣ Miejsk'ой Górki г. Лецѣевскимъ Rozpr. IX, 145 с.

Согласный f замѣняется группой chv: parachvijoų, chvołki. Слово hedvaƀ является въ видѣ ńedvop.

m вм. n — въ словѣ żołm'eš = żołnierz,

Вмѣсто wielbląd вслѣдствіе диссимиляціи — velbrunt (изъ velbrǫd).

Вмѣсто porcelana — porcenel въ результатѣ перестановки.

Условія возникновенія общепольскихъ долготъ.

1. Исторія вопроса.

Соотвѣтствіе «наклоненныхъ» гласныхъ польскаго языка двойнымъ написаніямъ древнепольскихъ источниковъ, освѣщаемое свидѣтельствами ороографа XV в. Паркоша и XVI в. Заборовскаго, давно уже установило въ научной литературѣ взглядъ на эти гласные, какъ на слѣды былыхъ долготъ.

Паркошъ: «Omnes vocales apud Polonos modo longantur, modo breviantur. Ex quarum longatione vel breviatione diversus consurgit sensus dictionis.... Quia regulas prosodiae Polonis illiteratis difficile foret tradere, oportuit, ut in scribendo quantitas vocalium exprimatur. Quod alio modo facere facile non est, nisi ut vocalis longa geminetur et brevis simpla ponatur. Ut Adaam, ubi primum *a* breve, secundum longum et geminatum»....

Заборовскій: «Antiqui Poloni longas vocales geminabant, breves simplicibus pingebant figuris».

Изъ этого убѣжденія исходилъ въ своихъ замѣчаніяхъ, посвященныхъ наклоненнымъ гласнымъ Małecki въ 1863 г., принимавшій показанія Паркоша и Заборовскаго, какъ несомнѣнное доказательство существованія долгихъ гласныхъ еще въ историческую пору жизни польскаго языка.

«W XIV i XV wieku była jeszcze w języku polskim iloczasowa różnica między samogłoskami; zatarła się z końcem XV i początkiem XVI stulecia» Gramm. jęz. polsk. 9.

При этомъ Małecki вѣрно подмѣтилъ, что всѣ примѣры «наклоненныхъ» гласныхъ распадаются на двѣ категоріи: въ пер-

вой «наклоненность» или «сжатость» является постоянной чертой гласнаго слова т. е. проходитъ чрезъ всю схему склоненія: напр. въ словахъ biés — g. s. biésa, mléko, stróż — g. s. stróża; вторая категорія примѣровъ имѣетъ наклоненный гласный лишь въ nom. s.: wół — g. s. wołu Gramm. jęz. polsk. 37 c. Это наклоненіе второго рода, — устанавливаетъ Małecki, — имѣетъ мѣсто въ концѣ словъ предъ звонкимъ первоначально согласнымъ, съ отпавшимъ послѣ него «полугласнымъ».

Что касается первой категоріи примѣровъ, подъ это правило не подходящихъ, то она осталась у Małeck'аго необъясненной.

Существованіе долгихъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ еще въ XV в. принималъ въ виду показаній Паркоша и Заборовскаго и проф. Бодуэнъ де К., тогда какъ ks. Ksav. Malinowski относилъ исчезновеніе количественныхъ различій къ эпохѣ доисторической.

проф. Бодуэнъ де К. «О др.-п. яз.» 1870 г., 69 с. ks. Ksav. Malinowski Krytyczno — porównáwczá gramatyka języka polskiego» 1869 г., § 30.

Послѣдній взглядъ защищалъ въ 1872 г. и Семеновичъ въ спеціальной монографіи, посвященной вопросу о количествѣ въ польскомъ языкѣ.

«Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im altpolnischen von Anton Semenowitsch» Leipzig 1872 г.

Принимая «наклоненные» гласные, какъ и Małecki и др., за слѣдъ старой долготы и собирая изъ древнепольскихъ текстовъ примѣры двойного написанія гласныхъ, Семеновичъ всѣ усилія свои направляетъ на доказательство того, что подъ этими двойными написаніями скрываются не долгіе, но лишь «наклоненные» гласные, отличавшіеся отъ иныхъ качественно, но не количественно.

Но ни общій, произвольно устанавливаемый Семеновичемъ принципъ, что языкъ, предоставленный самъ себѣ въ своемъ развитіи, нуждается чуть ли не въ тысячелѣтіяхъ для проведенія звуковыхъ измѣненій (40 с.), ни натянутое толкованіе яснаго

свидѣтельства Паркоша, который де подъ словомъ «vocalis» разумѣлъ нѣчто иное, чѣмъ мы (42 с.), не оправдываютъ тезиса Семеновича.

Если подъ терминомъ «vocalis longa» Паркошъ разумѣлъ не звуки, то слѣд. знаки; но тогда остается непонятнымъ, на чемъ собственно было у него основано представленіе о «долгомъ знакѣ», разъ средство для его выраженія еще только имъ выбирается; опредѣленіе «longa» знакъ могъ получить лишь тогда, когда онъ уже былъ удвоенъ, но у Паркоша мы видимъ иной порядокъ: сперва реальное различіе и затѣмъ уже средство для его выраженія, состоящее въ удвоеніи знака, и средство не единственное, а лишь болѣе легкое, удобное («quod *alio modo* facere facile non est). Въ остальномъ ср. трезвую критику проф. Бодуэна де К. въ Beitr. (1876), VIII, 212—226 сс. и замѣчаніе Аппеля въ P. Ф. В. (1880), III, 13 с. Скептическую позицію Семеновича по отношенію къ двойнымъ написаніямъ въ старопольскихъ текстахъ позже занялъ проф. Калужняцкій, объяснявшій эти написанія вліяніемъ чешской графики. Sitzungsber. d. Wien. Akad. ph.-hist. Cl. 1881 г. 99 B. 949 с.

Но противъ такого объясненія говоритъ соотвѣтствіе въ большинствѣ случаевъ показаній древнепольскихъ текстовъ фактамъ живого языка.

Что касается происхожденія долготы, слѣдомъ которой является «наклоненность» гласныхъ, то, анализируя свой матеріалъ, Семеновичъ находитъ ему объясненіе въ трехъ принципахъ:

1) стяженіе 2) замѣстительное удлиненіе и 3) подъемъ (Steigerung). Изъ нихъ для насъ сохраняетъ значеніе первый и лишь *отчасти* второй: удлиненіе гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ плавнымъ или звучнымъ согласнымъ съ отпавшимъ за нимъ ъ, ь, но, конечно, не въ случаяхъ какъ dlā, czwārta, piōro, krōl, cōra, которые авторъ объясняетъ изъ dziela, cztwarta, ptioro, karalus, dcora выпаденіемъ гласнаго или согласнаго. (49, 62 сс.) и не въ *bogā, гдѣ авторъ предполагаетъ ā въ виду отпаденія s (50 с.).

Уже проф. Бодуэнъ въ 1876 г. замѣтилъ, что «Ersatzdehnung» въ этихъ случаяхъ «ist etwas unerhörtes, ja ganz unmögliches», и что ā въ gen. s. m. bogā и т. п., фактъ графическій. Beitr. VIII, 223 с. Въ данномъ случаѣ Семеновичъ шелъ по слѣдамъ ks. Malinowsk'аго, также объяснявшаго долготу въ piōro выпаденіемъ t (греч. πτέρον).

Какъ послѣднія объясненія Семеновича, такъ и третій его принципъ, — подъемъ, — обнаруживаютъ неясность, неопредѣ-

ленность въ самой постановкѣ вопроса,— *отсутствіе въ немъ исторической стороны:* объясняя piórо (=pīrо) выпаденіемъ t или *bogā отпаденіемъ — s, авторъ не задается вопросомъ, къ какой эпохѣ относится выпаденіе t или отпаденіе s и къ какой— удлиненіе.

Если при стяженіи или удлиненіи гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ звонкимъ согласнымъ мы имѣемъ дѣло съ фактами особной жизни польскаго языка, то явленія подъема во всякомъ случаѣ ей предшествуютъ; и если въ результатѣ подъема находимъ долготу, то долгота эта, очевидно, получена польскимъ языкомъ еще изъ об.-сл. эпохи.

Но такимъ образомъ мы неминуемо приходимъ къ вопросу: *въ какихъ случаяхъ, какіе гласные вообще были въ об.-сл. долгими и въ какихъ условіяхъ долгота эта сохранялась въ особной жизни польскаго языка.*

Къ тому же вопросу приводятъ и оставшіеся необъясненными у Семеновича примѣры «наклоненныхъ» гласныхъ, какъ chvála, tráva, gwiázda, gniázdo и т. п.

Рѣшеніе поставленнаго вопроса требуетъ, какъ сопоставленія съ другими словянскими языками, такъ и справокъ въ данныхъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ.

Такого изслѣдованія вопроса мы, конечно, не находимъ у Семеновича. Правда, онъ сопоставляетъ польскіе «наклоненные гласные» съ данными кашубскаго и чешскаго языковъ, но сопоставленіе это слишкомъ поверхностно и ограничивается малоцѣннымъ по своей неточности выводомъ, что «по отношенію къ á чешскій языкъ почти вполнѣ сходится съ польскимъ; въ меньшей степени по отношенію къ ó и é».

«... das Vorkommen von á mit dem im Polnischen beinahe ganz übereinstimmt; weniger ist diess der Fall bei ó und é»... 64 c.

Такой характеръ изслѣдованія интересующаго насъ вопроса не удивителенъ въ 1872 г.: онъ соотвѣтствуетъ общему состоянію въ то время словянскаго языкознанія.

Впервые въ болѣе широкихъ рамкахъ разсмотрѣнъ былъ во-

просъ въ 1879 г. въ работѣ Миклошича: «о долгихъ гласныхъ въ словянскихъ языкахъ».

«Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen». Wien 1879 г. изъ Denkschriften der Kais. Akad. der Wissenschaften.

Здѣсь собранъ сравнительно обильный матеріалъ, относящійся къ вопросу, но объясненіе этого матеріала не удовлетворяетъ. Въ опредѣленіи общесловянской долготы Миклошичъ исходитъ не изъ сопоставленія показаній сравнительной грамматики съ данными отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, но исключительно изъ этихъ послѣднихъ. На такой почвѣ не могли быть различены факты общеслов. эпохи и продукты особной жизни словянскихъ языковъ. Въ то время, какъ чешскій языкъ указываетъ своимъ bába или jáma, rána, léto на долготу коренного гласнаго, сербскій и польскій, наоборотъ, приводятъ къ убѣжденію въ его краткости: с. ба̏ба, ја̏ма, ра̏на, љѐто и п. baba, jama, rana, liato. Эти противорѣчія даютъ указаніе на то, что въ современномъ состояніи фактовъ нѣчто принадлежитъ индивидуальному развитію каждаго языка, и что свидѣтельства отдѣльныхъ словянскихъ языковъ для опредѣленія общесловянскаго состоянія — критерій недостаточный.

Слѣдовало обратиться къ болѣе раннему историческому моменту: на основѣ сравнительной фонетики индоевропейскихъ языковъ опредѣлить, какіе гласные были получены долгими или краткими об.-словянскимъ языкомъ изъ индоевропейскаго. Этого пріема у Миклошича не находимъ. Каждый гласный у него можетъ являться долгимъ или краткимъ. Долгота отчасти объясняется тѣми же принципами, что и у Семеновича: стяженіемъ, замѣстительнымъ удлиненіемъ, подъемомъ, причемъ послѣдній въ сравненіи съ первымъ и вторымъ является «болѣе старымъ удлиненіемъ». Установленное еще Малэцкимъ для польскаго и принятое Семеновичемъ удлиненіе въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ звонкими согласными Миклошичъ неудачно переноситъ и на другіе словянскіе языки, по отношенію къ которымъ ему приходится констатировать цѣлый рядъ отступленій, гдѣ удлине-

ніе находимъ предъ незвучнымъ согласнымъ: ср. чешскія hrách, mák и т. п.

Кромѣ того Миклошичъ отмѣчаетъ и другіе факторы: такъ долгота является: внутри слова предъ звучными согласными z, r, l, ł, n, w, j: пол. bájka, czájka, gwiázda, dáwno; далѣе удлиненіе является предъ извѣстными суффиксами, какъ — ьje, — ęt, —ъko, или, наконецъ, какъ слѣдъ ударенія: напр. въ чеш. záhoří, lípa, пол. zámorze, zámek.

И этотъ послѣдній принципъ не новъ. Вопросъ о взаимномъ отношеніи ударенія и количества былъ поставленъ уже съ тѣхъ поръ, какъ Puchmayer въ своемъ «Lehrgebäude der russischen Sprache» 1820 г. подмѣтилъ соотвѣтствіе русскихъ полногласныхъ формъ типа корóва чешскимъ фонемамъ rā, lā съ долготой и русскихъ формъ типа зóлото чешскимъ фонемамъ ra, la. Какъ извѣстно, Катковъ (Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка 1845 г.) въ этомъ соотвѣтствіи видѣлъ доказательство своей мысли, что русское удареніе явилось на мѣстѣ старой долготы: русское корóва изъ *króva, а это изъ *krōva. Каткову возражалъ Миклошичъ, указавшій на сербскую краткость въ соотвѣтствующихъ словахъ (krâva и т. п.), не позволяющую считать чешскую долготу обще-славянской («Vergleichende Lautlehre d. Slav. Spr.» 1852 г.). Совершенно неудачной была догадка П. А. Лавровскаго, что Вукъ превратно понялъ сербское количество (Извѣстія II Отд. Ак. Н. 1859 г., 15 с.). И дѣйствительно, послѣдующія розысканія привели къ обратному взгляду на русское удареніе: послѣ того какъ было указано совпаденіе русскаго ударенія съ чакавскимъ (ср. Mažuranić «O važnosti akzenta hervatskoga za historiju Slavjanah» 1863 г.), въ наукѣ принято отожествлять русское и чакавское удареніе съ праславянскимъ. Truhlař въ 1872 г. Časop. Č. M., какъ позже Миклошичъ, разсматривалъ чешскую долготу, какъ результатъ ударенія. Только L. Malinowski и въ 1873 г. повторялъ взглядъ Каткова «Ueber d. oppeln. M.» 9 с.: русское удареніе на мѣстѣ долготы.

Почти во всѣхъ объясненіяхъ Миклошича одинъ и тотъ же недостатокъ: они имѣютъ въ виду лишь часть примѣровъ извѣстнаго типа, оставляя необъясненнымъ рядъ другихъ примѣровъ того же типа. Въ чешскомъ lípa удлиненіе возникло подъ вліяніемъ ударенія, но въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, что̀ lípa, находятся чешскія šěno, těsto, tělo, zlato, dřevo — безъ удлиненія; въ тѣхъ же условіяхъ, что польское gwiázda (гласный предъ однимъ изъ согласныхъ: r, l, ł, n, z, w, j) находятся и польскія: miara, piana, wiara, siano съ краткими гласными.

Уже въ 1880 г., годомъ позже появленія работы Микло-

шича, проф. Брандтъ высказался скептически по поводу нѣкоторыхъ его принциповъ объясненія долготы, какъ вліяніе извѣстныхъ суффиксовъ, удареніе — спеціально чешское, указывая на факты, противорѣчащіе такимъ объясненіямъ; но удлиненіе подъ старымъ («исконнымъ») удареніемъ проф. Брандтъ допускаетъ для чешскаго, не объясняя вышеуказанныхъ чешскихъ sĕno, tĕsto, tĕlo и т. п.

«Начертаніе славянской акцентологіи», сс. 210—211.

Безплодность тѣхъ принциповъ объясненія, которые употреблялъ Миклошичъ, доказала и работа его ученика, пражскаго проф. Махала, посвященная deminutivнымъ образованіямъ съ суффиксами — ъкъ, — ъко, — ъка, работа, которая сохраняетъ свое значеніе лишь въ виду тщательно собраннаго авторомъ матеріала.

«Ke kvantitě české». Výroční zpráva c. k. státního vyššího Gymnasia v Německém Brodě 1888 г.

Автору приходится констатировать въ своемъ матеріалѣ неправильность т. е. отсутствіе послѣдовательно проведеннаго принципа; эту бѣду онъ старается поправить цѣлымъ рядомъ средствъ: признаетъ вліяніе, какъ стараго, такъ и новаго ударенія, вліяніе слѣдующаго согласнаго, призываетъ на помощь аналогію, и наконецъ, находитъ зависимость отъ качества самой гласной: о и е особенно неблагопріятствуютъ удлиненію; но почему? — этотъ вопросъ остается темнымъ.

Къ работѣ Миклошича примыкаетъ также статья F. Jokl'a «O přízvuku slovanském, zvlaště českém». Listy Fil. XII, 422 с.

Въ 1887 г. спеціальную статью вопросу о польской долготѣ посвятилъ г. Łoś.

«O samogłoskach długich w języku polskim przed wiekiem XVI» Prace filol. 1887 г. II 1, 119—143 сс.

Но авторъ ограничилъ свою задачу увеличеніемъ матеріала, собраннаго изъ старыхъ памятниковъ Семеновичемъ, и краткимъ разсмотрѣніемъ хронологической стороны вопроса: по его мнѣнію

долгіе гласные существовали еще въ XIV в., процессъ же «наклоненія» начался уже съ XIII вѣка.

Въ новую фазу развитія вступилъ вопросъ о словянскомъ количествѣ со времени появленія замѣчательныхъ «Розысканій о количествѣ и удареніи въ словянскихъ языкахъ» проф. Лескина.

«Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen» I B. C. Leipzig. 1893 г. (Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften).

Въ «Розысканіяхъ» проф. Лескина вопросъ впервые получилъ строго научную постановку. На основѣ данныхъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ проф. Лескинъ устанавливаетъ, что гласные *o, *e, *ъ, *ь являлись въ общесловянскомъ первоначально краткими, гласные же *a, *ĕ, *i, *u, *y, *ǫ, *ę и дифтонгическія сочетанія *er, *el, *or, *ol, *ьr, *ьl, *ъl, *ьl — первоначально долгими. Различая затѣмъ положеніе этихъ долгихъ и краткихъ по отношенію къ первоначальному мѣсту главнаго ударенія въ словѣ, опредѣляемому обычно сопоставленіемъ чакавскаго и русскаго ударенія, проф. Лескинъ предполагаетъ въ положеніи долгихъ подъ удареніемъ различіе *въ качествѣ* долготы: восходящей и нисходящей (steigend und-fallend). Прямое указаніе на такое различіе въ об.-сл. сочетаніяхъ *or, *ol, *er, *el даютъ русскія полногласныя формы съ двумя типами ударенія: коро́ва — зо́лото.

Соотвѣтствіе этихъ двухъ типовъ формъ сербскимъ и чешскимъ, на которое указали уже Пухмайэръ, Катковъ и Миклошичъ, впервые объяснилъ ак. Фортунатовъ гипотезой первоначальнаго различія качества долготы еще въ об.-сл. дифтонгическихъ сочетаніяхъ *or, *ol, *er, *el («Zur vergleichenden Betonungslehre der litu-slavischen Sprachen» Arch. IV, 575 с.). Указанія на два типа долготы въ словянскихъ языкахъ были ак. Фортунатовымъ поставлены, — въ той же статьѣ, — въ связь съ различіемъ качества долготы въ литовскомъ, а затѣмъ привели его къ мысли о двухъ видахъ индоевропейской долготы, мысли, которая вошла въ общій научный обиходъ со времени появленія замѣтки проф. Bezzenberger'a о связи по происхожденію литовскаго восходящаго и греческаго облеченнаго ударенія въ 1883 г. Beiträge VII, 66 с. ср. Русск. Фил. В. 1895 г. XXXIII, 293 с.

Различіе въ качествѣ долготы об.-сл. дифтонгическихъ сочетаній *or, *ol, *er, *el, заслуга установленія котораго принадле-

житъ ак. Фортунатову, проф. Лескинъ гипотетически переноситъ и на об.-сл. долгіе a, ě, i, u, y, ę, ǫ.

Изслѣдуя съ этой точки зрѣнія судьбу старыхъ долготъ въ сербскомъ языкѣ, главнымъ образомъ на первичныхъ номинальныхъ образованіяхъ, проф. Лескинъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: I *старыя долготы предъ первоначальнымъ главнымъ удареніемъ слова сохраняются;* на долгомъ гласномъ въ такомъ положеніи находимъ перенесенное долгое удареніе —′: хва́ла = р. хвалá, чак. chvalá; II *подъ первоначальнымъ восходящимъ удареніемъ долгій гласный сокращается:* кра̏ва (коро́ва), ба̏ба; III *подъ первонач. нисходящимъ удареніемъ долгота сохраняется;* въ такихъ случаяхъ находимъ долгое неперенесенное удареніе ˆ зла̂то = (р. зо́лото), kvâs — kvâsa g. s. IV. *старая краткость сохраняется независимо отъ первоначальнаго мѣста главнаго ударенія въ словѣ. Въ положеніи же въ закрытомъ конечномъ слогѣ краткій гласный удлиняется, если онъ былъ первоначально ударяемъ.*

Еще раньше, въ 1 выпускѣ своихъ «Розысканій...» въ 1885 г. проф. Лескинъ установилъ для сербскаго удлиненіе краткихъ гласныхъ въ положеніи предъ l, r, m, n, v, j + conson. Въ послѣдніе годы появились дальнѣйшіе выпуски «Розысканій»: въ XXI т. Archiv'a (1899 г.) разсмотрѣны вторичныя именныя образованія (съ суффиксами) и сложныя именныя образованія; въ XXIV т. Arch. — обслѣдованы глаголы на —iti. Судьба восходящей долготы въ чакавскомъ не выяснена ср. Изв. III 1 с. VI 339 с., Arch. XIX 564, XX 397.

«Розысканія» проф. Лескина заложили прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій о количествѣ въ словянскихъ языкахъ. Точка зрѣнія проф. Лескина была приложена къ чешскому языку въ 1894 г. ак. Ягичемъ, выводы котораго подробнѣе обосновалъ F. Černý.

Indogerm. Forschungen III, 251 c; «Studie o české kvantitě» Listy Filolog. XXIV (1897 г.), 343—359 с., 421—431 с.

Оказалось, что *чешскій языкъ сохранилъ безъ измѣненія, какъ краткость, такъ и долготу въ положеніи предъ первоначальнымъ удареніемъ, подъ удареніемъ же старая долгота сохранилась лишь при восходящемъ типѣ ударенія и сократилась при нисходящемъ.*

Дальнѣйшіе этюды F. Čern'аго были посвящены изслѣдованію въ отношеніи количества именъ съ темой на согласную: Listy filolog. XXVII, 1900 г., 17—22 сс. и именъ прилагательныхъ: «Přízvuk a kvantita u adjectiv jmenných». Rozpravy filologické, věnované Janu Gebauerovi. Praha 1898, 117—123; наконецъ, вторичнымъ именнымъ и глагольнымъ образованіямъ: Výroční zpráva c. k. vyšší realné školy v Brně 1900. Появившаяся уже послѣ того, какъ точка зрѣнія проф. Лескина была приложена къ чешскому языку проф. Ягичемъ,—въ 1895 г. статья Flaišhans'a «Česká kvantita» Listy Fil. XXII, 66—90 сс. представляетъ собою анахронизмъ, лишенный всякаго научнаго значенія; основная мысль: — прасловянская долгота сохраняется подъ удареніемъ, сокращается предъ удареніемъ,—поддерживается невѣроятными объясненіями, при отсутствіи сколько нибудь внимательнаго отношенія къ фактамъ и крайней неполнотѣ матеріала.

По отношенію къ словинскому языку вопросъ обслѣдовалъ акад. Valavec и одновременно проф. Leskien.

Valavec «Glavne točke o naglasu kńiževne slovenštine» Rad. jugoslov. Akad. CXXXII, 1897 г.; проф. Leskien въ Arch. XXI, 321—323 сс.

Подобно сербскому, *словинскій сохранилъ прасловянскую долготу въ положеніи предъ старымъ удареніемъ и подъ удареніемъ при нисходящемъ типѣ долготы и сократилъ ее при типѣ восходящемъ.* При этомъ каждый ударяемый краткій слогъ, если онъ не послѣдній въ словѣ, подвергается вторичному удлиненію, и съ этимъ явленіемъ соединена принципіальная важность словинскихъ количественныхъ отношеній: именно, — въ то время, какъ bŏga измѣняется въ bô̄ga съ нисходящей долготой и затѣмъ, съ переносомъ ударенія на послѣдній слогъ — bogâ, kŏža даетъ не kô̄ža, но kóža съ долготой восходящей.

Такимъ образомъ, *словинскій языкъ даетъ намъ прямое указаніе на существованіе различія между восходящимъ и нисходящимъ удареніемъ не только въ долгихъ, но и въ краткихъ гласныхъ;* краткость восходящая въ *kŏ̆ža при удлиненіи даетъ восходящую долготу, тогда какъ нисходящая краткость въ *bŏ̆ga измѣняется въ долготу нисходящую.

Это свидѣтельство словинскаго языка поддерживается данными сербскаго и русскаго языковъ: въ сербскомъ языкѣ въ сочетаніи именной формы съ предлогомъ на предлогѣ находимъ краткое нисходящее удареніе, если гласный перваго слога имени былъ ударяемъ нисходяще: гра̂д—о̏д гра̄да и параллельно бо̂г (изъ бо̏г)—о̏д бога; тоже явленіе находимъ въ русскомъ языкѣ по́-воду, на́-гору, за́-городомъ; что коренной гласный этихъ словъ былъ ударяемъ ни-

сходяще доказываютъ словинскія формы вин. п. gorǫ̂, vodǫ̂ изъ gôrǫ, vôdǫ (р. го́ру, во́ду), относительно третьяго достаточно самого русскаго языка: го́родомъ.

Наоборотъ, если коренной гласный слова былъ ударяемъ восходяще, то въ русскомъ ударе́ніе и въ сочетаніи съ предлогомъ остается на немъ: за боло́томъ, на во̀лю (словинское vóla изъ vȍla съ восходящей краткостью); въ сербскомъ въ такихъ случаяхъ находимъ на предлогѣ `: у̀ блато, о̀д брата. Сербское ударе́ніе ˝ указываетъ на сохраненіе праславянскаго мѣста ударенія, наоборотъ — ` на спеціально сербское перенесеніе его на одинъ слогъ ближе къ началу слова или сочетанія; слѣд., с. на̏-гору, сопоставленное съ р. на́-гору доказываетъ, что въ проклитическомъ сочетаніи *na-goru и т. п. ударе́ніе переносилось на предлогъ уже въ праславянскомъ, тогда какъ с. о̀д-брата — результатъ особной жизни сербскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ, что праславянскій переносъ ударенія на предлогъ имѣлъ мѣсто лишь при нисходящемъ качествѣ ударенія, *какъ на долгомъ, такъ и на краткомъ* коренномъ гласномъ именной формы. На русское различіе на́-гору и на-во́лю указалъ Valavec въ своемъ изслѣдованіи о словинскомъ количествѣ (1897 г.); тоже у ак. Шахматова «Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ» Изв. III 1, 6 с. (1898 г.).

Не лишенный интереса для изслѣдователя вопросовъ словянскаго количества матеріалъ представляютъ и показанія болгарскаго языка, сгруппированныя еще до появленія работы проф. Лескина, въ 1891 году Б. Цоневымъ.

«За ударението въ български езикъ Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина» VI, 3—82 сс. ср. Hirt «Der indogerm. Akz.» 71—75 с.

Еще ак. Фортунатовъ въ 1879 г. указалъ, что русскимъ сочетаніямъ о́ро, о́ло соотвѣтствуютъ въ болгарскомъ неударяемыя ра, ла: р. зо́лото = б. злато́, тогда какъ въ соотвѣтствіи русскому оро́, оло́ т. е. восходящему типу ударенія въ праславянскомъ въ болгарскомъ является ударе́ніе на сочетаніяхъ рала: боло́то — б. бла́то. Б. Цоневъ располагаетъ свой богатый матеріалъ нѣсколько механически, довольствуясь внѣшнимъ соотвѣтствіемъ болгарскихъ типовъ ударенія сербскимъ ˝, ^, `, ´. Но критическій анализъ этого матеріала даетъ интересные результаты и помимо того, что правило ак. Фортунатова оказывается вѣрнымъ не только въ примѣненіи къ рефлексамъ праславянскихъ сочетаній *or, *ol, *er, *el, но и по отношенію къ другимъ долгимъ гласнымъ. Если въ сербскомъ, по правилу Цонева, — ˝, то въ болгарскомъ ударе́ніе является на томъ же гласномъ: с. бра̏т — б. бра̀тът, с. хле̏б — б. хлѐбът; с. ба̏ба — б. ба̀ба и т. п.

Такъ какъ сербское ˝ на первоначально долгомъ гласномъ указываетъ на сократившуюся восходящую долготу, то получаемъ выводъ: *долгій первоначально гласный съ восходящимъ типомъ долготы удерживаетъ на себѣ въ болгарскомъ языкѣ* удареніе. Если въ сербскомъ на первоначально долгомъ гласномъ ˆ, то въ болгарскомъ удареніе находимъ на слѣдующемъ слогѣ: с. да̑р-б. дарѣ̀т; с. ква̑с—б. квасѣ̀т; иными словами, *долгій гласный съ нисходящимъ типомъ долготы*, (на что указываетъ сербское ˆ), *теряетъ въ болгарскомъ языкѣ удареніе, которое переносится на слѣдующій слогъ.*

Такимъ образомъ, гипотеза проф. Лескина о различіи восходящаго и нисходящаго типа долготы не только въ праслов. сочетаніяхъ or, ol, er, el, но и въ иныхъ долгихъ гласныхъ оправдывается и показаніями болгарскаго языка.

Какъ только мы отъ первоначально долгихъ гласныхъ обратимся къ первоначально краткимъ, методъ сопоставленія Цонева оказывается недостаточнымъ; въ его правилѣ: «сербскому ˝ соотвѣтствуетъ болгарское удареніе того же слога» оказываются исключенія: въ соотвѣтствіи серб. мо̏ре, по̏ле, о̏ко, не̏бе находимъ б. морѐ, полѐ, небѐ, окѐ.

Разгадка этого явленія заключается въ томъ, что сербское ˝ на краткихъ гласныхъ является, какъ на первоначально восходяще — краткихъ, такъ и на мѣстѣ нисходяще краткихъ. Если же мы обратимся къ словинскому языку, который сохранилъ указаніе на первоначальное различіе восходящей и нисходящей краткости, то замѣтимъ тотчасъ, что *болгарскій языкъ сохраняетъ удареніе на первоначально восходящей краткости и переноситъ его на слѣдующій слогъ, если краткость была нисходящаго типа:* ср. съ одной стороны с. во̏ља = слов. vólja (р. на—во́лю) = болг. вòля; с. ко̏жа = слов. kóža (р. за—ко́жу) = болг. кòжа; съ другой стороны с. мо̏ре = слов. morjȇ изъ mȏrje (р. на́ — море) = болг. морѐ; с. по̏ле = слов. poljȇ изъ pȏlje (р. на́ — поле) болг. полѐ; с. не̏бе = слов. neb̀ȏ изъ nȇbo (р. на́ небо) = болг. небѐ; с. о̏ко = слов. okȏ изъ ȏko = болг. окѐ.

Дальнѣйшіе примѣры, обосновывающіе это правило, см. въ 10 гл.

Такимъ образомъ, не только словинскій, но и болгарскій языкъ даетъ прямыя указанія на различіе въ праславянскихъ краткихъ гласныхъ восходящаго и нисходящаго типа краткости.

Относительно верхнелужицкаго языка приходится ограничиться уже привлеченными къ изслѣдованію ак. Фортунатовымъ сочетаніями *or, *ol, *er, *el, такъ какъ въ другихъ первоначально долгихъ гласныхъ количественныя различія не сохранились; примѣры, приведенные ак. Фортунатовымъ, предполагаютъ тѣ же условія сокращенія и сохраненія первоначальной долготы въ верхнелужицкомъ, что и въ чешскомъ см. Arch. IV, 576 с.

О полабскомъ ср. установленное Hirt'омъ правило: въ двухсложныхъ именахъ съ восходящей долготой коренного гласнаго удареніе съ коренного слога переносится на окончаніе «Der indogerm. Akz,» 79—81 с.; ср. также замѣчаніе В. К. Поржезинскаго, занимающагося переизданіемъ источниковъ по полабскому языку: «условія сохраненія старой долготы въ полабскомъ были въ общемъ тѣ же, что и въ польскомъ языкѣ, какъ я надѣюсь показать въ спеціальномъ изслѣдованіи» изв. VII 2, 202 с.

Въ 1897 году точка зрѣнія проф. Лескина въ вопросѣ о словянскомъ количествѣ была примѣнена и къ польскому языку ученикомъ его, Lorentz'омъ.

«Die polnischen Nasalvocale» Arch. XIX, 132—167, 339—379 сс.

Ограничивъ свою задачу носовыми гласными, д-р. Лоренцъ нашелъ, что 1. подъ первопачальнымъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ носовой въ польскомъ является краткимъ (ново-пол. ę); 2. въ закрытомъ слогѣ ударяемый носовой является долгимъ (новоп. ą); 3. предъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ — также долгимъ; 4. наоборотъ, въ закрытомъ слогѣ предъ удареніемъ — краткимъ; 5. если носовой предъ удареніемъ удаленъ отъ него болѣе, чѣмъ на одинъ слогъ, то онъ является краткимъ, по крайней мѣрѣ въ открытомъ слогѣ; для закрытаго слога нѣтъ примѣровъ; 6. въ положеніи послѣ ударенія въ открытомъ предпо-

слѣднемъ слогѣ носовой сохраняется долгимъ, если долгота была восходящая, сокращается при нисходящемъ типѣ долготы; 7. въ томъ же положеніи по отношенію къ ударенію, но въ закрытомъ слогѣ носовой является краткимъ; 8. послѣ ударенія не въ предпослѣднемъ слогѣ — также краткимъ; 9. въ закрытомъ конечномъ слогѣ носовой является долгимъ; но въ открытомъ конечномъ слогѣ — краткимъ. (Arch. XIX, 377 с.).

Повѣрка этихъ результатовъ на другихъ первоначально долгихъ гласныхъ, а также изслѣдованіе судьбы первоначально краткихъ гласныхъ въ польскомъ языкѣ — предметъ настоящей работы.

Предпосланный историческій очеркъ развитія вопроса долженъ дать основу и руководящія указанія въ предстоящемъ изслѣдованіи.

Нѣкоторыя партіи этого изслѣдованія въ сжатомъ видѣ были уже опубликованы мною въ статьѣ «Былые долгіе гласные польскаго языка» въ Лѣтописи Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ за 1902 г. Въ видахъ цѣльности разсмотрѣнія вопроса онѣ будутъ здѣсь повторены, но съ дополненіями.

2. Общепольское происхожденіе долготы.

Кладя въ основу своего изслѣдованія вопросовъ о польскомъ количествѣ факты сважендзскаго говора и дополняя ихъ фактами иныхъ говоровъ и старыхъ памятниковъ, я исхожу изъ убѣжденія въ *общепольскомъ происхожденіи условій* развитія польскихъ количественныхъ отношеній.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ обоснованіе этого положенія. Безусловныя доказательства его не могутъ быть приведены въ виду неполноты того діалектическаго и историческаго матеріала, которымъ изслѣдователь располагаетъ: далеко не во всѣхъ діалектологическихъ работахъ находимъ полное собраніе примѣровъ «наклоненныхъ гласныхъ»; примѣры же открытыхъ гласныхъ изъ первоначально долгихъ, относящіеся по крайней мѣрѣ къ первичнымъ номинальнымъ образованіямъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно отсутствуютъ; только въ

нѣкоторыхъ монографіяхъ находимъ ихъ, но и то въ сравнительно небольшомъ количествѣ.

Такъ, въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, 148 с. указаны: baba = сваж. baba; žaba = сваж. žaba; ḿasto = сваж. ḿasto; ćasto = сваж. ćasto; masło = сваж. masło; ср. въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 72—73 сс.: baba, capla = сваж. čapla; žaba, ḿasto, ćasto, masło, ja°ma = сваж. jama; śća°na = сваж. śćana; ṕa°na = сваж. ṕana; śa°no = сваж. śano. Въ другихъ, немалочисленныхъ случахъ, я долженъ исключительно пользоваться примѣрами открытыхъ гласныхъ (изъ первоначально долгихъ) изъ сважендзскаго говора. Записей строго фонетическихъ, вполнѣ надежныхъ слишкомъ немного. Тѣмъ не менѣе и тотъ матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, приводитъ къ убѣжденію, что условія развитія количественныхъ отношеній въ польскомъ языкѣ суть общепольскія и еще точнѣе, какъ мы увидимъ ниже, при самомъ изслѣдованіи, — польско-кашубскія.

На общепольское происхожденіе тѣхъ количественныхъ отношеній, которыя находимъ въ отдѣльныхъ польскихъ говорахъ, указываетъ прежде всего (въ общемъ) одинаковое во всѣхъ діалектахъ польскаго языка развитіе (въ связи съ количественными отношеніями) носовыхъ гласныхъ. Далѣе, сравнивая имѣющіяся у насъ показанія о «наклоненныхъ» гласныхъ въ отдѣльныхъ говорахъ, безъ труда замѣтимъ, что въ общемъ категоріи появленія этихъ гласныхъ во всѣхъ этихъ говорахъ, малопольскихъ, великопольскихъ, мазурскихъ и силезскихъ, — однѣ и тѣ же.

Такъ, á является во 2 и 3 л. ед. ч. и 1—2 л. мн. ч. глаголовъ типа čytać въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'oй Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., въ *писаржовицкомъ* говорѣ Rozpr. IV 6 с., въ *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160 с. *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 87 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 376 с., *луковецкомъ* Sprawr. V 151 с., *крженицинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 171 с., *закопянскомъ* Rozpr. X 232 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 14 с.

Въ infinitiv'ѣ глаголовъ śáć, láć, gžáć, stáć, báć się, śmáć się, гдѣ á — изъ стяженія гласныхъ: въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., въ говорѣ *писаржовицкомъ* Rozpr. IV 6 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 160 с., *луковецкомъ* Spraw. V 151, *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *закопянскомъ* Rozpr. X, 231 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 376 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 87 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 171 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 13 с., у *горалей* Rozpr. X, 351 с.

Въ окончаніи nom. s. f. именъ существительныхъ, какъ kuchńá, burzá, ružá и т. п. — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI 339 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 160 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 153 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV 6 с., *пышницкомъ* Rozpr. II s. V 376 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 87 с., *закопянскомъ* Rozpr. X, 232, *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 14.

Въ окончаніи gen. s. n. именъ, какъ pokolenie, granie, — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., *зебржидовскомъ* говорѣ Rozpr. IX 160 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 88 с., *закопянскомъ* Rozpr. X 232 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 193 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 14 с.

Въ окончаніи n. s. f. прилагательныхъ полныхъ, какъ dobrá, — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 с., въ говорѣ *писаржовицкомъ*. Spraw. IV 6 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 161 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 88 с., *закопанскомъ* Rozpr. X 172 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 194, *закопянскомъ* Rozpr. X 232 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 339 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 15 с.

Въ суффиксахъ — ák, — ář, — áč, — ál — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 117—118 сс., *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII 190—191 сс., *закопанскомъ* Rozpr. X 230 с.,

зебржидовскомъ Rozpr. IX 156—157 cc., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 340—341 cc., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 83 c., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 154 c., *луковецкомъ* Spraw. V 151 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 7—8 cc., *писаржовицкомъ* Spraw. IV 5 c., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 395.

Въ числительныхъ jedenáśće, dvanáśće и т. д. — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 117 c., *закопянскомъ* говорѣ Rozpr. X 231 c., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 375 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 159 c., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 153 c., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 85 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 11 , у *горалей* Rozpr. III 352 c.

Въ признакѣ превосходной степени—ná—: nálepšy, nágoršy и т. п. — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 116 c., *зебржидовскомъ* говорѣ Rozpr. IX 159 c., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 85 c., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 365 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 11 c.

Въ предлогахъ ná —, zá — въ сложеніи: náčyńe, nápšut (= naprzód) zábawa и т. п. — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 118 c., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI 341 c., *писаржовицкомъ* Spraw. V 5 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 158 — 9 cc., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 84 — 85 cc., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 375 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 10 c.

Въ формахъ partic. praet. activi на—ł: ḿáł, v́edźáł и т. п.— въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 118 c., *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V 151 c., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI 341 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX 159 c., *писаржовицкомъ* Spraw. IV 6 c., *лясовскомъ* Rozpr. VIII 85 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII 192 c., *закопянскомъ* Rozpr. X 231 c., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V 376 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 12 c.

é — въ gen. — dat. — loc. s. m. прилагательныхъ полныхъ: dodrégo,—ému,—ém и т. п.—въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX 122 c., въ говорѣ *луковецкомъ* Spraw. V 153., *праш-*

ницкомъ Spraw. V 80 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 18 c.; по отношенію къ окончанію—éj въ dat.—los. s. f.: dobréj и т. п. къ этимъ говорамъ присоединяются *бржезиньскій* Rozpr. VIII 187 c. и *зебржидовскій* Rozpr. IX, 163 c.

á, ó въ закрытомъ слогѣ въ формахъ gen. pl., какъ jáj, kóz, kós и т. п.—въ *Сваженцзъ, Miejsk'ой Górk'ъ* Rozpr. IX, 121 c., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 342 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160, 163 cc., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 193 c., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 c.

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ nom. s. m. предъ звучными согласными:—въ *Сваженцзъ, Miejsk'ой Górk'ъ* Rozpr. IX, 120 c., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 341 c , *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155, 163 cc., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 c., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 85 c., *луковецкомъ* Spraw. V, 152, 154 cc., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187, 192 cc., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 c., *закопанскомъ* Rozpr. X, 231 c.

Внутри слова въ закрытомъ слогѣ — въ *Сваженцзъ*, въ говорѣ *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 342 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160 c., *опочиньскомъ* Rozpr. IX, 157 c., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 86 c., *луковецкомъ* Spraw. V, 152 c., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 c., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 193 c.

Въ мѣстоименныхъ формахъ: já (ego) въ *Сваженцзъ, крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 342 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 13 c., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 87 c., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 6 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 160 c , *пышницкомъ* Rozpr. II ser, V, 376 c., *закопанскомъ* Rozpr. X, 171 c., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 c., *луковецкомъ* Spraw. V, 152 c.

sám (ipse) — въ *Сваженцзъ, Miejsk'ой Górk'ъ* Rozpr. IX, 114 c., *прашницкомъ* Spraw. V, 79 c., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 12 c.

vám, nám, vás, nás (vobis, nobis, vos, nos) — въ *Сваженцзъ, лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 81 c., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX,

160 с., *прашницкомъ* Spraw. V, 79, *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 376 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 193 с.

Указанныя категоріи «наклоненныхъ» гласныхъ находимъ и въ древнепольскомъ: ср. у Семеновича сс. 13, 14, 15, 16, 21.

Но еще важнѣе указанныхъ совпаденій — согласіе различныхъ говоровъ въ отдѣльныхъ случаяхъ «наклоненныхъ» гласныхъ, изъ области первичныхъ именныхъ образованій: ср.—

chvála — въ *Сваженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 81 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с. khwaale = laudem Семен. 17 с.,

tráva — въ *Сваженцзѣ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI. 340 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 5 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 7 с.

płášč — въ *Сваженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 82 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 158 с.

gvázda — въ *Сваженцзѣ*, въ говорѣ *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 191 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 155 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с.,

bída — въ *Сваженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 124 с., въ *опочиньскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 156 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 172 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187 с., у *горалей* Rozpr. III, 353 с.

céna — въ *Сваженцзѣ*, въ *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 153 с.

rzéka — въ *Сваженцзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 123 с., *закопанскомъ* говорѣ Rozpr. X, 232 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 342 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *оппельнскомъ* Ueber die oppeln. M. 19 с., rzeeky g. s. у Семеновича 24 с.

grzéch — grzécha въ *Сваженцзѣ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 342 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с.

śvéca въ *Сваженцзѣ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII,

187 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с.

śḿéch — śḿécha въ *Сважендзѣ, опочиньскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 156 с.

król — króla въ *Сважендзѣ, Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 120 с., *зебржидовскомъ* говорѣ Rozpr. IX, 163 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 157 с.; krool у Семеновича 18 с.

dłóto въ *Сважендзѣ, бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII 189 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 163 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI 157 с.

chróst—chrósta въ *Сважендзѣ, бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 189 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 163 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 157 с.

brózda въ *Сважендзѣ, Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 121 с., *опочиньскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 157 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 163 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с.

mléko въ *Сважендзѣ, луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 153 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 90 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 172 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 377 с.

gárść—gárśći въ *Сважендзѣ, крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 190 с.

bárszcz — bárszczu въ *Сважендзѣ, Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с.

źárno въ *Сважендзѣ, крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. XI, 340 с.

śrébro въ *Сважендзѣ*, въ *луковецкомъ* говорѣ (srybło) Spraw. V, 153 с., въ *крженцинскомъ* (śrybu̯o) Rozpr. II ser. XI, 342 с., въ *оппельнскомъ* (střibro) Ueber die oppeln. M. 34 с., у *горалей* Rozpr. III, 353 с.

žréb̆ę — въ *Сважендзѣ* (źryb̆e), *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 187 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 156 с,, *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 161 с.

Такое же совпаденіе замѣчается между отдѣльными говорами во вторичныхъ именныхъ образованіяхъ, въ формахъ прилагательныхъ, числительныхъ порядковыхъ, глагольныхъ, хотя въ этой области естественнѣе — встрѣтиться съ разногласіями, такъ какъ здѣсь вліянія аналогіи легче могли нарушать первоначальныя отношенія. Я ограничусь приведеніемъ изъ этой области фактовъ сравнительно немногихъ примѣровъ:

v́ánek — въ *Сважендзѣ*, *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 172 с.

gárnek — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., въ *Sławkow'ѣ* Zbiór X, 187 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 5 с.

b́áły — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *луковецкомъ* говорѣ Spraw. V, 151 с., *крженцинскомъ* Rozpr. XI, 340 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 154 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 191 с.

čárny — въ *Сважендзѣ*, *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с., *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *пыницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с., *писаржовицкомъ* Spraw. IV, 5 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 190 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 230 с.

mártvy — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 190 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 156 с.

čvárty — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *крженцинскомъ* говорѣ Rozpr. II ser. XI, 340 с., *опочиньскомъ* Rozpr. XI, 153 с., *луковецкомъ* Spraw. V, 151 с.

vléc infin. — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 124 с.

skákać infin. — въ *Сважендзѣ*, *Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 116 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с.

pásać — въ *Сважендзѣ*, *бржезиньскомъ* говорѣ Rozpr. VIII,

189 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с., *крженцинскомъ* Rozpr. II ser. XI, 340 с.

pálić — въ *Сважендзѣ, зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с., *закопанскомъ* Rozpr. X, 230 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser, V, 374 с.

chválić—въ *Сважендзѣ, Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 119 с., *зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 155 с.

gádać—въ *Сважендзѣ, лясовскомъ* говорѣ Rozpr. VIII, 82 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с.

kázać — въ *Сважендзѣ, зебржидовскомъ* Rozpr. IX, 155 с., *лясовскомъ* Rozpr. VIII, 82 с., *бржезиньскомъ* Rozpr. VIII, 189 с., *закопанскомъ* (pokázać) Rozpr. X, 230 с., *пышницкомъ* Rozpr. II ser. V, 374 с.

stáwać—въ *Сважендзѣ, Miejsk'ой Górk'ѣ* Rozpr. IX, 116 с.

Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ наталкиваемся и на разногласія въ показаніяхъ различныхъ говоровъ; но діалектическія колебанія естественны и не говорятъ противъ выставленнаго въ началѣ настоящей главы положенія. Такія діалектическія отступленія будутъ отмѣчены въ дальнѣйшемъ изложеніи.

3. Об.-слов. долгіе гласные предъ старымъ удареніемъ.

Изслѣдуя судьбу об.-слов. долгихъ ę и ǫ въ положеніи предъ первоначальнымъ удареніемъ на первичныхъ именныхъ образованіяхъ, Lorentz нашелъ, что въ данномъ положеніи гласные эти сохранялись долгими, почему въ современномъ языкѣ находимъ въ такихъ случаяхъ ǫ (ą):

mąda: м.-р. мудó; с. мýдо.

mąka: р. мукá, с. мýка, чак. mūkà.

chomąt — chomątu: р. хомутъ — хомутá.

kąt — kątu: р. кутъ — кутá, с. кȳт — кýта, чак. kút — kūtà.

kabłąk — kabłąku: р. каблýкъ — каблукá.

prąd — prądu: р. прудъ — прудá, с. прȳд — прýда.

sąd — sądu: р. судъ — судá, с. сȳд — сȳда, чак. súd — sūdà.

pająk — pająka: р. паȳкъ — паукá; сербскій указываетъ, наоборотъ, на удареніе коренного слога: па̏ȳк — па̏ȳка.

trąba: р. трубá, с. трȳба.

łąka: р. лукá, с. лȳка, чак. lūkà.

jądro: р. ядрó.

pąć — pącia: р. путь — пути́, с. пȳт — пȳта, чак. pût — pūtà и рядомъ pûta; послѣдняя форма, очевидно,— вторична, возникла подъ вліяніемъ имен. п. см. Arch. XIX, 151—152 сс.

sąsiad: р. сосѣ́дъ, с. сȳсjед — сȳсjеда, чак. sūsȇd — sūsȇda. ibid. 360 с.

Противорѣчитъ правилу лишь: wąż — węża: р. ужъ — ужá, чак. vúž — vūžà.

Анализируя первичныя именныя образованія съ иными первоначально долгими гласными: *ā, *ē, сочетаніями *or, *ol, *er, *el, *ъr, *ьr, *ъl, *ьl, находимъ, что положеніе Лореица вѣрно и для нихъ:

A. Долгое a:

a) женскаго рода: сваж. chvoła: р. хвалá, с. хвáла, чак. fālà.

сваж. trova: р. травá, с. трáва, чак. trāvà.

Въ противоположность согласному указанію на долготу гласнаго a въ данномъ словѣ иныхъ діалектовъ (ср. выше 2 гл.) въ Pruszyn'ской гминѣ trawa при tráwisko. Wisła IV, 447 с.

b) ср. р.: несомнѣнные примѣры отсутствуютъ.

c) м. р.: сваж. g. s. płošča — n. s. płošč: р. плащъ — плащá, с. плâшт — плáшта, чак. plášć — plāšćá и plášća.

*žāk — *žāka: у Семеновича 16 с.: zaaczi = clerici, zaakow ср. с. ђâk — ђáka. [Сюда же, быть можетъ, относится kiełbása въ Łukowc'ѣ Spraw. V, с. 152: ср. р. колбасá].

B. Долгое ē:

a) ж. р.: сваж. bida, др.-п. biąda Semenowicz 28 с.: р. бѣдá, с. бȉjèда.

сваж. žyka: р. рѣкá, с. рȉjèка, чак. rēkà.

сваж. śv́ica: р. свѣча́, с. свијѐћа, чак. svēćà.

сваж. cyna: р. цѣна́, с. цијѐна, чак. cēnà.

сваж. ǵv́ozda: р. звѣзда́, с. звијѐзда, чак. zvēzdà.

сваж. licha: р. лѣха́, с. лијѐха.

ḿázga зебржид. Rozpr. IX, 156 с., писаржов. Spraw. IV, с. 4; др.-п. ṁaasga Semenowicz 17 с.: с. ме́зга (черногорское).

b) ср. р.: сваж. ǵńozdo: р. гнѣздо́, с. гнијѐздо, чак. gnēzdò; въ Krzęcinie zv́éře: р. звѣря́, с. звијѐре.

c) муж. р. сваж. gžychu — n. s. gžych: р. грѣхъ — грѣха́, с. гри̏јех — гријѐха, чак. grēh — grēhà.

C) Сочетанія *or, *ol, *er, *el.

a) ж. р.: сваж. bruna: р. борона́, с. бра́на.

сваж. struna: р. сторона́, с. стра́на, чак. strāná.

сваж. bruzda: р. борозда́, с. бра́зда.

b) ср. р. сваж. mliko: р. молоко́, с. млијѐко.

сваж. dłuto: р. долото́, с. длијѐто.

оппельнское zdřódu̯o (über. opp. M. 34 с.): малор. жерело́, с. ждријѐло.

c) м. р. сваж. g. s. chrusta—n. s. chrust: с. хра̑ст—хра́ста, но р. хво́ростъ, малор. хворо́стъ — хворосту́.

сваж. g. s. krula — n. s. krul: с. кра̑љ—кра́ља, р. коро́ль—короля́.

D) Сочетанія *ъr, *ьr, *ъl, *ьl:

a) ж. р. луковецкое и гарволинское kárčma (ср. Spraw. V 151 с. Wisła IV, 447 с.): р. корчма́, с. кр̀чма (напр. рагузанское; въ діалектѣ Ȍzrinići въ Черногоріи и Pr̀čan проф. Решетаръ отмѣчаетъ kȑčma, но считаетъ удареніе этихъ діалектовъ въ данномъ случаѣ вторичнымъ: «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten» Schriften der Balkancommission. Linguistische Abtheilung. I Wien 1900, 92 с.).

сваж. žułna: р. желна́, с. жу́ња, чак. žūná.

въ Стонавкѣ mółva (Rozpr. XII, 21): р. молва́.

b) ср. р.: несомнѣнные примѣры отсутствуютъ.

c) м. р.: сваж. g. s. boǫšča = barszcza — n. s. boǫšč: р. борщъ—борща́.

сваж. g. s. gorbu — n. s. gorb: р. горбъ — горба́.

[Въ условіяхъ сохраненія долготы находится об.-п. słup: р. столбъ — столба́, с. сту̑п — сту́па].

Такимъ образомъ, установленное правило подтверждается 40 примѣрами слишкомъ первичныхъ номинальныхъ образованій. Кажущимся отступленіемъ отъ него являются: п., напр. сваж. śćana, stšala, broda, głova, środa и об.-п. ręka, grzęda: сербскій и русскій въ формѣ имен. п. ед. ч. одинаково свидѣтельствуютъ объ ударенiи окончанія:—р. стѣна́, с. стијѐна; р. стрѣла́, с. стријѐла; р. борода́ — с. бра́да; р. голова́, с. гла́ва; р. середа́, с. срijѐда; р. рука́, с. ру́ка; р. гряда́, с. gréda; вмѣсто ожидаемой долготы находимъ краткость не только въ польскомъ, но и въ чешскомъ: stěna, střela, hlava, brada, středa, ruka, gřada. Какъ польское, такъ и чешское сокращеніе обязано своимъ возникновеніемъ вліянію формы винит. падежа, гдѣ удареніе было на корнѣ и притомъ нисходящее (fallend): ср. сербскія — сти̑јену, гла̑ву (и дат. п. гла̑ви), бра̑ду (при бра́ду), сри̑једу, стра̑ну, гре̑ду, ру̑ку и русскія—стѣ́ну, го́лову, бо́роду, се́реду, сто́рону; но с. стријѐлу, р. стрѣлу́, с. ру́ку.

Въ польскомъ сокращеніе произошло въ силу того правила, что всякій долгій гласный подъ ударенiемъ сократился, въ чешскомъ же въ виду нисходящаго качества долготы.

Остальныя слова женскаго рода съ ударенiемъ на второмъ слогѣ, сохранившія долготу въ имен. п., имѣли удареніе на второмъ слогѣ и въ вин. падежѣ: ср. русскія — траву́, хвалу́, бѣду́, свѣчу́, рѣку́, цѣну́, звѣзду́, бороздý и сербскія — тра́ву, хва́лу, бијѐду, свијѐћу, рijѐку, цијѐну, звијѐзду, бра́ну, бра́зду, р. цѣ́ну, рѣ́ку не гармонируютъ сербскимъ Ф.Ф.

Такимъ образомъ, при униформированіи склоненія въ отношеніи ударенія, при проведеніи одного типа по всѣмъ падежамъ въ словахъ первой категоріи: стѣна́ — стѣ́ну — одержалъ побѣду

типъ винительнаго падежа съ ударепіемъ на корнѣ. Хорошую параллель такому униформированію представляютъ нѣкоторые юго-западные говоры Сербіи: ср. въ говорахъ Òzrinići и Přčan— бра̑да, гла̑ва, срӣjеда, стӣjепа, стрӣjсла, стра̑на, ру̑ка, грӗда проф. Rešetar «Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten» 1900, 94 с.

Аналогичное явленіе: вліяніе винительнаго падежа на именительный въ отношеніи акцентуативномъ предполагаетъ для резьянскихъ rôka, pêta и т. п. проф. Бодуэнъ де К. «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ» 1875, 73 с. Но для резьянскихъ говоровъ, какъ признаетъ и самъ проф. Бодуэнъ де К., такое объясненіе — недостаточно: въ нихъ находимъ и trâwa, zvŷzda, ср. р. траву́, звѣзду́ и с. тра́ву, звијѐзду.

Прибавлю, что и въ им. мн. сербскій проводитъ то же различіе между двумя группами именъ ж. р.: хва́ле, бијѐде, свијѐће, ријѐке, цијѐне, звијѐзде, лијѐхе, бра́не, бра́зде, но: стрӣjеле, стӣjене, стра̑не, гла̑ве, бра̑де, срӣjеде (также тра̑ве). Русскій этого различія не знаетъ: бѣ́ды, свѣчи, рѣ́ки и т. д. (по хвалы́) и: го́ловы, бо́роды, стѣ́ны.

Въ частности, по поводу śćana съ сокращеніемъ замѣчу, что долгота въ этомъ словѣ діалектически сохранилась: въ сѣверноопавскомъ (переходный чешско-польскій говоръ) śćona (Rozpravy filologické věnované Janu Gebauerovi 1898 г., 56 с.).

Сважендзское struna въ виду сербскаго стра̑ну и русскаго сто́рону могло бы быть объясняемо также тѣмъ, что о находилось въ немъ предъ n и слѣд. измѣнилось въ u независимо отъ квантитативныхъ отношеній; такое пониманіе поддерживается чешскимъ strana, хотя и въ чешскомъ языкѣ могла существовать, по крайней мѣрѣ діалектически, форма съ долгимъ гласнымъ корня: ср. въ Библіи 1462 г. чешскаго музея (IV B 12) na poledni stránu 6 a.

Существующія у насъ свѣдѣнія о кашубскомъ языкѣ позволяютъ думать, что правило о сохраненіи долготы въ положеніи предъ первоначальнымъ ударепіемъ вѣрно и для кашубскаго: такъ польскому ǫ въ mąka, kątu, sądu, łąka, jądro, соотвѣтствуетъ кашубское ǫ: mǫka, kǫta, sǫde, łǫka, jǫdro (Ramułt).

Польскимъ chváła, tráva, płášča, béda, gvázda, gńázdo, brózda, dłóto, grzécha, chrósta, króla, źródło въ кашубскомъ соотвѣтствуютъ: chwôła, trôwa, płôšče, bjèda, gwiôzda, gńôzdo, gřèx, bròzda, dłòto, chròsta, kròla gen. s. (Ramułt), zřòdło съ рефлексами долгихъ a, ě, o, e. Въ нѣкоторыхъ изъ соотвѣтствующихъ словъ у Рамулта находимъ краткость, но эти неблагопріятные выводу факты, повидимому, основаны на неточности Рамулта; самъ авторъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оставлялъ долготу неотмѣченной, гдѣ не былъ въ ней вполнѣ увѣренъ; съ другой стороны, въ болѣе точныхъ записяхъ Брониша находимъ во многихъ изъ такихъ случаевъ долготу: такъ у Рамулта: mlekœ, brona и barna, vlec, mjech, cena, svjeca, řeka, у Брониша: brõna, vlẽc, śm̃ech.

Въ соотвѣтствіи польскимъ śćana, střeła, głova, broda, środa краткость находимъ и въ кашубскомъ: scana (у Ramułt'a и Bronisch'a), střała, broda, głowa, střoda, также strona.

Вѣрность установленнаго правила для кашубскаго могла бы быть провѣрена и на гласныхъ i, y, u, такъ какъ кашубскій языкъ сохранилъ по отношенію къ этимъ гласнымъ количественныя различія, безслѣдно потерянныя польскимъ языкомъ. Но къ сожалѣнію повѣрка эта является почти невозможной при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній о кашубскомъ языкѣ: словарь Рамулта не различаетъ ī, ȳ, ū и ĭ, ў, ŭ; матеріалъ же, который находимъ въ работѣ Bronisch'a ограниченъ немногими примѣрами.

klūč — klūča: ср. р. ключъ — ключá, с. кльӯч — кльӯча.

křīš — křīža: с. крӣж — крӣжа.

trūt (g. s. trūda): р. трудъ — трудá, с. трӯд — трӯда; чак. trúd — trūdà.

Указанное совпаденіе между польскимъ и кашубскимъ относительно судьбы долгихъ въ положеніи предъ старымъ ударéніемъ въ виду общей ихъ близости позволяетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пользоваться кашубскими данными, какъ коррективомъ.

Остановлюсь теперь на такихъ примѣрахъ «наклоненныхъ»

гласныхъ въ первичныхъ именныхъ образованіяхъ, въ которыхъ квантитативныя отношенія не могутъ быть съ увѣренностью установлены въ виду показаній родственныхъ языковъ.

Сважендзскому gaju gen. s. въ оппельнскомъ соотвѣтствуетъ gáju съ рефлексомъ долгаго а Oppeln. M. 7 c., то же въ говорѣ бескидскихъ горалей Zbiór XII, c. 124; кашубскій (Ramułt) въ данномъ случаѣ примыкаетъ къ сважендзскимъ показаніямъ: gaju. И въ родственныхъ языкахъ — отношенія колеблющіяся: малор. гáю, с. гáя (изъ *gājà), въ чак. gàja и gājà рядомъ; чешская долгота — háj можетъ одинаково возводиться, какъ къ ударенію окончанія, такъ и къ восходящему ударенію коренного гласнаго.

Сважендзскому źarno, съ рефлексомъ краткости сочетанія *ъr, въ нѣкоторыхъ иныхъ говорахъ соотвѣтствуетъ źárno, съ а «наклоненнымъ» (Krzęcin Rozpr. XI, c. 340); въ кашубскомъ также сохранена долгота: у Bronisch'a zôrno Kasch. Dialectst. 50 c., въ словинцскомъ zā́rno (Lorentz Arch. XXIV, 34 c.). Показанія кашубскаго, словинцскаго и говора Krzęcina отвѣчаютъ русскому мѣсту ударенія: зернó (при множ. ч. зёрна), тогда какъ сважендзское źarno совпадаетъ со свидѣтельствомъ сербскаго и чакавскаго: с. зр̏но, чак. zȑno указываютъ на восходящее (steigend) удареніе коренного слога, также болгарское зъ̀рно.

Сважендзское źryb̓e (ср. въ опочиньскомъ źryb̓e Rozpr. XI, c. 156) соотвѣтствуетъ русскому жеребя́; сербскій указываетъ на удареніе коренного слога: ждри̏јебе — ждрѐбета и съ нимъ согласуется словинцское — zdřie̯bjică g. s. (Arch. XXIV, 24 c.) по nom. s. zdřḗbją.

Сваж. jaje: въ сербскомъ — у Будмани jȃje, у Вука jáje можетъ быть подъ вліяніемъ nom. pl. — jája.

Сваж. tšyvo своимъ рефлексомъ долготы гармонируетъ съ сербскимъ цријѐво, въ то время какъ чешскій своею краткостью указываетъ на нисходящее удареніе корня: střevo, а русскій на восходящее: черéво (Словарь Даля, т. 4, 608 с.) впрочемъ при чéрево. Если р. черéво — подъ вліяніемъ ц.-сл. чрево (т. е. чрѣво),

то первоначальная схема была, вѣроятно, чéрево — черевá; с. црнjèво и п. tšyvo — подъ вліяніемъ ф. мн. ч.

Сваж. śmicha соотвѣтствуетъ чакавскому smēhá, наоборотъ русскій: смѣ́ха и сербскій: смӣjеха указываютъ на ударéніе корня; съ чак. сходится рагузанское — smijèha Rešetar «Die serbo-kroat. Beton.» 54 с.

Сваж. slod — slodu: ср. р. слѣдъ — слѣдá, но въ с. слӣjеда, чак. sléda, чеш. sleda.

Сваж. vruk — vruga: въ чак. vrag — vrāgà при vrága, ср. р. литературное врагá, но с. врâг — врâга, малор. вóрог — вóрога; чеш. vraha.

Писаржовицкое táryń Spraw. IV, с. 5: чак. tŕn — tŕna и tr̄nà, но с. tr̂n — tr̂na, р. тёрнъ — тёрна.

древне-п. maak (Семенов. 16 с.): с. мȁк — màка, чеш. mák — máka, но р. макъ — мáка.

Сюда же относится кашубское bř̀èg — bř̀èga (въ польскомъ bř̀egu) ср. чакавское brég — brēgà при bréga, с. брӣjега g. s., р. бéрега.

п. wątor — wątoru: р. утóръ — утóра, чак. utór — utóra, но серб. ӯтор — ӯтора.

Наконецъ, въ извѣстномъ числѣ случаевъ для опредѣленія акцентуативныхъ отношеній вовсе нѣтъ данныхъ: kobita (опочиньское Rozpr. XI, с. 156).

др.-п. staadla = status Семен. 16 с.

др.-п. slyaachthą Семен. 16.

др.-п. ląwycza Семен. 28 с.

Заключу настоящую главу однимъ, не лишнимъ замѣчаніемъ: какъ мы могли видѣть изъ примѣровъ, всѣ сопоставляемые словянскіе языки — сербскій, чешскій и польскій, сходятся относительно судьбы долготы въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударенію: долгота въ этомъ положеніи сохраняется; невольно напрашивается на сопоставленіе наблюденіе, къ которому

независимо пришли проф. Потебня и проф. Богородицкій, первый относительно южно-великорусскаго говора, второй относительно литературной рѣчи: предударный слогъ въ русскомъ языкѣ отличается бо́льшей силой и ясностью сравнительно съ другими безударными.

проф. Брандтъ «Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка» 1892 г. 34—36 сс.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе во внутренней связи указанныхъ двухъ явленій.

4. Об.-словянскіе долгіе подъ старымъ удареніемъ.

Об.-словянскіе носовые въ слогѣ, на которомъ было первоначально ударе́ніе, какъ установилъ д-ръ Лоренцъ, являются въ польскомъ въ видѣ ę т. е. первоначальная долгота носовыхъ въ данномъ положеніи сократилась, — независимо отъ качества долготы, нисходящей или восходящей:

А. Долгота была восходящая (steigend); въ чешскомъ въ такихъ случаяхъ обычно находимъ долготу, въ сербскомъ сокращеніе:

męka: р. му́ка, с. му̏ка, чак. mùka (въ чешскомъ противъ ожиданія также краткость: muka).

przędza: р. пря́жа, с. пре̏ља, чак. prèja, чеш. přízе.

mięta: р. мя́та, чак. mèta, чеш. máta.

stępa, р. сту́па, с. сту̏па, чеш. stoupa.

zięba: с. зе̏ба.

kolęda: с. ко́леда, р. коля́да.

ostręga: с. о̀струга.

nędza: р. ну́жа, ну́жда при нужда́, с. ну̏жда, чеш. nouze.

Долженъ замѣтить, что въ соотвѣтствіи русскому нужда́ я слышалъ въ Сваженцзѣ не nędza, но nędza, — по правилу, установленному въ предыдущей главѣ.

pęto: малор. пу́то, с. пу̏то, ч. pouto.

węgra g. s.: с. угар — у̏гра.

węgla g. s.: с. ѫ̈гаљ — ѫ̈гља, р. у́голь — у́гля, чак. ùgalj — ùglja (но чеш. uhel).

gęśli: р. гу́сли, с. гӱсли, чеш. housle.

zięć — zięćia: р. зя́ть — зя́тя, с. зёт — зёта.

В. Долгота была нисходящая (fallend); въ чешскомъ въ такихъ случаяхъ обычно находимъ краткость, въ сербскомъ сохраненіе долготы:

mięso: р. мя́со, с. ме̑со, чак. méso, ч. maso.

błędu g. s.: р. блу́да, чак. blúd — blúda, ч. bludu.

więzu g. s.: р. вя́за, с. ве̑за, чак. véza, ч. vazu.

jęku g. s.: с. је̑ка.

kęsu g. s.: р. ку́са, с. ку̑са, чак. kúsa, ч. kusu.

rębu g. s.: р. ру́ба, с. ру̑ба, чак. rúba, ч. rubu.

męża g. s.: р. му́жа, с. му̑жа, чак. múža, ч. muže.

trędu g. s. (проказа): с. тру̑та.

sędu g. s. (сосудъ): с. су̑да, чак. súda, ч. sudu см. Arch. XIX, 146 и сл.

Правило о сокращеніи долготы подъ удареніемъ, независимо отъ качества его, подтверждается и такими примѣрами, въ которыхъ нельзя съ увѣренностью опредѣлить этого качества, но мѣсто ударенія устанавливается показаніемъ русскаго языка:

cięga: р. тя́га; przysięga: р. прися́га; siermięga: р. сермя́га; komięga: р. комя́га; przęsło: р. пря́сло; omięga g. s.: р. оме́га; węchu g. s.: р. ню́ха; pępu g. s.: р. пу́па; pęka g. s.: р. пу́ка; sięgu g. s.: р. ся́га; stęku g. s.: р. сту́ка; ustępu g. s.: р. усту́па; względu g. s.: р. взгля́ду; węza g. s.: р. у́за; głębi g. s.: р. глу́би; pieczęci g. s.: р. печа́ти; rtęci g. s.: р. рту́ти; pięści g. s.: р. пя́сти; въ послѣднемъ примѣрѣ сербскій указываетъ на долготу восходящую: пе̏сти; въ чакавскомъ—pésti. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣровъ указаніе на качество долготы даетъ чешскій: ч. přisaha своей краткостью свидѣтельствуетъ о нисходящей долготѣ, тоже въ словахъ puk, ústup, vzhled, pečeť, rtuť, pěst; наоборотъ, можно предполагать восходящее качество долготы въ словахъ

przęsło, głębi g. s., sięgu g. s. въ виду сохраненія долготы въ чешскомъ: přáslo, sáh — sáhu, hloub.

Такимъ образомъ, у д-ра Лоренца находимъ 40 примѣровъ слишкомъ, подтверждающихъ положеніе въ его общей формулировкѣ: долгота носового сокращается въ польскомъ подъ старымъ удареніемъ; изъ нихъ 17 относятся къ восходящей долготѣ и 15 къ нисходящей.

Противорѣчащими являются: klątwa: р. кля́тва, с. клêтва; żądza: р. жа́жда, с. жêђа, чак. žéja; żądło: р. жа́ло; wąsa g. s.: р. у́са; wielbląda g. s.: р. верблю́да; słaka: р. слу́ка, с. слу̏ка; strąga: с. стру̏га.

Изъ этихъ примѣровъ klątwa, какъ думаетъ д-ръ Лоренцъ, стоитъ подъ вліяніемъ kląć Arch. XIX, 157 с., słąka и strąga— не чисто словянскія ibid. (słąka=лит. slankà; strąga изъ румынскаго); żądło (каш. žǫdło), вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ вліянію множ. ч.: р. жала́ n. pl., также wąsa ср. plur. wąsy, каш. vǫse и р. усы́. Внѣ такого вліянія стоятъ: kręgu g. s.: с. кру̂га, р. кру́га, но n. pl. круги́; dębu g. s.: с. ду̂ба, р. ду́ба, но дубы́ n. pl.; въ послѣднемъ случаѣ и чакавскій колеблется въ формахъ ед. ч.: dúba и dūbà; ср. также lęku g. s.: р. лу́ка, с. лу̂ка, чак. lúka и lūkà; см. Arch. XIX, 153 с.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ самомъ польскомъ языкѣ находимъ колебаніе: cięża и ciąża (въ Сважендзѣ ciąża): р. тя́жа, с. тêжа; plęsy и pląsy: р. пля́са g. s., чак. plésa; obłąku и obłęku g. s.: с. òблука; rzędu и rządu g. s.: р. ря́да, с. рêда; cięgu и ciągu g. s.: чак. téga, с. тêга, но loc. s. те́гу, малор. тяго́м и бѣлор. тяги́.

Первое изъ этихъ словъ — въ кашубскомъ является съ краткостью: cąža; форма gen. s. отъ řǫd — въ кашубскомъ řąde. Колебаніе rządu — rzędu, cięgu — ciągu и т. п. объясняется очень раннимъ смѣшеніемъ склоненія темы—о и темы—u; при первоначальныхъ ф.ф. съ удареніемъ корня въ о — темахъ являлись формы съ удареніемъ окончанія u — темъ; отсюда rządu при rzędu; то же въ р. слѣда́, чак. dūbà, vrāgà и т. п.

Обращаясь къ инымъ первоначально долгимъ гласнымъ: *ā, *ē, сочетаніямъ *or, *ol, *er, *el и *ъг, *ьг, *ъl, *ьl, убѣждаемся, что выводъ д-ра Лоренца имѣетъ общее значеніе: *долгота гласнаго подъ удареніемъ сокращается, независимо отъ качества его,—нисходящаго или восходящаго.*

I. Восходящая долгота (steigend):

A. гласный ā.

a) ж. р. сваж. baba; р. ба́ба, с. ба̏ба, чеш. bába.
сваж. čapla: р. ца́пля, с. ча̏пља.
сваж. čaša: р. ча́ша, с. ча̏ша, чак. čȁša, ч. číše.
сваж. jama: р. я́ма, с. ја̏ма, чеш. jáma.
сваж. kaša: р. ка́ша, с. ка̏ша.
сваж. rana: р. ра́на, с. ра̏на, чеш. rána.
сваж. žaba: р. жа́ба, с. жа̏ба, чеш. žába.
b) ср. р. сваж. masło: р. ма́сло, с. ма̏сло, чеш. máslo.
сваж. pasmo: р. па́смо, с. па̏смо, чеш. pásmo.
сваж. sadło: р. са́ло, с. са̏ло, чеш. sádlo.
сваж. stado: р. ста́до, с. ста̏до, чеш. stádo.
c) м. р. сваж. g. s. gradu: р. гра́да, с. гра̏да, чеш. hrádu.
сваж. g. s. płaču: р. пла́ча, с. пла̏ча, чеш. pláče.
сваж. g. s. raju: р. ра́ја, с. ра̏я, чеш. ráje.

B. Гласный ē:

a) ж. р. сваж. mara: р. мѣ́ра, с. мје̏ра, чеш. míra.
сваж. pana: р. пѣ́на, с. пје̏на, чеш. pěna, но при этой отступающей формѣ есть діалектическое pína.
сваж. žera (= rzepa): р. рѣ́па, с. ре̏па, чеш. řípa.
сваж. śara (молоко): р. сѣ́ра, с. сје̏ра, чеш. síra.
сваж. vara: р. вѣ́ра, с. вје̏ра, чеш. víra.
b) ср. р. сваж. lato: р. лѣ́то, с. ље̏то, чеш. léto.
сваж. masto: р. мѣ́сто, с. мје̏сто, чеш. místo.
сваж. śeme: р. сѣ́мя, с. сје̏ме.

c) муж. р. g. s. сваж. vatru: р. вѣ́тра, с. вје̏тра, чеш. vítr—větru.

g. s. сваж. chleba: р. хлѣ́ба, с. хљѐба, чеш. chléb—chleba, древне-чешское chléba (примѣръ этотъ встрѣтился мнѣ въ постиллѣ Гусса XV в. чешск. Музея № 11, л. 131a).

C. Сочетанія *or, *ol, *er, *el:

a) ж. р. сваж. chrosta: р. коро́ста, с. кра̏ста, чеш. chrásta.
сваж. krova: р. коро́ва, с. кра̏ва, чеш. kráva.
сваж. bžoza: р. бере́за, с. бре̏за, чеш. bříza.
сваж. kłoda: р. коло́да, с. кла̏да, чеш. kláda.
сваж. pleva: р. поло́ва, с. пљѐва, чеш. pléva.
b) ср. р. сваж. błoto: р. боло́то, с. бла̏то, чеш. bláto.
c) м. р. сваж. grochu g. s.: р. горо́ха. с. гра̏ха, чеш. hrách—g. s. hrachu.
сваж. proga g. s.: р. поро́га, с. пра̏га, чеш. práh — praha.
сваж. mrozu g. s.: р. моро́за, с. мра̏за, чеш. mráz—mraza.

Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ для установленія восходящаго ударенія коренного слога достаточно согласія въ показаніяхъ русскаго и сербскаго языковъ. Что касается чешскаго, то замѣчу, что новѣйшій изслѣдователь чешскаго количества, A. Černý (Listy Filol. XXIV, 343—354, 421—431 сс.) считаетъ долготу въ формѣ имен. п. данныхъ словъ такою же поздней, какъ въ chléb, vítr, bůh, не объясняя, подъ какими вліяніями эта вторичная долгота возникла.

Къ этому вопросу вернусь ниже.

D. Сочетанія *ъr, *ьr *ъl, *ьl.

a) ж. р. сваж. vołna: р. во́лна (шерсть), с. вӳна.
b) ср. р. сваж. garło: р. го́рло, с. гр̏ло.
c) м. р. сваж. charta g. s.: малор. хо́рта; с. хр̏та, чак. hȉrta и болгарское хъртът указываютъ на восходящую долготу.

II. Нисходящая долгота.

A. гласный ā:

a) ж. р. примѣры отсутствуютъ.
b) ср. р. примѣры отсутствуютъ.
c) муж. р. сваж. daru g. s.: р. да́ра, с. dâra, чеш. dara.
сваж. kvasu g. s.: р. ква́су, с. ква̂са, чеш. kvasa.
сваж. sadu g. s.: р. са́да, с. са̂да, чеш. sada.
сваж. vara g. s.: с. ва̂ра. чеш. vara.
сваж. znaku g. s.: р. зна́ка, с. зна̂ка, чеш. znaka.
сваж. strachu g. s.: р. стра́ха, с. стра̂ха, чеш. stracha.

B. Гласный ē:

a) ж. р. примѣры отсутствуютъ.
b) ср. р. сваж. śano: р. сѣно, с. сн̑јено, чеш. sěno.
сваж. ćasto: р. тѣсто, с. тн̑јесто, чеш. těsto.
сваж. ćało: р. тѣло, с. тн̑јело, чеш. tělo.
c) муж. р. сваж. bęgu g. s.; р. бѣга, с. бн̑јега, чеш. běha.
сваж. kv̀atu g. s.: р. цвѣта, с. цвн̑јета, чеш. květa.
сваж. lasu g. s.: р. лѣса, с. лн̑јеса, чеш. lesa.
сваж. śńegu g. s.: р. снѣга, с. снн̑јега, чеш. sněhu.
Чешская долгота въ nom. s. sníh, повидимому, вторична.
сваж. śv̀atu g. s.: р. свѣта, с. свн̑јета, чеш. světa.
сваж. v̀eku g. s.: р. вѣка, с. вн̑јека, чеш. věka.
сваж. ḿechu g. s.: р. мѣха, с. мн̑јеха, чеш. měcha.
сваж. zv̀ežu g. s.: р. звѣря, с. звн̑јера, чеш. zvěře.

C. Сочетанія *or, *ol, *er, *el:

a) ж. р. — примѣры отсутствуютъ, какъ и примѣры съ ā, ě въ корнѣ: первопачальныя формы им. п. ж. р. съ нисходящимъ удареніемъ на коренномъ гласномъ уже въ литовско-словянскую эпоху перенесли ударѐніе на флексію—ā,—ср. литовское barzdà n. s. — barzdą̃ acc. s. и об.-сл. *bordà — bórdǫ (р. борода—бо́роду, серб. бра́да—бра̂ду). Сюда относятся, слѣдовательно, лишь

формы вин. п., сохранившія удареніе на корнѣ, въ польскомъ же и чешскомъ и формы им. п., принявшія типъ ударенія винит. падежа: śćana, stšała, broda, głova, środa, ręka, grzęda.

Долгота флексивнаго ā въ nom. s. была иного типа, чѣмъ въ коренномъ гласномъ (условно—восходящая): ср. лит. gerà—gerój̃i; наоборотъ, если долгота окончанія была того же типа, что и долгота коренного гласнаго, то удареніе оставалось на коренномъ гласномъ: такъ въ вин. п. см. Tore Tornbiörnson «Die gemeinslavische Liquidametathese» 1902 г., 56—57 с.

b) ср. р. сваж. złoto: р. зо́лото, с. зла̂то, чеш. zlato.
сваж. dževo: р. де́рево, с. дрв̑јево, чеш. dřevo.
c) м. р. сваж. głodu g. s.: р. го́лода, с. гла̂да, чеш. hlada.
сваж. głosu g. s.: р. го́лоса, с. гла̂са, чеш. hlasa.
сваж. bžegu g. s.: р. бе́рега, с. брв̑јега, чеш. břěha.
сваж. kłosa g. s.: р. ко́лоса, с. кла̂са, чеш. klasa.
сваж. vłosa g. s.: р. во́лоса, с. вла̂са, чеш. vlasa.
сваж. bžosta g. s.: малор. бе́реста, чак. brésta, чеш. břesta.
сваж. młotu g. s.: р. мо́лота, чеш. mlata.
сваж. mroku g. s.: р. мо́рока, с. мра̂ка, ч. mraka.
сваж. prochu g. s.: р. по́роха, с. пра̂ха, чеш. pracha.
сваж. vžosa g. s.: р. ве́реса, с. врв̑јеса, чеш. vřěsa.
сваж. smrodu g. s.: с. смра̂да, чеш. smrada.
сваж. žłobu g. s.: р. жо́лоба, с. жлв̑јеба, чеш. žlaba.

D. Сочетанія *ъг, *ьг, *ъl, *ьl:

a) женскаго рода и b) ср. р. примѣры отсутствуютъ,
c) м. р. сваж. targu g. s.: р. то́рга, с. тр̂га, чеш. trha.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя съ увѣренностью опредѣлить качество долготы, но лишь ея мѣсто:—на коренномъ слогѣ. Сюда относятся:

сваж. sroka: р. сорóка, с. сврв̑ка, чеш. straka; удареніе несомнѣнно было на корнѣ и, судя по показаніямъ русскаго и сербскаго языковъ восходящее; наоборотъ, чешская краткость можетъ быть возведена лишь къ нисходящему типу долготы; показаніямъ русскаго и сербскаго языковъ соотвѣтствуетъ и болгарское сра̀ка.

сваж. ḿed͡źi g. s.: р. мѣ́ди, с. мје̯́ди т. е. изъ восходящаго типа долготы, чеш. mědi — изъ нисходящаго.

Тѣ же самыя отношенія въ словахъ:

d͡źada (сваж.) g. s.: р. дѣ́да, с. дје̯́да, чеш. děda.

gńeva (сваж.) g. s.: р. гнѣ́ва, с. гње̯́ва, чеш. hněva.

brata (сваж.) g. s.: р. бра́та, с. бра̏та, чеш. brata.

časa (сваж.) g. s.: р. ча́са, с. ча̏са, чеш. časa.

gadu (сваж) g. s.: р. га́да, с. га̏да, чеш. hada.

kraju (сваж.) g. s.: р. кра́я, с. кра̏ја, чеш. kraje.

raka (сваж.) g. s.: р. ра́ка, с. ра̏ка, чеш. raka.

svata (сваж.) g. s.: р. сва́та, с. сва̏та, чеш. svata.

Въ словѣ chłopa g. s. русскій указываетъ на восходящее удареніе: холо́па, но въ чешскомъ: — chlapa.

Всѣ эти примѣры являются все-таки подтвержденіемъ установленнаго въ настоящей главѣ правила въ его общей формулировкѣ: долгота сокращается въ польскомъ языкѣ подъ удареніемъ, независимо отъ ея качества. Такимъ образомъ, правило это подтверждается всего 120 примѣрами слишкомъ, включая сюда примѣры, относящіеся къ посовымъ.

Сличеніе этихъ примѣровъ съ соотвѣтствующими кашубскими словами, какія находимъ въ существующихъ пока работахъ, не оставляетъ сомнѣнія, что правило вѣрно и для каш.: п. męka = каш. mąka; п. tęča = tąča; п. mięta = к. mjąta; п. kolęda = к. kœląda; п. nędza = к. nądza; п. = węgla = к. vągla; п. zięć = к. zec; п. mięso = к. mjąso; п. błędu g. s. = к. błąde; п. kęsu = к. kąsa; п. rębu = к. rąbu; п. męża = к. mąża; п. siermięga = к. sermjąga; п. węchu = к. vąchu; п. pęku = к. pąku; п. stęku = к. stąku; п. ustępu = к. wustąpu; п. baba = к. baba; п. jama = к. jama; п. rana = к. rena изъ *rana; п. żaba = к. žaba; п. masło = к. masło; п. sadło = к. sadło; п. brata g. s. = к. brata; п. časa g. s. = к. časa; п. gadu g. s. = к. gade; п. grada g. s. = к. grade; п. kraju g. s. = к. kraju; п. płaču g. s. = к. płača; п. raka g. s. = к. reka изъ *raka; п. raju g. s. = к. raju; п. ḿara = к. mjara; п. pana = к. pjana; п. v́ara = к. vjara, п. lato = к. lato; п. ḿasto =

к. ḿasto у Брониша; п. krova = к. krova и karva; п. bžoza = к. bř̋oza; п. błoto = к. błoto; п. grocha = к. grocha; п. proga = к. proga; п. mrozu = к. mroze; п. voł̨na = к. veł̨na; п. garło = к. gardło; п. daru g. s. = к. dare; п. kvasa g. s. = к. kvasa; п. sadu g. s. = к. sade; п. varu g. s. = к. vare; п. strachu g. s. = к. stracha; п. śano = к. sano; п. ćasto = к. casto; п. ćało = к. cało; п. kv́atu g. s. = к. kvjate; п. lasu g. s. = к. lasa; п. sv́at = к. svjata; п. v́eku g. s. = к. vjeku; п. ḿechu g. s. = к. mjexa; п. złoto = к. złoto; п. dževo = к. dř̋ewœ; п. głodu g. s. = к. głode; п. głosu g. s. = к. głose; п. kłosa g. s. = к. kłosa; п. vłosa g. s. = к. vłosa; п. młotu g. s. = к. młota; п. mroku g. s. = к. mroku; п. prochu g. s. = к. proxu; п. vžosa g. s. = к. vř̋ose; п. smrodu g. s. = к. smrode; п. žłobu g. s. = к. žłobu; п. targu g. s. = к. targu; п. sroka = к. sroka и sarka; п. ḿed͡ži g. s. = к. mjedzé; п. d͡žada g. s. = к. d͡zada; п. chłopa g. s. = к. xłopa.

Всѣ примѣры, при которыхъ источникъ не отмѣченъ, взяты у Ramułt'a причемъ сохранена ореографія источника (только dz — вмѣсто особаго знака Ramułt'a). Въ формахъ g. s. gradc, mroze, sade, glade, smrode Bronisch считаетъ болѣе правильнымъ писать gradë, mrozë и т. д.: ë вм. *u.

Только въ четырехъ примѣрахъ кашубскій языкъ расходится съ польскимъ: g. s. gńèvu (п. gńeva); g. s. bjègu (п. bega); xlèba (п. chleba) — у Ramułt'a; bř̄ēga у Bronisch'a 50 c. Послѣдній примѣръ былъ уже оговоренъ въ III главѣ: ср. чак. brēgá g. s.; аналогичное объясненіе гипотетически должно быть примѣнено и къ первымъ тремъ.

Привлекая къ сравненію кашубскія данныя, разсмотрю теперь случаи, противорѣчащіе найденному фонетическому закону, а также случаи съ неяснымъ или неизвѣстнымъ акцентуативными отношеніями.

Только кажущееся противорѣчіе представляютъ примѣры — vruna (сваж.): ч. vrána, с. вра̏на, р. ворóна; и sł̨uma (sł̨yma сваж.): ч. sláma, с. сла̏ма, р. солóма: u вм. o возникло здѣсь подъ вліяніемъ слѣдующихъ m, n (ср. гл. VII, I ч.), и кашубскій представляетъ законномѣрныя формы: vrona, słoma (Ramułt).

Дѣйствительными отступленіями являются: свакендзское poša Rozpr. VIII, 189 с.: ср. р. па́ша (пастбище), с. па̏ша.

свак. džozga, въ Krzęcinie džyzga Rozpr. XI, 342 с., опочиньское džázga Rozpr. XI, 155 с., кашубское dřõzga Bronisch 50 с.: с. дрӣезга, чеш. dřezha — сербская форма можетъ быть возникла подъ вліяніемъ acc. s. nom. pl., какъ и чешская, а польскій и кашубскій сохранили рефлексъ первоначальной формы *drẽzgà.

свак. vžut — vžuda g. s., каш. vřòd — vřòde g. s. (Ramułt): малор. ве́ред — ве́реда, с. врӣед — врӣеда, чеш. vřěd — vřěda. Въ основѣ факта лежитъ, вѣроятно, діалектическая Ф. съ удареніемъ флексіи ср. чак. brēgà, grādà, vrāgà, snēgà.

свак. žułć—žułći g. s., каш. žêłc—žêłcé Ramułt: р. же́лчь—же́лчи, с. жӯч—жӯчи, чеш. žluč; чешскій и сербскій расходятся въ указаніяхъ на качество долготы, но вмѣстѣ съ русскимъ предполагаютъ ударе́ніе на корнѣ.

свак. gošć (=литер. garść)—gošći g. s., каш. gôřc—gôřcé Ramułt (Bronisch. grõsc 25 с.): р. го́рсть — го́рсти, с. гр̏ст — гр̏сти (чеш. hrsť).

Въ 1-ой части изслѣдованія, въ главѣ, посвященной полугласнымъ, было уже отмѣчено, что польскій языкъ въ рядѣ именъ темы — i провелъ ударе́ніе окончанія, первоначально характеризовавшее большинство падежныхъ формъ, во всей схемѣ склоненія; то же явленіе, вѣроятно, объясняетъ и послѣдніе два примѣра, а также и свакендзское dĺuń, но въ послѣднемъ случаѣ показанія родственныхъ словянскихъ языковъ не вполнѣ сходятся: р. доло́нь (Словарь Даля I, 476) и сербское дла̏н — дла̏на указываютъ на восходящій типъ долготы, чешское же dlaň — dlaňe—на нисходящій; въ кашубскомъ—краткость: dłoń—dłońe.

свак. stšycha: малор. стри́ха; ч. střecha, с. стре̏ха; при разногласіи между сербскимъ и чешскимъ языками относительно качества долготы, мѣсто ударе́нія и тѣмъ, и другимъ предполагается на коренно́мъ слогѣ.

свак. bis—bisa, зебржидовское bés—bésa Rozpr. IX, 161 с.,

каш. bjès — bjèsa у Ramułt'a, b̓ẽs — b̓ẽsa у Bronisch'a 50 с.: р. бѣсъ — бѣ́са, с. би̏јес — би̏јеса; ср. выше vžuda.

сваж. jodło, въ Krzęcinie jádu̯o Rozpr. II ser. XI, 340 с.— ср. с. је̏ло, чеш. jídlo, — или стоитъ подъ вліяніемъ причастной формы jodł или же объясняется инымъ образомъ: сопоставленіе русскихъ и сербскихъ фактовъ показываетъ, что уже въ общесловянскомъ нѣкоторыя имена ср. р. съ удареніемъ на коренномъ слогѣ въ единственномъ числѣ переносили его на конечный слогъ во множ. ч.: ср. р. сло́во — слова́, по́ле — поля́, жи́то — жита́ и т. п. съ сербскимъ — дри̏јево — дријѐва, ме̑со — ме́са, бр̏до — бр́да, по̏ље — по̀ља, жи̏то — жи́та и т. п. Обратное явленіе представляютъ имена съ удареніемъ окончанія въ единственномъ числѣ: село́ — се́ла, гнѣздо́ — гнѣ́зда, лицо́ — ли́ца и т. п. ср. чаковскія: sedlò — sèdla, stegnò — stègna, staklò — stákla и т. п.

Въ отдѣльныхъ сербскихъ діалектахъ явленіе это захватываетъ не всегда одни и тѣ же слова; такъ вуковскимъ о̏ka, slȍva n. pl. въ діалектѣ Рагузы соотвѣтствуютъ òka, slòva Rešetar «Die serbo-kroat. Beton.» 66 с., послѣднее въ согласіи съ русскимъ; между сербскимъ и русскимъ вообще въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчается разногласіе; вѣроятно, уже въ общесловянскомъ указанное колебаніе ударенія въ ед. и мн. ч. діалектически являлось въ различныхъ примѣрахъ.

Такимъ образомъ, возможно, что форма jodło возникла изъ *jědłó, которое явилось подъ вліяніемъ формы мн. ч. *jědłá, хотя сербскій (діалектъ Вука) въ этомъ случаѣ не поддерживаетъ такого предположенія; ср. однако сваж. d͡źoło и др. п. dziąlo (ą вм. ā Семеновичъ 28 с.) и русское — дѣла́ nom. pl. при сербскомъ дје̏ла. Кашубское dzało (Ramułt) показываетъ, что послѣдній примѣръ въ общей картинѣ кашубско-польскихъ количественныхъ отношеній — фактъ частнаго, діалектическаго значенія. Польскому jodło у Ramułta соотвѣтствія нѣтъ. Можно отмѣтить и еще нѣсколько аналогичныхъ отступленій отъ общаго правила, — къ которымъ было бы примѣнимо то-же объясненіе, но прежде всего замѣчу, что значеніе ихъ въ вопросѣ о вѣрности

установленнаго закона ограничивается ихъ безспорно діалектическимъ характеромъ: такъ на мѣстѣ сважендзскаго śano и кашубскаго sano, указывающихъ на кашубско-польское *sěno изъ *sě́no, въ говорѣ с. Łukowc'a находимъ śáno Spraw. V, 151 с. (то-же у горалей Rozpr. III, 351 с.); въ томъ же говорѣ сважендзскому ćało и кашубскому сало, изъ кашубско-польскаго tělo, соотвѣтствуетъ ćáło ibid.: ср. русское тѣлá; сважендзскому ṁasto и кашубскому ṁasto, изъ каш.-п. *mě́sto — ṁásto ibid. (и въ др.-п. myąstho т. е. ṁāsto): ср. р. мѣстá nom. pl.; на мѣстѣ сважендзскаго lato и кашубскаго lato, слѣд. кашубско-польскаго *lě́to, въ древне-польскомъ находимъ làto т. е. lāto у Семеновича 59 с., lyaathom ibid. 17 с. Далѣе, отступленіями отъ правила, имѣющими также діалектическое значеніе являются:

сваж. polono: р. полѐно, ч. poleno, с. по̀љѐно.

koláno въ говорѣ с. Пышницы Rozpr. II ser. V, с. 374; въ Сважендзѣ kolano и лясовскомъ говорѣ kola^{a}no Rozpr. VIII, 73 с. въ гармоніи съ р. колѐно и с. ко̀љѐно.

já^{u}ma въ оппельнскомъ говорѣ «Ueb. d. oppeln. M.» 7 с. и др.-п. w jámą у г. Łośa Prace fil. II 1, 132 с. ср. выше-указанныя нормальныя — сваж. jama и кашубское jama.

сваж. bžyṁe при кашубскомъ břemja, которое соотвѣтствуетъ показаніямъ иныхъ словянскихъ языковъ: ч. břímě, с. brȇme и болг. брѐме согласно указываютъ на восходящее удареніе корня.

На возможность діалектической формы съ удареніемъ окончанія косвенное указаніе даетъ рагузанская форма: brijème Rešetar «Die serbo-kroat. Bet.» 108 с.; форма съ предлогомъ — nȁ brijeme предполагала бы и въ этомъ діалектѣ brȉjeme, если бы можно было быть увѣреннымъ, что она первоначальна.

Опочиньское śiṁe Rozpr. XI, с. 156, также въ говорѣ Miejsk'oй Górk'и Rozpr. XI, 124 с., при нормальной сважендзской формѣ śeṁe (р. сѣмя, с. сје̑ме, ч. símě), быть можетъ, также восходитъ къ діалектическому *sěmę̇.

сваж. druga ср. dróga въ бржезпиньскомъ Rozpr. VIII, 189 с., зебржидовскомъ Rozpr. IX, 164 с., у горалей Rozpr. III, 353 с.,

въ оппельнскомъ Ueb. d. opp. M. 16 с.: ср. р. дорóга, ч. dráha, с. дрăга; у лемковъ дріга м. б. заимствовано въ эпоху, когда малор. ō еще совпадало въ звуковомъ отношеніи съ др.-п. ō Ж. М. Н. Пр. 311 т. 55 с.

cás—cásu въ говорѣ Łukovc'a Spraw. V, 151 с. и у горалей Rozpr. III, с. 351; ср. въ др.-п. czȧs, czaas, т. е. *čās, czásu, cząssu, т. е. *čāsu Семеновичъ 17, 28, 30, 59 сс. — въ противоположность сважендзскому čas—časa и кашубскому čas—časa, изъ польско-кашубскаго *čăs — *čăsa.

lásа въ Пышницѣ Rozpr. II ser. V, с. 374 и у горалей Rozpr. III, с. 351 ср. др.-п. laas у Семеновича 17 с. do losza въ примѣрахъ, собранныхъ г. Łos'емъ Prace fil. II 1, 133 с. ср. сважендзское и каш. las.

kv́át въ опочиньскомъ говорѣ Rozpr. XI, с. 154, въ Łukowc'ѣ Spraw. V, 151 с., Miejsk'ой Górk'ѣ (kv́o$^{\breve{u}}$t Rozpr. IX, 119 с.) ср. др.-п. kwiát т. е. *kv́āt Семеновичъ 59 с., въ противоположность сважендзскому kv́at—kv́ata и кашубскому kv́at—kv́ata. Такъ какъ слово оканчивается на согласный глухой, то рефлексъ долготы въ формѣ им. п. ед. ч. можетъ быть основанъ лишь на отношеніяхъ акцентуативныхъ.

d͡ź́áda g. s. въ с. Łukowc'ѣ Spraw. V, 151 с., въ противоположность сважендзскому d͡źada и кашубскому dzada.

chliba g. s. въ прашницкомъ говорѣ Spraw. V, с. 80 — ср. каш. chlèba при сважендзскомъ chleba.

bráta g. s. въ Łukowc'ѣ Spraw. V, с. 152: ср. сважендзское brata и кашубское brata.

Послѣдніе 6 примѣровъ — одного и того же характера — допускаютъ различное толкованіе.

Возможно, что всѣ они или нѣкоторые изъ нихъ восходятъ къ діалектическимъ формамъ съ удареніемъ окончанія: *dēdá, *chlēbá, *kvētá, *brātá, *čāsá, *lēsá, явившимся подъ старымъ вліяніемъ Ф.Ф. темы — u; ср. чак. brēgá и snēgá при русскомъ бéрега, снѣга, ср. и формы им. п. мн. ч. цвѣты́, часы́; возможно также, что kv́át — kv́áta возникло подъ вліяніемъ kv́átek, lás —

lása подъ вліяніемъ *lásek, гдѣ ā находилось въ положеніи предъ ударе-ніемъ. Наконецъ, čás, — а можетъ быть и другіе при-мѣры, — могло возникнуть подъ вліяніемъ энклитическихъ сочетаній, въ которыхъ слово čas находилось не подъ ударе-ніемъ.

Дѣло въ томъ, что и въ Сважендзѣ при čas, času, časem и т. д. говорятъ: f-tу̯n-čos; въ этомъ тѣсномъ сочетаніи словъ ударе-ніе сочетанія падаетъ на первый слогъ и выраженіе čos находится въ слогѣ послѣ ударенія. Возможно, что въ такомъ положеніи старая долгота въ зависимости отъ качества ударенія сохранялась; затѣмъ изъ такихъ сочетаній выраженіе čos было перенесено и на случаи отдѣльнаго употребленія. Возможно и то, что изслѣдователь луковецкаго говора изъ такихъ именно сочетаній взялъ свой примѣръ. Если въ формѣ род. п. čásu — á явилось изъ имен. п., то такой переносъ оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что слово оканчивается на глухой согласный: старый рядъ отношеній ā: ă, ē: ĕ, ō — ŏ (или á: a, é: e, ó: o) въ им. п род. падежахъ ассоціированъ съ параллельнымъ различіемъ въ согласномъ тѣхъ же падежей: sát: sada; dźát — dźada, chlép — chleba, bók — boga и т. п. Наоборотъ, въ другомъ рядѣ отношеній: pľášč — pľášča, gŕéch — gŕéchu, śḿéch — śḿéchu, chrást — chrásta и третьемъ las — lasu, čas — času, brat — brata, svat — svata и т. п. параллельно тожеству гласной корня въ имен. п род. падежахъ стоитъ и тожество согласной. Оттого, быть можетъ, при čás могло возникнуть čásu g. s.

Явленіе, параллельное сважендзскому, находимъ въ лясовскомъ говорѣ: «der Ausdruck čas, hier cas, hat offenes a in allen Casus: cas, casu, cas°ovi u s. w., aber vtencás, na jaki cás, es hiesse auch gewiss na ŏov cás, wenn es gebräuchlich wäre, also mit Pronominibus verbunden hat das Subst. geschlossenes á im acc. sg.» Arch. V, 639 с. ср. d„ötyxcás въ зебржидовскомъ говорѣ Rozpr. IX, 160 с.

Отмѣчу еще miśǫc въ Łukowc'ѣ Spraw. V, с. 153 при ḿeśǫc иныхъ говоровъ,—сважендзскаго, опочиньскаго Rozpr. XI, с. 155 и кашубскомъ mjesǫc: ср. русское мѣ́сяцъ, с. ме̏сѣ̏ц.

Нѣкоторые противорѣчащіе закону факты датируются исключительно памятниками, а не говорами; въ такихъ случаяхъ не всегда обезпечено фонетическое ихъ значеніе: ср. у Семеновича

rzeecz = factum 23 с.: р. рѣчь, ч. řeč, с. рӣјеч; можетъ быть, др.-польская долгота основана на формѣ съ удареніемъ окончанія, такъ какъ слово относится къ темамъ — i ср. выше о gošć, žułć.

prooch Семен. 18 с.; płączem ibid. 27 с.: с. плāч, р. плáча g. s.; sthrąthą acc. s. = *strāta ibid. 28 с. (ср. р. трáта, утрáта), въ послѣднемъ примѣрѣ первое ą, быть можетъ, лишь описка въ виду ą слѣдующаго слога.

Остается отмѣтить рядъ примѣровъ съ неяснымн или вовсе неизвѣстными акцентуативными отношеніями.

сваж. tvaży g. s. (n. s. tvoš); но въ др.-п. находимъ przed twárzu Prace Fil. II 1, 132 с.: ср. р. тварь — твáри; сербскій (у Вука) указываетъ на нисходящее удареніе коренного слога: твāр, чешская же долгота, — tvář, могла явиться или въ положеніи предъ старымъ удареніемъ, или подъ восходящимъ удареніемъ коренного слога.

др.-п. gaalki у Семеновича 17 с.: ч. hálka.

dráb — drába въ Krzęcinie Rozpr. XI, II ser. с. 341: чеш. dráb — drába.

dáreń въ писаржовицкомъ говорѣ Spraw. IV, с. 5: р. дéрнъ — дéрна (чеш. drn не даетъ никакихъ указаній, такъ какъ различіе между r̥̄ и r̄ въ чешскомъ утрачено).

сваж. pof — poṷa, но каш. pôv — pavja Ramułt: ч. páv.

сваж. pliśńe; въ родственныхъ языкахъ слово встрѣчается лишь въ формѣ ж. р.: р. плéснь — плéсни, с. плӣјесан — плӣјесни, чеш. plíseň, причемъ показанія чешскаго и сербскаго разнорѣчивы.

g. s. pana — n. s. pun (pon) въ Сваженцзѣ и другихъ говорахъ ср. paanem, paanom, pâná у Семеновича 17, 59 сс.: малор. пáнъ — пáна, ч. pán — pana; сербское пāн у Вука — «slovacismus» и потому не имѣетъ значенія.

сваж. sif — sivu: чеш. sev — sevu.

сваж. čoło; родственные языки знаютъ лишь форму м. р.: р. чолнъ — чóлна, ч. člun, с. чӯн — чӯна; этимъ показаніямъ пра-

вильно соотвѣтствуетъ кашубское čoɫen—čoɫna у Ramuɫt'a при čêɫno.

сваж. struš — struža, каш. strõš — strõža Bronich. 50 с.: р. сто́рожъ — сто́рожа, съ нимъ не сходится въ показаніяхъ чешское — stráž, въ сербскомъ лишь въ ж. р. — стра̂жа, также не гармонирующее русскому сторо́жа.

сваж. vrota, каш. vrota: р. воротá и воро́та, с. вра́та и болг. вратá поддерживаютъ русскую форму воротá, ч. vrata предполагаетъ об.-сл. форму съ нисходящимъ удареніемъ на коренномъ слогѣ; въ чак. vráta, б. м. съ восходящимъ удареніемъ ср. Arch. XVII, 195 с.

сваж. skaɫa, каш. skaɫa: с. скала̂, но р. скалá; чеш. skála одинаково оправдываетъ, какъ русскую, такъ и сербскую форму.

сваж. chlevu g. s.—chlif n. s., но каш. xlẽf — xlẽva Bronich 50 с.: р. хлѣвъ — хлѣ́ва, чак. hlév — hléva, чеш. chlév или изъ формы съ восходящимъ удареніемъ коренного слова, или съ удареніемъ окончанія, въ послѣднемъ случаѣ оно поддерживало бы кашубскую форму.

др.-п. uyaas (suspensum) Семеновичъ 17 с.: р. вѣсъ — вѣ́са.

сваж. sarna, каш. sarna Bronisch 25 с.: малор. серна́, болг. сърна̀, с. ср́на (и асс. s. ср́ну), но р. се́рна.

сваж. sić—sići ср. въ Miejsk'ой Górk'ѣ śić Rozpr. IX, 122 с., каш. sèc — sècé Ramuɫt (sẽc — sẽcë Bronisch 50 с.): р. сѣть — сѣ́ти, ч. síť можетъ восходить и къ формѣ съ восходящимъ удареніемъ коренного слога, и къ формѣ съ удареніемъ окончанія, послѣднее для польскаго естественно предположить въ виду принадлежности слова къ склоненію — i темъ.

Параллельное польскому сокращеніе старой долготы подъ удареніемъ, независимо отъ качества его,—въ словацкомъ. Словацкій, какъ чешскій и польскій, сохраняетъ долготу предъ удареніемъ и сокращаетъ ее подъ нисходящимъ удареніемъ — ср.

чешскіе примѣры у Черпаго Listy Fil. XXIV, 349 и сл., 422 и сл. и соотвѣтствующіе словацкіе: 1) для положенія предъ ударе-ніемъ: lúka, múka, prúha, trúba, túha, kút, púť, prúd, súd, játra, jádro (при jadro, которое, вѣроятно, — изъ праслов. Ф. *jádro подъ вліяніемъ nom. pl. ср. р. ядро́—я́дра), brázda, brána, vláda, chrám, král, dláto, žláza, mlieko, striebro, krúpa, plúca, kľúč, hlísta, kríž, šíp, vír, štít, krídlo, líco, písmo, víno, mýto, bieda, lieska, svieca, hriech, liek, diel, smiech, hniezdo, chvála, tráva, háj, hnát, plášť, slúp; 2) для положенія подъ исходящимъ уда-реніемъ: dub, kruh, muž, rub, sud, zub, zvuk, kňaz, ťah, jak, brav, hlad, hlas, hrad, chlad, klas, mrak, mrav, plaz, prach, smrad, svrab, vlas, vrah, zlato, breh, vred, vres, žleb, drevo, strecha, beh, bes, čep, kvet, jed, lep, les, mech, sled, svet, vek, gnev, seno, telo, dar, kvas, sad, strach, znak, var.

I. Loos: Slownik slowenskej, madarskej a nemeckej reči 1871 г. Въ соотвѣт-ствіи ч. duha — въ словац. dúha: ср. р. дугá, с. дýга. И въ др.-ч. — долгота: въ библіи 1462 г. чешскаго музея нашелъ я—dúha 4 с. (bis). Сокращеніе въ новоч. явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ Ф. им. мн.; ср. р. дугá—дугý—дýги. Слова, имѣвшія и въ вин. п. ед. ч. удареніе корня, сократили долготу въ им. п., повп-димому, раньше; въ такихъ словахъ и въ словацкомъ, и въ чешскомъ, и въ польскомъ находимъ сокращеніе; наоборотъ, болѣе позднее сокращеніе,—подъ вліяніемъ nom. pl. не всегда раздѣляется всѣми этими языками. Ср. два ряда отношеній: I. рукá—рýку, рýки: ч. ruka, слов. ruka, п. ręka; зимá—зи́му—зи́мы: ч. zima, слов. zima; бородá — бóроду — бóроды: ч. brada, слов. brada, п. broda; головá — гóлову — гóловы: ч. hlava, слов. hlava, п. głova; середá — сéреду — сé-реды: ч. středa, слов. sreda, п. środa; сторонá — стóрону — стóроны: ч. strana, слов. strana; стѣнá — стѣну — стѣны: ч. stěna, слов. stena, п. ścana; чакавское pētà — pétu — péti (но р. пятý): ч. pata, слов. päta, п. pięta; с. грéда — грéду — грéде (но р. грядý): ч. hřada, слов. hrada, п. grzęda; только въ соотвѣтствіи р. душá — дýшу — дýши — въ слов. dúša (ч. duše). II. дугá — дугý — дýги: ч. duha, но слов. dúha, п. dęga и dąga; звѣзда — звѣздý — звéзды: ч. hvězda, по слов. hviezda, п. gwázda; рѣкá — рѣкý — рéки: ч. řeka, но слов. rieka, п. řéka; уздá — уздý — ýзды (?): ч. uzda, но слов. úzda; цѣна — цѣнý (и цéну) — цéны: ч. cena, слов. cena, но п. céna; рудá — рудý — рýды: ч. ruda, слов. ruda. Сюда же отно-сится польское діалектическое (прушпнское) trava при tráva иныхъ говоровъ.

Что касается ŗ и ļ, которые сохранили въ словацкомъ въ извѣстныхъ случаяхъ долготу, то для положенія ихъ предъ ста-рымъ удареніемъ слишкомъ мало несомнѣнныхъ примѣровъ, от-носящихся къ первичнымъ номинальнымъ образованіямъ:

слов. žlna—ч. žluna, вѣроятно, восходитъ къ формѣ съ удареніемъ корня, хотя р. желна́, чак. žȗnà, с. жу́ња.

слов. vrba соотвѣтствуетъ русскому ве́рба при малор. верба́, чак. vr̄bà и с. вр́ба.

слов. srna ср. съ р. се́рна при малор. серна́, чак. sr̄nà, с. ср́на.

vrch — согласно съ р. ве́рха при с. вр́ха, чак. vȓh — vȓha, vŕha и vrhà, vr̄hà. Чешскій зналъ б. м. форму съ удареніемъ окончанія: въ библіи 1462 г. Чеш. Музея — na swrchnich a wysokých vŕšiech 369 л.

chlm, ч. chlum: р. хо́лмъ — холма́, с. хȗм — ху́ма.

Долгота сохранена лишь въ stl̄p (ч. sloup): р. столпа́, с. стȗп — сту́па.

Различіе между польскимъ и чешскимъ обнаруживатся въ судьбѣ первоначально восходящей долготы подъ удареніемъ: чешскій ее сохраняетъ, польскій сокращаетъ. Словацкій въ данномъ случаѣ на сторонѣ не чешскаго, но польскаго.

Съ примѣрами сохраненія восходящей долготы въ чешскомъ у Чернаго Listy fil. 422 и сл.: houba, housle, stoupa, úhel, pouto и т. д. ср. словацкіе: — huba, stupa, husle, uhel, puto, baba, jama, rana, žaba, skala, staja, maslo, sadlo, plač, laz, ňadra, lesa, vera, repa, delo, jedlo, leto, vetr, lipa, hlina, šidlo, sito, hriva, jiva, sila, sliva, žila, šija, vidly, riza, klin, kyla, lyko, mydlo, syr, hruda, šťuka, chrasta, krava, breza, klada, pleva, blato, hrach, prah, vrana, slama, vlaha, čas, ded, had, kraj, raj, svat, vlha, plch, mrva, prha, prst, hrb, brdo, zrno, vlna, chrt (ср. с. вȕга, пȕх, мр̏ва, мр̏ха, пр̏га, пр̏ст, гр̏б, бр̏до, зр̏но, вȕна, хр̏т).

Въ нѣсколькихъ случаяхъ и чешскій представляетъ сокращеніе; такъ какъ сербскій, иногда и русскій, и здѣсь указываетъ на восходящее удареніе, то примѣры эти — въ пользу нашего правила: ч. muka и слов. muka; ч. straka и слов. straka; ч. sukňe и слов. sukňa, ч. hnida — слов. hnida; ч. višňe — слов. višňa, ч. žito — слов. žito; ч. vydra — слов. vydra; ч. ryba — слов. ryba, впрочемъ при дудлебскомъ rejba, и въ др.-ч., въ постиллѣ Гусса

XV в. 58 л. встрѣтилъ я rýby gen. s. (ср. с. му̏ка, сра̏ка, су̏кња, гњи̏да, ви̏шња, жи̏то, ви̏дра, ри̏ба).

Слова—struna, slina быть можетъ сюда не относятся: ср. р. струна́, слюна́—струну́, слюну́ — стру́ны, слю́ны; подъ вліяніемъ nom. pl. нисходящее удареніе корня могъ получить nom. s. — отсюда въ чешскомъ краткость; въ с. стру̏на, сли̏не n. pl.

Такимъ, образомъ, правило о сокращеніи восходящей долготы въ словацкомъ подтверждается 77 примѣрами. Къ нимъ можно бы присоединить слов. misa — ч. mísa, хотя въ с. параллели нѣтъ; слов. mucha — ч. moucha: ср. р. му́ха, но с. му̀ха, слов. mak — ч. mák: ср. р. ма́ка g. s., но с. ма̏к — ма̀ка; с. му̀ха и ма̀ка, вѣроятно, вторичны.

Отступленій немного: máta, sláva, ráj, stádo, pásmo, stráža, rúcho, miera, trieska, núza, prám, úd, štír, vietor, mráz. Изъ нихъ núza до́лжно исключить: ср. р. нужда́ при ну́жда. Имена ср. р. pásmo, stádo, roucho быть можетъ діалектически имѣли въ nom. pl. удареніе окончанія, проникшее затѣмъ въ nom. s.: ср. р. стада́.

Нѣкоторые примѣры могли возникнуть подъ литературнымъ вліяніемъ чешскаго языка; въ частности stráža быть можетъ соотвѣтствуетъ р. сторожа́.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ—колебаніе: draha—dráha, vera—viera, miesto = мѣсто и mesto = городъ; miesto можетъ быть подъ вліяніемъ nom. pl.: р. мѣста́; со слов. deva и dieva ср. ч. děva: колич. отношенія неясны (с. djéva—съ ласкательнымъ значеніемъ).

Въ 6 примѣрахъ не нашелъ словацкихъ параллелей чешскимъ формамъ: tuče (с. ту̏ча), vřídlo, krpě (с. кр̏па), lin, tis, kyta.

Отмѣченное разногласіе между чешскимъ и словацкимъ и согласіе послѣдняго съ польскимъ въ судьбѣ восходящей долготы подъ удареніемъ, конечно, не можетъ служить обоснованіемъ самостоятельности «словацкаго языка» по отношенію къ чешскому.

Это подтверждается съ одной стороны тѣмъ, что въ иныхъ пунктахъ развитія количества словацкій совпадаетъ съ чешскимъ,

отличаясь отъ всѣхъ остальныхъ словянскихъ языковъ, напр. — въ нормахъ вторичнаго удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, какъ увидимъ ниже; съ другой стороны тѣмъ, что сокращеніе восходящей долготы подъ удареніемъ вовсе не отдѣляетъ какъ бы пограничной чертой словацкій отъ чешскаго, но чрезъ посредство моравскихъ говоровъ подходитъ близко къ самой области чешскаго языка.

Указанія на это даетъ даже скудный матеріалъ Бартоша въ его «Dialektologie moravská»: сокращеніе восходящей долготы, повидимому, извѣстно не только моравско-словацкимъ говорамъ, но и центральнымъ-ганацкимъ и даже группѣ моравско-чешскихъ говоровъ (Nařeči české). Такъ, въ злинскомъ г. (словацко-моравское н.): jama, kłada, rana, skala, hrach, prah, błato, hlina, lipa, mak, misa, siła, sito, łyko, hruda, husle, puto, pruh, uhel I, 9 с.; въ ганацкихъ говорахъ «количество а то же, что въ злинскомъ» II, 10 с., mřeža, březa, větr II, 11 с., lipa, misa, hlina, žila, kyta, mydło, hruda, husle, pruh, uheł; въ чехо-моравскихъ говорахъ: jama, klada, vrana, žaba, blato, prah, mak «a t. d.» II, 244 с., hruda, huba II, 246 с. ср. еще I, 101 с., II, 14, 41, 44, 67, 180, 228, 230 сс.

Сокращеніе восходящей долготы извѣстно и переходнымъ чешско-польскимъ говорамъ Силезіи: ср. горноостравскій говоръ, описанный г. Jan'омъ Loriš'емъ въ Rozprav'ach Чешск. Акад. VII 1, 1899 г. Прага.

Различія долгихъ и краткихъ говоръ этотъ не знаетъ; ā, какъ въ польскомъ, = o, u (предъ m, n). Вокализація сочетаній *or, *ol, *er, *el — чешская, по законы сохраненія старой долготы,—и въ этихъ сочетаніяхъ, и въ другихъ долготахъ—польскіе, какъ и явленіе вторичнаго удлиненія предъ звонкимъ согласнымъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ. Изслѣдователь говора утверждаетъ, что «o изъ ā въ горноостравскомъ говорѣ не совпадаетъ съ польскимъ суженнымъ a, но съ чешскимъ ā» 7 с. Однако сообщаемые имъ факты явно противорѣчатъ его утвержденію: соотвѣтственно польскому закону сокращенія восходящей долготы

подъ удареніемъ, въ его говорѣ находимъ — błato, draha, hrach, kłada, krava, prah, słama, vrana, jama, mak, masło, pasmo, rána, sadło, skała, vłaha, žaba; въ чешскомъ въ этихъ примѣрахъ — долгота. Утвержденіе автора, что о изъ ā въ горноостравскомъ говорѣ совпадаетъ съ чешскимъ ā, основано на недоразумѣніи: что въ извѣстномъ количествѣ случаевъ это совпаденіе имѣетъ мѣсто, понятно, такъ какъ и чешскій, и польскій одинаково сохраняютъ старую долготу *предъ удареніемъ*. Приведенныя отступленія отъ чешскаго авторъ объясняетъ вліяніемъ польскаго языка 9 с. Но спрашивается, какъ же подъ вліяніемъ польскихъ krova, groch, błoto, słoma, droga, kłoda, próg — proga, vrona могли возникнуть *чешскія*: krava, hrach, błato, słama, draga, kłada, prah, vrana горноостравскаго говора.

5. Долгота во второмъ предъ удареніемъ слогѣ.

Первичныя именныя образованія, въ которыхъ бы долгій гласный находился въ требуемомъ положеніи, — крайне рѣдки; анализъ же вторичныхъ образованій не даетъ твердыхъ выводовъ, такъ какъ эти образованія стоятъ обычно подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ основныхъ.

Внѣ такого вліянія у Лоренца (Arch. XIX, 361 с. и сл.): — cięciva, р. тетивá, с. тетúва; węzina: с. узúна; trębacz—trębacza; р. трубачá g. s., с. трубáча (trąba); plęsacz (pląsać); rębacz (rąbać); rędzina: с. рудúна; cięgoty: с. тегòта, р. тяготá; język: р. языкá g. s., с. jèзик — jèзика; сербская Ф. g. s. вторична: если бы удареніе было на 2 слогѣ, ожидали бы jéзика. Ср. еще vžećono (Сваженцзъ): р. веретенó, чак. vretenò; batóg — batoga (Сваж., опочин. Rozpr. XI, 148 с., batuog лясовск. Rozpr. VIII. 72 с.): батóгъ — батогá. То же — въ кашубскомъ: trąbôč, batog — batoga и batožéšče (ср. батожúще) у Ramułt'a, język у Bronisch'a 24 с.

Въ чешскомъ: tětiva, trubač при trouba, těhota (при tíhota), jazyk, vřeteno, batoh; акад. Шахматовъ указываетъ lakota при

lákati и глагольныя образованія: kralovati при král и králiti, mudrovati при moudry и moudřiti Изв. VII 2, 314 с.

Для сербскаго сокращеніе долготы въ данномъ положеніи установилъ Лескинъ Untersuchungen I, 6 с.

6. Долгота въ слогѣ послѣ ударенія.

Матеріалъ въ данномъ случаѣ такъ же скуденъ, какъ и въ предыдущемъ. Лескинъ установилъ сохраненіе долготы въ данномъ положеніи въ сербскомъ помощью анализа суффиксальныхъ слоговъ: вр̏тāj, по̏шāj, шко̏љāр и т. п. Untersuchungen II (1893 г.) 55, 57 сс. Но такой матеріалъ — не вполнѣ надеженъ: если долгота ā въ суфф. — ār — и сокращалась въ польскомъ послѣ ударенія (pisāŕa = пи́саря), то она могла быть возстановлена подъ вліяніемъ ā въ аналогичныхъ образованіяхъ, какъ skotāŕa: р. скотаря́. Мы вернемся, поэтому, къ этому матеріалу позже; сперва же обратимся къ образованіямъ, болѣе обезпеченнымъ отъ вліянія аналогіи. У Лоренца Arch. XIX, 158 с. Находимъ: gołębia g. s.: р. го́лубя, чак. gòłūba, с. го̏лу̑ба; járzęba gen. s.: с. ја̏ре̑ба; jastrzębia g. s.: р. я́стреба, с. ја̏стрије̑ба; obręcza gen. s.: р. о́бруча, с. о̏бру̑ча; okrętu: чак. ókruta; łabędzia gen. s.: р. ле́бедя, с. ла̏бу̑да; mesiąca gen. s.: р. мѣ́сяца, с. мје̏се̑ца; zająca gen. s.: р. за́йца; pieniądza gen. s.: с. пе̏не̑зи.

tysiąca: р. ты́сяча, с. ти̏суħа; otrębу: р. о́трупи; żołędzi: р. жо́лу̑ди, с. же̏лу̑да gen. s. (но чак. želùda); pamięci gen. s.: р. па́мяти, с. па̏ме̑ти.

Слово rająk — rająka должно быть исключено, такъ какъ могло соотвѣтствовать русскому па́у̑къ — ука́, а не сербскому па̏у̑к — па̏ука.

Итакъ, лишь 4 изъ приведенныхъ словъ имѣютъ ą т. е. рефлексъ долготы, остальныя 9 своимъ ę указываютъ на сокращеніе первоначальной долготы въ слогѣ послѣ ударенія. Однако какъ разъ этимъ четыремъ примѣрамъ съ долготой соотвѣтствуетъ долгота и въ чешскомъ: miesiąc: ч. měsíc, zając: ч. zajíc;

tysiąc: ч. tisíc; pieniądza: ч. peníz. Изъ остальныхъ — польской краткости соотвѣтствуетъ чешская долгота лишь въ двухъ случаяхъ: п. jarzęba: ч. jeřáb, п. jastrzębia: ч. jestřáb; въ другихъ примѣрахъ и въ чешскомъ краткость: holub, obruč, словацкое okrut, labuď, otruby, žalud, pamět.

Такое отношеніе фактовъ привело Лоренца къ предположенію, котораго, какъ онъ признаетъ, нельзя ничѣмъ подтвердить: что сохраненіе или сокращеніе долготы въ польскомъ и чешскомъ въ положеніи послѣ ударенія зависѣло отъ качества долготы; «вѣроятно при восходящемъ качествѣ долгота сохранялась, при нисходящемъ сокращалась» 161 с. Въ пользу этой мысли «f — typ—čos» ср. 132 с. Польскій, какъ видимъ, въ общемъ сходится съ чешскимъ. Двумъ отступающимъ примѣрамъ: п. jastrzębia при ч. jestřáb и jarzęba при ч. jeřáb Лоренцъ не придаетъ значенія: они возникли по аналогіи gołębia и т. п. при n. s. gołąb.

Въ кашубскомъ въ общемъ находимъ то же, что въ польскомъ: gœłąbja g. s., wœkrąt, wœtrąbé, pamiąc, jastréba, но: miesǫc, tésǫc, pjeńǫdza g. s. Ramułt (zajc; соотвѣтствія польскимъ — jarzęba, łabędzia, żołędzi у Рамулта нѣтъ). Только польскому obręcz противорѣчитъ каш. wœbrǫč.

Въ словацкомъ — сходно съ чешскимъ: holub, obruč, labuť, otruby, pamäť, žaluď, но: mesiac, zajac, peniaz (tisíc—подъ чешскимъ вліяніемъ). При этомъ словацкій даетъ поправку къ изложенію вопроса у Лоренца: польскія jarzęba и jastrzębia нельзя объяснять, какъ вторичное явленіе, такъ какъ и въ словацкомъ— краткость: jarab, jastrab; отступающими являются скорѣе ч. jeřáb, jestřáb.

Итакъ, относительно судьбы долготы въ слогѣ послѣ ударенія мы должны пока довольствоваться гипотезой Лоренца, не имѣя средствъ твердо ее обосновать.

7. Долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ.

По отношенію къ носовымъ вопросъ разсмотрѣнъ у Лоренца Arch. XIX, 135—144 сс. Носовые въ конечномъ открытомъ

слогѣ сокращаются, независимо отъ ударяемости или неударяемости, также — отъ качества долготы. Гдѣ конечный носовой является въ видѣ ą, тамъ онъ происходитъ изъ стяженія или первоначально не былъ въ открытомъ концѣ слова.

Дѣйствительно, мы одинаково имѣемъ въ acc. s. trawę: р. траву́, с. тра́ву и głovę: р. го́лову, с. гла̂ву. Что не имѣло значенія и качество долготы, показываетъ сопоставленіе Ф. nom. s. tráva и Ф. acc. s. travę: флексіи acc. s. и nom. s. f. представляли первоначально долготы различнаго типа, откуда и происходитъ литовско-словянское отношеніе *bordà — *bórdǫ ср. гл. IV и Tore T. Liquidametathesis 56—57 сс.

Сопоставленіе лит. mergà instr. s. и sukù 1 s. pr. заставляетъ ожидать краткости и въ instr. s. Однако и въ польск., и въ чешск. — долгота: rybą, rybou. Долготу эту Лоренцъ основательно объясняетъ стяженіемъ: *rybǫ изъ *rýbojǫ или *rýbodǫ. Флексія — ą въ 3 pl. pr. первоначально не была въ открытомъ концѣ слова: она — изъ — ǫtь.

Необъясненнымъ считаетъ Лоренцъ лишь — ą въ acc. s. f. именъ volą и т. п., такъ какъ нельзя обосновать *volija 141 с.

И иные долгіе гласные являются въ конечномъ открытомъ слогѣ сократившимися т. е. въ говорахъ открытыми: ср. — a въ nom. s. f. (ryba и т. п.), — a въ gen. s. m. — n. (voza, masła и т. п.),—ʹe изъ ě въ dat.-loc. s. f. (rybe и т. п.).

Др.-п. prawą=*prawā, dwą = duo Семеновичъ 26 с.— факты графическіе.

Повидимому, затрудненіе представляютъ лишь Ф.Ф. nom. s., какъ volá, — на ряду съ acc. s. volą и т. п. Объясненіе этихъ формъ дано уже въ 1870 г. проф. Бодуэномъ де К. Beitr. VI, 25—26 сс.: нѣкоторыя изъ именъ данной категоріи имѣютъ ʹá (ʹā) изъ стяженія -iją; таковы sędźá ср. р. судья́ и ст.-сл. сѫдии; braćá: р. братья, ст.-сл. братиа. Когда различіе между стяженными и нестяженными Ф.Ф. перестало чувствоваться, окончаніе ʹá въ сознаніи говорящихъ стало особенностью мягкихъ основъ и было перенесено въ иныя имена со старымъ—a. Такъ явились volá, dolá, rolá, nędzá и т. д. Позже это ʹá было перенесено и въ

заимствованныя имена: lilijá, maryjá и т. д. То же объясненіе mutatis mutandis могло бы быть примѣнено и къ — ą въ вин. п.: volą и т. п.

На сравнительно раннее вліяніе аналогіи указываетъ др.-п. памятники: ср. у Семеновича при braczaa, sądzaa и burzaa, duszą, volyą, zemyą и т. п. Въ современныхъ говорахъ явленіе это распространено не вездѣ въ одинаковыхъ размѣрахъ ср. Rozpr. VIII, 87 c., 193 c; XI, 153 c.; X, 232 c., IX, 116 c., 160 c., II s. V, 376 c, XI, 339 c., Spraw. IV, 6 c. Колебаніе и въ кашубскомъ: rolô и rola у Ramułt'a; у него же burô, kuchńô при grobla, mša, šéja, višńa. Иначе понимаетъ польское volá — volą ак. Шахматовъ Изв. VI, 353 c.

Долгое а т. е. á находимъ и въ gen. s. n. на -iję: młuceńá, pokoleńá и т. п. ср. I ч., 8 c., въ др.-п. у Семеновича 15 c., въ кашубскомъ у Брониша 54 c. Здѣсь происхожденіе долготы изъ стяженія ясно.

Сокращеніе долготы въ конечномъ открытомъ слогѣ наблюдается также въ сербскомъ и чешско-словацкомъ.

8. Долгота изъ стяженія.

Долготу изъ стяженія находимъ: въ nom. s. f. именъ, какъ braćá; въ g. s. n. именъ типа młuceńá; въ инфинитивныхъ формахъ типа sḿáć śe, báć śe, dźáć; въ Ф.Ф. 2—3 s. и 1—2 pl. praes. глаголовъ 3 класса (znáš, zná, známy, znáće); въ формахъ прилагательныхъ сложныхъ: dodrá, dobrégo, dobrému, dobrém, dobréj и т. п. Въ нѣкоторыхъ говорахъ сохранился и рефлексъ ē изъ стяженія въ nom. s. n.: напр., въ опольскомъ: źelé, ṕićé, sńadańé и т. п. Ueber. d. opp. M. 17 c.

Въ другихъ говорахъ, какъ сважендзскій, форма n. s. n. означенныхъ именъ потеряла свою старую флексію, замѣнивъ ее открытымъ *e* такихъ именъ, какъ morze, pole.

По поводу формъ gen.-dat.-loc. s. m.-f.-n. прилагательныхъ на -égo, -ému, -ém, -éj должно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ говорахъ гласный этихъ флексій является открытымъ: въ зебржидовскомъ d_{u}öbreg$_{u}$ö, d_{u}öbremu, d_{u}öbrem, но—d_{u}öbry gen.-dat.-loc. s. f. Rozpr. IX, 163 c.; то же въ бржезинск. Rozpr. VIII, 188 c. Особенно удивительна форма loc.-s.—dobrem: тутъ ожи-

даемъ «наклоненности» гласнаго, въ виду положенія его въ конечномъ закрытомъ слогѣ предъ -m. Очевидно, Ф.Ф. dobrego, -emu повліяли и на остальныя: ср. instr. s. d„öbrem, то же въ dat. pl. и d„öbremi instr. pl., гдѣ во всякомъ случаѣ должно быть -y. Конечно, Ф.Ф. dobrego, -emu суть нефонетическія, возникшія подъ вліяніемъ Ф.Ф. мѣстоименныхъ -ńego, ńemu. Въ иныхъ говорахъ — обратное вліяніе: въ Сважендзѣ при dobrygo, -ymu— и -tygo, samygo, въ Луковцѣ jigu, samygu, tygu, cygu (=czego), tymu, cymu, takigu Spraw. V, 153 c.

Возникаетъ вопросъ, можно ли признать фонетическими, получившими свое -é изъ стяженія -aje, -uje — самыя Ф.Ф. dobrégo, dobrému: ср. эти формы со ст.-слов. Ф.Ф. добраго, добраго, доброуоумоу, доброумоу или даже съ глагольными Ф.Ф. самихъ зап.-слов. языковъ: znáš, zná и т. д. Какъ объяснить эту противоположность?

проф. Бодуэнъ де К. полагалъ, что въ сочетаніяхъ dobrajego, dobrujemu и т. п. въ ст.-сл. мѣстоименіе было энклитикой, словомъ безъ ударенія, удареніе было на флексіи краткой Ф. dobrájego, въ польскомъ же обѣ части долго чувствовались отдѣльными словами, и мѣстоименіе произносилось съ удареніемъ: dòbrajègo. Отсюда—разница въ результатахъ стяженія въ ст.-слов. и польскомъ «О др.-п. яз.» 58 с. Такъ же произошли Ф.Ф. «mêgo, svêgo и т. д. (теперь mego, svego) изъ mojègo, svojègo и т. д. (въ противоположность малор. mohò, tvohò, svohò)» ibid.

Съ этимъ объясненіемъ интересно сопоставить гипотезу ак. Шахматова, предложенную имъ для объясненія существованія стяженныхъ и нестяженныкъ Ф.Ф. рядомъ въ чешскомъ.

Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1898 г. 74 с.

ак. Шахматовъ предполагаетъ, что еще въ об.-сл. языкѣ въ зависимости отъ акцентуативныхъ отношеній различались j и j̨: j̨ — предъ неударяемыми гласными, а j предъ ударяемыми. Въ обще-зап.-сл. эпоху выпадало j̨, а не j, слѣд. нестяженныя Ф.Ф. возводятся къ Ф.Ф. съ удареніемъ окончанія, а стяженныя — къ Ф.Ф. съ удареніемъ на корнѣ или на второмъ слогѣ двухслож-

наго окончанія: ч. moja изъ mojà; ч. mého изъ mòi̯ego, mému изъ mòi̯emu (ср. р. по-мóему, чак. mòjega, mòjemu) или изъ moi̯egó, moi̯emú (р. моегó, моемý). Съ этой точки зрѣнія непріемлемы ф.ф. проф. Бодуэна де К. — *dóbra-jégo, *dóbru-jému: онѣ дали бы нестяженныя ф.ф.; ч. dobrého, п. dobrégo должно съ этой точки зрѣнія возводить къ — ф. *dóbra-i̯egó, причемъ — ai̯e, гдѣ обѣ части неударяемы даетъ é, тогда какъ *čytái̯ešь даетъ čytáš въ виду ударяемости перваго элемента.

Непонятными для меня являются лишь ч. státi, pás, bázeň, má, — которыя ак. Шахматовъ возводитъ къ *stòi̯ati (р. стóять при стоя́ть), *bòi̯aznь (с. бо̏јазан), *pòi̯as (р. пóясъ), *mòja: въ виду ударяемости перваго элемента ожидали бы изъ *òi̯a — ō, а не ā, какъ — ái̯e даетъ ā. Стяженіе это нельзя вѣдь относить къ столь ранней эпохѣ, для которой можно принять измѣненіе ō въ a.

Далѣе, является вопросъ, въ какой мѣрѣ естественно предполагать для зап.-сл. ф.ф. типа dobrégo праформу — dóbra-i̯egó или dóbra-jégo (проф. Бодуэнъ де К.).

ак. Соболевскій указываетъ на фамильныя имена Благовó, Дурновó и ф.ф. Крижанича: простогó, драгогó, прегустогó, ясногó, чистогó и думаетъ, что удареніе въ членныхъ ф.ф. многихъ прилагательныхъ и мѣстоименій нѣкогда находилось на конечномъ слогѣ Ж. М. Н. Пр. 311 т. (1897 г. № 5) 56.

Не дóлжно забывать, что не всѣ краткія формы g. s. m.-n. прилагательныхъ двусложныхъ имѣли одинаковое удареніе въ об.-словянскомъ; однѣ имѣли удареніе перваго слога, другія — второго: ср. с. бр́за, блáга, врáна, глýха, гýста, дрáга, млáда, нáга, пýста, сýха, нијѐма, бијѐла и др. Примѣры эти, вовсе не малочисленные, см. у Даничича Rad XIV 91—92 сс.; ср. и русскія: не-с-простá, до-нагá, до бѣлá, малъ-малá меньше.

Эти формы въ эпоху сложенія формъ полныхъ прилагательныхъ не могли дать предполагаемой проф. Бодуэномъ де К. формулы *blága-jégo или *blagá-jégo: ср. р. егó емý, с. њѐга, њѐму.

Да и въ типѣ *zdórva + jego удареніе во второй части первоначально было на второмъ слогѣ. Пришлось бы, слѣд., прини-

мать передвиженіе ударенія: *zdórva-jegó > zdórva-jégo; пришлось бы предполагать, что этотъ типъ *zdorva-jégo вытѣснилъ другой типъ: *blagá-jegó, что было бы произвольнымъ. Такимъ образомъ, гипотеза проф. Бодуэна де К. маловѣроятна. Мы должны исходить изъ первоначальныхъ типовъ: *zdorva-jegó и *blagá-jegó, *zdorvu-jemú и *blagú-jemú. Предполагать переносъ ударенія въ первой части второго типа, — при болѣе тѣсномъ сліяніи элементовъ,— т. е. измѣненіе *blagá-jegó въ *blágajegó мы не вправѣ: ср. р. сухóго, пустóго, но не сýхого, пýстого.

Въ старословянскомъ оба типа даютъ — аго, второй потому, что удареніе въ сочетаніи — áje падало на а; въ первомъ типѣ а является изъ сочетанія — aje, стоявшаго послѣ ударенія. Тѣхъ же результатовъ ожидали бы и въ зап.-словянскихъ языкахъ: какъ znáješ дало znáš, такъ pustá-jegó должно бы дать pustāgo; какъ dělaješ дало děláš, такъ *zdorvajegó (съ побочнымъ удареніемъ конечнаго слога) должно дать *zdrávāgo, *zdróvāgo.

Типъ глаголовъ, какъ dělati (брйзгати, дjелати, прйгати, слйшати, стýкати — въ сербскомъ) не настолько малочисленъ, чтобы можно было его показаніями пренебречь, сославшись на возможность вліянія глаголовъ типа čitáti—čitáješь ср. Даничичъ «Akcenti u glagola» Zagreb 1896 г., 78—79 сс. Впрочемъ могли вліять иныя формы тѣхъ же глаголовъ: dělati, dělaj, dělaachъ.

Русскія Ф.Ф. Благовó, Дурновó и чак. žutegá, žutemú могли бы привести къ предположенію, что, какъ въ Ф. *rúsajegò, такъ и въ Ф. pustájegò въ общесл. діалектически побочное удареніе (Nebenton) второй части одерживало верхъ надъ главнымъ первой части, и изъ pustajegó, rusajegó получились зап.-сл. Ф.Ф. съ ē. Однако такое измѣненіе акцентуативныхъ отношеній фонетическимъ путемъ кажется мнѣ маловѣроятнымъ; и приведенныя русскія Ф.Ф., и аналогичныя чакавскія скорѣе возникли позже подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ: его, сего, того, твоего, моего, своего (или въ р. — мовó, твовó, свовó); самое существованіе въ русскомъ рядомъ — сухóва, пустóва и т. п. говоритъ въ пользу такого пониманія фактовъ.

Такимъ образомъ, на чисто фонетической почвѣ противоположность зап.-слов. Ф.Ф. типа čitáš и dobrégo врядъ ли можетъ

быть объяснена; проф. Лескинъ полагаетъ, что сочетаніе -aje— въ формахъ того и другого типа давало ā, формы же зап.-сл. съ ē возникли подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ Ф.Ф. (jego, jemu), но сохранили долготу изъ фонетическихъ Ф.Ф. на -āgo.

Взглядъ этотъ высказанъ былъ проф. Лескиномъ на одной изъ лекцій.

Такимъ же путемъ получилось сербское -ôга, -ôму.

ак. Фортунатовъ и сербскія Ф.Ф. на -ôга, -ôму объясняетъ фонетически: ujemu > uemu > uomu, откуда въ ст.-сл. -ѹѹмѹ, въ ср.-болг. пам. -ѹѹмѹ (также въ древнѣйшихъ русскихъ), въ с. -ôму (изъ -ѹѹму). Изъ дат. п. о перешло въ род. п. въ с. -ôга и р. -ѹго. Наоборотъ, изъ род. п. въ зап.-сл. -ēgo (изъ ajego) é перешло въ дат. п. -ému. Лекціи по фонетикѣ ст.-сл. яз. Москва 1888 г., 108 с. Объясненіе Ф.Ф. род. п. вліяніемъ дат. п. и обратно кажется мнѣ искусственнымъ, а придавать значеніе формамъ ср. — болг. и др.-р. памятниковъ небезопасно; есть факты, указывающіе на то, что Ф.Ф. на -ому по аналогіи мѣстоименныхъ могли явиться въ болгарскомъ раньше, чѣмъ ср. — болг. -ѹѹмѹ, что слѣд. нельзя объяснять первыя изъ послѣднихъ: ср. въ Зографск. пръвомѹ, въ пражскихъ отр. слѣпомѹ, въ календарѣ Ассем. Ев. благовѣрномѹ. Ф.Ф. -ѹѹго, -ѹѹмѹ могли возникнуть подъ перомъ писца, какъ комбинація живого -ого или -омѹ и литературныхъ -аго, -ѹѹмѹ. ак. Фортунатовъ предполагаетъ, что въ Ф.Ф. gen. s.-dat. s. вслѣдствіе энклитическаго употребленія во второй части формъ являлось удареніе перваго слога. Въ Ф.Ф. типа *rúsa—jego такое явленіе возможно, но въ Ф.Ф., какъ *pustá — jego—маловѣроятно; слѣд. Ф. pustégo все же непонятна.

Мысль проф. Лескина поддерживается діалектическими польскими dobrego, dobremu.

Во всякомъ случаѣ, вліяніе мѣстоименныхъ Ф.Ф. въ томъ или другомъ видѣ на образованіе зап.-слов. формъ типа dobrēgo, dobrēmu врядъ ли подлежитъ сомнѣнію.Такъ, зап.-сл. -ēgo, ēmu могли возникнуть, если не подъ вліяніемъ svēgo, tvēgo, mēgo, svēmu, mēmu изъ svojegò, tvojegò и т. д., то подъ вліяніемъ kēgo, čēgo изъ къ jegó, čьjegó и kēmu, čēmu изъ къjemú, čьjemú: ср. др.-ч. kého, čého у Гебауэра Hist. Ml. III 1, 464, 505 с. Сербскія добрôга, добрôму могли получить -ôга, ôмоу подъ вліяніемъ мôга, твôга, свôга изъ mòjego, tvòjego, svòjego (ср. чак. mòjega, mòjemu при mojegà, mojemù и р. по мóему при моегó, моемý).

Русскія мовó, своvó могли получиться и не изъ стяженія. На возможность вліянія Ф.Ф. kého, čého обратилъ мое вниманіе Г. А. Ильинскій.

Мысли г. Колара (Прага) объ образованіи словянскихъ ф.ф. прилагательныхъ опредѣленныхъ въ Сборникѣ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова 1902 г. обхожу молчаніемъ.

По поводу глагольныхъ ф.ф. типа znáš — zná должно отмѣтить гипотезу проф. Бодуэна де К., видящаго въ нихъ остатокъ спряженія безъ соединительнаго гласнаго Beitr. VIII, 207—208 сс. Однако съ этой точки зрѣнія долгота гласнаго а въ данныхъ ф.ф. для меня непонятна: въ ф.ф. 3 л. ед. и 2 л. мн. ч. znā, znāće и т. п. долгота ничѣмъ инымъ, кромѣ стяженія, объяснена быть не можетъ, такъ какъ старая долгота въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ открытомъ слогѣ внутри словъ подъ удареніемъ сокращается; въ ф.ф. 2 s.—znāš долгота также не могла явиться инымъ путемъ, такъ какъ вторичное удлиненіе въ закрытомъ слогѣ являлось первоначально лишь предъ звонкими согласными.

Что касается ф.ф. v́áć, śáć, d͡źáć и т. п., то онѣ, вопреки русскимъ вѣ́ять, сѣ́ять, дѣ́ять, должны быть возводимы къ ф.ф. съ удареніемъ суффиксальнаго а, хотя бы это удареніе явилось въ нихъ вторично подъ вліяніемъ иныхъ аналогичныхъ образованій: ср. р. боя́ться, смѣя́ться (п. báć śe, sḿáć śe) и словинскія: sejáti, dejáti при vẹ̑jati.

ср. проф. Брандтъ въ Сборникѣ въ честь ак. Фортунатова 1902 с., 202 с.

9. Первоначально краткіе гласные въ открытомъ слогѣ.

Первоначально краткіе гласные, какъ въ сербскомъ, такъ и въ чешскомъ остаются въ открытомъ слогѣ вообще краткими.

ср. «Untersuchungen» Лескина 1893 г. 7, 13 сс. и Listy fil. XXIV, 343 и сл.

То же положеніе можно установить и для польскаго: ср. о, е въ открытомъ слогѣ въ литературномъ языкѣ, вообще сохранившемъ ó, é, какъ рефлексы ō, ē, или примѣры изъ сважендзскаго говора. Въ Сважендзѣ находимъ:

а) имена ж. р. kosa, koza, koža, noga, u̯osa, rosa, smoła, voda, rolou̯, dolou̯, volou̯, v́ežou̯, ḿedza, ḿotła, śostra (изъ ḿetła, śestra); gen. s. moli, boli, soli, kośći, nocy, mocy, ṕecy.

b) ср. р.: koło, może (=morze), oko, pole, proso, słovo, ńebo, bodro, čoło, vosło (съ ˊo изъ ˊe).

c) м. р. (g. s.): boga, boju, boka, boru, dołu, głogu, gośća, gnoja, groba, ježa, gvoźdźa, koša, mozgu, ńodu, mosta, ńeča, noža, nosa, posta, pota, roga, roda, roku, stoła, stroja, stoga, snopa, soka, voła, voza, voska, vepša.

Однако, отъ установленнаго правила существуютъ отступленія. Уже въ др.-п. — panooszaa, mooczy, sóstra, zóni n. pl. wuola, booga, mooczy, zeemye Семеновичъ 19, 24, 31, 35 сс. Лось Prace fil. II, 127 с.

Но нельзя придавать значеніе фонетическое всѣмъ этимъ фактамъ; такъ — booga, можетъ быть, — фактъ графическій (ср. n. s. boog).

Въ діалектахъ и литературномъ языкѣ отступленія ограничены словами: góra, gróza, córa, próba, ṕóro, rózga, róża, skóra, vóla, źéńa.

ср. góra или gura въ Сважендзѣ, Miejskéj Górk'ѣ, Закопянахъ, Зебржидовицахъ, опочиньскомъ: Rozpr. IX 121, X 172, IX 164, XI 157. Въ Стонавкѣ gora = mons XII 21; gora и въ оппельн. Ueber d. opp. M. 16 с. и въ писаржов. Spraw. IV 3 с.: próba (pruba) въ Сважендзѣ, зебржид., опочиньскомъ, Miejsk'ой Górk'ѣ ср. Rozpr. IX 164, 121, XI 157, также въ литературной рѣчи; róża (ružǫ) въ Сважендзѣ, Мѣйск. Г. Rozpr. IX 121 с., литературной рѣчи; въ Стонавкѣ, гдѣ ó и u различаются, — ruża Rozpr. XII 21 с.; ṕóro (ṕuro) въ Сважендзѣ и въ литературной рѣчи; rózga въ литературномъ языкѣ, въ Стонавкѣ — ruzga; córa (cura) въ Сважендзѣ, Мѣйск. Г. Rozpr. IX 121 с.; źéńa — въ Сважендзѣ; skóra въ зебржид., Мѣйск. Г. IX 164, 121 сс.; vóla — въ Стонавкѣ Rozpr. XII 21 с, Сромовцахъ Mat. i pr. I 1, 55 с.; hruza — въ Стонавкѣ Rozpr. XII 21 с. (sic: h); прашницкое zóna (= žona) Spraw. V 79 с. не имѣетъ значенія: въ этомъ говорѣ всякое o предъ n измѣняется въ u, то-же въ сваж. łuno изъ łuno.

Въ кашубскомъ у Ramułt'a находимъ: gòra, pjòro, ròzga, ròża, skòra, но: cora, groza, proba; у Bronisch'a: gõra, skõra, rõża, pšõro.

То же явленіе, какъ извѣстно,—и въ чешскомъ: hrůza, vůňe, smůla, kůže, kůzle, vůle, sůva при sova діалектически, chvůje, lůno, růže, průba (но діалектически — prouba, что, по мнѣнію Гебауэра, указываетъ на неправильность литературнаго правописанія съ ů) Hist. Ml. I 243 с.

Въ др.-ч. и иные примѣры: въ Пассіоналѣ XIV в. чешск. музея—wuodu 280 a, Гебауэръ указываетъ даже buoha, buohu, buozie Hist. Ml. I 243 c.; послѣдніе примѣры врядъ ли отражаютъ живое произношеніе; скорѣе, это — фактъ графическій (ср. nom. s. buoh), ср. еще др.-ч. dvéře, uméno, совр. vzhůru, моравскія céra, pýro Bartoš II 1, 2, 67 сс. Въ словацкомъ лишь—prôba, vôňa, vôla, (ruža), но: koža, lono, smola, sova.

Примѣры, стоящіе внѣ первичныхъ именныхъ образованій, имѣютъ меньше значенія при анализѣ условій даннаго явленія; къ такимъ относятся въ польскомъ: który, šósty (въ оппельн.—ktory 16 c.), въ чешскомъ ср. mohu — můžeš — může, zovu — zůveš — zůve, ženu—ženeš, peru—péřeš Hist. Ml. III 1, 377—379 сс.; rustu — rusteš — ruste Bartoš II 44 c., infinitiva — vésti, nésti, péci, růsti и т. п. при nesti, vesti, pecі.

Указанныя отступленія представляютъ явленіе загадочное, доселѣ неразъясненное.

Врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что происхожденіе его — не всегда фонетическое, но по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ аналогическое, хотя и трудно подыскать удачную аналогію для всѣхъ примѣровъ.

Fischer въ Arch. III 525 c. сопоставлялъ чешское отношеніе между hora и vzhůru съ русскимъ: горá — гóру, признавая это перенесеніе ударенія на корень въ вин. п. литовско-славянскимъ, послѣ чего долгота въ ф. vzhůru становилась для него ясной.

На дѣлѣ, сопоставленіе съ русскимъ нисколько дѣла не уясняетъ, хотя невольно напрашивается каждому: ср. mohu — můžeš и р. могý — мóжешь. Признавъ удареніе въ ф. *górǫ об.-славянскимъ и предположивъ, что *старое удареніе удлиняло краткій гласный*, мы, пожалуй, объяснимъ долготу въ ч. kůže, vůle, lůno, růže, průba и п. próba, rózga, róża, vóla, но не поймемъ, почему нѣтъ удлиненія въ остальныхъ словахъ, искони имѣвшихъ удареніе на коренномъ краткомъ слогѣ, какъ показываетъ русскій и сербскій: въ чешскихъ—kolo, moře, oko,

pole, proso, nebe, g. s. boha, boje, boku, boru, dołu, hlohu, brodu, drobu, hodu, hromu, chodu, kovu, krovu, kroje, lovu, mostu, mozhu, nosu, potu, rohu, rodu, roje, roku, rovu, skoku, stohu, stroje, znoje, kosu, zvonu, vosku, hnoje, loje, vozu и въ соотвѣтствующихъ п. koło, morze, niebo, oko, pole, proso, słowo, gen. s. boga, boju, boka, boru и т. д.

Словинскія kǫ́ža, vǫ́la указываютъ на первоначально восходящую краткость подъ удареніемъ; является предположеніе, что удлинялась лишь *восходяще ударенная краткость* ср. Изв. VII 312 ć. Однако не находимъ удлиненія въ ч. (kon) — kona g. s., (kmet) — kmeta, (hon) — honu; с. кȍн — кȍна (р. конъ — кóна), с. кмȅт — кмȅта, словин. kmèt — kmę́ta, с. гȍн — гȍна, (но слов. gòn — góna съ открытымъ гласнымъ) — датируютъ восходящій характеръ краткости подъ удареніемъ въ данныхъ словахъ ср. ниже 10 гл.

Притомъ не поймемъ при такомъ предположеніи ч. vz—hûru: acc. s. *górǫ былъ ударяемъ нисходяще ср. словин. gorǫ̑ изъ górǫ и р. на́-гору; наконецъ, останутся при этомъ необъясненными ч. hrûza, smûla, sûva и п. góra, gróza, póro, źéṁa: ср. р. смола́, сова́, гроза́, гора́, перо́, земля́ и с. гòра, грòза, смòла, пèро, сòва, зèмља.

Допуская для объясненія этихъ послѣднихъ примѣровъ, что удлинялись ŏ, ĕ въ открытомъ слогѣ подъ перенесеннымъ удареніемъ, не поймемъ чешскихъ okno, voda, hora, koza, kosa, noha, osa, rosa, stopa, zoře, g. s. dvoru, nože, stolu, vola, koně, n. s. mezě, metla, sestra, země, žena, bedro, čelo, pero, veslo, также польскихъ okno, voda, koza, kosa, noga, osa, rosa и т. д.: ср. р. окно́, вода́ и т. д., с. òкно, вòда и т. д.

Самая спорадичность примѣровъ удлиненія, ихъ характеръ отступленій отъ правила и діалектическія колебанія приводятъ къ мысли о нефонетическомъ ихъ происхожденіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ smûla, sûva, п. góra, hrûza, п. źéṁa, указать аналогію сравнительно нетрудно. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ именъ съ

ударе́ніемъ окончанія въ nom. s. — въ acc. s. имѣли ударе́ніе корня, также въ nom. pl.: ср. р. гора́ — го́ру — го́ры; земля́ — зе́млю — зе́мли; вода́ — во́ду — во́ды, нога́ — но́гу — но́ги и с. го̀ра — го̏ру — го̏ре, ко̀са — ко̏су — ко̏се, ло̀за — ло̏зу — ло̏зе, мѣ̀ра—мѣ̏ру — мѣ̏ре, зѐмља—зе̏мљу—зе̏мље, ро̀са—ро̏су—ро̏се, смо̀ла — смо̏лу — смо̏ле, со̀ха — со̏ху — со̏хе, во̀да — во̏ду — воде; въ р. однако: косу́, лозу́, росу́, смолу́, соху́; впрочемъ Востоковъ датируетъ: ро́су, смо́лу, со́ху Русск. гр. 1835 г. 395 с.

Изъ разногласій между русскимъ и сербскимъ видно, что первоначальное строгое различіе между двумя типами: *stopá — *stopǫ́ — *stopý и *vodá — *vódǫ — vódy уже нарушено, явились діалектическія колебанія. Но общій параллелизмъ между именами съ долгимъ и краткимъ кореннымъ гласнымъ сохраненъ: отношенія stopá — stopǫ́ — stopý (с. сто̀пе n. pl.) параллельны отношеніямъ chvalá — chvalǫ́ — chvalý; отношенія vodá — vódǫ — vódy параллельны отношеніямъ stěná — stěnǫ — stěny, *bordá — *bórdǫ — *bórdy и т. п. Эти параллельныя отношенія ассоціировались въ сознаніи говорящаго.

Позже, когда исходящая долгота въ польскомъ и чешскомъ сократилась, пропорціональныя отношенія нарушились: stěná — stěnǫ: górá — górǫ. Тогда отношеніе stěná — stěnǫ могло вызвать при górǫ — górá т. е. stěnǫ: stěná = górǫ: x, откуда x = górá. Возможно, что такая аналогія явилась и въ иныхъ словахъ, какъ voda: ср. др.-ч. wuoda, но мы не можемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ увѣренностью рѣшить этотъ вопросъ. Когда въ пм. п. проникъ типъ ударенія вин. п.: вм. stěna явилось stěna и т. п., должно было исчезнуть удлиненіе и въ góra, smōla, vōda, zēmа. Оно и исчезло, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ: въ ч. и п. voda, въ ч. hora, země. Опредѣлить условія, способствовавшія сохраненію пережитковъ, какъ п. góra, ч. smůla, п. діалектич. źémа, трудно. Можетъ быть напр. п. górа поддерживало стоявшее рядомъ górka. Чеш. vzhůru

быть можетъ стояло подъ вліяніемъ аналогичныхъ проклитическихъ сочетаній, въ которыхъ имя существ. имѣло долгій коренной гласный.

Для именъ hrûza, sûva (р. грозу́—гро́зы, но с. гро̀зу, гро̀зе; р. сову́ — со́вы, но с. со̏ва — со̀ву — со̀ве) можно бы предположить діалектическую Ф. acc s. grózǫ или же, если русскія показанія приемлемы, — stěny: stěná = grǒzy, sǒvy: x, откуда x = grōzá, sōvá.

Труднѣе дать удовлетворительное объясненіе остальнымъ отступленіямъ; п. póro изъ pōro, — быть можетъ, стоптъ подъ вліяніемъ отношеній kryló — krýla (ср. чак. krīlò — kríla), которыя на польской почвѣ являлись въ видѣ krȳ́ló — krȳ́ła; отсюда быть можетъ — pēró при pěra. Польское córa, можетъ быть, возникло подъ вліяніемъ болѣе употребительнаго córka (также моравское céra), п. skóra — подъ вліяніемъ skórka. По поводу ч. chvůje должно отмѣтить, что сербскій датируетъ ударение окончанія: хвója изъ хвоја́ съ вторичной долготой о; слѣд. ср. góra, smůla и т. д.; ч. průba, růže и п. próba, róża слѣдуетъ выдѣлить, какъ слова заимствованныя: ср. ч. lůn = нѣм. Lohn; ср. п ruża въ Стопавкѣ, гдѣ ó и u различаются, и въ словацкомъ; замѣчательно и ruzga въ Стопавкѣ. Въ словинскомъ находимъ rǫ́zga, rǫ́ža; предполагать первоначально нисходящую краткость подъ ударениемъ здѣсь — нельзя: въ формахъ съ нисходящимъ ударениемъ корня ударение въ nom. s. f. переносилось на окончаніе, слѣд. изъ *rǒža, rǒzga получилось бы rožà, rozgà и затѣмъ въ словинскомъ róža, rózga ср. góra изъ gorà.

Менѣе имѣютъ значенія такіе примѣры, какъ п. który, šósty, śódmy; о нихъ см. ниже, въ XII гл.

Чешскія Ф.Ф. nésti, vésti, růsti и т. п. будутъ объяснены въ слѣдующей главѣ.

Неяснымъ остается происхожденіе п. vóla, ч. vůle, vůňe, kůže, kůzle, lůno, dvéře, jméno (ср. въ словацкомъ koža, lono), неясны и ч. můžeš, zůveš, ženeš. Возможно, что восходящая краткость дѣйствительно удлинялась подъ ударениемъ: ср. слов. kǫ́ža,

vǫ́la, rǫ́zga, vǫ́nja, dvę́ri. Въ такомъ случаѣ первоначальныя *hōna, *kōna, *kmēta исчезли подъ вліяніемъ отношеній *bŏg — *bōga, nōž — nŏža. Но сюда не относятся kůzle, гдѣ ударепіе вѣроятно было на окончаніи, jméno (и́мя — и́мени), zůves, žénes, péreš (р. зове́шь, слов. zóvem, -eš, žénem, pérem). Чеш. můžeš врядъ ли можно сопоставлять съ слов. mǫ́rem (mǫ̑rati), tǫ́nem и т. п.: отношенія могу́: мо́жешь параллельны отношеніямъ nogá — nógǫ, что̀ въ слов. nóga — nogǫ̑.

10. Краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ.

проф. Лескинъ нашелъ, что первоначально краткіе гласные въ конечномъ закрытомъ слогѣ получаютъ въ сербскомъ вторичное удлиненіе, если на нихъ исконп падало ударепіе; этого удлиненія нѣтъ подъ ударепіемъ перенесеннымъ: бо̑г — бо̑га (р. бо́га), но бо̏б — бо̀ба (р. боба́) Untersuchungen 1893; 8 с.

Вѣрнѣе формулировалъ законъ сербскаго удлиненія Вальявецъ: вторичному удлиненію подлежитъ старая исходящая краткость подъ ударепіемъ Rad 132 т. 174 с. Съ точки зрѣнія Лескина непонятны приводимыя имъ ско̑т — ско̑та, шкро̑б — шкро̑ба, тво̑р — тво̑ра, то̑њ — то̑ња, со̑к — со̑ка, шкро̑к — шкро̑ка, по̑д — по̑да, ко̑н — ко̑на, гво̑зд — гво̑зда, све̑к — све̑ка, гре̑б — гре̑ба, хре̑б — хре̑ба, кме̑т — кме̑та, тре̑н — тре̑на.

Ударепіе ″ доказываетъ исконную ударяемость коренного слога, но удлиненія нѣтъ. Эта особая категорія примѣровъ удобно объясняется гипотезой Вальявца: въ нихъ подъ ударепіемъ была восходящая краткость. Въ сербскомъ ″ совпали ударепіе исходяще-краткое и восходяще краткое (восходящей была, вѣроятно краткость и въ случаяхъ, какъ bobʹ — bobá).

Особая—третья группа именъ засвидѣтельствована и чакавскимъ: при 1) bóg — bòga и т. п. и 2) pòp — popȁ, bòb — bobà и т. п.—3) skòt—skòta, kmèt—kmèta, bòk—bòka, dròb—dròba, gròm — gròma, pòt — pòta, gròt—gròta, kròp—kròpa, vònj — vònja (при bòk—bòka, dròb—dròba, gròm—gròma, pòt—pòta—

и bók — bòka, drób — dròba, pót — pòta, gróm — gròma ср. с. бо̏к — бо̏ка, дро̏б — дро̏ба, гро̏м — гро̏ма у Мажуранича, гро̏м — гро̀ма у Вука, по̏т — по̏та).

Словинскій, какъ извѣстно, сохранилъ различіе между нисходяще-краткимъ и восходяще-краткимъ: poljȇ, morjȇ, okô, bogâ, nosâ gen. s. при vǫ́lja, kǫ́ža и т. п., но въ немъ мы не можемъ различить по качеству ударенія второго и третьяго типа: именъ съ ударѐніемъ первоначально на окончаніи и именъ съ восходящимъ ударѐніемъ на корнѣ; оба типа имѣютъ одинъ видъ: škrǫ̀b — škrǫ́ba и bòb — bóba. Тѣмъ не менѣе различіе это въ словинскомъ сохранилось: — въ качествѣ гласнаго; исконно ударяемый гласный является всегда закрытымъ, — ср. kóza, kósa, kóra, lóza, nóga и т. д. (р. коза́, коса́, кора́ и т. д.), g. s. nóža, póra, snóra, stóla, vóla и т. д. съ примѣрами, какъ: kǫ́ža, vǫ́la, šǫ́ja и т. д., gen. s. škrǫ́ba, skǫ́ka, skǫ́ta (при skóta), tǫ́ra, tǫ́ka, vǫ́ja и т. д. Rad CXXXII 123, 134, 167, 177 сс. Въ болгарскомъ — нисходяще-ударенная краткость отличается отъ восходяще-ударенной перенесеніемъ ударенія на слѣдующій слогъ: мостѣ̀т, посѣ̀т, бродѣ̀т, дробѣ̀т, плодѣ̀т, поттà, рогѣ̀т, родѣ̀т, богòве, долѣ̀т, гноітà, лоітà: ср. с. мо̑ст — мо̏ста, слов. mǫ̑st — mostâ, с. но̑с — но̏са, слов. nǫ̑s — nosâ и т. д. Но типъ кмѐт — кмѐ̏та и бо̑б — бòба являются въ одномъ видѣ: кмѐтъ̀т, скòтъ̀т и бòбъ̀т, нòжъ̀т.

Уже сопоставленіе болгарскихъ показаній съ чакавскими и сербскими убѣ̀ждаетъ въ справедливости мысли Вальявца: чак. и с. устанавливаютъ, что ударѐніе въ Ф. kmeta было на корнѣ, иначе было бы въ чак. не kmèta, но kmetá, какъ bobà, — въ с. не кмѐ̏та, но кмѐта, какъ bòba; болгарскій и словинскій (kmę̑ta) показываютъ, что это ударѐніе корня не было нисходящимъ, иначе въ б. было бы кметѣ̀т, въ словинскомъ kmêt — kmêta; слѣд. праформа имѣла восходяще-краткій гласный въ корнѣ подъ ударѐніемъ. Закрытость гласнаго въ словинскомъ даетъ возможность легко отличить такіе случаи отъ случаевъ съ первоначальнымъ ударѐніемъ окончанія.

Въ русскомъ указанія на типъ словъ съ восходящимъ удареніемъ на краткомъ коренномъ слогѣ — скудныя: конъ — ко́на ср. у Даля отъ ко́на, до-ко́ну II 156 с. (ср. до́-поту), но скотъ — скота́.

Въ примѣрахъ съ ь въ корнѣ: р. льва́, льна́, мста́ противорѣчатъ с. ла̏в—ла̏ва, ла̏н—ла̏на, ма̏ст—ма̏ста; быть можетъ эти примѣры объясняются въ русскомъ вліяніемъ иныхъ Ф.Ф. съ ъ, ь въ корнѣ: сънъ: съна́, пьсъ: пьса́, дьнь: дьня́, пьнь — пьня́ ср. лёдъ — льда́, гдѣ въ корнѣ первоначально было ё подъ удареніемъ (с. лѐд — лѐда).

Какъ извѣстно, и чешскій языкъ знаетъ въ рядѣ примѣровъ вторичное удлиненіе краткаго гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ: bûh, pûst, dvûr и т. п.

Но законъ этого удлиненія до сихъ поръ не найденъ.

Объ удлиненіи предъ звонкой согласной, какъ думалъ когда-то Миклошичъ, не можетъ быть и рѣчи. Новѣйшій изслѣдователь вопросовъ чешскаго ударенія, Сегпу́ указываетъ на законъ, установленный Лескиномъ для сербскаго: удлинялся краткій гласный, искони ударяемый, и съ точки зрѣнія этого принципа располагаетъ свой матеріалъ; получается 15 примѣровъ, соотвѣтствующихъ правилу: bûh, dûl, hnûj, lûj, vûz при: skot, drozd, koš, pop, snop, odr, oheň, rob, škrob, bob; противорѣчатъ же ему всѣ остальные примѣры Чернаго, числомъ 35....

Мы, кажется, ближе подойдемъ къ истинѣ и получимъ болѣе гладкіе результаты, предположивъ, наоборотъ, что *краткій гласный въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ чешскомъ получалъ удлиненіе только подъ перенесеннымъ удареніемъ*, но не подъ старымъ.

Дѣйствительно, отсутствіе удлиненія замѣчаемъ, какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ виду показаній сербскаго и русскаго можно предполагать первоначальное удареніе корня: ч. boj, bok, bor, brod, drob, hod, chod, kov, krov, kroj, lov, mozh, most, nos, pot, plot, roh, rod, roj, rok, rov, skok, stoh, stroj, znoj, vosk, kost, moc, noc, bol, med, pec. Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ русскомъ находимъ удареніе корня: бо́я, бо́ка, бо́ра, бро́да, дро́бу

(малор.), го́да, хо́да, ко́ва и т. д.; въ сербскомъ: бо̑ј—бо̏ја, бо̑к—бо̏ка, бо̑р—бо̏ра; бро̑д—бро̏да и т. д. Сюда же могутъ быть отнесены также: ч. hrom: р. гро́ма g. s., у Мажуранича гро̑м—гро̏ма, чак. gròm—gròma, но у Вука—гро̑м—гро̀ма; ч. plod: р. плода́ g. s. но м.-р. плід—пло́ду, с. пло̑д—пло̏да, чак. plód—plòda, болг. плодъ̀т, слов. plọ̑d—plodû; ч. kos: чак. kós—kòsa, но въ малор. кіс—косà; ч. zvon: р. зво́на, чак. zvón—zvòna, слов. zvọ̑n; ч. led: с. ле̑д—ле̏да, слов. lẹ̑d, чак. léd—lèda, б. ледъ̀т, русская ф. льду́—вторична; ч. jež: р. ежа́, но с. jȇž—jȇža, чак. jéž—jèža; ч. vepř: р. ве́пря, с. ве̏пар—ве̏пра.

Далѣе, въ виду с. ско̏т—ско̏та, слов. skọ́ta и чак. skòt—skòta мы имѣмъ право предположить праформу съ восходяще-ударяемымъ ŏ и для чешскаго skot; также ч. škrob соотвѣтствуетъ с. шкро̏б—шкро̏ба, слов. škrọ́ba, ч. kmet—с. кме̏т—кме̏та, чак. kmèt—kmèta, слов. kmẹ́ta.

Чешское drozd, повидимому, не соотвѣтствуетъ р. дрозда́ и с. (у Мажуранича) дро̏зд—дро̀зда. Однако въ словинскомъ находимъ drọ̑zd, что указываетъ на возможность существованія праформы съ удареніемъ корня.

Съ другой стороны, въ чешскомъ находимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ удлиненіе подъ перенесеннымъ удареніемъ:

ч. půst: ср. р. постъ—поста́; въ сербскомъ по̏ст—по̀ста, соотвѣтственно русскому,—у Мажуранича, но у Вука pȍst—pȍsta, чак. póst—pòsta, б. по̀стът, слов. pòst—pósta. Показанія чакавскаго одинаково опровергаются болгарскимъ, русскимъ, словинскимъ. Совпаденіе русскаго и словинскаго съ діалектомъ Мажуранича позволяетъ предположить и для чешскаго праформу съ удареніемъ окончанія.

ч. dvůr: р. двора́, чак. dvòr—dvorà, слов. dvóra, Мажураничъ дво̑р—дво̀ра, Вукъ дво̑р—дво́ра.

ч. nůž: р. ножа́, чак. nóž—nōžà, с. но̑ж—но́жа (sic), слов. nóža.

ч. stůl: р. стола́, чак. stól—stolà, с. сто̑—сто̀ла, слов. stóla.

ч. vůl: р. волà, чак. vól—volà, с. во̑—во̀ла, слов. vóla.

ч. kůň: р. коня́, чак. kónj—konjà, с. ко̏њ—ко̀ња, слов. kóńa.

Итакъ, высказанному выше предположенію соотвѣтствуетъ въ чешскомъ 49 примѣровъ.

Число отступленій отъ него значительно меньше. Во-первыхъ въ нѣсколькихъ примѣрахъ не находимъ удлиненія, хотя родственные языки указываютъ, повидимому, на удареніе окончанія въ праформѣ.

Изъ этихъ примѣровъ одинъ не имѣетъ значенія:

ч. rob не гармонируетъ с. ро̏б—ро̀ба и р. раба́, но въ чак.—ròb—ròba въ слов. rǫ́ba при róba, слѣд. возможно, что и чешское rob восходитъ къ праформѣ съ удареніемъ окончанія.

Остаются: 1) ч. koš—ср. с. ко̏ш—ко̀ша, чак. košà, слов. kóša; 2) ч. pop: р. попа́, чак. pòp—popá, с. по̏п—по̀па, слов. pópa; 3) ч. snop: р. снопа́, чак. snòp—snopà, с. сно̏п—сно̀па, слов. snópa; 4) ч. odr: р. одра́, с. о̀дар—о̀дра; 5) ч. oheň: р. огня́, с. о̀гањ—о̀гња, чак. ogànj—ognjà; 6) ч. bob: р. боба́, чак. bòb—bobà, с. бо̏б—бо̀ба, слов. bóba.

Къ краткому гласному ĕ относятся еще два примѣра: čep и klen: с. че̏п—чѐпа, чак. čèp—čepà и с. кле̏н—клѐна, чак. klèn—klenà. Но в.-русское клёпа и малор. кле́на показываютъ, что чешское klen могло восходить и къ праформѣ съ удареніемъ корня.

Въ словѣ čep, если и было удлиненіе, то оно легко могло исчезнуть, такъ-какъ одинъ примѣръ не могъ образовать особую категорію, особый типъ отношенія формъ: съ ē въ nom. s. и ĕ въ gen. s. Оттого слово легко могло подчиниться вліянію стоявшихъ рядомъ klĕn—klĕna, vĕpř—vĕpřa, kmĕt—kmĕta, mĕd—mĕda, lĕd—lĕda, jĕž—jĕža.

Съ другой стороны, имѣемъ нѣсколько случаевъ съ удлиненіемъ, гдѣ родственные языки предполагаютъ удареніе корня: 1) ч. bůh: р. бо́га, с. бо̑г—бо̏га; 2) ч. důl: р. до́ла, с. до̑—до̏ла; 3) ч. hnůj: р. гно́я, с. гно̑j—гно̏ja; 4) lůj: р. ло́я, с. ло̑j—ло̏ja; 5) vůz: р. во́за, с. во̑з—во̏за; 6) sůl: р. со́ли, с. со̑—со̏ли. Оставивъ въ сторонѣ оговоренное čep, получаемъ 12 примѣровъ, отступающихъ отъ правила при 50 въ пользу его т. е. 24%.

Всѣ примѣры, соотвѣтствующіе правилу въ чешскомъ, соотвѣтствуютъ ему и въ словацкомъ: т. е. boj, bok, bor, brod, drob, hod, hrom, chod, kov, krov, kroj, lov, most, mozok, nos, plod, pot, roh, rod, roj, rok, rov, skok, stoh, stroj, znoj, kos, zvon, vosk, vepr, kosť, moc, noc, pec, jež, drozd, kmeť, vepor, rob, škrob, klen, med и съ другой стороны: pôst, nôž, stôl, vôl, kôň; только вм. ожидаемаго dvôr находимъ у Loos'a dvor.

Изъ первой категоріи исключеній сохраняютъ свое значеніе лишь snop и pop; вмѣсто ч. koš и bob въ словацкомъ — kôš и bôb; слово odr отсутствуетъ, въ словѣ oheň — вставной глухой.

Изъ второй категоріи исключеній т. е. изъ примѣровъ удлиненія, гдѣ его не ожидаемъ, — находимъ въ словацкомъ лишь bôl, въ противоположность чешскому bol, но за то вм. ч. bůh, důl, hnůj, lůj, vůz, sůl — закономѣрныя формы: boh, dol, hnoj, loj, voz, sol.

Такимъ образомъ, выставленный законъ вторичнаго удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ лишь подъ перенесеннымъ удареніемъ оправдывается въ словацкомъ 55 примѣрами при 4 исключеніяхъ. Относительно ч. sůl и слов. bůl должно помнить, что имена эти -i темъ, гдѣ въ извѣстныхъ падежахъ было ударение окончанія, которое могло проникнуть и въ Ф. nom. s.; ч. důl—изъ u—темъ, также знавшихъ, какъ правило ударение окончанія. Быть можетъ и иные примѣры долготы объясняются вліяніемъ -u темъ.

Малорусскій, какъ извѣстно, удлиняетъ краткій первоначально гласный, независимо отъ мѣста ударенія въ праславянскомъ: ніс — нóсу и піп — попá.

Иное — въ польскомъ. Здѣсь законъ удлиненія вполнѣ ясенъ: и первоначально краткіе гласные, и сократившіеся долгіе въ конечномъ закрытомъ слогѣ получаютъ вторичное удлиненіе *лишь въ положеніи предъ первоначально-звонкимъ или сонорнымъ согласнымъ.*

Въ Сважендзѣ: grot — gradu, kroj — kraju, d͡ź́ot — d͡ź́adu, gńif — gńeva, chlip — chleba, ńić — ńed͡ź́i, pruk — progu, mrus—

mrozu, pun — pana, sot — sadu, vor — varu, tvoś — tvaży, pof — pava, śnik — śnegu, ślot — śladu, źviś — źveža, bžyk — bžegu, głut — głodu, smrut — smrodu, žłup — žłobu, stuų — stoła, vuų — voła, nuš — noža, mul — moli, struj — stroja, głuk — głogu, guść — goźdźa, bul — boli, sul — soli, stuk — stoga, buk — boga, gnuj — gnoja, duų — dołu, musk — mozga, ruk — roga, rut — rodu, vus — vozu, buj — boja, bur — boru, grup — groba, drup — droba, jiš — ježa, lut — lodu, ḿut — ḿodu, d͡źiń — dńa, dyšč — dyšču, syn — snu, ṕiń — ṕńa.

Съ другой стороны: brat, čas, płač, rak, svat, vatr, bžost, groch, chłop, kvas, strach, znak, bat, kat, kvat, svat, vek, głos, kłos, vłos, młot, mrok, proch, post, snop, koš, gość, kość, noc, moc, sok, bok, most, nos, pot, rok, vosk, ṕec, vepš, ḿeč, veś, dech, ṕes, mech.

Примѣры, приведенные Лоренцомъ съ носовыми въ корнѣ Arch. XIX 162 с., вполнѣ соотвѣтствуютъ правилу: błąd — błędu, wiąz — więzu, powąz — powęza, trąd — trędu, wzgląd — względu, dąb — dębu, kłąb — kłęba, krąg — kręgu, mąż — męża, rząd — rzędu, ząb — zębu, ciąg — cięgu, kśądz — kśędza, poprąg — popręga, rąb — rębu, siąg — sięgu, wąz — węza, sąd — sędu (сосудъ), łąg — łęgu, głąb — głębi, piądź — pięd́zi, żołądź — żołędzi, goląb — gołębia, jarząb — jarzęba, jastrząb — jastrzębia, łabąd͡ź — łabęd͡źia 166 с.; но: jęk — jęku, kęs — kęsu, węch — węchu, pęp — pępu, stęk — stęku, pręt — pręta, zięć — zięcia, łęk — łęku, część — części, gęś — gęsi, obręcz — obręcza, okręt — okrętu, pamięć — pamięći. При такой массѣ примѣровъ въ пользу правила, отступленіями являются: strąk — stręka, omięg — omięga, gęg — gęgu. Всѣ три выраженія малоупотребительны; gęg стоитъ подъ вліяніемъ болѣе употребительныхъ: gęgać, gęgotać, gęgoś, gęganie; strąk подъ вліяніемъ болѣе употребительныхъ strącze, strączka, strączeć.

Въ was, pląs, pąk, bąk и т. п., въ которыхъ и въ gen. s.—ą,—не удлиненіе, но старая долгота.

Въ Свакендзѣ находимъ kref — krvi, marchev — marchvi, но

эти имена относятся къ темѣ -i и были ассоціированы съ иными именами этой темы, какъ ṕec, cześć, pŕeć съ краткостью въ коренномъ гласномъ.

То же правило и въ другихъ польскихъ говорахъ ср. выше стр. 107. То-же въ кашубскомъ ср. у Броншпа 51 с.

Далѣе аналогичное удлиненіе предъ звонкими согласными извѣстно и моравскимъ говорамъ: именно нарѣчію ляшскому Bartoš I, 100—101 сс., переходнымъ чешско-польскимъ говорамъ Силезіи ср. горноостравскій говоръ Rozpravy чешской академіи VII, № 1 (1899 г.) 8 с.

Иное дѣло, какъ понимать установленный фактъ.

проф. Бодуэнъ де К. полагалъ, что удлиненіе первоначально было и предъ глухими согласными, но позже получило ограниченіе въ силу того, что въ схемѣ pōt—pŏta тожество согласнаго вызвало уподобленіе формы nom. s. остальнымъ Ф.Ф., тогда какъ въ схемѣ bōk — bŏga (bōk изъ bōg) не было такого мотива для уподобленія. Удлиненіе же въ примѣрахъ, какъ bōj, kōń, vōĺ, mōl, bōr удержалось потому, что оно было ассоціировано съ звонкостью согласнаго. «О др.-п. яз.» 78 с. Все это очень маловѣроятно: имена съ отношеніями типа *pōt—pŏta были настолько многочисленны, что легко ассоціировались бы въ особый классъ, который не исчезъ бы. Удлиненіе не могло быть ассоціировано съ звонкостью согласнаго, такъ какъ въ bōg — g измѣнялось въ k, оно было ассоціировано съ различіемъ согласнаго въ Ф. gen. s. и nom. s., слѣд. уподобленіе, происшедшее въ схемѣ *pōt—pŏta, должно было произойти и въ схемѣ bōr — bŏra.

Иначе объяснялъ явленіе Потебня: «конечный глухой звукъ долѣе удерживался послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ, требовавшихъ бо́льшаго напряженія дыханія), чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними явилось удлиненіе основного о (и основного e, изъ коего é) въ то время, какъ предъ первыми нѣтъ» Къ ист. зв. 1876 г., 52 с.

Это объясненіе предполагаетъ, что дѣйствіе закона удлиненія прекратилось уже въ эпоху, когда редуцированные ъ, ь отпали

и послѣ отзвучныхъ. Такое предположеніе возможно, хотя и искусственно: въ данномъ случаѣ звукоизмѣненіе обусловлено не чисто-субъективной склонностью говорящихъ, которая можетъ быстро мѣняться, но общими физіологическими основаніями; если отпаденіе ъ, ь вызвало въ данной средѣ говорящихъ удлиненіе гласнаго предъ звучными, то маловѣроятна мысль, что нѣсколько позже въ той же средѣ такое же отпаденіе ъ, ь удлиненія въ гласномъ предшествующаго слога не вызвало.

Между тѣмъ различіе между звучными и глухими согласными могло имѣть значеніе: въ voz — z измѣнялось въ s, происходила потеря голоса, которая могла вызвать удлиненіе предыдущаго слога; такого измѣненія не было въ potъ̯ — pot. Затруднительнымъ пунктомъ при такомъ пониманіи процесса являются примѣры, какъ pān, krōj, mōl, sōm (voł измѣнялось въ voų). Теоретически измѣненіе конечнаго согласнаго въ безголосный, потеря голоса въ концѣ слова не невозможна и въ этихъ случаяхъ; такое измѣненіе было бы недостаточнымъ для того, чтобы вызвать у говорящаго сознаніе различія въ paų и papa, но оно было бы достаточнымъ основаніемъ для безсознательнаго фонетическаго процесса замѣстительнаго удлиненія; о редукціи голоса въ сонорныхъ согласныхъ ср. у Sievers'a[5] 196 с. Дѣло лишь въ томъ, что засвидѣтельствовать фактическое существованіе такихъ безголосныхъ n̥, r̥, l̥, j̥ — въ польскихъ говорахъ я не могу: мое ухо не замѣчаетъ никакого различія между n формы pan и Ф. papa напр. въ сважендзскомъ говорѣ. Предоставляю рѣшеніе этого вопроса изслѣдователямъ съ болѣе тонкимъ слухомъ. Возможно однако, что удлиненіе предъ r, l, n, m въ закрытомъ слогѣ представляетъ особое, независимое отъ удлиненія предъ звучными согласными, явленіе, быть можетъ болѣе раннее (напр. вызванное измѣненіемъ конечнаго ъ, ь въ ъ̯, ь̯, а не отпаденіемъ ъ̯, ь̯): ср. въ сербскомъ подобное удлиненіе предъ r, l, n, m, j, v въ закрытыхъ слогахъ при отсутствіи его въ положеніи гласнаго предъ иными согласными въ закрытомъ слогѣ; очевидно имѣла значеніе самая природа этихъ согласныхъ. Но какъ бы

то ни было,—врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что различіе между bōg — bŏga и bŏk — bŏka — фактъ фонетическаго происхожденія, а не аналогическаго.

Остается разсмотрѣть нѣкоторые факты, внѣ области первичныхъ именныхъ образованій, повидимому противорѣчащіе принятому нами правилу. Лоренцъ принимая удлиненіе, независимое отъ качества согласнаго, въ обоснованіе этой мысли указываетъ на:

a) формы gen. pl.—а темъ ж. р. и gen. pl. ср. р.

b) односложныя инфинитивныя Ф.Ф.

c) инфинитивныя формы на -nąć = ст.-сл. ѭти.

d) формы несклоняемаго причастія наст. вр.

e) нарѣчія. Разсмотримъ всѣ эти категоріи.

a. *Формы gen. pl. именъ ж. р. — а темъ и ср. р.* Въ этихъ формахъ находимъ нерѣдко долгій гласный и въ положеніи предъ глухимъ согласнымъ: не только dąg (dęga), gąb (gęba), grząd (grzęda), ksiąg (księga), otrąb (otręby), przysiąg (przysięga), wstąg (wstęga) Lorentz Arch. XIX, 340—341, др.-п. raan, nyedzeel, pczool, skoor, opoon, ofiár, spráw, chorób, ozdób, bród, trzód, szkód, osób, wód, dróg, głów, ostróg, nóg, zbrój, ról, stodół, krów, sów, kóz, stád, pól, jęzíor, mórz, mów, zbóż, dóbr, biódr Miklosich «Ueber d. langen V.» 112 c.; по п—miąs (mięso), strát, łáp, niewiást, koos, cnót, robót, mąk (męka), rąk (ręka), laath, myaasth, ptástw, stóp, kóp, wrót.

Съ другой стороны самъ Лоренцъ указываетъ pęt, tęcz g. pl. вмѣсто ожидаемыхъ имъ *tącz, *pąt; ср. еще klęsk, ponęt, pięt. Эти формы онъ объясняетъ вліяніемъ остальныхъ формъ тѣхъ же именъ съ ę. Такіе примѣры — и въ словахъ съ звучнымъ согласнымъ темы: cięg, jędz, nędz, pawęz, węd, potęg, torb, korb, form, sikor, gawęd.

Мы видимъ, что формы gen. pl. не совсѣмъ оправдываютъ положеніе Лоренца; ему приходится прибѣгать къ аналогіи.

Позволительно къ ней обратиться и намъ, но не два раза, а лишь одинъ; съ точки зрѣнія Лоренца приходится аналогіей объ-

яснять и формы nom. s. m., какъ bok, pot и т. п.; мы исходимъ изъ положенія, что эти ф.ф.—фонетическія. Возникновеніе формъ, какъ strát, łáp, kós, объясняемъ вліяніемъ формъ, какъ rán, ofiár, spráw и т. п. Такое вліяніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что группа именъ съ звонкимъ согласнымъ въ темѣ гораздо многочисленнѣе группы на согласный глухой. Съ другой стороны существованіе рядомъ съ формами *gǭb, *dǭg, *rān и т. д. формъ *ṕę̆t, tǭč и т. д. вызвало появленіе ф.ф. *tǭg, *nǭdz и т. д. или существованіе отношеній ṕę̆ta : ṕę̆t и т. п. вызвало появленіе отношеній tǭga — tǭg.

Въ польскомъ, такимъ образомъ, первоначальное строгое различіе между двумя типами отношеній: tǭga—tǭg и tǭča—tǭč нарушено. Но не нарушено оно въ кашубскомъ. Здѣсь и въ gen. pl., какъ въ nom. sing. удлиненіе—лишь предъ звонкими согласными; предъ — глухими — его нѣтъ: lāt, rŏbúët, ḿāst, sërṓt, cemnṓt, pąk, strąk, sąk и т. д. см. у Брониша 51—54 с. Единственное исключеніе представляетъ rǫk.

Закономѣрными съ точки зрѣнія проф. Бодуэна де К. и Лоренца являются польскія формы gen. pl. n. темъ -nt: cieląt, swiniąt, zwierząt. Наоборотъ, съ нашей точки зрѣнія эти формы явились подъ вліяніемъ mórz, dóbr, biódr, jęźór, stád, pól т. е. stădo : stād = telę̆ta : telę̄t. Въ пользу такого пониманія говоритъ и малочисленность именъ этого типа, и то, что въ кашубскомъ— cēląt, svīńąt съ рефлексомъ краткости.

проф. Бодуэнъ де К. предполагаетъ измѣненіе *pōt въ pŏt въ виду того, что иныя падежныя формы съ краткимъ гласнымъ имѣли въ окончаніи темы тотъ же согласный, что и им. п. Но отчего же п. cieląt не измѣнилось въ cielęt? Отчего при ḿasto находимъ въ польскомъ ḿāst, при lato — lāt? и съ другой стороны удлиненіе не сохраняется тамъ, гдѣ этого условія не было: węt gen. pl. при węda и т. д., torp gen. pl. при torba.

Мнѣ кажется, аналогію мы должны видѣть не тамъ, гдѣ господствуетъ строгая выдержанность, гдѣ послѣдовательно проведенъ извѣстный принципъ — именно въ польскихъ и кашуб-

скихъ формахъ nom. s. m. и кашубскихъ Ф.Ф. gen. pl., а тамъ, гдѣ находимъ путаницу и противорѣчія—въ польскихъ формахъ gen. pl.

Показанія народныхъ говоровъ въ разсматриваемомъ вопросѣ — скудны, такъ какъ не только въ имена м. р, но и въ склоненіе ж. и ср. р. проникла въ gen. pl. флексія -ov: въ Сважендзѣ говорятъ—głovuf, roluf, źemuf, pańuf, kozuf, gymbuf; при rǫk — rękuf; только отъ osoba g. pl. -osup; въ именахъ ср. р. słyf (=słów), języf, pul, zbuš, džyf (drzew), muš, (morze), lot (lato).

То же, напр., въ опочиньскомъ говорѣ: «xlopóv, kozóv, osóv, žabóv i t. d.» Rozpr. XI 157 c. Относительно сохранившихся формъ безъ -ov находимъ у изслѣдователей обычно неполныя свѣдѣнія; нерѣдко встрѣчаются примѣры удлиненія предъ глухимъ согласнымъ: въ опочиньскомъ ibid. при vód, nóg — vrót, óc; въ Krzęcinie — при báb, žáb — lát, cás Rozpr. II s. XI, 342 c., въ зебржид. ós, kós Rozpr. IX, 163.

b. *Односложныя инфинитивныя формы съ носовымъ въ корнѣ.* Лоренцъ приводитъ слѣдующія формы: kląć, piąć, žąć (жму), žąć (жну), jąć, dąć, miąć, ciąć, przążść, trząść, ląć, siąść. Самъ Лоренцъ не увѣренъ, должно ли приписывать долготу коренного гласнаго этихъ формъ исчезновенію конечнаго ь; дѣло въ томъ, что и въ чешскомъ, гдѣ никакой потери ь нѣтъ, въ этихъ формахъ — долгота: kléti, píti, žíti, počíti, jíti, douti, títi, přísti, třásti, lécі. Въ чешскомъ долгота можетъ объясняться или положеніемъ долгаго гласнаго предъ удареніемъ, или восходящимъ удареніемъ на этомъ гласномъ. Ударепіе окончанія въ этихъ глаголахъ засвидѣтельствовано для п. ciąć, trząść, ląć = ч. títi, třásti, lécі: ср р. истятй, трястй — с. трѐсти, с. лѐћи.

Точно такъ-же у Вука находимъ клѐти, пѐти, жѐти (жму); Лескинъ въ виду сложныхъ формъ зàклѐти, зàпѐти, зàжѐти, указывающихъ на *клѐти, пѐти, жѐти, отрицаетъ значеніе Вуковскихъ формъ, предполагая въ этихъ формахъ первопачальное ударепіе корня. Но формы зàклѐти, зàпѐти, зàжѐти не имѣютъ такого значенія: и при трѐсти находимъ òтрѐсти, однако ударепіе окончанія засвидѣтельствовано русскимъ *трясти́, отрясти́*; и при врáта — нà-врàта, однако никакого *врâта нѣтъ и не было въ сербскомъ. Очевидно, это очень старое перенесеніе ударенія на корень въ сложныхъ словахъ въ сербскомъ — явленіе вторичное ср. Rešetar «Die serbo-kroat. Beton.» 159 c.

Формы съ нисходящимъ удареніемъ корня, конечно, существовали въ глубокой древности; но -i флексіи -ti представляло, повидимому, восходящую долготу; слѣд. уже въ литовско-словянскую эпоху удареніе было перенесено съ нисходяще долгаго коренного гласнаго на окончаніе, какъ и въ *bordà; наоборотъ, формы, какъ с. дȕти, ч. douti параллельны именнымъ формамъ типа с. бȁба — ч. bába.

Такимъ же образомъ, с. пòчēти, òт-ēти, сопоставленное съ чешскимъ počíti, jíti, предполагаетъ праформу *čętí, *jętí: заключая отъ с. пòчēти, òтēти къ праформѣ *čę̄ti, *ję̄ti съ нисходящимъ удареніемъ корня, мы не поймемъ чешской долготы: подъ нисходящимъ удареніемъ долгота въ чешскомъ сокращается; предполагая въ виду чешской долготы восходящее удареніе корня въ ф.ф. *čęti, *jęti, не поймемъ сербскихъ ф.ф. пòчēти, òтēти: ср. дȕти—нàдути, тр̏ти—зàтрти, жȅти—дòжети, jȅсти—дòјести, љȅсти—зàљести. Прибавимъ еще zaprząc: малор. запрячи́, с. напре́ћи се. Такимъ образомъ, большинство приведенныхъ у Лоренца примѣровъ долготы: kląć, piąć, żąć (жму), począć, jąć, trząść, ciąć, ląć, zaprząć находятъ свое объясненіе внѣ принципа вторичнаго удлиненія; остаются: żąć (жну): ч. žíti, с. жȅти; dąć: ч. douti, с. дȕти; miąć = р. мять; siąść, с. сјȅсти. Такая картина фактовъ самого Лоренца приводитъ къ мысли, что типъ преобладающій былъ обобщенъ и удареніе окончанія было проведено въ польскомъ во всѣ инфинитивныя ф.ф. этого класса (съ носовымъ въ корнѣ). Не рѣшая этого вопроса, онъ все-таки склоняется къ объясненію долготы отпаденіемъ конечнаго ь. Для насъ такое объясненіе, наоборотъ, невѣроятно,—въ виду значенія звучности согласнаго въ формахъ nom. s. m., а въ кашубскомъ и въ формахъ gen. pl.

Остановимся еще на глаголахъ того же класса съ инымъ первоначально долгимъ гласнымъ въ корнѣ:

Въ Сважендзѣ: ruść (каш. rosc): р. рости́, с. ра́сти; vlic: малор. волочи́, ч. vléci, каш. vlẽc Bronisch 67 с.; džyć: с. дрнјѐти, ч. dříti, каш. dřẽc Bron. 69 с.; mřyć: с. мрнјѐти, ч. mříti, каш. mřẽc, но малор. ме́рти; přyć: с. допрнјѐти, ч. příti, каш. přẽc, но малор. пе́рти.

ср. въ зебржид. róść, mřéć, přéć, но drzeć Rozpr. IX 161—163 сс.; въ Мѣйской Г. wlèc Rozpr. IX 124 с.; въ опочин. mřyć, přyć, но vlec Rozpr. XI 155 с. Сербскія за̀дријети, у̀мријети не говорятъ противъ мријѐти, дријѐти ср. выше и с. до̀пријети, сопоставленное съ ч. příti, должно быть возведено къ пријѐти; р. мере́ть, пере́ть — вторичны, какъ ме́сть, не́сть, ве́сть при первоначальныхъ мести́, нести́, вести́.

Мы видимъ, что тамъ, гдѣ съ извѣстной вѣроятностью можно предполагать удареніе флексіи, коренной гласный сохраняетъ долготу. Наоборотъ, въ томъ же сважендзскомъ говорѣ: mleć: р. моло́ть, ч. mléti, с. мљѐти; jeść: с. јѐсти, ч. jísti; leść: с. слјѐсти, ч. slézti и slezti; śec: с. сјѐћи, ч. séci; ḃec: с. бјѐћи; kłaść: с. кла̏сти, ч. klásti; kraść: с. кра̏сти, ч. krásti; и — paść: с. па̏сти; рефлексъ краткости и въ кашубскомъ: mlōc, jȫsc, lēsc, sēc, ḃȫc, klāsc, krāsc, pāsc Bronisch 66, 67, 68, 75 сс. ср. выше каш. vlẽc, dřẽc, mřẽc, přẽc. Сопоставленіе сербскихъ и чешскихъ формъ указываетъ на первоначальное восходящее удареніе корня. Эти 8 примѣровъ ясно говорятъ противъ положенія Лоренца: отчего въ нихъ нѣтъ вторичнаго удлиненія?

Разсмотримъ еще глаголы того же типа съ краткимъ гласнымъ въ корнѣ. Въ Сважендзѣ: buść (изъ bóść): с. бо̀сти, р. бости́; muc изъ móc: с. мо̀ћи, р. мочи́; žec: с. жѐћи, р. жечи́; ćec: с. тѐћи, малор. течи́; v́eść: с. вѐсти, р. вести́; žec (изъ řec): с. рѐћи, р. речи́; ṕec: с. пѐћи, р. печи́; ńeść: с. нѐсти, р. нести́; ḿeść: с. мѐсти, р. мести́; gńeść: с. гнјѐсти, р. гнести́; gžeść: с. грѐпсти, р. грести́; v́eść: с. вѐсти; р. везти́. Мы видимъ, что только въ 2 примѣрахъ: buść и muc имѣетъ мѣсто удлиненіе, въ остальныхъ 10 оно отсутствуетъ. Эти показанія сважендзскаго говора ясно говорятъ противъ положенія Лоренца. Въ др.-н. находимъ móсу; можетъ быть, подъ вліяніемъ рядомъ стоявшаго rōstí возникло и bōstí, mōcí вм. bŏstí, mŏcí ср. и въ опочинск. bóść, «módz» Rozpr. XI, 155 с.; въ зебржидовск. bóść Rozpr. IX, 163 с.

Также подъ вліяніемъ mrētí, prētí, trētí, drētí, vlēcí могло возникнуть nēstí, vēstí и т. п.: ср. въ зебржидовск. при mřéć, přéć, třéć и — ḃéc, ńéść, léść, gńéść, pléść Rozpr. IX 163 с. Однако

сважендзскія показанія поддерживаются кашубскимъ: здѣсь не только plēsc, gn̄ōsc, m̄ōsc, n̄ōsc, grēsc, но и buësc, muëc — съ рефлексомъ краткости. Bronisch 66—67 сс. Явленіе, параллельное зебржидовскому — въ чешскомъ: рядомъ съ первоначальными формами — teci, vesti, nesti, pecі, vezti — въ древне-чешскомъ и нынѣ въ діалектахъ — téci, vésti, pécі, nésti, vézti, также др.-ч. bûsti. Въ чешскомъ проникновеніе долготы по аналогіи въ формы съ краткимъ кореннымъ гласнымъ могло совершаться тѣмъ легче, что долгота коренного гласнаго проходитъ по всему классу глаголовъ съ первоначально долгимъ гласнымъ корня: въ однихъ случаяхъ въ силу положенія его предъ старымъ удареніемъ, въ другихъ въ виду восходящаго ударенія корня (mlēti, jēsti, sēci, slēzti, krāsti, klāsti); сравнительно немногочисленные глаголы съ краткимъ гласнымъ легко подчинялись вліянію массы остальныхъ; и наоборотъ, въ результатѣ смѣшенія двухъ рядовъ появились такія формы, какъ vlecі при vléci, sesti при sésti, slezti при slézti.

c. *Infinitiva на -nǭti.* Въ польскомъ infinitiv'ныя формы этого класса оканчиваются на -nąć, независимо отъ того, гдѣ было ударепіе въ праслов.: ciągnąć = р. тянýть, więdnąć = р. вя́нуть. Въ чешскомъ всюду -nouti; въ кашубскомъ -nǫ. Самъ Лоренцъ ставитъ гипотезу, что долгота въ польскомъ являлась первоначально лишь въ типѣ глаголовъ więdnąć, въ положеніи послѣ ударенія, при извѣстномъ качествѣ долготы, затѣмъ окончаніе -nǭть обобщилось, перешло и на глаголы типа ciągnąć.

И дѣйствительно, не можетъ подлежать сомнѣнію, что ǭ въ -nǭ представляло восходящую долготу: оттого удареніе съ коренного нисходящаго слога было перенесено на суффиксъ: ср. с. гр́нути—гр̂нêм, гдѣ форма 1 s. pr. имѣетъ удареніе корня изъ 2 s. 3 s., при кн̆снути. А именно восходящая долгота послѣ ударенія сохранялась ср. f — typ — čos.

Но онъ отвергаетъ эту гипотезу: «для этого нужно было бы принять, что въ эпоху сокращенія носовыхъ, глаголы съ суффиксомъ -ną оканчивались на -ći, а это маловѣроятно»... 347 с. (Arch. XIX).

Не вижу причины, почему бы для вышеприведеннаго рѣшенія вопроса требовалось предположеніе, что глаголы этого класса оканчивались на -ćі. Лоренцъ ничѣмъ не доказалъ, что *-nǭtь въ положеніи послѣ ударенія должно было сократить ǭ. Въ *vę́dnǭtь -ǫ въ положеніи послѣ ударенія, при восходящемъ качествѣ долготы могло оставаться долгимъ независимо отъ того, было ли окончаніе -ti или -tь; такъ же независимо отъ вида флексіи сокращалось подъ удареніемъ ǫ въ cinǭgnǭ́ć; затѣмъ подъ вліяніемъ глаголовъ типа vę́dnǭć получали долготу и глаголы типа ćǫgnǭ́ć. Что такое уравненіе (Ausgleichung) весьма возможно, показываетъ и сербскій: въ штокавскомъ -nȕ какъ въ глаголахъ типа ви́кнути изъ *viknȕti, такъ и въ па̏нȕти изъ *pȁnūti, но черногорскіе діалекты сохранили старое различіе между двумя типами: ви́кнȕти, но па̏нȕти. Прибавлю, что объясненіе это тѣмъ вѣроятнѣе для польскаго, что изъ сохранившихся въ немъ глаголовъ класса -nǫć большинство принадлежитъ къ типу więdnąć — съ первоначальнымъ ударéніемъ на коренномъ слогѣ.

Въ сравнительно полной коллекціи глаголовъ даннаго класса у Soerensen'a «Polnische Grammatik» 1899 г. къ типу съ ударéніемъ корня относятся: bryznąć: р. бры́знуть; buchnąć: р. бу́хнуть; burknąć: р. бу́ркнуть, chłystnąć: р. хлы́снуть; cisnąć: р. ты́снуть, с. тѝснути; chrupnąć: р. хру́пнуть; chłodnąć: р. холо́нуть; dźwignąć: р. дви́нуть; gasnąć: га́снуть; ginąć: р. ги́бнуть, с. гѝнути, huknąć: р. гу́кнуть(?); gruchnąć: с. гру̏хнути; grzęznąć: с. гре̏знути, р. (по)гря́знуть; kisnąć: р. ки́снуть, с. кѝснути; krzyknąć: р. кри́кнуть; klęknąć: с. кле̏кнути; marznąć: р. мёрзнуть, с. мр̏знути се; milknąć: р. (у)мо́лкнуть; moknąć: р. мо́кнуть; brzęknąć: р. бря́кнуть; więdnąć: р. вя́нуть, с. ве̏днути; -targnąć: р. -то́ргнуть, с. тр̏гнути; ziębnąć: р. зя́бнуть; wyknąć: р. (при-) вы́кнуть, с. ви̏кнути; wisnąć: р. ви́снуть; więznąć: р. вя́знуть; tupnąć ср. р. то́пнуть; sunąć: р. су́нуть; miękнąć: р. мя́кнуть, с. ме̏кнути; niknąć: р. -ни́кнуть, с. ни̏кнути; pachnąć: р. па́хнуть; pęknąć: с. пу̏кнути; pisnąć: р. пи́скнуть; plusnąć: с. плю̏снути; prysnąć: р. пры́снуть; parsknąć: с. пр̏снути; puchnąć: р. пу́хнуть; sięknąć: р. -ся́кнуть; słabnąć: р. сла́бнуть; stygnąć: р. сты́нуть, с. стѝнути; stuknąć: р. сту́кнуть, с. сту̏кнути и сту́кнути; szarpnąć: р. ша́рпнуть; ślepnąć: р. сле̏пнуть; świsnąć: р. сви́снуть; ścignąć: р. (до)-сти́гнуть, с. стѝгнути; skrzypnąć: р. скри́пнуть (?).

Значительно меньше глаголовъ, въ которыхъ ударéніе первоначально падало на суффиксъ: błysnąć ср. р. блесну́ть, chrapnąć: р. всхрапну́ть; ciągnąć: р. тяну́ть, kaszlnąć: р. кашлянуть; kiwnąć: р. кивну́ть; lgnąć, старо-п. lnąć: р. льну́ть; machnąć: махну́ть; mignąć: мигну́ть; minąć: мину́ть (?); -mknąć: р. -мкну́ть; mru-

gnąć: р. моргну́ть; pchnąć: пхну́ть; pierzchnąć: порхну́ть; rznąć; schnąć: с. сàхнути; -snąć: -сну́ть; szepnąć: шепну́ть; uśmiechnąć się: усмѣхну́ться; tchnąć; tknąć, tonąć: тону́ть; -wichnąć: (с)вихну́ть; żgnąć; pisnąć (?): с. пи́снути; ryknąć: с. ри́кнути; sarknąć: с. ср́кнути; garnąć: с. гр́нути.

По поводу инфинитивныхъ формъ слѣдуетъ добавить, что мысли объ удлиненіи гласнаго предъ конечнымъ t(ь) противорѣчатъ и такія формы, какъ — čytać, kozać, godać, davać, spać и т. д. въ Сважендзѣ и другихъ говорахъ; ср. и кашубскія: brac, prac, znāc, dāc, dēptăc, plokac, skakac, pāsăc, kāzăc, gv́izdac, šēptac, skūbnăc, drāpăc и т. д. Bronisch 69, 74 с.

ср. въ Miejskéj Górk'ѣ ko^{u}zać, skło^{u}dać, wo^{u}łać, sko^{u}kać, spro^{u}šać Rozpr. IX, 115, 119 сс.; въ бржезинскомъ kázać, gádać R. VIII, 189 с., въ Krzęcinie: ráb́ać, jádać, gádać, śṕéwać, chádzać, zb́érać и др. R. II s. XI, с. 340; въ зебржид. skákać, bádać, „obrázać R. IX, с.; только въ Łukowcu, вообще отличающемся странностями въ количествѣ, при stšylać, płákać, upádać находимъ—załowáć, synkowáć, dáć Spraw. V, 151 с.

d. *Формы несклоняемаго причастія наст. вр.* — на -ąc не могутъ имѣть особеннаго значенія въ вопросѣ; въ данномъ случаѣ несомнѣнно играло роль вліяніе причастныхъ ф.ф. одного класса на ф.ф. другого: въ нѣкоторыхъ случаяхъ долгота явилась въ положеніи предъ старымъ удареніемъ: ср. с.с. вру́ћи, пру́ћи; затѣмъ могло произойти обобщеніе, поддерживаемое ассоціаціей съ флексіей 3 pl. pr., гдѣ -ǭ. Относительно качества долготы въ суффиксѣ -ǫštь, -ęštь въ положеніи послѣ ударенія трудно сказать что либо опредѣленное: если въ с. нѐсу̂ћи и т. п. долгота ŷ не вторична, то ǫ представляло нисходящую долготу. Но что польское -ąc не обязано своимъ происхожденіемъ вторичному удлиненію, показываетъ чешское -ouc, íc во всѣхъ классахъ глаголахъ: nesouc, prosíc, tisknouc, umějíc и т. п.

e. *Нарѣчія*, приводимыя Лоренцомъ 348 с., какъ разъ говорятъ противъ его положенія: inąd, onąd, но więc. Лоренцъ объясняетъ дѣло тѣмъ, что ę въ więc «вѣроятно находилось въ неударяемомъ положеніи». Но для вторичнаго удлиненія въ виду отпаденія ъ, ь не могло имѣть значенія мѣсто ударенія ср. gołąb̆ — gołębia, łabądź — łabędzia и т. п., гдѣ носовой также

былъ неударяемъ. Если же коренной гласный находился предъ ударѐніемъ, то онъ долженъ былъ сохранить долготу.

Отрицая удлиненіе, независимое отъ качества слѣдующаго согласнаго, мы не можемъ признать за результатъ вторичнаго удлиненія и флексію 3 pl. pr.: -ą изъ -ątъ: niesą, pięką, czytają, dmą, ciągną, cisną, wiążą, cierpią, bronią и т. п. Правда, въ данномъ случаѣ объяснить происхожденіе польской долготы труднѣе: въ Ф.Ф. типа ńesǭtъ -ǭ подъ ударѐніемъ должно было сократиться; въ случаяхъ, какъ chvā́lę̄tъ долгота могла сохраняться, если бы ę представляло вообще восходящую долготу; но такому предположенію не благопріятствуютъ сербскія показанія: nèсȳ, nèkȳ указывало бы на нисходящую долготу флексіи, хотя сюда долгота могла быть перенесена изъ Ф.Ф.; какъ пи́таjȳ, то̏нȳ. Не благопріятствуютъ мысли о восходящемъ качествѣ долготы флексіи и р. но́сятъ, мо́лятъ, то́путъ ср. тону́, молю́, тону́ть, моли́ть. Тѣмъ не менѣе всѣ эти факты ни въ коемъ случаѣ не могутъ служить защитой мысли о вторичномъ удлиненіи въ п. -ą 3 pl. pr.: ср. въ чешскомъ -ou во всѣхъ классахъ глагола: nesǫ́tь съ ǫ нисходяще долгимъ должно было дать въ чешскомъ краткость.

1. О происхожденіи флексіи 3 pl. pr. въ зап.-слов. языкахъ ср. статью I. Horáka въ List. fil. 1900 г., 219 с. Авторъ справедливо относитъ измѣненіе первоначальнаго -ǫtь, -ętь въ ǫ, ę къ эпохѣ особной жизни зап.-сл. языковъ и предполагаетъ что долгота являлась лишь въ извѣстныхъ акцентуативныхъ условіяхъ и затѣмъ путемъ аналогіи распространилась на остальные случаи; по странным образомъ авторъ считаетъ долготу первоначальной въ типѣ съ удареніемъ носового, забывая, что въ чешскомъ подъ удареніемъ сохраняется лишь восходящая долгота.

Отмѣчу ещѐ, что въ луковецкомъ говорѣ находимъ Ф.Ф., какъ ẃanyk, woryk, dyscyk Spraw. V, 153 с. съ у изъ ъ. Фактъ этотъ врядъ-ли фонетическаго происхожденія: быть можетъ здѣсь сказалось вліяніе суффикса -ik.

11. Краткіе гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ.

Судьба краткихъ гласныхъ внутри слова въ закрытомъ слогѣ, т. е. предъ сочетаніемъ согласныхъ съ выпавшимъ между ними ъ, ь, — не вполнѣ пока выяснена не только по отношенію къ польскому, но и по отношенію къ родственному чешскому языку.

Въ сербскомъ, какъ извѣстно, находимъ удлиненіе краткихъ гласныхъ въ такомъ положеніи лишь предъ согласными l, r, n, m, v, j (Leskien Untersuchungen 1885 г., 7 с.).

Повидимому, потеря слога вызывала извѣстное измѣненіе прежде всего въ самихъ l, r, n, m, v, j: они переходили въ долгіе (или слоговые) l, r, n, m, v, j.

Затѣмъ удлиненіе это передано было предыдущему гласному.

ср. Летопис Матице српске 201 т. (1900 г.), 182 с.

Сходное явленіе, какъ извѣстно, — въ малорусскомъ: зілля, коріння и т. п.

Въ чешскомъ, какъ замѣтилъ Махалъ, первоначально краткій гласный чаще остается безъ удлиненія: lůžko (lože), půlko (pole), slůvko (slovo), dénko (dno), skélko (sklo), jezérko (jezero), seménko (semeno), vřeténko (vřeteno), olůvko (olovo), cévka (ceva), dcérka (dcera), klícka (klec), pícka (pec), víska (ves), zíďka (zeď), kůstka (kost), но: plecko, kolko, očko (діалект. vůčko), bleška, cestka, cetka, plenka, špetka, teska, tetka, včelka, ženka, lebka, krevka, veška, žerďka, botka, kopka, kozka, nožka, notka, oska, skobka, soška, stopka, vodka, nocka, rolka.

Въ примѣрахъ: hrdélko (hrdlo), okýnko (okno), jadérko (jadro), křidélko (křidlo), stebýlko (steblo) é неорганическое; hrdélko образовалось по образцу skélko, okýnko — по образцу vřeténko, seménko, dénko; jadérko — по образцу jezérko.

Такая картина фактовъ не позволяетъ съ увѣренностью говорить о происхожденіи удлиненія краткихъ гласныхъ въ чешскомъ. Нѣтъ твердыхъ основаній видѣть зависимость удлиненія отъ качества ударенія на краткомъ гласномъ: ср. půlko, slůvko,

kûstka съ kolko, očko, nocka: въ томъ и другомъ случаѣ гласный находился первоначально подъ нисходящимъ удареніемъ (слов. polê, slovô, kȍst — kostî, kolò, okô, nȍč — nočî); или lûžko съ botka (словинское lǫ́že, bǫ́ta). Невозможно установить, что первоначально удлиненіе было ограничено положеніемъ гласнаго предъ r, l, n, v, j, хотя очень значительное количество примѣровъ этой мысли благопріятствуетъ: ср. pûlko, slûvko, dénko, skélko, jezérko, seménko, vřeténko, olûvko, cévka, dcérka; однако: kolko, plenka, včelka, ženka, krevka, rolka и съ другой стороны: lûžko, klícka, pícka, víska, zíďka, kûstka.

Сопоставленіе со словацкимъ не помогаетъ въ рѣшеніи вопроса: ср. nôžka, vôdka, hôrka, kôpka, bôtka, dcérka, skielko, и — skobka, stopka, tetka, ženka, krevky n. pl., cetka, čelko, slovko, očko, platenka.

Очевидно первоначальныя отношенія нарушены вліяніями аналогіи. Являлось ли первоначально удлиненіе лишь предъ r, l, n, v, j или всѣ случаи удлиненія явились подъ вліяніемъ отношеній, какъ hlava — hlávka, не рѣшаю. Первому предположенію неблагопріятствуетъ то обстоятельство, что въ нормахъ удлиненія краткихъ гласныхъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ нельзя усмотрѣть такого вліянія качества этихъ согласныхъ ни въ чешскомъ, ни въ словацкомъ. Вторая мысль встрѣчаетъ затрудненіе въ примѣрахъ, какъ dénko, skélko, такъ какъ отношенія hlava—hlávka не параллельны отношеніямъ dno — dénko; пришлось бы считать dénko и т. п. возникшими по образцу jezérko, seménko и т. п., которыя въ свою очередь — при jezero, semeno подъ вліяніемъ dřévko, střévko, tístko при dřevo, střevo, těsto и т. п.

Что касается этихъ послѣднихъ примѣровъ т. е. отношеній dřevo — dřévko и т. п. — съ первоначально долгимъ гласнымъ, которыя Махалъ разсматривалъ заодно съ отношеніями slovo — slûvko и т. п., то ихъ слѣдуетъ, конечно, отдѣлить отъ послѣднихъ: въ нихъ нѣтъ собственно удлиненія. Отношенія эти остались у Махала въ сущности совершенно необъясненными; между

тѣмъ они легче поддаются объясненію, чѣмъ выше разсмотрѣнныя — съ первоначально краткимъ гласнымъ.

Не выясняютъ вопроса и слишкомъ бѣглыя замѣчанія Černʼаго въ статьѣ 1900 года (Výroční zpráva. c. k. vyšší realné školy v Brně. 5 с.).

Недавно ак. Шахматовъ въ своей работѣ о русскомъ полногласіи Изв. VII 2, с. 309—310 высказалъ предположеніе, что въ случаяхъ, когда за долгимъ гласнымъ или сочетаніемъ слѣдовалъ слогъ съ ъ, ь, ставшими неслоговыми, качество об.-сл. ударенія измѣнялось: об.-сл. «vôlsъ» g. pl. > «vólsъ».

Тотъ же принципъ ср. у Streitberg'a Indogerm. Forsch. III (1894 г.) 313 s.: «Findet in einem Wort ein Morenverlust, so wird eine der Verluststelle unmittelbar vorausgehende betonte kurze Silbe gedehnt, dagegen eine unmittelbar vorausgehende lange Silbe mit gestossenem Akzent geschleift».

Мысль ак. Шахматова очень вѣроятна, хотя въ современномъ состояніи фактовъ принципъ не отражается вполнѣ ясно: оно измѣнено вліяніями аналогіи: ср. р. волóсъ g. pl., но въ nom. s. вóлосъ подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей.

Въ сербскомъ и словинскомъ ак. Шахматовъ указываетъ Ф.Ф. gen. pl., какъ чâсā, прâгā, жâбā при чâс, прâг, жâб; слов. lîp, rîb, krâv при lípa, ríba, kráva и наоборотъ: с. дрýгā, влáсā отъ дрŷг, влâс, слов. mǫ́z, vlás отъ mồž, vlâs и т. п.

Второй рядъ примѣровъ встрѣчаетъ нѣкоторое затрудненіе: ударение ′ въ сербскомъ обычно-перенесенное; если оно здѣсь (влáсā) обозначаетъ старое восходящее на томъ же слогѣ, то не вполнѣ ясно, отчего оно въ такихъ примѣрахъ не сокращается, какъ вообще въ сербскомъ; также неясно, почему въ словинскомъ — mǫ́ž, vlás, а не mȍž, vlàs ср. brȁt, mrȁz, prȁg и т. п. Это затрудненіе ак. Шахматовъ стремится, повидимому, устранить замѣчаніемъ, что качество ударенія въ vólsъ не было тожественно съ качествомъ ударенія въ kórva, что въ первомъ случаѣ оно было музыкально-экспираторнымъ, а во второмъ экспираторнымъ.

Въ чешскомъ принципъ иллюстрируется формами; какъ g. pl. ryb, měr, krav при míra, rýba, kráva, а съ другой стороны — čás, tíl (діалект. и др.-чеш.) при čas, tělo.

Еще раньше въ Изв. III, 28 с. ак. Шахматовъ указывалъ на чешскія Ф.Ф. nom. s. brat, rak, děd, какъ на результатъ подобнаго измѣненія восходящаго въ нисходящее ударение на дол-

гомъ гласномъ въ виду отпаденія слѣдующаго ъ. Въ дѣйствительности и здѣсь мы не находимъ послѣдовательнаго проведенія принципа: при brat, rak, děd, čas, had, kraj, svat, hněv, chlap мы находимъ pláč, láz, hrách, mráz, práh, klín, sýr, hrád, ráj, chléb (при chleb), vítr. Въ этихъ послѣднихъ Ф.Ф. долготу пришлось бы объяснять вліяніемъ косвенныхъ падежей, гдѣ первоначальная восходящая долгота должна была сохраняться; однако въ gen. s. находимъ: prahu, mrazu, hrachu, chleba, větra; приходится стало быть думать, что первоначальныя отношенія prah—práha измѣнились въ отношенія práh — prahu. Съ другой стороны Ф.Ф. gen. s. hněva, brata, časa, hada, děda, kraje, raka, chlapa, svata вмѣсто ожидаемыхъ hníva, bráta и т. д. очень удобно объяснялись бы вліяніемъ Ф.Ф. n. s. hněv, brat, čas и т. д.

Въ именахъ съ первоначально нисходящимъ удареніемъ на долгомъ коренномъ гласномъ ожидали бы отношеній chlád: chlada и т. п.; однако находимъ: chlad, klas, prach, brav, vlas, vrah, břeh, vřed, vřes, žleb, hlad, hlas, sled, svět, dub, muž и т. д. всюду съ краткостью...

Остается предполагать, что первоначальные типы сильно смѣшались: отношенія chlád — chlada измѣнились въ chlad — chlada, отношенія brat — bráta въ brat — brata; вмѣсто отношеній prah — práhu, быть можетъ, въ то время, когда старое chlád — chladu еще употреблялось при новомъ prach — pracha и старое brat — bráta при новомъ čas — časa, — явилось práh — prahu.

Въ словацкомъ не находимъ такого смѣшенія, такъ какъ отношенія chl$\breve{\hat{a}}$d — chl$\breve{\hat{a}}$da и pr$\breve{\hat{a}}$h — pr$\breve{\hat{a}}$ha, если законъ измѣненія качества долготы въ слогѣ предъ ъ былъ извѣстенъ словацкому, одинаково давали здѣсь chlăd — chlăda и prăh — prăha.

Принципъ, который ак. Шахматовымъ примѣненъ къ положенію долгихъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, съ гораздо большей ясностью проведенъ въ чешскомъ во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ — въ деминутивныхъ образованіяхъ, разсмотрѣнныхъ когда то Махаломъ, хотя и здѣсь не обошлось безъ нарушенія первоначальныхъ отношеній вліяніями аналогіи.

Въ этихъ образованіяхъ находимъ три группы.

I. Въ основномъ словѣ гласный — дологъ въ силу положенія предъ первоначальнымъ удареніемъ: производное сохраняетъ долготу, подъ вліяніемъ ли основного или фонетически, трудно рѣшить (ср. р. бороздá — борóздка): ч. brázda — brázdka, díra — dírka, svíce — svícka, mouka — moučka; chvalka, travka, pilka, krupka, trubka, služka (ср. sluha при slouha) явились, быть можетъ, подъ вліяніемъ отношеній типа kráva — kravka.

Сербскія параллели очень рѣдки: въ словѣ trâvka — вторичное удлиненіе.

II. Въ основномъ словѣ коренной гласный сократился подъ нисходящимъ удареніемъ, въ производномъ долгота, вѣроятно, сохранившаяся подъ восходящимъ удареніемъ: brada — brádka, hlava — hlávka, hřada — hřádka, strana — stránka, řeka — říčka, střecha — stříška; ср. р. (бородá) — бóроду — борóдка, (головá) — гóлову — голóвка, (сторонá) — стóрону — сторóнка. Къ этому типу отношеній въ чешскомъ относятся еще: děva — dívka (долгота въ с. déva — вторична: всѣ ласкательныя получаютъ въ сербскомъ на первомъ слогѣ ср. Гласник Срп. Уч. Др. XII, 482 с.); kniha — knížka (хотя въ серб. књи̏га); husa — houska, zlato — zlátko, dřevo — dřívko, střevko — stříbko, těsto — tístko, tělo — tílko, květ — kvítko, žito — žítko, ucho — úško, břicho — bříško. По отношенію къ приведеннымъ именамъ средняго рода дóлжно имѣть въ виду и русское ушкó, брюшкó, очкó при ýхо, брю́хо, óко.

Въ иныхъ случаяхъ и производныя — съ краткимъ гласнымъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ основныхъ: hvězdka, stěnka, ručka ср. hvězda, stěna, ruka; pivko ср. pivo (с. пи̏во).

III. Въ основномъ словѣ коренной гласный сохранился долгимъ подъ вліяніемъ восходящаго ударенія, въ производномъ сократился въ виду измѣненія его въ нисходящее: kláda — kladka, kráva — kravka, rána — ranka, skála — skalka (скáла въ Черногоріи: Вукъ), sláma — slamka, vrána — vranka, žába — žabka, máma — mamka, bříza — březka, hlína — hlinka, hříva — hřivka, jíva — jivka, lípa — lipka, mísa — miska, níva — nivka, síla — silka, sírka — sirka, slíva — slivka, žíla — žilka, bouda — budka, chvíla —

chvilka, moucha—muška. Въ нѣсколькихъ случаяхъ долгота изъ основного слова проникла нефонетическимъ путемъ въ производныя: vláha — vlážka, míra — mírka, jáma — jámka. Исходя изъ с. ка̏ша, пје̏на, шпи̏ца, ри̏ба должны признать нормальными Ф.Ф. kaška, pěnka, rybka, špička, но въ основныхъ — вмѣсто ожидаемой долготы — краткость: kaše, pěna, ryba, špice (ср. діалект. pína, rejba).

Въ словацкомъ первому типу отношеній соотвѣтствуютъ такія-же: svieca — sviečka, múka — múčka, píla — pílka, trúba — trúbka, dúha — dúžka. Во второмъ типѣ отношеній, предполагая первоначально исходящее удареніе въ словахъ brucho, ucho въ виду чешскихъ břicho, ucho (ср. р. за́ ухо, за́ уши и болг. ухо́, но въ с. у̏хо, у̏ши и р. на брю́хо), получили бы ожидаемыя въ результатѣ измѣненія исходящаго въ восходящее удареніе отношенія: ucho — uško, brucho — bruško. Но въ противорѣчіи съ принятымъ принципомъ находимъ словацкія: drevo — drievko, sluha — slúžka, hlava — hlávka, strana — stránka. Въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ долгота могла проникнуть въ производную форму еще въ ту эпоху, когда им. п. ед. ч. основныхъ словъ сохранялъ долготу коренного гласнаго въ виду ударенія окончанія; позже форма им. п. получила краткость изъ вин. п. т. е. рядъ hlāva — hlăvu — hlāvka замѣнился рядомъ: hlăva — hlăvu — hlāvka.

Въ третьемъ типѣ отношеній въ словацкомъ находимъ въ соотвѣтствіи принципу краткость, какъ въ основномъ, такъ и въ производномъ: при jama, klada, slama, skala и т. д.: jamka, kladka, slamka, skalka, matka, hlinka, lipka, miska, žilka, muška, kaška, penka, knižka (с. кньи̏га). Рѣшить, не являются ли нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ вторичными, получившими краткость изъ основныхъ вмѣсто удлиненія предъ извѣстными согласными (r, l, n, v, j), трудно.

Примѣры sirka, chvílka, búdka, strážka къ этой группѣ именъ отнести нельзя, такъ какъ долгота является и въ основныхъ: síra, chvila, búda, stráža.

Въ сербскомъ находимъ: въ противорѣчіи съ принципомъ —

гра̏шка (гра̏х), мы̏шка (мы̏ш), сы̏тко (сы̏то), сра̏чка (сра̏ка), шы̏пка, (шы̏ба), бра̏тко (бра̏т), кла̂сје (кла̂с), пру̏ће (пру̏т), лы̏шће (лы̏ст), въ согласіи съ нѣмъ — зла̏тко — зла̏тка (зла̏то), гу̏ска (на *гу̏с косвенное указаніе даетъ чешское hus), звје̏рка (звје̏јер—звје̏јери). Интересно, что въ чакавскомъ находимъ líšće, prúće съ восходящимъ долгимъ ударѐніемъ Arch. XVII, 197 с., но значеніе этихъ фактовъ трудно съ точностью опредѣлить, такъ-какъ вопросъ о судьбѣ восходящей долготы въ чакавскомъ еще не вполнѣ выясненъ.

Въ словенскомъ, быть можетъ, указаннымъ принципомъ должны быть объясняемы примѣры, какъ: mîška (mìš — míši), sî tka (sítọ), srâčka (sráka), šî bka, šî bje (šíba), brâtja (bràt). Съ другой стороны: zlâtka (zlatọ̑).

Не знаю, не должно ли видѣть тотъ же принципъ и въ болгарскихъ примѣрахъ, какъ са̀път (с. са̏п—са̏па), хо̀дът (слов. họ̑d), го̀стът (слов. gọ̑st), со̀кът (слов. sọ̑k), пъртът (слов. prọ̑t, с. пру̀т — пру̏та), сърпът (с. ср̏п — ср̏па), шы̏път (с. шы̏п—шы̏па), стъ̀ркът (с. стру̏к—стру̏ка), ра̀стът (хра̂ст—хра̂ста). Въ виду нисходящаго качества ударѐнія въ примѣрахъ этихъ ожидали бы переноса ударѐнія на слѣдующій слогъ т. е. *сапът, ходът, гостът и т. д., какъ брегът, бегът, долът и т. д. Послѣдніе примѣры, являющіеся у Цонева, какъ правило (Сборн. Болг. Мин. VI, 65—66 сс.) должны быть въ такомъ случаѣ объясняемы, какъ возникшіе подъ вліяніемъ род. п. *брега̀, *бега̀, *дола̀, а формы са̀път, хо̀дът, го̀стът и т. д. («исключенія») представляли бы результатъ фонетическаго измѣненія качества ударѐнія вслѣдствіе потери моры въ слѣдующемъ слогѣ. Обратное измѣненіе восходящаго въ нисходящее ударѐніе въ закрывшемся слогѣ представляли бы болгарскія: градът (с. гра̏д), ленът (с. ле̏н — ле̏на), плачът (с. пла̏ч), јадът (с. ја̏д), часът (с. ча̏с), мразът (с. мра̏з) — формы же кмѐтът, клѝнът, пръ̀стът, сва̀тът и т. д. (с. кме̏т — кме̏та, кли̏н — кли̏на, пр̏ст — пр̏ста, сва̏т — сва̏та) могли явиться подъ вліяніемъ Ф.Ф. род. п. *кмѐта, клѝна, пръ̀ста, сва̀та (см. примѣры на 48—49 сс. Сборника VI болг. мин.). Такимъ образомъ, получили бы свое объясненіе примѣры, являющіеся исключеніями, какъ у Цонева, такъ и у Hirt'a (Ind. Akz.).

Въ польскомъ описанная мѣна качества ударѐнія, если и имѣла мѣсто, то не могла оставить слѣдовъ, такъ-какъ здѣсь всякая долгота сокращалась подъ ударѐніемъ.

Какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, въ польскомъ въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ имѣлъ значеніе иной принципъ: качество замыкавшаго слогъ согласнаго.

Что касается внутреннихъ закрытыхъ слоговъ, то здѣсь принципъ этотъ не отражается такъ ясно.

Изъ именъ ж. р., приведенныхъ Лоренцомъ Arch. XIX, 350 и сл., важны главнымъ образомъ тѣ, которыя расходятся относительно носового съ соотвѣтствующимъ основнымъ.

Формы gen. s. именъ м. р., какъ podsędka, przyswędka, оставляю въ сторонѣ, такъ какъ онѣ находятся подъ вліяніемъ формъ им. п. podsędek, przyswędek, гдѣ долгота сократилась подъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ.

Эти имена дѣлятся на двѣ группы: въ первой слогъ съ носовымъ замыкается звонкимъ согласнымъ, во второй — глухимъ.

1. gąbka (и gębka) — gęba; grządka — grzęda; książka — księga, prążka — pręga, stążka — stęga; wiązka — (wiąz-) więzu; gałązka — (gałąź-) gałęźi; prządka — przędza.

2. gąska — gęś; pieczątka — pieczęć; cząstka — część; miąsko — mięso; obrączka — obręcz; świątka — święty; pamiątka — pamięć.

Изъ именъ, въ которыхъ коренной гласный совпадаетъ съ гласнымъ основного слова, одну группу образуютъ примѣры съ рефлексомъ долготы, другую — съ рефлексомъ краткости.

3. łączka — łąka; mączka — mąka; сюда же я отнесплъ бы имена: dziesiątka, dziewiątka, piątka, такъ какъ они могли находиться подъ вліяніемъ Ф.Ф. dziesiąty, dziewiąty, piąty, а не dziesięć, dziewięć, pięć. Сюда же относятся имена, какъ gorączka, spiączka, biegączka, drzączka, ziębiączka, stawiączka при gorący, spiący, biegący и т. д.

4. piętka — pięta; chętka — chęć; miętka — mięta; stępka — stępa, dętka — dęty, pętko — pęto.

Особую группу образуютъ deminutiva съ суффиксомъ -ąt-ko: golębiątko, zwierzątko, książątko, gąsiątko, cielątko, bydlątko, kociątko, prosiątko, oslątko, jelątko.

Полагаю, что эти имена стояли подъ вліяніемъ формъ gen. pl.: zwierząt, cieląt и т. д., гдѣ t было также твердымъ, а не подъ вліяніемъ Ф.Ф. zwierzęcia, cielęcia и т. д.

Мы видимъ, что удлиненіе носового не ограничено положеніемъ его предъ звонкимъ согласнымъ въ закрывшемся слогѣ.

То же можно сказать и относительно удлиненія въ данномъ положеніи иныхъ первоначально долгихъ, но сократившихся, или первоначально краткихъ гласныхъ. Примѣры удлиненія предъ звонкимъ согласнымъ: —

Въ Сважендзѣ: provda (=pravьda), zdrojca, roćca (zdradьca, radьca), storka, d͡źifka, sklonka, bopka, gotka, bojka, skłotka, leżołki (сортъ грушъ), cołki, żotki (rzadki), koždyj, žodnyj, dovno, guvno, okinko, ćimnyj, zbujnik, rulnik, bužnica, nuška (=nóžka).

Въ Miejsk'oй Górk'ѣ: provda, ḿoᵘrka, ḿołki, řoᵘtki, cołki, skłoᵘtka, gł$_{u}$ówny, r$_{u}$óžny, ćimny, b$_{u}$óžnica Rozpr. IX, 114, 119, 121, 123 cc.

Въ опочиньскомъ: gořołka, ćinko, malíńki, dvójka, trójka, jaskółka, jałówka, krówka, ḿentówka, vódka, kółko, nózka, ćémny, głóvny, równy, próżny, późny, dróznik, bóznica, trójca. Rozpr. XI, 154—157 cc.

Въ зебржидовскомъ: gádka, gořáwka, bródka, dvójka, ćfórka, galasófka, gadófka, jagódka, jaskówka, jawófka, krófka, ḿętófka, přegródka, rogófka, tarnófka, trójka, vótka (vodka), kówkᵘo, gwówny, równy Rozpr. IX, 155, 156, 164 cc.

Въ лясовскомъ: právda, dávno, zbávca, zakładka, várka Rozpr. VIII, 86 c.

Въ бржезиньскомъ: právda, dávno, správca, vybávca, zakwádka, várka, školny, zdólny Rozpr. VIII, 189, 193 cc.

Въ опольскомъ: práᵘvda, váᵘrka Ueber d. opp. M. 13 c.

Въ луковецкомъ: kázdy, wystáwka, kochánka, kijánka, sadzáwka, mámka, maćeřánka, stodółka, obórka, jábko, sójka. Spraw. V, 152 c.

Въ Стопавкѣ: spórny, dólni Rozpr. XII, 21 c.

Въ Пышницѣ: pisástwo, lekástwo, gospodástwo (=pisarstwo, gospodarstwo, lekarstwo) Rozpr. II s. V, 380 c.

Примѣры удлиненія предъ глухимъ согласнымъ: šátka въ Сважендзѣ, Miejsk. G. Rozpr. IX, 119 c., съ долготой, явившейся быть можетъ подъ вліяніемъ долготы въ śić — śići; řycka въ луков. Spraw. V, 153 c. — ср. řyka; láska въ Сважендзѣ и

другихъ Rozpr. VIII, 86; IX, 155; XI, 154 c.; klátka Rozpr. VIII, 86 c., 193 c.; prácka Rozpr. VIII, 86, 193 cc.; d͡źátki Rozpr. IX, 156 c.; s$_{u}$öbótka, st$_{u}$ökrótka Rozpr. IX, 164 c.; śḿisny Rozpr. XI, 156 c., — вѣроятно, подъ вліяніемъ śḿich.

Въ нѣсколькихъ случаяхъ не находимъ удлиненія въ такомъ положеніи: matka, kačka, lepšyj, setnyj — въ Сважендзѣ; то же наблюдается порой и предъ звонкимъ согласнымъ: nožka (nozka, n$_{u}$öska) Rozpr. IX, 164 c., VIII, 189 c., zonka, kołko, przyjacołka Spraw. V, 154 c., jabłko Wisła IV, 447 c.; p$_{u}$öźny, zd$_{u}$ölny Rozpr. IX, 164 c.; sojka Rozpr. VIII, 189 c.

Анализъ приведенныхъ примѣровъ самъ по себѣ не можетъ дать твердыхъ выводовъ; съ одной стороны производныя стояли подъ вліяніемъ основныхъ или производныхъ съ иными суффиксами: nožka являлось подъ вліяніемъ noga, žonka (ср. каш. žonka), kołko, sojka — подъ вліяніемъ žona, koło, soja, p$_{u}$öźny (литературное późny) — ср. каш. pœzdny — подъ вліяніемъ poźdźe, poźdźić (ср. словарь Линде IV, 441 c.), zdolny подъ вліяніемъ zdołać, zdole ibid. VI, 988 c., jabko или jabłko ср. и каш. jabkœ подъ вліяніемъ jabłoń, jabłuszko, jabłonka и т. д.; слѣд. такимъ же образомъ matka, kačka (каш. matka, kaczka), если бы удлиненіе первоначально имѣло мѣсто и предъ глухимъ согласнымъ, могли получить краткость изъ mać, kaczór, kaczorowy, kaczica, setny изъ set g. pl.; gąska, cząstka (каш. gǫska, čǫstka при gąs, čąsc) могли получить долготу изъ gąsiór, gąsię, cząsteczka; такъ же каш. błotkœ, błotny стоитъ подъ вліяніемъ błoto, dłòtkœ подъ вліяніемъ dłòto и т. д. Пересмотръ всѣхъ примѣровъ былъ бы безполезенъ.

Съ другой стороны, если удлиненіе первоначально было ограничено положеніемъ предъ звонкимъ согласнымъ, то тѣсная ассоціація примѣровъ, какъ gǭbka, и примѣровъ, какъ gǫ̆ska, могла вызвать появленіе долготы и въ словахъ второго типа.

Такъ-какъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ принципъ удлиненія предъ звонкимъ согласнымъ проведенъ вполнѣ ясно, то наиболѣе вѣроятнымъ мнѣ казалось бы именно предположеніе,

что первоначально принципъ этотъ имѣлъ значеніе и для внутреннихъ слоговъ.

Въ ф.ф. сравнительной ст. обнаруживается обычно вліяніе ф. положительныхъ: głębszy при głęboki, krótszy при krótki; prędszy при prędki, причемъ обѣ послѣднія формы быть можетъ стоятъ подъ вліяніемъ prędzej; въ формахъ — lepszy, większy, skępszy (отъ skǫpy) отсутствіе удлиненія нормально въ виду качества согласнаго, замыкающаго слогъ; первоначальная долгота, вѣроятно, сокращалась — подъ удареніемъ; то же въ mędrszy (отъ mądry), — вторичное удлиненіе не послѣдовало здѣсь, вѣроятно, въ виду того, что слогъ замыкаетъ группа -dr: если r получало удлиненіе или слоговой характеръ въ виду потери моры въ слѣдующемъ гласномъ, то измѣненіе это затѣмъ исчезало безслѣдно, такъ какъ r было отдѣлено отъ гласнаго согласнымъ d; само же d не измѣнялось въ виду выпаденія редуцированнаго гласнаго; ср. тоже въ viatr.

Что касается формы węższy при wązki, то она быть можетъ возникла подъ вліяніемъ образованій, какъ wężę 1 s. pr., zwężać; въ Сважендзѣ — vǫšy. Подробнѣе буду говорить о формахъ сравн. ст. въ третьей части работы, посвященной морфологіи сважендзскаго говора.

Отдѣльную группу образуютъ примѣры съ рефлексомъ долготы въ закрывшемся слогѣ, въ которыхъ удареніе находилось первоначально на слогѣ за редуцированнымъ гласнымъ ср. п. vápno — vopno въ Сважендзѣ и с. ва́пно (бѣлор. ва́пна), płótno — płutno въ Сважендзѣ и с. пла́тно, р. полотно́; ḃélmo въ зебржид. Rozpr. IX, 161 с.: р. бѣльмо́. Сюда же, быть можетъ, относятся польскія формы именъ собирательныхъ, какъ ṛąpie при pęp, strącze при stręku gen. s., prącie при pręt, ḱv́iće (Сважендзъ — при ḱv́at — ḱv́atu). По крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ такихъ формъ первоначально имѣли удареніе окончанія, которое затѣмъ или распространялось на иныя однородныя образованія или, наоборотъ, было вытѣсняемо подъ тѣми или другими вліяніями типомъ съ удареніемъ окончанія: ср. р. дубье́, звѣрье́ и чакавскія: perjé, zeljé, zrnjé, zvirjé, lìšćè (gen. s. lìšćà и т. д.) при líšće, tŕnje, zŕnje, cvéće и gròzje, lìšće, pèrje, zȑnje.

Сербскія формы: дȳбље, прȳће, звӣјерје, можетъ быть, стоятъ подъ вліяніемъ дȳб — дȳба, прȳт — прȳта, звӣјере.

Въ словенскихъ grǫ́zdje, zę́ḷe — закрытое качество гласнаго указываетъ на то, что удареніе было на корнѣ.

Въ чешскомъ proutí (prut), doubí (dub), kvítí (květ), долгота

допускаетъ двоякое объясненіе: изъ положенія предъ удареніемъ и изъ восходящаго ударенія корня, получившагося вслѣдствіе потери моры въ слѣдующемъ слогѣ.

Болгарскій указываетъ на удареніе корня: дѣ̀бне, дрѣ̀вне, кла̀сле, ло̀зне, ко̀лне, пѣ̀ртне, гро̀здне, лѝстне, трѣ̀нне.

Въ указанномъ положеніи: *dǫbjé — старая долгота могла сохраняться въ польскомъ или въ силу того, что ее отдѣляли отъ слѣдующаго ударенія неполныхъ два слога, или же въ силу того, что сокращеніе долготы въ такомъ положеніи произошло уже послѣ того, какъ ъ, ь, если не выпали, то стали неслоговыми.

Что долгота въ такихъ примѣрахъ должна быть отдѣляема отъ вторичнаго польскаго удлиненія, показываетъ сербское сохраненіе долготы: с. ва́нно, пла́тно; также чешское plátno, várno (ср. словацкое plátno, várno) должно быть объясняемо изъ положенія долготы предъ удареніемъ.

Къ той же группѣ примѣровъ можно отнести формы gen. s. уменьшительныхъ, какъ dąbka, sączka, pączka и т. д., разсмотрѣнныя Лоренцомъ Arch. XIX, 352 с.: ср. р. дубка́, сучка́, пучка́ и т. д., с. ду́пка, голу́пка, стру́чка и т. п. Въ формахъ nom. s. также находимъ долготу: dąbek, sączek, pączek и т. д. Исключенія рѣдки: kłębek — kłębka — подъ вліяніемъ kłęba, kłębu и т. д. ср. каш. kłębk, pęczek, pępek, rzędek, sęczek — подъ вліяніемъ pęk, pęp, rzędu g. s., sęk; рядомъ и фонетическія — pączek, rządek, sączek, а pępek ср. съ с. пу̏пак — пу̏пка.

Изъ примѣровъ съ иными гласными ср. въ Сважендзѣ: y̨onek, p̨osek, kv̨otek, losek, gornek — параллели изъ другихъ говоровъ въ гл. 2. Можетъ быть, сюда же относится сважендзское storek. Форма nom. s. и gen. s. настолько тѣсно связаны, что, строго говоря, мы не можемъ рѣшить, фонетическаго-ли происхожденія та и другая форма: если форма nom. s. — фонетическая, то сохраненіе долготы въ ней объясняется положеніемъ предъ удареніемъ, другими словами и для n. dąbek, и для с. ду́бак, и для ч. doubek должно предполагать праформу *dǫbъ́kъ; если удареніе первоначально находилось на конечномъ ъ, то оно уже въ очень

раннюю эпоху было перенесено на предшествующій слогъ; иначе приходилось бы думать, что долгота въ формѣ nom. s. стоитъ подъ вліяніемъ ф. gen. s. Въ этой послѣдней формѣ долгота можетъ имѣть различныя объясненія: 1) она сохранялась въ виду положенія предъ удареніемъ, отдаленнымъ отъ нея на неполныхъ 2 слога или же въ виду того, что сокращеніе долготы въ положеніи за два слога предъ удареніемъ произошло уже послѣ измѣненія ъ, ь въ неслоговые или выпаденія ихъ; 2) долгота получилась въ виду вторичнаго удлиненія, распространившагося со слоговъ, замыкавшихся звонкимъ согласнымъ, и на слоги съ глухимъ согласнымъ предъ ъ; 3) долгота въ формѣ род. п. возникла подъ вліяніемъ формъ им. п.

Лоренцъ Arch. XIX, 354 с. принимаетъ формы nom. s., какъ dąbek, за фонетическія, предполагая раннее перенесеніе ударенія въ *dǫ̀bъkъ́ на предшествующій слогъ, и это пониманіе фактовъ кажется мнѣ въ высшей степени вѣроятнымъ. Въ формѣ gen. s. dąbka и т. п. Лоренцъ видитъ, наоборотъ, форму вторичную и предполагаетъ первоначальное отношеніе dąbek—dębka, признавая, что подтвердить такое предположеніе ничѣмъ нельзя. Мнѣ же оно кажется маловѣроятнымъ; изъ только что указанныхъ трехъ возможностей въ пониманіи формы dąbka и т. п. я остановился бы на первой — въ виду польскихъ várno, płótno при с. вáпно, плáтно. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ Лоренца: «въ предпослѣднемъ закрытомъ слогѣ носовой въ польскомъ является въ видѣ ą, если слогъ этотъ былъ ударяемъ,—въ видѣ ę, если удареніе было на окончаніи» 355 с. кажется мнѣ необоснованнымъ и неправильно формулированнымъ. Подъ удареніемъ долгота и въ какомъ нибудь *gǫ̀bъka должна была сократиться такъ же, какъ и въ *mǫ̀ka или *dǫ̀bъ, такъ-какъ, если бы положеніе въ слогѣ предъ ъ, ь задерживало сокращеніе, то такое задерживающее вліяніе слога съ ъ, ь — обнаруживалось бы и въ примѣрахъ, какъ — *kǫ́sъ (kęs), *stǫ̀kъ (stęk), *pǫ̀rъ (pęp), *vǫ̀ch (węch), *brâtъ (brat), *čâsъ (čas) и т. д., гдѣ слогъ оканчивался глухимъ согласнымъ.

Сократившаяся въ такомъ положеніи долгота, какъ и въ конечныхъ закрытыхъ слогахъ, возстановлялась въ виду измѣненія звонкаго согласнаго въ глухой; а такое измѣненіе происходило уже послѣ отпаденія и выпаденія ъ. Возстановленіе долготы въ слогахъ предъ звонкимъ согласнымъ распространялось и на параллельные случаи съ глухимъ согласнымъ. Въ случаѣ если удареніе было на окончаніи (*dǫbъká), вѣроятнѣе всего, старая долгота не сокращалась, но, если бы она сократилась, то была бы возстанавливаема вторичнымъ удлиненіемъ, какъ и въ gąbka; слѣд. форма типа dąbka во всякомъ случаѣ фонетическаго происхожденія, а аналогическаго развѣ въ такихъ примѣрахъ, какъ sączka. Лоренцъ же и въ dąbka или rzǫdka видитъ результатъ тѣхъ или другихъ аналогій 354 с. Считая фонетическимъ результатомъ въ примѣрахъ типа gąbka — ą, мы не имѣемъ права принимать за таковой же результатъ въ формахъ типа rządka — ę, какъ то дѣлаетъ Лоренцъ.

Въ кашубскомъ то же, что въ польскомъ, только nom. s. потерялъ свое e изъ ъ подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ падежей: dǫbk — dǫbka, kǫsk — kǫska, kłǫbk — kłǫbka, krǫžk — krǫžka и т. п.

Примѣры сербскаго сохраненія долготы въ формахъ типа *dǫbъ́kъ (гла́сак, зу́бак, гра́шак и т. п.) см. у Лескина Untersuchungen 1885 г., 86 с. Относительно чешскаго (brávek, čásek, článek, dárek и т. д.) — въ указанной (въ I гл.) работѣ Махала; ср. и у Черпаго Výroční zpráva.... 1900 г., 4—5 сс.; въ словацкомъ dárok, článok, hrádok и т. п. По аналогіи brávek, čásek, dárek возникли въ чешскомъ и plůdek, drůbek, knůtek, růžek и т. п.

То же въ польскомъ: ср. въ зебржидовскомъ vózek при rovek, dołek Rozpr. IX, 164 с.; въ Сваженцзѣ обычно сохраняется краткость: kotek, płotek, ftorek (dumek — съ u въ виду слѣдующаго m), какъ и въ большинствѣ другихъ говоровъ.

Въ иныхъ случаяхъ возможны иныя вліянія: такъ,—долгота въ upádek, przypádek могла явиться въ виду глагольныхъ формъ,

какъ upádać (напр. въ Сважендзѣ, Miejsk'ой Górk'ѣ Rozpr. IX, 116 с.); фонетически получилось бы upadek, przypadek ср. р. упáдокъ, припáдокъ. Въ положеніи предъ удареніемъ явилась долгота и въ сваж. vińec (р. вѣнéцъ — вѣнцá).

12. Вторичныя именныя, мѣстоименныя, глагольныя и иныя образованія.

Въ предыдущемъ изложеніи я обычно оставлялъ въ сторонѣ вторичныя именныя образованія, образованія мѣстоименныя, глагольныя и тому подобный грамматическій матеріалъ,—за исключеніемъ главъ, какъ 11, гдѣ этотъ матеріалъ неизбѣженъ, — въ виду его ненадежности: вторичныя именныя образованія стоятъ подъ вліяніемъ основныхъ, однѣ глагольныя формы—подъ вліяніемъ другихъ, въ прилагательныхъ могутъ быть смѣшаны акцентуативныя отношенія опредѣленной и неопредѣленной формы; такимъ образомъ, въ этомъ матеріалѣ приходится уже болѣе считаться съ вліяніями аналогіи, измѣняющей результаты чисто-фонетическихъ явленій, и ожидать меньшей закономѣрности.

Къ этому сорту фактовъ относятся примѣры, приведенные Лоренцомъ въ обоснованіе его положенія, что въ третьемъ отъ конца слогѣ носовой является долгимъ, разъ первоначальное удареніе лежало на предпослѣднемъ слогѣ Arch. XIX, 360 с.; очевидно, положеніе это въ болѣе общей формулировкѣ значитъ лишь: носовой является долгимъ въ положеніи предъ старымъ удареніемъ. —

dąbrowa: р. дубрóва, дубрáва, с. дȕбрава.

grządziel — grądziela: с. грéдељ — грéдеља.

kądziel — kądziela: р. кудéль — кудéля, с. кȕђеља.

kąpiel — kąpiela: р. купѣль — купѣли.

rączyna при ręczyna: с. рȕчина.

grądzidło при grędzidło: р. грузи́ло.

gołąbię — gołąbięcia при gołębię — gołębięcia (= каш. gœłąbją): р. голубя́ — голубя́ти.

gąsie — gąsięcia: р. гуся́ — гуся́ти.
strączyna: с. стру̀чина.
dębina (= каш. dąbina): р. дуби́на.
dziesięcina: р. десяти́на, с. десѐтина.
gołębica: р. голуби́ца, с. голу̀бица.
miękina: р. мяки́на.
prężyna: р. пружи́на.
ср. еще pajęczyna: р. паути́на, но с. па̀учина.
zajęczyna, но р. за́ячина.

ак. Шахматовъ высказалъ предположеніе (Изв. VII, 316—317 с.), что *уже въ общесловянскомъ долгіе гласные сокращались предъ долгимъ ударяемымъ гласнымъ суффикса.*

Въ обоснованіе этого положенія ак. Шахматовъ указываетъ на сербское сокращеніе долгихъ гласныхъ предъ суффиксами съ долгимъ гласнымъ, установленное Лескиномъ Arch. XXI, 321 и сл., тогда-какъ предъ суффиксами съ ъ, ь и въ большинствѣ случаевъ съ о, е этого сокращенія не находимъ. Такъ-какъ гласный долгій суффикса находился подъ восходящимъ удареніемъ, слѣд. долженъ былъ въ сербскомъ сократиться, то сокращеніе предшествующаго коренного гласнаго предъ нимъ было бы непонятно, какъ сербское явленіе, замѣчаетъ ак. Шахматовъ.

Сокращеніе коренного гласнаго въ такомъ положеніи могло произойти въ эпоху до сокращенія восходящей долготы въ сербскомъ, но это еще не значитъ: — непремѣнно въ общесловянскую.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ак. Шахматовъ указываетъ и на чешскія: družina (впрочемъ краткость и въ druh), krupice, měřice при kroupa, míra.

Анализъ приведенныхъ польскихъ примѣровъ самъ по себѣ не даетъ твердыхъ результатовъ: dębina, miękina, prężyna, dziesięcina, golębica, pajęczyna, zajęczyna какъ разъ не могутъ имѣть значенія въ вопросѣ, такъ-какъ стоятъ подъ вліяніемъ — dęba, dębu и т. д. (ср. dębczak, dębczyna, dębianka, dębiasty, dębiany, dębica, dębiec, dębniak, dębnica), mięki, pręga, dziesięć, gołębia, gołębiu и т. д., pajęczy, zajęczy; также ręczyna могло возник-

нуть подъ вліяніемъ ręka, ręczny, ręczyć; gołębię — gołębięcia подъ вліяніемъ golębia; чередованіе grędzidło и grądzidło объясняется параллельнымъ существованіемъ grzęznąć при grząznąć; при словѣ kąpiel необходимо помнить глаголъ kąpać; обратныя — gąsięcia, gołąbięcia могли возникнуть подъ вліяніемъ формы nom. s. gąsię, gołąbię гдѣ сохраненіе долготы предъ ударяемымъ гласнымъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что гласный этотъ — въ конечномъ открытомъ слогѣ очень рано сократился.

Остаются: grądziel — grądziela, kądziel — kądziela, но чешскій указываетъ въ этихъ случаяхъ на суффиксъ -el, а не -ĕlь: koudel—koudele, hřídel—hřídele; далѣе rączyna (ręka), которое однако стояло въ соотвѣтствіи съ (нефонетическимъ) rączka, и sąsiad.

Но и въ послѣднемъ примѣрѣ, въ виду его единичности, нельзя видѣть доводъ противъ мысли ак. Шахматова. Префиксъ są въ этомъ словѣ могъ стоять подъ вліяніемъ иныхъ аналогичныхъ образованій, хотя бы и исчезнувшихъ въ польскомъ.

Иныя образованія съ суффиксами, какъ cielęcina, przędziwo, jagnięcina, prosięcina, stępica, częstość см. Arch. XIX, 359 с. иллюстрируютъ правило, установленное въ 4 главѣ: долгота подъ удареніемъ сокращается (ср. р. телятина, с. јагњетина, прасетина, стуница, предиво).

Особо должны быть разсмотрѣны случаи, гдѣ долгимъ является въ силу положенія предъ удареніемъ не гласный корня, но гласный суффикса.

Сюда въ польскомъ относятся суффиксы -ář, -ák, -áč, -ál.

Производныя съ суффиксомъ -ar, какъ показываетъ сербскій и русскій, имѣли два типа ударенія: въ однихъ суффиксальное -а находилось первоначально въ положеніи предъ удареніемъ, въ другихъ — послѣ ударенія: ср. с. врàтāр, глàвāр, звјèздāр, злàтāр, звòнāр, крчмāр, лèкāр, господàр; gen. s. — вратáра, главáра, звјездáра, златáра и т. д. и — рńбāр, млńнāр, пушкāр, пèкāр, пńсāр при пńсāр; gen. s. рńбāра, млńнāра, пушкāра и т. д.

Въ русскомъ: звонáрь—звонаря́, главáрь—главаря́, косáрь—косаря́, пушкáрь—пушкаря́, но: пи́сарь, лѣ́карь, пе́карь.

Эти двѣ схемы могли затѣмъ слиться въ одну или же вліять одна на другую въ томъ или другомъ словянскомъ языкѣ; въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣчается между отдѣльными языками разногласіе: ср. р. лѣ́карь съ с. лѐкâр—лекáра и малор. лікáр, чак. lekár—lekārá, с. пу̏шкâр и р. пушкáрь, с. мли̏нâр, но бѣлор. млинáръ.

Въ чешскомъ языкѣ отражается первоначальная двойственность: hvězdář—hvězdáře, krčmář—krčmáře, hospodář—áře, rybář—áře, mlynář—áře; въ этихъ примѣрахъ долгота сохранена въ виду положенія ā предъ старымъ удареніемъ (по крайней мѣрѣ въ косвенныхъ падежахъ, откуда она могла быть перенесена и въ nom. s.), хотя въ сербскомъ ри̏бâр; съ другой стороны—zvonař не смотря на русское звонáрь—я́ и с. звò̀нâр—звонáра, lékař—соотвѣтственно русскому лѣ́карь, puškař ср. с. пу̏шкâр, pekař ср. р. пе́карь и с. пе̏кâр, pisař ср. с. пи̏сâр и р. пи́сарь.

Въ этихъ, второго типа примѣрахъ краткость должна быть объясняема положеніемъ ā послѣ ударенія.

Словацкій проводитъ долготу и во второй типъ: mlynár, hviezdár, zvonár, krčmár, hospodár, rybár и—pekár, pisár, zvonár, lekár.

Въ польскихъ говорахъ также сохранились указанія на первоначальную двойственность.

Въ Свяжендзѣ слышалъ я лишь формы съ рефлексомъ долготы: gospodoš—oža, kozloš—kozloža, skotoš—oža, lekoš—lekoža. Но, напримѣръ, въ говорѣ Krzęcina Rozpr. II s. XI, 341 с. находимъ при случаяхъ сохраненія долготы во всей схемѣ склоненія, какъ: „oknář—ářa, stolář—ářa, mųenář—ářa, примѣры краткости въ косвенныхъ падежахъ: pisařa, pekařa, malařa, послѣднее слово заимствованное; первые два ср. съ р. пе́карь, пи́сарь, с. пе̏кâр, пи̏сâр и ч. pekař, pisař. Долгота же въ формѣ им. п.—pekář, pisář—результатъ вторичнаго удлиненія въ закрытомъ слогѣ предъ r.

Сокращеніе въ косвенныхъ падежахъ, какъ и въ чешскомъ, должно быть объясняемо положеніемъ долготы (вѣроятно, нисходящей) послѣ ударенія.

То же ср. въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 83 с.: gospodář — ářa, řeźbář — ářa, stolář — ářa, krovář — ářa, но: ṕisář — pisařa, mynář — ařa, kuchář — ařa, ṕekář — ařa, łgár — ařa, lékář — ařa, karčmář — ařa.

Въ зебржидовскомъ Rozpr. VIII, 191 с.: stolář — ářa, ^{u}ovcář — ářa, gospodář — ářa, śv́iṅář — ářa, но: mynář — ařa, ṕekář — ařa, ṕisář — ařa.

Въ кашубскомъ, повидимому, типъ съ долготой обобщенъ: lèkôř — ôřa, pisôř — ôřa, młénôř — ôřa, stolôř — ôřa, karčmôř — ôřa, kuchôř — ôřa, kramôř — ôřa (заимствованное — ср. въ лясовскомъ говорѣ kra^{e}mář — ařa, ч. kramář, с. кра̀ма̑р — крама́ра).

Суффиксъ — ač. Сербскій и русскій указываютъ на одинъ лишь типъ: съ первоначальнымъ удареніемъ окончанія: с. да̀ва̄ч — дава́ча, расѝпа̄ч — расипа́ча и т. п.; р. уса́чъ — усача́, рога́чъ — рогача́, кола́чъ — колача́ и т. п.

Въ чешскомъ въ виду правила о сохраненіи долготы предъ старымъ удареніемъ: boháč, koláč, oráč, roháč и т. д. (словац. boháč, koláč, oráč и т. д.). То же въ польскомъ и кашубскомъ: — ср. сважендзскія rogoč, groč, bogoč и аналогичные примѣры въ другихъ говорахъ rogo^{u}č, k$_{u}$oło^{u}č, gro^{u}č въ Miejsk'ой Górk'ѣ, Rozpr. IX, 117 с., tkác, k^{u}ołác, grác, b^{u}ogác въ лясовскомъ Rozpr. VIII, 83 с. и др. см. II гл. 105 с.

Въ кашубскомъ — у Рамулта: bajôč, kœłôč, grôč, tkôč.

Суффиксъ -ak. Въ сербскомъ два типа: съ удареніемъ флексіи или корня: ру̑дња̑к, ӱ̏ја̑к, кӣ̏ја̑к, лӣ̏ња̑к и т. п. и шѝша̑к, лѐжа̑к, кр̀жа̑к и т. п.

Въ русскомъ лишь первый типъ: проста́къ, рыба́къ, земля́къ, моря́къ и т. д.; gen. s. простака́, рыбака́ и т. д. То же въ чешскомъ, словацкомъ, польскомъ, кашубскомъ: гласный -ā суффикса предъ удареніемъ сохраняется долгимъ: ч. junák, rybák, žebrák,

spěvák, chudák, husák и т. д., словацк. junák, chudák, tesák и т. п.; сважендзскія — žebrok, robok, polok, rybok, łajdok, bijok, ćelok, d͡žećok, kurčok, pśok; то же въ иныхъ говорахъ ср. II гл.; каш. bjèdôk, rébôk, robôk, kurčôk и т. д.

Суффиксъ -al. Въ сербскомъ два типа: бо̏га̂љ, гу̏ба̂љ, ку̏са̂љ и т. п. и 2) дрòзда̂љ, мр̀ка̂љ и т. п.

Въ русскомъ суффиксъ очень рѣдокъ и встрѣчается лишь съ удареніемъ суффиксальнаго гласнаго: ср. кова́ль—кова́ля, враль. Въ чешскомъ ср. nosál. Въ польскомъ всюду долгота во всѣхъ падежахъ: сваж. kovol—kovola, лясовск. k^{u}ovál, moskál, drôgál, guorál Rozpr. VIII, 83 с.; зебржид. kovál, górál, drǫgál, vǫsál, moskál, въ gen. s. — ála. Типъ съ краткимъ -a не засвидѣтельствованъ. Въ кашубскомъ: kœvôl, vǫsôl, mœskôl,—gen. s. — ôla.

Въ древне-польскомъ ср. czubaacz, przebiwaacza, jednaaczem, pyssaarz Семен. 16 с.

Анализъ сложныхъ суффиксовъ, какъ -áček, -ášek — ср. напримѣръ въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 83 с.—v^{u}ojácek, ptásek или въ Łukowcu Spraw. V, 152 с. chłopácek, fruktásek и. т. п. — не представляетъ интереса, такъ какъ суффиксы эти стоятъ подъ вліяніемъ простыхъ: v^{u}ojácek подъ вліяніемъ v^{u}oják, ptásek подъ вліяніемъ pták; затѣмъ такой суффиксъ -ášek или -áček могъ быть переносимъ и на слова, не имѣвшія производныхъ съ суффиксомъ -ák.

Правило о сохраненіи долготы предъ старымъ удареніемъ иллюстрируется и такими примѣрами, въ которыхъ «наклоненный» гласный относится къ префиксу: ср. въ Сважендзѣ примѣры, какъ norut: с. нáрод, р. нарóдъ; zokun: с. зáкон, р. закóнъ; zochut: с. зáход; въ Krzęcinie: návoz: р. навóзъ; nápařtek: р. напéрстокъ; zábawa: р. забáва, с. зáбава; zámek: р. замóкъ; zádatek: р. задáтокъ Rozpr. II s. XI, 341; въ опольск. zá^{u}leśe: р. залѣсье; ná^{u}prawa: с. нáправа; ná^{u}pŕód: р. напередъ, с. нàпрѐд Ueber d. opp. M. 10 с.; въ Miejsk. Górk'ѣ: zo^{u}połka, zo^{u}ćerka, zo^{u}sługa, zo^{u}sufka Rozpr. IX, 119 с. Въ др.-польскомъ: zaakonnich Семен. 16 с.

То же — въ кашубскомъ: nôpřòd, nôròd, zôgarda, zôgòn, zôchòd, zôkòn, zômk и т. п.

Въ чешскомъ: zábava, záduch, záchvat, záplata, nástava, národ, nárok, zákon и т. п.; въ словацкомъ: nárok, národ, zástava, zákon и т. д.

Если вѣрна гипотеза ак. Шахматова, что старая долгота въ положеніи предъ долгимъ ударяемымъ гласнымъ сокращалась уже въ общесловянскомъ, то фонетическими должно признать только тѣ изъ приведенныхъ примѣровъ, въ которыхъ гласный корня кратокъ: zākon, nārod и т. п. Изъ этихъ примѣровъ долгота могла быть перенесена и въ такіе случаи, какъ zābava, zāsluga. Такъ-какъ всѣ примѣры такого рода тѣсно ассоціировались въ одну группу, то взаимное вліяніе ихъ было неизбѣжно.

Долгота первоначально долгихъ гласныхъ предлога переносилась и на первоначально краткіе гласные: ч. dûkaz, dûchod, spûsob.

ср. ак. Шахматовъ «Объ общихъ явленіяхъ въ греческомъ и славянскомъ удареніяхъ» 2 с. Сборникъ статей въ честь проф. Корша.

Въ иныхъ случаяхъ долгота являлась подъ вліяніемъ аналогіи въ польскомъ въ положеніи, гдѣ она не могла сохраниться: въ Сважендзѣ: zoduch ср. с. за̏дȳх; въ говорѣ с. Krzęcina Rozpr. XI, 341 с. — zápowédź ср. р. за́повѣдь и с. за̏новйд, nálezy śe ibid. ср. с. налѐжати се — налѐжѝм се; záviść (напр. опольское Opp. M. 10 с.) соотвѣтствуетъ с. за́вист при р. за́вись, кашубское zôpis ср. съ с. за́пис, но р. за́пись.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ изслѣдователи отмѣчаютъ краткость первоначально долгаго гласнаго предлога: zaspómoga, zakųad, zakrę̏t Krzęc. 341 с. — ср. р. закла́дъ, с. за́клад. Эти случаи, должно быть, фонетическія: zaspómoga изъ *zaspomóga; второй и третій примѣры быть можетъ — въ виду закона, принимаемаго ак. Шахматовымъ.

Такъ-какъ вліянія аналогіи въ данной категоріи несомнѣнны, то анализъ каждаго отдѣльнаго случая не имѣетъ интереса.

Замѣчу лишь, что въ такихъ примѣрахъ, какъ dlo mńe (Сва-

жендзъ) долгота могла получиться въ виду положенія гласнаго въ закрытомъ слогѣ внутри сочетанія предъ m; отсюда долгота могла переноситься и въ иныя положенія, какъ dlo ńego (Сважендзъ). Въ др.-польскомъ ср пааn изъ nā-nь = in eum, ną́ń, zą́ń, dlą Семен. 16, 27 сс.

Во флексіи долгота является въ instr. s.: syném, drzevém, polém; dat. pl. synóm, drzevóm, gľovám; въ gen. pl. synóv, polóv (флексія -óv въ говорахъ переносится въ имена средняго и даже женскаго рода); ср. въ др.-п. woleem, brateem instr. s., synoow g. pl. synoom dat. pl. Семен. 18, 20 сс. Въ этихъ случаяхъ долгота явилась вслѣдствіе вторичнаго удлиненія.

Въ dat. pl. fem. въ современномъ языкѣ -ám (-um Сваж.), въ др.-п. -aam: mąszatkaam Семен. 16 с.; флексія находилась въ извѣстныхъ словахъ въ положеніи послѣ ударенія (ср. р. жа́бамъ, с. жа̑бама) и вѣроятно сохраняла долготу гласнаго (повидимому восходящую: ру́ки — рука́мъ, с. ру̑ке — ру́кама), въ другихъ — подъ удареніемъ сокращалась (р. хвала́мъ, с. хва́лама). но въ виду слѣдующаго согласнаго въ закрытомъ слогѣ получало удлиненіе; ср. въ кашубскомъ -ōm Bronisch 55 с., въ чешскомъ и словацкомъ -ám. Instr. pl. и loc. pl. fem. въ современныхъ говорахъ оканчивается на -ami, -ach (напр. въ Сваженлзѣ) ср. въ кашубскомъ -āmī, -ăch, съ рефлексомъ краткости -a Bronisch 55 с. Въ древне-польскомъ -āmi, -āch: robotaami, dzedzynaami, syostrąmi, ranaach, godzynaach Семен. 16 с. Въ чешскомъ и словацкомъ -ami при -ámi, -ách. Вѣроятно, древне-польскія -āmi, -āch, возникли въ положеніи послѣ ударенія и затѣмъ были переносимы на иные случаи, гдѣ гласный -a находился подъ удареніемъ и слѣд. долженъ былъ сократиться. Быть можетъ, вліяли также примѣры, какъ sądzaach Семен. 16 с., гдѣ ā получилось изъ стяженія. То же толкованіе должно быть приложено къ словацкому -āmi при -ami и -āch, такъ-какъ восходящая долгота (ср. р. рука́ми при ру́ки) подъ удареніемъ здѣсь, какъ и въ польскомъ, сокращается. Въ современныхъ польскихъ говорахъ типъ chvalámi, chvalách̆ъ очевидно одержалъ верхъ и -ămi, -ăch

вытѣснило -āmi, -āch, возникшія въ примѣрахъ типа žábāmi, žábāchъ.

Въ чешскомъ и въ примѣрахъ типа chvalámi, chvaláchъ долгота суффикса должна была сохраниться; chvālámi должно было дать chvălámi, но такъ какъ коренное a было долгимъ въ иныхъ падежахъ, то долгота его поддерживалась и въ данной формѣ; оттого, быть можетъ, сократилось второе ударяемое -a; получившееся такимъ образомъ -ami могло быть переносимо и на другіе случаи.

Долгое — a является далѣе въ др.-п. въ nom. s. f.: sprawá, rąká, wyná, slyachtá Prace Fil. II 1, 131 с. и въ gen. s. m.-n.: krolą, occzą=patris, obyczają, myeszyǫ́czaą, dyablą, bogą, paną, roką, Rzijmą, Egyptą, lupiestwą, prawą Семен. 26 с.; то же въ nom.-acc. pl. n. — slová; polyá Prace Fil. II 1, 132 с. Въ этихъ случаяхъ др.-п. долгота скорѣе всего — фактъ графическій: приведенные примѣры явились подъ вліяніемъ параллельныхъ формъ nom. s., какъ sądzaa, braczaa, panoszaa, burzaa Семен. 15 с., и формъ nom. pl., gen. s. n., какъ polozenyą, pokolenyaa, zbauenaa=salutis ibid.; въ формахъ gen. s. аналогія сперва могла захватить имена ср. р., какъ polyá, pravá, lupiestwą, затѣмъ распространилась и на формы мужескаго рода.

Долгое—e является въ др.-польскомъ въ флексіи gen. s. fem.: rolee, braczee, pusczee Семен. 20 с.; въ dat. s. f. komorzee ibid.; въ loc. s. m.-n.: dworzee, lyeczyee ibid.; nom.-acc. pl. f.: przythczee, sądzee, czyesszee, rolee ibid., loc. pl.: lyeczeech, grodzeech ibid. 21 с.

Флексія — e въ gen. s., nom.-acc. pl. именъ темы -ja въ древне-польскомъ соотвѣтствуетъ древне-русской флексіи этихъ именъ — ѣ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ, какъ лясовскій, она сохранилась до сихъ поръ ср. Rozpr. VIII. 129 с.: ze studńe, z kuzńe, v^{u}ole gen. s., z fra^{e}ncyje; въ другихъ, какъ сважендзскій, замѣнилась флексіей -i, подъ вліяніемъ ф. gen. s. góry, żeny и т. п.

Долгота этого -e въ braczee, sądzee объясняется стяже-

піемъ, по аналогіи она распространяется и на такія имена, какъ rola, puszcza, такъ же, какъ и въ формахъ nom.-acc. s.

Флексія —ēch въ loc. pl., вѣроятно, обязана сохраненіемъ долготы въ ě положенію послѣ ударенія. Съ теченіемъ времени она была вытѣснена флексіей -a темъ: -ach.

Единичные примѣры долготы въ dat. s. komorzee и loc. s. dworzee, lyeszee врядъ ли имѣютъ фонетическое значеніе.

Лось Prace Fil. II 1, 134 с. приводитъ нѣсколько примѣровъ флексіи -ǫ́ch въ древне-польскомъ въ формахъ loc. pl., — съ ǫ́=ó: luzǫ́ch, moczǫ́ch. Эта загадочная флексія врядъ ли не результатъ вліянія dat. pl. на -om: mężóm, końóm, polóm; отношеніе krovamъ: krovachъ, *synъmъ: *synъchъ вызвало, быть можетъ, panochъ или krajochъ, polochъ при panomъ, krajomъ, polomъ; такъ какъ въ послѣднихъ формахъ — o — являлось долгимъ вслѣдствіе вторичнаго удлиненія, то долгота эта могла быть перенесена и на новое -och.

Въ области чешскаго языка -och также встрѣчается не только въ говорахъ словацкихъ, гдѣ ъ измѣняется въ o, но и въ моравскихъ ср. Gebauer Hist. Ml. III 1, 61 с.

Въ мѣстоименномъ склоненіи долгота является въ формахъ личныхъ мѣстоименій: já, vás, nás, vám, nám (въ Сважендзѣ jo, vos, nos, vum, num) ср. эти формы напр. въ лясовскомъ говорѣ Rozpr. VIII, 136, 137 сс. и др. см. 107 с.

Происхожденіе долготы въ já, вѣроятно, объясняется вторичнымъ удлиненіемъ, явившимся въ *jazъ ср. Beitr. VIII, 224 с.; такъ можно думать въ виду словацкой краткости: -ja; вообще же показанія отдѣльныхъ языковъ не сходятся, и происхожденіе данной формы неясно: с. jâ не соотвѣтствуетъ чешскому já. Быть можетъ, двойственность ударенія формы явилась вслѣдствіе двойственности ея употребленія: энклитическаго и самостоятельнаго; въ чешскомъ долгота въ такомъ случаѣ могла сохраниться при энклитическомъ употребленіи — предъ ударенiемъ. Въ кашубскомъ также долгота: jô. То-же обстоятельство могло играть роль въ развитіи формъ nás, vás, nám, vám: польскому nás, vás

ср. др.-п. nąsz Семен. 28 с.=nos,—соотвѣтствуетъ и словацкая, и чешская долгота: nás, vás, но въ сербскомъ — на̑с, ва̑с; если согласныя показанія польскаго, словацкаго и чешскаго возводить къ ф. *nāsъ́, vāsъ́, то сербская форма получилась такъ же, какъ и форма гри̏јех (при gen. s. гријѐха) — изъ *grěchъ́. Но возможно и то, что чешско-словацкія и польскія формы — результатъ сохраненія старой долготы въ виду извѣстнаго отношенія къ ударенію въ энклитическихъ сочетаніяхъ. Въ кашубскомъ рефлексъ краткости: nās, vās Bronisch 65 с.

Сербскія формы на̏ма, ва̏ма, если онѣ вѣрно отражаютъ первоначальныя акцентуативныя отношенія, гармонировали бы чешскимъ nám, vám, но изъ первоначальнаго восходящаго ударенія коренного гласнаго необъяснимы словацкія nám, vám и польскія nám, vám (др.-п. naam, vaam Семен. 15—16 сс.) ср. каш. nõm Bronisch 65 с. Въ этихъ языкахъ долгота могла сохраниться въ виду сохраненія ея въ энклитическихъ сочетаніяхъ, въ польскомъ и кашубскомъ также въ виду вторичнаго удлиненія.

Польское sám (сваж. sum, параллели изъ другихъ говоровъ см. на 107 с.), др.-п. sąm Семен. 28 с., каш. sôm, быть можетъ получило долготу вслѣдствіе вторичнаго удлиненія, ибо въ открытомъ слогѣ краткость — sama, samo, каш. sama, samo; однако сербскій и русскій указываютъ на первоначальное удареніе окончанія: с. са̑м — са́ма, са́мо, р. самъ — сама́ — само́.

Чешско-словацкія формы: (sám)—sama, samo также не соотвѣтствуютъ показаніямъ русскаго и сербскаго языковъ.

Въ польскихъ формахъ притяжательныхъ мѣстоименій — mój, tvój, svój — вторичное удлиненіе.

Въ др.-польскомъ въ соотвѣтствіи современному, напр. сважендзскому, naš находимъ *nāš: nąsch, nąscha, nąschych Семен. 28 с. Не рѣшаю, имѣютъ ли эти факты фонетическое значеніе или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ современная польская и кашубская формы соотвѣтствуютъ краткостью гласнаго русскимъ и сербскимъ показаніямъ: р. нашъ — на́ша — на́ше, с. на̏ш — на̏ша,

на̏ше; но въ чешскомъ противъ ожиданія — naše при náš, vaše при váš (словацкое náš, váš).

Общепольское który (ср. опольское ktory Ueber opp. M. 16 c.) сохранило быть можетъ результатъ вторичнаго удлиненія въ формѣ *ktōrъ.

Вторичнымъ же удлиненіемъ до́лжно объяснять долготу въ káždy, сваж. koždyj (ср. др.-п. kaaszdi Семен. 17 с.); происхожденіе долготы въ žádny (сваж. žodnyj) ср. др.-п. ządnego = nullius Семен. 28 с. не вполнѣ ясно, такъ-какъ неясна этимологія слова. Миклошичъ Etymol. Wört. 409 с. считаетъ польское žádny заимствованіемъ изъ чешскаго žádný, а это послѣднее ставитъ въ связь съ корнемъ žęd-, но такое объясненіе врядъ ли пріемлемо. Въ польскомъ — žádny и žądny по значенію строго различаются, а въ чешскомъ žádny скорѣе звуковое совпаденіе двухъ различныхъ словъ, чѣмъ одно слово съ двумя значеніями.

Удачнѣе этимологіи Бругмана Indog. F. V, 375. Вѣроятно, п. žádny — вслѣдствіе вторичнаго удлиненія.

Что касается формъ téch, tém, témi у изслѣдователя лясовскаго говора Rozpr. VIII, 137 с., то я сомнѣваюсь въ вѣрности ихъ написанія у автора: формы эти соотвѣтствуютъ старо-словянскимъ тѣхъ, тѣмъ, тѣми; въ другихъ говорахъ, какъ напр. въ Сважендзѣ, находимъ tych, tym, tymi — по аналогіи dobrych, -ym, -ymi. Вѣроятно, и формы лясовскія слѣдуетъ писать съ у. Такъ же непонятны мнѣ лясовскія mojéch, mojém, mojémi вмѣсто mojich, mojim, mojimi ibid. 138 с.

Обращаюсь къ формамъ прилагательныхъ.

Первоначальные типы формъ прилагательныхъ, на которые указываетъ сербскій: бла̑г — бла́га — бла́го, ма̑л — ма̑ла — ма̑ло, пу̏н — пу̏но — пу̏но, — въ словянскихъ языкахъ болѣе или менѣе смѣшались. Соотвѣтствующіе типы полныхъ прилагательныхъ также оказали взаимное вліяніе другъ на друга; быть можетъ, этимъ объясняется сербское би̏јели̑ при бијéла — бијéло и обратно — ду̀ги̑, мѐки̑ при ду̏г — ду̏га — ду̏го, ме̏к, ме̏ка, ме̏ко. Но какъ бы ни объяснялось это различіе между формами полными и краткими относительно ударенія, взаимное вліяніе тѣхъ и другихъ формъ нарушало первоначальныя отношенія. Та-

кимъ образомъ, въ показаніяхъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ уже не находимъ строгаго соотвѣтствія: ср. р. с-полна́, полна́, полно́ при по́лный (и по́лно) и с. пу̏н — пу̏на — пу̏но, р. стара́ — старо́ при ста́рый и с. ста̏р — ста̏ра — ста̏ро, р. толста́ при то́лстый и с. ту̏ст—ту̏ста—ту̏сто, р. мягка́ при мя́гко, мя́гкій и с. ме̏к — ме̏ка — ме̏ко. Мы видимъ, что показаніямъ сербскихъ краткихъ формъ иногда болѣе соотвѣтствуетъ русская полная форма, чѣмъ краткая; чешскія husto adv., hustý, tup — tupa — tupo, slep — slepa — slepo — slepý не гармонируютъ сербскимъ слијѐпа — слијѐпо, ту́па — ту́по, гу́ста—гу́сто и русскому густо́й (гу́сто), слѣпа́ — слѣпо́й (но слѣ́по), тупа́ — тупо́й.

Въ польскомъ находимъ съ рефлексомъ долготы:

ƀáły (Сваж. ƀoły) см. 110 с., ср. Семен. biaal 17 с.: р. бѣла́ (но бѣ́лый), с. бе̏о — бијѐла — бијѐло.

śvìžyj Сваж.: р. свѣжа́, свѣжо́ (но свѣ́жій), ч. svěží.

čórnyj Сваж. и др. см. 110 с., каш. čôrny: р. черна́, черно́, с. цр̏на, цр̏но, словацкое čierný.

stáry въ Łukowcu Spraw. V, 152 с., stâra Семен. 59 с., каш. stôri, вопреки с. ста̏р — ста̏ра — ста̏ро и р. ста́рый при стара́.

mȍrtvy см. 110 с.: р. мертва́, мертво́, но ме́ртвый.

krótki (krutki Сваж.): р. коротка́, но коро́ткій, с. кра́так.

Наоборотъ, съ рефлексомъ краткости: —

сваж. šḿałyj: р. смѣ́лый, смѣ́ло adv., ч. směle adv., smělý.

сваж. levyj, каш. levy: с. љ̏јевӣ, р. лѣ́вый, лѣ́во.

сваж. ṕešyj, с. пје̏ше, р. пѣ́ше, пѣ́шій.

сваж. ślepyj, каш. slepœ, slepy: р. слѣ́по adv. но — слѣпа́, слѣпо́й, с. слијѐпа — слијѐпо, чеш. slep, slepý.

сваж. twardyj: с. тврда́, тврдо, но р. твёрдо, твёрдый.

сваж. połnyj — с. пу̏н — пу̏на — пу̏но, но р. с-полна́, полно́ при по́лно, по́лный.

cały Rozpr. VIII, 72 с., но cały Spraw. V, 151 с.: р. цѣ́лый, но с. ц̏ијел — цијѐла, цијѐло (ц̏ијелӣ, ц̏ијела̂, ц̏ијело̄).

п. gęsty, каш. gąsti: р. гу́сто, но густо́й; с. гу́ста — гу́сто, ч. husto adv. hustý.

п. kręty, каш. krąti: р. крутóй, но крýто, с. крýта — крýто.

сваж. młody, каш. młodi: р. молодá, молодóй, но мóлодъ, мóлодо, с. мла́да — мла́до.

п. święty, каш. swiąti: р. святóй, но свя́то, с. свéта — свéто.

п. tęgi, каш. tądźi: р. тугóй, но тýго, с. тýга — тýго.

п. tępy, каш. tąpœ: р. тупóй, но тýпо, с. тýпа — тýпо.

п. częsty, каш. čąsti: р. ча́стый, ча́сто, но с. чéста — чéсто.

сваж. zdrovyj, каш. zdrowœ; р. здорóво при здóрово, здорóвый, с. здра̏в — здра̏ва — здра̏во.

п. miękі: р. мя́гкій, мя́гко adv., с. мѐк — мѐка — мѐко.

Чтобы покончить съ прилагательными, остается замѣтить, что измѣненіе употребляющагося для образованія превосходной степени -naj- въ náj- т. е. nāj (сваж. noj-) обусловлено переходомъ стараго і въ неслоговое: потеря слогового качества въ і отразилась удлиненіемъ предшествующаго слога.

Въ формахъ числительныхъ: jedyn изъ jedьnъ, др.-п. jedęn Семен. 29 получило ē (é, у) вслѣдствіе вторичнаго удлиненія. Др.-п. dwą т. е. *dwā Семен. 26 с. въ отдѣльномъ употребленіи врядъ ли — фонетическая форма; она, быть можетъ, существовала въ энклитическомъ употребленіи или въ сложномъ *dvānāśće, если ударепіе падало на слѣдующій слогъ.

Въ формахъ др.-п. piączinąscie Семен. 28 с., современныхъ jedynośće, dvanośće, tšynośće и т. д. (Сважендзъ ср. параллели въ другихъ говорахъ на 106 с.) — o изъ á — ā получилось или въ виду удлиненія a въ формахъ dvanadesęte и т. д. вслѣдствіе выпаденія слѣдующаго слога или въ виду стяженія: dvanadesęte> *dvanaesęte *> dvanaeste > dvanāśće ср. с. jedàпаест, двáпаест, трúпаест, а въ говорахъ jedàпēс, двáпēс, трúпēс, напр. въ сараевскомъ, дубровницкомъ Rad 121, 203 с.; 65 т. 156 с. 174 с. Если a въ dva — въ сложномъ dvanāśće было долгимъ въ виду положенія предъ удареніемъ, то оно или сокращалось въ виду долготы ударяемаго слога, или же краткость являлась изъ Ф. dva въ отдѣльномъ употребленіи.

Въ порядковыхъ: въ др.-п. wtooге Семен. 19 удлиненіе воз-

никло въ ф. vtorъ; современное čvárty (Сважендзъ — čvortyj, Miejsk. G. čwo^{u}rty Rozpr. IX, 119 и др. ср. 2 гл.) получило долготу не фонетически, такъ-же, какъ и piąty, szósty, siódmy, óśmy: подъ вліяніемъ *vъtorъ́, šestъ́, sedmъ́, osmъ́ получили удареніе окончанія и četvьrtъ, pętъ (ср. р. второ́й, шесто́й, седмо́й, восьмо́й при тре́тій, четве́ртый, пя́тый); въ такихъ, полученныхъ нефонетическимъ путемъ, условіяхъ могла сохраниться долгота и въ čvárty, piąty. Подъ обратнымъ вліяніемъ pę̄tъ́, četvьr̄tъ́, также vъtōrъ́ могла явиться долгота въ šósty, śódmy, óśmy; въ силу тѣхъ же вліяній находимъ долготу и въ dzieviąty, dziesiąty.

Въ формахъ нарѣчій: tero, zaro или terou̯, zarou̯ долгота объясняется удлиненіемъ въ terāz, zarāz ср. Beitr. VIII, 224 с.; то же въ dźiśo изъ dźiśāj, др.-п. dzyszya Семен. 27 с., др.-п. thakoosz Семен. 19 с., въ союзахъ choćoš (изъ choćāž), др.-п. yakoosz Семен. 19 с.

Закончу обзоръ грамматическаго матеріала глагольными образованіями.

Глагольнымъ образованіямъ съ носовымъ въ корнѣ посвятилъ отдѣльную главу своего изслѣдованія Лоренцъ Arch. XIX, 366—375 сс. Приведенный имъ матеріалъ въ общемъ подтверждаетъ основные законы развитія польской долготы: подъ удареніемъ старая долгота сокращается, предъ удареніемъ сохраняется.

Остановлюсь на инфинитивныхъ образованіяхъ съ иными гласными въ корнѣ. Односложные infinitiv'ы, какъ vléc, róść, mřeć и т. д. были уже разсмотрѣны въ 10 главѣ.

Изслѣдователи отмѣчаютъ инфинитивныя формы третьяго и четвертаго, изрѣдка второго класса съ рефлексомъ долготы въ коренномъ гласномъ ср. Rozpr. VIII, 82, 189 сс.; IX, 155, 124 сс.; XI, 152—153 сс.; II s. V, 374 с.; XI, 340 с. Spraw. V, 151 с. и другія.

Приведу тѣ изъ нихъ, параллели которымъ можно легко указать въ другихъ словянскихъ языкахъ, опредѣляющихъ первоначальное мѣсто ударенія.

dávać Rozpr. XI, 152 с.: р. дава́ть, с. да́вати.

gádać Сваж.: р. гада́ть.

kázać Сваж.: р. с-каза́ть, по-каза́ть и т. п., с. ка́зати; ср. отглагольное существительное kázańe. Сваж.

látać Rozpr. II s. XI, 340 с.: р. лета́ть (правильнѣе: лѣтать), с. лиjѐтати.

máv̨ać Rozpr. IX, 155 с., rozmáv̨áć Spraw. V, 151 с.: м.-р. розмовля́ти, б.-р. размовля́ць.

n̈ögrádzać Rozpr. IX, 155 с: р. ограждáть.

náprav̨ać Rozpr. XI, 152 с.: р. направля́ть.

pomágać Сваж.: р. помага́ть, с. пома́гати.

pře̋guńać Сваж.: р. прогоня́ть.

skákać Сваж.: р. скака́ть, с. ска́кати.

zarábáć Rozpr. IX, 155 с.: б.-р. заробля́ць.

bádać Rozpr. IX, 155 с.: с. ба́дати (съ инымъ значеніемъ).

łámać Wisła IV, 447 с.: р. лама́ть.

upádać Сваж.: р. упада́ть.

źévac (źivać) Сваж. р. зѣва́ть, с. зиjѐвати.

bylić (sic т. е. bilić изъ bélić) Mat. i prace I 1, 56 с.: р. бѣли́ть, с. биjѐлити.

chválić Сваж.: р. хвали́ть, с. хва́лити.

pálić Сваж.: р. пали́ть, с. па́лити.

vábić Rozpr. IX, 155 с.: с. ва́бити.

udávić śe ibid.: р. удави́ться, с. уда́витисе.

sádźić Сваж.: р. сади́ть, с. са́дити.

gžyšyć (т. е. grzéšyć) Сваж.: р. грѣши́ть, с. грujѐшити.

kłóćić (kłućić) Сваж.: р. колоти́ть.

młóćić (młyćić) Сваж.: р. молоти́ть, с. мла́тити.

vr̨óćić Rozpr. IX, 121 с.: р. ворoти́ть.

ličyć (изъ léčyć) Сваж.: р. лѣчи́ть.

u̯łyčyć (изъ vłóczyć) Сваж.: р. волочи́ть.

stšylać (изъ strzélać) Сваж.: р. стрѣля́ть.

Такимъ образомъ, и инфинитивныя формы, повидимому, подтверждаютъ правило о сохраненіи долготы предъ ударе̋ніемъ;

ср. и др.-польскіе примѣры, какъ: nàkàrmić (р. накорми́ть), dáwáć (р. дава́ть), ukàzàć (р. указа́ть), rozmnážác (р. размнажа́ть) Семен. 59 с.

Наоборотъ, краткость въ формахъ: ḿeć Сваж., uḿeć, ḿežyć ibid., begać, chćeć, ćešyć, vygadovać, przykazovać Rozpr. II s. XI, 340 с.—въ виду положенія первоначально долгаго гласнаго подъ удареніемъ: ср. р. пи́ть, уми́ть, ме́рить, бе́гать, хоте́ть (польская ф. изъ chъtětь), те́шить, выга́дывать, прика́зывать.

Отступленія немногочислены: páchnǫć Сваж.: р. па́хнуть; gńévać śe Сваж.: р. гне́ваюсь; płákać Spraw. V, 151 с.; съ другой стороны: dźelić: р. дѣли́ть, śpešyć: р. спѣши́ть Rozpr. IX, 124 с.; śed͡źeć Сваж.: р. сидѣ́ть; ǫbẽsać Сваж.: р. обѣща́ть; ср. въ примѣрахъ Лоренца: dosięgać ср. р. доста́ть, tępić — р. тупи́ть, ręczyć śe — wręczyć ср. р. (по)ручи́ться, вручи́ть, swięćić — р. свяити́ть, dębić — р. дуби́ть, szczęd͡źić — р. щади́ть, gęszczyć — (с)густи́ть, miękczyć — р. мягчи́ть, okręglić — р. округли́ть, jęczeć — с. jéčati, miękczeć — р. мягча́ть, tępieć — р. тупе́ть, zgęścieć — р. густе́ть.

Нѣкоторыя изъ этихъ исключеній легко объясняются вліяніемъ родственныхъ именныхъ образованій: tępić — подъ вліяніемъ tępy, ręczyć — подъ вліяніемъ ręka, święćić — święty, gęszczyć — gęsty, miękczeć — mięki, jęczeć — jęk, dosięgać — sięgu gen. s.

Вообще взаимное вліяніе глаголовъ одного и того же класса нарушало первоначальныя отношенія: подъ вліяніемъ kázać, gádać, źévać и т. д. могло явиться gńévać (śę), płákać, подъ вліяніемъ ḿeťyć, ćešyć — явилось быть можетъ śpešyć, dźelić.

Не знаю, какъ объяснить др.-п. -ā́ć, -ḗć въ такихъ примѣрахъ, какъ spaacz=dormire, daacz=dare, braacz=sumere, kazaacz=jubere, poslaacz=mittere, zalowaacz=accusare Семен. 13 с., myeecz=habere ibid. 19 с. На первый взглядъ является мысль, что въ древне-польскомъ еще не сократилась восходяще ударенная долгота (с. да̀ти, бра̀ти, спа̀ти), но такое предположеніе было бы слишкомъ мало обосновано: въ примѣрахъ долготы въ имен-

ныхъ образованіяхъ этой мысли благопріятствовали бы др.-п. czásu Семен. 30 с. (с. ча̏с), plączem ibid. 27 с. (с. пла̏ч), мѣстоименіе nąsz 28 с. (с. на̏ш), но примѣры эти единичны и рядомъ съ ними—laas; prooch, rzeecz ср. с. ли̏јес, ри̏јеч, пра̑х (р. по́рохъ).

Полагаю, что ā въ данныхъ формахъ явилось нефонетически: въ формахъ daacz, spaacz, braacz — подъ вліяніемъ stāć, dźāć, lāć и т. п., гдѣ ā — изъ стяженія; въ ф.ф. kazaacz, poslaacz — подъ вліяніемъ глаголовъ типа dělati, plákati и т. п., гдѣ суффиксальное а находилось за удареніемъ и, вѣроятно, сохранялось долгимъ, такъ-какъ было восходяще-долгимъ: на это указываютъ сербскія ф.ф. спа̏ти, бра̏ти, косвенное указаніе даютъ и формы дје̏лати, при̏гати, бри̏згати и т. п. при ка́зати—ка̑же̑м, ска́кати—ска̑че̑м и т. п.; различіе между этими двумя типами глаголовъ объясняется тѣмъ, что въ kazati коренной гласный представлялъ долготу нисходящую, гласный же суффикса — восходящую; вслѣдствіе этого происходило перенесеніе ударенія, параллельное перенесенію его въ *bordá при *bórdǫ (удареніе корня въ сербской ф. ка̑же̑м и т. п. — подъ вліяніемъ 2 и 3 л.); наоборотъ, въ при̏гати коренной гласный представлялъ долготу того же типа, что и -а суффикса; оттого перенесенія ударенія не было; параллельныя отношенія въ глаголахъ IV класса ср. въ русскомъ: зо́лото—золоти́ть, по́рохъ — пороши́ть, го́родъ — городи́ть, го́лосъ — голоси́ть (ср. и го́лодъ — голода́ть), но — моро́зъ — моро́зить, горо́хъ — (о)горо́шить.

Въ современныхъ польскихъ говорахъ первоначальная двойственность: dě́lati и *pisáti сгладилась въ пользу второго типа: въ Сважендзѣ, напр.,—znać, grać, čytać, pisać и—dźałać, płakać.

Факты, аналогичные указаннымъ древнепольскимъ и, вѣроятно, одного съ ними происхожденія встрѣчаемъ въ говорахъ: ср. boléć, śedźéć въ прашницкомъ Spraw. V, 80 с. — р. болѣ́ть, сидѣ́ть. Формы эти могли явиться подъ вліяніемъ формъ типа vídětь, гдѣ ě послѣ ударенія сохранялось долгимъ. Въ Сважендзѣ и здѣсь одержалъ побѣду типъ—bolě́ti: vidźeć, какъ и boleć, uḿeć и т. п.

Съ точки зрѣнія ак. Шахматова, принимающаго сокращеніе долготы въ положеніи предъ *долгимъ* ударяемымъ слогомъ, приведенныя инфинитивныя формы съ рефлексомъ долготы въ корнѣ не могли сохранить эту долготу фонетически: вліяли родственныя образованія, гдѣ коренной долгій гласный находился предъ краткимъ ударяемымъ слогомъ, — въ данномъ случаѣ формы настоящаго времени: skākáti не измѣнилось въ skăkáti въ виду вліянія skāčǫ̆; chvālĭti получилось подъ вліяніемъ chvālǫ̆; конечно, изъ gādáti должно было получиться gădać, такъ какъ форма наст. времени gādājǫ также должна была измѣниться въ gădājǫ; но требовать сохраненія этого различія между gādáti и skākáti мы не въ правѣ, такъ какъ gādāti стояло подъ вліяніемъ перваго типа: skākāti, kāzāti и др. Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ отступленій являются съ этой точки зрѣнія фактами фонетическими: ǫobesać ср. obѣщáть—obѣщáю, dosięgać: досягáю, miękczeć: мягчáю, tępieć: тупéю, zgęścieć: густéю.

Вообще же польскій языкъ не говоритъ ясно ни за, ни противъ гипотезы ак. Шахматова; формы praesens'a и infinitiv'a въ немъ въ отношеніи количества не разнятся: brunić (brónić) — bruńe 1 s. pr., kázać—káže, chválić—chvále Сваж., ciągnąć—ciągnę, męczyć—męczę, sępić—sępię и т. д. Иное—въ кашубскомъ; я не могу здѣсь входить въ подробное изслѣдованіе кашубскаго «Verbal-Ablaut», какъ онъ является въ діалектѣ Heisternest'a по Броннишу 56 и сл.: полезно прежде всего собрать больше матеріала изъ другихъ говоровъ, для того, чтобы получить правильное представленіе объ этомъ явленіи; но не могу не замѣтить пока, что въ нѣкоторыхъ кашубскихъ фактахъ мысль ак. Шахматова, повидимому, находитъ себѣ прямое подтвержденіе. Обычная схема кашубскаго Ablaut'a такова: infin. и imperat. представляютъ краткій гласный корня, остальныя формы — долгій.

Противоположность: chrōnić — chrŏńŏ, pšīsac — pšīšŏ, vrōcëc — vrŏcŏ, kąsëc — kǫšŏ, skakac — skôčŏ, kāzăc — kôžŏ — прекрасно соотвѣтствуетъ мысли ак. Шахматова.

Въ формѣ imperativ'a краткость вмѣсто ожидаемой долготы могла бы быть объяснена вліяніемъ повелительныхъ же формъ множ. числа.

Во всякомъ случаѣ, если кашубскій Ablaut обязанъ своимъ возникновеніемъ тѣмъ условіямъ, на которыя указываетъ гипотеза ак. Шахматова, то первоначальныя отношенія нарушены вліяніями аналогіи: подъ вліяніемъ střēlić — střēlŏ явилось — střēlăc—střēlāḍŏ вм. střēlaḍo, затѣмъ gādăc—gôdaḍŏ вм. gādaḍŏ; наоборотъ, подъ вліяніемъ такихъ фонетическихъ отношеній, какъ mëslëc — mëslŏ, явилось sēdzēc — sēdzŏ вм. sēdzŏ, а отношенія типа střēlic — střēlŏ проникли и въ глаголы съ первоначально краткимъ гласнымъ: žēnīc — žēńŏ.

Не буду долго останавливаться на анализѣ другихъ глагольныхъ формъ, какъ причастныя; онѣ отчасти стоятъ подъ вліяніемъ формъ infinitiv'a и praesens'a; отчасти же допускаютъ тѣ же объясненія, что и послѣднія. Такъ, формы partic. praet. act. на —ł въ глаголахъ типа čytáti, bolĕ́ti должны были имѣть -a, -ĕ краткимъ (сократившимся подъ удареніемъ); въ формѣ муж. р.— a, ĕ, получили вторичное удлиненіе: čytoǫ — čytała, boloǫ — bolała въ Сваж. Въ тѣхъ же формахъ отъ глаголовъ типа plákati, vídĕti гласный -a, -ĕ первоначально, вѣроятно, былъ дологъ во всѣхъ формахъ: płakāł — płakāła — płakāło; если теперь находимъ — płakała, płakało, то формы эти явились при płakāł подъ вліяніемъ отношеній čytāł — čytała — čytało.

Долгота въ partic. praet. pass.: др.-п. daan, daana, znaan, myaan, pisaan и т. п. Семен. 13—14 сс. могла явиться отчасти въ зависимости отъ тѣхъ же условій, что и въ иныхъ формахъ тѣхъ же глаголовъ, отчасти въ положеніи предъ удареніемъ: ср. данá, данó. Затѣмъ происходили въ томъ или другомъ направленіи уравненія (Ausgleichungen).

Вообще долгота въ глагольныхъ формахъ нерѣдко должна быть объясняема аналогіей рядомъ стоящихъ глагольныхъ же образованій: др.-п. maayą 3 pl. Семен. 13 с. безъ сомнѣнія явилось подъ вліяніемъ maasz, maa т. е. māsz, mā, быть можетъ

только графически. Въ современномъ языкѣ — напр. въ Сважендзѣ jiš, ji, jimy, jiće ср. лясовск. jés, jé, jémy, jéće Rozpr. VIII, 158 с. возникли при jim (jém) подъ вліяніемъ параллельныхъ отношеній: mám: máš, má и т. д. То же въ ѵiš, ѵi, ѵimy, ѵiće при ѵim (лясовское: ѵém, ѵés, ѵé, ѵéva, ѵéta, ѵémy, ѵéće ibid.).

Болѣе детальный анализъ такихъ фактовъ отлагаю на послѣднюю часть работы, посвященную морфологіи сважендзскаго говора.

13. Къ хронологіи явленій.

Предшествующее изслѣдованіе привело насъ къ слѣдующимъ результатамъ.

1. *Старая долгота подъ первоначальнымъ удареніемъ въ открытомъ слогѣ сокращается въ польскомъ и кашубскомъ, равно какъ и въ словацкомъ, независимо отъ качества ударенія* (ср. тезисъ 1 Лоренца).

2. *Старая долгота въ открытомъ слогѣ предъ удареніемъ сохраняется въ польскомъ и кашубскомъ, какъ и въ чешско-словацкомъ и сербскомъ, если ударяемый слогъ кратокъ.*

3. *По отношенію къ долготѣ, находившейся предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ, вопросъ не можетъ быть рѣшенъ съ увѣренностью, но въ виду нѣкоторыхъ фактовъ* (кашубскій Verbal-Ablaut) можно считать вѣроятнымъ, что краткость въ польскихъ примѣрахъ, какъ — mięk̇ina, prężina, gołębica могла быть и фонетическаго, а не аналогическаго происхожденія, и что слѣд. *можно предполагать для польскаго и кашубскаго сокращеніе старой долготы въ данномъ положеніи.* 2-е и 3-е положенія вносятъ поправку въ 3 тезисъ Лоренца.

4. *Старая долгота въ слогѣ, не непосредственно предшествующемъ ударенію въ польскомъ и, вѣроятно, въ кашубскомъ, какъ и въ сербскомъ и чешскомъ, сократилась* (ср. 5 тезисъ Лоренца).

5. *Старая долгота въ открытомъ слогѣ послѣ ударенія отчасти сохранялась, отчасти сокращалась, вѣроятно въ зависи-*

мости отъ качества ея: сохранялась долгота восходящая послѣ ударенія (f-tyn čos при čas = с. ча̑с) ср. 6 тезисъ Лоренца.

Относящійся къ положенію долготы послѣ ударенія 8 тезисъ Лоренца — не обоснованъ, такъ-какъ иллюстрирующіе его два примѣра: rajęczyna и zajęczyna (с. па̑учина, р. за́ячина), какъ признаетъ самъ Лоренцъ 363 с., могутъ быть объясняемы вліяніемъ прилагательныкъ rajęczy, zajęczy.

6. *Старая долгота въ открытомъ конечномъ слогѣ сокращена въ польскомъ и кашубскомъ, какъ и въ сербскомъ и чешско-словацкомъ* (ср. 10 тезисъ Лоренца).

7. *Новая долгота получается въ результатѣ стяженія гласныхъ.*

8. *Первоначально краткіе гласные вообще остаются въ открытомъ слогѣ краткими.* Отступленія отъ этого правила представляются не вполнѣ ясными по своему происхожденію. Возможно, что удлиненію подвергались краткіе гласные подъ восходящимъ удареніемъ, какъ и въ чешскомъ, въ большинствѣ же случаевъ удлиненіе — аналогическаго происхожденія.

9. Въ конечномъ (новомъ-) закрытомъ слогѣ на мѣстѣ старой долготы находимъ долготу лишь въ томъ случаѣ, если слогъ замыкается звонкимъ или сонорнымъ согласнымъ, въ противномъ случаѣ — краткость. Такъ какъ въ тѣхъ же условіяхъ находимъ долготу на мѣстѣ первоначальной краткости, то естественно говорить не о сохраненіи долготы въ данномъ положеніи, но о вторичномъ удлиненіи сократившейся долготы. Слѣд.—*Старая долгота въ (новомъ) закрытомъ конечномъ слогѣ сокращалась, какъ и въ открытомъ, въ польскомъ и кашубскомъ, еще до отпаденія ъ, ъ.*

10. *Какъ исконно-краткіе, такъ и исконно-долгіе, но сократившіеся, гласные подвергались вторичному удлиненію въ положеніи предъ сонорнымъ или звонкимъ согласнымъ въ конечномъ закрытомъ слогѣ въ польскомъ и кашубскомъ.* 9 тезисъ Лоренца, игнорирующій качество согласнаго, является, такимъ образомъ, неточнымъ.

11. *Во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ старая долгота, вѣроятно, сохранялась въ польскомъ и кашубскомъ, какъ и въ сербскомъ и чешско-словацкомъ, если удареніе слѣдовало за слогомъ съ ъ, ь (plātьnó).* 4 тезисъ Лоренца, основанный на предполагаемомъ имъ *rzędka, въ противоположность дѣйствительнымъ фактамъ языка (rządka, kąska и т. п.), — невѣренъ. Ср. выше XI гл, 184 с.

12. *Во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ подъ ударѳніемъ первоначальная долгота въ польскомъ и кашубскомъ, вѣроятно, сокращалась, какъ и въ открытыхъ (еще до выпаденія ъ, ь).*

13. *Исконно-краткіе и исконно-долгіе, но сократившіеся гласные во внутреннихъ закрытыхъ слогахъ подвергались вторичному удлиненію въ тѣхъ же условіяхъ, что и въ конечномъ закрытомъ слогѣ, но аналогія распространила здѣсь удлиненіе и на параллельныя образованія съ глухимъ согласнымъ, замыкавшимъ слогъ* (ср. 2 тезисъ Лоренца, не предполагающій однако первоначальной зависимости отъ качества согласнаго).

Такому удлиненію должны были подвергаться и долготы, сократившіяся въ положеніи послѣ ударенія. 7 тезисъ Лоренца, основанный на одномъ лишь pieniędzmi не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ на одномъ примѣрѣ звуковые законы основывать нельзя.

Указанныя явленія не представляютъ, конечно, фактовъ одной и той же эпохи. ак. Шахматовъ считаетъ сокращеніе исконнодолгихъ гласныхъ въ конечномъ открытомъ слогѣ, далѣе сокращеніе ихъ во второмъ отъ ударенія слогѣ къ началу слова и въ положеніи предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ — явленіями общесловянской эпохи. Изв. VIII, 313, 314, 317 с., — такъ-какъ то же находимъ и въ сербскомъ, и въ чешскомъ языкѣ.

Предположеніе это вполнѣ возможно, хотя и не необходимо: сходныя явленія могутъ происходить независимо въ отдѣльныхъ языкахъ, а рядъ новыхъ долготъ въ конечномъ открытомъ слогѣ,

на который указываетъ ак. Шахматовъ, при сокращеніи старой, не ведетъ неизбѣжно къ такому предположенію, такъ какъ и въ жизни сербскаго языка должно предполагать различныя эпохи; въ одну изъ нихъ, болѣе раннюю, могла старая долгота сокращаться, въ другую, болѣе позднюю, возникли новыя долготы.

Къ эпохѣ, несомнѣнно спеціально польской, вѣрнѣе польско-кашубской, относится сокращеніе старой долготы подъ удареніемъ.

Словацкое и діалектическое чешское (моравское) сокращеніе восходящей долготы, можетъ быть,—явленіе спеціально чешско-словацкой жизни, болѣе позднее сравнительно съ сокращеніемъ нисходяще-ударяемой долготы.

Къ спеціальной польско-кашубской эпохѣ можетъ относиться и сокращеніе долготы въ извѣстныхъ условіяхъ послѣ ударенія, хотя бы условія эти и совпадали съ условіями такого же сокращенія въ чешскомъ.

Если принимать удлиненіе исконно-краткихъ гласныхъ подъ восходящимъ удареніемъ, то удлиненіе такое, быть можетъ, представляло діалектическое явленіе въ общей жизни западнословянскихъ языковъ.

Наконецъ, къ эпохѣ польско-кашубской относится вторичное удлиненіе въ конечныхъ и внутреннихъ закрытыхъ слогахъ предъ сонорными или звонкими согласными, такъ какъ условія эти спеціально—польско-кашубскія и такъ-какъ выпаденіе и отпаденіе ъ и ь вѣроятнѣе всего отнести къ эпохѣ особной жизни словянскихъ языковъ.

Кіевскій Миссалъ общей картиной употребленія ъ, ь даетъ право думать, что старо-словянскіе первооригиналы (второй половины IX вѣка) еще не знали ни вокализаціи, ни выпаденія и отпаденія ъ, ь.

Это положеніе не мѣшаетъ собственно относить предполагаемую ак. Шахматовымъ мѣну качества ударенія предъ слогомъ съ ъ, ь хотя бы даже къ общесловянской эпохѣ: — измѣненіе стараго качества ударенія могло произойти уже въ силу

измѣненія рефлексовъ индо-европейскихъ й, ĭ въ редуцированные ъ, ь.

Остается еще вопросъ: какъ понимать долготу въ формахъ płāšč, grzēch и т. п., bogāč, rybāk и т. п.

Предполагая фонетическое ея происхожденіе, мы должны думать, что въ эпоху сокращенія старой долготы подъ удареніемъ, удареніе въ этихъ формахъ падало на конечный ъ, ь: krōlь́, grĕchь́; перенесеніе ударенія на коренной слогъ произошло позже.

Но въ такомъ случаѣ формы типа dǭbъkь́ фонетически должны были дать dǭbek т. е. dębek: первое ъ суффикса находилось въ закрытомъ слогѣ и потому доходило вѣроятно до полной краткости, слѣд. носовой долженъ былъ такъ же сократиться, какъ онъ сокращался въ *tęgotá, какъ сокращалось а въ batogá или сочетаніе er̨ въ *vertenó (vrzeciono). Итакъ форму dąbek приходилось бы объяснять вліяніемъ косвенныхъ падежей. Однако мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ очень раннее ослабленіе конечныхъ ъ, ь и перенесеніе ударенія на предшествующій слогъ: съ этой точки зрѣнія—формы типа dąbek представляются фонетическими: dǭbъkь́ измѣнилось въ dǭbь́kъ̯ раньше, чѣмъ наступило сокращеніе въ случаяхъ, какъ *vertenó; dǭbь́kъ̯ фонетически дало dąbek; различіе въ количествѣ коренного гласнаго въ формахъ—*bātog изъ *bātógъ̯ и bătoga изъ *bātogá должно было очень рано стереться, раньше чѣмъ возникло различіе типа sād — săda въ силу вторичнаго удлиненія.

При этомъ предположеніи формы gřēch, płāšč, rybāk и т. п. должны объясняться вліяніемъ косвенныхъ падежей: grēchá, płāščá, rybāká: при сравнительной малочисленности словъ этого типа было бы понятно исчезновеніе отношеній — grĕchъ̯ — grēcha еще въ ту эпоху, когда не наступило вторичное удлиненіе, и когда рядомъ стояли отношенія исключительно одного типа: brătъ̯—brăta, gădъ̯—găda.

Дополненія и поправки.

Къ 5 с., 4—5 строки. Точиѣе, — къ эпохѣ польско-кашубской. Если бы долгота изъ стяженія получилась въ болѣе раннюю, напр. об.-зап.-словянскую эпоху, то она подъ удареніемъ сократилась бы въ польскомъ (znāš, čytāš и т. п.).

Къ 9 с., 28 стр. Въ формахъ noḃažej, noṽencej-e является открытымъ, вѣроятно, въ виду того, что j явилось въ нихъ позже эпохи удлиненія въ конечномъ закрытомъ слогѣ.

Къ 11 с., 33 стр. Сербскія Ф.Ф. на -en, быть можетъ, стоятъ подъ вліяніемъ формъ, какъ zèlen, zlâĥen. То-же въ словинскомъ.

Къ 11 с., 34 стр. Должно отмѣтить др.-п. Ф.Ф., кавъ ḃeĺy, ḿera, śeno, однако при syano, myasto «О др.-п. яз.» 76 с.; написанія эти ослабляютъ увѣренность въ доисторическомъ происхожденіи измѣненія ě въ ′a, но не совершенно ее уничтожаютъ: такіе факты могли явиться подъ вліяніемъ родственныхъ Ф.Ф. съ ′e изъ ě предъ мягкимъ слогомъ.

Къ 15 с., 15 стр. Впрочемъ это замѣтилъ и самъ проф. Брандтъ ср. его рецензію на II ч. «Лекцій» Флоринскаго 1900 г. 50 стр.

Къ 15 с., 16 стр. Съ гипотезой Лоренца ср. мысль проф. Брандта въ статьѣ о польскомъ ѣ въ Сборникѣ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова (206—209 сс.): въ ′a измѣнялось лишь краткое ě. Мысль — неудачна: ср. ǵv́azda, ǵńazdo, v́ánek, kv́átek и т. д.

Глава 3 II части настоящаго изслѣдованія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что долгота въ nom. s. ǵv́azda — фонетическая

и не можетъ быть объясняема вліяніемъ loc. s., какъ дѣлаетъ проф. Брандтъ: если въ loc. s. старая долгота сохранялась, то она не могла сократиться въ nom. s.; акцентуативныя отношенія были одинаковы въ nom. и loc. s.

Къ 19 с., 14 стр. Zbiór VIII, 249 с.

Къ 20 с., 17 стр. łużko, łuno (18 стр.)—конечно съ точки зрѣнія сважендзскаго говора, измѣнившаго ó въ u.

Къ 43 с., 13 и слѣд. Написанія colkom, dobrom, vodom и т. д. не точны; лучше: cołko^{u}m, dobro^{u}m и т. д.

Къ 45 с., 17 стр. Польское начальное ro, ło явилось изъ начальныхъ группъ *or, *ol съ нисходящей долготой: ср. п. rola и слов. râl — ralî, п. rost и с. рâст — рâста, п. łodźi gen. s. и с. лâђа, п. łokieć и с. лâкат.

Въ такихъ случаяхъ находимъ ro, lo и въ чешскомъ, лужицкомъ, русскомъ.

Наоборотъ, польское ra, ła въ началѣ слова — изъ *or, *ol съ восходящей долготой: ср. п. radło и с. ра̏ло, ч. rádlo; п. ramię и с. ра̏ме, ч. rámě, п. łakomy и с. ла̏ком; п. łabądź и с. ла̏буд. Въ русскомъ, чешскомъ, лужицкомъ въ этихъ случаяхъ также ra, la. г. Эндзелинъ (Сборникъ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова 535—572 сс.) находитъ невѣроятнымъ объясненіе различія количества начальныхъ сочетаній: ra, la и ro, lo — различіемъ качества ударенія въ прасловянскомъ: почему благодаря вліянію восходящаго ударенія сочетаніе ar̄ дало ra лишь въ началѣ слова?—ср. п. krova при ramię.

Онъ полагаетъ, что въ праслов. были ār, āl съ долготой въ a, полученной изъ индоевропейскаго, рядомъ съ ăr, ăl. Однако невѣроятнымъ представляется сохраненіе ā въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ долгимъ уже для литовско-словянской эпохи; для словянскаго ср. совпаденіе āi̯, āu̯ съ ăi̯, ău̯.

Въ литовскомъ въ соотвѣтствіи п. ramię, rataj, łaknąć (с. ла̏ком, ра̏ме) находимъ àrms, artójis, álkstu, какъ и kárve, szálmas ср. п. krova, с. кра̏ва.

Къ 48 с., 16 стр. Вопросъ, являлось ли о въ начальномъ ro

первоначально долгимъ, какъ внутри слова, трудно съ увѣренностью рѣшить, въ виду недостаточнаго числа примѣровъ съ ro въ положеніи предъ удареніемъ: ср. róść изъ rostí, но rokita = р. раки́та, с. ра̀кита; rob ср. съ чак. ròb — ròba, слов. rǫ́ba, но р. раба́, с. ро̀ба; въ rola, rost, łokieć сочетаніе ro, ło находилось подъ удареніемъ и слѣд., если и было съ ō, то должно было его сократить (малор. ро́ля при ріля́, р. ро́ста g. s., с. ла̑кат). Въ łódź, równy, różny — вторичное удлиненіе.

Начальныя ra, la являлись, вѣроятно, съ ā; ra, ła получились вслѣдствіе сокращенія ā подъ удареніемъ: radło = р. ра́ло, с. ра̏ло; ramię = с. ра̏ме; rataj = р. ра́тай; łakomy = с. ла̏ком; łabądź = ла̏буд; łań = р. лань — ла́ни.

Къ 48 с., 29 стр. Сважендзское tłuʸc сюда не относится: оно изъ *tъltjь: ср. с. ту́ћи, м.-р. товчи́.

Къ 63 с., стр. 25 и сл. Точнѣе ṕerun, žuna, iḿuna, какъ говорятъ лица, чуждые литературному вліянію.

Къ 63 с., 31 стр. Форма u̯ośeu̯ въ такомъ случаѣ — нефонетическая: быть можетъ подъ вліяніемъ косвенныхъ ф.ф. u̯ośełka, u̯ośełku и т. д. при nom. s. u̯ośołek.

Къ 68 с., 10 стр. Выраженіе «*закрытый* слогъ» всюду употребляю въ смыслѣ: *новый закрытый* т. е. получившійся вслѣдствіе выпаденія между согласными ъ, ь.

Къ 74 с., 34 стр. Впрочемъ серб. стѐгно — сте̏гна указываетъ на праформу съ е, а не ь въ корнѣ.

Къ 79 с., 6 стр. Въ примѣрахъ oḱinko, ṕosynka суффиксъ -inko, -ynka неорганическій, перенесенный изъ примѣровъ, какъ płaténko, studźénka (studьnъ).

Къ 79 с., 21 стр. Вмѣсто zar слѣдуетъ читать raz, фонетически ros; dar извѣстно, какъ слово литературное, обычно говорятъ podarunek; sąd, ząb звучатъ, конечно, — sunt, zump.

Къ 83 с , 2 стр. По поводу suḱinko ср. то, что выше сказано объ oḱinko. 4 стр.: jaǵńe — неправильно; вѣрнѣе jagńe.

Къ 85 с., 7 стр. Слѣдуетъ читать wezmę вм. wiezmę.

Къ 88 с., 12 стр. łużko съ сважендзской точки зрѣнія изъ łóżko.

Къ 97 с., 34 стр. Въ данномъ случаѣ имѣются въ виду Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen Bezzenberger'a.

Къ 98 с., 23—24 стр. Вопросъ не можетъ быть рѣшенъ, пока не собрано больше примѣровъ, гдѣ въ чакавскомъ является восходящее долгое удареніе. Чакавское král врядъ ли отражаетъ об.-слов. восходящее, какъ думаетъ ак. Шахматовъ Изв. III, 1 и сл. VI, 339 и слѣд., въ виду русскаго коро́ль. И русское коро́ль, и чак. král получились вслѣдствіе перенесенія ударенія съ конечнаго ь, перенесенія быть можетъ даже не об.-словянскаго.

Сомнѣваюсь и въ архаичности восходящаго ударенія въ чак. mlátiš и р. моло́тишь. Формы молочу́, молоти́ть показываютъ, что коренной слогъ представлялъ первоначально нисходящую долготу, ср. штокавское мла̑тиш. Не вхожу въ объясненіе этого факта, но параллельное слов. klátiš ср. съ такими словинскими фактами какъ sę̑dem, bȉjem, stȃnem — шток. сјѐдем, би̏јем, ста̏нем или mǫ́rem, mę́lem, tǫ́nem при р. могу́ — мо́жешь, мелю́ — ме́лешь, тону́ — то́нешь ср. что говоритъ объ этомъ Вальявецъ Rad CXXXII, 155 с.

Къ 99 с., 25—26 стр. Точнѣе bǫgȃ, kǫ́ža.

Къ 111 с., 30 стр. Приводя чакавскія параллели, пользуюсь работой Неманича «Čakavisch-kroatische Studien. Accentlehre», 1884 г., причемъ знакъ ′ обозначаетъ долготу безъ опредѣленія ея качества.

Къ 141 с., 25—26 стр. Если п. и слов. ф.ф. указываютъ на нисходящую долготу послѣ ударенія, то ч. jeřáb, jestřáb получились вслѣдствіе того, что нисходящая долгота измѣнилась въ восходящую въ виду потери моры въ слѣдующемъ слогѣ; въ словацкомъ ф.ф. nom. s. подчинились вліянію остальныхъ.

Къ 154 с., 6 стр. Относительно слов. mǫ́rem, tǫ́nem — ср. выше дополнительное замѣчаніе къ 98 стр.; ч. můžeš сопоставляетъ въ послѣднее время со слов. mǫ́rem Pedersen Kuhn's Zeitschrift. 1902 III, 303—304 сс.

Къ 156 с. и слѣд. Къ вопросу о чешскомъ удлиненіи. Можетъ явиться мысль, что въ bo͝ǧъ — bo͝ǧa въ nom. s. въ виду

потери моры являлось bŏŭg, и отсюда удлиненіе — bûh; въ другихъ же примѣрахъ удлиненіе это исчезло подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей. Однако не странно ли, что въ словацкомъ оно исчезло во всѣхъ случаяхъ этой категоріи, а въ словахъ типа kôń изъ koń всюду сохранилось.

Къ 164 с., 15 стр. Долгота въ lāt, mā̀st новая, ничего общаго не имѣющая со старымъ удлиненіемъ въ закрытомъ слогѣ, въ результатѣ котораго a измѣнялось въ ô.

Къ 169 с., 16 стр. см. Rešetar «Die Betonung....» стр. 159: gi̯nūt, umŭknūt.

Къ 171 с., 4 и слѣд. Быть можетъ, слѣдуетъ считать русскія Ф.Ф., какъ мо́лятъ при молю́, тя́нутъ при тяну́, указаніемъ на нисходящее качество долготы -ǫ, ę, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимать измѣненіе его въ восходящее въ виду потери моры въ слѣдующемъ слогѣ.

Къ 178 с., 13 стр. Сюда же могутъ быть отнесены примѣры, какъ prǫ́tje = с. пру̑ће (пру̑т), lístje = с. ли̑шће (ли̑ст), tŕńe см. Rad CXXXII, 159 с. Сопоставляя эти примѣры съ приведенными на 174 с. vlás, mǫ́ž, прихожу къ убѣжденію, что мысль ак. Шахматова о необходимости отличать по качеству старое восходящее отъ восходящаго, получавшагося изъ стараго нисходящаго въ приведенныхъ случаяхъ, вѣрна. Старое восходящее сокращалось въ сербскомъ и словинскомъ, новое по крайней мѣрѣ въ словинскомъ и, вѣроятно, и въ чакавскомъ (líšće, prúće Arch. XVII, 197 с.) сохранялось, какъ долгое восходящее. Въ чешскомъ и старая восходящая, и новая восходящая изъ нисходящаго сохранялись.

Подъ вліяніемъ литературнаго правописанія въ фонетическую передачу звуковыхъ комплексовъ вкрались въ нѣкоторыхъ случаяхъ неточности. Такъ, порой пропущенъ знакъ смягченія при согласномъ въ положеніи его предъ i: 9 с., 22 стр. zopołki вм. zopołki, ibid. 23 стр. zovistny вм. zovistnyj; 20 с., 17 стр.

čĺynki вм. čĺynki; 23 с., 32 стр. zminić вм. źmińić, sić — sići вм. śić — śići; 78 с., 24 стр. u̯ogiń, marchvi, brukvi вм. u̯ogíń, marchví, brukví.

Вмѣсто принятаго мною знака v вкралось въ нѣсколькихъ случаяхъ литературное w: 10 с., 4 стр. — kworta вм. kvorta; 44 с., 13 стр. ẃeᵎɒkšyj вм. veᵎɒkšyj; ibid. 32 с. ẃǫzać вм. vǫzać; ibid. 34 с. ẃęⁿźeńe вм. vęⁿźeńe.

Вм. ž — литературное rz: 79 с., 21 стр. morze вм. może. Наоборотъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ фонетическое правописаніе проникло въ передачу литературныхъ формъ:

25 с., 7, 8, 10 строки: dźesiąty, dźeviąty, dźevięcioro, dzieviętnascie вм. dziesiąty, dziewiąty, dziewięcioro, dziewiętnascie.

78 с., 24 стр. въ написаніяхъ ĺin — ĺnu значокъ смягченія — лишній.

Изъ замѣченныхъ опечатокъ отмѣчу важнѣйшія:

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно:*
8	22	źmijou̯	źmijou̯
9	21	nażędzie	narzędzie
10	4	alkeš	alkeš
19	33	stłuc chodny	stłuc, chodny
24	10	концетрированіе	концентрированіе
26	15	Lorenz	Lorentz.
48	29	kłuᵛc	kłuᵛć
63	31	....щее l,	....щее e,
66	16	vús	́vus
84	27	hedvab	hedvaƀ
89	10	żołnierz,	żołnierz.
134	3, 14	Bronich	Bronisch.
136	13	обнаруживатся	обнаруживается
148	1	Колара	Коларжа
188	9	grądziel — grądziela	grządziel — grządziela

Списокъ сокращеній.

Arch. = Archiv für slavische Philologie Berlin.

B. B. = Beiträge zur Kunde der indogerm. Sprachen изд. Бецценбергеромъ.

Beitr. = Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung.... herausgegeben von A. Kuhn. Berlin 1858—1874 гг.

Брандтъ «Кр. ф. и м. и. яз.» = Краткая фонетика и морфологія польскаго языка 1894 г. Москва.

Bronisch = Kaschubische Dialectstudien von Gotthelf Bronisch 1896. Leipzig.

Gebauer Hist. Ml. = Historická mluvnice jazyka českého. Прага—Вѣна I 1894, II 1—2.

Denkschr. = Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Wien.

Ж. М. Н. Пр. = Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Zbiór = Zbiór wiadomośći do antropologii krajowéj. Kraków съ 1877 г.

Изв. = Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Изслѣд. = Шахматовъ «Изслѣдованія въ области русской фонетики» 1893 г.

Лавровъ «Обзоръ» = Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка 1893 г. Москва.

List. fil. = Listy filologické. Praha.

Małecki Gramm. = Grammatyka języka polskiego większa Lwów. 1863 г.

Małecki Gramm. hist.-porówn. = Grammatyka historiczno-porównawcza języka polskiego. Lwów. 1879, I—II.

Mat. i prace = Materyały i prace komisyi językowej Akademii umiętnośći w Krakowie I, 1902.

L. Malinowski «Ueber d. opp. M.» = «Beiträge zur slavischen Dialectologie von Lucian Malinowski I Ueber die oppelnische Mundart in Oberschlesien» Leipzig 1873 г.

Myka Hist. und vergl. Laut-und Formenl. = Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen Sprache Leipzig 1891 г.

О др.-п. яз. = Бодуэнъ де Куртене «О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія» 1870 г. Лейпцигъ.

Prace fil. = Prace filologiczne.

Rad = Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umietnosti. Zagreb.

Ramułt = Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego w Krakowie 1892 г.

Rozpr. = Rozprawy i sprawozdania z posiedzień wydziału filologicznego Akademii Umiętnośći w Krakowie съ 1874 г.

Семеновичъ «Ueber die Quant.» = «Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im altpolnischen» Leipzig 1872 г.

Sievers[5] = Grundzüge der Phonetik von Eduard Sievers 5 изд. Leipzig 1901 г.

Spraw. = Sprawozdania Komisyi językowéj Akademii Umiętnośći w Krakowie съ 1880 г.

Флоринскій «Лекціи» = Лекціи по словянскому языкознанію II, 1897 г.

Фортунатовъ Сравн. яз. = «Сравнительное языковѣдѣніе» Лекціи читанныя въ 1897—1898 акад. г. Литогр.

Z. K. = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen herausgegeben von E. Kuhn und J. Schmidt.

Щепкинъ «Разсужденіе» = «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги» 1899 г.

Указатель именъ.

Аппель 37. 69. 70. 72. 73. 76. 77. 92.

Бартошъ 138. 150. 161.
Бецценбергеръ 97. 213.
Блаттъ 19. 34. 36. 37. 38. 39. 41.
Богородицкій 119.
Бодуэнъ де К. 18. 21. 22. 29. 30. 31. 47. 49. 52. 53. 64. 84. 87. 91. 92. 115. 142. 144. 145. 146. 148. 161. 164.
Брандтъ 11. 15. 49. 51. 58. 83. 96. 119. 148. 211.
Бремеръ 84.
Бронишъ 35. 46. 47. 56. 57. 59. 61. 65. 74. 116. 117. 127. 128. 129. 134. 139. 143. 149. 161. 164. 166. 167. 168. 193. 196. 204.
Брохъ 85.
Брюкнеръ 21. 22. 23. 29. 30. 31. 47. 50. 51. 52.
Бругманъ 197.
Будмани 75.
Быстронь 75.
Бѣла 35.

Вальявецъ 99. 100. 154. 155.
Вержховскій 82.
Витановскій 36. 37.
Востоковъ 152.
Вукъ (Караджичъ) 117. 133. 155. 157.

Гапушъ 88.
Гебауэръ 19. 34. 70. 75. 99. 115. 147. 149. 150. 195.
Гиртъ 73. 100. 102. 178.
Горакъ (Horák) 171.
Грайнертъ 36. 37. 39.
Гржегоржевичъ 37. 38. 65.
Гуссъ 136.

Даль 117. 128. 156.
Даничичъ 145. 146.
Добржицкій 36. 41. 56. 77. 87.

Заборовскій 90. 91.
Завилиньскій 13. 18. 36. 81.
Зубатый (Zubatý) 47.

Ильинскій 147.
Йокль 96.

Калина 21.
Калужняцкій 92.
Катковъ 95. 97.
Коларжъ (Kolář) 21. 148.
Кольбергъ 6. 7. 19. 39. 61. 62. 63. 67. 82. 89.
Конерницкій 36. 37. 82.
Коршъ 85. 192.
Котляревскій, А. А. 30. 80. 84. 144.
Крижаничъ 145.
Крыньскій 21. 35.

Лавровъ, П. А. 80.
Лавровскій, П. А. 95.
Лескинъ 33. 50. 58. 69. 71. 74. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 140. 147. 148. 154. 164. 172. 185. 187.
Лецѣвскій 23. 35. 37. 38. 39. 56. 62. 65. 89.

Липде 181.
Лоренцъ (Lorentz) 11. 15. 21. 24. 25. 26. 32. 33. 46. 53. 56. 59. 102. 111. 112. 117. 119. 121. 122. 139. 140. 141. 142. 160. 163. 166. 167. 169. 179. 183. 184. 185. 186. 200. 202. 206. 207. 208. 211.
Лоритъ 138.
Лось (Łoś) 5. 36. 38. 40. 77. 96. 130. 131. 149.
Лосъ (Loos) 135. 159.
Ляпуновъ, Б. М. 49. 55. 58. 59. 78.

Мажураничъ 95. 155. 157.
Малэцкій (Małecki) 12. 63. 77. 85. 86. 89. 90. 91. 94.
Малиновскій, Кс. 91.
Малиновскій, Л. 6. 19. 21. 22. 32. 36. 37. 39. 40. 42. 43. 64. 81. 95.
Матусякъ 12. 42. 96.
Махалъ 96. 173. 185.
Миккола, 21. 24. 26. 27. 31. 47. 52. 53. 59.
Миклошичъ 32. 74. 94. 95. 96. 97. 156. 163. 197.
Мончиньскій (Mączyński) 52.
Мука 10. 12.

Неманичъ 214.
Нерингъ 21. 22. 23. 50. 51.

Облакъ 11. 58. 59. 81.

Паркошъ 90. 91. 92.
Педерсенъ 214.
Петровъ, А. 6. 18. 35. 82.
Поливка 70. 73. 74. 75. 77.
Поржезинскій, В. К. 25. 102.
Потебня 21. 22. 23. 27. 29. 30. 45. 64. 119. 161.
Пухмайеръ 95. 97.

Рамултъ 46. 47. 57. 59. 69. 76. 115. 116. 117. 127. 128. 129. 134. 139. 141. 143. 149. 190.
Решетаръ 113. 115. 118. 129. 130. 164. 215.
Розвадовскій 3. 4. 37. 38. 40. 41. 81.

Сембржицкій 19. 36. 38. 83.
Семеновичъ 64. 91. 92. 93. 94. 96. 108. 109. 112. 113. 118. 129. 130. 131. 132. 133. 142. 143. 149.
Сиверсъ 1. 3. 17. 162.
Соболевскій, А. И. 10. 13. 58. 87. 145.
Сэренсенъ (Soerensen) 169.

Торе-Торнбьернсонъ 45. 125. 142.
Тругларь (Truhlař) 95.

Удѣла (Udzieła) 36. 82.
Уляновская 19. 82.

Фишеръ 150.
Флайшгансъ (Flajšhans) 99.
Флоринскій, Т. Д. 6. 10. 12. 15. 54. 55. 83. 211.
Фортунатовъ, Ф. Ѳ. 1. 10. 49. 51. 52. 53. 55. 79. 97. 98. 100. 102. 147. 148. 211. 212.

Цишевскій 37. 41.
Цоневъ 100. 101. 178.

Черный (Černý) 98. 99. 123. 135. 136. 156. 174. 185.

Шахматовъ, А. А. 10. 11. 30. 49. 51. 53. 64. 67. 68. 72. 78. 80. 84. 87. 100. 139. 143. 144. 145. 174. 175. 187. 188. 192. 204. 208. 209. 213. 215.
Шлейхеръ 14. 26.
Шмидтъ, J. 50.
Штрейтбергъ (Streitberg) 174.

Щепкинъ, В. Н. 78.

Эндзелинъ 212.

Ягичъ 21. 22. 23. 24. 27. 28. 30. 49. 50. 58. 98. 99.
Янчій (Janczy) 36. 38.

Указатель польскихъ говоровъ.

Бржезинъскій 5. 6. 13. 16. 18. 20. 36. 40. 42. 63. 65. 80. 81. 82. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 130. 143. 170. 180.

Великопольскіе 6. 18. 19. 39. 62. 65. 67. 83. 89. 104.
Велюньскій 34. 36. 37. 39.

Гарволинъскій 113.
Горальскій 6. 34. 82. 130. 131.

Добржинъскіе 18.

Закопанскій 6. 35. 37. 65. 104. 105. 107. 108. 109. 110. 111.
Закопянскій 104. 105. 106. 149.
Зебржидовскій 16. 18. 34. 37. 61. 65. 81. 82. 83. 84. 104. 105. 106. 107. 108. 110. 111. 113. 128. 130. 143. 149. 165. 167. 170. 180. 182. 185. 190. 191.

Касинъскій 43. 81.
Крженцинскій 36. 37. 41. 42. 57. 63. 65. 77. 81. 104. 105. 107. 108. 110. 111. 113. 117. 128. 129. 133. 165. 170. 189. 191. 192.
Кротошинскій 6.

Луковецкій 6. 63. 65. 81. 103. 104. 105. 107. 108. 109. 110. 130. 131. 132. 144. 170. 171. 180. 191. 198.
Лясовскій 6. 12. 16. 42. 63. 65. 82. 83. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 130. 132. 180. 190. 191. 194. 197. 205.

Малопольскіе 6. 18. 34. 104.
Мазурскіе 6. 18. 19. 82. 83. 104.
Мазуры прусскіе 38. 41.
Мѣйская Горка 6. 7. 16. 34. 35. 37. 38. 41. 42. 50. 65. 83. 84. 89. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 130. 131. 149. 167. 170. 180. 186. 191. 199.

Опочинъскій 6. 16. 34. 36. 38. 39. 40. 61. 77. 82. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 117. 118. 128. 130. 131. 132. 139. 149. 165. 167. 180.
Оппельнскій (опольскій) 6. 19. 21. 39. 40. 41. 62. 63. 81. 89. 104. 105. 106. 107. 108. 113. 117. 130. 131. 143. 149. 180. 191. 192.

Писаржовицкій 34. 37. 81. 104. 105. 107. 108. 110. 113. 118.
Польско-словацкіе 34.

Полуки 6.
Прашницкій 37. 38. 57. 62. 63. 65. 131. 203.
Прушинскій 135.
Пытницкій 19. 34. 38. 39. 42. 63. 65. 104. 105. 106. 107. 109. 110. 111. 130. 131. 180.

Равичскій 6.
Радомскій 34.
Ропчицкій 6. 36. 63. 82.

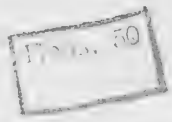
Сважендзскій 1. 6. 7. 14. 17. 19. 20. 21. 43. 44. 48. 61. 63. 66. 69. 78. 79. 80. 81. 83. 84. 88. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 113. 114. 117. 119. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 131. 132. 139. 143. 144. 148. 149. 159. 160. 165. 166. 167. 170. 180. 181. 182. 183. 185. 186. 189. 191. 192. 193. 194. 195. 197. 198. 199. 200. 203. 204. 205. 211. 213.
Силезскіе 6. 18. 22. 27. 31. 39. 40. 42. 84. 104.
Славковъ 6. 37. 41. 110.
Сромовцы 35. 36. 40. 42. 62. 65. 81. 84. 149.
Стопавка 41. 65. 80. 87. 113. 149 153. 180.
Страдомскій 34. 36.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXIII, № 5.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИЗУЧЕНІЯ ВЕЛИКОРУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.



Выпускъ VIII.

Извлеченія изъ сообщеній [№№ 46—50, 52, 54, 56, 57, 59—61, 66—68, 76—78], сдѣланныхъ на I и II Программы для собиранія особенностей говоровъ сѣверно- и южновеликорусскаго нарѣчій гг. Е. А. Костровой, Н. Ушаковымъ, іером. Никодимомъ, А. Н. Грандилевскимъ, М. Разумовской, В. Покровскимъ, К. Цвѣтковымъ, В. Г. Лавинскимъ, С. Гудимовичъ, Г. В. Ивановымъ, г. Румянцевымъ, Ѳ. Дьяконовой, Ѳ. Костенкомъ, В. А. Сучковымъ и А. І. Черемхинымъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1903 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченія изъ сообщеній на Программы:

	страницы.
№ 46. Е. А. Кострова: *Вятской* губерніи, *Котельническаго* уѣзда	1— 11
№ 47. Н. Ушаковъ: *Рязанской* губерніи, *Касимовскаго* уѣзда, Погостинской волости, д. Тимохино	12— 17
№ 48. *Вятской* губерніи, *Слободского* уѣзда, с. Мухино	18— 19
№ 49. Іером. Никодимъ: *Архангельской* губерніи, *Онежскаго* уѣзда, с. Прилукъ	20
№ 50. А. Н. Грандилевскій: *Архангельской* губерніи, *Холмогорскаго* уѣзда, сс. Емецкое и Куростровo	20— 90
№ 52. М. Разумовская: *Вятской* губерніи, *Нолинскаго* уѣзда, с. Колобово	90—105
№ 54. В. Покровскій: *Псковской* губерніи, *Холмскаго* уѣзда, с. Торопатцы	105—111
№ 56. К. Цвѣтковъ: *Костромской* губерніи, *Макарьевскаго* уѣзда, с. Якуньково	111—137
№ 57. В. Г. Лавинскій: *Симбирской* губерніи, *Буинскаго* уѣзда, с. Ембулатово	137—157
№ 59. С. Гудимовичъ: *Вятской* губерніи, *Яранскаго* уѣзда, с. Кугушерга	158—169
№ 60. Г. В. Ивановъ: *Тверской* губерніи, *Зубцовскаго* уѣзда, д. Дубровка	169—184
№ 61. *Костромской* губерніи, *Кологривскаго* уѣзда, с. Халбужъ	184—191
№ 66. Румянцевъ: *Костромской* губерніи, *Кинешемскаго* уѣзда, д. Борокъ	191—201

	страницы.
№ 67. *Симбирской* губерніи, *Карсунскаго* уѣзда, с. Аргашъ.	201—216
№ 68. Ѳ. Дьяконова: *Вятской* губерніи, *Нолинскаго* уѣзда, с. Соколово.	216—228
№ 76. Ѳ. Костенко: *Курской* губерніи, *Льговскаго* уѣзда, с. Ивановское.	228—232
№ 77. В. А. Сучковъ: *Тульской* губерніи, *Новосильскаго* уѣзда, с. Паньково	232—239
№ 78. А. І. Черемхинъ: *Ярославской* губерніи, *Мышкинскаго* уѣзда, с. Васпльково	240—245

Матеріалы для изученія великорусскихъ говоровъ.

VIII.

46. *Вятской* губерніи, *Котельническаго* уѣзда.

Авторъ сообщенія — учительница Шараницкаго начальнаго училища, получившая образованіе въ Вятскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Гласныя. § 1: Омельянъ, Олександръ, Оверьянъ вм. Аверкій (?); батюшко, Иванушко и т. д.; колачъ, стоканъ, онбаръ, олтарь, корманъ, торелка. § 3: замороживать, заработывать, подзадоривать, унавоживать, уничтоживать. § 4: въ крестьянскомъ выговорѣ Вятской губ. въ разговорѣ преобладаетъ буква *о* вмѣсто *а*; напр. хорошо; малово, этово. § 6: ошо вм. еще, Ореоій вм. Ареоій, топеръ вм. теперь; севонни или соводни, жготься, ляготъ, береготъ, стереготъ, стриготъ. § 7: о нёй, со всёю. § 8: Господней, средней, дѣвицой, субботней, долгей, Васплей; § 10: цолуётъ, цолуй. § 12: хитряе, скоряе, бѣляе; пощёлкивать (пошшолкивать). § 13: берйтё, кладйтё, очунъ вм. очень. § 15: мачеха, полевать. § 17: бароня, государоня. § 19: крѣпкой, лехкой, пѣгой, мелкой, частой; понуковать, подтяговать, опаховать; а также говорятъ: понукватъ, подтягватъ, опахватъ. § 21: нитъ, нитута. § 22: вечеряетъ; черняе, грубяе, добряй, поскоряй. § 23: крестьяне нашего прихода и другихъ ближнихъ съ нимъ произносятъ всегда *е* вм. *я*: петь, грезь, взеть; боетсё, испугалсё, бросплсё; боялса, каталса, смѣялса, находилса. § 24: бѣлой, чёрной, зеленой, бурой, малой; зимнёй. § 25: хошь,

вздумаёмъ, дергаёмъ, играёмъ. § 27: сечасъ вм. сейчасъ; вм. что это — штой-то; слово баетъ произносится батъ въ 3 лиц. § 28: Настасей вм. Анастасій, Никита вм. Аникита; вм. мою— мью, вм. шью говор. шою (?). § 29: ледъ, леда; потолокъ, потолока; лобъ, лоба; камень, каменя; кремень, кременя; ремень, ременя. § 30: му́ка вм. муче́нье; приводилось слышать въ окончаніяхъ прибавку звука *ы*, напр. кричатъ въ лѣсу: страашная ску́ка; Митрюха́ы, Овдя́ы вм. Овдотья, сама́ы, дома́ы, придетыы сидитыы, ходитыы.

Согласныя. § 31: произносятъ *оо* и *ва*: худово, худова; красново, краснова; слаа вм. слава, худоо вм. худого. § 32: вм. государь, Господь говорятъ: осударь, Осподь. Произносятъ: Бохъ, мохъ вм. Богъ, могъ. Говорятъ: мяккой, леккой; произносятъ и такъ: мяхкой, лехкой. § 36: фомякъ, куфарка, тѣфъ; эфтихъ, эфтотъ. § 37: хъ дому, хъ забору, хъ церкви, хъ жолѣзу. § 39: Вм. гляди говор. глико, гляпько, гледи. § 40: слова: цѣна и цѣпь произносятся такъ: чёна, чѣпъ; въ словѣ цѣпь иногда при произношеніи *ц* выговаривается какъ *с*: сѣна, сѣпь. § 42: говорятъ: молодечъ, кури́ча, кольча и т. д. Произносятъ: яичо́, купечъ, человальникъ, чапля. § 43: Говорятъ: сончё вм. солнце, мѣсячъ, конечъ, чѣлый, чѣпный, гонечъ, чарапать, вм. царапать; говорятъ: тцюдо вм. чудо; нотць вм. ночь. § 44: жыть вм. жить; золѣзо вм. желѣзо; слово ржать не измѣняется въ произношеніи. Усаждай вм. сади. Говорятъ не можутъ вм. не могутъ; Кма, вм. тьма, много. «Ванькя меня кма разъ кокнулъ, да черезъ лопоть то не прохватило». (лопоть — одежда). § 45: Вмѣсто что, говорятъ: чо, штё, щё, што. Вмѣсто вѣчный, восточный, сочный произносятъ: вѣщной, восто́шной, со́щной. § 46: шшотка, лушше; ошо вм. еще; напрашно вм. напрасно. Произносятъ: дѣлаецца, вм. дѣлается. § 47: Вм. обмануть говорятъ оммануть. Вм. когда, тогда: колды, толды. § 48: золоушка вм. золовушка; голоушка вм. головушка; вухо вм. ухо; вокно вм. окно. § 49: Говорятъ: пролубъ; куфонной вм. кухонный: Миколай или Микола. § 50:

въ крестьянскомъ выговорѣ буква *л* произносится и женщинами твердо; мягкое произношеніе ея встрѣчается между женщинами интеллигентнаго класса напр., среди духовнаго сословія. § 51: ланно, онна. § 53: произносятъ: идеты, прядеты, говориты; говорятъ и такъ: идёть, прядёть, сядёть (?), кофьти вм. кофты, корофьки вм. коровки. Говорятъ: перьвой, серьпъ, верьхъ, церьковъ, а въ другихъ случаяхъ *р* твердо. Произносятъ вм. *тс ч*: вслѣчвіе вм. вслѣдствіе; бѣчвіе вм. бѣдствіе; сротсвеникъ вм. родственникъ; пѣвцыи вм. пѣвчіи; хозява вм. хозяева; лехчае вм. легче. Говорятъ: барьскёй, царьскёй, деревеньскёй, женьскёй; жемскій вм. земскій.

Удареніе: о́бухомъ, на лошади́, на ко́няхъ, у́спѣхъ и успе́хъ, о́тставка и отста́вка, по́ставка и поста́вка, моло́ченіе, со́сна, спи́на, па́стухъ, ро́дить, онъ ро́дится, спитё, ѣдите́, ѣдитё, хотите́, хотитё, несете́, несетё, кла́дете и кладёте, и́кать, во́пить, работа́ть, поло́жить, предполо́жить, пону́дить, по́звалъ, со́бралъ и собра́лъ, по́гналъ и погна́лъ, по́слалъ и посла́лъ, достре́лилъ, прѣсно́й, толсто́й, кажи́нной, вы кури́те, козы́рнуть или козырну́ть, о́пасно и опа́сно, четы́рехъ. § 54: Говорятъ: станови́тся вм. стано́вится; три го́ды, на́ боръ вм. въ бо́ръ, на́ рѣку вм. на рѣку́, на́ што вм. на что́, за́ што вм. за что́, не́ можно. Произносятъ вм. никому́ не́кому, не́льзя вм. нельзя́, уда́лой вм. удало́й, заве́рнуть вм. заверну́ть. § 55: крестьяне говорятъ рѣзко, только послѣднее слово замѣтно растягиваютъ, напр.: ты куда пошёлъ? Рожь ту выжалъ ли? § 56: Въ сосѣднемъ приходѣ, Вишкильскомъ, по наблюденію крестьянъ говорятъ не хорошо: при разговорѣ часто употребляютъ слова: ще, по ще, за що и др. Въ Чистопольскомъ приходѣ замѣтна пѣвучесть въ произношеніи, каждое слово произносится въ растяжку.

Склоненія. § 58: Въ родит. падежѣ и дательн. произносятъ: дни. Говорятъ: къ «Спасову дни», «Николину, Ильину дни». § 59: Говорятъ: годы и года, уговора́, приговора́, поеса́, моста́, города́. Произносятъ: гвозьё вм. гвоздье, кольё вм. колья. Го-

ворятъ: кресьяна вм. крестьяне; баря вм. бара; § 60: говорятъ глазовъ, солдатовъ. Произносятъ вм. *ей* оконч. *овъ, евъ*: ежовъ, ключёвъ, деревневъ. Произносятъ: молодчи вм. молодцы. Говорятъ: дочерьми, дѣтьми; все роздалъ дѣтьми; подъ домамъ, за грибамъ, за рѣкамъ. Оконч. *ами* произносится *ями*: собякями вм. собаками, разбойникями, мужикями, дровями (?). § 61: вм. слова свекровь говорятъ свекрофка. Говорятъ: бароня, судароня, барошна. Говорятъ: къ заутрины, въ обѣхъ избахъ. Въ творительномъ падежѣ говорятъ: тысячью и тысяцой. Вéшша вм. вещь, óсенья вм. осень, óзима вм. озимь. Въ творит. пад. говорятъ: вм. осенью осеньей; вм. перстомъ перстенемъ. § 63: книговъ, птицовъ, избовъ и т. д.; свадьбей, верьбей, птицей и т. д. имё, времё, темё, полё, род. мн. ч. поль, полёвъ и полей. § 67: Въ винительн. падежѣ прилагательныхъ женск. рода вм. оконч. *ую* употребляется *ыю*; напр. говорятъ: краснаю дѣвку, бѣлаю корову; потеряли чернаю овéчку; я пошелъ на болшаю дорогу. § 68: род. п. старыё чашки; красивыё дѣушки. § 69: грезныё ноги, мокрыё лапти, силныи лошеди, чудныи сказки. § 70: въ прикраснымъ саду; въ болшымъ бору; во дремучимъ лѣсу; говорятъ: въ тымъ и въ тѣмъ. § 71: къ просужими людямъ (просужій значитъ хорошій). § 70: худэхъ, плохэхъ, старэхъ; горькіефъ, черныефъ, сухіефъ. § 73: мя, тобя, тя, тобѣ, собѣ, у те, у ся, у собя, памы, вамы. § 75: Вм. въ немъ произносятъ: въ ёмъ, въ имъ, имя, имямъ: къ имямъ вм. къ нимъ; во мн. ч. говорятъ сымямъ вм. съ ними (NB). § 77: слово всимя замѣняетъ слово всѣмъ; одны, единый вм. одинъ, единица. § 79: Чотыря; шешь вм. шесть, шешначать вм. шестнадцать, дватчёть, тритчёть вм. двадцать, тридцать. § 80: Произносятъ напр. такъ: «Хлѣботъ у меня що-то испекса севодня закалъ». «Я бабу-то втамежъ (вм. тогда) послалъ къ тобѣ». «Маслечо-то извелося». «Сады-то (вм. цвѣтки) изгинули».

Спряженіе. § 81: Вм. видѣлъ говорятъ видялъ. § 83: Вм. есть говорятъ есь. § 84: вѣду вм. вѣдаю; подыи вм. подними,

сыми вм. сними. § 87: текóшь или текóтъ; стерегóшь, стригóшь, берегóшь. § 88: Ходють, рубять, просють, косють, хвалютъ (?) § 89: жекчи, мокчи, лекчи. § 92: вм. напр. слышалъ, вышелъ говорятъ: слышилъ, вышилъ. § 94: мотряй, робята, оболочку (верхняя одежда) соблюдайте (храните). Собака изгинула вм. пропала.

Синтаксисъ. § 96: ягода плоха вм. ягоды плохи; грибъ уродился вм. грибы уродились. § 99: я поѣлъ ягоды; § 103: втапоръ вм. тогда; вечёре вм. вечеромъ; лѣтось; лоне вм. въ прошлый разъ; онамёдни или онамедни вм. тогда; втамежъ, товоно вм. то. § 104: товонока вм. того; тошно вм. точно; садко вм. досадно; судачить вм. выговаривать; ежли вм. если, или ежели. § 109: я пришелъ по тебя; пойду по воду; по тебѣ скучаютъ. § 110: большшýуушій, заря крааасная; махочкой вм. очень маленькій; скупушшой вм. скупущій, оч. скупой; злушшой вм. оч. злой; добрѣющей вм. оч. добрый. § 111: пришло два мужика. У окна стоятъ три нищихъ. Вышло изъ дому два мужика. Вижу трое коровъ. § 115: Вм. она произносятъ оно только на крайнемъ сѣверѣ Котельническаго уѣзда Вятской губ. § 121: ужó постой, я тобѣ побачу. Мотри ты слушай, штё онъ батъ. Молчи-ко, онъ виш-ли-ко мнѣ бачилъ. Я де приведу утре лошадь. Щобъ ещé онъ бáелъ. Ну да поди; можай безъ тобя исправимъ. Чтё ты чудишь! какъ ни жаль, лико, мнѣ ка бы надолгё кукшина достало. Ужотка спрошу я те, що шшолычила тебѣ вечеръ втапоръ кума? Слово шшолычила означаетъ говорила; втапоръ — тогда; говорятъ чаще шшольцила.

Образцы народной рѣчи.

Сказки. 1. Бабушка да отопочекъ.

Баушка ходила съ отопочкомъ сбирать, выпроспласъ ночевать у мужика, отопочекъ положила къ печѣ въ залавочёкъ къ курицамъ. Поутру встала, Богу помолилась и курочку просить: гдѣ то курочка у меня? Мужикъ сказалъ: вѣдь у тебя отопо-

чекъ. Они заспорили. Старуха переспорила, взяла курочку и пошла дальше. На другую ночь опеть выпроспилась къ мужику. Курочку посадили къ гусямъ. Поутру стала (вм. встала) старуха и баетъ: гдѣ то у меня гу́сетъ? Мужикъ сказалъ: у те, говоритъ, курица была. Старуха взяла гуся и пошла дальше. Опеть выпроспилась ночевать къ третьему мужику. Гуся посадила къ барашкамъ. Утре старуха спрашиваетъ: гдѣ-то у меня барашкотъ? Мужикъ и баетъ: у те вѣдь былъ гусь. Старуха переспорила, взяла барашка и ушла. Опеть выпроспилась ночевать къ четвертому мужику, барашка посадила къ быкамъ. Поутру и спрашиваетъ: гдѣ-то у меня быкъ-то? Мужикъ спорилъ, спорилъ и отдалъ ей быка, да ишо она выпросила у мужика хомутъ, дугу, вожжи и запрекчи велѣла; поѣхала на быкѣ, приговаривавши: пруски, пручекъ! по дорожкѣ тычекъ, сани не наши, хомутъ не свой, погоняй не стой. Попалъ ей во стрѣцу заецъ и спрашиваетъ: куды, баушка, поѣхала? На море, море чертей корчить. Опеть этакъ понужаетъ. Попалъ во стрѣцу волкъ и спрашиваетъ: куды, баушка, поѣхала? На море, чертей корчить, баушка отвѣчала. Возьми меня, волкъ попросился. Садись задомъ на копылъ. Потомъ попалъ во стрѣцу медвѣдь и спрашиваетъ: куды, баушка, опѣхала? На море-море чертей корчить. Возьми меня, медвѣдь сказалъ. Садись задомъ на копылъ. Поѣхали. Ѣхали, ѣхали, изломалася оглобля. Баушка посылаетъ въ лѣсъ зайца за оглоблей: пошолъ, принеси оглоблю. Заяцъ принесъ листочекъ. Что это! какая оглобля будетъ? бачитъ баушка. Послала волка за оглоблей въ лѣсъ. Волкъ принесъ сучечекъ. Какая это оглобля, говоритъ баушка. Послала медвѣдя, медвѣдь выворотилъ сосну и съ корнемъ принесъ. Куды эку лѣсину! Не увезти будетъ. Пошла сама въ лѣсъ искать оглоблю и велѣла караулить быка. Медвѣдь, волкъ, заяцъ выпороли у быка брюшину, соломы насовали на то мѣсто. Баушка принесла оглоблю и запрягла быка и стала понужать, быкъ у ей пейдетъ. Она ево попотолкнула, быкъ и упалъ, втапоръ она увидѣла, щё у быка-то брюшина выпорота.

(Сказка, записанная со словъ народа).

2. Трофимъ да Иванъ дурачки.

Жили были Трофимъ да Иванъ дураки. Задумалъ Трофимъ жониться. Послалъ онъ Ивана за чашкамъ, и попался ему мужичекъ съ товаромъ. «Отвори«, баетъ «двери-то»! говоритъ мужикъ. Погоди, баетъ, подворочу. Подошёлъ Иванъ, отворилъ двери, да какъ ударитъ его по горбу то, а тотъ ему кричитъ: «ахъ, какой ты, шутникъ!» Затворилъ Иванъ двери, бросилъ бичъ въ телѣгу, а самъ опеть пошёлъ въ походъ. Дошелъ онъ до деревни, попадается ему родникъ его; Иванъ и спрашиваетъ: если (вм. есть ли), баетъ, у тя чайныя чашки? Есь, баетъ, а много ли тебѣ надо? А давай, баетъ, десятка два. Сродсвенникъ далъ ему чашокъ, онъ склалъ въ мѣшокъ и пошелъ въ обратный путь. Идетъ Иванъ, чашечки у нево побрякиваютъ, а онъ имъ и говоритъ: смотрите, батъ, чашечки, не бречите, а то всѣхъ васъ растопчу. А чашечки не слушаются, бречатъ, да бречатъ. Пришёлъ Иванъ домой, Трофимъ и говоритъ ему: вымай чашки то. Погоди, батъ, дай срокъ вывалю. Вывалилъ Иванъ чашки, да всѣ и растопталъ ихъ. А Трофимъ-то ухмыляется: ничего, баетъ, къ добру. Поѣхалъ Трофимъ къ вѣнцу, да какъ выскочитъ дорогой то. Куда, баетъ, ты бѣжишь? кричитъ Иванъ. А вотъ хочу, говоритъ, черепки привезти, отдать ихъ вмѣсто денежокъ попу. Ну полно, полно, дуракъ, поѣдемъ, говоритъ Иванъ. Трофимъ не послушалъ, убѣжалъ, собралъ черепки и опеть давай догонять: стойте, стойте! Да какъ фукнетъ черепкамъ то въ лошедь то, та какъ испужалась, да какъ помчится, и остался Трофимъ съ черепкамъ. Опеть давай кричеть: стойте, стойте, пожалуйста посадите! Сѣлъ Трофимъ на лошадь и поѣхалъ. Пріѣхалъ онъ ко свяшеннику и говоритъ: ну бачко, пріѣхалъ я вѣнчаться. Ладно, говоритъ, бачко, а гдѣ же невѣста?—Невѣста дома осталася, а ты, бачко, безъ её меня обвѣнчай.—Экъ, чаво выдумалъ!—поѣзжай за ей, да и вѣнчайсь тогды. Поѣхалъ Трофимъ обратно. Послалъ опъ Ивана за ложками. По-

шёлъ Иванъ лѣсомъ, видитъ онъ лѣснова дѣдушку. Голова у нево кудрявая, борода широкая. Чаво тебѣ надоть? закричалъ дѣдъ. Да вотъ бы ложечекъ. Тотъ какъ схватилъ, да и кумыкъ ево въ озеро. Ну, ну не бойся! Добро сдѣлаю, и привелъ ево къ серебряному дому, а тамъ лѣжатъ всё серебряныя ложки. Ну ко крѣпка ли лошка то? Возьметъ, да какъ фукнетъ по башкѣ то Лѣснова то, тотъ только кричитъ: ой, ой помогите! Взялъ Иванъ лошки и пошолъ обратно, а самъ кричитъ: охъ лошокъ пудъ пёсу Притащилъ Иванъ лошки, да какъ хлеснетъ по воротамъ то, такъ все переломалъ. Поѣхали (sic) Трофимъ къ невѣстѣ. Онъ сѣлъ на пристаночки и кричитъ: нуко, невѣстушка, выходи ко мнѣ. Сосваталъ Трофимъ невѣсту, послалъ Ивана за чашкамъ. Пришелъ Иванъ въ деревню, проситъ чашёкъ; дали ему три чашки. Первая говоритъ худая, другая небаская, третья изъ новой изъ лѣсинки. Не поленулись чашки. Пошелъ онъ въ другую избу. Тутъ ему подали: первую со щелью, 2 на дёнышкѣ рубчикъ, третья говоритъ хороша чашечка, а четвертая и больно хороша, Взялъ Иванъ чашки, пришелъ домой, налилъ молока, а оно всё и выбѣжало, худыя значитъ были чашки. Поѣхалъ Трофимъ впичаться. Отдалъ бачку послѣдніе гроши. Пріѣхали съ молодушкой въ деревню, а она и говоритъ: гдѣ, баетъ, у тя изба то? Ничево! баетъ, не сумлевайся, не долго избу сколотить. Взялъ онъ доску, сколотилъ на шпунтъ, подставилъ по краямъ три до́щечки, щепки свалилъ на крышу — вотъ и вышла изба. Топеря, говоритъ Трофимъ, заживёмъ расприкрасно, а ты топеря вези, молодушъ, свое богачво, есь куды и поло́жить. Поѣхали за сундукомъ; привезли ево, а въ немъ одно тряпьё. Охъ, охъ какая жо радось-то мнѣ теперь! стонетъ Трофимъ: ничего не получилъ, лошки, чашки прибилъ; чѣмъ расплачиватца то стану; охъ! Тутъ пришли сусѣди за изломанныя чашки взели всё, що было, взели. Чѣмъ жо жить то буду! плачетъ Трофимъ. Сусѣди посмѣиваются: поди сбирай съ молодухой то, веселѣе двоемъ. Дѣлать нечево, взялъ Иванъ молодуху и пошёлъ сбирать. Посбирали они, поѣли, головы повѣсили; да и заплакали.

3. Жилъ былъ старикъ со старухой, у нихъ никого не было, одинъ козелъ да баранъ. Старикъ да старуха умерли, козелъ да баранъ пошли по дорожкѣ. Шли да шли, до смолова пня дошли. Вечеръ ужъ, надо имя ночевать. Баранъ и баетъ козлу: наа (вм. надо) огня добывать. Козелъ боднулъ въ пень, не могъ огня добыти. Баранъ разбѣжался, какъ боднулъ и огонь вылетѣлъ. И сидятъ грѣются. Прибѣжалъ къ имямъ заецъ. Козелъ да баранъ, пусти погрѣться. — Грѣтца грѣйсь на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Заецъ приташшилъ сучечекъ, сидитъ грѣетца. Къ имямъ бѣжитъ лисича. Козелъ да баранъ, пусти погрѣтча. Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Она приташшила вичку, бросила и сидитъ грѣетца. Прибѣжалъ къ имямъ волкъ. Козелъ да баранъ, пусти погрѣтца. — Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Онъ приташшилъ колышёкъ, и сидитъ грѣетца. Прибѣжалъ медвѣдь. Козелъ да баранъ пусти погрѣтца.—Грѣтца грѣйсь, на чужи дрова не надѣйсь, свои припасай. Медвѣдь приташшилъ пень, бросилъ и сидитъ грѣетца. Они уснули. Козелъ да баранъ пробудились и баютъ: два лѣсника ходятъ, волка да медвѣдя ишшутъ. Волкъ услышилъ и будитъ медвѣдя: медвѣдь, медвѣдь! Козелъ да баранъ баютъ, що лѣсники насъ ищутъ. Медвѣдь баетъ: ой, какая тутъ правда! Сами опеть уснули. Козелъ да баранъ пробудились, побѣжали вдоль по дорожкѣ. Бѣжели, да бѣжели, да на клёнистыя сосны добѣжели. Козелъ на вершину сосны влѣзъ, баранотъ за имъ; лѣзъ, лѣзъ, да какъ оборвалса, да рогомъ то на сукъ, болталса, болталса и упалъ. Тутъ прибѣжали медвѣдетъ да волкъ. Козелотъ съ вершины то закричалъ: тово ли надо! тово ли надо!

Пѣсни.

1. Ужъ вы вѣтры, вѣтерочки,
Не сдувайте съ горъ снѣжочки,
Не смутите синё море:
Сине море колебливо,

Бѣлорыбица пуглива,
Красна дѣвица тосклива:
Съ милымъ дружкóмъ разлукá,
Разлучаетъ насъ неволя,
Неволя не охота,
Чужедальня сторона.

---

2. Безъ меня меня жонили,
Меня дома не было.
Я на мельницѣ былъ,
Во Котельницѣ служилъ,
Изгороду городилъ, что бы
Мухи не летали, тороканы
Не скокали.
Тороканъ перескочилъ,
Верхну жердь переломилъ.

---

3. Не во лѣсикѣ лѣсъ трошшитъ (вм. трещитъ),
Во березникѣ хрусъ хруститъ.
Не мою ли жену волкъ ташшитъ.
Жена то взбѣгивала,
На свиньѣ къ обѣднѣ ѣзживала,
Подъѣзжала къ полевымъ воротамъ,
Увидала мужика съ бородой.
Рыжой красново спросилъ:
Гдѣ ты бороду красилъ?
Я на солнышкѣ лёжалъ,
Кверху бороду держалъ.

---

4. Тетя, тетя мой!
Тетя, батюшко родной!
Сядь на лавочу (такъ) со мной,

Побахоримъ мы съ тобой;
Запрегомъ мы двойку,
Прогуляемъ тройку.

---

5. Ѣдетъ дру́женька на ворономъ конѣ,
Нѣтъ у дру́женьки черканскаго сѣдла.
Соберемся мы, кумушки,
Во единый кругъ;
Сложимся мы, кумушки, по копеечкѣ,
Купимъ мы друженькѣ
Черканское сѣдло.
Нѣтъ же у друженьки
Тасмянныя узды.
Соберемся, кумушки,
Во единый кругъ,
Сложимся мы, кумушки, по гривенкѣ,
Купимъ мы друженькѣ
Тасмянную узду.
Нѣтъ ошо у друженьки
Шелковы́ плети́.
Соберемся мы, кумушки,
Во единый кругъ.
Ѣдетъ же нашъ друженька
Весь совсѣмъ.

Загадки.

1. На горѣ, горищѣ стоитъ столбишшо, тутъ ноготь и деготь и смерть на носу. (Ружье).

2. Божье по Божью бѣжитъ, кикимора въ остожьѣ сидитъ. (Лошадь, сани и человѣкъ).

(Сообщеніе Е. А. Костровой).

47. *Рязанской* губ., *Касимовскаго* уѣзда, Погостинской волости, деревня Тимохино.

Авторъ сообщенія—студентъ С.-Петербургскаго Университета.

Гласныя. § 1: говорятъ кро́су, ф ко́зну, то́ш̓чит̓; ко́г̓итца, но старшины́, скам̓ји́. § 2: ла́в̓ьт̓ (вм. ловитъ), са́д̓ьт̓ (со́дит отъ гл. сади́т̓), но до́ ста, ходо́к, и т. д. у́гъл̓ја, н̓ика̊л̓и́. Говорятъ: удва́иват, замора́жива́т̓, и т. д., но па̊т̓о́сыват̓, зав̓о́ртыват̓ и т. д. § 3: въ приведенныхъ случаяхъ вездѣ наблюдается чистое о́. § 4: крестьяне съ о́кающимъ говоромъ только захожіе изъ сосѣднихъ Владимірской и Нижегородской губ. § 5: слышенъ глухой å; нпр. ка̊ба́к, тра̊ва́. § 6: также å; нпр. ка̊ры́та̊, га̊до́ф. § 7: за согласными ж, ш, ц слышенъ также звукъ å; нпр. жа̊ра́, ца̊р̓а́; жена произносится какъ жана́, жан̓и́ц̄а (жениться). § 8: слышится опять неясный å; нпр. съма̊ва́р, па̊па́ли. § 9: говорятъ: дура̊ка́, мужика́, рука̊ва́; произносятъ: кружава́, пуза̊р̓о́к; вм. мозо́ли говорятъ «музли́». § 10: въ данномъ случаѣ слышенъ еще болѣе неясный звукъ (ъ), напр. бърада́, пъл̓ач̓и́т̓, пън̓асу́ и т. д. § 11: говорятъ гъспа̊да́ и гъспа̊д̓и́н, бъга̊ч̓а́ и бъгач̓у́. § 12: пъпра̊вл̓а́т̓, хъра̊во́т, бъхра̊ма́, Бъга̊ро́д̓ьца, мъh̓а̊ры́ч̓. § 13: Слышится звукъ å, т. е. неясныйзвукъ, не то а, не то о: во́ла̊сы, Хв̓о́да̊ру (Ѳедору) и т. д. § 14: говорятъ: ха̊ро́шьн̓ка̊ва̊, ма́л̓ьн̓ка̊мў. § 15: въ конечныхъ слогахъ слышится болѣе явственное а, почти чистое—особенно при крикѣ, напр. эй, Хв̓о́дар, таш̓ч̓и́ у́гал̓. Въ послѣднихъ слогахъ слышится звукъ å — го́ра̊т, Хв̓ода̊р. § 16: слышится неясный å: сл̓œпо́ва̊, си́ла̊. § 17: говорятъ: жана́, жалу́док, шасто́ј—съ чистымъ а; неясное е—шьлавлиф, ску́шьла̊; послѣ звука ж вездѣ слышится чистое а: но́жак, за́ мужам, въ остальныхъ случаяхъ неясное е (ь): ма̊на́шьк, га̊ро́шьк. Говорятъ: ху́жа, та́м-жа, глубжа но до́льшĕ—съ почти чистымъ е, вы́шĕ. Говорятъ обыкновенно: вы́шьл уш, уш по́зна̊ или уш по́зна. § 18: говорятъ: å на́, å т̓œ́у, å гурцы́. § 19: слышится å — å го́н̓, å т Бо́га. § 20: говорятъ:

га̊ловыи̇ка̊, д̇евыи̇ка̊, б̇ар̇озыи̇ка̊. § 21: слышится, особенно въ собственныхъ именахъ—Да́р̇куј, Ма́шкуј, Акули́нкуј, а также и н̇ав̇œстуј, суда́рышкуј; но говорятъ вы́мај, почти съ чистымъ а; зд̇оéлај и т. д. § 22: въ приведенныхъ здѣсь случаяхъ слышно о́ (кро́ю, мо́ю). § 23: слышно а̊: кра̊ши́т̇, дра̊жа́т̇, а подъ удареніемъ о̇: кро́шит̇ и т. д. § 24: говорятъ: та̊ко́ј, како́ј съ чистымъ о. § 25: ы слышится только въ ды́ (да); говорятъ н̇и зама́ј. хут̇; ху́ч̇, ху́ш. § 26: выпаденіе замѣчается лишь въ первомъ случаѣ: говорятъ: сърфа̊ны́, пърха̊во́ј, пъла̊в̇и́на̊, ва̊ра̊та́, § 27: замба́р, да̊рла́. § 29: говорятъ всегда: з̇а́т̇, м̇а́т̇, вз̇а́л̇и, д̇а́д̇а̊, с̇а́т̇. § 31: слышится я (т. е. а—послѣ мягкаго звука): св̇ато́ј, пл̇аса́т̇, ст̇ан̇œ́, в̇ас̇н̇œ́. § 32: говорятъ постоянно согласный мягкій и а; надъ произношеніемъ съ и, нпр. н̇ису, ст̇ина, смѣются. § 33: вездѣ слышится а (я), какъ въ р̇ака́, в̇асна́, такъ и въ в̇асло́, в л̇асу́ и т. д. § 34: слышится я (а) безразлично. Говорятъ и н̇асу́ и р̇акѣ́. § 35: въ такихъ случаяхъ слышится почти чистое и, нпр.: ф тир̇аму́, ч̇ила̊в̇œ́к, сир̇ада́. § 36: говорятъ: жан̇и́лса, цана́, цал̇œ́ј, царко́внај, жан̇и́х; въ «женихи» слышится а не совсѣмъ ясное, а напоминающее е. § 37: говорятъ: пре́жн̇ӑму, о́з̇ӑра̊, ве́с̇ӑла̊, но не съ совсѣмъ явственнымъ а (я). § 38: съ звукомъ я (а)—говорятъ: па́л̇ау, в̇œ́т̇ар, д̇œ́н̇ак. но, впрочемъ, въ такихъ словахъ, какъ за́йц, по́йс слышится и, хотя и не совсѣмъ явственное. § 39: слышится скорѣе и—нпр. въ такихъ словахъ, какъ о́сйн̇, ка́м̇йн̇, дœ́в̇йт̇. Во 2-мъ л. слышится почти чистое а (я)—бу́д̇аш, л̇œ́з̇аш, но въ 3-мъ л. и—бу́д̇йт̇, тон̇йт̇. § 40: говорятъ: н̇ас̇и́т̇а̊, хо́д̇ьт̇а, тро́ја, бо́л̇а, ши́р̇а, но́н̇ча; вм̇œ́ст̇а, но на ба̊за́р̇й, ф по́л̇и, дв̇œ́с̇т̇и; ва̊стро́ги, на б̇ьр̇агу́, на га̊ро́х̇и, худы́ја, сл̇апы́ја; въ 1-мъ случаѣ говорятъ «ф по́л̇а», а во 2-мъ съ и: былъ ф по́л̇и. § 41: говорятъ: м̇и́л̇ьн̇ка̊ј, о́л̇ьн̇ка, го́льн̇ка̊ј, до́бр̇ьн̇ка̊ј — съ неяснымъ звукомъ е; говорятъ какъ н̇ату́х, јаво́, такъ и н̇або́с̇, н̇амно́га̊. § 42: да̊ро́жьн̇ка̊, Ма́шьн̇ка. § 43: замѣчается постоянно выпаденіе звуковъ, нпр.: м̇ьл̇ја́н, н̇ьр̇ьв̇ази́, в̇ир̇т̇ано́, д̇ис̇т̇и́на̊; говорятъ: в̇ьл̇ча́јут̇, но въ игу́меньша почти явственное и; говорятъ Ил̇у́ша̊. § 44: е и ѣ въ произношеніи совершенно одинаковы; между звукомъ е въ

«сѣно» и «отец», напримѣръ, для слуха нѣтъ никакой разницы. § 45: говорятъ иногда нёбо, но чаще небо; говорятъ: хр̓ѡ́ст, јѡ́с̓т̓; говорятъ: д̓ѡ́фка̊, д̓ѡ́въч̓ка. § 46: говорятъ: д̓о́шева̊, га̊ла̊в̓ошка̊, м̓о́рзнут̓ и т. д.; говорятъ јејо́. § 47: **е** вмѣсто **э**: јє́тът, јефтът. § 48: обыкновенно **о**: а̊т̄о́л̓, а̊т̄у́да; **э** только въ а̊тцѡ́да̊ и а̊т̄ѡ́да̊ (чаще а̊т̄у́да). § 49: говорятъ: јис̓т̓, јис̓т̓ (ѣсть, ѣстъ), но с̓ѡ́јьт̓, д̓ѡ́въч̓ка̊; д̓и́вьр̓. § 50: и́ва̊, и́спа̊лу; с н̓и́м. § 51: вездѣ и: јаи́ц, пъс̓т̓ира́т̓, но ба́р̓ан; а̊тв̓ѡ́т̓ал, вып̓ал; обыкновенно — хо́дит̓, про́с̓ит̓. § 52: слышно **и** въ кр̓и́к, стр̓ич, бр̓и́тыј, но въ грыбы́, ры́га, выш̄ън̓ји—ы. § 54: говорятъ: худы́х, мо́ју, раза̊јд̓отца̊, са̊јд̓о́т. § 55: частица «ба» вм. бы употребляется очень часто: зд̓ѡ́лъл ба, с̓ѡ́л ба. Говорятъ пр̓ивы́шна̊ј; только въ **виса̊ко́** — и; въ другихъ случаяхъ ы бы́т̓, высо́кај. § 56: говорятъ хру́пкај; каку́ја, но до́брају; ва̊сму́ја, ма̊ла̊ду́ја. § 57: **ся** обыкновенно въ женск. родѣ—умы̀ла̊с̓а, уха̊ди́ла̊с̓а; говорятъ га̊рди́с̓и, ба́луйс̓и; се́р̓д̓ьца, мо́льца. § 58: говорятъ: па̊б̓ѡ́дамши, са̊б̓ира́ц̄а (собирается), б̓ѡ́гат, игра́т, зна́т, умѣ́т, ма̊во́, тва̊во́, сва̊во́, Н̓ика̊ла́ф, Н̓ика̊ла́вна̊. Говорятъ: пыгра́т̓, пыма́т̓, § 59: Вездѣ произношеніе обыкновенное— б̓ѡ́лају, д̓ѡ́ла̊ју. § 60: говорятъ: л̓ну́, л̓ду́, ржи, но а̊ржа̊но́ј, а̊га̊ро́х (горохъ), а̊л̓н̓а̊но́ј (льняной). Говорятъ—пша̊но́, кра̊ва́т̓, гр̓а̊ч̓и́ха̊. § 61: кромѣ слова ус̓а́ (вся), вездѣ бываетъ **в**: вр̓ѡ́м̓а, вда̊ва́. Говорятъ: га̊до́ф, два̊ро́ф. § 62: говорятъ: во́тка̊, во́лк̓и. § 63: говорятъ: у ка̊во́, удало́ј, но вда́р̓ит̓, вда́р̓; в̓а̊дно́м, ва̊строг̓и, ујт̓и́т̓, ујд̓о́т̓. Говорятъ: па̊ж̓иву́т̓, па̊ж̓иву́т̓. § 64: **в** приставляется въ слѣдующихъ словахъ: во́с̓ен̓, во́з̓ера̊, ву́л̓ица̊, па̊вуч̓и́т̓. § 66: является **п** и **ф** — в̓ѡсо́ф, луго́ф, гру́п (грубъ), ду́п. § 67: говорятъ мягко: кро́ф̓, л̓убо́ф̓, пр̓иста́ф̓; говорятъ руп̓. § 68: говорятъ: сем̓д̓ьс̓ат, д̓ар̓ѡ́вн̓а, зем̓л̓у, д̓ѡ́фк̓и. § 69: обыкновенно ф=хв; М̓итра̊хва́н, Хв̓ѡ́да̊р, но Х̓ѡ́кла̊ (Ѳекла), ка̊рто́х̓, ху́нт; ф слышалъ только въ словѣ па̊фа́ртила̊с̓ (посчастливилось). § 70: въ словахъ: га̊ра́, дуга, на̊га́—**г**, въ ĥа̊спо́т̓, ба̊ĥа́т—ĥ (г близкое къ х). § 71: говорятъ: ма̊во́, сл̓апо́ва̊, ха̊ро́ша̊ва̊; хъра̊во́т. § 72: произносятъ съ **х**: па̊ч̓л̓ѡ́х, дру́х, плу́х. § 73: говорятъ: та̊к̓и́ји,

плâхи̇ји, ди̇рав̇ѡ́енских. Говорятъ нâдѡ́(э)т̇им и к(ѡ)е́тъму. § 74: говорятъ: п̇ан̇ка́, хâзâјка, гл̇ан̇ка, но цьр̇ко́внај, О́лгâ, нъвьр̇ху́. § 75: говорятъ: хло́пâты̇, та́хтâ, но квâд̇ѡ́; К̀и̇јаф, к̇и́слыј. § 76: говорятъ: л̇ѡ́хкâј, м̇а́хкâј, пал̇ьхч̇а́лâ, т. е. съ твердымъ х. § 77: твердо — пâдв̇и̇н̇, бâтв̇и̇н̇ја, пâдм̇е́ткâ. § 78: говорятъ: дл̇а́; съпâг̇и́, спи́ч̇ки (чаще сп̇и́цы), забо́тâ, з̇ипу́н; суд̇и́лс̇и, гл̇ад̇ѡ́лс̇и, пис̇мо, вaз̇му́ (но иногда и писмо); бâјус̇, храбр̇у́с̇. § 79: т произносится чисто—т̇âну́т̇, т̇ѡ́лâ. § 80: говорятъ: âси́нкâ, лâха́нкâ, п̇ѡ́с̇ьнкâ, О́л̇ьн̇кâ, ду́шьн̇кâ, со́н̇цâ. § 81: говорятъ мягко: п̇е́р̇выј, в̇ер̇х, зер̇къл̇â, дво́р̇н̇ьк, кâр̇м̇и́т̇; ста́р̇шѐ, се́р̇цѐ, но ца́рскâј. § 83: обыкновенно вмѣсто ч — ц: пцо́лы, п̇ѡ́ц̇, уцы́л̇ищâ, до́цкâ, цаты́рй. Вмѣсто ц — ч: ча́р̇, ч̇ѡ́п̇, чи́фр̇а (цыфра). Произносятъ: кан̇ѡ́шнâ, сер̇д̇ѡ́шнâј. § 84: говорятъ: купе́ч̇, âфч̇а́, куз̇н̇ес̇ч̇у́, но цыга́н. § 85: произносятъ: жо́лтâј, жо́нкâ, шо́лкъвâј, т. е. твердо. § 86: говорятъ: зâржа́л, ж̇ил̇ѡ́зâ, но с̇ин̇ѡ́т̇ вм. шипѣть; говорятъ: шâба́ш. § 87: твердо— зд̇ѡ́шн̇ај, гр̇ѡ́шн̇ак. § 88: говорятъ: ш̇ч̇у́кâ, пам̇е́ш̇ч̇ьк, ш̇ч̇о́т. Вообще щ=ш̇ ч̇; дâж̄а́, вижа́т̇; дождь произносится какъ до́ш. Говорятъ ждо́т, што́ (рѣдко, обыкновенно ч̇аво́). § 90: говорятъ: пâрки́, но ст̇âкло́, шâшна́ц̄ът̇. Говорятъ: ба́ушкâ, тајѡ́, но с̇абѡ́, гл̇ад̇и́.

Ударенія: § 91: гору́, голову́, воду́, цѣну́, свободу́, сторону́, сковороду́, землю́, соху́, борону́, душу́, зиму́, доску́, середу́, два ряда́, орѣхи́, молота́ми, деньга́ми, бра́ла, прорва́ла, гна́ла, родила́, приня́лъ, запёрто, распёртый, пове́рнешь, ве́рнецца, разсте́гнешься, ольха́, валко́мъ, ко́ломъ убью, пригово́ры, приговора́, далёко, издаля́, на ве́рхъ, на́ верхъ, три́ дня.

Склоненія: § 92: говорятъ: Мъик̇и́т! Пе́т̇, П̇атру́х, но т̇отка̂, Га́н̇а! § 94: У ба́т̇ушки, к мал̇чи́шку. Только «при âтцу́», но «на дев̇и́шн̇ькй; дâма́, луга́, пâјаса́, л̇ны́, сус̇ѡ́д̇и; брâт̇ја́, брâт̇ја́мь; сынâвјо́ф, търâка́ны̇, м̇ад̇в̇ѡ́д̇, âрши́н, сâлда́т, дн̇о́ф, рубл̇о́ф, зубо́ф. § 95 «без трубѣ», «у вдовѣ», но с рâбот̇ь, у п̇ав̇е́с̇т̇ь; к зâр̇ѡ́, на дв̇âр̇ѡ́, в ш̄âл̇ѡ́; цѐр̇къф̇ (или че́р̇къф̇), с̇вакры́, ма́т̇, доч̇; пъдâт̇а́,

въла̊с̓т̓а́, но ло́шъдь, гр̓а́ды̆, дв̓œ́р̓ь. Окончаніе авъ, явъ—ко́мнъта̊ф, па̊с̓т̓œ́лӑф, но лъша̊д̓œ́ј, от д̓œ́вък, душм̓и́, слез̓м̓и́; с̓ва́тк̓ьмй, д̓е́н̓г̓ьм̓й. § 96: Д̓ит̓о́; у по́л̓у, в а̊кну́, но а̊пс̓е́н̓и; дра̊ва́, па̊ло́тна̊, гу́мна̊; па̊л̓œ́ј, по гн̓œ́здъф, д̓а̊ло́ф. § 97: ф с̓ан̓а́х, ф гла̊за́х; въ д. п.: ём — лъша̊д̓о́м, л̓уд̓о́м. § 98: говорятъ: га̊ло́дн̓и, ба̊га́т̓и и т. п.; въ им. мн. оконч. ыи, іи — таки́јй, ба̊га́тыјн. Окончанія обыкновенныя — ыхъ, ымъ, ихъ, имъ. Окончаніе **ой** — ва̊до́ј, струјо́ј, ба̊га́тъј; есть окончанія **ою**, **аю** — до́бра̊ју, с̓и́л̓на̊ју, худо́ју § 99: бл̓и́жа̊, про́ш̓ч̓ĕ, но́ ху́жај, ска̊р̓а́ј, в̓ьс̓е́л̓а́ј, луч̓ч̓ај; с̓ар̓е́ја, худ̓е́ја, крас̓н̓е́ја и т. п. § 100: то́т, то́ј, а̊т тајо́, ту́, та̊јо́ са̊ба́ку, т̓œ́, т̓œ́х, ты́м; б̓œ́ј јајо́; у је́ј, на је́ј; јо́н, ја̊ны́, на̊дји́м, к ји́м, а̊на́; к̓œ́х, с̓œ́х, а̊б̓œ́х, а̊б̓œ́м, но хто́; да̊ к̓е́јьх по́р; вс̓е́јо, а̊дна̊јо́, съма̊јо́; вс̓о́ј душо́ј; м̓а̊н̓œ́, та̊б̓œ́, у с̓а̊бœ́, т̓е́ја́, у с̓аб̓а́, т̓œ́ (куда́ т̓œ́ н̓ас̓о́т̓); м̓а̊ји́, тва̊ји́, ма̊во́, тва̊во́, ма̊му́ и т. п.; ма̊јо́ј, сва̊јо́ј. § 101: говорятъ двум̓и́, тр̓ам̓и́, ч̓ьтър̓ьм̓и́, тр̓о́хъ, тр̓о́м, но у сам̓их, у пя́т̓а̊х (у пятыхъ).

Глаголъ: § 102: говорятъ: спра̊с̓у́, зъта̊н̓у́, с̓п̓у́, но купл̓у́, л̓убл̓у́; нь ма̊г̓и́м зна́т̓; с̓ажу́. § 103: ид̓о́ш̓, приста̊јо́ш̓; б̓јо́с̓с̓й, да̊жд̓о́с̓с̓й; је́ш, да́ш, наји́с̓с̓и, хо́ч̓аш (чаще хо́ш: н̓а хо́ш?). § 104: въ 3 л. ед. **ть** — б̓ар̓о́т̓, хо́д̓ьт̓; въ 3 л. мн. ут̓, ју́т̓ — хо́д̓ут̓, пл̓ату́т̓, д̓œ́лајут̓, т̓ако́т̓, ра̊с̓т̓о́т̓; тр̓о́ц̄а, ва̊з̓м̓о́ц̄а; б̓ар̓о́т̓ куп̓ьт̓, уб̓јо́т̓, ваз̓м̓о́т̓; јœ́с (есть); јœ́ст, на̊јœ́сца̊, а̊тда́с̓т̓, хо́ч̓ьш, хо́ца. § 105: б̓јо́м, н̓ас̓о́м, в̓и́д̓ьм. § 106: б̓ьр̓о́т̓а, св̓аз̓о́т̓а̊ (етя). § 107: хо́д̓ут̓, по́с̓ут̓, дœ́ржўц̄а, пло́т̓ут̓, врютъ = врутъ; бьр̓ажо́ш̓, бьр̓агу́т̓, б̓ӑжа́т̓, б̓агу́т̓. § 108: вы́л̓ъж, ув̓и́т̓, с̓јœ́ш пъма̊г̓и́, зга̊н̓и́, п̓ьр̓ало́м̓, вда́р̓, гла́н̓к̓а̊, по́ј ка; пъшо́л! пъшла́! или па̊шо́л, па̊шла́. § 109: бро́с̓ал, па̊стро́јал, шо́л, да̊шло́; пр̓иб̓о́х, уто́п, за̊вы́ла̊. 110: т̓ар̓œ́т̓, п̓ар̓œ́т̓, ум̓ар̓œ́т̓ (вмѣсто «умереть» говорятъ па̊ха́рч̓ьц̄а̊: похарчиться); й̓т̓и́т̓, пр̓ит̓и́т̓, да̊ј̓т̓ит̓, а̊ба̊ј̓т̓и́ц̄а̊, ро́с̓т̓, спа̊с̓т̓и́т̓, но па̊с̓ти́. § 111: гры́жьны̆, за́гна̊ды (загнаты), убра̊та́, а̊ка̊л̓œ́тъј, на̊сы́па̊та̊; спра̊с̓œ́мшй, пуст̓œ́мшй, но спл̓ат̓а́; ујœ́хач̓й,, за̊шо́ч̓й, но на̊с̓а́. § 112: ба̊ју́с̓а, л̓а̊жус̓а, 2 л. ба̊йс̓ и ла̊жйс̓и, 3 л. б̓а̊и́ц̄а̊, ла̊жи́ц̄а̊; ла̊жа́ц̄а̊, ба̊ја́ц̄а̊; ла̊жи́ц̄а̊, ба̊јац̄а̊.

§ 113: только пачъриит; говорятъ только купіат; јёздьју, јёздијут. § 114: Употребляются формы: знаш, знат, умѣеш, ыхъ, ымъ, ихъ, имъ. окончаніе омъ — сыром, худом. иы умѣт, скучат, работат, но работъјут, дѣлъјут.

Синтактическія особенности. § 117: говорятъ часто: угал, картоф, јаблак, утка, вмѣсто множ. ч. этихъ словъ, но лошъди, мадвѣди. § 118: мыш — муж. р.; род. пад. мыша; скатърт — женск. р.; кор — ж. р., но ф кару (въ корп); облак, јаблак; 8-е лѣта жанат. § 119: краснъја платја, жаркъја лѣта, малъја самејства, но р. п. ср. р. — самејства, также и худаја вино, кислъје мълако, но р. п. ср. р. — кислъва мълака, худова вѣдра. § 122: говорятъ: на Патры и Павлы, на Пакрава, окала Миколе. § 123: говорятъ: «я хотѣл спросить у вас», «мы об этом ничего не знам (sic)», «играть в гармонью, в скрипку», но «курить трубку». Говорятъ: «по грибы», «по бруснику», но за хозяиномъ, за хозяйкой; об Рождествѣ, об Масляной. § 124: говорятъ правильно, за исключеніемъ «при людей». § 126: говорятъ: «сюда пришло двое мужиков; трое человѣк, двое баб, но два дублёных тулупа; говорятъ двое хороших малых; слово «мальчик» употребляется очень рѣдко. § 128: «у меня три дѣвки да два малых». § 129: «чего» вмѣсто «что» наблюдается постоянно. § 130: говорятъ памѣшамшис, спрасомшис; ујѣхамши, но раздѣлимшис. § 131: употребляются частицы: ста, ка, тка, и член: напримѣръ: тапор-ат, тапара-та, тапары-ти, баба-та бабы-ти; им. мн. бабы-тѣ. Кромѣ того мнѣ приходилось слышать слѣдующія слова, не употребляющіяся въ литературномъ языкѣ: кезбът = какъ будто, прапишут — промолчать, шабалы бить — ничего не дѣлать, абапол — напрасно, закукшит — обидѣть словами, пахарчьца — умереть.

(Сообщеніе Николая Ушакова).

48. *Вятской* губерніи, *Слободского* уѣзда, село Мухино.

Авторъ сообщенія — учительница Мухинскаго училища, уроженка села Полынки, Слободского уѣзда. Образованіе получила въ г. Вяткѣ.

Село Мухино находится на лѣвомъ берегу рѣки Косы. Въ немъ шесть домовъ духовныхъ и пятнадцать крестьянскихъ. Точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія населенія села не сохранилось, по случаю пожаровъ. Изъ записокъ, сохранившихся съ 1780 года, видно, что первоначальное населеніе было духовное, но потомъ сынъ священника, не получившій образованія, приписался къ крестьянскому сословію. Мѣстное населеніе занимается земледѣліемъ и сдаетъ хлѣбъ въ г. Слободской; а изъ села Уни, Глазовскаго уѣзда, вывозитъ лѣсъ и деревянныя издѣлія.

Гласныя: § 1: Олександръ, Орхипъ, корондашъ, розлить, росколоть. § 3: удабривать, улваживалъ, просрачивалъ, успокаивалъ. § 4: сомоваръ, сладкова. § 6: соводня, доржаль, запрегомъ, пенолъ. § 7: вéрба, дéржилъ, прёслъ, нёбо. § 8: вольняе, быстряе, жена, жолѣзо. § 10: цолуётъ § 13: очунь. § 15: ресовать, éелетъ. § 16: крию. § 17: бароня, Государоня. § 19: крѣпкій, мелкій. § 21: здись, стрилять. § 22: сясть, видялъ. § 23: пешь, пешьдесятъ, взеть, опешь, мечикъ и т. д. § 25: хозява. § 29: мати, дочи, играти; рота, цотолока, доложно.

Согласныя: § 31: колда, колды, толды; восударь, Восподь. § 32. мягкій, мелкій. § 36: Фомякъ. § 37: хъ попу, хъ царю, гъ дереву, желѣзу. § 38: глинный. § 39: свальба. § 32: Бохъ, рохъ. § 43: черковь, чарь, чарича, сонча, чвѣты, отечъ, скворечъ, столечъ, купечъ, горнича, цасъ, цорный, цотыре. § 44: урождай. § 45: ште. § 46: шшука, ошшо; вешъ это. § 47 треложить. § 49:

комлата. § 51: ланно, опна; трось, шесь, пётъ. § 53: крохѣ, любовь, сенъ, пполупъ.

Ударепіе. холо́дъ, ва́лежнпкъ, на лошади́, на ко́пяхъ, пять сажо́нъ, о́тставка, по́ставка, моло́ченіе, я́ицъ, молепьствіе, ру́пъ, ляхче вм. легче; дере-веньской, барьской, чаща́, со́сна, сви́нью, ро́дитъ, онъ ро́дится, спитё, ѣдитё, хотитё, и́кать, во́пить, поло́житъ, предполо́житъ, пону́дить, по́звалъ, со́бралъ, по́гналъ, туго́й, прѣсно́й, грязно́й, толсто́й, суровой, случпло́сь, о́пасно, самаго́, три́ года, два́ дпп.

Склопенія: § 59: гвоздьё, братьё. § 61: матчи, дочи, барыни; на лошадѣ, на пичеъ. § 64: вороты, бревны, и т. п. § 67: красною дѣвку. § 69: кеныё дни, сильныё лошади. § 79: въ емъ, да, имя, съимя. § 77: всѣмя́. § 80: люди,—тѣ пришли; мужикотъ идетъ.

Спряженіе: § 84: колотю; § 87: стерегошь, скошь, шолкошъ и т. п. § 89: ходити, сидѣти, ностии. § 95: вм. мою—мыю.

Синтаксисъ: § 97: вечёре вм. вечеромъ. § 98: коспть трова, надѣть шуба. § 103: веснусь, лонись, лони. § 107: о праздникѣ. § 108: возлѣ дорогу. § 111: сюда пришло петь барановъ. § 121: Онъ-де ходилъ въ полё.

(Сообщеніе сельской учительницы).

---

49. *Архангельской* губерніи, *Онежскаго* уѣзда, село Прилукъ.

Село Прилуцкое, основано въ концѣ XV в. Большинство жителей ходитъ на заработкъ и въ С.-Петербургъ и на Маріинскую систему по сплаву лѣсовъ. Жители — потомки Новгородцевъ, изгнавшихъ съ тѣхъ мѣстъ Чудь. — Историческое описаніе этого прихода, находит вь приложеніи къ Арханг. Епархіал. Вѣдомостямъ за 1896 г., № 8 — 10.

Гласныя: § 1: о вм. а—это общая черта мѣстнаго говора, впрочемъ иногда слышится звукъ средній между *а* и *о* (глухое *а*); розумѣть (въ друг. случаяхъ употр. этого глагола слышится вездѣ *а*). § 4: обыкновенно говорятъ *о*, но побывавшіе на заработкахъ на Маріинской системѣ и въ Спб. говорятъ и *а*. § 6: Ефимъ, женское Офимья.

Удареніе: § 54: ру́чей, язы́ка, ча́ща, приведёна, привезёна, принесёна.

Синтаксисъ. § 105: Очень часто вмѣсто: *за* употребляется *по*. § 121: да молчи ужотко (ужъ молчи); ано лучше знаешь (развѣ—); поди-ко сюда, па-кось тебѣ; покажисе мнѣ ка; что бешто хотѣль сказать; что бар-те отгадайкось.

(Сообщеніе іеромонаха Никодима. Получено отъ проф. Н. В. Покровскаго).

---

50. *Архангельской* губерніи, *Холмогорскаго* уѣзда, села *Елецкое и Куростроно.*

Авторъ сообщенія—настоятель Куростровской церкви.

Описаніе села Емецкаго.

Я родился въ селѣ Емецкомъ Архангельской губерніи Холмогорскаго уѣзда. Емецкое расположено на лѣвомъ берегу рѣки

Емцы, въ пяти верстахъ отъ него впадающей въ рѣку Сѣверную Двину, въ 177 верстахъ отъ города Архангельска, въ 93-хъ отъ города Холмогоръ, въ трехъ верстахъ отъ Рато-наволоцкаго прихода, въ $4^1/_2$-ю отъ Зачачывскаго и въ пяти отъ Прилуцкаго. Въ составъ его входятъ 25 деревень, отстоящихъ отъ приходской церкви въ разстояніи отъ $^1/_2$ версты до семи верстъ, при удобныхъ во всякое время года путяхъ сообщенія. Число жителей обоего пола въ Емецкомъ сельскомъ обществѣ простирается до 2300. Приходская церковь находится въ селѣ Емецкомъ, которое, благодаря хорошей почвѣ въ окрестностяхъ, удобной для посѣва и сѣнокосовъ, удобному сбыту мѣстныхъ произведеній по рѣкѣ Емцѣ и Двинѣ, и центральному положенію въ предѣлахъ Холмогорскаго уѣзда, издавна было торговымъ селомъ, превосходившемъ въ этомъ отношеніи даже уѣздный городъ Холмогоры. Въ виду столь выгодныхъ топографическихъ и географическихъ условій мѣстности, занимаемой описываемымъ приходомъ, нельзя удивляться, что она стала заселяться раньше другихъ мѣстностей Двинской области. Къ сожалѣнію, по неимѣнію историческихъ письменныхъ памятниковъ, нельзя съ точностью опредѣлить время первоначальнаго заселенія Емецка. Только въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка, населеніе Емецка было настолько значительно, что Емецкіе жители приняли смѣлость—убить сына Новгородскаго посадника Луки, съ шайкою бродягъ производившаго разбои и раззоренія по рѣкамъ Двинѣ и Вагѣ. Еще менѣе извѣстно о построеніи здѣсь первой церкви и образованіи прихода. Первое достовѣрное сказаніе о селѣ Емецкѣ, какъ приходѣ съ приходскою церковью, относится къ началу XVI вѣка и находится на листѣ 31 писцовой книги, гдѣ говорится, что въ 1513 году въ Емецкѣ была церковь и при ней священникъ Никита Ильинъ. Когда эта церковь была устроена и во имя какого святого или событія, неизвѣстно. Въ томъ же XVI вѣкѣ въ Емецкѣ были: 1) двѣ приходскихъ церкви для крестьянъ Зачачьевской волости и перенесенныя въ 1686 г. въ Зачачье, и 2) два монастыря, неизвѣстно кѣмъ и когда

устроенные: женскій — Іоанно-Предтеченскій и мужской — Покровскій. Изъ нихъ первый находился близъ нынѣшнихъ причтовыхъ домовъ, гдѣ стоятъ двѣ часовенки въ память бывшихъ на томъ мѣстѣ храмовъ, а второй—на мѣстѣ нынѣшняго приходскаго кладбища. О первомъ изъ этихъ монастырей упоминается въ писцовой книгѣ князя Василія Звенигородскаго отъ 1587 г., гдѣ написано: «въ Емецкомъ стану, у большаго села, на рѣкѣ Емцѣ монастырь дѣвичій, а на монастырѣ церковь Іоанна Предтечи деревянная вверхъ, а другая церковь Георгія Страстотерпца деревянная же. А въ церквахъ образа и книги, и свѣчи, и колокола и все церковное строеніе прихожанъ Сійскаго монастыря. На монастырѣ двѣнадцать келлій». Дальнѣйшая судьба этихъ монастырей, а особенно перваго, тѣсно связана съ тяжелыми обстоятельствами смутнаго времени. Часть поляковъ изъ корпуса Лисовскаго, разбитыхъ подъ Москвою, устремилась на сѣверъ. Когда въ Холмогорахъ стало извѣстно, что они опустошаютъ Важскій уѣздъ и намѣреваются то-же сдѣлать съ двинскими жителями, бывшій воевода Холмогорскій Петръ Ивановичъ Пронскій, чтобы отразить ихъ, устроилъ въ 1613 году на мѣстѣ Ивановскаго монастыря деревянную крѣпость (острогъ), обративъ монастырскія зданія на постройку ея и переселивъ монахинь въ Покровскій мужской монастырь, а иноковъ послѣдняго въ Сійскій монастырь. Послѣ сего Іоанно-Предтеченскій монастырь уже не возобновлялся, а мужской Покровскій обращенъ былъ въ женскій и отданъ съ 1616 года въ вѣдѣніе Сійскаго монастыря, которому принадлежалъ и Іоанно-Предтеченскій упраздненный, какъ видно изъ той же записи князя Звенигородскаго. Этотъ монастырь въ 1760 году сгорѣлъ вмѣстѣ со всѣмъ острогомъ и съ приходскою Богоявленскою церковью, упоминаемою въ 1513 г. Послѣ сего монахини переведены были въ Холмогорскій монастырь, а сгорѣвшій Покровскій болѣе уже не возобновлялся. Послѣ пожара крестьяне, — прихожане сгорѣвшей приходской Богоявленской церкви, построили новую Богоявленскую же, а бывшіе монастырскіе крестьяне три церкви: 1) во имя Покрова

Пресвятой Богородицы, 2) во имя Іоанна Предтечи и 3)—великомученицы Параскевы. Такимъ образомъ послѣ пожара 1760 г. въ Емецкомъ селеніи было четыре приходскихъ церкви: крестьяне, бывшіе монастырскими, вошли въ составъ Емецкаго прихода, и прихожане послѣдняго стали дѣлиться на двѣ половины: Богоявленскую и Покровскую, что продолжается отчасти и до настоящаго времени. Изъ бывшихъ четырехъ церквей Богоявленская стала называться съ того времени соборною, а старшіе члены причта протоіереями и ключарями, какъ значится въ нѣкоторыхъ документахъ, напр., 1770-хъ годовъ. Означенныя всѣ церкви сгорѣли въ ночь на 22 сентября 1773 года. Тогда Емецкіе прихожане обѣихъ половинъ устроили одну церковь съ двумя престолами: Богоявленскимъ и Покровскимъ. Не довольствуясь этимъ и помня опустошительные пожары 1760 и 1773 годовъ, они, при существованіи вышеозначенной Богоявленской церкви—рѣшились приступить къ устройству другой, каменной, какъ болѣе безопасной отъ пожара. Эта церковь была заложена въ 1792 году и вчернѣ окончена была постройкою въ 1808 г., когда и освященъ былъ первый и главный престолъ ея, что было совершенно необходимо, такъ какъ въ ночь на 1 октября 1808 года деревянная Богоявленская церковь, устроенная послѣ пожара 1773 года, сгорѣла до основанія. Поэтому къ началу нынѣшняго столѣтія въ приходѣ осталась только одна каменная церковь, существующая, по милости Божіей, до настоящаго времени и поражающая своимъ благоустройствомъ и богатствомъ, особенно по сравненію ея съ прежними, троекратно подвергавшимися пожарамъ вмѣстѣ со всѣмъ ихъ имуществомъ, какъ объ этомъ можно судить по сохранившейся описи прежнихъ церквей отъ 1771 г., въ коей говорится, что, напримѣръ, для четырехъ существовавшихъ тогда церквей было только два экземпляра оловянныхъ священно-богослужебныхъ сосудовъ. Нынѣшняя каменная церковь, начатая постройкою въ 1792 году и оконченная вчернѣ въ 1808 году, двухъ-этажная: въ нижнемъ этажѣ—храмъ Богоявленскій, въ верхнемъ—Покровскій. Зданіе цер-

ковное, крытое желѣзомъ, завершается пятью главами, увѣнчанными пятью же желѣзными вызолоченными прорѣзными крестами массивной величины. При означенной церкви въ 1823—1828 годахъ выстроена каменная четырехъ-ярусная колокольня въ 28 саженъ вышины вмѣстѣ со шпицемъ, въ началѣ стоявшая отдѣльно отъ церковнаго зданія въ разстояніи отъ него на 5 саж., а въ 1823 году соединенная съ нимъ каменною пристройкою, сооруженною на средства покойнаго крестьянина В. И. Перевозникова, вслѣдствіе чего и сама церковь увеличилась и имѣетъ въ настоящемъ своемъ видѣ 18 саженъ въ длину. Большой колоколъ въ 169 пудовъ вылитъ въ 1825 году на средства того же Вас. Иван. Перевозникова, поліелейный въ 70 пуд., уцѣлѣвшій отъ прежней церкви, въ 1769 году на средства Ивана Брагина. Кромѣ каменной, въ описываемомъ приходѣ имѣется деревянная церковь на приходскомъ кладбищѣ во имя Сошествія Св. Духа на Апостоловъ съ колокольнею, устроенная въ 1888 г. и снабженная необходимою утварью на средства мѣстныхъ торговцевъ крестьянъ Вальневыхъ, вмѣстѣ съ матерью ихъ вдовою Екатериной Вальневой, пожертвовавшихъ на этотъ предметъ до 5000 рублей. Часовенъ въ Емецкомъ приходѣ три: двѣ маленькія въ с. Емецкомъ, служащія памятниками о двухъ церквахъ бывшаго женскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря, и третья во имя св. Георгія въ деревнѣ Шильцевской, въ одной верстѣ отъ приходской церкви, устроенная въ 1777 году вмѣсто прежней, впервые устроенной, какъ гласитъ преданіе, по случаю явленія на мѣстѣ часовни иконы св. великомученика Георгія въ 1583 году, при Сійскомъ игуменѣ Питиримѣ.

Въ Емецкѣ открыты церковно-приходское попечительство, церковно-приходская школа, отлично сформированное общество трезвости, имѣется особый врачъ; въ Емецкомъ же находятся становой приставъ, мировой судья, лѣсничій, временно открывающееся присутствіе по воинской повинности. Въ Емецкѣ имѣется двухклассное училище Министерства Народнаго Просвѣщенія, открытое въ 1875 году, вмѣсто существовавшаго съ

1843 года приходского училища. До 1822 года было духовное училище, закрытое по малолюдству. До 1870 года было женское училище съ классомъ рукодѣлія при немъ; въ 1871 г. зданіе этого училища перенесено въ Куростровъ для помѣщенія въ немъ учениковъ Ломоносовскаго училища.

Историческихъ достопримѣчательностей село Емецкое имѣетъ много, но о нихъ я знаю только краткія отрывочныя свѣдѣнія, полученныя частью изъ исторіи Молчанова, частью изъ рукописей моего отца, служившаго 37 лѣтъ въ званіи настоятеля Емецкой церкви. Объ этихъ достопримѣчательностяхъ въ настоящее время ничего не могу написать обстоятельнаго, такъ какъ не имѣю подъ руками письменныхъ источниковъ.

Крестьяне села Емецкаго занимаются главнымъ образомъ торговлею и отхожимъ промысломъ. Земледѣліе и ремесла у нихъ не процвѣтаютъ и не занимаютъ первенствующаго значенія. Предметами торговли служатъ: хлѣбные продукты, красные товары, лѣсъ, рыба, скупаемая у промышленниковъ, деревянная и глиняная посуда, земледѣльческія орудія, галантерейные и бакалейные товары, принимаемые комиссіонерами и т. д. За десять дней до праздника Рожд. Христова на Емецкомъ обширнѣйшемъ базарѣ бываетъ десятидневный ярмарочный торгъ.

По своему характеру жители села Емецкаго очень мало походятъ на деревенскихъ жителей; мало кто изъ Емчаковъ не жилъ въ Петербургѣ или въ какомъ-нибудь торговомъ городѣ. Отличаясь особенною честностью, трезвостью и усердіемъ къ труду, Емецкіе крестьяне всюду по городамъ Россіи пользуются довѣріемъ и потому занимаютъ лучшія мѣста; многіе состоятъ повѣренными и кассирами въ артеляхъ, въ торговыхъ и даже банкирскихъ домахъ.

Говоръ и обычаи Емецкихъ крестьянъ чисто городскіе, такъ что своею обходительностью, вѣжливостью и умѣніемъ правильно изложить свою рѣчь Емецкій житель всѣхъ окружающихъ своихъ сосѣдей-крестьянъ приводитъ въ удивленіе, а коренныхъ жителей городовъ—къ представленію о Емецкѣ, какъ бы

о миніатюрномъ, живомъ городкѣ. Уѣздный городъ Холмогоры, въ сравненіи съ Емецкимъ селомъ, является пустующею, безлюдною, какъ бы съ вымершимъ людомъ мѣстностью, гдѣ было когда-то оживленіе, но по разнымъ историческимъ причинамъ безвозвратно кануло въ вѣчность.

ОПИСАНІЕ

села *Куростровa*.

Описываемая мною мѣстность — селеніе Куростровъ небезъинтересна въ томъ отношеніи, что она есть родина знаменитаго русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова. Ломоносовъ родился въ деревнѣ Денисовкѣ Куростровскаго сельскаго общества. Куростровъ представляетъ собою возвышенную плоскость, имѣющую форму опрокинутой вверхъ дномъ высокой тарелки. По окраинамъ такой возвышенности находятся деревни, протянувшіяся въ видѣ правильной окружности, проведенной одинаковымъ повсюду радіусомъ; такъ что, если итти отъ дома къ дому по направленію въ одну сторону, въ ту же сторону лицомъ и придешь на прежнее мѣсто. Нерѣдки случаи, что не знающіе расположенія деревень Куростровa дѣлаютъ вокругъ него полный объѣздъ или обходъ и, не найдя желаемаго мѣста остановки, сознаютъ свою ошибку, послѣ того какъ вторично окажутся на обойденномъ мѣстѣ. Все селеніе занимаетъ окружность въ девять верстъ протяжности и между деревнями нѣтъ значительныхъ переходовъ. Внутри площадь возвышенности вся занята пашнями и не имѣетъ никакихъ строеній, исключая одной трехдворовой деревни, находящейся въ самомъ центрѣ площади. Куростровъ кругомъ обнесенъ водою: съ восточной стороны отъ него въ трехъ верстахъ течетъ Сѣверная Двина, съ южной стороны протекаетъ рѣка Курополка подъ самымъ склономъ острова; она образуетъ Двинской рукавъ, впадающій въ рѣку Холмогорку, которая подковообразно обходитъ Куростровъ съ

западной и сѣверной стороны и впадаетъ въ Двину. Въ трехъ верстахъ отъ Куростровa на сѣверо-западъ по лѣвому берегу р. Холмогорки лежатъ Холмогоры, растянутою линіею: уѣздный городъ, мало чѣмъ отличающійся отъ обширной деревни. Вокругъ Куростровa разстилается громадная безлѣсная равнина, занятая лугами и сѣнокосами. Весною эта равнина вездѣ покрывается водою, и вода отовсюду ополаскиваетъ края Куростровскаго возвышенія; такъ-же точно являются островами и сосѣднія съ Куростровомъ селенія, находящіяся весьма недалеко одно отъ другого.

Время возникновенія Куростровскаго прихода неизвѣстно. Достовѣрно то, что мѣсто, имъ занимаемое, было населено еще въ глубокой древности язычествующею Чудью. Разсказываютъ, будто бы на Куръ-островѣ въ елевой густой рощѣ, остатки которой существуютъ и понынѣ, нѣкогда находилось кладбище, на коемъ стоялъ идолъ чудскаго бога Іомаллы. «Это мѣсто, пишетъ Исландскій лѣтописецъ Стурлезонъ, было окружено лѣсомъ и заборомъ. Въ срединѣ на площади стоялъ истуканъ бога Іомаллы съ драгоцѣннымъ ожерельемъ на шеѣ, а передъ нимъ въ серебряной чашѣ лежали деньги. Норвежцы зашли туда и похитили всё, что могли; но желая еще снять ожерелье съ идола, крѣпко привязанное, отсѣкли ему,—идолу,—голову... Вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рога́. Воры спаслись бѣгствомъ. Жители же съ крикомъ и воплемъ гнались за ними, но, будучи неопытны въ воинскомъ дѣлѣ, ничего не могли сдѣлать отважнымъ грабителямъ». (Истор. Карамз. т. II, 24; примѣч. 62). Въ книгѣ «Заволоцкая чудь», составленной П. С. Ефименко (на основ. истор. Карамз. т. II, примѣч. 62; журн. Мин. вн. Д., 1852 годъ, № 7, стр. 115—117; Финск. Вѣстн. 1845 г. VI, отд. II, стр. 20), мѣсто это описывается такъ: «Въ началѣ XI вѣка на берегахъ Двины былъ торговый городъ Біармія, въ который лѣтомъ съѣзжались купцы изъ Скандинавіи на главную ярмарку и покупали мѣха. Здѣсь же находилось богатое кладбище, по-

тому что жители имѣли обыкновеніе зарывать въ могилу часть богатствъ, оставленныхъ умершимъ. Это мѣсто окружено было лѣсомъ и заборомъ, въ серединѣ стоялъ истуканъ бога Іомаллы, или Юмалы, сдѣланный весьма искусно изъ самаго лучшаго дерева; истуканъ былъ украшенъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, ярко озарявшими всѣ окружныя мѣста. На головѣ Іомаллы блистала золотая корона съ двѣнадцатью рѣдкими камнями, ожерелье его цѣнилось въ 300 марокъ (150 фунтовъ) золота. На колѣняхъ его стояла золотая чаша, наполненная золотыми монетами, и такой величины, что четыре человѣка могли напиться изъ нея досыта. Его одежда цѣною превосходила грузъ трехъ самыхъ богатѣйшихъ кораблей. Норвежцы Тореръ и Карлъ, отправленные для торговли съ Біармією королемъ Олафомъ, современникомъ Ярослава, накупивъ мѣховъ во время славной ярмарки, зашли со своими товарищами въ упомянутое кладбище въ глубокую ночь: похитили все, что могли; отсѣкли голову Іомаллы, чтобы снять крѣпко привязанное ожерелье. Во время похищенія вдругъ раздался ужасный звукъ и трескъ. Стражи кладбища пробудились и начали трубить въ рога. Воры спаслись бѣгствомъ. Жители съ крикомъ и воплемъ гнались за ними, со всѣхъ сторонъ окружили ихъ; но будучи неискусны въ воинскомъ дѣлѣ, не могли ничего сдѣлать отважнымъ грабителямъ, которые благополучно дошли до кораблей своихъ». Что храмъ Іомаллы и торговый городъ находился въ Холмогорахъ, собственно въ Куростровѣ, ученый Кастренъ подтверждаетъ сохранившимися въ народѣ преданіями о сокровищахъ славнаго города; однако такихъ преданій въ настоящее время нѣтъ среди народа. Нынѣ существующіе здѣсь въ народѣ уже остатки древнихъ преданій касаются главнымъ образомъ того, что въ Куростровскомъ ельникѣ дѣйствительно былъ нѣкогда идолъ чудскаго бога, и что Куростровъ былъ населеннымъ мѣстомъ съ незапамятныхъ временъ. Такъ, о началѣ Куростровa говорятъ, что онъ, Куростровъ, и нѣкоторыя съ нимъ смежныя селенія имѣютъ первыми своими основателями членовъ почему-то раздѣлившa-

гося одного чудскаго семейства. На Куръ-островѣ жилъ Куръ, отецъ семейства, на Мати-горахъ въ шести верстахъ отъ Куростровa жила мать; въ Курьѣ за двѣнадцать верстъ отъ Куростровa дочь — Курья; на Ухтъ-островѣ, въ семи верстахъ отъ Куростровa — Ухть, сынъ; и въ Чухченемѣ, въ четырехъ верстахъ отъ Куростровa — Чухъ — второй сынъ. Отъ именъ этихъ родоначальниковъ и называются нынѣ: Куростровъ — Куростровомъ, Курейскій приходъ — Курьей, Матигорскіе — Матигорами, Ухтостровскій — Ухтостровомъ, Чухченемскій — Чухченемою или Чухчеремою. Относительно же пребыванія въ древнее время идола въ Куростровскомъ ельникѣ существуетъ въ преданіи почти то же самое, что было упомянуто въ приведенныхъ выше выдержкахъ: говорится въ преданіяхъ, что идолъ былъ вылитъ изъ серебра и прикрѣпленъ къ самому большому дереву, и держалъ въ рукахъ громадную чашу. Чудь, приходя молиться идолу, клала въ чашу серебро и золото. Ни идола, ни денегъ украсть было нельзя: потому что чудь крѣпко берегла своего бога и постоянно около него держала стражу. Чтобы и самые стражи какъ-нибудь не упустили изъ виду воровъ, вблизи идола были проведены подобія пружинъ, такъ что кто чуть дотрогивался идола, пружины тотчасъ же издавали звукъ и приводили въ движеніе разнаго рода колокольчики и погремушки. Благодаря этому часовые немедленно могли поймать похитителей и поджарить ихъ живыми на сковородѣ въ качествѣ жертвоприношенія идолу. Однако новгородцы (въ народномъ преданіи — новгородцы, а не норвежцы), несмотря на такія предосторожности чуди, успѣли ограбить идола и уйти невредимыми. По разсказамъ однихъ, — чудь только поглядѣла на удалявшіеся корабли похитителей, по словамъ же другихъ, — поспѣшно сѣвъ на лодки, погналась за норвежцами (? новгородцами), настигла ихъ и вступила въ бой близъ селенія Курьи, почему и мѣсто сраженія, нынѣ занятое деревнею, до послѣдняго времени именуется Побоищемъ. Послѣ похищенія драгоцѣностей идола, чудь перестала посѣщать куростровскій ельникъ.

Кромѣ этого преданія, есть еще одно, свидѣтельствующее о глубокой древности заселенія Куростровa людьми. Въ полуверстѣ отъ ельника, на сѣверной окраинѣ села стоитъ и понынѣ часовня во имя святителя Николая Чудотворца. Эта часовня, находясь нѣсколько за чертою Куростровa, возвышается на небольшомъ, правильной квадратной формы, холмикѣ. Есть основанія думать, что этотъ холмикъ устроенъ искусственно, и мѣстное преданіе говоритъ: будто подъ этою насыпью погребены три чудскихъ князя, и чудью сдѣланъ надъ ними упомянутый четырехгранный курганъ. Еще въ недавно протекшее время Куростровскій ельникъ и окружающія его мѣста были предметомъ многихъ суевѣрій: говорили, что въ ельникѣ живетъ духъ Скорбникъ, оберегающій кладъ, оставленный чудью, нѣсколько позднѣе называли этого духа кривымъ Ѳаддейкомъ, который заставлялъ людей блуждать по рощѣ; мимо ельника, особенно въ темное время, боялись ходить и ѣздить, а раскольники, считая его священнымъ лѣсомъ, до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія хоронили въ немъ умершихъ. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ нѣсколькихъ преданій, Куростровъ признается мѣстомъ, населеннымъ съ незапамятныхъ временъ.

Когда между первобытными населенцами Куростровa начала распространяться православная вѣра, съ точностію неизвѣстно. Но, по уставу Великаго Князя Святослава Ольговича 1138-го года, со всѣхъ концовъ Заволочья (Двинской земли) и съ Ивань-погоста (впослѣдствіи Ивановскій посадъ въ г. Холмогорахъ) шла дань въ пользу новгородскаго владыки. Слѣдовательно въ 1138 году здѣсь уже распространено было христіанство. По историческимъ актамъ собственно о Куростровѣ, какъ населенномъ мѣстѣ, упоминается въ 1397 году въ судной грамотѣ Великаго Князя Василія Димитріевича, данной на имя бояръ Двинскихъ, сотскаго и всѣхъ черныхъ людей Двинской земли. Въ этой грамотѣ на разъѣзды Намѣстника и дворянъ по дѣламъ судимъ по Двинскимъ погостамъ, какъ-то: до Холмогоръ, Куръ-острова, Чухчелемы, Ухтъ-острова, Курьи,—опредѣлено

взимать двѣ бѣлки. Уже судя по тому, что въ 1138 году жители Куростровa платили Новгородскому Владыкѣ церковную дань, и въ 1397 году обложены были извѣстнымъ сборомъ на дѣла судопроизводства, можно заключать о глубокой давности населенія въ окрестностяхъ Холмогорскихъ, часть которыхъ, и часть значительную составляетъ Куростровъ.

Куростровъ состоитъ изъ двадцати шести деревень; бо́льшая половина этихъ деревень такъ близко соединилась между собою, что раздѣлить ихъ границы можно лишь по однимъ указаніямъ старожиловъ. Деревня Денисовка, въ которой родился М. В. Ломоносовъ, такъ тѣсно слилась съ сосѣдними деревнями, что въ 1868 году, съ разрѣшенія Губернскаго начальства, была переименована въ Ломоносовку вмѣстѣ съ соединившимися съ нею поселками. Гдѣ былъ домъ М. В. Ломоносова, точныхъ указаній совсѣмъ нѣтъ. Предполагаютъ, что на мѣстѣ дома, гдѣ родился Ломоносовъ, стоитъ нынѣ сельское училище. Вблизи фасада училища видны остатки заброшеннаго пруда; въ этомъ пруду, говорятъ крестьяне, отецъ Михаила Васильевича держалъ въ садкахъ рыбу для продажи. О Ломоносовѣ мѣстные крестьяне ничего не знаютъ и очень холодно отзываются ко всякому о немъ воспоминанію, такъ что великій русскій дѣятель, всюду высоко чтимый на Руси, забытъ земляками подобно каждому простому смертному. Этого мало: никто не знаетъ, кто была мать Михаила Васильевича, гдѣ крещенъ былъ Михаилъ Васильевичъ, когда онъ родился; даже въ церкви мѣстной не осталось ничего, что бы напоминало о Ломоносовѣ. Метрическія записи, брачные обыски, исповѣдныя росписи, алтарныя книги ведутся въ Куростровской церкви лишь съ 1751 года и въ нихъ нигдѣ не написано хотя бы нѣсколько словъ и о родствѣ Ломоносова; нѣтъ ни въ одномъ изъ такихъ документовъ и фамиліи «Ломоносовъ». Среди нѣкоторыхъ коренныхъ земляковъ Михаила Васильевича существуетъ убѣжденіе, будто Михаилъ Васильевичъ не имѣлъ фамиліи Ломоносовъ, но фамилія ему была Дорооеевъ; только убѣгая съ родины, онъ

назвалъ себя Ломоносовымъ. Указываютъ и нынѣ существующій родъ крестьянъ Дороѳеевыхъ, проживающій въ Куростровѣ и составляющій будто-бы остатокъ, неизвѣстно близкой или далекой, побочной линіи родства Михаила Васильевича. Конечно, такое мнѣніе произвольно; основано лишь на томъ, что отецъ Михаила Васильевича назывался Василій Дороѳеевъ Ломоносовъ, а прозваніе по отечеству «Дороѳеевъ» перенесено было на родство Ломоносова въ смыслѣ Дорооеевичей. Это и нынѣ повсюду можно наблюдать въ отношеніяхъ крестьянъ между собою. Несомнѣнно вѣрно, что въ Куростровѣ была фамилія крестьянъ Ломоносовыхъ, но она въ мужскомъ поколѣніи пресѣклась въ первой половинѣ восемнадцатаго столѣтія; поэтому о ней не сохранилось письменныхъ свѣдѣній; церковные же документы въ Куростровѣ начало имѣютъ лишь съ 1751 года. Какъ бы все это ни было, но кровные земляки Ломоносова почти вовсе о немъ не любопытствуютъ, не вспоминаютъ о немъ и о заслугахъ его, не видятъ славы великаго дѣятеля.

Въ настоящее время въ Куростровѣ имѣется весьма благоустроенная каменная одноэтажная церковь съ тремя престолами: Димитріевскимъ, Екатерининскимъ и въ честь Казанской Иконы Божіей Матери. Эта церковь построена въ 1727 году на иждивеніе крестьянъ и жертвователей съ различныхъ мѣстностей Холмогорской епархіи, приглашаемыхъ къ благотворительности воззваніями. До 1751 года церковь имѣла одинъ только престолъ, утвержденный въ честь св. Великомученика Димитрія Мироточиваго. Въ 1751 году къ ней пристроенъ былъ теплый обширный придѣлъ съ престоломъ въ честь Великомученицы Екатерины, а въ 1808 году рядомъ съ Екатерининскимъ придѣломъ возникъ придѣлъ и въ честь Казанской Иконы Божіей Матери. Иконостасы храма отличаются скромною простотою; иконы не отличаются давностію, хотя нѣтъ среди нихъ произведеній современнаго художества; какихъ-либо древностей и рѣдкостей церковь не имѣетъ. Каменная трехъ-ярусная колокольня Димитріевскаго

храма выстроена надъ папертью Екатерининскаго и Казанскаго придѣловъ въ 1763 году; стараніемъ же мѣстныхъ зажиточныхъ крестьянъ въ 1841 году отлитъ былъ по особому заказу изъ готоваго матеріала колоколъ въ 114 пуд. вѣсу и на означенной колокольнѣ повѣшенъ. Съ разрѣшенія начальства, въ недавнее время производился повсемѣстный сборъ на благоукрашеніе церкви Куростровскаго прихода; и деньги, полученныя отъ этого сбора, поступили на производство капитальнаго ремонта обветшавшаго храма.

Нынѣшняя, только что описанная мною, церковь Куростровскаго прихода уже не первая въ немъ по численности. Когда была построена въ Куростровѣ самая первая церковь, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшихъ свѣдѣній. Впервые о существованіи церкви въ Куростровѣ упоминаетъ Миронъ Вельяминовъ въ своей писцовой книгѣ. Онъ, описывая въ 1623 году Двинскую землю, сообщалъ между прочимъ: «Въ Куростровской волости — погостъ, а на погостѣ церковь святаго Страстотерпца Великомученика Димитрія, и другая церковь великія Христовы мученицы Екатерины съ трапезою, древянная вверхъ, и въ церкви образа, и свѣчи и книги, и всякое строеніе приходное, тогожъ погоста деревня бѣлая Ильинская, а въ ней дворъ — попъ Моисей Ѳедоровъ, церковный дьячекъ Ивашко Семеновъ, пономарь Сенька Власовъ, просфирница Оксиньица, четыре кельи нищихъ, питаются отъ церкви Божія». Неизвѣстно, по какому-то случаю въ 1648 году Димитріевская церковь была освящена. Надпись на сохранившемся отъ того времени крестѣ говоритъ: «Освятися олтарь Г҃да Бога и Спаса нашего І҃са Христа и водруженъ бысть крестъ сей въ церкви святаго Великомученика Димитрія Солунскаго лѣта ҂зрнѕ҃, мѣсяца іюня въ двадесять второй день (т. е. 22 іюня 7156 г. им. 1648), при Благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Алексіѣ Михаиловичѣ всея Руссіи и при Митрополитѣ Авоніѣ Великаго Новаграда». Въ 1718 году эта церковь Димитріевская сгорѣла; въ ней, какъ свидѣтельствуетъ народная молва, въ 1711 году былъ крещенъ Михаилъ Василье-

вичъ Ломоносовъ. Въ 1680 г. 19-го сентября сгорѣла Екатерининская церковь, о которой писалъ Вельяминовъ. Въ 1681 г. февраля 21-го дня церковный прикащикъ Евдокимко Аѳонасьевъ и всѣ крестьяне Куростровской волости били челомъ Преосвященному Митрополиту Корнилію: на мѣсто погорѣлой церкви благословить построить въ Куростровской волости во имя Великомученицы Екатерины новую деревянную церковь, и Преосвященный Митрополитъ Корнилій, данною въ 7189 г. (1681 года) 4 марта грамотою, благословилъ на новую церковь лѣсъ ронить и всякій церковный запасъ готовить, и изъ того новаго лѣсу въ Куростровской волости воздвигнуть церковь на старомъ церковномъ мѣстѣ. Воздвигнутая по данному указу церковь существовала до 1751 года. Послѣ того, какъ въ 1727 году выстроена была каменная Димитріевская церковь, взамѣнъ бывшей деревянной, сгорѣвшей въ 1718 году, къ этой каменной церкви пристроенъ былъ вышеупомянутый Екатерининскій придѣлъ въ 1751 году, а ветхая деревянная церковь Великомученицы Екатерины подверглась уничтоженію.

Съ 1623 года, когда впервые было показано существованіе въ Куростровѣ церкви и причта, — до настоящихъ дней священствовало только 17 лицъ. Изъ нихъ наиболѣе выдающимися личностями являются: Іоаннъ Ключаревъ, отецъ Преосвященнаго Анастасія Епископа Екатеринославскаго, прожившій въ Куростровѣ священникомъ 45 лѣтъ и скончавшійся 79 лѣтъ отъ рожденія въ 1823 году; о. Іоаннъ былъ отличнымъ иконописцемъ. Иконы его письма находятся въ церкви и въ рукахъ нѣкоторыхъ прихожанъ; Іоаннъ Васильевъ, много потрудившійся надъ благоукрашеніемъ храма, надъ воспитаніемъ дѣтей въ школѣ, и сынъ его Александръ Васильевъ, тридцать пять лѣтъ трудившійся въ прохожденіи священническихъ обязанностей, и выполнившій ихъ достойнѣйшимъ образомъ.

Кромѣ каменной церкви въ Куростровѣ имѣется еще небольшая деревянная часовня во имя святителя Николая Чудотворца, о которой выше было сказано, что она стоитъ на мо-

гильномъ холмѣ, подъ коимъ погребены три чудскихъ князя. Часовня имѣетъ правильную квадратную форму, какъ и самый холмъ, занимаемый ею: три сажени въ длину и три въ поперечникѣ. Устроена эта часовня была въ 1686 году, на счетъ прихожанъ, въ память утоленія скотскаго падежа. Въ 1866 году, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, крестьяне перестроили часовню, обнесли ее оградкою, выкрасили и привели въ нынѣшній благолѣпный видъ.

Ломоносовское сельское училище въ Куростровѣ, находящееся на мѣстѣ дома М. В. Ломоносова, было открыто вслѣдъ за совершившимся празднованіемъ столѣтней памяти Михаила Васильевича. Празднованіе столѣтія со дня кончины сего знаменитаго русскаго дѣятеля происходило 4 апрѣля 1865 года; въ это время дѣти куростровскихъ крестьянъ обучались при церкви однимъ началамъ грамоты. Отсутствіе правильно организованной школы очень печально отзывалось на землякахъ Михаила Васильевича. Все это губернскимъ начальствомъ было близко принято ко вниманію, и вотъ Архангельскій Губернскій Статистическій Комитетъ, для увѣковѣченія на мѣстѣ родины памяти отца русскаго слова и науки М. В. Ломоносова, открылъ съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 5 день февраля 1865 года, подписку въ имперіи на устройство памятника Ломоносову въ деревнѣ Денисовкѣ и на утвержденіе при Архангельской гимназіи Ломоносовской стипендіи для образованія одного изъ крестьянъ Архангельской губерніи. По Высочайше разрѣшенной подпискѣ на предпріятія къ увѣковѣченію памяти по Ломоносовѣ, въ Статистическомъ Комитетѣ 28 декабря 1865 года уже получено было пожертвованій 4833 р. 36½ коп. Въ 1866 году 28 апрѣля пожертвованій съ прежде поступившимъ оказалось 6908 руб. 71½ коп., изъ нихъ 4000 руб. назначались на содержаніе изъ % стипендіата, остальное на устройство памятника Ломоносову въ деревнѣ Денисовкѣ. Лучшимъ памятникомъ на родинѣ Ломоносова губернское начальство признало открытіе благоустроенной школы; сборъ денегъ, теперь

уже на открытіе школы въ деревнѣ Денисовкѣ, по особенному Высочайшему благоволенію продолженъ былъ до 13 сентября мѣсяца 1868 года. Къ этому времени скопилось 8431 р. $20^{3}/_{4}$ копейки, которые всецѣло поступили на обезпеченіе предполагаемой школы. Третьяго октября 1868 года Ломоносовское сельское училище было торжественно открыто въ присутствіи Начальника губерніи князя Гагарина, г. Директора народныхъ училищъ и членовъ Статистическаго Комитета, прибывшихъ изъ гор. Архангельска и жившихъ въ г. Холмогорахъ. Ректоромъ Дух. Семинаріи Архимандритомъ Донатомъ и причтами пятнадцати приходовъ совершенъ былъ торжественный крестный ходъ изъ храма на мѣсто дома М. В. Ломоносова, гдѣ была отслужена панихида по Михаилѣ Васильевичѣ. На торжествѣ открытія школы присутствовали родственники Ломоносова—правнуки Маріи Васильевны Головиной, сестры Ломоносова. Новооткрытая школа временно помѣщалась въ домѣ крестьянки Ирины Егоровны Лопаткиной, здравствующей до нынѣ; эта крестьянка оказывается правнукою Марьи Васильевны, сестры Ломоносова. Въ ея домѣ школа находилась до 1871 года; въ 1871 году было построено на мѣстѣ дома Ломоносова обширное зданіе для Ломоносовскаго училища. Въ 1892 году обветшавшее зданіе подверглп капитальной перестройкѣ, которая окончилась освященіемъ училища 8-го января 1893 года. Въ годъ открытія Ломоносовскаго училища деревня Денисовка получила новое названіе: «Ломоносовка», Куростровская волость и съ нею Куростровское волостное правленіе стали именоваться «Ломоносовскими». Торжественное открытіе училища произвело сильное впечатлѣніе на народъ; и это уже одно заставило пхъ думать, что открываемое училище имѣетъ весьма высокое назначеніе. Съ 1868 года до настоящихъ дней въ Ломоносовскомъ училищѣ обучалось 1663 мальчика и 613 дѣвочекъ; количество грамотныхъ въ Куростровѣ несравнимо превысило число неграмотныхъ. Въ 1870 году 24 іюня въ 4 часа пополудни Ломоносовское училище было удостоено посѣщенія Его Императорскаго

Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, а въ 1885 году 13 іюня въ 6 часовъ вечера—посѣщенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича. Десятаго декабря 1885 года при Ломоносовскомъ училищѣ былъ открытъ ремесленный классъ рѣзьбы по кости, существующій и въ настоящее время. Мысль объ открытіи этого класса принадлежитъ посѣтившему Куростровъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Владиміру Александровичу. Почему устроенъ въ Куростровѣ классъ рѣзьбы по кости, объ этомъ будетъ подробно сообщено далѣе. Въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго 1896 года Архангельскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ учреждена безплатная народная библіотека и читальня при Ломоносовскомъ училищѣ; завѣдываніе библіотекою ввѣрено мѣстному священнику.

При взглядѣ на нынѣшнее состояніе Куростровa, всякій придетъ къ убѣжденію, что родина Михаила Васильевича пользуется цвѣтущимъ благосостояніемъ. Дѣйствительно, не то было нѣсколько прежде: когда нищета господствовала въ Куростровѣ и отсутствіе настоящей школы поддерживало грубое невѣжество мужиковъ. Пьянство и дармоѣдство разрушали энергію въ трудѣ съ особенною силою; многіе изъ крестьянъ почитали лучшимъ жить, собирая милостыню и пропивая собранное. Теперь нѣтъ въ Куростровѣ подобныхъ личностей: ихъ замѣнили лица, проматывающіе свои собственные заработки и наживы. Школа благотворно вліяетъ и на послѣднихъ, уменьшая число таковыхъ изъ года въ годъ. Въ Куростровѣ нѣтъ выдающихся богачей, нѣтъ и до неисходной крайности нищенствующихъ. Дома поселянъ отличаются прочностью, чистотою, удобствомъ и возможною исправностью. Только одна бывшая Денисовка, нынѣ Ломоносовка, съ незапамятныхъ временъ утопаетъ въ грязи, украшается плачевными развалинами никогда не поправлявшихся домовъ и своимъ видомъ походитъ на выставку разбитыхъ коробовъ, вслѣдствіе особенной безпечности ея обитателей. Это — единственное и всегдашнее исключеніе въ Куростровѣ.

Куростровскіе крестьяне издавна числились государственными людьми и не испытали на себѣ тяжестей крѣпостной зависимости. Издавна пользуются они широкими участками полей и сѣнокосовъ, пользуются пространнѣйшими выгонами для скота и многочисленными болотными и лѣсными расчистками. Не лишена этихъ выгодъ и церковь: въ ея распоряженіи имѣется 21 десятина пахоты и 28 десятинъ сѣнокосу; церковный причтъ пользуется 36-ю десятинами земли, изъ коихъ 28 десятинъ—сѣнокосъ и 8 десятинъ—пахота. Хотя мѣстные крестьяне и усердно трудятся надъ землею, но одна земля недостаточно обезпечиваетъ ихъ: всѣ почти жители Куростровa за малымъ исключеніемъ ремесленники и промышленники. Главнымъ промысломъ здѣсь считается скотоводство: исключительною доходною статьею признается выкармливаніе рогатаго скота для продажи на домашнюю держку въ столицу. Холмогорскій рогатый скотъ, хотя и измельчавшій нынѣ, особенно почитается петербургскими скупщиками, какъ скотъ красивый, выхоленный и дойный. Благодаря торговлѣ скотомъ, многіе крестьяне въ Куростровѣ пользуются отличнымъ состояніемъ. Наживнымъ промысломъ почитается также охота на водяныхъ птицъ, которыя весьма обильно плодятся на множествѣ озеръ, окружающихъ Куростровъ Сбытъ наловленной птицы сосредоточивается въ гор. Холмогорахъ. Пріобрѣтаютъ себѣ запасныя деньги куростровскіе крестьяне и черезъ рыболовство, но этимъ промысломъ занимаются немногіе. Что касается ремеслъ, которыми занимаются мѣстные жители, объ этомъ можно сказать много очень отраднаго. Въ деревнѣ Ломоносовкѣ всѣ крестьяне горшечники и этимъ ремесломъ пробавлялись еще до временъ Михаила Васильевича. Анекдотъ о Петрѣ Великомъ и холмогорскихъ горшкахъ произошолъ съ куростровскимъ горшечникомъ. Въ деревнѣ Гундыревской и строительской Ломоносовской волости съ незапамятныхъ временъ пребываютъ извѣстные холмогорскіе рѣзчики по кости. Пока не развилось въ Москвѣ искусство рѣзать по кости, куростровскіе рѣзчики славились повсюду; нѣкоторыя издѣлія

ихъ находятся въ СПБ. Эрмитажѣ. Рѣзьба по кости составляетъ занятіе весьма многосложное и матеріалы, требуемые сю, имѣютъ значительную цѣнность. Поэтому рѣзчикъ по кости, прежде чѣмъ начать работу, долженъ запастись деньгами для пріобрѣтенія кости и значительнымъ терпѣніемъ для тщательнаго выполненія работы. При большомъ числѣ заказовъ и спросовъ на костяныя издѣлія, выгода отъ нихъ получится удовлетворительная; но если сбытъ костяныхъ работъ малъ, мастеръ терпитъ чувствительный ущербъ. Вслѣдствіе быстраго успѣха московскихъ рѣзчиковъ, куростровскіе мастера потеряли свою прежнюю славу; костяныя вещи, ими сдѣланныя, перестали привлекать любителей изящнаго; мастерство начало быстро падать. Это замѣтилъ въ свою бытность въ Куростровѣ Великій Князь Владиміръ Александровичъ и, для поддержанія падающаго искусства рѣзьбы, благоволилъ основать ремесленный классъ при Ломоносовскомъ училищѣ. Но и классъ рѣзьбы по кости не возвышаетъ все ниже и ниже оцѣниваемаго здѣсь занятія рѣзьбою. Болѣе выгоднымъ куростровскіе ремесленники находятъ выдѣлываніе роговыхъ вещей, которыя сбываютъ за очень дорогую цѣну. Жители деревни Мѣщанинской отличаются большею наклонностью къ занятіямъ плотничествомъ и портняжничествомъ: то и другое служитъ отличнымъ средствомъ къ наживѣ. Куростровскіе портные извѣстны своимъ умѣньемъ шить прочно и по модѣ, а плотники никогда не отдыхаютъ отъ работъ въ будни. Жители деревень Шипачевской, Сивчевской и Казимировской являются даровитыми сапожниками и шорниками: работа ихъ отличается особенною прочностью, цѣнится за изящество, одобряется по дешевизнѣ. Крестьяне деревни Луховской занимаются кладкою печей, фундаментовъ и производствомъ каменныхъ построекъ. Есть среди поселещевъ Куростровъ хорошіе мѣдники, кузнецы, слесаря, столярничествомъ занимаются очень мало, есть и занимающіеся винною и мелочною торговлею. Огородничествомъ, садоводствомъ, куроводствомъ, овцеводствомъ и коневодствомъ никто не занимается въ

Куростровѣ, такъ какъ на произведенія этого рода промышленности въ Холмогорахъ и окрестностяхъ ихъ нѣтъ большого спроса.

Во всемъ куростровскомъ селеніи числится 1119 душъ обоего пола, изъ нихъ 150 человѣкъ всегда находятся въ отлучкѣ. Всѣ жители Куростровa, близко размѣщаясь домами, одинъ возлѣ другого, составляютъ какъ бы одну громадную семью, связанную общими интересами. Каждый знаетъ наперечетъ число дворовъ родного селенія и главныхъ представителей семействъ именуетъ безошибочно по имени и отечеству. Всякій знаетъ про другого, какъ онъ живетъ, чѣмъ занимается, сколько имѣетъ земли, какъ къ нему слѣдуетъ относиться. Ничто совершающееся въ обществѣ не ускользаетъ изъ общаго вниманія: быстрѣе вѣтра разносятся по домамъ слухи о различныхъ происшествіяхъ, новостяхъ и событіяхъ. Подобное этому можно усмотрѣть въ отношеніяхъ обывателей Куростровa къ жителямъ другихъ деревень. Взаимное родство, товарищества, торговыя и промысловыя сношенія существуютъ среди жителей различныхъ селъ, какъ бы среди жителей одной деревни. Куростровъ, занимая центральное мѣсто между двѣнадцатью близко стоящими къ нему селеніями, вездѣ въ окрестностяхъ Холмогоръ имѣетъ первое значеніе, тѣмъ болѣе, что Ломоносовское волостное правленіе простирается на шесть сельскихъ обществъ и въ немъ со всѣхъ окрестностей Куростровa постоянно бываютъ заѣзжіе посѣтители, старающіеся на всякій случай запастись знакомствомъ въ Куростровѣ. Общія народныя гулянія, бывающія по деревнямъ и селамъ, яснѣйшимъ образомъ показываютъ, какъ жители окрестныхъ селъ сближаются между собою. На эти гулянія съѣзжаются гости по возможности отовсюду, со всѣхъ волостей, — знакомые и незнакомые, и всѣ считаютъ какъ бы за обязанность посѣтить чей-нибудь домъ и семейство. Въ храмовые праздники церкви всегда не помѣщаютъ въ себя заѣзжихъ гостей, изъ коихъ многимъ приходится ограничиться лишь присутствіемъ въ церковной оградѣ, потому

что обычай требуетъ все-таки обязательнаго посѣщенія заѣзжими гостями мѣстнаго храма въ престольный или пивной праздникъ. Куростровъ служитъ мѣстомъ очень частыхъ волостныхъ сходовъ, на которые должны являться обязательно крестьяне всѣхъ сельскихъ обществъ, подвѣдомыхъ Ломоносовскому волостному правленію. Изъ Куростровa — лѣтомъ по водѣ, зимою по проѣзжимъ дорогамъ, существуетъ безпрерывное прямое сообщеніе со всѣми окружающими его многочисленными селами. Земляные надѣлы куростровскихъ крестьянъ перемѣшаны съ надѣлами крестьянъ другихъ сельскихъ обществъ, одна мѣстная дача безраздѣльно назначается въ пользованіе крестьянамъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, приговору одного волостного правленія часто повинуются крестьяне, подвѣдомые другому волостному правленію. Все это съ нѣкоторою необходимостью вызываетъ къ тѣсному общенію между собою крестьянъ не только одного или нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, но и крестьянъ различныхъ волостей.

Но общительность куростровскихъ крестьянъ не такова, чтобы питала къ себѣ полное довѣріе. Куростровлянинъ въ глаза беззавѣтно преданъ, позаглазъ обманываетъ, глумится, мститъ, издѣвается, ругается. На словахъ онъ честенъ и безкорыстенъ, на самомъ же дѣлѣ маскою честности завлекаетъ въ ловушку. Въ глазахъ куростровлянинъ не даетъ пощады и отцу родному, заочно клевещетъ на другого, находя въ немъ небывалыя вины. Завзятые пьяницы, записные лѣнтяи, открытые развратники, воришки, кулачники, плуты, справедливо именуемые прожигами,—требуютъ отъ другихъ сдержности, расторопности, безкорыстія, чистоты и под. И замѣчательно, что какихъ лучшихъ качествъ отъ другихъ болѣе всего требуютъ, въ чемъ наиболѣе другихъ укоряютъ, въ томъ они сами болѣе всего испытываютъ недостатокъ и чаще всего погрязаютъ. Всегда существующіе на сельскихъ сходахъ крикуны, требуя себѣ на каждомъ сходѣ водки за какія-нибудь просимыя у нихъ уступки или сверхъдолжные хлопоты, расходы, — первые же не испол-

няютъ того, ради чего получали на выпивку. Буйная молодежь, предаваясь пьянству и разврату, безнаказанно въ темные вечера учиняетъ драки, безчинія, дебоширства. Въ храмъ Божій исправнымъ образомъ ходятъ только женщины и школьники. Что же касается мужчинъ, то они и въ самые «набольшіе» праздники въ году позволяютъ себѣ производить черную работу, ходятъ въ церковь лѣниво и постоянно, во время совершенія праздничной литургіи священнослужители, слышатъ-то стукъ топора, то стукъ молотка, осенью бряцанье телѣгъ, жердей, косъ, звуки гармоники, производимые ѣдущими на пожни, стукъ молотящихъ на гумнахъ и т. д. На празднованіе высокоторжественныхъ дней куростровскіе крестьяне смотрятъ, какъ на одно священнослужительское отправленіе обязанностей: «попъ, говорятъ они, пусть свое служитъ, а намъ до этого дѣла мало». Но если священникъ почему либо не отслужитъ литургію и въ такой день, когда можно обойтись безъ совершенія литургіи, ему и за это дѣлается замѣчаніе въ родѣ такого, что, если священникъ долженъ молиться, отчего же не служилъ онъ литургіи въ такой то день? Между тѣмъ какъ ни въ тотъ, ни въ иной день въ церкви никакихъ не бываетъ молящихся мірянъ. На канунахъ двунадесятыхъ праздниковъ, на канунахъ воскресныхъ дней — въ Куростровѣ ежегодно бываетъ болѣе десятка вечеринокъ, гульбищъ и игрищъ. Сельскіе сходы также производятся на праздничныхъ канунахъ, оканчиваются часто передъ самымъ звономъ къ утренѣ. Такъ какъ сходы безъ выпивки и пьянства никогда не случаются, то послѣ нихъ и въ своей избѣ крестьянинъ по нѣскольку дней пьянъ безпросыпно; что же можно сказать въ этомъ случаѣ о посѣщеніяхъ крестьянами храма Божія? Разсказы о наглыхъ продѣлкахъ однихъ, выслушиваются съ живѣйшимъ интересомъ и сочувствіемъ другими, — предложенія-же о добрыхъ и полезныхъ предпріятіяхъ или проводятся мимо ушей, или же осыпаются ѣдкими насмѣшками. Вліятельныхъ кулаковъ и міроѣдовъ нѣтъ въ Куростровѣ, зато подкупы въ сельскомъ судопроизводствѣ — дѣло въ вышей степени обычное. Послѣ каж-

даго волостного суда, судьи, какъ здѣсь говорится, «лыка не завяжутъ», т. е. пьянствуютъ сколько душѣ угодно. Что касается взаимовспомоществованія, то оно возможно среди куростровскихъ мужичковъ лишь въ отношеніи къ братскимъ попойкамъ. Къ житейскимъ нуждамъ другъ друга они относятся очень холодно. Если кто-нибудь доскопально узнаетъ, что землякъ его проситъ о какомъ-нибудь одолженіи, уступкѣ или содѣйствіи вынуждаемый къ тому тяжелыми обстоятельствами, тотъ не пропуститъ мимо случая обмануть своего земляка, затянуть его въ долги и потомъ высосать изъ него послѣдніе соки. Нигдѣ по волостнымъ правленіямъ Холмогорскаго уѣзда нѣтъ такого множества тяжебныхъ и сутяжническихъ дѣлъ, какъ въ Ломоносовскомъ Правленіи: принимаемыя къ разбирательству дѣла волостной судъ считаетъ не единицами и десятками, а полными сотнями. Пьянство въ Куростровѣ процвѣтаетъ очень широко, но случаи разврата и распутства въ смыслѣ нарушенія цѣломудрія весьма малочисленны, если сравнить съ другими господствующими пороками. Грубость холмогорскихъ крестьянъ всегда вызываетъ горькія жалобы духовенства, которое наболѣе другихъ лицъ терпитъ отъ народа всевозможныя непріятности.

Сколько ни описано мною темныхъ сторонъ мѣстнаго Крестьянскаго быта, все это еще—незначительная часть самой дѣйствительности. Такъ какъ худое въ человѣческой жизни почему-то прежде къ себѣ привлекаетъ вниманіе наблюдающихъ за ней, чѣмъ доброе, то и я въ своемъ описаніи позволилъ себѣ прежде указать худшія качества крестьянъ, чтобы легче потомъ и яснѣе исчислить особенности добрыхъ направленій. Кромѣ вышеописанной общительности между собою, куростровскіе крестьяне отличаются отсутствіемъ злопамятности: тяжбы ихъ чаще, даже исключительно, оканчиваются взаимнымъ примиреніемъ,— очень рѣдко кто-нибудь изъ тяжущихся заявляетъ на судѣ нежеланіе простить обиду. Въ отношеніяхъ къ священнику, особенно если онъ ведетъ себя всегда благопристойно сану, куростровляне почтительны, сговорчивы и послушны;— случаи грубаго обраще-

нія, хотя и часты, но они обыкновенно удовлетворяются ходатайствами родственниковъ грубіяна. Для священника и это — очень сладостное успокоеніе. Въ отношеніи къ цѣломудрію крестьяне Ломоносовскаго сельскаго общества имѣютъ большую славу предъ крестьянами другихъ обществъ. Процентъ лѣнтяевъ въ Куростровѣ очень незначителенъ. Въ дѣлахъ увеличенія денежныхъ запасовъ куростровскіе жители не падаютъ духомъ, и если бы не было среди нихъ пьянства, едва ли бы кто изъ нихъ нуждался отъ бѣдности. Дѣлами хозяйственными въ домахъ Куростровa главнымъ образомъ управляютъ женщины: онѣ настолько властны надъ родными пепелищами, что и мужчины не выходятъ изъ общепринятаго обычаемъ повиновенія хозяйкѣ. Женщины въ Куростровѣ уважаются наравнѣ съ мужчинами, если ведутъ свое хозяйство въ образцовомъ порядкѣ и пользуются зажиточностью. Предметомъ высшихъ попеченій и заботъ крестьянъ является выростающая молодежь обоего пола. Эти попеченія и заботы для обывателей Куростровa особенно велики потому, что Куростровъ составляетъ центръ окружающихъ его селеній, о немъ вездѣ говорятъ какъ о видномъ мѣстѣ, о каждомъ домохозяинѣ въ немъ извѣстно сотнямъ лицъ; значитъ, и молодежь куростровская находится на лучшемъ счету. Всякій случай неудачнаго сватовства наноситъ семьѣ крестьянина плохую славу, если это сватовство было не подъ пару для сватавшихся. Выбрать такую пару родителямъ молодыхъ людей очень не легко, и они всѣми силами стараются показать своихъ питомцевъ наилучшими женихами и невѣстами, чтобы не посрамить Куростровa. И дѣйствительно, школа, пройденная въ родительскомъ домѣ для подготовки къ самостоятельной жизни, вырабатываетъ изъ деревенскаго парня или дѣвушки бойкую натуру, способную, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дать отличнѣйшіе плоды трудолюбія. Куростровлянинъ не боится ловкихъ людей, имѣетъ сдѣлки и съ чиновнымъ людомъ, — это развило въ немъ значительную подвижность и тароватость во многихъ предпріятіяхъ, но это же самое развило въ немъ и склонность къ сутяжничеству.

Приводя взглядъ на обычаи куростровскихъ крестьянъ, нельзя не сказать объ этихъ обычаяхъ, что элементъ благопристойности составляетъ преобладающую въ нихъ сторону, а количество недостатковъ — сторону наименѣе выдающуюся. Внѣшность и внутренность домовъ куростровскихъ обывателей отличается чистотою и опрятностью;—неряшество можно видѣть лишь въ жилищахъ горшечниковъ да многосемейныхъ домохозяевъ. Зажиточные крестьяне имѣютъ очень благовидные двухъэтажные дома, во второмъ этажѣ которыхъ полы бываютъ всегда отлично выкрашены, печи красиво сложены, окна завѣшены гардинами, между окнами имѣются зеркала, мебель покрыта лакомъ и обтянута матеріей. У крестьянъ средней зажиточности имѣется то же самое, но только въ одноэтажномъ домѣ и въ меньшемъ количествѣ;— окна задергиваются простыми занавѣсами, а зеркала замѣняются лубочными картинами. У хозяевъ съ наименьшимъ достояніемъ внутренность дома состоитъ изъ одной кухни и комнатки, обведенной около стѣнъ скамьями и занятой необходимѣйшими принадлежностями хозяйства. Въ праздники деревни принимаютъ веселый видъ оживленности, крестьяне и крестьянки одѣваются въ лучшія платья. Въ нарядахъ куростровскихъ крестьянъ очень замѣтна погоня за современною модою;— въ угоду этой прихоти жертвуются непроизводительно послѣднія пóтомъ и кровью нажитыя копейки даже такими людьми, которымъ гнаться за модою давно нѣтъ никакóй надобности. Въ храмовые праздники принято обычаемъ принимать мѣстнаго священника въ каждый домъ, чтобы онъ на дому прославилъ праздникъ; и прежде чѣмъ священникъ не побываетъ въ домѣ, крестьянинъ не позволяетъ себѣ употребить лишнюю рюмку вина, хотя бы батюшка пришелъ къ нему и на другой день празднества. Всегда однообразная жизнь крестьянина течетъ тихо и спокойно по одному издавна заведенному плану. Временными нарушителями этой невозмутимой тишины являются у мужичка только пивные праздники, крестины, свадьбы и похороны. Объ этомъ главнымъ образомъ мнѣ и желательно кое-что сообщить.

Къ разряду пивныхъ праздниковъ въ Куростровѣ относятся Пасха, Рождество Христово, три храмовыхъ праздника и лѣтній праздникъ въ честь Николая Чудотворца. Въ эти дни каждый домохозяинъ старается заготовить пива и вина столько, чтобы напоить гостей до́сыта и самому напиться. Въ гости являются званые и незваные сосѣди и обязательно приглашаемые изъ разныхъ селъ и деревень свояки, кумовья, сваты, сватьи, снохи, невѣстки, деверя, шурины, зятья, тещи и тести, которыхъ не только перименовать, но и исчислить затрудняется крестьянинъ. Всѣ эти наѣзжіе гости являются помолиться въ церковь, скорѣе показать себя и свои наряды, поглазѣть по сторонамъ, да за попомъ или дьячкомъ что-либо примѣтить. Изъ церкви гости расползаются по домамъ, садятся за безпрерывныя чаепитія, кофепитія, завтраки, обѣды, па́ужны, — пьютъ пива, сколько вмѣститъ ихъ желудокъ, говорятъ до устали и располагаются ночевать, чтобы, отдохнувъ, на другой день утромъ возвратиться домой. Являясь на пивные праздники, гости обязательно наряжаются въ самолучшіе наряды и хотя бы въ жаркій лѣтній день солнце растопляло воскъ, празднующіе крестьяне непремѣнно одѣваютъ — мужчины — суконные брюки, суконный жилетъ, сюртукъ и нерѣдко сверхъ того теплое пальто, одѣваютъ и перчатки, по большей части шерстяныя, и резиновыя галоши, — а женщины и дѣвушки — нѣсколько кофтъ, множество юбокъ, перчатки и галоши, берутъ зонтики (парусоли), большія шали и непзбѣжные ручные платки. При взаимныхъ свиданіяхъ здороваются и привѣтствуютъ другъ друга подавая руку. Въ избѣ за столомъ гости размѣщаются въ строгомъ порядкѣ; садясь за столъ и выходя изъ-застола, обязательно знаменуются широкимъ крестнымъ знаменіемъ. Праздничный крестьянскій столъ въ Куростровѣ состоитъ изъ множества рыбныхъ пироговъ, жаркого и пирога съ изюмомъ. Вино подаетъ гостямъ хозяинъ, пиво — хозяйка или старшіе послѣ нея въ домѣ. Пищу принимаютъ гости, не обращая вниманія на свои наряды и на вилки и ножи на столѣ, — прямо пальцами; метал-

лическія ложки только украшаютъ убранство стола, но въ дѣло по прямому ихъ назначенію не употребляются. Зажиточные крестьяне въ пивные праздники приглашаютъ на обѣдъ священника: это составляетъ ихъ преимущество; крестьяне средней зажиточности ограничиваются угощеніемъ причта, когда пропоютъ на дому славу празднику. Случалось, что грозовую бурю навлекалъ на себя небогатый крестьянинъ, если открыто и особо просилъ священника побывать у него въ гостяхъ и священникъ исполнялъ его желаніе. Сосѣди, въ насмѣшку надъ такимъ простакомъ, дѣлаютъ ему притворное чествованіе, какъ будто видному богачу, намекая этимъ, что онъ сѣлъ не въ свои сани. Колкости подобнаго рода оканчивались нерѣдко вызовомъ на защиту обижаемаго слова убѣжденія самого священника. Въ Рождество каждый крестьянинъ даритъ священнику и причетнику за крестохожденіе, помимо денегъ, вязанку калачей, нѣсколько пироговъ со пшеномъ и крупою, пряникъ,—называемый козулею, и иногда булку. Въ Пасху дарятъ нѣсколько раскрашенныхъ яицъ, вязанку калачей, нѣсколько пироговъ, сдобный пряникъ, булку и нерѣдко цѣльный куличъ,—въ остальные праздники только деньги и то такъ, что ежегодно разница между тѣмъ или инымъ сборомъ заключается лишь въ какихъ-нибудь двадцати копейкахъ; — настолько свято чтятъ крестьяне свои обычаи!

Когда у куростровскаго крестьянина прибавится новый членъ семейства, деревенскія повитухи немедлено тóпятъ баню и уводятъ туда родильницу вмѣстѣ съ ребенкомъ. Съ особенными обрядами и дѣйствіями родильницу и ребенка моютъ и затѣмъ приглашаютъ священника молитвовать родившую и родившагося. При родахъ крестьянокъ акушерка бываетъ рѣже, чѣмъ повитухи. Повитухи, когда у роженицы бываютъ трудные роды, со всѣмъ усердіемъ растираютъ страждущую женщину, предполагая этимъ ускорить рожденіе; но вмѣсто ожидаемаго чаще получается еще болѣе осложняющаяся трудность родовъ: въ этомъ случаѣ самозванныя бабки составляютъ консиліумъ, опредѣленія котораго для бѣдствующей роженицы являются не легче смерт-

наго приговора. Бабки подъ руки водятъ пзнемогающую женщину, заставляютъ ее пить воду отъ всполаскиванія подошвы сапога правой ноги мужа рождающей; заставляютъ ее прыгать черезъ сапогъ мужа, трижды перевертываться — т. е. перекувырнуться черезъ стулъ, заставляютъ прыгать трижды съ третьей приступки, т. е. съ третьей нижней ступени лѣстницы — на полъ, вѣсятъ роженицу поясницею черезъ веревку, привѣшенную къ кольцу на потолкѣ или къ поперечнымъ перекладинамъ полатей, — быстро вращаютъ роженицу на такой веревкѣ до полнаго одурѣнія, парятъ и растираютъ въ банѣ, поятъ водою съ воскомъ, поятъ деревяннымъ масломъ, водкою и вѣрнѣе, — чѣмъ попало. Принуждаютъ роженицу непстово кричать, а мужа ея кататься на полу, или же уводятъ женщину въ скотскій хлѣвъ и тамъ ожидаютъ разрѣшенія ея, хотя бы на зимнемъ морозѣ,— надѣясь, что такимъ способомъ роженица удалена отъ худого глаза или отъ тяжелаго человѣка, мѣшающаго успѣшнымъ родамъ. Рожденное дитя немедленно завертываютъ въ рубашку родителя, снятую прямо съ тѣла. Въ день крестинъ новорожденнаго изба крестьянина принимаетъ праздничную обстановку. Священника везутъ крестить на хорошей телѣгѣ и наряженной лошади; кумъ и кума заготовляютъ все необходимое для крестинъ. По совершеніи таинства, воду изъ купели выливаютъ въ ясли обязательно кумъ и кума, — за этимъ кумъ платитъ причту за крестины — (рѣдко когда болѣе 40 копеекъ), а кума даритъ священнику ситцевый платокъ. Семейный праздникъ оканчивается угощеніемъ, на которомъ непремѣнно присутствуетъ и причтъ; отказываться отъ такого угощенія—значитъ разорять прадѣдовскіе уставы крестьянъ. Подрастающій крестникъ, или подрастающая крестница въ день своего ангела приносятъ крёстнымъ пироги, за что крестники получаютъ себѣ отъ крестныхъ подарки. Но вотъ и изъ подростковъ съ теченіемъ времени молодые люди становятся совершеннолѣтними. — Родителямъ новыя заботы!

Приходитъ пора отцамъ и матерямъ принять заботы объ

устройствѣ семейнаго благополучія своихъ дѣтей. Молодому парню высматриваютъ и пріискиваютъ невѣсту. Рѣшивъ общимъ совѣтомъ — дозволить сыну вступить въ бракъ съ прилюбившеюся ему дѣвицею, родители требуютъ отъ сына, чтобы онъ письменно или словесно испросилъ на то отчаго и матерняго «благословленія», и не прежде, какъ по принятіи сего благословенія, начиналъ бы помышлять о сватовствѣ. Во исполненіе требованій существующихъ обычаевъ, родители засылаютъ къ невѣстѣ сваху. Сваха, за условную плату всячески расхваливаетъ предъ невѣстою и родителями ея жениха, причемъ, для краснаго словца, не стѣсняется испить лишнюю рюмочку и прилесть небывальщину о богатствахъ жениха. Если дѣло свахи идетъ успѣшно, сваха осматриваетъ приданое невѣсты и пріѣзжаетъ къ жениху съ извѣстіемъ, что родители невѣсты просятъ его пожаловать—поглядѣть житья невѣстинаго. Женихъ въ назначенное время пріѣзжаетъ къ своей невѣстѣ съ родителями и въ полномъ смыслѣ слова осматриваетъ житье невѣсты, вникая въ послѣднія житейскія мелочи. Если жениху понравится житье невѣсты,—то приглашаются въ свою очередь родители невѣсты и какая-нибудь сватьюшка посмотрѣть «женихóва житья». Этотъ смотръ производится съ особенною строгостью. Обязательно требуется, чтобы женихъ имѣлъ новые брюки, новые сапоги, вышитую рубашку, новый жилетъ, серебряные карманные часы съ цѣпочкою, новый сюртукъ, новое пальто и хорошую фуражку или шапку, цвѣтной платокъ на шеѣ, перчатки на рукахъ, резиновыя калоши на ногахъ. Требуется, чтобы въ домѣ жениха непремѣнно въ строгой полнотѣ имѣлось все то, что показывала въ своихъ рѣчахъ сваха. Нерѣдко случается, что сваха наговоритъ и лишняго, — въ этомъ случаѣ она отвѣчаетъ за успѣхъ дѣла головою и хлопочетъ сама, чтобы у жениха все имѣлось такъ, какъ она сказала. Бываетъ, — что у жениха не только нѣтъ новой приличной одежды, но и старая въ неисправности,— сваха добываетъ хваленому жениху полную экипировку — «на прокатъ» или заимообразно. Сваха говоритъ невѣстѣ: у жениха

есть столько-то бочекъ хлѣба, полныхъ до краевъ, столько-то и такой-то мѣдной, деревянной, фаянсовой, желѣзной, оловянной и глиняной посуды, столько-то самоваровъ, чайныхъ и столовыхъ принадлежностей, столько-то мебели, одежды, скота, упряжи коннной и тому под. На самомъ же дѣлѣ женихъ и во снѣ не видалъ у себя такой зажиточности: сваха все устроитъ, она показанное число бочекъ съ хлѣбомъ наполнитъ выше, чѣмъ до краевъ, повернувъ пустыя бочки вверхъ дномъ и на дно ихъ насыпавъ съ верхомъ всего, что надобно будетъ видѣть родителямъ невѣсты. Сваха болѣе, чѣмъ въ полнотѣ, покажетъ въ домѣ жениха и количество мебели, и количество посуды, количество всякой утвари и скота,—все это занявъ на время у своихъ родныхъ и знакомыхъ. Бойкая, опытная сваха все сдѣластъ; поэтому больше имѣетъ смѣлости говорить, больше нахваливаетъ жениха, отличнѣйшимъ образомъ скрываетъ обманъ, обнаружить который своевременно способны лишь тѣ родители невѣсты, которые отлично знаютъ жениха. Здѣсь всякому должно быть понятно, почему крестьяне стараются — какъ можно лучше знать состояніе другъ друга и почему они вывѣдываютъ даже о самыхъ мелочныхъ дѣлишкахъ знакомыхъ и незнакомыхъ сосѣдей. Бываетъ, что женихъ затрудняется выбрать невѣсту, тогда свахѣ двойная нажива: она беретъ деньги и за то, что хвалитъ женихов, и за то, что хвалитъ невѣстъ. Невѣстъ хвалитъ сваха такъ же, какъ и женихов и съ подобными же хитростями; — разница лишь въ томъ, что отъ невѣсты требуетъ опредѣленное количество платьевъ ситцевыхъ, шерстяныхъ, обязательно одно кашемировое платье, требуется положенное число бѣлья, новые полусапожки съ резиновыми галошами, жемчужное ожерелье, шубка, пальто, перчатки и разнообразныхъ матерій и величинъ платки. Всякая неудача свахѣ наноситъ тяжкое горе; — она лишается довѣрія, почета и доходовъ и ее никогда не допускаютъ участвовать въ бесѣдахъ о невѣстахъ и женихахъ. Но когда сваха все дѣло уладитъ благополучно, тогда родители жениха и невѣсты взаимно назначаютъ день окончательнаго сговора. Въ

этотъ день родители жениха доставляютъ родителямъ невѣсты точнѣйшія свѣдѣнія о качествахъ и состоятельности жениха, а родители невѣсты—о качествахъ и состоятельности невѣсты. Сопоставивъ то и другое, обѣ ведущія сговоръ стороны опредѣляютъ размѣры приданаго невѣсты и, когда приходятъ къ соглашенію, молятся Богу, трижды, ухвативъ другъ друга подъ руки, оборачиваются кругомъ на мѣстѣ, учиняютъ выпивку и за выпивкою избираютъ свата и сватью для жениха, свата и сватью для невѣсты. Послѣ сговора сваты отъ жениха вмѣстѣ со сватьями повѣряютъ и осматриваютъ приданое невѣсты, а сваты и сватьи невѣсты смотрятъ женихово житье. Въ день сговора назначается день «смотринъ». Смотрины или смотрѣнье состоятъ въ томъ, что у невѣсты собираются дѣвицы и молодые парни; пріѣзжаетъ къ невѣстѣ женихъ съ роднею и молодежью, устрояютъ вечеръ и угощаютъ присутствующихъ виномъ и десертомъ. На смотринахъ деревенскія бабы и дѣвицы поютъ веселыя свадебныя пѣсенки, а молодежь поочередно вызываетъ дѣвицъ къ танцамъ. Въ Куростровѣ на домашнихъ увеселеніяхъ мало поютъ плясовыхъ пѣсенъ, болѣе подъ звуки гармоники танцуютъ кадриль и легкіе виды польки. Смотрины продолжаются глубоко за полночь: зажиточные крестьяне послѣ смотринъ дѣлаютъ и дѣвичники,— но чаще смотрины замѣняютъ дѣвичникъ; если послѣ смотринъ бываетъ дѣвичникъ, то на смотрины приходятъ лишь родственники невѣсты и жениха, а если дѣвичника не бываетъ, тогда приглашается и молодежь безъ выбора близкаго или далекаго знакомства. Между днемъ смотринъ и брака въ домѣ жениха и невѣсты каждый вечеръ проводится веселою компаніею молодежи обоихъ половъ; только на этихъ вечерахъ нѣтъ танцевъ, и дѣвушки занимаются шитьемъ, парни же ограничиваются угощеніемъ дѣвицъ да слушаніемъ или подтягиваніемъ пѣсенъ. За два или за три дня до брака въ домѣ невѣсты бываетъ «Заплачка». Собираются плачеи, — деревенскія бабы, знающія свадебныя пѣсни, и поютъ, восхваляя въ нихъ сватовъ и сватьюшекъ, родителей жениха и невѣсты, самого жениха и

невѣсту и каждаго присутствующаго на пиршествѣ. Невѣста стоитъ на виду всѣхъ съ покрытою платкомъ головою и плачетъ, шлепая руками по столу, который на этотъ случай стоитъ противъ мѣста ея сидѣнья на скамьѣ. По сторонамъ невѣсты, въ строгомъ порядкѣ, сидятъ ея родственники. Каждый изъ этихъ родственниковъ долженъ подходить къ плачущей невѣстѣ и поднести ей на подносѣ вязанку калачей и серебряную монету. Невѣста беретъ подарокъ, кидается на шею подошедшаго и плачетъ въ такомъ положеніи нѣсколько времени. Ту же самую монету и вязанку калачей подноситъ слѣдующій по порядку, невѣста повторяетъ однообразное припадываніе на шею. За родственниками подходятъ къ невѣстѣ всѣ прошенные и непрошенные посѣтители, а также и всякая деревенская молодежь. Плачеи за свои труды получаютъ калачи и монеты. Когда невѣста оплачетъ всѣхъ родственниковъ, тогда беретъ она большой подносъ, весь запятый платками, эти платки даритъ каждому родственнику,— каковые подарки именуются «здарьемъ». Въ день заплачки здарье получаетъ тишь родня невѣсты, а родня жениха отъ невѣсты же получаетъ здарье позже — это въ большія смотрины. Большими смотринами именуется собраніе въ домѣ невѣсты всей невѣстиной и жениховой родни во главѣ съ женихомъ. На большихъ смотринахъ бываютъ бабы пѣсенницы и, помимо родныхъ жениха и невѣсты, — званые гости; эти смотрины происходятъ вслѣдъ за днемъ заплачки. Женихъ, собравшись ѣхать на большое смотрѣнье, со сватами и сватьями заѣзжаетъ къ дому священника, приноситъ ему бутылку вина, флягу пива и проситъ благословенія на предстоящее ему изъявленіе согласія имѣть женою избранную невѣсту. Принявъ благословеніе священника, женихъ, не останавливаясь, ѣдетъ къ невѣстѣ. Всѣмъ присутствующимъ на смотринахъ женихъ и его друзья заготовляютъ десертъ и угощеніе; невѣста принятымъ порядкомъ даритъ платки всѣмъ родственникамъ жениха, и послѣ этого у жениха спрашиваютъ, нравится ли ему невѣста, по любви ли онъ избираетъ ее супругою, и невѣсту спрашиваютъ, нравится ли ей же-

нихъ и по доброй ли волѣ выходитъ замужъ. Вопросы предлагаютъ родители жениха и невѣсты. Получивъ надлежащіе отвѣты, жениха и невѣсту становятъ на разосланный предъ иконою коверъ или же кусокъ ситцу и поочередно благословляютъ жениха отецъ или замѣняющій отца — иконою, мать или замѣняющая мать — хлѣбомъ, а потомъ и невѣсту, которые стоятъ тогда на колѣняхъ. Затѣмъ женихъ цѣлуетъ невѣсту, подъ руку ведетъ ее къ столу; сваты подносятъ имъ и всѣмъ присутствующимъ вино, бабы поютъ величальныя пѣсни. На большихъ смотринахъ избираются посаженые отцы и матери, въ Куростровѣ именуемые сватами, сватьями, тысяцкими или просто посаженными; на этихъ же смотринахъ невѣста отдаетъ свою красоту, т. е. сажаетъ рядомъ съ собою незамужнюю сестру, или любимую незамужнюю подругу, сама угощаетъ ее, ей поручаетъ исполнять нѣкоторыя обязанности невѣсты, напримѣръ — раздачу здарья, подчиваніе виномъ родственниковъ жениха, подчиваніе ихъ десертомъ и въ день брака — наблюденіе за всѣмъ порядкомъ обношенія гостей свадебныхъ. Послѣ большихъ смотринъ, наканунѣ брачнаго дня, невѣста со своими подругами ходитъ мыться въ баню и тамъ угощаетъ дѣвицъ пивомъ и виномъ. Въ банѣ иногда невѣста плачетъ, прощаясь со своимъ дѣвьимъ житьемъ. Сватьи же въ домѣ невѣсты изготовляютъ перины и часть приданаго запираютъ въ сундуки, чтобы на другой день утромъ все это препроводить къ жениху и привести въ должный порядокъ. У жениха наканунѣ свадьбы бываетъ пирушка, именуемая холостымъ вечеромъ; на этой пирушкѣ участвуютъ только мужчины. Въ день брака къ урочному часу въ церковь пріѣзжаетъ женихъ, а потомъ и невѣста; родители брачущихся остаются въ домѣ, куда должны послѣ вѣнца прибыть новобрачные. При совершеніи вѣнчанія, сватъ и сватья стоятъ со свѣчами, и имъ поставлено въ обязанность показывать жениху и невѣстѣ, что надо дѣлать во время брака. Тысяцкіе украшаются голубыми лентами, перевитыми черезъ рукавъ, за тысяцкими размѣщаются «дружки» или шафера; ихъ бываетъ по

нѣскольку со стороны жениха и невѣсты. Шафера имѣютъ перевитыя черезъ рукавъ красныя и розовыя ленты: эти ленты накалываютъ имъ дѣвицы, за что въ благодарность дарятъ дѣвицъ десертомъ; на нѣкоторыхъ свадьбахъ дѣвицы украшаютъ шаферовъ и цвѣтами. Послѣ вѣнца невѣсту въ церкви же деревенскія бабы «крутятъ», т. е. переодѣваютъ невѣстѣ головную повязку, замѣняя ее женскимъ колпачкомъ. Подъ вѣнцомъ невѣста имѣетъ на головѣ непремѣнно парчевую повязку; что же касается платья, то оно избирается соотвѣтственно состоянію родителей невѣсты и отчасти согласно существующей модѣ. Кончивъ крутить невѣсту, бабы получаютъ за трудъ калачи отъ дружекъ; новобрачную накрываютъ платкомъ, сажаютъ на пару лошадей вмѣстѣ съ женихомъ и тысяцкими, дружки и свадебники размѣщаются на разукрашенныхъ лентами коняхъ,—вся процессія со звономъ колокольчиковъ и бубенчиковъ отправляется къ дому, гдѣ назначено быть свадебному пиру, и гдѣ родители новобрачныхъ ждутъ пріѣзда гостей отъ вѣнца. Въ Куростровѣ дѣвицамъ до двадцатипятилѣтняго возраста безусловно воспрещается какъ бы то ни было участвовать за браковѣнчаніемъ въ церкви. Церковный причтъ, помимо условленной платы деньгами, въ день брака получаетъ немного пива и вина отъ дружекъ и платокъ, подносимый только священнику, а послѣ вѣнца ситцевое подножіе отъ брачущихся. Дружки, по дорогѣ къ дому новобрачныхъ, кидаютъ встрѣчнымъ «витушки», составляющія родъ самой малой величины калачей.

По входѣ новобрачныхъ въ домъ, родители ихъ подводятъ ихъ на коверъ къ иконѣ, требуютъ положить три земныхъ поклона и, ставъ на колѣни, принять благословеніе такое же, какъ и на большихъ смотринахъ. По совершеніи обряда, новобрачные обходятъ вокругъ разстановленныхъ для гостей столовъ, садятся за одинъ изъ нихъ въ указанное мѣсто и приглашаютъ гостей выпить и закусить. Гости садятся,— ихъ обносятъ виномъ, начинается попойка съ криками «горько!» и съ понужденіемъ новобрачныхъ цѣловаться, потомъ цѣловаться и кому съ кѣмъ взду-

мается. Новобрачные во все время стола ничего не пьютъ, не ѣдятъ, а только подчуютъ гостей; такой столъ именуется «княжимъ столомъ», — «княжій столъ». Послѣ этого стола новобрачнымъ позволяется закусывать, но отдѣльно, въ сторонѣ отъ гостей. Сытые и пьяные гости шумятъ до глубокой полночи подъ пѣсни бабъ. Пора новобрачнымъ и на покой. Сватья отводитъ ихъ въ спальное помѣщеніе и тамъ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, заставляетъ новобрачную снимать съ ногъ мужа сапоги. Мужъ вкладываетъ въ сапоги деньги и не даетъ молодой женѣ снимать сапогъ. Долго упирается новобрачная, наконецъ мужъ уступаетъ, и деньги достаются труженицѣ. Раздѣтый мужъ ложится, а новобрачная все еще должна ожидать своей очереди: сватья заставляетъ ее падать на колѣни предъ постелью и просить мужа пустить ночевать; долго повторяются одинѣ и тѣ же просьбы, пока новобрачный не втащитъ самъ свою жену на постель. Тогда посторонніе удаляются изъ спальни, а пирующіе гости пляшутъ и поютъ до разсвѣта. Въ день брака бываетъ общая попойка; — на счетъ жениха и невѣсты пьютъ водку и пиво званые и незваные. На другой день рано утромъ новобрачныхъ, теперь уже «молодыхъ», молодежь будитъ стукомъ въ дверь и стѣны спальны (sic) чѣмъ попало: сватья первая, чтобъ разбудить спящихъ, кидаетъ въ двери комнаты глиняный горшокъ, крынку, — словомъ, что-нибудь сдѣланное изъ глины. Молодые встаютъ и, напившись чаю, направляются въ домъ родителей невѣсты со всею компаніею; тамъ новобрачныхъ и гостей ожидаютъ горячіе блины съ попойкою; этотъ день, въ который новобрачная въ домѣ мужа угощается блинами, именуется «горячими». На горячихъ, мужики и бабы съ утра и до ночи безъ умолку поютъ пѣсни, неженатая молодежь особо пляшетъ и танцуетъ въ домѣ и внѣ дома. Въ теченіи дня пирующіе неоднократно пѣшкомъ и на лошадяхъ прогуливаются по деревнѣ, оглашая воздухъ неистовыми голосами пѣсней. Поютъ на прогулкѣ всѣ, кто гуляетъ. Прогулка пѣшкомъ въ Куростровѣ именуется хожденіемъ «воротáми», — т. е. производится такимъ обра-

зомъ: мужики и женки, парни и дѣвицы берутъ другъ друга подъ руки и становятся въ длинную линію, насколько позволитъ число гуляющихъ и ширина дороги. Замужніе и женатые со вдовствующими идутъ впереди, сзади же безбрачные; тѣ и другіе нѣсколько разъ обходятъ деревню. Среди идущихъ воротами мало кто трезвъ: подъ хмелькомъ бываютъ и дѣвицы. Утромъ на горячихъ молодежь, при домѣ новобрачнаго, нагрѣваетъ баню; уноситъ туда вино, пиво и закуску, заготовляетъ нѣчто похожее на завтракъ и у воротъ дома новобрачныхъ запрягаетъ лошадь въ борону, повернутую кверху острыми зубьями. Затѣмъ въ домѣ начинается погоня за молодыми, т. е. новобрачными: ихъ ловятъ, чтобы, посадивъ на зубья бороны, увезти въ баню. Если новобрачные сумѣютъ укрыться, тогда на борону попадаетъ кто-нибудь изъ сватовъ или пожилыхъ гостей и въ баню шумною толпою направляется вся пирующая молодежь. На второй день послѣ брака молодые утромъ направляются въ домъ родителей новобрачной; тамъ бываетъ въ меньшихъ размѣрахъ повтореніе горячихъ, молодежи бываетъ немного и меньше пьянства. Третій день послѣ вѣнца назначается для отгащиванія молодыхъ, т. е. они ѣздятъ ко всѣмъ роднымъ, участвовавшимъ на свадебныхъ пирахъ, угощаютъ ихъ свадебнымъ пирогомъ и благодарятъ за принятое ими участіе въ общей радости. Въ первые мѣсяцы брачной жизни молодые освобождаются отъ тяжелыхъ работъ и пользуются повсюду особеннымъ почетомъ; потомъ эта льгота оканчивается, и брачное дѣло куростровскимъ крестьяниномъ завершено.

Слѣдующіе, подобно шагамъ бѣгущаго скорохода, дни человѣческой жизни приближаютъ молодого къ старости, старика къ смерти. Мѣстные крестьяне встрѣчаютъ смертный часъ съ рѣдкимъ спокойствіемъ. Умершаго родные тотчасъ же обмываютъ, кладутъ на скамью или же на столъ, одѣваютъ въ бѣлый саванъ и наскоро сшитые башмаки, лицо покойника глухо накрываютъ бѣлою полотняною ветошью. Прежде священника къ покойнику приглашаютъ читальщицу, почитая безсвязное бабье бормотаніе

псалтири выше и цѣннѣе священнослужительскихъ молитвъ. Священникъ впервые приходитъ къ умершему не ранѣе, какъ спустя день. Послѣ обычно совершающихся похоронъ учреждаются поминки усопшаго. Поминальный обѣдъ состоитъ изъ двухъ столовъ: за однимъ столомъ сидятъ родственники умершаго, а за другимъ всякій званый и незваный сосѣдъ. Столованіе,—обѣдъ, начинается, сопровождается и заканчивается пѣніемъ заупокойныхъ молитвъ, послѣ каждаго пѣнія бываетъ выпивка. Передъ блинами и киселемъ обязательно поется «со святыми упокой» и «вѣчная память». По выходѣ изъ-за стола гости еще остаются въ домѣ умершаго и расходятся пьяными. На поминкахъ бываютъ только взрослые и пожилые. Пьянство, совершающееся на поминкахъ, не въ меньшихъ размѣрахъ бываетъ, чѣмъ на свадьбахъ; и если угощеніе на поминальныхъ обѣдахъ было скупо, то и объ умершемъ говорятъ худо.

Куростровскіе крестьяне мало суевѣрны; болѣе наклонны къ суевѣрію женщины. Замѣчательно то, что въ Куростровѣ крестьянки особенно тщательно скрываютъ отъ другихъ свои суевѣрныя убѣжденія и обычаи; онѣ, если знаютъ, что человѣкъ не раздѣляетъ съ ними суевѣрія,—ничего не сообщаютъ ему и не показываютъ касающагося тайныхъ повѣрій, опасаясь сами разубѣдиться въ томъ, чему вѣруютъ, если ловкій человѣкъ умѣло изобличитъ заблужденіе. Въ присутствіи священника суевѣрная крестьянка отрекается отъ суевѣрія, а по удаленіи его дѣлаетъ свое, согласно предубѣжденію. Мужчины въ Куростровѣ смѣются надъ суевѣріемъ женщинъ и безпощадно критикуютъ всякій бабій предразсудокъ. Вслѣдствіе этого женщины скрываютъ свои повѣрія и отъ мужчинъ безграмотныхъ, почему можетъ быть понятно отсутствіе суевѣрія среди мужского крестьянскаго населенія. Суевѣрны и мужчины, но такъ, что услѣдить выдающіеся случаи суевѣрія ихъ трудно. Они руководятся различными предубѣжденіями, однако эти предубѣжденія одинаково повсемѣстно вошли, такъ сказать, въ натуру крестьянъ.

Мнѣ извѣстны сравнительно немногія суевѣрія крестьянъ,

хотя я и тщательно выслѣживалъ ихъ. Въ Куростровѣ представилась возможность узнать лишь слѣдующее: если о близости родовъ женщины знаютъ многіе, то роды будутъ тяжелы, а если во время самыхъ родинъ узнаетъ дѣвица о родахъ женщины, а роды не разрѣшились, тогда роженица должна испытать двойныя страданія и тугость родовъ. Въ силу такого повѣрія, очень часто рождающую женщину уводятъ или въ баню, или въ хлѣвъ, или на сѣновалъ, или же на чердакъ. Въ случаѣ тяжкихъ родовъ, повитухи ополаскиваютъ подошву сапога правой ноги мужа роженицы водою и этою водою поятъ женщину въ надеждѣ, что ребенокъ легко пойдетъ изъ утробы, какъ легко ходитъ родитель его, болѣе ступая на правую ногу. Если у новорожденнаго сильно отростаютъ ногти, то ихъ предписывается обкусывать, а отнюдь не стричь до годичнаго возраста ребенка, чтобы къ послѣднему не пристала «грыжа». Къ новорожденному никого изъ постороннихъ лицъ не допускаютъ близко, чтобы дитя какъ нибудь не захворало отъ тяжелаго взгляда и человѣка. О новорожденномъ и о ребенкѣ не позволяютъ говорить излишнія похвалы, чтобы не сглазить послѣдняго, т. е. изъ хорошаго не сдѣлать худымъ. Если рождающійся ребенокъ долго не кричитъ, — значитъ не будетъ у него и долголѣтней жизни, также точно и при крещеніи, — если дитя мало кричитъ или вовсе не кричитъ, то оно не будетъ долговѣкимъ жильцомъ на землѣ. Когда во дворѣ отелится корова, или принесетъ жеребенка кобыла, дворъ окуриваютъ вересомъ, для очищенія случившейся въ немъ нечисти. Отелившуюся корову трижды обходятъ съ кадильницею и жгутъ на ней ладанъ, чтобы очистить молоко животнаго. Для предупрежденія скотскаго падежа куростровскіе крестьяне сажаютъ въ скотскіе дворы осиныя гнѣзда, козлячьи и бараньи рога, черепы, шкурки и т. под. Безпокойство скота во дворахъ крестьянина свидѣтельствуетъ о бытіи домового дѣдушки. Частое каркань̀е вóрона на одномъ и томъ же домѣ, случай залета въ жилой домъ дикой птицы — даютъ вѣрнѣйшій знакъ чьей-либо скорой смерти въ домѣ. Также

точно, если въ домѣ чьемъ-либо или въ церковной папертп безъ всякой видимой причины раздается стукъ въ ворота, — несомнѣнно, что въ домѣ и въ церкви будетъ покойникъ. Если при отпѣвѣ покойника изъ кадила выпадетъ на полъ уголекъ, вскорѣ же, значитъ, будетъ и еще покойникъ. Частое икапіе есть несомнѣнно вѣрный признакъ воспоминаній чьихъ либо на чужой сторонѣ. Внутреннее чувство жженія — есть свидѣтель чьихъ-либо дурныхъ отзывовъ о человѣкѣ. Если кумъ и кума по крещеніи ребенка скоро сядутъ — ребенокъ будетъ мало подвижнымъ работникомъ. Если пироги на именинахъ, крестинахъ и свадьбѣ бываютъ хороши, это лучше всякихъ словъ доказываетъ будущее счастіе и благоденствіе тѣхъ лицъ, ради которыхъ изготовлялись пироги. Если перебѣгаетъ черезъ дорогу кошка, необходимо надо плюнуть на землю во избѣжаніе предвѣщаемой кошкою ссоры. Чтобы корова, когда ее доятъ, была спокойна, ее слѣдуетъ передъ доеньемъ трижды обойти кругомъ; такъ же точно, если долго не ловится свободный конь, его слѣдуетъ трижды обойти кругомъ, прежде чѣмъ подойти къ нему. Если сжечь въ печи пометъ извѣстнаго человѣка или животнаго съ мыслію, чтобъ у того человѣка или животнаго непремѣнно сдѣлались испражненія затрудненными и крайне болѣзненными, — желаемое можетъ осуществиться. Нашедшій цвѣтокъ папоротника, четырехлистный trifolium—находитъ легкій доступъ къ счастію. Ночные огни, блуждающіе по землѣ, предвѣщаютъ человѣку случай найти неожиданное счастіе, или кладъ. Если въ порядкѣ брачныхъ пиршествъ и обрядовъ произошла неожиданная остановка, непредвидѣнное замѣшательство, — все это предвѣщаетъ несчастливую жизнь новобрачныхъ. Пролитое вино на скатерть символизируетъ приближающееся счастіе, просыпанная соль — ссору, разладъ, непріятности. Ошибочное надѣваніе сапога правой ноги на лѣвую ногу, или лѣвой на правую — предвѣщаетъ какую-либо неудачу въ дѣлахъ того дня. Паденіе иконы въ домѣ безъ видимой причины предвѣщаетъ великое семейное несчастіе. Громкій трескъ дровъ въ затопленной печи и угли, выскакиваю-

щіе далеко на полъ, обѣщаютъ наѣздъ неожиданныхъ гостей въ домъ. Умывающаяся лапкой кошка направленіемъ хвоста въ это время показываетъ сторону, откуда несомнѣнно должны быть гости. Ртуть и родильная сорочка, носимыя на грудномъ крестикѣ, избавляютъ человѣка отъ всякаго зла. Скоропостижно умершаго, утопшаго, задавившагося, убитаго молніей, угорѣвшаго, впавшаго въ обморокъ, подвергшагося судорогамъ курострovскій крестьянинъ никогда не позволитъ положить на полъ, а тѣмъ болѣе на землю, потому что земля можетъ принять душу человѣка въ скорѣйшемъ времени, и тогда страждущему не будетъ полезна никакая помощь. Получая заработки, курострovскій мужичекъ иногда осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, чтобы взятыя деньги прочнѣе оставались въ его рукахъ. Чтобы кони не теряли бѣгъ въ весеннюю пору, какъ говорится—не *вешняли*, въ Георгіевъ день крестьяне обливаютъ коней рѣчною водою трижды подъ рядъ и рано утромъ, въ разсвѣтъ. Въ вербное воскресенье вербами стегаютъ во дворахъ скотъ для отгнанія отъ него всякой нечисти, и нѣкоторые къ рогатому скоту для той же цѣли привязываютъ воскъ отъ свѣчъ, употребляемыхъ при богослуженіяхъ страстной и пасхальной недѣли. Въ Пасху принесшій изъ церкви домой незагашенную свѣчу приноситъ и счастіе въ жизни. Если подъ подушку кровати положить таракана, листы березы, гребень или иное что-либо въ святочные дни,—все, чего человѣкъ не захочетъ видѣть,—онъ увидитъ во снѣ, когда положенныя подъ подушку вещи пролежатъ подъ нею всю ночь. Самое вѣрное предсказаніе будущаго счастія, по убѣжденію курострovскихъ бабъ,—получается чрезъ выслушиваніе въ полночи святочнаго времени—непремѣнно у скважины церковнаго замка, такъ какъ бесѣды духовъ о счастіи человѣческомъ и о судьбѣ человѣческой совершаются въ мѣстахъ почему-либо священныхъ и притомъ тайно: услышать бесѣду духовъ возможно лишь чрезъ скважины церковнаго зданія, лучше чрезъ дверной замокъ, особенно вѣрно передающій произносимое по секрету. Дверные замки вообще, по убѣжденію крестьянъ, имѣютъ

какую-то будто бы силу въ святочные дни предвозвѣщать что либо таинственное въ жизни человѣческой. При погребеніи покойника куростровскіе крестьяне ничуть не дозволятъ кинуть въ могилу голыми руками, а не лопатою, или инымъ чѣмъ либо,— хотя бы и небольшой комокъ земли; основанія такому запрещенію находятся въ чрезмѣрномъ пристрастіи простого народа къ церковной и домашней обрядности, въ силу чего даже обыкновенное орудіе землекопа — лопата, дѣлается священною вещью при погребеніи умершаго. Та невѣста, которая сильно плачетъ на заплачкахъ, — будетъ жить счастливо; поэтому невѣсты въ Куростровѣ чаще на дѣвичникахъ кричатъ подобно громко плачущимъ, а на самомъ дѣлѣ не имѣютъ и малѣйшаго расположенія плакать. Двое одновременно сказавшіе одно и то же, слово въ слово, безъ предварительнаго къ тому соглашенія между собою, видятъ въ этомъ предвѣстіе долголѣтія въ своей жизни. Когда у куростровскаго крестьянина почешется лѣвый глазъ, — значитъ можетъ приключиться скорая печаль, а если зачешется правый глазъ,—должно ожидать внезапной радости. Если почешется ладонь правой руки, — будутъ тою рукою получены деньги, а если почешешь ладонь лѣвой руки,—ожидай пустой траты денегъ. У кого звенитъ въ ушахъ, тотъ спрашиваетъ у другого: — «отгадай, въ которомъ ухѣ у меня звенитъ?» и если получитъ вѣрный отвѣтъ, то получитъ съ нимъ и возможность видѣть исполненіе перваго состоявшагося послѣ звона въ ушахъ намѣренія. Потеря и сильное поврежденіе обручальнаго кольца ведутъ къ разстройству брачной жизни носившаго порченное кольцо или потерявшаго кольцо. Лѣтомъ далѣе вечерняго заката солнца дѣвушки не позволяютъ себѣ пѣть пѣсенъ, почитая это великимъ грѣхомъ. Вечеромъ куростровскій крестьянинъ не зачнетъ рѣзать ломтей хлѣба изъ цѣльнаго каравая, чтобы не лишиться обилія урожая; такъ же точно крестьяне не позволятъ себѣ положить каравай хлѣба нижнею коркою вверхъ, потому что въ этомъ заключается великій грѣхъ. Въ Куростровѣ никто не починяетъ одежды, одѣтой на себя, безъ того, чтобы не снять послѣдней,—въ противъ-

номъ случаѣ починяющій одежду можетъ повредить силѣ памяти. Въ хлѣбномъ амбарѣ, по мнѣнію жителей Куростровa, нельзя грызть хлѣбныя зерна, чтобы отъ этого не увеличилось число мышей и крысъ въ амбарѣ. При выходѣ изъ одного дома въ другой, покидаемое мѣсто слѣдуетъ, въ послѣдній разъ вездѣ и тщательно осмотрѣвъ, оставить, не оглядываясь назадъ, дабы не потерять своего счастія и не оставить его другому человѣку. Дѣти и возрастные, безъ цѣли и нужды копающіе въ землѣ яму или ямку, предвѣщаютъ этимъ покойника въ своемъ близкомъ родствѣ. Куростровскіе крестьяне избѣгаютъ пріобрѣтать чистой черной масти коровъ и коровъ всякихъ мастей у владѣльцевъ-брюнетовъ, такъ какъ черные люди и черныя коровы не счастливятъ покупателю скота. Если въ домѣ заведутся черные тараканы, то крестьянки стараются разводить и хранить ихъ, какъ существа, приносящія тому дому, въ которомъ они завелись, несомнѣнное счастіе. Кто видѣлъ во снѣ мышей, тому въ дѣйствительности предстоитъ пріобрѣтеніе какой-нибудь выгоды, то же самое предвѣщаютъ видѣнные во снѣ пожары, несчастія, потерп, лишенія и т. п. Кто къ чему особенно стремится, тотъ отъ того, по мнѣнію крестьянина, получитъ себѣ наибольшее зло или же и смерть. Куростровскіе крестьяне думаютъ, что пожары отъ молніи не слѣдуетъ тушить, такъ какъ они произошли по дѣйствію милости Божіей, препятствовать коей вовсе нельзя. Во время грозы не должно смѣяться, говорить худыхъ словъ, чтобы не навлечь на себя бѣды отъ молніи. Когда топится печь, въ огонь ея нельзя плевать, такъ какъ можно сдѣлаться отъ этого морщинистымъ прежде времени. Дѣвушкѣ и неженатому не должно садиться на порогѣ, такъ какъ не пріѣдутъ отъ этого къ нимъ сваты. Если изъ-подъ вѣнца новобрачныхъ выпадетъ платокъ шафера и повиснетъ, закрывъ лицо брачущагося, то таковому предсказывается очень скорая, преждевременная смерть. На Ильинской недѣлѣ не слѣдуетъ купаться, чтобы не утонуть, попавъ въ руки водяному. Пробки отъ раскупоренныхъ бутылокъ съ виномъ не должны валяться на полу, чтобы наступив-

шіе на нихъ не стали горькими пьяницами; также точно неизбѣжно будетъ горькою пьяницею и тотъ, кто опоражниваетъ недопитыя рюмки вина. Вышедшій изъ за стола послѣднимъ на пиру получитъ какой нибудь подарокъ. Если живой человѣкъ ляжетъ въ гробъ, хотя бы и для шутки, — умретъ тогда же или непремѣнно вскорѣ. Кто прочитаетъ всю Библію отъ начала до конца, тотъ рискуетъ попасть въ число умопомѣшавшихся. Мухъ, сильно размножающихся въ лѣтнюю пору въ жилыхъ помѣщеніяхъ, грѣшно истреблять, потому что отъ истребленія мухъ можетъ быть неурожай хлѣба. Если ребенокъ сильно безпокоится, плачетъ, не спитъ, необходимо обмыть всѣ скобы дверныя и водою отъ этого мытья выполоскать ребенка; — этимъ-же средствомъ въ Куростровѣ старухи-повитухи стараются успокаивать родильницъ и роженицъ, страдающихъ безсонницею и разстройствомъ организма. Многія женщины въ Куростровѣ не пьютъ чаю и кофе, почитая то и другое великимъ грѣхомъ. Куростровскій крестьянинъ вѣритъ, что если онъ будетъ вытирать руки и лицо въ столовую салфетку, у него непремѣнно будутъ болѣть лицо и руки. Въ теченіе великаго поста въ Куростровѣ ни въ одномъ домѣ не найти открытаго зеркала, потому что глядѣться въ великій постъ въ зеркало очень грѣшно; кто въ великій пятокъ и субботу страстной недѣли вбиваетъ гвозди, рубитъ топоромъ, бьетъ молотомъ, стучитъ молоткомъ,—тотъ распинаетъ Христа, подобно древнимъ Іудеямъ, распявшимъ Господа. Послѣ елеопомазанія въ Куростровѣ крестьяне не ходятъ въ баню и не сообщаются съ женами. Встрѣчу священника на дорогѣ куростровскіе жители почитаютъ доброю примѣтою къ исполненію начатаго предпріятія. Купленную корову не берутъ въ первый разъ за рога или за вязку голыми руками, не берутъ и купленнаго коня, и не гладятъ ихъ голыми руками, чтобы не зачахли и не исхудали въ новомъ помѣщеніи. Многіе крестьяне не полощутъ вечеромъ посуду, чтобы не вынести изъ дому счастье. Если въ скотскомъ хлѣву корова или лошадь безпокойны, крестьянинъ это безпокойство приписываетъ домовому дѣдушкѣ, и не смѣетъ

посмотрѣть скота, чтобы не оскорбить домового и по его злобѣ не потерпѣть въ скотѣ убытка. Когда шумная компанія вдругъ умолкнетъ и прекратитъ бесѣду, въ этотъ моментъ кто-нибудь родился на свѣтъ, ставъ членомъ великой семьи праотца Адама. Женщинѣ не слѣдуетъ ходить безъ пояса, а тѣмъ болѣе дѣвицѣ, чтобы этимъ не предвозвѣстить самой себѣ незаконное рожденіе. Черезъ порогъ и на ступеняхъ лѣстницъ въ Куростровѣ крестьянинъ ни съ кѣмъ не поздоровается, чтобы не поссориться и съ тѣмъ, отъ кого слышитъ онъ привѣтствіе въ разговорѣ. Пустой дѣтской колыбели не слѣдуетъ качать, чтобы не умеръ, или не заболѣлъ ребенокъ. Куростровскія дѣвушки вѣрятъ, что если онѣ испекутъ въ печи колобы, закопавъ въ нихъ частицу своихъ волосъ, и пошлютъ эти колобы молодымъ парнямъ, то парни, поѣвъ такого печенія, будутъ неизмѣнно любить дѣвицъ. Весною въ водоразливъ и осенью при замерзаніи, противъ того мѣста, гдѣ болѣе размѣромъ и числомъ стоятъ полыньи, если имѣются въ близости деревни и домы, изъ тѣхъ деревень и домовъ въ большемъ, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ количествѣ, будутъ въ томъ году выданы замужъ дѣвицы. Если въ святочный вечеръ дѣвушка кинетъ за ворота башмакъ или галошу вверхъ, — направленіе носка упавшей вещи покажетъ сторону, куда дѣвица выйдетъ замужъ. Когда нѣсколько дѣвицъ вздумаютъ гадать въ святки о томъ, кто изъ нихъ скорѣе выйдетъ замужъ, въ Куростровѣ въ полночь дѣвушки кладутъ кольца на полъ, берутъ сонаго пѣтуха и заставляютъ его клевать насыпанныя зерна между кольцами: чье первое кольцо задѣнетъ носомъ пѣтухъ, того владѣтельница первая изъ всѣхъ присутствующихъ выйдетъ замужъ. Чтобы узнать, какое имя будетъ у суженаго, дѣвушки спрашиваютъ по вечерамъ въ святки имена встрѣчныхъ и прохожихъ на улицѣ мужчинъ, предполагая въ этихъ отвѣтахъ найти истину. Если во время выѣзда изъ церкви новобрачныхъ ударятъ въ колоколъ къ вечернему богослуженію, жизнь тѣхъ новобрачныхъ, по повѣрію куростровскихъ крестьянъ, не должна быть долговременна. Если въ святочные дни задумаетъ дѣвица видѣть бу-

дущаго своего супруга, она беретъ стаканъ или чашку кофейной гущи, пристально и неподвижно глядитъ въ эту гущу, пока не появится въ послѣдней ясный человѣческій ликъ: — это и есть портретъ суженаго. Куростровскія крестьянки весьма глубоко убѣждены въ существованіи различныхъ оборотней, т. е. духовъ, принимающихъ образъ человѣка, животнаго или вещи; чтобы о́боротень, обыкновенно скитающійся только по лѣсамъ, кладбищамъ и безлюднымъ мѣстамъ, не принесъ вреда доброму человѣку, крестьяне всякому встрѣчному на дорогѣ говорятъ: «путемъ дорогою», работающему: «Божья помощь», приготовляющему хлѣбъ: «спорина́ въ квашню́», скущему нитки говорятъ — «сто пасмъ на мотовило»; — подобныя привѣтствія имѣютъ то значеніе, что о́боротень не имѣетъ силы нанести зла тому, кто скажетъ эти слова. Въ бытіе домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, банныхъ дѣдушекъ—жители Куростровa вѣрятъ всѣ за малымъ исключеніемъ. Въ Куростровѣ нѣтъ колдуновъ и колдуній, признаваемыхъ въ народѣ за людей необыкновенныхъ. Хотя есть знахари и знахарки, но и эти личности находятся въ разрядѣ самыхъ обыкновенныхъ деревенскихъ врачей, умѣющихъ заговаривать болѣзни, растирать немощныхъ и старыхъ въ банѣ, умѣющихъ лѣчить болѣзни и изгонять недостатки домашнихъ животныхъ, словомъ—готовыхъ оказать всякому простую помощь, для бо́льшей прибыли тщательно снабжаемую всякими выдумками суевѣрія. Въ недавнее время были въ Куростровѣ и настоящіе колдуны, но они всѣ, почти одновременно, подверглись народному преслѣдованію и оставили свое ремесло, боясь насильственной смерти. Среди такихъ колдуновъ были личности, будто бы умѣвшія—изъ трезваго человѣка дѣлать пьяницу, изъ пьяницы трезваго, изъ больного — здороваго и изъ цвѣтущаго здоровьемъ — разслабленнаго,—умѣвшія сводить и разводить любовныя пары, отыскивать воровъ, знавшія способъ легко обогатить и разорить крестьянина; — такіе колдуны по своей прихоти могли будто-бы извести изъ дворовъ обывателей скота, нанести разладъ семьѣ, испортить благопріятный ходъ чьихъ-либо дѣлъ,—они же могли

производить и общественныя бѣдствія, могли и отвращать ихъ. Теперь есть среди куростровскихъ крестьянъ одни лишь иконники, способные будто бы передавать свою болѣзнь другимъ, да недобрые люди, имѣющіе силу наводить тайными способами вредъ своимъ сосѣдямъ; но вредъ уже малозначительный, далеко не тотъ, что наводили въ былое время колдуны. Съ каждымъ годомъ въ Куростровѣ убываетъ значительное число знающихъ какіе-нибудь тайные способы заговариванія болѣзней, немочей, бѣдствій и т. д.—убываетъ потому, что если кто передаетъ другому какое-нибудь принадлежащее къ области колдовства, знахарства, чернокнижья,—умѣнье и знаніе, тотъ, по общему народному убѣжденію, уже теряетъ силу производить что-либо помощію переданныхъ другому познаній. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вѣдѣніемъ чернокнижныхъ тайнъ обладаютъ старики и старухи, а молодежь, мало имъ вѣрующая, является неспособною и малоспособною къ удержанію темной науки, — область чернокнижныхъ преданій все болѣе и болѣе сокращается; старики вымираютъ,— новыхъ знатоковъ колдовства не прибываетъ; различныя отрывочныя свѣдѣнія деревенскихъ знахарей и знахарокъ постепенно предаются искаженіямъ и забвенію. При расширеніи грамотности, каждый мужичекъ знаетъ уже пользу фельдшеровъ, докторовъ, акушерокъ, оспопрививателей; приходской священникъ напутствуетъ трудно больныхъ еще прежде, чѣмъ побывалъ при страждущемъ какой-нибудь лѣкарь; въ домахъ многихъ крестьянъ, вмѣсто полубезграмотныхъ записей на бумажныхъ «лоскутахъ»— обрывкахъ, появились полезныя для домашняго быта книги и газеты. Только раскольники, которыхъ въ Куростровѣ числится 7 человѣкъ, всецѣло преданные суевѣрію, остаются хранителями преданій сѣдой старины. Въ остальномъ все находится на дѣйствительномъ пути къ лучшему; — что это именно такъ, можно видѣть изъ слѣдующаго: Куростровъ всюду окруженъ раскольниками, и, несмотря на это, если взять во вниманіе даже все вышеприведенное касательно суевѣрія крестьянъ Ломоносовскаго сельскаго общества, то и въ этомъ случаѣ нельзя не сказать,

что куростровскіе крестьяне далеко не столько суевѣрны, какъ близкіе сосѣди ихъ по мѣсту жительства, у которыхъ чуть не каждый шагъ и движеніе снабжены суевѣрными примѣтами, предосторожностями, символизаціею и т. д.

Вглядываясь въ житейскій опытъ куростровскихъ крестьянъ, наблюдатель не найдетъ въ немъ выдающихся особенностей. Каждый ремесленникъ трудится, не выказывая въ себѣ особенной даровитости; можно замѣтить среди такихъ тружениковъ только выдающихся честностію и исполнительностію,— остальные же находятся въ разрядѣ мастеровъ средней руки. Наибольшимъ почетомъ пользуется въ Куростровѣ земледѣліе. Луга и поля, находящіеся во владѣніи крестьянъ Ломоносовскаго сельскаго общества, имѣютъ, по своимъ качествамъ, высшую цѣнность въ Холмогорскомъ округѣ; нерадивое отношеніе къ земледѣлію является для мѣстнаго крестьянина позоромъ, признакомъ лѣнивой и распутной жизни. Бѣдный, но не лѣнивый, — земленашецъ въ Куростровѣ числится на ряду съ хорошимъ ремесленникомъ, потому что такому пахарю зажиточные крестьяне всегда и съ удовольствіемъ довѣрятъ часть своей земли въ обработку, съ выдѣломъ за работу половины или трети полученнаго урожая. Промышленники изъ среды куростровскаго населенія смотрятъ на промыслы такъ же, какъ и на ремесла, т. е. занимаются промысломъ для восполненія доходовъ, полученныхъ отъ землевладѣнія. При такомъ отношеніи крестьянъ къ ремесламъ и промысламъ, очевидно не отыскать выдающихся знатоковъ ремесленнаго и промысловаго дѣла: сдѣлаютъ вещь хорошо и вполнѣ удовлетворительно, выполнятъ предпріятіе успѣшно и правильно, — но не сдѣлаютъ чего-либо подобнаго талантливо, чтобы дать другимъ образецъ усовершенствованія. Въ отношеніяхъ къ земледѣлію среди жителей Куростровa замѣтно особенное стремленіе къ новѣйшимъ улучшеніямъ его, и если бы не дороговизна сельскохозяйственныхъ орудій, то едва-ли бы кто отказался принять участіе въ пріобрѣтеніи вѣялки, ручной мельницы, плуга и бороны новѣйшей кон-

струкціи. Многіе полезные совѣты изъ книгъ и газетъ по части сельскаго хозяйства куростровскіе крестьяне уже давно приложили къ дѣлу: примѣръ зажиточныхъ землевладѣльцевъ, сначала бывшій поводомъ къ разговорамъ и удивленіямъ, теперь сталъ руководствомъ для дѣятельныхъ землепашцевъ средней руки, а отчасти и для бѣднѣйшихъ.

Описавъ характеръ и качества крестьянъ Ломоносовскаго сельскаго общества,—начну описывать и особенности ихъ «*говора*».

Куростровскіе крестьяне говорятъ языкомъ, содержащимъ въ себѣ менѣе особенностей, чѣмъ языкъ крестьянъ другихъ окружающихъ ихъ сельскихъ обществъ. Согласно порядку Программы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ, мѣстное нарѣчіе простонародія можетъ быть описано въ такомъ видѣ.

§ 1) Жители Куростровa въ разговорѣ очень часто, даже постоянно, произносятъ букву *о* тамъ, гдѣ слѣдовало бы говорить *а*. Такъ, говорятъ: — *О*вдонъ, *О*лександръ, *Оѳо*пасій, *О*лександра, *Оѳо*пасья, батюшко, Иванушко, батько, батенько, чертушко, дѣдушко, дитятко, зернетко (зернышко), котушко, сотейко, котенко, жопченко (уменьш. отъ женка), мужиченко, солдатёнко, сватушко, мальчишко, матерьишко, ситечишко, лавченко, столбишко, домишко, амбаришко, банишко, дверишко, колпачишко, платчишко, огнишко, книжонко, бумаженко, горшишко, собаченко, столишко, стулишко, шапченко, Ондрейко, Ондреюшко, Пе́трушко, Ѳедорушко, Олексѣюшко, Василюшко, Митреюшко, колышко, жердишко, самоваришко, чертенко, ершишко, рыбешко, колесишко, дворишко, лошаденко, конишко, мужиченко, трактиришко, кабаченко, замченко, дѣвченко, Анюшонко, Олюшонко, Олексашко, тороканишко, воробьишко, крыльчишко, козленко, овчишко, телушенко, быченко, клѣтишко, сторожишко, старушенко, парнишко, бабенко и т. д. Говорятъ — скочскъ, колоша; — вмѣсто давнехонько изрѣдка слышно въ раз-

говорѣ — довнехонько; можно слышать въ разговорѣ весьма часто: розборъ, розсуждать, розсужденіе, розсчитывать, розводить, роспускать, розносить, розвѣвать, розличать, розумѣть, но не услышать слова ро́зумъ вмѣсто ра́зумъ.

§ 2) Слова платить и плотить, то и другое одинаково употребительны, — посодить вмѣсто посади́ть можно услыхать очень рѣдко.

§ 3) Замороживать и замораживать, заработывать и зараба́тывать, унавоживать и унаваживать, уничтоживать и уничтажи-вать, укорочивать и укорачивать, измолочивать и измолачивать, заколочивать и заколачивать, — произносятся одинаково общеупотребительно.

§ 4) Орѣхъ и арѣхъ, пароходъ и параходъ, паромъ и поро́мъ, залато́й и золото́й, корабль и кара́пь, тваро́гъ и твороґъ, хороводъ и хараводъ, паровозъ и паравозъ, казармы и хозармы, палитура и политура, самоваръ и самаваръ; въ Куростровѣ непремѣнно говорятъ—добро́го, прямого, кривого, многого, малого, одного.

§ 5) Случаи замѣны буквы *о* звукомъ *у* въ говорѣ куростровскихъ жителей очень рѣдки: мнѣ пришлось слышать только слова: *у*кунись вмѣсто окунись, *у*кошко вмѣсто окошко, угурцы вмѣсто огурцы, булѣть вмѣсто болѣть, булѣсть вмѣсто болѣзнь.

§ 6) Шшока, дошшочка, зашшолка, крошонина (крошенка), топерь и таперь; совопне.

§ 7) Чёшетца, твоёйный, подёнщикъ, поддёвка, поддёржка, надёжа, одёжа, отвёрну́ть, навёрнуть, свёрнуть, свёрло, малёвавать, шпаклёвать, клёвать.

§ 8) Вёдро, вёршо́къ, слёза, сгрёбать, го́рё, лёжа́ть, лёта́ть, крёхтѣть, ѣдёшь, понимаёмъ, поднима́ёмъ, по́лёмъ, па́шнёю, довольнё, будё, достаточнё, привольнё, разгульнё, дозволительнё; свѣжае, черняе, быстряе, тепляе, привольняе, легчае, простяе, чистяе, бойчае, умняе, толстяе, длинняе, широчае, ближае, громчае.

§ 9) Ношоно, вожоно.

§ 10) Тверёзый, цвёло, хлёбать, въёзжать, гнёзда, пёсóкъ, пёрстъ, сёдлó, желёзка, телёжка, перемённый, молённая.

§ 11) Кожанный, ношанный, вожанный, слышанный; денягъ, двугривянный; запрёгъ, трёсъ, головёшка.

§ 13) Мпня, нильзя, снбя, потирять.

§ 14) Йихъ, йимя; произносятъ *е* вмѣсто *и* послѣ гласной буквы, напримѣръ, вм. напоивъ, яицъ, — напоемши, яецъ, что впрочемъ услѣдить можно только изрѣдка.

§ 16) Давыдъ, прытча, опрычъ, псалтырь.

§ 21) Букву *и* вмѣсто *ъ* куростровскіе крестьяне употребляютъ мало, за исключеніемъ слова цвитокъ, рѣдко произносимаго вмѣсто цвѣтокъ, и словъ цидить, одіяло—вмѣсто цѣдить, одѣяло; чаще всего можно слышать въ разговорѣ крестьянъ произношеніе звука *и* вмѣсто *ъ* только въ концѣ словъ: говорятъ на конци, въ огороди, на гумни, на сиопи.

§ 22) Кротчая и кротчай, тишая и тишай, быстряя и быстряй, видняя и видняй, мельчая и мельчай, простяя и простяй, густяя и густяй; видялъ, смотрялъ, присмирялъ, темняетъ, сыряетъ.

§ 23) Петь, грезь, дедя, опеть, мечикъ, езыкъ, месной, светой, петакъ, чесы, шелунъ; считалсе, надѣялсе, молилсе, судилсе, бросилсе, удвоилсе, удалсе, купалсе.

§ 24) Бодрой, красной, видной, свирѣпой, находчивой, умной и т. д. Волчей, медвѣжей, человѣчей, осенней. Есть случаи произношенія *ій* какъ ой, напримѣръ, кроткой, короткой, бойкой, липкой, ранной, поздной, вчерашной, давнишной, крайной. Аркадей, Василей, Іоаннпкей, Антопей, Агапей, Авдей, Авксентей, Анатолей. Полагея, Лукея, Агпея, Евдокея.

§ 25) Гуляшъ, читашъ, пропадатъ, мотатъ, бывать, дергать, слушатъ, кушатъ, мѣшатъ; вмѣсто хозяева — говорятъ хозява.

§ 26) Почиташь, уѣзжашь; вмѣсто гармоня—гармонь.

§ 27) Подымать, сымать; вмѣсто поднять говорятъ еще вздынуть, подынуть; вмѣсто погибнуть — сгинуть, вмѣсто четверть говорятъ четь.

§ 28) Спорхнулъ, спыхнулъ, спрѣлъ, спарился; вмѣсто около говорятъ околъ, вмѣсто прямо — прямъ, вмѣсто кругомъ (чего либо) — кругъ, вмѣсто арестантъ говорятъ рестантъ, вмѣсто арестовать — рестовать, вмѣсто аграмантъ — грамантъ.

§ 29) Аржаной и оржаной, овторникъ, омшаникъ, артуть; хвартукъ, хвонарь. Вмѣсто рта, потолка, Леонидъ, Леонтій— говорятъ рота, потолока, Леванидъ, Левонтій, вмѣсто комодъ— камода.

§ 30) Гласные звуки въ концѣ словъ куростровскіе крестьяне почти постоянно растягиваютъ; наиболѣе въ этомъ случаѣ выдаются женщины, наименѣе мужчины.

§ 31) Букву *г* куростровскіе крестьяне по большей части произносятъ твердо безъ придыханія, подобно латинскому g, такъ что напримѣръ въ словахъ добраго, худого, слѣпого; чрезвычайно рѣдко употребляется в вмѣсто г — и еще рѣже двойное *о*: доброво, худово или доброо, худоо.

§ 32) Изрѣдка: ковда, товда. Вмѣсто: порогъ, творогъ, пирогъ, перѣдко слышно — порокъ, творокъ, пирокъ; вмѣсто картофель, срокъ, шагъ,—говорятъ картофь, срохъ, шахъ; вм. кахикать — кахыкать.

§ 34) Трахмалить, трахтиръ, парихмахеръ; вмѣсто старикъ изрѣдка говорятъ старихъ.

§ 36) Эфтихъ, энтихъ, эфтотъ и энтотъ, эфти и энти; хвунтъ, хвартукъ, хто, хвонарь.

§ 37) Хъ телегѣ, хъ кузнецу, хъ чаю, хъ царю; гъ березѣ, гъ дереву, гъ горѣ, гъ желѣзу, гъ западнѣ.

§ 42) Послѣ ц—звуки и, я, е исключительно употребляютъ дѣвицы и молодыя женщины, а звуки о, а, ы — мужчины и пожилыя женщины.

§ 43) Чиганъ, отечь, конечь, мастерича, горчича, кольче, оченъ, чѣпочка; имѣются случаи произношенія и *ц* вмѣсто ч: напримѣръ: цёртъ, цетвертый, цетыре, цервь, ноць, пець. Нельзя сказать, чтобы въ Куростровѣ говорящій ц вмѣсто ч и ч вмѣсто ц,—не произносилъ звуковъ ц и ч, какъ слѣдовало бы произносить.

§ 44) Послѣ буквъ *ж* и *ш* въ Куростровѣ всѣ почти произносятъ буквы ы, а, о, у, звуковъ же и, я, е, ю—послѣ тѣхъ же ж и ш—никогда не употребляютъ. Вмѣсто *ж* изрѣдка говорятъ з: рогоза, порозный. Вмѣсто моетъ, воетъ, кается, мается, читаетъ, пишетъ—говорятъ мое, вое, каецца, маецца, читае, пише; вмѣсто *ж* употребляютъ и *жд*; вм. урожай, жница, вожакъ, говорятъ урождай, ждница, вождакъ. Бываетъ, что и вмѣсто *жд* скажутъ одно *ж*, напримѣръ: вмѣсто угождать, предупреждать, насаждать, всаждать, рождать скажутъ — угожать, предупрежать, насажать, всажать, рожать.

§ 46) Свѣшша, пишу; мучисся, лѣчисся, молисся.

§ 47) Кухшинъ и кукшинъ, скуспый.

§ 48) Вѣкоуха, криуха, пѣунъ, пѣунья, короушка, голоушка, вмѣсто кривлять — говорятъ кріулять; бываетъ, что скажутъ вухо, прибавутка, вутка, т. е. прибавятъ къ буквѣ *у*—звукъ *в*.

§ 50) Бротъ, уротъ, хотъ, атъ, затъ, Нефетъ, дѣтъ, зупъ, гупъ, бапъ, рапъ, ястрепъ, ворофъ, дворофъ, навосъ, расъ, тасъ, писъ, пошъ, похошъ; вмѣсто рокъ, друкъ, произносятъ и рогъ и другъ и рохъ и друхъ. Впрочемъ, очень часто слышно и правильное книжное произношеніе перечисленныхъ словъ.

§ 53) Харьчевня, перьвый, молепьствіе, лечебьница, деревьня, купьца, рупь, серьпъ, зерькало, огородьникъ, ротьственникъ, лехьче, деревеньской, харьчъ, нѣмецькой, морьской;—часто говорятъ: двиньской, коньской, церьковный, ковькой, ловьчивый (мастеръ ловить), лѣвьша, рѣдькой, терпькій, хрупькій, скропькой, мѣдьникъ, обѣдьня, черьнила, вѣньчикъ, юпьки, дѣфьки, трафьки, жерьдь, комьки, скоромьной, думьскій, ямьской, земьской, наемьникъ, подъяремьникъ, ухватьный, завѣтьній, свѣтьскій, огьни, сомьнительный, дро́гьни, согьни́, Агьнея, Егьрафъ, у́гьли, одьни, ножьницы, сошьникъ, крошьки, ношьки, рошьки, морозьный, навозьница, возьми, возьникъ, Козьминъ, священьникъ, стукьни, звякьни, мяхькій, лехькій, мокьни, Акьсинья, Авкьсентей, ступьня, шепотьня, конопьля, вопьль, Сосьнинъ, косьти, косьть, Касьній, осьна, картофь, кофь, фплафь, шарфь,

брофь, хьрѣнъ, Хьристосъ, хьрепьлетъ, верхь, хьрюкать, крехьтѣть, смѣхь, всихь, чихьнуть, вихьнуть, почька, мочька, бочька, вѣчьный, встрѣчьный, мрачьный, удачьный, прочьный, урочьный, брачьный, крошьки, блошьки, врешь, борщь, хвощь; — вмѣсто молнія — мольнія. Словомъ въ Куростровѣ можно найти въ простонародной рѣчи смягченіе каждой согласной, а не только нѣкоторыхъ; впрочемъ это смягченіе идетъ на ряду и съ правильнымъ словопроизношеніемъ, не вытѣсняетъ послѣдняго до минимума.

§ 54) Ру́чей и руча́й, язы́ка и языка́, жемчу́гъ, отдо́хъ, ва́лежникъ, о́бухомъ, о́тъ ноги и отъ но́ги (sic), на ко́няхъ, ка́менья, верба́, за́става, о́тставка, по́ставка и поста́вка, наизворотъ и наизворо́тъ, навзни́чь, про́стыня, моло́ченье, вставань ё, средства́, ворота́, вну́чата и внучата́, я́гнята, братья́, платья́, я́йцъ, моло́дъ, лего́къ, мяго́къ, тѣсно́й, чаща́, ско́ворода, деньга́, со́сна, дѣво́чка, въ ре́ку, свинью, двѣ вёрсты, дере́вень, коси́тъ, роди́тъ, роди́тся, спите́, шалите́, ходите́, носите́, возите́, говорите́, кричите́, ѣдите́, придите́ и при́дете, прядите́, кладите́, и́кать, во́пить, работа́ть, положить, предположить, принести́ и принесть, осы́рѣть, по́звалъ, со́бралъ, по́гналъ, приве́денъ, приве́дена, уве́зена, прове́денъ, шелко́вый, прѣсно́й, грязно́й, мелко́й, ловко́й, жарко́й, рѣдко́й, топко́й, робко́й, толсто́й, черство́й, сурово́й, ка́жинный и кажи́нный, и́дутъ, идётъ и и́детъ, курите́, козы́рнуть, ужа́снуться, кувы́рнуться, взямши́ся и взя́вшись, о́пасно, высоко́, можно́, темно́, само́го, одно́го и одного́, не́ билъ, три́ года и три го́да, два́ дни, на́ зло, на́ корень, на́ колъ, на́ шестъ, на́ печь, на́ земь и на зе́млю, ла́птей, ко́гтей и кокте́й, на́стоять. Эти же слова произносятся и съ правильнымъ удареніемъ.

§ 55) Въ разговорѣ женщинъ часто слышно особенное растяженіе послѣдняго гласнаго звука: твоой, моой, ваашъ, наашъ, дѣлаа, дроваа, въ концѣе (вмѣсто въ концѣ), берии, мелюу, несуу, везуу, возишь, колеешь.

§ 57) Моя лапоть, хорошая студень, хорошая кофь, вкусная картофь; вмѣсто одни брюки — одинъ брюкъ, вмѣсто какой ты

недогадливый, Гаврила, Павелъ, Ванька, — говорятъ: како ты недогадливо Гашкó, Пашкó, Ванькó; вмѣсто молодыя дѣвицы дряхлые старики говорятъ — молодое дѣвье, дряхлое старичье; вмѣсто длинные гвозди говорятъ — длинное гвоздьё, вмѣсто солдаты, колья, жерди, мосты, говорятъ въ среднемъ родѣ: солдатьё, кóльё, жердьё, мостовьё; вмѣсто бабы, шилья—бабьё, шильё въ ср. родѣ. Вмѣсто худой полишка, амбаришка, домишка, говорятъ: худое поленко, амбаришко, домишко; вмѣсто слабая дверенка, избенка, собаченка говорятъ — слабое дверенко, избенко, собаченко.

§ 58) Съ того году, съ заводу, изъ воску, изъ рышку, съ потолку, безъ сну. Слово день въ родит. падежѣ ед. ч. говорятъ *дни* вмѣсто дня. Тамъ, гдѣ на концѣ словъ въ предложномъ падежѣ стоитъ ѣ, употребляютъ у, а гдѣ имѣется у,— тамъ употребляютъ ѣ — во лбѣ, въ судѣ, въ углѣ, въ задѣ, на углѣ; на полкý, на гвоську, въ домý, на песку, въ песку, на чердаку; въ молоки, на молоки, на гвоздьки, на чердаки, на пески, въ тѣсти, въ тѣсноти, въ лѣси, назаду и назадѣ, впереду и впередѣ [1]).

§ 59) Говорятъ—Холмогорá, Матигорá, приговорá, выгонá, поставá, остовá, татара, болгара, цыгана, вагана, верхотá (вм. верховцы) и т. д. Говорятъ и *ы* вмѣсто а, но очень рѣдко: пóясы, пóвары. Князьё, кóльё, гвозьё, братьй, стульё, дверьё, оконьё, польё, мылье, коробьё, печьё, шкапьё, говорятъ сватóвья, мужичьё, бабьё, дѣвьё, парпечьё, коровьё, кобыльё, сýчье, лопáтьё, котéльё, метéлье, домьё, ушáтье, кáдочьё, сковорóдье, горшéчье, колёсьё, плотовье, бревéнье, садовье, кустовье, полóвье, мостóвье и т. д.

§ 60) Глазóвъ, солдáтовъ, сапоговъ, жеребенковъ, кобыленковъ, пріятелёвъ, рублёвъ, ножевъ, кирпичевъ, углёвъ; и обратно вмѣсто глупцовъ, концовъ, молодцовъ, мѣсяцевъ, дверей, магазиновъ,— говорятъ глупцей, молодцей, мѣсяцей, дверевъ, магазей; говорятъ—молодци, огурци, концы, ножницы, а иногда и огурчи,

[1]) На огню́, на камню́, на углю́—вмѣсто на огнѣ, камнѣ, углѣ.

кончи, пожинчи и т. д. Рѣдко, и то возрастные мужчины употребляютъ творительный вмѣсто дательнаго, напримѣръ, за грибамъ, ступать ногамъ, гулять съ красным дѣвушкамъ. Можно замѣтить употребленіе во множественномъ числѣ въ творительномъ падежѣ окончаніе *ма* вмѣсто окончанія *ми*; — рукама, ногама, троима, двоима, за людяма, за ногама, за двоима; трома и т. д. Очень рѣдко употребляютъ окончаніе *ими* вмѣсто окончанія *ами*: съ кошкими, съ палкими, съ дѣвкими. Вм. ахъ — яхъ: въ лузяхъ, въ головяхъ, на мѣстяхъ, вмѣстяхъ (на концяхъ).

§ 61) Матерь, дочерь, барышня, барыня, сударыня, ржа, церква. Близъ огородѣ, возлѣ деревнѣ. Въ горы, къ березы, къ воды, на горы. На озери, въ лужи, въ мори, въ концахъ и т. д. Вмѣсто силою, хотя и очень рѣдко, говорятъ сѝломъ; также говорятъ на лошадѣ, въ грязѣ, къ лошадѣ, къ дочерѣ, на печѣ; вмѣсто тысячей, говорятъ иногда тысячью, чаще тышшею.

§ 63) Поварешковъ, чашковъ, ложковъ, книговъ; вм. воробьевъ — воробьей, вм. овецъ — овцей, птицей, свадьбей. Бреме и бремё, знаме и знамё; родительный падежъ отъ этихъ словъ бываетъ — бремя и бремени, знамя и знамени, дательный — бремю и бремени, знамю и знамени, винительный какъ имен., творительный — бременъ и бременемъ, знаменъ и знаменемъ, предложный — бреми и бремени, знами и знамени. Именит. множественнаго бремена и бремяна, знамена и знамяна, родительный — бременъ и бремянъ, знаменъ и знамянъ. Также склоняются имя и время.

§ 64) Кресловъ, прясловъ, селовъ, окновъ, дѣловъ.

§ 65) Картофель и кофе въ Куростровѣ находятся въ разрядѣ именъ существительныхъ женскаго рода. Именительный падежъ единственнаго числа будетъ картофь, кофь и кофей; родительный — картофи, картофели, кофи, кофея; дательный, — картофю, картофелю, кофи, кофею; винительный — какъ именительный; творительный — картофью, картофелью, кофью, кофеемъ; предложный — картофи, картофели, кофеѣ, кофи. Во множественномъ числѣ: картофели, кофеи́, кофи; родительный: картофей,

кофей, кофеевъ, дательный: картофелямъ, картофямъ, кофямъ, кофеямъ; винительный какъ именительный; творительный: картофями, картофелями, кофями, кофеями, предложный: картофеляхъ, кофяхъ, кофеяхъ, картофяхъ. Пальто въ единственномъ числѣ измѣняется въ языкѣ крестьянъ какъ слово сукно, бревно, окно и под.; во множественномъ числѣ пальто и съ нимъ слово грабли измѣняются: именительный падежъ: па́льта, грабли, грабёла, родительный — пальто́въ, па́льтъ, пальтей, граблей, грабёлъ, граблёвъ, дательный: пальта́мъ, пальтя́мъ, грабёламъ, граблямъ; винительный какъ именительный, творительный: пальта́ми, пальтя́ми, граблями, грабёлами, предложный: па́льтахъ, пальтя́хъ, грабляхъ, грабёлахъ; употребляютъ и пальты, пальтъ.

§ 66) Очень часто въ Куростровѣ говорятъ: бе́ло, красно, черно, хоро́шо; вмѣсто милая, хорошая — мила, хороша; вм. бодрые, свѣжіе—бо́дры, све́жи, чи́сты, мо́кры.

§ 68) Изрѣдка въ говорѣ куростровскихъ крестьянъ можно замѣтить, что въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ женскаго рода вмѣсто окончанія *ой* употребляется иное, напримѣръ: вмѣсто у долгой жерди — у долгія жерди, отъ молодое и отъ молодые; вмѣсто съ красной де́вицей — съ красное дѣвицей.

§ 69) Въ именительномъ падежѣ множественнаго числа прилагательныхъ всѣхъ родовъ въ окончаніи чаще употребляются е и я; говорятъ злые, добрые, красные, бѣглые,— говорятъ и злыя, добрыя, красныя, бѣглыя.

§ 71) Изрѣдка: съ добрымъ людямъ, подъ осиновымъ дровамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ. Очень часто говорятъ — со старыма горями, съ двума глазами, подъ одинма кровлями, за своима силами, за чужима плечами.

§ 73) Вмѣсто род. меня — мене, мя; вм. тебя—тобя, тя, те; вм. себя — собя, собе, ся, се; вм. мнѣ — менѣ, ми, минѣ; вм. тебѣ—тобѣ, тѣ, вмѣсто себѣ—собѣ.

§ 75) Въ ёмъ, въ имъ; вм. имъ — ими, има, имя́; съ ими, съ имя́; вм. её—ю и ей; за её, у ей; за имъ, за ёмъ, за има.

§ 77) Вси, всихъ, всими, всѣма, всимъ, всѣмя́, самыхъ, самы, одны и однѣ, одныхъ и однѣхъ.

§ 78) Въ Куростровѣ говорятъ иногда — егонный, свейный (вм. свой); вмѣсто твой—твоейный; своённый, твоённый.

§ 79) Вмѣсто двумя, тремя, четырьмя, восемью, девятью, десятью, двадцатью, тридцатью—въ Куростровѣ нѣкоторые скажутъ: двума́, трема́, четверыма, восьмерыма, семерыма, девятерыма, девятима, десятерыма и десятима, двадцатима, тридцатима.

§ 80) Кототъ, мостотъ, домотъ, парень-то, собаку-то, кошка-та, дѣвка-та, рыба-та, парни-ти, окопници-ти, рукавки-ти; вотъ-те, нуко-те, мужики-те, собаки-те, кошки-те, нукосе, ужоткосе, накосе, здравствуйкосе, проходикосе, какъ тѣ сказать, нукоте, подикоте, глядикоте, глядикосе, глянькосе; копейкитё, ужотё бука съѣстъ; нуко, подико, дайко, двинько, суньсяко, — бабу-ту, Марфу-ту, колокольню-ту, паренётъ, конётъ. Всѣ показанныя приставки связываются съ каждымъ почти измѣненіемъ слова, напримѣръ, если просклонять съ приставками слово домъ, получится слѣдующее: и. е. домотъ, родительный дому-то, дома-то, дательный дому-то, винительный—что и именительный, творительный домомъ-то, предложный домѣ-то. Множественнаго числа именительный падежъ: — домы-то, домы-те, домы-ти, дома́-те, дома-ти, родительный—домовъ-то, дательный—домамъ-то, домамъ-те, винительный какъ именительный, творительный—домами-то, домами-ти, домами-те, предложный — о домахъ-то, о домахъ-ту, въ домахъ-те. Сверхъ этого очень употребительна въ языкѣ куростровскихъ крестьянъ приставка *отъ*: говорятъ—чайникотъ, ковшикотъ, мужичекотъ, стульчикотъ, вмѣсто стульчикъ-то, чайникъ-то, ковшикъ-то; пакетотъ вмѣсто пакетъ-то, узелотъ—вмѣсто узелъ-то; гвоздётъ, груздётъ—вмѣсто гвоздь-то, груздь-то; огонётъ, рототъ, пожаротъ—вмѣсто огонь-то, ротъ-то, пожаръ-то.

§ 81) Вмѣсто окончанія *ть*, въ неопредѣленномъ наклоненіи очень часто употребляются окончанія *ить* и *ять*: смотрить

и смотрять, стемнять, осы́рять; обмани́ть, вы́нять; вмѣсто поднялъ часто говорятъ вздынулъ, вызнялъ.

§ 82) Вмѣсто скачу, требую—ска́каю, требоваю; наймовать, додаваю, недоставаетъ, содержывать, хвастывать, поправливать, почеваю. Торгуивать, выплюивать, выклюивать; вмѣсто воевывать—воюивать. Замороживать, устроивать, унавоживать, оспоривать; но также утраивать, успокаивать, просрачивать.

§ 85) Тъ, почти всегда опускается: иде́, веде́, несе́, ви́дя, катя́; вмѣсто избѣгаютъ, говорятъ—избѣгаю. Впрочемъ, на ряду съ отбрасываніемъ окончанія *тъ* въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа глагола, курострovскіе жители очень часто сохраняютъ въ разговорѣ и окончаніе *тъ*; произносятъ и пишутъ: слушаютъ, рубятъ, носятъ, видятъ и т. д.

§ 87) Влекёшь, влекёмъ, пекёшь, пекётъ, текёмъ.

§ 89) Говорятъ нерѣдко печи, течи, жегчи, пекчи, текчи, стерекчи, влекчи́, ведтить, вести́ть, придтить; — вмѣсто запрячь говорятъ запрекчи.

§ 90) Вмѣсто висѣть, повиснуть, говорятъ вѣспуть, повѣспуть, вѣсла, вѣсла.

§ 91) Часто говорятъ: разгонить, постелить, разостелить, стелить, вмѣсто затереть, затерто, застлано, постлано — говорятъ затрать, затрано, застелено, постелено; вмѣсто запри, отопри, подопри—говорятъ запери, отпери, подпери.

§ 92) Почти постоянно говорятъ: убёгъ, впрёгъ, стрёсъ, утрёсъ, запрёгъ.

§ 93) Повел. накл.: уѣзжай, поѣзжай, ѣдь, уѣдь, поѣдь, заѣдь, а иногда и ѣзжай.

§ 94) Курострovскіе жители часто говорятъ: я строился, рубился, отрубился дровами, отстирался, стирался, возился, носился, любился.

§ 95) Въ спряженіи глагола *смотрѣть* въ нарѣчіи курострovскихъ крестьянъ мною замѣчены такія особенности: настоящее время, дѣйствительный залогъ: 1 лицо — смотрю, смотряю, 2 лицо — смотришь, смотряешь, смотряшь, 3 лицо — смо-

тритъ, смотри, смотря́тъ; страдательный залогъ: 1 лицо смотрюсь, смотряюсь, 2 лицо—смотришься, смотряешься, 3 лицо—смотрятся, смотрится; мн. ч.—н. в. дѣйств. залогъ:—смотримъ, смотря́мъ, 2 лицо — смо́трите, смотрите́, смотрятеся, смо́тряте; 3 л. — смотрятъ, смотря, смотряютъ, смотряю. Страдательный залогъ: смотримся, смотряемся; 2 лицо — смотрятесь, смотрятеся, смотрите́сь, 3 лицо — смотрятся, смотряются. Прошедшее несовершенное дѣйств. залога: смотрялъ, смотрѣ́лъ, смотрилъ; страдательный залогъ — смотрѣлся, смотрялся, смотрился, мн. ч.—смотряли, смотрили, смотрѣли; страд. залогъ: смотрилися, смотрѣлися, смотрялися, смотрились, смотрѣлись, смотрялись. Повелительное: смотри, смотряй, смотрите, смотряйте, смотритесь, смотряйтесь. Вмѣсто видишь — говорятъ вишь; вмѣсто жру—говорятъ жору́, жрешь — жорёшь.

§ 96) Ед. ч. вм. множ.: мышьё, крысьё, коровьё, хлѣбьё, травьё, медвѣжьё, коробовье, столовье, половье, жердье, жеребьё, кобыльё, погребьё, шкапьё, дверье, лапье, оконьё, гребельё, гуменьё, домовьё, деревеньё, бычьё, бутыльё, стекольё, бревеньё, тараканьё, ножовьё, сковородьё, каменьё, ставеньё, дровеньё, кадочьё, ушатьё, печьё, стропильё, клоповьё, блошьё, книжьё, палочьё, галочьё, воронье, рѣшетьё, лавочьё, мостовьё, мужичье, бабье, дѣвьё, парнечьё, башмачьё, кулачьё, телетьё, колесьё, колечьё, бумажьё, тряпьё, череньё, коченьё, блюдье, листовьё, мѣшечьё, ступеньё, заячьё, собачьё, пѣтушьё, ча́лячье, гребеньё, весельё, головеньё, стаканьё, кирпичьё и т. д. Вмѣсто словъ: хламъ, ломъ, посуда, говорятъ хламьё, ломьё, посудьё. Часто въ значеніи собирательномъ употребляютъ и такія слова, которыя въ книжной рѣчи обозначаютъ въ единственномъ числѣ одинъ предметъ, а во множественномъ нѣсколько такихъ предметовъ: напримѣръ, вмѣсто того, чтобы сказать — уродились хлѣба, дешевы стали огурцы, много вымерло зайцевъ, большіе барыши, говорятъ: уродился хлѣбъ, вымеръ заяцъ, большой барышъ, сталъ дешевъ огурецъ; онъ завелъ овчишко — вмѣсто овецъ.

§ 97) Положилъ подъ пазухами, держу въ пазухахъ, живу

въ достаткахъ, пользуюсь довольствами, вижу во сняхъ; вмѣсто словъ: въ изголовьи, утромъ, вечеромъ, въ полдень, вмѣстѣ, въ цѣлый день, говорятъ — въ изголовьяхъ, въ утряхъ, въ вечерахъ, въ полдняхъ, вмѣстяхъ, въ цѣлыхъ дняхъ.

§ 99) Вмѣсто винительнаго падежа именъ существительныхъ мужескаго рода изрѣдка употребляется родительный падежъ: напримѣръ, — онъ нашолъ гриба. Вмѣсто нажился отъ скота—говорятъ нажился отъ скотины.

§ 100) Вмѣсто именительнаго падежа употребляютъ родительный въ такихъ выраженіяхъ, какъ: есть на свѣтѣ богатыхъ людей, есть у него денегъ, добра всякаго, есть у насъ рѣкъ, озеръ, лѣсу, ивняку, хворосту; есть всякаго народа, всякихъ людей, состояній.

§ 101) Вмѣсто творительнаго падежа употребляютъ предлогъ *изъ* съ родительнымъ; напримѣръ: вмѣсто онъ красивъ собою, пріятенъ лицомъ, доступенъ въ разговорѣ, простъ при обращеніи, находчивъ по уму, часто говорятъ: онъ красивъ изъ себя, пріятенъ изъ лица, доступенъ изъ разговора, простъ изъ обращенія, находчивъ изъ ума.

§ 102) Вмѣсто: благодаримъ васъ, благодарствуемъ, читаемъ книгу, играемъ въ карты, куримъ трубку, папиросы, говорятъ иногда: благодаримъ Вамъ, благодарствуйте, читаемъ въ книгу, играемъ картами, куримъ въ трубку, въ папиросы.

§ 103) Вмѣсто: въ тѣ дни, въ этомъ году, этой весною, въ прошломъ году, этой ночью, этой зимою, этимъ лѣтомъ, этой осенью, вечеромъ, утромъ, третьяго дня, — третьяго году назадъ — говорятъ: тѣхъ денъ, сё году, въ сегодушномъ году, сегоду́сь, о этой весны, этой весны, веспусь, о веспусь, лонись, лоньскаго году, вночесь, ночесь, о этой ночи, этой ночи, зиму́сь, о зимѣсь, о этой зимы, лѣтось, лѣтусь, о этомъ лѣти, этого лѣта, осенесь, о этой осени, этой осени, вечёръ, вечеру́сь, о ве́чери, ве́чера; въ утряхъ, утре́сь, этого утра, у́тра; позавчера, позавчерась, позалонись; вмѣсто вчера, въ полудни, въ полночь, говорятъ вчерась, въ полднесь, въ полоночесь.

§ 104) Предлогъ позá — вмѣсто того, чтобы соединять съ винительнымъ падежемъ, соединяютъ съ именит., родительнымъ, дательнымъ, творительнымъ и предложнымъ: такъ вмѣсто по зарѣку говорятъ: позарѣкѣ, позарѣкою, позарѣки, позарѣка; вмѣсто позаозеро — говорятъ: позаозеромъ, позаозерьё, позаóзера, позаóзеру и т. д. Прибавляютъ предлоги по и за тамъ, гдѣ ихъ и не надобно: напримѣръ, вмѣсто того, чтобы просто сказать — заочно, исподволь, попросту, по сердцу, по домашнему — говорятъ пóзаочь, позайсподволь, позáпросту, позáсердцу, позадомашнему, вмѣсто — по свойски, во свояси говорятъ позасвойски, позáсвояси; вмѣсто за поясомъ, за плечами, за дверьми, за воротомъ, — говорятъ позáпоясь, позáплечи, позáдвери, позáворотъ. Вмѣсто того, чтобы сказать: онъ стоитъ на дорогѣ, стоитъ въ сѣняхъ, стоитъ въ воротахъ — говорятъ: онъ стоитъ дорогою, сѣнями, воротами; вмѣсто того, чтобы сказать: въ этотъ вечеръ, въ этотъ полдень, въ это утро — говорятъ — вечерами, полднями, утрами, употребляя творительный падежъ множественнаго числа вмѣсто предлога въ съ указательнымъ мѣстоименіемъ.

§ 108) Мимо дворъ, домъ, озеро, дорогу; случалось слышать выраженія и мимо дорогѣ, возлѣ головѣ, стѣнѣ, доскѣ. Вмѣсто хозяинъ дома, наставникъ дѣтей, распорядитель имущества — въ Куростровѣ часто скажутъ: хозяинъ дому, наставникъ дѣтямъ, распорядитель имуществу; вмѣсто царь народа, отецъ міра — говорятъ царь народу, отецъ міру. Вмѣсто въ прошлый разъ, въ прошлое время говорятъ: опóгдысь, опогдыся, опогдáсь, опогдáся,—анамедни, намедни, намеднясь.—Вмѣсто словъ—когда то давно,—говорятъ когдыся еще, когдáся, тогдыся, тогдысь, когдась, тогдысь,—зимою—озимѣсь. Предлогъ *въ* очень часто замѣняютъ предлогомъ *о*: вмѣсто: въ праздникъ, въ Пасху, въ Рождество, говорятъ о праздникѣ, о Паски, о Рождествѝ. Предлогомъ *о* замѣняютъ часто предлоги около, близъ, возлѣ, недалеко отъ; такъ, о дорогу, о лѣсокъ, о пески — говорятъ вмѣсто близъ дороги, лѣска, песку, возлѣ дорогу, лѣсокъ, песку, около дороги, лѣска, песку, — недалеко отъ дороги, лѣска, песку и по самой

дорогѣ, лѣску; песку. Вмѣсто утромъ, близъ вечера—объ утро, о́бъ вечеръ. Слово зачастую произносятъ какъ взачастую; вмѣсто придти изъ школы говорятъ придти со школы.

§ 110) Изрѣдка въ языкѣ Куростровскихъ крестьянъ употребляются сравнительныя степени и отъ такихъ прилагательныхъ, которыя не могутъ образовать ихъ въ книжномъ языкѣ: напримѣръ отъ прилагательныхъ — заморскій, американскій, машинный, деревенскій, производятъ слова: заморстѣе, самый заморскій, американистѣе, самый американскій, машинистѣе, деревéнстѣ, самый машинистый, самый деревенскій. По временамъ, для усиленія рѣчи, крестьяне выражаютъ степени сравненія съ особымъ удареніемъ прилагательнаго: вмѣсто громадне́йшій, очень красный, синій, сильный, рѣдкій говорятъ — громмадный, ккрасный, ссиній, ссильный, ррѣдкій. Употребляются и особенныя слова для выраженія сравненій; такъ вмѣсто самый маленькій, говорятъ—малехтинный, малю́хтенный, мале́хонкій, малехо́нный, малехо́й, мале́шенный, ма́лехный; вмѣсто очень скупой, злой говорятъ скупящій, злящій, скупянный, злянный, злющій, злѣющій, скупя́ющій; вмѣсто очень добрый — добрѣющій; вмѣсто очень скорый, бойкій—скорѣющій, бойчающій; вмѣсто очень тонкій—говорятъ—тонехонный, тонѣющій, тоне́хонкій, топчанный; вмѣсто очень худой — говорятъ — худеряшный, худерящій, худенный, худѣющій, худённый.

§ 111) Пришли сто человѣкъ, пришло сотня человѣкъ, пришла сотня человѣкъ, пришли сотня человѣкъ; когда же къ имени числительному прилагается мѣстоименіе весь, или какое нибудь прилагательное, напримѣръ цѣлый, полный,—тогда прилагаемое мѣстоименіе или прилагательное Куростровскими жителями весьма часто произносится въ женскомъ родѣ. Такъ напримѣръ: пришла вся пятьдесятъ мужиковъ — говорятъ вмѣсто пришли всѣ пятьдесятъ мужиковъ; вмѣсто выраженія: вотъ и всѣ три, четыре, пять, десять, тысяча и т. д. человѣкъ—говорятъ: вотъ и вся три, четыре, пять, десять, тысяча и т. д. человѣкъ. Вмѣсто три человѣка — говорятъ иногда трое человѣкъ, вмѣсто два рѣшета —

говорятъ — двое рѣшотъ, двое рѣшетьевъ, вмѣсто четыре полѣна — скажутъ четыре полѣнъ, четверо полѣнъ, четыре полѣньевъ, четверо полѣньевъ; вмѣсто десять головъ, семеро дѣтей, восемь лѣтъ — говорятъ десятеро головъ, семь дѣтокъ, восмина лѣтъ. Десятокъ именуютъ нерѣдко въ женскомъ родѣ съ окончаніемъ *а*: десятка рублей, десятка фунтовъ, вмѣсто десятокъ рублей, десятокъ фунтовъ; такъ же точно и вмѣсто два, три десятка говорятъ — двадцатка, тридцатка, придавая этимъ числительнымъ значеніе, подобное значенію собирательныхъ именъ существительныхъ.

§ 112) Въ Куростровѣ одинаково общеупотребительно въ разговорѣ крестьянъ: два хорошіе мальчика и два хорошихъ мальчика.

§ 113) Вмѣсто два-три раза часто говорятъ два, три разъ; вмѣсто два рубля, три дня, четыре дня — говорятъ два рубли, три дни, четыри дни.

§ 114) Вмѣсто двое воротъ, три двери въ Куростровѣ говорятъ и двои ворота, трои двери, и трое дверей, и трое дверевъ, вмѣсто семь верстъ — семина, семерка, седмица верстъ.

§ 116) Вмѣсто личнаго оборота изрѣдка употребителенъ въ крестьянскомъ говорѣ и безличный: такъ, вмѣсто — онъ уѣхалъ; они еще не легли; другой годъ, какъ мы разошлись; они ночевали у сосѣдей, тутъ проходили волки, онъ уже выпилъ, отецъ женился, у сына былъ сговоръ, въ четвергъ пропзводили торгъ, они помолились въ церкви, я помѣстилъ съѣстное въ погребъ — говорятъ: у него уѣхано, у нихъ еще не ляженось; другой годъ, какъ у насъ разойденось; у нихъ почеванось въ сосѣдяхъ; тутъ проходенось волками, у него уже выпито, у отца жененось, у сына сговоренось, въ четвергъ торгованось, у нихъ помоленось въ церкви, у меня въ погребу складенось.

§ 117) Вмѣсто онъ уѣхалъ, пришелъ, изрѣдка говорятъ онъ уѣхавши, пришедши, уѣхадчи, пришедчи; вмѣсто мостъ сломался, дѣти учились, желѣзо погнулось — говорятъ иногда — мостъ сло-

мавшись, дѣти учившись, желѣзо погнувшись, а также и мостъ сломавши, дѣти учивши, желѣзо погнувши.

§ 119) Дѣепричастіе на учи употребляется жителями Куростова иногда и въ такихъ выраженіяхъ, какъ напримѣръ: они услышали меня по ступенямъ *идучи*. Можно между прочимъ слышать, хотя изрѣдка, и такія выраженія, какъ: я выѣхалъ уже закатившись солнцу, я пріѣхалъ еще не отошедши обѣднѣ, меня забрали въ солдаты, когда еще не былъ отецъ умерши, а сестрѣ моей исполнившись двѣнадцать лѣтъ. Мужикъ скончался пріѣхавшу (sic) становому.

§ 120) Очень часто Куростровскіе крестьяне въ разговорѣ употребляютъ одно отрицаніе вмѣсто двухъ: вмѣсто никто ему не велѣлъ, никто его не толкалъ, ничего ему не сдѣлается — говорятъ почти всегда: никто ему велѣлъ, ништо ему и здѣется, никто его толкалъ. Вмѣсто никто, никакой — постоянно почти говорятъ некто́, некако́й, не прочто-за что, не по́што за́што.

§ 121) Постоянно въ бесѣдѣ Куростровскаго крестьянина можно найти и услышать множество такихъ словъ и частицъ, которыя опредѣленнаго значенія не имѣютъ, но служатъ все-таки для усиленія или прикрасы рѣчи. Такими частицами являются: ино, какъ тебѣ, молчи, ко, се, ста, де, молъ, бишь, кесь, кась, ту, то, те, тка, тко, ки, ка, инда, ажно, альне. — Говорятъ напримѣръ: *Ино* и врешь ты! Что*йно* васъ нейметъ? Ты, *какъ тебѣ*, оповѣсти меня! *Молчи*, что я тебѣ скажу, слушай! *Ну да* вотъ тебя тут*отки* спросили!.. Суньсе*ко*, братецъ! ужот*ко* я тебя! Такъ *де молъ* ты мнѣ*ка* говори*шь*! Какъ *бишь* тебя величать-то? Вотъ-то горе-*то* мнѣ*ка*! Нат*кесь* тебѣ! Нукосе! подикосе! подисе суды то! Ту-*ту* саму *ту* старуху задавили! Подикосе да говорикосе! Пожалу*ста* посуди: мужики*те* и бабы*те* поняче совсѣмъ-*то* избаловались! Волочатся они! *Ну*, *какъ тебѣ*, *да* все-*то* съ другъ со дружкою-*ту*.

Уменьшительныя отъ именъ собственныхъ въ Куростровѣ употребительны: Авдейко, Абрамко, Андріяшка, Олекса, Олька (отъ Александръ), Сашка, Санька, Олешка, Андрюшка, Анд-

рейко, Микитка, Антонко, Ооонька, Васька, Володька, Владька, Владимірко, Гаврилко, Гашко, Ганька (то же, что Гаврилко), Егорша, Егорко, Гришка, Гришкó, Гринька, Демьяшка, Данилко, Митько, Дениско, Евлашка (отъ Евлампій), Ефимко (отъ Евфимій), Омельянко, Ермилко, Игнашка, Илейка, Ильюшка, Родька (отъ Иродіонъ), Яха, Яшка, Еремка, Еремійко (отъ Іеремій), Ванькó; Оська, Костюшка, Кузька, Макарко, Максимко, Матюшка (отъ Матѳей), Мишка, Мишкó, Микифорко, Миколша, Миколка, Пашкó, Пашка, Петрухо, Петрушка, Платошка, Платоха, Прошка, Пронька (отъ Прокопій), Саватейко (отъ Савватій), Севасьяшко, Севирька, Серега, Серьгуха, Сережка, Селиванко, Сенька, Степша, Спирька, Тереха, Тимоха, Трошка, Филька (отъ Филиппъ), Ѳедосейко; Окулька, Олюха, Олька (отъ Ольга), Олексаха, Олексуха, Сашка, Настуха, Аниска, Ооонаска, Варуха, Дашка (Дарія), Евдокійка, Дунька, Офимка, Катюха, Катька, Оленка, Ирандка, Уляшка, Уляха, Устиха, Капка, Лукейка, Маха, Машка, Машуха, Маршуха, Матреха, Надежка, Натаха, Павлуха, Полька, Полюха, Танька, Крестюха, Ѳеклуха, Ѳедорка, Ѳедосейка.

Жителей гор. Архангельска въ Куростровѣ именуютъ Архангелогородами, жителей Холмогоръ — Колмогóрами, жителей села Залывья — Залывчанами, жителей Мáтигоръ — Матигóрами; жителей селъ Быстрокурья, Ровдины, Ухтострова, Курьи называютъ Быстрокурами, Ровдогорами, Ухтостровами, Курьянами; жителей деревни Залѣсья — Залѣшанами. Въ Куростровѣ есть деревня по имени Гундыревская,— это имя образовалось отъ слова *волдырь* и представляетъ собою одинъ изъ видовъ словопзмѣненія. Гундыревская деревня дѣйствительно расположена на небольшой круглой возвышенности, похожей на волдырь; въ Куростровѣ—*волдырь* произносятъ—булдырь; поэтому и деревня Гундыревская въ недавнее еще время именовалась Булдыревская.

Пѣсни.

Общеупотребительными пѣснями, которыми въ часы работъ, въ часы веселья и досуга крестьяне стараются занять свою свободную мысль, служатъ многія пѣсни, заимствованныя изъ литературныхъ поэтическихъ произведеній, и пѣсни составленныя собственно крестьянами. Такъ,—въ Куростровѣ поютъ «Катеринушку»,— отрывокъ изъ произведенія Некрасова Коробейники, «Сяду я за столъ да подумаю» — стихотвореніе Кольцова, «Разъ въ Крещенскій вечерокъ» — Пушкина, казачью колыбельную пѣсню «Спи младенецъ мой прекрасный», «Что затуманилась зоренька ясная», «Возлѣ рѣчку, возлѣ мостикъ»; «Запрягу я коня, коня быстраго»; Я вечеръ въ лугахъ гуляла; Внизъ по матушкѣ по Волгѣ; Вдоль по рѣчкѣ, вдоль по Казанкѣ; По улицѣ мостовой; Стрѣлокъ: Я хочу вамъ разсказать; Ахъ ты береза! Солнце скрылось за горою; Лучинушка, лучинушка березовая! Во лузяхъ! Какъ по морю; Ахъ вы сѣни мои сѣни! Запрягу я тройку борзыхъ. Гляжу я безмолвно на черную шаль! Что ты жадно глядишь на дорогу? Отъѣзжаетъ мой миленькій во дороженьку.— Вдоль по улицѣ метелица мететъ. Вечеръ поздно изъ лѣсочка я коровъ домой гнала! Спрятался мѣсяцъ за тучку. Всѣ поименованныя пѣсни, встрѣчаются почти повсюду въ общедоступныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ, собственно же Куростровскими крестьянами составлены:— Какъ во нашей во деревнѣ, Милыя подруженьки счастья у васъ много; Ты шкатулка, шкатулка моя; Я посѣяла горохъ; Ужъ ты дѣвица красавица, собиралися ребятушки; Верба, верба, вербочка; Черезъ поле у сосѣда собрана была бесѣда; Я сидѣла за цвѣтами; Къ воротамъ пріѣхалъ парень; Пошли дѣвушки въ лѣсъ по ягоды; Зимушка, зима. Затопила въ банѣ печь; Мы состроимте палаты; Я куда съ горя дѣваюся; Сегодняшній день скучно; Несчастный родился; Отъ-

ѣзжаетъ милепькій; Я спала не слышала; Я посѣю молода младенька; Когда я малъ былъ, горя не видалъ; Я нигдѣ дружка не вижу; Раздуй, развѣй погодушка; Не за рѣченькой дѣвушка гуляла; Намъ не для чего въ люди торопиться; Спала млада высыпалась; Когда я жилъ, мальчикъ, на волѣ; За рѣченькой за быстрою; Не бѣги, не бѣги; Никто судьбы моей не знаетъ; Кругомъ я такъ осиротѣла; Прощай жизнь, радость моя; Откуда выскочилъ милой; Какъ сказали не грозенъ, хитеръ, мудеръ; Ты рѣчка-ли моя рѣченька; Свѣчки фонтанки подтаяли; Во теремѣ гусли лежали; Ужъ вы дѣвушки дѣвушки; Еще долго соколъ не бывалъ, Не долгу мнѣ ночку на столикѣ лежать; Отставала лебедушка; Готовы гусли были; Что во городѣ Архангельскѣ; У князя, князя; Сборы вы сборы — и другія. Кромѣ этихъ сложились пѣсни въ видѣ передѣлокъ, уже давно извѣстныхъ литературѣ народныхъ произведеній. Таковы пѣсни: Выйдуль я на рѣченьку, По Дону гуляетъ; Вдоль по улицѣ мостовой; Цвѣли цвѣтики да поблекли; Заныло сердечко въ разлукѣ-тоскѣ; Зачѣмъ ты, безумная, губишь? Не бѣги, не бѣги! На горѣ-то калина! Вотъ полное содержаніе нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ пѣсенъ куростровскаго населенія:

1. Хороводная.

Заныло сердечко въ разлукѣ тоскѣ,
Дарилъ милъ колечко мнѣ съ правой руки;
Кольцо распаялось:— не быть мнѣ за нимъ,
А и ты, другъ любезный, не придешь ко мнѣ.
Милъ въ очи не взглянешь, руки не пожмешь,
Закроюсь я шалью и выйду тайкомъ,—
Мнѣ мѣсяцъ покажетъ дорожку къ нему,
И, вѣрю, не скажетъ про то никому.
Съ милымъ повидаться — два слова сказать: —
Одно слово тайно, другое въ тиши:
А и ты, другъ любезный, зайди вечеркомъ,
Не поздно ни рано,— часу во второмъ.

2. Плясовая.

Ты шкатулка, шкатулка моя,
Серебря́на позолоченая,
Сверху мѣдью околоченая!
Я давно у той шкатулки не была,
Цвѣтного́ платья́ не нашивала,
Серебра я не воро́хпвала.
Потеряла трои золоты ключи,
Что со розовою ленточкою.
Если кто-бы эти ключики нашелъ,
За того бы я въ замужество пошла!..
Вотъ Иванъ, хотя и малъ, да удалъ,
Черезъ семеры дощечки проскакалъ!
Черезъ семеры дощечки проскакалъ,
У сибирки праву полу оторвалъ.
Какъ Иванъ остался бе́зъ полы, поль́ı,
Да еще и Марья бе́зъ хвалы, хвалы.
Далеко Иванъ за горкою,— горой,
Да и Марья не угналась за хвалой.

3. Свадебная.

Свѣчечки вощатыя подтаяли,—
Служки, подружки, сестрицы мои,
Дѣвушки пригожія со госьюшками,
Вы гасите огопечки да ложитесь спать.
Мнѣ то молоденькой во всю ночку не дремать,
Все милаго, суженаго Александра съ пиру ждать,
Съ пиру ждать, дожидаться Васпльевпча.
Какъ въ полуночномъ часу
Стучитъ кто-то у воротъ,

Стукъ! брякъ! — брякнуло колечко серебряное!
Дрогнуло сердечушко ретивое мое.
Ужъ какъ брала наша Аннушка
Подсвѣчникъ со стола,
Брала наша Алексѣвна воску яраго свѣчу.
Пошла Аннушка ворота отпирать,
Пошла Алексѣевна суженаго встрѣчать.
Отворивши воротечки поклонилась до низу,
«Здравствуй, суженый мой милый,
Гдѣ ты былъ, гдѣ ночевалъ?»
«Я у тестюшка былъ ласковаго,
Былъ я у тещеньки пріятливой».
«Что же тебя, суженый тесть мой подарилъ?»
«Тестюшка мнѣ дарствуетъ стопломъ съ конемъ,
Тещенька даритъ мнѣ свою дочку милую,
Шурины несутъ дары мнѣ пивомъ и виномъ,
Милыя сестрицы дарятъ тонкимъ полотномъ».

4. Плясовая.

Къ воротамъ пріѣхалъ баринъ молодой,
Говорилъ: «напой, красавица водой».
Онъ, напившись, крѣпко ручку ей пожалъ;
При народѣ называлъ ее сестрою,
Безъ народа же подруженькой своей.
«Ужъ ты, дѣвица, душа!
Полюби, радость, меня.
По любви возьму я замужъ за себя!»
Два молодчика о дѣвушкѣ тужатъ:
«Не крушитеся молодчики о мнѣ,
Не тужите: — за васъ замужъ не пойду!
Потому что мнѣ не для́ чего идти,
А за милаго не хочешь да пойдешь».

Пѣсенъ, которыя Куростровскіе крестьяне считаютъ наилучшими, можно насчитать до трехъ десятковъ; остальныя же имѣютъ или безсвязный наборъ словъ, или же не законченныя мысли [1]).

(Сообщеніе А. Н. Грандилевскаго).

---

52. *Вятской* губерніи, *Нолинскаго* уѣзда, село Колобово. Авторъ сообщенія — учительница Колобовскаго земскаго училища, уроженка села Зыкова Нолинскаго уѣзда.

Гласныя: § 1. Олексанъ, Олекса́нко вм. Александръ; Олексѣй, Ографена, Оксинья, Окулина, Ондрей, Онтонъ вм. Алексѣй, Аграфена, Аксинья, Акулина, Андрей, Антонъ. Батюшко, батенько, Иванушко; де́дюшка, де́дя, де́дюшъ вм. дядя; ди́тетко; бажо́ное дитетко (ласкательное выраженіе). Стоха́нъ вм. стаканъ, олтарь вм. алтарь, корманъ вм. карманъ, торелка вм. тарелка, ломпадка вм. лампадка, кортина вм. картина, корета вм. карета, копуста вм. капуста, кортофели вм. картофель, онбаръ. Розговоръ, розбирать, розвозить, розсылать, росчетъ, роспахать, розсѣять. Робота вм. работа; робо́тать, роботникъ вм. работать, работникъ. § 3. Замораживать, зароботывать, подзадаривать, унаваживать; уништожа́ть или уништожа́ть вм. уничтожать. (Впрочемъ, слово это встрѣчается очень рѣдко). § 4. Карзинка вм. корзинка, раждаться, полагать, таварищъ, манахъ вм. монахъ, манастырь, подома́рь вм. пономарь, хараводъ вм. хороводъ. Слабода вм. слобода, карапъ (корабль), кокушка, тварогъ вм. творогъ. Начева́ть вм. ночевать. Доброва, слѣпова, худова, краснова, бѣлова. Вм. рама говорятъ «ряма». § 5. Вм. окунусь говорятъ укуну́сь, а чаще обкану́сь. Въ нѣкоторыхъ словахъ звукъ «о» нѣсколько походитъ на «у». Такія слова: воля, его, Господь, Христосъ. Но такъ говорятъ только нѣкоторые. Вообще, такое произношеніе встрѣчается рѣдко. § 6. Говорятъ: ошшо

---

1) Всего записано г. Грандилевскимъ 32 пѣсни; ограничиваемся четырьмя приведенными.

вм. ще, одва вм. едва; Омельянъ, Омеля вм. Емельянъ, Олёна вм. Елена; Опросинья, Опрося вм. Евфросинья; Овдотья, Овдокéя, Овдóтя вм. Евдокія. Робенокъ, робята вм. ребенокъ, ребята; топерь или таперь вм. теперь; часто говорятъ: топéря, тапéреча. Вмѣсто держать говорятъ доржать, вм. задержать задоржать, вм. сегодня—соводни, вм. шей (отъ слова шить)—шой [NB, ср. § 29]. Вмѣсто «ё» говорятъ иногда «о»; напр. жгóтся вм. жгётся, запрягомъ, текотъ, пекогъ, лéготъ вм. ляжетъ, береготъ, стереготъ, ткотъ. Наоборотъ: вм. «о»—«е»: поденье вм. одонье. § 7. Вмѣсто «е» употребляется «ё» въ слѣдующихъ словахъ: задёржка вм. задержка, крёстъ вм. крестъ (чаще всего говорятъ: крёсъ), о нёй вм. о ней, со всёй вм. со всею, твоёй вм. твоею, ёй вм. ей, чёшетца вм. чешется. Иногда встрѣчается слово: ейный. Покойничёкъ вм. покойничекъ, прибыточёнъ вм. прибыточенъ, пянёкъ вм. пянекъ, денёгъ вм. денегъ; оружьёмъ вм. оружьемъ, смотрúтелёмъ вм. смотрителемъ, зятёмъ вм. зятемъ, гоголёмъ вм. гоголемъ; родителёвъ вм. родителей, царéвичёвъ вм. царéвичей; дерéвнёй вм. деревней, дѣвúцёй вм. дѣвицей, Оксиньёй, саблёй вм. саблей. § 8. Осподнёй вм. Господней, синёй вм. синій; средиёва вм. средняго, сúнёва вм. синяго, синёму вм. синему, въ третьёмъ вм. въ третьемъ, въ Божьёй вм. въ Божьей, съ сúнёй вм. съ синей; принимаётъ вм. принимаетъ, уѣдётъ вм. уѣдетъ, будётъ вм. будетъ, кушаёшь вм. кушаешь, проѣдёшь вм. проѣдешь, знаёмъ вм. знаемъ. Буква «ё» вм. «е» въ концѣ словъ: морё, полё, блюдцё, подпольё, воскресенье, здоровьё, врéмё, имё вм. имя, доброё, бѣлоё, черноё, спротскоё, заднёё, скоромноё; дубовыё вм. дубовые, бѣлыё; больнё вм. больно; бѣлúё вм. бѣлѣе, скорúё вм. скорѣе, вольнúё, теплúе. Нѣкоторыя мѣстныя выраженія: «Щё вы хвастантё!» «Здорово живитё!» (Привѣтствіе). «Прошшайкё-тё! Къ намъ ту загуливайтё! Покорно благодаримъ за угошшéньицё!» «Всё то вы ткитё, шьитё да прядитё!» (т. е. (шьёте, прядете). § 9. Шолуха вм. шелуха, жона вм. жена; неужáле (такъ), неýжли вм. неужели; жонихъ или жанихъ вм. женихъ; чáшокъ вм. чашекъ, мáшотъ вм. машетъ, напишомъ вм.

напишемъ, нашо, вашо, гожо, дю́жо, ну-жо, что-жо, ужо́ вм. уже; доложо́нъ вм. до́лженъ. § 10. Говорятъ: цѣлый вм. цѣлый Въ словахъ «цѣлу́етъ, цѣлу́ю» звуки «ц» и «е» произносятся очень мягко, такъ что «е» нѣсколько сбиваетъ на «ё». Нѣкоторые вмѣсто буквы «ц» произносятъ «ч». Вмѣсто «ё» говорятъ «е» въ словѣ «дёргать». Жани́хъ вм. женихъ, зале́зо вм. желѣзо, жала́ть вм. желать, жанатъ вм. женатъ. Говорятъ: запрёгъ лошадь, головёшка, крясло вм. кресло, словесно, колёсный, колесникъ, трёсъ, лёхкой, затёсывать, пощолкивать. Ишшо́ вм. еще, нидля вм. недѣля. Несите́, кладите́, деритёсь, говорите́ вм. несёте, кладёте, дерётесь, говори́те. Вмѣсто очень говорятъ очунь. Белетъ вм. блетъ, полевка вм. поливка, просверня, мундеръ вм. мундиръ. Вм. крикъ говорятъ крыкъ. Бароня, государоня вм. барыня, государыня. § 19. Говорятъ: крѣпкой, лехкой, мелкой, пѣгой, русской, земской. Говорятъ: понукивать, подтягивать, опахивать. Крестьяне звукъ «е» произносятъ правильно (§ 20-й). Изъ всѣхъ словъ, помѣщенныхъ въ § 21, въ нашей мѣстности произносятся неправильно только слѣдующія: здись вм. здѣсь, мидь вм. мѣдь, ричь вм. рѣчь, спть вм. сѣть, спсть или спсь вм. сѣсть, ись вм. ѣсть, ми́тить вм. мѣтить, повисить, ви́шикъ, мисечъ вм. мѣсяцъ, диверь вм. деверь, встрича вм. встрѣча, спмя, спни (сѣни), ди́ти вм. дѣти, цидѝть вм. цѣдить, си́мена вм. сѣмена. Вмѣсто слова «послѣ» говорятъ: опо́слѣ, опосли́, пе́слѣ; напр. пе́слѣ праздника [такъ]. Видялъ вм. видѣлъ. Смѣляе, скоряе, хитряе, бѣляе, веселяе вм. смѣлѣе, скорѣе, хитрѣе, бѣлѣе, веселѣе. Говорятъ: застрялъ. § 23. Петь вм. пять, петьдесятъ вм. пятьдесятъ, грезь вм. грязь, взеть вм. взять, опе́ть вм. опять, мечикъ вм. мячикъ, натегивать вм. натягивать, хозепнъ вм. хозяинъ, де́дя, де́дюшъ вм. дядя, хозе́йкя вм. хозяйка, кричеть вм. кричать, кнезь вм. князь, зеть вм. зять. Взела вм. взяла, петно вм. пятно, езыкъ вм. языкъ, везать вм. вязать; озебе́шь, озебу́ вм. озябнешь, озябну; месной вм. мясной, светой вм. святой; вм. понять — поне́ть; евился вм. явился, петакъ вм. пятакъ, пети́ вм. пяти, десети́ вм. десяти, гледѣть вм. глядѣть;

чесы вм. часы; тысеча, тысечъ вм. тысяча, тысячъ; преду́ вм. пряду, пре́сница вм. прялка, управле́ть вм. управлять. Боялса, испугалса, бросилса, оши́бса, разсердилса вм. боялся, испугался, бросился, ошибся, разсердился. § 24. Деревянной, доброй, старой, красной, мѣдной, залѣзной вм. желѣзный; синёй вм. синій, овечёй вм. овечій, весе́ннёй вм. весенній, осе́нной вм. осенній, зи́мной вм. зимній; глубокой, тихой вм. глубокій, тихій. Говорятъ: думаёшь, дѣлаёшь, играёшь, бываётъ, мѣшаётъ и т. д. Другихъ измѣненій въ подобныхъ словахъ нѣтъ. Вмѣсто хозяева говорятъ хозява. Пыма́ть вм. поймать; примать, вымать вм. принимать, вынимать. § 27. Вмѣсто «кто это» говорятъ: кто ето. Вмѣсто «это» говорятъ «ето»; вм. поэтому — поетому. Вм. «слушай» говорятъ: «слышь-ко!» Мыю, мьетъ вм. мою, моетъ. § 29. Овторникъ вм. вторникъ, огрома́тный вм. громадный. Мати вм. мать, дочи вм. дочь; дати, ходити, водити, играти вм. дать, ходить, водить, играть. Рота, лёду, потолока вм. рта, льду, потолка. Вм. сшей (отъ слова шить) говорятъ: сошёй или шошёй. Доложно вм. должно.

Согласныя. § 31. «Г» произносится нашими крестьянами такъ, какъ слѣдуетъ, т. е. замѣчается различіе въ словахъ Богу — Бога и рогу — рога. Говорятъ: доброва, слѣпова, худова. § 32. Вмѣсто когда, тогда, всегда говорятъ: колда́, колды́, коля́, толды́, толя́, вселда́, вседа́, завселда́, завселды́. Осударь, Осподь вм. Государь, Господь. Говорятъ: шакъ (вм. шагъ), декоть (деготь), сапокъ (сапогъ). Одни говорятъ: мя́ккой, лёккой, а другіе — мяхкой, лёхкой. § 34. Ванькя вм. Ванька; чейкю́, цейкю́ вм. чайку, толькё, до́цкя, маменькя, послушайкё, Ка́тькя, дѣво́чкя, поли́цкя вм. полка, на поли́цкю вм. на полку. Трахмалъ вм. крахмалъ. § 35. Вм. «ангелъ» говорятъ: а́нгиль, ангело́шецкя. § 36. Фомя́къ вм. хомякъ; ку́фня, куфарка вм. кухня, кухарка. Фате́ра вм. квартира. § 37. Кузнець вм. кузнецъ; къ кузнецю, къ цярю́; гъ дереву, гъ залѣзу вм. желѣзу. Вмѣсто «свадьба» говорятъ: свальба. § 39. Гля́ко, ля́ко, ля́кося вм. гляди. § 40. Въ словѣ «цѣпь» звукъ «ц» произносится не-

много мягче, чѣмъ въ словахъ «цѣна, цѣпу». § 42. Говорятъ: цыпленокъ, улиця — улици, молодець, цярь (многіе говорятъ «чарь»), кольцё, кольця, также — кольчё, кольчя, куриця; ку́рець вм. куриць, коне́ць, конци́. Вмѣсто того, чтобы говорить: «разскажи съ начала», говорятъ: «разскажи съ конца́». Вообще послѣ буквы ц произносятъ у насъ и, я, ё. Лицё, яйцё, полотенцё. Многіе говорятъ во всѣхъ этихъ словахъ вмѣсто «ц» — «ч». Часто можно слышать: черковь вм. церковь, чарь вм. царь, чарица вм. царица, со́нчё вм. солнце, чѣловать вм. цѣловать, огурчи вм. огурцы, купечь вм. купецъ, курича вм. курица, личё. Наоборотъ: цасъ вм. часъ, цетыре вм. четыре, ноць вм. ночь, пець вм. печь, цёрный вм. черный, цюжо́й вм. чужой, цясто вм. часто, нецево́ вм. ничего. Все же одинъ и тотъ же человѣкъ не скажетъ «ночь» и «ноць», цёрный и черный. Если онъ скажетъ «ноць», то и другія слова произнесетъ съ буквою «ц». Говорятъ: шыть, шыло, жыръ, пашыхъ, кожы; шагъ, жарко, шуба, жосткій. Рогоза вм. рогожа, залѣво вм. желѣзо. Молосной вм. молошный. Урождай вм. урожай. Испужался вм. испугался. Буква «ч» произносится крестьянами такъ же мягко, какъ говоримъ ее и мы. § 45. Иногда говорятъ: штё, поштё вм. что; говорятъ также и щё, пощё. Вѣшный вм. вѣчный, востошный вм. восточный, со́шный вм. сочный, серде́шной вм. сердечный, горемышной вм. горемычный, заграни́шной платокъ вм. заграничный платокъ. § 46. Свешше́нникъ вм. священникъ, шшука вм. щука, пшшу вм. пищу, слашше вм. слаще; ешшо, ошшо вм. еще, шшока вм. щека, шшотка вм. щётка, вешшъ вм. вещь, шше́пка вм. щепка, чешша́ вм. чаща. Говорятъ: вожжа, дрожжы, съѣжжаться, жжотъ. Годи́шша, берешша, попадешша, собпраешша вм. годишься, берешься, попадешься, сбираешься. Дѣлаетца вм. дѣлается, работаетца вм. работается. Ударилса вм. ударился, постучалса вм. постучался. Слобо́да вм. свобода, скусный вм. вкусный. Колда, колды, толда вм. когда, тогда. Ку́хольный вм. кухонный. § 49. Мико́ла вм. Николай, Микифоръ вм. Никифоръ, Нефедъ вм. Меѳодій. Оммань вм. обманъ. § 51. Скипѣть вм.

вскипѣть, стрепенулся вм. встрепенулся, осударыня вм. государыня, осподинъ вм. господинъ, спорхну́лъ вм. вспорхнулъ, окру́гъ вм. вокругъ. Трось вм. трость, шесь вм. шесть, хвосъ вм. хвостъ, гвось вм. гвоздь, гось вм. гость, мосъ вм. мостъ, грусь вм. грусть; Пётъ вм. Петръ. § 52. Говорятъ: ротъ, сутъ, гропъ, моросъ, ёшъ, хлѣпъ, сгрёпъ, лётъ, назатъ, горотъ, грипъ, восъ, рофъ; рокъ, друкъ. Крофъ, любофъ, семъ. Произносятъ твердо: лафки, шапки, трафки, юпки, дѣфки (пиш. дѣвки). § 53. Церьковъ вм. церковь, иногда церква, верьхъ вм. верхъ, зе́рькело (такъ) вм. зеркало. Слова: «первой, серпъ» произносятся правильно. Дворьникъ, горьница. Слово «харчевня» въ нашей мѣстности не употребляется. Молепствіе, хлѣбникъ, лѣчебница, деревня; купца. Говорятъ: рупъ. Плотникъ, скотникъ, родникъ, огородникъ. Слово «вслѣдствіе» крестьянами не употребляется; только говорятъ иногда такъ: судебное слѣтство. Бѣцтвіе вм. бѣдствіе, сроцтвенникъ вм. родственникъ, богацтво вм. богатство. Болшой вм. большой. Въ словахъ «здѣшній, прежній, грѣшникъ, подснѣжникъ» произносятся «ш» и «ж» мягко. Говорятъ: ля́кче вм. легче, иногда — ле́кце. Барьскёй, царьскёй, деревеньскёй, женьскёй, руськёй, москоськёй.

Удареніе. § 54. Па́стухъ, спи́на, о́пасно, руче́й, хо́лодъ, язы́ка, ло́шади, ко́робъ, же́мчугъ, твaро́гъ вм. творогъ, го́воръ, о́сень, о́сенью, о́тдыхъ, ко́локолъ, ко́ршунъ, ме́чикъ вм. мячикъ, но́жикъ, валежня́къ, во́ры, обу́хомъ, на лошадѣ́ вм. на лошади, отъ но́ци вм. отъ ночи, на ко́няхъ, ко́ней, дайте творогу́, зви́ря вм. звѣря, каме́нья, каме́ньевъ, пять са́женъ, прого́ны, потоло́къ, ве́рба, возьми́, ве́драми, закла́дка, подру́га, подру́жка, у́спѣхъ, заста́ва, о́тставка, по́ставка, заку́ска, простыня́ вм. простыня, се́рчё вм. сердце, знако́мство, мно́жество, молоче́ніе, гада́нье, вста́ванье, питьё, житьё, средства́, ворота́, боло́та, се́мена, вну́чата, егня́та вм. ягнята, шшоня́та вм. щенята, боя́ра, бра́тья, бра́телко вм. братъ, пла́тья, я́йцъ и я́йчъ, молодо́й, мо́лодъ, легко́къ, мего́къ вм. мя́гокъ, тѣсно́й, чешша́ вм. чаща, сковорода́, слобода́, колоко́льна вм. колокольня, деньга́, казна́, до́чкя вм.

дочка, со́сна, дѣво́чка, о́льха, солони́ця вм. солонка, ро́дина, судьби́на, дешеви́сь вм. дешевизна, въ рѣку́, сви́нью, двѣ вёрсты, деревѐнь, ви́лами, онъ ко́ситъ, ро́дитъ, звоня́тъ, онъ ро́дится, спитё, ѣдитё, хотитё, неситё, кладитё, бу́дётъ, икта́ть вм. икать, во́пить, робота́ть, ка́шлеть вм. кашлять, поло́жить, предполо́жить, понука́ть, подойти́, принести́, разогна́ть, говори́ть, говори́шь, бро́ситься, богатѣ́ть, осырѣ́ть, по́звалъ, со́бралъ, по́гналъ, по́слалъ, перестрѣли́лъ, дострѣли́лъ, приведёнъ, привезёнъ, принесёнъ, приведёна, привезёна, принесёна, проведёнъ, туго́й, сыро́й, шо́лковый, друго́й, прѣсно́й, грезно́й вм. грязный, бу́рной, ме́лкой, ло́вкой, жарко́й, рѣ́дкой, то́нкой, ро́бкій, толсто́й, чёрсвой вм. черствый; суро́вый, если говорится про человѣка; если же дѣло идетъ о небѣле́номъ холстѣ, то говорятъ: суровой; ино́й, кажи́нной, иду́ть, идётъ, курите́, не мо́гутъ, ска́жутъ, сте́гнетъ, разорвёшь, отогнёшь, подойдёшь, пойдёшь, махнётъ, козы́рнуть, поверну́ть, ужасну́ться, отдохну́ть, кувы́ркнуться, пошатну́ться, случи́лось, бра́мши, напи́мшись, взя́мшись, о́пасно, высоко́, глубоко́, далёко, можно́, тёмно, иногда́, никогда́, завсегда́, четы́рехъ, семна́дцатый, самого́, другого́, другому́, одного́, одному́, никого́, ничего́, Дат. п.: зи́мѣ, а предложный: зимѣ́; дат. и предлож. падежи: осенѣ́ вм. о́сени, матерѣ́ вм. ма́тери. Говорятъ: два́ дни; въ та́ поры, въ тѣ-поръ вм. тогда, въ тотъ разъ. По́дъ вецеръ вм. подъ вечеръ. § 55. Пѣвучесть говора замѣчается въ нѣкоторой степени только у женщинъ; напр.: «кума̄, есь ле кто у тя дома-ты̄? (Кума, есть ли кто у тебя дома?) Охъ, лихонькё! (тяжело). § 56. Мужчины говорятъ нѣсколько правильнѣе женщинъ; впрочемъ, особеннаго различія въ ихъ говорѣ нѣтъ. § 57. Говорятъ: пшена, пшену, со пшеномъ. Говорятъ: эта путь, этотъ яблокъ. Слова «лиса, мышь, гусь, лебедь, собака» произносятся правильно. Съ того году, изъ рынку, съ потолку, безъ сну, — вообще всѣ подобныя слова произносятся съ буквою «у». Съ того дни, сегодни, третьево́ дни; къ Ильну дни. Приговора́ вм. приговоры. Словъ: гвоздьё, князьё и др. у насъ не существуетъ.

Склоненія. § 59. Говорятъ: сватовья́, сва́ты, братовья́ вм. братья. Кресья́на вм. крестьяне; ба́ра; шшенки́ вм. щенки; опёнки. § 60. Солдатовъ вм. солдатъ, робёнковъ вм. ребятъ, жеребенковъ вм. жеребятъ, ламповъ вм. лампъ. Пріятелевъ вм. пріятелей, рублёвъ вм. рублей, ключовъ вм. ключей, ножовъ вм. ножей, кирпичовъ вм. кирпичей, людёвъ вм. людей. Огурцей вм. огурцовъ; купче́й, купчёвъ вм. купцовъ; мѣсяце́й вм. мѣсяцевъ; окуньёвъ вм. окуней, карасёвъ вм. карасей, зайце́й. Молодци вм. молодцы, часто говорятъ «молодчи́». Огурци́, огурчи вм. огурцы. Съ рукамъ, съ ногамъ, съ цвѣтамъ, съ лошадямъ. За полямъ, за горамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ, царапала когтямъ. Иногда говорятъ «по полями» вм. по полямъ, «по лугами» вм. по лугамъ. Говорятъ: «пошла по грибы» вм. за грибами; «ходила по ягоды» вм. за ягодами; «приходили по меня» вм. за мной. § 61. Матерь, дочерь или мати, дочи вм. мать, дочь. Иногда говорятъ: барони́ (sic) вм. барыня, сударони вм. сударыня, барошни вм. барышня. Вм. церковь—церква. Въ окончаніи твор. над. ед. ч. женскаго рода всегда употребляется «ой», а не «ою»; напр.: женой, сестрой. Вм. силою говор. сило́мъ, напр.: сило́мъ послали. На лошадѣ́, на печѣ́, въ грезѣ́ вм. на лошади, на печи, въ грязи; вм. къ дочери, къ матери, къ лошади — къ дочерѣ́, къ матерѣ, къ лошадѣ. Въ твор. ед. ч. говорятъ: тысячей. § 63. Слезми вм. слезами. Времё вм. время, имё вм. имя, симё вм. сѣмя. Род. над. будетъ имя, время, симя вм. сѣмени. Род. множ. имянъ, времянъ, си́мянъ. Род. над. множ. ч. отъ поле — поль. У нашихъ крестьянъ мало поль. Тѣловъ вм. тѣлъ; дѣловъ, мѣстовъ вм. дѣлъ, мѣстъ. § 64. Вм. оконъ говорятъ: окошковъ. § 68. Отъ молодыё жаны́ вм. отъ молодой жены. Отъ родимыё матушки вм. отъ родимой матушки. Нѣтъ ужо́ тыё болшіё собаки! (Нѣтъ уже той большой собаки). Злыё люди. Ясныё дни. Сильныё лошади. Топкіё болота. Говорятъ: съ милымъ дѣвушкамъ, съ добрымъ людямъ, съ осиновымъ дровамъ, съ большимъ сапогамъ. § 73. Вм. «тебѣ» говорятъ: тибѣ; вм. «у тебя» иногда говорятъ: у тя. § 74. Нѣкоторые говорятъ въ дат. падежѣ вмѣсто «намъ, вамъ»

нами, вами. Напр.: «приходите къ нами» или «оченно (очень) вами благодаренъ». Обязательно всѣ говорятъ: съ намъ, съ вамъ вм. съ нами, съ вами. § 75. Вм. въ немъ—въ ёмъ; вм. имъ (дат. пад.)—имя́; вм. съ ними—съ имя́. Вм. за неё, неё—за её, у её, у ёй. Вм. съ нимъ — съ имъ; вм. за нимъ — за имъ. § 76. Вм. «съ тѣми» говорятъ: съ тѣмя́мъ или съ тѣмя́моноткá (sic). Им. пад. «та», а род.—тыё. § 77. Вм. со всѣми—со всѣмя́мъ или со всѣмоноткá (sic). Одны, одныхъ вм. одни, однихъ; однымъ вм. одними. § 78. И́хной вм. ихъ. § 79. Вм. обоихъ, обоимъ—оби́хъ, оби́мъ. Вм. четырёхъ говор. четы́рехъ; вм. четырёмъ—четы́ремъ. § 80. Вотъ щё бабы-тѣ баютъ: хлѣбъ-отъ испекся, каша-та сварилась, — пока́ле (пока) горяцё, айдатё (идите) исть (ѣсть). Парнецки-тѣ какіё у тя смирёныё (смирные). Этой умницѣ-ту которой годокъ-отъ? Проуци Матренку-ту: авось умня́е будетъ. Всѣ эти мѣстоименія употребляются во всѣхъ падежахъ и числахъ. Говорятъ: бабу-ту, парня-ту, парню ту.

Спряженіе. § 81. Смотрить вм. смотрѣть. Кричѣть вм. кричать, скучѣть вм. скучать, бѣжéть вм. бѣжать, содержéть вм. содержать, поправлѣеть вм. поправлять. Вы́нять, вымáть вм. вынуть; вынялъ вм. вынулъ. Обойми вм. обними. Наймовать вм. нанимать. § 82. Замораживать, устраивать, устраиваться, уважаживать, удваивать, успокоивать, простроčивать (отъ слова срокъ). Вм. срокъ говорятъ: строкъ. Вм. «даютъ, отдаютъ» говорятъ: дадутъ, отдадутъ. Вм. есть—есь. § 84. Колотю вм. колочу. (Вм. пущу говор. пушшу́). § 87. Стерегошь вм. стережешь. Лгошь, лготъ, толкошь. Вм. хочешь—хошь. Жегчи, берегчи вм. жечь, беречь. Накладено вм. наложено. Впрёгъ, запрёгъ вм. впрягъ, запрягъ. Уѣдь, поѣзжай, заѣдь, заѣзжай.

Синтактическія особенности. Жить въ достаткахъ вм. въ достаткѣ. Вм. имен. падежа употребляется родительн. въ такихъ выраженіяхъ: есть на свѣтѣ богатыхъ людей! Есть всякаго народа!

Синтаксисъ. § 103. Вм. въ тѣ́ дни — въ тѣ́ поры, въ та́ поры. Лони́сь—въ прошломъ году. Лони́шняя вм. прошлогодняя. Говорятъ: пошелъ по́ лошадь или по коровъ, по овецъ, по гу́бы (вм. за грибами), по ягоды. Или такъ: это случилось о Покровѣ, о Рождествѣ и т. д. Мимо гумна́, мимо гу́менъ. Возлѣ дорогу. § 110. Вм. очень злой—злу́шшой; вм. очень добрый—добрѣюшшій. Важный вм. разговорчивый, простой. § 111. Говорятъ: пришли два мужика; у нихъ было семеро ребятъ. Два хорошихъ мальчика. Два разъ вм. два раза, три разъ. Два рубли вм. два рубля, три дни вм. три дня. § 114. Двои ворота, трои двери, пятеры ворота; ше́стеры двери. Вм. никто́, никакой говорятъ: некто́, некакой. Говорятъ, напр., такъ: молци́, я тибѣ (тебѣ) все скажу. Поди-ко сюды. Иди, молъ, туды. Дай-ко-тё мнѣ это. «Кто, я-то?» — «Да, ты-ту!». Та́монотка вм. тамъ, ту́тотка вм. тутъ, здѣ́ся-ка вм. здѣсь; гдѣ-ка вм. гдѣ, тепе́речка вм. теперь, нѣту-ка вм. нѣтъ.

Село Колобово Нолинскаго уѣзда, Вятской губерніи возникло 50 лѣтъ тому назадъ. Но и до того времени на мѣстѣ, гдѣ теперь село, находилась деревня, начало существованія которой относится къ очень давнему времени. Мѣстное населеніе большею частію занимается земледѣліемъ и ведетъ осѣдлую жизнь, только нѣкоторые отправляются на заработки въ другія губерніи. Уѣздный городъ находится отъ села на разстояніи 45 верстъ, а губернскій — 130 верстъ.

Разсужденія одной крестьянки.

«Ужъ вотъ иной человѣкъ какъ-то все пѣть умѣетъ: пи́сни, але молитвы на всѣ пропѣвы, а другой ужъ коли не пи́сельникъ, такъ не запоетъ, хоть что хошь дѣлай. Вотъ у моего Семена (сына) голосъ грубой, тону нѣтъ, такъ ницево не умѣетъ. Ужъ

чечáсъ видно целовѣка, есле у него тонъ есь; писельникъ и въ церквѣ-ту стоитъ, такъ все подпѣваетъ».

Ее спрашиваютъ: «не твой ли мужъ стоялъ у казны въ воскресенье и все пѣлъ?» (Онъ былъ старостой). «Ой, не бай, не бай! (Не говори). Мужъ мой не писельникъ; онъ не въ жись не запоетъ; тóну нѣтъ, такъ какое тутъ пѣтво!»

Пѣсни.

Не кокуй въ бору, кокушка!
Не кокуй въ бору, ребáя!
Во сыромъ-ту во бороцкѣ,
На сухомъ-ту на дубоцкѣ,
На малиновомъ кустоцкѣ.
Безъ того солдатамъ тошно,
Безъ того солдатамъ скучно.
Зимой частыя погоды,
Крешшенскіе морозы.
Во сапожкахъ ножки зебнутъ,
Отъ ружейцевъ руцки шшиплетъ.
Я домой, мама, сулюся (обѣщаюсь)
Черезъ двадцеть петь годоцкёвъ,
Прилетю я соколоцкёмъ
Изъ-за сы́рова бороцкю,
Со сухова со дубоцкю.
Ты встрѣцей меня, мамаша,
Стрѣцей, сестра родная,
Стрѣцей, жена молодая!
Вы стрѣцейте, кошмароцки,
Робетёшка молодыё!
. . . . . .

Ходитъ царёвъ сынъ по-за городу,
И́шшетъ кнегиню молодую.
«Не моя то ле кнегиня молодая
Середи городоцику стояла,
Золотымъ-ту перснемъ звосіяла,
Позолоченымъ просвѣшшала?
Просѣки-ко-тё, боярушка, ворота!
Просѣки-ко-тё, боярушка, широки!
Вы впусти-ко-тё царёва сына въ городъ
Молодую то кнегиню посмотрити».
— Ты ступи-ко ей на правую на ножку,
Возьми-ко ее за правую за руцкю,
Поведи-ко ее изъ городоцкю».

Се́ду я поѣду во Китай-городъ гулять.
Во Китаѣ-городу я покупоцкю куплю,
Я такую дорогую канифастовую,
Щё па шеепькю вѣпокъ,
На головушку платокъ.
И пріѣду я домой,
Отворей, жена, воро́та!
Отворей, жена, воро́та,
Отворей широ́ки!
Ты постой, жена мплая,
Примѣре́ю я тебя!
Примѣрею, приложу́,
Самъ подалѣ отойду.
Самъ подалѣ отойду,
Бѣлымъ руцкямъ розведу.
Погледите, добры люди,
Ще жена-та мужа любитъ.
Она любитъ его,

Все гледитъ на его.
Ко народу плецикомъ,
Къ нему ходитъ лицикомъ.

Ой, раскалинуша, размалинуша!
Ты не стой, не стой на горѣ крутой!
Не спушшай лисья на синё морё!
По синю́ морю́ корабель плыветъ.
Не корапъ плыветъ—три полка солдатъ,
Три полка солдатъ, редовыхъ робятъ.
Напишу писмо къ отцу, къ матерѣ,
Къ отцу, къ матерѣ, къ молодой женѣ.
Наша мамонькя во гробу лежитъ,
Передъ ней свѣця воскова горитъ.

Сосенка да во сыромъ борку,
Ягодка на веретейкѣ (на полянѣ);
Я-то млада на чужой сторонѣ;
Плакать не смѣю, тужить не велятъ,
Толькё велятъ полегонькю вздыхать.
Седу я впередъ—меня горе беретъ,
По́йду я въ кутъ—у меня слезы текутъ.
Батюшко, побывай въ гостяхъ!
Свѣтъ родной, повидайсь со мной! [1])

Пѣсни, которыя поются на дѣвичникѣ.

Ще на васъ бы, цвѣты, да не морозы,
Ще на васъ бы, цвѣты, не студены.
Ишшо всѣ ле, цвѣты, вы сосохли?
Ишшо всѣ ле, цвѣты, вы споблекли?

---

1) См. Великорус. народ. пѣсни, изд. А. Соболевскимъ т. III, № 12.

Охъ, ты, батюшко мой родимой!
Не кидайсь-кось, отець, на богасьво,
На высокіё па хоромы.
Щё высокіё хоромы — огромы,
А болшіё то сараи — ограи,
А широки-тѣ стаи (дворъ)—роздолье,
Мѣдныё деньги — черепьё,
Гумажныё деньги — берёсто.

Щё не шумъ шумитъ да на улицѣ,
Щё не брякъ брецитъ во ши́рокой,
Щё идутъ-то ко мнѣ подруженьки,
Щё идутъ-то ко мнѣ да голубушки,
Щё по ста́енькѣ по метеною,
Щё по мостику (по сѣнямъ) по скребеному,
Щё по ли́сенкамъ по частымъ, мелкимъ.
«Добро жаловать, мои подруженьки!
Добро жаловать, мои голубушки!
Ишшо сѣдь-кё-тё вы па лавоцкю,
Ишшо спой-кё-тё писню жалобну,
Росклеви-ко-тё родимова батюшка,
Во другихъ-ту-жо родимую матушку,
Во третьихъ-ту-жо меня кокушицю,
Ой, меня да горюшицю».
— Охъ, ты, подруженькя наша голубушка!
Не посидѣла жо ты во дѣвушкахъ,
Не потоптала жо полу бѣлова,
Не погуляла жо со своимъ подруженькямъ,
Со своимъ-ту голубушкамъ».

Пословицы.

Зима не лѣто — пройдетъ не это.
Богъ напиталъ, никто не видалъ.
Гости па́-гости, хозяину радости.
Три дня не ѣсти, съ печи не слѣзти.
Невѣста безъ мѣста, женихъ безъ ума.
Приходи въ пору, когда ворота по́лы.

Привожу еще нѣкоторыя мѣстныя слова и выраженія.

Ада или айда вм. пойдемъ.
Али или але вм. неужели.
Бо́тнусь вм. упаду.
Во́тчина вм. фамилія.
До вида́ньиця вм. до свиданія.
Лю́чки. Смотри, у меня ще-бы лючки (хорошенько).
Нау́скоркахъ вм. второпяхъ.
Нагунда́чивать, т. е. наговаривать, совѣтовать.
Напре́тилъ или нато́лмилъ, т. е. просилъ не забывать.
Напере́жъ вм. сначала.
Не обвя́занъ вм. не обязанъ.
Не изме́кчи вм. не сомни́.
Ря́ма вм. рама.
Склады́ни вм. складчина.
Все́чина вм. все. «Щё и баять! всечина есть на свѣтѣ!»
Все равни́тельно вм. все равно.
Башъ-на-ба́шъ, т. е. перемѣниться чѣмъ-нибудь безъ придачи.
Горе мы́чемъ (терпимъ).
Когда желаютъ увѣрить, то говорятъ: «пра́во солнышко» или «право истенно».

На вопросъ: «какъ поживаешь?» отвѣчаютъ: «оцёмъ, живу помалéнькю».

Щё ты чудишь! (думаешь).

(Сообщеніе М. Разумовской).

---

54. *Псковской* губерніи, *Холмскаго* уѣзда, село-погостъ Торопатцы.

Авторъ сообщенія — учитель Торопатцкаго сельскаго училища, уроженецъ погоста Загорья Холмскаго уѣзда. Образованіе получилъ въ Псковской Духовной Семинаріи.

Наблюденія особенностей говора произведены надъ жителями села-погоста Торопатцы Холмскаго уѣзда, Псковской губерніи, отстоящаго отъ своего уѣзднаго города Холма въ 70 верстахъ, а отъ города Торопца тойже губерніи въ 35 верстахъ. Къ Торопцу, какъ торговому центру, и тяпетъ мѣстное населеніе, которое съ жителями сосѣднихъ приходовъ держится довольно близко, и браки между ними не рѣдки. Времени возникновенія погоста Торопатцы съ точностью опредѣлить нельзя. Церковь же построена въ 1735 году.

Гласныя. § 1. Въ нашемъ селѣ нерѣдко говорятъ и даже пишутъ: олтарь, корманъ, гормонія, горелка и трова; ломпадка, кортина и сопоги. Остальныхъ случаевъ измѣненія говора не замѣчено, именно: 1. Имена собственныя съ «а» выговариваются правильно. 2. Оканчиваются сущ. въ родѣ «батюшка» и др. на а. Слышится иногда также употребленіе словъ: робота и роботникъ. § 2. Вездѣ въ нашей мѣстности глаголъ плачу́ спрягается: плачу, пло́тишь, пло́титъ и т. д., также и глаголъ сажу. § 3. Говорится на о́ — зарабо́тывать, подзадоривать и

т. д. Всѣ слова съ сомнительною гласною «а» произносятся на «а», напр. таварищъ, манахъ, салдатъ. § 4. Харашо, залатой, маставая, карапь, бальной, на дварѣ, паля, снапы, акно и т. д. Родительный падежъ всѣхъ именъ прилагательныхъ въ муж. и сред. родѣ произносится на *ова*. Также говорятъ: вода, нясу и т. д. § 6. Говорятъ только: ешчо и таперь. § 8. Въ прилагательныхъ на ей говорятъ на ева, напр. синева, горячева и т. д. § 9. Постоянно послѣ шипящихъ вмѣсто е — говорится о, напр. шолуха, жона, нашо. § 10. Говорятъ только — сусѣдъ. § 11. Употребительны слова жóнушка, далекó, ещé. 3-е лицо единств. числ. настоящ. врем. у всѣхъ глаголовъ *непремѣнно* оканчивается на éть, напр. идéть, пьéть, берéть и т. д. Также 2-е лицо множ. числа настоящ. вр., напр.: пойдéти, берéти, пьéти и т. д. § 12. Иногда говорятъ и жалѣзо, жанихъ, жанатъ, жалать, чатыри и т. д. Болѣе употребительны слова: запрегъ, головешка, кресло, колесникъ, трясъ, лехкій и т. д. Чаще говорятъ пощолкивать. § 13. Вмѣсто окончанія етъ въ глаголахъ чаще слышится итъ, напр.: будитъ, бываитъ, ѣдитъ; вѣтиръ, лебидь. 2-е лицо настоящаго времени ми. числа и повелит. наклоненія во множ. числѣ оканчивается на и, напр.: дайти, даéти, просúти и т. д. § 14. Произношеніе правильно, исключая развѣ выговора напоимши и др. дѣепричастій. § 15. Слышалъ только слова бáренъ и белéтъ. § 16. Обычно въ здѣшней мѣстности говорятъ: скрыпка, коврыжка и крыло. § 17. Вмѣсто слова отдыхъ вездѣ употребляется отдóхъ. Винительный над. именъ прил. женскаго рода вездѣ вмѣсто ую говорится ою, напр. краснвою картину. § 18. Замѣчено произношеніе «быдто» и «глыбоко». § 19. Чаще говорится: крѣпкій, лехкій, мелкій и т. д. Понукивать и др. слова произносятъ правильно. § 20. Разницы въ произношеніи словъ съ «ѣ» съ словами съ «е» не замѣтилъ. § 21. Говорятъ вмѣсто ѣстъ «пстъ», симена (сѣмена), одіяло (одѣяло). Предложный падежъ въ сущест. жен. рода на а, я оканчивается на и, напр. на руки; и въ муж. родѣ — въ городи, въ поли и т. д. Вмѣсти. Весь во множ. числѣ склоняется: вси, всихъ,

всимъ и т. д. Говорятъ также по́сли (послѣ). § 22. Сравнительная степ. именъ прилаг. больше произносится на ѣя, напр. добрѣя, бѣлѣя и т. д. Говорятъ застрялъ. § 23. Слышно болѣе въ произношеніи е, особенно въ числ. «петьдесятъ». Во всѣхъ упомянутыхъ въ этомъ параграфѣ словахъ слышно е вмѣсто я, какъ напр. взела́, петно́, езы́къ, свето́й, чесы и т. д. Чаще говорятъ спуга́лся, боя́лса. § 24. Имена прилагательныя въ произношеніи оканчиваются на ой, вмѣсто ый, напр. доброй, старой и т. д. § 27. Слышалъ слова: пымать вмѣсто поймать и примать вмѣсто принимать. § 28. Говорятъ иногда: Ликсе́й вмѣсто Алексѣй и Лександра вмѣсто Александръ. § 29. Говорятъ: ильстецъ, иржи, аржаной, авторникъ, омшанникъ, столобъ. § 30. Растяженія гласныхъ при произношеніи не замѣтно. § 31. Особенностей въ произношеніи буквы «г» не замѣчено, между тѣмъ какъ говорятъ доброва, худова и т. д. § 32. Говорятъ только шахъ, шаха, дехоть, мяхкій и лехкій.

Согласныя. § 34. Крахмалъ называютъ трахмаломъ. § 35. Вмѣсто имени Евгеній употребляется Евлентій; вмѣсто ангелъ— а́ндилъ. § 36. Замѣчено употребленіе словъ корогодъ, куфарка, хунтъ. § 37. Предъ буквами п, т, х, ч, ц предлогъ къ переходитъ въ хъ, напр. хъ царю; передъ звуками: б, д, г, ж, з, переходитъ въ гъ, напр. гъ дереву. § 41. Произносятъ шкорлупа, опаяхать, хвистъ. § 42. Вмѣсто ципленокъ говорятъ типленокъ. Между а и я послѣ ц разницы въ произношеніи не замѣтно. Вмѣсто цвѣтъ съ производными отъ него говорятъ твѣтъ и т. д. § 43. Въ произношеніи ц и ч такъ смѣшиваются между собою, что трудно отличить, когда кто говоритъ ночь, а когда ноць и т. д. § 44. Произносятъ послѣ шипящихъ ы, я и ю — напр. жылъ, чящя и чюдо. Говорятъ вездѣ зелѣзо, рогоза, порозный. Вмѣсто урожай говорятъ вражай. § 45. Послѣ ч больше слышно ы, чѣмъ и, напр. чыжикъ; ш употребляется вмѣсто ч, напр. вѣшный, востошный. Вмѣсто замолчи употребляется ни́шни. § 46. Вукза щ произносится правильно. Вмѣсто окончанія тся

употребляется тца, напр. дѣлаетца, бросаетца. Вмѣсто учусь говорятъ учуса. § 47. Въ дѣепричастіяхъ вмѣсто в — слышится м, напр. взямшись, бросимшись и т. д. Говорятъ: слобода, слободный, скрозь, кукшинъ, скусный. При склоненіи именъ измѣненія г, к, х въ з, ц и с не замѣчено. § 48. Говорятъ удо́въ удова́, уну́къ, навчить, у него (въ него), вухо вмѣсто ухо, по вхамъ вмѣсто по ушамъ. § 49. Говорятъ пролубь, комата, кухольный, Нефедъ, Микола. § 50. Замѣчено произношеніе только шкатунки вм. шкатулки. § 51. Говорятъ: вм. ладно — ланно, анна вм. одна, талнуть (толкнуть), скипѣть (вскипѣть). § 53. Произносятъ: семъ, любофъ, голупъ и т. д., вообще звуки п и ф въ срединѣ слова произносятся твердо. Что же касается до звуковъ р ,т и в въ серединѣ слова, то они произносятся наоборотъ мягко, напримѣръ скотьникъ, деревьня и т. д.

Удареніе. § 54. Ру́чей, хо́лодъ, язы́къ, ло́шади, ко́робъ, жемчу́гъ, отдо́хъ, колоко́лъ, вале́жникъ, воры́, обухо́мъ, на ло́шади, отъ но́чи, на коне́хъ, тво́рогу, звѣ́ря, каме́нья, 5 сажо́нъ, ве́рба, ведра́мъ, закла́дка, подру́га, успѣ́хъ, заста́ва, отста́вка, поста́вка, заку́ска, просты́ня, зна́комство, молоче́ніе, гада́ніе, встава́ніе, сре́дства, воро́ты, боло́ты, боя́ра, яи́цъ, лёгокъ, мя́гокъ, тѣ́сной, чаща́, сковорда́, слобода́, колокольня́, де́ньга, козна́, дочка́, сасна́, ольха́, ро́дина, въ рѣ́ку, свинью́, 2 версты́, дереве́нь, ви́лами, онъ ко́ситъ, ро́дитъ, зво́нятъ, онъ ро́дится, несе́ти, кладе́ти, во́пить, пону́дить, бога́тѣть, осы́рѣть, приве́денъ — приведёнъ и т. д., проведёнъ, туго́й, шелко́вый, прѣ́сный, не могу́тъ, пома́хнетъ, козы́рнуть, пове́рнуть, кувы́рнуться, пошатну́ться, бра́мши, напи́мшись, взя́мшись, опа́сно, высоко́, далеко́, глыбо́ко, мо́жно, тёмно — темно́, ино́гда, никогда́, завсегда́, чатыре́хъ, само́го, друго́го, одного́, никого́. Въ склоненіяхъ удареніе вѣрно. Произносятъ не бою́сь, по́дъ вечеръ, на́ зло. § 55. Нараспѣвъ въ нашей мѣстности не говорятъ. § 56. Различія между говоромъ старшихъ и младшихъ, мужчинъ и женщинъ нѣтъ.

Склоненіе. § 57. Говорятъ жнитва. § 58. Говорятъ съ того году, съ рынку, съ потолку; севодни, третьеводни, во лбу, въ углу, на волоску, на потолку. § 59. Произносятъ: приговора́, погребы, глазы, поясы, гвоздье, листье, колье и т. д.; говорятъ крестьяны, щенки. § 60. Употребляется глазовъ, солдатовъ, человѣковъ, жеребенковъ и др., а также пріятелевъ и рублевъ; творительный пад. множ. числа оканчивается на -мъ, напр. съ лошадямъ. Остальныхъ неправильностей нѣтъ; говорятъ во сняхъ. § 61. Употребляются слова матерь, дочерь и церква; творит. ед. отъ тысяча — тысячью. § 62. Употребляется только пустоша. § 63. Указанныхъ неправильностей не встрѣчается; существительныя на -мя во всѣхъ падежахъ удерживаютъ я. § 64. Произносится вороты, веслы, бревны, стеклы и т. д. § 67. Употребляется напр. хорошою дорогу. § 69. Имен. множ. именъ прилагат. всѣхъ родовъ оканчивается на и, напр. прилежныи ученики. § 70. Говорятъ въ худымъ мѣстѣ и т. д. § 71. Употребляется дат. пад. множ. вмѣсто творительнаго, напр. съ хорошимъ людьми и т. д. § 73. Въ нашей мѣстности вмѣсто онъ говорятъ ёнъ, она—ена́, они—ены́. Вмѣсто меня произносятъ мине; тибе, сибе; вмѣсто мнѣ — опять минѣ и т. д. § 75. Вмѣсто въ пёмъ употребляютъ въ ёмъ; вмѣсто её—ею́; вмѣсто за неё—за её; съ нимъ—съ имъ. § 76. Употребляютъ тымъ, тыи, тыхъ, тымъ и т. д. Вмѣсто та—тая; вин. тую. § 77. Какъ уже и упомянуто въ 21 §, весь склоняется такъ: твор. всимъ, мн. ч. вси, всихъ и т. д.; самъ — им. мн. самы, самыхъ и т. д.; этотъ — эфтотъ и т. д.; одинъ—вин. ед. жен. одную, множ. одны и т. д. § 78. Мой, твой и свой—род. ед. мово и т. д.; употребляются и слова ево, евоный, ейный и ихній. § 79. Говорятъ обо́и, обѣи и т. д.; употребляется также двымъ, двымя и т. д.

Спряженіе. § 81. Въ неопредѣленномъ наклоненіи неправильностей не замѣчено, исключая слова обманить вм. обмануть. Употребляются слова вынять и обоймы. § 82. Употребляется слово скакаю. Здѣсь говорятъ больше на а, напр. устраивать,

успакаивать и т. д. § 83. Вмѣсто есть употребляется е, также говорятъ ѣдутъ, не отдадутъ. § 85. Въ 3-мъ лицѣ ед. чис. наст. вр. у насъ говорятъ такъ, напр.: идéть, берéть, пи́шеть, играéть, несéть; также и во множ. ч.: берýть, играю́ть, пишуть и т. д. Иногда, хотя и рѣже, и такъ говорятъ: берё, врё и т. д. § 86. Также и во 2 л. ед. ч. говорятъ: идéшь, берéшь, играéшь и т. д. § 87. Употребляются глаголы теку — кешь, кетъ и т. д., также и стерегу; вмѣсто хочешь говорится хошь. § 88. Постоянно вмѣсто 2 спряж. употребляется 1-е: просютъ, рубютъ, носютъ и т. д. § 89. Окончаніе ти вмѣсто ть не употребляется; вмѣсто идти говорятъ итить. § 91. Причастія на нный и тый употребляются безразлично; говорятъ и разгонены и разогнаны, наложено и накладено. § 92. Говорятъ убёгъ, впрягъ и впрегъ, запрягъ и запрегъ. § 93. Вмѣсто поѣзжай говорятъ ѣдь, заѣдь и т. д.

Синтаксисъ. § 97. Говорятъ иногда во сняхъ. § 99. Употребляются выраженія, напр.: я съѣлъ блина и проч. § 100. Подобныя выраженія въ ходу; напр. есть у меня добрá. § 101. Говорятъ пригожій изъ себя, не дуренъ съ лица и т. д. § 107. Предлоги въ и на часто употребляются одинъ вмѣсто другого, напр. говорятъ: это было въ рождество, — на рождество, о рождествѣ. § 109. Однозначащи выраженія: со школы и изъ школы. § 110. Употребляются такія слова: малюхосенькій, большенькій, разудалый, добрѣющій, злющій, скупущій, гаденькій § 111. Говорятъ: пришло двое мужиковъ, собралось четверо учениковъ; пятеро крестьянъ работало, косило семеро косцовъ и т. д. § 113. Вмѣсто 6 лѣтъ говорятъ и 6 годъ; употребляются выраженія 2 рубли, 3 дни и т. д. § 116. Встрѣчаются только такія выраженія, ночевано: выпито, идено. § 117. Употребляются выраженія: онъ пріѣхатчи, онъ пришотчи и т. д. § 118. Говорятъ и такъ: дѣти учившись, отецъ умёрши, хлѣбъ уродившись и т. д. § 120. Такія выраженія, какъ никто ему велѣлъ, нешто́ ему дѣется постоянно въ употребленіи. § 121. Наболѣе употребительны частицы: ну да, де, молъ, ка, и др.;

напр. ну да я его повидаю; онъ де хорошъ; онъ баптъ: «молъ въ городъ поѣдетъ»; брось-ка минѣ эфту верефку.

(Сообщеніе В. Покровскаго).

---

56. *Костромской* губерніи, *Макарьевскаго* уѣзда, село *Якуньково*.

Гласныя. § 1. Въ слѣдующихъ словахъ вмѣсто звука *а* (которое пишется въ книгахъ) въ нашемъ селѣ произносится *о*: 1) въ началѣ именъ собственыхъ, какъ-то: Оксинья, Окулина, Ондрей, Онтонъ, Олексѣй, (Олешка), Ортемій, Орефій, Олександра или Лександра, Онисья — вмѣсто Аксинья, Акулина, Андрей, Антонъ, Алексѣй и др. 2) Батюшко, Иванушко, дитятко, Гаврило, Данило, запѣвало, мальчишко, дѣдушко, воришко, плутишко — вмѣсто батюшка, Иванушка и др., но дядюшка произносится правильно. 3) Сахоръ, стоканъ, онбаръ, олтарь, торелка, тонцовать, ломпадка, пороходъ, собоги, корета, стоновой, вм. становой приставъ, зобота вм. забота. Слова-же: баранъ, канатъ, карманъ, трава, воспаленіе, окаянный, картина и давнёхонько — произносятся правильно. 4) Во многихъ случаяхъ звукъ *о* произносится всмѣсто *а* въ приставкѣ *раз*, напр. розговоръ, розбирать, росчетъ, розстропть, рострогать, роспахать, розсѣять, розвозить, робота, роботáть, роботникъ, роскричаться, росхаживаться, розставаться, росцвѣлъ, розсвѣло, роздáть, рознять, росписка, роспростропять, особенно часта приставка *раз* въ прошедшемъ времени, напр.: роскаялся, розсказалъ, розыгралъ, розросся и мн. др. Разумъ же — произносятъ правильно. § 2. Всегда говорятъ плачý, плáтишь, плáтитъ, кáтитъ. § 3. Замораживать, подзадоривать, унаваживать и уничтожать. § 4. Вмѣсто *о* произносится *а* въ слѣдующихъ словахъ: таварпши, манахъ, манастырь, салдатъ, камодъ, магарычи, діаканъ, халера вм. холера,

но вмѣсто пономарь произносятъ подомарь; 2) карапь, тварогъ. Слова же слобода, мостовая, хорошо, золотой и др. произносятъ правильно. Всегда говорятъ: доброва, худова, злова, слѣпова, долгова, сухова, хромова... Говорятъ также: синёва, зимнёва, раннёва... и никогда не говорятъ: добраго или напримѣръ, поздняго, а во всѣхъ словахъ — прилагательныхъ въ родительномъ падежѣ окончаніе твердыхъ основъ *ова*, мягкихъ *ева* и *ова*. § 5. Большею частію крестьяне говорятъ на *о*. Въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: огурцы, окунусь и вымою говорятъ и на *у*, но все-таки чаще на *о*; а всегда на *у* говорятъ только въ трехъ словахъ: огородъ и доктора, комаръ, которыя и произносятся кумаръ, угородъ, дохтура. Также и частицу *то* измѣняютъ въ *ту*, когда она приставляется къ винительному падежу един. числа именъ существительныхъ женскаго рода, напримѣръ: ложку-ту, шапку-ту, вѣсть-ту; и въ существительныхъ мужескаго рода въ тѣхъ только, которыя оканчиваются на *а* и *я*, напримѣръ, подь-ко, схои по старосту-ту, старшину-ту, воеводу-ту, судью-ту. Въ дательномъ же падежѣ, напротивъ, она измѣняется въ *ту* въ существительныхъ мужскаго рода, напримѣръ; ну, онъ случа́ю-ту и радъ; я иду послѣ угороду-ту (sic); § 6. Вмѣсто звука *е* слышится *о* въ собственныхъ именахъ Елена — произносится Олёна, Офимья, Овдокея, Офросинья вм. Ефимія, Евдокея и Евфросинія. Говорятъ также: робенокъ, робята, топерь, топеря, топеречка. Слово же еще произносится ешшо и ишшо; едва и Емельянъ произносятся правильно. Слова же: тобѣ, собѣ нельзя встрѣтить; напр. крестьяне никогда не скажутъ: я тобѣ далъ рубль, а скажутъ: — я теѣ далъ рупь или цѣлковый, также я тѣ дамъ. Вмѣсто слова держать произносятъ доржать; вмѣсто сегодня можно услыхать соводне, но чаще говорятъ седне. *О* вмѣсто *е* произносится также послѣ шипящихъ *ж* и *ш*, напр. чашокъ, лошокъ, плошокъ, чажоло, положоно и т. д. Напротивъ, вмѣсто *о* произносятъ *е* и *ё*; такъ, вм. донышко говорятъ дёнышко, вм. двудонка—двудёнка; вм. одонье—оденье, метелекъ вм. мотылекъ. Вмѣсто *ё* говорится

иногда *о*, напр. жготся, запрягомъ, запряготъ, текомъ, текотъ, могошь, моготъ, лготъ, лгошь. § 7. Слова, въ которыхъ вмѣсто *е* крестьяне нашего села говорятъ *ё*: лёвъ, о нёй, со всёй, ёй, лёшшъ, смёртный (жара-та была смёртн-а-я), плёскъ вм. плескъ, въ прочихъ же словахъ, какъ, напр.: дерзкій, ветхій, крестъ, отсель, верхъ всегда слышится *е*. § 8. Точно также и не подъ удареніемъ *е* можетъ переходить въ *ё*, во-первыхъ, передъ ударенiемъ, напримѣръ у насъ говорятъ: бёдро, бёру, вёду, вёсна—вёсны—вёснѣ—вёсной, слёза, сёло, ёрша, отвёрнуть, вылётать, пёсла, тёпло, рёбро, тёсакъ, чёло, горёвать, ёво, ёму, Стёпанъ, сёмой, стёкло (но больше окольница), вёдро, вёрста, дёсна, сёстра, вёсло, мётать, мчёла вм. пчела, пёсокъ, веретёно; но вм. держать произносятъ доржать; дёру, но дери; ёво, ёму вм. его, ему. Во-вторыхъ, *е* можетъ переходить въ *ё* послѣ ударенія, напр., говорятъ бе́рёгъ, ма́стёръ, о́зёро, по́мёръ, по́грёбъ, я́стрёбъ, че́стёпъ, я́сёпъ, прибы́точёнъ, ни́пёкъ, поко́йницёкъ, де́нёгъ, ору́жьёмъ, смотри́телёмъ, зя́тёмъ, го́голёмъ, роди́телёвъ, царе́вичёвъ, дере́внёй, дѣви́цой, Окси́ньёй, са́блёй, Госпо́днёй, си́нёй, сре́днёва, си́нёва, си́нёму, въ тре́тьёмъ, въ Бо́жьёй, принима́ётъ, у́ѣдётъ, бу́дётъ и бу́ётъ, ку́шаёшь, про́ѣдёшь, зна́ёмъ, хва́стантё, па́даётъ, смёта́ётъ и мн. др.; но ве́рёхъ, во́сёмъ никогда не произносятъ, а говорятъ верхъ, восемь. Затѣмъ *ё* вм. *е* можетъ встрѣтиться въ концѣ слова; напр. говорится у насъ: морё, полё, блюдцё, подпольё, здоровьё, воскресеньё, времё вм. время, имё вм. имя, сѣмё вм. сѣмя, знамё вм. знамя, ненасьё, доброё, бѣлоё, черноё, спротскоё, заднеё, скоромноё, прошшайтё, здравствуйтё, ходитё, смотри́тё, встрѣча́йтё, бейтё; вообще во всѣхъ прилагательныхъ въ средн. родѣ един. числа и во всѣхъ глаголахъ во 2 л. множ. числа повелительнаго наклоненія конечное *е* въ народной рѣчи у насъ переходитъ въ *ё*. Остальныя слова, упомянутыя здѣсь, какъ-то дубо́вые, бѣлые и др., произносятся не дубо́выё и бѣлыё, а дубо́вые, бѣлые; больно, а не больнё, сильно, неправильно, бѣлѣй, скорѣ и скоряй, а не скоряё и др. § 9. Въ нѣсколькихъ случаяхъ произносится *о* вм. *е*

послѣ шипящихъ буквъ *ж* и *ш*; напр. шолуха, жопа, насажоно, положоно, чашокъ, лошокъ вм. ложекъ, машотъ, напишомъ, нашо, вашо, гожо, дюжо, ну-жо, што-жо, ужо, домишшо вм. домище, а слова: женихъ, жемчугъ, желѣзо произносятся правильно; вмѣсто жечь не жочь, а жегчи, вм. неужель—неушто. § 10. Въ нѣкоторыхъ словахъ вмѣсто *ѣ* въ нашемъ селѣ слышится *ё*, какъ-то: цвёло, хлёбать, гнёзда, рёка, пёсокъ, пётухъ, слёзай, перелёзай, сёдой (но сѣдѣть, сѣдина), смёху́ (но смѣхъ), напр. што у насъ было смёху́; умёрли товда мы сб смёху; также ёдкой, напр. сѣно ёдкое, слёпо́й. Въ словѣ цѣловать и производныхъ отъ него произносится не цё, а цо—поцолуй. Словъ же: бесёда, сусёдъ, врёзывать, свётлый, блёдный, телёжный, хрёнъ, цёлый, свирёпый, калёчить, вёшка, цопъ, ёздить, брёзговать, трёснуть, трёзвый, крёсла, мёлочь, мёлкій — нельзя услышать; говорятъ бесѣда, сосѣдъ и др. § 11. *Е* вм. *ё* (о) въ нашей мѣстности ни въ какихъ словахъ не произносится. § 12. Вмѣсто *е а* и *я* слышны только въ словахъ: запрягъ, головяшка, трясъ, имяниишшикъ, жарава вм. жерава (въ книгахъ клюква), Палагея, голяшище, папафида вм. панихида; слова же: желѣзо, женихъ, желать, денегъ, двугривенный, будетъ, подвышьетъ, прощайте, здравствуйте, четыре и др. въ народной рѣчи нашей мѣстности не измѣняютъ *е* въ *а* и *я*. Ольня вм. оленя. § 13. Вмѣсто *е и* не говорятъ, но *и* вм. *е* въ нѣкоторыхъ словахъ слышится, такъ напр. ишшо вм. еще, Пучишъ вм. Пучежъ; затѣмъ въ суффиксѣ *еньк* всегда слышится *и* — иньк, напр. маминька, ручинька, Васинька, низинькой, круглинькой, милинькой, молодинькой и всѣ друг. Далѣе, вм. несёте говорятъ неситё, вм. кладёте—кладитё, вм. стопте—стопитё; вм. дерётесь—деритёсь; наберитё, отоприте, ведитё и др. Чигунъ вм. чугунъ. Вмѣсто дайте и др. дайти не говорятъ; также и вмѣсто очень — очунь не говорятъ. § 14. Вмѣсто *и*—*йи* въ произношеніи не замѣтно. Вмѣсто мои, твои, свои — всегда говорятъ моѣ, твоѣ, своѣ. *Е* вм. *и* послѣ гласной буквы также нигдѣ не встрѣчается, кромѣ слова раскаиваться, гдѣ вм. *ива* произносится *ева*. § 15. Въ нѣкоторыхъ словахъ

встрѣчается *е* вм. *и* послѣ согласной, напр. говорятъ: белетъ, курецъ, Галецкій, въ Галечѣ (по Галичъ), деванъ, сенодъ вм. билетъ, куриць, Галичскій, диванъ, синодъ. *Е* употребляется также вм. *и* въ собственныхъ именахъ, напр. Владимеръ, Арсентей, Василей, Митрей, вм. Владиміръ, Арсеній, Василій, Дмитрій. Въ нѣкоторыхъ прилагат. окончаніе *ій* измѣняется въ *ёй*, напр. синёй, Всевышнёй, горячёй, лежачёй, но чаще *ій*—въ *ой*. § 16. Говорятъ: крыло, корысть; но вм. *и* — *ы* не говорятъ. § 17. Вмѣсто *ы*—*о* говорятъ въ словахъ нынче, скидываетъ, сыроѣшка, которыя и произносятся: нонче, скидова́етъ, соровѣшка. Вмѣсто *у*—*о* въ словѣ черемуха, которое произносится черемо́ха и чере́моха. Слова: баломутить, паукъ, глубоко, назуха и палуба произносятся правильно. § 18. *ы* вм. *у* не встрѣчается; также и обратно не говорятъ *у* вм. *ы*. § 19. Говорятъ на *ой*: крѣпкой, лёхкой, мелкой, нѣгой, но такъ, что *ой* нѣсколько походитъ и на *ай*. Говорятъ: понукивать, подтягивать, апахивать. § 21. *И* вм. *ъ* въ нашемъ селѣ не произносятъ; только вм. одѣяло произносятъ одіяло; а вм. цѣдить всегда произносятъ цыдить. § 22. Вмѣсто видѣлъ иногда говорятъ видялъ; вм. скорѣе говорятъ: скоря и скоряй. Вм. застрѣлъ — говорятъ застрялъ. § 23. Въ нѣсколькихъ словахъ вм. *я* говорятъ *е*, напр.: петьдесятъ, заецъ, мѣсецъ, месоѣдъ, петачекъ и питачекъ, соводне и седне вм. сегодня, емшикъ вм. ямщикъ, енварь вм. январь, паметникъ вм. памятникъ; слова вѣтреный и вѣтряный также не различаются, а всегда говорятъ вѣтреный; также крпчеть вм. кричать, стучѣть вм. стучать, прожужжѣть вм. прожужжать. Говорятъ также: светой, петакъ, пети, десети, ребина. Вмѣсто боялся, испугался, бросился, возился, посился и др. говорятъ: боялса, испугалса, бросилса, возилса, посилса, дразнилса. § 24. Въ именахъ прилагательныхъ вм. *ый* всегда говорятъ *ой*, а вм. *ій* въ нѣкоторыхъ *ёй* и *ей*, а въ другихъ *ой*, напр.: доброй, желѣзной, старой, свѣтлой, малой, тѣсной, круглой, толсто́й, трудной; вм. *ій* — синёй, Всевышнёй, горячёй, лежачей; сла́дкой, у́зкой, го́рькой, жи́дкой, господской, сумошедшой вм. сумасшедшій, материнской,

искренной, здѣшной, внутренно́й, топкой... Тимоѳій, Елисій, Матвій не говорятъ, а говорятъ Матвѣй, Тимоѳей. § 25. *Е* пропускается въ словахъ: бѣгаю: бѣгашь, -атъ -амъ; думаю: думашь, думатъ, думамъ; дѣлаю: дѣлашь, дѣлатъ, дѣламъ; дергаю: дергашь, дергатъ, дергамъ; послушаю: послушашь, послушатъ, послушамъ; работаю: работашь, -атъ, -амъ и др. Далѣе, такія формы встрѣчаются въ глаголахъ, которые въ неопредѣленномъ наклоненіи оканчиваются на *ивать* и *ывать*, притомъ, если удареніе на 3-мъ отъ конца слогѣ; напр. обы́скивать,—обыскивашь, обыскиватъ, обыскивамъ; объе́зживать — объѣзживашь, объѣзживатъ, -ивамъ; ска́зывать -атъ, -ывамъ; отки́дывать—откидывашь, откидыватъ, откидывамъ. Говорятъ: хозяева, а не хозява. § 26. Въ глаголахъ же на *ѣть* буква *е* не пропускается; всегда говорятъ: умѣешь, имѣетъ; также копѣекъ. § 27. Вмѣсто двухъ гласныхъ звуковъ можно услышать одинъ звукъ еще въ нѣсколькихъ словахъ; такъ, напр., говорятъ: пцо вм. яйцо, Осипъ вм. Іосифъ, губерня вм. губернія, помъ вм. поёмъ (подемъ), скоря вм. скорѣе; а также: пымать и вымать, пяталтышный. § 28. Въ слѣдующихъ словахъ крестьяне выпускаютъ гласныя: въ началѣ словъ напр. говорятъ Лизавета, Ларіонъ, Лексанъ, Лександра, Лексѣй, Катерина, рестански (роты) вм. Елизавета, Екатерина, арестапскія (роты). Въ концѣ словъ: напр. Порфиръ вм. Порфирій. Въ серединѣ же словъ гласныя безъ согласныхъ не выпускаются, кромѣ слова красинъ вм. керосинъ. § 29. Напротивъ, въ слѣдующихъ словахъ прибавляется гласная къ началу слова; говорятъ: оржаной, иногда аржаной, овторникъ; арцы вм. рцы (р), опосля, окромя. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ словахъ гласныя вставляются въ серединѣ, напр.: Володимеръ вм. Владиміръ, въ церкови вм. въ церкви; церковей. Рота, роту, ротомъ, въ роту; точно такъ же и потолокъ; но камень — камня. § 30. Протяжныхъ гласныхъ въ произношеніи не замѣтно. Точно такъ же вмѣсто простой гласной *о—уо* или *оу* не слышно. Въ концѣ словъ иногда слышится послѣ гласной короткое, невнятное *а*: пр. навсегда -а, ковда -а.

Согласныя. § 31. Въ словахъ Георгіи, загнулъ *г* слышится какъ въ словѣ: богатый. Въ родит. пад. окончаніе *ого* не встрѣчается. § 32. Вмѣсто тогда, когда говорится ковда, товда; всегда — произносится правильно; вм. государь, Господь — не говорятъ восударь, Восподь, а напротивъ выпускаютъ *г*: осударь, Осподь. Телѣхъ, рохъ, сапохъ — не говорится; *х* вм. *г* слышно въ словѣ шагъ (напр., сколько дотуда шаховъ) и дехтю, ей Бохъ вм. ей-Богу. Вмѣсто *к* слышно *г* и *х* въ словахъ: земляника, черника, брусника, доктора, актъ, некто, которыя произносятся: землянига, чернига, бруснига (брусена чаще употребл.), духтура, ахтъ, нехто, хто; трахтиръ вм. трактиръ. Говорятъ: лёхкой, мяхкой. Вм. *х* въ нѣкоторыхъ словахъ слышно *к*; напр. ка$_{р}^{д}$актеръ вм. характеръ; клѣвъ вм. хлѣвъ. Послѣ гортанныхъ *ы* — не слышно. § 33. Вм. *к* — *т* не слышно. § 34. Послѣ буквы *к* мягкихъ гласныхъ не слышно. § 35. Вм. *г д* слышится въ сл. Евгеній; произносится Евденей. § 36. Вм. *х* слышно *к* въ 4-хъ словахъ; говорятъ: ка$_{р}^{д}$актеръ вм. характеръ, клѣвъ вм. хлѣвъ; экъ вм. эхъ, короиться вм. хорониться. Вм. *х ф*, напр. панафида вм. панихида. Вм. *ѳ х* напр. арихметика вм. ариѳметика. § 37. Предлогъ *къ* иногда переходитъ въ *хъ* или же въ *гъ*, какое слышится въ словѣ: Георгіи, напр. хъ кузнецу, хъ купцу, хъ крышѣ, хъ хлѣбу; гъ дереву, гъ желѣзу, гъ грамотею, гъ глоткѣ, гъ богачу, гъ земледѣльцу; при чемъ замѣчается, что *къ* переходитъ въ *хъ* только передъ *к* и *х*; въ *гъ* же переходитъ передъ *б*, *г*, *д*, *ж* и *з*, въ остальныхъ случаяхъ не переходитъ. § 38. Только вм. *д* встрѣчается *г*, напр. говорятъ: гля чево, гля ково вм. для чего, для кого. § 39. Вм. свадьба говорятъ сварьба. Усадьба — говор. правильно. Затѣмъ, въ весьма многихъ случаяхъ буква *д* въ срединѣ слова выпадаетъ; напр. пои́, погляи́, схои́, бу́ётъ, буемъ, посаи́, посаи́шь, посаи́мъ, хои́тъ, гляи́тъ, невѣ́жа, Богороиица, Рожесво́ вм. Рождество, дошь вм. дождь, ряи́ться, обряи́лъ, посаи́ть, посаи́, посаи́ла, посаи́мъ (?), посаи́ли; сіѣть вм. сидѣть, сіи́, сіи́мъ, сіитё, посіи́ тутъ роимой вм. посиди тутъ родимый; ссаить,—ссаи, глаи,—гляко (напр. гляко, што

ты сдѣлалъ), погоп, погоимъ, (погои́тё, куды́ торопи́тца-то, чай успе́ите); (погоп хоть до завтреа). § 40. Вм. *т ц* не произносятъ. Точно такъ же не произносятъ и *дз* вм. *д*, напр. не скажутъ: дзѣфка, а дѣфка (*ф* вм. *в*). § 41. Вмѣсто *з ж* и *г* и вмѣсто *с х* не произносятъ. § 42. Всегда говорятъ послѣ буквы *ц* въ нашемъ селѣ *ы*, *а*, *о*; напр. цыпленокъ, улица, концы, молодецъ, царь, курица, кольца́ и др. § 42. Вмѣсто *ц* въ нѣкоторыхъ словахъ слышится *с*; такъ говорятъ напр. сапля вм. цапля, сарапать вм. царапать, свѣты вм. цвѣты, свѣтной вм. цвѣтной, полисейской вм. полицейскій. § 43. Произношенія *ч* вм. *ц* и обратно въ нашей мѣстности нельзя услышать. Его мнѣ пришлось слышать въ дер. Марковицѣ того же Макарьевскаго уѣзда, Костромской губерніи. § 44. У насъ говорятъ шить, шило, жи́ла, жито, жиръ, но въ то же время правильно произносятъ и слова: шагъ, жаръ, шуба, шапка, шалунъ и др. Вм. *жс — з* не слышится. *Ш* вмѣсто *жс* въ словахъ: Пучишъ, лошокъ, рошъ, дошъ,— такъ говорятъ вм. Пучежъ, ложекъ; рошъ вм. рожь и дошъ вм. дождь произносятся такъ твердо, какъ будто на концѣ *ъ*. *С* произносится вм. *ш* въ словахъ: салашъ, молосный вм. шалашъ, молошный; яспица вм. яшпица. *Ж* между гласными не выпадаетъ, Точно также *жс* не замѣняется буквами *жд*. § 45. Букву *ч* произносятъ мягко: чинъ, чижь. Что — произносятъ што. Вм. вѣчный, сочный, восточный — говорятъ вѣшной, сошной, востошной, пешникъ вм. печникъ, кузнешное ремёсло́, грешневый, подсвѣшникъ, сердешной и др.; шшни въ смыслѣ не плачь. § 46. Буква *щ* произносится, какъ *шш*, напр. свяшшенникъ, шшука, шшу, шшотъ, шшотъ, слашше, ешшо и шшо, шшока, рошша, помѣшшикъ вмѣсто — священникъ, щука, ищу, ищетъ, щетъ, слаще, еще, щека, роща, помѣщикъ и др. Также во всѣхъ увеличит. именахъ: домишшо и т.д. Иногда вм. *щ* говорится просто *ш*, напр. вешъ, тошъ, часовшикъ, барабашшикъ, корабельшикъ и др. вм. вещь, тощъ (тощій), часовщикъ, барабанщикъ, корабельщикъ. Говорятъ: вожжа, вожжи, дрожжи, съѣжжаться; отъ жечь — жготъ; отъ ждать — ждётъ. Вмѣсто годишься — гово-

рятъ годисса, збпраесса, бересса (напр. не за свое, Лексанъ, ты дѣло бересса). Вм. дѣлается — дѣлаетца; годится — годитца, вм. остаюся — остаюса, учуса, ударилса, бойса, испугалса и др., грысса вм. грызся. § 47. *Б* иногда слышно какъ *м*, напр. говорятъ оммануть вм. обмануть, оммочить вм. обмочить, оммѣрять вм. обмѣрять, оммѣнять вм. обмѣнять, оммолотить вм. обмолотить, омморозить вм. обморозить, омманъ вм. обманъ, оммотать вм. обмотать. Вм. *п—б* встрѣчается въ сл. саноги, которое произносится сабоги. Вм. *п — м*: мтица вм. птица, мташка вм. пташка, мчела вм. пчела. Вм. *б—г* не говорятъ. Вм. *в—м*: выпимши вм. выпивши (напр. я ужъ былъ выпимши), поѣмши (я пошолъ поѣмши), взямши вм. взявши, напимшись вм. напившись, иногда поромну вм. поровну. Вм. *м—в*: гувно вм. гумно, вного вм. много. Вм. *в—р* произносятъ въ сл. скрось (сквозь), вм. *в—л*: слобода вм. свобода, слободный вм. свободный (напр. поютъ: ковда я былъ слободный мальчикъ...). Вм. *в—к* не встрѣчается. Вм. *в—с*: скусъ вм. вкусъ, скусный вм. вкусный, Москоской вм. Московской (вм. *вс—с*). Вм. когда, тогда говорятъ товда, ковда, а не толда, колда. *Гъ* водѣ, *хъ* тѣни (вм. въ водѣ, въ тѣни) не говорятъ. Измѣненія гортанныхъ въ свистящія въ склоненіи именъ не замѣчается. § 48. Краткое *у* вм. *в* ни въ началѣ, ни въ серединѣ слова не произносится. Точно такъ же и вм. *у—в* не произносятъ. Передъ буквой *у* иногда замѣчается пропускъ согласныхъ *в* и *б*, напр. вѣкоуха, дѣушка, баушка. А обратно *в* къ *у* не приставляется. § 49. Вмѣсто *р—л*: пролупь вм. прорубь, калактеръ вм. характеръ. Вмѣсто *и* въ нѣсколькихъ словахъ слышится *л*, напр. говорятъ: Ликанъ вм. Никандръ, глиной вм. гнилой, сумлѣніе вм. сомнѣніе, сумлѣваться. Въ другихъ же словахъ вм. *и* говорятъ *м*, напр. Миколай — Микола, Микита, Кимешма, мравъ, стомовой вм. Николай, Никита, Кинешма, правъ, становой (приставъ). Обратно же вм. *м—и* не говорятъ. § 50. Говорятъ: мелче; но колокольня, Львовъ, большой, больной. Вм. *л—н* манинькой, помаленьку, манисинькой вм. маленькій весьма малый, помаленьку; маленько вм. маленько. Буква *л*

произносится обыкновенно; также въ звуки *в* и *у* не переходитъ. § 51. Говорятъ: ладно, одна, сукно, но омманъ, омманшикъ, оммочило, оммѣрялъ, оммѣнялъ, омморозилъ, останной, кажинной, вм. обманъ, обманщикъ, обмочило, обмѣрялъ, остальной, каждый. Во многихъ словахъ согласныя выпадаютъ, напр. шесь, трось, мотри вм. смотри. § 52. Буквы *д*, *б*, *в*, *з*, *ж* произносятъ какъ *т*, *п*, *ф*, *с*, *ш*; также рокъ, друкъ. § 53. Говорятъ: кровь, любофь, семь, пролупь, голупь, рупь. Окончаніе 3-го л. ед. и множ. чис. твердо: идетъ, идутъ. Слѣдующія слова выговариваютъ твердо: лафки, шапки, трафки, юпки, дѣфки. Также твердо говорятъ: певрой (вм. первой), серъпъ, но верьхъ, зерькало, церьковь — мягко. Слова: дворникъ, горница, харчевня, молепствіе, хлѣбникъ, лѣчебница, деревня, большею частью произносятъ твердо. Говорятъ: купца. Слова же: плотникъ, скотникъ, родни́къ, огородникъ иногда встрѣчаются и съ мягкимъ произношеніемъ. Слова: вслѣтствіе, бѣтствіе, ротственникъ произносятся мягко. Говорятъ: молодьба. Слова: здѣшной, прежней, подснѣжникъ, грѣшникъ выговариваются твердо. Говорятъ: барской, царской, деревенской, женской, москоской, но рюськой. Въ срединѣ словъ вставляются: *в* — поэвтому, эвтотъ, сороковустъ вм. сорокоустъ; соровѣшка вм. сыроѣшка, *г* — берегчи, бѣгчи; *к* — слабко, поздоровкался; *л* — Успленьевъ день; *т* — экзаментъ, страмъ, струбы, Арсентей; *ш* — ширше; *р* — проздравлять. Иногда вставляются цѣлые слоги: станови́ть вм. ставить, подовторять вм. повторять. Въ концѣ слова: брательникъ вм. братъ, воначка, вотачка, праводи, тонер$_{е}^{н}$чка. Въ иныхъ словахъ буквы опускаются въ началѣ слова: Митрей вм. Дмитрій, ицо вм. яйцо, Икоиоръ вм. Никаноръ, Лизавета вм. Елизавета, перво вм. сперва, Ларіонъ, Сенофонъ вм. Ксенофонтъ, рестански роты, Катерина вм. Екатерина, Енадей вм. Геннадій, Лексанъ, Лександра, Лексѣй вм. Александръ, Александра, Алексѣй; мотри вм. смотри, дѣ вм. гдѣ; енералъ вм. генералъ; въ срединѣ слова: краспнъ вм. керосинъ, разѣ вм. развѣ, празпикъ, Костяньтинъ, поёмъ вм. подемъ, пои вм. поди, погляи вм. погляди, съ дяей вм. дядей,

губерня, седне вм. сегодне, скоря вм. скорѣе, сёмой, карапь вм. корабль, рупь вм. рубль, невѣжа, Богороица, дошь вм. дождь, Рожесво, примать, сымать, подымать, чюсьвовать, жалиться, кститься вм. креститься; перекстилась вм. перекрестилась, качесво, возми вм. возьми, богасьво, буётъ вм. будетъ, госья, инословной вм. иносословный; королесьво, кресьяньсво, степеньсво, хаера вм. холера, шпаеръ вм. шпалеръ, щасье, усье вм. устье, ненасье, благочесье, мѣсность, волосной (судъ), Ликанъ вм. Никандръ, посанть вм. посадить, работатъ вм. работаетъ, дѣлатъ вм. дѣлаетъ, сбѣгамъ вм. сбѣгаемъ, шесь вм. шесть, поздо вм. поздно, субота вм. суббота, краулить вм. караулить, лѣсница вм. лѣстница и др. Тетеря вм. тетеревъ, гармонь вм. гармоника, странецъ вм. странникъ, Франецъ вм. Французъ, коли, николи вм. когда, никогда, скоря вм. скорѣе. Въ нѣкоторыхъ словахъ переставляются буквы: патретъ вм. портретъ, квардатъ вм. квадратъ, дарма́ вм. даромъ; перстянки (отъ пёрстъ) вм. перчатки, глиной вм. гиплой, певрой вм. первой.

Гласныя. Вмѣсто *а*—*ы* въ словахъ: куды, туды. Вмѣсто *а*—*ь*: кричѣть, стучѣть, стучѣлъ, кричѣлъ, рѣдко домѣ(?). Вмѣсто или говорятъ али; вм. панихпда — панафпда. Вм. *и*—*о*: ча́сточка вм. частичка. Вм. *и*—*у*: гречуха. Наоборотъ *и* вм. *у*: чигунъ, а не чугунъ. Вм. *ю*—*у*: отсуда, суда вм. отсюда, сюда. Наоборотъ въ словѣ русскій говорятъ *ю* вм. *у*: рюській. Вм. *и*—*ь*: въ повелительномъ наклоненіи во 2 л. ед. и множ. чис. подь (суды), подьте, принесь, оммань вм. обмани, прого́нь вм. прогони и др. Вм. *е*—*ь*: ольня вм. оленя. Вм. *я*—*ь*: яблонь. Наоборотъ *я* вм. *ь*: топеря вм. теперь, здѣся вм. здѣсь. Вм. *ь*—*я*: окромя́ вм. кромѣ, скоря вышло изъ скорѣе; *е* отбросили, а вм. скорѣ стали говорить скоря́. Вм. *ю*—*и*: въ дехти́, кориха вм. корюха (т. е. корь). Вм. *ы*—*о*: ноньче вм. нынче, скидова́етъ вм. скидываетъ. Вм. *ы*—*е*: метелекъ вм. мотылекъ. Вм. *о*—*у*: духтура́ вм. доктора. Вм. *ъ*—*а*: ужина вм. ужинъ.

Согласныя. Вм. *в* въ сл. Аввакумъ говорятъ *б*: Абакумъ. Вм. *н—к*: меледко, видко, обидко. Вм. *н—д*: подомарь, пенжакъ. Вм. *п—ф*: акапистъ. Вм. *р—н*: некрутъ, анхерей, ярмонка. Вм. *с—ц*: цыгарка, чешотца, годитца; вообще въ окончаніи *ся* *с* переходитъ въ *ц*. Вм. *т—д*: молодьба, эдакъ. Вм. *т—ч*: почевать, чажоло, чажолый, рѣдко чрезвый. Вм. *ф—х*: арихметика.

Удареніе. § 54. Изъ помѣченныхъ въ семъ параграфѣ словъ въ нашей мѣстности выговариваютъ: ручёй, хо́лодъ, язы́ка, го́воръ, о́сень, о́сенью, о́тдыхъ, ко́локолъ, ко́ршунъ, мя́чикъ, по́жикъ, валёжникъ, во́ры, обу́хомъ, на лошади́, отъ по́чи, на ко́няхъ, творогу́, звѣ́ря, ка́менья, каме́ньевъ, пять са́женъ, прого́ны, потоло́къ, ве́рба, возми́, вёдрами, заклáдка, подру́га, подру́жка, успѣ́хъ, заста́ва, о́тставка, по́ставка, казна́, до́чка, со́сна, дѣ́вочка, ело́ха, соло́нка, ро́дина, судьби́на, дешеви́зна, въ реку́, свинью, двѣ́ версты́, дереве́нь, ви́лами, онъ коси́тъ, роди́тъ, звони́тъ, онъ роди́тся, спитё, ѣдитё, хотитё, неспитё, кладитё; птё бываетъ въ вопросахъ: што вы спитё? што ѣдитё? Въ повел. накл. спи́тё; бу́ётъ, пка́ть, вопи́ть, робота́ть, ка́шлять, положи́ть, предположи́ть, пону́дить, подойти́, ро́бкой, толсто́й, че́рствый, суро́вой, пно́й, кажи́нной, идёшь, идётъ, иду́тъ, глубоко́, вы кури́те, не мо́гутъ, ска́жутъ, стегнётъ, разорвёшь, отогнёшь, подойдёшь, пойдёшь, пома́хнетъ или помахнётъ, козы́рнуть, повернуть, отдохну́ть, кувырну́ться, ло́шади, ко́робъ, же́мчугъ, тваро́гъ, заку́ска, простыня́, се́рдцо, знако́мсьво, мно́жество, молоче́ніе, гада́ніе, встава́ніе, питьё, житьё, сре́дсва, воро́та, боло́та, сѣмена или сѣмена́, внуча́та, ягня́та, щеня́та, боя́ра, бра́тья, платья́, я́йцъ, молодо́й, мо́лодъ, лёгокъ, мя́гокъ, тѣ́сной, чаща́, сковорода́, слобода́, колоко́льня, де́ньга, принести́, розогна́ть, говори́тъ, говори́шь, бро́ситься, осырѣ́ть, по́звалъ, со́бралъ, погна́лъ, посла́лъ, дострѣли́лъ, перестрѣли́лъ, приведёнъ, привезёнъ, принесёнъ, приведена́, принесена́, привезена́, проведёнъ, туго́й, сыро́й, шо́лковый, дру́гой, прѣсно́й, гря́зной, бу́рной, ме́лкой, ло́вкой, жа́ркой, рѣ́дкой,

то́пкой, пошатну́ться, случи́лось, бра́вши, напи́вшись, взя́вшись, о́пасно, высоко́, далёко, глубоко́, мо́жно, тёмно, иногда́, завсегда́, сёмнадцатый, самого́, друго́ва, друго́му, одново́, одному́, никово́, ничево́. Примѣчанія: вм. языкъ иногда въ разговорѣ произносятъ яса́къ, яса́комъ (напр. тебѣ рюськимъ яса́комъ-то было сказано). На ряду со словомъ сѣмена́ говорится и сѣ́мена (напр. на сѣ́мена-та ишшо мнѣ буётъ). Затѣмъ говорятъ: саха́рный (пряникъ), сёмнатцать, раскаева́ться, двѣ-тѣ́ (рублевки), съ тыё (вм. съ той), чере́моха, скидова́етъ, впервы́е, либо́што вм. что-либо, нѣшто́ и нѣ́што различаются между собою: нѣшто́ — употребляется вмѣсто да; нѣ́што вм. нѣчто, напр. Лёксанъ нѣ́што хотѣлъ сказать. Нѣшто́ же отвѣтъ на вопросъ, напр.: Али хотѣлъ пріѣхать N—то?—нѣшто́. Уча́тся вм. у́чатся. Онъ учи́тъ. Ко́строма вм. Кострома́; надо ѣхать въ Ко́строму. Ча́сточка вм. части́чка, не на́йдешь вм. не найдёшь, ко́робья, а не коро́бья, ко́лобья, во́зметъ вм. возьметъ, во́змемъ вм. возьмемъ. У насъ говорятъ го́лбецъ, а не голбе́цъ. Порозмани́тъ. Матрешёнька, въ церкови́, втѣпо́ръ, по́ пиво, въ озими́, сы́знова, ре́мень, ку́рецъ вм. куриць, некто́. Мона́стыря, ко́рабля, бога́тыря — не говорятъ, хотя въ именительномъ и говорятъ манасты́рь, богаты́рь, кара́пь. Говорятъ зи́мѣ и зимѣ́, сте́нѣ и стѣне́. Вм. не бою́сь — не́ боюсь не говорятъ, вм. не би́лъ иногда говорятъ не́ билъ. Говорятъ: три го́да; по́дъ вечеръ, по на зло́.

Склоненіе именъ. § 57. Говорятъ пшено, а не пшена, но жнитво произносятъ въ женскомъ родѣ: жни́ва (а не жнитва), напр. пдутъ со жнивы. Опредѣленіе съ опредѣляемымъ согласуютъ правильно: одно селеніе, доброе ружье. Говорится: эта путь; онъ идетъ путёй-доро́гой. Вм. этотъ яблокъ говорятъ это яблоко. Говорятъ: какой кашель, мировой судья. Слова: лиса и мышь употребляются только въ одномъ родѣ. Гусь — мужескаго рода. Лебедь же и собака — женскаго рода. § 58. Всегда говорятъ: съ тово году вм. съ того года; но три года, два года—правильно говорятъ. Затѣмъ говорятъ съ рынку, съ потолку вм. съ рынка,

съ потолка. Отъ слова день въ родительномъ, дательномъ и предложномъ падежахъ употребляется: дни; напр. два дни, къ Ильину дни, этта на дни. Рубль — въ родительномъ: рубли, два рубли. Сегодня — соводни (и е), но чаще седне, третьево дни. Вм. испокоиъ-вѣка говорятъ испоконьвѣки. Говорятъ: во лбу, въ саду, въ лѣсу́, въ углу; на волоскѣ, на потолкѣ, на камнѣ. § 59. А вм. *ы* въ имен. множ. числа слова: приговора́ вм. приговоры, но кусты́. Вм. *а* — *ы*: повары, по́ясы, но погреба́, глаза́. Князья, друзья, братья, стулья, колья, но гвозьё вм. гвоздья. Говорятъ: сватья́, ста́росты, кресьяна вм. крестьяне; шшеня́та, а не щенки. § 60. Въ родительномъ падежѣ множ. чис. въ нѣкоторыхъ словахъ встрѣчается окончаніе *овъ*, между тѣмъ какъ они не должны его имѣть, напр. глазовъ вм. глазъ, человѣковъ вм. человѣкъ (но въ то же время всегда: сколько человѣкъ?), салдатовъ вм. солдатъ; или робенковъ, жеребенковъ вм. ребятъ, жеребятъ. Обратно, зубъ вм. зубовъ не говорятъ. Окончанія *овъ* и *евъ* въ род. п. множ. ч. употребляются вм. *ей*, напр. пріятелевъ, рублевъ, караблевъ, ключовъ, ножовъ вм. пріятелей, рублей, караблей, ключей, ножей, кирпичовъ вм. кирпичей; кряковъ вм. кряжей. Обратно же, *ей* вм. *овъ* и *евъ* не говорятъ. Затѣмъ, говорятъ: молодцы, а не молодци. Вмѣсто творительнаго падежа всегда употребляется дательный, но вмѣсто дательнаго творительный почти никогда — напр. по полямъ, дать корму ко́нямъ; съ лошадямъ, съ дѣвкамъ, подъ ногамъ, за рыбамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ, съ крестамъ, за полямъ, брать рукамъ, сарапать кохтямъ; но дѣтьми, напр. што подѣлашь съ богатымъ-те дѣтьми? Вм. окончанія *ми* въ твор. п. мн. ч. *мы* и *ма* не употребляются. Также вм. *ами*—*ими* и вм. *ахъ*—*яхъ* не употребляются. § 61. Говорятъ свекровь, мать, дочь, рожь, церковь; иногда говорятъ барыни, сударыни, но чаще барыня, сударыня. Смѣшенія падежей родительнаго, дательнаго и мѣстнаго нѣтъ. Въ твор. пад. един. чис. жен. род. всегда употребляется окончаніе *ой*: женой. Всегда говорятъ съ бабой, а не съ бабэй, за берёзой. Вм. сл. си́лою употребляется сило́мъ. Гово-

рятъ: на лошади, въ грязи, въ крови, на печи; но вм. къ дочери, къ матери, къ лошади говорятъ къ дочерѣ, къ матерѣ, къ лошадѣ, на плóщадѣ. Вм. тысяча гов. тыща; твор. ед. тыщёй. § 62. Всегда говорятъ: ямы, нивы, лопаты, травы, березы, поляны; лошади, яблони, вещи, подати, зелени, пустоши, озими. § 63. Говорятъ: книгъ, мтицъ, избъ, палокъ, чашокъ, лошокъ; сваребъ, а не свадьбей; овецъ и мтицъ вм. птицъ. Вмѣсто окончанія твор. пад. мн. ч. ж. р. *амы* и *ами* окончаній *ми* и *мы* нельзя услышать; всегда говорятъ: рукамъ, а не руками, слёзамъ, а не слезми. Въ именахъ разносклоняемыхъ окончаніе именительнаго падежа ед. ч. *я* переходитъ въ *ё*, такъ говорятъ: времё, имё, бремё, знамё, племё, пламё, сѣмё, стремё и дитё. Склоняются они такъ: *И* времё, времена, дѣти; *Р* время, времёнъ, дѣтей; *Д* времю, дѣтямъ; *В* времё, дѣтей; *Т* времёмъ, дѣтямъ и дѣтьми; *П* о времѣ, о дѣтяхъ. § 64. Говорятъ: ворóта, болóта, брёвна, вёсла. Род. множ. ч. отъ поле полей, а не поль; у нашихъ кресьянъ мало полей. *Овъ* въ род. множ. ч. сред. р.: дѣловъ, мѣстовъ и изрѣдка пивовъ. § 65. Предложный п. ед. ч. отъ деготь: въ дехтѝ. Въ родит. п. ед. ч. ж. р. отъ мѣстоименія тотъ употребляется тыё вм. той, мыё, твыё, вм. моёй, твоёй. Въ именахъ существительныхъ, оканчивающихся на *а* и *я*, звательный падежъ оканчивается на *ой* и *ей*, напр. мамой вм. мама, тятей вм. тятя, Ванькой вм. Ванька, Семкой вм. Семка, Санькой, Колькой и др., при чемъ на такихъ словахъ замѣчается два ударенія: Сёмкóй, мáмóй и др. § 66. Иногда говорятъ: тёмна ночь, мила дочь вм. темная ночь, милая дочь; также добры молодцы вм. добрые молодцы. Съ бѣломъ (лицомъ), съ добромъ (отцомъ) не говорятъ. Точно такъ же: молодэй и др. не говорятъ. § 67. Въ вин. пад. прилагат. жен. род. окончаніе *ую* не измѣняется въ *ою*; оно также не измѣняется въ *аю*. § 68. Въ род. пад. прилагательн. жен. род. вм. окончанія *ой* употребляется иногда *ыё*: отъ молодыё жены, съ тыё недѣли. Но *эй* вм. *ой* не употребляется. § 69. Въ имен. пад. множ. чис. прилаг. всѣхъ родовъ слышно на концѣ *е*: злые люди, ясные дни, бѣлые коровы, силь-

ные лошади. Въ имен. мн. ч. прил. всѣхъ родовъ окончанія *іе* и *ые* не измѣняются въ *эи* и *еи*. Также не говорятъ: добраи, сильнаи, а говорятъ добрые, сильные. § 70. Вм. предлож. пад. ед. чис. прилаг. муж. и сред. род. творит. пад. не употребляется. Не употребляется также: худэмъ, другемъ вм. другомъ, худомъ. § 71. Дател. пад. множ. ч. прил. всѣхъ родовъ—творит. множ. не замѣняется. Обратно же, вм. твор. пад. множ. ч. всегда употребляется дат. пад., напр. съ милымъ дѣвушкамъ, съ добрымъ людямъ, съ осиновымъ дровамъ, съ большимъ сапогамъ, со своимъ друзьямъ. Вм. окончанія твор. пад. множ. числа *ми* не употребляется *ма*. Также не говорятъ и золотми, горючми вм. золотыми, горючими. Сырэмъ, молодэмъ, сырэми, молодэми также не говорятъ. § 72. Говорятъ: молодыхъ, записныхъ, но на ряду съ этимъ встрѣчается и молодыехъ, записныехъ, разныемъ. Но окончанія *эхъ* нигдѣ въ склоненіи не встрѣчается. Формы: горькіефъ, чужіефъ и др. подобныя также не встрѣчаются. § 73. Род. пад. ед. ч. отъ мѣстоименія *я*: меня; также и вин. пад.—меня; дат. пад.—мнѣ. Мѣстоименіе ты склоняется такъ: *Р.* тея; *Д.* теѣ—тѣ*); *В.* тея, тя; *Т.* тобой; *П.* о теѣ; на ряду съ этими формами встрѣчаются иногда и правильныя формы. Возвратное мѣстоименіе себя склоняется такъ же, какъ и мѣстоименіе *ты*, но безъ сокращенныхъ формъ: *Р.* сея; *Д.* сеѣ; *В.* сея; *П.* о сеѣ. Иногда также встрѣчаются и правильныя формы. § 74. Твор. пад. нами, вами въ народной рѣчи никогда не употребляется вм. дат. пад. намъ, вамъ. Обратно же, вм. творит. пад. (нами, вами) всегда говорятъ дат. пад. (намъ, вамъ). Формъ же: намы, вамы, нама, вама и ны никогда нельзя услышать. § 75. Вм. въ нёмъ говорятъ въ ёмъ. Вм. дат. пад. мн. числа имъ никакой другой формы не употребляется. Твор. пад. множ. — съ ними, а не съ имя. Вин. пад. ед. чис. — её, а не ю. Вм. за неё, у неё говорятъ за её, у сё. Вм. съ нимъ, за нимъ говорятъ съ имъ, за имъ. § 76. Формы: тымъ, тыхъ, тыми, ты, тые, тып, тѣи, тѣихъ, тѣими — никогда

*) Примѣры такихъ сокращенныхъ формъ: я тѣ дамъ; хто (вм. кто) тя видитъ.

нельзя услышать;—говорятъ правильно. Говорятъ: то, а не тоё, томъ, а не тоёмъ, тѣмъ и тымъ. Им. ед. жен. рода та, а не тая; род. пад. — той, тыё, но не тоё или тый; винит. п. имѣетъ одну форму: ту. § 77. Весь во множ. числѣ склоняется такъ: *И.* всѣ; *Р.* всѣхъ; *Д.* всѣмъ; *В.* всѣхъ; *Т.* всѣмъ; *П.* о всѣхъ. Вин. ед.— всю. Говорятъ: сами, самихъ, самимъ, самими, о самихъ. Эти, этихъ, этимъ, этими, о этихъ (а не объ этихъ). Одинъ склоняется такъ: множ. чис. *И.* одинъ, одна, одно; одни. *Р.* одновó, одныё, одново; однѣхъ. *Д.* одному, одной, одному; однѣмъ. *В.* одново, одну, одно; однѣхъ. *Т.* однимъ, одной, однимъ; однѣми. *П.* одномъ, одной, одномъ; однѣхъ—во всѣхъ родахъ. § 78. Мѣстоименія притяжательныя склоняются слѣдующимъ образомъ: един. число *И.* муж. р. мой, твой, свой; жен. родъ моя, твоя, своя; средній родъ мое, твое, свое. *Р.* муж. родъ мово, твово, свово; жен. родъ моеё *), твоеё, своеё; ср. какъ муж. родъ. *Д.* муж. родъ мому, твому, свому; жен. родъ моёй, твоёй, своёй; ср. какъ муж. р. *В.* муж. родъ мово, твово, свово; жен. родъ мою, твою, свою, средн. родъ мое, твое, свое. *Т.* муж. родъ моѣмъ, твоѣмъ, своѣмъ; жен. родъ моёй, твоёй, своёй; ср. какъ муж. родъ. *П.* муж. родъ моёмъ, твоёмъ, своёмъ; жен. родъ моёй, твоёй, своёй; ср. какъ муж. родъ. Притяжательныя мѣстоименія 3-го лица: ево вм. его; её вм. ея; и́хной вм. ихъ. § 79. Оба склоняется такъ: оба, обѣихъ, обѣимъ, обѣихъ, обѣимъ, обѣихъ— во всѣхъ родахъ одна форма. Говорятъ: двоихъ, двоимъ, двумя (иногда двуми), тремя (иногда треми), трёмъ и трюмъ, трёхъ, чаще трюхъ, трюмя и тремя, но четырёхъ, четыремъ. § 80. О частицахъ. Частица при существительномъ мужескаго рода въ твердомъ склоненіи — отъ, въ мягкомъ — ётъ; напр. хлѣботъ, столотъ, братотъ, стулотъ, сыноть, отецотъ, возотъ; звѣрётъ; случаётъ, конётъ, краётъ, лѣнтяётъ, родителётъ, мечётъ. При склоненіи частицы измѣняются такъ: хлѣботъ; род. — хлѣба-та; дат. — хлѣбу-ту; вин.—хлѣботъ; твор.—хлѣбомъ-то; пред.—о

*) Иногда говорятъ мыё, твыё вм. моей, твоей, напр. мыё лошади-то тамъ не видалъ.

хлѣбѣ-то. Множ. число—им. хлѣбы-тѣ; род.—хлѣбовъ-то; дат.—хлѣбамъ-то; вин.—хлѣбы-тѣ; твор.—хлѣбамъ-то; пред.—хлѣбахъ-то. Въ мягкомъ склоненіи: звѣретъ; род.—звѣря-та; дат.—звѣрю-ту; вин.—звѣря-та; твор.—звѣремъ-то; пред.—о звѣрѣ-то. Множ. ч.: звѣри-тѣ; род.—звѣрей-то; дат.—звѣрямъ-то; вин.—звѣрей-то; твор.—звѣрямъ-то; предл.—о звѣряхъ-то. При существительныхъ женскаго рода частица та измѣняется такъ: водата; род.—водыто; дат.—водѣто; вин.—водуту; твор.—водойто; предл.—о водѣто. Множественное число: водытѣ; род.—водъ-то; дат.—водамъ-то; вин.—водъ-то; твор.—водамъ-то; предл.—о водахъ-то. При существительныхъ же средняго рода частица *то* измѣняется такъ: слово-то; род.—слова-та; дат. слову-ту; вин.—слово-то; твор.—словомъ-то; пред.—о словѣ-то. Множ. число: и.—слова́-та; род.—словъ-то; дат.—словамъ-то; вин.—слова-та; твор.—словамъ-то; предл.—о словахъ-то. Обороты: та баба и баба та различаются между собою.

Спряженіе глаголовъ. § 81. Вм. окончанія ить въ неопредѣленномъ наклоненіи ѣть слышится въ сл. звонѣть вм. звонить, напр. али звонѣть начали, но вопѣть, шевелѣться, ходѣлъ, заговорѣлъ не употребляются. Иногда говорятъ: смотрить вм. смотрѣть; стемнять вм. стемнѣть; осырять вм. осырѣть; но загорѣться, а не загоряться; говорятъ также: стемняетъ, осыряетъ. Вм. заплѣснѣвѣть говорятъ заплѣсневать. Вм. окончаній *ать, ять* встрѣчается иногда *ѣть*, напр. стучѣть вм. стучать, кричѣть вм. кричать, скучѣть вм. скучать, прожужжѣть вм. прожужжать, но стрѣлять, а не стрилѣть, таеть вм. таять (растаяло), вм. начало—начело, но начать. Вм. окончанія *ить*—*ять* не употребляется. Точно такъ же и вм. *нуть*—*нить* не употребляется. Вм. слова вынуть говорятъ выня́ть и рѣдко выма́ть, но вынулъ вынялъ. Вм. обними говорятъ обойми и обыми. § 82. Говорятъ: скачу, требую. Вм. напимать говорятъ наймовать. Вм. окончаній овывать и ёвывать—увать и ювать не слышится. Говорятъ: замораживать, устраивать, унаважнвать, оспаривать, удваивать,

успокаивать, просрачивать. § 83. *Е* вм. есть не употребляется. Связка есть въ предложеніи опускается. Вм. есть говорятъ есь; поѣшь—поѣси но вм. дашь—даси, продашь—продаси, ѣшь—ѣси, съѣшь — съѣси, никогда не говорятъ. Вм. даютъ, отдаютъ — говорятъ дадутъ, отдадутъ, напр. онѣ дадутъ; дешевле не отдадутъ. § 84. Вм. окончанія *аю — у* не встрѣчается. § 85. Въ 3-мъ лицѣ един. числа и въ 3-мъ л. множ. ч. окончаніе *тъ* никогда не отбрасывается; вм. врёшь также нельзя сказать врё. § 86. Окончанія: шо, то, мо и та, ма никогда не употребляются. Окончаніе 3-го лиц. един. и множ. чис. *тъ* — никогда не произносится какъ *ть*. § 87. Говорятъ: текошь, текотъ, текомъ, текотё, стерегошь. Вмѣсто окончаній ёшь, ётъ употребл. ошь, отъ: бѣгошь, бѣгомъ, стерегошь, лгошь, лгомъ, толкошь, могошь, моготъ; вм. хочешь — хошъ. § 88. Вмѣсто окончанія ятъ въ 3 л. мн. ч. настоящ. вр. изъяв. нак. — ютъ не употребляется. § 89. Окончаніе неопредѣленнаго *ть* въ *ти* никогда не переходитъ. Вм. жечь, мочь, лечь, беречь говорятъ: жегчи, могчи, легчи, берегчи, жегчи, пекчи, бѣгчи. Вм. идти, вести — итить, вестить не говорятъ. § 90. Видла, видло, вѣсла, вѣсло — не говорятъ. § 91. Вженъ вм. виденъ не говорятъ. Вм. причастныхъ окончаній *тый, той* или *тъ — ный, ной* и *нъ* не употребляются. Обратно же вм. *нъ — тъ*: прогнатъ вм. прогнанъ, убратъ вм. убранъ, заслатъ вм. засланъ. Вм. разогнаны, разогнано говорятъ: розгонены, розгонено; вм. наложено — накладено; но заперто. § 92. Вм. убѣжалъ говорятъ убёгъ, но впрягъ, а не впрёгъ. § 93. Повелит. наклоненіе отъ ѣхать, уѣхать — поѣзжай, ѣдь, уѣдь, заѣдь. Вм. принеси говорятъ принесь. § 94. Въ будущемъ времени говорятъ: иму́ дѣлать, имёмъ дѣлать; не иму́ (отсюда не му) дѣлать; не мемъ (и не имёмъ) дѣлать; стану́ дѣлать, не стану́ дѣлать.

Синтактическія особенности. § 96. Иногда говорятъ: гвозьё (вм. гвозди); звѣрьё (вм. звѣри). Встрѣчается также употребленіе въ значеніи собирательномъ такихъ словъ, которыя

въ един. числѣ должны обозначать одинъ предметъ, а во множ.— нѣсколько предметовъ, напр. огурецъ вм. огурцы (нынче огурецъ ни по чемъ), или напр. грибъ вм. грибы (какъ гриба, гриба было на базарѣ....!); но овчишко вм. овцы не встрѣчается. Также: яблоко вм. яблоки (какъ яблока было на базарѣ...) § 97. Употребленіе множ. числа вм. един. не замѣтно. § 98. При неопредѣленномъ накл. въ словахъ жен. рода вм. винительнаго пад. именительный не употребляется. § 99. Вм. винит. пад. именъ существительныхъ мужеск. рода иногда употребляется родит. пад.; напр. отъ названій растеній: онъ нашолъ боровика, груздя, осиновика (а не подосиновикъ), рыжика. § 100. Вм. имен. пад. при гл. есть родительный—не употребляется. § 101. Говорятъ: красивъ собой, а не изъ себя; красивъ на рожу-ту; красивъ съ рожи-то. § 102. Говорятъ: благодаримъ васъ, играть въ карты, разговаривать съ нимъ, мстить ему. § 103. Говорятъ вмѣсто въ прошломъ году — *лѣтось*, вм. вчера — вчерась; вм. на будущій годъ — *вось*; въ вечеру. § 105. Вм. предлога *за* всегда почти говорятъ *по*; напр. онъ поѣхалъ по овесъ; пошолъ по ко́пей, итти по грибы, — по ягоды; по коровъ, по овецъ; вм. за чѣмъ ты пришолъ? — по што ты пришолъ; вм. нар. зачѣмъ употребляется *пошто* и *нашто*, чаще — пашто. § 106. Предлогъ *съ* не замѣняется другими предлогами. Тосковать по комъ, а не за кѣмъ. § 107. Предлогъ *на* замѣняется *о* въ слѣдующихъ случаяхъ: о рожесвѣ, о Пасхѣ, о маслепицѣ, о святкахъ. Говорятъ: на двоёмъ, на троёмъ вм. на двухъ, на трехъ подводахъ. § 108. Предлоги: мимо и возлѣ требуютъ послѣ себя родит. пад., напр. мимо гувёнъ (а не гуменъ), возлѣ дороги; затѣмъ вм. этихъ предлоговъ иногда употребляется слово *послѣ*, напр. я иду послѣ угороду; или: послѣ гувёнъ-то тутъ. § 109. Говорятъ: соскушпились по васъ вм. соскучились о васъ. Вм. предлога *изъ* употребляется иногда *съ*, напр. если спросить: откудова ты? отвѣтятъ: съ Дуткина, съ Бабья; вм. откуда ты? — изъ Дуткина, изъ Бабья. Затѣмъ предлогъ *съ* замѣняется предлогомъ *на*, напр. куда ходилъ? — на Дуткино,

на Бабье вм. въ Дуткино, въ Бабье. Вм. нарядъ говорятъ обрядъ. § 110. Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ степени сравненія выражаются особымъ удареніемъ: до....лго́й; при этомъ *до* растягиваютъ, а окончаніе *лгой* произносятъ отрывисто съ удареніемъ, такъ что и выходитъ какъ будто два ударенія: надъ *до*, потому что его растягиваютъ, и на *гой*, потому что на немъ ударяютъ; чи́--сто́й, до́л--го́; угомо́--нно́й (робенокотъ какой угомо́--нно́й). Или же протяжными согласными: крррасной, сссиней. При этомъ для выраженія степени сравненія употребляются иногда особыя слова: большушшой вм. очень большой, манисинькой вм. очень малый, оста́нношной (денечикъ) вм. самый послѣдній; или напр. для выраженія цѣлости дня: день деньской (только одинъ крикъ день деньской). § 111. Говорятъ: суды пришли два мужика; или — суда пришло двое (безъ существительнаго); играютъ два хорошіе мальчика; бодутся два большу́шшіе быка́. § 113. Два, три раза; шестьдесятъ-шесть лѣтъ. Два рубли вм. два рубля; два дни вм. два дня; три дни; пять денъ. § 114. Говорятъ: трои ворота, двои двери, семь вёрстъ. § 115. Вм. она — оно не говорятъ. § 116. Вм. личнаго оборота — безличный не употребляется. § 117. Вм. онъ уѣхалъ, онъ пришолъ — онъ уѣхатчи, онъ пришедши — не говорятъ. § 118. Мостъ сломившись, орудія погнувшись, дѣти учившись—нельзя сказать. Всегда говорятъ: мостъ сломался, орудія погнулись... § 119. Дѣепричастіе на *учи* не употребляется въ подобныхъ выраженіяхъ, какъ: они услышали меня по ступенямъ идучи. Также нельзя услышать и выраженія: я его видѣлъ итти. § 120. Иногда употребляется вм. двухъ отрицаній — одно, напр. нехто ёму велѣлъ вм. никто ему не велѣлъ; нешто́ ёму сдѣлается вм. ничего съ нимъ не сдѣлается; нехто ишшо дастъ вм. никто еще не дастъ. Затѣмъ, встрѣчаются обороты съ излишнимъ употребленіемъ отрицанія *не*: кто не то, кому не то вм. кто-нибудь, кому-нибудь. Вм. никто, никакой говорятъ нехто, некакой. § 121. Частицы въ народной рѣчи нашей мѣстности встрѣчаются слѣдующія: ну да, ко, дескать, де, мо — и молъ, бѣшъ, то, ка и чка

съ какой-нибудь гласной; примѣры: ну да дамъ, какъ тебѣ не такъ; сто-ко, уди-ко, погляи-ко; ну, онъ и не боялся, што дескать онъ мнѣ сдѣлаетъ. Ты такъ ему и скажи, я мо (молъ) теѣ нечёво не дамъ. Тятя-то пріѣхалъ вчера, бѣшъ третьева дни; онъ теѣ-ка и наказывалъ. Топер$^{и}_{о}$чка, воначка, вотачка, ужоточка.

Слова и названія, употребляемыя при играхъ, забавахъ и пляскахъ: посѣдки, качели, городки, корма́, мазло́, сало, клюшки, ко́зны вм. бабки; затѣмъ, дѣвицы играютъ: курюколамъ (т. е. супрядки), коропякамъ (т. е. дозорьки), шолковымъ платкомъ (т. е. посидѣнки), уполовникамъ, козой, полѣснымъ, кривымъ дождемъ, царскимъ (т. е. царскими) воротамъ; столбикамъ, зайцомъ, черепянкамъ, ворономъ; въ послѣдней игрѣ говорятъ:

Воронъ, воронъ!
Богъ на́ помочь
Богъ спасётъ.
Воронъ, воронъ,
Што дѣлашъ?
Не слышу.
Воронъ, воронъ,
Што дѣлашь?
— Ямку рою,
— На́ што тебѣ ямку?
Камешки класть.
На́ што тебѣ камешки?
— Иголки точить;
— На́ што тебѣ иголки?
— Мѣшечки шить.
На́ што тебѣ мѣшечки?
Камешки класть.
— Не што тебѣ камешки?
Твоѣхъ дѣтонекъ валять.
Што моѣ дѣтоньки сдѣлали?
— Лучекъ да мачекъ вытаскали.
Великъ-ли у тебя огородчикъ?
— В-онъ какой.

Когда же играютъ: добрымъ ангеломъ, говорятъ:

Стукъ, стукъ
— Кто тутъ?
— Ангелъ.
Какой?
Чево тебѣ?
Краски.
Какой?
Зеленой (или же красной, желтой).

Доброй. — Есть (и выдаютъ поющему человѣка).

Когда же играютъ: злымъ ангеломъ, поютъ то же самое, только вм. слова доброй говорятъ злой; вм. есть — нѣтъ.

Слѣдующія двѣ пѣсни поются почти во всѣхъ играхъ:

Первичики, другичики
Летали голубичики
По мосту, по росту,
По Божіей росѣ
По поповой полосѣ.
Тамъ чашки, орѣшки,
Мёдокъ, сахарокъ,
Поди вонъ,
Родивонъ.

Пе́врой данъ,
Дру́гой данъ,
На колодѣ колоданъ,
Пятьсотъ судей,
Подомарь дудей,
Огрофена кошка,
Голубина ношка,
Прѣла, горѣла
По за́ море летѣла.
Стукъ и громъ,
Стёкла вонъ.

Когда эти пѣсни читаются, всѣ играющіе стоятъ въ кругу, при чемъ, выговаривая каждое слово, читающій показываетъ на каждаго поочередно, на кого приходится послѣднее слово: «Родивонъ» или же «вонъ», тотъ выходитъ изъ круга. Потомъ то же самое читаютъ опять; и такъ дѣлаютъ, пока не выйдутъ всѣ, кромѣ одного (послѣдняго); послѣ этого уже начинается самая игра. Тотъ, который не вышелъ, ловитъ другихъ, или же ищетъ, гдѣ они схоронились, если играютъ въ «короняки».

Разные пріемы при пляскѣ называются колѣнами.

Прозванія, даваемыя крестьянами по физическимъ или нравственнымъ особенностямъ человѣка: хватъ, рёва, скупердяй, скоморохъ, баюнъ, глотъ, шатунъ, фефёла, маряпа, клипа, розпия; пащенокъ, пускленокъ, ростяпа. Прозванія, даваемыя другъ другу дѣтьми: шелемейтей, лобанъ (широкій лобъ), хлѣбной (бѣлый), христосикъ (смирный); лёса — кривы колёса; до-до (нѣмой), тала-ла (тоже нѣмой); Ѳедя медя — съѣлъ медвѣдя; медвѣжье ушко, сорога (вертоватый), пигалица, ворона.

Фразы съ особенностями.

Не чуть дома-ли дядюшка N? вм. дома-ли... Нахомутаетъ, нахомутаетъ, да потомъ и сплетаетъ. ...Ровно отъ ума отсталъ... Съ ума пятитъ (т. е. сходитъ). Не знать ѣшшо N... (т. е. не видать или же не слыхать). Глаза збросилъ (т. е. взбросилъ — поднялъ). Страхъ (или стрась) испугалась. Уморилъ насъ со смеху; умерли мы со смеху; вотъ уморушку-ту видѣли. Погоп до завтреа. Завтра всё ровпо денетъ гуляшшой.—«Сколько было и міру, ай батюшки!» — «Што впого?» — «вного». Нехто ёму велѣлъ. Экъ тебя не лёхкая-то принёсла. Послѣ-то за три до́рога не купить. Матушки свѣты! — удивленіе. А теѣ колькой годъ? Чай не снопы возишь? чай не овецъ ишшошъ? чай не по ягоды хопла? и т. д. — такія фразы, обыкновенно, употребляютъ крестьянки въ шутку, хотя и видятъ, что та, которой говорятъ дѣйствпгельно снопы возитъ или овецъ ищетъ. Чей ты? (или откудова ты́?) — Съ Дуткина. — Чей ты съ Дуткина-та? — «Послѣ Миколая» и т. п. Обѣ воды́ рѣшпые (т. е. въ этихъ, и въ тѣхъ ведрахъ вода рѣчная). Дѣти, когда схоронятъ у кого-либо что-нибудь, обыкновенно, говорятъ на распѣвъ: матица, матица, ковданебудь хватишса, хватишса. Воровка, воровка — прококана головка—также поютъ, когда разругаются между собою. Употребляются слова: сто-ко; дава-ко и да-ко; ну-ко; вали-ко; посрушнѣе. Затѣмъ, вм. соскучились говорятъ соскушшились; вм. тепло —теплеть; вм. стрекоза — кобылка. Созвѣздіе «Большая Медвѣдица» называется лось. Повелит. накл. 2 л. ед. ч. отъ глагола лечь — лякъ. Вм. тлѣется — тлитца; вм. ко взяткѣ иногда говорятъ ко взятку.

Пѣсни народныя.

Ахъ ты мташка, финарейка,
Востѣшай горё мое,
Моё горё всѣмъ извѣсно:

Милъ уѣхалъ отъ меня,
Милъ уѣхалъ, не простился,
Забылъ думать обо мнѣ.
Отворю я клѣтки двери,
Мташку выпушшу гулять;
Накажу я этой мташкѣ
Два словечка потайны́:
Слётай къ милому дружку
Сять (т вм. д) на я́блоньку кудряву,
И на вѣтку зелену,
Пропой пѣсню,
Пропой нову
О жись (т. е. жизнь) горькую мою.

* * *

Не повѣрилъ отецъ сыну,
Што на свѣтѣ любовь есь;
Отвёрнулса сынъ, заплакалъ.
Шёлъ онъ садикомъ зелёнымъ
И дорожкой столбовой;
Вынялъ саблю, вынялъ востру,
Себѣ голову срубилъ;
Ево буйная головка
Покатилась (ъ вм. ь) по травѣ;
Ево шшоцки румяны́е,
Ево письма дорогіе
Прямо къ Сашенькѣ летятъ.
Саша письма тѣ читала
Со слезами горькими;
Дѣ (т. е. гдѣ) читала,
Тутъ и пала:
Съ милымъ коньчилась (ъ вм. ь) любовь.
Милъ женилсъ, перемѣнилсъ,
Не по мыслѣ жону взялъ,

Не по мыслѣ, не по мравѣ,
Не по серцу (пропуск. д) своему́.

* * *

Охъ родимой мой отецъ,
Ты сердешна моя мать,
Охъ меня-та, молодую
Вы не ставьте подъ вѣнецъ:
Попзвяну, какъ цвѣточикъ,
И поблекну, какъ трава,
Всѣ чужіе не родные (или незнакомы)
На́што жись мою лишили,
Нашто выдали меня.
Какъ по чужой-то-ли свѣтлицѣ
Какъ-то о́пасно ходить,
И на кажну половицу
Какъ-бы прычче неступить.

* * *

У насъ въ горенкѣ хрустальной полъ,
Камешки-то виноградные,
У насъ дѣфки пенаглядные,
Молодцы-то кудреватые.
Одинъ молодецъ побаще всѣхъ:
Нарядился въ сѣру козоньку,
Вотъ пошла коза вдоль улицы гулять,
Она стукнула копыццамъ о бревно;
Погляи родима мамонька въ окно,
Што у насъ тамъ за диковинка,
Подъ окошкомъ сѣра козонька.

* * *

Прощай, радость жись ты моя,
Ой, слышу, ѣдешъ отъ меня.
Ой намъ должно разстаться,
Мнѣ васъ больше не видать.

Тёмна ноченька, не спитца,
Сама не знаю, почему;
Сама я дѣвица ёму сказала;
За мною мальчикъ не гонисъ (ъ вм. ь).
Если погонишься же ты за мной,
Потеряешь свой спокой;
Ой, буду я помнить ваши взоры,
Вашъ весёлый разговоръ.
Мы одинъ денекъ прекрасный
Шли съ гулянья вмѣстѣ съ нимъ,
На желтой песокъ садились
Противъ свѣжія воды...

(Сообщеніе К. Цвѣткова).

---

57. *Симбирской* губерніи, *Буинскаго* уѣзда, село *Ембулатово*.

Авторъ сообщенія — учитель с. Ембулатова, уроженецъ с. Чилѝмъ Буинскаго уѣзда, образованіе получилъ въ Симбирской духовной семинаріи.

О возникновеніи села Ембулатова записей нигдѣ не имѣется. Передаютъ въ краткихъ чертахъ старожилы однако то, что здѣсь въ глубокой древности жили три брата — татарина — Була́тъ, Тумба́й и Мукуръ, отъ которыхъ и образовались три селенія: Ембулатово, Тимба́ево — деревня и Мо́края Савале́евка — деревня чувашская. Но какъ и откуда попали сюда русскіе, никто того сказать не можетъ.

Край здѣсь чисто инородческій — чуваши и татары, и близокъ онъ къ границѣ Казанской губерніи, а въ прошломъ — Казанскаго царства.

Передаютъ нѣкоторые здѣсь старики, что они перва-де были ясашники и назывались ясашными крестьянами. Въ архивѣ мѣстнаго волостного Тимбаевскаго правленія нѣтъ указаній на то,

чтобы мѣстные крестьяне носили названіе—ясашные крестьяне, а они значатся (1818 г.) государственными.

Въ 1835 году эти государственные крестьяне, какъ равно и многіе другіе нашей Симбирской губерніи, обмѣнены съ количествомъ ихъ ревизскихъ душъ и угодій на крестьянъ удѣльныхъ, поступили въ Удѣльное Вѣдомство и стали называться удѣльными крестьянами.

Въ ревизію 1858 года здѣсь, въ Ембулатовѣ, было 422 души мужескаго пола, вышло же на выкупъ въ 1861 году 420 душъ. Церковь была выстроена въ прошломъ столѣтіи, въ 1790-хъ годахъ (опредѣленнаго тоже по церковнымъ документамъ нѣтъ), а до этого времени селеніе было причислено къ церкви Ка́превской, выстроенной помѣщикомъ и по ветхости закрытой въ тѣхъ же 1790-хъ годахъ, на что есть письменныя доказательства.

До 1839 года здѣсь не было по всей округѣ ни одной школы. Мальчики учились у дьячковъ и у грамотныхъ солдатъ и солдатокъ (въ д. Тимбаевѣ учила полячка, жена солдата въ 1820-хъ годахъ). Удѣлъ—первый положилъ начало народнаго образованія. Съ 1-го августа 1839 года въ Ембулатовѣ открыто удѣльное училище для обученія мальчиковъ русскихъ и чувашъ—совмѣстно. Съ того времени и существуетъ училище, въ которомъ я состою учителемъ съ 23 сентября 1877 года.

До 1872 года, съ основанія училища неизвѣстно, сколько человѣкъ получили образованіе, но съ 1872 года до сего времени и съ учащимися сейчасъ получили образованіе 441 мальчикъ и 33 дѣвочки, а всего 474 человѣка. Большинство изъ нихъ приходится на село Ембулатово и деревню Тимбаево. Нужно сказать, что д. Тимбаево съ Ембулатовымъ составляютъ большое родство по многимъ отношеніямъ: обычаи, повѣрья, говоръ народа, привычки, манеры, самая жизнь,— все это не представляетъ никакой разности. Родились и родятся эти два селенія между собой сильно.

Съ основанія училища и до 1872 года, т. е. за 33 года, надо полагать, вышло обученныхъ грамотѣ, сообразно имѣющим-

ся даннымъ, около 660 человѣкъ, а всего съ основанія училища около 1125 человѣкъ. Въ обоихъ селеніяхъ душъ около 850. Въ общемъ чувашъ обучалось за это время не болѣе 6% въ годъ. Дворовъ въ обоихъ селеніяхъ около 450.

Общеніе мѣстныхъ жителей съ уѣзднымъ городомъ «Буинскимъ» (21 верста). Городъ Буинскъ — полурусскій, полутатарскій. Русскіе здѣсь — мѣщане, выходцы изъ сосѣднихъ селеній и вообще изъ здѣшней Симбирской губерніи. Говоръ Буинскихъ горожанъ особенностей не представляетъ, за исключеніемъ только того, что здѣсь меньшинство въ нѣкоторыхъ словахъ употребляетъ букву *ш* вмѣсто *с*, напр. вмѣсто послушай говорятъ пошлушай; постой—поштой, посватали—пошватали и проч.

Я родился въ Буинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Чилимѣ; росъ въ немъ до 22-хъ лѣтъ, а съ 1870 года состою учителемъ въ томъ же уѣздѣ.

— Образованіе получилъ въ Симбирской духовной семинаріи, въ 1870 году уволенъ изъ философіи и съ того времени учительствую.

Гласные. § 1. Говорятъ: Оксинья, Ондрей, Онтонъ, Оспиъ, Онисья, Олёна, Офоня, Онисимъ, Олёша, Лексѣй. На *о* не говорятъ, напр.: батюшко..., дитятко произносятъ: дититка; батинька. Никогда не говорятъ, напр.: стоканъ, говорятъ: стаканъ, баранъ, но алтарь — произносятъ: олтарь, ялтарь; въ илтарѣ; вмѣсто тарелки говорятъ: торелки, вмѣсто танцы говорятъ: тонцы, хотя больше слышно танцуютъ, а не тонцуютъ; корета, конатъ — слова мало употребительныя. Говорятъ: рызговоръ, рызбирать, рызвозить, рызставлять, рыздѣлять, рызносить и проч. Здѣсь, можно сказать, слышится не чистое *ы*, но нѣчто только похожее на этотъ звукъ, такъ что слышится не то *ы*, не то *э*, не то *а* или *о*. Въ словахъ: росчетъ, роспахивать, робота, роботникъ, розыгрывать, розматывать, роспутывать, ростаптывать, розламывать—слышится чистое *о*, тогда какъ въ прошедш. врем. нѣкоторыя изъ этихъ словъ теряютъ *о* и оно переходитъ въ *ы*,

напр.: рызыгралъ, рызмоталъ, рыстопталъ, рызломилъ. § 2. Говорятъ чисто: ты пла́тишь, онъ пла́титъ; ты ка́тишь, онъ ка́титъ. § 3. Не говорятъ: замороживать, а замораживать, зарабатывать, унаважывать, уничтожать. Но говорятъ: подзадоривать. § 4. Говорятъ: раждаться, полагать, таварищъ, манахъ, манашка; мынастырь, пынамарь. Салдатъ; салдаты; сылодовня; сыловая лошадь, сыстояніе, сывокупно. Говорятъ: слыбода, мыстовая, хырошо, зылотой. Корабль говорятъ: корабель и карабель, подобно сему: рубель, нояберь, декаберь. Говорятъ: кокушка куковала; тыварохъ. Говорятъ: добрыва здоровья, худова человѣка, сленова нищыва, смѣлыва, сильныва, ретивыва, бодрыва и проч. На *а* не говорятъ, напр.: вада, вясна, а говорятъ: вода, вёсна. § 5. *У* вмѣсто *о* никакъ и нигдѣ не слышится, кромѣ единственнаго здѣсь слова: Микулай, вмѣсто Миколай или Николай. Въ словахъ «огурцы, окунись» слышится не то *о*, не то *ы*, не то *э*; говорятъ: ыгурцы, ыкунись, а равно: ытыми, ытнеси, ытопри, ыторви и проч. § 6. Вм. Елена говорится: Олёна, робенокъ, робяты, топерь, топерьча или топерича; доржать, доржи, доржите, задоржали и задержали; севодни и севодня. Вмѣсто *ё* не говорятъ *о*; не говорятъ и *о* вмѣсто *е*; денышко такъ и называютъ: дёнышко, а «одонье» и слова здѣсь нѣтъ такого. § 7. Слышно: лёвъ, нёбо, хрёстъ, подёнщики. Плеть, плётка, плесть, сплёлъ; смети, смёлъ; слети, слётаю и т. д. § 8. Говорятъ: бёру́, вёду́, вёсна́, слёза́, сёло́, ёрша́, отвёрну́ть и проч. Но въ словахъ: держа́ть, вершо́къ, лежа́ть — *е* не переходитъ въ *ё* нигдѣ, т. е. ни при какихъ измѣненіяхъ окончаній этихъ словъ, кромѣ слова: «лёжа», отъ слова «лежать»; здѣсь *е* переходитъ въ *ё*. Но при всемъ этомъ напр. слова: бёру, вёду, нёсу, вылётаю въ другихъ наклоненіяхъ, наприм. въ повелительномъ—уже теряютъ *ё*, т. е. собственно имѣютъ *е*, говорятъ: берп, веди, неси, вылети; «вылётай» однако остается—*ё*. Равнымъ образомъ не говорятъ: вёснѣ, дёри, а говорятъ: веснѣ, дери́, селѣ, лежи́, ведрѣ (посуда—вёдро́, но ведренное время — вёдро — удерживаетъ *ё*, напр.: «въ вёдрѣ мы видимъ больше пользы, чѣмъ въ ненастьѣ»). Здѣсь

можно встрѣтить массу разнообразій, напр. «верьхъ, берикъ, мастиръ, озпро, умпръ, погрибъ, ястрибъ, восимь», такъ что никакого *е* уже и не слышится, тогда какъ въ другихъ словахъ, напротивъ, слышится весьма ясно, напр., смотрителемъ, зятемъ, гоголемъ, родителей, деревней, дѣвицей, Оксиньей и т. п. Здѣсь *е* удерживается, но не переходитъ нигдѣ, никакъ и никогда въ *ё*, за исключеніемъ слова — «саблёй», гдѣ почему то *е* переходитъ въ *ё*, но слышно и са́блей.— Мо́рё, по́лё, блю́дцё, ходи́тё, про́ситсё — никогда не говорится. § 9. Говорится чисто: же́мчугъ, же́чь, женихи́, насо́жено, поло́жено; измѣняется: шылуха, чашыкъ, машытъ, напишимъ; переходитъ *е* въ *о*: жона, жолтый, жоскый; оттуда: жонатый, и напротивъ: жылтоватый, жысковатый, напр.: жилтоватое пятнышко; жисковатая вода. § 10. Говорятъ правильно: бесѣда, врѣзывать, свѣтлый (свѣтло́), хрѣпъ, цѣлый, трезвый, креслы, мелочь, мелкій; слышится рѣдко: сусѣдъ; всегда: вёшка и измѣненно: ведпръ. Говорятъ: вёдро́, цвёло́, хлёба́ть, гнёзда́, цолуптъ, цолуй, пёсо́къ, пёту́хъ. Въ сосѣдней деревнѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ села Ембулатова, Недремаевкѣ—говорятъ: писки, на пискахъ, писокъ, бпжалъ, лижалъ, Ликсандръ и пр. Но при всемъ томъ этотъ говоръ не вліяетъ на нашъ, а напротивъ становится посмѣшищемъ, вслѣдствіе чего говоръ этотъ почти теряется. Теряется онъ больше всего чрезъ школу и чрезъ свойственныя родства. § 11. Во всѣхъ означенныхъ словахъ говорится *ё*, но никакъ не *е*, кромѣ: «перышко» и вмѣсто еще — говорятъ «ищо». § 12. Жапихъ, жолѣзо, здравствуйтя, четыря — никогда не говорятъ. «Скорѣя» говорятъ, а равно: живѣя, быстрѣя, смѣлѣя, свѣжѣя и проч. — Говорятъ: запрёгъ, головяшка и головёшка, кресло, словесно, колёсный, трясъ, легкый; затесывать, пощолкывать. § 13. Говорятъ: машитъ, будитъ, ѣдитъ, бываитъ; вѣтиръ, лебидь и проч. Говорятъ: спрёда, бпрежёкъ, но не «берёжекъ»; сиредина, но «серёдышъ»; въ середній *и* опять переходитъ въ *е*.—Либедка, рибята, тичётъ, спстра, мижа и проч. говорятъ Недремаевцы. — Говорятъ: несёти, кладётп, дерётпсь, встаётп, поётп, пьётп, идётп и проч. —

Говорятъ: дайти, просити, несити, смотрити и проч., вообще— на *и*.— Вмѣсто: «очень» — говорятъ: очинь. § 14. Не слышно, чтобъ *и* переходило весьма рѣзко и всюду въ *йи* или въ *ы*. «Мои» говорятъ повидимому правильно, развѣ нѣсколько мягко, особенно же это слышно отъ дѣтей, которыя произносятъ: моы́, но далѣе при обученіи мягкость теряется и слышится — «мои», моихъ, моимъ, твои, твоихъ, твоимъ. (Иное дѣло при звукѣ *э*; здѣсь ужъ ясно всегда слышится *йэ*, даже *йе* или *ье*, наприм.: ьéто, ьéта, вмѣсто это, эта). § 15. Ресовать не говорятъ, но «ресуетъ» слышится; иногда — «смерный», мундеръ, отпиръ, но въ другихъ приведенныхъ словахъ *е* не слышится. § 16. Всѣ эти слова и подобныя имъ произносятся правильно: крикъ, товарищъ, скрипка, грибъ, крыло, корысть; графинъ; Владимиръ. § 17. Не слышно, чтобъ *ы* переходило въ *о*; говорятъ: барыня, рыхлый и проч.—Слова: красную дѣвицу произносятъ: краснаю дѣвицу, т. е. нѣчто подобное *ы*, равно также: милыго, бѣлаго или бѣлыго; но только вообще *о* не слышится. — «Глыбоко», глыбако слышится. — Слова палуба здѣсь не знаютъ. Пазуха скажутъ: пазыха, т. е. среднее между *у* и *ы*, но ближе къ *у*. § 18. Говорятъ: бытто вмѣсто будто, глыбко вмѣсто глубко, но иначе не говорятъ. § 19. Говорятъ: крѣпкай, пѣгай, русскай, царскай, Симбирскай, Буинскай, земскай, понукывать, подтягывать, опахивать. § 20. Ни *е*, ни *ъ* никакъ не переходятъ въ *и*, напр.: лепёшка, лѣстовки, вѣра, веренпца, сѣра; сѣни, мѣлъ, мельница, цѣлъ, цѣль. — Бываютъ дѣйствительно измѣненія въ нѣкоторыхъ словахъ, напр. говорятъ: спрёбро вмѣсто серебро; спрёда вмѣсто середа, также: спредина, хотя въ другомъ случаѣ скажутъ: серёбряный, въ сёриду, въ серёдней. § 21. Никогда такъ не произносится, говорится правильно: хлѣбъ, грѣхъ, согрѣлъ, сгорѣлъ. Не говорится такъ, а говорится: лѣто, дѣло, сгорѣла, сидѣла. Слышится: спмена, мпнять, но не скажутъ: у миня мало спмянъ или: мпнка на мпнка..., а скажутъ: «у миня мало сѣмянъ»; «мѣнка на мѣнка, полтинку барышка».— Говорится такъ: въ болоти, въ поли, вмѣсти, а по другому не слышно.

Говорятся: посли и даже опóсли, послѝ и опослѝ. § 22. Говорятъ правильно: сѣсть, сѣла, бѣлѣетъ; осырѣть; видѣлъ, смотрѣлъ; смѣлѣя, быстрѣя, хитрѣя, скорѣя и проч. Скорѣя слышится вѣрнѣе — скорѣй, напр.: «бѣги скорѣй!» Если же переставить слова, то скажутъ: «скорѣя бѣги!» — Говорятъ: застрялъ, но никакъ не застрѣлъ, а равно — застряли, напр. «что-то долго тамъ они застряли». § 23. Иногда *е* переходитъ въ *и*, но никакъ не въ *я*, напр.: питьдесятъ, запиръ, запиртый, запирто. Вообще нѣтъ того, чтобы *е* переходило въ *я*.—Вмѣсто боятся, испугался, бросился, вцѣпился, обмолвился, говорятъ: боятца, испугалса, бросилса, вцѣпилса, обмолвилса и т. п. § 24. Говорятъ у насъ прилагательныя такъ: добрый, желѣзный, старый, синій или синяй, овечій или овечый, весенній или вёшній, послѣднее въ бо̀льшемъ употребленіи.— Слышится: добрай, синяй, зимняй, лѣтняй, краснай, опаснай, чудеснай и проч. — «Въ падучей болѣзни» здѣсь скажутъ: «Въ падучій или въ падучый болѣзни». «Въ тёкучій или въ тёкучай водѣ». — Скажутъ: Тимофей, Матвѣй, Лексѣй. § 25. Говорятъ: думашъ, знашъ, дѣлашъ; пропадатъ, считатъ, бывать; вздумамъ, дергамъ, играмъ; послушашь, дѣлашь, знатъ.— «Батъ» не говорятъ, а говорятъ: «баптъ», баишь. — Скажутъ не хозяева, а хозявы. § 26. Говорятъ: умѣшь, имѣитъ, разумѣтъ и разумѣитъ, копѣкъ и копѣикъ. § 27. Слышится всегда: пымать, пыграть; примать, вынать и выпимать.— Скажутъ: кто ето? но не кто й то? Скажутъ: поѣхалъ, но не пэхалъ. «Кто ето поѣхалъ? — Земскай начальникъ поѣхалъ примать салдатъ».— «Онъ ресуитъ не хужи ково другова; онъ умѣитъ рисовать и читатъ въ церькви часы». § 28. Говорятъ: Лексѣй, Лёксандра (и мужчина и женщина — одно и то же); говорятъ: мяпины, мяпинникъ. Спугался не говорятъ, а говорятъ: испугалса. Говорятъ: окылъ или окаль или же окыла, напр., «окылъ Петрова дня». «Окаль маслицы». «Окала шабра». Такъ никогда не выражаются, а скажутъ: видѣла, или видила, хотѣть, у миня; мóю, мóптъ. § 29. Говорятъ нѣкоторыя слова съ приставной гласной, напр.: овторникъ, оржаной, «ор-

жаненькай хлѣбицъ», омшаникъ. — Мати не говорятъ, а говорятъ чисто: мать, дочъ, дать, играть, водить и проч.— Говорятъ: серьпъ, верьхъ, четвергъ, четверть, столбъ и проч.—Говорятъ: лба, рта; уроки и урки двояко. Скажутъ: «Выши лба ушы ни ростутъ», или «Онъ мимо рта лошку не пронесётъ». § 30. Протяжно не говорятъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій. Растяжимость звуковъ встрѣчается при выраженіяхъ удивленія, радости, скорби, напр.: «Аааа вонъ што». Ээээ! Оооо! или: нуууу что ты присталъ ко мнѣ?» уйдии!».

Согласныя. § 31. Въ обыкновенномъ разговорѣ здѣсь слово — рóга скажутъ латинскимъ акцентомъ póga, какъ равно говорятъ: gусь, góродъ, ogopóтъ, pogá, но — добраго или добрago здоровья не скажутъ, а скажутъ: добрыва здоровья; слепова нищива и проч. § 32. Не говорятъ — ковда, товда, а говорятъ: когда, тогда и проч., но никакъ не толда или толды, колды или коўды, тоўды. — Господь слышится Господь, но не Восподь, а равно и Высударь не говорятъ, а говорятъ: Гысударь, Гысударыня. — Говорятъ: телѣкъ, рокъ, сапокъ, но *х* не слышится на концѣ.—Говорятъ: шакъ, дёгать или съ латинскимъ акц. дёgать. — Говорятъ чисто: брюква, морковь. — Говорятъ: мяхкай, лехкай. — Послѣ *г, к, х* нѣтъ *ы* нигдѣ. § 34. Вмѣсто ка, ку, ко не говорятъ кя, кю, кё.— Трахмалъ говорятъ. § 35. Андель не говорятъ, а говорятъ ангплъ. § 37. Говорятъ: къ царю и хъ царю; къ попу и хъ попу; хъ кузнецу же обязательно, равнымъ образомъ: хъ кучи или хъ кучкѣ, хъ куму. Въ частности напримѣръ къ пастуху, къ трубѣ, хъ котлу, къ часамъ, къ церкви, а напр. къ дому говорится латинскимъ акцентомъ g — дому, также: g — дубу, g — дереву, g — баби, g — желѣзу, g — женщини, g — зимѣ, g — замку, къ портному.— § 38. Такихъ выраженій здѣсь нѣтъ, а говорятъ правильно: въ гости, почти или пошти напр. «пошти што по пыясъ увясъ въ снѣгу». Говорятъ длинный, дѣвочка. § 39. Говорятъ: свадьба, усадьба, но вмѣсто глядп говорятъ: гляп, гляка — глякась.

§ 36. Ц вм. т не употребляется и вездѣ одинаково, безъ смягченія. § 37. Говорятъ: къ царю и хъ царю; къ попу и хъ попу; хъ кузнецу же обязательно, равнымъ образомъ: хъ кучи или хъ кучѣ навозу, хъ куму. Въ частности, напримѣръ, «къ пастуху, къ трубѣ, хъ котлу, къ часамъ, къ церкви», а напр. къ дому говорится латинскимъ акцентомъ *g*—дому, также: *g*—дубу, *g*—дереву, *g*—баби, *g*—желѣзу, *g*—женщини, *g*—зимѣ, *g*—замку. Фъ попу, въ дереву—не скажутъ. § 38. Такихъ выраженій здѣсь нѣтъ, а говорятъ правильно: въ гости, почти или пошти, напр.: «пошти што по пыясъ увясъ въ снѣгу». § 39. Говорятъ: свадьба, усадьба, но вмѣсто гляди говорятъ: гляи, гляка—глякась. § 41. Дружья слышно, но жмѣя, шабля, шкорлупа и скура никогда не скажутъ за исключеніемъ нѣмыхъ или шепелеватыхъ. § 42. Говорятъ ясно: цыпленокъ, улицы, концы, царь, кольца́, курица. Послѣ *ц* вообще произносятся у насъ *о*, *а*, *у*, *ы*, т. е. очень твердо.—Вмѣсто *ц* не слышится никогда *с*, а равно вмѣсто *ц* не произносится *к*. Но *т* слышится вмѣсто *ц*, напр. тьвѣты, тьвѣтъ, тьвѣтетъ; *ть*, т. е. мягко. § 43. *Ч* вмѣсто *ц* никакъ не произносится, а равно и обратно тоже.—Вообще звукъ *ц* здѣсь безъ всякой подмѣси другихъ звуковъ и созвучій, говорится чисто и твердо во всѣхъ видахъ его звукосліянія. § 44. Говорятъ: шыть, шыло, жыръ, кожы. Вообще послѣ буквъ *ж*, *ш* произносятся *о*, *а*, *у*, *ы*, но не *и*, *е*, *ю*, *я*.—Вмѣсто *ж*—*з* никогда не слышится.—Вмѣсто *ж*—*ш* никогда не произносится.—Вмѣсто *ш*—*с* никогда не произносится.—*Ж* никогда не выпадаетъ и не теряется въ словахъ.—Вмѣсто *ж*—*жд*—не произносится. Здѣсь говорятъ: рогожа, желѣзо, можно, шалашъ, молошный, може, кажетца, онъ можетъ, урожай. § 45. Буква *ч* въ нашемъ селѣ и вообще въ нашей мѣстности произносится болѣе твердо, чѣмъ мягко, т. е. какъ будто бы она всегда сливается только съ однѣми твердыми гласными—*о*, *а*, *у*, *ы* и *ъ*, но никакъ не съ мягкими *и*, *е*, *ю*, *я* и *ь*.—Чистый и чыстый, чинъ и чынъ произносятся одинаково, твердо, т. е. съ звукомъ *ы*: чынъ, чыстый, чытать.—Говорятъ не что, а што и

никакъ не иначе, напр. што, или штё, или шшо, или чо. — Сочный и говорятъ — сочный, но въ словѣ вѣчный, слышится вѣшный въ рѣдкихъ случаяхъ.—Чихни говорятъ чихни, но слово—чи́кни, т. е. ударь тихонько, говорятъ: чкни́ его, или: «онъ такъ его чкнулъ, что тотъ съ нокъ свалился». § 46. Буква *щ* произносится, какъ *шч* и произносится очень твердо, напр. еще выговаривается ищо, но никакъ не по другому. Вещъ и произносится вещъ. — Произносится: вожжа, дрожжы, съѣжжатца. Жечь произносятъ: жжотъ и ждётъ; а равно и ждётъ тоже говорится жжотъ и ждетъ; «подожжы меня»; онъ подожжотъ тебя или подождетъ тебя (огнёмъ).— Вмѣсто годишься говорятъ: годисса или даже — годисца, напр. «ты никуда негодисса или негодисца; ты куда собирасса или собирасца» и проч. — Вмѣсто дѣлается говорятъ: дѣлаетца, остаюсъ вмѣсто остаюся; учусъ вмѣсто учуся; ударилса. § 47. Говорятъ чисто: берлога; сапоги, царапать, птица, пчола, обмануть, взя́вши и взямши, напи́вшисъ и напи́мшисъ, многа. — Говорятъ: скрось, слобода, слободно, тревожить, куфшинъ, вскусный и скусный.—Говорятъ: въ водѣ, въ воду, въ тѣни, въ лугахъ. § 48. Говорятъ чисто: деревня, дровни, дешевле, дѣфка, внукъ и мнукъ, вдова, вдовецъ, владѣлецъ; у нёво, научитъ. — Говорятъ: дѣушка вмѣсто дѣвушка; баушка вмѣсто бабушка, Саушка; — говорятъ чисто: у́хо или у́ха, ухватъ, ухватился, ушолъ или ухря́лъ (то же, что ушелъ). § 49. Говорятъ: пролупь, вмѣсто прорубь; или даже вѣрнѣе: пролынь.—Говорятъ: кухольный, Микола, Нефёдъ, какъ исключеніе, а прочія слова говорятъ правильно: пристань, комната, священникъ и проч. § 50. Говорятъ маненька, поманеньку, шкатунка, но прочія слова говорятъ вѣрно: колокольня, Львовъ, больной.—Лошка, была говорятъ правильно и примѣси никакой не дѣлается и измѣненія тоже.—Говорятъ чисто: долго́, до́лга, ползать, долбить, ходилъ, былъ, бралъ. § 51. Говорятъ чисто: ладно, одна, сукно, обманъ. — Выпаденія нѣтъ: замкнулъ, толкнулъ, застёгнулъ, вскипѣть, пташка, трость, шесть, Пётръ. Вскипѣть говорятъ больше безъ *в*, а просто скипѣть, напр. «я дала скипѣть три

раза и запустила лапшу. Когда лапша скипѣла...». § 52. Говорятъ ясно: ротъ (родъ), сутъ (судъ), гропъ (гробъ), корофъ (коровъ), морось (морозъ), хлѣпъ (хлѣбъ) и проч.—рокъ, друкъ, а не рогъ и другъ. § 53. Говорятъ: крофь, любофь, семь, пролупь, голупь; идётъ, идутъ.—Говорятъ: лафьки, шапьки, трафьки, юпьки, дѣфьки; вообще говорятъ мягко, но не твердо. — Скажутъ: серьпъ, верьхъ, зерькало, церьковь или церькифь.— Скажутъ: дворьникъ, горьница, горьлица, корьмилица и проч. мягко. — Харчевня такъ и скажутъ, но не харьчевня. Молепствіе говорятъ, а далѣе: хлѣбникъ, лѣчебница, деревня, купца, рупь. Въ сосѣдней деревнѣ Тимбаевѣ говорятъ вмѣсто рубль—рубель, корабль — корабель, ноябрь — нояберь, декабрь — декаберь. — Говорятъ: скотникъ, родникъ, бѣдствіе или бѣтствіе, вѣрнѣе ротственникъ, вслѣтствіе и проч.— Говорится: сдѣшнай, прежняй, подснѣжникъ, грѣшникъ, вообще — твердо. — Говорится: лехче и лекши, даже лекшы. «Она лекшы меня». «Онъ лехче его».— Говорится: барскай, женскай, царскай, деревенскай и проч. — Приведенныя мной слова и выраженія здѣшняго говора, повидимому, ясно указываютъ на то, какимъ здѣсь говорятъ нарѣчіемъ или вообще языкомъ. Особаго рода измѣненій, не предусмотрѣнныхъ программой, я здѣсь не нахожу, а вижу напротивъ, что программой предусмотрѣно болѣе, чѣмъ я могъ бы сдѣлать подборомъ словъ лично отъ себя. Припоминаются, правда, нѣкоторыя слова съ особенностями, но думаю, что они, какъ и многія другія, едва ли составятъ нужное для науки и для вообще изслѣдованія русской рѣчи. Напр. сумасшедшій говорятъ: сымошедчай, зорьникъ, (восейка, намеднись, голомя), опоздалъ, позда, наймывать, принанять, пыжжай, сперва, опосля́, недосу́къ, встрѣлило (пришло на умъ) спирнача́ла, сызна́, снайзнова (т. е. сначала), всюпошна, папафи́да, моле́бница (молебенъ), хлѣбницу вм. хлѣбца, кстины (крестины), кстить (крестить), ого́ривалъ (устроилъ, сдѣлалъ), здоровкалась (здоровалась), пѣтьё (пѣніе), святьё (иконы).

Ударепіе. § 54. Колоко́лъ, звѣря́ и зве́ря. О́тставка и от-

ста́вка, по́ставка, питьё, питьи, житьё, житьи, средства́ и сре́дства́, братья́, де́ньга и деньга́, дешевизна́ и дешеви́зна, въ рѣку́ и въ рѣ́ку, сви́нью, ика́ть, и́четъ, по́звалъ и позва́лъ, со́бралъ и собра́лъ, ка́жинный, и́дутъ и иду́тъ, кувы́рнуться и кувырну́ться, взямши́сь, глы́боко, не́ билъ, три́ года, два́ дни, по́дъ вечеръ, на́ зло. § 55. На-распѣвъ слова въ обыкновенномъ разговорѣ не говорятся, но въ исключительныхъ случаяхъ это бываетъ, напр. «Во.....тъ, Богъ дастъ, проживе....мъ, какъ небуть». Вообще многаго на этотъ разъ привести не могу, потому что растяжимость и пѣвучесть здѣсь рѣдкое явленіе, болѣе же всего рѣчь рѣзкая, отрывистая. Приводилъ я въ своемъ мѣстѣ растяжимость звуковъ при случаяхъ, но это не составляетъ повидимому общаго пѣвучаго разговора. Иногда вслѣдъ за пѣвучестью какой нибудь фразы сейчасъ же начинается совершенно обычный разговоръ, напр. «А ты на....ка». или «Не у....шта?» Нешта....? Разговоръ вобще рѣзкій, твердый. § 56. Различія между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ въ разговорѣ особеннаго не видно, кромѣ только того, что рѣчь дѣтей вообще вялая и съ достаточною растяжимостью звуковъ и всегда какая-то лѣнивая, безжизненная. Причиной этого служитъ, навѣрное, то, что съ дѣтьми родители и семьянные вообще мало занимаются, и предоставляютъ ихъ группѣ сверстниковъ, гдѣ и происходитъ ихъ первоначальное развитіе. Напр. въ школу дѣти поступаютъ всегда съ чрезвычайно скуднымъ запасомъ свѣдѣній. Неотрадны напр. тѣ факты, что дѣти небрежно даже крестятся и очень многія не знаютъ никакихъ молитвъ положительно. Это то и служитъ основаніемъ сказать, что дѣти растутъ здѣсь до школьнаго возраста безъ всякаго вниманія со стороны домашнихъ. Однако различія въ рѣчи дѣтей и старшихъ по возрасту нѣтъ и дѣтьми вполнѣ усваивается рѣчь своихъ сельчанъ неизмѣнимо. Рѣчь женщинъ нисколько не отличается отъ рѣчи мужчинъ, кромѣ того только, что она нѣсколько помягче, нѣжнѣе и не столь отрывиста, какъ у взрослыхъ мужчинъ.— Заимствованія изъ иной рѣчи здѣсь положительно неслышно.

Старые солдаты, служившіе въ былое время до 25 лѣтъ и послѣдующіе—до 15 лѣтъ—въ Польшѣ, въ Малороссіи и въ другихъ мѣстахъ Имперіи нашей, хотя и запасались нѣкоторыми фразами и даже акцентами, напр. малороссійскимъ или польскимъ, но сельчанамъ это ничуть не привилось. Напротивъ даже все чужое, иностранное здѣсь служитъ посмѣшищемъ, да и нетолько далёкое чужое, но и сосѣднее близкое не прививается нисколько. Скорѣе всего имѣетъ вліяніе на жесткость мѣстной рѣчи сосѣдство татаръ, съ которыми большинство здѣшнихъ людей имѣютъ соотношенія,— ходятъ по нимъ шить и выучиваются хорошо говорить по-татарски.

Склоненіе. § 58. Того году, съ потолку, безъ сну. Третьёго дни, къ Ильину дню. § 59. Кустá, приговорà, поясá. Бари, крестьяни. § 60. Пріятелевъ, ключовъ, ножовъ, рублёвъ, кирпичовъ. § 61. Свекровь говорятъ: свёкровь, мать, дочъ, барыня, сударыня, барышня, рошъ, церьква и церкивь.— Говорятъ: у сестрѣ; у телѣги, у женѣ, у снохѣ, у сохѣ, у боронѣ, у косѣ и проч.— А далѣе говорятъ вѣрно: изъ рѣки, отъ жёны, окаль или окыль головы, къ горѣ или хъ горѣ, хъ берёзи, къ водѣ, къ заутрини, къ зимѣ, по оби стороны, на горы, въ ызбы, на пятой верстѣ, на рѣкѣ.— Женою не говорятъ, а говорятъ женой, сестрой, косой, бороной и проч.— Скажутъ: съ бабай, за березай, за собакай, за коровай.— Скажутъ: силомъ заставили, силомъ прогнали, силомъ принудили. — Скажутъ: на лошадѐ и на ло́шади, на печки, въ грязѣ.— Говорятъ: тысцей, но не тысячей и тысячью, а тысцью. § 62. Податя́ говорятъ; озимя говорятъ, но не скажутъ: лошадя́, яблоня́, пустоша́; (скажутъ: хоро́ша и хороша́, здоро́ва и здорова́), полозья́ и поло́зьи и проч. § 63. Не скажутъ книговъ, а говорятъ: книгъ или кникъ, птицъ, палыкъ, чашикъ, ложикъ, овецъ, но вмѣсто свадьбъ скажутъ — свадьбей; углёвъ и углей.— Скажутъ: горючьми́ слёзми́ залился, но говорятъ и—горю́чими слёза́ми. Не скажутъ: ягодми, коровми.— Скажутъ: «теперь теплое время» и скажутъ: «теперь нѣтъ теп-

лаго время». Родительн. падежъ будетъ и такъ: «спустя немного времени или времини» или: «Имини не знатъ, какъ дать ёму». Родит. пад. мн. ч. сѣмянъ; имёнъ или имёвъ. «Имёвъ всякихъ многа». Время-же скажутъ — времёвъ, но ни какъ не подругому. § 64. Говорятъ: вороты, болоты, бревны, веслы, ведры, полѣньи, колѣны, гнѣзды. Говорятъ: мало полей, но слышно и полёвъ, напр. «много полёвъ, да мало толкóвъ». Скажутъ: пивовъ, полевъ, дѣловъ, мѣстовъ, но не слыхалъ, что бы сказали: тѣловъ и селовъ; говорятъ тѣлъ и сёлъ. § 65. Склоняется особенно трудно именно средній родъ именъ существительныхъ, прилагательныя въ этомъ родѣ и числительныя порядковыя. Напр. Ед. ч. им. п. ненастное время; род. ненастыва время или ненастыва времини; дат. ненастному времю; вин. ненастное время; твор. ненастнымъ временъ; предлож. о ненастнымъ и о ненастномъ времи. Множ. ч. им. ненастныи времена; род. ненастныхъ времевъ; дат. ненастнымъ время́мъ; вин. ненастныи время; твор. ненастными времями; предл. о ненастныхъ времяхъ.— Ед. число им. Первое Выскресенье; род. Первыва Выскресенья; дат. Первыму Выскресенью и проч. Мн. им. Первыи Выскресеньи; род. Первыхъ Выскресеньивъ и пр. § 66. Скажутъ: Тёмны ночи, дóбры молотцы; съ добрымъ отцомъ, съ бѣлымъ лицомъ. § 67. Скажутъ: не красную дѣвку, а краснаю или ближе — крáснаю дѣвку; синію полосу; бѣлаю корову, плисываю шубу. Но «желѣзная ось» скажутъ: желѣзную ось; мѣдную монету и мѣднаю. § 69. Говорятъ: Злыя и злыи люди; Ясныи дни, сильныи люди, топкіи мѣста — скажутъ: худыя, молодыя и молодыи, сухея, какея, чужыя, сырыя и проч. — Говорятъ: новыи вороты, сырыи мѣста, добрыи люди, сильныи лошади. § 70. Скажутъ: въ большомъ городѣ и въ большимъ городѣ, въ зеленымъ саду, въ прошлымъ году; скажутъ и въ худэмъ дѣлѣ, и въ другемъ мѣстѣ, въ другемъ дому, въ третьимъ пиреулки. Напр. «Въ середнимъ концѣ (улицы) многа выстраина новыхъ избывъ», т. е. *ывъ* можно почесть и за *авъ* и за *эвъ*, — неясно вообще, но ближе къ *ы*. Примѣры рѣчи: «Въ нашимъ плодовымъ саду нонишнимъ лѣ-

томъ яблыковъ было мала, потому шта весь тывѣтъ морозымъ побила. Вдобавыкъ тово сильныи вѣтра пошибли и то, што было. Завизи бы́ла многа, да толку ничово не вышла отъ этыва. На поляхъ дѣла другова рода; тамъ, слава Тѣ Госпади, все уродилась хырошо: рошъ была не прорѣзна, овсы, хоша и спутылисъ отъ вѣтра, а всё-таки дóжы вышли». § 72. Разныхъ говорятъ, но разныехъ не говорятъ; говорятъ и разныимъ, но не розныемъ, больше же слышится — розныхъ и рознымъ, напр. «Я видилъ множиство розныихъ вещей, рознымъ вещамъ и цѣны рознын».—Скажутъ: худыхъ, молодыхъ и молодыихъ, сырыхъ, гнилыхъ; горькихъ, чужихъ. § 73. Скажутъ: у тея, (теѣ и тѣ), у сея, у сеѣ. Но это въ рѣдкихъ случаяхъ, большею же частью слышится: у тебя, у себя и никакъ не по другому. § 76. Скажутъ иногда тоё вмѣсто то, напр. то какъ е или тоё какъ е. Однако это выраженіе не именительнаго над., а скорѣе винительнаго, напр. «Подай мнѣ тоё колотку (колодку, на которой плетутъ лапти); подай мнѣ тоё узду». § 77. Говорятъ: «Всеё недѣлю мы мылотили и всею недѣлю я пряла». По другому не скажутъ.— Говорятъ: однѣ, одиѣхъ, одиѣми, въ одномъ, въ одномъ, напр. «Въ одномъ мѣшкѣ и въ одиѣмъ мѣшкѣ и въ одномъ мѣшкѣ». Въ женскомъ родѣ: въ одноё избу всѣ згрузилисъ. § 78. Говорятъ: Моѣ, твоѣ, своѣ; моѣхъ, твоѣхъ, своѣхъ; мово, мому, сву. Примѣрно: «Моѣ лошади сытѣя твоѣхъ или моѣ снопы больши твоѣхъ. Я кормлю пока своѣмъ сѣномъ. Наконецъ-то онъ вёрнулса на сву сторону. Милому мому братцу нижающій поклонъ». Говорятъ: ихняй и ихній, напр. «Ихній домъ и ихняй садъ, ихня присадокъ». Но собственно ихняй слышится не такъ то ясно, а близко къ *яй*. § 79. Говорятъ: Обыя, обѣхъ, обѣмъ; двоихъ, двоимъ, двуми и двумя, тремя, больше же—трюми, напр. «трюми рублями тутъ ни обойдисца». Трюхъ говорятъ, но въ большинствѣ случаевъ безотносительно. Мнѣ, какъ учителю, много стоитъ трудовъ отучать отъ такихъ выраженій при бѣгломъ счетѣ умственномъ, напр. пять у меня ѐсть, сколько недостаетъ до восьми? Отв. трюхъ! Говорятъ: четырюхъ, пятюхъ и шестюхъ. Но четы-

рюмъ не говорятъ, а говорятъ четыремъ. § 80. Говорятъ: хлѣбатъ, ма́сла-та, каша-та, ба́бы-ти. Примѣры. «Хлѣбатъ нони дёшавъ, масла-то ни дорожи хлѣба. Каша-та у насъ но́ньчи все больши грячушна да полбина. Бабы-ти-бы пряли, кабы льну-ту многа уродилась ныньчи». Здѣсь однако слово—*кабы* говорится не чисто—кабы, а только близко или какъ среднее между кабы и кыбы. Скажутъ такъ: бабу-ту, парня-та, па́рню-ту. Напр. «Бабу-ту ты присылай, а парня-та оставь дома; парьню-ту нада учитца, итти въ училищу. Скажутъ и парьню-та нада учитца.—Обороты разные, напр. «Тотъ паринь годитца хыть куда. Та баба ни чово не стоитъ. Паринь-то онъ славный. Баба-та она ничово; или «паринь-ытъ онъ ничово, да...» или «мужикъ-атъ онъ хорошій» или «челѣкъ-атъ онъ славнай». Вообще здѣсь приставка эта слышится по разному, когда *ытъ*, когда *атъ*, но при всемъ томъ ни то ни другое: не чисто ытъ и атъ, а только близко. Въ связи съ этимъ нужно замѣтить, что если (по § 80) въ словахъ: «хлѣ́бъ-атъ, ма́сла-та» есть единств. число, то приставка выговаривается такъ, если же множеств. число, то приставка измѣняется, напр. «хлѣба́-ти, или скажутъ хлѣба-та; масла́-ти или масла-та. Напр. хлѣба́-ти ноньчи ладны были». «Масла-та ныньчи у всѣхъ. Хлѣба́-ти ныньчи были и масла́-ти у всякыва есть». § 81. Обними и обойми. § 82. Воить, наймовать, содержывать. Устраивать, уважывать, утраивать и утроивать, удваивать и удвоивать, просрочивать и просрачивать.

Спряженіе: § 85. Вмѣсто врешь не скажутъ врё здѣшніе крестьяне, но есть здѣсь переселенцы изъ Судогодскаго уѣзда, которые говорятъ: врё?... и притомъ ё растягиваютъ. Мѣстные же жители растянутъ ё, но все-таки скажутъ потомъ шь. Это выраженіе бываетъ при разсказахъ какихъ-нибудь диковинъ или небылицъ или же чего-нибудь невѣроятнаго или сомнительнаго, тогда въ видѣ нѣкотораго недовѣрія возражаютъ: врё—шь; такъ же произносятъ и нѣ—тъ. § 91. Скажутъ: розогнаны, розогнано,—розгонены, розгонено, накладено, заперто, но никакъ

не по другому. Напр. «Сколько нынче розгонено лошадей — страсть!» или: «Нынче всѣ лошади у насъ розгонены, ни одной дома нѣтъ». «Эхъ, сколька тутъ накладено добра-та!» — Между прочимъ нужно сказать, что — накла́дено не скажутъ, а скажутъ — накла́дно. § 92. Скажутъ: убёкъ, впрёкъ, запрёкъ, напр. «Куда онъ убёкъ? Запрёкъ-ли ты лошать-ту?» — «Запрёкъ». § 93. Говорятъ: уѣзжай, поѣзжай, ѣдь, уѣдь, заѣдь. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ употребляются только въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. «Уѣзжай скорѣя!» — «Поѣзжай, смотри, потиши», или «Мотри́, поѣзжай у меня тиши», даже точнѣе скажутъ это же такъ: «Мотри, у меня тиши пыжжай». Тиши ѣдь, а то восъ-та упадетъ. — Уѣдь-ка ты у миня далека-та, такъ узнашь... Заѣдь завтри ко мнѣ, я дома буду. — Говорятъ вмѣсто принеси — принёсай, вмѣсто смотрите — смотряйте, напр.: «Принесайте завтри, я посмотрю,» или: «Рябятишки, смотряйте у миня, безъ миня ни зорничьти.» § 95. Глаголъ «говорить». Третье лицо единств. ч. наст. вр. отъ гл. говорить вмѣсто говоритъ — гыртъ или гыритъ. Та пора — винит. над. ед. ч. въ ту́пыру считается за одно слово. Говорятъ: въ томѣсь (между тѣмъ) за одно слово. Равно: пиу́паръ или пиу́пыру — за одно слово.

Синтактическія особенности. § 100. Такъ выражаются: «Слава Богу, нынъчи довольно всякихъ животовъ у насъ. Есть добрыхъ людей въ свѣти многа. Всякава сброда есть середи народа». § 101. Говорятъ: «Онъ моложавъ изъ себя. Съ лица-та онъ не дуринъ. Онъ очинь красивъ изъ себя». § 103. Говорятъ всегда — ночесь, но не вночесь. Напр. «Ночесь, слышь, кража была». Ночесь пріѣхали гости, а нынъчи уѣхали. § 105. Говорятъ: Онъ пошолъ по грибы́; она пошла по малы́ну; они пошли по́ грузди. Скажутъ и онъ поѣхалъ для овса, если дѣйствительно поѣхалъ куда-нибудь покупать овесъ или узнать что-нибудь объ овсѣ. Но когда ужъ положительно выражается, что онъ поѣхалъ взять овесъ, то скажутъ — онъ поѣхалъ за овсомъ. «Поѣхали они въ деревню Недремаевку для коровы»,

даже скажутъ «нащётъ коровы», и наконецъ то и другое вмѣстѣ: «нащётъ для коровы». Опять таки и здѣсь такъ выразятся только тогда, когда дѣло еще не слажено, но буде слажено, тогда скажутъ прямо: «поѣхали за коровой». Но по коня, по кобылъ, по овецъ — никогда не скажутъ. § 107. Слово рынокъ здѣсь не употребляется, а знаютъ одно — базаръ. Скажутъ на базаръ, на пасху, на рождество. — Говорятъ всегда такъ: на троемъ уѣхали съ хлѣбомъ въ Буинскъ. § 108. Мима церквы, мима краулки, но скажутъ и мима лѣ́су, мима дому, возли до́му, возли горо́ду (огоро́да), возли или подли копны. § 109. Вмѣсто около говорятъ: подли, возли, окаль, окали. Онъ живетъ окали попа; онъ выстрапился окаль церквы. Слова — напротивъ, противъ говорятъ: напро́ть, насу́противъ, и наспроти́въ; проти́въ, спро́тивъ и проть. «Насупрать церквы, проть церквы». § 111. Скажутъ и такъ и сякъ: сюда пріѣхали трое купцовъ покупать свиней. Попались мнѣ двое разнощиковъ. Толь два торговца пріѣхали пыньчи на базаръ. Третьива дни мы послали письмо сыну. Пятеро несладютъ съ нимъ и пятпро не сладютъ съ нёво. § 112. Два хорошихъ мальчика—скажутъ. Три дюжихъ парьня. § 113. Скажутъ: два, три разъ; два рубли; три дни. Три дни мы молотили и вырабатали три рубли. Два дни была вьюга. § 119. Дѣепричастіе на учи слышится весьма рѣдко: Мы говорили съ пей объ этомъ идучи по грибы. Однако вмѣсто ѣдучи всегда скажутъ «ѣхамши». «Ѣхам-ши въ Симбирскъ, я заѣжжалъ къ свату, да ни засталъ ёво дома». — Закатившись не скажутъ, а скажутъ закатимшись, напр. Солнышко было ужъ закатимшись, какъ онъ вернулся изъ Буинскава. Не слыхалъ, чтобы сказали — отошедши обѣдиѣ, а скажутъ всегда: коли пща обѣдня ни тошла онъ пріѣхалъ. § 120. Говорятъ: ни́ што-бы ему было, т. е. пусть съ нимъ дѣлается то, что дѣлается. Напримѣръ, когда плачетъ вдругъ ребенокъ ни съ того ни съ сего, то скажутъ: ни што-бы тебѣ. Или скажутъ: «И... штыбы тѣ да́спади!», т. е. что ты тамъ раззѣвался. Но что здѣсь за слово «даспади» — не понимаю. Говорятъ: некто худова иры нёво не

скажитъ, но «некакой» — не говорятъ, а говорятъ «никакой». § 121. «Я тебѣ все раскажу только ты молчи́. Ну да куда ему съ нимъ тягатца? На ка ты, какой онъ. Онъ и говоритъ: приди-ди къ намъ, а мы ушъ потомъ къ тебѣ; или приди-ди перва ты къ намъ, а потомъ ушъ мы къ тебѣ. Такъ и скажи ёму: онъ мылъ (молъ) человѣкъ хорошій, надѣтца на нево можна. Какъ бишъ это называютъ? или какъ бишъ онъ эта дѣлалъ, забылъ. На-тика, куда пошли, да рай туды ходютъ? На-тика какея они бисшабашны! Нати вотъ — вамъ прислали гостиницъ или Нати ети цѣны-та, а намъ дайти другія. А ты гляди-ка што онъ надѣлалъ; или: А ты гляди кась, што онъ натворилъ дѣловъ-та, издивленье!! Онъ, баитъ, на всѣ руки мастиръ и грамыти, баитъ, знатъ.— Батъ никогда не скажутъ.— Особенностей въ согласованіи словъ, въ управленіи падежей и глаголовъ и проч. усмотрѣть не могу безъ особаго на этотъ предметъ конспекта; это— дѣло спеціалистовъ, а мнѣ представляется все обыкновеннымъ и болѣе или менѣе — правильнымъ.

Прибавленіе.

Кувыркну́лся, перелѣзъ, чирелѣ́зъ, напр. «Онъ чирелѣ́съ чирисъ плетень, пиркувыркну́лса и упалъ». «Нагонь ёво, дого́нь ёво...» «Нѣтъ, ухря́лъ таки ухря́лъ», т. е. убѣгъ или ушелъ. «Искали и тамъ и сямъ, такъ и не нашли, улизну́лъ», т. е. ушелъ. «Нога за ныгу ѣхали мы, а всетаки объ ста́дну по́ру пріѣхали». «Хыть и въ трусёнку мы ѣхали, а всетаки хырошо доѣхали, а сватъ Лёвонъ кавыля́лъ кавыля́лъ, такъ и не догналъ насъ. На́вскачъ ѣхали мы за нимъ, и только догонимъ, а онъ припу́ститъ опять, и дра́ла отъ насъ, такъ и ускака́лъ». — «Бѣжалъ онъ бѣжалъ, да на́взничь и упалъ, да дряга́тца, потомъ, какъ вско́читъ, и айда дра́ла стилеля́хывать спрышка́, такъ и удралъ». Вмѣсто упалъ говорятъ еще: — «гро́хъ на́ землю, да и на́чалъ дрягатца...». «Сынокъ! по́ть ко мнѣ», вм. поди, подойди.

Слово кушать не употребляется, а говорятъ: ѣсть, ешъ! жри, нае́лса, нажралса́, нало́пилса, натре́скилса, сдово́лилса. От-

сюда нѣкоторыя прилагательныя и существительныя: жа́дный, прожо́ра, а́лышный или алышнай, ненасыта; прожорливай — прожо́ра онъ не сусвѣ́тный, такихъ алышныхъ я и невидывалъ. Ми́лица, все жретъ, все мнетъ, подавай толька.—Къ виноцтію: — И надлохти́лса же онъ вчарась, не то шта, хыть вы́жми; ужъ и каплю́га, всѣ дворьи обѣгалъ, всё попрошайничылъ, не лѣзитъ, а все длохтитъ и такъ насоборывалса, што грязнѣ́ грязи сталъ, наси́лу до́ дыма доплёлса; здивле́нье, братицъ ты мой, а сёво́дни, какъ шальной, рыщытъ, да мала ушъ вѣрна пыпадатъ.

Глаголы: рѣзать, колоть. «Я вчарась закололъ свинью или барана. Говядина, соленина, свижина, харчъ. Порѣшъ-ка харчину-то, вотъ свѣжи́нки-та покромса́й мане́нька; свижина́ преотли́чная. Эшъ ты, сколька напаха́ла ми́хкывы-та, т. е. ситнаго.

Красть — сти́бзить, сти́бзилъ, слямзилъ, украпчилъ (вѣроятно, съ татарскаго отъ слова «кара́пъ»—воръ), збло́ндилъ, збла́говистилъ, т. е. стащилъ, укралъ; сти́снулъ—то же что укралъ, стащить, стащылъ.

Запиръ. Замкну́лъ, при́пиръ, замуравилъ, законопатился, т. е. кругомъ заперся.

Ла́исца, содо́мисца, сымото́шисца, руга́сца, брани́сца. «Што ты ска́лишъ зубы-то, т. е. смѣешься; ишъ ты заора́лъ, т. е. закричалъ или засмѣялся одно, и то же. Хо́лить, нѣ́жить, ми́ловать, балунтъ. Ѣшти, поешти, закусити; «а вы ѣшти, не брезгайти нашимъ хлѣбомъ и солью; мала ѣли, не безсу́тьти».

«Ишъ, какъ онъ горла́нитъ; эка пасть-то какая, какъ кадыкъ-то не раздерётъ. И што ора́ть-та-бы по медьвѣжьи-то? Цѣлу ночь горланили; ора́ли ни на што́ годна; все сёло пирполо́шили, а тамъ чай жо́ны-ти навзры́тъ объ нихъ пла́чутъ; на дивле́нье!..».

Животныя. Овца — бляе́тъ; свинья — хрючи́тъ, хрю́катъ, вижжи́тъ; кошка—мяучитъ, мяукаетъ; лошадь—ржотъ; корова —мычи́тъ; теленокъ—мичитъ; поросенькъ—вижжитъ, квячи́тъ, курица—куда́читъ; пётухъ—поетъ; цыпленокъ—цыкаетъ; утка—квачитъ; гусь—гагочитъ. Воробей—чиликатъ; соловей—поетъ; галка—кричитъ; ворона—каркатъ; пчела—жужжытъ: жукъ—

буньчитъ. Клушка—клохчитъ; курица — раститца (предъ снесеніемъ яйца), свинья—гнѣздитца (передъ родами). Лошадь—бережетца (передъ родами). Коку́шка—коку́етъ.

Прозванія, даваемыя другъ другу дѣтьми, имѣютъ преимущественно связь съ комплекціей дѣтей, т. е. съ ихъ ростомъ, тѣлосложеніемъ, съ характеромъ и разными недостатками, и повидимому,— очень остроумны, такъ напр. хрулёкъ, хрущъ, карась, бекре́ньчикъ, карликъ, кротъ, блоха, бубеньчикъ; по характерамъ: оса, морозъ, солодяшка, вареные пальцы, овсяная мякина; по прозваніямъ дома, по именамъ и разнымъ болѣзнямъ: Чиндара́, Уля́ка, хышъ-мышъ, Андрей-воробей, Иванъ-болванъ, Ми́тька свиная ти́тька; паршá, кокшá, слепы́шъ; употребляются и съ чувашскаго языка прозванія: бичéй, батькá, тухлá. Чтобы указать, насколько иногда характерны прозванья, приведу примѣръ: «Бекре́ньчикъ» — дано прозванье мальчику, низкому ростомъ, довольно толстенькому, походка развалистая, голову держитъ нѣсколько вверхъ и шапченку всегда на бокъ. «Овсяная мякина» присвоено мальчику слабой комплекціи, вялому, слабосильному, но между прочимъ бойкому на языкъ, лепетуну, но больше лепетуну́ безтолковому, — крикуну. «Чиндара́» и другія прозванія по прозваніямъ родителей, а равно и по именамъ, особенностей не представляютъ. Здѣсь для созвучія вставляются, какъ видно, прибавки, напр.: Андрей-воробей, Хышъ-мышъ, Иванъ-болванъ.

Говорятъ: «Какъ упасешъ», напр. хлѣбъ на корню отъ потравы, или про дѣтей такъ же выражаются: ей, родима, какъ ихъ упасёшъ, упасти нельзя. И за́чалъ онъ эта верьтетца и такъ и сякъ. Сустигать, оздоровѣть — не говорятъ.

— Есть между прочимъ характерныя выраженія, напр.: сути́ски (вечеръ предъ вздутіемъ огней), пи́кать (глухая полночь). «Въ сути́ски ти я высплюсъ, а въ пи́кать-ту всё пряду-да пряду, ворамъ-та притти-та и недаю».

(Сообщеніе В. Г. Лавинскаго).

59. *Вятской* губерніи, *Яранскаго* уѣзда; село *Кугушерга*.

Авторъ сообщенія — учительница Кугушергскаго начальнаго народнаго училища, уроженка г. Вятки.

Село Кугушерга Вятской губерніи Яранскаго уѣзда, въ которомъ я по большей части дѣлала свои наблюденія, весьма старинное село. Существуетъ каменный храмъ болѣе ста двадцати лѣтъ; но сколько времени существовала деревянная церковь, неизвѣстно, потому что строили ее два раза, и оба раза она сгорала, а съ нею сгорѣли и данныя объ основаніи села.

Прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь село и частыя кругомъ селенія, мѣстность была покрыта дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ, на большомъ разстояніи другъ отъ друга, жили малыми селеніями черемисы, и какъ слышно занимались грабежами. Но теперь лѣсъ вырубленъ, поселились русскіе и занимаются земледѣліемъ, торговлей, и черемисъ не въ примѣръ стало меньше; они совсѣмъ сродпились съ русскими, живутъ въ однихъ съ ними селеніяхъ, пользуются общими угодіями и исполняютъ общія обязанности.

Въ Яранскомъ уѣздѣ сначала былъ уѣздный городъ Царевосанчурскъ, а Яранскъ былъ небольшое селеніе, состоящее изъ черемисъ.

Когда Царевосанчурскъ сгорѣлъ, то уѣзднымъ городомъ сдѣлался Яранскъ.

Село Кугушерга находится отъ уѣзднаго города въ семнадцати верстахъ.

Жители прихода и сосѣднихъ мѣстностей имѣютъ торговыя сношенія между собою и городомъ: устраиваются ярмарки мѣстныхъ произведеній; торгуютъ хлѣбомъ, льномъ, шерстью, масломъ. Нѣкоторые изъ жителей отправились на золотые пріиски въ Сибирь, а грамотная молодежь — на фабрики въ Москву или на заводы въ Пермскую губернію.

Родина моя городъ Вятка; получила образованіе въ Вятской Маріинской женской гимназіи, и на должности учительницы состою семнадцать лѣтъ, а въ томъ селѣ, гдѣ дѣлала свои наблюденія — тринадцать лѣтъ.

Гласныя. § 1. Въ нашей мѣстности говорятъ Олександръ, Ондрей, Олексѣй, Онтонъ, Огофонъ, Окулина, Овдотья, вм. Ирина — Орина. Ванюшка, дядюшко, батюшко, дитятко, Иванушко. Вмѣсто стаканъ говорятъ: стокапъ, онбаръ, боранъ, конатъ, корманъ, гормонія, торелка, тонцовать, трава, окоянный, ломпадки, картина, параходъ, собоги; вм. алтарь говорятъ олтарь,— полати. Говорятъ: розговоръ, розводить, росчетъ, роспахать, розсѣять, розвозить, ростутъ, ростеніе, робота, роботникъ, разумъ. § 2. У насъ говорятъ: ты платишь, онъ платитъ, катишь, катитъ, насадишь, я плачу́ и т. д. § 3. Замораживать, заработывать, подзадоривать, упавоживать, уництожить. § 4. Рождаться, полагать, товарищъ, монахъ, монастырь, попамарь, солдатъ, слобода, мостовая, хорошо, золотой, корабль, кокушка, творогъ и др.; у насъ говорятъ: доброва, худова, злова, здоровова, слѣпова, милова, сердешнова вм. сердечнаго, всево, твоево, моево. Говорятъ: вода, нога, весна, несу. § 6. Вмѣсто *е* слышится *о*, и говорятъ у насъ: ошшо, одва, Омельянъ, Олена, робенокъ, робята, топерь, тебѣ, себѣ, у тебя, доржать, задаржалъ, севодни, жготся, запрягомъ, текотъ, пекотъ. Чёшотца вм. чешется, сажо́нъ вм. саженъ. Произносятъ: дёнышко, одёньё. § 7. У насъ говорятъ: дерзкій, вётошь, держитъ, задёржу, левъ, небо, крёсъ вм. крестъ, отсель, о нёй, со всёю, поденщикъ. § 8. У насъ говорятъ: бедро́, беру́, веду́, несу́, весна́, вершо́къ, слеза́, село, ерша́, отвернуть, вылета́ть, несла́, тепло́, ребро, теса́къ, чело́, горевать, его́, ему́, Степанъ, лежать. У насъ говорятъ: ве́рхъ, бе́регъ, ма́стеръ, о́зеро, у́меръ, по́гребъ, и́стребъ, во́семь, че́стенъ, я́сенъ, прибы́точенъ, нянёкъ, поко́йничёкъ, денёкъ вм. денегъ, ружьёмъ, смотрителёмъ, зя́тёмъ, роди́телёвъ, царе́вичёвъ, дере́внёй, дѣвицой, Окси́ньёй, цаблёй вм. саблей, Оспо́днёй, вм. Господней, сп-

пёй, синёва, среднева, въ третьёмъ, въ Божьёмъ, примаётъ, уѣдётъ, будётъ, ку́шаёшь вм. кушаешь, пройдёшь вм. пройдешь, проѣдёшь, зна́ёмъ, хва́стайтё вм. хвастаете, забываёмъ.—Морё, полё, подпольё, воскресеньё, здоровьё, времё, имё, доброё, хорошоё, черноё, спротское, заднёё, скоромноё, дубовыё, бѣлыё, больнё, сильнё, прощайтё, ходитё, смотритё, гледитё вм. глядите, встрѣчайтё, проситё, дожидайтё, пойдемтё, здраствуйтё. § 9. У насъ произносятъ *о* вм. *е* послѣ звуковъ *ж* и *ш*: шолуха, жона, жогъ, неужоль, неушто, жонатъ, жонихъ, ужо, положоно, сажонъ, чашокъ, насажоно, машотъ, пляшотъ, напишомъ, вашо, нашо, ужо. Вм. скоропостижно говорятъ: скороспѣшно, одночасно. § 10. У насъ говорятъ: цолуй, поцолуй. § 11. Песъ, далёко, принёсъ, жонка, жонушка, пёрышко, ребрышко, тёмной, чёрной, дёшово, четырёхъ, встаёмъ, ведёмъ, несёмъ, пьёте, махнёте, пойдёте, бьешша, наткёшша, ведетца, попадётца. § 12. Слышно только въ словѣ желѣзо букву *а*: жалѣзо; епцъ вм. яицъ, буде вм. будетъ. У насъ говорятъ: запрёгъ, кресло, головёшка, словесно, колёсный, трёсъ, понёва, легкой, затёсывать, пощолкивать, лошедь. § 14. Говорятъ: мои и мое, твои и твое, моихъ и моехъ, своехъ, твоехъ и твоихъ, напоивши и напоимши, воинъ, яицъ и еицъ. § 15. У насъ говорятъ: ресовать, белетъ, вихорь, винокурня, ливень, полевка, баринъ, пиръ, миръ, смирной, просверня, мундеръ, умирать, утирать, отпирать, запирать, набирать. § 17. У насъ говорятъ: бароня, осударoня, отдыхъ, рухлой, красную дѣвицу, милую подругу, бѣлую руку, баломутить, павукъ, глубоко. § 19. У насъ говорятъ: крѣпкой, левкой вм. легкій, мелкой, пѣгой, русской, земской, крупной, вязкой, низкой, попукивать, подтягивать. § 21. У насъ говорятъ: здись, псь вм. ѣсть. Вм. вообще у насъ говорятъ: вообше. § 22. Говорятъ сясть, сѣла, загорѣться, бѣлѣетъ, стемняетъ, осырѣть, видялъ, смотрялъ, смѣляе, скоряе, бѣляе, хитряе, здоровяе, миляе, черняе, застрѣлъ. § 23. У насъ говорятъ: петь, петьдесеть, грезь, кнезь, взеть, зеть, опеть, пряжа, мечикъ, натегивайтя, хозеинъ, дедя, кричать, взела, петно, езыкъ, везать,

светой, петакъ, пети́, десети, гледѣти, чесы, жалѣти, шалунъ. Говорятъ: боялса, испужалса, бросилса, бранилса. § 24. У насъ говорятъ: доброй, жалѣзной, старой, синей, овечей и овечёй, весённой, хорошой, великой, красной, черной. — Тимоѳей, Елисей, Матвей, Зиновей. § 25. У насъ говорятъ: думаешь, дѣлаешь, знаешь, пропадаётъ, бываётъ, считаётъ, вздумаёмъ, дёргаемъ, играёмъ, играётъ, бываётъ. Вм. хозяева говорятъ хозява. § 26. У насъ говорятъ: умѣёшь, имѣётъ, разумѣётъ, копѣёкъ, смѣётъ, довлѣётъ. § 27. Говорятъ: попграть, поймать и помать, прима́ть, выма́ть вм. пойдемъ говорятъ подемъ, вм. пойду — поду. (Вм. кто это — говорятъ: хто это). § 28. Вм. именины говорятъ менина, вм. испугался говорятъ испужался, севонни вм. сегодня. Вм. мою, моетъ, у насъ говорятъ мъю, мъетъ. § 29. У насъ говорятъ: льгота, спорхнулъ, льстецъ, ржи, оржаной, овторникъ, вм. вчера — вечёръ, вчерась, омшанникъ, ма́ти, дочь, даты, ходити, гулети, играти, водити, носити, стуети, опосля вм. послѣ. Говорятъ: лобъ, лоба, ротъ, рота, ледъ, леда и др.

Согласныя. § 31. У насъ говорятъ: доброва, худова, слѣпова, хорошова, сладкова. § 32. Вм. когда, тогда, всегда у насъ говорятъ: колды, толды; говорятъ: Осподь, осударь, телѣхъ, рохъ, сабохъ, шахъ, дёкоть, дектю. Мяккой, леккой. § 33. Произносятъ: кипуть, кисель, Кеевъ, скипѣть, камешки. § 34. У насъ говорятъ мѣстами: Ванькя и Ванька, чейкю и чейку, солнышко, толькё, дочкя, лисонькя, маменькя и мамонька, послушай-кё, сахаркю и сахарку, травка и травкя, рѣдькя, трахмалъ. § 35. Вм. Евгеній у насъ говорятъ Евленій. Вм. Успеніе — Успленьё, Веденіе — веденьё; Устрѣтеньё вм. Срѣтеніе. § 36. У насъ говорятъ вм. хороводъ — кароводъ, фомякъ, куфарка, ихъ и ифъ, тѣфъ, этифъ, фитанца вм. квитанція, фатера вм. квартира, фастать, лёфкой, мяфкой. § 37. Слышно въ произношеніи х вм. к.: хъ пону, хъ кузнецу, гъ желѣзу или гъ жале́зу, гъ дереву и др. § 39. Говорятъ: свальба, усадьба, глико вм. глядико. § 42. Послѣ буквы ц у насъ произносятъ и, я, ё; только

въ словѣ цвѣтокъ слышно букву с: свѣтокъ, свѣты, свѣтной. § 43. Вм. Котельничь говорятъ Котельница. § 44. У насъ говорятъ: шилъ и мылъ, шило и мыло, жиръ и жыръ, нашыхъ и нашихъ, кожы и кожи, жарко, шуба, жоской вм. жесткій, рогоза, залѣзо, ржать, порожной. — Шалашъ, башня, пашня, роскошной, молосной. Вм. урожай говорятъ урождай. Вм. чинить говорятъ и чынить, чынъ и чинъ, чыстой и чистой, чыхнуть и чихнуть. Што, вѣшной, сочной и сошной, востошной, вм. ни чихни — не чихни. § 46. Свепшенникъ, ешшо, ошшо и ишшо, рошша, шшука, щетъ, слашше, шшока, ишшу вм. ищу, шшотка вм. щётка, вм. не годится говорятъ не годишша, вешъ вм. вещь, вешши вм. вещи, вм. нѣвчіе говорятъ нѣвши, мушшина, дрожжи, вожжи, съѣжжаютца, собираешша, берешша, попадешша, дѣлаетца, работаетца, остаюся, учуся, ударилса, сварилса и др.; вм. обрадовался говорятъ обрадѣлъ. § 47. Сабоги, царапать, омануть, взявши, напимшись и напившись, вного; кабидалъ вм. капиталъ, гувно вм. гумно. — Слобода, треложить, кухшинъ, скусной вм. вкусный, вѣкохъ вм. вѣковъ, десяткохъ вм. десятковъ, начальникохъ вм. начальниковъ, скрозь вм. сквозь, розлѣ вм. возлѣ, склизко вм. слизко, разѣ вм. развѣ. — Толда, колда. § 48. Вухо, вуши, вусы и др. § 49. Вм. прорубь — пролубъ, перепелка, пристань, компота, кухольный, Микола, мырять, мимо, Нефедій вм. Меодій, сумлеваться вм. сомнѣваться, некрутъ вм. рекрутъ, Микифоръ вм. Никифоръ. § 50. У насъ говорятъ: колокольня, львовъ, менче, мельче, больной, болшой, маненько, поманеньку и помаленькю, шкатулка. § 51. Ланно и ладно, одна, сукно, оманъ, замкнуть, толкнуть, застегнуть, скипѣть, пташка, трось, шесь, Пётро вм. Петръ. § 52. У насъ произносятъ: ротъ, сутъ, гропъ, корофъ, моросъ, ёпъ, хлѣпъ, схренъ, лётъ, назать, рокъ, друкъ, горотъ, горпъ, трафъ, ношъ, ропъ, моркофъ, юпка. § 53. Семъ, крофъ, любофъ, пролупъ, голупъ.—Лафки, шапки, трафки, тряпки, юпки, дѣфки, первой, серпъ, верхъ, зерькало, церква, горьпица, дворьпикъ, харьчевня. Произносятъ: молебство вм. молебствіе, хлѣбникъ,

лечебница, деревня, купца, рупъ вм. рубль, плотьникъ, скотьникъ, огородникъ, благословленіе вм. благословеніе. Словъ вслѣдствіе, бѣдствіе не слыхать, а слово родственникъ произносятъ — росвенникъ. Говорятъ: сдѣшной, прежной, подснѣжникъ, грѣшникъ, лехше, барскёй, царскёй и царьской, женскёй, руськой, москоськой.

Удареніе. § 54. У насъ произносятъ: ручёй, хо́лодъ, язы́къ, языка́, лоша́дь, коро́бъ, твороґъ, гово́ръ, о́сенью, о́тдыхъ, ко́локолъ, ко́ршунъ, мя́чикъ, но́жикъ, валёжникъ, обу́хомъ, на ло́шади, отъ но́чи, на ко́ияхъ, ко́ней, дайте творогу́, зве́ря, каменья́, каменьёвъ, пять сажо́нъ, прого́ны, потоло́къ, ве́рба, возьми́, вёдрами, заклáдка, подру́га, подру́жка, успѣхъ, заста́ва, отста́вка, поста́вка, заку́ска, простыня́, сердцо́, знако́мство, моло́ченіе, гада́ніе, встава́ніе, сре́дства, ворота́, боло́та, се́мена, вну́чата, щепя́та, братья́, платья́, я́йцъ, молодо́й, мо́лодъ, лего́къ, мя́гокъ, тѣсно́й, чаща́, колоко́льня, до́чка, со́сна, дѣвочка, о́льха, соло́нка, ро́дина, судьби́на, дешеви́зна, въ рѣку́, свинью, двѣ версты́, деревне́нь, онъ коси́тъ, роди́тъ, звони́тъ, онъ ро́дится, спитё, ѣдитё, (ходитё), хотитё, несетё, кладитё, будёгъ, пка́ть, во́пить, работа́ть, ка́шлять, поло́жить, предпо́ложить, понýдить, подойти́, принéсть, розогна́ть, говори́ть, говори́шь, бро́ситься, богатѣть, осырѣть, по́звалъ, со́бралъ, по́гналъ, по́слалъ, перестрѣлилъ, дострѣлилъ, приведёнъ, привезёнъ, принесёнъ, приведёна, привезёна, принесёна, проведёнъ, туго́й, сыро́й, шелково́й, друго́й, прѣсно́й, грязно́й, бурно́й, ме́лкій, ло́вкій, жарко́й, рѣдко́й, топко́й, ро́бкій, толсто́й, черство́й, сурово́й, бѣло́й, ино́й, кажи́нной, и́дутъ, идётъ, вы курите́, не мо́гутъ, ска́жутъ, сте́гнетъ, разорвёшь, отогнёшь, подо́йдешь, по́йдешь, пома́хнетъ, козы́рнуть, ужа́снуться, отдо́хнуть, кувы́рнуться, пошáтнуться, случи́лось, бра́мши, напивши́сь, взямши́сь, о́пасно, высо́ко, далёко, глубо́ко. § 55. Наши крестьяне говорятъ рѣзко и отчеканивая каждое слово.

Склоненіе. § 57. У насъ говорятъ: проса, пшена, просу,

пшену, жнитво, жнитва; одно селенье, ружье, нарѣчье, тако повѣтріё, тако горе, снадобье; етотъ путь, ето яблоко, етотъ хламъ, екой кашель, мировой судья, екой дрямъ, т. е. соръ. § 58. Съ тово году́, съ потолоку, изъ рынку, безъ сну, съ базару, изъ лѣсу, съ порогу, къ Илину и Петрову дни, третьёва дни, сегодни. —Во лбѣ, во саду, въ лѣсу, въ углѣ, на чердакѣ, на рынкѣ, на волоску, на потолку, на камнѣ. § 59. У насъ произносятъ: куста, кусья вм. кусты, погреба, глаза, повара, поясы, князьё, гвоздьё, друзья, братьё, стульё, кольё, каменьё, листьё, сыновья. — Сватовьё, староста; вм. крестьяне — крестьяна; бары; шопки вм. щенки, опёнки. § 60. У насъ говорятъ: глазовъ, ребенковъ, солдатовъ, человѣковъ, жеребенковъ, зубовъ, книжковъ, рукавичковъ, пріятелевъ, рублёвъ, ключёвъ, ружьёвъ, ножовъ, кирпичевъ, калачёвъ, отцовъ, купцовъ, огурцовъ, молодцовъ, мѣсяцовъ, молодци и молодцы. — Дать корму лошадямъ, съ дѣтя́мъ, къ людямъ, подъ ногамъ, за рыбамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ, съ крестамъ, рукамъ, ногамъ, щи съ кускамъ, оврагамъ, морямъ. § 61. Свекровъ, свекровка, мать, дочь, матерь, дочерь, бароня, барошня и барошни, сударoня, сударошня, рожь, церква. Въ нашей мѣстности всегда слышно въ окончаніи твор. п. сд. ч. женскаго рода ой, а не ою; — жоной, съ березой, съ бабой, дорогой, подковой. Вм. силою — силомъ, силкомъ. Говорятъ: на лошадѣ, въ грезѣ, въ кровѣ, на печѣ, къ дочерѣ, къ матерѣ, къ лошадѣ, тысячёй. § 63. Говорятъ: книговъ, птицовъ, избовъ, палковъ, чашковъ, лошковъ, лопатовъ. — Времё, семё, времянъ, сѣмянъ, имё, имянъ. § 64. Говорятъ: болоты, вороты, бревны, стойлы, веслы, полёвъ, тѣловъ, селовъ, пивовъ, оковъ, дѣловъ, мѣстовъ, звѣздовъ. § 66. Говорятъ: красно́, чёрно́, добра́, ми́ла, тёмна, хорошенькя вм. хорошенькая миленькя вм. миленькая, добры, тёмны, свѣтлы. § 67. Вм. красную, большую, добрую говорятъ: красну дѣвку, большу дорогу, добру мать. § 68. Молодой жоны и молодыё жоны. § 69. Въ именахъ прилагат., въ им. пад. мн. ч. всѣхъ родовъ, слышно букву ё. § 70. Въ болшомъ вм. въ большомъ, въ зеленомъ, въ томъ, на высокомъ, въ прош-

ломъ, въ худомъ, въ другомъ, въ пномъ. § 71. Къ добрымъ родителямъ, къ хорошимъ лошадямъ, къ краснымъ дѣвушкамъ, съ милымъ дѣвушкамъ, съ добрымъ людямъ, съ болшимъ сабогамъ. Золотыми, горчимъ слёзамъ, ключамъ. § 73. Меня, мнѣ, тибѣ, спбѣ, тоё, менѣ. § 75. Въ ёмъ, въ имъ, имя, за её, у её, у тоё. Вм. то — тоё. § 76. Вм. та — тоя, тамотка вм. тамъ. § 77. Всѣ, всѣхъ, всѣмъ, сами, самыхъ, самымъ. Ети, етихъ, етимъ. Одны, однымъ, однѣхъ и одныхъ. § 78. Моѣ, твоѣ, своѣ. Ихъ, ихной. Вм. тамъ—тамой. Тремъ, трёмя, чётыре, четырьмя. § 80. Говорятъ: хлѣбъ-отъ, масло-то, каша-то, грибовъ-отъ, звѣрёвъ-тѣ, зубовъ-то, дровъ-то, книгъ-отъ полная сума, забота-тѣ одолѣла, каша-то простыла, баба-та, парень-отъ, грифелевъ-тѣ.

Спряженіе. § 81. У насъ говорятъ: вопить и вопѣть, шевелиться, ходилъ, звонѣть, заговорилъ, смотрить, стемняетъ, осыряетъ, стрѣлеть, скучеть, смотряй вм. смотри, звонять и звонеть, обмануть, виспуть, вынять вм. вынимать, вымáть вм. вынуть, вм. обними говорятъ обойми. § 82. Говорятъ: скачу и скакаю, требую, наймовать, недостаетъ, сударжать, поправлеть, фастать вм. хвастать. Крестьяне говорятъ: замораживать, устроивать, упавоживать, оспоривать, удвоивать, утроивать, успокоивать, оброботывать. Вм. есть говорятъ есь и еся, вм. ѣсть говорятъ псь. § 84. Брошу, колотю, пушшу. § 87. Текошь, текомъ, текоте, стерегошь, вм. лгёшь говорятъ врёшь, толкошъ, могошь, моготъ, хошъ. § 88. Говорятъ: хвалятъ, ходятъ, носятъ, рубятъ, косятъ, просятъ, звонятъ. § 89. Говорятъ: спать и спати, брать и брати, плясать и плясати, шить и шити, любить и любити, сѣять и сѣяти; жегчи, берегчи; идти, вести. § 91. Вм. смолотъ — смолонъ; разгонены, разгонено, нагажено, накладено, заперана и запи́рана, вм. сотру — стеру. § 92. Говорятъ: убѣжалъ, запрёгъ. § 93. Повелительное наклоненіе ѣхать — ѣдь, уѣдь, поѣдь, заѣдь; говорятъ: отлошь, смотряйте.

Синтактическія особенности. § 102. Говорятъ: благодаримъ вами и вамъ, читать въ книгу, играть картами, курить въ трубку. § 103. Говорятъ: тѣхъ дёнъ, въ етомъ году, етой весной, лопскимъ лѣтомъ, лопись, ночесь, вечеръ. § 105. Говорятъ: онъ поѣхалъ по овесъ, за конямъ, по коровъ, по овецъ, по воду. § 107. Говорятъ: снесли на рынокъ, о пасхѣ, о рождествѣ, о троицѣ, на двухъ, на трехъ. § 111. Говорятъ: суды пришли два мужика, вм. здѣсь говорятъ етта: етта работало двое мужиковъ, етта играютъ двое ребятъ. § 114. Двои вороты, трои двери, семь верстъ. § 115. Говорятъ: она седни утромъ прибѣжала, лопись была она одна одпехонька. Вм. никто, никакой говорятъ нехто, некакой. § 121. Ну да поди и бей сколь хошъ; ужотко я скажу мамонькѣ, натко сахаркю, надо бишь хорошень все розсказать; молчи когда тѣ не спрашиваютъ.

Пѣсни.

1.

Свѣтъ Настасьюшка, встрѣть гостенька,
Микифоровна, новенькаго.
Ай мамо́нька, лихи́ люди до меня,
Отбиваютъ мила́ дружка отъ меня;
Мила́ дружка ста Павлушка
Что спобидили́, обидили́ меня́
Отбили ми́ла дру́жка́ отъ меня.
Неужели ето сбудётся,
Чернобровенько́й отступится
Отъ души бѣло́й лебеушки,
Отъ Настасьи Микифоровны;
Удалой отъ добрый молодецъ
Ста Павелъ Васильевичъ.

2.

Мимова саду зеленова летѣлъ голубь золотая голова,

А у голубушки золотыё крылышки,
Ишшо какъ ето буде голубя зовутъ,
Ишшо какъ навеличиваютъ (называютъ парня)?
Ишшо какъ ету голубушку зовутъ,
Ишшо какъ навеличиваютъ (называютъ дѣвушку)?
Что пришелъ девéрь, пришéлъ деверь, позавидовалъ спохѣ.
У меня бы то жона едака была,
Я умѣлъ бы её, я умѣлъ послать снарядить;
По лѣтамъ то бы, по лѣтамъ, во колясочкахъ катать.
По зимамъ то бы, по зимамъ, во рѣшетчатыхъ саняхъ.

3.

Аннушка Кальяночка, Григорьевна Кальяночка.
Садичекъ Миколаюшко, яблочекъ Григорьевичъ,
Сглянутся улыбнутся, схватятся покатятся,
Опѣ прямо подъ гору, ко крашéному крыльцу.
Бѣлые, кудрявые, деревенски бравые.
Эту пару, парочку посадить на лавочку.
Эта пара сходится, подъ вѣнецъ становится.
Зелéно вино пить, тебя Аннушка любить;
Зелéно вино пить, тебя Григорьевна любить.
Сладкой водкой почевáть, тебя Миколай ста цоловать;
Сладкой водкой почевать, тебя Григорьевичъ цоловать.

4.

Ой што подули вѣтры буйные, подули да вдоль по улицѣ;
Ой што задунули къ широку двору;
Ой ужъ вы растворитеся, воротечки́, растворитеся.
Ужъ вы шатнитéсь, вереюшки самоточеныё;
Ой ужъ ты выпься, подворотенька́.
Ой ишшо взъѣхали любы́ гости́,
Любы́ гости то свѣтъ къ Аннушкѣ разлушшички,
Разлучаютъ съ отцомъ съ матерью;
Ой разлучили молодешеньку, что сгубили зеленешеньку.

5.

Черна ягода смородина, зеленешенька заломана;
Во пучечки перевязана, по чисту полю разброшена,
По чисту полю разброшена, колесáми пріукатана.
Ты душа ли красна дѣвица, свѣтъ Александра Алексѣевна,
Молодёхонка запросватана, зеленешенька запоручена;
Ой за поруки те за крѣпкія, ой за дороднева добра молодца.
Ой что сватунъ отъ, да вѣдь и сватушко;
Ой да ходилъ часто да подъ окошечко.
Ой да онъ ступалъ потихохоньку,
Ой да говорилъ рѣчи да поважнехоньку;
Ой да онъ хвалилъ то чужу сторонушку;
Ой да на чужой то дальной сторонушкѣ
Ой да три поля пшеной то засѣяны;
Ой да виноградомъ огорожаны,
Ой да медовóй то сытой поливаны.
Ой да онъ хвалилъ то добра молодца,
Ой да онъ не пьетъ то зелена вина;
Ой да не пропьетъ тебя молодехоньку,
Не проиграетъ зеленехоньку.
Что отвѣтъ держитъ Александрушка, отвѣчаетъ Алексѣевна.
Ой да сватунъ отъ, сватушко,
Ой да не ходи часто да подъ окошечко;
Ой да ты не стукайся потихохоньку,
Ой да ты не кланяйся да понизехоньку,
Ой да не говори ты рѣчи поважнехоньку.
Ой да я сама то знаю вѣдаю:
Ой да на чужой то на сторонушкѣ
Ой да три поля то горемъ засѣяны,

Ой да что кручиной то огорожены,
Ой да горючими то слезами поливаны.

(Сообщено г-жой С. Гудимовичъ).

---

60. *Тверской* губерніи, *Зубцовскаго* уѣзда, деревня *Дубровка*.

Авторъ сообщенія — учитель Дубровскаго земскаго училища, уроженецъ села Балашкова Зубцовскаго уѣзда Тверской губ., сынъ крестьянина, получившій образованіе въ Новоторжской учительской семинаріи.

Деревня эта расположена почти въ одинъ прямой посадъ, на очень низкомъ мѣстѣ, и состоитъ изъ 40 дворовъ, обращенныхъ на югъ.

По словамъ стариковъ, со времени основанія деревни прошло приблизительно около 200 лѣтъ.

Крестьяне считаются монастырскими, — деревня принадлежала монастырю преподобнаго Іосифа Волоцкаго — Московской губ., Волоколамскаго уѣзда.

Первые поселенцы пришли изъ деревень Турова, Звягина, Акулова, расположенныхъ близъ села Латошина (уѣздовъ Старицкаго Тверской губ. и Волоколамскаго Московской губерніи), и находящихся отъ д. Дубровки въ 20—25 верстахъ.

Мѣстность, гдѣ въ настоящее время расположены д. Дубровка и ея окрестности, сплошь была покрыта лѣсомъ.

По преданію — нежилыя зданія стояли прямо тамъ, гдѣ рубились.

Въ настоящее время деревня владѣетъ прилегающимъ къ ней лѣсомъ, который, судя по названіямъ, принадлежалъ раньше нѣсколькимъ селеніямъ, изъ которыхъ каждое владѣло своимъ участкомъ. Теперь же нѣкоторыя селенія за дальностью или совсѣмъ отказались, или произошли какія то болѣе удобныя мѣны.

Такъ въ ихъ лѣсу есть — Балашиха, вѣроятно, принадлежащая селу Балашкову, мѣсто — Акуловка, принадлежащая деревнѣ Акулову, и участокъ — «Звягино», принадлежащій, вѣроятно, деревнѣ Звягину.

Молодой народъ селенія «Дубровка» большею частью, въ особенности лѣтомъ, проживаетъ въ городахъ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Приходомъ д. Дубровка въ село-погостъ — Шолгино, въ 3-хъ верстахъ отъ нея. Лѣтъ около 40 назадъ она и всѣ ближайшія къ ней деревни были приходомъ въ село Балашково, верстахъ въ 12-ти отъ нея, отъ котораго вся эта округа отошла послѣ выстройки церкви въ болѣе близкомъ для ихъ разстояніи.

По случаю во 1) прежняго стариннаго знакомства въ бывшемъ большомъ приходѣ и во 2) близкихъ торговыхъ селъ, гдѣ молодежь раньше еще знакомится другъ съ другомъ, народонаселеніе Дубровки заводитъ родство на довольно большое разстояніе въ кругу.

Большинство народонаселенія деревни ходитъ на заработки въ столицы, да и притомъ сама деревня находится на границѣ съ Московской губерніей и, вообще, недалеко отъ Москвы, гдѣ сохраняется болѣе правильный выговоръ русскаго языка; поэтому много и особенно рѣзкихъ неправильностей и отступленій отъ Московскаго нарѣчія въ описываемой мною мѣстности я не нашелъ.

Гласныя. § 1. Имена существительныя произносятся правильно. Глаголы же многіе произносятся невѣрно,—всегда и всѣ говорятъ: то́щитъ (вм. тащи́тъ), посо́дютъ (вм. посади́тъ), пло́тютъ (вм. пла́тятъ), ко́тится (вм. ка́тится). Остальные изъ приведенныхъ — произносятся вѣрно. § 2. Говорятъ: сѣда́къ (вм. сѣдо́къ), остальныя слова произносятся правильно. Говорятъ: удава́ивать, унава́живать и уново́живать, устра́ивать и устро́ивать, замора́живать, приготавливать и приготовля́ть. § 3. Никакой неправильности на приведенные и имъ подобные примѣры

не замѣчается. § 4. Всѣ слова произносятся мягко; вмѣсто «о» всегда — «а»: сава́ (вм. сова̀), сали́ть (вм. соли́ть), галава́ (вм. голова́), бака́ (вм. бока́, отъ им. сущ. «бокъ»), старажи́лъ (вм. сторожилъ), старажи́ха (вм. сторожи́ха). Между моимъ и говоромъ народа въ данномъ случаѣ никакого различія нѣтъ. § 5. Всѣ таковыя слова произносятся чисто съ буквой «а»: трава́, кабакъ и т. д., у нѣкоторыхъ только замѣтенъ средній звукъ между «а» и «о». § 6. Всѣ эти и имъ подобныя слова произносятся или совершенно мягко съ чистымъ звукомъ «а» (вм. о), или слышится глухой звукъ только между «а» и «о», но никакъ не «ы». § 7. За согласными шипящими дѣйствительно часто произносится «ы» (вм. а), — говорятъ: жылѣ́ть (вм. жалѣ́ть), лашыде́й вм. лошаде́й; остальныя слова произносятся вѣрно. Говорятъ: жера́ (вм. жара́) и жапа (вм. жена). § 8. Ничего подобнаго не приходится слышать. Произношеніе у всѣхъ вѣрное, только мягкое чрезъ «а». § 9. Такой неправильности въ описываемой мною мѣстности нѣтъ. § 10. Во всѣхъ подобныхъ словахъ всегда слышится «а»: барада́ (вм. борода́), таргава́ть (вм. торгова́ть), старики́, старшина́ и т. д. § 11. Звука «ы» въ подобныхъ словахъ въ нашей мѣстности совсѣмъ не слышно, а произносится «а» или средній звукъ между «а» и «о». § 12. Замѣна буквъ «а» и «о» буквою «у» часто слышится послѣ согласныхъ зубныхъ и губныхъ; говорятъ тупоро́мъ (вм. топоро́мъ), Бугоро́дица (вм. Богоро́дица), угурцы́ (вм. огурцы́); послѣ же другихъ согласныхъ такой замѣны нѣтъ. § 13. Во всѣхъ здѣсь приведенныхъ и имъ подобныхъ словахъ ясно слышится вмѣсто «о—а» звукъ «ы». Говорятъ всегда: во́лысы (вм. во́лосы), вы́гныли (вм. вы́гнали), при́дыли (вм. при́дали), за́дыли (вм. за́дали) и т. д. Говорятъ: спо́субъ (вм. спо́собъ), ко́рубъ (вм. ко́робъ), во́рунъ (вм. во́ронъ). § 14. Всѣ поголовно вмѣсто «о—а» произносятъ «ы». Говорятъ: у́мныва, э́тыва, си́льныва, хоро́шыва, кра́сныва, же́лтыму, че́рныму, пы́льныва, мы́льныму и т. д. вм. у́мнаго, э́того, си́льнаго, хоро́шаго, кра́снаго, же́лтому, че́рному, пы́льнаго, мы́льному. § 15. Различія въ произношеніи звуковъ «о — а» при из-

мѣненіи тѣхъ же словъ въ данномъ случаѣ не замѣчается. Говорятъ: хо́лыдъ — хо́лыду, мо́лыдъ — мо́лыду, Θе́дыръ — Θе́дыру. У насъ нѣтъ говорятъ: го́ласъ — го́ласу, во́ласъ — во́ласы. Всегда слышится «а» (вм. «о»): слѣпо́ва (вм. слѣпо́го), до́брава, се́на, ма́сла, ма́ла (вм. до́браго, се́но, ма́сло, ма́ло) и т. д. § 17. Жана́, жалу́докъ, жалту́ха, шасто́й, шарша́вый, жала́нный (вм. жела́нный) и т. п. Шылавли́въ; ску́шыла, ску́шыть, ло́шыди, вы́шылъ, горо́шыкъ, за́ мужамъ. Говорятъ: ху́же, бо́льше; нѣкоторыя слова съ звукомъ «ы» — глубшы, дольшы, вышы; нѣкоторыя же — съ звукомъ «а»: тамъ-жа, тотъ-жа, дажа, отъ чего-жа. § 20. Многіе произносятъ: березынька, перепелычка, ластычка, дѣвычка, Вѣрычка, палычка, стукоталычка, ярычка. Вмѣсто «ы» звукъ «у» не произносятъ. § 21. Всѣ говорятъ: берёзуй, невѣ́стуй, суда́рушкуй, па́лкуй, буты́лкуй, руба́шкуй и т. п. (вм. бере́зой, невѣ́стой) и т. п. Вымый, вымай (вм. вымой). § 23. Вмѣсто «о» произношенія «ы» совершенно не замѣтно, но вмѣсто «о» звукъ «а» говорятъ: на насу́, вода́, коса́, роса́ (вм. на носу́, вода́, коса́, роса́) и т. п. § 25. Перехода о — а въ зв. «ы» въ предлогахъ не слышно, но вмѣсто «да» говорятъ «ды»: «ды и я тамъ былъ», «ды и ты такъ говорилъ» вм. «да и я тамъ былъ», «да и ты такъ говорилъ». Слово «не замай» изрѣдка случается слышать отъ старыхъ людей, но другихъ словъ отъ этого корня совсѣмъ нѣтъ. Изъ приведенныхъ здѣсь словъ и выраженій въ нашей мѣстности всѣ очень часто употребляются, кромѣ слова «хочь — хучь», которое совершенно не встрѣчается. § 26. Выпаденія перваго рода встрѣчаются безпрестанно,—всѣми и всегда произносятся такія слова съ выпускомъ; но выпаденій второго рода совсѣмъ нѣтъ. Вообще всѣ слова произносятся очень легко, скоро и мягко. § 27. Слова съ отпаденіемъ гласныхъ перваго рода приходится часто слышать, но — второго рода случаи никогда никѣмъ не произносятся. § 29. Переходъ звука «я» въ «е» встрѣчается въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Говорятъ: ме́чнкъ (вм. ми́чнкъ), нети́ (вм. пяти́), плеса́ть (вм. пляса́ть) и др. Остальныя же слова произносятся вѣрно: дя́дя, чай, опя́ть, гапя́ли и т. д.

§ 30. Говорятъ только: трёсъ, запрёгъ, понёва, больше не приходилось слышать. Во всѣхъ приведенныхъ и имъ подобныхъ словахъ у насъ слышится звукъ «я»: святóй, вяснá и т. п. (вм. веснá и т. д.). Слышится звукъ «я» отчасти напоминающій—«е». § 32. У нѣкоторыхъ такое колебаніе звуковъ замѣтно съ звукомъ «я» и «е», а иногда даже и «и»: нясу́ (вм. несу), бирéтъ (вм. беретъ) светòй (вм. святой). Послѣ шипящихъ строгой правильности нѣтъ: женà, шестòй, шалу́нъ, часы, но говорятъ и: жилѣ́ть, чавó (вм. жалѣ́ть, чегó) и т. д. § 33. Замѣна звука «е» (ѣ) звукомъ «я» часто слышится: въ лясу́, вяснá и др. (вм. въ лѣсу́, веснá), звукомъ же «и» очень рѣдко — грихи́ (вм. грѣхи́). § 35. Почти всѣ и всегда говорятъ съ звукомъ «и»: правóе, лисави́къ, чижалó, чилавѣ́къ, сиребрó, спредá и т. д. (вм. лѣсови́къ, тяжелó, человѣ́къ, серебрó, середá и т. д.). Съ звукомъ-же «я» совсѣмъ не говорятъ. Иногда «е»: принесу́тъ, ребя́ты (вм. ребя́та), чаще же—«и»: пилёнка, ришúли (вм. пелёнка, рѣшúли). Съ звукомъ «я» говорятъ очень рѣдко. § 36. Жыни́лся, цанá, цылѣ́й, ацыни́ть, цырькóвный, пошывéливай, жынихи́, въ шыстярóмъ. § 37. Говорятъ всѣ: прéжнему, сéмиро, чéтвиро, мѣ́сица, вы́мпла. Дéвиря, óспнью, въ тéрими, пóмирли, вы́вили, ты́сича. § 38. Съ звукомъ «и»: вѣ́тиръ, дéпикъ, мѣ́сицъ, я́стрибъ, ви́дилъ и т. д. § 39. Съ звукомъ «и»: бу́дитъ, хóчитъ, óсинь, кáмпинь, кóринь, дéвить, дéсить, дéвирь, ду́ринь, лéбидь, óчинь и т. д. Разницы нѣтъ,—говорятъ: бу́дишь, бу́димъ, бу́дитъ; лѣ́зишь, лѣ́зимъ, лѣ́зитъ, тóпишь, тóпимъ, тóпитъ и т. п. § 40. Говорятъ: писи́ти, крестья́ни, ходи́ти (вм. писи́те, крестья́не, ходи́те). Говорятъ различно, больше съ звукомъ «и»: дешéвли, бóли, ши́ри, кры́льи, плáтьи; нѣкоторыя слова съ звукомъ «е»: трóе, старѣ́е, пóньче; и съ звукомъ «я»: тепéря. Говорятъ съ звукомъ «и»: вмѣ́сти, на базáри, въ пóли, въ гóроди, на у́лици, въ дóми и т. д. Въ остróги, на горóхи, въ скáзки, въ нѣ́спи, въ рóщи и т. д. Всегда слышно съ «и»: молоды́и, худы́и, таки́и, слѣпы́и, дóбрыи и т. п. Разницы въ такомъ и подобныхъ случаяхъ при произношеніи не замѣчается. § 41. Слышно только:

ма́мпинька, ма́лпинькая, О́лпинька, ми́лпинька и т. п. Говорятъ такія слова больше на «е»: дѣло́въ, село́, весло́, пѣту́хъ, небо́сь, а нѣкоторыя на «и»: ни тро́нь, ни ду́май, ни приде́тъ, ни говори́лъ, ни зна́етъ и т. д. § 42. Произносятъ «и»: доро́жпинька, Ма́шпинька, сва́шпинька, подру́жпинька, хоро́шпинька и т. п. § 43. Ка́мушекъ. Въ нѣкоторыхъ словахъ замѣтно выпаденіе: пирвизи́, пиркуси́ть, привярну́ть, виртяпо́ (вм. перевези́, перекуси́ть, перевернуть, веретено́), остальныя же произносятся вполнѣ: Емельяпъ, диспти́на и т. п. Пропуска звука «и» у насъ не замѣтно. Всегда говорятъ: величаютъ, игу́меньша, Илю́ша и т. п. § 46. Всегда слышится «ё»: берёза, мё́ду, вё́спу, живёмъ, придё́мъ и т. п. § 47. Произносится всегда вѣрно «е» или «ё»: если, е́сть и есь, ёлка, ель, ещо (ещё), роевня, даёмъ, подаёмъ и т. п. § 48. Звукъ «э», кромѣ словъ литературныхъ, въ нашей мѣстности вообще очень рѣдко произносится. Даже здѣсь помѣщенныя слова у насъ произносятся вѣрно то со звукомъ «е»: отсе́да, у одне́хъ, то съ «о»: одно́й, свято́й, кро́ю, мо́ю, то́ю, той, то съ «ы»: худы́хъ и т. п.; э въ словахъ: отто́да, отто́ль. § 49. Не слышно у насъ такой замѣны буквы «ѣ» звукомъ «п». Говорятъ: се́ять, се́верный, де́вочка. Перехода «е» въ «и» у насъ нѣтъ. Всегда говорятъ: вре́мя, верхъ и т. п. § 51. Всегда произносится «п», но никакъ не «я»: вы́пилъ, по́лилъ, куса́ли и т. д. § 52. Говорятъ всѣ слова всегда вѣрно съ мягкимъ звукомъ «и», кромѣ слова «грыбъ, грыбы́». § 54. Всегда всѣми произносится звукъ «о»: кро́шишь, сойде́тъ и т. п. § 55. Въ подобныхъ словахъ дѣйствительно слышится вм. «ы» звукъ а. Говорятъ: чо́рпап, се́рап, до́брап, кра́снай и т. п. (вм. чо́рные, се́рые, до́брые, кра́сный). § 56. Всегда въ подобныхъ случаяхъ звучитъ чистый звукъ «у»; замѣны не бываетъ. Говорятъ: мужики́, мужика́, мужи́къ, шу́бу, тра́вку, за́мужъ и т. п. § 57. У многихъ словъ дѣйствительно остается «ся» вм. «сь»: пришло́ся, скопча́лася, развалилася, завалилпся и т. п. Вм. «ся» иногда произносятъ «сь». Говорятъ: умыва́йсь, утира́йсь, ката́йсь (вм. умыва́йся и т. д.). § 58. Нѣкоторыя слова дѣйствительно произносятся кратко: набѣдамши, забидѣла, бѣгашь, бѣ-

гамъ, твавó, мамý и др. Говорятъ: пыгрáть, пымáть, прызноси́ть. § 59. Говорятъ: рабóту, сказыву, дѣлу, но цѣлу́итъ, мóитъ. § 60. Кромѣ слова «Аржáтскъ» (вм. Гжáтскъ), въ другихъ ничего подобнаго не замѣчалъ. Дѣйствительно, всѣ приведенныя и имъ подобныя слова говорятъ съ указанной здѣсь вставкой: скаваре́цъ (вм. скворе́цъ) и др., кромѣ «гричи́ха» (никакъ не «гарячи́ха»). У нѣкоторыхъ слышится: тыварóгъ, скываре́цъ, тыракáнъ, тынарóмъ (вм. топорóмъ) и т. п. § 61. Говорятъ: гадóфъ, дварóфъ, крофь и крофъ, славна. § 63. Всегда слышится обыкновенное «у»: унéсъ, удави́лъ, удáрилъ, угоди́лъ, уроии́лъ, ужáлила, усыи́са, украла и т. п. Говорятъ вѣрно: въ острóгѣ, ушли́, въ одномъ, у всѣхъ и т. д. Часто исчезаетъ «в»: зоýтъ, бáушка, дѣушка, жиýтъ, галóушка, карóушку, на зóу и т. п. (вм. голóвушка, корóвушку, по зóву и т. п.). § 64. Никакого звука не приставляется. Всѣ слова произносятся чисто: Осипъ, Ольга, авесъ, утка, улица, осень, очень и т. д. § 65. Говорятъ: давно, внукъ, сравняется, деревня и т. п.; говорятъ: введу, въ домъ, въ томъ, въ бокъ. § 66. Всегда слышатся вм. б, в — звуки и, ф. Говорятъ: дварóфъ, карóфъ, журáфъ (вм. журáвль), прибáфъ (вм. прибáвъ). Дупъ, лопъ, столиъ, кóропъ, жóлупъ и т. д. Трáфка, ф цéркви, ф садý. § 67. Произносятся твердо: семъ, гóлупъ, крофъ, брофъ, приготофъ. Рупъ, журáфъ, кораипъ. § 68. Правильнѣе съ «ъ»: деревъня, крѣпъче, дѣфъки, щепъки и т. д. § 69. Всегда произносится ф: Митрофанъ, сарафапъ, Афанасій, Ѳедоръ, цыфра, фунтъ, Софья, картофель. Фатера, кухня. § 70. Подобно московскому выговору — въ однихъ словахъ звукъ «г» ближе къ «к», въ другихъ къ «х». § 71. Какъ въ Москвѣ: товó, моевó, слѣпóва. Произносятъ: моевó, моеó (вм. моегó), тавó, таó (вм. того) маво, мао (вм. моего) и т. п. Караводъ. § 72. Со звукомъ «к»: долкъ, друкъ, сапокъ, рокъ и др. Въ друкъ — друга «г» ближе къ «к» § 73. Говорятъ: одно́й, сырóй, худóй — у одно̀й, у сырò̀й, у худò̀й. Говорятъ: надóтимъ, сóтого, вóтотъ, и скажутъ съ «ъ» — к этому, с этого, в — óтотъ. Съ мягкими — дóлгій, крѣпкій, мéлкій и др. § 74. Всегда гово-

рятъ твердо — ка, ку, ко: хозя́йка, чайку́, то́лько. Вездѣ сохраняются твердыя окончанія ку, ка (вм. кю, кя). § 75. Говорятъ хло́поты, но ве́ткая; вм. къ ка́зни — хъ ка́зни; остальныя слова произносятся правильно. § 76. Правильнѣе: ле́хъкіе, ле́хъче, палехъчи́ть. § 77. Правильнѣе указанныя слова произносятся съ «ь». Кромѣ словъ — шешна́дцать, чича́съ и дражни́ть (вм. шестна́дцать, сейча́съ и дразни́ть), остальныя всѣ произносятся вѣрно. Письмо́, вазьму́. § 79. Говорятъ: сатъ, готъ, ротъ, наро́тъ. § 80. Смягчается, но не во всѣхъ словахъ. Говорятъ: на оси́нъкѣ, лаха́нька, са́нъки, пѣ́сенъка, ба́шенъка, со́нъце, но О́ленька, ма́менька, ду́шенька. Говорятъ мягко: пе́рьвый, верьхъ, све́рьху, це́рьковь, серьнъ, зе́рькало. Дво́рьникъ, го́рьница, по́рьча, карьми́ть, карьзи́на. § 81. Говорятъ «дверька»; остальныя-же всѣ слова произносятся твердо. § 83. Буква «ч» произносится крестьянами всегда такъ же мягко, какъ мной. Звуки ц и ч произносятся всегда и всѣми умѣстно. Многіе дѣйствительно вм. «ч» произносятъ въ нѣкоторыхъ словахъ ш: коне́шно, привы́шна, полномо́шный, пшини́шный, дура́шливый, горемы́шная. Нѣкоторыя же слова произносятся съ звукомъ «ч»: вѣ́чный, то́чно, драчли́вый и т. п. Говорятъ: пшини́сный, но моло́чный. По́шта, но почте́нный. Всегда произносится твердо: оте́цъ, купе́цъ, кузнецу́, овца́, конца́, па́лицъ и т. д. Говорятъ: ца́пля, цана́, цѣ́лый, но твѣты́ (вм. цвѣты́). § 85. Вездѣ слышно твердое произношеніе звуковъ ж и ш. Говорятъ пожа́луста (вм. пожа́луйста), даже «пожа́ласта». § 87. Правильнѣе будетъ: здѣ́шъній, ночле́жъникъ, грѣ́шъникъ, безбо́жъникъ, пиро́жъникъ и т. п. Говорятъ друзья́. § 88. Вѣрнѣе произносятся, какъ «шьчь»: шьчю́ка, шьчётъ, шьчи, гу́шьче, паишьчи́ (вм. поищи́), ташьчи́ (вм. тащи́). Всѣ говорятъ: дажжа́, визжа́ть, выѣзжа́ть. Вм. «дождь» слышится: дошъ. Вм. что — «што». Произносится «мла́тшый» и «мла́ччій». Ушо́тшы и ушо́ччи. § 90. Въ нѣкоторыхъ словахъ отпадаютъ согласныя: снесь, абрю́съ; большинство-же произносится вѣрно. Всегда слышится: ла́нно, ви́нно, онна́ко, бѣ́нный, анна́, о́мморокъ; на́ полни, атту́дова, аттэ́дова, но «сукно̀» произносится всегда вѣрно.

За исключеніемъ «ба̀ушка» (вм. ба́бушка) всѣ указанныя слова произносятся правильно. § 93. Дѣйствительно говорятъ: здравъ, страже́нье, покупля́ть и т. п.

Удареніе. § 91. Всѣ подобныя слова произносятся вѣрно: го́ру, го́лову, цѣ́ну, сто́рону, ско́вороду, зе́млю, зи́му, до́ску, се́реду, ру́ку, со́ху, бо́рону, ду́шу и т. п. Говорятъ «два ряда́»; остальныя выраженія произносятся правильно. Говорятъ — болота́, по болота́мъ, ворота́ и воро́та, но всегда — колёса, мѣста́. Произносятъ только: вели́ка и велика́, остальныя же слова всѣ — вѣрно: слѣпа, жива, стара и т. д. Всегда говорятъ: ма́ленякъ, пло́хенякъ, но всегда — коро́токъ. Широ́ко, высо́ко, дале́ко, но говорятъ также и широко́, высоко́, далеко́. Брала́ и бра́ла, померла́, умерла́, прорвала́ и прорва́ла, пробыла́, гнала́ и гна́ла, родила́, бы́ло и было́, случи́лось, годи́лось и т. п. Говорятъ: бра́ли, кра́ли, про́жили и прожи́ли, по́были и побы́ли, не́ жили и не жи́ли, про́пили и пропи́ли. Побѣгла́, пе́редали и переда́ли, у́меръ и уме́ръ, при́нялъ и приня́лъ, по́мерло, поме́рло и померло́, за́перъ и запе́ръ, оста́лась, за́перлись, запе́рлись и заперли́сь. Не сло́манъ, напи́сано, принесёнъ. За́перто и запёрто, распрётый. Дои́ла и до́ила. Повернёшь и пове́рнешь, разстегнёшься и разсте́гнется. Остальныя — произносятся вѣрно. Скажутъ: до этого су́да и до этого суда́, о́льха, подъ бако́мъ и по́дъ бакомъ, валки́ и во́лки, валко́мъ и во́лкомъ, ко́ломъ убью и кало́мъ убью, отъ роду́ жизни и отъ́ роду жизни. При́говоры, приговоры, а больше — приговора́. Спервá и спе́рва, по́слѣ, послѝ и опослѝ. Всѣ же прочія слова произносятся всегда только съ вѣрнымъ удареніемъ. На казну́, на́ верхъ и на ве́рхъ, три дня́ и три́ дня.

Склоненіе. § 94. У батюшки, къ мальчишку. У вдовѣ́, съ избѣ́ — слыхалъ. § 95. Вмѣсто ы часто употребляется «и». Говорятъ: у нивѣсти, для скоти́ни, для коро́ви, у Васили́си, у Мари́ни и т. п., но всегда — съ рабо́ты. Говорятъ за «ма́терюй, до́черюй» (вм. за ма́терью, до́черью). Говорятъ: гряда́, податя́,

деревня́, волостя́, въ остальныхъ же словахъ такой замѣны не слыхалъ. Всегда всѣ говорятъ—старостá. § 96. Говорятъ «дитя́», но склоняется неправильно: дитя́, дити́, дитѣ́, дитю́, дитёй, о дитѣ́. Всегда говорятъ: дровá, но полóтны, гýмны, óкны, сёлы, кòльцы, болóты и т. п. Полéй, дѣлóвъ, гнѣздъ, селъ и др. § 97. Это есть одна изъ главныхъ неправильностей нашей мѣстности. Всѣ и всегда употребляютъ дат. мн. ч. вм. твор.: рукáмъ, погáмъ, граблямъ, лошадя́мъ, глазáмъ, ушáмъ, цѣпáмъ, топорáмъ, за нáмъ, за вáмъ, за домáмъ, укусилъ зубáмъ и т. п., вм. рукáми, укусилъ зубáми и т. п. Въ нѣкоторыхъ словахъ употребляется и вм. ы: сы́тн, виновáти, а больше—«ы»: прáвы, пья́ны, богáты, голóдны и т. п. Въ подобныхъ случаяхъ произношеніе у насъ всегда правильное. § 98. Дѣйствительно, всегда вм. ую, юю произносится ою, аю: дóбраю, рябóю, си́льнаю, хорóшаю, дли́ннаю вм. дóбрую, си́льную, хорóшую и т. п. Вм. омъ иногда употребляется ымъ. Говорятъ: на худы́мъ, на дурны́мъ, на больны́мъ, въ таки́мъ, на сѣ́рымъ и т. п. (вм. на худóмъ и т. д.). § 99. Нѣкоторыя неправильности приходится слышать, напримѣръ: тяжéльше, прощѣ́е, жарчѣ́й, шыпчѣ́й и т. п. § 100. Въ подобныхъ случаяхъ всегда почти приходится слышать неправильныя произношенія; на тэ́й (вм. на тóй), объ таё (вм. объ ту), ты́е (вм. тѣ́), тоё (вм. ту), ты́и, тѣ́и (вм. тѣ́), съ тыхъ (вм. съ тѣхъ), на ты́мъ (вм. на тóмъ) и т. п. Скажутъ: бей её, у éй, на éй, на нéй; онъ и ёнъ, они́, а нѣкоторые и яны́, яна́ и она́. До кéнхъ (вм. до кóнхъ), съ кѣхъ (вм. съ кóнхъ), обѣи (вм. óбѣ). Всеё и всю, одноё и одну́, самоё, но всегда—всей. Говорятъ: мавó, твавó (вм. моегó, твоегó), маму́, свамý (вм. моемý, своемý). § 101. Въ подобныхъ случаяхъ больше слышится произношеніе вѣрное, но говорятъ и тремя́, двумя́, четырмя́. Другихъ неправильностей не слыхалъ. Окончаніе «ёхъ» употребляется часто: двадцатёхъ, пятёхъ, у сямёхъ и т. п. Говорятъ: по пяти́ копѣ́екъ и по пя́ть копѣ́екъ.

Глаголъ. § 103. Всегда употребляется въ подобныхъ случаяхъ ё: идёшь, запьёшь и т. д. Говорятъ всѣ — запрягёшь вм.

запряжёшь, испикёшь вм. испечёшь. Вм. бьёшься — бьёстя, убьёстя, дождёстя, ашибёстя и т. п. Всегда употребляется «тъ»: игра́етъ, берётъ, хо́дитъ, во́дютъ, плету́тъ и т. п. § 104. Окончаніе «еть» совсѣмъ въ такихъ случаяхъ не употребляется. Вм. «ётся» больше слышится ёцца — трёцца, достаёцца, возьмёцца, придёцца и т. п. Употребляются окончанія атъ, ятъ, которыя часто при произношеніи замѣняются окончаніями утъ, ютъ. Говорятъ: хо́дютъ, су́шутъ, но́сютъ, про́сютъ, де́ржутца, пло́тютъ, е́здютъ, хва́лютъ, лю́бютъ и т. п. Извѣстна только одна форма утъ, ютъ—хо́дютъ, су́шутъ. Краткая форма у насъ совсѣмъ не употребляется. § 107. Вм. бережёшь говорятъ — бригёшь; § 108. Часто приходится слышать: вы́ложь, уви́дь, сгонь, не ропта́й, по́дь-ко сюда́ (вм. поди́-ка сюда́), да́-кось, приди́-ка (вм. приди́), взглянь (вм. вы́глянь), глянь (вм. поглядп). Другія же здѣсь помѣщенныя неправильности у насъ не употребляются. § 110. Кромѣ словъ: пти́ть, притн́ть, дойти́ть, рость (вм. идти́, придти́, дойти́, расти́) другія формы неправильно у насъ не употребляются. Изъ приведенныхъ здѣсь формъ неправильно употребляются только: да́денъ, да́дено, у́брата и убрата́, околѣлый. § 111. Говорятъ: набрато́ (вм. на́брано), подобра́тый (вм. подо́бранный), подгорѣлый (вм. подгорѣвшій) и т. п. У́ехатчи, зайшо́тчи говорятъ, но посе́тчи—пѣтъ. Негоця́щій, несто́ющій, околѣва́ющій, умира́ющій, проси́щій, прожива́ющій, броця́чій и т. п. Сохраняется ся во многихъ словахъ: бою́ся, скажу́ся, побожу́ся, ложу́ся, напью́ся, оберну́ся, засмѣю́ся и т. п. Са и сп совсѣмъ у насъ не употребляются. Многіе и очень часто произносятъ «покупля́ть» (вм. покупа́ть). Нѣкоторые говорятъ рабо́тутъ, ку́шутъ, тре́бутъ.

Синтактическія особенности. § 119. Средній родъ часто замѣняется, въ особенности въ мѣстоименіи мужескимъ родомъ «онъ»: онъ отворенъ — вм. оно отворено. Онъ разбился самъ (стекло) вм. оно разбилось само. § 121. Всегда употребляется дат. мнж. вм. твор. Всѣ положительно говорятъ:

страда́ю нога́мъ (вм. страда́ю нога́ми) и т. п. § 122. Говорятъ: на Петры́ и Па́влы, около Мико́лѣ, Веденьё вм. Введе́ніе, Кузьмы-демья́на вм. Козьмы́ и Дамія́на, на Успленьё вм. на Успеніе и т. п. Скажутъ: я хотѣлъ спросить васъ и спросить у васъ; я ихъ не касался, и до нихъ не касался, и къ нимъ не касался; мы объ этомъ не знаемъ и мы про это не знаемъ. Соскучился по васъ; отвѣчать отцу. Всегда всѣ говорятъ: играть въ скрипку, въ гармонью и въ гармонію; курить въ трубку; тосковать о комъ-нибудь. § 123. Читать въ книжку. Завидуемъ птицамъ, стрѣлять изъ ружья, жениться на комъ-нибудь и т. д. Говорятъ различно: пришло два мужика, пришли два мужика и пришло двое мужиковъ; пріѣхали два человѣка и пріѣхало два человѣка; подрались два мальчика и подрались двое мальчиковъ и т. п. Два дупленые тулупа и два дупленыхъ тулупа, двое новыхъ грабель; два хорошіе мальчика и два хорошихъ мальчика, двое хорошихъ мужиковъ, два хорошіе мужика и два хорошихъ мужика. Оба не работники, и они обои не работники. Вмѣсто «какъ» «чимъ» не употребляется. Вмѣсто что — чего часто говорятъ. Чего́ ты дѣлаешь, вмѣсто «что ты дѣлаешь»? § 130. Въ говорѣ нашей мѣстности чаще употребляются неправильныя окончанія, — омши, ёмши: одѣмши, разорвамши, поѣмши, похлебамши, попимши и т. п. — Употребляется очень рѣдко одна только частица «тка»: ужо-тка, приди-тка, поди-тка, приписи-тка и т. п.

Хороводьная пѣсня. [1])

1.

Большой тума́нъ при далине
Шпрокай листъ на молине
Есьть пошире на дубочки.
Тамъ воркуютъ голубочки и гарюютъ
Манилъ моладецъ дѣвочку

1) Записаны ученицами II и III отдѣленій.

Ни сваю чужую
Пойдемъ радость поцалую
Нашто чужую цалавати
Таски сердцу придавати
Сталъ молодецъ дѣвку цаловати
Стала дѣвица рыдати.

2.

Вдоль по морю морю синему.
По синему по волынскому.
Плыветъ стадо гусей сѣрыхъ.
По сиредочкѣ либѣдушка бѣлая.
Она плыветъ, да не тряхнется.
Не тряхнется ни ворохнится.
Въдругъ уточка встрепенулася.
Подъ ней море всколыхнулася.
Свежа вода возмутилася.
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ.
Ушибъ зашибъ лебедушку бѣлую.
Онъ кровь пустилъ по синему по морю.
А перышкѣ по чисто по полю.
А мелкій пухъ по кусточкамъ разнесло.
Пила руду бѣла рыбица.
Брала перьи красна дѣвица.
Она дружку во подушечку.
Сердечному возголовьице.
Тутъ шелъ прошелъ разудалый молодецъ.
На Богъ помочь красна дѣвица душа.
Она ему ни склонилась ни здоровилась.
Грозилъ парень красной дѣвицѣ душе.
Скоро дѣвка догадалася.
За молодцамъ поганялася.
Прости милый виновата перъ тобой.
Ну Богъ проститъ красна дѣвица душа.

Этой пѣсенки конецъ.
Цѣлуй дѣвку молодецъ.

3.

Травушка муравушка зеленепькій лужекъ,
Знать-то мнѣ по травушкѣ не хаживати,
Травушку муравушку не тантывати,
На свою-ли расхорошую не глядывати,
Знать моя хорошая во горенкѣ сидитъ,
Скрось она окошечка на моладца глядитъ,
Душечка ты молодчикъ,
Мальчишка молодой,
Что радость не ходишь,
На улицу гулять,
Чего-же ты не становишся,
Со мною младой, со мною молодой,
У меня-ли молодой,
Грозенъ батюшка родной,
Онъ грозенъ, грозенъ, да не милостивъ,
Не пускаетъ молоду,
Гулять вечеромъ одну.

4.

Я на стульчикѣ спжу
И топоръ въ рукахъ держу
Поскорѣя гуляй веселѣя,
Я топоръ въ рукахъ держу
Самъ я колышки тешу
Изгороду горожу,
Поскорѣя гуляй веселѣя
Я згороду горожу,
Хрѣнъ капусту сожу
Поскорѣя гуляй веселѣя,
Хрѣнъ капусту сожу
У кого капусты пѣтъ

Приходи къ намъ въ огородъ во дѣвичій хороводъ
Во дѣвичьемъ хораводѣ
Добрый молодецъ гулялъ
Сибѣ дѣвку выбиралъ
Выбралъ дѣвку, выбралъ красну
Противъ себя становилъ
За себя замужъ манилъ
Пойдемъ дѣвка,
Пойдемъ красна
Пойдемъ замужъ за меня
Удолого молодца
У меня ли молодца
Есть кроватка тесова
Одѣяла шелкова
Вставай барыня моя
На дворѣ бѣла заря
На улицѣ бѣлый свѣтъ
Погляжу за Ваней въ слѣдъ
Куда Ванюшка пошелъ,
Куда скоро побѣжалъ
Пошелъ Ваня долиной
Ко Дуняше вдовиной.

5.

Ужъ ты садъ ли мой садъ,
Садъ зеленепькій развеселенькій
Ты зачѣмъ рано цвѣтешь разсыпаешся
Сколь далече милой мой собираешся
Ни во путь, ли во походъ, во дороженьку
Ты со всеми со людьми распрощаешся,
А со мною молодой все ругаешся
Не ругайся не бранись
Скажи милая прощай
Тутъ летела пава

Черезъ синіе моря
Уронила пава изъс крыла перышко
Мнѣ не жалко крыла, жалко перышко
Мнѣ не жалко мать отца
Жалко молодца
Служилъ годъ и служилъ два
Служилъ три года
На четвертый годъ онъ письмо прислалъ
А на пятый годъ онъ домой пришелъ
И свою прежнею нашелъ.

(Сообщилъ Г. В. Ивановъ).

---

61. *Костромской* губерніи, *Кологривскаго* уѣзда, село Халбужъ.

Авторъ сообщенія — воспитанникъ Костромской Духовной Семинаріи, уроженецъ с. Халбужъ.

Село, гдѣ я проживаю, называется Халбужъ (Костромской губ., Кологривскаго уѣзда). Оно находится въ 100 верстахъ отъ уѣзднаго города — Макарьева. Нельзя сказать, чтобы народонаселеніе нашего прихода было рѣдко, но и не многолюдно. Выговоръ нашихъ крестьянъ болѣе или менѣе правильный. То же показали мнѣ наблюденія и относительно выговора сосѣднихъ прихожанъ: рѣзкаго различія я не замѣтилъ.

Многіе изъ нашихъ крестьянъ съ осени обыкновенно отправляются «на чужую сторону», какъ они говорятъ, на заработокъ. Зимнимъ мѣстопребываніемъ ихъ служатъ обыкновенно Вятская, Казанская и даже Пермская губерніи. Что всего замѣчательнѣе,—они возвращаются съ тѣми же особенностями въ выговорѣ, съ какими уходятъ.

Отношенія нашихъ прихожанъ къ сосѣдямъ самыя обыкновенныя: ссоръ общихъ не бываетъ, потому что нѣтъ ничего по-

чти общаго, дружбы — тоже. Дикарями нашихъ крестьянъ назвать нельзя, хотя грамота коснулась пока очень немногихъ.

Самъ я сынъ умершаго 17 лѣтъ назадъ причетника; проживалъ и до сихъ поръ проживаю въ этомъ селѣ. Образованіе получаю въ настоящее время въ Костромской Духовной Семинаріи — въ V классѣ.

Гласныя. § 1. Характерною особенностью нашего мѣстнаго нарѣчія служитъ то, что въ словахъ, гдѣ встрѣчается буква *о*, жители ударяютъ болѣе сильно. То произношеніе, которое называется «московскимъ» съ преобладаніемъ буквы *а* вмѣсто *о*, здѣсь встрѣчается какъ рѣдкое исключеніе. Окулина, Описимъ, Оксинья, Ондрей, Онтонъ, Олексѣй, Описья; батюшко, Иванушко, дѣдушко, дитятко, дядюшка; омбаръ (анбаръ), олтарь, тонцовать, ло$^{п}_{м}$надка, торелка—тарелка; розговоръ, розбить, розбирать, розсѣять, розникать, розсказывать, розсчитать, розвозить, роспахать, ростянуть, ростопырить (вм. разставить); робота, роботáть, роботникъ, рѣдко — работа, работникъ, роботáть. Разумъ, но не розумъ. § 2. Ты плáтишь; кáтишь и катúшь. § 3. Замораживать и замораживать, зароботывать и заробатывать, подзадоривать и подзадаривать, унавоживать и унаваживать. § 4. Такихъ словъ, въ произношеніи которыхъ крестьяне бы употребляли *а* вм. *о*, не много: напр., раждаться вм. рождаться, таварищъ вм. товарищъ, манахъ и монахъ; подомарь (пономарь), салдатъ, карабль, тварогъ. Доброва, худова, хорошова, новова, большова, храмова и др. § 5. Приходилось слышать нѣчто среднее между *у* и *о* и то въ произношеніи нѣкоторыхъ, немногихъ крестьянъ, напр.: угурцы, пуйду вм. пойду, вузьму вм. возьму, схужу вм. схожу и др. Точно такъ же и въ такихъ словахъ, какъ воля, смотритъ и др., въ произношеніи нѣкоторыхъ крестьянъ звукъ *о* похожъ на *у*; но это исключеніе; у большинства онъ выходитъ чисто. § 6. Омельянъ, Олена; робенокъ, робята; топерь и топерича; держать, задержать; седни и севодни; жготся, жжотся, запрягомъ, текотъ; дёпышко, мéтелёкъ (мотылекъ), бездённый. § 7. Ёй, о нёй, о нёмъ, о твоёмъ

и пр.; сплетни, подёнщикъ, подёнщина. § 8. Нянёкъ; покойничёкъ, денёгъ, зятёмъ (зятемъ), родителёвъ, дѣвицёй, чаще дѣвицой, Оксиньёй, Господнёй, въ третьёмъ, въ Божьёй; принимаётъ, уѣдётъ, проѣдёшь, знаёмъ, хвастаитё; морё, полё, напасьё (напастье), воскресеньё, несчастьё, времё, имё, сиротское, доброё, хорошоё. § 9. *О* вмѣсто *е* послѣ буквъ *ж* и *ш* употребляютъ сравнительно рѣдко. Говорятъ, напр., шолуха, но: жена, жемчугъ, женихъ, чашокъ (чашекъ), машотъ, напишомъ, нашо, вашо; ну жо, что жо. § 11. Перышко вм. пёрышко, дергать вм. дёргать; въ остальныхъ же помѣченныхъ здѣсь словахъ употребляютъ *ё*. § 12. Скорѣя, похитрѣя; запрягъ и (рѣже) запрёгъ, головёшка, кресло, словесно, колесный, трясъ, лёхкой; затёсывать; пощолкивать. § 13. Вм. дверь нерѣдко говорятъ двирь, вм. петля—питля, вм. мельница — мильница, вм. кузнецъ—кузницъ и кузничь; копиць и копичь. Вм. себя и меня говорятъ сибя и миня; пишшо (еще), нидиля (недѣля). Несите̋, кладите̋, деритёсь, везите̋. § 14. Моѣ, твоѣ, своѣ, буква *ъ* удерживается и въ другихъ падежахъ. § 17. Бароня, судароня. § 18. Глыбоко, глыбь. § 19. Крѣпкій, мелкій, пѣгій и пр.; понукивать, подтягивать, опахивать. § 20. Разница въ произношеніи буквъ *ъ* и *е* въ такихъ словахъ, какъ мѣлъ и мель и пр., замѣтна въ говорѣ нашихъ крестьянъ, хотя и не такъ сильно, какъ она проглядываетъ не у крестьянина. Во многихъ словахъ у крестьянъ появляется нѣчто среднее между *е* и *и*—въ первомъ случаѣ (мѣлъ) болѣе твердо, во второмъ (мель)—болѣе мягко. Причина, должно быть, та, что наши крестьяне нерѣдко замѣняютъ букву *е* буквою *и*: миль вм. мель, питля вм. петля, двири вм. двери; а эта привычка отражается и на другихъ словахъ. § 21. Хлѣбъ и хлибъ (хлибецъ), хливъ, клитка, сдилаю, пообидать, полипо, ихать (вм. ѣхать), рика (вм. рѣка), ричька; здись, мидь, липь, ричь, систь, исть (ѣсть). Митить, намитить, повисить, виникъ, мисяцъ, встрича, симя, спии, вирить, смiютъ, цидить, симена, стрiлять, минять, одiяло. § 22. Застрялъ, — рѣже застрѣлъ. § 23. Вмѣсто *я* рѣдко употребляютъ *е*: петьдесятъ; петно,

езыкъ, везать, месной, светой, петакъ, петй, десетй, гледѣть; чесы и (рѣже) часы; желѣть, шелунъ и (рѣже) жалѣть, шалунъ. § 24. Доброй, хорошёй, синёй, весеннёй; въ именахъ собственныхъ окончаніе *ей* нерѣдко замѣняется окончаніемъ *ій*: Алексій, Матвій, Тимоѳій; бываетъ и наоборотъ: *ій* замѣняется *ей*: Васплей. § 25. Думаёшь, знаёшь. § 28. Наши крестьяне говорятъ медленно и раздѣльно, и такихъ случаевъ, гдѣ бы стушевывались гласныя, встрѣчать не приходилось. § 29. Оржаной и (рѣже) аржаной; потолока вм. потолка, и то рѣдко.

Согласныя. § 31. Въ словѣ Богъ *г* выговаривается значительно мягче, чѣмъ въ сл. рогъ. Слова, напр., богатый и рогатый при чтеніи имѣютъ *г* мягкое, какъ въ словѣ Богъ; доброва, худова. § 32. Телѣкъ, рокъ, сапокъ; мяхкій, лёхкій. § 36. Куфарка. § 37. Хъ попу, хъ тому, хъ кому, хъ царю; гъ дереву, гъ желѣзу, гъ деревнѣ. § 39. Сварьба (рѣже—свадьба), усарьба (рѣже—усадьба). § 42. Цыпленокъ и чипленокъ, цяпля и чяпля, улици и улчи, коньци и коньчи, молодець и молодечь, цярь и чярь и т. д.; вообще послѣ буквы *ц*, замѣняемой иногда черезъ *ч*, всегда слѣдуетъ мягкая гласная. § 43. Чѣпь, чѣлый (цѣлый), черковь (церковь), чапкій (цапкій), хлѣбчя (хлѣбца) и обратно: целовѣкъ (человѣкъ), цёрный (черный), пець (печь), рицька (рѣчька); бываетъ, хотя рѣдко, что одинъ и тотъ же человѣкъ говоритъ и ночь и ноць; у многихъ же трудно различить, *ц* или *ч* они произносятъ въ такихъ словахъ, какъ человѣкъ, царь и пр. § 44. Послѣ буквъ *ж* и *ш* гласныя произносятся твердо: жалко, жэлаю, шуба и пр. § 45. *Ч* произносятъ, какъ и обычно, мягко; вм. што: щё, штё и (рѣже) што. § 46. Свяшшенникъ, слашше, чишше, пшшу и др.; дрожжы, вожжы, съѣжжаться; жжотъ, ждётъ; годпсся, сбираесся; дѣлаетца; учуся, остаюся, ударился. § 47. Вшого (много), скрозь; слобода (свобода), ослобонить; скусный (вкусный); трахтъ (трактъ). § 48. Звукъ *в* въ срединѣ слова рѣдко замѣняется *у*; говорятъ, напр., дешеўле (дешевле); дѣушка, вѣкоуха, пѣунья (пѣвунья), баушка. § 50. Ходиў, браў,

Васіу́ко, доу́го, моу́чалъ и др. § 51. Омманъ, оммануть; скипѣ́ть, трось, шесь, Пётъ, шесъ (шестъ). § 52. Ротъ, сутъ, гропъ, корофъ, моросъ, хлѣпъ, сгрёпъ, лётъ, назатъ и др.; рокъ, друкъ. § 53. Крофь, любовь, семь, прорупь, голупь, рупь (рубль); зв. *т* въ окончаніи 3-го лица твердый; перьвой, серьпъ, зерькало, церьковь; дворьникъ, горьница—мягко; харьчевня; зв. *п*, *б*, *в* произносятся мягко; плотьникъ, огородьникъ, скотьникъ; вслетьствіе, бетьствіе и т. д.; въ словахъ здѣшній, прежній и под. *ш* и *ж* большею частью произносятся твердо; лехче; барьской, царьской, деревеньской, женьской, русськой, московськой и др.

Ударепіе. § 54. Жемчу́гъ, на лошади́, на ко́няхъ, ко́ней, моло́ченіе, я́ицъ, легокъ, чаща́, деньга́, со́сна, ко́ситъ, спитё, ѣдитё, хотитё, неспте́, кладите́, бу́дётъ, и́кать, ика́ть, вале́жникъ, валёжникъ, обу́хомъ, на лошади́, отъ но́чи, на ко́няхъ, ко́ней, творогу́, ве́рба, вёдрами, закла́дка, подру́га, подру́жка, успѣ́хъ, ста́ва, отста́вка, поста́вка, заку́ска, простыня́, моло́ченіе, сре́дства, воро́та, боло́та, бра́тья рѣже братья́, я́ицъ, молодо́й, мо́лодъ, легокъ, мя́гокъ, тѣ́сный, чаща́, деньга́ рѣже де́ньга, казна́, до́чка, со́сна, сосна́ (рѣже), о́льха, судьби́на, въ рѣку́, свинью́, двѣ версты́, деревѐнь, онъ ко́ситъ, рѣже онъ коси́тъ, роди́тъ, звоня́тъ, онъ роди́тся, спитё, ѣдитё, ѣди́те (рѣже), хотитё, хоти́тё (рѣже), неситё, кладите́, бу́дётъ, вопи́ть, робо́тать, ка́шлять, поло́жить, положи́ть (рѣже), предполо́жить, попу́дить, подойти́, принести́, розогна́ть, говори́ть, говори́шь, богатѣ́ть, осырѣ́ть, позва́лъ, рѣже по́звалъ, собра́лъ рѣже со́бралъ, погна́лъ рѣже по́гналъ, посла́лъ, рѣже по́слалъ, перестрѣли́лъ, дострѣли́лъ, приведёнъ, привезёнъ, принесёнъ — приведена́, принесена́, привезена́, проведёнъ; туго́й, сыро́й, шо́лковый, друго́й, прѣсно́й, гря́зный, бу́рный, ме́лкій, ло́вкій, жа́ркій, рѣ́дкій, то́нкій, ро́бкій, толсто́й, то́лстый (рѣже), че́рствый, суро́вый, ино́й, ка́жинный; иду́тъ, идётъ, вы ку́ритё, не мо́гутъ, ска́жутъ, стегнётъ, разорвёшь, отогнёшь, подойдёшь, пойдёшь, помахнётъ; козырну́ть, поверну́ть, ужасну́ться, отдохну́ть, кувырну́ться, пошат-

ну́ться; случи́лось, бра́вши, напи́вшись, взя́вшись, о́пасно, опа́сно (чаще), высо́ко, высоко́ (чаще), далёко, далеко́ (рѣже), глубо́ко, глубоко́ (рѣже), мо́жно, тёмно, темно́ (рѣже), иногда́, никогда́, завсегда́; четырёхъ, семна́дцатый, самого́, другого́, другому́, рѣже — дру́гой, одного́, одному́, никого́, ничего́; на го́ловѣ, къ зи́мѣ, въ сто́ронѣ (такъ!) не́ былъ, три́ года, два́ дни; по́дъ вечеръ, на́ поле (пошелъ), на́ небѣ и пр. § 55. Нашъ мѣстный выговоръ пѣвучестью не отличается; въ этомъ отношеніи онъ сходенъ съ выговоромъ мѣстной интеллигенціи. Крестьяне говорятъ четко — ни слишкомъ медленно, ни слишкомъ скоро. § 56. Различія между выговоромъ младшихъ и старшихъ не замѣчается. Правда, мальчики, обучавшіеся въ мѣстной школѣ, въ первое время по выходѣ изъ школы говорятъ болѣе правильно, но, кажется, не надолго.

Склоненіе. § 57. Пшена (хотя рѣдко), просу сѣять, жнитва; трека вм. трико (матерія) (род. треки, дат. трекѣ и т. д.); этотъ яблокъ. § 58. Изъ дому, изъ городу, того году, того мѣсяцу, съ потолку, безо сну и пр.; третьяго дни, къ Ильину дни. § 59. Князьё, гвоздьё, братьё; стульё, кольё, сыновьё, сватовьё, дурачьё (дураки); ста́роста (им. мн.); крестьяна, нерѣдко и крестьяне; больше: щенята, опята, хотя говорятъ также и щенки, опенки. § 60. Солдатовъ, человѣковъ; нерѣдко — ребенковъ, жеребенковъ; пріятелевъ, рублевъ, ключовъ, ножовъ; молодцы и рѣже—молодцы. § 63. Времё, имё; род. время, имя, а также и времени, имени (Сколько время? къ какому времю? и пр.). § 64. Говорятъ, но рѣдко: дѣловъ, мѣстовъ. § 66. Кра́сно, че́рно, до́бра, ми́ла и др. вм. красное, черное, добрая, милая и др. можно встрѣтить здѣсь въ народныхъ пѣсняхъ; въ выговорѣ же не встрѣчается. § 69. Въ им. множ. для прилагат. всѣхъ родовъ больше слышится окончаніе *я:* злыя люди, ясныя дни, сильныя лошади. § 71. Съ хорошимъ люди́мъ, съ милымъ дѣвушкамъ, съ веселымъ ребятамъ и пр. § 73. Миня; тибя, тибѣ и т. д. § 75. Говорятъ часто: въ ёмъ, къ имъ, съ ими́ (съ

имн); за её, у её. § 77. *Всю* и всеё; встрѣчается, хотя рѣдко: самѣхъ, самѣмъ; однѣ, однѣхъ, однѣми говорятъ, хотя и рѣдко. § 78. Моѣ, твоѣ, своѣ; моѣхъ, твоѣхъ, своѣхъ; ихній. § 79. Обѣхъ, обѣмъ. § 80. Часто прибавляютъ здѣсь къ словамъ: отъ, то, та, тѣ и даже ти; «сынотъ ушелъ», «Ванька-то ужъ здѣсь», «коровы-тѣ ушли», «гуси-ти на рѣкѣ» и др. Говорятъ и бабу-ту и бабу-то, парня-та и парня-то.

Спряженіе. § 81. Смотрить, велить (вм. велѣть), стемнять, но: стемнѣетъ, осырѣетъ. Вм. выпуть часто: вымáть, вм. вынулъ—вынялъ; обоймн. § 82. Скакаю; наймовать, подаваю (вм. подаю), недоставаетъ (вм. недостаетъ), ночеваю (вм. почую); больше, кажется, съ буквою *о:* замороживать, устроивать и т. д. § 87. Хотя и говорятъ текошь, текотъ, стерегошь и т. д., но рѣдко; хошь (хочешь). § 91. Вмѣсто окончаній тый, той здѣсь нерѣдко употребляютъ окончанія ный, ной; вмѣсто тъ тоже употребляютъ пъ; бываетъ и обратно; разогнаны, разогнаты, накладено и (рѣже) наложено. § 92. Убѣжалъ и (рѣже) убёгъ; вирёгъ, запрёгъ. § 93. Въ большинствѣ случаевъ здѣсь говорятъ: ѣдь, заѣдь.

Синтактическія особенности. § 96. Лисьё, медвѣдьё, гвоздьё. Говорятъ: «нынче колосъ полонъ», «сосна хорошая», вм. «соснякъ хорошъ» и др. § 97. Выраж.: подъ пазухи, въ достаткахъ и др. — встрѣчаются. § 99. Употребленіе род. вм. винит. иногда встрѣчается. § 100. Употребленіе род. вм. винит. при гл. есть встрѣчается и даже часто. § 101. Вм. тв. встрѣчается род. съ предл. изъ. § 103. Лонись, вночéсь и почéсь, вечéръ (вм. вечеромъ). § 105. «Онъ пошелъ по копей», по овецъ, по коровъ; вм. зачастую говорятъ, правда рѣдко, въ частую. § 107. «Въ рынокъ» вм. «на рынокъ» и т. д. говорятъ, хотя рѣдко. § 108. Мимо дороги, возлѣ дороги. § 110. Сравн. ст. выражается болѣе растяженіемъ гласныхъ: крааа-сный; говорятъ: махонькій, малютисный, злющій, добрѣющій и т. п. § 111. Говорятъ

и «пришло» и «пришли». «Здѣсь было трое», «ихъ пошло пять человѣкъ», «напало три собаки» и др. § 112. Больше здѣсь говорятъ «два хорошихъ мальчика». § 113. Два разъ и раза; два рубли; три дни. § 114. Двои ворота, трои дверей и двери. § 117. Иногда говорятъ: онъ уѣхавши, она пришедши и др. § 118. Выраженія «мостъ сломившись» и т. д. встрѣчаются. § 120. Говорятъ: «пештó ему дѣлается», некуда дѣнется и др. § 121. Здѣсь чаще всего употребляютъ частицу батъ; нерѣдко—молъ; встрѣчаются также: ка, се, ста, бай. «Мнѣ, ста, вашего добра не надоть»; «я, батъ, взялъ его, да на утыку съ лѣстницы то»; «не ходи, бай: мотри ночь застанетъ» и др.

(Фамилія наблюдателя не указана).

---

66. *Костромской* губерніи, *Кинешемскаго* уѣзда, *Семеновской* волости, деревня *Борокъ*.

Свои наблюденія я дѣлалъ надъ выговоромъ жителей деревни Борка Костромской губ., Кинешемскаго у., Семеновской волости. Деревня Борокъ расположена на границѣ Кинеш. у. съ Галичскимъ уѣздомъ. Границею служитъ рѣка Корба, на одномъ берегу которой стоитъ деревня Борокъ, на другомъ же — Сосновецъ (Галичск. уѣзда). Отъ губернскаго города — Костромы Борокъ отстоитъ въ 100 в., отъ Кинешмы же — 54 в.; такое же разстояніе считается и до Галича. Названіе приходского села — Никола на Корбѣ въ 3 верстахъ отъ Борка. Оно состоитъ всего изъ пяти домовъ (духовенства). Вблизи Борка есть нѣсколько деревень—одна на разстояніи 2 в., другая—2-4 верстахъ. Самыя ближайшія деревни — это деревни Галичскаго уѣзда. Крестьяне деревни Борка часто ссорятся съ жителями этихъ деревень изъ-за скота (попадаетъ въ хлѣбъ другъ къ другу). Но однако ссоры эти не мѣшаютъ имъ родниться—брать

своимъ сыновьямъ женъ другъ у друга. Наши же крестьяне, имѣя въ виду матеріальныя выгоды, предпочитаютъ брать невѣстъ изъ Галичской стороны; за Галичскихъ невѣстъ берутъ выводу гораздо меньше, нежели за Кинешемскихъ (къ югу). Выговоръ деревень Галичскаго уѣзда почти не отличается отъ крестьянъ нашей деревни, за исключеніемъ одной деревни — Новинокъ, въ 7 в., гдѣ говорятъ почему то «съ высока и по-Масковски», выражаясь языкомъ нашихъ крестьянъ. Крестьяне нашей деревни почти всѣ занимаются земледѣліемъ.

На промыслы—на чужую сторону—ходятъ очень немногіе: во всей деревнѣ (70 дворовъ) наберется человѣкъ 15 молодежи, живущихъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ; въ другіе города не ходятъ. Занимаются малярною работою.

О происхожденіи деревни, а равно и о томъ, откуда вышли первые поселенцы, нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Предполагаютъ, что первыми поселенцами были крестьяне деревень, раззоренныхъ «Паніхой» — Поляками. Деревни эти — Дятлово, Ястребцово, Овцино находились вблизи деревни Борка, на что указываютъ мѣстности, называемыя именемъ этихъ деревень, на самомъ дѣлѣ существовавшихъ когда то. Про одну изъ этихъ деревень (Дятлово) ходитъ въ народѣ до сихъ поръ такая легенда: предъ нашествіемъ «Паніхи» — Поляковъ крестьяне деревни Дятлово, боясь потерять свои болѣе или менѣе цѣнные предметы (пкопы, ложки и т. п.), собрали ихъ въ одинъ котелъ и опустили на дно пруда, который находился среди деревни. Когда Паніха ушла, они рѣшились достать котелъ, но, къ своему сожалѣнію, не могли, такъ какъ все опущенное въ прудъ сдѣлалось «кладомъ». Были смѣльчаки, которые пытались вырыть его, но не могли,— какъ только дорывались до клада, онъ опять уходилъ въ землю. Прудъ, гдѣ находится по вѣрованію крестьянъ кладъ, въ дѣйствительности существуетъ, но только не въ большихъ размѣрахъ, и притомъ заросъ весь багуномъ и осокой, но все же онъ не высыхаетъ никогда.

Гласныя. § 1. Оксинья, Окулина, Ондрей, Ондрій, Он-

тонъ, Олексѣй-ій, Огафонъ, Олена, Огафья, Олександръ, Оксентей, Огапъ, Ондріянъ, Онаній, Онтипа, Ортемій, Офонасей, онбаръ; батюшко и батюшка, батенька и батенько, Иванушка, дядюшка, дитятко; стоканъ, онбаръ, конатъ, олтарь, торелка, тонцовать, тонцы (танцы), корета; разговоръ, розбирать, росчетъ, роспахать, розсѣять, розвозить; но можно услышать произношеніе и на *а*: разговоръ, разбирать и т. д. Больше: робота, роботать, роботникъ; рѣдко: работать, работникъ, работа; тарелка, чаще торелка; разумъ. § 2. Я плачу́, ты платишь, платитъ, катитъ. § 3. Замороживать и замораживать и т. д. § 4. Рождаться, полагать, таварищъ и таваришшъ, манахъ, манастырь; пономарь, салдатъ, карапь (корабль); слобода, мостовая, хорошо и т. д.; карабль (чаще карапь), кокушка, творогъ; доброва, худова, слѣпова. § 5. Приходилось слышать: угурцы, укунусь; остальныя слова произносятъ правильно. § 6. Омельянъ, Олена, серцо; робенокъ и ребенокъ, робята и ребята; таперь; доржать и держать; севодни и соводни; жгется и жготся, текотъ и текётъ; дёнышко; одень, оденокъ (вм. одонье); батькё (батько), маленькё (вм. маленько), толькё (только). § 7. Лёвъ, нёбо (небо), отсёль, о нёй, со всёй, твоёй, ёй (ею), сплетни, подёнщикъ. § 8. Чёло̀ (чело), горёвать, ёго, ёму; ястробъ (ястребъ!), ясёнъ, пянёкъ, покойничёкъ, денёгъ, смотрителёмъ, зятёмъ, гоголёмъ; родителёвъ, царевичёвъ, деревнёй, дѣвицой, Оксиньёй, саблёй, синёй, синёму, въ третьёмъ, въ Божьёй, въ синёй, принимаётъ, уѣдётъ, будётъ, кушаёшь, проѣдёшь, знаёмъ; хвастаите; морё, полё, подпольё, воскресеньё, здоровьё, времё, имё, доброё, черноё, сиротскоё, заднеё, скоромноё, больнё, прощайтё, ходи́тё, смотритё, встричайтё; (боишса, просится, дожидался, дожидалась); остальныя слова правильно. § 9. Шолуха, чашокъ, машотъ, напишомъ; нашо, вашо, гожо́, дюжо́, ну-жо, что́-жо, ужо́ (въ смыслѣ времени), у́жъ (онъ ужъ здѣсь). § 10. Цолуетъ. § 11. Перышко (пёрышко), дергать (дёргать). § 12. Запрягъ и запрёгъ, головешка, кресло, словясно, колесный, колёсникъ, трясъ, поневá, лёхкой; затёсывать, пощолквать. § 13. Этотъ и

эвтотъ; гризилось (грезилось); сибя, миня, тибя, ишшо; неситё, кладитё, деритёсь. § 14. Мои, твои, а больше: моѣ, твоѣ, моѣхъ, своѣмъ, твоѣмъ; я́ецъ (яицъ). § 15. Ресовать, ресунокъ, мундеръ (мундиръ). § 16. Грыбъ; крыло, корысть. § 17. Бароня, государоня. § 18. Сутки, хрупкій и т. д. § 19. Крѣпкой, лёхкой, мелкой, пѣгой, русской, земской; понукивать, подтягивать, опахивать. § 21. Здись, звирь, линь (лѣнь), ричь, сить, систь, ись (ѣсть), стинь и тинь (тѣнь), свичка, свителъ, ричка (рѣчка); митить, повисить, виникъ, мисяцъ и мисецъ, диверь, встрича, симя, сини, вирить, сміютъ (смѣютъ), цидить, симена (сѣмена), минять, одіяло, надияться, синцы (сѣнцы), ли́сница (лѣстница), билить, вмистѣ (вмѣстѣ), медвидь. § 22. Стемняетъ (вм. стемнѣетъ); видялъ (видѣлъ). § 23. Петьдесятъ, опеть (опять), Вечеславъ; петно́ (пятно), везать, месной, петакъ, пети, десети, гледѣть, чесы, желѣть; боялса, испугалса, ругалса, боятца, дерутца, ссорятца. § 24. Доброй, старой, желѣзной, синёй, овечей, весеннёй; Василей, Митрей, Офанасей, Арсентей, Ортемей, Евденей (Евгеній); Тимофій, Олексій. § 27. Вм. принимать — прима́ть, вм. вынимать — вымать; употребительнѣе послѣднее произношеніе. § 28. Менины (именины), менинникъ; у мня (у меня). § 29. Оржаной, овторникъ, омшанникъ.

Согласныя. § 31. Г въ словахъ Богъ, Бога, Господь, богатый произносятся одинаково, и это произношеніе г разнится отъ произношенія въ словахъ рога, городъ, нога; доброво, слѣпово, худово. § 32. Колда, ковда (рѣдко колды); толда, товда, вселда; шахъ; мяхкій, лехкій. § 34. Ванькя, чайкю, толькё, мамонькя, послушайкё, сверьхю, рѣдькя, Дунькя, Ѳедькя, Васькя; трахмалъ. § 35. Евденей. § 36. Караводъ, куфарка, клѣвъ; фто и хто. § 39. Сварьба, усарьба; гля́ко, глядико. § 40. Звукъ ц въ сл. цѣпь и цѣна произносится одинаково. § 41. Звукъ *ш* вм. *с* слышалъ только у трехъ женщинъ. § 42. Цыпленокъ, улицы, концы, молодецъ, царь, кольца, курица, цыдить, цыль (цѣль) и вообще послѣ *ц* произносятъ ы, а, о; цоловальникъ. § 43. Звукъ

ч вм. *ц* изрѣдка можно услышать у старухъ; равно только старики и старухи произносятъ: цасъ, цорный, цотыре, поцъ, пецъ, цело, дурацокъ, дуроцка, целовѣкъ. § 44. Шыть, шыло, жыръ, нашыхъ, кожы, шагъ, жарко, шуба, жосткой и вообще послѣ *ж* и *ш* произносятъ ы, а, о, у; рогоза; молосный. § 45. Чистый и т. д.; што, на́што; нишни, а больше — нешни́ и нишкни. § 46. Свяшшенникъ, шшука, ишшу, шшотъ, слашше, шшока, ишшо (ещё); вешъ; вожжы, дрожжы, съѣжжатса, жжотъ; годисса, сбираесса, попадесса, подвернесса; дѣлаетца, остаюса, учуса, ударилса. § 47. Сабоги (сапоги); мтица (птица), мчела (пчела), мташка (пташка), вного (много), напимшись, нѣкоторые говорятъ и напившись; скрозь, слобода, купшинъ (кувшинъ); скусный, гувно (гумно); колда, толда. § 48. Дѣушка, баушка. § 49. Пролупь (прорубь); кухольный (кухонный); Микола, нимо (мимо). § 50. Маненько(е) и помаленьку(ю) можно услышать отъ немногихъ; говорятъ больше: маленькё, помаленькю; шкатулка. § 51. Омманъ (обманъ), амбаръ, онбаръ; скипѣть (вскипѣть), трось (трость), шесь (шесть), Пёт (Петръ), Олексанъ (Александръ), серцо (сердце); Руфанъ (Руфъ), Петрованъ (Петръ), дѣ (гдѣ), сичасъ (сейчасъ), чела (пчела), причасьё (причастіе). § 52. Ротъ, сутъ, гропъ, корофъ, моросъ, ёшъ, хлѣпъ, сгрепъ, лётъ, назатъ; рокъ, друкъ. § 53. Крофь, любофь, семь, пролупь, голупь, церькёфь; въ оконч. 3-го л. звукъ *т* произносятъ твердо; лафьки, шапьки и шапки, трафьки, юпьки, дефьки и дефки (очень трудно уловить — твердо или мягко); первой, серпъ, зерькяло, церькефь; дворьникъ, горьница и горница, харчевня; молепьствіе, хлѣбьникъ, лѣчебьница, харчевьня, деревьня, купца, рупь (рубль); плотьникъ, скотьникъ, родьникъ, огородьникъ; вслѣтьствіе, бѣтствіе, ротственникъ и ростевенникъ; въ словахъ здѣшній, прежній и т. д. *ш* и *ж* произносятся твердо; легче; барской, деревенской.

Удареніе. § 54: ручё́й, языка́, ло́шади, ко́робъ, жемчу́гъ и же́мчугъ, творо́гъ (твaро́гъ), о́сенью, о́тдыхъ, ко́локолъ, ко́ршунъ; мя́чикъ, но́жикъ, валёжникъ, во́ры, обу́хомъ, на лошади́, отъ

но́чи, на коня́хъ, коне́й, творогу́, зве́ря, каме́нья, каме́ньевъ, пять са́женъ, прого́ны, потоло́къ, ве́рба, вёдрами, закла́дка, подру́га, подру́жка, успѣхъ, заста́ва, отста́вка, поста́вка, заку́ска, простыня́, знако́мство, мно́жество, молоче́ніе, гада́ніе, встава́ніе, питьё, житьё, сре́дства, воро́та, сѣмена́, внуча́та, ягня́та, щеня́та, боя́ра, бра́тья, пла́тья, я́пцъ, молодо́й, мо́лодъ, лего́къ, мя́гокъ, тѣсной, чаща́, сковорода́, слобода́ (въ сло́боду), колоко́льня, де́ньга и деньга́ (собирательное), со́сна, дѣвочка, о́льха (ело́ха), ро́дина, судьби́на, въ рѣку́, свинью́, двѣ версты́, деревень, онъ коси́тъ, роди́тъ, звоня́тъ, онъ роди́тся, спитё, ѣдитё, ходитё, носитё, кладите́, будётъ, ика́ть, вопи́ть, робо́тать, ка́шлять, положи́ть, предполо́жить, пону́дить, подотти́, принести́, говори́шь, богатѣть, отсырѣть, по́звалъ и позва́лъ, со́бралъ и собра́лъ, по́гналъ и погна́лъ, посла́лъ, перестрѣли́лъ, дострѣли́лъ, приведёнъ, привезёнъ, принесёнъ, приведена́, принесена́, привезена́, проведёнъ, туго́й, сыро́й, шо́лковый, друго́й, прѣсно́й, гря́зной, бу́рной, ме́лкой, ло́вкой, толсто́й, ино́й, кажи́нной, пду́ть, идётъ, не пду́тъ, вы курите́, козы́рнуть и козырну́ть, повернуть, ужасну́ться, отдохну́ть, кувырну́ться, пошатну́ться, случи́лось, бра́вши, напи́вшись, взя́вшись, о́пасно и опа́сно, высо́ко и высоко́, далёко и далеко́, глубо́ко и глубоко́, мо́жно, темно́, четырёхъ, семна́дцатый, самого́, друго́го, другому́, одного́, одному́, никого́, ничего́; не би́лъ и не́ билъ; по́дъ вечеръ.

Склоненіе. § 57. Жнива (жнитво); такая повѣтрія; этотъ яблокъ. § 58. Съ того году, изъ рынку, съ потолку; съ того дни, сег(в)одни, третьева дни, къ Ильину дни, къ Сергѣву дни; на потолку. § 59. Поясья (пояса); гвоздьё, друж(з)евья (друзья), стульё, кольё, дурачьё, бабьё; сватовья и сватьё; крестьяня, баря. § 60. Глазовъ, солдатовъ, человѣковъ, робенковъ, жеребенковъ, непріятелевъ; рублевъ, ключовъ, ножовъ, кирпичовъ; молодцы; съ лошадямъ, съ дѣтямъ, подъ ногамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ, съ крестамъ, съ иконамъ, за полямъ, морямъ, брать рукамъ, парапать когтямъ и т. д. § 61. Мать и матерь, дочь и дочерь, ба-

роня, барошня и барышня, судароня, сударыня и сударыни; чаще: женой; женою же — рѣдко; насилу, силой; къ дочерѣ, къ матерѣ; тысячей. § 63. Избовъ; времё, времечко, род. п.: время, имя; имёнъ, времёнъ, сѣмянъ. § 64. Поль и полей; пивовъ, полёвъ, дѣловъ, мѣстовъ, тѣловъ. § 69. Въ им. мн. прилаг. всѣхъ родовъ слышится *я*. § 70. У постоянныхъ жителей не употребляется, отъ лицъ же, приходящихъ изъ города, можно услышать: въ зеленымъ саду, на высокимъ деревѣ, въ большимъ городѣ и т. д. § 71. Съ милымъ дѣвушкамъ, съ осиновымъ дровамъ, съ большимъ сапогамъ, съ чернымъ дровамъ, съ пиленымъ дровамъ, съ сжатымъ снопамъ; горючми слезами. § 73. У мня (у мня нѣтъ денегъ), тя (у тя есть деньги); вм. тебѣ нѣкоторые употребляютъ: теѣ. § 74. Къ нами, къ вами — говорятъ лишь пожившіе въ городѣ; съ намъ, къ вамъ. § 75. Въ ёмъ; за её, у её, у ней. § 76. Вм. той говорятъ тыё. § 77. Однѣ, однѣхъ, однѣмъ. § 78. Моѣ, твоѣ, своѣ, моѣхъ, твоѣхъ, своѣхъ; ихній. § 79. Обѣхъ, обѣмъ. § 80. Хлѣботъ, масло-то, каша-та, бабы-тѣ и бабы-то, робята-то и -та, дурачьё-то. (Ванькя-та пошелъ гулять. А дѣвка-та заливается (плачетъ)! Ну, полно тибѣ ревить-то). Бабу-ту и бабу-то; парня-та и парня-то, пáрню-ту и пáрню-то; мѣст. *то*, *та*, *ть* употребляются при всѣхъ падежахъ.

Спряженіе. § 81. Смотрить (вм. смотрѣть), стемнять (стемнѣть), стемняетъ; вы́нять и вымáть, выпялъ, обойми и обними. § 82. Наймовать и напимать, подаю и подаваю; содерживалъ, поправливалъ, хвастывалъ, ночевывалъ; замораживать и замороживать и т. д., но больше слышится съ *а*. § 83. Есь (есть). § 87. Текёшь, текётъ, текёмъ, текёте, стерегёшь, берегёшь, бёгёть, лгёшь и т. д., но можно услышать ошь вм. ёшь, отъ вм. ётъ (говорятъ жившіе или побывавшіе въ городѣ); можешь, хочешь, но чаще — хошь. § 89. Жегчи, берегчи, стерегчи, пекчи. § 91. Прогнатъ и прогнанъ; разогнаны и разгонены; наложено и накладено; заперто. § 92. Убёгъ и убѣжалъ, впрягъ, запрягъ

и впрёгъ, запрёгъ. § 93. Уѣзжай, поѣзжай и ѣдь, уѣдь, поѣдь, заѣдь; смотряйте.

Синтактическія особенности. § 96. Гвозьё, дурачьё, бабьё (бабы), дѣвьё (дѣвки). § 97. Жить въ достаткахъ. § 99. Я нашолъ боровика, я съѣлъ гриба; я видѣлъ на базарѣ много огурца. § 100. При гл. есть вм. пм. п. употребл. род. § 101. Онъ красивъ изъ себя; онъ хорошъ съ лица; онъ не совсѣмъ, тово, съ разума-то! § 103. Въ нóчи (ночью), вечéре (вечеромъ). § 105. Онъ пошелъ по лошадь (за лошадью), идти по коровъ, по овецъ, по ягоды, по грибы, по овесъ, по сѣно, по кормъ. Почти всегда вм. предл. *за* употр. *по* (при глаголѣ идти). § 106. Тосковать объ комъ. § 107. Снесли въ рынокъ; это случилось о рождествѣ и въ рождество; на двухъ, на трехъ подводахъ. § 108. Мимо (нимо) гуменъ, возлѣ дороги. § 109. Мы соскучились по вамъ. § 110. Сравн. ст.: громм-áдный, боольшóй, крррасный и др.; злющій, добрѣющій. § 111. Пришло два мужика и пришли два мужика, а чаще всего можно услышать — пришло двое мужиковъ, пришло три молодца и пришло трое молодцовъ, идутъ по три въ ряду и по трое въ ряду. § 112. Два хорошихъ мальчика и два хорошіе мальчика. § 113. Два, три раза и — два, три разъ; два рубли и два рубля; три дня и три дни. § 114. Двои ворота, трои и три двери. § 120. Никто ему велѣлъ; нешто ему дѣлается; нектó, некакóй. § 121. Только молчи, нишкни, возьму съ собой! Ванюшка! я тебѣ купилъ гармонью. Ну да неужли? То-то, дурачокъ! Нако бери! Ты скажи ему: тятя молъ приглашаетъ тебя на чашку чаю.

Образцы народной рѣчи: Намъ хочется по хорошу, а онъ всё лихомъ. Едрёна мать. Вроть (?) тя ногамъ (ругань). Вереть коло меня (около меня). Вереть — часть плетня (угорода). Табунъ — стадо. Глячо вм. для чего и въ значеніи почему? Дакъ вм. такъ. Альни ноги не ходятъ. Я наловилъ рыбы невѣдамо што! Покажько (покажи-ка), много ли? Нонча годотъ какой ча-

жолой! Гля тибя я все сдѣлаю! Подемъ у́тре рыбу шшупать. Не сто́итъ! А што? Да пустое мѣсто наловимъ. Нѣтъ ли у тебя газетовъ (газетъ)? Рѣтешная трава идетъ во шши. Ничего, скусныя! Скидывай зобенькю-то, да бери палку, и будемъ бросать имъ въ вѣкшу. Вишь какъ претъ — ровно ломъ. Тяни, тяни лямку-ту. Помаленькю пей — калено, мотри обожгесса! Эдакъ пельзя, сусѣди осудятъ. Бѣги што есь разу! Уди, а то морду росшибу. Отстань, а то такъ звиздану, што не опомнишься. Нонча ленотъ порядошной, спмё ядреное, только вотъ больно въ исподи́ много подленницы. Дайча мужики подняли такую саматовщину, што думали што̀ загорѣлось. Полно хаверзы то строить! Нешто не стыдно тебѣ? Толькё другихъ въ сумлѣнье приводишь. Я получилъ тилиграмму съ росцыльнымъ. Попотъ получаетъ пензіенъ. Экой песъ! выморщилъ (выманилъ) таки! Ахъ, ты не милая шкура! Животина ты едакая! Невѣдамо колда ушолъ. Осымало-одрало тя горой! Вишь какъ манежится (кокетничаетъ). Больно, матка, тибя скоро приварило (уснула)! Отколя ты матушка? Изъ Копылихи што ли? Нѣтушка, милая, не оттоля! Я изъ Пердунихи (деревня), дѣ наша Машутка та живетъ. Хто миня горемышную пожаліетъ? Хошь ты пожалій! Больно ты, па́ре (и па́ря), вного набралъ ягодъ! Въ эту пору, бывало, мы все ходили по ягоды! Смотри, хрипъ (шею) сломишь! Возьму дубецъ да такъ отшмарю; тогда вотъ и спознаешь какъ не почитать родителей! Не нужно было тибѣ давать обвязательство-то! Што подѣлаешь! Обвязалъ! Теперь вотъ и приходится тянуть лямку то. Полно рыло то сдергивать. Нешто̀ вѣть сказали! Экъ тибя окурило! Какъ онъ насупился (нахмурился). Я, братъ, сумлѣваюсь! Не сдобровать ему! Ишь какъ прохлаждается, брюхо то роспустилъ; ровно какой важный баринъ! О ту пору мы были съ нимъ на огни́щѣ. Я такъ проголодался, аль̀ни животъ подвело. Подако мнѣ обору то, я тя выстегаю! Мельникъ дѣлаетъ спруду. Дорогая ли поцѣпка та у часовъ? Трешница. Не дорога, я вотъ за ефту заплатилъ нетишницу. Куды ты оболокаешься (одѣваешься)? Да вотъ хочу схо-

дить къ N, покамъ (токамъ, покамѣсть) не стемняло. Подемъ вмистѣ. Опричь (оприча) его мнѣ некуды и птти. Надо патогъ взять. Што? Небось похлебка та показалась? За уши не отташшишь. Полно похабничать то! Похабникъ! Ты, братъ, какой лодырь! Вотъ такъ нонча овсина — дю́жой! Севодни староста посадилъ Тереху за недоимки въ холодную, и было же руганины въ сажаньи — невѣдамо што! Севодни, робята, надо ѣхать розбирать магазею (и гамазею). Ишь какъ кулемѣситъ! Въ порѣ́ мушшина! У насъ въ домѣ всякая всячина! Какъ любить такого ворога (врага)? Что не попадись все — стяшитъ (украдетъ). Опомни у Петрована уперъ мѣшокъ картофею, а какой картофей то! Что ты умыляешься (смѣешься). Экъ, вѣдь запропастился — всѣхъ долѣ ходитъ. Ты больно глуменъ. Онъ ѣхалъ изъ-за обидни и его такъ калякнуло! Буде хошь обѣдать, такъ поди! Али чешшенья, потчеванья ждешь? По дорогѣ то ужъ росставлены лѣхи (и вѣхи). Ты нарубилъ ли летвинъ (нѣкоторые говорятъ бетвинъ и вѣтвинъ). Какое тибѣ большущее прясло досталось городить; не знамо што потребуется подколинъ перетыкъ. Ну, а все-таки славной вышелъ угородъ. Полно стоять то; садись въ подошко — подъ образа. Ерсенькя! Слушко! Пе дури шапкой, полош(ж)ь іе на мѣсто. Чай она тибѣ не мозолитъ глаза. Нѣтъ вѣть не отстаетъ — приспичило! Мы перво-на-перво этта отработаемся, а то какъ туды забьешься, дакъ оттоля часо́мъ то не выберешься. Ужли ты обезьянъ то не видывала? Я ихъ ду́ха не боюсь. Почѣ́мъ ты нанялъ жней? по два рубли за недѣлю. Што реву положили по некрутамъ. Онъ жнетъ въ задахъ (поля). Что, не по мыслѣ́ молодуха та? Сыми рубаху то, — упрѣлъ! Онѣ гораздыя (и горазды) тонцовать. Утре выдемъ сіять то не самое рано, а такъ около того, какъ забрежжится (заря). Погода-та маленько потресмякла; не такая ужъ стужа, да и сиверитъ то меньше. Ты здись поголчи съ нимъ, покамъ я хожу за тятей. Хошь я тебѣ́ шепну мѣшпко (мѣщечко)? Дай къ чайкю забѣлки (забѣлы). Я такъ тибя кнутомъ то подъярыжу (подхлесну), что у миня оставишь эти извадки. Модіетъ, модіетъ (поетъ), альпи тошно! Ты

ему со всѣмъ рáдомъ идешь, а онъ гоношитъ (старается) тибя въ шею выгнать. Онъ тибя выпечатаетъ въ газетѣ. Тибѣ это костáѣ (кстати). Пушшай базанитъ (реветъ). Это рѣпа та двешняя (старая). Рука хользитъ (скользитъ). Давнышній жуликъ. Молоко утрошное. Мы это сварганимъ (сдѣлаемъ) вечéрѣ (вечеромъ или завтра). Будетъ — покрасовался! Полно тибѣ сомущать то! (смущать). Вымай варево изъ челà. Всю жниву пролядіетъ (прохвораетъ). Не сучи пожкамъ то! Полно кныжиться — съ пупка сорвешь. Эхъ, ты, чубышко (чудакъ)! У Бога все недалеко — севодня живъ, а завтра умеръ. Вишь бритое то оково (затылокъ) уставилъ! По іё счáскамъ (счастію), онъ оммогся (выздоровѣлъ). Богъ пóмочь! Ты какъ небудь съизди въ Галечъ то! Псы проклятыя; васъ не надо пушшать. Поди обратáй лошадь; къ обрати привяжи бубенцы; покрѣпче подсѣдéль! Мы севодни справляемъ помолотуху. Это что за грамота (бумага)? Розстели торпище-то (и торплё). Подемъ стричать батькя! Онъ потерялъ крíули (кривули у саней). Дѣвки ходятъ вѣсой-перевѣсой. На тышшу цолковыхъ!

(Сообщилъ г. Румянцевъ).

---

67. *Симбирской* губерніи, *Карсунскаго* уѣзда село *Аргашъ*.

Аргашъ слово татарское, значитъ гора. Мѣстность Аргаша служила укрывательствомъ во время набѣговъ татарскихъ шаекъ; при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ они были прогнаны русскими и здѣсь была поставлена стража изъ тридцати стрѣлковъ, а самая мѣстность окопана валомъ въ видѣ треугольника (слѣды котораго остались и до сего времени) и носила названіе городъ. Стрѣлки по преданію считаются предками населенія Аргаша.

Гласныя. § 4. Раждатца, палагать, таварищъ, манахъ, манастырь, панамарь, званить, салдатъ; слабóда (свобода), сла-

бада́, о́тчина (называютъ село или деревню), мастава́ (мостовая), харашо́, залато́й; сале́ный, тваро́къ, варо́на, варабе́й, гара́, саро́ка, мало́ть, малато́къ, малако́, карыто, радня́, варжія́, сасѣдъ; Худо́ва, слѣпо́ва, до́брава, смѣлава; те́плыва, же́лтыва, горячива, красныва; вада́, нага́, кара́, вясна́, вятла́, стяна́, вядро́, пясо́къ, хляснў, нясў. § 5. Сумле́ніе, супа́къ (сапогъ), сугла́сіе, пума́й, укуни́сь. § 7. Крёстъ, подёньщикъ; хлёбово. § 11. Вм. *ё—ю*: черезъ пею. § 12. Жана́, чатыри, жалто́къ, бу́дя, вяспа́, бядро́, вядро́, рябро́, сляза́, сяло́, сядло, двугри́винный, пайде́мти, стройти, праща́йти, жала́ть, жана́тъ, шалуха́, рабя́та, крясто́мъ, пясто́мъ. § 13. Ма́шытъ, па́шытъ, бу́дитъ, ѣ́дитъ, вѣтиръ, ле́бидь, ка́минь, па́ринь, либёдка, либяда́, силе́дка, пи́шытъ, пильзя, сибя, тибя, миня, патирять, сирата́, ви́дила, бирёза, зимля́, дирёшся, видѣля; тикётъ, чирии́тъ, пистри́тъ, вирти́тъ, папирёкъ, Кеевъ, стикля́пка, бири́, сичётъ, повпля́ть, пцо, бисча́стный, спазна́йти, тривошти. «Иль ты биряжкомъ—пи видалъ либидей». «Фчара была сиряда»; «ряка тичетъ, рабята, шибка, нильзя пириттн, ище-бы пи пиритти, пишто пирплывешь». Пов. накл.: наси́ти, писи́ти, кладѝти, дири́тись, пиши́ти, бири́ти, пикити, жури́ти или брани́ти, люби́ти, сади́ти, вари́ти, да́йти, прасѝти, палейти, курити, учити, пи гаварити очпипо. § 16. Стрылять, стрыжпный. § 19. Кре́пкай и крѣпкій, ле́гкай, ме́лкай, пѣгай, оси́павай, дубо́вай. § 20. *Ѣ* въ произношеніи больше слышится, чѣмъ *е*: се́ра, ме́ра, те́ла, е́ла и т. д. § 21. Цидѝть, мипя́ть, випча́ть, бисёнакъ, блить, встричи́ть, смия́лси, свитли́ть, ришётка, дивчо́нычка, адіяло; свижѣя, свитлѣя; *ы* вм. *ъ*: стрылять; тибѣ, сибѣ; двѣ; по́сли, во́зли. § 22. Смилѣя, билѣя, свижѣя, сильпѣя, дабрѣя, скарѣя. § 23. Глекась (глядп); пять въ род. падежѣ: питѝ, шесть—шести́, семь—сими́; боя́тси, испуга́лси, бро́силси. § 24. До́брый, желѣзный, ста́рый, си́ній; вм. *ый* и *ій* не говорится *ой* и *ей*, но вм. *ый*—*ай*, и то въ пѣспяхъ: хорошай, добрай, первай; вм. *ій*—*яй*: синяй, зимняй; Матьвей, Елисей. § 25. Ду́машь, дѣлашь, зна́шь, башь, мотъ (мостъ), дутъ, ротъ, латъ, пропада́тъ, счита́тъ, ба́тъ, быва́тъ, игра́тъ,

зна́тъ; дергатъ, обѣ́датъ, ламатъ, послушашь, сдѣ́лашь, пуга́шь, мара́шь. § 26. Хозя́ва; умѣ́шь — умѣ́тъ, говѣ́шь — говѣ́тъ, синѣ́шь — синѣ́тъ, довлѣ́тъ, разумѣ́тъ; капѣ́къ. § 27. Пыгра́ть, пыма́ть, пыска́ть, прима́ть; кто-та; поѣхалъ. § 28. Ликсѣ́й, Ляксáндръ, Кули́на, Лисафе́та, Ми́трій, гурцы́; околъ; къчирьга, кранташъ, трантасъ. § 29. Аржаной, авторникъ; мать, дочь, дать, ходить, играть; четьве́рикъ; ро́та, ло́ба, лёда, урки́. § 30. У насъ говорятъ: чааво баать-та тіѣ, паади саама, го́ожа раая (вм. ребята), паанка ты, тпі пуужна.

Согласныя. § 31. *Г* произносится за *х*, напр. «Бохъ знатъ, пи ляхко и яму», «етатъ мяхче етыва», а въ другихъ словахъ произносится правильно, напр.: богатый, Бога, Богу, рога, имен. п. ро́къ, «мяякай пирокъ», животворящива, исходящива, мертвыва, безсмертныва, слѣпо́ва, любо́ва, худо́ва, смѣ́лыва. § 21. Талды, калды, отселева, аткулива; «талды запонъ (фартукъ) порвала, калды Микишка былъ; онъ отсюлива; онъ па сехъ рукава́ заскалъ (засучилъ)»; супа́къ, супаги́, телѣ́къ, телѣги, шакъ, дёгать; суразный (акуратный); вм. брюква—грухова; морковъ, мяхкаи калачъ, лехкай какъ пяро; кычирьга. § 36. Каравотъ, куфарка, коранили, покоронили. § 44. Жыръ, чыжъ, шынъ, щы, ужясъ, часъ, бирчятки (такъ!), начяло, бищясный, служыть; счястья, уѣзжялъ, пи сыщалси (вм. не приготовилъ), жюравль, жюкъ. § 45. Чясъ, чяй, чюшка, почюю (почую); «што стапшь, айда дамой»; «а ты пишни» (т. е. молчи). § 46. Щётъ, щасливый, щюка, щытать, щястья, бищястный (несчастный); дрожжи, вожжи, съѣжжатца, онъ ждетъ тія; ты гадисси яму въ дѣтышы, попадесси въ лапы, бирёсси пи за сваё дѣла, убьёсси въ рось, давя ушибси въ разрѣсъ, збирасси пи най куды, што зазпаёсси — зазпайка, больна галушисси (вм. смѣешься); дѣлатца вм. дѣлается. § 47. Бирчятки (перчатки); взямши, напимшись, бросимши; скрось зимли провалитца (божба), трпвожыть, куфшынъ, скуспай обощь-та, сумѣстная зимля-та съ нимъ (вмѣстная); «калды батя паѣхалъ, онъ талды заказалъ,

што-бы ни магли кахнузить нё и парочить»; § 49. Пролупь, куфольный, свищельникъ; Микола, мырять, нима (мимо), Микита, немебель и небель, Нифетка. § 50. Шкатумка, ма́ненька, силечь (сиречь). § 52. Сутъ, карофъ, маросъ, ёшъ, хлѣпъ, лётъ, назатъ, сатъ, пролупь, «у васъ ротъ-то съ вяка́ пли сыстари видетца добрымъ», гропъ, загрёпъ. § 53. Любофь, брофь, крофь, черфь, ф-таю (вм. въ ту), лафки, трафка, фатера (квартира), церкофь, фчара, дѣфки; пролупь, голупь, рупь, дупъ; трафки, дѣфки, лафки; серьпъ, верьхъ, зерькало, церьква, дворьникъ, горьница, харчевня; молепствіе, хлѣбникъ, деревня, купца, рупь; плотникъ, скотникъ, огородникъ, родникъ; вслѣтствія, бетствія, ротственникъ; въ сл. здѣшній, прежній и под. *ш* и *ж* тверды; лехче и лекши; барскай дирявушки, диревня руска, женска, московска.

Удареніе. § 54. Удареніе у насъ обычное: го́воръ, о́сёнь (такъ!), о́тдыхъ, ко́локолъ и колоко́лъ, мя́чикъ, но́жыкъ, обу́хомъ, на ло́шади, отъ но́чи, на коня́хъ, творогу́, звѣря, бро́сится, погна́лъ, онъ роди́тся, спи́те.

Склоненіе. § 57. Окошка, проса, дерива, сала, брюха, яблыка, серца; ружьё добраё, тако павѣтріе, така горя [1]); онъ идётъ путёмъ, эта облака, эта яблыка, какой ка́шиль. § 58. Съ году, съ роду, для са́ду, не нашли кла́ду, съ база́ру, съ потолку́, мимо лѣ́су, во́зу, близъ вѣсу, безъ сну́, безъ то́лку, безъ спро́су; третьёвдни былъ праздникъ, я сяводни былъ въ заутрени, дню етому ни ратъ. § 59. Сыновья́, сватья́, ста́роста; мы разя кристьяни ваши, а ани бари; щанки́, апёнки. § 60. Салдатовъ, человѣковъ, жеребенковъ, ягненковъ, тилёнковъ; у няго много пріятелевъ, свяска ключевъ, кирпичёвъ, супаго́въ, лошадевъ, рублёвъ; разбойниками, свахами. § 61. Церква; у сестры, изъ рѣки, отъ $ж^{а}_{о}$ны, около головы, къ горѣ, къ

1) Въ другомъ мѣстѣ (въ приложенной тетради, л. 4) читаемъ: «така павѣтріе, тако горя».

березѣ, къ водѣ, къ заутринѣ, къ зимѣ, по обѣ стороны, на горѣ, въ избѣ, на пятой верстѣ, на рѣкѣ; ж$^{а}_{э}$ной; съ бабай, съ бирёзай; силомъ взяли карову. § 62. Ямы, нивы, лапаты, травы, берёзы, поляны; подати и податя, яблони, вещы. § 63. избъ, книгъ, птицъ, палокъ, чашекъ, ложекъ; свадьбей, воробьёвъ, овецъ, птицъ; слязми и слязой занялся (т. е. плачетъ), коровами, руками; сѣмя, род. над. сѣмини, множ. ч. симянъ; у насъ много время, времинъ, я купилъ много сѣминъ (разные сорта, а когда одинъ сортъ, то говорятъ и сѣмя и сѣминъ). § 64. Вороты балышы, болоты пересохли вусейка (вм. давно); болота у насъ выражаетъ им. падежъ единственнаго числа; бревна, ворота; стеклы, окны, зерны; окновъ, дѣловъ, мѣстовъ, полёвъ и полей.—Вин. пад. ед. ч. въ поля, онъ обробатывалъ поля, на паля. § 66. Красна солнышка взашло, чёрна облака покрыла хорошинька, темна ночь, мила дочь, милинька дочынька, добры люди, мила и дорога, темны ночи, тусклы агни, свѣтлы звѣзды, бѣднаму жинитца ночь каротка, горька доля, судьба зла, съ добрымъ (хорошимъ) чилэкомъ, съ милосливымъ (добрымъ) ч. § 67. Добру, харошу дѣвку, красну дѣвку, балышу дарогу, виселу женщыну; краснаю дѣвкаю, добраю женщынай; род. ед.: маладой жаны, злой сабаки, онъ женился на другой жинѣ; въ пѣсняхъ слышится: молодой-я жаны. § 69. Злы люди, ясны дни, бѣлы бирёзы, жырны овцы, сильны люди, тонки ноги, долги ночи, быстры волны; сухи, худы, каки, чужы, други и вообще въ им. множ. прилагат. оканчиваются на *ы* и *и* § 70. Въ зилёнымъ садики, въ балыши́мъ горади, въ зиленымъ саду, въ прошлымъ году, на высокимъ деривѣ, въ дирвянымъ струбѣ (срубѣ), въ тѣмъ кливѣ (хлѣвѣ), въ галубымъ платьи, въ худымъ дѣлѣ, въ другимъ мѣстѣ. § 71. Къ добрымъ радитилямъ, къ харошымъ дѣвушкамъ и т. д.; съ милыми дѣвушками, добрыми людями и людьми, съ большими спагами, съ асиновыми дравами; съ старыми гарями; съ залатыми ключами, гарючими слязами. Въ пѣсняхъ слышно -ыихъ, напр. ва зилёныихъ, ваа кусточкахъ, а въ разговорѣ не слышно. § 73. Миня, тибя, сибя,

тія, сія́; мнѣ́, тіѣ́, сіѣ́, сибѣ́, тибѣ́. § 75. Вм. её — нё, у нiё. § 76. Тѣ́мъ, чѣ́мъ, множ. тѣ́хъ, тѣ́ми, пм. мн. тѣ́, им. ед. то; предл. п. томъ, тѣ́мъ, им. ед. та. § 77. Всѣ́, всѣ́хъ, всѣ́мъ, всѣ́ми, о всѣ́хъ; сами, самихъ, самимъ, самими, о самихъ; э́ти, э́тихъ, э́та, э́ту; одни́, одни́хъ, въ одно́мъ, въ одни́мъ. § 78. Мой, род. п. мавó; твавó; дат. маму, твамý, свамý. § 79. Обóихъ, обóимъ, обѣ́хъ, обѣ́мъ, обѣ́ми, двои́мъ, двои́хъ, двои́ми, двуми́; вм. тремя́ — тримя́ и трюмя, вм. трёмъ — трю́мъ, вм. тре́хъ — тро́хъ, читырю́хъ, питюхъ, шистюхъ, симюхъ, васьмю́хъ, дивитюхъ авецъ волки задавили (т. е. заѣли). § 80. Хлѣ́бать, ма́сла-та, ка́ша-та, ба́бы-та и ба́бы-ти; гости-та каки у насъ были, всё дажиньки-та паѣли; диковинка-та кака, какъ онъ хлябать-та; бабу-то напрасно абизориваютъ (конфузятъ), парню-то, дѣвку-та; дат. п.: бабѣ-та, дѣвки-та; твор. бабай-та; о́ баби-та, о дѣвки-та; парня-та въ салдаты атдали. Та употребляется во всѣхъ падежахъ: пиринекъ, дѣвынька, парнишка-та.

Спряженіе. § 81. Выпуть, выпулъ. § 82. Скачу съ повчтай (съ почтой), подаю сѣ́но на́ возъ, недостаетъ у меня слетива (т. е. здоровья), мужыкъ можетъ садержать семью, не любить хвастать, волки стали выть. Поторговать, подковывать, выплевывать, поклевывать. Замора́живать, устра́ивать, оспа́ривать, удво́ивать, утроивать, успока́ивать, просрочивать. § 83. Да́шь, прода́шь, ѣ́шь, съѣ́шь, поѣ́шь, ѣдя́тъ; дѣ́вку въ плохой домъ не отдаду́тъ, даду́тъ пять цалковыхъ, а за трёшну не отдаду́тъ. § 84. Дѣ́лаю, стро́ю, читаю, сбѣ́гаю, вѣ́даю, вѣ́даютъ, § 85. Идетъ домой, мальчикъ играть, бире́тъ рукавицы; тирятъ, гулятъ; люби́, бигн, ходи́, насъ любитъ, бигётъ, но́спть; бижа́тъ, любятъ, но́сятъ, сидя́тъ, бирётъ, врёшь. § 86. Иде́шь, иде́тъ, идёмъ, и́дутъ, адёмъ, и́дутъ-та, слу́жутъ-та, ска́чутъ-та. § 87. Тикётъ, тикёти, тикёмъ, тикёшь, стригешь. § 88. Хва́лютъ, хо́дютъ и къ намъ до́бры лю́ди, но́сютъ до́бры лю́ди, ани ру́бютъ драва́. § 89. Онъ лю́битъ спа́ть, бра́ть, пи́ть, ши́ть, вм. сѣ́ять — сѣ́ть, чу́ять — чу́ть; чу́тъ вм. чуетъ; идти́,

нести́. § 90. Ви́дѣлъ, ви́дѣла, ви́дѣло, впсѣло, впсѣла, впсѣли; сжатый, смолотъ; окончанія тый, той и ный, ной не замѣняются одно другимъ. § 92. Убёкъ, впрёкъ, запрёкъ, мальчикъ пробёкъ ужъ голомя (давно); онъ въ сутпскахъ (сумеркахъ) впрёкъ сяруху (сѣрую лошадь); ты варови (скорѣй) пыжжай; пп мѣшкай ѣдь (вм. не веди время); уѣдь скаре отъсюли (отсюда); заѣдь къ намъ въ шабры (сосѣди). § 93. Уѣжжай, паѣдь; глянь-ка, дѣнька (вм. куда дѣвать); принеси не говорятъ пиаче, а вм. неси—панясай дамой; вм. смотрите—матрити и матри, вм. пойдемте—адёмъ, адёмти; Васька, панясай атцу-та хлѣба; матри, онъ те дастъ раза; адёмъ кумъ дамой; да адемте саабща; да павримпимъ; пп бизудти (не судите, не обезсудьте). § 94. Я рубилъ драва, стирала бѣльё, сдѣлаю, что надо—нужно.

Синтактическія особенности. § 96. Лисицы, медвѣди, гвозди; звирьё ныни пи привилика (?), аткуль взялось — звѣрья нынѣ много и откуда столько нашлось; шкурьё и дявать некуда; лыко пи по чемъ (вм. лыки дешевы); гурца навезли—ни праглидишь—глазами не окинешъ (огурцовъ множество); смольё до́рога (смола дорога); овчишка у пево есть (овцы у него есть). § 97. Подъ па́зуху, подъ па́зухой, въ достаткѣ, во снѣ, у́тромъ, ве́черомъ. § 98. Перебирать всю связь, косить траву, топить баню, надѣть шубу, срубить березу и т. д. § 99. Онъ нашелъ боровйкъ, съѣлъ гри́бъ, срубилъ ду́бъ, убралъ со́ръ и т. д. § 100. У насъ есть де́ньги, у насъ есть озе́ра, большые и малы всяки, много есть всякаго народа. § 101. Краси́въ собою и изъ себя, пріятенъ лицомъ и изъ лица. § 102. Благодаримъ васъ, благодаримъ вами, играть въ ка́рты, курить трубку, разговаривалъ съ нимъ, мстить ему. § 103. Онъ былъ въ тѣ дни, въ этомъ году, этой весной зарѣзали теленка, въ прошломъ году мы сгорѣли; вм. этой ночью—ночесь, этотъ вечеръ—вичёръ, въ это утро—утрась, вм. ночью—ночёсь, лѣтась; ѳтупыръ пща яво ришйли вм. въ то еще время съ нимъ окончили. Ночесь было зарпва; онъ пришелъ вичеръ; утрась былъ у меня; по

зимѣ былъ у няво въ даму; въ начи былъ умярла савсѣмъ. § 104. Въ кабедню (вм. къ обѣднѣ). § 105. Вм. предл. за употреб. по и для: напр.: пошелъ по грибы́, по я́годы, по́ воду, по орѣхи, по хлѣбу; пріѣхалъ или поѣхалъ для овса, для хлѣба, для дровъ. § 107. На двоемъ, на троемъ, четьверомъ, питяромъ, шистяромъ, симяромъ. § 108. Мимо лѣсу, возлѣ гумна или гуменъ. § 109. Соскучились по васъ. § 110. Ба́(а)лышой, го́(о)рькій, сла́(а)дкій, ло(о)вкій, сп(и)ній, весе(о)олый; ма́ханькай, маниньк ай, малы́шъ, скря́жный вм. очень скупой, азіатъ вм. очень злой, скорзешельный вм. скупой очень; глу́пашикъ вм. глупенькій, разскупущій, добрѣющай, скупѣющай; грѣховодный (грѣшный), изумлевый (умный), умнѣющій. § 111. Сюда пришли два мужика, сюда пріѣхали два человѣка, къ намъ прибѣжали три лошади, пять жеребятъ, двадцать овецъ. § 112. Два хорошихъ мальчика, четыре добрыхъ молодца. § 113. Я былъ два разъ въ стипѣ (степѣ); отцу моему шестьдесятъ лѣтъ, а мамѣ сорокъ годовъ; истратили два рубли въ три дни; трожжи вм. три раза. § 114. Мы сдѣлали двое воро́ты, трои две́ри, да сяла́ семь верстъ. § 115. Со́висть мучитъ нё, такъ ана ныня утрамъ прибижала. § 117. Батя паѣхатчи наказалъ мнѣ свить виревку. § 118. Мостъ слома́лся; орудія погнулись. § 119. Ѣдучи изъ лѣсу колесо сломалось; ни минучи возметъ; вядучи лошадь или идучи съ базару, зашелъ къ намъ; милючи рожь, взапрѣлъ таскамши въ ковшикъ; минучи время пришелъ, время на гумно итти. § 120. Вм. ничто—ничего, ни́што, напр. ништо чаво онъ банитца, ништо я яму вилѣлъ; каму и не то, а все дастанится, было да и не у васъ, ежель бы ни я. § 121. Когда батъ, не убатца (много говоритъ), а ино и ричей не добиресси; пиристань, тіѣ баютъ; абижь когда досаждалъ (вм. хоть бы когда его не уважалъ и этимъ досадилъ); да бишь я позабылъ (вм. вспомнилъ, что забылъ ему сказать); ино не бываетъ, уже-ткинъ (въ другой разъ) приду; малчи́, ужё пабамъ (поговоримъ), я, малъ, калякалъ съ ней; подька ко мнѣ, онъ де (или дискать) на бусу ногу ходитъ (вм. безъ чулокъ); я абувкай пришелъ, а онъ разувкай; онъ ста сіѣ

на умѣ (вм. онъ себѣ на умѣ); онъ ща батъ въ лясу (онъ еще въ лѣсу); у него тоpактеръ свирипый (характеръ невыносимый); баба изумлева (т. е. хитра); свищельникъ чилэкъ высокоумный (вм. умный, много знаетъ); втупарча мнѣ спякла ицо; про нашива живата и бать нечива (вм. про нашу скотину и говорить нечего); старикъ вашъ пнатъ? (здоровъ ли?); зипунъ ни херь на немъ, чѣмъ пи зипунъ (вм. кафтана не хай, не конфузь); онъ меня обизорилъ при народи (т. е. обезчестилъ); самъ больна гожъ (т. е. самъ то хорошъ); прокуронъ сурезный собою (т. е. прокуроръ серьезный, изъ себя представляетъ господина); слѣдствеппикъ былъ талды въ сумленіи (т. е. слѣдователь); губина бишь поспѣла (вм. ягода земляника); каты-та подхудились (вм. башмаки ветхи); польга-та не вилика (вм. польза не большая); сухата-та яму ни привилика (вм. забота ему очень великая); на папаслекъ (ночлегъ) пріѣхалъ; фатера яму ни рнавится или ни трапится; впшь кирасиромъ пахнетъ (вм. должно быть керосиномъ отзывается); машельники запонъ измарали (вм. мошенники фартукъ испачкали); онъ ща бы викавалъ у насъ (вм. долго бы прожилъ съ нами); онъ бта пашелъ къ фершалу или къ лекарю варажитца (т. е. будто пошелъ къ фельдшеру лѣчиться); онъ давалъ яму снадабья, да што-то не въ польгу (вм. давалъ лѣкарства, да не въ пользу); онъ съ свапмъ то снадобьямъ ухайдакалъ адну (т. е. лѣкарствомъ уморилъ одну); у насъ павчтварь больна ципяткой, все любитъ звать яво ваша благародія (т. е. смотритель станціи грубый и самолюбивый); дабромъ пеобходится всё великородитца (т. е. ласково не обойдется и представляетъ надъ нимъ своего рода начальника); онъ началъ мнѣ глумитца (т. е. мнѣ представилось, будто онъ подсмѣхается); пё снабдили всякимъ дабромъ (т. е. всѣмъ надѣлили); глекась чаво батъ (т. е. смотри, что говорятъ); Ѳетька рендунтъ на миня (т. е. сердится); прогнѣвылси на насъ (т. е. обидился); пущай брацкай онъ облидивонилъ миня на ульци при добрыхъ людяхъ, а я яму всё ткп ни пызволю на спбя покоръ такой нисти (т. е. обидѣлъ нехорошими словами и укорять себя

недозволю); нечива пусты рѣчи бать (т. е. напрасно слова терять); мужыкъ-та таерь въ сумленіи (т. е. мужикъ теперь въ сомнѣніи); сызмала дошелъ до вилика (вм. съ молодости дошелъ достигъ до большого); онъ чилэкъ изумлевый, ужъ умѣтъ побать, съ нимъ и ни сбашъ (вм. онъ человѣкъ умный, умѣетъ говорить, и его ни въ чемъ не сговорить); мамка спякла яцо (т. е. испекла яйцо); шаручилъ виздѣ, а не сыскалъ (т. е. шарилъ); про Ваньку и ни бай, ни дастъ Бохъ слетьё (вм. здоровья); въ гамазини всякай хрупты многа, есть и небиль (вм. въ лавочкѣ есть разныя фрукты и щепной товаръ, т. е. лотки, ковши, корыта и лопаты); мима и пройти ильзи́ про́ста ду́шу ни ча́ть сватъ (вм. не хорошъ запахъ); кали́ званий́ть будутъ (вм. звонить), ни зама́й яво́ умо́тца; айде́шъ умо́мси (вм. не трогай его умоется, пойдемъ и мы умоемся); онъ помолить хочетъ (вм. ѣсть хочетъ), онъ на сибя рачитъ (вм. на себя пріобрѣтаетъ); ты брацкай кармись, статитца нечива (вм. кушай, не будь спесивъ); можна! я итакъ кармлюсь (вм. я закусываю); мы довольны на угащеніи, ни бизсудти, чаво ни накылякали (вм. не судите, что не наговорили); ну лишь уклонились гостюшки (вм. не стоитъ благодарности гости); изволити, ни въ угоду бражки искушать (вм. позвольте васъ попросить, не желаете ли браги); ты обмишулился въ живатѣ-та (вм. обманулся въ скотинѣ); у няво съ измала балавство-та водитца, про няво и фтупорча бали (вм. онъ съ малыхъ лѣтъ занимается шалостями и въ то время про него говорили); онъ ни ѣтчи ни пи́тчи слязо́й занялси́ (вм. онъ ни ѣвши ни пивши всё плачетъ); онъ піётъ (вм. поётъ); ты кумъ чудной (вм. удивительный); я дома мякалъ, наси́лъ дамякнулси (вм. гадалъ, наконецъ догадался); онъ у Митря кстилъ (вм. крестилъ); онъ ни мала дивавалси (вм. не мало дивился).

Пѣсни [1]).

1.

Че́рнай во́ранъ удало́й ли́ удало́й, што́ ты́ вьёсти на́да мно́й

1) Эти пѣсни записаны учениками—подростками.

што́ ты́ вьёсти на́да мно́й, а́ль ты́ пи́щи ни́ дабьёсти, дабьёсти чёрнай во́ранъ восятво́й, бе́ла гру́дь ма́я тами́лась, тами́лась изъ исто́чныхъ ба́льныхъ ра́нъ. Пирвижу́ я бальны́ раны я раны падарёнаимъ платко́мъ падарёнаимъ платко́мъ. Аташлю́ я въ ту́ старо́нку старо́нку къ атцу къ ма́тири радно́й. Взя́лъ жану́ я умну́ скро́мну я скро́мну въ чи́стымъ по́ли па́дъ куето́мъ въ чи́стымъ по́ли па́дъ куето́мъ. Са́бля бы́ла бы́ла сва́хай я сва́ха́й угаща́ла сла́вна на́съ угаща́ла сла́вна на́съ. Чёрнай во́ранъ удало́й ли́ удало́й залаты́я кры́лашки.

2.

Жевaро́нчикъ мо́й прле́сный адгада́й горе, а маё маё горя все́мъ все́мъ изве́сна мой мле́накъ уежи́тъ ми́лъ у́ехалъ непрасти́лся ми́лъ славе́чка писказа́лъ какъ ва етимъ во славе́чки мальчу́жнинька маладо́й разъ мало́динькай мальчи́шка нижана́тай халосто́й вздумалъ ма́льчикъ жини́ться взя́ть кото́ру люблю́ я аце́цъ сыну нипаве́рилъ, что на све́тѣ любовь есть; взялъ онъ но́жикъ. Взялъ онъ во́стрый ва зеле́ный садъ паше́лъ ва зпле́нымъ садо́чки ми́лъ заре́залъ самъ се́бя, яво́ буйная гало́вка пакати́лась па траве́, яво́ о́чи галубы́я па мали́навамъ кусту́ яво́ письмы дарагия́ пряма к Са́шиньки литя́тъ Са́ша письмы припима́ла и чита́ла ва сля́захъ, гдѣ чита́ла ту́тъ упа́ла сде́сь ко́ньчилась вся́ любовь.

3.

Спа́ли съ ру́къ бирчя́тушки май, почюе́ла мое́ се́рца вѣкъ нищя́снаму мне́ быть, нищя́сному а мне́ до́бру мо́лацу вѣкъ въ салда́тинкахъ служы́ть маладо́й маей хазя́йке по́викъ пла́кать таскава́ть ниплачъ радна́ мая́ ма́мынька напла́чиштп, да ты нарыда́ести, кагда́ вы́гапютъ ми́ня, выгапя́ли миня́ до́бра мо́лоца за те́ да́льны города́ за те́ да́льны миня́ гарадо́чники заграни́чныя места́ заграни́цаю мы бра́цы стаа́ли ожыда́ли сѣбе́ смерть прастрыли́ла маю бе́лу гру́динку.

4.

А́лпнькай тьвѣто́чикъ зачёмъ ра́на пави́лъ любилъ па́рпнь любить пирста́лъ ка́къ за́ту задѣ́вушку жи́ть втюрьмѣ́ папа́лъ фтюрьмѣ́ былъ жасо́жинъ; я гро́зпымъ палачёмъ дьве́рп растварп́лись пала́чь к нему́ зашо́лъ пта́шка кинаре́йка спалёту убива́лъ кра́спаю дифчёнку пастре́чу цалава́лъ; кра́сная дифчёнка скажи́ лю́бишь-ль ты́ мени́ е́сли ты пи лю́бишь? убью́ я са́мъ се́бя убью́ застрылю́ся клянаво́ю стрело́й фсе́ мои́ радны́я нипла́чти оба мнѣ.

5.

Круго́мъ, круго́мъ я спрате́ла, прп мне́ ми́лова друшка́ пе́тъ, всё ща́сья с ми́лымъ улите́ла и пи варо́тится наза́дъ, ва сне́ какъ А́нгелъ заяви́лся сказа́лъ: А́ннушка праща́й и пи влюбля́йся пи в каво́, в твайхъ лета́хъ люби́ть апа́сна и ты пави́пишь какъ тра́ва, кагда́ же ро́за растьвета́етъ, то вся́къ стара́ется сарва́ть, кагда же ро́за пасыха́етъ, то вся́къ стара́ется стапта́ть.

6.

Когда́шь я ма́льчикъ бы́лъ свабо́динъ пи зна́лъ я го́ря пи нужды́ родны́я всѣшь мпня́ люби́ли и сбалава́ли какъ дитя́ на балавство́ мпня́ сгуби́ла и я сбился́ с пра́видна пути́ в одну́ пищаспую влюби́лся и чирзпе́шь я пастрада́лъ, ана кляла́сь и бажи́лась сваёй пзме́нчивай душо́й, а я мальчи́шка ей паве́рилъ сваёй распу́тпай галово́й с маско́вскимъ за́мкамъ я спазпа́лся въ като́рамъ три го́да сиде́лъ, сижу́ впче́рпяю паро́ю лапна́да ту́скла горит за жиле́знаю ришо́ткай у чисаво́ва шты́къ блисти́тъ и ту́тъ в умѣ́ его мрача́лась и при дыко́наю стаи́лъ и всѣхъ святы́хъ я умали́лъ мини́ мали́тва аправда́ла и я и замка́ убѣжа́лъ бѣгу́ бѣгу́ бальшой дарога́й и навратп́лъ я въ тёмнай лѣ́съ.

7.

Писказа́тьлп ва́мъ падру́жкп пронища́сья просваё Вы спаз-

Ср. Великор. народ. пѣсни. Изд. А. Соболевскаго т. VI, № 534.

на́йтика падру́жки какой пра́вай мило́й мой чужа́ да́льна старана́ палы́нь го́рькая трава́, что ты са́нька ту́тъ гуля́ешь небоишся ничего́ отъ чего́же мне ба́йтся когда ми́лай зде́сь лежи́тъ Вдру́гъ выла́зитъ изъ маги́лы въ бѣламъ савне́ не мертьве́цъ на не́мъ па́мятникъ и двяно́ста пудо́въ въ ни́мъ лизаканицъ (вм. леденецъ), сне́къ раста́нитъ ту́тъ пая́вится лужо́къ ка́къ па этому луже́чку с ми́лымъ гулива́ть найде́мъ.

8.

Мамашпнька бранится чяво дочьшь дочька грусна́, сама я прато́ знаю въ каво́ я влюблина́ люблю́ друшка́ смиртельно люблю́ его душо́й, а онъ какой кава́рпай смпе́тся нада мно́й не злися злой мучи́тиль ни сме́йся на дамной тибя́ Гаспо́дь нака́житъ нищяснаю судьбо́й судьбо́й судьбинкой кава́рнаю жено́й. Ни в по́лѣ ве́тиръ сви́щитъ военай громъ гримитъ никто такъ ни сража́лси какъ ми́лай навайнѣ; онъ пу́лявъ ни ба́йлси всегда́шь бы́лъ впериди. Одна пуля зладе́йка стрыльну́ла въ бе́лу гру́ть. Пишу письмо́ пича́льна; что милинкай убитъ застре́линай лижп. Серту́къ его фура́шка наку́стики вписи́тъ. Сруплю́ я ета́тъ кустикъ построю манасты́рь сашью́ я черна пла́тья въ мана́шки жить пойду́. Сею́ слюбимою подрушку я въ клюшники возму.

9.

Пращай жы́сть ра́дасть мая́ слы́шу ѣдишь о тмпия́ намъ далжно́ с табо́й раста́тьца тибя́ бо́ли ни вида́ть. Тёмна но́чинька нисни́ца самъ я зна́ю отчаво́ мне́ дифчёнычка сказа́ла за мной ма́льчикъ ни гани́сь, есть пагонпси за мно́й нотиряшь свой спако́й. В адно́ вре́мичка прикра́сна мы сгуля́нья съ мильмъ шли нажо́лтымъ пяске́ сади́лись съ пра́ти све́жаю вады́ дажыда́лись ту́чи гро́знай со ради́мой стороны.

Еще образцы народной рѣчи.

Въ колдовствѣ: знама они малитвы читаютъ съ угаворами и

зачитываютъ, проговорить 40 разъ бизъ ашибочна, а то толку ибудитъ; тутъ сказать нады да прилажить нады.

Заговоръ колдуна отъ болѣсти:

Загаради миня мѣднай крышкай отъ зимли да небу, стаитъ синя моря, надъ синямъ морямъ стаитъ бѣла бireза, въ этомъ мори лежитъ гарючъ камиць, никто етатъ камиць ни подымитъ залаты ключи повынимаилъ(?): ни дѣвка проставалоса ни баба распояска, ни мужикъ зюбатъ, ни калдунъ.

Отъ звѣря и клади животныхъ.

Отъ звѣря хадючева, отъ птицы лятучей, умываюсь утриней расой, утираюсь ипплѣнной ризай, чистаю пиляною, выду изъ двирей въ двери, изъ варотъ въ вороты, во чистоя поля во чистомъ поли стоитъ Апостольская соборная церковь; въ етай церкови стаитъ пристолъ, за етимъ пристоломъ сидитъ рпчитъ Присвята Богородица шьетъ Ивану рубашечку краснинькай нитачькай, залатой иголычкай, красна ниточка порвись, ты лютый звѣрь уймись.

Если холостятъ животныхъ, то къ этому же зоговору прикладываютъ такъ:

Ты кровь руда уймись! ѣдитъ мужикъ старый, подъ нимъ лошадь каря, а ты кровь руда стань.

Заговоръ отъ лихаманки.

Ну, бай! ва го́ради Алатыри стаитъ древа смалиста; на етимъ древѣ стаитъ три свититиля: первый св. Кузьма Димьяна, другой свититиль Михалъ Архангилъ, третій св. Симанъ Припадобный. Сабиралси Симанъ ва пу́ть ва дарóгу, во чи́ста поля; во чистомъ поли встрѣтились дѣвы. Ну, батъ: что за дѣвы? Мы, баютъ: дѣвы жида Арьдова (вм. Иродова); онъ батъ: кулды идети? Они батъ: мы идемъ въ Русь тяла (вм. тѣла) знабить, костп ламить. Тутъ нады шесть расъ молать: 12 кривыхъ, 12 сляпыхъ, 12 касыхъ, 12 кособокихъ, 12 сухобокихъ, 12 кри-

воногихъ, 12 касалапыхъ. Эта какъ сбатъ: на нихъ Симанъ батюшка прагнѣвалси вырубилъ сто прутовъ, ударилъ по сту разовъ; ани яму взмалились: ни бей насъ Симанъ. Кто ету малитву будитъ шесть разъ въ день тварить, къ таму ни будитъ лихаманка въ домъ хадить.

Приворотъ бабъ же мужиковъ къ себѣ.

Ва го́рыди ста́нтъ це́ркавь саборная, въ ва етамъ горади стантъ пристолъ за етимъ присто(ло)мъ сидитъ на даскѣ мать Причистая Присвятая Богородица, дай ей (или ему) изъ подъ даски таски (имя тому лицу кого, приворачиваетъ), рабу или рабѣ балѣло-бы серца яво объ (имя), онъ ѣлъ-бы ни заядалъ, пилъ бы ни запивалъ, гдѣ бы хадилъ, ни гулялъ, съ ума разума ни спущалъ—проговорить 40 расъ.

Обратни.

Ани пирикидываются чризъ двянадцать пажей въ пирдавии, хрёстъ съ сибя скидаютъ. Былъ споръ объ четьверти вина съ одной старухой; ана больши дяла знатъ. Ни пущай на яравыя лошать! они баютъ старухи: пымамъ лошать и ни выпустимъ. Ну падити пымайти и ни выпустити, ани пашли и вядутъ иё и давили́ да старыхъ кладьбищъ чилэчыхъ атколь ни взялась ободрана лошать и ани устрашились и бросили пойманну лошадь. Пришли къ етой бабѣ, ана надъ ними разсмяхнулась и батъ: пымали мою лошать они баютъ: ладна обдрана кабыла! эта ана стара обратилась—вить выдумала во што абратитца та. Эта жа старуха малако у каровъ отыматъ. Пайдетъ па радникамъ набиретъ разнай вады и етай вадой и спрыскаватъ и карова апять будитъ даить, ана атхаживатъ па зарямъ.

Ище скажу шли троя рабятъ а ана на гумнѣ ленъ брала, опъ ей и батъ: ты, тетка, ленокъ-та ни свой бирешь! ана яму и пирѣчитъ: што ты ни ракъ ни рыба, чаво ты пусты рѣчи башь; пабижала за нимъ и онъ съ прясла (вм. городьбы) упалъ и сдѣлалси бизъ памити приходитъ дамой; дома жилъ сутки, патомъ

всѣ уходятъ въ поля, а онъ остаетца дома ни знать ни рыла ни носу все распухла, яво нарядили съ пакетамъ въ сяло Касауръ, на няво ни гожа глидѣть, шелъ сяломъ, яму встрѣтилась старушка съ пиринькомъ (вм. мальчикомъ) и ричитъ яму: пиринекъ что эта у тія? И обвела яму лицо безъименнымъ пальцымъ и батъ: Гасподь тія панесъ, а то-бы въ третій день помиръ и онъ пришолъ въ третій день въ школу здаровый виселый, а выздравилъ ща въ Касаури, какъ абвяла пальцымъ. Это было въ 1866-мъ гаду. Я не узнала брательника сваво Фтупарчи.

---

68. *Вятской* губерніи, *Нолинскаго* уѣзда, село *Соколово*.

Родина моя — село Пищальное Орловскаго уѣзда, Вятской губерніи. Я кончила курсъ въ Вятской Маріинской женской гимназіи. Наблюденія надъ народнымъ говоромъ я производила въ селѣ Соколовѣ Нолинскаго уѣзда, Вятской губерніи. Это небольшое село, въ немъ 21 крестьянская изба и четыре дома, принадлежащіе духовенству. Село это основано лѣтъ тридцать тому назадъ изъ деревни, носившей то же названіе. Въ Соколовскомъ приходѣ девять селеній, включая село. Деревни эти находятся отъ села на разстояніи отъ одной до пяти верстъ. Жители исключительно великорусскаго племени и всѣ православные. Занимаются они главнымъ образомъ земледѣліемъ, отчасти отхожими промыслами и весьма мало кустарнымъ. Вслѣдствіе истощенія почвы нѣкоторые уходятъ работать на пристани по рѣкѣ Вяткѣ, на Ижевской заводъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи, и на желѣзную дорогу, но исполняютъ только простыя работы: переносятъ тяжести, копаютъ землю, кладутъ печи, занимаются столярнымъ, кузнечнымъ и сапожнымъ мастерствомъ и т. п. Въ общемъ жители добродушны и почти всѣ — домовитые, т. е. заботливые хозяева. Они охотно роднятся и дружески относятся къ крестьянамъ другихъ приходовъ.

Гласныя. § 1: Оксинья, Окулина, Ондрей, Онтонъ, Олексѣй; батюшко, Ивапушко, дядюшка, дитятко; стоханъ (стаканъ), омбаръ, олтарь, торелка, сабоги (сапоги); розговоръ, розбирать, росчетъ, роспахать, розсѣять, розвозить, робота, роботать, роботникъ. § 2: я плачу́, ты пла́тишь, онъ пла́титъ, ты ка́тишь бочку, онъ ка́титъ, ты поса́дишь, онъ поса́дитъ, она варѝтъ кашу. § 3: замороживать, зароботывать, подзадо́ривать, унавоживать, уничтожать. § 4: рождаться, полагать, таварищъ, манахъ, манастырь, панамарь, салдатъ; слобода, мостовая, хорошо, золотой, карапь, кокушка, тварогъ; доброва, худова, слѣпова. § 6: ошшо, Омельянъ, Олена; робенокъ, робята, топерь; тобѣ, собѣ, у тобя не говорятъ; доржать, задоржать, соводин; жготся, запрягомъ, текотъ, пекотъ; дёнышко, двудёнка, оденье. § 7: пёбо, крёсъ (крестъ), о нёй, со всёго, твоёго, ёй, чёшоцца (чешется), крёска (крестная), дёпъ (дней); сплётки (сплетин), подёншикъ. § 8: у́мёръ, честёнъ, ясёнъ, прибыточёнъ, нянёкъ, покойничёкъ, денёгъ, оружьёмъ, смотрителёмъ, зятёмъ, гоголёмъ; родителёвъ; деревнёй, дѣвицой, Оксиньёй, саблёй, Господнёй, спнёй, середнёва (средняго), спнёва, спнёму, въ третьёмъ, въ Божьёй, съ спнёй, принимаётъ, уѣдётъ, будётъ, кушаёшь, проѣдёшь, знаёмъ; хвастанте; морё, полё, блюдцо, оспщё, подпольё, воскресеньё, здоровьё, времё, имё, доброё, бѣлоё, черноё, спротскоё, заднёё, скоромноё; дубовыё, бѣлыё; больнё, сильнё; бѣляё, скоряё, вольнѣё, тепляё; прощайтё, ходитё, смотритё, встрѣчайтё. § 9: шолуха, жона, жонился, жонихъ, насажоно, положоно, чашокъ, машотъ, напишомъ, пашо, вашо, гожо, дюжо, ну-жо, что-жо; ужò. § 10: цолуётъ, чёлустъ. § 12: залѣзо (желѣзо); запрёгъ, головёшка, крясло, словесно, колёсный, колёсникъ, трёсъ, понява, лехкой; затёсывать, пощёлкивать. § 13: етотъ (этотъ); неситё, кладитё, деритёсь. § 16: крыло, корысть. § 17: бароня, государоня. § 19: крѣпкой, лехкой, мелкой, пѣгой, русской, русскёй, земьскёй; понукивать, подтягивать, опахивать. § 20: Произношеніе крестьянами *е* во всѣхъ словахъ обычное. § 21: *и* вм. *ъ* слышится въ словахъ: пси (ѣсть), спмё (сѣмя), здись, здися-ка (здѣсь), повиспть, впникъ, мисяцъ, диверь, спни.

§ 22: сясть; стемнаетъ; видялъ; смѣляе, скоряе, хитряе, бѣляе. § 23: петь, петьдесятъ, грезь, взеть, опеть, мечикъ, хозеинъ, дедя, кричеть, зеть; взела, петно, езыкъ, везать, месной, светой, пстакъ, пети, десети, гледѣть, чесы. § 24: доброй, залѣзной (желѣзный), старой; синёй, овечёй, весеннёй. § 25: думашь, дѣлашь, знашь; знатъ — знаешь, батъ — баешь; но чаще употребляются нестяженныя формы; вм. хозяева скажутъ хозява. § 26: примáть, вымáть. § 28: Лексáндра (Александръ), менины; мью, мьетъ. § 29: оржаной, овторникъ, омшаникъ; мати, дочи, дати, ходити, играти, водити; несешь ложку мимо роту; не видишь потолоку (вм. потолка). § 30: гласныхъ не протягиваютъ и двойныхъ гласныхъ вм. простыхъ не произносятъ.

Согласныя. § 31: зв. *г* произносятъ правильно; доброва, слѣпова, худова. § 32: колда (когда); осударь, Оспóдь, Óсподи (Господь, Господи); мяккой, лёккой. § 34: Ванькя, чайкю, дочкя, маменькя, послушайкё, травкя, сахаркю; трахмалъ. § 35: Веденéй (Евгеній), áнделъ. § 36: короводъ, Фомякъ, куфарка. § 37: хъ попу, хъ кузнецу, хъ царю; гъ дереву, гъ желѣзу. § 39: свальба (свадьба); глúко (глядп-ка). § 42: цыпленокъ, улицы, коньцы, кольця, куриця; послѣ *ц* чаще произносятъ *и*, *я*, *ё*; вм. цвѣтокъ говорятъ «свѣтокъ», но оч. рѣдко. § 43: можно услышать: «пойду въ черкву» (церковь); чѣловать, ецчо (яйцо), улича (улица), швечи вм. швецы (портные); и обратно: цасъ, цёрный, цётыре, поць, пець. § 44: шить, шило, пашихъ, кожи, шагъ, жарко, шуба, жёской; рогоза, залѣзо; урождай. § 45: щё, што (вм. что). § 46: свешшенникъ, шшука, ишшу, ишотъ, слашше, ошшо, шшока; буква *щ* произносится какъ *шш*; вожжа, дрожжи, съѣжжатца, жготъ, жгáли вм. жжетъ, жгли; ждетъ; годпсся и годишша, збпраёсся и збпраёшша, берёсся и берёшша; дѣластца, ударилса. § 47: сабоги (сапоги), оммануть, омманъ (обмануть, обманъ), вного (много); скусной; колда, толда; во лузяхъ. § 48: дѣушка (дѣвушка). § 49: пролубь; Микола. § 51: омманъ (обманъ); скипѣть, трось, шесь, Пёт (Петръ). § 53: крофъ, лю-

бофъ, семъ, пролупъ и пролупь, голупъ; лафки, шапки, трафки, юпки, дѣфки; первой, черпъ (серпъ), верхъ, зеркало, черква (церковь); дворникъ, горница, харчевня; молепствіе, хлѣбникъ, лѣчебница, харчевня, деревня, купца, рупъ; плотьникъ, скотьникъ, родьникъ, огородьникъ; зв. *т* произносятъ твердо, какъ *ц*; въ словахъ: здѣшній, прежній и др. *ш* и *ж* произносятъ мягко; лекче; барьскёй, царьскёй, деревеньскёй, женьскёй, руськёй, москоськёй.

Ударепіе. § 54: ручёй, хо́лодъ, езы́къ, языка́, тваро́гъ, але́жникъ, во́ры, обу́хомъ, отъ но́чи, на ко́няхъ, ко́пей, дайте творогу́, пять са́женъ, прого́ны, ве́рба, ве́драми, закла́дка, подру́га, подру́жка, у́спѣхъ, заста́ва, о́тставка, поста́вка, заку́ска, простыня́, се́рчё, молоче́піе, сре́дства, ворота́, боло́та, се́мена, мучата́, боя́ра, я́ицъ, молодо́й, мо́лодъ, лёгокъ, мя́гокъ, тѣсной, ча́ща, де́ньга, со́сна, ро́дина, судьби́на, дешови́сь, въ рѣку́, сви́нью, двѣ версты́, деревё́нь, ви́ламп, опъ ко́спъ, ро́дитъ, звопя́тъ, опъ ро́дится, спитё, ѣдитё, хо́чите, несёте, неситё, кладитё, бу́дётъ, ика́ть, вопи́ть, работа́ть, ка́шлять, поло́жить, предполо́жить, пону́дить, подойти́, принести́, бога́тѣть, осырѣть, по́звалъ, со́бралъ, по́гналъ, по́слалъ, перестрѣлилъ, дострѣлилъ, приведёнъ, привезёнъ, принесёнъ, приведёна, привезёна, принесёна, проведёпъ, туго́й, сыро́й, шо́лковой, друго́й, прѣсно́й, гря́зной, ипо́й, кажи́пной, иду́тъ, идётъ, вы курптё, сте́гнётъ, розорвёшь, отогнёшь, подойдёшь, пойдёшь, помахнётъ, козырпу́ть, ужасну́ться, кувырпу́ться; пошатпу́ться, случи́лось, бра́вшп, напи́вшись, взя́вшись, о́пасно, высо́ко, далёко, глубо́ко, мо́жно, тёмно, не́ бплъ, три года, два́ дпп; по́дъ вечеръ. § 55: пѣвучести не замѣчается, словъ пе отчекапиваютъ. § 56: младшее поколѣніе произноситъ слова правильнѣе старшаго. Мужское произношеніе правильнѣе женскаго. Крестьяне надъ говоромъ стариковъ не смѣются, но неправильности произношенія замѣчаютъ, говору сосѣдей не подражаютъ.

Склоненіе. § 57: женскій родъ вм. мужского не употреб-

лятеся, кромѣ слова: лебедь; этотъ яблокъ (вм. это яблоко); двухъ родовъ отъ словъ, извѣстныхъ въ одномъ родѣ, не употребляютъ; гусь, лебедь — слова муж. рода; собака — слово женск. рода. § 58: съ тово году (съ того года), съ потолóку (съ потолка), безо сну (безъ сна); съ тово дни, севодни, третьёводни, съ Илина дни; въ садѣ, въ лѣсѣ, въ углѣ. § 59: иногда слышно: приговорá, пóгребы; князьё, брáтьё, стóльё, кóльё; сватовьё; хресьяна, бара; шшонята, опёнки. § 60: салдатовъ, человѣковъ, робёнковъ, жеребёнковъ; пріятелёвъ, рублёвъ, ключовъ, ножовъ, кирпичёвъ; отчéй, огурцей, купчéй; въ имен. мн. ч. говорятъ: молотцы; по полями (вм. полямъ), лошадьми (вм. лошадямъ), къ людьми; съ лошадямъ, съ дѣтямъ, подъ ногамъ, за рыбамъ, съ краснымъ дѣвушкамъ, съ крестамъ, за полямъ и морямъ, брать рукамъ, сарапала кохтямъ; въ пѣснѣ поютъ: во лузяхъ. § 61: свекрóвка, свекрýха, матерь, дочерь, мати, дочи, бароня, барошня, судароня; цéрква, чéрква; чаще слышно: -ой, женой; силóмъ прóгнали; на лошедѣ, на пецѣ, въ грезѣ, къ дочерѣ, къ мáтерѣ, къ лошедѣ; тысечью. § 63: времё, имё; род. пад.: время, имя; род. множ.: имянъ, времянъ, сѣмянъ. § 64: вороты, болоты, брёвны, вёслы; скажутъ: мало полей (а не поль); дѣловъ, мѣстовъ. § 66: «добры молодцы», «тёмны ночи» скажутъ, но весьма рѣдко. § 69: въ им. п. мн. ч. прилаг. всѣхъ родовъ въ концѣ слышно ё — ясныё дни. § 71: съ милымъ дѣвушкамъ, съ добрымъ людямъ, съ осиновымъ дровамъ, съ большимъ сапогамъ. § 74: говорятъ иногда: къ нами, къ вами, съ намъ, съ вамъ. § 75: вм. въ нёмъ говорятъ: въ ёмъ, вм. имъ говорятъ: имú; вм. за неё, у неё говорятъ: за её, у её; вм. съ нимъ — съ имъ. § 78: вм. ихъ употребляется слово: ихній. § 80: хлѣботъ на столѣ; береги масло-то; каша-та высохла въ пецѣ-ту; бабы-тѣ ушли въ лѣсъ за гýбамъ; бáбу-ту, парня-то, парню-ту. Оборотъ: «та баба» означаетъ указаніе на извѣстную бабу, а въ «баба-та» — «та» прибавлено для пѣвучести окончанія «а».

Спряженіе. § 81: скучѣть; вымать, вынялъ; обоймн.

§ 82: паймовать (напимать); замороживать, устроивать, устроиватца, унавоживать, оспоривать, удвоивать, утроивать, успоконвать, простроччивать. § 83: вм. «есть» говорятъ: есь. § 84: колотю́. § 87: тёко́шь, тёко́тъ, тёко́мъ, тёко́те, стерегошь; лгошь, толкошь, можошь; вм. «хочешь» говорятъ: хошь. § 89: спа́ти, бра́ти, шити, любити, сѣ́сти, мыти, ходити и др.; вм. «жечь» говорятъ: жгать; вм. «беречь»— берекчи́. § 91: розго́нены, розго́нено, накла́дено. § 92: вм. впригъ, запрягъ говорятъ: вприкъ, запрёкъ. § 93: ѣ́дь, уѣ́дь, заѣ́дь.

Синтактическія особенности. § 96: бра́тьё (братья), сту́льё (стулья), ко́льё (колья). § 100: при гл. есть вм. именит. п. употр. род. § 101: вм. твор. п. изрѣ́дка употр. родит. съ предлог. пзъ. § 103: лопи́сь (вм. въ прошломъ году), восе́ть (вм. въ прошлый разъ). § 105: онъ поѣхалъ по овесъ, онъ пошелъ по коня, пойти по кобыламъ, по коровъ, по овечёкъ; вм. «зачастую» говорятъ: часто. § 107: скажутъ: «мнѣ о Па́скѣ семна́тцеть лѣтъ ми́нётъ», «это случилось о Рожествѣ». § 108: предлоги «мимо» и «возлѣ» требуютъ родит. падежа: бѣжитъ мимо гумна, возлѣ дороги. § 111: сюда пришли два мужика; продали двухъ овёцёкъ; привели троихъ уцениково́въ. § 112: два хорошіе ма́льцика. § 113: три разъ, шесьдесятъ годовъ, шешь годовъ (вм. шесть лѣтъ); два рубли́, три́ дни. § 114: двои ворота, трои двери. § 116: изрѣдка говорятъ: «у нево ушъ было вы́пито» (вм. онъ уже выпилъ). § 120: случаи употребленія одного отрицанія вм. двухъ замѣчались; замѣчаются обороты и съ излишнимъ употребл. отрицанія *не:* «не то давай, унесу муку́-ту»; некто, некакой. § 121: «онъ, батъ, пишотъ платъ-отъ» (вм.: онъ, говоритъ, пищетъ платокъ). «Да́-ко я сёду ту́тотка» (вм.: дай, я тутъ сяду). «Ну, бу́ди, подёмъ»! (вм.: ну, пойдемъ). «Ты, молъ, деньги-то не забыла-бы». «Мнѣ-ка больнё недосу́къ» (вм.: мнѣ некогда).

Образцы народной рѣчи.

Свадебный обрядъ.

Гости, сопровождающіе жениха къ невѣстѣ и ихъ обоихъ къ вѣнцу, составляютъ свадебный поѣздъ и называются «поѣжжа́нами». Почетный поѣзжанинъ со стороны жениха называется «дру́жко». Другой поѣзжанинъ называется «ты́сецкёй». Отъ невѣсты не отходитъ «сва́ха». Вторая сваха называется «погони́ха».

Крестьяне до сихъ поръ вѣрятъ въ порчу, думаютъ, что «еретникамъ» и «еретницамъ», т. е. злымъ людямъ, знающимъ наговоры, легко «испортить» молодыхъ. Охрана ихъ составляетъ обязанность «дру́жки». Съ этой цѣлью онъ произноситъ молитвы-наговоры.

Рѣчь дружки за столомъ у жениха передъ тѣмъ, какъ ѣхать за невѣстой къ вѣнцу:

Осподи Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. (Трижды).

Молитва: Отче нашъ...

Осподи Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Вся небесная сила благословитё меня. Тварь Господня, во́лмія воссіяетъ, громъ возгре́пётъ, земля здрожитъ, морё сколы́бнетца, рыба у бе́регу не устои́тъ, птица на деревѣ не усиди́тъ, еретни́къ съ еретни́цой съ дьявольской силой на мѣстѣ не устоитъ. Какъ Господь сотворилъ нёбо и землю, сотворилъ и укрѣпилъ, такъ и еретника и еретницу дьявольскую силу укроти и укрѣпи. И запри́ кне́зя молодова, и кнегѝню молодую, и ты́сяцкя большо́ва и сере́днева меньшо́ва, запри́ ихъ три́девети ключя́мъ, отнесу ключи́ въ окія́нъ морё, одда́мъ кетру́ рыбѣ за́ шшоку, на которомъ земля стоитъ. Когда-жо морскіё па́токи опшуша́тца и тогда надо мной похи́ть, помудре́й. Моёй молитвѣ аминь. Всѣ́-ле сыты, всѣ́-ле довольны, е́жле хто недово́лёнъ, дакъ щей ульёмъ и кусковъ накро́шимъ. Е́сь-ле у нашёва князя отецъ и ма́ти? Какъ вы умѣли своё дитя спои́ть, скорми́ть, на умъ-разумъ наста́вить, благослови́тё ево́ подъ златы́ вѣнци поставить.

Рѣчь дру́жки на улицѣ передъ тѣмъ, какъ садиться въ экипажи, чтобы ѣхать съ женихомъ за невѣстой къ вѣнцу.

Осподи Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Всѣ-ле въ скопу́, всѣ-ле въ соборѣ, всё-ле мы взе́ли, взе́ли-ле шубу, взе́ли-ле мыло и сва́хонькя зѣворо́тка не забыла-ле заплѣтки? Огляни́сь-кё ты назать: нѣтъ-ле у насъ саней объ одно́мъ полозу́, нѣтъ-ле поѣжжанъ объ одномъ глазу? Благослови́тё меня, дру́женькю, впѐрёдъ ѣхати, у меня, у друженьки, конь солово́й и хвосъ золото́й, грива сере́брена, мой конь бѣжитъ, подъ нмъ земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ вали́тъ, изъ ноздре́й искра сыплётъ, и́зъ роту пла́мё пы́шотъ, во всю ши́року свѣту даётъ.

Благослови́тё меня впередъ ѣхать. Богъ намъ на по́мошъ.

По пріѣздѣ къ невѣстѣ дру́жка съ поѣзжанпномъ входятъ въ избу, остальные поѣзжа́на съ женихомъ остаются нѣкоторое время въ экипажахъ.

Войдя въ избу и помолившись, дружка говоритъ:

Осподи Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Ѣду я не кнезь, не боя́ринъ ото ско́сника, законника, отъ кне́зя молодова дружка. Сва́тушко, сва́тьюшка, какъ вы съ молодымъ сватомъ сва́тался, а́ли вы крестамъ образова́лись, а́ли вы на се́й день строкъ здѣлали, севодни-ле у васъ свалебка?

Возвратившись къ экипажамъ, дружка говоритъ:

Осподи Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Ѣхали мы по горамъ, по доламъ, съ высокихъ горъ увидѣли сва́тушкинъ дворъ. У ево ворота шихо́рчеты, подворо́тница стеко́льчата, заѣжжа́ёмъ въ огра́ду, у ево пола́ тесовы, столбы дубо́вы, ко́льча впито́вы, коло́ды ли́повы. Нашихъ лоша́донёкъ на пола́ тесо́вы, ко столбамъ дубо́вымъ, къ коло́дамъ ли́повымъ, нашимъ лоша́донькамъ три пе́ци хлѣба и сусѣкъ овса, хлѣба пецёнова, овса́ толцёнова, сѣна кошо́нова. Ко дверя́мъ притво́рника, нашимъ лоша́донькамъ караульшяковъ, къ пецѣ засло́шника, ко столу стольника.

Дружка входитъ вмѣстѣ съ прочими въ избу и говоритъ:

Осподи Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Сва́тушко,

сва́тьюшка, ва́шо-то рожо́но, на́шо-то посулёно, прикажи́тё ёй умы́тца и нареди́цца, и въ зе́рькальцо посмотре́цца, Богу помоли́цца и стать за сто́лики дубо́вы, столе́шонки кленóвы, скатёроцки кле́тцяты, ло́шецки ре́пцяты, ествы́ сахарны, за питьи́ медя́нны.

Взявши рюмку вина, два «кала́цика» и шубу, дружка идетъ «на́ середь» (т. е. къ пе́чи) за невѣстой, одѣтой къ вѣнцу, чтобы вести ее за столъ къ жениху. Дру́жка говоритъ:

«Дѣвушки и нивѣски ростунитёсь, да́йтё дру́жкѣ путь доро́гу, ка́бы кому на по́жку не ступи́ть, ка́бы ково́ за боцёкъ не хвати́ть, у меня, у дру́женьки, гла́зоньки загля́тцивы, а ру́ценьки захва́тцивы, но́женьки засту́пцивы».

Дойдя до невѣсты, дружка говоритъ:

Осподи Исусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ. Стань-ко ты, Марья Васи́льёвна, на ко́ньи ножки, на соболи́ны лапки, идётъ чаша съ питьёмъ, а езы́къ съ целобитьёмъ, ножки съ поступо́домъ, ру́цки съ подно́сомъ, езы́къ съ приговóромъ, хто отъ на́шова дру́жки пьетъ, тотъ три́тцеть три года ли́шнихъ проживётъ.

«Дѣви́шницкіё писни».

Бѣлая наша бѣлинка, а́лая наша румя́нёнка,
Милая наша подру́женькя, милая наша голубушка!
Ско́лькё мы тебѣ наказывали,
Сколь мы тебѣ наговарпвали,
Щё не выходи на новы сѝни,
Не слу́шай ты зво́нчатыхъ гу́слей,
Эти-жо гусли омма́нчивыё,
Омма́нчивыё, да перема́нчивыё,
Перема́нятъ на чужу́ сторону,
Не къ родимому ко батюшку,
Не къ родной-то ко матушкѣ.
Какъ будешь называть чужова батюшка?

При людяхъ-то людяхъ да свёкоръ ба́тюшко,
Безъ людей-то людей да свёкоръ ли́хой былъ,
Какъ будешь называть чужую матушку?
При людяхъ-то людяхъ свекро́вка-ма́тушка,
Безъ людей-то людей — свекро́вка ли́хая.

Изъ-за лѣсу лѣсу тёмнова,
Изъ-за садику зелёнова
Выбѣгаетъ тутъ воро́ной конь,
За конёмъ бѣжитъ Гаври́лушко,
За воронымъ бѣжитъ Ива́новицъ.
У воротъ стоитъ Аннушка,
У новы́хъ стоитъ Григо́рьёвна.
Онъ крыци́тъ зыци́тъ зы́снымъ голосомъ:
«Судоржи́-ко ты, Аннушка, ворона́ коня»!
— «Ушъ я рада-бы коня здоржéть,
Ужъ я рада-бы ворона́ здоржéть,
Не травой ноги спу́тало,
Не росой очи смо́чило,
Го́рюшко ноги спутало,
Горючи́мъ слеза́мъ лицо смо́чило.

Сестрица у братца въ головкахъ сидѣла, въ головкѣ иска́ла. Сестра брату говорила: «охъ, ты, братъ-ле, ты, мой братецъ, бра́телко родимой! Погости́, братецъ, подо́ле, провожу́ тебя пода́ле, провожу́ я тебя въ по́лё, провожу тебя въ друго́ё, провожу тебя я въ тре́тьё. Въ первомъ-ту полѣ ста́нёмъ пиво пи́ти, въ другомъ-ту полѣ станёмъ пи́сни пѣ́ти, въ третьёмъ-ту полѣ станёмъ роста-ва́цца, слеза́мъ облива́цца». Братъ сестрѣ рече́ётъ: «ты, сестра моя, сестрица, каково́ тебѣ житьё-то»? — «Бра́телко родимой, житьё мнѣ не бо́льнё, житьё некоры́сно: свёкоръ бо́льнё журли́вой, свекровка чемли́ва, деверья бо́льнё змужливы, золовки больнё

смѣшли́вы». Братъ сестрѣ рече́ётъ: «ты, сестра моя, сестри́ца, сестри́ца роди́ма, поживи́, сестра, подо́ле, потерпи́ побо́ле: свёкоръ-отъ тебя по дѣлу, свекровка-та тебя у́читъ, деверья-тп жёнъ-ту во́зьмутъ — ты сама вѣдь отсмѣёшша, золовки-то взя́мужъ вы́йдутъ — все житьё тебѣ роска́жутъ, та́поръ тебѣ воспомя́нутъ.

Свѣтъ не па́ушка по си́нямъ ходитъ,
Не навинъ си́зо пёрышко ро́нитъ,
Свѣтъ Парасковьюшка по си́нямъ ходитъ,
Ко крова́тушкѣ прихожда́ётъ,
Ши́той бранъ положо́къ открыва́ётъ,
Ро́дпова батюшка пробужда́ётъ.
Стань-ко, батюшко, пробуди́ся,
Стань, роди́менькёй, домекни́ся,
На меня на младу нагледи́ся.
Мнѣ не годъ у тебя годова́ти,
Мнѣ не лѣ́течкё лѣтова́ти,
Мнѣ въ чисто-то полё не бывати,
Шолковы-то травы не топта́ти.
Не пиди́люшку мнѣ гости́ти,
Едпа по́ченькя начева́ти,
Едпа тёмпая корота́ти,
Со подру́женькямъ поспдѣ́ти,
Со голубушкамъ погости́ти,
Съ ро́дпымъ батюшкомъ думу думать,
Съ родной матушкой слово мо́лвить.

Ты реби́па-ле реби́нушка,
Ты кудрявая, зачѣмъ ты рапо пошати́лася?
Не сама я пошатилася,
Пошатяли меня вѣтры бу́йныё,
Сполудённыё, сполуно́шныё.

Ты, любезная наша подру́женькя,
Ты, любезная наша голубушка,
Ты зачѣмъ рано поохо́тила,
Ты зачѣмъ поизво́лила?
Не сама я поохотила,
Не сама я поизволила во чужіе-те люди-жо.
Поохотилъ ро́дной батюшко,
Поизволила родимая матушка.

Шуточная пѣсня.

Спрошу бабушки старушки, гдѣ овесъ сушить.
Ай лю́ли, ай люли́ гдѣ овесъ сушить.
На студёной печѣ, на одномъ кирпичѣ.
Спрошу бабушки старушки, гдѣ овёсъ толчи́.
Въ осиновой ступѣ, берёзовымъ песто́мъ.
Спрошу бабушки старушки, въ чёмъ кисе́ль моши́ть.
Мочить-не мочить въ большой квашнѣ.
Спрошу бабушки старушки, во щё́ кисе́ль чиди́ть.
Старымъ-ту старушкамъ въ рѣдкоѣ решето́,
Молодымъ молоду́шкамъ во ча́стенькё,
Краснымъ-то дѣви́чамъ во си́течкё,
Прошшолы́гамъ мужикамъ во рѣдкую бо́рону.
Спрошу бабушки старушки, въ чёмъ кисель варить.
Варить-не варить въ большо́мъ котлѣ.
Спрошу бабушки старушки, во щё́ розливать.
Старымъ-ту старушкамъ во ча́шечкю,
Молодымъ молоду́шкамъ во блюдечкё,
Краснымъ-то дѣви́чамъ на торелочкѣ.
Спрошу бабушки старушки, съ чѣмъ кисель хлеба́ть.
Старымъ-ту старушкамъ съ су́слячёмъ,
Молодымъ молодушкамъ съ прѣснымъ молокомъ,
Краснымъ дѣвичамъ со смета́ночкёй,
Прошшолы́гамъ мужикамъ съ сы́вороткой.

Спрошу бабушки старушки, куды гостей спать клась.
Старыхъ-ту старушокъ на пе́цкю спать,
Молодыхъ молодушокъ на тесо́вую кровать,
Прошшоль́говъ мужиковъ ко свиньямъ въ гнѣздо.
Спрошу бабушки старушки, чѣмъ гостей буди́ть.
Старыхъ-то старушокъ ва́режкой,
Красныхъ дѣвичь шолковой плёткой,
Прошшоль́говъ мужиковъ дубинной вязовой.
Спрошу бабушки старушки, чѣмъ гостей умыва́ть.
Старыхъ-то старушокъ изъ коло́дцика,
Молодыхъ молодушокъ изъ ри́цюшки,
Красныхъ дѣвичь изъ студёнова клюця́,
Прошшоль́говъ мужиковъ изъ лоха́ноцки.
Спрошу бабушки старушки, чѣмъ утира́ть.
Старыхъ-то старушокъ рукотерницкёмъ,
Молодыхъ молодушокъ рѣди́ночкёй,
Красныхъ дѣвичь наспи́шничкёмъ,
Прошшоль́говъ мужико́въ горшо́вничкёмъ.

(Сообщила Ѳ. Дьяконова).

---

76. *Курской* губерніи, *Льговскаго* уѣзда, село *Ивановское*.

Дать полную характеристику говора того села, въ которомъ я живу въ настоящее время, я не могу, потому что поселился въ немъ недавно и, въ силу нѣкоторыхъ условій, мало имѣю сношеній съ крестьянами.

Родина моя—станица Казанская, Донской области; воспитаніе получилъ въ г. Бѣлгородѣ, въ учительской семинаріи. Въ настоящее время живу въ селѣ Ивановскомъ Льговскаго уѣзда, Курской губерніи.

Жители этого села—бывшіе крѣпостные майоратнаго имѣ-

нія князей Барятинскихъ. Когда-то село принадлежало малороссійскому гетману Мазепѣ; въ селѣ хранится его домъ, названо оно его именемъ.

Отъ своего уѣзднаго города оно находится въ 25 верстахъ и мало имѣетъ съ нимъ сношеній, но отъ другого города (Рыльска) оно находится въ 17 верстахъ, куда и тяготѣетъ населеніе. Жители села не представляютъ однородной «сѣрой» массы: часть изъ нихъ писцы, конторскіе служащіе и т. п., часть ремесленники: слесаря, штукатуры, и только часть земледѣльцевъ. Очень многіе изъ нихъ отправляются на сторону на заработки.

Гласныя. § 1. Въ ко́зну, старши́ны, ва́ршь, ско́мьи, то́шшить (тащить), насо́дють, пло́тють, ко́тится, бро́нится, гово́ршь, гово́рить (говори́тъ). § 2. Ла́вишь, ла́вить (ло́витъ), сѣда́къ, хо́да́къ, вуга́лья (угли). Удва́ивать, упава́живать, потёсывать, завёртывать. § 4. Звуки *о*, *а* неударяемыя произносятся ближе къ *а*. § 7. Жыра́ и жара, лашыдей и лашадей, жале́ть, жына́ и жана; кажется, что у коренныхъ жителей именно *а*, а не *ы* слышится. § 8. Самуваръ. § 9. Музули́, кружува́. § 10. Въ словахъ полѣчить, заглушить, понесу и т. д. слышится зв. ближе къ *а*. § 17. Жапа, шо́стый, жалудокъ; скушыла, лошыди, хужа, больша. § 18. Ипя́ть (опять). § 22. Мы́ю, ры́ю, крыю. § 23. Крышить (крошить), дражать. § 24. Какэй, такэй, адиэй, съ тэю, съ адиэю, чужэй, ни зымай. § 25. Хучь (хоть), дыкъ (такъ). § 26. Калкала́, пархавой, курпатка. § 27. На вакиѣ, Хванасей. § 29. Здучи́ (стучи), здуче́ть (стучать), ипеть (опять), мечикъ. § 30. Запрёгъ. § 31. Нясу, пляту, мясной, святой. § 32. Вм. въ лѣсу говорятъ: въ лѣся; вяли́къ, гряши́ть; чаго (чего). § 36. Еравой (яровой), цана́, ацани́ть, царковный. § 40. Троя, дешевля, боля, по ширши; ипича (ныиѣ); на база́ря, вмѣстя, но у по́лю (въ полѣ). § 41. Ма, матушь, мамишька (мать); сяло́, ябо́сь, иямно́го. § 43. Ипрведи, пиркусить, пирвярнуть, впртяно, по десятина. § 44. Йетай (этотъ), йетакой. § 46. У ей, па ей. § 47. Етай (этотъ), ета (это). § 50. Йипаче, йипва, йидолы, йистинный, съ йимъ. § 51. Кеевъ;

вм. нѣтъ говорятъ—нима́. § 52. Стрычь, стрыгу, грыбъ, грыбы, вышня. § 55. Ты бъ пашелъ ба. § 58. Пабѣдамши, забидѣла; грать — играть; послѣ бѣдъ — послѣ обѣда; мому́, твому́. § 60. Ильна́, пльда́, пржи́; пшано, пшаница, карвать, скварецъ, грячиха. § 61. Уся́, уста́ть, уре́мя, удава́; годовъ, дворовъ: ближе къ *в*; славна: ближе къ *в*. § 62. У хату, уве́сь; но: «валки́». § 63. У кагó, вда́рилъ, навчить, увастро́ги, увадномъ, увашли, увавсѣхъ. § 64. Во́льга, во́зеро, Во́спиъ, ву́тка, ву́трамъ, вулица. § 65. Дамно; упукъ и самоуправно. § 66. Въ сл.: дваровъ, каровъ и т. д. слышенъ зв. ближе къ *в*. § 67. Оставь, поставь, у церкви (въ церкви). § 68. Трудно опредѣлить: въ словѣ щепки (шшепъки) — ъ, а въ крѣпче (крѣпьче) — ь, также въ словахъ: дѣвъки и серебьрянай. § 69. Митрохванъ, Хведоръ, Хванасей. § 70. Всякое г произносятъ такъ, какъ въ словахъ: Бога, тогда, благо, т. е.: г^{х}. § 71. Каго, таго, добрага, сляпога, маго и маяго, тваго и тваяго, карагодъ. § 72. Друхъ, долхъ. § 74. Хозя́йкя, чайкю́, капѣйкю, бочкя. § 75. Клопотать, клопотѣ, тахта, хоронить, къ водѣ. § 76. Лехша (легче), лёхкай. § 77. Дьверп, дьвпнуть, сьмирно, зля лошади (для лошади), шпичка, но: сушить; шо́стый и шашто́й, шаснатцать: сычасъ и чичасъ, дражни́ть, но забота, взяли; письмо, вазьму, садился, баюсь. § 79. Сатъ, готъ, ротъ, наротъ; расъ, восъ, оброс. § 80. На оси́нки, лаханка, санки. § 81. Верьхъ, вверьху, сверьху, но первый, серпъ, церква, дворьникъ, горьница, ко́рьмить, карьзина. § 82. Ме́лча (мелѣе), до́лжа, большой, больной, пакля. § 83. Чапочка (цѣпочка), чапля (цапля), чиплятца (цѣпляться); церква, царь; конешно, пошта (почта), тошно (точно), пшанишный, паштенный. § 88. Шпотка, шпука, помѣшпикъ, лошпина, вешпи, пшпо (еще); борщъ; дажжа (дождя́), дошъ (дождь), впшпить, впшпать (впзжать), жгёть (жжетъ), што (что). § 89. Свинпя, почьчу; протчій, притчина. § 90. Спю (сплю), пособю, кажишь, кажу.

Ударепіе. § 91. Гору́, голову́, воду́, цѣпу́, слободу́, сто-

рону́, свараду́ (сковороду), руку́, землю́, соху́, борону́, душу́, зиму́; два ря́да и два ряда́; орѣхи́; съ деньга́ми, дѣтя́мъ; болота́, мѣста́, ворота́; ря́бый, пря́мый, сёмый; широ́ко; бра́ла, умёрла, прорва́ла, гна́ла, годи́лось, было́, были́, плыли́, налили́, взяли́; переда́ли, умёръ, приня́лъ, запёръ, остала́сь; не сло́манъ, напи́сано; запёрто, распёртый; де́ржишься, насу́шишь, забо́тишься; клюётъ, найдёмъ, придёшь, ве́рнецца; нико́го, ничо́го; туча́, верба́, па́шня; спи́на, подъ бако́мъ, валки́, валко́въ, валко́мъ, коло́мъ; по́минки, зарабо́тки, ки́пятокъ.

Склоненіе. § 92. Микитъ! Тетъ! Петь, Вась, Ивань и Вань, Стёпъ! § 94. У ба́тюшки, къ ма́тишки; на концу́, на коню, при брату, на затылку, при отцу; зубовъ, рублевъ, грачовъ, дневъ. § 95. Съ рабо́тя, у шко́ля, съ тэй сторонѣ, у вдовѣ, изъ казнѣ; церква, церквы. § 96. Дитё; у полю, у вакну. § 98. Сухэй, сырэй, у чужэй, у аднэй. § 99. Длиньша, дешевля, чижельши, ближе, тоньше; скорѣ́ича (скорѣе), ху́жа, жа́рьча, должѣе, шибчѣе. § 100. Той—тотъ, съ тэй стороны, въ тые́ хату, тые́ и тую собаку; ийе—её, у ей; ёнъ и вонъ—онъ, оны́—они, йихъ—ихъ, йимъ, къ йимъ, уна́—она; усее́ съѣлъ; одные—одну; самые́—самое, саму; у мене, тебе, себе; табѣ, сабѣ; маяго́, маго; твояго́, твого; маяму́, маму́; сваяму, сваму́. § 101. Дво́ми, трёми; двохъ, по пять копѣекъ.

Глаголъ. § 102. Спросю, прокатю, затопю, сходю, сню, снарядю, купю, любю. § 103. Ид$^{э}_{е}$шь, плетешь, запьешь, запрягешь, спекешь, пристаешь (всюду *е*, а не *ё*); хатишь, хатить. § 104. Ходить, любють и т. д.; бьеть, пойдеть и т. д.; трецца, дастаецца. § 105. Бьемъ, несемъ (*е*, а не *ё* всюду). § 106. Бяре́тя, нясе́тя, вязетя. § 107. Ходють, сушуть, носють, держуцца, но говорятъ; вм. «бѣгутъ, побѣгутъ»: «бѣга́ть, побѣга́ть». § 108. Выложь, увидь, поможи. § 109. Прибѣхъ. § 110. Вытерть, идить, моло́тая, мо́лоная. § 111. Дадено, убра́та, помолевши и помолемши, схороневши, зачапёвши, зашо́дчи. § 113.

Жмать, сожмалъ; жвать—жевать, жву—жую, жвешь, жви—жуй; обманить—обмануть: ѣздю, ѣздишь, ѣздить. § 115. Торгувать.

Синтактическія особенности. § 117. Воронье, собачье, дубье. § 123. Играть въ скрипку, въ гармонію. Стрѣлять съ ружья. § 127. Они обои не работники.

(Сообщилъ Ѳ. Костенко).

---

77. *Тульской* губерніи, *Новосильскаго* уѣзда, село *Паньково*.

Наблюденія надъ говоромъ народа производились въ селѣ Паньковѣ Паньковской волости, Новосильскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Ближайшая къ селу станція желѣзной дороги — Хомутово юго-вост. ж. д., въ 20-ти верстахъ; уѣздный городъ Новосиль въ 35-ти верст. и другой ближній городъ Ефремовъ въ 45-ти верстахъ.

Происхожденіе названія села «Паньково» объясняютъ такъ: когда то въ старину въ этой мѣстности были сплошные громадные дубовые лѣса съ большими оврагами, въ этихъ лѣсахъ жили разбойники съ своимъ атаманомъ Панькой, который грабилъ и убивалъ прохожихъ и проѣзжихъ; вотъ отъ этого то Паньки мѣстность, а потомъ и село стали называться «Паньково».

Преданіе сохранило и мѣсто пребыванія шайки Паньки: это оврагъ въ небольшомъ теперь березовомъ лѣсу, называемомъ Котовскимъ, который принадлежитъ мѣстному землевладѣльцу Шатилову. Въ этомъ оврагѣ есть стоящій трехугольной формы камень, острый конецъ котораго обращенъ вверхъ; вышиной онъ аршина четыре; прежде же камень этотъ, говорятъ, былъ выше большихъ деревьевъ; на камнѣ была надпись, объясняю-

щая, что подъ нимъ находится громадный кладъ. Нѣкоторые крестьяне хотѣли достать кладъ, но сколько ни рыли, ничего не нашли; въ народѣ и до сихъ поръ существуетъ предположеніе и даже увѣренность въ существованіи клада, который будто бы оставленъ Панькой съ какими то заклятіями и который можетъ достаться только какому то особенному человѣку.

Въ уѣздѣ крестьяне с. Панькова слывутъ за людей отчаянныхъ, разбойниковъ. Говорятъ, что въ крѣпостное время въ Паньково много крестьянъ переселялось помѣщиками изъ другихъ мѣстностей, а многіе и сами бѣжали сюда отъ помѣщиковъ, у которыхъ жилось плохо.

Всё село состоитъ изъ крестьянъ принадлежавшихъ когда то помѣщикамъ: Шатиловымъ, Селезневымъ, Рахмановымъ и Мясоѣдовымъ. Крестьяне этихъ помѣщиковъ очень замѣтно разнятся другъ отъ друга; такъ напр. крестьяне Шатиловыхъ это люди работящіе и кроткіе, а крестьяне Рахмановыхъ славятся своимъ буйствомъ.

Между крестьянами села и крестьянами другихъ окрестныхъ селъ и деревень существуютъ хорошія отношенія, они знакомятся между собой и роднятся, а въ храмовые праздники обязательно бываютъ другъ у друга въ гостяхъ.

Хлѣбъ свой крестьяне сбываютъ на станціи Хомутово и въ городѣ Ефремовѣ, тамъ же они покупаютъ и разные продукты и вещи, нужныя для дома.

Въ послѣдніе годы больше и больше стало случаевъ ухода крестьянъ на сторону на заработки; уходятъ въ Москву, Тулу, а больше на югъ на каменноугольныя шахты.

Гласныя. § 1. Онъ то́щить, во́ришь, пасо́дютъ, пло́тютъ, ко́тится, бро́нится, паво́лютъ, нато́щутъ, ко́тютъ, во́лются, во́рются. § 2. Ла́вють, да́ ста, сѣда́къ, хода́къ; удво́пвать, упаво́живать, устро́ивать, замороживать, приготовливать. § 4. Въ сл.: сова́, трава́ и т. д. слышится глухой звукъ ближе къ *а*. § 5. Въ словахъ вода́, трава́, каба́къ и т. п. слышится неопредѣленный

звукъ подходящій къ *а* и *ы*. § 7. Жыра́, жыле́ть, лошыдей, шылпть, цыря, а также и: жера́, желе́ть, церя́; шыта́ть, шета́ть, шыпта́ть, шепта́ть, жыля́етъ (вм. жа́литъ); жера́, жана́. § 9. Хрустуля́, кружува́, мужукы́, пузурёкъ, музуля́. § 11. Господинъ, малатцу, галавной. § 12. Бухмора́, Бугородица, мугарычъ. § 13. Этыму, Θедыру, во́лысы, вы́гпыли, про́дыли, вы́дыли, рыздыва́ть. § 14. Этыго, у́мныго, си́льныму, хорошыму, каменпыму, ме́дныго, краспвыму, бѣлыму, кра́сныго, маленькыму, черпенькыму, бе́дныго, бога́тыму, деревяпныго, глупыму, но: те́плинькава, ма́ленькава, хоро́шенькава, у́мненькава. § 15. Θедаръ, Θедыру, хо́ладъ, хо́лыду, голасъ, го́лыса, воласъ, волыса, ѣхалъ, ѣхыли, горадъ, горыду, говаръ, говыру. § 16. Слѣпова, хорошева, глухова, умныва, сѣна, ма́сла, сло́ва, ба́тюшка, кривова, упрямыва, сыльныва, прямова, бѣлова, рябо́ва, кра́снова, глу́пыва. § 17. Жана́, жалу́докъ, жалту́ха, шасто́й, шаршава́ый, жани́лся; говорятъ и жына́, шыршава́ый; шыловливъ, скушыла, скушыть, лошыди, вышалъ, но́жакъ, горо́шакъ, за му́жамъ, ху́жа, вы́ша, тамъ жа, глу́бжа, до́лыша, отъ чаво жа, дажа. § 18. Висилёкъ, Висилиса. § 19. Яшшо (еще), Яванъ (Иванъ), Явангаль (Евангеліс). § 20. Березунька, голо́вунька, дѣвучка, ластучка, на́лучка, лозинучка. § 24. Съ тэю, съ однэю. § 25. Ды будя табѣ баловаться; значитъ ёнъ и побѣгъ у садъ; дыкъ узамѣнъ яво ты кликни другова. § 26. Благдаримъ, платенца. § 29. Ме́чикъ, гледи́; стаели, е́йца. § 30. Трёсъ, запрёгъ, пётна; непраглёдный, хрёкъ, папёва, трёско. § 31. Нясу, сляза, гняздо, ряна, мяспой, на стянѣ, вясна, пляту, сяжу́, вяду, у няво, вядро, тямно, сяледка, серябро. § 32. Одно и то же лицо не скажетъ: свитой и святой, ляжи и лижи; чаво и чиво, отдѣльныя же лица говорятъ: жана; жина, желѣть, жилѣть, бяру, биру, сяжу, сежу; вообще въ этихъ случаяхъ часто слышатся колебанія въ произношеніи. § 33. Въ словахъ какъ рѣка, весна пятакъ слышится и *я* и *е* и *и*: ряка, сляза, ляса, вясна, тясна, нясла, гямна. § 34. Въ словахъ сестра, рѣка, несёшь, вела говорятъ *я*, *е* и *и*. § 35. Дяслти, дявятнадцать, мясаѣдъ, тяжало́, ляса-

впкъ, яравой, въ тярямý, чалавѣкъ, сярябро, сярядá, чажалó, вясялá, дярявýшка, пярядóмъ, дявятй, сямй. § 36. Жанйлся, цапá, цалѣй, ацанйть, царькóвный, пошавéливай; жанихи, въ шастяромъ. § 37. Прежняму, весяло, озяро, сéмяро, чéтвяро, вымяла, подáвняму, сйпяму, вынясла, осянью, зямóю, пóмярли, вывяди, выплясни. § 38. Вѣтяръ, паляцъ, устроялъ, крыльявъ, дéнягъ, ястрябъ, погрябъ. § 39. Бýдять, хóчать, кáмянь, корянь, дурянь, осянь; въ 3 лицѣ говорятъ: ёнъ будя, хоча, читая, пляша, дýмая, пиша, ругàя, плáча, ковыря́я, мáжа, рубя, пиля, дѣлая, ѣдя, скáча, стрóя, лѣпя, мóя, прыгая, кóся, вѣря, мáша (машетъ). § 40. Трóя, дешевля, бóля, шйря, старѣя, пóньча, тапéря, бýдя, тóня, тапéрича, умирáя; вмѣсти, въ поли, на базари, на горохи, въ остróги, на бéриги, въ скáзки, на платини, на печки; такія, сляпыя, худыя; я иду въ поли и я былъ въ поли. § 41. Мамянька, миляпькай, Олянька, голянькяй, сѣдяпькяй, плохипькяй, умняпькяй, а также, пябось, пятронь, ня думай, ня дури, ня дѣлай, ня замай. § 42. Дорожунька, Машунька, свашунька, подружчунька, Дашунька. § 43. Пярвязи, пяркусить, пярвярнýть, дсятина, счасъ (сейчасъ), пермолоть, перломать, перковеркать, першвырнуть, персказать. § 44. Ето, стотъ, свто, етакой, еко; ево и яво. § 45. Нёбо, хрёстъ, хрёстикъ. § 48. Оттэль, оттэда, отцэль, отцэда, съ тэю, отъ тэй, одпэю. § 50. Съ имъ, съ ей. § 51. Ковре́га, смерно, смерный; бáряпъ, выпялъ, отвѣтялъ, прославялъ; пѣтутя; онъ ходя, онъ пиша, моча, читая, рисуя, ругая, пляша, онъ пося, прося. § 52. Грыбы, скрыпка, рыга, стрычь, выпни, вышанья. § 55. Ушолъ ба, убѣгъ ба; чорпап, милап, добрап, сѣрап, умпап, глупап, деревяпнап, желѣзпап, чернобровап, бѣлолицап, бѣлап; умываться, бываетъ, убываетъ. § 56. Кукуя (какую?), маладуя, добруя, хорошуя, сѣруя, кривуя, упрямуя. § 57. Забылася, уморилася, закатилася, убилася, утопилася, ушиблася, забалавалася, закрылася, замазалася, наѣлася, нагулялася, находилася, накаталася, убралася, нарядилася, умаялася, укрылася; нарядилси, молитси, убралси, уморилси, упйлси, ушибси, забралси, запы-

халси, а также и: молютца, говорптца, пи́шатца. § 58. Побѣдамши, забидѣли, зара́ли, прибщать, собирается, тваво, маво, твамý, мамý, узохался (вм. заохалъ). § 60. Идѣ (гдѣ), Амченскъ (Мценскъ); пышано, пышаница, тыварогъ, гырячиха, кыраппва, кряпнва, грячиха, кыравать. § 61. Уся, устаетъ, удава́, ускакиваетъ, успорхнулъ, узнесъ, усё, усѣ, узлетѣлъ; годофъ, дворофъ, полофъ, кровъ (вм. кровь), домофъ, дерёфъ, дубофъ; славна, Михаловна, Николавна. § 63. Въ каво, вдалыхъ, вдарилъ, павучитъ, вушибъ, вубилъ, вкралъ, вволокъ (вм. уволокъ), вупряталъ, вукрасилъ, вубралъ, вукаратилъ; увашелъ, увадномъ, увастроги, увавсѣхъ, увайди, уваспой (?), увабѣгъ, увызбѣ, увагородп (вм. въ огородѣ); баушка и дѣушка. § 64. Вокорокъ, восень, вочень, вутка, Вольга, вулица, вуши, вучитъ, вохаетъ, вуха́. § 66. Дварофъ, дрофъ, гатофъ, карофъ, вазофъ, нофь, палофъ; гропъ, лопъ, струпъ, дупъ; у церкви, у дому́, у по́лѣ, у хатѣ, у избѣ, у водѣ, у вагородѣ, (вм. огородѣ). § 67. Семъ, голубъ, кровъ, любовъ, оставъ, набавъ, приготовъ, прибавъ, убавъ, крой, любой. § 68. Земълю, дешевъле, деревъня, крѣпъче, щепъки. § 69. Митрохванъ, сарахванъ, Ахванасій, цихвыра, Хвекла, Хведоръ, Хвилиппъ, Хвома, Хведосій, Хвенькя; хунтъ, хватера, куфня. § 71. Добраво, таво, спльнава, глупава, умнава, маяво, на́шаво, свяво́дня, сляпова, кучерявава; карагодъ. § 72. Друхъ, сапохъ, долхъ, ночлехъ, четверьхъ, рохъ, зажохъ, мо́хъ; г произносятъ близко къ *х*. § 73. Мелкай, крѣпкай, хрупкай, русскай, долгай, длиннай. § 74. Чапкю, хозяйкя, толькя, чайкёмъ, валькёмъ, пенькя, капейкю, пастройкя, глянькя, бочкя, палочкю, дочкю, бачкя, пянькёю, барышькя, милочкя, голубепочкя, прачкя, качкя (вм. та́чка). § 76. Лёхъкіе, лехъче. § 77. Дьверп, дьвинуть, атьвѣдать; дражнить; письмо, вазьму; садилси, судилси сушилси, глумилси, дралси; рѣдко говорятъ баюсь, нахожусь, остерегусь, балуюсь. § 80. Пѣсенькя, Оленькя, башенькя, маменькя, душенькя, Васпнькя, Пашпнькя, рѣченькя, па́нпькя. сонце. § 81. Перьвый, верьхъ, сверьху, церковь, зе́рькпля, дворьникъ, горьница, порьча, карьмить, карьзина. § 83. Говорятъ: чер-

ковь, чарь, чапочка, чапля, чарица, чепь. Канешна, привышна, палномошнай, тошна, што, пшанишнай, дурашливай, драшливый, пошта, поштеннай, малошнай, пешная дверка, поштовая сумка. § 85. Дяржи, спяшилъ, гряшилъ. (съ *и*!) § 87. Здѣшъній, ночлежъ никъ, грѣшъникъ, дружъя, ружъё. § 88. Шшука, шшотка, помѣшшыкъ, лошшына, шшы, вешшы, ишшо, пишшатъ, смушшать, шшепка, шшель, шша́вяль, шшыта́ть; дажжа, выѣжжатъ, вижжатъ; дожъ; ждётъ, што; млатшый, ушедши. § 90. Парки́ (портки); аттудова, аттэдова, аттэль, аткель, атцэль, отцэлева.

Удареніе. § 91. Гару́, галаву́, ваду́, цану́, слабоду́, старану́, скавраду́, руку́, землю́, саху́, борону́, душу́, зиму́, даску́, серяду́, нагу́, полу́; се́ребро, се́ребромъ; по слуха́мъ, молота́ми, долота́ми; съ деньга́ми, дѣтя́мъ, въ роща́хъ, въ сѣня́хъ; колёса, боло́та, мѣста́, воро́та; ря́бый, пря́мый, сямо́й, и́ный; то́лстай, жо́лтай, тёмнай, го́лай, дико́й; широ́ка, слѣпа́, жива́, мла́да, ста́ра, вели́ка, до́рога, дёшева, дяшо́ва, мило́ва; ма́ленякъ, пло́хенякъ, коро́токъ и ко́ротокъ; глу́пенякъ; широ́ко, высо́ко, далёко, глубо́ко; бра́ла, по́мерла, у́мерла, прорва́ла, пробы́ла, гна́ла, родила́, было́, случило́сь, рада́; побе́гла, переда́ли, умёръ, приня́лъ, помёрло, запёръ, остала́сь, запёрлись, носи́ли, забрала́сь; принесёнъ; запёртай, распёртай; заботи́шься; на́йдемъ, при́дешь, пове́рнешь; никаво́, никому́, у табе́; туча́, пашня́, су́да, подъ бако́мъ, подъ поло́мъ, подъ мосто́мъ, подъ носо́мъ, ко́ломъ и коло́мъ, отъ ро́ду; по́минки, зарабо́тки; при́говоры; посля́, опосля́, издаля́; три́-дни, два́-дни, тре́тьяво-дни и третёводни, до Петрова́-дня.

Склоненіе. § 92. Микитъ, Петь, Пятрухъ, Васюхъ, Варюхъ, Матрёхъ, Вась, Вань, Кать, Дунь, Машъ, Мить, Терехъ. § 94. У батюшки, къ мальчишки, къ дочки; на концѣ, на костылѣ, на концу́, на костылю́, на коню, на дьячкю́, на ба́тюшкю, на большаку́, при отцу́, при вечеру́, въ ве́черю, на дѣви́шнику, на заты́лку, на сто́лику, на рагу́, въ боку́, на моху́; дома́, луга́, во́лосы, по́ясы; сусѣ́ди, зятья́; аршиновъ, солдатовъ, днёвъ, рублёвъ, гостёвъ, зубовъ. § 95. Изъ службѣ, съ работѣ, съ той сторонѣ, у

вдовѣ, съ молотьбѣ, съ косьбѣ, пзъ водѣ, съ крышѣ; цéрква, свякры́; ма́терь, до́черь, впн. п.: ма́терю, до́черю; комнатавъ, пѣснявъ. § 96. Дитё, дитю, дптею; у полю, у вакну, у варѣшанью, у вишанью, у морю; дрова, окны, бревны, сёлы, сѣдлы, полотны, гумны, кольцы, болоты, яйцы, ведры; дяловъ, гняздовъ, сяловъ, вясловъ, вядровъ, о́кновъ, ко́льцовъ, яйцовъ. § 98. Впн. ед.: добраю, сильнаю, худою, умнаю, маладою, широкаю, хорошаю, пестраю; на худымъ концѣ, на дурнымъ покосѣ, въ такимъ случаѣ, на жалтымъ пяску, на правильнымъ пути, въ хорошимъ мѣстѣ. § 99. Дли́ньше, бога́тѣй, дешéвле, тяжéльше, про́щше, то́нше, скорѣй, хитрѣй, до́бряй, весели́ѣй, хужа, жарьче, жарьчѣй, лушша (лучше), должѣй, шпичѣй, пригожѣй, дешéвше, толше, поскорѣйча, скорѣйча, поближа. § 100. Тотъ, тыво, тыму, тѣмъ, въ томъ; та, тыё, тыю, тэй, съ тэю, отъ тэй, на тэй; тып, тыпхъ, тыпмъ, тэмп; ёнъ (онъ), яво, яму, о ёмъ; яна и она, яё, ей, ёю, о ей, съ ею; съ ка́пхъ поръ, съ кайхъ поръ; обѣи понёвы въ шпаляхъ; усеё, адныё, самые, усю́, усеёй душой; у мене, у тебе, у табе, у таэ есть табакъ? сабѣ, табѣ; маво, тваво, маму, тваму, сваво, сваму. § 101. Двумп, тремп́, четырмп́, по пяти копеекъ; двадцать десять, тридцать десять, шестьдесятъ десять счптаютъ только пѣкоторые; семъ, сямыхъ, сямымъ.

Глаголъ. § 102. Ня можимъ знать. § 103. Хотп́шь (хочешь). § 104. Нясуть, вязуть, плятуть, любють, хочуть, водють, плогють; въ 3 л. ед.: ходя, нося, прося, возя, плача, махая, ругая, рубя, молотя, кося, работая; берётъ, пясётъ, убьётъ, пропадётъ и пропаня — пропанетъ; хатп́тца, хо́тца. § 106. Берётя, закладётя, связётя, идётя, вазьмётя, спясётя, смажитя, сваритя; васпойтя, пойтя, пейтя, крпчитя. § 107. Ходютъ, носютъ, просютъ, любютъ, варютъ, готовютъ, ѣздютъ, косютъ, полютъ, порютъ, а также и ходя, суша, прыгая, ѣздя, готовя, кося, поря; можуть, стрпжуть, поляжутъ. § 108. Выложь, гляпь, гляпькя, глядь, сго́пькя, ударькя, подь суды, пе роптай, перяломай, купляй. § 109. Бросялъ, ѣздялъ, построялъ, спорялъ; прибѣгъ и прибёгъ.

§ 111. Мóлоная, дáдено, убратá, околѣтый; спросёмши, помолемши, убрамши, схоронемши, поработамши, подумамши; уѣхавъ, зайдя, нося; нястоющій, зрящій, нягодящій, каляпящій (каляный: твердый), завалящій. § 112. Боюся, ложуся, крадуся, ругаюся, молюся, кажýся, божýся, моюся; бопшьси, ошибесси, свалишьси, скатишьси, сламаишьси. § 113. Давапшь (даёшь), продаваютъ, куплять, купляютъ, не давапть; ѣздію, ѣздіпшь, ѣздіютъ. § 116. Дли яво (вм. для его).

Синтактическія особенности. § 117. Лошадье, дубье, деревье, ведмедьё. § 118. Мышь, мышá, мышý, мышóмъ, мышѣ; «лежитъ въ корѣ»; облáкъ(?), яблóкъ. § 119. Красная платья, хорошая ведро, разбитая окно, грязная стекло; отъ красной платьи, отъ мочёной яблока, изъ худой ведрá, изъ гиплой бревнá (такъ!); скверная вино, парная молоко; опа (окно) отворена, стекло разбита, ведро выставлена, бревно полóжена. § 120. На тройкѣ лошадяхъ, на парѣ волахъ. § 122. На Пятровы день, на Покрова, около Миколѣ зимней и лѣтней, на Иванъ Постпыва, на Ильина день. § 123. Играть у скрыпку и у гармонью; я пойду до яво (вм. къ нему); ёпъ поѣхалъ до города. § 124. При людей, при господъ, при лошадей, при избы, при деревовъ; по одномъ, по всёмъ, по томъ, по другомъ, по сядомъ дѣду, по кривомъ глазу, по худомъ вядру. § 126. Пришло двое мужиковъ, пашутъ троя рабочихъ, косятъ десятеро человѣкъ; запрягли двѣ лошади; зарѣзали три курицы; два дубленыхъ тулупа, два хорошихъ мальчика, двое хорошихъ мужуковъ, три умныхъ ученика, двѣ рѣзвыхъ лошади. § 127. Обои не работники. § 128. Слово «малый» обозначаетъ и мальчика и взрослаго мужчину, говорятъ: у меня есть два малова (т. е. мальчика); и «ты мáлый ня сии» (взрослый). § 129. Чаво дѣлаишь, чаво подѣлаишь. § 130. Помѣшамши, вспросимши, раздѣмши, спасёмши, одѣмши, поѣмши, понимши, похоронимши, помымши, поругамши. § 131. Ужо-тка, нý-тка-ся, поди́-ка, ступай-ка, говори-ка, дѣлай-ка.

(Сообщеніе В. А. Сучкова).

78. *Ярославской* губерніи, *Мышкинскаго* уѣзда, село *Васильково.*

Авторъ наблюденія—учитель земскаго Васильковскаго училища, уроженецъ г. Мышкина.

Село Васильково Ярославской губ., Мышкинскаго уѣзда, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Корожишны [1]). Оно дѣлится на два общества Кисловское и Сысоевское съ отдѣльными для каждаго общества старостами. Распаденіе одного села на два общества произошло вслѣдствіе того, что въ господское (до 1861 г.) время предками этихъ крестьянъ владѣли двое господъ—Кисловской и Сысоевъ.

Село Васильково Васильковской же волости, которая дѣлится на 4 самостоятельныхъ прихода съ селами Васильково, Ждапово, Зеленцово и Введенское на Ляму.

С. Васильково важно въ историческомъ отношеніи. Церковь этого села, какъ значится по церковнымъ документамъ, построена въ 1781 году и стоитъ на самомъ почти обрывѣ лѣваго берега, а на разстояніи полуверсты, почти напротивъ, на правомъ берегу, тоже крутомъ, находится небольшая поляна съ поросшимъ хвойнымъ лѣсомъ. Это мѣсто носитъ названіе «Иваны—Великіе».

По отзывамъ нѣкоторыхъ компетентныхъ лицъ, можно смѣло утверждать, что с. Васильково и Иваны Великіе были древне великокняжескими помѣстьями, владѣльцы конхъ были князья Василько и Иванъ III или IV Грозный. Переходя затѣмъ къ позднѣйшему времени и основываясь на преданіи, можно смѣло

1) Правильное названіе—Коро́жишна, но не Корежична, какъ повсемѣстно ее называютъ. Начало ея въ Тверской губ.—устье въ Ярославской Въ былыя времена въ этой рѣкѣ былъ найденъ громадный оленій рогъ, что доказываетъ, что въ прежнее время тутъ водились олени, а по финскимъ парѣчіямъ корожъ означ. олень,—ишна—рѣка. Стало быть правильное названіе Корожишна, что значитъ оленья рѣка.

предполагать, что на «Иванахъ» существовала церковь въ честь Іоанна Крестителя, что̀ доказываетъ и самое его названіе «Великіе». И дѣйствительно, всякій пришедшій и взглянувшій на крутой Ивановскій берегъ можетъ сразу замѣтить массу человѣческихъ костей и сохранившихся череповъ, каждогодно обсыпающихся вмѣстѣ съ землею, что̀ и доказываетъ, что тутъ нѣкогда существовало кладбище.

Въ рѣкѣ и въ самой горѣ находили въ недавнее время серебряныя продолговатой формы монеты немного болѣе гривенника, несомнѣнно временъ Іоанна III или IV; изъ такихъ монетъ сохранилось и до сихъ поръ нѣсколько штукъ у мѣстнаго священника о. Сергія Исполатова.

Въ настоящее время крестьяне с. Василькова исключительно хлѣбопашцы, есть лишь нѣкоторые плотники, столяры, всѣ они постоянно живутъ дома и въ отхожіе промыслы уходятъ рѣдко.

Въ селѣ существуетъ, основанное въ 1877 г. земское училище учащихся бываетъ среднимъ числомъ каждогодно 80—85 чел. (существуютъ еще школы въ дер. Данильцевѣ Ждановскаго прихода и въ селѣ Зеленцовѣ).

Мѣстное населеніе тянетъ въ столицу, въ особенности это замѣтно въ подросткахъ, какъ скоро они окончатъ курсъ мѣстной школы. Уѣздный городъ (мѣсто моей родины)—Мышкинъ, на р. Волгѣ. Этотъ городъ удаленъ отъ насъ на 50 верстъ, желѣзная же дорога идетъ въ 24 верстахъ.

Гласныя. § 2. Удва́ивать, унава́живать, устра́ивать, замора́живать; потя́сывать, передя́ргивать, завя́ртывать. § 11. Въ словахъ борода, голова и т. д. слышится *о*. § 13. Въ словахъ этому, Ѳёдору и т. д. вм. *о* слышится *ы*. § 16. Въ конечномъ неудар. слогѣ слышится болѣе всего звукъ *а*: до́брова, слѣпо́ва, батюшка и т. п. § 17. Шылавли́въ и шелавли́въ; вышолъ, замужомъ. § 20. Произношеніе: бере́зынька, голо́вынька и пр. часто замѣчается въ мѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ. § 25. Вм. да—ды

говорятъ, но очень рѣдко; «зны́читъ»—употребляется чаще, напр., «онъ, зны́читъ, и говоритъ»; вм. «хоть» всегда говорятъ «хошь», напр. «хошь ѣшь, а не хошь, какъ хошь». § 28. «Какъ хотитё», куда идётё?.. и пр.; иногда при этомъ удареніе ставятъ на концѣ. § 30. Запрёгъ. § 31. Вмѣсто святой, глядѣть употребляютъ иногда—свето́й, глидѣ́ть. § 36. Жени́лся, оцѣни́лъ, церко́вный (и иногда — церкёвный); женихá, шестяро́мъ. § 37. Прежниму, че́твиро; о́синью, по́мирли, ты́сича. § 38. Вѣ́тяръ, ви́дялъ. § 39. Бу́дитъ, хо́читъ, хо́чутъ. § 40. Но́ньче, те́перь (такъ!) и иногда типе́рь; вмѣ́сти; молоды́и, такіи; «я пойду въ полё» (т. е. непремѣнно ё), я былъ въ поле. § 41. Ма́минька, па́пинька, дя́динька, иногда, впрочемъ, конечное *а* замѣняется звукомъ *я*, напр. дя́динькя; пяту́хъ. § 44. Нѣкоторые вм. этотъ, это и пр. говорятъ етотъ, ето. § 48. «Ты поди оттэль, а я отсэль»; откэдова ты, братъ идешь? § 49. Употребляютъ вм. ѣсть — исть, или ись, напр. «мама, дай мнѣ ись», или «что-то поисть (поись) охота». § 52. Крыкъ, грыбы. § 57. *Ся* вм. *съ* замѣчается довольно часто: я боюся; лошадь купалася. Сохраненіе *о* и *е* въ срединѣ словъ: «поди, принеси съ потолоку»; «надо съѣздить за мохомъ». § 58. Стяженія: знашь, бѣгатъ, онъ побыватъ, употребляются очень часто. § 63. Часто слышится: баушка, дѣушка, голоушка. § 65. Слово мнукъ общеупотребительно. § 66. Гропъ, дупъ, лопъ; трафка, ф поле, ф церкови́. § 68. Зем(ъ)ля, дерев(ъ)ня, дѣф(ъ)ка. § 69. Охремъ вм. Офремъ, или Ефремъ; фатера (и квартера), куфня. § 71. Севóнни, дóброва; тово, моево, своево; каравóдъ. § 72. Зв. *г* въ концѣ слышится скорѣе какъ *к*, чѣмъ *х*; сл. *друга* скажутъ скорѣе съ *г* близкимъ къ *к*. § 73. Мелкой, крѣпкой, русской. § 74. Выговоръ: чайкю́, то́лькё, гля́нькя, ско́лькё, це́ркёвь, Ольгя и пр. повсюду распространенъ въ нашей мѣстности. § 75. Довольно часто говорятъ даже взрослые: «Мы ловили на рѣтѣ рыбу». § 76. Полех(ъ)ча́ло. § 77. под(ъ)метки, смир(ъ)но: вм. с(ъ)нему произносятъ болѣе — сыму; вм. *для* употребляется иногда гля; вм. сейчасъ — чича́съ; письмо, возьму; иногда вм. сади́лся — ся-ди́лся, саи́лся, саи́лси, равно какъ—боюся, боюси. § 79. *Ц* вм. *ч*

слышится у всѣхъ почти крестьянъ Твер. г. Кашин. у. Васьянскаго прихода, напр. «цово ты баишь»? «налей ко, родимой, цайку»; цугунка. § 80. Лоханька(я), маминька(я), тятинька(я). § 81. Первый, верхъ, дворникъ и т. д., т. е. твердо. § 82. Мельче, дольше; то́лькё, сто́лькё, ско́лькё. § 83. Буква *ч* произносится мягко; *щ* вм. *ч* въ конешно, нарошно, наволошно. § 84. Твѣтъ, твѣтокъ. § 85. Вм. пошолъ иногда — пшо́лъ, пожа́луста, иногда — пожалста. § 88. Щти, или иногда — щы; вообще послѣ *щ—ы*: помѣ́щыкъ, ямщы́къ, я́щыкъ; впижа́ть, выѣжжа́ть; дошть (дождь); вм. что—што (рѣдко—чиво?); мла́тшый (младшій), ушо́ччи (ушедши). § 90. Шешнадцать или шешнаццать употребляется довольно часто; ла́нно, онна́ко, ви́нно, онна́, о́мморокъ, бѣ́нный, су́нно—очень часто употребляются. Слово Анна недавно стали говорить—Адна; баушка, дѣушка, гляи, пои (поди); ндравъ, пондравилось.

Удареніе. § 91. Зла́то, се́ребро, се́ребромъ, но чаще серебро́, съ деньга́ми; семо́й и сёмо́й; родила́, померла́; побёгла, у́мёръ и по́меръ, запёрто; до́ила (но лишь въ пѣсняхъ), сёмнадцатый; приговоры; посля́ и опосля́, говорятъ — два́ нни (дни), третёвонни; домъ, множ. ч. им. домы́, родит. до́мовъ, дат. домамъ, твор. до́мами, предл. въ до́махъ; *лошадь*, родит. п. лоша́ди, дат. п. ло́шадѣ, родит. множ. ч. лоша́дей, дат. лоша́дямъ, предл. о лоша́дяхъ и пр.

Склоненіе. § 94. У батюшка. Льни́, сусѣ́ди, зятёвья́; днёвъ и дёнъ, рублёвъ. § 95. «Поди (пои — иногда), дай лошадѣ корму»; «я была въ церкови́». § 96. Дитё и дитя, *родит.* дити́, *дат.* дитѣ́, *вин.* дитю́, *твор.* дите́й—дите́мъ, *предл.* о дитѣ́; но вм. дитя—чаще: *ребенокъ* или *робенокъ*; поло́тны. § 97. «Мы пойдемъ за гри(ы)бамъ, за ягодамъ», наоборотъ: «Приходите къ намп въ гости». § 98. Вм. пьяные—пья́нпи, а также—мы сыти, мы богати, они голо́нніи (голодные); вм. желѣзнымъ — желѣ́зныемъ, те́плыемъ; на дурны́мъ мѣстѣ, въ свѣ́тлымъ мѣстѣ, въ те́мнымъ (но не тёмнымъ) мѣстѣ. § 99. Тяжельше (иногда ти-

жельше), жарчѣе, богатѣе. § 100. «Загони тое (но не тоё) корову» или—«принеси тое коромысло»; «спроси её, — гдѣ у ей тёлка-то»; «ёнъ говоритъ: сичасъ приду»; формы: всеё, одноё и т. д. встрѣчаются, но весьма рѣдко; часто: у сея, у тея, те и тее (вм. тебѣ). § 101. Трюхъ — трюмъ, четырюхъ—четырюмъ иногда употребляютъ; числит. пять, полтора, полтораста—почти вовсе не измѣняются, напр., «я мѣряю по полтора ведра», или—«размѣняй-ка четвертакъ по пять коп.».

Глаголъ. § 102. Иногда—могимъ вм. можемъ, бьёсся, хошь. § 104. Вм. ётся выгов. ецца; вм. есть — еся; хо́цца, напр. «хо́цца пойсь» (т. е. поѣсть). § 108. Вы́ложь (вм. выложи), увидь, глянь, подь-ка, да-кось и дай-ка. § 109. Прибёгъ, убёгъ. § 111. Вм. даны́ — да́дены, вм. убрана́ — убрата́; вм. — явши, явшись — имши, имшись; напр., «онъ ушёлъ не спросимши»; уѣхамши — уѣхаччи, ушо́ччи; «онъ недавно ушоччи», «онъ уѣхамши». § 112. «Ты думашъ, я те (тебя) боюса»? Или—«а вотъ ты меня боисси»; приттѝть (вм. придти). § 114. Знашъ (ь), играть.

Синтактическія особенности. § 118. Яблокъ (вм. яблоко), «этотъ — мой яблокъ». § 121. «Я все маюсь глазамъ». § 123. «Я до ихъ не касался»; «мы по вамъ (и по васъ) соскучились»; «я закурилъ въ трубку»; «онъ стрѣлялъ въ ружья»; «я пойду по воду»; «ты по што пришолъ»?. § 124. Предлогъ при управляетъ дат. п., а предл. по предлож. над. напр., «наше останется при намъ, а ваше — при вамъ»; «скотина гуляетъ по всёмъ лѣсу». § 126. «Сюда пришло», «къ намъ въ деревню пріѣхало пять сватóвъ»; «мы нынче сшили два дубленыхъ тулупа, скатали пó пять паръ валенокъ»; «двое мужиковъ поѣхали въ лѣсъ». § 127. Двои ворота, трое дверей. § 128. Слово «малый» означаетъ мальчика, но иногда и взрослаго. § 130. Дѣеприч. оканч. на ѣмши, напр., «ты подь (поди) гулять одѣмши», и иногда—ямши, напр., «ужо́, погулямши, я прочту эту книжку»; разницы между:

«онъ севодни уѣхалъ» или — «онъ севодни уѣхаччи» — почти нѣтъ никакой. § 131. Поди-тка, принеси-ка, я-то, на-тко; я-де приду опосля́; «ты-молъ скажи ему»; «али ты-де-ста богатъ, такъ и бахвалишся».

Образцы народной рѣчи.

По улицѣ мостовой
Шла дивица за водой,
Шла дивица—красави́ца
Очень умная собой (?)
Очень умна, благоронна,
Ниско кланялася,
Ниско кланялася, всѣмъ поправилася
Чижыкъ—чижыкъ—чижычо́къ,
Ма́ленькой воро́бушокъ,
А дѣвицы мани насъ,
Мы за умъ возмёмся
И на улицѣ своей
Празничка дожжёмся
Стой, дѣвица, поть сюда,
Милая пожалуйте,
Я васъ очень люблю
Васъ за ручку вёду.

Слатка яготко—земляника
Потъ закрытію росла,
Молодая-та княя́на
Съ княземъ фъ терёмѣ жыла.
Какъ у князя былъ Ванюшка,
Ванька клюшникъ молодой,
Ванька-клюшникъ—злой разлу́шникъ,
Розлучилъ князя съ женой.

Князь дознался, догадался,
Посáлъ жону потъ ключъ.
«Ужъ вы слуги, мое слуги
Слуги вѣрные мое» и т. д.

(Сообщеніе А. І. Черемхина).

СПИСОКЪ ИЗДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

(вышедшихъ до 1 февраля 1903 года).

I. **Извѣстія** по Отд. рус. яз. и словесности (*перваго ряда*, въ 4 д. л. 1854—1861 г.). Томы 3—10, по 3 р. за томъ.

II. **Извѣстія** Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ (*второго ряда*, въ 8 д. л.): **тома I-го, изд. 1896 г.**: книжки: 1-ая (стр. II+234), кн. 3-ья (стр. 439—646) — *по одному рублю;* кн. 4-ая — (стр. 647—1008, загл. листъ къ I тому и общее оглавленіе) цѣна *1 руб. 50 коп.*, [кн. *2-ой *нѣтъ въ продажѣ*]; — **тоже тома II-го, изд. 1897 г.**: книжкѣ 1-ой (стр. 1—279) цѣна *одинъ рубль*, кн. 2-ой (стр. 281—575) — цѣна *1 руб. 50 коп.*, кн. 3-ей (стр. 577—844) цѣна *одинъ рубль*, кн. 4-ой (стр. 845—1164, загл. листъ ко II т. и общее оглавленіе) цѣна *1 руб. 50 коп.*;— **тоже тома III-го, изд. 1898 г.** книжки: 1-ая — (стр. 1—314 и прилож. 1—48), кн. 2-я (стр. 315—632 и прилож. с. 49—129), кн. 3-я (стр. 633—969 и прилож. стр. 1—67 и 1—42) и кн. 4-я (стр. 969—1396) — *по 1 руб. 50 коп.;* — **тоже тома IV-го, изд. 1899 г.** книжекъ 1-й и 4-й, а также 2-ой и 3-ьей **тома V-го, изд. 1900 г.** и всѣхъ книжекъ томовъ **VI** (1901) и **VII** (1902) — цѣна *по 1 руб. 50 коп.* каждой. [*1 кн. V т. *распродана*].

III. **Ученыя Записки** II-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ (1856—1863 г.), кн. 2, 5, 6 и 7 — по 2 р. за книгу.

IV. **Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности** (съ 1867 г.). 8°*).

Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Томъ I (I—XL и 3 указателя) И. И. Срезневскаго. — **Характеристика Державина какъ поэта**, Я. К. Грота. — **Сношенія И. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи** П. П. Пекарскаго. — **Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій**, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — **Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина**, Я. К. Грота. — **О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ**, его же. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ II. Жизнь и литературная переписка И. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго.—**Литовскія народныя пѣсни**, И. Юшкевича.—**Коренное значеніе родства у Славянъ**, П. А. Лавровскаго. — **Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ**, П. П. Пекарскаго. — **Труды югославянской академіи наукъ и художествъ**, И. И. Срезневскаго. — **Литературные труды И. И. Кенцена**, А. А. Куника. — Къ тому

---

*) Томовъ IV, V вып. 1, VI, IX, XLVII, XLVIII, XLIX, L, LV, LIX—*нѣтъ болѣе въ продажѣ.*

этому приложены портреты: моск. митроп. Филарета и П. И. Рычкова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ III. **Древніе Славянскіе памятники іосоваго письма,** съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ V, вып. I*. **Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія.** И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савваитова, съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — **Переписка Евгенія съ Державинымъ,** Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — **О словаряхъ Евгенія,** А. Ѳ. Бычкова, съ перепиской между Преосв. и Ермолаевымъ и съ друг. приложеніями. — *Нѣтъ въ продажѣ.*

Тоже, вып. II. **Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ,** съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VII. **О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки»,** записка И. И. Срезневскаго.—**Записка о томъ же,** А. Ѳ. Бычкова. — **Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія,** П. П. Пекарскаго. — **Толковый словарь В. И. Даля,** записка Я. К. Грота. — **О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** записка Л. И. Шренка. — **О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля,** замѣтка Ф. И. Рупрехта.—**Дополненія и замѣтки къ словарю Даля,** Я. К. Грота. — **Дополненіе къ областному словарю,** Н. Я. Даниловскаго. — **Объясненіе темныхъ и испорченныхъ мѣстъ русской лѣтописи,** Я. К. Эрбена. — **Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки»,** статья К. И. Невоструева. — **О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в.,** архим. Амфилохія. — **Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи** В. Макушева.—**Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова,** сост. А. В. Никитенко.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ VIII. **Ломоносовъ какъ писатель.** Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будиловичъ. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Ломоносовѣ,** С. И. Пономарева. — **Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,** И. Срезневскаго. — **Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — II. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона,** В. Макушева.—Цѣна 1 р. 50 к.

*Томъ IX. **Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ.** Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — (*Не имѣется*).

Томъ X. **Воспоминаніе о Сперанскомъ,** А. В. Никитенко. — **Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи,** Я. К. Грота.—**Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ,** Д. А. Ровинскаго. — **Когда основаны Уфа и Самара,** П. П. Пекарскаго. — **Повѣсть о судѣ Шемяки,** М. И. Сухомлинова. — **Библіографическія находки во Львовѣ,** Я. Ѳ. Головацкаго. — **Дополненія къ словарю Даля,** П. В. Шейна. — **Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ,** Я. К. Грота.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XI. **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — **Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію,** Я. К. Грота. — **Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774),** М. Н. Лонгинова.—**Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго,** сост. Я. Ф. Головацкимъ.—**Дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля.** Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго.— Цѣна 2 р.

Томъ XII. **Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ XLI—LXV.** И. И. Срезневскаго. — **Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ.** И. Н. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIII. **Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная.** Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Перев. съ нѣм. съ примѣч. и прилож. В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XIV. **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова.—Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXVI—LXXX и Указатели ко II т. И. И. Срезневскаго. — Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, И. И. Срезневскаго. — Отрывки греческаго текста. каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, А. С. Павлова. — Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.

Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Вып. III. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.

Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки, И. Я. Порфирьева.—Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Матеріалы для библіографіи), С. И. Пономарева. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія, М. А. Колосова.—Ц. 2 р.

Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — Воспоминанія о четырехсотлѣтіемъ юбилеѣ Упсальскаго университета, Я. К. Грота.—Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ, С. И. Пономарева. — Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I, Я. К. Грота. — Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I, М. И. Сухомлинова.—На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. И. Срезневскаго. — Отчетъ комиссіи о присужденіи преміи графа П. А. Кушелева-Безбородки за біографію канцлера князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго, С. И. Пономарева. — Цѣна 2 р.

Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова.—Чешскія Глоссы въ Mater verborum. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 р.

Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. К. Грота. — Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, по рукописямъ XV вѣка, академика А. Н. Веселовскаго. — О славянскихъ редакціяхъ одного анолога Варлаама и Іоасафа, А. Н. Веселовскаго. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. LXXXI—XC, И. И. Срезневскаго. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Я. К. Грота. — Князь Вяземскій. М. И. Сухомлинова. — Памяти кн. Вяземскаго. С. И. Пономарева. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха: I, академика А. И. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенка. Цѣна 2 руб.

Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. И. Веселовскаго составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — Русско-нищенскій словарь Минской губерніи мѣстечка Семежова. — Старообрядческій синодикъ, А. Н. Пыпина. — Разысканія въ области русск. духовнаго стиха: II, акад. А. Н. Веселовскаго. — Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ. И. А. Чистовича. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Ст. II, Я. К. Грота. — Фріульскіе Славяне. И. И. Срезневскаго. — Дополненіе къ Бѣлорускому словарю. И. Н. Носовича. — Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г., составленный М. И. Сухомлиновымъ.—Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова. И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.

Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Выпускъ V.— Южно-русскія былины: I—II, ак. А. Н. Веселовскаго. — Croissans-crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, ак. А. Н. Веселовскаго. — О Ксанфиѣ, греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи. Г. С. Дестуниса. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. XCI. И. И. Срезневскаго. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г., съ некрологомъ И. И. Срез-

невскаго, составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.

Томы XXIII—XXVII. Русскія народныя картинки. Д. А. Ровинскаго. Книга I. **Сказки и забавные листы.** — Кн. II. **Листы историческіе, календари и буквари.** — Кн. III. **Притчи и листы духовные.** — Кн. IV. **Примѣчанія и дополненія.** — Кн. V. **Заключеніе и алфавитный указатель именъ и предметовъ.** — Цѣна за всѣ 5 томовъ вмѣстѣ 10 руб., порознь эти тома не продаются.

Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана. Сочиненіе Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ. 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціею И. И. Срезневскаго. — **Разысканія въ области р. духовнаго стиха. III—V.** А. Н. Веселовскаго. — **Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка,** открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.

Томъ XXIX. Эрикъ Лакманъ. Я. К. Грота. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ.** А. Н. Веселовскаго. — **Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.** Я. К. Грота. — **Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы.** П. М. Строева. Изданъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XXX. Памятники болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ I-й. Собралъ Владимиръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ. Г. Воскресенскаго. — **Письма Погодина къ Максимовичу.** С. П. Пономарева. — **Исторія Россійской Академіи.** Вып. VI. М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина,** составленн. Я. К. Гротомъ. — **Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ,** составленный А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXII. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ.—**Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года.** Записка В. А. Жуковскаго. — **Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота.** Составленъ С. И. Пономаревымъ. — **Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. VI—XI.** А. Н. Веселовскаго. — **Письма В. С. Сопикова къ К. Ѳ. Калайдовичу.** Сообщилъ П. Шляпкинъ. — **А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву». I—VIII.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣтки по литературѣ и народной словесности.** А. Н. Веселовскаго. — **Матеріалы для библіографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883).** Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIII. Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей.** И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — **Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884).** Сообщилъ П. Тихановъ.—**Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ.** Статья третья. Я. К. Грота.—**Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. П. Шевыревымъ.** Цѣна 2 р. 50 к.

Томъ XXXIV. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Г. Дестуниса.— **Описаніе славяно-русскихъ книгъ, печатанныхъ кириловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 г.**— Ц. 1 р. 50 к.

Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.

Томъ XXXVI. «Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императ. Акад. Наукъ акад. Я. К. Гротомъ.— **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г.** Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — **Южно-русскія былины (III—XI).** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г.,** съ приложеніемъ рецензіи профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.

Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — **Странствующій Жидъ.** Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — **«Книги законныя», содержащія въ себѣ, въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные.** А. Павлова. — **Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г.** Гр. Д. А. Толстого. — **Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ.** Графа Д. А. Толстого. — **Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукоп. документамъ архива Акад. Наукъ.** Гр. Д. А. Толстого. — **Къ изданію Иліады въ переводѣ Гнѣдича.** С. И. Пономарева. — **Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г.,** сост. акад. А. Н. Веселовскимъ. Цѣна 2 руб.

Томъ XXXIX. Источники для исторіи славянской филологіи, томъ I: Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ орд. акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и 2 снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.

Томъ XL. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о кн. «Русское Правописаніе». Записка Я. К. Грота. — **Изъ исторіи романа и повѣсти.** Матеріалы и изслѣдованія, А. Н. Веселовскаго. — **Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста.** Е. В. Пѣтухова. — **Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія.** Г. А. Воскресенскаго. — **Изъ ученой дѣятельности Спирид. Юрьев. Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха.** Г. С. Дестуниса. Цѣна 2 руб.

Томъ XLI. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году, составленный Я. К. Гротомъ. — **Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II.** Графа Д. А. Толстого. — **Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края,** собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть I. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году,** составленный А. Ѳ. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.

Томъ XLII. Къ Библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Э. Калужняцкаго. — **Народная поэзія.** Ѳ. И. Буслаева. — **Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ.** Е. Пѣтухова. — **Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники.** Нѣсколько статей Я. К. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Ц. 3 р.

Томъ XLIII. Отъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова, рѣчь академика Я. К. Грота. — **Характеристика Батюшкова какъ поэта,** рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — **Изъ исторіи русской переводной новѣсти XVIII вѣка.** Академика А. Н. Веселовскаго. — **Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ,** составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — **Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи.** — Цѣна 2 руб.

Томъ XLIV. Хронологическая канва для біографіи Пушкина. Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева. — **Пушкинъ въ родной поэзіи.** С. И. Пономарева. — **Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ.** А. Н. Весловскаго. — **Приложенія. — Симбирская молвь.** А. Мотовилова. — Цѣна 2 руб.

Томъ XLV. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. Составилъ П. Ровинскій. Томъ I: Географія. Исторія. — Цѣна 3 руб.

Томъ XLVI. Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій.— Отчетъ о дѣятельности Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ, составленный М. И. Сухомлиновымъ.— **Третье присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого. — Матеріалы для исторіи русской литературы. Нико-**

лай Филипповичъ Павловъ (1805—1864). С. И. Пономарева. — Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. И. В. Ягича. — Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.

*Томовъ XLVII, XLVIII, XLIX и L: — Сочиненія А. А. Котляревскаго. Томъ I. Томъ II. Томъ III. — Томъ IV: Очеркъ біографіи профессора А. А. Котляревскаго, составленный чл.-корр. И. Ак. Наукъ А. Н. Пыпинымъ (Съ портретомъ А. А. Котляревскаго). «Библіологическій опытъ» и другія статьи; списокъ трудовъ А. А. К—го. — *Не имѣется болѣе въ продажѣ.*

Томъ LI. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, за 1889 годъ, составленный Л. Н. Майковымъ.—Слово о нѣкоемъ старцѣ. Вновь найденный памятникъ Русской паломнической литературы XVII вѣка, сообщеніе Хрисанѳа Лопарева.— Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, часть II. — Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. I. О святыняхъ и друг. достопамятностяхъ Цареграда. Л. Н. Майкова. — Цѣна 2 руб.

Томъ LII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1890 г. — Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій ординарнаго академика А. О. Бычкова 1838—1890. — Указатель къ періодическимъ изданіямъ Россійской Академіи и Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. — Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, по рукописямъ Соловецкой библіотеки. И. Я. Порфирьева. — Къ вопросу о древне-русскихъ скоморохахъ. А. И. Кирпичникова. — Шестое присужденіе пушкинскихъ премій. — Наши писательницы. С. И. Пономарева. Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Л. Н. Майкова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LIII. Пятидесятилѣтіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1841—1891. Очеркъ дѣятельности Отдѣленія за пятидесятилѣтіе отъ 1841 по 1891 г. Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Я. К. Грота. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1891 г., составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ. Историко-литературное изслѣдованіе арх. Леонида. — Седьмое присужденіе Пушкинскихъ премій. — Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ. Л. Н. Майкова. II—III. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XVIII—XXIV. Акад. А. Н. Веселовскаго. Выпускъ шестой. — Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ. Акад. А. Н. Веселовскаго. — Библіографическіе матеріалы для біографіи Александра Аѳанасьевича Потебни 1835—1891, собралъ Э. А. Вольтеръ. Цѣна 2 руб.

Томъ LIV. Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1892 г., составленн. акад. Л. Н. Майковымъ. — Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1892 г. (8-е присужденіе Пушк. прем.). — Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа, первоучителя славянъ св. Кирилла, акад. И. В. Ягича. — Древняя Русская Пчела по пергам. списку. В. Семенова. — Переписка Карамзина съ Лафатеромъ, сообщена др. Ф. Вальдманомъ, приготовлена къ печати Я. Гротомъ. — Цѣна 3 р.

*Томъ LV. Сочиненія Петра Хельчицкаго. Трудъ Ю. С. Анненкова. Окончилъ по порученію Отдѣленія русскаго языка и словесности ордин. акад. И. В. Ягичъ.— *Нѣтъ въ продажѣ.*

Томъ LVI. Боккачьо, его среда и сверстники. Томъ I. Акад. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LVII. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ II. Цѣна 3 руб.

Томъ LVIII. Письма Н. М. Карамзина къ брату его Василію Михайловичу Карамзину I—IV (1795—1796 гг.). — Публичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1893 г.: I. Девятое присужденіе Пушкинскихъ

премій. II. Помника о Г. Р. Державинѣ. Чтеніе акад. К. Н. Бестужева-Рюмина. — **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1893 годъ**, составленный акад. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ. — **Боккачьо, его среда и сверстники**, акад. А. Н. Веселовскаго. Т. II. — **Апокрифическія сказанія**, акад. Н. С. Тихонравова. Ц. 2 р. 50 к.

*Томъ LIX. **«Онежскія былины**, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года». Изд. 2-е. Томъ I (1894 г.): (съ портр. А. Ѳ. Г-га). *Нѣтъ болѣе въ продажѣ.*

Томъ LX. **Онежскія былины.** Томъ II (съ 2 портр.: Рябинина и Щеголенка и нотами). 1896 г. Цѣна 2 рубля.

Томъ LXI. **Онежскія былины.** Томъ III. Выпускъ 1-ый. 1900 г. Цѣна 2 руб. [*Выпускъ 2-ой: Словарь и Указатели — печатается*].

Томъ LXII. **Источники для исторіи славянской филологіи. Томъ II.** Новыя письма Добровскаго, Копитара, и другихъ южныхъ и западныхъ славистовъ (Шафарика, Ранча, Терланча, Ганки, Кеппена и друг.). 1897. Цѣна 2 руб. 50 к.

Томъ LXIII. Краткій отчетъ о занятіяхъ заграницей доц. И. Спб. унив. П. А. Сырку въ лѣтніе мѣсяцы 1893 и 1894 гг. — Отчетъ о X-омъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1894 г. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія И. Акад. Наукъ за 1894 г. — П. А. Ровинскій: **Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ.** Томъ II, часть 1-ая: *Этнографія.* Цѣна 3 руб.

Томъ LXIV. **Записка о путешествіи по славянскимъ землямъ** П. А. Лаврова. — **Отчетъ** проф. И. П. Филевича. — **Нѣсколько словъ о Нестеровомъ Житіи св. Ееодосія.** А. А. Шахматова. — **Шведская баллада объ увозѣ Соломоновой жены.** А. Н. Веселовскаго. — **Рукописные проложные отрывки въ собраніи Шафарика.** П. А. Сырку. — **Сентябрьская минея-четья до-макарьевскаго состава.** М. Н. Сперанскаго. — **Автографы Пушкина, принадлежащіе графу И. И. Канинету.** Л. Н. Майкова. — **Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Гралѣ. Нѣсколько матеріаловъ и обобщеній.** А. Н. Веселовскаго. — **Къ біографіи Ломоносова.** М. И. Сухомлинова. — **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1895 годъ**, составл. акад. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Отчетъ объ одиннадцатомъ присужденіи премій имени А. С. Пушкина въ 1895 году.** — **Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1895 году.** — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1895 г.** — **Разысканія въ области Гото-славянскихъ отношеній: I. Готы и ихъ сосѣди до V вѣка. Первый періодъ: Готы на Вислѣ.** Съ двумя картами. Ѳ. Брауна. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXV. **Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1896 г.**, составленный акад. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги.** (Съ 1 фототипическимъ снимкомъ). И. И. Срезневскаго. — **Замѣтка о Сборникѣ Кирши Данилова.** П. Н. Шеффера. — **Замѣтки о языкѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" по Лаврентьевскому списку Лѣтописи.** Н. П. Некрасова. — **А. С. Кайсаровъ и его литературные друзья.** М. И. Сухомлинова. — **Замѣчанія о составѣ Толковой Палеи. I—II.** В. М. Истрина. — **В. А. Жуковскій въ Дерптѣ (Юрьевѣ).** Е. В. Пѣтухова. — **Западнорусскій сборникъ XV вѣка, принадлежащій Импер. Публичной Библіотекѣ, Q. I. № 391.** Е. Ѳ. Карскаго. — **Замѣтки о Литовскомъ языкѣ и словарѣ. I—VIII.** Еп. Антонія Барановскаго. Цѣна 3 руб.

Томъ LXVI. **Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1897 г.**, составленн. ак. А. Ѳ. Бычковымъ. — **Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1897 г.** — **XII-ое присужденіе премій имени А. С. Пушкина въ 1897 г.** — В. А. Францевъ: **А. С. Пушкинъ въ Чешской литературѣ** (съ дополненіемъ). — Ѳ. Вержбовскій: **Къ біографіи Адама Мицкевича въ 1821—1829 гг.** — **Отчетъ о присужденіи премій проф. А. А. Котляревскаго въ 1898 г.** — И. Симони: **Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. I—II.** — А. А. Шахматовъ: **Къ вопросу о происхожденіи Хронографа.** 1900. Цѣна 3 руб.

Томъ LXVII. **Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русск. языка и слов. за 1898 г.—Записка объ ученыхъ трудахъ Ф. Ѳ. Фортунатова.—Записка** акад. А. Н. Пыпина **о бумагахъ, относящихся къ дѣлу о Новиковѣ**

и принадлежащихъ г. Тургеневу въ Парижѣ. — Записка Э. А. Вольтера объ изданіи постиллъ Даукши. — Записка П. А. Сырку о Карансебешскомъ Октоихѣ XIII вѣка. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1898 годъ, состав. акад. А. Ѳ Бычковымъ. Некрологъ чл. кор. А. С. Павлова. Рѣчь, чит. гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ о Полоцкомъ. — Планъ новаго академическаго словаря съ точки зрѣнія иноязычнаго. Записка И. Х. Пахмана. — Нѣсколько словъ по поводу записки И. Х. Пахмана, акад. А. А. Шахматова. — Письмо Ф. Ѳ. Фортунатова. О залогахъ. — Н. Шмидтъ: Троякая долгота въ латышскомъ языкѣ. — П. А. Лавровъ: Апокрифическіе тексты. — Воспоминанія К. Н. Бестужева-Рюмина (до 1860 года), съ предисл. и примѣч. акад. Л. Н. Майкова. — И. Л. Лось: Люблинскіе отрывки. — Присужденіе Ломоносовскихъ премій въ 1899 году. Отчетъ о присужденіи Ломоносовскихъ премій, сост. акад. А. А. Шахматовымъ. — Приложенія: I. Рецензія чл. корр. М. С. Дринова на соч. П. А. Сырку: «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV вѣкѣ». Тома I выпуски 1—2. Спб. 1899—1900. II. Разборъ проф. Е. Ѳ. Карскаго труда Н. М. Тупикова: «Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ (Рукопись)». — А. А. Шахматовъ: Къ исторіи ударенія въ славянскихъ языкахъ. — Ѳ. Е. Коршъ: О русскомъ народномъ стихосложеніи. Выпускъ первый — Былины. — В. Н. Щепкинъ: Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, съ приложеніемъ двухъ фототипическихъ снимковъ съ рукописи 1201. — Цѣна 3 руб.

Томъ LXVIII. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1899 годъ, акад. А. А. Шахматова. — Библіографическій списокъ сочиненій, переводовъ и изданій орд. акад. Имп. Ак. Наукъ А. Ѳ. Бычкова (1838—1899). — В. И. Чернышевъ: Программа для собиранія особенностей великорусскихъ говоровъ. — В. Ѳ. Соловьевъ: Особенности говора донскихъ казаковъ. — В. И. Чернышевъ: Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московскаго уѣзда. — В. Г. Богоразъ: Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчія. — А. И. Сахаровъ: Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховского уѣзда, Орловской губерніи. — В. И. Чернышевъ: Дополненія къ свѣдѣніямъ о говорѣ г. Мещовска, 1901. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXIX. Извлеченія изъ проток. Отдѣл. рус. яз. и слов. за 1899 г. Приложенія: Записка объ ученыхъ трудахъ И. И. Жданова, составл. акад. М. И. Сухомлиновымъ. — Записка акад. А. Н. Пыпина о планѣ изданія Сочиненій Имперр. Екатерины II. — Записка объ ученыхъ трудахъ В. И. Ламанскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — Записка объ ученыхъ трудахъ Ѳ. Е. Корша, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — Записка объ ученыхъ трудахъ экстраорд. акад. А. А. Шахматова, сост. М. И. Сухомлиновымъ. — Записка объ ученыхъ трудахъ акад. Н. П. Кондакова, составл. акад. Л. Н. Майковымъ. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ за 1900 годъ, составл. акад. А. Н. Пыпинымъ. — Отчетъ о присужденіи премій графа Д. А. Толстого въ 1900 году, чит. акад. А. Н. Весловскимъ. — П. Ровинскій: Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. — Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. *Томъ II, Часть 2.* — Г. З. Кунцевичъ: Исторія о Казанскомъ царствѣ (ея списки). — С. М. Кульбакинъ: Отчетъ Отдѣленію рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ о занятіяхъ въ книгохранилищахъ Москвы и Петербурга съ 25-го сентября по 23-ье декабря 1898 г. 1901. Цѣна 2 рубля 50 коп.

Томъ LXX. Извлеченія изъ протоколовъ Отдѣленія рус. яз. и слов. за 1900 г. Приложеніе: Записка объ ученыхъ трудахъ орд. проф. И. Спб. Унив. чл.-корр. А. И. Соболевскаго, составл. акад. А. А. Шахматовымъ. — В. М. Истринъ. Греческіе списки апокрифическаго мученія Даніила и трехъ отроковъ. — И. В. Ягичъ. А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ. Сборникъ библіографическихъ и литературно-критическихъ статей. — В. А. Францевъ. Остатки языка славянъ полабскихъ, собранные и объясненные Ф. Л. Челаковскимъ. — К. К. Арсеньевъ. Россій-

ская Академія и Разрядъ изящной словесности. — И. Т. Смирновъ. Кашинскій словарь. — В. П. Срезневскій. Замѣтки А. Х. Востокова о его жизни. (Съ двумя портретами). — В. Чернышевъ. Матеріалы для изученія говоровъ и быта Мещовскаго уѣзда; въ приложеніи: Письмо академика О. Е. Корша. Объ удареніяхъ въ русскихъ пѣсняхъ и стихахъ. 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

Томъ LXXI. Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ за 1901 годъ, составл. акад. А. И. Соболевскимъ. —Н. В. Ястребовъ. O původu jednoty bratrské a řádu v ní Я. Благослава. (Введеніе и текстъ — съ указат.). — П. А. Сырку. Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній Болгаръ и Сербовъ въ XIV—XVII вѣкахъ. Житіе св. Николая Новаго Софійскаго по единствен. рукописи XVI в. — Е. Р. Романовъ. Катрушницкій лемезень. Условный языкъ Дрибинскихъ шановаловъ. — Н. П. Кондаковъ. М. П. Погодинъ, какъ археологъ. — В. Чернышевъ. Свѣдѣнія о говорахъ Юрьевскаго, Суздальскаго и Владимирскаго уѣздовъ. — А. А. Потѣхинъ. Воспоминанія о М. П. Погодинѣ. — М. А. Карауловъ. Матеріалы для этнографіи Терской области. Говоръ гребенскихъ казаковъ. 1902. — Цѣна 2 руб. 50 коп.

V. Отдѣльныя изданія Отдѣленія:

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. *I-го тома: выпусковъ 1-го, 2-го* и *3-го болѣе нѣтъ въ продажѣ. — II-го тома:* вып. 1 (съ начала изданія 4-й) *Е — Жемызный.* 1897. Цѣна 1 рубль; — *вып. 2-ой* (съ начала изданія 5-й) *Жемызный — За.* 1898 г. Цѣна 75 коп.; — *вып. 3-й* (съ нач. изд. 6) *За—Заграчить.* 1899 г. Цѣна 60 коп.; — *вып. 4-й* (съ начала изд. 7) *Загра́ять—Закрыплять.* 1900. Цѣна 75 коп. — *вып. 5* (съ начала изданія 8) *Закрыплять—Заносить.* 1901. Цѣна 75 коп., — *вып 6* (съ начала изданія 9) *Заносить—Засада.* 1902. Цѣна 75 к.

Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Трудъ И. И. Срезневскаго. *Томъ I* (А—К) 1893. Ц. 3 руб.; Вып. 1-го отдѣльно болѣе не имѣется; *Томъ I, вып. 2-й* (Г — начало И.) 1892. Ц. 1 руб. *Вып. 3-й* (И—К). Ц. 1 руб. Т. II, в. 2 (Оба — Пак). Ц. 1 руб. — Т. II, вып. 3 (Пак—Правитель). Ц. 1 руб. Т. II., вып. 4 (пра—пмч). 1902. Цѣна 1 рубль. — [Дальнѣйшіе выпуски *печатаются*].

Дополненіе къ Опыту областнаго великорусскаго языка. (Издано подъ редакціей ак. А. Х. Востокова.) 1858. 328 стран. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц. 2 руб.

Словарь областного Олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Г. И. Куликовскій. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. 1870. Цѣна 3 р.

Литовскій Словарь А. Юшкевича съ толкованіемъ словъ на русск. и польскомъ языкахъ. *Вып. I.* A—Dż. 1897 г. Цѣна 2 р. 50 к. — *Вып. II печатается.*

XIII Словъ Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ *по рукописи Императ. Публичной Библіотеки XI вѣка.* Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. 1875. 1 руб. 50 к.

Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе *съ примѣчаніями и приложеніями.* Трудъ ак. И. В. Ягича. 1883 г. Цѣна 5 руб.

Памятники старославянскаго языка. *Томъ I,* вып. 1-й: С. М. Кульбакинъ: Хиландарскіе листки XI вѣка (съ 4 фототипич. снимками). 1900. Ц. 50 коп. Слѣдующіе вып. печатаются.

Памятники древнерусскаго языка. Томъ I: *Служебныя минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь* въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ ак. И. В. Ягича, съ 6-ю фототип. таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.

Изслѣдованія по русскому языку. Томъ I. 1895: М. Козловскій. Изслѣдованіе о языкѣ Остром. Ев.—А. Шахматовъ. Изслѣдов. о яз. Новгородск. грамотъ XIII—XIV в.—Ак. И. В. Ягичъ. Разсужденія южнослав. и русской старины о церковно-слав. языкѣ. (Стран. X+1070). Ц. 5 руб.

— **Томъ II,** *вып. 1-й:* О. Брохъ «Угрорусское парѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата). 1900. Цѣна 75 коп.—*вып. 2-й:* Б. М. Ляпуновъ «Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка I-ой Новгородской Лѣтописи. Вып. 1: Очеркъ изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ». 1900 г. Цѣна 1 руб. — *Слѣдующіе выпуски тома II-го печатаются.*

Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее современное обозрѣніе. И. И. Срезневскаго. *Второе изданіе.* 1882. 2 рубля.

Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ. Составлена акад. А. Х. Востоковымъ. 1863. (134 стр.). Цѣна 50 коп.

Филологическія наблюденія А. Х. Востокова, изд. акад. И. Срезневскимъ. 1865. Цѣна 3 руб.

Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка (И. Давыдова), 3 изд. 1854. LXI+512 стр. Цѣна 50 коп.

Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. 1870. Цѣна 3 р. — Т. II. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 3 р. —Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р.—Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р.—Т. IV. (1739—41 гг.) 1887. Съ 2 порт. Ц. 3 р.—Т. V. 1889. (1742—43 гг.) съ 3 портр. Ц. 3 р.—Т. VI. 1890. (1725—43 гг.). Ц. 3 р.—Т. VII. 1895. (1744—45 гг.). Ц. 2 р. 50 к.—Т. VIII. 1895. (1746 — 47 гг.) Ц. 2 р. 50 к. Т. IX. 1897. (1748 — (янв—май) 1749 гг. Ц. 2 руб. — Т. X. 1749 (іюнь) — (дек.) 1750 г. — 1900. Ц. 2 руб. —

Эрикъ Лаксманъ. Его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка. А. Лагуса (перев. Э. Паландеръ). 1890. 1 руб. 50 коп.

Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I—II*). Вып. III. цѣна 1 р. 75 к. Вып. IV, цѣна 2 руб. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 1 р. 95 коп. Вып. VII, цѣна 2 р. 50 к. — Вып. VIII (*съ Указат.*). Цѣна 3 р. 50 к.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота (I-е изданіе *съ рисунками).* Томы II—IX, 1865—83 гг.:

[Тома I. Спб. 1864 *нѣтъ болье въ продажѣ*].—ТомъII (съ рисунками), 1865: 3 р. — Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб. — Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб. — Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп. — Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп. — Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб. — Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб. — Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію. 1883: 3 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, 2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ: Томъ I (съ портретомъ Державина). 1868: 1 руб. — Томъ II. 1869: 1 руб. — Томъ III. 1870: 1 руб.—Томъ IV. 1874: 1 руб. — Томъ V. 1876: 1 руб. — Томъ VI. 1876: 1 руб. — Томъ VII. 1878: 1 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Т. I. 1880. Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Сочиненія М. В. Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями акад. М. И. Сухомлинова. Т. I. (съ портретомъ). 1891. Ц. 3 руб. 50 коп. Т. II (съ портрет.). 1893. Ц. 3 р. 50 к. Т. III. 1895. Ц. 3 р. 50 к. Т. IV: филологич. сочиненія, похв. слова и рѣчи. 1898. Ц. 3 р. 50 к. Т. V. 1902. Ц. 3 р. 50 к.

Сочиненія Императрицы Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина. **Томы I—IV:** и **VII—X:** 1901 г. Цѣна I-го тома 2 руб., II-го т. 2 руб. 50 коп., III-го т.

---

*) Отдѣльно уже не имѣются; но заключаются въ тт. XI и XIV Сборника Отдѣленія.

2 р., IV-го т. 1 руб. 50 коп., VII-го т. 2 р., VIII-го т. 2 р., IX-го т. 2 р., X-го т. 1 р. 50 к. (Т. V, VI, XI, XII и слѣд. — *печатаются*).

Сочиненія А. С. Пушкина, подъ ред. и съ примѣчаніями акад. Л. Н. Майкова. *Томъ I:* Лирич. стихотворенія (1812—17 гг.). *Изданіе 2-е.* 1900 г. Цѣна 3 руб. [Томъ II — *печатается*].

Матеріалы для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Собралъ Л. Н. Майковъ. 1902. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ II. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. 1883. 2 р. 50 к. — Томъ IV. 1884. 2 р. 50 к. — Т. V. 1885. 2 р. 50 к. — Томъ VI. 1886. 3 р. — Томъ VII. 1888. 2 р. 50 к. — Томъ VIII. 1890. 2 р. 50 к.

Подробный словарь Русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. Составилъ Д. А. Ровинскій. 1895. Изданіе Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Н. (*въ одномъ только томѣ*). Съ рисунками лишь въ «Историч. обзорѣ гравированія». Ц. 4 руб.

Кондаковъ, Н. П. Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ (съ 49 фототипіями и 103 рис. въ текстѣ), 1902. Цѣна 7 руб.

Рѣчи, посвященныя памяти Н. В. Гоголя 21 Февраля 1902 года. 1902. Цѣна 50 коп.

Перетцъ, В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. 1903. Цѣна 3 руб. 50 коп.

VI. Сверхъ того имѣется еще ограниченное количество отдѣльныхъ оттисковъ слѣдующихъ статей, помѣщенныхъ въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ:

Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). 1867. Цѣна 1 руб.

Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.

П. И. Гнѣдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.

Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. 1885 г. Ц. 50 коп.

Пятидесятилѣтіе Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ 1841—1891. Рѣчь Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи и Вице-президента Академіи Я. К. Грота. 1891. Ц. 30 коп.

Программы для собиранія особенностей народныхъ говоровъ (всѣ экземпляры съ пропускомъ страницъ для отмѣтокъ):

I—II: Программы для собиранія особенностей *великорусскихъ* говоровъ 1900 г. (II + 145 стран.). Цѣна 30 коп. — III. Программа для собиранія особенностей говоровъ *бѣлорусскаго нарѣчія*, составлен. по поруч. Отдѣленія русск. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ проф. И. Варш. унив. Е. Ѳ. Карскимъ. 1897 г. (59 стран.). Цѣна 25 коп.

Означенныя изданія Отдѣленія русск. яз. и словесн. продаются въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ, а также у слѣдующихъ ея комиссіонеровъ: **И. П. Глазунова, К. Л. Риккера** и **М. Эггерса и Комп.** въ Санктпетер-

бургѣ, **И. И. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **И. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **И. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фосса (Г. Гесселя)** въ Лейпцигѣ.

Лица, покупающія книги въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ [въ зданіи Академіи, по Таможенному переулку] на наличныя деньги, пользуются [независимо отъ количества покупаемыхъ книгъ и ихъ цѣны] уступкою 25% съ цѣнъ, назначенныхъ въ семъ спискѣ; иногородные же адресуютъ свои требованія туда же и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги почтою безъ платежа вѣсовыхъ.